ИСТОРИЯ США

ТОМ ПЕРВЫЙ

1607–1877

Издательство «НАУКА» Москва 1983

ИСТОРИЯ США 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ США

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Т 1 1607-1877

Издательство «НАУКА» Москва 1983

ПРЕДИСЛОВИЕ

История любой страны, в том числе США, дает возможность узнать многое о пройденном пути народов, их борьбе за социальный прогресс, расширяет познание всемирной истории и закономерностей ее развития.

Советские исследователи опубликовали немало ценных обобщающих трудов по истории отдельных государств, в которых дано объективное освещение минувшего, что способствует более глубокому осмыслению современности.

Говоря о научном подходе к изучению общества, В. И. Ленин советовал не забывать основной исторической связи, указывал, что для правильного понимания любого общественного явления необходимо рассматривать его с точки зрения того, как и при каких условиях оно возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и чем оно стало теперь[1]. Эта основополагающая мысль определила структуру данного издания, его периодизацию и общий замысел.

Поистине настоящее и будущее неразрывно связаны с прошлым. Особенно отчетливо это проявляется в наш неспокойный, ядерный век, когда развитие событий повелительно требует объединения народов и стран и решительных их действий во имя сохранения и укрепления всеобщего мира. Для этого необходимы взаимопонимание и доверие между народами, расширение научных связей и культурных контактов, осознание каждой нацией ответственности перед историей и будущими поколениями.

Отсюда понятно возросшее внимание к США — индустриальной стране с высоким уровнем развития науки и техники. Ее народ внес свой вклад в сокровищницу мировой культуры. В то же время США являются лидером капиталистического мира и играют активную роль в современных международных отношениях. Их экспансионистская внешняя политика и стремление к военному превосходству вызывают тревогу у народов всех континентов.

Естественно, возникает вопрос, как произошло, что Соединенные Штаты Америки, два века назад завоевавшие независимость и создавшие суверенное государство в огне революционной войны против британского колониализма, ныне ведут борьбу против социального прогресса, сил социализма и демократии, участвуют в подавлении национально-освободительных движений в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Знание истории страны, несомненно, помогает получить ответ на этот вопрос.

В 1960 г. были опубликованы «Очерки новой и новейшей истории США», ставшие определенной вехой в развитии советской американистики. С тех пор многое изменилось: в СССР возникли новые научные центры, выросли высококвалифицированные кадры, появились ценные монографии, сборники, научные статьи. В самих США опубликованы многочисленные документы, издана обширная историческая литература, разнообразная по тематике и представляющая конгломерат течений и взглядов. В американской буржуазной историографии немало сделано, чтобы затушевать неразрешимые противоречия капитализма, сгладить остроту со-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

циальных противоречий, столкновение классовых интересов в стране.

В предлагаемом читателю четырехтомном исследовании «История США» представлена широкая панорама сложных и противоречивых процессов, свойственных развитию американского государства, его экономике, политике, идеологии. В хронологическом плане охватывается огромный период — от описания жизни коренных жителей Америки, основания первых английских поселений в Северной Америке и до наших дней. Издание носит обобщающий характер.

Основная цель издания — с марксистско-ленинских позиций дать научное объяснение истории американского народа, развития его материальной и духовной культуры, показать реальные условия, в которых он вел и ведет борьбу в защиту демократических свобод, против всех видов угнетения, за социальный прогресс.

При анализе кардинальных проблем истории США авторский коллектив опирался на богатое и многогранное наследие К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В их произведениях исследователь находит ответы на важнейшие теоретические вопросы истории США, их высказывания и оценки событий как современников и выдающихся мыслителей очень важны. В них раскрыта сущность социально-экономических отношений эпохи становления и развития американского капитализма, его диалектической взаимосвязи с существованием в США других социально-экономических укладов, подвергнута критике система плантационного рабства, препятствовавшая развитию экономики страны, рассмотрена проблема формирования рынка наемного труда. Особенно много места в работах К. Маркса уделено политическим, экономическим, военным и идеологическим аспектам гражданской войны 1861—1865 гг.

К. Маркс и Ф. Энгельс проанализировали причины быстрого роста промышленности, отметив появление во второй половине XIX в. новых тенденций (концентрация производства и централизация капитала), вскрыли классовую сущность американской буржуазной демократии (ее узость, ограниченность, власть меньшинства над большинством). В их обширной переписке с руководителями американских рабочих и профсоюзных организаций содержатся многочисленные высказывания об особенностях формирования и развития пролетариата США, о специфических чертах рабочего движения и влияния на него объективных и субъективных факторов.

Большой интерес к истории США, эволюции американского капитализма проявлял В. И. Ленин. В классическом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» он показал, в частности, в каких условиях произошел в США переход от домонополистического капитализма в монополистическую стадию, как возрастало влияние монополий на внутреннюю и внешнюю политику страны. Неоценимое значение имеют работы В. И. Ленина по аграрно-крестьянскому вопросу, в особенности известный труд «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки», в котором Ленин проанализировал развитие буржуазных отношений в сельском хозяйстве США, установив связь решения аграрного вопроса с ликвидацией рабства.

Значительное место в произведениях В. И. Ленина отведено проблемам рабочего и социалистического движений в США. Следя за борьбой американского пролетариата, он отмечал, что буржуазия широко исполь-

зовала многонациональный состав промышленного пролетариата для его раскола и ослабления рабочего движения. В. И. Ленин раскрыл социальную сущность буржуазного реформизма в США, подверг критике политику правых лидеров в профсоюзах, их оппортунизм, изобличил и проанализировал формы и методы воздействия господствующего класса на трудящиеся массы.

Огромную ценность для исследователей представляют высказывания основоположников научного коммунизма по вопросам экспансии американского капитализма. В ленинских работах с исчерпывающей глубиной вскрыты подлинные причины и цели экспансионистской политики США, особенно в эпоху империализма.

Советские американисты проанализировали на каждом этапе развития страны проблемы соотношения общего и особенного в истории США. На основе документального и фактического материала, комплексного рассмотрения социально-экономических и общественно-политических процессов показывается несостоятельность концепции так называемой «американской исключительности». Вся история Соединенных Штатов являлась составной и неотъемлемой частью всемирной истории, и их развитие происходило по общим законам. Вместе с тем истории США присущи специфические черты и национальные особенности.

Одна из задач авторского коллектива и редакционных коллегий томов — дать анализ экономических и политических процессов и изменений, происходивших в течение длительного периода на территории американских поселений, а затем Соединенных Штатов Америки, раскрыть конкретные способы классового господства буржуазии, роста недовольства трудящихся социальным строем и обострения противоречий, что вынуждало государство прибегать к реформам, приспосабливаться к изменяющейся обстановке, защищая интересы буржуазии и стремясь удерживать контроль над различными слоями населения. Особое внимание уделяется изучению закономерностей и тенденций развития капитализма в США, перерастания его на определенной стадии в монополистический.

Существенное место в исследовании заняло освещение предпосылок и истории двух американских революций, их движущих сил, характера и последствий, участия в них народных масс. Научная постановка этой проблемы и правильное ее решение имеет первостепенное значение для понимания истории страны, поскольку некоторые представители буржуазной историографии до сих пор отрицают прогрессивную значимость войны за независимость и гражданской войны 1861—1865 гг., преуменьшают роль народных масс в этих двух революциях. Авторы данного исследования преследовали цель показать, что первая Американская революция конца XVIII в. сокрушила попытки британских властей сохранить феодальные пережитки в североамериканских колониях и создала благоприятные условия для окончательного утверждения и развития капиталистического способа производства.

Вторая Американская революция — гражданская война 1861—1865 гг. и Реконструкция Юга — победоносно завершилась ликвидацией экономического базиса олигархии Юга — крупного землевладения, отменой рабства и провозглашением акта о распределении земель Запада на основе буржуазно-демократических принципов. Революция создала возможность для бурного роста капитализма, образования единого национального рынка, свободного приложения капитала. Эти факторы оказали огромное

влияние на последующее развитие страны, привели к невиданному подъему ее экономики.

Обе революции выявили революционные и демократические традиции, которые проявились в последующие годы в истории рабочего, профсоюзного, социалистического и коммунистического движений в США, в борьбе рабочих и фермеров за улучшение экономических условий и политические права. В издании показывается, как происходило становление и развитие рабочего класса, определена его роль в истории американского общества. При обобщении опыта классовой борьбы пролетариата авторы стремились проанализировать особенности его выступлений. В современных условиях, в процессе дальнейшей поляризации сил в стране возрастает значение освободительного движения пролетариата, однако оно испытывает сильное влияние буржуазной идеологии, а правые профсоюзные лидеры проводят соглашательскую политику. На характер рабочего и профсоюзного движения отрицательно воздействуют разобщенность пролетариата, отсутствие единства его рядов.

Выступления рабочего класса и фермерства на разных этапах истории рассмотрены в тесной связи с основными тенденциями общедемократического движения. Предпринята попытка показать расширение социальной базы антимонополистического движения, вовлечение в него различных слоев американского общества.

История политических партий, выявление их роли в жизни государства и общества — предмет специального изучения. Вскрывая механизм действия двухпартийной системы, методы, применяемые республиканской и демократической партиями в избирательных кампаниях, способы идеологической обработки народа, авторы прослеживают эволюцию государственных институтов и использование их правящими кругами в интересах крупного капитала.

Исследованию проблем становления и развития американской нации уделяется значительное внимание. Большую роль в ее формировании сыграла иммиграция. Американская нация является сообществом людей, представляющим широкий спектр этнических групп и рас — выходцев из многих стран. Рассмотрены социальное положение и борьба негритянского народа и других национальных меньшинств, их участие в процессе складывания американской нации. Этнические проблемы исследуются во взаимосвязи с историей классовых отношений и освободительного движения.

Большое место занимает освещение вопросов внешней политики и дипломатии США. Вскрываются истоки и движущие силы американского экспансионизма, усиление этой линии в условиях общего кризиса капитализма, противоборства двух социальных систем; побудительные мотивы нарастающего стремления правящих кругов США к гегемонизму, ставшему доминирующей тенденцией во внешней политике США после второй мировой войны.

Для воссоздания полноты картины развития США дан анализ социальных идей и общественной мысли в США, их эволюции и влияния на духовное развитие американского общества.

В соответствии с марксистско-ленинской периодизацией всемирно-исторического процесса в основу настоящего издания положен принцип формационно-стадиального развития, и каждый том охватывает важнейшие этапы развития капитализма.

Первый том (1607—1877) повествует о британских владениях в Северной Америке и о том, как более двух веков назад возникло новое государство — Соединенные Штаты Америки, как оно расширялось за счет колонизации Запада. Социально-экономическая и политическая жизнь страны этого периода характеризовалась утверждением капиталистических отношений и борьбой между рабовладельческим Югом и промышленным Севером. Столкновение социальных сил привело к гражданской войне 1861—1865 гг., завершившейся отменой рабского труда афро-американцев. США стали аграрно-индустриальной страной.

Второй том (1877—1918) освещает события, происходившие в период, когда капитализм свободной конкуренции перерастает в монополистический, а Соединенные Штаты Америки превращаются в сильнейшую капиталистическую державу, классическую страну трестов. Их господство наложило отпечаток на политическое, социальное и культурное развитие общества. Во внешней политике США встали на путь активной территориальной экспансии, усилили борьбу за сферы приложения капитала.

В третьем томе (1918—1945) анализируется экономика, политика и идеология США на первом этапе общего кризиса капитализма. Рассматриваются последствия первой мировой войны для США; усиление позиций монополий, развитие государственно-монополистического капитализма, причины обострения социально-экономических процессов в стране; происхождение, история и последствия «великой депрессии» и «нового курса»; вопросы рабочего, профсоюзного и общедемократического движений, развернувшихся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Значительное место занимают внешнеполитические аспекты, анализируется политика Вашингтона в различных регионах мира, исследуются советско-американские отношения, участие США во второй мировой войне.

В четвертом томе (1945—1980) рассматривается послевоенное развитие Соединенных Штатов Америки в обстановке углубления общего кризиса капитализма; вскрываются причины перехода США от политики сотрудничества с Советским Союзом в рамках антигитлеровской коалиции к политике конфронтации и «холодной войны»; освещаются борьба трудящихся за гражданские права, проблемы рабочего, негритянского, молодежного и антивоенного движений. Авторы анализируют внутреннюю и внешнюю политику США в ходе меняющегося соотношения сил на мировой арене, рост мирового социализма, углубление революционного процесса и расширение национально-освободительного движения, раскрывают причины усиления агрессивности американского империализма.

В каждом томе имеются специальные главы, освещающие историю развития науки, образования и культуры, включая литературу и искусство, русско- и советско-американские научные и культурные связи. Уделяется большое внимание также вопросам историографии.

В подготовке «Истории США» принимали участие многие советские исследователи-американисты, специалисты разных направлений. Ими собран огромный материал о жизни народа США и его прошлом. Обширность замысла, стремление рассмотреть, теоретически осмыслить общественные явления во всей их сложности и противоречивости, во всем их многообразии и сделать научные выводы и обобщения характеризуют данное многотомное издание.

ВВЕДЕНИЕ

Первый том «Истории США» охватывает 270 лет (1607—1877) — от основания первых английских колоний в Северной Америке до окончания гражданской войны и Реконструкции.

Как и в странах Западной Европы, в Северной Америке в этот период происходило становление и развитие капиталистических отношений. Специфика США состояла, однако, в том, что феодализм как система в полном объеме на американской территории никогда не существовал. Само происхождение английских колоний в Северной Америке было, по оценке Ф. Энгельса, буржуазным [1], а их формирование в основном шло уже после буржуазной революции в Англии.

Свободное развитие капитализма было несовместимо с колониальным гнетом метрополии. Не случайно поэтому революция в Северной Америке приняла форму войны за независимость. Ее главная цель заключалась в достижении независимости восставших колоний от Великобритании. Важной задачей революции являлось также уничтожение элементов феодализма (фиксированная рента, право первородства и т. д.), ликвидация препятствий утверждению капитализма.

Как писал К. Маркс, война за независимость Соединенных Штатов «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии» [2], именно в Северной Америке «была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века...» [3].

Позднее, в огне гражданской войны 1861—1865 гг., было отменено рабство и сломлено влияние плантаторской олигархии Юга. Власть в стране полностью перешла в руки буржуазии Севера.

Для понимания характера и значения гражданской войны и Реконструкции огромное значение имеют труды основоположников марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс были современниками, а в известной мере и участниками происходивших событий. Накануне и во время войны они опубликовали в печати и в первую очередь в «Нью-Йорк дейли трибюн» множество статей, которые в полной мере сохранили значение первоисточника. Замечания К. Маркса и Ф. Энгельса о наличии двух этапов в гражданской войне, о переходе от войны «по-конституционному» к войне «по-революционному», о широком размахе народной борьбы и т. д. позволяют сделать вывод о том, что они рассматривали гражданскую войну как революцию.

Ссылаясь на войну США за независимость в XVIII в. и гражданскую войну в XIX в., В. И. Ленин писал о революционной традиции американского народа [4].

Большое внимание основоположники марксизма-ленинизма неизменно уделяли классовому анализу американского общества, теоретическим

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 128.
[2] Там же, т. 23, с. 9.
[3] Там же, т. 16, с. 17.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 58.

проблемам развития капитализма, характеру плантационного рабства, причинам и особенностям территориальной экспансии Соединенных Штатов. К. Маркс, в частности, неоднократно отмечал, что захват новых территорий был своеобразной необходимостью, «экономическим законом», условием существования плантационного рабства [5]. Для понимания всего процесса колонизации континента Северной Америки первостепенное значение имеет ленинская концепция развития капитализма вглубь и вширь — «могучее стремление развитого капитализма расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма» [6].

С совершенно иных позиций к изучению истории США подходят буржуазные историки. После второй мировой войны для историографии Соединенных Штатов стало характерным отрицание революционных традиций, всемерное подчеркивание единства и стабильности американского общества. Вслед за А. де Токвилем профессор Гарвардского университета Л. Харц утверждал, что великое преимущество американцев заключалось в том, что они «не пережили демократической революции», а поскольку в Америке не было феодальной традиции — в ней отсутствует и социалистическая [7].

Если ранее, в первой половине XX в., историки-«прогрессисты» (Ч. Бирд, К. Беккер и В. Паррингтон) усматривали в американском прошлом противоречия и конфликты, то после второй мировой войны ведущие представители «консенсусного» направления (Д. Бурстин, Л. Харц, Р. Хофстедтер) выделяли «согласие» и «преемственность» и даже утверждали, что в Америке никогда не было «классовой борьбы в европейском смысле этого слова». Соответственно были переписаны старые и подготовлены новые курсы истории США, среди которых можно отметить трехтомный труд Д. Бурстина «Американцы» [8].

Хотя теория «консенсуса» (согласия) на протяжении длительного периода оказывала и продолжает оказывать значительное влияние на развитие исторической науки в США, даже в период своего расцвета (50-е годы) она, разумеется, не исчерпывала всего разнообразия историографического спектра и более полно заполняла лишь его правую (консервативную) часть. В американской историографии всегда существовали и развивались различные концепции, школы и направления. Во второй половине XX в. появились и завоевали признание такие современные отрасли исторической науки, как клиометрия (применение в истории количественного анализа), «новая политическая», «новая рабочая» и «новая социальная история», все шире используются междисциплинарные методы исследования. Среди радикальных историков (Г. Зинн, Дж. Лемиш, А. Янг и др.) модным стал нетрадиционный подход к историческим событиям, изучение истории «снизу вверх», глазами обездоленных и «молчаливых» (inarticulate), значительно увеличилось внимание к роли женщин, афро-американцев, индейцев.

---

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 318, 344—345.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 85, 86.
[7] *Hartz L.* The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. N. Y., 1955, p. 6, 35.
[8] *Boorstin D. J.* The Americans: The Colonial Experience. N. Y., 1958; *Idem.* The Americans: The National Experience. N. Y., 1965; *Idem.* The Americans: The Democratic Experience. N. Y., 1973.

Характерным примером может служить опубликованная в 1980 г. «Народная история Соединенных Штатов» Г. Зинна. «Вопль бедняка не всегда справедлив, но если его не слышишь, то никогда не узнаешь, что такое справедливость»,— писал автор и предлагал историю конституции рассматривать с точки зрения рабов, президентство Э. Джексона — глазами чироков, войну с Мексикой — с позиций дезертиров армии генерала Скотта, а промышленный переворот так, как его видели молодые работницы текстильной фабрики г. Лоуэлла [9].

Подход современных радикалов к истории США во многом весьма плодотворен. Перед читателем проходит трагическая история индейских племен, борьба афро-американцев против рабства, история американских женщин, рабочих, трудящихся-фермеров и др. Уже в восстании Н. Бэкона 1676 г. они смогли увидеть не только недовольство деспотизмом губернатора У. Беркли со стороны части правящей верхушки, но и борьбу угнетенных слоев колониального общества против господствующей элиты. Показательно, что одной из последних групп восставших, не сложивших оружие, оказались 80 негров и 20 белых сервентов [10].

Вместе с тем следует признать, что «Народная история Соединенных Штатов» Г. Зинна не дает полного и всестороннего представления об американской истории. Рассматривать конституцию США только с точки зрения рабов или президентство Э. Джексона глазами чироков явно недостаточно. Нельзя не отметить также, что интерес к истории трудящихся масс, роли женщин, индейцев, афро-американцев и других угнетенных групп и слоев американского общества никогда не был монополией современных радикалов.

Огромный вклад в изучение истории США внесли марксистские исследователи, которые неизменно придавали первостепенное значение изучению истории угнетенных и эксплуатируемых. В самих Соединенных Штатах Дж. Аллен, Г. Аптекер, Ф. Фонер, У. З. Фостер и другие с 30-х годов XX в. систематически публиковали труды о героической борьбе негров-рабов за свободу и землю, о рабочем и социалистическом движении и т. п. Достаточно вспомнить многотомную историю рабочего движения в США Ф. Фонера, работы Г. Аптекера по истории негритянского народа, а также обобщающие книги У. З. Фостера «Очерк политической истории Америки», «Негритянский народ в истории Америки» и др. Всем этим трудам, как и многочисленным исследованиям советских ученых (работы А. В. Ефимова, Н. Н. Болховитинова, И. П. Дементьева, Р. Ф. Иванова, Г. П. Куропятника, Л. Ю. Слёзкина, В. В. Согрина, А. А. Фурсенко и др.), уделяется пристальное внимание.

Продолжая марксистские традиции, авторы настоящего издания исходили из необходимости тщательного изучения социально-экономических аспектов истории Соединенных Штатов, и в первую очередь анализа становления капиталистических отношений. Специальные разделы 1-го тома посвящены путям развития капитализма в XVIII—XIX вв., этапам и особенностям промышленного переворота, плантационному рабству, утверждению и победе американского (фермерского) типа капитализма в сельском хозяйстве. И это, конечно, не случайно. Основное содержание и особенности истории США определял капитализм, и от глубины изучения

[9] *Zinn H.* A People's History of the United States. N. Y., 1980, p. 10.
[10] Ibid., p. 37, 55.

путей развития капиталистических отношений во многом зависит правильное понимание главных проблем американской истории в целом.

Еще в 30-х годах в советской историографии был подробно обоснован вывод о том, что развитие США шло в соответствии с общими законами капиталистического общества, открытыми К. Марксом и Ф. Энгельсом, и нет никаких оснований «для утверждения о какой-то ,,исключительности" американского капитализма»[11]. В дальнейшем исследователи[12] убедительно показали, что фундаментальное значение для изучения аграрной (а равным образом и общей) истории США имеет концепция В. И. Ленина о двух основных путях (или типах) эволюции капитализма в сельском хозяйстве[13]. Назвав два пути развития капитализма условно американским и прусским, В. И. Ленин не ограничивался обобщением опыта только США и Германии. Его концепция может быть с успехом применена ко многим другим странам и регионам. При этом в реальной действительности элементы этих двух путей буржуазного развития переплетались и сочетались различным образом. Даже в самих Соединенных Штатах американский, или фермерский, путь развития в общем и целом сложился и победил лишь в ходе длительной и сложной эволюции, завершившейся в масштабах всей страны в результате гражданской войны и Реконструкции.

В свою очередь, победа американского пути эволюции капитализма в сельском хозяйстве оказала благотворное воздействие на экономическое и политическое развитие страны, способствовала укреплению буржуазно-демократических тенденций, быстрому росту сельскохозяйственного и промышленного производства и превращению США в крупную аграрно-индустриальную державу.

С другой стороны, поскольку во многих южных районах страны сохранялись сильные элементы прусского пути, а в «черном поясе» этот путь даже преобладал, Юг на долгие годы остался заповедником расизма, тюрьмой для «освобожденных» негров[14].

Отмечая очевидные успехи в развитии Соединенных Штатов в XVIII—XIX вв., следует подчеркнуть, что это был прогресс капиталистический. Он неразрывно связан с оттеснением и истреблением коренных жителей Северной Америки, жесточайшей эксплуатацией черных рабов. Вместе с тем, и это будет подробно показано в соответствующих главах, история США свидетельствует о мужестве и трудолюбии простых людей, их длительной и упорной борьбе за лучшие условия жизни.

Многие особенности истории Соединенных Штатов связаны с освоением континента Северной Америки, продвижением поселенцев на западные земли. Если символом старой европейской цивилизации были и до сих пор остаются феодальные замки и дворянские усадьбы, то олицетворением новой цивилизации за океаном стали гостиницы и фермы.

---

[11] *Ефимов А. В.* К истории капитализма в США. М., 1934, с. 246.

[12] *Куропятник Г. П.* О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху.— Новая и новейшая история, 1958, № 4, с. 38—56; *Он же.* Борьба двух тенденций капиталистического развития США в эпоху буржуазных революций.— Там же, 1976, № 2, с. 77—89.

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 226—227, 339—340; т. 16, с. 215—216, 403—404; т. 47, с. 228.

[14] Подробнее см.: *Иванов Р. Ф.* Борьба негров за землю и свободу на Юге США (1865—1877). М., 1958; *Он же.* В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965, с. 37—41.

Важной особенностью настоящего издания является пристальное внимание к проблемам культуры, которая рассматривается в качестве интегральной части исторического процесса в целом. Специальные разделы 1-го тома посвящены развитию среднего и высшего образования, истории науки и техники, литературы, изобразительному и музыкальному искусствам, а также историографии. Весьма обстоятельно излагается история научных и культурных связей Соединенных Штатов с Россией.

Становление литературы, музыки, изобразительного искусства, архитектуры происходило в США на основе не только различных национальных, но и расовых культур — культур американских индейцев, африканских негров, белых иммигрантов из Европы, а позднее и переселенцев из стран Азии. Соседство и взаимодействие этих культур способствовали формированию самобытных черт американской культуры, подчас лежавших за пределами привычных европейских традиций. Но это взаимодействие отнюдь не было гармоничным и равноправным. Многие культурные традиции индейцев и негров оказались навсегда утрачены. В свою очередь, коренные обитатели Северной Америки и афро-американцы сопротивлялись культурной ассимиляции, стремились сохранить самобытные ритуалы, верования, легенды, обычаи. Даже после приобщения к христианству и английскому языку черные американцы сохранили связи с африканской культурой, что отчетливо просматривается в ритмах, мелодиях и танцевальных движениях. Показательно в этой связи, что неотъемлемой частью музыкальной культуры США в дальнейшем стали джаз и мюзикл.

При написании соответствующих глав и разделов авторы стремились привлечь самый широкий и разнообразный круг документальных источников и литературы. За последние годы существенно расширились фонды центральных советских библиотек, многие советские американисты побывали в научных командировках в США, наладилась система международного книгообмена, были получены важные документальные источники, которые ранее в СССР отсутствовали. В результате во многих случаях авторы тома использовали архивные материалы, в частности документы Архива внешней политики России в Москве и Национального архива США в Вашингтоне, бумаги государственных и общественных деятелей, протоколы конгресса, американскую, русскую и советскую прессу, статистику (цензы), дневники, мемуары и др. Конкретные ссылки сделаны в тексте, а в конце тома приведены основные опубликованные источники и литература по истории США.

Редколлегия и авторский коллектив выражают признательность сотрудникам сектора истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР, рецензенту 1-го тома доктору исторических наук И. П. Дементьеву (МГУ им. М. В. Ломоносова), а также доктору исторических наук Ш. А. Богиной (Ин-т этнографии АН СССР), кандидату философских наук А. М. Каримскому (МГУ им. М. В. Ломоносова), Р. Е. Кантору (журнал «Вопросы истории»), кандидатам исторических наук Н. В. Потоковой (Чечено-Ингушский ун-т им. Л. Н. Толстого, г. Грозный) и П. Б. Уманскому (Казанский ун-т им. В. И. Ульянова (Ленина), г. Казань), взявшим на себя труд прочитать рукопись в целом или отдельные ее части и высказать замечания и пожелания, большинство которых было учтено при подготовке тома к печати.

I

ОБРАЗОВАНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Глава первая

ОСНОВАНИЕ ПЕРВЫХ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

1. АНГЛИЯ И НОВЫЙ СВЕТ

В восточном полушарии сменились две эпохи каменного века: нижний и средний палеолит. Предшественник человека прошел огромный путь в 300 тыс. лет, не считая 2 млн., которые потребовались для появления человеческого рода. Все это время Американский материк был безлюден.

Евразийский неандерталец превращался в homo sapiens — «разумного человека», антропологически — в современного человека. Он начинал жить родовым строем. Только тогда, 15—30 тыс. лет назад (верхний палеолит), в конце ледникового периода, вступил человек на американскую землю. Он пришел туда из глубин Азии, перебравшись через перешеек, который существовал на месте теперешнего Берингова пролива, и двинулся на Юг[1]. Это движение иногда прерывалось, но шло многие тысячи лет, пока человек не достиг Огненной Земли. К концу Висконсинского оледенения, когда воды океана разъединили западное и восточное полушария (приблизительно 11 тыс. лет до н. э.), началось самобытное развитие тех людей, которые стали аборигенами, коренными жителями Америки. Их называют индейцами.

Это название они получили от Христофора Колумба, который, открыв новую землю, твердо верил, что он у берегов Индии. Поэтому и сама земля именовалась Индией, а позже, когда обнаружились ее размеры и конфигурация,— Индиями. После того как ошибка Колумба стала очевидной, за новой землей укрепилось название «Америка» по имени Америго Веспуччи.

Так как на многих языках нет различия в написании слов «индейцы» и «индийцы», то, имея в виду аборигенов западного полушария, часто говорят «американские индейцы». Коренные жители Америки, обитающие на ее крайнем севере, получили собственное название: «алеуты» и «эскимосы».

---

[1] См., например: *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.

Первые пришельцы из Азии были охотниками-собирателями. С течением времени они освоили земледелие. К началу нашей эры на территории современной Мексики и Центральной Америки, а также Перу племена инков, майя и ацтеков создали высокие цивилизации с раннеклассовыми общественными отношениями[2]. Европейские завоеватели и колонизаторы долгое время не хотели мириться с мыслью, что американские «дикари» самостоятельно достигли этих высот развития. Их пытались представить потомками гипотетических атлантов, преемниками древних цивилизаций Азии и Европы. Современная наука не отрицает возможных связей между людьми западного и восточного полушарий. Связи эти, однако, как говорят археологические и прочие находки, были локальными и прослежены только в пределах нашей эры[3].

Первая попытка европейской колонизации Северной Америки относится к 1000 г. н. э. Ее предприняли викинги. Согласно сагам, отряд, возглавляемый Лейфом, сыном Эрика Рыжего, высадился где-то западнее Ньюфаундленда. Открытую страну, где рос дикий виноград, назвали Винланд — Страна винограда. Основанное там поселение просуществовало недолго. Его следы исчезли.

Ко времени Колумба Северная Америка была заселена множеством индейских племен, проходивших различные этапы развития родового общества[4]. На Атлантическом побережье, где разыгрались первые события колониальной истории США,— от залива Св. Лаврентия до мыса Хаттерас — жили индейцы алгонкинской языковой группы. Уровень их племенной культуры повышался в южном направлении: от мелких разрозненных племен собирателей и охотников до охотников и земледельцев, объединенных в конфедерации племен.

В конце XV — начале XVI в. отважные португальские и испанские путешественники ввели тогдашний мир в эпоху Великих географических открытий. То было время зарождения в феодальном обществе Западной Европы буржуазных отношений, генезиса капитализма, связанной с этим потребности в золоте. «*Золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»[5].

В 1480 г., когда Колумб еще был далек от осуществления своего знаменитого проекта, английский моряк Джон Ллойд попытался пройти по его будущему пути из Ирландии. Жестокие штормы заставили повернуть обратно. Не принесли успеха и последующие попытки англичан пробиться на Восток тем же путем. Наконец, в 1497 г. корабль «Мэтью», ведомый генуэзцем на английской службе Джоном Каботом, пересек океан. Был открыт Ньюфаундленд. Как предполагается, «Мэтью» подходил также к берегам Лабрадора и Новой Шотландии (Канада). В 1509 г. сын Джона Кабота, Себастьян, продолжил путь отца. Возглавляя два английских судна, он дошел до Флориды. В 1527 г. первый английский корабль побывал у о-ва Санто-Доминго (Гаити) в Вест-Индии.

[2] *Стингл М.* Индейцы без томагавков. М., 1971.

[3] *Гуляев В. И.* Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968.

[4] Народы Америки / Под ред. А. В. Ефимова, С. А. Токарева. М., 1959. Т. 1; *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому. М., 1974; Североамериканские индейцы. М., 1978.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 408.

Однако первенство в погоне за заморским золотом было упущено. Португалия и Испания, поддержанные римским папой, претендовали на безраздельное господство за пределами Европы. Их твердой опорой были самые закаленные солдаты и самые опытные моряки тогдашнего мира.

Англия и Франция, где буржуазные отношения развивались активнее, чем на Пиренейском полуострове, с нестерпимой завистью смотрели на обогащение испанцев и португальцев. Не рискуя открыто посягнуть на их колониальные владения, в Лондоне и Париже тайно поощряли проникновение туда своих подданных. Французам удалось создать небольшие поселения в испанской Флориде и португальской Бразилии. Рывок Англии в западное полушарие был приостановлен событиями ее внутренней жизни.

Со времен Генриха VIII (1509—1547) в стране проходила церковная реформация. Английская церковь отделилась от Рима, восприняла многое от протестантского вероучения, во главе ее встал король (супрематия). Испания, возглавлявшая контрреформацию, сделалась непримиримым врагом Лондона. Поимка английского корабля испанским патрулем на путях в Америку означала для экипажа верную смерть.

В 1553 г. на английский престол вступила Мария I — ярая католичка, вышедшая замуж за испанского короля Филипа II и подчинившая его воле политику страны. Двери в западное полушарие оказались для англичан закрытыми в их собственном доме.

Мария правила недолго. После нее английский трон заняла Елизавета I (1558—1603). В стране утвердилась реформированная церковь (англиканская). Это привело к возобновлению религиозной вражды между Испанией и Англией. Она дополнялась острым экономическим и политическим соперничеством в Нидерландах, куда обе страны сбывали шерсть и где англичане помогали гёзам, которые восстали против испанского ига.

В этих условиях при тогдашнем быстром развитии в Англии буржуазных отношений Новый Свет — тыл Испании, богатейшая сокровищница и широчайший рынок — стал мишенью и приманкой для английских искателей приключений, для оборотистых английских купцов и джентльменов. Пиратство в водах Америки, неофициально поощряемое королевой, стало постоянным промыслом многих англичан. Пиратству сопутствовали контрабандная торговля и работорговля. В середине XVI в. особенно активно и дерзко ее вел купец Джон Хокинс. С походов Фрэнсиса Дрейка к берегам Америки в 70-х годах того же века решительная вооруженная схватка между Англией и Испанией стала неизбежной.

В 1585 г. фаворит Елизаветы Уолтер Рэли основал в Северной Америке первую английскую колонию на о-ве Роанок (зал. Албемарл, Северная Каролина). В честь «королевы-девственницы» (virgin) она была названа Виргинией. Неумение и нежелание поселенцев заниматься трудным делом освоения девственной страны (они надеялись найти там золото), а также нехватка продуктов быстро вели колонию к гибели, которая стала неизбежной, когда жестокое обращение англичан с индейцами сделало последних их врагами. Метрополия не могла прийти на помощь из-за войны с Испанией.

Она началась в год основания виргинской колонии. В 1588 г. англичане разгромили «Непобедимую армаду». Однако до 1590 г. они не смогли снарядить ни одной экспедиции в свою колонию. Когда в указанном году английский корабль подошел к о-ву Роанок, где она располагалась,

никого из поселенцев там не было. Все они погибли от голода и в схватках с индейцами[6].

Разгром «Непобедимой армады» не прервал шедшей войны. Англия испытывала к тому же очень серьезные экономические трудности. Обострились непрекращавшиеся религиозные распри. Все это вынуждало Елизавету I к осторожности. Она стала умерять пыл своих «джентльменов удачи» и пионеров колонизации Америки. В 1603 г. королева умерла. Вступивший на престол Яков I Стюарт (1603—1625) прибыл в страну из Шотландии, плохо знал и не очень считался с интересами управляемого им государства. Он заключил мир с Испанией, фактически признал ее притязания на владение Новым Светом, не собирался возрождать колонию на о-ве Роанок. В английской историографии ее называют «потерянной колонией».

Примирение короля с главным врагом и соперником, отказ от форпоста в Америке вызвали оппозицию, прежде всего со стороны елизаветинских ветеранов войн с Испанией. Оппозиция возникала и в среде тех, чья жажда к обогащению и желание занять место испанцев в Новом Свете быстро росли вместе с развитием в стране буржуазных отношений. Используя свои связи при дворе, они добились от Якова I разрешения возобновить колонизацию Виргинии. Чтобы исполнить то, что не удалось Рэли, сторонники колонизации решили объединить необходимые для этого средства и усилия, создав акционерные компании. Заселение страны пытались осуществить, вывозя за океан «бездельников» и «бунтовщиков». Так именовали людей, которые в ходе развития буржуазных отношений, в результате процесса «так называемого первоначального накопления» оказывались без крова и средств к существованию[7].

2. ВИРГИНИЯ

В апреле 1606 г. Яков I пожаловал двум акционерным компаниям, Лондонской и Плимутской, хартии[8], по которым им предоставлялось право на колонизацию Виргинии — восточного побережья Северной Америки между 34° и 45° с.ш. Владения первой компании находились на юг от 41°, а второй — на север от 38° с.ш. Территория, заключенная между ними, подлежала совместному заселению после освоения главных владений.

Король считался суверенным хозяином всей земли колоний, что выражалось в обязательстве компаний отчислять ему пятину от добытых в колониях золота и серебра, а также наделять поселенцев землей от его имени. При этом пользование землей устанавливалось в форме «свободного сокеджа» — льготного феодального держания, приближавшегося в тогдашней Англии к частному землевладению. Для общего руководства заморскими территориями король назначил Виргинский совет, куда входили представители обеих компаний. В Америке управление возлагалось на советы колоний, назначаемые правлением соответствующей компании. Будущие поселенцы были объявлены полноправными подданными анг-

[6] Подробнее о проникновении англичан в Америку с конца XV до конца XVI в. см.: *Слёзкин Л. Ю.* Англичане на пути в Новый Свет.— В кн.: Американский ежегодник, 1972. М., 1972, с. 5—39; Там же, 1973. М., 1973, с. 24—44.

[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 728.

[8] Foundations of Colonial America. A Documentary History: Vol. 1—3 / Ed. by W. K. Kavenagh. N. Y., 1973, vol. 3, p. 1684—1704. (Далее: Foundations).

лийской короны. Однако в первые годы основания колоний им полагалось работать совместно, отдавая компании все произведенные товары и получая за свой труд продукты и все необходимое из складов, содержимое которых распределялось советом колонии.

Плимутская компания отправила первых поселенцев в августе 1606 г. Укрепиться в Виргинии им не удалось по той же причине, что и поселенцам «потерянной колонии». Немногие оставшиеся в живых вернулись на родину. Деятельность плимутцев надолго замерла.

Поселенцы Лондонской компании отплыли из Англии в декабре 1606 г. В мае следующего года на реке, названной Джеймс, основали форт Джеймстаун. Положение его жителей оказалось очень трудным. Место было малярийное, вода плохая, и ее не хватало. Освоение девственной страны людьми без специальных трудовых навыков шло очень медленно. Небольшие запасы продовольствия иссякали, гибли от сырости, подтачивались грызунами. Охотиться и ловить рыбу никто по-настоящему не умел. Подступал голод. Первое время выручали соседи-индейцы. Но, как и в других случаях, несправедливое к ним отношение вскоре посеяло вражду. Положение колонистов стало гибельным. К тому же компания, убедившись в том, что Виргиния лишена драгоценных металлов и через нее нет прохода на Восток, к сокровищам Индии и Китая, стремилась возместить затраченные средства экономией посылаемых продуктов и доходами от продажи виргинских товаров. Колония же пока могла поставлять только лесоматериалы. Их заготовка требовала огромных усилий от неустроенных, голодных и больных людей. Многие не выдерживали и умирали.

К 1610 г. в Виргинию было завезено около 500 поселенцев. К весне указанного года в живых осталось всего 60 — еле двигавшихся, упавших духом, осажденных индейцами, непрерывно ссорившихся. Раздоры вынудили покинуть Виргинию самого энергичного и деятельного члена совета капитана Джона Смита — первого летописца страны и составителя ее первой, прекрасно исполненной карты[9].

К этому времени Лондонская компания добилась от короля большей самостоятельности. Члены Виргинского совета и казначей, который осуществлял текущее управление делами, избирались теперь акционерами, которые на регулярно созываемых общих собраниях решали важнейшие вопросы. Это усилило буржуазные начала в структуре компании и привлекло новых акционеров. Чтобы наладить жизнь колонии, туда был назначен полновластный губернатор. Совет колонии превратился в совещательный орган. Так как Плимутская компания не проявила признаков жизни, именно Лондонскую стали именовать Виргинской компанией, под именем которой она и вошла в историю.

В колонии постепенно складывалась определенная общественная структура. Высший слой общества Виргинии составляли члены колониальной администрации во главе с губернатором, средний слой — немногочисленные английские джентльмены, акционеры компании и другие поселенцы, которые сами оплатили свой переезд в Америку. Это были фримены[10] колонии. Низший слой включал людей, посланных в Амери-

[9] Travels and Works of Captain John Smith: Vol. 1, 2 / Ed. by E. Arber. Edinburgh, 1910.

[10] Freeman (*англ.*) буквально — свободный человек. В английской практике того времени — горожанин или член какой-либо ассоциации, компании и т. д., пользующийся всеми установленными правами.

ку за счет Виргинской компании. С ними заключался контракт на определенный срок (7 лет, иногда менее), в течение которого они обязывались за «достаточно разумное» питание и снаряжение выполнять поручаемую им работу по специальности или любую, предписанную колониальной администрацией. Предполагалось, что после окончания срока контракта каждый из них получит земельный надел. Однако конкретных обязательств компания на себя не брала. Законтрактованные поселенцы назывались сервентами[11].

Сервенты рекрутировались главным образом из обездоленных людей, а частично набирались из уголовных преступников. Иначе говоря, значительная часть колонистов отправлялась в Виргинию против собственной воли или в силу крайней нужды. Ехали они в неизвестную страну с едва тлевшей надеждой на получение клочка земли в далеком будущем. Согласно тогдашнему английскому законодательству положение сервентов мало чем отличалось от положения рабов.

Следуя инструкциям, губернаторы прибегали к драконовским мерам наведения порядка[12], стараясь добиться от колонистов максимальных усилий при исполнении ими работ. Это, а также размещение колонистов в «общем доме», совместный обязательный труд, нормированное распределение продуктов и их постоянная нехватка, страх перед нападением индейцев, заставлявший быть всегда начеку, делали жизнь колонистов каторжной в условиях военного поселения. Охотников ехать в колонию становилось все меньше.

Престиж компании и колонии мог быть восстановлен только ее процветанием, ее доходностью. Пока в Лондоне думали, как поправить дела, губернатор Дейл, правивший Виргинией в 1614—1616 гг., осуществил там важное нововведение. За определенную плату наиболее состоятельные колонисты получили участки земли в 3 акра при условии ежегодно вносить установленную продуктовую ренту. Кроме того, в их обязанность входило месяц в году отработать на «общей земле» компании. Работавшим на ней сервентам разрешалось теперь месяц в году трудиться для собственного прокормления. Даже небольшая возможность для проявления инициативы и предприимчивости повысила производительность труда, несколько облегчила задачу обеспечения колонии продовольствием, послужила ее расширению за пределы Джеймстауна. Началось активное освоение культуры табака, первый груз которого был отправлен в Лондон в 1616 г. и там выгодно продан. Тогда же компания приступила к наделению землей своих акционеров.

На каждую акцию, стоившую 12 ф. 10 ш. (по тем временам солидная сумма), полагалось 50 акров с обещанием приращения участка до 200 акров после расширения освоенной территории. Те же 50 акров получали люди, отправлявшиеся жить в Виргинию, оплачивая свой проезд, а также те, кто оплачивал проезд туда будущих колонистов. Ехавшему за счет компании по истечении срока 7-летнего контракта также полагался надел в 50 акров.

---

[11] Servant (*англ.*) — слуга, личный или нанятый на какую-нибудь работу на определенных условиях.

[12] For the Colony in Virginia Britania. Lavves...— In: Tracts and Other Papers, Relating Principally to the Origin... of the Colonies in North America...: Vol. 1—4 / Ed. by P. Force. N. Y., 1947. Vol. 3; Foundations, vol. 3, p. 1720—1721, 1869—1883.

Право на получение надела за переезд в колонию или за отправку туда поселенца со временем стало именоваться подушным правом. Оно послужило для многих отправной точкой для расширения своих земельных владений. Однако первыми крупными землевладельцами Виргинии в основном оказались высшие служащие компании и колониальной администрации, которые за исполнение своих обязанностей получали теперь наделы в сотни акров в соответствии с занимаемым положением и в награду за «усердие». Вводимые правила допускали землевладение объединенных собственников — «ассоциаций», которые составлялись из людей, субсидировавших отправку в колонию поселенцев. Некоторые ассоциации стали таким путем владельцами огромных территорий. Подушное право сервентов на земле ассоциаций компания не определяла. Оно оговаривалось в контрактах, заключаемых сервентами и их нанимателями.

Принятые меры не могли сразу же повлиять на жизнь колонии и обеспечить ее доходность. Уставшие ждать прибылей, недовольные деятельностью казначея компании Томаса Смита акционеры на общем собрании 1618 г. избрали нового — Эдвина Сэндиса. Решением того же собрания размер земельного надела за акцию увеличивался до 100 акров. Человек, оплативший свой проезд и проживший в Виргинии три года, приобретал права владельца одной акции; сервент компании, отслуживший 7 лет (случалось редко из-за огромной смертности сервентов),— такое же право с обязательством выплачивать фиксированную ренту (квит-ренту) в 2 ш. («старые колонисты»). Человек, оплативший свой проезд, по истечении трех лет должен был получить 50 акров при ренте в 1 ш.; сервент, отправляемый компанией,— такой же надел и при той же ренте через 7 лет («новые колонисты»). Земля предоставлялась в вечное наследственное пользование, номинально оставаясь королевской землей, уступленной компании по хартии.

Учитывая бесчисленные жалобы на произвол губернаторов, компания издала ордонанс, которым учреждался собственный законодательный орган колонии — Генеральная ассамблея[13]. В нее входили члены совета колонии, а также по два представителя от крупнейших поселков. Губернатору надлежало собирать ее один раз в год. Принятые ассамблеей законы не должны были противоречить законам метрополии, губернатор обладал правом вето. Это сильно ограничивало полномочия ассамблеи. Сам факт создания представительного учреждения колонии, однако, был для ее обитателей весьма значительным событием.

В реформе 1618 г. получила развитие тенденция стимулировать деятельность компании расширением прав акционеров, а предприимчивость колонистов — предоставлением им земельных наделов. Теперь — и расширением гражданских прав колонистов. Тенденция, являвшаяся отражением процесса буржуазного развития, происходившего в Англии.

Реформа адресовалась наиболее зажиточным колонистам и служила их интересам. Новоиспеченные крупные землевладельцы, используя свое влияние, а также членство в колониальном совете и протекцию губернатора, стали депутатами первой ассамблеи, созванной летом 1619 г. Они поспешили защитить свое привилегированное положение и собствен-

---

[13] The Records of the Virginia Company of London. The Court Book, from the Manuscript in the Library of Congress: Vol. 1—4 / Ed. by S. M. Kingsbury. Wash., 1906—1935, vol. 3, p. 482.

ность. Принятый ими закон обязывал зарегистрировать всех сервентов Виргинии, а впредь регистрировать каждого прибывшего с указанием даты окончания срока контракта, чтобы предотвратить всякую возможность уклонения от обязательств. Несоблюдение сервентами условий контрактов, заключенных в Англии, предписывалось строго наказывать.

Сэндис, став казначеем, проявил большую энергию. В Виргинию отправили значительное число поселенцев. Развитие ее хозяйства стимулировали доставкой виноградных лоз и шелковичных червей. Послали в колонию опытных ремесленников (стеклодувов, бочаров и т. п.), скотоводов, рыбаков. Все это поглотило остатки казны компании. Шелководство и виноградарство не дали результатов из-за местных природных условий и отсутствия у колонистов необходимого опыта. Неустроенность на новом месте мешала работе ремесленников. Прибытие в колонию большого числа новых поселенцев, плохо и наспех экипированных, зачастую болевших или ослабевших за время долгого пути, легло на нее тяжелым бременем. Не хватало жилищ. Скученность порождала эпидемии. Но главное — вновь выросла до трагических размеров проблема пропитания. Смерть разила людей. Из 4,5 тыс. привезенных в Виргинию к 1622 г. в живых осталось не более трети. Тем временем казна компании окончательно иссякла, и к 1622 г. компания фактически обанкротилась. Никто не хотел субсидировать убыточное предприятие.

Для борьбы с голодом (и для экономии средств) компания и ее губернаторы принуждали колонистов заниматься хлебопашеством и скотоводством, отдавали приказы освободить землю от табака. Усилия, не принесшие результатов. Виргиния переживала тогда «табачную лихорадку», которая затянулась на долгие годы. Она стимулировалась тем, что прекрасно прижившийся в колонии табак пользовался большим спросом в Европе и стал единственной доходной отраслью местного хозяйства. Представлялось проще купить необходимое на выручку от проданного табака, чем с большими усилиями осваивать другие культуры или разводить скот. Ожидаемое обогащение от табачных плантаций приходило к немногим, но приходило. Поэтому табак рос на землях губернатора, его разводили священники, все, кто имел хотя бы крошечный участок земли. В Виргинию ехали, чтобы заниматься табаководством.

«Табачная лихорадка» разожгла в колонистах страсть к наживе, удовлетворить которую можно было расширением посадок табака и увеличением рабочих рук в табачном хозяйстве. Это привело к более хищному и безжалостному вытеснению индейцев с их земель и попыткам превращения их в рабов. В марте 1622 г. индейцы ответили на это восстанием, целью которого было изгнание чужестранцев. Было убито более 300 колонистов. Многие умерли от лишений, оставшись без крова и припасов. После «бойни», как в английской и американской историографии именуется восстание индейцев, в колонии проживало менее 500 жителей, влачивших жалкое существование.

Случившееся окончательно дискредитировало Виргинскую компанию. Финансовый банкрот, она рассматривалась теперь и как виновница гибели людей, поскольку не позаботилась об обороне колонии. В 1624 г. Яков I повелел ликвидировать компанию.

В 1625 г. на английский престол взошел Карл I. Он объявил Виргинию владением, находящимся под его непосредственной властью. Управление колонией перешло в руки назначенного им губернатора.

На этом заботы о ней нового монарха закончились. Но, несмотря на отчаянное положение, в котором она находилась, Виргиния на этот раз не стала вновь «потерянной колонией». Индейцы, не решившись штурмовать Джеймстаун, ушли. Колонисты собрали все свои силы и, получив подкрепления, начали контрнаступление, вылившееся в поголовное истребление всех соседних племен. Двадцатилетний опыт освоения страны помог справиться с острой нуждой в жилье и пропитании. Ухудшившееся при Карле I положение английского народа и продолжавшаяся «табачная лихорадка» обусловливали приток новых колонистов. Виргиния выстояла.

После ликвидации Виргинской компании король утвердил земельные держания, полученные от нее его заморскими подданными. При этой общей правовой основе в колонии происходили изменения в структуре землевладения. После «бойни» 1622 г. ассоциации, хозяева которых жили в метрополии, распались. На их территории появились новые люди, купившие землю у хозяев или колониальной администрации, занявшие ее явочным порядком. Король жаловал землю новым чиновникам.

Все землевладельцы должны были выплачивать квит-ренту. Но виргинцы уклонялись от выполнения этого обязательства. Центральная власть была далеко, а из колонии поступали жалобы на расстройство дел после войны с индейцами. Заодно с колонистами были тогдашние губернаторы, которых недавно вступивший на престол король для простоты назначал из числа виргинцев.

Не в интересах самого правительства было проявлять излишнюю строгость и требовательность как в вопросе земледержания, так и сбора ренты. В таком случае колония бы опустела. Сбор ренты фактически не проводился до 40-х годов и был налажен только к концу столетия.

С усилением «табачной лихорадки» главным способом и обыденной практикой приобретения земли в колонии стало получение подушного права, которое оформлялось местной администрацией. Получение этого права сопровождалось бесчисленными ухищрениями и злоупотреблениями. Они применялись, чтобы обойти законную процедуру и получить возможно больше земли: одного и того же человека регистрировали по нескольку раз; капитаны выдавали своих матросов за привезенных сервентов, а получив патент на землю, продавали его, отплывая из Виргинии; в списки включались «мертвые души»; клерки, получая взятки, смотрели на все сквозь пальцы, сами продавали патенты хозяевам мнимых сервентов, колонистам, которые, съездив в Англию, возвращались домой, и т. д. Приобретение участка по подушному праву постепенно превращалось в осложненную форму покупки земли.

Земля Виргинии в значительной части была еще девственной. Расчистка ее для основания табачной плантации поглощала много времени и значительные силы. Разведение табака — трудоемкая работа. За 5—6 лет он истощал почву, что требовало перенесения плантации на другое место, которое было необходимо готовить заново. Без рабочей силы, дополнительной к той, которой мог обладать один колонист, пусть с семьей, создать доходную плантацию было очень трудно. Дополнительная рабочая сила — сервенты — доставлялась из Англии за немалые деньги.

Иначе говоря, чтобы вести доходное хозяйство, необходимы были средства. Бывшие акционеры и колониальные чиновники не всегда имели

их в достаточном количестве, а также не всегда обладали нужными деловыми качествами. Поэтому с течением времени крупными влиятельными землевладельцами и табачными плантаторами становились главным образом предприимчивые люди, располагавшие средствами. Добывались эти средства зачастую самыми темными путями, порой ценой преступлений. Средства пускались «в дело». В Виргинии это было экстенсивное табаководство, ориентируемое на экспорт для получения коммерческой прибыли. Тех, кому удалось разбогатеть, ведя плантационное хозяйство, историческая традиция называет «виргинскими аристократами», хотя, как правило, в их жилах не текло ни капли «голубой крови».

Потребность в средствах для ведения плантационного хозяйства увеличивалась по мере постепенного падения цен на табак (конкуренция английских Бермудских островов, колоний других держав), что толкало к расширению посадок табака. Отсутствие средств на приобретение дополнительных подушных прав и сервентов делало бедных землевладельцев неконкурентоспособными. Их положение осложнялось к тому же политикой метрополии, стремившейся поднять цены на табак сокращением его посадок или уничтожением низких сортов. Если повышение цен при этом компенсировало в какой-то мере потери крупных землевладельцев, то потери мелких оказывались невосполнимыми, что вело к разорению. За счет освободившихся сервентов число мелких землевладельцев почти не увеличивалось.

С ликвидацией компании перестало действовать введенное ею, но еще не успевшее войти в полную силу правило о наделении сервентов землей. Для частных контрактов такое правило с самого начала не было обязательным. Никакого нового законодательства в этом направлении не появилось. Перемены же, происшедшие в жизни Виргинии после ликвидации компании, создали условия, при которых положение сервентов не могло не ухудшиться. Заинтересованность хозяев в рабочих руках и интенсивности труда сервентов привела к усилению эксплуатации последних. Укрепление позиций местных «аристократов», их присутствие в совете колонии — главном судебном учреждении страны — позволяли им устанавливать правовые нормы, которые служили их интересам. Такой нормой становилось постепенно подписание контракта только хозяином. Так бывало и ранее, но обманным путем. В результате представление о сервенте как о юридическом лице изживалось, утверждался взгляд на него как на часть имущества хозяина, которым тот мог распоряжаться так же свободно, как остальным своим имуществом.

Обязательство о передаче земли сервенту, даже если оно включалось в контракт, во многих случаях не выполнялось с помощью всяческих уловок (долги, возмещение нанесенных убытков, умышленное уничтожение хозяевами контрактов и т. д.). Нередко оно выполнялось недобросовестно — выделением неочищенного или трудновозделываемого участка, который колонист не мог обработать физически. Даже приличный надел часто оказывался не под силу бывшему сервенту, не имевшему средств на обзаведение необходимым инвентарем и семенами. Его возвращали бывшим хозяевам за мизерную плату, иногда просто забрасывали, ища счастья в другом месте. Условие о предоставлении земельного участка заменялось иногда другим — выплатой небольшого вознаграждения, как правило табаком или выдачей одежды и необходимых инструментов, разумеется по истечении срока контракта. Хозяева зачастую не выпол-

няли и этих условий. Суровость обращения с сервентами и жестокость применяемых к ним наказаний были обычаем виргинской жизни.

Косвенное и прямое принуждение, насилие лежали с самого начала в основе отношения к сервенту. Даже если он добровольно соглашался ехать в Америку, то не от хорошей жизни подписывал кабальный контракт. Насилие, скрытое или открытое, лишало сервента земли в Виргинии и во всяком случае затрудняло ее получение. Это была экономическая потребность хозяйства колонии. Плантационному хозяйству колонии требовались именно сервенты — бесправные, закабаленные работники без земли, чей труд обеспечивал производство табака на продажу и получение от этой продажи коммерческой прибыли.

Сервенты Виргинии являлись теми экспроприированными тружениками (составляя их часть), которые в Англии, лишившись земли и орудий труда, становились пополнением и резервом работников капиталистических мануфактур, а также батраками и арендаторами у землевладельцев, переходивших на буржуазные методы ведения хозяйства. Иначе говоря, в Виргинии создавалось капиталистическое производство, но на уровне и в форме, которые соответствовали времени и месту: неразвитым тогда капиталистическим отношениям в Англии и специфическим условиям производящей табак колонии. 30-е годы XVII в. были периодом становления в Виргинии отношений, просуществовавших до конца колониального периода.

Сервенты оказывали посильное сопротивление эксплуатации и угнетению: убегали в леса, жаловались на хозяев колониальным властям и в местные суды, убивали хозяев за причиненные обиды. Однако вера в освобождение по истечении срока контракта и надежда на получение земельного надела, с одной стороны, суровость наказаний за неподчинение хозяевам и побеги — с другой, а также страх перед индейцами сдерживали освободительные порывы и мешали сколько-нибудь серьезной организации сил для активных выступлений.

Хотя приток сервентов в указанные годы не прекращался, он не удовлетворял потребностей виргинского хозяйства. Делались неоднократные попытки превратить в рабов индейцев. Все они не дали сколько-нибудь заметных результатов. Индейцы или сопротивлялись порабощению, или уходили из мест, близких к европейским поселениям. Захваченные в плен и обращенные в рабов убегали или гибли, не вынеся неволи. Поэтому к плантационному хозяйству сразу же были приобщены появившиеся в колонии новые рабочие руки. То были руки черных невольников — рабов не временных, не по контракту, рабов пожизненных.

Первую партию негров-рабов продал виргинцам в 1619 г. голландский капитан. Английские купцы и виргинские плантаторы не сразу поняли представлявшиеся им возможности работорговли и рабовладения. Революционные события 40-х годов в Англии и колониях, а затем войны англичан с голландцами и французами в 50-е годы задержали внедрение рабства негров в виргинское хозяйство. Но, возникнув в 1619 г., оно постепенно становилось неотъемлемым элементом социально-экономической структуры колонии. С появлением в стране «черных рабов» сервентов все чаще стали именовать «белыми рабами».

События в Англии, отвлекавшие правительство от дел колонии, способствовали тому, что Генеральная ассамблея, которую с самого начала местные «аристократы» использовали в своих интересах, оказалась пол-

ностью в их руках. Они довольно решительно отвергали все королевские проекты, которыми правительство хотело поправить свои финансовые дела за счет пошлин на торговлю табаком.

Карл I терпел самоволие виргинских «аристократов», не имея ни средств, ни сил для решительной акции. К тому же он надеялся сделать колонистов своими союзниками в борьбе с парламентом. Чтобы как-то держать их в узде, король не говорил своего последнего слова о статусе ассамблеи, которая, как и учредившая ее компания, могла быть ликвидирована его волей. Со своей стороны ассамблея, отстаивая свои интересы, одновременно, чтобы не прогневать короля, выражала лояльность «делу монарха». Положение изменилось в 1630 г., когда из Лондона в Виргинию прибыл губернатор Джон Харви.

Харви служил до этого в военном флоте и привык к беспрекословному подчинению подвластных ему людей. Он считал такое подчинение обязательным и для колонистов. Это не могло нравиться «аристократии», привыкшей к своеволию. Харви к тому же стремился установить хоть какой-нибудь правопорядок в графствах, на которые при нем была разделена Виргиния и в которых самоуправство местных «аристократов» не знало границ.

Возникшие трения приняли характер конфликта, когда в 1635 г. Карл I прислал новый проект повышения пошлин на табак, а губернатор, следуя инструкциям, попытался вынудить совет колонии согласиться с королевским требованием. Члены совета обвинили губернатора в превышении власти и множестве злоупотреблений. Харви пригрозил арестовать главных фрондеров. Совет потребовал, чтобы губернатор покинул колонию. Харви отказался. «Аристократы» собрали ассамблею, которая утвердила требование совета и избрала нового губернатора — колониста Джона Веста. Харви покинул Виргинию.

Карл I воспринял случившееся как мятеж. Он отправил Харви обратно, но не дал ему солдат. Губернатор оказался совершенно беспомощным, на положении ссыльного. В 1639 г. на место Харви король назначил виргинского плантатора Фрэнсиса Вайатта.

Изгнание Харви — первое зримое и ощутимое выступление английских поселенцев Виргинии против королевской администрации и королевской политики. Однако оно не было, как утверждают многие американские историки, ни народным, ни демократическим.

Виргинцы 1635 г. не составляли ни нации, ни народа. То было поселение англичан в 5 тыс. человек, из которых 2 тыс. прибыли в страну в указанном году. Никаких доказательств участия в выступлении рядовых колонистов, народа или провозглашения каких-либо демократических прав или требований не имеется. Харви изгнали «аристократы». Им это удалось и без последствий благодаря затруднениям королевского правительства в метрополии, отсутствию у губернатора собственных вооруженных сил, благодаря связям виргинских «аристократов» с немалым числом влиятельных людей в столице, заинтересованных в табачной торговле.

Сделав это, «аристократы» утвердили себя родоначальниками господствующего класса колонии. Они стремились, насколько возможно, освободиться от политических ограничений и материальных потерь, которые были связаны с господством метрополии. Если их верхушечный бунт представлял собой также оппозицию этому господству со стороны других

колонистов, то только как проекция в будущее. Теперь результатом бунта «аристократов» было установление в колонии их власти. То была власть олигархии, направленная на эксплуатацию белых и черных рабов, на подчинение и закабаление мелких землевладельцев и других, юридически свободных, но малоимущих или неимущих колонистов.

3. НОВАЯ АНГЛИЯ

Во времена Елизаветы утверждение англиканской церкви в стране и прочная королевская власть рассматривались большинством подданных как противовес испанско-католической угрозе. Это сдерживало недовольство тех, кто считал реформацию местной церкви незавершенной. При Якове I, который искал сближения с Испанией и которого многие подозревали в тайных симпатиях к католицизму, движение за реформацию усилилось. Оно развивалось вместе с ростом политической оппозиции, направленной против самодержавных амбиций монарха и его стремления укрепить разрушавшиеся феодальные институты. Знаменем противников существующей власти стал пуританизм — местная разновидность кальвинизма. Пуританизм[14] давал духовное оружие в борьбе за «очищение» церкви от «папизма», государства — от его закоренелых феодальных «пороков» и «язвы расточительства», т. е. оружие против всего, что мешало укреплению буржуазных отношений.

Пуританская оппозиция была неоднородна. Умеренное ее крыло, состоявшее из наиболее зажиточных буржуа и «новых дворян», людей, зачастую близких к королевскому двору, не желало серьезных потрясений. Они считали возможным «очистить» церковь «изнутри», сохранив ее государственное значение. В политической области они полагали достаточным несколько ограничить власть короля, главным образом в сфере финансов и налогообложения. Более радикальное крыло, которое образовали буржуа и «новые дворяне» победнее, добивалось независимости церкви от государства, значительного расширения прерогатив парламента.

Положение народных масс, очень тяжелое в царствование Елизаветы, во время правления Якова ухудшалось от совокупного воздействия процесса так называемого первоначального накопления и грабительской политики правительства. В ответ возникло течение крайнего пуританизма. Его пропагандисты считали официальную церковь окончательно «испорченной», неспособной к «очищению». Они отстаивали идею независимости церкви не только от государства, но и независимости каждой церковной общины — конгрегации — друг от друга. Приверженцев этой идеи именовали конгрегационистами и индепендентами, а подчеркивая их особенность и несогласие с другими пуританами — сепаратистами и диссидентами.

Сепаратизм был порожден теми же процессами, что и пуританизм вообще, но не на том полюсе, где рождался новый эксплуататорский класс, а на противоположном, где сгоняемые с земли крестьяне и разоряемые ремесленники пополняли армию бедняков города и деревни, пауперов, из которых составлялись ряды рабочих капиталистических мануфактур. Их мировоззрение и протест против нужды и угнетения не выходили за религиозные пределы. Но это были пределы, напоминавшие

---

[14] Purus (*лат.*), pure (*англ.*) — чистый, истинный.

«крестьянско-плебейскую ересь», которая из «равенства сынов божиих» выводила гражданское равенство и отчасти равенство имущества[15]. Такая ересь вызывала ненависть со стороны всех имущих классов: в лице королевской власти, государственной церкви и традиционных пуритан.

Характер ереси сепаратистов и форма их богослужения («невежественная», по мнению тогдашних церковных доктринеров) возбуждали неприязнь к ним со стороны большинства соседей и родственников, которые не могли простить им решительного разрыва с остатками вековых традиций и привычными авторитетами. Гонимые со всех сторон, сепаратисты вынуждены были отказаться от открытой проповеди своей веры.

В 1608 г. сепаратисты местечка Скруби в восточной Англии, группировавшиеся вокруг местного почтмейстера Уильяма Брюстера, не выдержав притеснений, бежали в Голландию. Десять лет они прожили в Лейдене на положении бедствующих эмигрантов. Основание Виргинии подсказало им спасительную идею: став колонистами, они вернут себе английское подданство, перестанут быть чужеземными париями, а находясь далеко за морем, смогут рассчитывать на сохранение своего вероисповедания. Решившись на переезд в Америку, они сочли себя пилигримами «Нового Ханаана»[16] — земли, где они воплотят «истинные» предначертания Библии. Под названием пилигримов они вошли в историю.

Руководители лейденских эмигрантов установили связь с отечественными купцами, заинтересованными в колонизации Виргинии, и заключили с ними договор[17]. Пользуясь бедственным положением сепаратистов, купцы навязали им тяжелые условия, которые закабаляли будущих поселенцев на долгие годы тяжелого труда и необеспеченного существования. Поэтому ехать согласились далеко не все. Чтобы пополнить число тех, чей труд должен был возместить произведенные затраты и принести им прибыль, купцы набрали недостающее число людей в Англии. То были люди, непричастные к сепаратизму. Обитателей «Нового Ханаана» ожидала не только трудная жизнь, но и религиозные споры.

В августе 1620 г. корабль «Мэйфлауэр» вышел из Плимута, держа курс на Виргинию. Из 102 пассажиров только 41 был из Лейдена, и лишь трое из них —ветеранами Скруби. 11 ноября 1620 г. «Мэйфлауэр» подошел к мысу Код в Новой Англии. Так к тому времени стали именовать северную часть Виргинии, которую не сумела освоить Плимутская компания и которая перешла в руки нового хозяина — Совета Новой Англии. Почему капитан привел туда корабль, неизвестно по сей день. Известно, однако, что под давлением моряков, которые спешили обратно домой, пилигримы именно там вынуждены были срочно искать место для поселения.

11 декабря, идя на шлюпке вдоль побережья, разведчики обнаружили удобную бухту. Там было основано поселение, которому дали название Новый Плимут. (День высадки разведчиков в плимутской бухте отмечается в США 22 декабря, в связи с реформой календаря, как национальный праздник: «День праотцов», или «День отцов-пилигримов».)

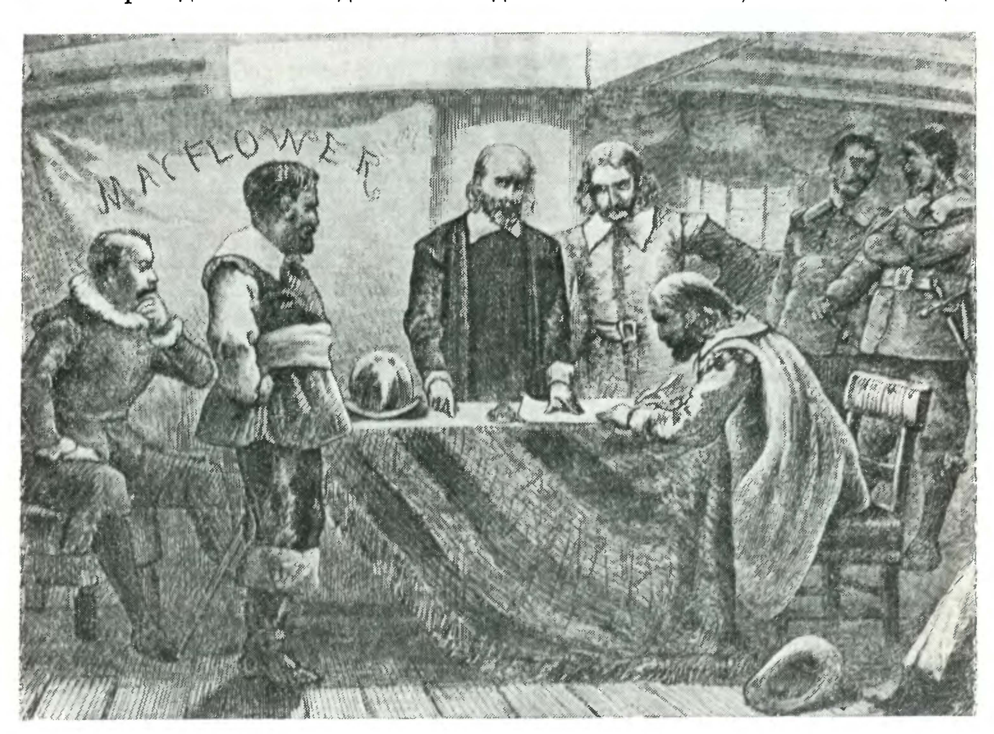
[15] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 362—363.

[16] Ханаан — древнее название Палестины.

[17] The Story of the Pilgrim Fathers, 1606—1623, as told by Themselves, their Friends and their Enemies / Ed. by E. Arber. L., 1897, p. 280.

«Мэйфлауэр» ушел. Его пассажиры остались на чужом берегу без крова, с минимумом припасов. Близилась зима.

Еще на корабле, когда тот приблизился к мысу Код, было заключено соглашение, получившее название «Соглашение на „Мэйфлауэре“»[18]. Его подписали совершеннолетние колонисты-мужчины. Оно предусматривало объединение поселенцев в «гражданский политический организм» с целью поддержания среди них порядка и безопасности, а также создания «справедливых и одинаковых для всех законов», обеспечивающих

ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ НА «МЭЙФЛАУЭРЕ»

«всеобщее благо». Документ отражал формировавшиеся в гуще угнетаемых и разоряемых народных масс тогдашней Англии буржуазно-демократические взгляды, а также стремление к духовной независимости и самоуправлению, которым были проникнуты сепаратисты, игравшие среди пассажиров «Мэйфлауэра» ведущую роль. Этой роли они добились благодаря своей спаянности и единодушию, а также организаторским способностям своих руководителей: Брюстера, Уильяма Брэдфорда и Джона Карвера, которого подписавшие соглашение избрали губернатором колонии.

Недостаток припасов, наступившие холода и неопытность новоселов, среди которых около половины составляли женщины и дети, едва не привели к гибели колонии. Половина ее обитателей не дожила до весны. Те, кто выжил, продержались на том запасе зерна, который в первые

[18] Foundations, vol. 1, p. 246.

дни основания Нового Плимута был обнаружен в брошеной индейской деревне. Индейцы Сканто и Хобомок стали их переводчиками и учителями жизни в девственной стране. Они помогли колонистам заключить мирный договор с соседним племенем вампаноагов.

Весной 1621 г. умер Карвер. Губернатором избрали У. Брэдфорда. Почти без перерыва он правил колонией 20 лет. Опираясь на поддержку единоверцев, он установил строгую, но разумную дисциплину, а силой своей власти и авторитета содействовал укреплению созданной в колонии сепаратистской церкви. Это достигалось не без давления на инаковерующих, но дело не доходило до воинствующей религиозной нетерпимости. Основные дела колонии решались на общем собрании свободных поселенцев (фрименов).

Юридический статут сервентов Нового Плимута не отличался от такового в Виргинии. Подписанием соглашения на «Мэйфлауэре» всякое формальное участие сервентов в общественной жизни прекратилось. Их допустили к ней однажды, для того чтобы, отслужив срок контракта, они не могли отказаться от исполнения местных законов, ссылаясь на свободу и подчинение законам метрополии. Тем не менее отсутствие среди плимутцев резких социальных различий (не было джентльменов, не было богатых, сервентов было всего несколько человек), элементы «крестьянско-плебейской ереси» во взглядах сепаратистов — все это придавало известную патриархальность отношениям колонистов и делало первое время судьбу сервентов Нового Плимута не столь тяжелой, какой она была в Виргинии.

Осенью 1621 г. собрали первый урожай и устроили «Праздник благодарения», на котором присутствовали соседи-индейцы. («День благодарения» — национальный праздник США; с 1863 г. отмечается каждый последний четверг ноября.)

При отдаленности Нового Плимута от Англии и фактической неконтролируемости оттуда его жизни поселенцам удалось отказаться от режима труда, который должен был повторять созданный вначале Виргинской компанией в ее колонии. В 1623 г. пилигримы самовольно распределили между собой земельные наделы в 1 акр и начали на них вести частное хозяйство [19]. Реформа, развязав инициативу, стимулировала экономическое развитие колонии, но одновременно служила развитию социального неравенства. Сервенты земельных наделов не получили. Увеличенные наделы получили Брэдфорд и военачальник Майлз Стэндиш (печально известен кровавой расправой над индейцами, собравшимися для торга у поселения Уэссагассет).

Главное же заключалось в том, что имевший сервента или семью с большим числом работников, а также достаточное имущество или деньги получал возможность расширять и совершенствовать свое хозяйство, продавать излишки урожая, эксплуатировать чужой труд и таким образом обогащаться. Это не могло не сказаться на положении сервентов, от интенсивности труда которых зависел размер обогащения. Эксплуатация сервентов возрастала, осложнялась процедура получения надела освободившимися сервентами, черты патриархальности в отношениях между сервентами и их хозяевами исчезали.

---

[19] Bradford's History of Plymouth Plantation, 1606—1646 / Ed. by W. T. Davis. N. Y., 1908, p. 146—147; Cronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth, 1602—1625 / Ed. by A. Young. N. Y., 1971, p. 347.

Указанный процесс пошел значительно быстрее после 1627 г. В этом году восемь наиболее состоятельных колонистов выкупили у купцов их права на Новый Плимут. Дома и скот были поделены между его свободными поселенцами. Кроме того, каждый получил земельный надел в 20 акров. Развитие частного хозяйства получило новый ощутительный

РАСПРАВА КОЛОНИСТОВ С ИНДЕЙЦАМИ

толчок. В 1630 г. плимутцы добились от Совета Новой Англии патента, который закреплял за ними территорию Нового Плимута.

В начале 30-х годов колония насчитывала несколько сот жителей. Появились новые поселки, новый орган управления — магистрат. Он состоял из губернатора и пяти ассистентов, которых избирало Общее собрание. Членами магистрата, как правило, становились состоятельные колонисты, являвшиеся к тому же влиятельными членами сепаратистской церкви. Они и люди, близкие им по родственному и имущественному положению, становились местной «аристократией».

С развитием в колонии института частной собственности на землю, с ростом связанного с этим социального неравенства в хозяйстве плимутцев (после первых двух разделов земли — по сути дела натуральном крестьянском хозяйстве) начала появляться тенденция к превращению

его в хозяйство фермерского типа: не связанного общинными рамками и способного производить излишки для их регулярной продажи с целью получения выручки. В 30-е годы наиболее состоятельные и предприимчивые плимутцы сбывали свои товары не только в пределах Нового Плимута, но также и в соседние английские колонии и в Новые Нидерланды[20] (зерно, табак, скот).

В 1636 г. Общее собрание Нового Плимута приняло «Великие основы»[21] — свод законов колонии. В этих законах линия буржуазного развития плимутского общества приобрела выпуклые очертания как в области имущественных, так и прочих правовых установлений. Приобрели четкость социальные различия в статуте фрименов, «обитателей» (недавние колонисты, права которых были ограничены), сервентов. «Великие основы» признавали верховное королевское владение землей колонии, обязательство выплачивать королевскую пятину, иначе говоря, феодальные прерогативы монарха. Признавали формально. Метрополия в то время была бессильна и довольствовалась таким признанием.

«Великие основы» были в немалой степени результатом оппозиции колонистов безграничной власти магистрата, действия которого они хотели ограничить постоянными и едиными для всех законами. К Общему собранию перешло, в частности, право решать вопрос о наделении землей. Однако в промежутки между собраниями магистрат стремился действовать по-прежнему, в том числе и в вопросе о земле, самом важном для поселенцев. Магистрат ссылался на то, что патент, предоставлявший плимутцам территорию колонии, выдан на имя Брэдфорда. Поэтому фримены добились передачи патента Общему собранию.

Основатели Нового Плимута отправились в Америку, когда Англией правил Яков I. Карл I продолжал политику отца, проявляя в осложнившихся условиях несоразмерное стремление к абсолютной власти. Для достижения этой цели он добивался религиозного единообразия своих подданных, что давало ему как главе церкви дополнительную власть над ними. Принудительные меры англиканизации пуритан вызывали со стороны последних упорное сопротивление, явное и скрытое. Значение пуританизма как знамени, вокруг которого объединялась оппозиция королю, быстро возрастало. Король и официальная церковь отвечали репрессиями.

К концу 20-х годов XVII в. часть пуритан радикального крыла, желая избавиться от гнета королевской власти и религиозных преследований, но не созрев для открытой борьбы, решила последовать примеру пилигримов и переселиться в Америку. То были люди, все более расходившиеся с правым крылом пуритан — пресвитерианами — и дошедшие в своем неприятии англиканской церкви до принципа конгрегационализма. От пилигримов этих пуритан отличала принадлежность к более состоятельным слоям английского общества, непосредственная связь с его буржуазными и оппозиционными кругами.

Пуритане-конгрегационалисты внешне не порывали с официальной церковью. Их намерение, заявляли они, после неудачных попыток «очистить» эту церковь изнутри — добиться той же цели извне, не подвергая себя «порче». С обострением политической борьбы в стране пуритане-

[20] Голландская колония, которая возникла в 1614 г. в устье р. Гудзон, на неосвоенной территории владений Виргинской компании.

[21] Records of the Colony of New Plymouth: Vol. 1–12/Ed. by N. Shurtleff, D. Pulcifer, Boston, 1856—1861, vol. 2, p. 6–24.

конгрегационалисты приобрели союзников в парламенте и придворных кругах, соратников — даже среди аристократов. Это позволило им, скрывая религиозную подкладку дела, получить в 1629 г. королевскую хартию на право создания собственной колонизационной компании. В ее владение была передана территория на север от Нового Плимута, прилегающая к Массачусетской бухте (названа по имени обитавшего там индейского племени).

Отъезжавшие в Америку на этот раз четко делились на две неравные части. Меньшинство — основатели и руководители «Компании Массачусетской бухты», они же руководители экспедиции, включая священников, люди состоятельные и влиятельные. Большинство — сервенты и наемные работники. Наделение их землей по окончании службы не предполагалось ни в каком виде, форме или размере, хотя именно их руками должна была возделываться земля еще одного «Нового Ханаана», или «Нового Израиля (Иерусалима, Сиона)», как чаще говорили пуритане. Из тогдашней Англии многие готовы были бежать с самой слабой надеждой на лучшее будущее.

После двух небольших экспедиций пуритан в Массачусетскую бухту в 1630 г. туда направилась третья (приблизительно 1000 человек) — самая большая с начала колонизации англичанами Северной Америки. Руководители экспедиции, боясь, что враги пуритан откроют глаза королю на религиозно-политический характер их эмиграции и тот лишит их хартии, увозили ее с собой[22]. В пути глава экспедиции и губернатор будущей колонии Джон Уинтроп, собрав пассажиров флагманского корабля «Арабелла», объявил им основные принципы, исходя из которых предполагалось строить общественную жизнь поселенцев[23].

Главный из них заключался в утверждении, что «Бог, создав мир и людей, создал и неравенство, сделав так, что одни люди управляют другими, что кто-то богат, а кто-то беден». Согласно другому принципу строителям «Нового Иерусалима», который должен служить обозримым всему миру образцом библейских добродетелей — «городом на холме», следует быть послушными исполнителями божьей воли, заключавшейся в повиновении учрежденным в колонии властям. Возможные невзгоды подчиненных должны быть облегчены «христианским милосердием» правителей и имущих. «Образец христианского милосердия», объявленный Уинтропом, означал создание в колонии классового неравенства, господства имущих, осуществлявших управление. В соответствии с этим и действовали с самого начала руководители колонии.

12 июня 1630 г. корабли подошли к американскому берегу. Колонисты приступили к основанию поселений. Одновременно создавались конгрегационалистские церкви. Их членами вначале были наиболее видные колонисты, избравшие пасторами прибывших с ними священников. Иначе говоря, к церкви был применен упоминавшийся «Образец» Уинтропа. Это и понятно. Именно церковь в лице священников — толкователей Библии — должна была утверждать «истинность», богоданность «Образца».

В августе 1630 г. Уинтроп и его ассистенты, избранные еще в Анг-

[22] По феодальной традиции лишение каких-то прав сопровождалось изъятием документа, предоставлявшего эти права, без чего лишение прав считалось неокончательным.

[23] The Puritans. A Source Book of their Writings: Vol. 1, 2 / Ed. by P. Miller, T. N. Johnson. N. Y., 1963, vol. 1, p. 195—197.

лии, начали функционировать в качестве магистрата колонии, хотя хартия предусматривала деятельность полномочного Общего собрания свободных колонистов, избиравших органы управления Массачусетса, как вскоре стали именовать осваиваемую пуританами страну.

Пуританский фанатизм магистрата и огромная роль, которую играли в среде пуритан тесно сотрудничавшие с ним священники, придавали создаваемому в колонии режиму теократические черты. Прежде всего они обнаружились в преследовании инаковерующих — англикан, пресвитериан, сепаратистов, а также тех, кто ставил под сомнение неограниченную власть магистрата, ссылаясь на английские законы или на хартию. Преступление или проступок были одновременно грехом, грех — преступлением. Наказания, определявшиеся по законам библейского Моисея, были очень суровы, особенно для сервентов. Греховность, а значит преступность, считалась как бы неотъемлемым их качеством, пороком «черни».

Часть колонистов, удрученных трудностями устройства на новом месте, а главным образом недовольных политикой магистрата, к весне 1631 г. вернулись на родину. Власть магистрата едва не была поколеблена «бунтом» священника Роджера Уильямса, известного богослова, который прибыл в страну в феврале 1631 г. и которого прочили в пасторы Бостона — юной столицы Массачусетса.

Уильямс подверг сомнению «истинность» местного конгрегационализма. Во-первых, потому, что руководители колонии не объявили о разрыве с англиканской церковью; во-вторых, потому, что они нарушали независимость церквей и свободу вероисповедания, вмешиваясь в их жизнь под предлогом охраны принятых руководителями колонии религиозных догм и форм богослужения; в-третьих, потому, что светская власть в лице магистрата осуществляла досмотр и наказывала отступающих от принятых догм, хотя столпом конгрегационализма являлось разделение светской и церковной властей.

Это были взгляды, близкие, если не совпадавшие, с сепаратистскими, а потому казавшиеся лидерам массачусетских пуритан весьма опасными. Проводя самостоятельную политику, они продолжали делать вид, что являются лояльными подданными короля и противниками окончательного разрыва с церковью метрополии. Они еще на родине были против сепаратизма, распознавая в нем элементы «крестьянско-плебейской ереси». Теперь, когда они оказались у власти и насаждали церковное единообразие, сепаратизм и принцип свободы совести, который особенно горячо отстаивал Уильямс, были для них совершенно неприемлемы.

Чтобы пресечь крамолу, Уильямса решили выслать в Англию; однако он бежал и нашел приют в Новом Плимуте. Там его избрали проповедником («учителем») — помощником пастора — местной церкви.

Вынужденный по требованию фрименов созвать Общее собрание (май 1631 г.), магистрат оповестил об этом лишь наиболее состоятельных и преданных людей. Во время заседаний священники, используя библейские притчи, убедили собравшихся принять решение, согласно которому впредь фрименами могли стать только члены местных церквей [24].

При строгом приеме в эти церкви, при том, что священники были заодно с магистратом, а членами церкви — губернатор, ассистенты, наиболее зажиточные и ортодоксально настроенные поселенцы, введенная

[24] Foundations, vol. 1, p. 294.

мера позволяла при переводе в разряд фрименов осуществлять отбор людей, наиболее приемлемых для магистрата, ограничивать их прием, оказывать на них нужное воздействие. Теократические черты установленного режима, таким образом, становились более четкими. А так как магистрат оставался несменяемым, то правление приобретало характер олигархии, особенностью которой являлось фактическое единство действий магистрата и священников-ортодоксов массачусетского пуританизма при формальном разделении светской и духовной властей, которого требовала идея конгрегационализма.

Не покушаясь на эту идею, магистрат в то же время продолжал под всякими предлогами вмешиваться в жизнь тех церквей, которые отступили в чем-либо от вводимых норм. В 1632 г. его авторитарные претензии распространились и на область налогообложения, считавшуюся прежде компетенцией отдельных поселков. Во время очередного Общего собрания фримены, при всей их приученности к послушанию, выразили свое несогласие. Собрание постановило, что финансовые вопросы должны решаться магистратом совместно с представителями от поселков (по два от каждого). Тогда же было принято решение, что члены магистрата должны избираться Общим собранием. Иначе говоря, вводилась норма, которая предусматривалась хартией, но нарушалась магистратом. Учитывая трудности, с которыми пришлось встретиться членам магистрата при основании колонии, и отдавая дань их церковной учености, за ними сохранили прежние посты.

Воспользовавшись тем, что власть вновь попала в их руки, члены магистрата, стремясь вернуть ее себе в полной мере, взялись за искоренение «духа анархии». Были введены строгие правила поведения колонистов — для придания их жизни «богобоязненной» скромности, которая включала покорность светской и церковной властям. Регламентировалось все: от фасона одежды и причесок до характера и времени развлечений, не говоря уже о строгом и обязательном порядке церковной службы. Судебные и административные наказания дополнялись позорящими. Провинившегося заставляли нашивать на одежду яркого цвета начальную букву слова, которым определялся проступок (пьяница, блудница и т. д.). В условиях маленькой колонии, контролируемой магистратом и священниками, это означало подвергнуться жестокому остракизму и поношению.

Особенно строг был магистрат по отношению к сервентам и наемным работникам. Для них существовали специальные наказания за побег от хозяина и за ссору с ним, за невыполнение условий контракта, за порчу хозяйского имущества и проч. При этом магистрат, исполнявший функции суда и состоявший из хозяев, почти всегда решал дела в пользу последних. Под предлогом борьбы с «леностью», «распущенностью» и «развращенностью черни» особыми постановлениями ограничивались заработки сервентов и наемных работников.

В мае 1634 г., отвергнув возражения членов магистрата, фримены большинством голосов утвердили решение об обязательном участии двух — трех представителей поселков на каждом Общем собрании. Присутствие всех фрименов считалось теперь необходимым только на весенних собраниях, когда избирались члены магистрата[25].

[25] Winthrop's Journal. History of New England, 1630—1649: Vol. 1, 2 / Ed. by J. K. Hosmer. N. Y., 1908, vol. 1, p. 123, note 1.

Уинтроп упорно возражал против расширения прав поселков. Фримены, уже давно недовольные его самоуправством, избрали губернатором Томаса Дадли, который до этого был заместителем Уинтропа.

В конце того же года фримены продемонстрировали свое недовольство существовавшими порядками еще раз. Это произошло в Бостоне, где горожане при тайном голосовании провалили на выборах в комиссию по распределению земли всех кандидатов от магистрата. Произошло это потому, что магистрат не только с самого начала узурпировал право наделять колонистов землей, но и использовал его для округления владений ассистентов, льготного наделения землей священников, для давления на несговорчивых и поощрения послушных, всегда оказывая предпочтение состоятельным поселенцам. Специальными распоряжениями ограничивалась возможность для сердобольных хозяев предоставить земельный участок сервенту, отслужившему срок контракта.

С ростом населения установилась практика передачи земли группе состоятельных людей, которые обязывались основать новый поселок. Эти люди получали право выбирать себе лучшие участки, наделять землей новичков (за деньги или на других условиях), решать местные дела. Если результатом сосредоточения административной и церковной власти, а также наиболее крупных состояний и земельных владений в руках определенного круга лиц явилось образование местной «аристократии» колониального масштаба, то теперь появилась «аристократия» поселков.

Политические и правовые преимущества «аристократов», а также их зажиточность и наличие у них сервентов создали почву для обогащения, для занятия предпринимательской деятельностью (мельницы, кораблестроение, кузницы, постоялые дворы и т. д.) и активной торговлей. Так как в основе всех их хозяйственных дел лежал труд сервентов, а также наемных работников, то эксплуатация этого труда возрастала, как и стремление состоятельных колонистов использовать труд неимущих земледельцев в целях расширения собственного «дела», освоения большей земельной площади. Все это вело к углублению социального неравенства и обострению социальных противоречий. Магистрат и священники твердо защищали интересы «аристократов». При их теократической политике это создавало режим «аристократической теократии».

При огромных незаселенных просторах за пределами контролируемой магистратом территории оппозиция его политике, естественно, вылилась со временем в движение части колонистов с освоенных мест в глубь страны. Первый поток направился к р. Коннектикут. Эти люди тянулись к земле и свободе, которая для тогдашних массачусетских пуритан означала прежде всего возвращение к «истинному» конгрегационализму, который, по их мнению, был искажен авторитарной политикой лидеров колонии.

На освоенной территории Массачусетса колонисты почти не опасались индейцев. Те были малочисленны (из-за эпидемии, опустошившей место их обитания), миролюбивы, имели дело сразу же с большим числом чужеземцев, а потому были уступчивы, предпочитая отступление решительной защите своих прежних владений. По мере расширения европейской колонии их положение ухудшалось, а отношение к ним, вначале осторожное, становилось все более бесцеремонным и высокомерным. На их защиту встал знакомый нам Роджер Уильямс.

В 1633 г. он вернулся в Массачусетс. Бостонский магистрат едва терпел его присутствие на своей территории, уступая настояниям прихожан поселка Сейлем, где Уильямс был избран проповедником. И вдруг, в конце года, стал известен его трактат, в котором он отстаивал права индейцев, составленный им еще в Новом Плимуте. В трактате утверждалось, что ни король, ни колонисты не являются хозяевами американской земли: она принадлежит аборигенам, только с ними следует вести переговоры о ее приобретении, считаясь с их интересами и обычаями[26]. Уильямса вызвали в магистрат и сделали строгое внушение. В начале 1634 г. магистрат столкнулся с новой «крамолой». Колонист Израэл Стоутон написал книгу, в которой ставил под сомнение правовые основы существования и деятельности магистрата. Взгляды Стоутона осудили и сумели провести на Общем собрании решение, запрещавшее ему на три года занимать общественные должности, а книгу сожгли[27].

Сравнительный либерализм магистрата при решении нового «дела Уильямса» и «дела Стоутона» объяснялся как популярностью обоих обвиняемых, так и боязнью осложнить строгими мерами свое положение в связи с явным недовольством Лондона политикой пуританских лидеров. Их религиозная нетерпимость и самоуправство были предметом многих жалоб, поступавших королю из колонии и от врагов пуритан в самой метрополии[28].

Действительно, едва были отпущены Уильямс и Стоутон, как пришла грозная весть: правительство требовало возвратить хартию, дабы сверить ее установления с линией поведения магистрата. Позже дошел слух об отправке в колонию военной экспедиции, призванной покончить с самоуправством пуритан.

После долгих колебаний на совещании членов магистрата и священников осенью 1634 г. было принято решение: хартию не отсылать; в случае насильственного вмешательства в жизнь колонии оказать посильное сопротивление[29]. Хватило бы у магистрата мужества на вооруженную борьбу и как бы повели себя остальные колонисты, сказать трудно, так как часть колонистов недвусмысленно выражала верность королю, а сам он в тогдашних условиях не имел ни сил, ни средств осуществлять карательные меры.

Но, независимо от этого, при всей жесткости существовавшего в Массачусетсе режима, то был режим, установленный, как представлялось большинству колонистов, более или менее в соответствии с пуританскими идеалами, а следовательно со «словом Бога» — Библией. Этот режим был предпочтительнее возврата под власть короля и епископов. Но приверженность такому режиму не означала стремления к независимости от Англии. Люди, принявшие упомянутое решение, боялись намека на подобное понимание их действий. Решение было принято на крайний случай и с оговорками. Когда пуританские фанатики Сейлема демонстративно срезали крест (символ, отвергавшийся пуританами) с королевского флага, этот поступок был осужден магистратом.

---

[26] Ibid., p. 116.
[27] Ibid., p. 147; The Puritan Tradition in America: 1620—1730 / Ed. by A. T. Vaughan. Columbia (S. C.), 1972, p. 154—155
[28] Letters from New England. The Massachusetts Bay Colony, 1629—1638 / Ed. by E. Emerson. Amherst (Mass.), 1976, p. 147—150.
[29] Winthrop's Journal, vol. 1, p. 128—129, 135, 145.

В 1635 г. магистрату стало известно, что Роджер Уильямс продолжает пропагандировать идеи трактата. Более того, он вновь выступает в защиту свободы совести и против политики принудительного религиозного единообразия, проводимой лидерами колонии, и число людей, разделяющих его религиозные взгляды, растет.

Получение этой вести совпало с ростом оппозиции фрименов авторитарным замашкам губернатора Дадли. Его вывели из состава магистрата. Губернатором избрали Джорджа Хейнса, тоже «аристократа», но из вновь прибывших. На том же собрании был создан комитет, уполномоченный кодифицировать существующие законы и предложить новые, чтобы жизнь колонистов регулировалась твердыми установлениями, а не решениями, принимаемыми магистратом по своей воле.

Хейнс пошел путем Уинтропа и Дадли. Магистрат сразу же обратился к «делу Уильямса», видя теперь более четко, чем раньше, опасность, которую представляла его религиозная оппозиция «аристократической теократии», все больше приобретавшей характер олигархии.

Сталкивая в споре с Уильямсом других священников, клевеща на него, пугая религиозным расколом и вмешательством короля в дела колонии, магистрат сумел повлиять на фрименов. В октябре 1635 г. Общее собрание постановило выслать сейлемского проповедника из пределов Массачусетса в Англию, где его ждала тюрьма. Сказался «аристократизм» фрименов в сравнении с положением остального населения страны (бесправным или неполноправным).

Роджер Уильямс вновь сумел бежать от своих преследователей. Он укрылся в стране индейцев-наррагансетов, обитавших на берегу Наррагансетской бухты, южнее Нового Плимута. Ему помогли бежать его сторонники, часть которых вскоре последовала за ним. Так было положено начало колонии Провиденс, которая позже получила название Род-Айленд. Под влиянием Уильямса эта колония сделалась первым английским владением, где в то время была официально объявлена свобода совести и поддерживалась веротерпимость, где существовали тогда наиболее демократические порядки и где колонисты жили в мире с индейцами.

Продолжался отлив поселенцев в Коннектикут, как стали именовать край, где протекала река с этим названием. На место уходивших прибывали люди из Англии, зараженные атмосферой страны, подходившей к порогу революции: политическими страстями, ненавистью к деспотизму, религиозными спорами.

Весной 1636 г. Хейнс был смещен с поста губернатора. На его место избрали недавно приехавшего молодого и радикально настроенного Генри Вейна. Его заместителем стал Уинтроп, правление которого казалось теперь достаточно либеральным и за которого ожесточенно боролись терявшие свои позиции «аристократы».

В июле 1636 г. у о-ва Блок-Айленд, что в Наррагансетской бухте, индейцами был убит колонист Джон Олдэм. Кто его убил и что послужило непосредственной причиной столкновения, осталось навсегда неизвестным. Но было известно, что этот человек буйного нрава мог легко спровоцировать столкновение. Тем не менее власти Массачусетса сочли происшедшее удобным предлогом для демонстрации силы в связи с переговорами, которые велись с племенем пекотов, не желавшим поступаться своими правами на землю (они жили между реками Наррагансет и Коннектикут).

Против индейцев Блок-Айленда была направлена экспедиция, возглавляемая Джоном Эндикоттом. Индейцы бежали на континент. Англичане снесли с лица земли все их деревни. Преследуя бежавших, вошли на своих судах в устье Коннектикута, откуда совершили рейд в страну пекотов, где убили несколько человек, после чего вернулись домой. Неспровоцированное нападение вызвало возмущение индейцев, которые стали беспокоить поселения колонистов, осевших на р. Коннектикут. Одно из нападений послужило поводом к тому, что в американской историографии принято называть Пекотской войной.

Она началась в мае 1637 г. Объединенные силы Массачусетса, поселенцев с р. Коннектикут и наррагансетов, враждовавших с пекотами, неожиданно напали на последних, когда те собрались на праздник в деревне Мистик. Это произошло глубокой ночью. Пекотские воины крепко спали. Англичане, возглавляемые капитаном Мэйсоном, окружили деревню, ворвались за окружавший ее частокол, разбрасывая факелы. Убивали всех, кто пытался выскочить из горящих хижин. Немногих, которые сумели перебраться через высокую ограду, добивали стоявшие за ней наррагансеты. Война этим фактически и закончилась [30]. Дальнейшее было преследованием и уничтожением всех оставшихся пекотов. Их землю заняли англичане.

Именно Пекотская война явилась толчком к образованию колонии Коннектикут и колонии Нью-Хейвен, расположенной на западе от нее. Участь пекотов вскоре разделили недавние союзники англичан — наррагансеты, а за ними другие индейцы, чьи земли граничили с Массачусетсом и вновь создаваемыми пуританскими колониями. Пекотская война послужила началом узаконенного рабства в Новой Англии. Рабами сделали попавших в плен пекотов. Вскоре, в 1638 г., в Массачусетс была доставлена первая партия черных невольников. Рабство, правда, не стало значительной и неотъемлемой частью жизни колоний Новой Англии из-за направленности тамошнего хозяйства, главным образом зернового, огородного, скотоводческого, определившегося природными условиями, сходными с теми, к которым поселенцы привыкли на родине и которые препятствовали внедрению рабовладельческого плантационного хозяйства.

В период между рейдом Эндикотта и окончанием Пекотской войны в Массачусетсе возникла новая оппозиция политике лидеров колонии. Ее вдохновителем была Энн Хатчинсон, 40-летняя хозяйка большой и многодетной семьи зажиточного бостонца.

Вокруг отзывчивой и энергичной Энн собрался кружок женщин. Постепенно, кроме обычных дел, они под влиянием своей горячо верующей руководительницы стали обсуждать религиозные вопросы. К кружку присоединились свояк Энн, священник Джон Вилрайт и еще несколько мужчин, но Энн сохранила свою руководящую роль и начала выступать в качестве проповедницы.

Она утверждала, что местные священники подменяли духовное «очищение» и связанное с этим возможное «спасение» «очищением», которое определяется прежде всего праведностью поведения. Она учила, что «святость» приходит к человеку через «божественное откровение», т. е. через непосредственное «общение верующего с Богом», которое и дает познание «святой истины» [31]. Мысли, неизбежно ведущие к отрицанию монополии

[30] *Mason J.* A Brief History of the Pequot War. Ann Arbor, 1966, p. 8—9.
[31] Winthrop's Journal, vol. 1, p. 195—196.

священников на «истинное» толкование «слова Бога» (Библии) и отрицанию права магистрата, опираясь на их толкование, определять праведников, поддерживать «истинную» организацию церкви и «истинное» вероучение.

Магистрат и священники-ортодоксы с яростью ополчились против новоявленной проповедницы. Энн и ее сторонников стали называть «антиномистами»[32]. Их обвиняли в еретической претензии на личное общение с богом, в снижении «высоких истин» до вульгарных представлений «черни». Однако число антиномистов росло. Колонисты, недовольные духовным угнетением, бесправием и эксплуатацией, искали и находили в проповедях Энн необходимое для того времени и места религиозное оправдание своего недовольства.

Самой активной силой возникшего движения оказались купцы Бостона, где происходили главные события. Местные купцы, к которым принадлежала и семья Хатчинсонов, были недовольны торговыми ограничениями, которые вводил магистрат, хотели пробиться в ряды «аристократов». В отличие от других антиномистов им было легче употребить богословскую аргументацию для своих целей: они, будучи фрименами, имели возможность высказать свои взгляды на Общих собраниях, а передвигаясь для торговли — в разных поселках колонии. Колонисты, испытав прямое угнетение, в большинстве своем даже не являвшиеся членами церквей, выражали свое отношение к возникшей борьбе стихийным и более или менее шумным одобрением слов Энн, священника Вилрайта и других антиномистов.

Положение врагов антиномии осложнилось в связи с переходом на сторону их противников губернатора Вейна, разглядевшего корыстный и тупой фанатизм членов возглавляемого им магистрата, не отвечавшую идеям конгрегационализма роль священников в политической жизни колонии. Попытка ортодоксов добиться осуждения «ереси» антиномистов на Общем собрании провалилась.

Напуганные ортодоксы, возглавляемые Уинтропом и священником Джоном Вильсоном, недалеким, но упорным и фанатичным до безумия, мобилизовали все возможные силы, пустили в ход все средства, чтобы вернуть себе прежнее влияние и подорвать силы своих противников. Они не гнушались подлогов, шантажа, запугивания. Кроме этого, им помогла горячность юного Вейна, которого они представляли опрометчивым и неопытным в делах управления. Им помог страх фрименов перед «анархией», «бунтом черни» и вмешательством метрополии, чем все время пугали враги Энн.

На весеннем перевыборном собрании 1637 г. Вейн потерял место губернатора. Его сменил Уинтроп, заместителем стал Дадли, а их единомышленники — ассистентами. Новый магистрат издал приказ, затруднявший въезд в страну новых поселенцев, стремясь тем пресечь возможность пополнения рядов антиномистов людьми из бурлящей Англии. Чтобы сторонники антиномии не проникли в конгрегации, вступление туда было ограничено, кроме прочего, введением дополнительных правил приема. Ослабил антиномистов и отъезд вызванного на родину Вейна. Антиномия лишилась своего политического лидера. Тогда ортодоксы поспешили нанести удар по духовному лидеру движения. В нарушение принципов кон-

---

[32] От греческого antinomia — противозаконность.

грегационализма в августе 1637 г. они собрали синод священников. На этом синоде взгляды и деятельность Энн Хатчинсон подверглись осуждению. Рядом постановлений суживались рамки независимости отдельных церквей (запрещение свободного перехода из одной конгрегации в другую, право магистрата поддерживать церковную дисциплину, фактическое запрещение религиозных дискуссий) [33].

Не имея перед собой такого противника, как Вейн, опираясь на решения синода, используя старый жупел «раскола» и новый — растущее влечение к антиномии «черни», ортодоксы перетянули на свою сторону влиятельного священника Джона Коттона, который до этого не определил своей позиции и порой защищал Энн. Он перешел в стан ортодоксов, когда понял, что антиномия угрожает теократическому и олигархическому направлению политики, проводимой членами магистрата и священниками в интересах «аристократов». С тех пор он сделался одним из главных врагов Энн, тем более опасным, что именно он, виднейший английский богослов того времени, с наибольшим авторитетом мог указать на еретические «заблуждения» проповедницы.

На ноябрьском Общем собрании 1637 г., превращенном усилиями ортодоксов в пристрастное судилище, Энн и ее ближайшие сторонники были осуждены на изгнание. Другим видным антиномистам приказали сдать оружие, которое тогда было непременным снаряжением свободного колониста. Сделали все возможное, чтобы запугать и дискредитировать каждого проявившего сочувствие антиномии. Поле боя осталось за ортодоксами, которых возглавляли магистрат и связанные с ним священники. Борьба сплотила, а победа усилила их власть, которая приняла определенно олигархический характер. Существовавший в колонии режим «аристократической теократии» после поражения антиномии превратился в режим «теократической олигархии». Ее составляли административные и духовные руководители колонии — фанатики массачусетской пуританской ортодоксии, местные высшие «аристократы».

Антиномия — первое массовое (по условиям места и времени) социальное движение в Новой Англии. В нем явственно обозначились линии размежевания в обществе колонии, различные интересы его слоев, приобретавших классовые черты буржуазного общества. Черты эти были затушеваны специфическими условиями (наличие незанятых земель, «белые рабы») и окрашены тонами местного пуританизма. Антиномия знаменовала собой начавшийся кризис последнего. Он встал на перепутье между конгрегационализмом и скрытой формой государственной церкви. Его местные теоретики (Джон Коттон, Ричард Мезер) все откровеннее проповедовали идеи «аристократической теократии» и правомочность синодальных совещаний.

Это не означало, что конгрегационализм перестал существовать. Формально он продолжал оставаться главным принципом церковной организации. Он продолжал оставаться знаменем, под которым Массачусетс жил своей самостоятельной жизнью, а главное — знаменем тех, кто вольно или невольно боролся против издержек, стеснявших развитие буржуазных отношений, издержек, связанных с пуританской ортодоксией. Антиномия ускорила крушение пуританской утопии, которая предполагала сооружение «города на холме», где жизнь идет по законам Священ-

[33] Winthrop's Journal, vol. 1, p. 234—235.

ного писания и, таким образом, положение людей максимально приближено к предопределенному «волей Бога», а следовательно, не дает повода и права быть недовольными существующими порядками и социальным неравенством. Антиномия выявила это недовольство.

При утвердившемся режиме «теократической олигархии» были приняты меры к дальнейшему ограничению независимости церквей, насаждению религиозного единомыслия. Не только члены церквей, но и все свободные колонисты, включая самых неимущих, под страхом конфискаций и арестов были обязаны оплачивать церковные расходы. Земля распределялась еще более пристрастно, чем прежде, в пользу лояльных и богатых. Любое проявление протеста строго каралось.

Недовольные спасались бегством из колонии, добивались права на переселение. Энн Хатчинсон и ее последователи отправились на юг, к Роджеру Уильямсу. Вместе с ним они стали основателями упоминавшейся колонии Род-Айленд[34]. Вилрайт ушел на север, где бывшие антиномисты положили начало колонии Нью-Гэмпшир. Севернее ее, немного позже, возникла колония Мэн. В пуританских колониях, образованных противниками бостонской олигархии, новоселы устанавливали порядки более либеральные, чем в Массачусетсе, в частности не требовали обязательного членства в церкви для приобретения гражданских прав.

Не все недовольные массачусетсцы хотели и могли покинуть обжитые места. Их недовольство политикой олигархии разделяли многие новые эмигранты из Англии. Росло число поселков, и магистрат, не имея возможности контролировать их повседневную жизнь, вынужден был предоставить им некоторое самоуправление. Все это создавало почву для возникновения новой антиномии.

Чтобы предотвратить грозящую опасность и увековечить свою власть, олигархия предприняла хитрый маневр. Во время перевыборного майского собрания 1639 г. было предложено сделать Уинтропа пожизненным губернатором. Фримены поняли, что и они, и Общее собрание практически лишатся своих основных прав. На этот раз вместе с ними оказалось большинство священников.

Передавая постепенно, а особенно в ходе борьбы с антиномией защиту церкви и веры от «еретиков» в руки магистрата, священники давали ему возможность в какой-то мере контролировать церковную жизнь. Вместе с этим они теряли часть своего влияния. Однако им было достаточно того, что магистрат считался с их мнением и дорожил ролью духовных пастырей, смирявших, в частности, недовольство колонистов его политикой, чтобы сохранить положение обязательного неотделимого компонента существующей власти. Возросшая независимость несменяемого губернатора могла дать магистрату определенные преимущества.

Уинтроп не стал пожизненным губернатором. Он с трудом набрал голоса, чтобы остаться на своем посту. Режим олигархии сохранился, но последующие два года фримены все решительнее требовали ускорения кодификации законов страны. Олигархия тянула, но в декабре 1641 г. наконец была вынуждена представить собранию составленные законы. Обсудив и внеся поправки, собрание утвердило их.

---

[34] В 1642 г. Энн переселилась в Новые Нидерланды, где погибла во время нападения индейцев.

Первый свод законов Массачусетса, получивший название «Свод свобод»[35],— важное событие в истории этой колонии. Общее собрание утверждалось как высшая законодательная власть страны. К нему перешло окончательно решение основных вопросов, связанных с землевладением. Земля при формальном признании короля ее верховным владельцем переходила в ведение местных властей и использовалась на основах частного владения без каких-либо обязательств перед короной. В ряде статей получили утверждение и почву для дальнейшего развития элементы буржуазных отношений, в частности в сфере уголовного права и судебной процедуры. В свод были включены правовые нормы, которые известны по Habeas corpus act, введенному в Англии только в 1679 г.

Магистрат — высшая административная и исполнительная власть, чьи функции определялись довольно расплывчато,— сохранил поэтому в силу сложившейся практики очень широкие полномочия. Полноправными колонистами по-прежнему оставались только фримены — члены церкви. Косвенно было узаконено рабство.

Свод подтверждал конгрегационалистский принцип организации церквей, но допускал созыв синодов для борьбы с религиозными «заблуждениями». Грань между уголовным преступлением и отступлением от церковных правил оставалась нечеткой. Последние карались очень сурово.

В целом «Свод свобод» придавал «государственному» устройству колонии правовой характер, ограничивал власть «теократической олигархии», отражал буржуазное развитие общества Массачусетса, что было несомненным достижением фрименской «демократии». однако не сломившей режима «теократической олигархии».

4. МЭРИЛЕНД

В 1632 г. Карл I пожаловал Сесилю Калверту, второму лорду Балтимору, хартию[36] на владение северной частью Виргинии, что прилегала к Чесапикскому заливу и еще не была заселена виргинцами. Новую колонию назвали Мэриленд в честь жены короля. Статут этой колонии сильно отличался от статута остальных английских владений в Северной Америке. Колония именовалась «провинцией», и лорд Балтимор обладал в ней правами почти неограниченного в свой власти феодального сеньора. Земельные отношения строились на ленной основе: лорд-собственник — владельцы маноров — фригольдеры. Лорд имел право жаловать землю в любом размере и на любых условиях. Хартия санкционировала учреждение Генеральной ассамблеи свободных колонистов (фрименов). Однако ее созыв и работа полностью зависели от воли лорда и воли назначенного им губернатора провинции.

Основной целью Балтимора, как и других учредителей колоний, являлось получение доходов: с земельных владений поселенцев (квит-рента), налогообложения и возможных природных богатств заселяемого края. Лорд был католиком. Поэтому, кроме основной цели, он ставил перед собой дополнительную: дать своим единоверцам, которые находились в стесненном положении, возможность, не порывая окончательно с роди-

[35] Puritan Political Ideas / Ed. by E. S. Morgan. Indianapolis, 1965, p. 177—203.
[36] Foundations, vol. 2, p. 756—763.

ной, свободно исповедовать католицизм. Так как хартия предписывала ввести в провинции церковные законы метрополии, эта цель скрывалась, хотя в значительной мере была секретом Полишинеля.

Виргинцы, не желавшие терять значительную часть принадлежавшей им ранее территории, старались помешать основанию Мэриленда. Они утверждали, что это будет означать распространение «папизма», усиление в Америке позиций Франции и Испании. Чтобы отвести подозрения, лорд отдал руководителям готовившейся экспедиции распоряжение соблюдать в походе и на американской земле строгую веротерпимость для исповедовавших христианство[37].

Распоряжение диктовалось не только дипломатическими соображениями. Хотя католики были, несомненно, стеснены, они не были так гонимы, как, например, сепаратисты. Среди них были владельцы земли, джентри, представители, как сам лорд Балтимор, высшей знати. Католиков, желавших отправиться в Америку, насчитывалось совсем немного. Опыт же говорил, что без рабочих рук прочная колонизация невозможна. Еще дома имущие католики привыкли к тому, что их окружали англикане и протестанты, составлявшие население их владений, штат слуг и работников. Поэтому случилось так, что в первой экспедиции лорда из 200—300 путешественников только половина принадлежала к римской церкви, среди них около 20 джентльменов, $^2/_3$ общего числа были сервентами и наемными специалистами. Чтобы не погубить дело в самом начале религиозными распрями, лорд был вынужден ввести веротерпимость.

Экспедиция, состоявшая из двух кораблей («Арк» и «Дав»), возглавляемая братом лорда Леонардом Калвертом, вышла в море в ноябре 1633 г. В марте следующего года подошли к берегу Мэриленда, где 27-го числа основали поселение Сент-Мэри, ставшее столицей провинции.

Начало Мэриленда было счастливее, чем у более ранних поселений. Сумели установить мирные отношения с индейцами, что обеспечило их помощь, в значительной мере освободило рабочие руки. При накопившемся у англичан опыте колонизации это позволило избежать голода. Сходство природных условий Мэриленда и Виргинии дало возможность сразу перенять плантационную рабовладельческую систему хозяйства, производящего табак, что ускорило ход экономического развития провинции.

Особенно преуспевали приехавшие туда монахи-иезуиты. На землях созданной ими миссии использовался труд не только негров-рабов и сервентов, но также и труд доброхотов-католиков и особенно труд обращенных в христианство индейцев. Ловко ведя дело с вождями соседних племен, иезуиты сумели получить от них в дар обширные земли и сделались крупнейшими землевладельцами.

По общим правилам, которые устанавливались инструкциями лорда, люди, ввозившие 5 сервентов, становились владельцами маноров в 2 тыс. акров (позже — в 1 тыс.) при квит-ренте в 20 ш. Свободные поселенцы получали наделы в 100 акров на себя и такие же на каждого члена семьи при квит-ренте в 2 ш. с каждых 100 акров (фригольдеры). Срок контрактов для сервентов был точно определен и составлял 5 лет. По окончании службы серvenту причиталось получить 50 акров земли, одежду и запас зерна[38].

---

[37] Narratives of Early Maryland, 1633—1684 / Ed. by Cl. C. Hall. N. Y., 1910, p. 16—23.
[38] Ibid., p. 91—92, 99—100.

Большие, чем в других колониях, размеры наделов, меньший срок контрактов и наделение сервентов землей, а также заранее полученное провинцией право иметь ассамблею — результат, как и в вопросе веротерпимости, здравого и вынужденного расчета лорда. Зачем, не имея льгот, англичанину было ехать в девственную страну, когда рядом находились уже освоенные; протестанту — в страну, управляемую католиками; фримену — не рассчитывая хотя бы на ограниченное участие в общественной жизни, позволявшее отстаивать свои интересы; сервенту — без определенной надежды приобрести земельный надел?

Первую Генеральную ассамблею губернатор созвал в 1635 г. Сведений о ее работе не имеется. Вторая, очень малочисленная (кворум 10 человек, созвана в 1638 г.), обсуждала проект законов, присланный лордом из Англии. Депутаты и губернатор не смогли договориться, и тот распустил ее, воспользовавшись назревавшим военным конфликтом.

Еще до основания Мэриленда упоминавшийся ранее виргинец Клейборн основал факторию на о-ве Кент, лежащем в Чесапикском заливе и вошедшем во владения Балтимора. Не желая терять свою факторию, Клейборн стал центральной фигурой оппозиции, препятствовавшей лорду приобрести провинцию. Когда усилия, направленные на это, не принесли желаемого результата, Клейборн всячески мешал поселенцам провинции осесть на новом месте. Он провоцировал индейцев нападать на них. Его суда препятствовали их движению по заливу. Попытки губернатора Виргинии Харви пресечь подобную деятельность Клейборна наталкивались на сопротивление совета колонии, который стоял на стороне «патриота» Виргинии.

Пять лет руки Калверта и его колонистов, занятых освоением своей страны, не достигали о-ва Кент. Клейборн все это время укреплял факторию, активизировал ее торговую деятельность, будоражил индейцев. Дальнейшее попустительство виргинцу грозило Мэриленду потерей острова, убытками и войной с индейцами. Когда возник спор в ассамблее, Калверт, выжидавший момент, чтобы свести счеты с Клейборном, решил действовать, а заодно под благовидным предлогом распустить ассамблею.

Мэрилендцы подошли к о-ву Кент на своих кораблях ночью и застигли противников спящими. Их взяли в плен. Остров был провозглашен неотторжимым владением Балтиморов.

Вернувшись из похода, Калверт вновь созвал ассамблею. Она по-прежнему не утверждала присланный ей проект законов. Губернатор не принимал вносимых поправок. Жизнь, однако, требовала хотя бы временного законодательства. Согласились утвердить «акты». По имевшимся инструкциям они могли служить законами без санкции лорда до созыва следующей ассамблеи.

Принятые акты [39] защищали личную свободу и имущество фрименов, утверждали их право на передачу земли наследникам, несколько облегчали маневрирование в области земельных отношений, хотя и в пределах феодальных форм, установленных хартией. Один из актов подтверждал обязательную веротерпимость. Другой — запрещал приобретать землю у индейцев без утверждения сделки лордом, а также торговать с индейцами без его разрешения. Срок службы сервентов, когда контракты

[39] Foundations, vol. 2, p. 182–183, 1267–1269, 1392, 1524.

не указывали этого срока, устанавливался не более чем на 4 года, а одновременно вводились точные нормы вспомоществования, которое должен был оказывать хозяин сервенту, закончившему у него службу.

Так как лорд не сразу реагировал на законодательную инициативу своих колонистов, то принятые ими акты действовали несколько лет. Эти акты отражали специфику тогдашней жизни провинции, существовавшие в ней общественные противоречия. То были противоречия, возникавшие в результате осуществления губернатором неограниченной власти и стремления колонистов к большей политической и экономической самостоятельности; противоречия между католиками, занимавшими руководящие посты, и протестантами, за счет которых в подавляющем большинстве росло население колонии; противоречия между монахами и другими колонистами, которые с завистью смотрели на расширение и богатство иезуитской миссии; противоречия между Мэрилендом и остальными английскими колониями в Америке на экономической и религиозной почве, что заставляло мэрилендцев для удержания своих сервентов предоставлять им некоторые льготы.

Неприязнь к иезуитам вызывалась, кроме прочего, покровительством, которое оказывал им губернатор, а также тем, что они вели себя как располагавшие, в силу своего монашества и католичества, иммунитетом по отношению к прерогативам лорда и власти губернатора.

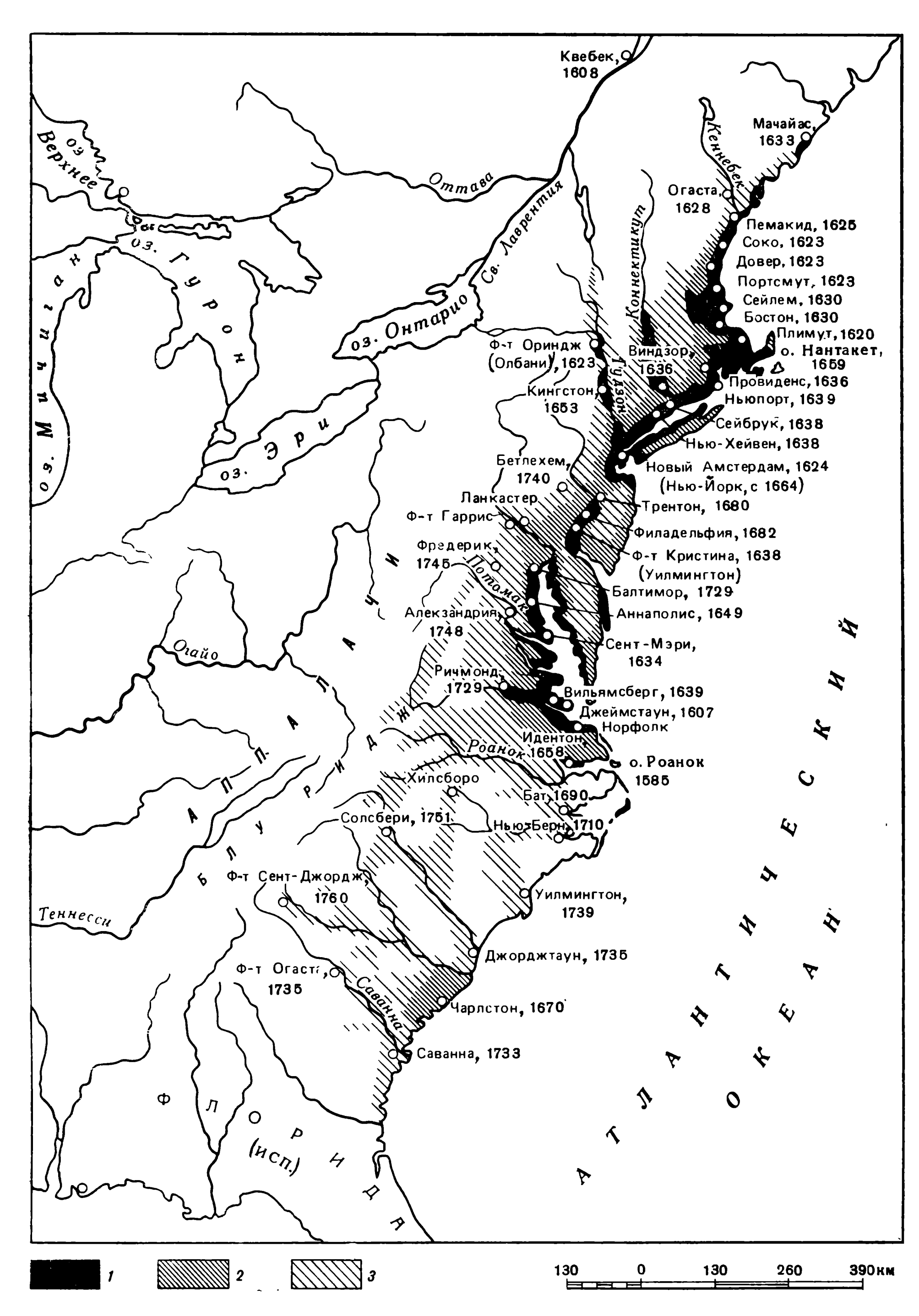
Упомянутые льготы сервентов были весьма относительны. Специальные распоряжения и приказы делали жизнь мэрилендского сервента нередко тяжелее жизни «белых рабов» других колоний. Тем не менее признанное законом право на земельный участок было преимуществом, которым в то время не располагали сервенты Виргинии и Новой Англии, преимуществом, вселявшим надежду на лучшее будущее.

Мэриленд, основанный в годы проведения Карлом I «политики напролом», являлся своего рода «опытным полем» для насаждения феодальных институтов. Исходя из этого была составлена хартия, дарованная лорду Балтимору. Но провинция, как и другие английские колонии в Америке, создавалась руками людей, которые родились и жили в условиях активно разлагавшейся феодальной системы. В Мэриленде, задуманном как феодальное владение, движение к капитализму было более затруднительным, чем в других колониях. Однако и в Мэриленде искусственно насаждаемый феодализм не мог сохранять строгие формы, приобретал формальные черты. Земельные отношения приближались к частновладельческим. Квит-рента взималась, но, не связанная с какими-либо личными повинностями землевладельца лорду, была близка поземельному налогу. Ленные связи так и не установились. Развивалось скваттерство[40]. Плантационное хозяйство вело провинцию по пути Виргинии.

В конце 30-х годов расширение и увеличение числа европейских поселений в Мэриленде, как и в других колониях, вызвало ухудшение отношений с индейцами. В 1642 г. вспыхнула война. Она не носила столь драматического характера, как «бойня» 1622 г. в Виргинии или Пекотская война 1637 г. в Новой Англии, но зато длилась около двух лет.

---

[40] Самовольное занятие «свободной» земли (в кавычках, так как вся земля в колониях считалась принадлежащей королю и от него «держалась» лордом; ее первоначальными хозяевами были индейцы).

АНГЛИЙСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ В XVII—XVIII ВВ.
Английские поселения:
1 — до 1660 г.; *2* — 1660—1700 гг.; *3* — 1700—1760 гг.

Когда начались столкновения с индейцами, Калверт, нуждаясь в средствах и людях для ведения войны, созвал ассамблею. Ее депутаты, вместо того чтобы откликнуться на призыв губернатора, потребовали изменить структуру законодательного учреждения — образовать в нем вторую палату. Эта палата должна была состоять только из депутатов, избираемых фрименами, в отличие от той, которая составлялась бы из членов колониальной администрации и депутатов, назначаемых губернатором (из них в значительной мере состояла существующая ассамблея). В ходе полемики депутаты подняли вопрос о праве губернатора объявлять войну и обязывать фрименов активно в ней участвовать. Иначе говоря, речь шла об ограничении власти губернатора и расширении прав фрименов и ассамблеи — своеобразный отклик на тогдашние революционные события в метрополии.

Калверт отказался выполнить требования депутатов и поступиться своими правами. Пригрозив суровыми карами за саботаж в военное время, он утихомирил своих противников и добился желаемого.

Акт ассамблеи 1638 г., запрещавший приобретать землю у индейцев без разрешения лорда, был направлен против безграничного расширения земель иезуитской миссии. Этим дело не кончилось. Колонисты, отсылая свои жалобы в Лондон, убеждали лорда Балтимора, что претензия монахов на полную независимость от властей колонии, на свободу от каких-либо обязательств перед владельцем провинции наносит тому материальный и политический вред. Иезуиты, в свою очередь, апеллировали к лорду, настаивая на предоставлении им привилегий, которые, по их словам, были неотделимы от их положения служителей католической церкви во владениях лорда-католика, где усилиями монахов обращены в католичество многие индейцы и даже некоторые колонисты-протестанты.

В 1641 г. лорд Балтимор утвердил упомянутый акт ассамблеи. Кроме того, он строго указал брату, что иезуиты не располагают в провинции какими-либо привилегиями, и приказал изъять у монахов все земли, приобретенные ими без прохождения установленной процедуры и без его, лорда, разрешения.

Позиция лорда Балтимора определялась вескими причинами. Он не хотел лишаться земли, которую мог передать колонистам и получать за нее квит-ренту. Он не был заинтересован вызывать недовольство протестантов колонии, которые составляли теперь большинство ее населения, проявляя покровительство рьяным католикам. Его враги и без того кричали о таком покровительстве, а в Англии начиналась гражданская война. Католику и роялисту лорду Балтимору уже грозила смертельная опасность. Он не собирался увеличивать ее из-за горстки мэрилендских монахов, число которых не превышало пяти.

В 1643 г. события в метрополии приняли такой оборот, что, встревоженный судьбой брата, губернатор Леонард Калверт отправился на родину. Своим заместителем он оставил колониста Джилса Брента.

К началу гражданской войны в Англии вдоль Атлантического побережья Северной Америки — от современного штата Мэн до современного штата Северная Каролина — образовалось несколько английских колоний. Занятость правительства в Лондоне внутренними делами страны и слабость его вооруженных сил не только позволяли проявлять известную самостоятельность колонистам, но и создали возможность прорыва единой линии английских заморских владений. Как упоминалось, голландцы ос-

новали Новые Нидерланды, южнее в 1638 г. шведы заложили Новую Швецию. Эти иностранные колонии в пределах, которые формально считались английскими, занимали территорию современных штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Делавэр.

Виргиния, колонии Новой Англии, Мэриленд разнились по географическому положению, времени возникновения, по формальным условиям основания, религиозным воззрениям поселенцев, ориентации хозяйства. Но порождены они были единым всеобъемлющим процессом — развитием в Англии буржуазных отношений, которое стимулировалось революционными событиями. Англичане, перебравшиеся за океан, принесли туда и взрастили там семена буржуазных отношений.

В наиболее чистом виде буржуазные отношения складывались в Новой Англии, особенно в Массачусетсе, «искаженные» плантационным рабством — в Виргинии и Мэриленде, неся в последнем к тому же феодальный покров. При всех трудностях и специфических особенностях развития этих отношений там были условия, способствовавшие данному процессу: фактическая недосягаемость для королевской власти, которая в метрополии являлась стражем феодальных институтов и церковного единообразия, а также люди, бежавшие от этой власти, уже проникнутые буржуазным духом и буржуазной идеологией, четко определенной в пуританизме.

Глава вторая

КОЛОНИИ И МЕТРОПОЛИЯ (1642—1763)

1. КОЛОНИИ ВО ВРЕМЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII В.

Бурные события 1640 г. в Англии ознаменовались созывом Короткого (весна), а затем Долгого парламента (осень). Те, кто до этого не видел иного выхода из гнетущей атмосферы абсолютистской реакции, кроме эмиграции в Америку, стали добиваться своих целей, включаясь в политическую, а потом и в вооруженную борьбу. Приток поселенцев в заморские владения, особенно усилившийся в период беспарламентского правления Карла I, сильно сократился. Некоторые колонисты возвращались на родину.

Вместе с иссякающим притоком эмигрантов иссякал и приток в колонии английских товаров. Купцы участвовали в борьбе, не рисковали отправлять корабли и товары в Америку: по дороге их могли перехватить сочувствовавшие делу короля испанцы и французы. Колонии волей-неволей стали налаживать производство наиболее необходимых предметов, которые ранее доставлялись из Англии. Больше других преуспел в этом Массачусетс, где уже имелись зачатки кустарно-мануфактурного производства.

К гражданской войне в Англии колонии отнеслись неодинаково, как и различные группы населявших эти колонии людей.

Виргинцы, особенно состоятельные, являясь приверженцами англиканской церкви, имея ассамблею и послушного ей губернатора, помня уступчивость короля и питая свое тщеславие местных «аристократов» приобщением к делу действительных аристократов, встали на сторону Карла I. Ему верно служил назначенный в 1641 г. новый губернатор колонии ярый роялист Беркли. При всем при том плантаторы не забывали собственных интересов. Пока в Англии шла война, они сумели расширить сферу деятельности Генеральной ассамблеи. Когда Беркли становился непреклонным, его не гнушались пугать переходом на сторону парламента. Губернатор уступал, хотя плантаторы фактически его шантажировали. Они знали, что угнетаемые ими и не заседавшие в ассамблее колонисты действительно в немалом числе сочувствовали революционерам, ожидая от них избавления от произвола колониальных властей, и особенно от гнета местных «аристократов». Путь «аристократов» не совпадал с путем революционеров.

В Мэриленде с началом революции политическая и религиозная вражда разделила страну на два лагеря. Правящая католическая верхушка осталась верна монарху. Бóльшая, протестантская часть населения готова была встать под знамена парламента. При этом фригольдеры и сервенты обоих лагерей, включаясь в борьбу, надеялись, что участие в ней

позволит им освободиться от квит-ренты и других повинностей. Одни — ожидая вознаграждения за свою верность короне, другие — надеясь на покровительство парламента.

Активный характер борьба враждующих лагерей приняла не без влияния старого врага лорда Балтимора виргинца Клейборна и при прямом вмешательстве в дела провинции сторонника парламента полукупца-полупирата Ричарда Ингла. В феврале 1645 г. на своем корабле «Реформация» он подошел к Сент-Мэри. Когда его отряд высадился на берег, столица, не подготовленная к защите, сдалась. Новое правление продолжалось более года, пока из Англии не вернулся Леонард Калверт. Собрав верных ему людей и получив небольшое подкрепление из Виргинии, в декабре 1646 г. губернатор восстановил свою власть. Калверт правил недолго. Он умер в 1647 г. На его место был назначен пуританин Уильям Стоун.

Новый губернатор старался не разжигать страсти, для чего поддерживал веротерпимость, в несоблюдении которой протестанты обвиняли колониальную католическую администрацию, делая из этого знамя для борьбы против нее. При Стоуне протестанты заняли много мест в ассамблее и получили большинство в совете колонии. В 1649 г. был издан особый «акт о веротерпимости» [1].

От прежних инструкций лорда в этом направлении и акта 1638 г. новый акт отличался своей недвусмысленностью. Он прямо объявлял полную свободу любого христианского вероисповедания и запрещал всякие к тому помехи. Хотя действие акта распространялось только на христиан, принятие его для того времени имело большое значение. Тем более для колонии, где население в религиозном отношении было особенно неоднородным и куда стекались теперь многие преследуемые за веру в соседних колониях, главным образом пуритане-виргинцы.

Колонии Новой Англии проявляли сочувствие делу парламента, но держались независимо. В 1643 г. они объединились в конфедерацию [2]. Формально — для совместной защиты от возможного нападения индейцев. Однако более важным мотивом создания конфедерации можно считать опасения пуритан, что успехи роялистов, которых те добились в первый период гражданской войны, могут натолкнуть короля на мысль о вмешательстве в жизнь колоний. Рядом с Новой Англией была католическая Новая Франция, роялистские Мэриленд и Виргиния. Немалую роль при создании конфедерации сыграло желание укрепить торговые связи между новоанглийскими колониями — в условиях утраты таких связей с Англией — и наладить после этого более тесные коммерческие отношения с Новыми Нидерландами и даже Новой Францией. В соглашении о конфедерации имелся пункт, который обязывал ее участников возвращать беглых сервентов и пленных: рост торговли и местных промыслов требовал увеличения числа рабочих рук, когда эмиграция из метрополии прекратилась.

Конфедерация не была прочным политическим объединением. Представленные в ее комитете восемь членов (по два от Массачусетса, Коннектикута, Нью-Хейвена и Нового Плимута) редко действовали согласованно. Прежде всего сказывались гегемонистские претензии наиболее

---

[1] Foundations of Colonial America. A Documentary History: Vol. 1—3 / Ed. by W. K. Kavenagh. N. Y., 1973, vol. 2, p. 1322—1324. (Далее: Foundations).

[2] Ibid., p. 497—502.

сильной и богатой колонии — Массачусетса. Ее поселенцы подчинили себе Нью-Гэмпшир и Мэн, посягали на Род-Айленд, который спасся от поглощения только благодаря энергии Роджера Уильямса. Будучи в Англии, где он принимал активное участие в революционных событиях, священник выхлопотал у Долгого парламента отдельный патент для своей колонии, утверждавший ее самостоятельность.

Массачусетс пугал своих соседей не только экспансионизмом, но и агрессивным пуританским фанатизмом, от которого бежали ранее основатели новых колоний. Держа сторону противников королевского абсолютизма, массачусетская олигархия одновременно пресекала на своей территории всякую политическую инициативу и любое проявление свободомыслия. Борьба между олигархией и фрименской «демократией» в этот период вылилась в разделение Общего собрания на две палаты — магистрат и палату депутатов — с правом вето у каждой.

В 1649 г. в Англии был казнен Карл I и установлена республика. Виргиния, куда бежало большое число роялистов, объявила о своем подчинении власти Карла II. Поднял голову, опираясь на «кавалеров», губернатор Беркли, тем более что принятый парламентом Навигационный акт 1651 г. ущемлял торговые интересы колоний. Чтобы подчинить колонию республиканскому правительству, туда направили два корабля с войсками под командованием капитана Денниса. В марте 1652 г. Беркли капитулировал и был смещен со своего поста. Власть перешла к Генеральной ассамблее, которая теперь сама избирала губернатора и членов колониального совета. Иначе говоря, виргинские «аристократы» еще больше укрепили свои позиции. Политический режим колонии, как никогда, приблизился к олигархическому.

Владелец Мэриленда признал власть Кромвеля. Это позволило ему сохранить за собой провинцию, но туда была отправлена военная экспедиция. Учитывая обстановку, лорд несколько расширил права местной ассамблеи. Она стала двухпалатным законодательным органом. Депутаты верхней палаты назначались лордом, нижней — избирались фрименами.

Страна раскололась на две части: столица находилась в руках роялистов-католиков, остальная часть — в руках республиканцев-пуритан. Борьба шла с переменным успехом. Тем временем лорд Балтимор сумел сблизиться с Кромвелем. Протектор подтвердил все его прежние права, которые в законодательной форме и явочным порядком были ограничены ассамблеей. Формально республиканский Мэриленд оказался во власти скрытого роялиста лорда Балтимора. Но он, понимая, что подавляющую часть населения его провинции составляют протестанты-республиканцы, постарался умерить местных роялистов. Лорд сместил возглавлявшего последних Стоуна и вернул к жизни ассамблею, где протестанты заняли прочное место.

Казнь короля и установление республики, казалось, должны были бы радовать пуритан Массачусетса. Известие об этом они приняли, однако, достаточно спокойно, даже с некоторой настороженностью. Метрополия явно хотела ограничить самостоятельность колоний, вернуть себе торговое господство. Решительный Кромвель, имевший закаленную армию, в отличие от короля мог вмешаться в жизнь колоний. Массачусетс воздержался от публичного признания Кромвеля протектором. Конфедерация не подчинялась Навигационным актам и другим постановлениям,

стеснявшим местную торговлю, не выступила против Новых Нидерландов во время англо-голландской войны 1652—1654 гг.

Если кратко суммировать влияние революционных событий в метрополии на судьбу ее колоний, то оно заключалось в оживлении там торговли, стимулировании роста зачатков промышленности, активизации деятельности местных ассамблей и участии масс колонистов в политической жизни. Иначе говоря, в колониях получили развитие те буржуазные начала, которые были заложены в них со дней основания. Социальная структура, сложившаяся до Английской революции, осталась прежней: «аристократы» — фримены — «обитатели» — сервенты — рабы. Внутри этой структуры изменения шли в направлении обогащения богатых, увеличения числа фрименов и их имущественного расслоения, усиления эксплуатации сервентов и рабов, вызванного как потребностью в рабочей силе, так и развивающейся страстью к наживе.

2. РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ И АНГЛИЙСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

В 1658 г. умер Кромвель. Через полтора года республиканское правление в Англии закончилось. Была восстановлена монархия. На престол вступил сын казненного короля, вернувшийся из изгнания, Карл II (1660—1685). Его правление и правление Якова II (1685—1688) называют периодом Реставрации, так как братья прилагали все силы к тому, чтобы укрепить королевскую власть и спасти обломки феодализма.

В колониях их политика была направлена на создание централизованного управления, насаждение феодальных институтов, на внедрение системы меркантилизма. Этой системой пытались поправить тяжелое финансовое положение монархии, в значительной мере именно за счет колоний. В заморских владениях принудительно регламентировали местное производство и торговлю, обеспечивая тем доходы английских купцов и предпринимателей, превращая колонистов в поставщиков необходимой и выгодной метрополии сельскохозяйственной продукции, в потребителей продаваемых им втридорога английских товаров.

Осуществление такой политики обеспечивалось тогдашним положением Англии. Живя в относительном политическом спокойствии, она уделяла колониям гораздо больше внимания, чем прежде, получила возможность прибегать к военной силе. Меркантилизм отвечал не только интересам короны, но также и интересам многих англичан, прежде всего растущей английской буржуазии, что означало поддержку колониальной политики короны ее подданными. Возможность колоний противодействовать натиску метрополии уменьшалась страхом перед военными репрессиями, а также условиями их общественной жизни.

Быстрое развитие социальных противоречий делало местных «аристократов» более послушными королевской власти. Они искали в ней защитника своих привилегий и богатства. Конфедерацию колоний Новой Англии все больше ослабляли религиозные и территориальные споры. Завоевание английскими войсками в 1664 г. Новых Нидерландов[3] увеличило

[3] Новые Нидерланды включали тогда и Новую Швецию, захваченную голландцами в 1655 г.

престиж короны в глазах ее заморских подданных. Одновременно это завоевание усилило их экономическую зависимость от Англии, лишив ближайшего внешнего рынка.

Одной из первых мер английского правительства по усилению контроля над жизнью колоний было расширение соответствующих полномочий Тайного совета. Специальный отдел регулировал заморскую торговлю. Символом возвращения к королевскому управлению колониями, причем жесткому, явилось восстановление Беркли на посту губернатора Виргинии.

Действительно, с его возвращением в колонию деятельность Генеральной ассамблеи свелась к минимуму. Выборы в нее фактически не проводились, не считая замены одних почему-либо выбывших ставленников губернатора другими. Он же определял состав органов местного самоуправления. В 1670 г. был издан закон, по которому избирать депутатов в ассамблею могли только землевладельцы и домовладельцы[4].

В 1663 г. король отнял у Виргинии значительную территорию (между 31° и 36° с. ш.), чтобы создать там новую колонию — Каролину[5]. Ее владельцами сделались граф Кларендон и еще семь фаворитов монарха. В 1665 г. территория их владения была расширена (на север и юг)[6]. Пожалованная им хартия напоминала полученную в свое время лордом Балтимором. Знаменитый философ Локк составил для Каролины «Основные установления» (1669)[7]. Это была утопическая мечта создать чисто феодальное владение. Необходимость привлечения поселенцев на необжитую землю, их гораздо меньшее желание теперь, после революции, мириться с феодальными институтами ломали надуманную схему. Местная ассамблея в течение многих лет отказывалась утвердить и не утвердила «Основные установления». Квит-рента собиралась с трудом. По требованию поселенцев была введена свобода вероисповедания. Когда собственники колонии особенно усердствовали, настаивая на своих феодальных правах, каролинцы в немалом числе уходили в глубь страны или в другие колонии. Это охлаждало пыл собственников.

В 1673 г. монарх отдал Виргинию на 31 год в концессию своим фаворитам лорду Арлингтону и лорду Калпеперу. Они пытались наводить порядки, нарушавшие привычные отношения колонистов, стеснявшие их деятельность. Особенно нетерпимыми были новые налоги и повышение пошлин на табак при сократившемся его экспорте из-за конкуренции других колоний, разводивших эту же культуру. Подтачивалась основа местного хозяйства, от чего страдали все слои населения. К тому же в стране не хватало продуктов питания, которые ранее в значительной мере пополнялись ввозом за счет доходов от продажи табака. Ураган 1667 г. и падеж скота в 1672—1673 гг., нападения голландцев на корабли, перевозившие табак, увеличили невзгоды виргинцев, особенно неимущих, до крайности.

В этих условиях амбициозное поведение губернатора Беркли, оказываемое им покровительство «кавалерам», его нежелание ограничить произвол своих подчиненных и приближенных к нему крупнейших плантаторов служили поводом к тому, чтобы глухое недовольство существовав-

[4] Foundations, vol. 3, p. 1895.
[5] Ibid., p. 1738—1747.
[6] Ibid., p. 1751—1760.
[7] Ibid., p. 1761—1774.

шим положением постепенно вылилось в открытое возмущение. Поводом послужили события на границах колонии.

Продвижение поселенцев в глубь материка, ускорившееся с прибытием новых эмигрантов, привело к активному натиску на отступивших в свое время индейцев. Имея теперь преимущество не только в вооружении, но и в численности, колонисты сделались особенно бесцеремонными и жестокими, предпринимали экспедиции для пленения индейцев и обращения их в рабство. В 1675 г., после убийства англичанами вождей-парламентеров, в западном пограничном районе начались военные столкновения. Местные поселенцы просили губернатора организовать карательный поход. Беркли тянул, отчасти потому, что он и его сподвижники вели с индейцами выгодную меховую торговлю, отчасти следуя королевским распоряжениям, которые предписывали поддержание с индейцами мирных отношений, а также боясь спровоцировать опустошительную и длительную войну. Движимые жаждой мести и рассчитывая на пополнение числа своих работников за счет обращенных в рабство пленных индейцев, поселенцы рвались в бой.

Весной 1676 г. колонист Натаниэл Бэкон, молодой, уже достаточно состоятельный плантатор, двоюродный брат жены губернатора, член совета колонии, организовал вооруженный отряд и, не дожидаясь разрешения, выступил против индейцев. После трудного похода ему удалось застать противника врасплох и нанести ему ощутимый удар.

Колонисты, особенно в пограничных районах, приветствовали инициативу Бэкона. Беркли счел ее мятежом и созвал на июнь Генеральную ассамблею, надеясь получить от нее моральную и материальную поддержку против самозванного полководца. Однако Бэкон оказался в числе депутатов ассамблеи, которая явно симпатизировала ему. Назревавший конфликт был разрешен взаимными реверансами: губернатор простил «мятежника» и обещал поставить его во главе войска, которое предполагалось направить против индейцев, а «мятежник» покаялся в неподчинении губернатору.

Бэкон, не очень доверяя Беркли, поспешил домой. Губернатор увидел в этом намерение выйти из его подчинения, а потому отдал приказ об аресте Бэкона, уже бывшего в пути. Тот расценил поведение Беркли как нарушение торжественной договоренности, а в целом как проявление обычного губернаторского произвола. Он призывал колонистов встать на защиту своих интересов и пресечь разорявшую и унижавшую их политику Беркли. В тогдашних условиях Виргинии призыв Бэкона нашел живой отклик. Вокруг него быстро собрались люди, готовые под его началом выступить против ненавистного губернатора.

23 июня отряд Бэкона вошел в Джеймстаун. От Беркли и ассамблеи потребовали санкционировать немедленную войну против индейцев и не возбуждать перед королем дело о «мятеже». Вначале казалось, что этим все и кончится. Однако вступившие в столицу колонисты, число которых быстро росло, и часть джеймстаунцев предъявили губернатору и ассамблее ряд обвинений и требований[8]. Ассамблея, уступая давлению, приняла важные постановления: впредь обложению налогами подлежали влиятельные лица, ранее пользовавшиеся в этом отношении незаконными

[8] Ibid., p. 1783—1784. Подробнее о восстании Бэкона см.: *Бурин С. Н.* Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального Юга США (1642–1763). М., 1980, с. 85—121.

привилегиями; чиновникам запрещалось использовать колонистов для обеспечения собственных нужд; подтверждалась установленная законами периодичность сменяемости членов муниципальных властей; в число сборщиков налогов предписывалось включать выборных лиц, что обеспечивало бы беспристрастность при определении размера обложения.

Постановления ассамблеи получили название «Законов Бэкона». По сути дела они восстановили когда-то существовавшее положение, изме-

ПЕРЕГОВОРЫ НАТАНИЭЛА БЭКОНА
С ГУБЕРНАТОРОМ БЕРКЛИ

ненное деспотизмом Беркли. Многие участники возникшего движения, особенно из неимущих свободных колонистов и сервентов, надеялись на большее. Однако преследуемые Бэконом политические цели мало отличались от тех, которые ставили перед собой люди, изгнавшие 40 лет назад губернатора Харви. Бэкон был из их числа. По его личной инициативе был издан закон, по которому все захваченные в плен индейцы становились пожизненно рабами. Цели Бэкона — цели виргинских «аристократов» — тех, кто не составлял привилегированного окружения губернатора и хотел получить возможность также оказаться в первом ряду со всеми вытекающими отсюда выгодами. Здесь не последнюю роль при всегдашней нехватке в стране рабочих рук должна была играть война против индейцев, обещавшая пополнить число рабов.

После объявления законов Бэкон отправился в поход против индейцев. Используя его отсутствие и недовольство плантаторов конфискациями, проводимыми людьми Бэкона для нужд снаряжения экспедиции, а коекем под предлогом таких нужд, губернатор собрал войско в 1200 человек. Оно получило приказ захватить вышедший отряд. Узнав об этом, Бэкон в специальной «Декларации» обвинил губернатора в вероломстве, а одновременно повторил прежние и прибавил новые обвинения против губернатора как разорителя колонии и угнетателя ее жителей. Так как Беркли все свои действия объяснял служением королю, то Бэкон, отводя обвинение в «мятеже», объявлял себя борцом за восстановление прав колонистов, предоставленных им монархом и попранных узурпатором. Декларация как нельзя лучше отвечала настроениям людей, ненавидевших Беркли, боявшихся прогневать короля и стремившихся к переменам, которые освободили бы их от деспотизма и гнета.

С сильно выросшим отрядом Бэкон повернул обратно и без труда вновь стал хозяином столицы. Беркли бежал на другую сторону залива Чесапик. Бэкон, заручившись согласием своих главных соратников, намеревался преследовать его, но совет колонии, боясь разгневать Лондон, не поддержал победителя. Члены совета остерегались, что расширение сферы действий повстанческих сил всколыхнет всю страну, разбудит «чернь» и спровоцирует отправку войск из метрополии. Бэкон решил покинуть Джеймстаун, чтобы наконец развернуть во всю силу войну против индейцев.

Беркли воспользовался его отсутствием. Он собрал верных людей, объявил о даровании амнистии «мятежникам» и льгот всем тем, кто встанет на его сторону, включая сервентов и рабов, и с небольшим флотом 7 сентября переправился через пролив к столице. Губернатор не встретил сопротивления.

Узнав о случившемся, Бэкон вновь собрал своих сторонников, число которых быстро росло. Тем более что губернатор, укрепив Джеймстаун, считал, что «мятежник» ему более не страшен и принялся за старое. И, как того боялись ранее члены совета колонии, движение стало разрастаться, в него вливались сервенты. Некоторые из них выдвинулись в офицеры повстанческой армии, что по тем временам было весьма примечательным явлением и говорило о радикализации движения.

14 сентября Бэкон подошел к Джеймстауну. Однако сил овладеть им с ходу оказалось недостаточно. Пришлось организовать осаду. Пока велись осадные работы, ненависть горожан к губернатору возрастала с каждым днем и они страстно ждали штурма. Когда 18 сентября 1676 г.

он увенчался успехом (Беркли накануне в очередной раз бежал), решение Бэкона сжечь город, чтобы тот не мог служить опорным пунктом губернатору, было поддержано джеймстаунцами. Они сами поджигали свои дома. Многие из них влились в ряды повстанцев.

26 октября Бэкон умер от лихорадки. Смерть вождя вызвала дезорганизацию среди его сторонников. Первыми изменили те немногие «аристократы», которые примкнули к движению. Бездействующая повстанческая армия постепенно распадалась Не удалось осуществить план ее объединения с силами готовых восстать поселенцев других колоний. Беркли вернулся в столицу. Около 30 наиболее видных повстанцев были казнены, многие сурово наказаны. Через некоторое время в Виргинию прибыли вызванные им войска из метрополии. Английские солдаты легко овладели положением. «Законы Бэкона» были отменены.

Восстание Бэкона потерпело поражение. Но оно не прошло бесследно. Присланные из Англии комиссары отстранили Беркли от власти, удостоверившись, что его поведение давало повод для недовольства. Генеральной ассамблее вернули ее прежний статут. Между колонией и метрополией установились на первый взгляд отношения, напоминавшие те, что существовали при Карле I, но при важном различии: в колонии находились английские войска. Они гарантировали «аристократам» их привилегированное положение. Одновременно эти войска являлись залогом того, что «аристократы» будут больше считаться с волей метрополии. Иначе говоря, имея в стране свою вооруженную руку и связав местных «аристократов» защитой их привилегий от «черни», корона укрепила свою власть в колонии.

Тем не менее восстание Бэкона — очень важная веха в жизни Виргинии. Ее колонисты вторично свергли наместника короля. На этот раз — усилиями различных слоев населения, что придало борьбе народный характер. Восстание нашло отклик в соседних колониях, а следовательно, отражало общее недовольство поселенцев политикой Реставрации, т. е. имело значение для всей английской Северной Америки. Оно явилось одной из первых заметных вех борьбы колонистов за гражданские права, одним из истоков будущей борьбы колоний за независимость. Как таковое восстание Бэкона справедливо высоко оценивается американскими историками. Но, обращая внимание именно на эту сторону дела, они нередко забывают об относительности освободительных целей восстания и его ограниченности.

В Мэриленде реставрация Стюартов на английском троне сопровождалась реставрацией положения лорда Балтимора как всевластного собственника колонии. Карл II, как и его отец, хотел сделать ее образцом заморского владения с феодальной социально-экономической структурой. Если это связывало и вызывало недовольство поселенцев ранее, то после революции они никак не хотели мириться с политикой короля и лорда.

3 сентября 1676 г. не без влияния виргинских событий группа мэрилендцев, возглавляемая Уильямом Дэвисом и Джоном Пэйтом, выступила с требованием ограничения прав лорда Балтимора и расширения экономических и политических прав фрименов провинции. Свои взгляды они изложили в прокламации, которую, сопровождаемые 60 вооруженными колонистами, вручили тогдашнему губернатору Томасу Нотли. Он приказал взять ее обратно. Последовал отказ. Тогда Нотли приказал рассеять

толпу и арестовать «мятежников». Те бежали, но были настигнуты и повешены.

В 1681 г. попытался поднять восстание бывший губернатор провинции Фендолл, но потерпел неудачу и был выслан за ее пределы.

Наряду с попытками изменить положение силой мэрилендцы не прекращали обращаться к королю с жалобами на нетерпимость существующего положения. Они старались при этом убедить монарха, что неограниченные права лорда и связанные с этим тяготы колонистов лишают корону доходов, столь ей необходимых. Не помогало и это. Оставался путь подспудного сопротивления, на котором мэрилендцы стояли с самого начала и по которому пошли теперь с особым упорством. Они всячески уклонялись от выплаты квит-ренты, пренебрегали усилиями администрации создать феодальный декор во взаимоотношениях колонистов. В результате общественная структура Мэриленда все больше походила на структуру Виргинии, основанную на том же плантационном рабовладельческом хозяйстве.

Как отголосок виргинских событий вспыхнуло восстание в Каролине. Особенностью Каролины являлось то обстоятельство, что главные возникшие в ней поселения были расположены далеко друг от друга: Албемарл — на севере и Чарлстон — на юге. Это определило фактическое разделение страны, получившее официальное подтверждение назначением в указанные поселения разных губернаторов. В октябре 1677 г. колонисты Албемарля, возглавляемые таможенным чиновником Джоном Калпепером и Джорджем Дюрантом, свергли временного губернатора Томаса Миллера, который узурпировал всю власть в стране. Были восстановлены ассамблея и совет колонии, куда вошли представители повстанцев и их сторонники. Владельцы колонии, признав его смещение оправданным, разрядили обстановку. Это было сделать нетрудно, ибо руководители восстания пеклись не столько о судьбе основной массы колонистов, сколько о собственных интересах. Дюрант, став после декабрьских событий фактическим губернатором Каролины, со всем усердием занялся сбором налогов, которые к тому же увеличились, поскольку с колонистов взыскивали стоимость здания и товаров таможни, разгромленных во время восстания.

Новый губернатор Сотл, назначенный владельцами колонии, по дороге туда был захвачен пиратами и достиг Албемарля только в 1683 г. Его правление оказалось особенно тяжелым. Он был деспотичен, нечист на руку, а также пьяница [9].

В 1691—1712 гг. владельцы колонии попытались объединить ее северную и южную части, назначив одного общего губернатора с резиденцией в Чарлстоне. Но положение дел вынудило держать в Албемарле заместителя губернатора. В 1712 г. было восстановлено прежнее двучленное строение колонии под управлением разных губернаторов, а вместе с тем дан дополнительный толчок к самостоятельному развитию Северной и Южной Каролин. Правда, окончательное официальное разделение пришло только в 1815 г.

Как уже упоминалось, в 1664 г. англичане захватили Новые Нидерланды, установив тем непрерывную линию своих владений па Атланти-

[9] Подробнее о событиях 70-х годов в южных колониях см.: *Бурин С. Н.* Указ. соч., гл. 3.

ческом побережье Северной Америки. Новые Нидерланды Карл II отдал под власть своего брата Якова, герцога Йоркского. Новый Амстердам переименовали в Нью-Йорк. Позже так стала называться вся колония.

Хартия Нью-Йорка[10] напоминала другие хартии, которые получали владельцы-собственники. Данью времени было включение в нее пункта о свободе вероисповедания. И хотя колония оказалась в руках брата короля, в насаждении феодализма среди английских поселенцев он преуспел не больше, чем владельцы Каролины. В то же время «патроны» — крупные землевладельцы-голландцы, которые во времена Новых Нидерландов пользовались большими привилегиями, включая феодальные, не собирались поступиться ими в пользу герцога. Колонисты Нью-Йорка саботировали всякие попытки сделать их постоянными носителями предписываемых повинностей.

Так продолжалось до 1683 г., когда герцог, желая сделать их более покладистыми, разрешил созыв колониальной ассамблеи, о которой ранее не хотел и слышать. Собравшись, члены ассамблеи потребовали расширения прав местных фрименов по образцу новоанглийских. В ответ ассамблея была распущена.

В 1685 г. герцог под именем Якова II стал королем. В Нью-Йорке это ознаменовалось передачей значительных земельных площадей в маноральное владение. Лорды маноров, патроны и крупные купцы столицы колонии, часто те же патроны, защищая свои привилегии и богатства, образовали род олигархии. Им удалось сделать своим союзником губернатора Донгена, который надеялся с их помощью (средства и власть над зависимыми людьми) исполнить налоговые и прочие требования короля.

Еще до коронования, с разрешения Карла II, Яков уступил часть своего заморского владения лорду Джону Беркли и сэру Джорджу Картрету[11]. Так, южнее Нью-Йорка возникла колония Нью-Джерси, статут которой почти ничем не отличался от статута Каролины. И сложилась сходная обстановка непрекращавшейся борьбы колонистов за ограничение прав собственников и борьбы последних за их осуществление. Местная Генеральная ассамблея то созывалась, то распускалась. При сборе повинностей губернатор встречал большие трудности.

В 1682 г. на западной границе Нью-Джерси, между Нью-Йорком с севера и Мэрилендом с юга, возникла колония Пенсильвания, названная так по имени ее владельца Уильяма Пенна. Хартия, пожалованная ему 28 февраля 1681 г.[12], отличалась от других хартий собственников тем, что ставила его в несколько большую зависимость от короны. Была и еще одна отличительная черта — вероисповедание поселенцев.

Уильям Пенн, сын адмирала, завоевавшего для Англии Ямайку, королевского фаворита и кредитора, стал приверженцем веры квакеров[13]. В основе их веры лежало убеждение, что человек должен следовать «внутреннему озарению». С этим было связано непризнание ими как-либо канонизированных форм богослужения и церковного устройства, многих государственных установлений (служба в армии, присяга, десятина и др.). Их учение включало элементы уравнительства. Все это делало квакеров

[10] Foundations, vol. 3, p. 793—796.
[11] Ibid., p. 863—868, 870—871.
[12] Ibid., p. 849—856, 861—863, 869—870
[13] Quakers (*англ.*) — «трясуны», название, данное их врагами и закрепившееся за ними.

ненавистными для основных религиозных течений и официальной церкви, а также для королевской власти. Квакеров подвергали жестоким гонениям. Жертвой этих гонений стал и юный Пенн. За свои убеждения он был исключен из Оксфорда. Когда, закончив образование за границей, он вернулся на родину, его заключили в Тауэр. После этого Пенн отказался от активной пропаганды квакерской веры, но от самой веры не отрекся.

Квакеры, как когда-то другие преследуемые нонконформисты, пришли к мысли об эмиграции в Америку. Однако переехавших туда квакеров

ДОГОВОР УИЛЬЯМА ПЕННА С ИНДЕЙЦАМИ

не оставляли в покое инаковерующие поселенцы. Пенн решил организовать самостоятельную квакерскую колонию, Для осуществления намеченного плана он использовал придворные связи отца и то, что корона была в долгу у семьи Пеннов. В возмещение этого долга король пожаловал Уильяму землю за океаном.

В октябре 1682 г. во главе группы колонистов-квакеров Пенн прибыл в свое владение. Он начал с покупки заселяемой земли у местных индейцев. Так поступили когда-то в Мэриленде. Как и там, это обошлось недорого. Но покупка была закреплена соглашением, которое на этот раз руководитель колонии заключал, считая другую сторону равноправной, и с намерением выполнить взятые обязательства. Эта особенность определялась доброй волей Пенна, связанной с его религиозными воззрениями (квакеры были принципиальными противниками ношения оружия и его использования). Кроме того, в рассматриваемое время английские колонисты в своем продвижении в глубь страны подошли к местам, где обитали сильные племена делавэров (с ними Пенн заключил соглашение) и воинственные сплоченные ирокезы — противники, с которыми приходилось считаться.

Соглашение не изменило основного направления политики колонистов в отношении индейцев. Конфликты были неизбежны. Делавэры не избежали участи других индейцев — вымирания. Тем не менее имевшаяся особенность в отношениях с индейцами заслуживала упоминания, так как обусловила довольно долгое и относительно равноправное мирное сосуществование «белолицых» и «краснокожих» в колонии Пенна.

Мир с индейцами, сразу же объявленная и достаточно строго соблюдавшаяся свобода вероисповедания, сравнительно мягкое уголовное законодательство и благодатная земля привлекли в колонию много эмигрантов. Туда, кроме английских квакеров, переселялись французские протестанты, шотландцы, немцы. Пенну удалось расширить свое владение за счет земель в верхнем течении р. Делавэр. Там в 1682 г. была основана Филадельфия. Она стала столицей колонии и в короткий срок превратилась в один из крупнейших городов тогдашней Америки.

В 1684 г. Пенн уехал в Англию. Его владение управлялось назначаемым им губернатором. Учрежденная с самого начала ассамблея получила большие права, чем подобные учреждения других колоний, в частности в сфере ее отношений с губернатором и в области налогообложения [14]. При обнаружившейся к тому же спаянности членов ассамблеи она оказалась достаточно влиятельной и способной бороться за местные интересы.

Во многом более либеральный, чем другие владельцы колоний, в вопросе о земле Пенн следовал их принципу. Никто, кроме него, не мог покупать землю у индейцев. С любого земельного надела полагалось выплачивать квит-ренту. Право свободной продажи земли и продажа ее новым поселенцам, которой занимался Пенн, обусловили быстрое возникновение в колонии отношений социального неравенства. Фрименом мог стать только состоятельный колонист — землевладелец или городской налогоплательщик. Бедняки колонии эксплуатировались квакерами так же усердно, как их соседями — пуританами, англиканами и католиками. Из идеологического багажа квакеров быстро исчезали уравнительные тенденции.

---

[14] Foundations, vol. 2, p. 1131—1151.

От колоний, расположенных южнее, Новую Англию отличало: направление хозяйства, отсутствие каких-либо феодальных установлений, быстрое развитие буржуазных отношений, вероисповедание, бо́льшая политическая самостоятельность, конфедерация составлявших ее колоний. Это не могло нравиться правительству Реставрации. Однако, не осмеливаясь сразу оказать нажим на упорных пуритан, оно стало прибегать к хитрости.

Карл II признал законность образования новых колоний, отделившихся от Массачусетса, как бы соглашаясь с желаниями поселенцев Новой Англии. Но этим согласием наносился удар по самой сильной колонии и лидеру конфедерации. Этим согласием вносился раздор между колониями, так как новые хартии изменили определенные или определявшиеся ранее границы. За счет Род-Айленда значительно расширился Коннектикут, присоединивший к себе еще и Нью-Хейвен (1664). Тот согласился, боясь оказаться во власти Нью-Йорка. Утвердив веротерпимость в Род-Айленде, король столкнул его с Коннектикутом и Массачусетсом, где царила религиозная нетерпимость, особенно во втором.

В цитадели пуританизма, кроме прежних мер преследования иноверцев (теперь и квакеров), еще в конце 40-х годов начались «процессы ведьм» [15]. Любой человек, заподозренный в нарушении принятых морально-религиозных норм, приговаривался к смерти или суровому наказанию. При этом обвиняемый должен был сам доказать свою невиновность, а проверка истинности его показаний велась по самым диким образцам средневековья. В колонии создавалась атмосфера неотступного страха, духовной ограниченности и морального ханжества. Вера вырождалась в суеверие. Все это использовалось для поддержания консервативного режима «теократической олигархии».

Массачусетс мирился с окончательным отпадением первых отделившихся от него колоний, но не хотел выпускать из рук более слабые и молодые: Нью-Гэмпшир и Мэн. В пользу последних вмешался король, используя то обстоятельство, что еще до революции их территории были пожалованы собственникам. Массачусетс ссылался на то, что территории ими не осваивались. Король стоял на своем. Массачусетс выкупил права на Мэн у его формального владельца, Лондон не признал сделку законной. В возникшем споре монарх использовал поступавшие к нему жалобы на религиозную нетерпимость пуритан, на их агрессивность по отношению к соседям, на несоблюдение ими Навигационного акта. Для наказания строптивости и наведения порядка в Массачусетс были посланы королевские эмиссары и два военных корабля. Возможный конфликт предотвратила начавшаяся англо-голландская война и внешняя покорность колонии воле короля.

В 1675 г. в английских заморских владениях вспыхнуло невиданное по своей силе и масштабам индейское восстание [16]. Восстали вампаноаги, обитавшие в Новом Плимуте. Их вождь Метаком, прозванный «королем Филиппом», объединил под своим командованием также наррагансетов и другие племена тех мест. Индейцы хотели остановить дальнейшее продвижение англичан, отстоять свои земли.

Война длилась два года. Метаком проявил большие организаторские способности, талант полководца, его воины — беззаветную отвагу. Но они

[15] Narratives of the Witchcraft Cases, 1648—1706 / Ed. by G. L. Burr. N. Y., 1914.
[16] Narratives of the Indian Wars, 1675—1699 / Ed. by Ch. H. Lincoln. N. Y., 1952.

не смогли сломить силы конфедерации. Восставшие были разбиты. Последовала страшная расправа, напоминавшая Пекотскую войну.

В 1680 г. Карл II вынудил, наконец, Массачусетс отказаться от Нью-Гэмпшира. Но в остальном массачусетсцы более или менее скрыто продолжали игнорировать его распоряжения. Правительство Реставрации чувствовало себя тогда уже достаточно сильным. В 1684 г. монарх аннулировал хартию колонии, льготами которой она пользовалась 55 лет. Как ранее в Нью-Гэмпшир, в Массачусетс был назначен королевский губернатор.

Яков II ликвидировал хартии всех колоний Новой Англии. К ним присоединили Нью-Йорк и Нью-Джерси, что составило доминион Новая Англия [17]. С 1686 г. им управлял (с резиденцией в Бостоне) губернатор Эдмунд Андрос. В Массачусетсе вместо избираемого магистрата был образован назначаемый совет колонии. Налоги собирались теперь без предварительной процедуры их утверждения фрименами, земля распределялась с обязательством для владельцев выплачивать квит-ренту. Права старых землевладельцев подвергались проверке. Делались попытки насадить англиканизм. Из метрополии приходили пугающие вести о прокатолической политике Якова II.

Поведение Андроса отличалось теми же чертами деспотизма, которые обнаруживались в свое время в поведении виргинского губернатора Беркли. Как и в Виргинии, зрело недовольство установленными порядками. Наиболее четко оно проявлялось в городке Ипсуич. Здесь сын сервента священник Джон Уайз открыто выступил против политики губернатора. Он отказался платить налоги и призывал к этому других. Уайза арестовали, держали в тюрьме, судили, приговорили к штрафу, запретили исполнять церковные обязанности [18]. Большинство колонистов ему сочувствовало. Насколько могли, они сами уклонялись от уплаты налогов. Но выступить против губернатора открыто не рисковали. Это сделало Андроса еще бесцеремонней, стимулировало к более энергичному ущемлению тех прав, которыми когда-то пользовались в Массачусетсе свободные колонисты.

В период Реставрации правительства Карла II и Якова II достигли в своей колониальной политике определенных успехов: создали несколько колоний с режимом феодального образца, продвинулись в деле централизации управления заморскими владениями, подчинили эти колонии нормам меркантилизма, справились с попытками восстаний против назначаемых ими губернаторов, восстаний, таким образом, объективно направленных и против колониальной политики метрополии вообще. Иначе говоря, правительства Реставрации добились большего подчинения колоний своей власти, расширили возможности их эксплуатации.

В том, что касалось насаждения феодальных установлений, успех был в значительной мере мнимым. Эти установления неизменно подтачивались и оказывались в большинстве своем лишь формальными благодаря наличию «свободных» земель и неотъемлемых тенденций к капиталистическому развитию в обществе колоний. Они определялись эмиграцией людей из буржуазной Англии, стремившихся к свободному развитию бур-

---

[17] The Glorious Revolution in America. Documents of the Colonial Crisis of 1689 / Ed. by M. G. Hall, L. H. Leder, M. G. Kammen. Chapel Hill, 1964, p. 25—36.

[18] *Palfrey J. G.* History of New England: Vol. 1—5. Boston, 1858—1890, vol. 2, p. 327.

жуазных отношений, еще связанных в метрополии, в частности реставрацией Стюартов.

Дальнейшая судьба колоний зависела от возможности для метрополии следовать политике, которая прямо или косвенно препятствовала движению колоний по имманентному для них пути капиталистического развития.

3. ОТ «СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

В 1688 г. в Англии произошла «Славная революция». Династия Стюартов закончила свое существование.

Весть о свержении Якова II была встречена большинством колонистов с радостным ликованием. В некоторых заморских владениях они не стали дожидаться исхода борьбы между якобитами и сторонниками Вильгельма Оранского.

18 апреля 1689 г. восстали горожане Бостона [19]. Они арестовали Андроса и его помощников, а также провозгласили возвращение к порядкам, существовавшим до отмены хартии 1629 г. Был избран магистрат. Державшийся на власти и усилиях Андроса доминион Новая Англия распался. Каждая из составлявших его колоний признала своим правителем Вильгельма III.

События, еще более бурные, чем в Бостоне, произошли 31 мая 1689 г. в Нью-Йорке [20]. Кроме недовольства предшествующей политикой правительства метрополии, стимулом к выступлению послужила еще и ненависть к местным крупным землевладельцам и купцам, которые жестоко эксплуатировали население столицы и ее округи, обладая торговой монополией, вздувая цены на хлеб, на ввозимые товары, за помол зерна. Восстание возглавил бывший солдат голландской Вест-Индской компании, впоследствии зажиточный купец и капитан местной милиции Джекоб Лейслер. Силы повстанцев состояли главным образом из городской бедноты. Солдаты губернатора Никольсона не проявили желания защищать его, и он бежал в Англию.

Восставшие образовали правительство, руководимое Лейслером. Оно сразу же признало королем Вильгельма Оранского. Выборы в местную ассамблею, проведенные по измененному регламенту, сделали ее более демократичной. Были увеличены налоги, взимавшиеся с богатых колонистов, отменены торговые монополии. Правительство вступило в переговоры с другими колониями, которые свергли якобитов, для организации совместных действий.

Среди них был Мэриленд [21]. Губернатор провинции, якобит Уильям Джозеф, отказался признать власть Вильгельма III. Колонисты, главным образом протестанты, которым претили прокатолические симпатии Стюарта и которые надеялись на поддержку со стороны нового короля-протестанта, взялись за оружие. 27 июля 1689 г. они захватили Сент-Мэри. Бежавшего губернатора арестовали в форте Мэттепенш. Руководство взял на себя военачальник повстанцев полковник Куд.

---

[19] The Glorious Revolution in America, p. 37—53.

[20] Ibid., p. 108—117; *Reich I. R.* Leislers Rebellion. Chicago, 1953.

[21] The Glorious Revolution in America, p. 171—191.

Было объявлено о выборах в Генеральную ассамблею. От участия в них устранили католиков и якобитов. Это не обеспечило единства членов новой ассамблеи. Началась острая борьба между сторонниками лорда Балтимора и его противниками. Чтобы облегчить выход из непрекращавшихся споров, полковника Куда летом 1690 г. направили в Лондон, поручив выяснить отношение правительства Вильгельма к владельцу провинции и представить свои обвинения против последнего. Противники лорда верили в свой успех: Пенн, близкий свергнутому королю, был уже в тюрьме. Англия получила «Билль о правах» (1689).

В 1690 г., еще до окончательной победы претендента на престол, он послал в Нью-Йорк войска для обуздания действовавших там слишком самостоятельно сторонников Лейслера. Этих войск для осуществления поставленной перед ними цели оказалось недостаточно. Они не рисковали штурмовать город.

В начале 1691 г. из Англии прибыли подкрепления и новый губернатор Генри Слоутер. Соотношение сил изменилось в пользу осаждавших. На сторону губернатора перешла местная олигархия со своими клевретами. Английские войска вошли в город. Лейслера арестовали и повесили.

Вступив на престол, Вильгельм III лишил лорда Балтимора политической власти над Мэрилендом и направил туда своего губернатора Лайонела Копли. За лордом, однако, сохранялись все имущественные права. А так как колонистам предстояло отныне иметь дело непосредственно с короной, это в какой-то мере даже осложнило их борьбу за свои интересы.

Королевской хартией 1691 г. Новый Плимут был присоединен к Массачусетсу. Но радость пуритан была сильно омрачена другими установлениями этой хартии. Был отменен церковный избирательный ценз и вводилась должность королевского губернатора с правом вето и назначения судей. Так у пуританских лидеров была отнята надежда на возвращение к власти. Но их гнетущее влияние, основанное на имущественном положении, на силе традиции и агрессивном религиозном фанатизме сохранялось долго.

Пользуясь тем, что губернатор, стараясь найти опору в стране, искал связей с местными лидерами, а поэтому попустительствовал их религиозной политике, они в начале 90-х годов довели «охоту на ведьм» до чудовищных размеров. «Сейлемская охота» погубила 20 человек. 150 человек сидели в тюрьмах. Была сделана попытка окончательно ликвидировать независимость церквей. У этого последнего рубежа пуританской церковной демократии олигархия натолкнулась на активное сопротивление, которое возглавил уже упоминавшийся священник Джон Уайз. Свои возражения религиозным ретроградам он изложил в книгах «Разоблачения спора церквей» и «Защита управления церквей Новой Англии», изданных в 1710 и 1711 гг. Это явилось прелюдией к «Великому пробуждению» — пробуждению от политического и духовного гнета, от ортодоксии традиционных пуританских вождей [22].

В процессе «Великого пробуждения» в немалой степени сказалась возросшая роль купцов в общественной жизни колонии. Их намерение оказывать на нее влияние достаточно проявилось во время «антиномии».

---

[22] Подробнее о Джоне Уайзе и «Великом пробуждении» см.: *Аптекер Г.* Колониальная эра. М., 1961, с. 143—149.

Экономически окрепнув в годы революционных событий в Англии, они не желали мириться с духовной и политической монополией «теократической олигархии». В борьбу против ее гнета все активнее втягивались другие слои населения колоний Новой Англии.

Вильгельм III освободил Пенна из тюрьмы и восстановил в правах владельца колонии (1694). Однако местная ассамблея, привыкшая в его отсутствие действовать самостоятельно, своей властью ограничила его права. Пенну не удалось избавиться от этих ограничений даже при возвращении в колонию (1699—1701). Случившееся стало возможным благодаря настойчивости местных фрименов и неустойчивому положению Пенна. Он все время находился на подозрении у нового правительства, а после конфискаций, которым подвергся после 1688 г., оказался банкротом. В 1702 г. по возвращении в Англию он вновь попал в тюрьму — теперь в качестве несостоятельного должника. В 1712 г. его разбил паралич. В 1718 г. Пенн умер.

Наследники первого владельца Пенсильвании располагали в колонии еще меньшей властью. Назначаемый ими губернатор вынужден был согласовывать все свои решения с ассамблеей. «Нижние графства» колонии, лежавшие по р. Делавэр (бывшая Новая Швеция), почти не считались с властями Филадельфии. В 1691 г. туда пришлось назначить особого губернатора и учредить отдельную ассамблею. Постепенно за «нижними графствами» закрепилось название Делавэр. Фактически он отделился от Пенсильвании, хотя формально входил в нее до 1776 г.

В Каролинах, Нью-Йорке и Нью-Джерси развитие шло в том же направлении, что в Мэриленде и Пенсильвании. Если местным ассамблеям не удалось здесь заметно укрепить свое положение, то и собственники не продвинулись вперед в попытках осуществлять свои феодальные прерогативы. Кроме прочего, играло роль и то обстоятельство, что правительство метрополии, являясь гарантом феодальных прав, в то же время, стремясь укрепить в колониях собственную власть, не могло не ограничивать власть владельцев колоний. Как это происходило, можно видеть на примере Джорджии — последней из созданных колоний.

Она была образована в 1732 г. хартией Георга II[23] на территории Южной Каролины для защиты английских владений от возможного вторжения с юга испанцев и французов. Колония создавалась как собственническая. Но власть ее владельца Джеймса Олгторна ограничивалась сроком в 21 год и обязательством передавать вводимые законы на утверждение правительству.

Деятельность Олгторна несколько напоминала деятельность Пенна, в частности в политике по отношению к индейцам. Он даже запретил рабовладение. Но его филантропические устремления натолкнулись на сопротивление колонистов, желавших следовать примеру Южной Каролины, где утверждалась сулившая выгоды рабовладельческая плантационная система. В 1752 г. Джорджия перешла под полную власть короны.

Воспользовавшись непрекращавшимися распрями между губернаторами и колонистами в Южной и Северной Каролинах, правительство своим распоряжением 1720 г. временно взяло эти колонии под свою власть.

---

[23] Foundations, vol. 3, p. 1822—1832.

В 1744 г. была окончательно выкуплена последняя часть территории Каролины, остававшаяся у ее владельца Джона Картерера.

Как можно видеть, после воцарения Оранского дома подчинение колоний власти метрополии продолжалось в значительно большей степени, чем при правительствах Реставрации. В то же время окончательно сложилась главная хозяйственная специализация колоний — производство продуктов питания на Севере и табака на Юге. Условная граница пролегала между Пенсильванией и Мэрилендом, образуя то, что принято называть центральными или среднеатлантическими колониями (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси), где совмещалась двойная специализация с преобладанием зернового хозяйства (пшеница).

По всему Югу распространилась плантационная рабовладельческая система хозяйства, оказавшаяся рентабельной не только для производства табака, но и других южных культур (рис, индиго, хлопок). При этом новая, как правило, утвердившись, вытесняла старую, что определяло преимущественную монокультурность южных колоний. Здесь большую роль играла также поощряющая политика метрополии. Монокультурность обеспечивала ей регулярное и значительное поступление данного колониального продукта, с выгодой сбываемого на европейском рынке, и выгодный сбыт в данную колонию, занятую одним делом, самого широкого ассортимента собственных и заграничных товаров.

В конце XVII — начале XVIII в. спрос в Европе на товары южных колоний резко повысил в последних необходимость в рабочих руках. Чтобы удовлетворить его, использовались все старые и изыскивались новые способы контрактации. Кроме того, обычной стала кража и сманивание детей, которых специальные агенты отправляли в колонии тайно или с поддельными документами. Это, однако, не решало проблему. Немногие сервенты переживали срок контракта. Если они не погибали от болезней и невыносимых условий жизни и труда, то рано или поздно наступало освобождение. Тогда при всех трудностях они могли покинуть плантацию, а порой приобрести участок земли. В конце XVII в. под давлением бесчисленных жалоб в Англии были изданы законы, карающие злоупотребления при контрактации.

Трудности, связанные с приобретением сервентов, повлекли за собой постепенную их замену на плантациях трудом черных рабов. Если в 1630 г. в Виргинии было 50 негров, а во всех английских колониях Северной Америки — всего 60 при населении 4646 человек, то в 1660 г. в тех же категориях произошли следующие изменения: 950—2920—75 058, а в 1700 г.—23 118—44 866—331 711. Численность негритянского населения особенно возросла после 1713 г. В этом году Лондон вырвал у Мадрида право «асиенто» — право на ввоз в испанские колонии невольников из Африки. Англичане получили возможность беспрепятственной и безграничной работорговли. В 1780 г. указанное соотношение составило 220 582—575 420—2 780 369 [24].

До середины XVII в. рабство существовало и распространялось в североамериканских английских владениях без специального законодательного оформления этого института. С указанного времени стали издаваться законы, закрепившие рабство, придавшие ему особенно безжало-

---

[24] U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States: Pt 1, 2. Wash., 1975, pt 2, p. 1168.

стные формы, сделавшие рабство неотъемлемой частью общественной структуры, особенно в южных колониях.

Насколько варварски велась работорговля, как ужасен был удел раба — общеизвестно, навсегда запечатлено в «Невольничьем корабле» Генриха Гейне, в «Хижине дяди Тома» Бичер-Стоу и других произведениях мировой литературы.

На Севере, прежде всего в Новой Англии, в земледелии в качестве основного закреплялось хозяйство фермерского типа. В таком хозяйстве владелец земельного участка сам с помощью семьи, а если имел средства, то, используя труд сервентов, возделывал землю, разводил скот, бортничал, охотился, ловил рыбу и т. д. Он обеспечивал по мере сил и возможностей себя и семью самыми необходимыми продуктами и вещами. При избытке произведенные продукты продавались и покупалось то, что не могли сделать или добыть своими руками. Коммерческое производство, направленное специально на реализацию товаров и получение прибыли, носило спорадический характер, во многом зависело от урожаев и спроса, не всегда устойчивого. С течением времени коммерческая направленность в ведении хозяйства возросла — с ростом богатства отдельных фермеров, а также с увеличением населения, большей специализацией, что стимулировало производство и товарообмен.

Развитие плантационного хозяйства на Юге и фермерского на Севере было одновременно развитием и расширением буржуазных отношений соответственно в «искаженном» и более «чистом» виде. Ранее препятствием этому развитию служили прежде всего физические и материальные трудности освоения девственной страны. Трудности, связанные с политикой метрополии, вначале преодолевались без особого труда — в немалой степени из-за невозможности для нее активно вмешиваться в дела колоний. После Английской революции они преодолевались с гораздо большими издержками — из-за недостаточной централизации колониального управления и слабости колониальной администрации, что ослабляло влияние, которое оказывала на развитие буржуазных отношений в метрополии и колониях реставрированная монархия Стюартов.

«„Glorious Revolution“ (славная революция),— писал К. Маркс,— вместе с Вильгельмом III Оранским поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов. Они освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени»[25]. Если эти люди ради наживы не останавливались ни перед чем в метрополии, то еще бесцеремоннее действовали в колониях. Правительство Вильгельма, которое вело войну с Францией (1688—1697) и сильно задолжало «наживалам», стремилось за счет колоний пополнить свою казну. Война перекинулась на заморские владения, сделав колонистов ее участниками, а присутствие в колониях английских войск перманентным. Это присутствие развязывало руки королевской администрации при проведении желаемой политики.

Перечисленные обстоятельства стали играть в жизни колоний особенно существенную роль при преемнице Вильгельма III королеве Анне (1702—1714), которая все свое царствование участвовала в войне за испанское наследство (1701—1714). Именно тогда стала складываться та

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 735.

колониальная система, которая, по словам Маркса, провозглашала «наживу последней и единственной целью человечества»[26]. Система сложилась окончательно при Ганноверской династии, начавшей править в 1714 г., со вступлением на престол Георга I. Англия превращалась тогда в сильнейшую державу Европы и могла свободнее использовать силу для достижения своих целей в заморских владениях. И она использовала ее: для дальнейшего укрепления и централизации колониального управления, для большего подчинения колонистов королевской власти.

Ощущая себя англичанами, считая себя подданными английской короны, поселенцы долго смотрели на стеснявшие их политические ограничения как на неприятный, но более или менее закономерный порядок своего существования, как дань за покровительство, идущее от материродины. Наибольшее и постоянное их недовольство вызывала экономическая политика метрополии в области торговли и производства. Многочисленные навигационные акты монополизировали торговлю с колониями в руках английских купцов, скупавших дешево, продававших дорого. Шерстяной, шляпный, кожаный, железный и другие акты и законы 1699—1750 гг. ставили почти непроходимую преграду развитию местной обрабатывающей промышленности. Тому же служил запрет на выпуск денег, стеснявший торговую и предпринимательскую деятельность. Колонистам запрещалось рубить ценные породы деревьев, которые шли на строительство английских кораблей. Были введены огромные пошлины на ввоз в Англию из колоний зерна и мяса. Пресекалось скваттерство, запрещалось продвижение на «свободные» земли Запада[27].

Все эти меры служили сильным тормозом развитию местного хозяйства, обедняли многих колонистов, связывали их инициативу, в конечном счете стояли на пути буржуазного развития колоний. В то же время Англия в своих интересах стимулировала активность отдельных отраслей хозяйства (кораблестроение на Севере, южные сельскохозяйственные культуры) и при самом большом старании и выгодах была не способна удовлетворить все потребности колонистов в необходимых им вещах. В некоторых случаях производственная активность в колониях стимулировалась интересами отдельных отраслей английской промышленности (например, выделка необработанного железа, используемого в Англии для дальнейшей переработки и изготовления скобяных и прочих железных изделий). При общей буржуазной направленности развития колоний это приводило к тому, что вопреки всем преградам экономическое и общественное развитие в этом направлении продолжалось.

К середине XVIII в. в колониях Севера и Центра заметно прогрессировала «домашняя промышленность». В ней были заняты отдельные семьи или группы родственников, соседей. Вместе с ремеслами она обеспечивала первейшие нужды колонистов: в одежде, обуви, инвентаре, орудиях труда. В Новой Англии и Нью-Йорке возникали мануфактуры (прядильные, ткацкие, чулочные, парусиновые, деревообделочные и железоделательные, стекольные и др.). Вначале они создавались на общественной (муниципальной) основе, удовлетворяя местный спрос, позже —

---

[26] Там же, с. 764.

[27] English Historical Documents, vol. 9. American Colonial Documents to 1776 / Ed. by M. Jensen. L., 1955, p. 351—375, 412—423, 438—454.

на частнокапиталистической, выходя на более широкий рынок[28]. Теснимые колониальными властями, испытывая нехватку специалистов и рабочих рук, такие мануфактуры часто терпели крах.

Больше других преуспевала судостроительная промышленность, в которой, как упоминалось, была заинтересована Англия. К 1775 г. 30% судов, которые плавали под британским флагом, сошли с верфей Новой Англии; 75% торговли с ее заморскими владениями обслуживалось кораблями колоний [29].

Успехи судостроения обусловили развитие рыболовецкого и китобойного промыслов. Моряки колоний славились своим опытом и сноровкой. Их стараниями и отвагой ширилась колониальная торговля, сосредоточенная главным образом на океанском побережье, а также торговля с Вест-Индией. Морем осуществлялся товарообмен между северными и южными колониями.

Сухим путем велась в основном мелкая розничная торговля и торговля с индейцами, у которых за бесценок скупали меха. Запретительная политика метрополии привела к тому, что значительная часть торговли велась контрабандным путем и из-за нехватки денег — очень часто путем обмена.

Развитие местных промыслов и сельского хозяйства отражалось в росте городов, особенно приморских. «Между 1713 и 1763 гг. население пяти крупнейших колониальных городов почти утроилось, а население всех колоний увеличилось в 5 раз. Никогда за всю американскую историю приток неангличан — в данном случае главным образом африканцев, немцев, шотландцев и ирландцев — не был пропорционально столь велик. В этот период импорт из Англии вырос с 300 тыс. до 2 млн. ф. ст.» [30]

На Юге основной преградой техническому прогрессу, развитию буржуазных отношений и народному просвещению была рабовладельческая плантационная система, эффективно действовавшая из-за спроса в Европе на колониальные товары и являвшаяся стержнем экономики. Богатство и власть определялись размерами плантаций и числом рабов. «Именно крупный плантатор господствовал в политической и социальной жизни Юга, и основу его влияния составляли десятки и сотни рабов, которыми он владел» [31]. Немалым препятствием деловой активности служили частое падение цен на местные продукты и неурожаи, что делало многих должниками английских купцов, кредитовавших поддержание или расширение производства продуктов сельского хозяйства, значительную часть местной торговли. Однако и на Юге происходили изменения. Возрастала роль торговых посредников, подрядчиков, ростовщиков, различного рода специалистов. Плантатор богател тем легче и быстрее, чем энергичней он включался в торговые и финансовые предприятия[32].

---

[28] *Lord E. L.* Industrial Experiments in the British Colonies of North America. N. Y., 1969, pt 2, ch. 2.

[29] *Рочестер А.* Американский капитализм, 1607—1800. М., 1950, с. 47.

[30] *Nash G. B.* Class and Society in Early America. Englewood Cliffs (N. J.), 1970, p. 4. См. также: *Walton G. M., Shepherd J. F.* The Economic Rise of Early America. Cambridge, 1979.

[31] *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, с. 188.

[32] *Nash G. B.* Op. cit., ch. 4, § 16.

По мере расширения и углубления в колониях процесса буржуазного развития противоречия между их интересами и интересами метрополии возрастали. Тем более что с ходом времени по образу жизни, по привязанности к земле, где родились и выросли колонисты, они все больше становились «виргинцами», «мэрилендцами», «массачусетсцами» и т. д., а в общем — «американцами». Вначале это осознавалось: англичанин, родившийся и постоянно живущий в Америке; английский подданный, но неразрывно связанный со своей американской родиной, имеющий свои американские интересы и подданство которого не дает права метрополии поступать с ним так, как только ей заблагорассудится. Иначе говоря, начинался процесс складывания американской нации.

Симптомом этого процесса являлось возникновение в 1727 г. Филадельфийской хунты. Она объединяла местных печатников, ремесленников, торговцев, клерков и других горожан, тянувшихся к знаниям и живо интересовавшихся судьбой своей родины. Основал хунту Бенджамин Франклин, которому суждено было стать великим американским просветителем, ученым, дипломатом и государственным деятелем. В январе 1741 г. он начал издавать «Общий журнал и историческую хронику для всех британских колоний в Америке». В 1743 г. он организовал Американское философское общество.

Ростки, взошедшие на филадельфийской почве, не были единственными и знаменовали появление других. С 1693 по 1764 г. в колонии возникло пять колледжей (университетов) [33]. При наличии немалых заимствований в них складывалась своя собственная система университетского образования, отличная от английской.

Симптомом того же процесса, но симптомом другого рода было «дело Зенгера» в Нью-Йорке [34]. В 1732 г. туда прибыл губернатор Косби, проявивший себя таким тираном, гонителем и стяжателем, каких колония еще не видела. Он не считался ни с местными органами управления, ни с местными судами, ни с правом на свободу вероисповедания, ни с правом собственности. В какой-то мере общий язык он находил только с представителями местной олигархии — теми крупнейшими землевладельцами и богатейшими купцами, против которых боролся когда-то Лейслер. Подавляющее число колонистов ненавидели Косби, но, боясь расправы, не рисковали поднимать голос.

Молчание нарушила основанная в 1733 г. нью-йоркская газета «Уикли джорнэл», вокруг которой группировались купцы, адвокаты, владельцы мастерских и другие представители столичных деловых кругов и интеллигенции. Газета опубликовала материалы, вскрывавшие противозаконную деятельность губернатора. Печатал ее эмигрант из Германии Джон Питер Зенгер. Косби арестовал его. Местные юристы выступили с протестом. Губернатор отдал приказ, лишавший их права адвокатской практики, и начал готовить судебную расправу над Зенгером, которого обвинял в клевете и подстрекательстве к беспорядкам.

---

[33] *Wright L.* The Cultural Life of the American Colonies, 1607—1763. N. Y., 1957, p. 116—125. Первый — Гарвардский — был основан в Кембридже, близ Бостона, в 1636 г.

[34] Подробнее см.: *Аптекер Г.* Колониальная эра, с. 152—161; *Doyle I. A.* The Colonies under the House of Hanover. N. Y., 1907, p. 165—170.

Сторонники и единомышленники Зенгера тщетно искали защитника. Наконец им удалось найти человека, отважившегося вступить в единоборство с Косби. Это был 80-летний адвокат из Филадельфии Эндрю Гамильтон. На суде, состоявшемся в августе 1735 г., он произнес блестящую речь, после которой присяжные оправдали обвиняемого.

Косби, всесильный губернатор и наместник короля, потерпел поражение. Но то не было только поражением Косби. Речь Гамильтона прозвучала обвинительным приговором всей колониальной администрации, которая злоупотребляла своим положением и без того стеснительными законами метрополии для безмерного угнетения колонистов ради интересов Англии и своих собственных. Поэтому «дело Зенгера» привлекло внимание всех поселенцев английских владений в Северной Америке, горячо обсуждалось ими. О нем говорили в Европе.

Прошло несколько лет, и ареной событий, приковавших всеобщее внимание, сделался Массачусетс. В этой колонии развитие в буржуазном направлении шло довольно быстро, несмотря на все чинимые препятствия. Деловой предприимчивости, особенно людей со средним и незначительным достатком, очень мешало отсутствие денег. Оно же очень обременяло фермеров. Многие из них были должниками властей, ростовщиков или богатых землевладельцев. Над ними все время висела угроза распродажи имущества и конфискации земли, которыми покрывались долги.

Возникла идея создания Земельного банка[35]. Он должен был принимать ипотечные вклады и выдавать аккредитивы, которые могли служить заменителями денег. Губернатор колонии Джонатан Бельчер воспротивился осуществлению идеи. Против нее выступили кредиторы — богатеи колонии, не желавшие получать «дешевые деньги», к тому же годные только в пределах Массачусетса. Окончательно вопрос должен был решиться на Общем собрании 1741 г. Все говорило о том, что сторонники создания банка, имея поддержку фермеров, окажутся в большинстве. Бельчер, стремясь предотвратить нежелательный для него исход голосования, арестовал лидеров движения, объявив об антиправительственном заговоре. Несмотря на это, Общее собрание высказалось за учреждение банка.

Бельчер сообщил о случившемся в Лондон. Оттуда пришло распоряжение, запрещавшее проводить в жизнь решение собрания и объявлявшее, что нарушители запрета будут считаться государственными преступниками. Не рискуя вступать в открытый конфликт с правительством, колонисты подчинились запрету. Но они стали оказывать более или менее скрытое сопротивление всем распоряжениям губернатора. Тот прибегал к репрессиям. Арест следовал за арестом. Однако все усилия Бельчера вернуть себе прежнюю власть оказывались безрезультатными. Недовольство его правлением росло. Чтобы предотвратить назревший взрыв возмущения и избавиться от бессильного администратора, Бельчера отозвали в Лондон и заменили другим губернатором.

В 1747 г. в Массачусетсе возник новый конфликт[36]. В ту пору в

---

[35] *Zemsky R.* Merchants, Farmers, and River Goods. Boston, 1971, ch. 6.
[36] *Schutz I. A.* William Shirley. King's Governor of Massachusetts. Chapel Hill, 1961, p. 127—130.

Бостонской бухте стояла военная эскадра. Ее командир, испытывая недостаток в людях, под видом вербовки захватил несколько горожан, чтобы пополнить ими экипажи кораблей. Бостонцы негодовали. Было совершено насилие, и был нарушен закон. Насильственная вербовка в колониях запрещалась с тех пор, как именно в Бостоне из-за нее уже происходили серьезные волнения. Сейчас, в ответ на действия командира эскадры, горожане задержали встретившихся им на улицах английских офицеров. Они заявили, что не освободят их, пока не будут отпущены на свободу захваченные бостонцы.

Местные богатеи, которых вербовка никогда не касалась и которые боялись, что в ходе беспорядков пострадает их собственность, пытались унять расходившуюся «чернь». Губернатор Уильям Ширли хотел поддержать «честь» королевского флота. Был отдан приказ о созыве отрядов милиции. Однако составлявшие их местные жители не пожелали выступать против сограждан, чувства которых разделяли и вместе с которыми вышли на улицы. Ширли, бежавший на о-в Кастл, что в Бостонской бухте, был вынужден отказаться от «благородного» намерения. Более того, он упросил командира эскадры, который подвел свои корабли к городу, чтобы начать обстрел, не делать этого и отпустить задержанных. Губернатор понимал, что корабли рано или поздно уйдут, а ему иметь дело с теми, кто добился отставки Бельчера. Кончилось тем, что моряки отпустили «завербованных», а горожане — офицеров.

Рассказанные события — лишь наиболее яркие примеры растущей со второй половины XVIII в. политической активности колонистов, которые все больше сознавали свои права и интересы, права и интересы «американцев» [37]. Именно «американцев», а не «виргинцев», «мэрилендцев» и т. д., что отразилось, в частности, в появившемся в 1754 г. плане образования объединенных колоний на континенте Северной Америки во главе с выборным губернатором. Американцы и англичане должны были пользоваться, по этому плану, равными правами и привилегиями при получении земли на осваиваемых территориях.

План составил Бенджамин Франклин [38]. В документе отдавалась дань вековой традиции и привязанности к матери-родине, а потому предлагалось сохранить над объединенными колониями английский суверенитет и их принадлежность к Британской империи. Путь, который открывал перед своими соотечественниками Франклин, для многих колонистов в тот момент казался необыкновенно смелым и утопичным. Им предстояло вступить на него с оглядкой и колебаниями после долгих лет терпения, политического мужания, борьбы и потерь. Вступив на него, вместе с Франклином они пошли много дальше пределов плана 1754 г.

А пока дали знать о себе виргинцы. В 1755 г. Генеральная ассамблея приняла закон, по которому все платежи должны были производиться из расчета 2 пенса — фунт табака. Закон преследовал цель защи-

---

[37] См., например: *Wertenbaker Th. J.* The Golden Age of Colonial Culture. N. Y., 1949; *Merrit R. L.* Simbols of American Community, 1735—1775. New Haven, 1966; *Bailyn B.* The Origins of American Politics, 1700—1763. N. Y., 1968; *Bridenbaugh C.* The Spirit of 76. The Growth of American Patriotism before Independence. N. Y., 1975.

[38] *Франклин В.* Избр. произведения. М., 1956, с. 84—90. См. там же статью М. П. Баскина о Франклине.

тить должников-табаководов. Их кредиторы сильно наживались, получая долги подорожавшим тогда табаком. Но закон задел не только кредиторов. Он задел и священников, которые получали содержание в виде определенного количества табака, а потому выигрывали при его подорожании. Священники стали добиваться, чтобы Лондон заступился за «церковь».

В 1759 г. Тайный совет отменил закон. Тогда один из священников возбудил иск против своих прихожан, требуя возмещения «убытков». В суде ответчиков защищал адвокат Патрик Генри — впоследствии один из виднейших борцов за независимость колоний. Он подверг критике общее поведение священников в колонии, а в связи с отказом признать правомерность введенного закона назвал их «врагами общества»[39]. То была позиция, давно отстаиваемая колонистами: только местные ассамблеи вправе решать вопросы, связанные с расходованием средств и налогообложением.

Адвокат истца, опираясь на решение Тайного совета, представил Патрика Генри крамольником и изменником. Присяжные не рискнули примкнуть к «крамоле» и решили дело в пользу священника, хотя разделяли мнение адвоката колонистов. И все же суд сумел показать, на чьей он стороне. Размер компенсации был определен в 1 пенни.

В 1760 г., чтобы пресечь процветавшую в Массачусетсе контрабандную торговлю, суд британского казначейства прислал новому губернатору колонии Фрэнсису Бернарду «предписание о помощи». Помощь эта состояла в предоставлении ему права отдавать приказы на обыск любого места, где можно было предположить нахождение контрабандных товаров, что неизбежно вело к произволу чиновников.

Купцы Бостона обратились к адвокатам, чтобы те опротестовали законность отдаваемых приказов и действий их исполнителей. В феврале 1761 г. состоялся суд. Сам по себе суд по иску, в котором оспаривалось правительственное предписание, исполнению которого он по существующим правилам обязан был содействовать, являлся событием из ряда вон выходящим. Еще более примечательным оказалось ведение дела представителем истцов Джеймсом Отисом — другим видным будущим деятелем борьбы колоний за независимость.

Отис пошел в прямое наступление[40]. Он доказывал, что «предписание о помощи» противоречит английскому обычному праву и основным законам Британской империи, которые требуют для проведения обысков и арестов четко обоснованной мотивированности для каждого отдельного случая. Несоблюдение этого условия — нарушение прав и законов, попрание естественной справедливости, отяжеляемое, как правило, поведением чиновников. Те нередко использовали предписание, преследуя личные цели, сводя личные счеты.

---

[39] *Knollenberg B.* Origin of American Revolution. N. Y., 1960, p. 64. Подробнее см.: *Аптекер Г.* Колониальная эра, с. 100—103; *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США. Л., 1978, с. 56—58.

[40] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 1, p. 45—47. Подробнее см.: *Белявская И. А.* Джеймс Отис и его роль в подготовке войны за независимость.— В кн.: Американский ежегодник, 1975. М., 1975, с. 171—185.

Суд не имел полномочий отменить правительственное распоряжение. Однако доводы и ораторский талант Отиса, сочувствие к нему и истцам членов суда и собравшейся публики сделали свое дело. Суд решил приостановить действие предписания на один год для уточнения его правовых оснований. Прецедент дал возможность противодействовать обыскам и судам в других городах.

Итак, процесс, давший знать о себе созданием в 1727 г. Филадельфийской хунты, имевшей просветительские цели, а затем вылившийся в создание проекта объединения колоний в 1754 г., развивался, принимая все более острый политический характер и все более определенный национальный оттенок. При этом события, обратившие на себя особое внимание, шли рядом с менее значительными, порой не оставившими следа, но являвшимися для первых питательной средой и постоянным фоном. То были движение на «Дикий Запад», занятие запрещенными ремеслами и промыслами, контрабандная торговля, «возмутительные» речи на городских собраниях, беседы за закрытыми дверями и т. д. и т. п. Но одновременно злоупотребления колониальной администрации и обременительные ограничения не всегда связывались с политикой Лондона, на благоразумие и справедливое вмешательство которого нередко уповали.

Если среди колонистов постепенно кристаллизовалась идея о несправедливом и неправомерном отношении к ним метрополии, то прежде всего в образе ее колониальных администраторов и чиновников.

Так или иначе, но углубление противоречий между метрополией и колониями было налицо и возрастало как в сфере экономической, так и политически-правовой. А рядом росли, возникали новые и усиливались связанные с ними, но определяемые развитием буржуазных отношений и социального неравенства противоречия классовые, внутри самих колоний. Они проявлялись, в частности, в форме, которая обнаружилась в рассказанных событиях, когда местные богатеи и крупные землевладельцы, часто кредиторы, солидаризировались с действиями губернаторов, предпочитая терпеть их злоупотребления, чем смешиваться с «чернью», а тем более участвовать в «бунте».

Проявлялись классовые противоречия и в форме сопротивления малосостоятельных колонистов ограничению их избирательных прав (в частности, имущественным цензом), а также в той, которая проявлялась в ходе обыденной жизни, когда борьба велась между хозяевами и сервентами, нанимателями и работниками, рабами и рабовладельцами, богачами и бедняками городов, ферм и плантаций.

Примером могут служить «хлебные бунты» в Бостоне. Во время войны за испанское наследство, когда англичане вели наступление на Квебек (Новая Франция), купцы с выгодой поставляли зерно и муку в действующую армию, но город стал испытывать в них нужду. Непомерно выросли цены на хлеб. В 1709 г. толпа горожан, собравшихся на пристани, попыталась не допустить выход в море груженного зерном корабля С большим трудом властям удалось успокоить возмущенных и возбужденных людей. В 1713 г. при сходных обстоятельствах был ранен заместитель губернатора.

Противоречия обнаруживались и в среде состоятельных бостонцев. Купцы и предприниматели добивались большой экономической и политической свободы, которую сковывала в Массачусетсе не только политика метрополии, но также политика ветеранов и преемников пуританской

олигархии. Те стремились сохранить имевшиеся у них привилегии, основанные, в частности, на традиционном занятии высших постов в местном самоуправлении. Их консерватизм устраивал губернаторов, которые оказывали им покровительство.

Против этого союза повела борьбу основанная в 1721 г. газета «Нью-Ингланд курант». Ее издавал сводный брат Бенджамина Франклина Джеймс. За свою деятельность он был судим, сидел в тюрьме, но выстоял, и газета просуществовала несколько лет, сыграв важную роль в зарождавшемся движении «Великого пробуждения» от косности церковной догматики, от дурмана традиции, которые помогали пуританским лидерам главенствовать в жизни Новой Англии.

Бостон не составлял исключения. Социальные противоречия сказывались во всех городах, особенно крупных.

В Нью-Йорке, например, в 1734 г. ремесленники и другие свободные жители колонии сумели одержать победу над купеческо-землевладельческой олигархией. Они получили большинство в местной ассамблее. В 1741 г. против той же олигархии, непомерно поднявшей цену на зерно, выступили пекари. Они отказались выпекать хлеб, пока цены не будут понижены. Так же и в том же году поступили пекари Филадельфии, когда купцы этого города вознамерились расплачиваться за хлеб и другие товары местного производства полупенсовыми монетами, требуя, чтобы их принимали как равные однопенсовым, ссылаясь на недостаток звонкой монеты. Два дня город жил без хлеба, после чего было достигнуто компромиссное решение: полупенсовая монета была признана равной стоимости $^{3}/_{4}$ пенса. В 1746 г., добиваясь повышения оплаты своего труда, бастовали плотники столицы Джорджии — Саванны.

Шла социальная борьба и за пределами городов.

Резкое понижение цен на табак в начале 80-х годов XVII в. сильно сказалось на положении виргинских колонистов. В этих условиях продукция малых плантаций не обеспечивала пропитания их обитателей. В 1682 г., надеясь поднять цены на табак, отчаявшиеся люди начали уничтожать его посадки там, где они представлялись им излишними,— на больших плантациях. Интересы «порядка» и интересы собственности, как и во многих других случаях, объединили представителей колониальных властей и богатых поселенцев. Участников «табачных бунтов» разгоняли войска и отряды местной милиции. Два зачинщика были казнены.

В колониях собственников никогда не прекращалась борьба против феодальных установлений, и прежде всего квит-ренты. После многих волнений, особенно в 40—50-е годы XVIII в., фермерам Нью-Джерси удалось на время освободиться от этой повинности. В Каролинах многие устремлялись на Запад. Так как их скваттерство означало уклонение от поборов, то власти отказывались выдавать пропуска на переселение. Уже переселившимся — «пограничникам» — отказывали в поддержке, когда те вели войны с индейцами. Чтобы заставить губернатора узаконить их положение и право на занятую землю, «пограничники» в 1719 г. предприняли поход на столицу Южной Каролины — Чарлстон. Сходные события в 40-х годах произошли в Нью-Джерси, где в результате вооруженных выступлений фермеров, к которым присоединились отряды местной милиции, на некоторое время был прекращен сбор квит-ренты.

Во второй половине XVIII в. несколько колоний Центра и Юга охватило движение «регуляторов»[41], которые требовали «справедливого урегулирования» земельных отношений (отсюда название; иногда их называют «уравнителями»). Не добившись благожелательного отклика властей, они взялись за оружие. Борьба длилась много лет, вплоть до войны колоний за независимость.

Неграм, привезенным из-за моря, чужим в новом краю и среде, разноплеменным, разноязычным и бдительно охраняемым, было особенно трудно сопротивляться бесчеловечному угнетению, которому они подвергались[42]. Они убегали, убивали ненавистных хозяев, совершали поджоги, уклонялись от работы, платя за это жизнью или страшными муками. Не вытерпев мук, нередко кончали жизнь самоубийством. Иногда им удавалось сговориться и выступить против угнетателей не в одиночку. В 20—30-х годах XVIII в. неоднократно вспыхивали восстания рабов в Южной Каролине, Виргинии и Джорджии. В Нью-Йорке негры восстали в 1712 и в 1741 гг. При этом в первом восстании участвовали привезенные из Вест-Индии рабы-индейцы, а во втором — четверо белых. Все негритянские восстания, как и другие, подобные им, были жестоко подавлены — часто из-за небольшого числа участников и всегда из-за плохой организации, отсутствия оружия, враждебного отношения окружавшего населения.

Случаи солидарности негров, белых и индейцев были редки. Сказывалась поддерживаемая властями и рабовладельцами расовая вражда, культивируемое чувство превосходства белых над «цветными», индейцев — над неграми, а также значительное совпадение социального положения с цветом кожи: высокого — для белых, низкого — для темнокожих.

И все же начинали всходить первые ростки аболиционизма[43]. Они появлялись среди квакеров (меннонитов), одна из общин которых призвала в 1688 г. своих единоверцев отказаться от владения рабами, утверждая, что рабство противно духу христианства и что нет ни у кого права лишать человека свободы за цвет кожи. В 1700 г. с близкими идеями выступил бостонский судья Сэмюэл Сьюолл в трактате «Продажа Иосифа»[44]. Эти и последующие одинокие ростки, однако, глохли под натиском защитников рабовладения, которые проповедовали неотъемлемость негра и рабства, глохли под пятой законов, направленных на укрепление власти хозяев. Законы эти со временем ужесточались, особенно после негритянских волнений, внушавших рабовладельцам животный страх, прежде всего в Южной Каролине, где к середине XVIII в. число негров вдвое превышало число белых.

Судьба индейцев в рассматриваемое время принимала в заселенных

---

[41] English Historical Documents, p. 591—608.

[42] Documents Illustrative of the History of the Slave Trade to America / Ed. by E. Donnan. Wash., 1930—1931. Vol. 1, 2; A Documentary History of Slavery in North America/Ed. by W. L. Rose. N. Y., 1976; A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974.

[43] English Historical Documents, p. 491—493; Documents of American History, p. 37—38.

[44] Подробнее см.: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 1, с. 137—148.

и заселяемых европейцами местах все более трагические черты. Индейцы сопротивлялись вытеснению, теряли людей, отступали; отступали, сопротивлялись и теряли людей. Колонисты разжигали вражду между племенами и, пользуясь ею, теснили враждовавших дальше. Иначе говоря, шла непрекращавшаяся скрытая или открытая война, ведущая к вытеснению и истреблению индейской расы. Тяжелейший удар индейцам нанесла англо-французская колониальная война, начавшаяся в 1754 г. и через два года слившаяся с большой войной европейских держав, получившей название Семилетней войны (1756—1763).

В 50-е годы XVIII в. давнее англо-французское соперничество в Америке стало особенно острым. Потоки английской и французской миграции на запад материка встретились в бассейне р. Огайо. От того, кто завладеет этим районом, зависело, удастся ли англичанам проникнуть за Аппалачи или французам укрепить и расширить Новую Францию (от Великих озер до устья р. Миссисипи), а в конечном счете — кто овладеет центральной частью континента и выйдет к берегам Тихого океана.

При начавшихся военных столкновениях та и другая сторона стремилась втянуть в них индейцев в качестве союзников[45]. Алгонкины, теснимые англичанами, сражались на стороне французов, а теснимые последними ирокезы — на стороне англичан. В 1755 г. объединенные силы французов и алгонкинов разгромили английскую армию генерала Бреддока. (Событие, нашедшее яркое художественное изображение в «Виргинцах» Теккерея.) Позже успех начал склоняться на сторону англичан. Они во много раз превосходили своего противника численностью, на их стороне были экономически более развитые колонии и метрополия, к тому же располагавшая лучшим флотом.

В 1759 г. англичане овладели главным городом и сильнейшей крепостью Новой Франции — Квебеком. Это определило окончательный успех англичан в Семилетней войне на территории Америки. По Парижскому миру 1763 г., завершившему эту войну, к англичанам перешли все французские владения на континенте. Досталась им и Флорида, которую они отняли у Испании — союзницы Франции, отдав, правда, ей французскую Луизиану.

Алгонкины, о чьей судьбе французы, заключая Парижский мир, подумать не удосужились, остались один на один против победителей, несравнимо превосходивших их по силе и численности. Но война с уходом французов сама собой прекратилась. Англичане обживались в захваченных у французов фортах и поселках, осваивали новый для них край. Они вынуждены были оттянуть силы для контроля над Квебеком (так англичане назвали Новую Францию, позже — Канада). Алгонкины удалились от английских поселений.

Условный мир длился недолго. Агрессивное поведение англичан и их явное намерение стать хозяевами занимаемой алгонкинами земли привели к возобновлению войны.

---

[45] Military Affairs in North America, 1748—1765 / Ed. by St. Purgellis. Hamden (Conn.), 1969; America's Frontier Story. A Documentary History... / Ed. by M. Ridge, R. A. Billington. N. Y., 1969, p. 126—155.

Индейцев возглавил вождь племени оттава Понтиак[46], мужественный и мудрый воин, решивший отбросить англичан за Аппалачи, и, если удастся, дальше. В этом он видел единственное средство спасения своего народа. Понтиак сумел объединить многие племена алгонкинов. Его отряды выбили англичан из многих фортов долины р. Огайо. Связанный с фланга враждебными ирокезами, не имея артиллерии, он вынужден был задержаться у Форта Питт и Детройта. Положение еще более осложнилось, когда в действие вступила английская регулярная армия.

Тем не менее война длилась два года и закончилась заключением мира в 1765 г. Англичане, боясь, что Понтиак со временем вновь объединит рассеянные в результате войны индейские племена, подослали к нему убийцу. То был подкупленный индеец, который выполнил черное дело, а вместе с этим лишил алгонкинов последней возможности отстоять оставшиеся у них земли. Недальновидные ирокезы, злорадно смотревшие на неудачу своих соседей, через 20 лет испытали их печальную судьбу.

Итак, в результате войны 1754—1763 гг. территория английских владений в Америке чрезвычайно расширилась. С континента был полностью устранен самый сильный европейский соперник. Были отброшены и перебиты стоявшие на пути дальнейшего продвижения к Тихому океану воины Понтиака. Перед Англией открывался путь к господству над всей Северной Америкой. При очевидном упадке Испании — в какой-то мере над всем западным полушарием. Однако положение, сложившееся после 1763 г. в ее собственных старых колониях в Америке, лишило Англию открывшихся было возможностей для дальнейшей колониальной экспансии в этом полушарии.

46 *Peckham H. H.* Pontiac and the Indian Uprising. The Documented Story... Chicago, 1961.

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (1763—1775)

1. КОЛОНИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

Важнейшей объективной предпосылкой освободительного движения в колониях, завершившегося войной за независимость и буржуазной революцией, был прогресс, достигнутый к середине XVIII в. в развитии социально-экономических отношений, политической и культурной жизни американского общества. Налицо были признаки складывания новой нации, и это явилось мощным импульсом в борьбе за независимость.

Ф. Энгельс отмечал, что колонисты эмигрировали в Америку «с целью учредить чисто буржуазное общество» [1]. Нельзя сказать, что ко времени революции североамериканские колонии Англии представляли собой уже окончательно сложившийся, развитой организм и американцам предстояло лишь завоевать и утвердить независимость. Но объективные условия для сплочения колоний и создания единого независимого государства были налицо. Фундамент новой нации закладывался экономическим развитием колоний, которое находилось в тесном взаимодействии с факторами социального характера.

Американская экономика развивалась традиционным для колоний путем. Метрополия сбывала в них свои промышленные изделия, получая от этого изрядный доход. Что же касается колоний, то их удел заключался в поставке сырья, служившего материалом для британской промышленности. В соответствии с экономической доктриной того времени эти отношения строились на началах меркантилизма. Торговля с колониями являлась средством обогащения Англии при обязательном условии благоприятного для нее торгового баланса, когда сумма вывозимых товаров превышала импорт ввозимого сырья.

Британские колонии в Северной Америке служили средством обогащения метрополии; они стали поистине золотой жилой, поставляя в изобилии ввозившийся ранее из Прибалтийских стран лес и иные материалы, необходимые для английского судостроения. Можно без преувеличения сказать, что британский флот того времени был построен главным образом из американских материалов. Другим важным видом промышленного сырья, получаемым Англией из колоний, был чугун, выплавка которого приобрела настолько крупные масштабы, что Америка накануне революции стала одним из основных производителей чугуна в мире. Аме-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 128.

риканский чугун имел исключительно важное значение для британской железоделательной промышленности.

В трюмах британских кораблей, совершавших рейсы через Атлантику, доставлялись и иные виды сырья, жизненно необходимого для английской промышленности. Однако основным занятием американцев на протяжении всего колониального периода оставалось сельское хозяйство. Соответственно и главным предметом американского экспорта были сельскохозяйственные продукты. Центральные колонии экспортировали пшеницу, южные — табак, рис и индиго.

Торговля была поставлена в жесткие рамки зависимости от метрополии в результате провозглашенных Англией Навигационных актов. Во-первых, принятые в 1651 г. и последующие годы Навигационные акты запрещали перевозить товары на иностранных судах. Разрешалось пользоваться только английскими и колониальными судами. Во-вторых, согласно Навигационным актам колонии не имели права непосредственно торговать с другими странами. Они могли продавать товары этим странам и покупать у них продукцию только при британском посредничестве. Каждое судно, груженное товарами из других европейских стран, обязано было пройти через Лондон, уплатив солидную пошлину.

Вместе с тем английская политика в отношении промышленности и торговли колоний, в особенности на первых порах, действительно способствовала развитию их экономики. Быстро развивалось производство материалов, на которые в Англии был повышенный спрос. Одновременно в связи с тем, что торговля могла вестись только на английских и колониальных судах, в Америке создались благоприятные условия для судостроения. Это влекло за собой рост смежных отраслей производства, вело к расширению внутреннего судоходства, оказывало влияние на рыбный промысел и т. п.

За колониальный период американское судостроение выросло в мощную отрасль промышленности, занимавшую видное место в мировом масштабе. Сооружение морских судов в Америке обходилось почти в 2 раза дешевле, чем в Европе, и качеством они были не хуже [2]. Поэтому большое количество строившихся в Америке судов продавалось в Европе, и прежде всего в Англии. Построенные в колониях суда ко времени революции составляли почти треть британского флота. Они обслуживали $^3/_4$ трансатлантической торговли Англии. Выросшая таким образом промышленность и связанная с ней торговля привели к появлению целой предпринимательской отрасли, на которой сколотила состояние одна из самых влиятельных имущих групп колониального общества.

Несмотря на установленную Англией регламентацию, важнейшими факторами экономического развития колоний являлись неуклонный рост их промышленного производства, расширение торговли (как внешней, так и межколониальной), хотя, конечно, уровень промышленного развития оставался довольно скромным — в диапазоне от домашнего ремесла до специализированных мануфактур раннекапиталистического типа.

Более интенсивно местное производство стало развиваться с начала XVIII в. Это связано было, с одной стороны, с тем, что во второй половине XVII в., в период революционных событий в самой Англии, контроль за положением дел в колониях явно ослабел, чем последние неза-

---

[2] *Shannon F. A.* America's Economic Growth. N. Y., 1947, p. 90—91.

медлили воспользоваться, а с другой — их возросшим самосознанием и стремлением к экономической независимости. В период, непосредственно предшествовавший началу освободительного движения, колониальная промышленность производила большое количество шерстяной и льняной одежды. Местное производство приносило хороший доход и освобождало купечество от необходимости прибегать к кредиту под высокий процент у английских торговых домов, что было неизбежно при покупке перевозимых в колонии британских товаров. Это относится также к изделиям из железа, торговлю которыми Англия длительное время считала своей монополией.

Колониальные купцы сравнительно легко преодолевали введенные метрополией запретительные меры, нередко при негласной поддержке местных властей, с которыми находили общий язык, а иногда просто игнорируя запреты. Капитаны морских судов благодаря умелым действиям обходили таможенные заслоны. Одним из итогов колониального развития было широкое распространение превосходно отлаженной системы контрабанды, которая превратилась в отрасль американской экономики.

Независимо от целей британской политики внутреннее развитие колоний вело к результатам, которые противоречили интересам метрополии. Прибрежное морское судоходство, например, широко практиковавшееся во второй половине XVII в., было сперва полностью подчинено английским интересам. Но по мере развития ремесла и сельского хозяйства в колониях ассортимент перевозок расширился за счет товаров местного производства для внутреннего потребления. К началу XVIII в. объем внутренней торговли, которую Новая Англия вела с остальными колониями, почти равнялся объему их торговли с метрополией [3].

К середине XVIII в. колонии, прежде производившие исключительно сырье для метрополии, приступили к производству готовых изделий. Это были первые шаги важного процесса, который носил необратимый характер. Чтобы представить, насколько ничтожны были пока успехи колониальной промышленности, достаточно сказать, что в канун войны за независимость 11 жителей провинции Нью-Йорк из 12 носили одежду британского изготовления [4]. В сельской местности положение было несколько иным, но и там преобладали британские товары.

Успехи экономического развития провинций в Северной Америке зависели от многих факторов. Рост собственного производства являлся лишь одним из показателей. Известно, сколь важную роль играли морские перевозки для межколониальных связей, без которых был бы невозможен прогресс местного производства. Операции, связанные с морской торговлей, явились важнейшим источником так называемого первоначального накопления. Особое значение имела «треугольная» торговля, которая возникла еще в XVII в. «Это был своего рода перпетуум-мобиле...— писал американский историк Э. Мирс.— Вест-Индия производила патоку и сахар, из которых в Новой Англии изготовляли ром, на него покупали рабов в Африке, чтобы продать их в Вест-Индии и купить там еще патоки и сахара» [5]. В более широком плане «треугольная» торговля

---

[3] *Clark V. S.* History of Manufactures in the United States, 1607—1860. Wash., 1916, p. 101.
[4] *Miller J. C.* Origins of the American Revolution. Stanford, 1966, p. 8.
[5] *Miers E. S.* The American Story. N. Y., 1956, p. 62.

образовала вокруг себя настолько прочный комплекс интересов, что оказалась одной из отраслей колониального хозяйства.

Торговые отношения с Вест-Индией стали развиваться еще в начале XVII в. Одним из важнейших стимулов этих отношений было то, что за поставляемые товары Вест-Индия платила американским купцам звонкой монетой, в которой они испытывали острую нехватку при внешнеторговых расчетах. Позднее отношения с Вест-Индией приобрели специфический характер как составная часть «треугольной» торговли. Следует добавить, что доставляемых из Африки рабов продавали не только в Вест-Индии, но и в американских южных колониях — Джорджии, Виргинии, Мэриленде и Каролинах [6].

Не менее важными для развития рынка колоний и их экономического роста в целом были также и сухопутные средства сообщения, выпуск бумажных денег и т. п. Сложился круг проблем, от решения которых зависел экономический прогресс колоний. Можно констатировать, что к началу революции межколониальные связи приобрели такие масштабы, что в Америке возникло некое экономическое сообщество, складывался единый рынок.

Говоря об экономическом развитии колониального общества и вытекавших из него предпосылках революции, следует помнить, что на протяжении всего предреволюционного периода основным видом занятий колонистов являлось сельское хозяйство. «Американское общество к моменту начала революции,— отмечал известный историк М. Дженсен,— было в подавляющем большинстве сельскохозяйственным. Вероятно, 90% из 2,5 млн. проживали на фермах и плантациях. Остальные 10% жили в маленьких городах и лишь немногих центральных городах, которые зависели от американских ферм и их благополучия». Дженсен оговаривал, что «американская экономика, конечно, не была чисто сельскохозяйственной», что быстро развивалось ремесло и промышленность. Тем не менее, «несмотря на растущую диверсификацию американской экономики, сельское хозяйство оставалось основным занятием для большинства американцев» на протяжении всего этого периода [7].

Вопросы промышленности и торговли, а также ограничений, налагаемых метрополией на их развитие, и связанные с этим обстоятельства сыграли колоссальную роль в англо-американском конфликте, завершившемся войной за независимость. Однако аграрные отношения и вытекавшие из них проблемы объективно явились не менее важной предпосылкой, определившей направление и характер Американской революции.

Америка обладала бескрайними земельными пространствами, и с самого начала английской колонизации существовали реальные условия для развития сельского хозяйства по свободнопредпринимательскому пути, который в дальнейшем сформировался как американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Однако прежде чем это свершилось, прошло немало времени.

Земли Нового Света, в особенности на Юге и в средней полосе, были плодородными, а климат благоприятным. Но для того чтобы вести хозяй-

---

[6] *Вильямс Э.* Капитализм и рабство. М., 1950, с. 68 и сл.

[7] *Jensen M.* The American Revolution and American Agriculture.— Agricultural History, 1969, vol. 43, p. 107, 109. См. также: Atlas of Early American History. The Revolutionary Era, 1760—1790 / Ed. by L. J. Cappon, B. B. Petchenik, J. H. Long. Princeton, 1976, p. 64.

ство и получить доход, нужны были рабочие руки. Прикрепить местное население — индейцев — к земле и заставить их работать на себя английские колонизаторы не смогли. Поэтому заселение Нового Света, как уже отмечалось, сопровождалось массовым импортом рабочей силы. Основную массу эмигрантов составляли бедняки. Не имея средств для переезда за океан, они заключали кабальные соглашения с купцами и судовладельцами, а последние перепродавали их в Америке. Этих людей называли сервентами или «законтрактованными слугами»; им предстояло работать в течение нескольких лет на тех, кто покупал их. «Законтрактованные слуги» составили почти половину англичан, эмигрировавших в Америку. В некоторых колониях (Пенсильвания, Мэриленд и Виргиния) к концу колониального периода трое из четырех жителей в настоящем или прошлом были сервентами. Ввоз «законтрактованных» прекратился только с началом войны за независимость. Но до этого они были важнейшим источником пополнения рабочей силы, и большинство из них, естественно, оседали в сельском хозяйстве [8].

Однако использование в таких больших масштабах эмиграции не в состоянии было удовлетворить потребность в рабочей силе. Уже с конца XVII в. в Америке широко эксплуатировался труд рабов — черных невольников, которых привозили из Африки. К началу революции негритянское население в Америке составляло около 0,5 млн.[9]

Аграрные отношения в колониях представляли собой сложный, запутанный клубок. Сама Англия уже прочно вступила на путь развития капитализма, а в Америке метрополия предприняла попытку насадить и закрепить старый порядок — феодализм. Переселившиеся в Америку лорды-собственники эксплуатировали труд белых сервентов и черных невольников. Но наряду с последними на берегах Нового Света обосновались также свободные фермеры и ремесленники — люди с небольшим или средним состоянием. Их положение было иным, чем положение «законтрактованных». Но если свободные переезжали в колонии собственников, они обязаны были платить феодальную квит-ренту [10].

Некоторые исследователи даже пришли к заключению, что XVIII век был отмечен «возрождением феодализма» в Америке. «Историки допускают ошибку,— отмечали американские исследователи Р. Бертхов и Дж. Маррин,— когда отвергают значение феодализма в Америке на том основании, что никто всерьез не намеревался возродить средние века». Этот вывод они подкрепляли данными об увеличении феодальных податей в период «возрождения феодализма» в Америке XVIII в., когда доходы феодальных собственников достигли весьма внушительных размеров, превышая прибыли землевладельцев и купцов метрополии [11]. Однако эти авторы упускают из виду, что, каковы бы ни были успехи

---

[8] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США...: В 4-х т. М., 1949—1969, т. 1, с. 26, 28, 30; *Miller W.* The Effects of the American Revolution on Indentured Servitude.— Pennsylvania History, 1940, vol. 7, p. 131—132.

[9] Historical Statistics of the United States. Colonal Times to 1957. Wash., 1960, p. 756; *Wells R. V.* The Population of the British Colonies in America before 1776. Princeton, 1975, p. 265; Atlas of Early American History, p. 25.

[10] *Bond B. W.* The Quit-rent System in the American Colonies. New Haven, 1919. См. также: Американский ежегодник, 1975. М., 1975, с. 5—16.

[11] *Berthoff R., Murrin J. M.* Feudalism, Communalism, and the Yeoman Freeholder.— In: Essays on the American Revolution / Ed. by S. G. Kurtz, G. H. Hutson. Chapel Hill, 1973, p. 267—268.

американских собственников-«феодалов» в отдельные годы или даже периоды, система феодализма в Америке была с самого начала обречена на провал. Как можно было поддерживать феодальную иерархию или феодальные порядки, если всегда имелась возможность переменить место поселения, облюбовав себе ничем не худший участок земли и обосновавшись на нем? Подобного рода поселения так называемых скваттеров получили массовое распространение.

Противодействие скваттерам занимало важное место в политике метрополии и местных колониальных властей. Борьба по вопросу о земельных отношениях приняла характер острого классового конфликта. Она велась повседневно, выливаясь порой в жестокие схватки, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями. Под давлением обстоятельств, в результате упорного сопротивления фермеров феодальным институтам Лондон вынужден был пойти на ряд уступок. Практически еще до революции провалились попытки насадить феодальные порядки в землепользовании Новой Англии. Большинство собственнических колоний, пожалованных в свое время королем отдельным лицам, перешло в руки короны.

Хотя никаких реформ, пересматривавших систему земельных отношений, не последовало и продолжали действовать старые порядки, налицо были признаки глубокого кризиса аграрной политики, которые определялись не только разраставшимся конфликтом по вопросу об отношении и уплате феодальной ренты и поддерживаемым Англией другим феодальным институтам (система майората и т. п.). Политика метрополии в аграрном вопросе затрагивала жизненные интересы фермерства — основную эксплуатируемую массу, составлявшую в канун революции подавляющее большинство населения страны. Эта политика привела к обострению классовых противоречий и росту демократического движения.

Своеобразие положения заключалось в том, что в лагере врагов метрополии оказалась также значительная часть богатой верхушки колоний — плантаторов и землевладельцев, живших за счет эксплуатации низов. Как в торгово-промышленной сфере колониальный период сопровождался ростом так называемого первоначального накопления и созданием нового богатства, так и в аграрной этот процесс привел к появлению крупных состояний, нажитых на ведении плантационного хозяйства и земельных спекуляциях.

Плантаторам не приходилось терпеть лишения, которые переживали бедные и средние земледельцы. Они вели расточительный, богатый образ жизни. Но эта жизнь в огромной степени зависела от английских кредиторов, а задолженность плантаторов британским торговым домам составляла астрономическую для того времени цифру. По данным Л. М. Хэкера, общий долг американских колоний Англии накануне революции достигал 5 млн. ф. ст., из которых $^{5}/_{6}$ приходились на долю плантаторов. Один этот факт служил постоянным источником раздражения и ненависти к британским кредиторам, все более затягивавшим плантаторов в сети долговой зависимости [12].

Плантационное хозяйство требовало постоянной смены земельных участков и связанного с этим перемещения на новые территории. Политика метрополии препятствовала переходу на новые земли. Это вызы-

[12] *Hacker L. M.* The Triumph of American Capitalism. N. Y., 1947, p. 129—132.

вало всеразраставшееся недовольство. Ту же ненависть к метрополии испытывали земельные спекулянты, обогащению которых за счет скупки и перепродажи новых земель также препятствовали введенные Англией ограничения.

В результате британская аграрная политика, вызвав недовольство разных социальных групп, послужила одной из важных объективных предпосылок надвигавшейся революции [13].

Таким образом, к середине XVIII в. в сфере экономики и социальных отношений североамериканских колоний Англии сложилась острая и противоречивая обстановка, чреватая серьезными конфликтами. С одной стороны, политика метрополии привела к столкновениям, связанным со стремлением насадить в Новом Свете отжившие порядки, которые противоречили новым тенденциям развития буржуазных отношений. С другой — благодаря развитию этих тенденций в колониях наметился прогресс, который привел к росту ремесла и мануфактур, расширению межколониальной торговли, формированию единого американского рынка. Появились достаточно сильные имущие группы, связанные с американской экономикой, интересы которых пришли в резкое столкновение с политикой метрополии. Их интересы соединились с оппозицией демократических сил, что в конечном итоге сыграло решающее влияние на развитие революционной ситуации. Это был существенный фактор, создавший условия формирования новой нации.

В процессе складывания новой нации важное значение принадлежало также политическим факторам. В канун освободительного движения в каждой колонии существовали свои особенности и порядки управления, свои традиции [14]. Тем не менее к середине XVIII в. все они имели практически однотипную политическую организацию. В большинстве колоний губернаторы назначались королем из представителей местной аристократии, королевских чиновников либо присылались из Лондона. Там, где оставалась власть собственников, последние назначали и губернаторов. Только две колонии Новой Англии — Коннектикут и Род-Айленд — сами избирали губернаторов, хотя избранное таким образом лицо могло приступить к исполнению обязанностей, лишь получив утверждение короля. Каждая колония имела законодательный орган, который мог издавать законы и постановления при условии отсутствия противоречий с законами метрополии. Контроль за деятельностью этих органов был возложен на губернаторов. Но и губернаторы зависели от законодательных ассамблей, так как те вотировали средства на управление колоний, включая жалованье губернаторам.

На протяжении всего колониального периода между губернаторами и законодательными ассамблеями шла борьба, отражавшая обострение обстановки, связанной с ростом политического самосознания американцев. Депутаты законодательных ассамблей заметно активизировали свою деятельность. К середине XVIII в. они добились того, что их роль в политической жизни стала более значимой. Это, однако, не дает основания для вывода, который делают американские историки-«неоконсерваторы», утверждающие, что еще до войны за независимость колонии добились

---

[13] *Куропятник Г. П.* Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне войны за независимость США.— Вопр. истории, 1976, № 8.

[14] *Kelley R.* The Cultural Pattern in American Politics. The First Century. N. Y., 1979, ch. II.

беспримерных демократических свобод, сохранение которых и явилось якобы целью революции.

Один из основных аргументов «неоконсерваторов» заключается в том, что такие органы политической власти в колониях, как низшие палаты законодательных ассамблей, уже накануне революции якобы представляли собой демократические учреждения, и задача заключалась лишь в том, чтобы отстоять их свободу. Американский историк Дж. П. Грин утверждал даже, что эта задача была одной из основных в революции[15]. Однако и этот тезис не выдерживает критики. Мейн доказал, что подавляющее большинство депутатов законодательных собраний были представителями имущих классов, составлявших лишь 10% населения[16]. Ассамблеям таких колоний, как Нью-Йорк и Нью-Джерси, Мэриленд и Виргиния, Северная и Южная Каролины, а также Нью-Гэмпшир, был свойственен олигархический характер[17]. Дж. Лэмиш справедливо отмечал, что даже при наличии права голоса колонистам в большинстве случаев была закрыта дорога к участию в управлении и административным должностям. Так же верно и то, что некоторая демократизация низших палат законодательных ассамблей к середине XVIII в. не означала установления народного правления. Не случайно между народом и законодательными ассамблеями происходили постоянные столкновения по вопросу о гражданских правах[18].

Вопреки утверждению «неоконсерваторов», задача революции заключалась именно в том, чтобы демократизировать законодательные органы власти. И, если говорить о политических предпосылках революции, эта задача принадлежала к числу наиболее важных, хотя ее реализация и была возможной, естественно, лишь в рамках буржуазной демократии.

Если сравнивать американское общество второй половины XVIII в. с западноевропейским, то, несомненно, оно было менее стратифицированным. По сравнению со странами Западной Европы в колониях разграничение классов и социальных групп было менее определенным, и можно говорить о значительно большей «мобильности» американского общества. Однако, несмотря на особенности исторического развития Нового Света, трудно согласиться с тезисом «неоконсерваторов», утверждающих, что революционные преобразования в Америке были бесконфликтным процессом и будто Американская революция была бесклассовой войной за свободу. Факты говорят о другом. В Америке существовало социальное неравенство, и оно усиливалось. Классовое расслоение и противоречия колониального общества, хотя и менее выраженные, чем в Европе, явились важнейшим условием возникновения революционной ситуации. Это видно на примере развития трех крупнейших колониальных городов — Бостона, Филадельфии и Нью-Йорка, где процесс классовой дифференциации привел к росту социального протеста низов.

---

[15] *Green J. P.* The Role of the Lower Houses of Assembly in XVII Century Politics.— Journal of Southern History, 1961, vol. 27, p. 474.

[16] *Main J. T.* Government by the People. The American Revolution and the Democratization of the Legislatures.— William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1966, vol. 23, p. 393; *Idem.* The Sovereign States, 1775—1783. N. Y., 1973, ch. 4.

[17] *Main J. T.* Government by the People, p. 397—405.

[18] *Lemisch J.* The American Revolution Seen from the Bottom up.— In: Towards a New Past: Dissenting Essays in American History / Ed. by B. J. Bernstein. N. Y., 1968, p. 9.

Известный американский исследователь ранней истории Г. Нэш отмечал, что «растущий классовый антагонизм и политическая сознательность наряду с экономическими переменами были отличительной чертой жизни городов к концу колониального периода» [19]. Исследования других американских историков показали, что аналогичные процессы протекали и в сельской местности, где также усилилось имущественное неравенство и обострился классовый конфликт. Касаясь положения американского общества в целом накануне революции, А. Янг, составитель и редактор одного из самых серьезных на эту тему коллективных трудов, а также автор послесловия к нему, отмечал, что факты убедительно доказывают существование накануне революции «общества, в котором классовые различия, классовое сознание и классовый антагонизм имели важное значение» [20].

Марксистская наука рассматривает Американскую революцию как революцию, в которой борьба за освобождение от колониальной зависимости тесно переплеталась с внутренней революционной борьбой за экономические и политические пробразования. Американская революция оказалась неразрывно связанной с процессом формирования новой нации во всех его многообразных проявлениях, как материальных, так и идейных. Поэтому, говоря о предпосылках революции, необходимо подчеркнуть такой важный фактор, как подъем национального самосознания. Это был процесс, в ходе которого складывались новые идеология и культура.

Как и в сфере экономики, где развитие осложнялось пережитками старого, в области идеологии новые, передовые идеи пробивали себе путь в борьбе с отжившими, реакционными теориями. Вплоть до начала XVIII в. в колониальной культуре господствовали клерикалы, насаждавшие нравственно-религиозный фанатизм. Это сковывало формирование общественной мысли и развитие общей культуры.

С середины XVIII в. в развитии культуры и общественной мысли колоний происходят серьезные перемены, которые были прямым следствием роста среднего сословия и формирования национальной буржуазии [21]. Широкое распространение получили идеи буржуазного просветительства, успешно развивались светское образование, наука, литература и искусство. Если в начале XVIII в. в колониях было только три колледжа, то к середине столетия появились еще шесть [22]. Обучались в этих колледжах не только жители колонии, в которой находился колледж, но и соседних и даже далеко отстоящих колоний. Влияние церкви на обучение в колледжах к этому времени заметно ослабло. В отличие от Европы, где борьба с духовенством была осложнена тем, что оно являлось крупнейшим землевладельцем и занимало прочные экономические позиции, в североамериканских колониях Англии духовенство этими позициями не располагало. К тому же церковь была раздроблена на многочисленные враждующие секты, и это облегчало борьбу с ней.

---

19 The American Revolution. Explorations in the History of American Radicalism/Ed. by A. F. Young. DeKalb, 1976, p. 30.
20 *Young A. F.* Afterword.— Ibid., p. 449.
21 *Туганова О. Э.* Формирование национальной культуры США.— Вопр. истории, 1977, № 4, с. 63—66.
22 *Wright L.* The Cultural Life of the American Colonies. N. Y., 1957, p. 116—124.

Буржуазное просветительство, будучи идеологией нарождавшегося капитализма, имело для того времени прогрессивное значение. Середина и вторая половина XVIII в. характеризовались широким распространением грамотности, печатной продукции и библиотек. Быстро развивалось типографское дело; в Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке появились десятки книжных магазинов. В 1754 г. в Нью-Йорке открылась первая публичная библиотека, а через несколько лет в колониях существовала уже целая сеть библиотек, служивших важными центрами просвещения.

Немалую общественно-просветительскую роль сыграла журналистика. Привозимые из Англии и печатавшиеся в самих колониях различного рода альманахи, а также газеты и журналы оказали сильное влияние на развитие образованности и рост общественно-политического сознания. В 1765 г. в колониях издавались 43 газеты. Большинство из них печаталось в северных и центральных колониях, где уровень образованности среди массы населения и интерес к политическим новостям был относительно более высоким, чем на Юге [23].

Первыми очагами культурного развития в Америке являлись Виргиния и Новая Англия. Однако в силу различных социально-экономических и общественно-политических условий культурное развитие этих колоний пошло разными путями. В Виргинии, как и вообще на Юге, где преобладали олигархические порядки, культурные ценности становились достоянием сравнительно узкого круга лиц из состава имущей элиты, причем культура была в значительной степени «импортированной», привезенной из метрополии. Иначе протекала культурная эволюция в Новой Англии с ее сильно выраженными чертами общинной жизни, что давало сильный импульс формированию самобытных национальных традиций. Американское просвещение неразрывно связано с именами таких блестящих ученых и мыслителей, как Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон, которым предстояло сыграть выдающуюся роль в борьбе колоний за независимость.

Сын небогатого ремесленника, Франклин в юности работал в типографии. В «Автобиографии» он писал: «...по происхождению я не был ни богат, ни знатен, и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности» [24]. В сравнительно еще молодом возрасте Франклин прославился на весь мир опытами в области электричества и изобретением громоотвода. Его исследования о природе молний нанесли удар по религиозным представлениям. Ученый широкого диапазона и вместе с тем выдающийся общественный деятель, Франклин стремился соединить свои теоретические изыскания с практикой, с конкретными задачами общественной жизни. Он выступил против распространенного в американских колониях религиозного фанатизма и пропагандировал научное естествознание. Он критиковал церковь с позиции прогрессивного для того времени умеренного философского течения — деизма, которое, хотя и не отрицало существования бога, содержало в себе черты атеизма.

Франклин отмечал в «Автобиографии», что, воспитанный в строгих религиозных правилах, он все же решил не посещать публичные собрания своей религиозной общины, «сделав воскресенье днем занятий». Объясняя подобное решение, Франклин писал, что цель богослужений

---

[23] *Туганова О. Э.* Указ. соч., с. 67; Atlas of Early American History, p. 34—35.
[24] *Франклин В.* Избр. произведения. М., 1956, с. 418.

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН

«скорее состояла в том, чтобы сделать нас пресвитерианами, чем в том, чтобы сделать нас хорошими гражданами» [25]. Как видно, быть хорошим гражданином американский просветитель считал важнее, чем соблюдать религиозные догматы.

Наряду с естественными науками и философией Франклин занимался политической экономией и историей. И в этих областях он выступал как передовой ученый и общественный деятель. Франклин идеализировал буржуазные отношения, рассматривая прибыль, получаемую купцами

[25] Там же, с. 480, 481.

и промышленниками, как справедливое вознаграждение за вложенный капитал. Однако в области экономической науки Франклин высказал гениальные догадки, в частности в отношении природы стоимости, которую он считал необходимым измерять количеством затраченного труда. Впоследствии это положение Франклина получило высокую оценку Маркса[26].

Перу американского ученого принадлежал и ряд исторических сочинений, в которых он с позиций буржуазного демократизма выступал против тех, кто интересовался лишь «великими» — историей войн и полководцев, а не историей «мельчайших существ» — простых поселенцев Америки[27]. Много и настойчиво Франклин занимался пропагандой идей просвещения.

Приверженность идеям просвещения у Франклина сочеталась с неприятием системы рабовладения. Он доказывал, что труд раба неэффективен и что его использование требует значительно больших капиталовложений, чем использование труда наемного рабочего[28]. Наконец, важно подчеркнуть, что Франклин явился одним из пионеров освободительного движения. Он показал себя сторонником объединения колоний и расширения их прав[29].

Как и передовые мыслители Западной Европы, Франклин возражал против обложения налогами без согласия представителей колоний. Это было требование подымающейся буржуазии, направленное на защиту буржуазной свободы и собственности. В дальнейшем, с началом освободительного движения в колониях, вопрос о налогах занял одно из центральных мест в конфликте с Англией, и выдвинутый тогда колонистами лозунг «Никаких налогов без представительства» по существу уже содержался в проекте Франклина. Он писал, что «союз колоний абсолютно необходим для их сохранения... для их взаимной защиты и безопасности и для расширения британских поселений в Северной Америке»[30].

Франклин предусматривал усиление самостоятельности колоний, но исходил из того, что они остаются в составе Британской империи. Только позднее, с развитием революционного движения, Франклин изменил точку зрения и стал сторонником полного отделения от Англии и провозглашения независимости. Но даже тогда, в ранние годы, его взгляды отражали рост национального самосознания. 21 сентября 1765 г. филадельфийская газета «Конститюшнл курант» поместила рисунок Франклина, который считается первой американской политической карикатурой: разрубленная на 14 частей змея с названием колонии под каждой частью и общая подпись «Объединимся или умрем». На протяжении всей жизни Франклин последовательно выступал за сплочение колоний в единый союз.

Выразителем национального самосознания американского народа был и Томас Джефферсон, выходец из среды земельной аристократии. Разносторонне образованный человек, Джефферсон, как и Франклин, много

---

[26] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 60, примеч. 17а.

[27] *Франклин В.* Избр. произведения, с. 104, 105.

[28] Там же, с. 37—38.

[29] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 1, p. 43–45.

[30] Цит. по: *Белявская И. А.* Франклин — деятель национально-освободительного движения американского народа.— Вопр. истории, 1956, № 10, с. 33. Подробнее о жизни и деятельности Б. Франклина см.: *Радовский М. И.* Вениамин Франклин, 1706—1790. М.; Л., 1965; *Иванов Р. Ф.* Франклин. М., 1972.

сделал для пропаганды идей просвещения. Идеалом Джефферсона была республика мелких земельных собственников. Тружеников земли он называл «избранным богом народом». Джефферсон приветствовал революции, которые сравнивал с кризисом, переживаемым человеком во время болезни, и считал необходимым их периодическое повторение [31]. Он примыкал к левому, революционному крылу просветительства, выражал интересы фермерства и демократически настроенной части буржуазии.

Подобно Франклину, Джефферсон испытал сильное влияние французских и английских просветителей [32]. В произведениях этих деятелей, как и многих других американских писателей и публицистов того времени, можно без труда обнаружить влияние Руссо, Монтескье, Кондорсе, Вольтера, Бэкона, Локка, Гаррингтона, Мильтона и др. Особенно импонировала буржуазии североамериканских колоний философия Джона Локка с его доктриной естественного права на жизнь, свободу и собственность. Философия Локка, с одной стороны, развивала и обосновывала идею права на революцию, а с другой — пропагандировала классовый компромисс [33]. Выдержки из сочинений Локка, равно как и других прогрессивных философов того времени, популяризировались в альманахах и памфлетах и даже приводились в проповедях пасторов, когда затрагивались политические вопросы.

Подводя итоги состояния американской культуры к началу освободительного движения, необходимо подчеркнуть, что она уже имела собственное, четко выраженное лицо, но ее уровень все еще находился на невысокой ступени. Это определялось трудными условиями материальной жизни колонистов и пестротой компонентов, из которых складывалась культурная жизнь нарождавшейся американской нации. Практически развитие культуры в каждой колонии шло своим путем. Только спустя несколько десятилетий в Америке сложилась единая национальная культура, хотя и по сей день сохраняются региональные особенности [34]. Накануне освободительного движения против Англии в колониях уже явственно проступали черты самобытной культуры, причем ее фундаментом служила европейская и прежде всего английская культура. В этом нет ничего удивительного, ибо большинство колонистов были выходцами из Англии.

Как уже отмечалось, поселенцы при освоении почти девственного континента отдавали этой нелегкой работе все силы. Это обстоятельство благоприятствовало «импорту» европейской культуры. С другой стороны, особенности трудовой жизни и всего жизненного уклада за океаном порождали самобытные черты и явления, что привело, в частности, к развитию художественной народной культуры — в мастерстве изустного рассказа, народных песнях и произведениях ремесленников.

Важным компонентом новой культуры явились заимствования из древней культуры аборигенов континента — индейцев, а также ввезенных в Америку африканских невольников. Г. Аптекер отмечал, что нали-

[31] *Захарова М. Н.* О генезисе идей Томаса Джефферсона.— Вопр. истории, 1948, № 3, с. 45, 49. Подробное описание жизни и деятельности, а также характеристика общественно-политических взглядов Т. Джефферсона даны в кн.: *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* Томас Джефферсон. М., 1976.

[32] *Согрин В. В.* Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, с. 95, 135.

[33] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 419.

[34] *Туганова О. Э.* Указ. соч.. с. 62.

чие и деятельность населения африканского и индейского происхождения оказали весьма значительное влияние на все развитие Америки [35]. Индейские слова и названия перешли в словесный обиход поселенцев. В американском фольклоре можно наблюдать заимствования из мифологии индейцев, а индейская тема стала одной из классических тем национальной литературы американцев. Что же касается негров, то они внесли значительный вклад в развитие художественных ремесел, а также оказали сильное воздействие на поэзию и музыкальное творчество [36].

Формирование национальной культуры и развитие просвещения в Америке носили сложный и многообразный характер. Следует еще раз подчеркнуть, что решающее значение в этом процессе имели условия материальной жизни колонистов, под воздействием которых определялись степень и характер влияния английской культуры, складывались черты и особенности новой американской культуры. «...Было неизбежно,— отмечал американский историк,— что культурные течения из Англии, ударяясь об американский берег, должны были подвергаться глубоким переменам, и это отражалось различным образом в каждой сфере (культуры.— *Авт.*) в зависимости от того, каким был берег» [37].

Наконец, остается сказать, что, хотя население колоний по национальному составу было далеко не однородным и наряду с англичанами, представлявшими лишь около $^2/_3$ поселенцев, были французы, немцы, голландцы, испанцы и др., основная масса колонистов пользовалась английским языком. Язык этот успел приобрести здесь некоторые особенности как вследствие определенного выговора, отличавшегося от английского, так и вследствие появления новых слов, заимствованных из языков других иммигрантов, а также индейцев. «Вы говорите не по-английски и не по-шотландски,— заявлял англичанин одному из приезжих американцев,— ваш язык отличается от того и от другого, и я заключаю, что этот язык американский» [38].

Таким образом, к середине XVIII в. в североамериканских колониях Англии налицо были признаки складывания новой нации. В разных колониях по-разному сказывалось влияние просвещения на развитие культуры и на ход социально-экономической жизни и общественно-политических отношений. Бесспорно, однако, что повсюду к началу освободительного движения был достигнут значительный прогресс, выявилась определенная общность в развитии культуры и просвещения, что наряду с прочими факторами являлось важной предпосылкой буржуазной революции.

Многие современники, наблюдая за развитием американских колоний, начинали понимать, что разрыв колоний с метрополией неминуем. Английский писатель Оливер Голдсмит в 1762 г. писал, что колонии переживают бурный рост и что, таким образом, «разрушается» их зависимость от Англии. А французский путешественник, посетивший Америку в 1765 г., отмечал, что «эта страна не может быть долго подчинена Великобритании, как и любой другой находящейся на расстоянии державе...

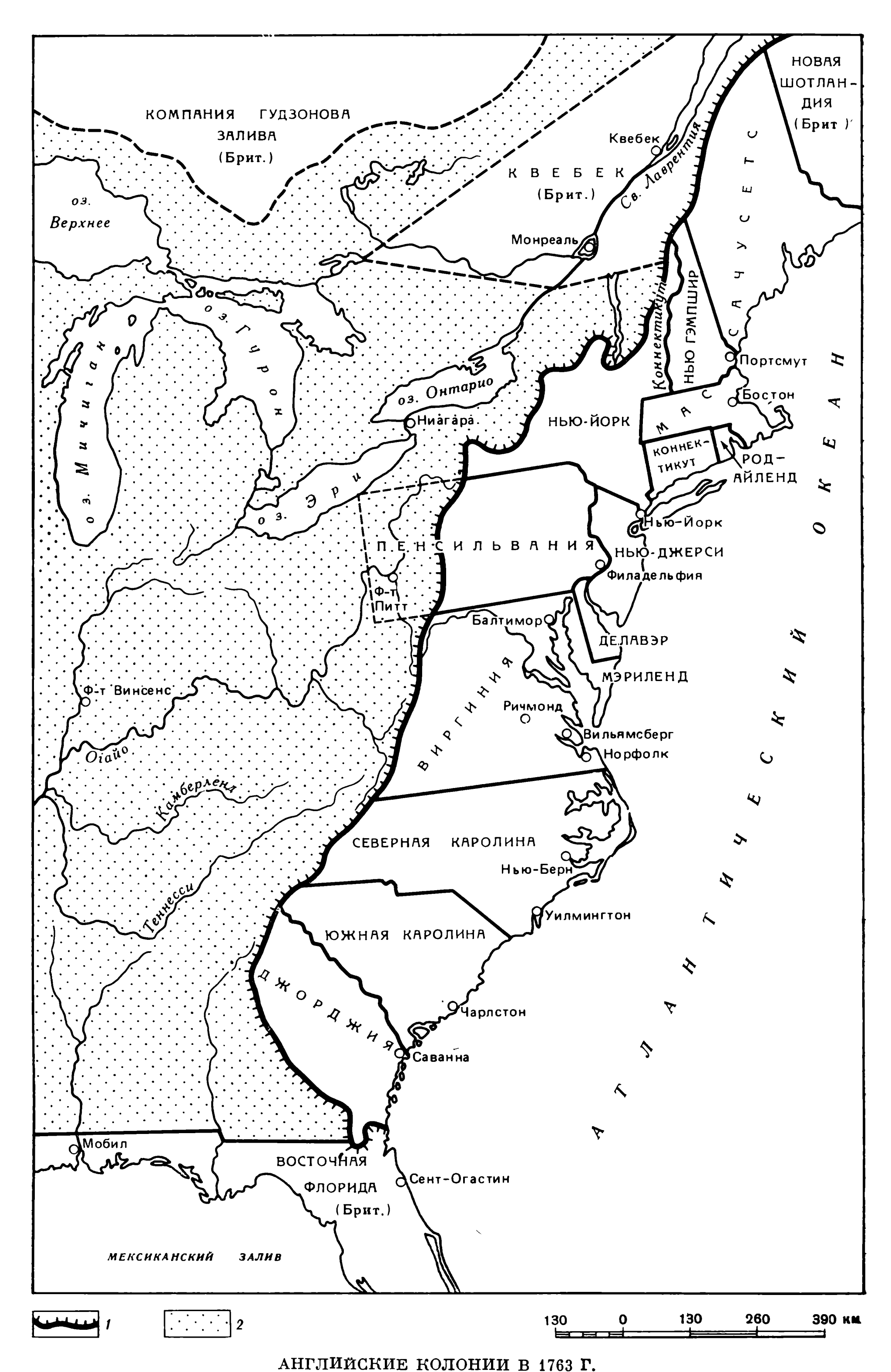
---

[35] *Аптекер Г.* Колониальная эра. М., 1961, с. 22.

[36] Народы Америки: В 2-х т./Под ред. А. В. Ефимова, С. А. Токарева. М., 1959, т. 1, с. 90.

[37] *Wertenbaker Th. J.* The Golden Age of Colonial Culture. Ithaca, 1961, p. 151.

[38] Цит. по: *Аптекер Г.* Колониальная эра, с. 176. См. также: *Шлепаков А. Н.* США: социальная структура общества и его национальный состав. Киев, 1976, с. 71—74.

АНГЛИЙСКИЕ КОЛОНИИ В 1763 Г.

1 — граница, к западу от которой в 1763 г. было запрещено расселение колонистов.
2 — «Индейская территория» (по Прокламации 1763 г.)

Ее размеры так велики, ежегодный прирост населения так значителен, и она имеет такое количество всего необходимого для ее собственной обороны, что ни одна нация никому не кажется более подготовленной к независимости»[39].

2. КАМПАНИЯ ПРОТИВ НАЛОГОВ И БОЙКОТ БРИТАНСКИХ ТОВАРОВ

Освободительное движение в колониях поднялось вскоре после окончания Семилетней войны 1756—1763 гг. Вытеснив в результате войны из Канады своих главных соперников — французов, англичане попытались ввести более строгий режим в своих североамериканских колониях. Эта попытка вызвала решительный отпор со стороны американцев. Началась массовая кампания протеста, непосредственным поводом к которой явилось принятие британским парламентом 22 марта 1765 г. закона о гербовом сборе. Согласно этому закону налогами облагались все печатные издания и юридические документы: брачные контракты, торговые соглашения, бумаги о наследстве, разного рода официальная документация[40].

Законодательная ассамблея Виргинии первой специально обсуждала вопрос о гербовом сборе. В составе виргинских законодателей сформировалась группа молодых депутатов, оппозиционно настроенных по отношению к господствовавшей верхушке богатых плантаторов. Среди депутатов выделялся только что избранный в состав ассамблеи 29-летний Патрик Генри, уже хорошо известный в Виргинии адвокат, с чьим именем был связан громкий процесс 1761 г., на котором он выступил против дискриминационных мер английского правительства по так называемому «делу Парсона». Генри представлял интересы джентри — мелкопоместных землевладельцев глубинных, внутренних районов колонии, недовольных засильем богатой верхушки Атлантического побережья. Он был блестящим оратором. Его манера выступлений в высшей степени импонировала большинству таких же, как он, джентри — депутатов виргинской ассамблеи. В этом, по словам американского исследователя Р. Изака, заключался «секрет популярности П. Генри»[41].

29 мая 1765 г. Генри внес на рассмотрение виргинской ассамблеи резолюцию, смысл которой заключался в том, что только сами виргинцы могут вводить новые налоги и что решение английского парламента о гербовом сборе является незаконным[42]. Защищая свое предложение, Генри сказал: «Тарквиний и Цезарь каждый имели своего Брута, а Карл I — Кромвеля, Георг III...» — в этом месте оратор сделал драматическую паузу. В тот же момент раздался крик: «Измена, измена!» Генри невозмутимо продолжал: «Георгу III следовало бы из этого извлечь урок»[43].

---

[39] Цит. по: *Аптекер Г.* Колониальная эра, с. 166.

[40] Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803: Vol. 1—36 / Ed. by E. Cobbet. L., 1806—1820, vol. 16, col. 40.

[41] *Isaak R.* Preachers and Patriots: Popular Culture and the Revolution in Virginia.— In: The American Revolution, p. 152—153.

[42] *Henry W. W.* Patrick Henry: Life, Correspondence and Speeches: Vol. 1—3. L.; N. Y., 1891, vol. 1, p. 80—82.

[43] Ibid., p. 86—87.

Выступление Генри произвело большое впечатление. Будущий автор Декларации независимости, тогда 22-летний Томас Джефферсон, слушал эту речь и был потрясен ораторским искусством П. Генри. «Я стоял у входа в зал заседаний,— вспоминал впоследствии Джефферсон,— и слушал блестящее выступление г-на Генри, который отличался талантом популярного оратора. Он действительно обладал этим талантом в огромной степени. Другого такого оратора мне больше не приходилось слышать. Мне показалось, что он говорит так, как писал Гомер» [44].

Тем не менее предложенная П. Генри резолюция против введения гербового сбора встретила резкую оппозицию консервативных делегатов виргинской ассамблеи. Она была принята на следующий день, 30 мая 1765 г., лишь незначительным большинством голосов и в урезанном виде: был опущен раздел о том, что Англия не имеет права облагать колонии налогами [45].

Даже урезанное решение виргинской ассамблеи было важным шагом в развитии антибританского движения. «Резолюция виргинской ассамблеи,— писал главнокомандующий британскими силами в Америке генерал Гейдж,— ...послужила сигналом к всеобщему протесту на континенте...» [46] Ни одна другая законодательная ассамблея не приняла резолюции, подобной виргинской. Но, как отмечал генерал Гейдж, остальные колонии «аплодировали» виргинцам «как защитникам и ревнителям американской свободы», одобряя их поступок в речах и публичных выступлениях. В колониях началась кампания против закона о гербовом сборе с целью не допустить его «исполнения». Кампания приняла настолько крутой характер, что генерал Гейдж уже предвидел, что она «может привести к отмене закона» [47].

Несколько дней спустя после принятия виргинской резолюции законодательная ассамблея Массачусетса предложила созвать межколониальный конгресс для обсуждения положения. Она избрала делегатов на этот конгресс и отправила приглашения другим колониям прислать своих представителей в Нью-Йорк 7 октября 1765 г. [48] Из 13 колоний на конгресс в Нью-Йорк прибыли представители 9. Обсуждение вопроса об участии в конгрессе и выборы делегатов на конгресс происходили в острых столкновениях. Нью-Гэмпшир, Северная Каролина, Джорджия, Виргиния не были представлены, хотя и прислали сообщение о своей солидарности. Южная Каролина, Коннектикут и Нью-Йорк послали делегатов, но не дали им полномочий подписывать какие-либо документы. При обсуждении вопроса о посылке делегатов в ассамблее Пенсильвании решение было принято лишь большинством в один голос [49].

Разногласия обнаружились и в ходе заседаний конгресса, продолжавшегося две недели. Большинство присутствовавших придерживались умеренных взглядов. Выступив против закона о гербовом сборе, они не отвергали власти короля и парламента. Некоторые делегаты, в частности К. Гедсден из Южной Каролины, настаивали на том, чтобы, проявив

---

[44] Цит. по: *Meade R. D.* Patrick Henry. Patriot in the Making. Philadelphia, 1957, p. 174. См. также: *Campbell N. D.* Patrick Henry: Patriot and Statesman. N. Y., 1969, p. 59.
[45] The Autobiography of Thomas Jefferson / Ed. by D. Malone. N. Y., 1959, p. 22.
[46] The Correspondence of General Thomas Gage with the Secretaries of State, 1763—1775: Vol. 1, 2 / Ed. by C. E. Carter. New Haven, 1931—1933, vol. 1, p. 67.
[47] Ibid.
[48] *Morgan E. S.* and *H. M.* The Stamp Act Crisis. N. Y., 1962, p. 139.
[49] *Miller J. C.* Origins of the American Revolution, p. 138.

лояльность в отношении короля, игнорировать решение парламента о введении ненавистного гербового сбора. Но эта точка зрения была отвергнута. Конгресс принял Декларацию о правах и жалобах британских колоний в Америке, а также направил обращение к королю и парламенту [50].

Выработка этих документов проходила с большим трудом. Делегат от Делавэра С. Родни заметил, что двухнедельные дебаты на конгрессе были «одним из самых сложных дел, в которых ему когда-либо приходилось участвовать». «Трудность» этой задачи и состояла в том, чтобы заявить о правах и привилегиях колоний, не отвергая «прерогатив короны и власти парламента» [51]. Принятое конгрессом заявление выражало недовольство политикой метрополии и отстаивало принцип «никаких налогов без представительства».

В свое время английская буржуазия сама выдвинула этот лозунг, выступая против абсолютизма Стюартов. Теперь требование «никаких налогов без представительства» было подхвачено в колониях и использовано в борьбе против политики Англии. Это был, однако, вопрос не столько о налогах, сколько о власти. Поставив под сомнение право парламента, в котором колонии не были представлены, облагать их налогом, колонисты тем самым ставили под сомнение власть парламента вообще. Еще за год с лишним до конгресса в Нью-Йорке бостонский адвокат Джеймс Отис, по инициативе которого был созван конгресс и который сам был избран делегатом от Массачусетса, выступил с памфлетом «Права британских колоний», где впервые в решительной форме осудил попытки парламента вводить новые налоги [52].

Протесты против введения закона о гербовом сборе вызвали к жизни новые формы демократического движения. Важным фактором общественного развития становятся действия «толпы», т. е. массовые стихийные выступления низов, сыгравшие огромную роль в Американской революции [53]. Судьба закона о гербовом сборе была решена выступлениями низов, сделавших практически невозможным его осуществление. «...Новая политика — политика улицы пришла на смену старой политике — политике дебатов в залах ассамблеи» [54].

«Политика улицы» началась с демонстрации 14 августа 1765 г. в Бостоне против сборщика налогов Э. Оливера. Последний вынужден был заявить, что слагает с себя возложенные на него обязанности по сбору налогов. Вдохновленные этим успехом участники демонстрации на протяжении последующих двух недель совершили нападение на дома нескольких таможенных и судебных чиновников [55]. Одной из самых ненавистных фигур в Массачусетсе был прежний губернатор Т. Хатчинсон, занимавший ко времени принятия закона о гербовом сборе пост вице-губернатора и верховного судьи колонии. Хатчинсон был инициатором

---

[50] *Morgan E. S.* and *H. M.* Op. cit., p. 142—144, 147—148.
[51] Letters to and from Caesar Rodney. 1756—1784. N. Y., 1970, p. 26.
[52] *Otis J.* Rights of the British Colonies Asserted and Proved.— In: Pamphlets of the American Revolution, 1750—1776: Vol. 1, 2 / Ed. by B. Bailyn. Cambridge, 1965, vol. 1, p. 419—470.
[53] *Jensen M.* The American People and the American Revolution.— Journal of American History, 1970, vol. 57, p. 12.
[54] *Lemisch J.* Op. cit., p. 20.
[55] *Longley R. S.* Mob Activities in Revolutionary Massachusetts.— New England Quarterly, 1933, vol. 6, p. 108—109.

ряда мер, которыми британское правительство ущемляло права колонистов. Широко распространился слух, что закон о гербовом сборе был также принят по его подсказке.

В ночь на 26 августа разъяренная толпа напала на особняк Хатчинсона, разгромила его до основания, оставив лишь кирпичную кладку наружных стен, не поддавшуюся разрушению. «Хатчинсон и его семья едва успели выскочить на улицу из-за стола, за которым сидели за ужином. Повстанцы топорами выломали двери. Масса людей хлынула во внутренние покои, сдирая со стен обивку и украшения, кромсая мебель и ломая стены комнат...» [56]

Мощные массовые выступления, поднявшиеся с началом кампании против гербового сбора, носили классовый характер. Хотя выступления низов были стихийными действиями, они подготовлены были всем ходом предшествующего развития: ростом богатства, с одной стороны, и усилением бедности — с другой, обострением классовых противоречий и накопившимся недовольством среди беднейших слоев населения, постепенным развитием их политического сознания [57].

Вскоре после августовских «беспорядков» в Бостоне генерал Гейдж отмечал, что «в настоящее время все спокойно и, кажется, на смену шторму пришла тишина» [58]. Однако «шторм» продолжался. Во всех колониях под давлением массовых требований сборщики слагали с себя полномочия, публично отрекаясь от должностей и подписывая соответствующие обязательства. Демонстранты уничтожали привезенную из Англии гербовую бумагу или отправляли ее обратно. Тех, кто сопротивлялся, подвергали экзекуциям: раздевали донага, вымазывали смолой и вываливали в перьях. В таком виде их привязывали к дереву или водили по городу под улюлюканье толпы.

Размах массового движения в колониях, взрывы недовольства, грозившие вылиться в восстание против существовавших порядков, служили причиной растущей тревоги среди королевской администрации, которая стала склоняться в пользу умиротворения и отмены гербового сбора. Представители имущих классов, принявшие участие в антибританских выступлениях, как отмечал генерал Гейдж в декабре 1765 г., охотно использовали массовые выступления и даже «поощряли», чтобы «предотвратить» претворение в жизнь закона о гербовом сборе, добиться отставки сборщиков налогов, помешать выпуску гербовой бумаги, а также в целях бойкота английских товаров. Однако в тех случаях, когда выступления масс становились неуправляемыми и угрожали «личным интересам и интересам собственности», «они стремились сдержать их» [59].

Лидеры освободительного движения из числа имущих групп были застрельщиками кампании протеста против гербового сбора. Но их инициатива «скоро обернулась спонтанными выступлениями (масс.— *Авт.*) с протестом против социального и экономического положения» в самих колониях [60]. В этом проявилась с самого начала «хрупкость союза меж-

---

[56] *Bailyn B.* The Ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge, 1974, p. 68.
[57] *Hoerder D.* Boston Leaders and Boston Crowds, 1765—1776.— In: The American Revolution, p. 244; *Nash G.* Social Change and the Growth of Prerevolutionary Urban Radicalism.— Ibid., p. 26.
[58] Гейдж — Конвею, 23 сентября 1765 г.— In: The Correspondence of General Thomas Gage, vol. 1, p. 68.
[59] Ibid., p. 78—79.
[60] *Hoerder D.* Op. cit., p. 240.

ду трудящимися жителями города и их партнерами из буржуазии», и оказалось, что «бостонская толпа» пошла гораздо дальше, чем это входило в расчеты и намерения таких лидеров, как Дж. Отис и С. Адамс[61]. Поэтому сразу после событий 14 и 26 августа 1765 г. они высказались против дальнейших массовых действий. На спешно созванном городском митинге была проведена резолюция, осуждавшая применение насилия и уничтожение имущества. Руководители движения стремились сузить рамки массового протеста и затормозить рост политической активности низов. Будучи серьезно озадачены и напуганы неспособностью удержать «толпу», они обратились к губернатору Бернарду с предупреждением, что не могут контролировать действия низов[62].

Тактика руководителей движения заключалась в том, чтобы всеми средствами помешать развитию массового протеста. Об этом свидетельствуют газетные публикации, появившиеся в ноябре — декабре 1765 г. в нью-йоркской и бостонской прессе, призывавшие «удержать неорганизованное большинство от смуты и беспорядков», прекратить массовые выступления сразу после того, как станет ясно, что закон о гербовом сборе отменен[63].

Кампания против гербового сбора позволила руководителям извлечь определенный урок, повлияла на формирование их тактики на последующих этапах. Вместе с тем эта кампания продемонстрировала растущую консолидацию демократических сил, ставших важнейшей движущей силой патриотических выступлений. Подтверждение тому — деятельность первых массовых революционных организаций «Сынов свободы», возникновение которых пришлось на конец 1765 — начало 1766 г.[64] Создание «Сынов свободы» было первым важнейшим шагом организованной оппозиции гербовому сбору. Появление «Сынов свободы» знаменовало этап в развитии политического самосознания масс.

«Сыны свободы» были демократической организацией, выражавшей устремления радикально настроенных представителей движения. Со времени возникновения они приняли активное участие в патриотической кампании, стремясь расширить свою опору в массах и используя всевозможные меры для отпора британской политике. К числу таких мер принадлежит, в частности, и решение о бойкоте английских товаров. Первые попытки бойкотировать британский импорт были предприняты еще в 1764 г. С осени 1765 г. кампания бойкота приобрела всеобщий характер[65]. Автор одного из первых памфлетов против гербового сбора, мэрилендский юрист Д. Дюлани, предлагал просто сократить потребление ввозимых из Англии товаров путем увеличения их производства в Америке, чтобы тем самым нанести удар по политике метрополии[66]. Кампания бойкота развивалась иным путем. В октябре 1765 г. нью-йоркские купцы приняли решение отказаться от британского импорта. К ним

---

[61] *Nash G.* Op. cit., p. 29.
[62] *Hoerder D.* Op. cit., p. 246.
[63] Ibid.
[64] *Калинкина Л. В.* Из истории борьбы «Сынов свободы» против закона о гербовом сборе.— В кн.: Американский ежегодник, 1977. М., 1977, с. 206–226.
[65] *Schlesinger A. M.* The Colonial Merchants and the American Revolution. N. Y., 1918, p. 63—65, 76—79.
[66] *Dulany D.* Considerations on the Property of Imposing Taxes in the British Colonies.— In: Pamphlets of the American Revolution. vol. 1, p. 650.

присоединились филадельфийские и бостонские купцы, а затем и купечество других портов [67]. «Сыны свободы» строго следили за тем, чтобы никто не нарушал решения о бойкоте, и сурово преследовали неподчинявшихся.

Оценивая значение этой организации для последующего развития освободительного движения, следует подчеркнуть важность установленных ею межколониальных связей. На данном этапе эти связи носили рудиментарный характер, но представляли собой один из самых существенных элементов нарастающего протеста будущего. Особого внимания в этом смысле заслуживает выпущенная ими военная декларация. «Сыны свободы» твердо стояли на том, что не допустят введения гербового сбора. Они заявляли, что никакая сила на земле не сможет обратить их в рабство, а в случае, если такая попытка будет предпринята, ответят «силой на силу» [68].

По масштабам деятельности и влиянию на массовое движение «Сыны свободы» играли беспрецедентную роль в общественной жизни колоний. Они объединяли в своем составе городских рабочих и ремесленников, а также купцов, юристов. «...Господствующие позиции,— отмечал Г. Аптекер,— занимали левые, круг которых, как правило, совпадал с людьми малого достатка,— и организация была одной из ведущих сил, толкавших колонии к независимости» [69].

«Сыны свободы» были массовой организацией, возникшей в результате инициативы снизу. Именно широкая масса колонистов, пробудившаяся к активности с началом патриотического движения, придала ему изначальный толчок и питала его дальнейший рост. Безусловно прав Дж. Лемиш, выступивший против распространенной в США концепции, в основе которой лежит тезис о том, что революционно-освободительное движение в колониях было обязано своими успехами группе выдающихся деятелей из состава «элиты», направлявших активность масс. «Господствующие классы,— писал Дж. Лемиш,— едва ли были в состоянии управлять, дергая за веревочки в ходе восстаний против гербового сбора». Он отмечал, что такое отношение к «толпе», отрицающее ее самостоятельные интересы, «игнорирует способность народа думать за себя» [70]. Активность народных масс и их инициатива оставались той силой, которая двигала действиями «Сынов свободы» [71], хотя представители имущих групп, входившие в состав руководства, оказывали на нее влияние, используя выступления масс в своих интересах и сдерживая их «экстремизм», когда это удавалось.

Руководители «Сынов свободы» из числа имущих классов по мере развития движения заметно эволюционировали, что только и позволяло им сохранять положение лидеров. Их позиция существенно полевела,

---

[67] *Jensen M.* The Founding of a Nation: A History of the American Revolution, 1763—1776. N. Y., 1968, p. 129—130.

[68] *Champagne R.* The Military Association of the Sons of Liberty.— New York Society Historical Quarterly, 1957, vol. 41, p. 338—339; *Maier P.* From Resistance to Revolution. Colonial Radicals and the Development of American Opposition to Britain, 1765—1776. N. Y., 1972, p. 94.

[69] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783. М., 1962, с. 88.

[70] *Lemisch J.* Op. cit., p. 20.

[71] *Зубков А. Ю.* Борьба против закона о гербовом сборе — начальный этап освободительного движения в колониях.— В кн.: Американский ежегодник, 1975. М., 1975, с. 31—34.

в результате чего люди ориентации Дж. Отиса постепенно отходили от руководства, а деятели типа С. Адамса укреплялись в нем, так как умели «лучше отвечать» на требования масс [72].

В результате беспрецедентной в истории колоний вспышки протеста, сопровождавшейся активными массовыми действиями, закон о гербовом сборе провалился. Этому провалу способствовала также оппозиция в самой Англии. Петиции купечества, заинтересованного в торговле с Америкой, а также резкая критика со стороны депутатов парламента вигов заставили правительство тори отступить. Фракция вигов, возглавляемая Уильямом Питтом, решительно высказалась за отмену гербового сбора, опасаясь, как бы введение жестких мер в отношении колоний не оказалось прологом к абсолютной монархии в Англии и не привело к утрате парламентом его привилегий.

Американский историк Дж. Миллер утверждал, что, если бы Англия не отменила закон о гербовом сборе, а попыталась силой провести его в жизнь, война за независимость началась бы не в 1775—1776 гг., а десятью годами раньше [73]. Трудно сказать, как развивались бы события. Несомненно, однако, что патриотическое движение еще было в самом начале развития, насыщенного напряженной борьбой, в ходе которой колонии достигли более высокого уровня политической зрелости.

22 февраля 1766 г. британский парламент отменил закон о гербовом сборе. Но одновременно были приняты постановления, закреплявшие господство Англии в североамериканских колониях. Внося предложение об отмене гербового сбора, Питт в то же время заявил о необходимости в решительных выражениях оговорить верховные права метрополии в отношении колоний [74]. Принятый по его предложению акт о верховенстве был почти слово в слово заимствован из соответствующего документа, изданного в 1719 г. в отношении Ирландии [75].

Отменой гербового сбора правительство Англии рассчитывало умиротворить колонии и пресечь дальнейшее развитие антибританских настроений. Но этим расчетам не суждено было сбыться. Празднуя отмену гербового сбора, американцы вовсе не спешили с благодарностями. Очевидец событий, сторонник метрополии П. Оливер в своей истории Американской революции писал: «Это было не праздником благодарности, а торжеством победы. Америка нашла теперь способ удовлетворения собственных жалоб, не апеллируя к высшей власти. Она почувствовала собственное превосходство...» [76]. В действительности дело было не в превосходстве, а в том, что прежде разделенные и соперничавшие друг с другом колонии после межколониального конгресса в Нью-Йорке, совместного бойкота английских товаров, успешных операций «Сынов свободы» впервые поняли смысл объединенных действий и ощутили свою силу.

После заседания бостонского комитета «Сынов свободы», обсуждавшего, как отпраздновать отмену гербового сбора, Джон Адамс записал в дневнике: «Боюсь, как бы их не постигло разочарование» [77]. Те же мыс-

---

[72] *Hoerder D.* Op. cit., p. 240—241, 251.
[73] *Miller J. C.* Origins of the American Revolution. p. 139.
[74] Parliamentary History of England. vol. XVI. col. 108.
[75] Documents of American History, vol. 1, p. 60—61.
[76] Peter Oliver's Origin and Progress of the American Rebellion. A Tory View / Ed. by D. Adair. J. A. Schutz. Stanford, 1967, p. 56.
[77] Diary and Autobiography of J. Adams: Vol. 1–4/Ed. by L. H. Butterfield. Cambridge. 1961. vol. 1. p. 294.

ли чуть позже выразил в письме Сэмюэл Адамс: «Предположим, что через некоторое время, ссылаясь лишь на необходимость регулирования торговли, станут изыскивать источники дохода в колониях. Будет ли иметь значение, как это назовут, гербовым сбором или актом о регулировании торговли Америки?» [78]

Эти слова оказались пророческими. В июне 1767 г. по предложению министра финансов Чарлза Тауншенда парламент одобрил несколько законов, получивших по имени их автора название актов Тауншенда [79]. Один из них мотивировался целями регулирования торговли, предусматривая установление новых пошлин на ввозимые в колонию товары: краски, бумагу, стекло и чай. Другой провозглашал создание Высшего таможенного управления со штаб-квартирой в Бостоне, которое наделялось широкими полномочиями. Наконец, согласно третьему акту объявлялось о роспуске законодательной ассамблеи Нью-Йорка в наказание за то, что она опротестовала и отказалась повиноваться принятому в 1765 г. квартирному акту о размещении в колониях британских войск [80].

Обсудив новые меры британского правительства, законодательная ассамблея Массачусетса по инициативе С. Адамса и Дж. Отиса приняла 11 февраля 1768 г. циркулярное письмо-обращение к другим колониям с призывом объединиться и оказать сопротивление действиям метрополии [81]. В нем говорилось, что введение новых пошлин, а также создание таможенного управления и принятый ранее квартирный акт не что иное, как покушение на свободу народа [82].

Обращение Массачусетса встретило решительную поддержку других колоний. Тогда же, весной 1768 г., законодательные ассамблеи всех колоний, за исключением пенсильванской, где возобладали умеренные настроения, заявили о солидарности с этой резолюцией. А решения ассамблеи были поддержаны участниками массовых выступлений. «Мне кажется,— писал в отчаянии Т. Хатчинсон,— что народ пришел в состояние полного безумия» [83]. Большую роль в организации патриотических сил, как и в период движения против гербового сбора, играли «Сыны свободы». Особенность антибританской кампании на этом этапе заключалась в том, что ее усилия были сосредоточены на организации бойкота английских товаров. Торговля с колониями приносила Англии ежегодно 6 млн. ф. ст. Это был чувствительный нерв британской экономики, который подвергся сильному удару [84].

Отказ от ввоза английских товаров явился новым шагом в развитии освободительного движения колоний. По справедливому замечанию Г. Аптекера, «и на этот раз инициатива его исходила от левого крыла в колониальном движении протеста» [85]. В кампании бойкота активно

---

[78] С. Адамс — К. Гадсдену, 11 декабря 1766 г.— In: The Writings of Samuel Adams: Vol. 1—4 / Ed. by H. A. Cushing. N. Y.; L., 1904—1908, vol. 1, p. 110.
[79] *Thomas P.* Charles Townshend and American Taxation in 1767.— English Historical Review, 1968, vol. 83, p. 35, 44
[80] *Chaffin R. J.* The Townshend Acts of 1767.— William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1970, vol. 27, p. 109—119.
[81] *Miller J. C.* Sam Adams. Pioneer of Propaganda. Stanford, 1969, p. 122.
[82] The Writings of Samuel Adams. vol. 1, p. 184—188.
[83] Цит. по: *Bailyn B.* Op. cit., p. 122
[84] *Jensen M.* The Founding of a Nation, p. 332.
[85] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 95.

участвовали представители имущей верхушки купечества. Это объяснялось, с одной стороны, стремлением поставить под контроль выступления масс, а с другой — непосредственно живой заинтересованностью в организации эффективного отпора Англии, посягнувшей на их деньги и собственность. В разгар кампании бойкота английских товаров «Бостон газетт» обратилась с призывом, достаточно красноречиво характеризовавшим позицию сторонников бойкота: «Не нужно толпы, не нужно мятежей, не троньте ваших самых ненавистных врагов и их собственности. Берегите свои деньги, и вы сохраните свою страну». В унисон этому призыву выступал и С. Адамс. «Никаких толп, никаких беспорядков, никаких мятежей,— настаивал лидер бостонских «Сынов свободы»[86].

На юге роль инициатора в организации бойкота принадлежала не купечеству, а господствующему классу южных колоний — плантаторам. Они несли экономические потери от бойкота, но последовали примеру купцов северных колоний. Чем же объяснить в таком случае инициативу плантаторов? Прежде всего борьбой за то, кто будет руководить антибританским движением, в чьих руках окажется политическое руководство оппозиционными слоями и кому впоследствии будет принадлежать власть в стране. По сути дела это был центральный вопрос, перед которым все остальное отступало на задний план либо являлось его производным.

«Сыны свободы» и вся масса участников патриотического движения бдительно следили за соблюдением бойкота, и это привело к тому, что бойкот оказался эффективной мерой. Импорт английских товаров в северных и центральных колониях сократился за год более чем в 2,5 раза. Если в 1768 г. Новая Англия ввезла британских товаров на 420 тыс. ф. ст., то в 1769 г.— только на 208 тыс.; в Нью-Йорке соответственно — 483 тыс. и 75 тыс.; в Пенсильвании — 432 тыс. и 200 тыс. ф. ст. Несколько иначе протекала кампания бойкота на юге. Наиболее эффективно контроль за торговлей британскими товарами осуществлялся в Чарлстоне, где импорт за год сократился с 365 тыс. ф. ст. до 202 тыс. Но в Виргинии, Мэриленде и Северной Каролине картина была иной. Там ввоз английских товаров в 1769 г. оставался примерно на том же уровне, что и в 1768 г., а в 1770 г. он даже существенно увеличился — с 488 тыс. в Виргинии и Мэриленде до 717 тыс. ф. ст.[87]

Из приведенных цифр видно, что даже колонии, наиболее последовательно проводившие кампанию бойкота, продолжали ввозить английские товары. Этот факт объясняется, с одной стороны, тем, что имели место нарушения достигнутой договоренности или товар ввозился теми, кто не подписал соглашения, а с другой — тем, что ряд товаров (в разных колониях это было по-разному) был исключен из так называемого «черного списка». Поэтому, несмотря на то что ввоз из Англии резко сократился, он все же продолжался и составил в 1769 г. довольно солидный объем — 1654 тыс. ф. ст. (по сравнению с 2378 тыс. ф. ст. в 1768 г.).

Кампания бойкота серьезно сказалась на состоянии американской экономики, приведя к застою торговли и некоторых отраслей промышленности. С другой стороны, отсутствие импортных изделий стимулировало развитие местного ремесла. Американский историк Дж. Миллер

---

[86] *Hoerder D.* Op. cit., p. 247.
[87] *Coman K.* Industrial History of the United States. N. Y., 1923, p. 101.

отмечал, что «почти за 10 лет до того, как американцы стали думать о политическом отделении от метрополии, в колониях получила широкое распространение идея об экономической независимости» [88]. По мнению С. Адамса, для Англии ничего не было страшней, чем видеть «колонистов, толпами направляющихся на предприятия, чтобы производить все, в чем они нуждались» [89].

Для судеб североамериканских колоний и развивавшегося там освободительного движения, однако, не менее важными были и политические последствия кампании бойкота британских товаров. Можно присоединиться к П. Майер, считавшей, что создание ассоциаций для осуществления бойкота и подписание соответствующих соглашений несло в себе определенную политическую тенденцию, связанную с уже начавшимся в колониях процессом формирования новой политической власти, хотя ее вывод о том, что комитеты по осуществлению бойкота — будь то ассоциации, «Сыны свободы» или иные организации — «все более и более прибегали к действиям, которые обычно являются привилегией суверенного государства», страдает некоторым преувеличением [90].

Руководители патриотического движения предостерегали, что Англия может прислать войска. И действительно, в бостонскую гавань были отправлены военно-морские суда, что привело к новым инцидентам. В июне 1768 г. военно-морская охрана задержала судно «Либерти», принадлежавшее «королю» бостонских контрабандистов Джону Хэнкоку.

Посылка войск в Америку и применение военных санкций вызывали усиление недовольства колонистов. Вопрос обсуждался на тайном совещании «Сынов свободы». «Мы возьмем в руки оружие и будем сражаться до последней капли крови»,— заявил С. Адамс [91].

3. УСИЛЕНИЕ АНТИБРИТАНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ. ФЕРМЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Английская политика по отношению к колониям в 1763—1770 гг., кроме желания извлекать материальные выгоды, ставила своей целью обуздать недовольных и положить конец движению протеста. Но привела она к противоположным результатам, разбудив силы сопротивления. В колониях сформировалось и получило широкий размах массовое демократическое движение. Выдвинулись и приобрели известность новые люди — политические лидеры, возглавившие борьбу против старой власти. Агитационная кампания против актов Тауншенда сделала патриотическое движение более зрелым. Если на начальном этапе критика действий британской политики сводилась к чисто конституционным спорам и протестам против законов, принятых неосведомленными и введенными в заблуждение правителями, то по мере развития движения патриоты критиковали Англию уже за деспотическое правление.

В апреле 1771 г. британское правительство издало постановление об отмене актов Тауншенда. Мера была запоздалой. Колонисты потеряли веру в добрые намерения метрополии. Никто не мог быть уверен, что

[88] *Miller J. C.* Sam Adams, p. 193.
[89] Цит. по: Ibid., p. 198.
[90] *Maier P.* From Resistance to Revolution, p. 135.
[91] *Miller J. C.* Sam Adams, p. 145.

английское правительство не изобретет нового способа обложить колонии налогами, тем более что сохранялась пошлина на чай и правительство заявило, что оставляет за собой право вводить налоги в случае необходимости.

Кроме того, освободительная борьба уже отнюдь не сводилась к вопросу о налогах. Она приобрела гораздо более глубокое значение, свидетельством чему были события в Бостоне, которые произошли в тот самый день, когда правительство Англии внесло в парламент предложение об отмене актов Тауншенда [92].

Но еще до этих событий обстановка в Бостоне была настолько накалена, что, по словам британского полковника Делримпла, ему приходилось жить в постоянном страхе перед восстанием [93]. Чтобы разрядить атмосферу, английское командование решило сократить количество находившихся в Бостоне войск. Однако это не изменило положения. В ночь на 5 марта разнесся слух, что готовится нападение на таможню. Туда был послан небольшой отряд британских войск, из которых выстроили охранительный заслон. Вокруг солдат собралась толпа. Когда одного из солдат ударили дубинкой, раздалась команда «Огонь!». Три человека были убиты, двое — смертельно ранены, несколько человек получили более легкие ранения [94].

Толпа рассеялась, но город огласился набатным звоном колоколов и барабанным боем. Раздался призыв: «К оружию!». Говорили о том, что британское командование разработало план уничтожения сторонников патриотического движения. Эта версия получила широкое распространение и была подтверждена местной прессой. Британские власти обвинялись в преднамеренном убийстве невинных людей [95].

После событий 5 марта 1770 г. в Бостоне массовое движение стремительно разрасталось. В освободительной борьбе колоний начинался новый этап — этап активного сопротивления.

В то же время внутреннее положение в североамериканских колониях было непростым. Напротив, оно отличалось необыкновенной сложностью, которая определялась в значительной мере пестротой социального состава населения, состоявшего из различных классов, слоев и групп.

С развитием освободительного движения в него вливались новые силы, из которых формировался лагерь патриотов, или вигов, как их стали называть по аналогии с Англией. Сторонники короны — тори — составляли опору враждебного освободительному движению лагеря. Губернаторы, судьи, таможенные чиновники и прочие чины колониальной администрации пользовались важными привилегиями, которые прочно привязывали их к метрополии. Весь класс земельной аристократии, владевшей землей на правах феодального пожалования, был обязан метрополии своим существованием. Вместе с тем условия политической борьбы после 1763 г. привели к расколу в рядах земельных собственников. Наглядным примером тому было жестокое соперничество между крупнейшими землевладельцами колонии Нью-Йорк Ливингстонами и Де Ланси. В интересах привлечения голосов избирателей и завоевания большинства в местной

[92] *Gipson L. H.* The Coming of the Revolution. N. Y., 1954, p. 202.
[93] *Shy J.* Toward Lexington. The Role of the British Army in the Coming of the American Revolution. Princeton, 1975, p. 313.
[94] *Miller J. C.* Origins of the American Revolution, p. 296—297.
[95] *Schlesinger A. M.* Prelude to Independence. The Newspaper War on Britain, 1764—1776. N. Y., 1966, p. 23.

ассамблее они приняли участие в политической полемике и борьбе между патриотами и сторонниками короны, переходя из одного лагеря в другой в зависимости от обстоятельств политической борьбы.

Соперничество между различными группами земельной аристократии не было явлением исключительным. Борьба велась также в среде купечества. Определенная часть купцов, зависевшая от рынка метрополии и не заинтересованная в контрабанде, была враждебно настроена к освободительному движению. Пайщики Английского банка, владельцы акций Ост-Индской и других английских компаний, часть владельцев судов, застрахованных британскими страховыми обществами,— все они были прочно привязаны к метрополии. Кроме того, находясь в составе Британской империи, колонии могли пользоваться рядом привилегий в торговле, и это определяло проанглийские настроения среди купечества. С другой стороны, политика ограничений, проводимая короной, задевала интересы этих кругов. Поэтому даже представители купечества, связанные с английским капиталом, приняли участие в кампании бойкота.

Бесспорно и то, что, подобно земельным собственникам Нью-Йорка, колониальное купечество учитывало обстоятельства политической борьбы. Хотя купцы представляли собой в принципе консервативную силу, интересы этой группы населения в гораздо большей степени, чем интересы земельных собственников, тяготели к самостоятельному экономическому развитию колоний. Это определяло различия в их положении, а также дальнейшую эволюцию купеческого класса в ходе освободительной борьбы.

Наконец, говоря о сторонниках консервативного лагеря, составлявшего опору британской политики в колониях, хотя и небезусловную, следует назвать некоторую часть плантаторов и духовенство англиканской церкви. Таковы были в общих чертах силы, на полную или частичную поддержку которых Англия могла рассчитывать в борьбе с освободительным движением.

Что же касается сил патриотов, то они объединили всех недовольных политикой метрополии, всех противников привилегированного сословия, которое насаждалось короной в Америке и олицетворяло старый колониальный режим. Главной опорой этого лагеря были низы и средние слои городского населения — ремесленники и мелкая буржуазия. Большую роль в ходе освободительного движения и последующей революционной борьбы сыграли фермеры, составлявшие основную массу населения колоний. Они стремились сбросить зависимость от земельных собственников, нередко сопровождавшуюся феодальными повинностями. Наиболее радикальные из них захватывали землю в порядке скваттерства.

К лагерю патриотов примыкали и имущие группы, представлявшие умеренное крыло движения. Это были прежде всего те, кто выражал интересы находившейся в процессе формирования национальной буржуазии, занятой в промышленности колоний, развитии межколониальных связей и внутреннего рынка. Активная роль принадлежала той части купечества, которая оказалась связанной с развитием американской экономики, купцам-контрабандистам. К умеренному крылу принадлежали также земельные спекулянты, чьим интересам был нанесен удар британским указом 1763 г., запрещавшим селиться на землях за Аллеганами. Их недовольство разделяли многие плантаторы, заинтересованные в рас-

ширении своих владений за счет западных земель. Наряду с этим у плантаторов были и другие счеты с Англией. Они задолжали Англии несколько миллионов фунтов стерлингов. Долги переходили из поколения в поколение, и плантаторы жаждали избавиться от них.

В сложных, противоречивых условиях протекала эволюция освободительного движения. Это проявилось в полной мере в ходе выступлений против гербового сбора и актов Таунshенда. Не менее показательным в этом смысле было фермерское движение, которое приобрело в канун революции весьма активный характер и в своей основе представляло классовый конфликт непреходящего значения.

Подавляющее большинство населения колоний – 90–95% – было занято сельским хозяйством. Мелкие и средние фермеры составляли около половины белого и 40% всего населения колоний [96]. Уже одни эти цифры могут объяснить, почему аграрный вопрос играл важную роль в Американской революции. Однако суть заключалась не только в численной стороне дела. Конфликт бедных и средних фермеров с богатыми землевладельцами и в целом с господствующей верхушкой колоний, как уже отмечалось, отражал наличие социальных противоречий в колониальной Америке и был важной объективной предпосылкой Американской революции.

Фермеры являлись самой массовой опорой демократического движения. Наиболее радикальными настроениями отличались жители «пограничных» районов. У «пограничников» был свой счет к господствующей верхушке колоний, и они, по справедливому замечанию американского историка Ф. Шэннона, еще «задолго до революции знали все аргументы восстания» [97].

Основы недовольства фермеров, вылившегося в массовое движение и открытые выступления в годы освободительной борьбы против Англии, глубоко коренятся в социально-экономическом развитии колоний. Другой важный аспект фермерского движения тех лет заключается в том, что, хотя в ряде колоний оно проходило до некоторой степени в стороне от массовых выступлений городских низов против метрополии, и фермерское движение, и городские выступления имели много общего в своей направленности, характере и методах борьбы. В некоторых же колониях, как это было в Массачусетсе, фермерское движение оказалось непосредственно связано с выступлениями городских масс.

Патриотическое движение в колониях проходило под лозунгом «Никаких налогов без представительства», который приобрел универсальное значение в Америке, как в массовых городских антибританских кампаниях, так и в фермерских выступлениях. Этот лозунг был одинаково актуальным и в движении протеста против внешнеэкономической политики метрополии, и при решении внутриколониальных проблем. В фермерских выступлениях середины XVIII в. настойчиво выдвигалось требование «дешевых денег» и отмены налогов.

Фермерские выступления 60-х – начала 70-х годов носили явно выраженный революционный характер. Их по праву можно считать первой большой классовой битвой Американской революции. Выступления фермеров возникли почти одновременно в нескольких колониях. Урегулиро-

[96] *Main J. T.* The Social Structure of Revolutionary America. Princeton, 1965, p. 273, 274.
[97] *Shannon F. A.* America's Economic Growth. N. Y., 1947, p. 97.

вание существовавших проблем, как это понимали участники фермерских выступлений, включало в себя право пропорционального представительства в местных органах власти, введение справедливой системы налогообложения, ликвидацию феодальных институтов первородства и неотчуждаемости имущества, а также отмену платежей в качестве фиксированной ренты [98]. Протест против различного рода феодальных повинностей усилился в середине 60-х годов, так как после Семилетней войны британское правительство и его представители в колониях стали взыскивать в увеличенных размерах фиксированную ренту, надеясь таким образом пополнить доходы казны.

Наибольшего размаха фермерские выступления достигли в Северной и Южной Каролинах, а также в Нью-Йорке. В Северной и Южной Каролинах его участники выступали за урегулирование существующих несправедливостей и получили название «регуляторов». Население «внутренней страны» быстро увеличивалось, и ко времени войны за независимость в этих районах проживало около половины всех жителей и 80% белого населения [99]. Образ жизни поселенцев этого края существенно отличался от образа жизни зажиточных слоев Восточного побережья. Фермерское хозяйство в значительной степени было натуральным. Связь «внутренней страны» с торговыми центрами, где фермер мог реализовать свою продукцию, была затруднена. Между тем власти требовали уплаты налогов звонкой монетой. В определении размера налога и сроков его взыскания царил произвол. Шерифы и сборщики податей бесконтрольно хозяйничали, устанавливая порядки по своему усмотрению. Беззаконие местных властей вызывало массовое недовольство [100].

Особенно острая обстановка сложилась в Северной Каролине, где началось движение «регуляторов». Характерно, что их первое выступление в октябре 1765 г. практически совпало по времени с кампанией против гербового сбора. «Регуляторы» заявили о своей солидарности с «Сынами свободы», руководившими антибританской кампанией протеста. В петиции «регуляторов» закон о взимании гербового сбора назывался «величайшим злым умыслом». «... В то время как „Сыны свободы“ выступают против британского парламента, в защиту истинной свободы,— гласила петиция,— давайте помешаем колониальным чиновникам подвергать нас несправедливому угнетению в нашей собственной колонии» [101].

Вместе с тем движение «регуляторов» не имело последовательной программы. Его участники предлагали «урегулировать» общественное недовольство и ликвидировать злоупотребления властью, требуя лишь в самой общей форме упорядочить систему налогообложения, а также обеспечить более справедливое представительство в судах и местных органах власти. Причем в 1765—1767 гг. «регуляторы» ограничивались петициями и жалобами в адрес властей по поводу существующего положения. Только в 1768 г. участники движения создали так называемую «Ассоциацию», члены которой договорились не платить налогов, освобождать всех, кто будет заключен в тюрьму за неуплату налога, силой

---

[98] *Аптекер Г.* Колониальная эра, с. 76—79.
[99] *Jensen M.* The Founding of a Nation, p. 28, 30.
[100] *Bassett J. S.* The Regulators of North Carolina (1765—1771).— Annual Report of the American Historical Association, 1894. N. Y., 1895, p. 150—152.
[101] *Bassett J. S.* Op. cit., p. 162. См. также: The Regulator Papers / Ed. by W. S. Powell, J. K. Huhta, T. J. Tarnham. Chapel Hill, 1971, p. 16.

захватывать собственность, отобранную в погашение долгов, и т. п.[102]

Конфликт между «регуляторами» и колониальной администрацией углублялся. Однако отсутствие организации и колебания в поведении тех, кто представлял это движение, оставались его слабым местом. Выразив свою солидарность с участниками патриотического движения, «регуляторы» не сумели установить с ним практической связи. Господствующая верхушка Северной Каролины — чиновники и имущие слои умело использовали эту слабость, а также непоследовательный характер действия «регуляторов», что позволило властям расправиться с повстанцами, разгромив их в мае 1771 г. силами специально предпринятой военной экспедиции.

Несколько человек были арестованы. Одного из них сразу же повесили. Через некоторое время состоялся суд, приговоривший к смерти еще 12 человек. Шестеро из них в назидание другим были подвергнуты публичной казни, остальных помиловали, чтобы не вызывать излишнего ожесточения[103]. В самой Северной Каролине выступления «регуляторов» не были поддержаны патриотическими силами, но в Массачусетсе и Пенсильвании, ставших к началу 70-х годов важнейшими центрами революционно-освободительной борьбы, газеты поместили статьи, солидаризировавшиеся с движением фермеров[104].

Колониальные власти опасались, что массовые репрессии могут спровоцировать дальнейшее развитие движения протеста, с которым администрация не сумеет справиться. Этими соображениями определялась и тактика властей в соседней колонии — Южной Каролине, где также развернулось движение «регуляторов». Но в отличие от Северной Каролины там власти сумели приостановить развитие конфликта[105].

Движение «регуляторов» в Северной и Южной Каролинах имело одинаковое происхождение. Что же касается его исхода, то различие было несущественным, хотя в Южной Каролине и удалось избежать вооруженного столкновения. Практически ни в первом, ни во втором случае требования фермеров не были удовлетворены. Это предопределило поведение и роль, которую суждено было сыграть «регуляторам» и в целом фермерству в Американской революции.

Движение «регуляторов» в Северной и Южной Каролинах — двух расположенных по соседству южных колониях — в сущности представляло собой один очаг недовольства. Однако эти выступления нельзя рассматривать как локальное явление. Движение «регуляторов» имело значение для всех американских колоний, что с полной определенностью подтвердилось аналогичными действиями фермеров в центральных колониях — Пенсильвании и Нью-Йорке.

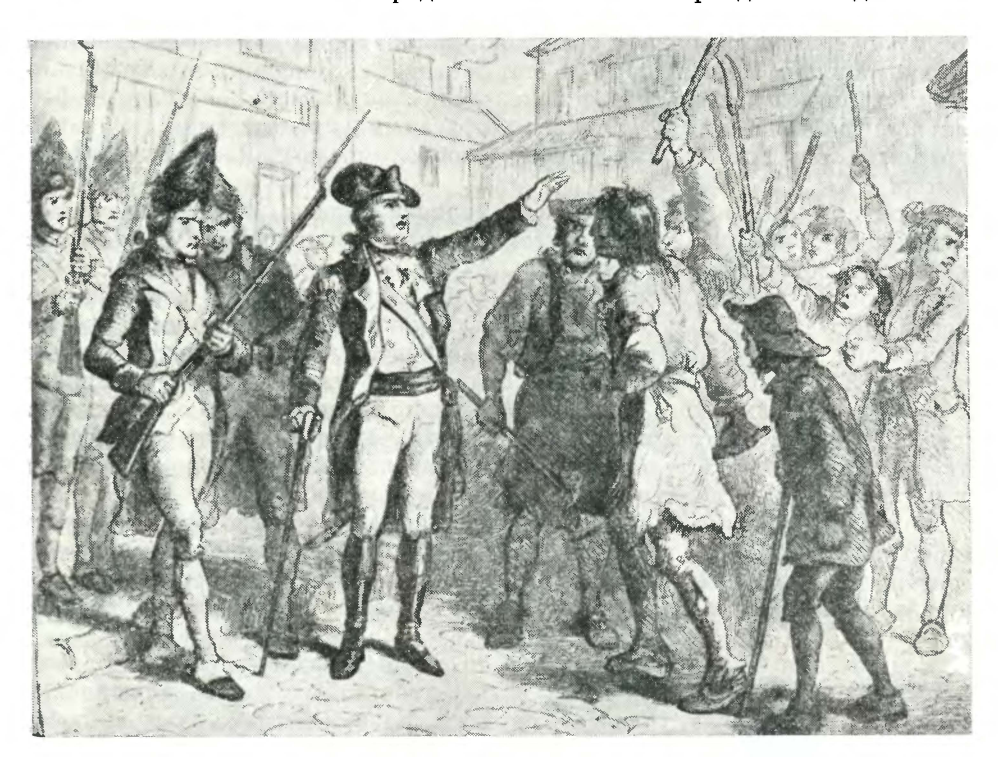
Выступление пенсильванских фермеров было первым выступлением такого рода. К началу 60-х годов в «пограничных» районах Пенсильвании проживало столько же жителей, сколько в прибрежной полосе. Однако число представителей от западных графств в законодательной ассамблее было вдвое меньше, чем от восточных. В январе 1764 г. не-

---

[102] The Regulator Papers, p. XVIII.
[103] *Bassett J. S.* Op. cit., p. 204—205.
[104] *Maier P.* From Resistance to Revolution, p. 197.
[105] *Jensen M.* The Founding of a Nation, p. 29.

довольство политикой колониальных властей вылилось в поход отряда «парней из Пакстона» («пограничного» поселения) на столицу колонии Филадельфию. Это выступление не получило развития, так как высланные навстречу повстанцам парламентарии обещаниями уступок уговорили «пограничников» вернуться назад[106].

Иной оборот приняли события в Нью-Йорке. Если о движении «регуляторов» Северной Каролины можно сказать, что оно было крупномасштабным и самым продолжительным в период освободительной

ГУБЕРНАТОР СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНЫ ПЕРЕД ВОССТАВШИМИ

борьбы колоний против Англии, начавшийся после 1763 г., то аграрные волнения в Нью-Йорке продемонстрировали во всей остроте глубину конфликта между фермерами и теми, кто по воле короны пытался насадить в Америке исторически отжившие феодальные отношения. Конфликт в Нью-Йорке протекал в иных «географических» рамках. И здесь существовало противоречие Восток — Запад, но ожесточенные столкновения происходили повсеместно, на всей территории колонии. Фермерское движение в Нью-Йорке получило и иное наименование — левеллеров («уравнителей»). Но по сути своей выступления фермеров в разных колониях были однородными[107].

---

[106] *Hindle B.* The March of the Paxton Boys.— William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1946, vol. 3, p. 461—486.

[107] *Mark I.* Agrarian Conflicts in Colonial New York, 1711—1775. N. Y., 1940, p. 15.

Феодальные порядки в той или иной форме существовали в разных колониях, но в Нью-Йорке, как справедливо полагают исследователи, они мало отличались от европейских[108]. В этом, видимо, была одна из причин того, что в период революции Нью-Йорк являлся оплотом метрополии и власть британской короны здесь пала в последнюю очередь.

Колония Нью-Йорк была сравнительно малонаселенной. Будучи разделена на крупные феодальные поместья — маноры, она в меньшей степени, чем другие, подверглась колонизации мелких фермеров. Правда, и в Нью-Йорке земля захватывалась в порядке скваттерства, в особенности это касалось полосы районов, граничивших с Новой Англией, Пенсильванией, Нью-Джерси и на Западе[109]. Конфликт в этих районах усугублялся деятельностью земельных спекулянтов, для которых феодальная регламентация являлась серьезным препятствием. В итоге аграрный конфликт в Нью-Йорке приобрел чрезвычайно сложный характер.

Порядок взимания платежей — арендной платы и фиксированной ренты одновременно, а также система аренды земли в Нью-Йорке давали серьезный повод для недовольства. «Гнет этих (нью-йоркских. — *Авт.*) лендлордов, отличавшихся безудержной алчностью, был особенно нестерпим, потому что владения их представляли собой патронаты, то есть фактически феодальные маноры; крестьяне, обрабатывающие землю, не могли и мечтать о том, что они когда-либо станут ее собственниками или собственниками того, что было сделано на ней с целью повышения продуктивности, не говоря уже о том, что они находились в непосредственном подчинении у магнатов-землевладельцев также и в отношении судопроизводства и политического представительства»[110].

Политическая власть в Нью-Йорке оказалась сосредоточена в руках земельной олигархии, установившей свое безраздельное господство[111]. Британская корона сознательно насаждала и активно поддерживала этот порядок, рассматривая его в качестве гарантии собственных интересов.

Вся система была рассчитана на то, чтобы создать прочный барьер, закрывающий путь проявлениям какого-либо недовольства. Британским властям в Нью-Йорке удалось преуспеть в этом больше, чем в любой другой колонии. Однако и там основы господствовавшей системы постепенно расшатывались. Самый сильный удар по ней был нанесен восстанием фермеров 1766 г. Первыми поднялись арендаторы Филиппсов в графстве Датчес во главе с Уильямом Прендергастом. Сначала это были десятки повстанцев, потом сотни и даже тысячи. В течение нескольких месяцев восстание приобрело такие масштабы, что превратилось в серьезную угрозу крупной собственности в Нью-Йорке.

Прендергаст и его сподвижники выступали за равенство прав на землю для всех и готовы были сражаться за это право с оружием в руках. Они заявляли, что не следует строить иллюзий — суд не восстановит справедливости, ибо ему безразличны интересы бедняков. «Бедный человек всегда испытывал насилие со стороны богатого»,— говорил Прен-

---

[108] Ibid., p. 62, 75.
[109] *Lynd S.* Class Conflict, Slavery and the United States Constitution: Ten Essays. Indianapolis, 1967, p. 27.
[110] *Аптекер Г.* Колониальная эра, с. 77.
[111] *Lynd S.* Op. cit., p. 27.

дергаст. Поэтому провозглашенное повстанцами «естественное право бедного на равное владение землей с богатым» пользовалось широкой поддержкой [112].

Силы повстанцев, однако, были плохо организованы. Выступления фермеров и в Нью-Йорке носили стихийный характер. Между тем колониальные власти приняли спешные меры по созданию вооруженных отрядов. Прендергаст продолжал сопротивление, но был схвачен и заключен в тюрьму вместе с семью ближайшими сподвижниками. Прендергасту был вынесен смертный приговор. Однако британское правительство отменило его и помиловало вожака фермерского восстания в Нью-Йорке [113].

Поступая таким образом, британское правительство преследовало далеко идущие цели. Этим целям оно осталось верным впоследствии, уже после возникновения военного конфликта с колониями. Известный пробританскими настроениями крупный нью-йоркский купец Джон Уотс спустя два с лишним года после начала войны даже рекомендовал английскому правительству воспользоваться недовольством фермеров, чтобы привлечь их на свою сторону. Он советовал издать королевский указ, освобождавший арендаторов от феодальных повинностей, объявить их свободными собственниками при условии, что те принесут королю присягу и с оружием в руках выступят против землевладельцев, изменивших короне [114].

Движение «регуляторов» в Америке не получило особо широкого распространения, ибо за Аллеганами, на Западе, лежали огромные пространства «свободных», еще не колонизованных земель. Никакой, даже самый сложный аграрный конфликт в Америке не достигал такой остроты, как это было в странах Старого Света, ибо там при любом перераспределении земель крестьяне продолжали страдать от земельной тесноты. В Америке Запад и в колониальный период, и в дальнейшем более 100 лет был своего рода отдушиной при всякого рода столкновениях и классовых конфликтах. Показательно, что непосредственным результатом поражения фермерских выступлений в Нью-Йорке, Северной и Южной Каролинах было переселение фермеров на новые, западные земли [115]. Это бегство на «свободные» земли происходило стихийно. Но в целом заселение Запада, учитывая, в частности, британский запрет селиться за Аллеганы, объективно представляло собой акт революционного значения.

Развиваясь параллельно с ростом антибританского патриотического движения, фермерские выступления, как уже отмечалось, имели точки соприкосновения с выступлениями горожан, но в основном они проходили обособленно. Причины заключались, с одной стороны, в отсутствии должной политической сознательности масс, а с другой — в тактике властей, рассчитанной на разобщение оппозиционных сил. Следует признать, что в какой-то мере властям удалось этого добиться, так как в годы войны за независимость некоторые участники фермерских выступлений 60-х —

---

[112] *Mark I.* Op. cit., p. 136, 140.
[113] Ibid., p. 138—139, 141, 144, 149—150
[114] Ibid., p. 13.
[115] *Boatner III M. M.* Landmarks of the American Revolution. Harrisburg, 1973, p. 334.

начала 70-х годов устранились от участия в общенациональном конфликте, а кое-кто даже выступил на стороне Англии [116].

Впрочем, большинство участников фермерских выступлений приняли активное участие в революции на стороне вигов и лишь ничтожно малое число — на стороне тори. Это подтверждается данными об участии северокаролинских, южнокаролинских и нью-йоркских фермеров в войне за независимость [117]. А в Массачусетсе генерал Гейдж, оценивая силы освободительного движения за несколько месяцев до начала вооруженного восстания, отмечал, что «не бостонская чернь, а землевладельцы и фермеры» являются источником «ярости» [118].

Нельзя не согласиться с этим выводом. Однако следует помнить, что в отличие от других колоний в Массачусетсе городское и сельское движения были связаны теснее, чем в других колониях. Фермерское движение в Массачусетсе развивалось под сильным влиянием местной организации «Сынов свободы», руководитель которой С. Адамс неоднократно обращался к фермерам за поддержкой, агитируя их активно участвовать в патриотической кампании.

Это стремление к сближению двух потоков освободительного движения — сельского и городского — имело большое значение для судеб Американской революции.

Трудно переоценить вклад фермерского движения в общее дело борьбы за свободу американских колоний. Тем не менее остается фактом, что центром политической активности, которая привела к войне за независимость, оставались города Восточного побережья, прежде всего Бостон, Филадельфия, Нью-Йорк и Чарлстон, где патриотические силы были лучше объединены и организованы. Важная особенность антибританских кампаний 70-х годов заключалась в том, что купечество северных и центральных колоний добилось существенного сближения с южными плантаторами, постепенно формируя вместе с ними единый фронт борьбы против Англии.

После отмены актов Тауншенда в колониях наступил кратковременный период затишья. Затем борьба возобновилась с новой силой. Поводом для дальнейшего углубления конфликта с метрополией послужила пошлина на чай. Острые столкновения происходили также по вопросу о том, как будут оплачиваться представители королевской администрации — с санкции законодательных органов или британским правительством. В 1772 г. после некоторого перерыва Англия вернулась к первоначальному плану, рассчитанному на то, что губернаторы, судьи и другие чиновники будут оплачиваться из средств королевской казны и смогут, таким образом, совершенно не считаться с решениями законодательных ассамблей. Однако и эти расчеты оказались тщетными.

---

[116] *De Mond R. O.* The Loyalists of North Carolina during the Revolution. Hamden, 1964, p. 48—50.

[117] *Brown R. M.* Violence and the American Revolution.— In: Essays on the American Revolution, p. 107; *Lynd S.* Op. cit., p. 33.

[118] The Correspondence of General Thomes Gage, vol. 1, p. 371.

4. НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Попытка урезать права законодательных ассамблей явилась непосредственным поводом для создания революционных органов по восстановлению прав колонистов. Это были Комитеты связи, первый из которых начал действовать с ноября 1772 г. в Бостоне.

Инициатором создания Комитетов связи, явившихся прообразом новой революционной власти, был Сэмюэл Адамс. Как политический деятель он существенно отличался от сторонников умеренной доктрины начального периода освободительного движения, которые занимались главным образом теоретическим обоснованием прав колонистов, а в практических делах были весьма непоследовательны, придерживаясь консервативных принципов. С. Адамс являлся представителем левого буржуазного крыла освободительного движения, находясь в его авангарде и выступая в роли застрельщика наиболее радикальных антибританских акций[119].

Американская исследовательница П. Майер назвала С. Адамса первым, кто стал искать пути к независимости и выступил в роли пропагандиста революции[120]. Она верно отметила, что С. Адамс умел управлять массовым движением. Однако П. Майер вынуждена признать, что С. Адамс занимал при этом вполне определенную классовую позицию, осуждая «незаконное уничтожение частной собственности»[121]. Сам он в частных письмах подчеркивал, что к «народному восстанию» следует прибегать только как к крайней мере. С. Адамс допускал уничтожение собственности лишь «осмотрительным» и «рациональным» путем, после того как исчерпаны иные средства. Народ вправе действовать, писал он, если поведение власть имущих более ничего не оставляет. Причем, по его мнению, это оправдано лишь интересами «гарантии всеобщей собственности»[122]. Комментируя эти слова, П. Майер отмечала, что использование «толпы» вовсе не было его излюбленным «средством действия» и что он не был «сторонником насилия», предпочитая мирные демонстрации и полемику в газетах[123].

Такая характеристика дает довольно верное представление о политической позиции С. Адамса.

Начало 70-х годов — период наибольшей активности С. Адамса как деятеля радикального толка. Именно в это время, в ноябре 1772 г., при его непосредственном участии и начинает действовать бостонский Комитет связи. 20 ноября 1772 г. комитет направил городскому митингу Бостона декларации «Права колонистов» и «Перечень нарушений прав», а также воззвание к другим городам Массачусетса с призывом оказать ему поддержку. Эти документы были единодушно одобрены участниками митинга, а призыв Бостона к другим городам нашел незамедлительный отклик. Около 80 городов Массачусетса поддержали инициативу Бостона

---

[119] *Согрин В. В.* Указ. соч., с. 97—99; *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 1, с. 304—320.
[120] *Maier P.* Coming to Terms with Samuel Adams.— American Historical Review, 1976, vol. 81, p. 18.
[121] Ibid., p. 25.
[122] The Writings of Samuel Adams, vol. 3, p. 83—84; vol. 1, p. 59—60.
[123] *Maier P.* Coming to Terms with Samuel Adams, p. 25—26.

и создали свои Комитеты связи. Вскоре примеру массачусетсцев последовали и другие колонии.

Организация Комитетов связи и установление между ними постоянных контактов были важным шагом в деле сплочения патриотических сил и консолидации освободительного движения. «Все мы, колонии,— писал по этому поводу С. Адамс,— находимся в одной лодке. Наши свободы одинаково попираются одной и той же надменной державой». В условиях борьбы против нее все «должны быть своевременно осведомлены об особых обстоятельствах каждого, чтобы во всех отдельных случаях использовать надлежащим образом общую мудрость и силу». В качестве примера С. Адамс ссылался на гражданскую войну и кровопролитие «у наших братьев в Северной Каролине». «Как странно,— восклицал он,— что наиболее полная информация, которую мы получили об этом происшествии, дошла до нас из Англии!». Количество Комитетов связи в разных городах, отмечал С. Адамс, «растет изо дня в день» [124].

Действительно, комитеты раскинули сеть своих нелегальных организаций по всей территории колоний. Они выступили как «средство организации революционных сил» [125].

Создание Комитетов связи происходило в условиях нарастания сопротивления колоний. Борьба против пошлины на чай приобрела характер политической кампании, в которой принимали участие широкие массы колонистов. Население отказывалось потреблять облагаемый пошлиной чай, предпочитая покупать его у контрабандистов. Эта борьба не ограничивалась пассивным бойкотом, а сопровождалась активными действиями.

В мае 1773 г. английский парламент принял так называемый «чайный закон», согласно которому английская Ост-Индская компания получала право льготной торговли чаем в североамериканских колониях. Предоставляя Ост-Индской компании право беспошлинного ввоза в Америку, инициаторы «чайного закона» рассчитывали тем самым лишить американских контрабандистов, доставлявших чай из Голландии, возможности конкурировать с легальной английской торговлей. Между тем торговля чаем была важнейшей статьей дохода контрабандистов. Ежегодное потребление чая в колониях исчислялось суммой в 300 тыс. ф. ст., и почти все это количество доставлялось контрабандистами. Наряду с отменой пошлины на чай новый закон разрешал Ост-Индской компании сбывать чай в Америке через собственных агентов непосредственно торговцам в розницу, минуя колониальных купцов-оптовиков.

Это был удар как по колониальным торговцам контрабандой, так и по купцам-перекупщикам [126]. Изданием «чайного закона» английское правительство рассчитывало в то же время привлечь на свою сторону широкую массу колониальных потребителей, так как новый закон должен был повлечь за собой снижение цены на чай почти вдвое. Британские министры, по словам Б. Франклина, даже не представляли себе, что «какой-то народ может руководствоваться иными принципами, чем материальные интересы». Они полагали, что более низкая цена чая Ост-

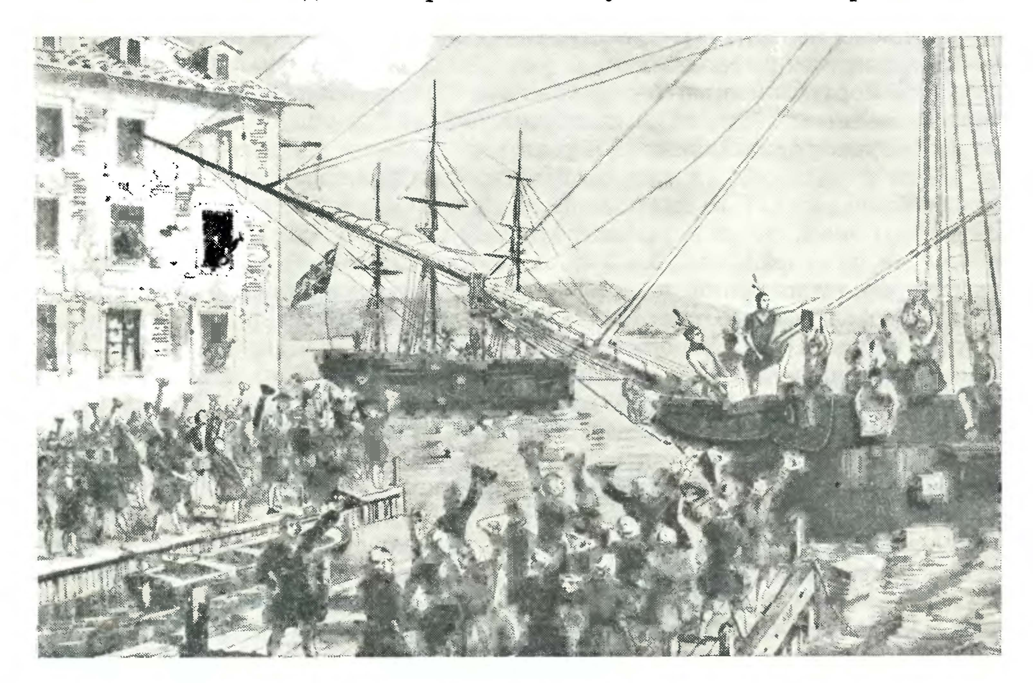
[124] С. Адамс — Г. Ли, 10 апреля 1773 г.— In: The Writings of Samuel Adams, vol. 3, p. 25—26; *Лакеев В. М.* К вопросу о комитетах связи накануне войны за независимость.— В кн.: Американский ежегодник, 1977. М., 1977, с. 140–141.

[125] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 168.

[126] *Greene E. B.* The Revolutionary Generation. N. Y., 1943, p. 199.

Индской компании окажется «достаточным средством, чтобы покончить со всяким патриотизмом в Америке»[127]. Однако, как показали ближайшие события, они глубоко заблуждались. Кампания бойкота британских товаров получила еще более широкий размах. Что же касается чая, то патриотические организации приняли решение вообще не допускать его выгрузки на американский берег.

В Бостоне борьбу против ввоза чая возглавил Комитет связи во главе с Сэмюэлем Адамсом при активном участии местной организации

«БОСТОНСКОЕ ЧАЕПИТИЕ»

«Сынов свободы». Когда в декабре 1773 г. в Бостонский порт была доставлена крупная партия чая, принадлежавшая Ост-Индской компании, патриоты решили любым путем помешать выгрузке. Стяжавший себе к этому времени широкую популярность герой инцидента с «Либерти» Джон Хэнкок вместе с С. Адамсом возглавили группу людей, которые, переодевшись в индейские платья, ночью пробрались на суда и выбросили чай в море[128]. Этот новый инцидент, известный в истории под названием «бостонского чаепития», придал прилив революционной активности. Сообщая об этом «замечательном событии, какого еще не было со времени начала нашей борьбы за американскую свободу», С. Адамс отмечал, что оно вызвало всеобщую радость. Повсюду, писал он, «горящие глаза и возбужденные лица»[129].

[127] Б. Франклин — Т. Кашингу, 4 июня 1773 г.— In: The Writings of Benjamin Franklin with a Life and Introduction: Vol. 1—10 / Ed. by A. H. Smyth. N. Y., 1905—1907, vol. 6, p. 57.
[128] *Labaree B. W.* The Boston Tea Party. L.; N. Y., 1970, ch. VII.
[129] С. Адамс — А. Ли, 31 декабря 1773 г.— In: The Writings of Samuel Adams, vol. 3, p. 73--76.

В Англии известие о «бостонском чаепитии» вызвало гневную реакцию. Несмотря на оппозицию вигов, убеждавших парламент сделать еще одну попытку мирного разрешения конфликта, правительство стало на путь репрессий. Было издано четыре, как их называли в Англии, «репрессивных акта». Комментируя эту меру, С. Адамс писал, что «уничтожение чая — лишь предлог для беспрецедентной жестокости» в отношении американцев. Подлинная причина, по его словам, заключалась в желании отомстить за противодействие тирании, которым прославили себя жители Бостона[130].

Согласно первому «репрессивному акту», изданному в марте 1774 г. в наказание за выброшенный в море чай Ост-Индской компании, Бостонский порт был объявлен закрытым. Бостон был блокирован английскими военными кораблями, и всякий подвоз товаров прекратился. Даже мелкие суда, доставлявшие необходимые Бостону продовольствие и топливо, не допускались в гавань. Многие предприятия стали закрываться, росла безработица, недостаток продовольствия вызвал повышение цен. Бостонцы оказались в тяжелом положении.

Через полтора с небольшим месяца правительство Англии издало второй акт, лишавший колонию Массачусетс конституционной хартии, т. е., говоря по существу, права на самоуправление. Королевский губернатор, которым стал генерал Т. Гейдж, получал чрезвычайные полномочия, и корона назначала советников (членов верхней палаты) без согласования с ранее избиравшей их палатой представителей. Одновременно с этим был издан третий акт, согласно которому лица, обвинявшиеся в антиправительственной деятельности, могли быть направлены для суда либо в Англию, либо в любую из колоний по усмотрению британской администрации.

Четвертая репрессивная мера практически представляла собой подтверждение квартирного акта 1765 г., разрешая размещение британских войск в частных домах. Тогда же парламент принял постновление, известное под названием Квебекского акта, которым земли, лежащие на северо-западе от Аллеган, присоединялись к провинции Квебек (Канада)[131].

По замыслу инициаторов этих мероприятий применение репрессивных мер против колоний должно было охладить горячие головы «американских мятежников» и заставить их подчиниться воле короны. «Они будут львами до тех пор, пока мы будем овцами,— убеждал короля генерал Гейдж накануне принятия „репрессивных актов",— но стоит нам принять решительный тон, как они сразу станут кроткими»[132].

Изданные метрополией акты отличались суровостью. Но и реакция колоний, в свою очередь, была резкой и непримиримой. «Нестерпимые акты», как называли в Америке репрессивные меры Англии, вызвали прилив решимости сопротивляться до конца. Недовольство охватило все слои населения. Хотя преимущественно названные акты относились к Массачусетсу, по существу они задевали все колонии. Закрытие Бостонского порта, игравшего в то время важную роль в межколониальной торговле и служившего перевалочным пунктом во внешнеторговых операциях, задевало и южных плантаторов, и купечество, и ремесленников.

---

130 С. Адамс — А. Ли, 25 января 1774 г.— In: Ibid., p. 79.
131 Documents of American History, vol. 1, p. 71—75.
132 Цит. по: *Sosin J. M.* Agents and Merchants... Lincoln, 1965, p. 171.

Еще большее возмущение вызывали акты о порядке управления, судопроизводства и расквартирования войск. Каждый из них создавал прецедент, дававший возможность распространить его на любую колонию. Наконец, Квебекский акт больно ударил по интересам широкой массы фермеров, заинтересованных в переселении на Запад, а также по интересам земельных дельцов, для которых спекуляция западными землями служила источником крупных доходов. Достаточно сказать, что ко времени издания этого акта Виргиния предоставила земельным спекулянтам около 2 млн. акров земли в бассейне р. Огайо и 2,5 млн. акров — в бассейне р. Миссисипи.

Квебекский акт примирил противоречия ранее соперничавших между собой земельных спекулянтов Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка и Виргинии и объединил их в ненависти к метрополии. Кроме того, присоединяя к Канаде земли на западе от Аллеган, Англия отдавала обширную территорию под власть официально признанной в Канаде католической церкви и таким образом восстанавливала против себя духовенство протестантской церкви Новой Англии.

В ответ на издание «репрессивных актов» Комитет связи Бостона совместно с присоединившимися к нему комитетами восьми городов Массачусетса в мае 1774 г. обратился к Комитетам связи других колоний с предложением полностью прекратить торговлю с Англией. В связи с этим обращением законодательная ассамблея Виргинии, заседавшая в Джеймстауне, заявила о солидарности с бостонцами, и используя пуританскую традицию, объявила день закрытия Бостонского порта — 1 июня 1774 г.— «днем скорби, поста и молитв» [133].

Похоронным звоном колоколов, трауром и негодующими демонстрациями встретили этот день и в других колониях. По всей Америке прокатилась волна массового протеста. Люди собирались в клубах, церквах и просто под открытым небом на митинги, выражая свое возмущение репрессиями против Бостона. «Бостон страдает за дело, которое отныне затрагивает всю Америку» — под таким лозунгом шла мобилизация сил в поддержку жертв колониального произвола Англии. В знак солидарности с Массачусетсом повсюду начался сбор пожертвований в пользу жителей Бостона. Виргиния, Северная Каролина, Мэриленд и Нью-Джерси отправили голодающим бостонцам хлеб, Южная Каролина — рис, почти во всех колониях проводился сбор денежных средств [134].

Протест против репрессивных мероприятий короны повлек за собой роспуск законодательной ассамблеи Виргинии. Однако виргинские депутаты собрались нелегально и приняли обращение к другим колониям с призывом сопротивляться нарушению конституционных прав американских колоний. В целях организации совместной борьбы против Англии Виргиния предложила каждой американской колонии послать своих представителей на всеобщий I Континентальный конгресс [135]. Как

---

[133] The Papers of Thomes Jefferson: Vol. 1—19 / Ed. by J. P. Boyd. Princeton, 1950—1974, vol. 1, p. 105—106.

[134] The Writings of Samuel Adams, vol. 3, p. 125, 126, 136—137, 143, 149, 151, 152, 164, 174—177, 189, 190, 193, 200, 203, 210.

[135] «Континентальным» конгресс был назван в расчете на то, что в нем примут участие все английские колонии, расположенные на Североамериканском континенте, в том числе и Канада, что не оправдалось.

отмечал Г. Аптекер, в созыве Континентального Конгресса — нового революционного органа — приняла участие вся страна[136]. Конгресс открылся в Филадельфии 5 сентября 1774 г. и заседал почти полтора месяца (до 26 октября). Присутствовали 56 представителей от 12 американских колоний. В целом преобладали сторонники примирения с метрополией, рассчитывавшие на возможность достигнуть соглашения по спорным вопросам. Радикальная оппозиция, отвергавшая попытки компромисса, была представлена незначительным меньшинством в лице таких людей, как Патрик Генри, Сэмюэл Адамс и Кристофер Гедсден. Заседания конгресса проходили в острых дебатах[137].

Представители радикального меньшинства выступали в конгрессе с революционными речами, призывая к полному разрыву с метрополией и началу военных действий. «Различий между виргинцами, пенсильванцами, ньюйоркцами и жителями Новой Англии более не существует,— заявил на одном из заседаний конгресса Генри.— Я теперь не виргинец, а американец»[138].

Выступления левого крыла, несомненно, оказали свое воздействие на решения I Континентального конгресса. Стороннику крайне консервативного направления Джозефу Галлоуэю не удалось провести предложенный им план союза между Великобританией и колониями, согласно которому система управления колоний должна была быть реорганизована по новому образцу — во главе с назначаемым короной генерал-губернатором и собиравшимся раз в год общеамериканским Советом представителей колоний. Этот план по существу нисколько не менял положения колоний, а имел в виду лишь изменить формы их зависимости от Англии. Правда, противникам плана Галлоуэя, прежде чем отклонить его, пришлось выдержать упорную борьбу. Им удалось провести свое предложение при минимальном перевесе в один голос[139].

Конгресс принял «Декларацию прав», в которой осуждал последние акты парламента и настаивал на соблюдении прав американских колоний «на жизнь, свободу и собственность», а также на том, чтобы колонистам было предоставлено право осуществлять законодательство через собственные законодательные органы. «Декларация прав» требовала отменить «репрессивные акты» и призывала американцев организовать сопротивление метрополии[140]. Одновременно в специальных обращениях к населению Англии и Канады конгресс просил поддержать его требование к королевскому правительству. Кроме того, конгресс принял ряд практических мер для организации сопротивления Англии, утвердив решение о полном прекращении торговых сношений с Англией и заявив о своем стремлении «содействовать развитию земледелия, ремесел и промышленности в колониях»[141].

---

[136] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 103.
[137] *Montross L.* The Reluctant Rebels. The Story of the Continental Congress, 1744—1789. N. Y., 1950, ch. I—III; *Плешков В. Н.* Первый Континентальный конгресс (1774 г.) — Вопр. истории, 1976, № 6, с. 213—218.
[138] Цит. по: *Meade R. D.* Op. cit., p. 325.
[139] *Boyd J. P.* Anglo-American Union. Joseph Galloway's Plan to Preserve the British Empire, 1774—1788. Philadelphia, 1941, p. 112—114.
[140] Documents of American History, vol. 1, p. 82—84.
[141] Ibid., p. 87.

Одновременно конгресс принял новое обращение к королю с верноподданнической петицией. И хотя действия конгресса носили половинчатый характер, самый факт его созыва, не говоря уже о принятых постановлениях, имел огромное значение и знаменовал важный шаг по пути сплочения революционных сил. Недаром конгресс специально отметил в своих актах, что реализацию принятых им постановлений он возлагает на Комитеты связи [142].

Постановления конгресса были восприняты и истолкованы широкой массой колонистов как более радикальные, чем они были на самом деле. Кампания отказа от английских товаров развернулась повсюду. Британский импорт в 1775 г. сократился в целом по всем колониям на 97% по сравнению с 1774 г. В отдельных случаях картина была еще более разительной. Так, в Нью-Йорке сумма ввозимых английских товаров за этот же период упала с 437 937 ф. ст. до 1228, а в Мэриленде и Виргинии — с 528 738 до 1921 ф. ст. [143] В проведении бойкота большую роль сыграло общественное мнение, под воздействием которого купцы вынуждены были подчиниться решению конгресса и отказаться от торговли с метрополией, хотя это и было сопряжено для них с крупными убытками. Отношение значительной части купечества к решению конгресса о новой антибританской кампании было сугубо отрицательным.

Массы уже не ограничивались бойкотом товаров. Они стали готовиться к активному вооруженному сопротивлению метрополии: организовывали военные учения отрядов добровольцев, создавали запасы оружия и военного снаряжения. Особенно активно военные приготовления шли в Массачусетсе. В октябре 1774 г. вопреки запрещению генерала Гейджа в Бостоне по инициативе С. Адамса был создан конгресс представителей Массачусетса, который стал органом революционной власти. В своей деятельности конгресс опирался на Комитет связи, преобразованный теперь, как и во многих других колониях, в Комитет безопасности. В ряды добровольцев вступали сотни и тысячи людей, создавались тайные склады вооружения.

В других колониях также усилилась агитация в пользу активного сопротивления, все чаще раздавались голоса за отделение от Англии. Острый оборот приняли события в Виргинии, которая являлась важнейшим очагом недовольства на Юге. Вернувшись с заседаний Континентального конгресса, виргинские делегаты широко оповестили население колонии о принятых решениях. Вопреки приказу королевской администрации решено было возобновить работу колониальной ассамблеи, заново избрав ее состав. В самом начале 1775 г. состоялись выборы. Были избраны многие прежние депутаты, но многие получили мандат впервые. В особенности это касалось жителей «внутренней страны», ранее слабо представленной в ассамблее.

Заседания виргинской ассамблеи начались 20 марта 1775 г. в церкви Сент-Джон, самом крупном помещении в Ричмонде. Был выслушан и одобрен отчет делегатов Континентального конгресса. После этого П. Генри внес предложение принять резолюцию об организации вооруженных сил Виргинии, объявив осадное положение. Участие в конгрессе и созыв

---

142 Ibid.

143 *Schlesinger A. M.* The Colonial Merchants..., p. 535—536.

распущенной по приказу короля ассамблеи являлись актами неповиновения. Но то, что предлагал П. Генри, было откровенной угрозой ответить вооруженным сопротивлением в случае, если британское правительство вознамерится поступить с Виргинией, как с Массачусетсом, куда были посланы войска и где были применены репрессии. Это был логический шаг вперед в освободительном движении. Хотя все еще действовала инерция примирительных настроений, путь назад был отрезан.

Представители консервативных кругов оказались не в состоянии сдержать натиск новых политических сил, центральной фигурой которых в Виргинии суждено было стать П. Генри. Он действовал смело и решительно. 23 марта, защищая свой законопроект, П. Генри произнес речь, которая по праву считается одним из самых важных выступлений периода освободительной борьбы колоний против Англии. «Война,— заявил он,— фактически уже началась. Следующий порыв ветра с севера донесет до нашего слуха звон скрестившихся мечей! Наши братья уже на поле брани! Так почему мы стоим здесь праздно?.. Неужели жизнь так дорога или мир так сладок, что их следует покупать ценой кандалов и рабства? Да простит меня всемогущий господь, не знаю, что думают другие, но для меня нет иного выбора, как свобода или смерть!» [144]

Огромное впечатление, произведенное речью Генри, обеспечило успех его законопроекту, который, хотя и не без противодействия, был одобрен ассамблеей. Речь П. Генри способствовала мобилизации революционных сил. В колониях создалось положение, которое В. И. Ленин называл революционной ситуацией, когда «низы не хотели», а «„верхи не могли“ жить по-старому» [145].

---

[144] *Wirt W.* The Life of Patrick Henry. N. Y., 1852, p. 120—123.
[145] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

Глава четвертая

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1775—1783)

1. ЛЕКСИНГТОН И КОНКОРД. НАЧАЛО ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

В феврале 1775 г. в Массачусетсе была создана комиссия по выработке правил конституционной армии. Обсуждением этого вопроса занимался созванный взамен распущенной колониальной ассамблеи конгресс представителей Массачусетса, проходивший в острых дебатах между представителями умеренного крыла и сторонниками более радикальных действий.

Между тем разрыв с Англией и вооруженное столкновение с каждым днем становились все более неотвратимыми. Пока конгресс Массачусетса спорил, создавать ли армию, отряды добровольцев уже начали военные приготовления, устраивая склады вооружения и проводя обучение милицейских частей. Комитеты безопасности эту деятельность поддерживали и поощряли, а такие лидеры патриотов, как С. Адамс и Дж. Хэнкок, выступили в роли вдохновителей и практических руководителей начавшихся по инициативе снизу военных приготовлений. Генерал Гейдж был об этом осведомлен и, рассчитывая пресечь деятельность патриотов, отдал приказ подразделениям британских войск разоружить дислоцированные близ Бостона добровольческие отряды в Конкорде и Лексингтоне, арестовав С. Адамса и Дж. Хэнкока.

Британское командование стремилось сохранить в строгой тайне военные приготовления. Однако представители Комитета безопасности бдительно следили за передвижением английских войск. Поэтому, когда 18 апреля британские войска численностью в 700—800 солдат собрались на центральной площади Бостона, чтобы двинуться на Конкорд, эта операция, как справедливо отметил американский исследователь Р. Грос, уже «была обречена на провал» [1]. Еще накануне Комитет безопасности отдал приказ срочно разобрать склады с вооружением. Ночью на подводах хранившиеся в Конкорде припасы были переправлены в соседние селения.

Британские войска отправились в Конкорд под покровом ночи. В целях соблюдения секретности многим командирам подразделений сообщили о целях операции лишь перед самым ее началом. Однако в тот момент, когда английские отряды выступили из Бостона, с башни Северной церкви специально поставленный туда Комитетом безопасности дежурный подал условный сигнал, и гонец патриотов Пол Ривир отправился в свой легендарный рейд, чтобы сообщить о готовящемся нападении. С той же целью один из лидеров бостонских патриотов, Джозеф Уоррен,

---

[1] *Gros R. A.* The Minutemen and their World. N. Y., 1976, p. 114.

отправил в Конкорд доверенное лицо, Уильяма Доуза. Одновременно несколько жителей предместий Бостона пустились в путь, заподозрив неладное в показавшейся им странной активности английских патрулей.

Когда Ривир, а затем Доуз и другие гонцы прибыли в расположенный по дороге к Конкорду Лексингтон, там ударили в набат и подняли по боевой тревоге местную милицию[2]. В Лексингтоне английские войска открыли огонь по американским силам. Восемь человек были убиты и 9 ранены[3]. Вооруженная стычка произошла и в Конкорде, где американцы сумели обратить в бегство английских солдат.

Непосредственной реакцией на события в Лексингтоне и Конкорде была мобилизация новых милицейских отрядов, общая численность которых превысила 1100 человек. Небольшие группы повстанцев укрывались за домами и заборами, в лощинах и оврагах. Они обстреливали англичан на всем протяжении обратного пути от Конкорда до Лексингтона. В этом сражении американцы использовали заимствованную ими у индейцев тактику рассыпного строя, противопоставив малоподвижным британским порядкам неожиданный и стремительный натиск малыми группами и в одиночку, атакуя противника в самых неожиданных местах.

События в Конкорде и Лексингтоне были вооруженным восстанием против британского господства, началом американской войны за независимость. Теперь уже ни у кого не было сомнений в том, что американцы готовы воевать[4]. «Фермеры Массачусетса,— отмечал М. Дженсен,— в отличие от ссорившихся политиков хотели начать войну. 19 апреля 1775 г. они показали, что могут воевать»[5]. Теперь колебаний в вопросе о необходимости создания армии уже не было. Руководители патриотического движения, даже из числа представителей умеренных кругов, ясно отдавали себе отчет в том, что, если они не хотят утратить своих позиций в руководстве, им надлежит примкнуть к сторонникам военной партии.

Еще до принятия законодательной меры, конституировавшей создание американских вооруженных сил, сформировалась революционная армия, солдаты которой с гордостью именовали себя «парнями свободы». Бостон, откуда посланы были британские войска для расправы с американскими патриотическими силами, был окружен и подвергнут осаде со стороны вновь созданных партизанских отрядов Новой Англии, которые расположились вокруг города 15-тысячным «лагерем свободы».

В Нью-Йорке организация «Сынов свободы» руководила захватом арсенала, а затем организовала милицейский корпус, захватив в свои руки таможню, склады с различным снаряжением и припасами, а также конфисковав грузы английских судов, доставивших снаряжение для британского гарнизона в Бостоне. В Саванне (Джорджия) местные патриоты напали на лавку, в которой хранились запасы пороха и дроби, затем захватили стоявшее британское судно, груженное ружьями и поро-

---

[2] The Spirit of «Seventy-Six»: The Story of the American Revolution as Told by Participants / Ed. by H. S. Commager, R. B. Morris. Indianapolis; New York, 1958, p. 66—69.

[3] См. рассказ С. Вуда, записанный Н. Бруксом 17 июня 1826 г.— Ibid., p. 82—83; *Pearson M.* Those Damned Rebels. The American Revolution as Seen Through British Eyes. N. Y., 1972, p. 70.

[4] *Gros R. A.* Op. cit., p. 130.

[5] *Jensen M.* The Founding of a Nation: A History of the American Revolution, 1763—1776. N. Y., 1968, p. 567.

хом. Эти трофеи позволили вооружить полк волонтеров. Против участников вылазки в Саванне британские власти попытались применить репрессивные меры. Был арестован и посажен в тюрьму один из руководителей «Сынов свободы» — Э. Макгарди. Однако вооруженные патриоты освободили его из заключения и демонстративно в полной боевой форме прошли по улицам города. В Филадельфии при участии ремесленников и купцов была создана военная ассоциация. В Ньюарке (Нью-Джерси) на собрании «Сынов свободы» была единодушно принята резолюция, гласившая, что ее участники клянутся «не пощадить ни своего имущества, ни самой жизни для дела освобождения Америки»[6].

Многочисленные отряды волонтеров начали партизанскую войну против Англии. В середине мая 1775 г. крупные милицейские силы направились в Канаду, надеясь обеспечить себе поддержку канадских провинций. По пути патриоты заняли две важные крепости — Тайкондерогу и Краун-Пойнт. Впоследствии им удалось даже захватить Монреаль. Однако, забегая вперед, следует сказать, что канадская экспедиция оказалась неудачной. Потерпев поражение под Квебеком, американцы вынуждены были отступить. Все же эта военная операция не была бессмысленной, так как в дальнейшем, опасаясь американского нападения, Англия вынуждена была постоянно держать значительный контингент войск в Канаде, что мешало ей развернуть все свои силы в войне против восставших американских колоний.

Три недели спустя после Лексингтона и Конкорда, 10 мая 1775 г., в Филадельфии открылся II Континентальный конгресс. Никогда ранее за весь период освободительного движения в колониях не были так сильны радикальные настроения. В особенности решительно настроены были делегаты Массачусетса. Даже представители умеренного крыла, такие, как Дж. Адамс, стремились подтолкнуть конгресс к незамедлительным действиям, заявляя, что «раковая опухоль пустила такие глубокие корни, что не может быть вылечена отсечением какой-либо части», и только «порох и артиллерия — наиболее эффективные, надежные и неизбежные при создавшихся условиях средства урегулирования конфликта»[7]. По своему составу II Континентальный конгресс мало отличался от первого. Большинство делегатов нового, II конгресса участвовали и в заседаниях предыдущего. Тем не менее ориентация нового конгресса существенно отличалась от старого.

Те, кто ранее придерживался соглашательской тактики, теперь порвали с патриотами и перешли в противоположный, враждебный революции лагерь лоялистов. С другой стороны, часть тех, кто раньше занимал умеренные позиции, желая сохранить влияние на массовое освободительное движение, пришла к выводу, что необходимо более решительно выступить против Англии: политика метрополии с каждым днем все более увеличивала опасность внутреннего взрыва в колониях.

После принятия 14 июня 1775 г. постановления о создании регулярной армии и ассигнования средств на ее содержание, конгресс сделал решительный шаг в сторону полного разрыва с метрополией. Важное значение для последующего хода вооруженной борьбы имел вопрос, кто будет назначен главнокомандующим. Состоявшееся ранее назначение

---

[6] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США...: В 4-х т. М., 1949—1969, т. 1, с. 54.
[7] *Jensen M.* The Founding of a Nation, p. 604—605.

Дж. Вашингтона главой комитета по выработке правил вооруженных сил до известной степени предрешало выбор. Однако вопрос о главнокомандующем осложнялся тем, что на это место претендовал президент Континентального конгресса Дж. Хэнкок, пользовавшийся широкой известностью в результате своей предшествующей деятельности как один из лидеров освободительного движения [8].

Впоследствии, объясняя факт своего назначения, Вашингтон в частной переписке отмечал, что стал главнокомандующим благодаря «расположению конгресса, подкрепленному некоторыми политическими мотивами» [9]. В принципе Вашингтон оказался во всех отношениях наиболее подходящей кандидатурой. Он отличился во время Семилетней войны, показав себя стойким и находчивым военачальником. Вашингтон не принадлежал к числу самых активных участников антибританских кампаний 1765—1775 гг. Но все хорошо знали, что он является противником английской колониальной политики, которая задевала его личные интересы. В частности, распространивший юрисдикцию Канады на западные земли так называемый Квебекский акт лишал Вашингтона десятков тысяч акров земли.

Выступив противником британской политики ограничений и репрессий, Вашингтон снискал себе популярность среди участников массовых выступлений против политики Англии. То, что он был богатым виргинским плантатором, принадлежал к состоятельным аристократическим кругам и исповедовал умеренные взгляды, импонировало консервативной части конгресса, опасавшейся радикально настроенных элементов. Поэтому Дж. Адамс, которому принадлежала инициатива выдвижения кандидатуры Вашингтона на пост главнокомандующего, прямо заявил, что считает большим достоинством кандидата его солидное состояние [10].

Кандидатура Вашингтона была выдвинута Дж. Адамсом после предварительного совещания с С. Адамсом, что было продуманной акцией. Таким образом руководители освободительного движения Новой Англии рассчитывали скрепить свой союз с лидерами южных колоний. «Это назначение,— отмечал Дж. Адамс,— окажет огромное влияние на закрепление и обеспечение союза этих колоний» [11].

Выдвижение Вашингтона, а затем и избрание его на пост главнокомандующего были важным политическим шагом, обеспечившим привлечение на сторону революции плантаторов Юга. С другой стороны, это было выгодно руководителям освободительного движения на Севере, прежде всего купечеству, и по иным причинам. Избрание Вашингтона на пост главнокомандующего ставило под контроль консервативно настроенного политического деятеля уже существующие революционные отряды, разместившиеся преимущественно на территории Массачусетса.

15 июня конгресс вынес постановление о создании вооруженных сил и избрал Вашингтона главнокомандующим, а два дня спустя еще не регулярные части, а разрозненные партизанские отряды вступили в сражение с британскими войсками. После событий в Лексингтоне и

---

[8] *Adams J.* Autobiography.— In: The Adams Papers, Ser. 1. Diaries: Vol. 1—4 / Ed. by L. H. Butterfield. Cambridge, 1961—, vol. 3, p. 321.

[9] *Jensen M.* The Founding of a Nation, p. 611.

[10] *Adams J.* Autobiography, p. 321—323.

[11] Дж. Адамс — А. Адамс, 17 июня 1775 г.— In: Letters of Members of the Continental Congress: Vol. 1—8 / Ed. by E. C. Burnett. Wash., 1921—1936, vol. 1, p. 130.

Конкорде английские отряды были отведены на стратегически выгодные позиции Банкер-Хилла — одну из господствующих над Бостоном высот[12]. Однако спустя некоторое время по совершенно непонятной причине англичане оставили Банкер-Хилл. Тогда американцы заняли эту высоту и за одну ночь выстроили там укрепления.

Британское командование приказало морской артиллерии обстрелять позиции американцев. Однако последние продолжали строить редуты, и тогда решено было взять Банкер-Хилл приступом. Генерал Гейдж собрал около 2,5 тыс. солдат и офицеров. Только в результате третьего приступа английские войска смогли овладеть Банкер-Хиллом. Американцы вынуждены были отступить, так как кончились боеприпасы. Англичане понесли тяжелые потери.

Почти половина из тех, кто принимал участие в операции, были убиты или ранены. Общее число жертв с английской стороны составило 1150 человек. В то же время из 3000 участвовавших в операции американцев был убит и ранен 441 человек[13]. Захват Банкер-Хилла дорого стоил англичанам. Это была поистине пиррова победа. «Еще одна такая победа,— писала по поводу Банкер-Хилла одна английская газета,— и не останется никого, чтобы принести новость домой»[14].

Сражение при Банкер-Хилле было важным прежде всего потому, что показало высокий боевой дух американских повстанческих сил. Даже разрозненные отряды колонистов оказались серьезной силой, справиться с которой не смогли обученные, подготовленные и обеспеченные всем необходимым британские войска. Если бы защитники Банкер-Хилла не исчерпали военных припасов, исход сражения мог быть иным. Даже после того как у американцев кончились заряды для ружей, они продолжали драться врукопашную. Несмотря на то что англичанам удалось ворваться в расположение американских отрядов, они сумели захватить в плен лишь 30 человек[15].

Сражение при Банкер-Хилле укрепило дух патриотов и способствовало переходу многих колебавшихся членов конгресса на сторону революции. Некоторых же, наоборот, это событие оттолкнуло в лагерь ее противников, так как после Банкер-Хилла стало совершенно очевидно, что война неотвратима.

Идея независимости в Америке становилась все более популярной, и это сознавало большинство делегатов конгресса. Однако под давлением консервативно настроенных деятелей, опасавшихся, что крушение власти Англии приведет к анархии в колониях, была предпринята последняя попытка примирения. Конгресс направил королю «Петицию оливковой ветви».

После Лексингтона, Конкорда и Банкер-Хилла колонии фактически оказались в состоянии войны с Англией. Окончательный разрыв с метрополией стал почти неминуем, и руководители освободительного движения приступили к обсуждению вопроса о будущем статусе колоний. Логика событий вплотную подвела их к проблеме независимости. Несмотря на оппозицию консервативно настроенных кругов, руководители освободи-

---

[12] *Gros R. A.* Op. cit., p. 130.
[13] *Ward Ch.* The War of the Revolution: Vol. 1, 2. N. Y., 1952, vol. 1, p. 96.
[14] *Coakley R. W., Conn S.* The War of the American Revolution. Wash., 1975, p. 29; См. также: Всемирная история. М., 1958, т. 5, с. 552.
[15] *Ward Ch.* Op. cit., vol. 1, p. 96.

тельного движения были не в состоянии далее противостоять нажиму радикально настроенных делегатов, требовавших активных действий.

Перелом в настроениях американцев наступил после опубликования в 1776 г. памфлета Томаса Пейна «Здравый смысл». Ни одно другое выступление, ни устное, ни печатное, не сыграло такой большой роли в мобилизации патриотических сил и агитации за независимость, как «Здравый смысл»[16]. Автор этого памфлета не был американцем. Он приехал в колонии из Англии лишь в 1774 г. Но и у себя на родине Пейн был известен как сторонник демократических взглядов. В Лондоне Пейн случайно познакомился с Б. Франклином, который, по словам В. Л. Паррингтона, «посоветовал ему испробовать Америку как место, где вероятнее всего можно преуспеть»[17].

Памфлет Пейна был страстным призывом к народу. Он звал колонистов к восстанию против метрополии, провозглашая равенство всех людей и их прирожденные естественные права. Пейн отмечал, что вся предшествующая литературная полемика по поводу раздора с Англией оказалась безрезультатной. «...Все было бесплодно,— писал он,— и период дебатов закончился. Оружие, как последнее средство, решает сейчас спор»[18]. Он заявлял, что нельзя оставаться лояльными в отношении Англии и в то же время вести с ней борьбу за свои права. Пейн решительно выступал против всех, кто утверждал, что связь колоний со страной-матерью, Англией, жизненно необходима для их благополучия.

Пейн призывал Америку утвердить свою независимость и выступил сторонником республиканской формы правления. Он критиковал монархию как жестокий, несправедливый режим. По словам В. Л. Паррингтона, Пейн явился «воплощением республиканского духа Американской революции»[19]. Он предлагал разбить корону и куски ее рассеять в народе, «которому она принадлежит по праву»[20]. Это было очень смело, ибо, несмотря на развитие освободительного движения, монархическая традиция и вера в «доброго короля» были еще очень прочными. Многие не представляли себе вероятности перемен формы правления. Пейн же предлагал отказаться от старых взглядов и привычек, решительно разорвать с прошлым, свергнув власть монархии и установив республиканский строй. Он заявлял, что свободная, независимая республика принесет Америке демократическое правление и обеспечит ее народу процветание[21].

Обычно политический памфлет выпускался одним-двумя изданиями, а издание «Здравого смысла» достигло рекордной для того времени цифры — 25; его прочитали несколько сотен тысяч человек. «Если эпоха революции продемонстрировала массовую политизацию американского общества,— писал Э. Фонер,— то именно „Здравый смысл" способствовал взрыву страстей и политических дебатов за пределами узких рамок образованной элиты, среди американцев всех слоев». С разных концов колоний весной 1776 г. поступали сообщения о том, что памфлет читали

---

[16] *Пейн Т.* Избр. соч. М., 1959, с. 21—64.

[17] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 1, с. 406.

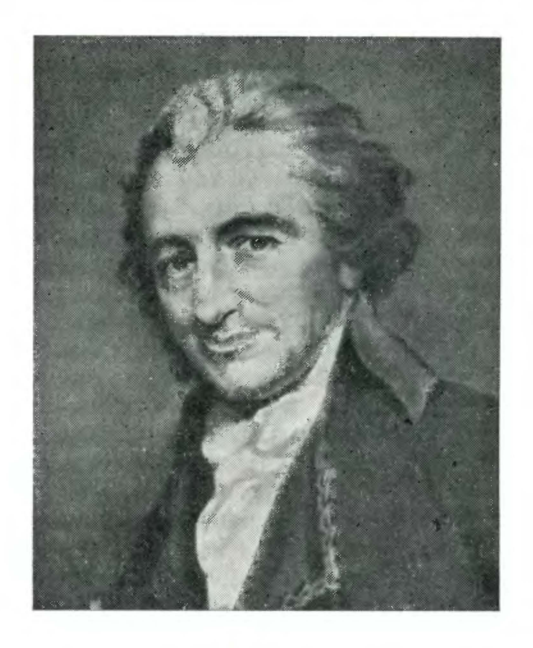
[18] *Пейн Т.* Указ. соч., с. 34.

[19] *Паррингтон В. Л.* Указ. соч., т. 1, с. 405. См. также: *Foner E.* Tom Paine's Republic: Radical Ideology and Social Change.— In: The American Revolution. Explorations in the History of American Radicalism/Ed. by A. F. Young. DeKalb, 1976, p. 226—227.

[20] *Пейн Т.* Указ. соч., с. 46.

[21] *Foner E.* Tom Paine and Revolutionary America. N. Y., 1976, ch. III.

«люди самого разного сорта» и что он сделал сторонниками независимости бесчисленное число американцев [22].

ТОМАС ПЕЙН

Автор «Здравого смысла» предлагал, чтобы каждый американец независимо от того, какой собственностью он владел и имел ли ее вообще, был наделен правом голоса. Пейн заявил себя решительным сторонником всеобщего избирательного права, противником каких бы то ни было ограничений на основе имущественного ценза. Это предложение пришлось явно не по вкусу представителям имущих групп, которые привыкли к тому, что «власть рождается собственностью» [23]. Дж. Адамс, идеолог этих групп [24], считал предложения Пейна «излишне демократичными» [25].

Джон Адамс приветствовал призыв к отделению от Англии и сам выступал сторонником провозглашения независимости. Однако впоследствии он решительно настаивал на том, что не Пейну, а ему принадлежал приоритет в этой идее [26]. В ответ на «Здравый смысл» Джон Адамс выпустил памфлет «Размышления относительно правительства», в котором подвергал критике многие положения Т. Пейна. По мнению Э. Фонера, он был ничуть не менее республиканцем, нежели Пейн, но «его республиканизм имел безусловную элитистскую окраску». Джон Адамс «был напуган уравнительными идеями „Здравого смысла“,— отмечал Фонер,— и искал им противодействия» [27]. Он решительно выступил против идеи всеобщего избирательного права. «Весьма опасно,— писал он,— менять избирательное право. Это ведет к путанице и уничтожению всех различий, низводит людей разного положения до одного уровня» [28].

Подход Пейна вызвал отрицательную реакцию не только со стороны Джона Адамса, но и других сторонников партии вигов. Даже представители радикалов Сэмюэл Адамс и Патрик Генри воздержались от поддержки «уравнительных» идей Пейна. В то же время его призыв к независимости встретил довольно широкий отклик со стороны лидеров осво-

---

[22] *Foner E.* Tom Paine's Republic, p. 199.
[23] Ibid., p. 207.
[24] О взглядах Дж. Адамса см.: *Ширяев Б. А.* Джон Адамс в период борьбы американских колоний за независимость.— В кн.: Американский ежегодник, 1975. М., 1975, с. 209—230.
[25] *Foner E.* Tom Paine's Republic, p. 207.
[26] Дж. Адамс — Б. Рашу, 1 мая 1807 г.— In: The Spur of Fame. Dialogues of John Adams and Benjamin Rush, 1805—1813 / Ed. by J. A. Schutz, D. Adair. San Marino, 1966, p. 82.
[27] *Foner E.* Tom Paine's Republic, p. 207.
[28] Цит. по: *Shaw P.* The Character of John Adams. Chapel Hill, 1976, p. 94.

бодительного движения, даже среди умеренного крыла. Это было не столько результатом воздействия выдвинутых Пейном аргументов в пользу независимости, сколько следствием того впечатления, которое пафлет «Здравый смысл» оказал на развитие массового движения, пережившего состояние взрыва. Памфлет Пейна сыграл роль своего рода катализатора, стремительно ускорившего уже начавшуюся реакцию. После его опубликования вопрос о независимости перешел из стадии осторожных разговоров в стадию открытых обсуждений и практического решения. К этому вело и дальнейшее развитие событий, способствовавших усилению движения за отделение от Англии.

Посланная королю конгрессом «Петиция оливковой ветви» была отвергнута. Британское правительство решило не отвечать на послание мятежных колоний.

В Англии по-прежнему считали, что проводимая ею политика правильна и не нуждается в серьезных переменах. Впоследствии Б. Франклин вспоминал, что незадолго до начала войны за независимость он оказался свидетелем разговора, в котором один британский генерал заявил, что быстро решил бы все американские проблемы, дай ему тысячу гренадеров. С ними он обещал пройти «из одного конца Америки в другой, кастрировав всех мужчин». «Совершенно очевидно,— писал Франклин,— что он принимал нас за разновидность животных, лишь немногим превосходящих диких зверей... На янки смотрели, как на мерзкое чудовище, и парламент считал, что петиции от подобного рода созданий не подобает принимать и читать в таком собрании мудрецов (как британский парламент.— *Авт.*)» [29].

После Банкер-Хилла английское правительство поняло, что ни одной, ни двумя, ни даже пятью тысячами гренадеров усмирить колонии не удастся. Было решено отправить в Америку 20-тысячный корпус. Но вербовка проходила медленно. К весне 1776 г. к отправке были готовы лишь 5—6 тыс. человек. Тогда начали переговоры о создании корпуса наемников в немецких княжествах. Кроме того, стало известно, что британское командование в самой Америке приступило к вербовке негритянских невольников и энергично подстрекало индейцев нападать на фермы и поселения «пограничников». Желая продемонстрировать свою готовность жестоко расправиться с повстанцами, британские войска совершили рейды в Фалмут (Мэн) и Норфолк (Виргиния), разгромили и сожгли их дотла. Колонии были объявлены в состоянии мятежа. Войска и военноморской флот получили приказ короля подавить восстание.

Все это вместе взятое привело к тому, что весной 1776 г. конгресс наконец приступил к осуществлению мероприятий, которые завершились провозглашением независимости. 10 мая была одобрена предложенная Дж. Адамсом резолюция, рекомендовавшая всем колониям образовать собственные органы власти, независимые от британской короны. Резолюция была дополнена 15 мая специальной преамбулой, гласившей, что всякая власть, исходившая от метрополии, «должна быть полностью ликвидирована» и новому правительству следует опираться только на «власть народа колоний». В то время как резолюция была принята единодушно, преамбула, обсуждавшаяся отдельно, собрала незначительное большинство. Из 11 колоний, принимавших участие в голосовании, 6 по-

---

[29] Цит. по: *Jensen M.* The Founding of a Nation, p. 647—648.

дали «за», 4 — «против», а делегация Мэриленда покинула зал заседаний, заявив, что не желает связывать себя какими-либо обязательствами [30].

2. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Принятие резолюции 10 мая и особенно преамбулы 15 мая явилось важным шагом на пути к провозглашению независимости. Джон Адамс не без оснований отметил, что, одобрив преамбулу, «конгресс принял самую важную резолюцию из всех, какие до того принимались в Америке». Он склонен был даже рассматривать принятые конгрессом решения (возможно, потому, что сам являлся их автором) как имеющие исключительно важное историческое значение и практически провозглашавшие независимость. Два дня спустя после голосования в конгрессе Джон Адамс писал жене, что Англия толкнула Америку на крайний шаг — «совершенное отделение от нее, полную абсолютную независимость» [31].

Вскоре, однако, и Дж. Адамс, и другие сторонники независимости вынуждены были убедиться, что вопрос еще далеко не решен. Три недели спустя, 7 июня 1776 г., делегат Виргинии Ричард Генри Ли внес на рассмотрение конгресса резолюцию, которая развивала ранее одобренные предложения Джона Адамса. Проект резолюции Р. Г. Ли состоял из трех пунктов: 1) «Что эти Соединенные колонии есть и по праву должны быть свободными и независимыми штатами; они освобождаются от всех обязательств в отношении британской короны и все политические связи между ними и государством Великобритания есть и должны быть полностью разорваны»; 2) «Что необходимо немедленно принять самые эффективные меры для заключения союзов с иностранными государствами» и 3) «Что необходимо подготовить и передать соответствующим колониям для рассмотрения и апробации план создания конфедерации» [32].

Однако постановили не ставить немедленно резолюцию Р. Г. Ли на голосование, а внесено было компромиссное предложение: отложить окончательное решение еще на три недели, до 1 июля, чтобы дать возможность делегатам конгресса получить необходимые инструкции. За это предложение 10 июня голосовали 7 делегаций, против — 5. Желая, однако, придать постановлению конгресса определенность, сторонники независимости добились того, что была создана специальная комиссия в составе Томаса Джефферсона, Бенджамина Франклина, Джона Адамса, Роджера Шермана и Роберта Ливингстона, которой к означенному сроку поручено было подготовить Декларацию независимости. Затем избрали комиссию по выработке «Статей конфедерации» во главе с Джоном Дикинсоном и третью комиссию — по обсуждению возможных соглашений с иностранными державами. Это был еще один очень важный шаг по пути к независимости. Джон Адамс справедливо отметил, что нужно было «последнее решающее усилие... После этого ничего не оставалось, кроме войны» [33].

---

[30] Journals of the Continental Congress, 1774—1789: Vol. 1—34 / Ed. by W. Ford e. a. Wash., 1904—1937, vol. 4, p. 352, 357.

[31] Дж. Адамс — А. Адамс, 17 мая 1776 г.— In: Letters of Members of the Continental Congress, vol. 1, p. 453.

[32] Journals of the Continental Congress, vol. 1, p. 425.

[33] Цит. по: *Jensen M.* The Founding of a Nation, p. 691.

Постановление конгресса 10 мая нашло живой отклик в колониях. Распространение «Здравого смысла» и известия о дебатах в Континентальном конгрессе по вопросу о провозглашении независимости резко радикализировали настроение масс. На различных митингах в графствах и городах принимались многочисленные резолюции в пользу независимости. С каждым днем события принимали все более стремительный оборот, и местным ассамблеям следовало торопиться с принятием решений. Самой первой еще в мае резолюцию о независимости одобрила Виргиния. «Принципы памфлета Пейна,— комментировал этот шаг видный виргинский политический деятель Э. Рэндолф,— с триумфом одобрены самой крупной, самой богатой и самой влиятельной колонией в Америке» [34].

Действительно, наряду с Массачусетсом Виргиния занимала особое место среди других колоний. Ей принадлежал веский голос во всех делах, касавшихся взаимоотношений с Англией. Если говорить в общенациональном американском масштабе, то многие политические деятели, ставшие лидерами освободительного движения, были виргинцами. По образному выражению Д. Малоне, биографа Т. Джефферсона, Виргиния имела две главные статьи экспорта — табак и политических деятелей. Поэтому решение местной виргинской ассамблеи, одобрявшее провозглашение независимости, имело большое влияние на развитие настроений в других колониях.

1 июля 1776 г. Континентальный конгресс в соответствии с ранее принятой резолюцией приступил к обсуждению вопроса о провозглашении независимости. Хотя для подготовки Декларации независимости создали целую комиссию, документ был подготовлен одним лицом — Томасом Джефферсоном. Как оратор он не пользовался известностью ни тогда, ни впоследствии. Но как мыслитель, радикально настроенный философ и политический деятель Джефферсон во многих отношениях не имел себе равных [35]. Для него разрыв с Англией означал нечто большее, чем независимость. «Он видел в политической независимости,— отмечал Д. Малоне,— не цель, а средство, и был гораздо более заинтересован в том, что должно последовать за формальным отделением, чем в самой по себе акции отделения» [36].

Декларация независимости была первым в истории официальным государственным документом, который провозглашал принцип народного суверенитета как основу государственного устройства. Исторически важным положением декларации было также то, что она признавала за народом право восстания, революции. «Когда долгий ряд злоупотреблений и попыток узурпации власти, преследующих неизменно одну и ту же цель, свидетельствуют о намерении подчинить народ неограниченному деспотизму, то его право и его долг свергнуть такое правительство» — эти слова декларации имели поистине революционное значение.

Следует подчеркнуть, что не только влияние идей античных авторов, английских философов и французских просветителей, как бы велико оно ни было, определило мировоззрение автора Декларации независимости. Взгляды Джефферсона, нашедшие выражение в декларации, в огромной степени учитывали опыт самих американских колоний, их собственные

[34] Ibid., p. 680—681.
[35] См.: *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* Томас Джефферсон. М., 1976.
[36] *Malone D.* Jefferson and His Time: Vol. 1—5. Boston, 1948—1974, vol. 1, p. 235.

A Declaration by the Representatives of the UNITED STATES OF AMERICA, in General Congress assembled.

When in the course of human events it becomes necessary for ~~a~~ one people to dissolve the political bands which have connected them with another, and to [~~advance from that subordination in which they have hitherto remained, & to~~] assume among the powers of the earth the ~~equal & independant~~ separate and equal station to which the laws of nature & of nature's god entitle them, a decent respect to the opinions of mankind requires that they should declare the causes which impel them to ~~the change~~ the separation.

We hold these truths to be ~~sacred & undeniable~~ self evident; that all men are created equal ~~& independant~~; that [~~from that equal creation they derive~~] they are endowed by their creator with ~~equal rights some of which are~~ certain ~~rights~~ [inherent &] inalienable rights; that among ~~which~~ these are ~~the preservation of~~ life ~~&~~ liberty, & the pursuit of happiness; that to secure these ~~ends~~ rights, governments are instituted among men, deriving their just powers from the consent of the governed; that whenever any form of government ~~shall~~ becomes destructive of these ends, it is the right of the people to alter or to abolish it, & to institute new government, laying it's foundation on such principles & organising it's powers in such form, as to them shall seem most likely to effect their safety & happiness. prudence indeed will dictate that governments long established should not be changed for light & transient causes: and accordingly all experience hath shewn that mankind are more disposed to suffer while evils are sufferable, than to right themselves by abolishing the forms to which they are accustomed. but when a long train of abuses & usurpations, [begun at a distinguished period, &] pursuing invariably the same object, evinces a design to ~~subject~~ reduce them ~~to arbitrary power~~ under absolute Despotism, it is their right, it is their duty, to throw off such government & to provide new guards for their future security. such has been the patient sufferance of these colonies; & such is now the necessity which constrains them to [expunge] alter their former systems of government. the history of ~~his~~ the present ~~majesty~~ king of Great Britain is a history of [unremitting] repeated injuries and usurpations, [among which, ~~appears no solitary fact~~ appears no solitary fact to contradict the uniform tenor of the rest, ~~all of which~~ but all have [have] in direct object the establishment of an absolute tyranny over these states. to prove this let facts be submitted to a candid world, [for the truth of which we pledge a faith yet unsullied by falsehood]

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Первая страница проекта Т. Джефферсона с поправками Дж. Адамса и Б. Франклина

демократические традиции, сложившиеся за полтора с лишним столетия со времени основания первых американских поселений. История и практика американской политической жизни, свидетелем и активным участником которой являлся Т. Джефферсон, оказали на него колоссальное влияние. «За фигурой Джефферсона, мыслителя с головой аристократа на плечах плебея,— писал Паррингтон,— стояла философия новой эпохи и молодого народа — эпохи и народа, которые еще не достигли зрелости, но уже нащупывали путь от первого опыта к прочным достижениям» [37].

Многие положения Декларации независимости не утратили своего значения по сей день. Они остаются актуальными, ибо все еще ожидают своего решения. Не случайно участники демократических движений XIX и XX вв. обосновывали свои политические требования невыполнением обещаний Декларации независимости. Это относится, в частности, и к аболиционистскому движению кануна гражданской войны, и к событиям недавнего прошлого — движению за «гражданские права» и к студенческим выступлениям, участники которых не раз ссылались на Декларацию независимости, требуя выполнения провозглашенных ею принципов. Значение этого документа было необычайно велико. Можно без преувеличения сказать, что для Америки это была веха, за которой начинался новый этап в истории страны. «Политическая теория декларации,— отмечал Г. Аптекер,— носит ярко выраженный демократический и революционный характер» [38].

Декларация независимости обвиняла английского короля в тирании, нарушении элементарных прав человека и заявляла, что отныне колонии считаются свободными и независимыми штатами — Соединенными Штатами Америки. В качестве таковых «они приобретают полное право объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать любые акты и действия, все то, на что имеет право всякое независимое государство» [39].

В соответствии с философскими воззрениями Джефферсона декларация провозглашала идею буржуазной демократии: равенство людей, их естественное право на жизнь и свободу. В том, что записано в декларации, Джефферсон пошел дальше мыслителей, идеалам которых он поклонялся. «...Все люди сотворены равными,— гласила Декларация независимости,— все они одарены своим создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, свободу и стремление к счастью» [40]. Джефферсон изменил формулу Локка «жизнь, свобода и собственность», поставив вместо «собственности» слова «стремление к счастью».

Некоторые американские историки пришли к выводу, что, применив формулу «стремление к счастью», Джефферсон не был оригинален, а повторял чужие слова [41]. Впрочем, подобного рода высказывания распространялись и на более широкий круг вопросов. Подвергался сомнению

---

[37] *Паррингтон В. Л.* Указ. соч., т. 1, с. 422.
[38] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783. М., 1962, с. 134.
[39] The Papers of Thomas Jefferson: Vol. 1—19 / Ed. by J. P. Boyd. Princeton, 1950—1974, vol. 1, p. 432.
[40] Ibid., p. 429.
[41] *Ganter H. L.* Jefferson's «Pursuit of Happiness» and Some Forgotten Men.— William and Mary Quarterly, 2nd Ser., 1936, vol. 16, p. 422—434.

даже тот факт, что Джефферсону принадлежит авторство Декларации независимости, заявляя, что ее текст был заимствован им из так называемой Мекленбергской декларации [42]. Все эти заявления, однако, не имеют сколько-нибудь серьезных оснований. Они, как правило, исходят от представителей консервативной историографии, негативно оценивающей деятельность Джефферсона и его философские взгляды. В действительности же не подлежит сомнению ни авторство Джефферсона, ни тот

ПРИНЯТИЕ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ

факт, что составленная им Декларация независимости, даже если она и повторяла какие-то формулы, высказывавшиеся ранее, придала им совершенно иное звучание.

В целом Декларация независимости носила ярко выраженный революционно-демократический характер. Что же касается формулы «стремление к счастью», то, как следует из последнего письма Джефферсона, она была вставлена им в декларацию совершенно сознательно. Как справедливо отмечал Г. Аптекер, «именно идея о праве человека на стрем-

---

[42] *Плешков В. Н.* Мекленбергская декларация независимости.— Вопр. истории, 1974, № 8, с. 208—212.

ление к счастью составляет святая святых революционной доктрины Декларации независимости»[43].

Принятию Декларации независимости предшествовало голосование по резолюции Р. Г. Ли, внесенной на рассмотрение конгресса 7 июня. После того как эта резолюция была принята, началось обсуждение Декларации независимости. Подготовленный Джефферсоном и одобренный его коллегами по комиссии проект Декларации независимости был принят 4 июля 1776 г. с некоторыми поправками. День принятия декларации стал национальным праздником американского народа, который традиционно отмечается вот уже более 200 лет.

Весть о принятии Декларации независимости была встречена населением колоний с энтузиазмом. 8 июля декларация была зачитана в Филадельфии. Ее чтение сопровождалось пушечным салютом, звоном колоколов и бурными овациями толп празднично настроенных жителей. На следующий день текст декларации был оглашен в войсках патриотов. В Бостоне чтением декларации сопровождались церковные проповеди, город был украшен, а вечером иллюминирован. В знак солидарности штатов производился салют 13 залпами.

Опубликование Декларации независимости встретило живой отклик не только в американских колониях, но и далеко за их пределами. Передовые люди, революционеры с восторгом читали текст декларации, горячо сочувствовали американским патриотам и говорили о необходимости распространения принципов Декларации независимости на весь мир. Декларация вдохновляла на борьбу с абсолютизмом и феодальными порядками, звала к восстанию, и в этом заключалось ее величайшее историческое значение.

«Первая декларация прав человека» — так охарактеризовал Декларацию независимости К. Маркс[44]. Принятая в момент наивысшего подъема революции Декларация независимости была порождена этим подъемом и отвечала чаяниям широких народных масс.

Провозглашенные декларацией принципы в полной мере отвечали интересам национальной буржуазии, выступавшей в союзе с плантаторами против старых колониальных порядков и господства тесно связанной с метрополией колониальной аристократии. Национальная буржуазия была заинтересована в революционных преобразованиях, для того чтобы смести со своего пути барьеры, мешавшие ее продвижению к власти. В этом отношении показателен и состав депутатов, подписавших 2 августа 1776 г. Декларацию независимости. Первым этот документ подписал президент конгресса, «король контрабандистов» Хэнкок. Три четверти подписавших нажили свои состояния на торговле и контрабанде. В целом из 56 подписей 13 принадлежали купцам, 8 — плантаторам, 28 — адвокатам, которые, в свою очередь, были купцами, плантаторами либо непосредственными представителями тех или других, и 7 — представителям различных свободных профессий. Вместе с тем следует отметить, что Дж. Джей, Дж. Дикинсон, Дж. Дьюэн и Р. Ливингстон отказались поставить свои подписи под Декларацией независимости. С другой стороны, ее подписали К. Бракстон и Э. Рэтледж, выступавшие против неза-

---

[43] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 136.
[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 17.

висимости, и Р. Моррис, считавший ее провозглашение преждевременным.

Декларация независимости по праву признана одним из величайших документов американской истории, свидетельствующих о ее героических делах и революционных традициях. Но наряду с этим нельзя не отметить, что декларация, не говоря уже о практическом претворении ее в жизнь, далеко не во всем оказалась последовательной. Декларация независимости оставляла в силе позорный институт рабства, что отражало тот исторический факт, что американская буржуазия выступала на данном этапе единым фронтом с плантаторами-рабовладельцами.

АБИГЕЙЛ АДАМС

Правда, Джефферсон в представленном им проекте декларации предлагал запретить и рабство, и торговлю рабами. Но по настоянию делегатов Юга, в частности Южной Каролины и Джорджии, угрожавших покинуть заседания конгресса и выйти из войны против Англии в случае, если останется этот пункт, последний был вычеркнут. Делегаты северных колоний уступили, сделав это не только из желания сохранить единство, но и потому, что буржуазия Севера, купцы и судовладельцы сами извлекали из торговли рабами крупные прибыли. Достигнутое соглашение закрепило на длительный период союз буржуазии с плантаторами-рабовладельцами, но, как показала последующая история США, союз этот имел преходящее значение, так как был чреват глубокими противоречиями.

Положения Декларации независимости не распространялись на коренных жителей Америки — индейцев, а также на женское население страны. Супруга Дж. Адамса, Абигейл, в 1776 г. с горечью писала мужу: «Провозглашая мир и добрую волю для мужчин, освобождая все нации, вы настаиваете на сохранении абсолютной власти над женами». Будучи сторонницей самого широкого просвещения женщин, она сожалела о том, что на ее родине они получают «жалкое, ограниченное, убогое образование» [45].

Итак, независимость была провозглашена, и власть в Америке перешла в руки блока национальной буржуазии и плантаторов, ставших во главе вновь образованного государства — Соединенных Штатов Америки. Однако дело Американской революции еще нужно было отстоять в ходе длительной и напряженной войны за независимость.

---

[45] Цит. по: *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 143. См. также: с. 132—133, 140—144.

3. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ВЛАСТИ

Наряду с деятельностью Континентального конгресса важным этапом на пути становления новой государственной власти было избрание местных ассамблей и конвентов взамен распущенных колониальной администрацией. В большинстве колоний произошло расширение контингента избирателей за счет предоставления права голоса тем, кто раньше его не имел, в результате снижения имущественного ценза. Хотя в ассамблеях по-прежнему преобладала имущая верхушка, значительное число мест получили представители внутренних районов, увеличилось число депутатов, принадлежавших к средним слоям [46].

Если раньше их деятельность регламентировалась губернатором и назначенным при нем советом, то теперь положение изменилось. Многое в это время, как мы уже видели, решалось по инициативе «Сынов свободы», Комитетов связи или безопасности, которые приобрели особое влияние к середине 70-х годов [47]. Этого влияния они не утратили и после провозглашения независимости. Деятельность ассамблей протекала в известной мере под контролем Комитетов связи и безопасности. Однако постепенно, по мере выработки местных конституций, ассамблеи стали действовать более самостоятельно. Одна из главных целей имущих групп заключалась в том, чтобы отделаться от контроля и опеки Комитетов связи, которые, по глубокому убеждению господствующих классов, лишь привносили элемент анархии, давая слишком много власти «толпе» [48].

В соответствии с принятыми в ближайшее время новыми конституциями каждый штат разработал свою систему управления, которая мало чем отличалась от прежней колониальной структуры. Но состав людей, заполнивших различные звенья новых органов управления, изменился. Почти во всех штатах главой исполнительной власти остались губернаторы. Прежние королевские ставленники были изгнаны, а их место заняли те, кто связал свою судьбу с освободительным движением и борьбой за независимость. Если раньше губернатора назначал король, а отчитываться за свои действия ему приходилось перед британским правительством, то теперь он стал подотчетен избравшим его законодательным ассамблеям либо, как это было в Нью-Йорке и Массачусетсе, губернатор избирался прямым голосованием. Во всех штатах, кроме Нью-Йорка, Делавэра и Южной Каролины, губернатор подлежал переизбранию каждый год.

Как отмечал Г. Вуд, сама по себе «идея» губернаторской власти многим представителям левого крыла вигов казалась «слишком монархической» [49]. Поэтому были приняты меры к ограничению власти губернаторов. В ряде штатов были введены ограничения на срок пребывания в должности губернатора.

В колониальные времена королевские губернаторы, как правило, были выходцами из знатных английских семей. После провозглашения независимости, чтобы стать губернатором аристократического происхождения не требовалось, но иметь крупное состояние было необходимо.

---

[46] *Main J. T.* The Sovereign States, 1775—1783. N. Y., 1973, p. 201.
[47] *Jensen M.* The Founding of a Nation, ch. XVIII.
[48] *Main J. T.* The Sovereign States, p. 193.
[49] *Wood G. S.* The Creation of the American Republic, 1776—1787. Chapell Hill, 1969, p. 137.

В некоторых штатах это требование было даже зафиксировано в конституциях (Южная Каролина, Мэриленд и Массачусетс), в других осуществлялось на практике. Из 55 человек, занимавших губернаторские посты в 13 штатах на протяжении 1776—1788 гг., около половины принадлежали к богатым и влиятельным семьям, владельцам земельных имений и крупных состояний. Наряду с землевладельцами это были главным образом богатые купцы и юристы. По словам Дж. Т. Мейна, они приобрели крупную собственность и выдвинулись до начала движения за независимость. Мейн небезосновательно полагал, что «большинство из них выдвинулись бы как политические руководители и без революции»[50].

Непосредственным окружением и опорой губернаторов были специально составленные при них исполнительные советы, унаследовавшие функции советов при губернаторах колониальных времен. В состав этих советов редко попадали случайные люди. Хотя в большинстве штатов члены советов избирались законодательными ассамблеями, в них, как правило, состояли лишь именитые и состоятельные люди. Правда, срок их пребывания в губернаторском совете был ограничен от 1 до 4 лет (в разных штатах по-разному). Но в период пребывания у власти члены совета были наделены важными функциями. Губернаторы и состоявший при них совет обладали достаточно широкими полномочиями, особенно в Массачусетсе, Нью-Йорке и Южной Каролине, где глава исполнительной власти был, согласно конституции, наделен правом вето, позволявшим отклонять решение законодательных ассамблей, если при повторном голосовании оно не собирало $^2/_3$ голосов. Как известно, это правило впоследствии вошло в федеральную конституцию и действует по сей день.

Условия военного времени требовали, чтобы губернатор, как руководитель местного правительства, был наделен реальной властью, которая позволяла бы ему быстро и оперативно принимать нужные решения. В его подчинении находились силы милиции штата. Конституциями некоторых штатов предусматривалось, что в перерыве между сессиями ассамблей губернатор имел право вводить эмбарго на торговлю сроком до одного месяца. Однако по сравнению с колониальными временами он гораздо больше зависел от законодательных ассамблей. Губернаторы «стали в большей степени ответственны перед народом, чем их предшественники в колониальный период,— отмечал Дж. Т. Мейн,— стали гораздо больше американцами по своему опыту, мировоззрению и карьере»[51].

В 10 колониях законодательные ассамблеи состояли из двух палат. В остальных ассамблея была однопалатной. Там, где имелся сенат (верхняя палата), он избирался из представителей высших слоев общества — наиболее состоятельных и именитых жителей штатов. В Нью-Джерси, Мэриленде и Южной Каролине это положение было закреплено конституцией. Таким образом, для избрания в сенат требовался высокий имущественный ценз. Представителям социальных низов и даже средних слоев доступ в верхнюю палату был затруднен.

По имеющимся подсчетам, каждый четвертый сенатор (в среднем по 10 штатам, где имелась верхняя палата) принадлежал к знатной семье, утвердившей свое положение и составившей богатство еще в колониальные времена. Это были купцы, юристы и крупные земельные соб-

---

[50] *Main J. T.* The Sovereign States, p. 190—191.
[51] Ibid., p. 195.

ственники, ставшие на сторону освободительного движения. В сенате Нью-Гэмпшира заседали три человека, связанные близким родством с бывшим королевским губернатором Уентвортом. Все они владели солидным состоянием. В Нью-Йорке крупнейшие землевладельцы Ф. Ливингстон и Ван Кортланд, два Скайлера, Джон Джей, Тен Брок и другие из состава местной элиты вошли в состав сената штата. В виргинском сенате каждый представлял высший класс и имел солидное состояние. В тех штатах, где отсутствовал имущественный ценз, в сенат иногда попадали и представители средних слоев. Но в целом верхние палаты оставались опорой консерватизма.

Особенно значительные перемены произошли в нижних палатах законодательных ассамблей.

Некоторые штаты сохранили высокий имущественный ценз и после принятия новых конституций, но большинство из них вынуждено было демократизировать свои порядки. В Нью-Гэмпшире, Пенсильвании и Северной Каролине право голоса было предоставлено всем взрослым мужчинам-налогоплательщикам. В Мэриленде, Нью-Йорке и Джорджии имущественный ценз был снижен. Изменен он был не только для избирателей, но и для тех, кто мог быть избран в состав ассамблеи. В пяти штатах депутатом законодательной ассамблеи мог быть избран любой избиратель. В Северной Каролине, чтобы стать депутатом нижней палаты, нужно было владеть 100 акрами земли. Для южного штата это был сравнительно небольшой надел. В Мэриленде, Нью-Джерси и Южной Каролине, чтобы быть избранным, нужно было обладать крупным состоянием, не менее 500 ф. ст.[52]

Важным признаком демократизации законодательных ассамблей было более пропорциональное представительство в них жителей различных районов штатов. В составе нижних палат законодательных ассамблей увеличилось число депутатов фермеров и ремесленников — людей среднего достатка. В процентном отношении западные «пограничные» области попрежнему были менее представлены, но абсолютное число депутатов «внутренней страны» в масштабах США увеличилось примерно в 6 раз[53]. Еще более показательны данные о социальном составе нижних палат законодательных ассамблей. Доля депутатов купцов, юристов и крупных земельных собственников, представителей высшего класса снизилась с 60 до 35%. В то же время фермеры и ремесленники, ранее располагавшие 20% делегатских мест, в годы революции удвоили свое представительство (до 40%)[54].

В разных штатах были приняты различные по своему характеру конституции. В одних — более демократичные, в других — менее. Это зависело от особенностей политической обстановки и соотношения классовых сил в различных штатах. Принятием конституций штатов была достигнута известная политическая стабилизация, заложена основа правопорядка, на который опиралась местная власть.

Что же касается центрального правительства, то была выработана общеамериканская конституция «Статьи конфедерации и вечного союза»,

---

[52] Ibid., p. 200—201.
[53] Ibid., p. 201—202.
[54] Ibid., p. 205; *Idem.* Government by the People. The American Revolution and the Democratization of the Legislatures.— William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1966, vol. 23, p. 397—405.

провозгласившая решимость штатов действовать совместно в целях утверждения независимости американской республики, отвергнувшей монархический строй. Это была буржуазно-демократическая конституция, в тексте которой нашли отражение требования масс о проведении прогрессивных общественных преобразований [55].

Впервые план «Статей конфедерации и вечного союза» был предложен Б. Франклином еще в июле 1775 г. Однако под влиянием депутатов консервативного крыла конгресса, выступавших тогда против провозглашения независимости, предложение Франклина было отвергнуто. Вторичная попытка поставить на обсуждение конгресса «Статьи конфедерации» была сделана полгода спустя, в январе 1776 г. Но и на этот раз безуспешно. Положение изменилось после провозглашения независимости, когда «Статьи конфедерации» наконец были выработаны, а вступили они в силу лишь с 1 марта 1781 г., после того как были ратифицированы штатами.

Согласно «Статьям конфедерации» верховным органом являлся конгресс. Он состоял из одной палаты, депутаты которой избирались ежегодно. Президента как главы исполнительной власти по этой конституции не было. Принятие «Статей конфедерации» имело положительное значение, знаменуя собой шаг по пути сплочения сил независимости. Однако центральная власть оставалась крайне слабой. Штаты сохраняли полный суверенитет по многим вопросам. Конгресс не имел права устанавливать пошлины и вводить налоги; его попытки в 1781 и 1782 гг. добиться расширения своих прав в этой области успехом не увенчались. Решение ряда вопросов, которые входили в компетенцию конгресса, было обусловлено необходимостью получить согласие 9 штатов из 13 [56].

По существу штаты оставались во многих отношениях полноправными, и решения конгресса носили для них часто лишь консультативный характер. В силу многих причин (переходный период от состояния колоний к положению независимого государства, условия военного времени и т. д.) «Статьи конфедерации» оказались «слабой» конституцией [57]. То, что было в них записано, не всегда удавалось претворить в жизнь. Во многих отношениях они были непоследовательны. Первая общеамериканская конституция явилась плодом компромисса, рассчитанного на поддержание определенного баланса между центральной и местными властями. Одна из главных ее слабостей заключалась в том, что центральная власть не получила эффективных рычагов для управления страной.

В условиях военного времени жизненно необходимой была мобилизация материальных и людских ресурсов для успешной борьбы с вражеской армией. Для центральной власти — конгресса, на долю которого выпало решение этой задачи, она оказалась необычайно сложной. Показательными для состояния и характера государственной власти США периода войны за независимость были средства и методы, которые использовал конгресс в экономической и финансовой политике.

---

[55] Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1976, с. 273.

[56] Documents of American History: Vol. 1, 2/Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 1, p. 111—116.

[57] Война за независимость и образование США, с. 273.

Новое государство испытывало острую нехватку в средствах, которые в числе прочего нужны были на содержание самого конгресса и других органов центральной власти, образованных при нем. Самые крупные расходы вызваны были необходимостью покупки оружия, военного снаряжения и продовольствия, а также уплаты жалованья солдатам и офицерам.

Чтобы получить необходимые средства, конгресс начал массовый выпуск бумажных денег. Была установлена новая денежная единица — американский доллар, стоимость которого приравняли к стоимости испанского доллара.

Первое решение о выпуске бумажных денег на сумму 2 млн. долл. было принято в июне 1775 г., более чем за год до провозглашения независимости. Их стоимость приравнивалась к звонкой монете, и конгресс заявлял, что гарантирует поддержание твердого курса новых денежных знаков. В следующем месяце конгресс вынужден был прибегнуть к эмиссии еще 1 млн. долл. Новые деньги получили название континентальных долларов, и до конца года общая сумма эмиссии достигла 6 млн. Впоследствии эта практика была продолжена. Ко времени провозглашения независимости уже было отпечатано 20 млн. долл. «Война быстро поглотила эти эмиссии,— писал американский исследователь Фергюсон,— вызывая потребность в новых выпусках...» [58]. В результате общая сумма выпущенных конгрессом бумажных денег составила 226,2 млн. долл.

Параллельно с этим выпуск бумажных денег производился штатами, общая сумма которых лишь немногим уступала эмиссиям конгресса [59]. Потребность в финансах была так велика, что новые деньги выпускались каждый месяц, а иногда и дважды в месяц. Континентальные доллары наводнили страну, вызвав огромных масштабов инфляцию. К 1778 г. цены на предметы первой необходимости выросли в 8 раз по сравнению с началом 70-х годов. Стоимость бумажных денег так резко упала, что к концу 1779 г. один континентальный доллар стоил в 40 раз меньше серебряного, а полгода спустя — уже в 75 раз [60].

Чтобы поднять значение бумажных денег, конгресс принял постановление о том, что они обязательно должны приниматься при любых платежах, включая уплату налогов в штатах. Центральное правительство надеялось изъять избыточные бумажные деньги, восстановив финансовый баланс в стране и ликвидировав инфляцию. За бумажные доллары можно было купить облигации выпускаемых конгрессом займов, по которым уплачивалось сначала 4%, а затем 6% годовых [61]. Займы эти достигли внушительных размеров и служили важнейшим источником финансирования правительственных нужд. Кроме того, конгресс прибегал к выпуску сертификатов, шедших в уплату жалованья офицерам и солдатам американской армии. Это были своего рода долговые обязательства, поступившие, впрочем, также на денежный рынок и осложнившие в конечном итоге и без того трудное финансовое положение страны.

---

[58] *Ferguson E. J.* The Power of the Purse. A History of American Public Finance, 1776—1790. Chapel Hill, 1961, p. 26.
[59] Ibid., p. 26, 30.
[60] *Main J. T.* The Sovereign States, 1775—1783. N. Y., 1973, p. 245.
[61] *Ferguson E. J.* Op. cit., p. 35.

Пытаясь облегчить финансовые трудности, конгресс обратился еще к одному источнику получения средств — займам за границей. В результате соглашений с Францией, Испанией и Нидерландами США получили в 1777—1780 гг. около 3 млн. долл. в твердой валюте, которые были использованы для закупок вооружения и амуниции, главным образом во Франции[62]. Однако и это не помогло. Опасность экономического краха нарастала, как снежный ком.

Члены конгресса отдавали себе отчет в возможных катастрофических последствиях. Поэтому в начале 80-х годов был поднят вопрос о необходимости пересмотра существующей системы путем перестройки финансирования. Раньше основным финансовым обязательством штатов перед центральным правительством был денежный взнос в результате сбора налогов. Теперь каждому штату вменялись в обязанность поставки натурой — продовольствием и снаряжением, а также уплата жалованья армейским частям, дислоцированным на территории соответствующих штатов. В случае выполнения этих условий большая часть причитавшихся денег списывалась и штат должен был внести лишь около трети причитавшейся суммы, шедшей на содержание центрального аппарата[63].

Вопрос о финансовой политике конгресса был одной из причин острых политических разногласий между левым и правым крылом освободительного движения. Широкие слои населения — фермеры и ремесленники традиционно являлись сторонниками «дешевых» денег. С другой стороны, они страдали от взвинчивания цен и спекуляций. Под давлением этих слоев конгресс пытался провести меры, фиксировавшие уровень цен и направленные против спекулянтов. Однако эти попытки успехом не увенчались. В конечном итоге финансово-экономическая политика конгресса оказалась на руку консервативным группам — купцам, плантаторам и крупным земельным собственникам, многие из которых нажили на войне крупные состояния.

В результате постоянной борьбы в конгрессе по вопросу о финансово-экономической политике, отражавшей противоречия между различными социальными группами, в стране создалась тупиковая ситуация. Непоследовательность действий конгресса и отсутствие твердого курса отрицательно сказывались на общем положении молодой американской республики, переживавшей серьезные трудности в войне с Англией. В этих условиях сторонникам сильной центральной власти удалось провести реформу финансового ведомства США, добившись назначения на пост его руководителя представителя крупного филадельфийского купечества Роберта Морриса, одного из лидеров консервативной группировки в конгрессе[64].

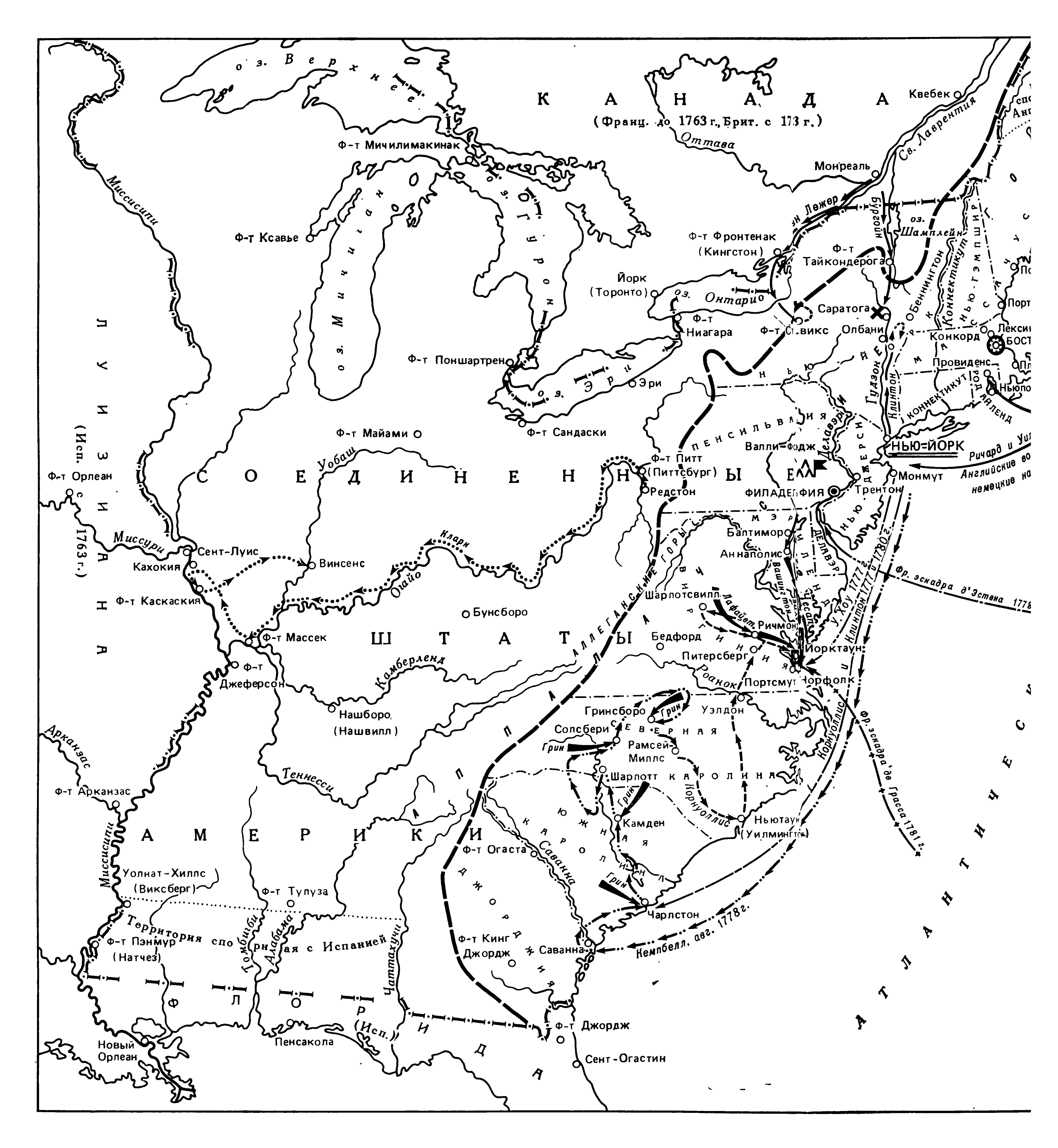
Предпринятая им реорганизация была основана на жесткой экономии, привела к увеличению поступлений от штатов, к снижению федеральных расходов, а также заключению новых займов за границей. Моррис стремился ликвидировать дефицит в бюджете и заслужил репутацию умелого финансиста, сумевшего вывести государственные финансы из состояния, казалось бы, совершенно безнадежного хаоса. Однако выход этот был найден за счет основной массы населения — фермеров, ремесленников и

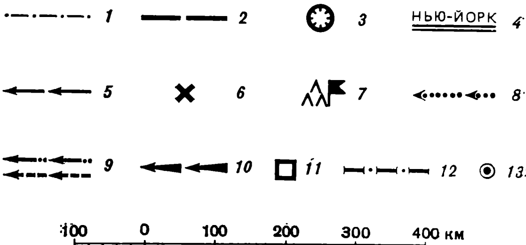
[62] Ibid., p. 40—42.

[63] *Крючкова О. В.* Финансовая деятельность Континентального конгресса (1775—1783 гг.).— В кн.: Американский ежегодник, 1975. М., 1975, с. 56—57.

[64] Там же, с. 61—63.

оз. Верхнее
КАНАДА
(Франц. до 1763 г., Брит. с 1763 г.)
Оттава
Квебек
Св. Лаврентия
Монреаль
Ф-т Мичилимакинак
оз. Мичиган
оз. Гурон
Ф-т Ксавье
Ф-т Фронтенак (Кингстон)
Ф-т Тайкондерога
оз. Шамплейн
Бургойн
Йорк (Торонто)
оз. Онтарио
Саратога
Беннингтон
Ф-т Ниагара
Ф-т Ст. викс
Олбани
Конкорд
Провиденс
Ф-т Поншартрен
оз. Эри
Эри
Гудзон
Клинтон
Коннектикут
Ф-т Сандаски
Ф-т Майами
Пенсильвания
Валли-Фордж
Делавэр
НЬЮ-ЙОРК
Ф-т Питт (Питтсбург)
Редстон
ФИЛАДЕЛЬФИЯ
Трентон
Монмут
Английские войска
немецкие наемники
СОЕДИНЕННЫЕ
Уобаш
Ф-т Орлеан
Миссури
Сент-Луис
Кахокия
Винсенс
Кларк
Огайо
Ф-т Каскаския
Балтимор
Аннаполис
Мэриленд
Фр. эскадра д'Эстена 1778
Шарлотсвилл
Лафайет
Ричмонд
Вирджиния
Бунсборо
ШТАТЫ
Ф-т Массек
Бедфорд
Питерсберг
Йорктаун
У. Хоу 1777 г.
Клинтон 1777 и 1780 г.
Ф-т Джеферсон
Камберленд
Роанок
Портсмут
Норфолк
Аллеганские горы
Нашборо (Нашвилл)
Гринсборо
Грин
Уэлдон
Солсбери
Северная
Рамсей-Миллс
Шарлотт
Каролина
Корнуоллис
Теннесси
Аппалачи
Ф-т Арканзас
Арканзас
Миссисипи
Луизиана (Исп. с 1763 г.)
АМЕРИКИ
Камден
Ньютаун (Уилмингтон)
Южная Каролина
Ф-т Огаста
Саванна
Уолнат-Хиллс (Викcберг)
Ф-т Тулуза
Чарлстон
Фр. эскадра де Грасса 1781 г.
Территория спорная с Испанией
Ф-т Пэнмур (Натчез)
Томбигби
Алабама
Чаттахучи
Ф-т Кинг Джордж
Джорджия
Саванна
Кемпбелл, авг. 1778 г.
Флорида (Исп.)
Ф-т Джордж
Новый Орлеан
Пенсакола
Сент-Огастин
АТЛАНТИЧЕСКИЙ

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ АНГЛИИ И ОБРАЗОВАНИЕ США (1775—1783 ГГ.)

1 — границы тринадцати английских колоний;
2 — граница, к западу от которой в 1763 г. было запрещено расселение колонистов;
3 — осада Бостона американской армией с весны 1775 по март 1776 г.;
4 — порт и город, захваченные англичанами в конце августа 1776 г. и остававшиеся под их властью до конца войны;
5 — движение британских войск осенью 1776 г.;
6 — победа американской армии у Саратоги 17.X. 1777 г.;
7 — лагерь Вашингтона в Валли-Фордж зимой 1777/78 г.;
8 — действия американцев на западе в 1777—1778 гг.;
9 — действия англичан на Юге в 1778—1781 гг.
10 — действия американских войск в 1781 г.;
11 — капитуляция британских войск осенью 1781 г.;
12 — граница США, установленная по мирному договору с Англией 1783 г.;
13 — столица США

иных представителей мелкой буржуазии, на плечи которых легла главная тяжесть по уплате налогов и погашения части государственного долга. Выигрывали от реформы имущие классы[65].

Трудность осуществления курса, задуманного Р. Моррисом, заключалась в том, что общественное мнение в лице массы малоимущего населения с подозрением относилось к его деятельности. Не имея под собой прочной конституционной опоры, действия центральной власти постоянно приходили в столкновение с политикой штатов.

Слабость центральной власти пагубно сказывалась не только на состоянии финансов и экономики. Она мешала эффективной организации отпора врагу, мобилизации масс на борьбу с Англией. Одним из коренных недостатков правопорядка в условиях действия «Статей конфедерации» было отсутствие каких-либо существенных перемен в положении трудящихся масс. Бесправным оставалось положение индейцев и негров, чем не замедлили воспользоваться противники американской независимости. Играя на том, что правительство Великобритании запрещало переселяться за Аллеганы, англичане убеждали индейцев, якобы только они заботятся об интересах последних, а Соединенные Штаты заинтересованы в захвате их земель и не остановятся перед их физическим уничтожением. Эта агитация возымела действие. Англия сумела склонить большинство индейских племен выступить на ее стороне.

Аналогичную политику Великобритания пыталась проводить и в отношении черных. В самом начале войны британское командование объявило, что негры, которые будут сражаться на стороне Англии, получат свободу. Еще 7 ноября 1775 г. губернатор Виргинии лорд Данмор издал прокламацию, в которой обещал освободить рабов, если они выступят на стороне Англии против своих хозяев. Обещание свободы вызвало приток негров в английские войска. Как отмечал Фостер, во время войны «дух сопротивления рабов проявлялся в массовых побегах на сторону англичан»[66].

Под влиянием мер, принятых английским командованием, и последовавшего затем притока негров в английские войска, а главное, в связи с необходимостью пополнения армии США конгресс и американское командование вынуждены были пересмотреть свое отрицательное отношение к участию негров в континентальной армии и объявить о наборе их в солдаты. Правда, и до решения конгресса негры принимали участие в борьбе за независимость. Многие из них с самого начала добровольно взялись за оружие и примкнули к борцам за независимость. Негры приняли участие в самых первых сражениях с английскими войсками у Конкорда, Лексингтона и Банкер-Хилла и входили в состав многих партизанских отрядов. С исключительным героизмом дрались и сформированные в ходе войны регулярные негритянские полки[67]. Негры обращались к конгрессу с петициями об освобождении, в которых отмечали, что рабство несовместимо с Декларацией независимости.

Наиболее прогрессивные круги американской буржуазии еще задолго до войны за независимость выступали против системы рабства. Активным сторонником отмены рабства был Б. Франклин, явившийся участни-

[65] Там же, с. 64—65.
[66] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 63.
[67] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США..., т. 1, с. 57; *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 276—283.

ком первого организованного в 1775 г. в Филадельфии общества по борьбе с рабством[68]. Аналогичные общества получили широкое распространение после войны за независимость. Выступая с позиций буржуазного демократа, Франклин доказывал, что рабство мешает развитию производства. Однако единомышленники Франклина составляли меньшинство, и война не принесла негритянскому населению свободы, за которую оно сражалось. Хотя часть ветеранов войны и была впоследствии выкуплена правительством у бывших хозяев, институт рабства, как мы увидим, остался в неприкосновенности, и даже многие негры — участники войны после ее окончания были возвращены в положение рабов.

Негритянский вопрос является одним из наиболее показательных примеров того, как из нежелания встать на путь решительной демократизации конгресс, т. е. правительство буржуазии и плантаторов, сам препятствовал росту боеспособности американской армии.

Война за независимость была не только войной против Англии, но и в равной степени гражданской войной против внутренних врагов, которые в той или иной мере были связаны с британской короной и олицетворяли собой контрреволюцию. Когда патриоты мобилизовали силы на войну с Англией, тори, или лоялисты, как стали называть тех, кто остался лояльным в отношении Англии, оказались в противоположном лагере. Они саботировали решения революционных властей, развертывали террористическую деятельность против сторонников независимости, организовывали вооруженные соединения, выступившие на стороне Англии.

Многие исследователи подчеркивали, что социальный состав лагеря лоялистов был неоднородным. С этим выводом трудно спорить. Важно, однако, хотя бы в общих чертах определить, из каких социальных групп состояли силы противников революции. Можно согласиться в принципе с Дж. Мейном, что значительная часть населения бывших колоний стремилась оставаться в стороне от борьбы за независимость, а большинство лоялистов были очень богатыми людьми, главным образом из числа «городской элиты»[69]. В городах проживали и менее состоятельные лоялисты. Это главным образом эмигранты из Англии, «которые были связаны с ведущими лоялистами», принадлежавшими к классу крупных собственников, таких, как филадельфийское купечество или крупные земельные собственники, например семейство Де Ланси в Нью-Йорке, сторонники Уентворта в Нью-Гэмпшире, окружение губернатора Белла в Южной Каролине и т. д. В лагере лоялистов оказались также мелкие и средние собственники из сельскохозяйственных районов.

Наиболее точно определил суть положения Г. Аптекер, который также подчеркивал, что в основном тори-лоялисты «рекрутировались из числа более богатых элементов колониального общества... Это не значит,— писал он,— что не было бедняков, остававшихся — с большим или меньшим рвением — верными короне; в отношении ничтожного процента это справедливо. Не значит это и то, что представители богатой верхушки колониального общества были лоялистами — о большинстве этого не скажешь. Но это значит, что в большинстве своем тори принадлежали к числу состоятельных элементов или их непосредственных слуг»[70].

[68] *Jordan W. D.* White over Black: American Attitudes Toward the Negro, 1550—1812. Chapell Hill, 1968, p. 343—344.
[69] *Main J. T.* The Sovereign States, p. 269—270.
[70] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 160.

В ответ на саботаж и враждебные действия лоялистов патриоты начали беспощадную борьбу со сторонниками Англии и всеми, кого подозревали в симпатиях по отношению к метрополии. Еще до провозглашения независимости, в марте 1776 г., конгресс принял решение о разоружении лоялистов[71]. Сторонников метрополии лишили также гражданских и некоторых общественных прав. Конвенты и законодательные ассамблеи штатов приняли законы, лишавшие лоялистов права голоса, запрещавшие им занимать государственные должности, исполнять обязанности священников, адвокатов, врачей и учителей, а также налагавшие ряд других ограничений. Тех, кто отказывался принести присягу на верность новой власти, обвиняли в измене и подвергали преследованиям.

До сих пор широко обсуждается вопрос о том, сколько людей подверглись репрессиям в результате законов и мер, принятых против лоялистов. Американский историк У. Браун проанализировал состав и мотивы поведения лоялистов, эмигрировавших или высланных из США, а затем обратившихся к британскому парламенту за содействием в получении компенсации за принадлежавшую им собственность, конфискованную во время революции. Браун находил, что наиболее достоверные данные о числе лоялистов, эмигрировавших из США, это 100 тыс. человек. Цифра 100 тыс. была приведена в свое время Ф. Бондом, пенсильванским тори и британским консулом[72]. Браун считал неверной и заниженной оценку американского историка Р. Палмера, ограничившего число лоялистов-эмигрантов 60 тыс.[73] Согласно У. Брауну, от 30 до 50 тыс. лоялистов в разное время с 1775 до 1783 г. сражались на стороне англичан. Например, в 1780 г. военные соединения лоялистов насчитывали 8 тыс. человек, в то время как регулярная армия Вашингтона — лишь 9 тыс.

Другой американский исследователь, П. Смит, в опубликованной позднее специальной статье отмечал относительную достоверность данных, которыми располагают исследователи лоялизма. Он считал недостаточными имеющиеся цифры, чтобы точно судить о числе лоялистов в Америке. Однако, по его мнению, их общая доля не превышала 16% населения, а в воинских соединениях, сражавшихся с американской армией, служили лишь 19—20 тыс. человек. Последнюю цифру Смит считает более или менее точной[74].

Существовали целые армейские части, целиком сформированные из лоялистов. Такие соединения действовали в Нью-Йорке, Виргинии, Коннектикуте, Северной Каролине и других штатах. Лоялистские отряды сражались с особым ожесточением. Это вполне понятно, если учесть, что для приехавших из-за океана английских солдат война была совершенно ненужной, в то время как для лоялистов это была борьба за существование. У. Браун отмечал, что по своим боевым качествам отряды лоялистов не уступали патриотам[75].

Кроме регулярных частей, составленных из сторонников короны, на всем протяжении войны за независимость в тылу патриотических сил

---

[71] Journals of the Continental Congress, vol. 4, p. 205.

[72] *Brown W.* The King's Friends. The Composition and Motives of the American Loyalist Claimants. Providence, 1965, p. 249.

[73] *Palmer R. R.* The Age of the Democratic Revolution. Princeton, 1959, p. 188.

[74] *Smith P. H.* The American Loyalists: Notes on their Organization and Numerical Strength.— William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1968, vol. 25, p. 268—269.

[75] *Brown W.* The Good Americans: The Loyalists in the American Revolution. N. Y., 1969, p. 98.

действовали контрреволюционные банды, отличавшиеся особой жестокостью. Наибольшее распространение действия лоялистских банд получили на юге. Главарь одной из таких банд в Южной Каролине Уильям Канингхэм, прославившийся свирепыми расправами с жителями «внутренней страны», был известен под кличкой «кровавый Билл». Вожак аналогичной банды в Джорджии Т. Браун заслужил прозвище «кровожадного». В Северной Каролине сторонники патриотов были терроризированы действиями банды Дж. Фаннинга [76].

Главными силами преследования лоялистов на местах были Комитеты безопасности. Они отдавали приказы об аресте контрреволюционных элементов и их наказании, составляли «черные списки», куда заносились все, кого подозревали в сотрудничестве с Англией.

Сравнивая преследования лоялистов в Америке с тем, что имело место в период буржуазной революции во Франции, нельзя не видеть, что они носили умеренный характер. Г. Аптекер верно подчеркивал, что Американская революция «была отмечена жестокостью», но что «черта эта была несколько приглушена» [77]. Кроме того, следует иметь в виду, что в разных районах и разных штатах борьба с контрреволюцией протекала по-разному. В Нью-Йорке и Южной Каролине вследствие предшествовавших войне за независимость социальных конфликтов она приобрела наиболее острую форму. В Массачусетсе, Нью-Джерси и Пенсильвании также проходила достаточно остро, в других колониях — более спокойно. «Самыми легкими» были, по словам У. Брауна, меры против лоялистов в Нью-Гэмпшире, Делавэре, Мэриленде и Джорджии [78].

В девяти штатах были приняты законы об изгнании активных сторонников короны. Их имущество, как правило, подлежало конфискации.

В Массачусетсе на городских митингах каждый мог назвать лицо, которое подозревал в пособничестве врагу. Если большинство собравшихся считали, что обвиняемый действительно предал дело революции, его немедленно отдавали под суд и, как правило, высылали затем в Англию. Массовой высылке подверглись сторонники короны и в других штатах. Нередко в случае самовольного возвращения из ссылки лоялисту грозила смертная казнь. Один из сторонников короны в Нью-Йорке отмечал, что патриоты «стали практиковать казнь через повешение по малейшему поводу» [79].

Это заявление, однако, звучит явным преувеличением, хотя Комитеты безопасности и иные органы революционной власти на местах вынуждены были прибегать к высшей мере наказания за шпионаж, предательство, помощь врагу и участие в военных действиях на стороне англичан [80].

Во всех штатах в качестве меры наказания использовались аресты и заключение под стражу. В некоторых случаях это был просто домашний арест и запрещение выезжать за пределы места жительства. Иногда арестованные работали в обычных условиях вместе с теми, кто находился на свободе, и только ночь проводили в стенах тюрьмы. Как правило, для заключения в тюрьму и лишения свободы сторонников короны достаточно было распоряжения Комитета безопасности или иного органа

---

[76] Ibid., p. 100.
[77] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 165.
[78] *Brown W.* The Good Americans, p. 129.
[79] Ibid., p. 138.
[80] Ibid., p. 129.

революционной власти. Заключенным было отказано в суде присяжных, а срок пребывания в тюрьме длился до окончания конфликта [81].

Борьба с контрреволюцией была одной из важнейших функций новой государственной власти. Комитеты безопасности совместно с вновь созданными органами власти на местах практически выполняли функцию диктатуры. Повсюду они предшествовали созданию новых правительств штатов и во многих штатах продолжали функционировать после создания правительства. Свою повседневную деятельность по борьбе с контрреволюцией, а также входившие в их функции сбор налогов для военных целей, снабжение оружием и обмундированием войсковых частей, поощрение местной промышленности и т. п. Комитеты безопасности каждого штата осуществляли через широкую сеть своих организаций на местах.

Как органы революционной власти народа Комитеты безопасности сыграли исключительно важную роль в борьбе с контрреволюционными силами. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо без деятельности Комитетов безопасности не может быть понят характер и структура государственной власти в США, действовавшей в период войны за независимость [82].

4. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ 1776—1781 ГГ.

Какой бы важной, однако, ни была деятельность Комитетов безопасности, решающее значение для исхода войны за независимость имели действия вооруженных сил молодой американской армии во главе с Дж. Вашингтоном, которая вела трудную борьбу против регулярных британских войск.

К весне 1776 г. британская армия в Америке была значительно пополнена за счет вновь прибывших контингентов, главным образом наемников из германских княжеств. У американского побережья курсировали военно-морские суда, составлявшие половину британского флота. Что же касается американских сил, то под началом Вашингтона к этому времени уже находилась армия, составленная в значительной мере из только что набранных солдат и офицеров.

На всем протяжении войны за независимость вопрос о пополнении рядов континентальной армии был одним из самых сложных, так как, несмотря на единый фронт борьбы против Англии, американские колонии, как уже отмечалось, оставались в достаточной мере разъединенными и самостоятельными. Формирование вооруженных сил протекало с большими трудностями. Американцам прежде всего не хватало опыта. Из 19 генералов, назначенных конгрессом в июле 1775 г., только трое имели профессиональную подготовку [83]. К тому же они постоянно между собой ссорились, руководствуясь нередко не столько общими интересами борьбы с Англией, сколько престижными соображениями местного характера. «Они ссорятся, как кошки с собаками»,— писал Джон Адамс [84].

---

[81] Ibid., p. 143.

[82] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 164—165.

[83] *Higginbotham D.* The War of American Independence: Military Attitudes, Policies and Practice, 1763—1789. N. Y., 1971, p. 91.

[84] *Higginbotham D.* Military Leadership in the American Revolution.— In: Leadership in the American Revolution. Wash., 1974, p. 101.

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН —
главнокомандующий

Понимание общенациональных задач, формирование национальных взглядов находились еще в зачаточном состоянии. Поэтому, объективно оценивая обстановку, Вашингтон колебался, как поступить: создавать ли одну или тринадцать армий, т. е. единую или в каждой колонии (штате) отдельную. В конечном итоге он пришел к твердому убеждению в необходимости создания единой континентальной армии и обратился к конгрессу принять соответствующие решения. Срок службы в армии составлял от года до полутора лет. Что же касается милиции, то там порядки были более неопределенными. В интересах укрепления боеспособности вооруженных сил Вашингтон просил, чтобы конгресс установил

для милиции срок службы в один год. Сам главнокомандующий принимал меры для укрепления дисциплины в войсках и поднятия их боевого духа[85].

Конгресс, приняв решение о создании армии, назначении главнокомандующего и ассигновании средств на содержание вооруженных сил, проявлял нетерпение в ожидании военных действий. Под давлением конгресса Вашингтон отдал приказ выступить, захватив в ночь на 4 марта 1776 г. занимающие господствующее положение над Бостоном Дорчестерские высоты. Британские войска атаковали американские позиции и попытались выбить повстанческие отряды, но эта операция успеха им не принесла. Опасаясь, что Вашингтон станет развивать наступление в невыгодных для англичан условиях, британское командование спешно эвакуировало Бостон.

Учитывая роль, которую играл этот город как центр антибританских выступлений на всем протяжении освободительной борьбы, победа американцев имела большое значение, не только военное, но и политическое. Это был действительно успех, и известие о нем было встречено как большой праздник. Конгресс постановил отчеканить в честь Вашингтона золотую медаль и послать ему в качестве награды[86].

Хотя успех действительно был важным, военное положение США было весьма непрочным. Буквально в ближайшие месяцы американской армии пришлось пережить неудачи, в результате которых молодая республика оказалась в очень трудном положении. После провозглашения независимости Вашингтон обратился с речью к солдатам и офицерам. Зачитав текст Декларации независимости, он подчеркнул, что страна переживает серьезный момент и что грозный противник — это препятствие на пути к ее благополучию. «Каждый офицер и каждый солдат,— заявил он,— должен понять, что мир и безопасность нашей страны полностью зависят от успеха нашего оружия»[87].

Во время войны за независимость численность британской армии резко возросла. В 1775 г., накануне начала военных действий в Америке, общая численность британских сил составила 48 тыс. человек, из которых лишь 8 тыс. находились за океаном. К 1781 г. вооруженные силы Англии увеличились более чем вдвое, составив 110 тыс., из которых половина — 56 тыс.— была расквартирована в Америке. И численно, и вооружением английские войска превосходили армию Вашингтона[88].

Континентальная армия сильно страдала от текучести состава. Отслужив положенный срок, солдаты покидали ее ряды, а порой дезертировали и до истечения срока, в особенности если армия перемещалась за пределы территории штата, в котором они проживали. Прежде всего это касалось фермеров, для которых время сева или уборки урожая было подчас важней военных операций. Именно ввиду сильной текучести американской армии исследователи считали, что под началом Вашингтона в общей сложности служили от 100 до 396 тыс. человек[89]. Последняя

[85] *Higginbotham D.* The War of American Independence, p. 81, 392.
[86] *Freeman D. S.* George Washington. A Biography: Vol. 1—7. N. Y., 1948—1957, vol. 4, ch. II.
[87] *Higginbotham D.* The War of American Independence, p. 119.
[88] *Curtis E. E.* The Organization of the British Army in the American Revolution. New Haven, 1926, p. 51.
[89] *Higginbotham D.* The War of American Independence, p. 391—392.

цифра представляется маловероятной. Но даже если это и было так, то одновременно в армии Вашингтона под ружьем находилось немногим более 20 тыс.[90] Правда, помимо континентальной армии, в каждом штате в соответствии с постановлением конгресса были созданы свои вооруженные силы, состоявшие из милицейских отрядов.

По настоянию Вашингтона конгресс ввел обязательную систему набора войск, согласно которой каждому штату дана была квота на поставку солдат в континентальную армию. Но правила набора были весьма либеральными. Призыв в армию не был обязательным: можно было выставить замену либо отделаться штрафом. Этим довольно широко пользовались, в особенности на Юге, где вместо членов семей плантаторов на военную службу отправляли негров.

Британские войска были лучше организованы, чем и надеялись воспользоваться, чтобы нанести Вашингтону решающий удар. Был разработан план совместных сухопутных военных операций и военно-морских сил. Британское командование поставило целью захватить Нью-Йорк, который был идеальной гаванью, а затем развернуть наступление в долине р. Гудзон. Захватив этот район, англичане отрезали бы американский юг от Новой Англии. А далее предполагалось отправить корпус из Канады, чтобы оккупировать Новую Англию, считавшуюся оплотом мятежа, и соединиться с войсками, которым предстояло занять долину р. Гудзон[91].

Превосходство англичан было неоспоримым. Но американская армия проявляла чудеса героизма. Ни крупные контингенты прибывавших британских солдат, ни грозные морские фрегаты, курсировавшие у побережья, не сломили решимости американцев сопротивляться. Американская армия, по словам С. Адамса, сохраняла «высокий боевой дух»[92].

В конце 1776 г. Вашингтон получил подкрепление. К нему присоединились части регулярной армии под командованием генералов Салливана и Гейтса. С особым нетерпением он ожидал подхода свежих милицейских частей. После того как прибыла пенсильванская милиция, Вашингтон решил выступить и попытаться перехватить инициативу у неприятеля[93].

Военные историки отмечали, что американское командование не имело разработанного плана ведения войны с Англией. Однако в создавшихся условиях иметь такой план было просто невозможно. Поэтому Вашингтону и другим американским военачальникам приходилось принимать решения от случая к случаю. Наблюдая за действиями английских войск, они использовали тактику активного сопротивления, изыскивали слабые места противника и контратаковали его.

К концу 1776 г. британские войска добились немалых успехов, и рождественские праздники англичане отмечали в предвкушении скорой и окончательной победы. Однако именно в этот момент Вашингтон преподнес британскому командованию сюрприз. В ночь под рождество, когда ничего не подозревавший неприятель праздновал и веселился, 2,5 тыс. американских солдат переправились через р. Делавэр и нанесли сильный

---

[90] *Curtis E. E.* Op. cit., p. 51.

[91] *Mackesy P.* British Strategy in the War of American Independence.— The Yale Review, 1963, Summer, p. 549.

[92] С. Адамс — Дж. Уоррену, 15 июля 1776 г.— In: The Writings of Samuel Adams: Vol. 1—4 / Ed. by H. A. Cushing. N. Y.; L., 1904—1908, vol. 3, p. 297.

[93] *Freeman D. S.* Op. cit., vol. 4, p. 297.

удар по численно превосходившим силам англичан и немецких наемников у Трентона.

В тот же день американская армия вернулась на исходные позиции, желая обезопасить себя от ответных действий неприятеля. Но опасения эти оказались напрасными, так как нападение Вашингтона вызвало панику среди англичан, и их командование отдало приказ отступать к Принстону. Тогда американская армия снова форсировала Делавэр и заняла Трентон. К этому времени известие об английском поражении достигло Нью-Йорка, и верховное командование распорядилось о посылке подкрепления против Вашингтона.

Направленные из Нью-Йорка английские войска остановились у Трентона и стали ждать подхода остальных сил, чтобы вступить в бой с американцами. Но Вашингтон уклонился от генерального сражения, захватив инициативу в свои руки и на этот раз. Ночью, сохранив лагерные огни и поддерживая у неприятеля различными шумами полную иллюзию продолжения оборонительных работ, американская армия совершила стремительный бросок к Принстону и рано утром 3 января 1777 г. атаковала английские позиции. Вашингтон непосредственно руководил сражением, появляясь в наиболее трудных местах боя и личным примером воодушевляя солдат. Американским войскам пришлось выдержать упорное сопротивление, но оно было сломлено, и противник обратился в бегство. После этого американские войска отошли на зимние квартиры в Морристауне (Нью-Джерси), где они были практически недосягаемы для англичан [94].

Наряду с победами на сухопутном театре военных действий американцам удалось добиться значительных успехов на море, серьезно осложнив проблему снабжения английских вооруженных сил. Главная заслуга в этом принадлежала созданному по решению конгресса флоту каперских судов [95]. К началу 1777 г. под американским флагом плавало уже несколько сот каперов, и только за первые полтора года войны каперы захватили более 700 английских судов, стоимость которых составляла около 2,5 млн. ф. ст. Английские агенты в Америке бомбардировали Лондон сообщениями о захвате английских судов и настаивали на необходимости надлежащей защиты. По сообщению с Ямайки, только за неделю англичане потеряли 14 судов, а из 60 судов, отправленных из Ирландии в Гренаду, дошло до места назначения лишь 25.

Каперские экспедиции совершались на частнопредпринимательской основе, и участие в них, естественно, сопряжено было во всех отношениях с большим риском. Однако экспедиции эти давали необходимое вооружение и амуницию для армии, а также в равной степени и возможность их организаторам получать колоссальные деньги. В 1778 г. один из коннектикутских купцов нажил на каперстве 9600% прибыли. Распространялись призывы к мужскому населению принять участие в каперстве с обещанием, что это позволит тем в короткий срок завладеть крупным состоянием. В одном из таких призывов, опубликованном в 1776 г. в «Бостон газетт» в связи с вербовкой моряков на каперское судно «Дин», говорилось: «Все Веселые Ребята, которые любят свою страну и хотят

[94] *Coakley R. W., Conn S.* Op. cit., p. 51; *Freeman D. S.* Op. cit., vol. 4, p. 358.

[95] О создании военно-морских сил США см.: *Грибникова И. Н.* Первые шаги по созданию американцами регулярного флота в годы войны за независимость.— В кн.: Американский ежегодник, 1975. М., 1975, с. 124—141.

одним махом составить себе состояние, должны отправиться на свидание к главе верфи его превосходительству губернатору Хэнкоку, где они будут встречены сердечными приветствиями собравшихся там Бравых Парней. Их угостят превосходным эликсиром под названим грог, который считается всеми истинными моряками „эликсиром жизни“»[96].

В состав каперского флота завербовалось всего около 100 тыс. человек, а общее число каперов доходило до 1,5—2 тыс. Среди каперских судов были такие, чья команда состояла из 150—200 человек, а вооружение — из 15—20 пушек, но были и совсем небольшие — с одной-двумя пушками. Многие каперы совершали смелые экспедиции в Европу, нападая на английские суда у самых берегов Англии, а захваченные грузы распродавали в близлежащих европейских портах. В результате экспедиций «дюнкеркского пирата» капитана Канингхэма и капитана Уикса, рейдов Дж. П. Джонса, отличавшихся особой дерзостью действий в английских территориальных водах, англичане потеряли не один десяток судов. Действия каперов на море были существенным вкладом в дело борьбы против Англии.

Победы, одержанные на сухопутном театре военных действий у Трентона и Принстона, подняли боевой дух американских войск, укрепив их веру в конечную победу. «Мы не получаем никаких сведений из расположения американских войск,— писал в это время Дж. Адамс,— но генерал (Вашингтон.— *Авт.*) и армия находятся в боевом настроении и почувствовали свою силу»[97]. Успехи Вашингтона не были случайными. Хотя американская армия, как неоднократно отмечалось, численностью и вооружением значительно уступала англичанам, она обладала по сравнению с ними рядом преимуществ.

Решающим из них было то, что американцы сражались на своей земле против иноземных поработителей и были спаяны энтузиазмом революционной освободительной борьбы, в то время как английские солдаты участвовали в войне, цели которой были им чужды и непонятны. Уклоняясь по возможности от крупных сражений, американская армия изматывала силы противника небольшими ударами. Как ни пытались англичане после поражения при Трентоне и Принстоне вызвать Вашингтона на открытое сражение, им это не удалось, и, несмотря на явный перевес, британские силы вынуждены были в июле 1777 г. полностью очистить территорию штата Нью-Джерси[98].

Вымуштрованные и красиво одетые английские солдаты строго подчинялись приказам командования, следовавшего традиционным европейским правилам военного искусства. Англичане предпочитали проводить операции на открытой ровной местности, когда генерал, руководивший сражением, мог наблюдать за его ходом, переставляя по мере надобности войсковые подразделения из одного места в другое, подобно игре в шахматы[99]. Британская тактика отличалась косностью и догматизмом, в то время как американцы быстро приспосабливались к условиям в зависимости от обстоятельств. Не обладая крупными силами, они выработали

---

[96] *Augur H.* The Secret War of Independence. N. Y., 1955, p. 94—96.
[97] Дж. Адамс — Т. Джефферсону, 26 мая 1777 г.— In: The Adams — Jefferson Letters. The Complete Correspondence between Thomas Jefferson and Abigail and John Adams: Vol. 1, 2 / Ed. by L. V. Cappon. Chapel Hill, 1959, vol. 1, p. 6.
[98] *Ward Ch.* Op. cit., vol. 1, p. 317—318.
[99] *Higginbotham D* The War of American Independence, p. 2.

собственную тактику ведения боя, которая позволяла воевать с численно превосходящим и лучше вооруженным противником [100].

В период войны за независимость американцы впервые в истории применили заимствованную ими у индейцев тактику рассыпного строя в бою. Касаясь этого обстоятельства, Энгельс писал, что американцы «не доставляли англичанам удовольствия — выступать против них... в линейном строю и на открытой ровной местности, а действовали рассыпными подвижными стрелковыми цепями в лесах, служивших им прикрытием». Англичане встретились с отрядами повстанцев, которые «не умели, правда, маршировать, но зато отлично стреляли из своих нарезных ружей», сражаясь за свое собственное дело [101].

К сказанному следует добавить, что некоторые недостатки американской армии и милицейских сил имели свою положительную сторону. Как уже отмечалось, среди командного состава было мало людей, знавших военное дело. Однако в отличие от английских знатных офицеров, прошедших специальную подготовку, в континентальной армии было немало выходцев из низшего сословия — фермеров, ремесленников и т. п., одаренных, способных людей, оказавших огромные услуги своей стране [102]. «Мне нравится основной состав офицеров нашей армии,— писал С. Адамс еще в начале военных действий.— Они в равной степени и патриоты, и солдаты» [103]. В ходе войны американские офицеры приобрели опыт и преданно боролись за дело независимости.

Местническое отношение милицейских сил имело и обратный эффект. В том случае, когда военные действия приближались к границам штата или происходили на его территории, мужчины, женщины, старики, молодежь — все, кто способен был носить оружие, вступали в добровольческие отряды и спешили на помощь регулярным частям континентальной армии. Все население, включая женщин, умело обращаться с огнестрельным оружием, и в каждом американском доме имелось ружье. Так было еще с колониальных времен [104], а в период войны за независимость стало обязательным правилом. Порывы местного патриотизма имели исключительно важное значение для исхода многих решающих сражений войны за независимость.

Слабой стороной американских вооруженных сил была их распыленность. Но и в этом был определенный плюс: британские войска были не в состоянии добраться до них. Преимущество состояло также в том, что в Америке было мало больших населенных пунктов, где находились бы гарнизоны. Тактика американцев заключалась в быстром передвижении. Они внезапно атаковали англичан и также внезапно исчезали. Это не значит, что американским войскам не приходилось терпеть серьезных поражений и что они не несли больших потерь. Например, захвату Нью-Йорка предшествовало жесточайшее сражение на Лонг-Айленде, где из 8 тыс. американских солдат и офицеров были убиты, ранены и захвачены

---

[100] *Weller J.* Irregular but Effective: Partizan Weapons Tactics in the American Revolution, Southern Theatre.— Military Affairs, 1957, vol. 27, p. 118—119.

[101] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 172.

[102] *Higginbotham D.* Military Leadership in the American Revolution, p. 100.

[103] С. Адамс — Дж. Уоррену, 7 января 1776 г.— In: The Writings of Samuel Adams, vol. 3, p. 250.

[104] *Jameson H.* Equipment for the Militia of the Middle States, 1775—1781.— Journal of American Military Institute, 1959, vol. 3, p. 26—27.

в плен 6 тыс. А сражение при Чарлстоне в мае 1780 г. закончилось пленением 5,5 тыс. американцев [105].

После побед американцев у Трентона и Принстона снова наступила полоса неудач. Англичане сумели вплотную подойти к Филадельфии, и город был сдан, а конгресс перенес свои заседания в Балтимор. Это произошло 26 сентября 1777 г. Потеря столицы была жестоким ударом, подорвав моральный дух американцев и ослабив их позиции на международной арене. В этих условиях Соединенным Штатам, как никогда, нужна была военная победа. Изучив дислокацию британских войск, Вашингтон решил нанести удар по английскому корпусу, находившемуся в районе Джермантауна, в 5 милях от Филадельфии. В случае успеха этой операции американцы могли рассчитывать на то, чтобы освободить затем и захваченную неприятелем столицу.

Сражение при Джермантауне было тяжелым и не принесло успеха американским войскам, но оно показало, что американцы в состоянии вести на равных войну с опытными и хорошо обученными английскими частями. Это невыигранное сражение принесло континентальной армии и в целом Соединенным Штатам политический дивиденд как в глазах общественного мнения самих США, так и на международной арене [106].

Резонанс, вызванный военной операцией при Джермантауне, был существенно усилен победой американских войск в другом крупном сражении, при Саратоге, которое по праву считается «поворотным пунктом» в войне за независимость [107]. Английское командование оказалось не в состоянии приспособиться к условиям ведения войны в Америке и не могло понять побудительных мотивов, беспримерной отваги, с которой сражались американцы.

Одной из главных британских операций была упоминавшаяся экспедиция по захвату долины р. Гудзон, взятию Филадельфии и последующей оккупации Новой Англии при помощи корпуса, который должен был подойти с севера, из Канады. Казалось бы, англичане добились некоторых успехов. Однако завершение операции натолкнулось на непреодолимые трудности. Опасаясь быть отрезанной от своих главных сил, английская армия, расквартированная в Филадельфии и ее предместьях, была вскоре отозвана. Тогда же английские войска вынуждены были очистить территорию Нью-Джерси [108]. Саратога была последним ударом по этому плану.

Еще в июне 1777 г. из Канады была направлена 7-тысячная армия генерала Бургойна, которому было предписано оккупировать территорию Нью-Йорка, чтобы соединиться с действовавшими против Вашингтона войсками генерала Хоу и, таким образом, полностью окружить и изолировать Новую Англию, как это и было предусмотрено первоначальным планом военных действий.

В начале июля Бургойн захватил на границе с Канадой занятую и удерживаемую долгое время американцами крепость Тайкондерогу. Сообщение об этом было встречено в Лондоне как торжество победы. «Я разбил их! Я разбил американцев!» — воскликнул Георг III, получив

[105] *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783, с. 151; *Higginbotham D.* The War of American Independence, p. 159.
[106] *Ward Ch.* Op. cit., vol. 1, p. 371.
[107] *Nickerson H.* Turning Point of Revolution. N. Y., 1928.
[108] *Ward Ch.* Op. cit., vol. 1, p. 317—318.

известие о захвате Тайкондероги[109]. Но торжествовать было рано. Бургойн был вынужден значительную часть своих отрядов оставить в крепости для ее защиты, и, таким образом, уже в самом начале силы англичан оказались разбросанными. Кроме того, большие трудности ожидали Бургойна на пути дальнейшего следования. Продвигаться приходилось через болота и лесистые местности, где партизанские отряды устраивали завалы и засады.

Весть о падении Тайкондероги подняла на ноги революционно настроенное фермерство Новой Англии. Были созданы многочисленные отряды добровольцев, которые устремились на помощь действовавшей армии. По мере продвижения англичан ряды добровольцев росли и через 2,5 месяца после захвата англичанами Тайкондероги уже насчитывали несколько тысяч человек. В результате противостоявшие англичанам американские войска значительно превзошли своего противника численностью, они были обеспечены продовольствием и находились под командованием одного из выдающихся военачальников революционной армии — генерала Гейтса. Американским войскам удалось окружить армию Бургойна у Саратоги, и, таким образом, британские силы, предназначенные для осуществления операции по окружению Новой Англии, сами очутились в плотно сжатом кольце. Они предпринимали тщетные попытки вырваться из окружения, но, увидя их безнадежность, 17 октября капитулировали.

Капитуляция британских сил доставила американцам богатые трофеи — оружие и несколько тысяч пленных. Это был крупный успех, значение которого выходило далеко за рамки военной победы. Обе стороны придавали исходу операции Бургойна большое значение, так как понимали, что от этого во многом будет зависеть развитие международных отношений, в частности переговоров с Францией, которая помогала американцам вооружением и вскоре официально признала США, заключив с ними союзный договор.

Победа при Саратоге и последующие изменения в международной обстановке способствовали укреплению позиций Соединенных Штатов. Однако положение армии и состояние сухопутного театра военных действий все еще оставалось тяжелым. Особенно большие лишения пришлось пережить солдатам Вашингтона во время исключительно трудной зимовки в Валли-Фордж 1777/78 г. Место это было сравнительно безопасным в случае нападения неприятеля, но крайне неудобным для стоянки в такое время года. Солдатам приходилось жить в палатках, затем соорудили бревенчатые хижины и бараки, в которых разместилось 6 тыс. человек[110].

Армия испытывала острый недостаток в продовольствии, многие не имели обуви и теплой одежды. Солдатам приходилось спать по очереди, так как нечем было укрыться. Ряды патриотов косили болезни и эпидемии. Говоря о состоянии армии в Валли-Фордж, Вашингтон писал, что у солдат «нет ни хорошей одежды, чтобы прикрыть свою наготу, ни одеял, чтобы подостлать под себя, ни башмаков, отчего пути всех их походов отмечены кровавыми следами их ног». Люди, говорил он, которые «в стужу и в снег идут, как это нередко бывало, без провианта, а на рождественские праздники занимают „квартиры" на расстоянии одного

[109] *Augur H.* Op. cit., p. 218.
[110] *Freeman D. S.* Op. cit., vol. 4, p. 555—556.

дня пути от неприятеля [111], не имея ни шалаша, ни хижины, где бы укрыться до того, как готовы будут бараки, переносящие все это совершенно безропотно,— это, по-моему, есть пример выдержки и повиновения, которые не знают себе подобных» [112].

Во имя достижения победы и торжества дела революции народ самоотверженно переносил лишения. А тем временем буржуазия, используя

АМЕРИКАНСКАЯ АРМИЯ ПРИ ВАЛЛИ-ФОРДЖ

благоприятно сложившиеся условия, приумножала свои богатства с помощью казенных поставок и всевозможных спекуляций. Наряду с имевшими место фактами патриотических действий, крупными пожертвованиями в пользу революции многие представители американской буржуазии, хотя и принадлежали к сторонникам независимости, по существу занимались антипатриотической деятельностью. В погоне за прибылью колониальные купцы не останавливались даже перед тем, чтобы торговать с англичанами, если те предлагали лучшие условия, чем патриоты. В этой торговле принимали участие даже «наилучшие виги». Многие купцы и промышленники сколотили на войне целые состояния [113].

«Спекулянты, различного рода взяточники и биржевики,— писал Вашингтон,— губят наше дело» [114]. В войсках зрело недовольство, которое всячески подогревалось проникшими в армию английскими агентами и той частью генералитета, которая стояла в оппозиции к Вашингтону.

[111] Валли-Фордж расположен в 4—5 милях от находившейся тогда в руках англичан Филадельфии.

[112] Цит. по: *Фонер Ф.* История рабочего движения в США..., т. 1, с. 57.

[113] *Рочестер А.* Американский капитализм, 1607—1800. М., 1950, с. 104—107; *Green E. B.* The Revolutionary Generation. N. Y., 1943, p. 268—269.

[114] Цит. по: *Фонер Ф.* История рабочего движения в США..., т. 1, с. 58.

Еще в 1776 г. состоялся заговор, организованный лоялистскими элементами Нью-Йорка и ставивший своей целью пленение Вашингтона и передачу его в руки англичан. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону отдельных лиц из личной охраны Вашингтона. Но заговор был раскрыт, и его участники казнены.

Имели место и факты прямой измены со стороны высших представителей командования. Среди предателей, тайно помогавших англичанам, был заместитель главнокомандующего генерал Ч. Ли. Особенно чувствительным ударом для американцев было предательство генерала Б. Арнольда, отличившегося во многих сражениях и получившего награды от конгресса. В начале мая 1779 г. Арнольд предложил англичанам свои услуги, которые незамедлительно были приняты. В сентябре следующего года Арнольд перешел на сторону англичан [115].

Акты измены и заговоры, естественно, вносили разлад и мешали успехам американской армии. Вместе с тем нельзя не упомянуть о том, что Вашингтон подвергался серьезным нападкам и критике со стороны тех кругов генералитета и конгресса, которые считали, что армия не может одержать решающего успеха из-за недостаточной ее демократизации.

Рост цен на предметы первой необходимости и разгул спекуляции вызвали волнения в войсках, а также среди населения, главным образом городских ремесленников и рабочих. Массы требовали установления контроля за распределением продуктов и ценами на них. Население негодовало, что становится жертвой «ненасытной жажды накопления», и заявляло, что не для того проливает кровь, «чтобы заменить власть одной олигархии другой, не менее деспотичной и своекорыстной» [116]. В ряде штатов были приняты законы о максимуме цен и сделаны попытки добиться осуществления принятых законов. Но достигнуть существенных результатов в области ограничения цен, несмотря на решительное вмешательство Комитетов безопасности, не удалось.

Правительства штатов и конгресс, несомненно, были заинтересованы в том, чтобы улучшить дело снабжения армии и общее продовольственное состояние страны. Однако они самым решительным образом пресекали выступления масс и в особенности волнения в армии. Так, в начале 1779 г. правительственные войска подавили в Филадельфии выступление матросов, требовавших улучшения их материальных условий, а в октябре 1779 г.— выступление филадельфийской бедноты, осадившей помещение, в котором находились купцы и чиновники, разбогатевшие на спекуляции и поставках армии. В следующем, 1780 г. был усмирен мятеж Коннектикутского полка, вызванный тем, что солдаты в течение нескольких месяцев не получали причитавшегося им жалованья.

К началу 1780 г. британское командование решило воспользоваться стесненным положением американской армии, приняв план наступательных операций, осуществление которого должно было начаться военными действиями на Юге. Британское командование считало Юг наиболее уязвимым флангом американских сил [117]. Здесь сравнительно меньше были распространены революционные настроения, и английским войскам обеспечивалась более или менее широкая поддержка со стороны контрреволюционно настроенных слоев населения, главным образом зе-

---

[115] *Van Doren C.* Secret History of the American Revolution. N. Y.. 1968, ch. VI—XV.
[116] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США..., т. 1, с. 58.
[117] *Mackesy P.* Op. cit., p. 551.

мельной аристократии, заинтересованной в сохранении своей власти и постоянно опасавшейся восстания рабов. Англичане рассчитывали, вырвав победу на Юге, перебросить затем силы на Север и там довершить разгром континентальной армии.

План английского командования правильно учитывал слабые места противника — весной-летом 1780 г. англичанам удалось одержать на Юге ряд крупных побед над американскими войсками. 12 мая 1780 г. англий-

КАПИТУЛЯЦИЯ ВОЙСК ЛОРДА КОРНУОЛЛИСА ПРИ ЙОРКТАУНЕ

ская армия захватила Чарлстон, взяв в плен несколько тысяч американских солдат и офицеров. Американцы мужественно отражали атаки противника, но, окруженные с суши превосходящими силами англичан и блокированные с моря, вынуждены были сложить оружие [118]. 16 августа 1780 г. американская армия потерпела еще одно жестокое поражение у Камдена. Казалось, ничто не в состоянии теперь остановить англичан. Однако и на этот раз исход дела решила революционная инициатива масс. Неудачи американских войск летом 1780 г., как это произошло и в 1777 г. во время вторжения Бургойна, подняли на ноги окрестных фермеров. Было создано множество партизанских отрядов, которые все чаще нападали на английские войска и причиняли им серьезный урон. «Патриотические силы южной милиции и партизанские отряды,— писал

---

[118] *Alden J. R.* The South in the Revolution: Louisiana State University Press, 1957, p. 239—241.

военный историк Дж. Уэллер,— действуя самостоятельно или в контакте с континентальной армией, спасли положение американцев» [119].

Назначенный по настоянию Вашингтона командующим регулярными частями на Юге генерал Грин начал активные действия против неприятеля. Выходец из низов, в прошлом кузнец, Грин показал себя талантливым военачальником. Он изменил тактику ведения военных операций, разбив свою армию на автономно действующие отряды [120]. Грину приходилось терпеть и поражения, но они его не сломили. «Чем больше его бьют,— писал о Грине один британский офицер,— тем дальше он продвигается вперед» [121]. Неукротимая энергия в сочетании с приобретенным военным опытом помогли Грину умело организовать действия против неприятеля.

17 января 1781 г. части армии Грина, предводительствуемые генералом Морганом, наголову разбили один из прославленных английских отрядов Тарлтона у Каупенса. Это сражение оказалось переломным в ходе военной кампании на Юге. В нем американцам удалось блестяще организовать взаимодействие регулярных войск и партизан, проявивших исключительный героизм и военную находчивость [122]. Вскоре англичане вынуждены были полностью очистить территорию Джорджии, Северной и Южной Каролин. Таким образом, еще один британский план потерпел крушение. Английское командование учло слабые места своего противника, но недооценило возможностей революционной армии, сражающейся за свое освобождение.

К лету 1781 г. английские силы под командованием генерала Корнуоллиса перешли в Виргинию, заняв укрепленные позиции у Йорктауна. Тем временем основная часть британских войск во главе с Клинтоном сосредоточилась в Нью-Йорке, готовясь к сражению, которое, как было известно английскому командованию, Вашингтон планировал совместно с недавно прибывшим французским подкреплением. Но Вашингтон и на этот раз обманул ожидания англичан, изменив план военных операций. Оставив часть войск у Нью-Йорка, он во главе 2,5-тысячного отряда американцев и французов двинулся к Йорктауну. Подоспевшая к этому времени из Вест-Индии сильная французская эскадра в составе 28 кораблей под командованием адмирала де Грасса доставила крупный десант французских солдат и отрезала Корнуоллису возможность отступления морем. А с суши англичане оказались зажатыми в тиски прибывших из Нью-Йорка и находившихся на Юге американских и французских войск.

Всего в операции под Йорктауном участвовало около 20 тыс. американских и французских солдат и офицеров (более 11 тыс. американцев — регулярных войск и милиции, а также около 9 тыс. французов). Английские силы насчитывали около 9 тыс., т. е. в 2 с лишним раза меньше. Общее командование операцией под Йорктауном принадлежало Вашингтону, но важную роль сыграли также французские военачальники — генералы Рошамбо и Лафайет, адмирал де Грасс. Операция закончилась блестящей победой объединенных американских и французских сил. 19 октября 1781 г. Корнуоллис капитулировал. В плен попало более

[119] *Weller J.* Op. cit., p. 119.
[120] *Coakley R. W., Conn S.* Op. cit., p. 76.
[121] *Mackesy P.* Op. cit., p. 539.
[122] *Weller J.* Op. cit., p. 128—131.

7 тыс. английских солдат и большое количество снаряжения. Была захвачена также часть английской эскадры[123].

Как и победа под Саратогой, капитуляция при Йорктауне имела далеко идущие последствия. После Саратоги английское правительство заявило о готовности отменить изданные с 1763 г. парламентские акты и помиловать повстанцев при условии, что они прекратят сопротивление и заявят о своей преданности британской короне. Однако посланная для переговоров с конгрессом комиссия парламента вернулась ни с чем, так как конгресс предварительным условием всякого соглашения требовал признание политической независимости США. Теперь же, после Йорктауна, английский парламент высказался в пользу мира и война фактически прекратилась.

В феврале 1782 г. английская палата общин приняла резолюцию, в которой говорилось: «Палата полагает, что дальнейшие наступательные военные действия против Америки поведут к ослаблению усилий страны против ее европейских врагов и будут при данных обстоятельствах содействовать углублению взаимной вражды, столь гибельной для интересов как Великобритании, так и Америки...»[124]. Спустя месяц в правящих кругах Англии произошли перестановки, в результате которых к власти пришел новый кабинет, почти целиком состоявший из вигов. Во главе вновь созданного правительства стал лорд Рокингэм, который в свое время провел постановление об отмене гербового сбора.

5. ДИПЛОМАТИЯ США. ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Развитие революционных событий в Северной Америке было тесно связано с международными отношениями. Еще до провозглашения независимости Континентальный конгресс поднял вопрос о необходимости начать переговоры с другими странами, чтобы добиться их поддержки в борьбе против Англии. В этой помощи американские колонии, а после провозглашения независимости новое государство США испытывали острую необходимость. Тем более что Англия, потерпев неудачу в попытке завербовать достаточное число собственных солдат для участия в американской экспедиции, обратилась к германским княжествам и подписала с ними контракт о поставке наемников для участия в военных действиях в Америке.

Конгресс был об этом осведомлен. Делегаты конгресса знали также о том, что британское правительство обратилось с аналогичной просьбой к России. Осенью 1775 г. Георг III направил Екатерине II послание, в котором просил прислать 20 тыс. русских солдат для подавления мятежа в Америке. Одновременно посланнику Англии в Петербурге было велено добиваться соответствующего соглашения. Но Екатерина, какова бы ни была ее неприязнь к повстанцам, поднявшим мятеж против «законного» монарха, не собиралась помогать своей сопернице Англии. Русская императрица втайне ждала поражения Англии, хотя внешне и выражала ей свое сочувствие. Поэтому просьба Англии была отклонена. Екатери-

[123] *Freeman D. S.* Op. cit., vol. 5, p. 378—393, 513—515.
[124] Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803: Vol. 1—36 / Ed. by E. Cobbet. L., 1806—1820, vol. 22, col. 1085.

на II ответила, что посылка российских войск в Америку «выходит за пределы возможного»[125].

Неудача эта была болезненно воспринята Англией. К идее привлечения российских войск, славившихся своими боевыми качествами, возвращались и позднее. Британское командование устроил бы даже сокращенный вариант первоначального проекта договора соглашения на предмет союза. «Корпус из 10 тыс. боеспособных русских солдат,— писал в июле 1777 г. главнокомандующий английскими силами в Америке,— мог бы гарантировать Великобритании военный успех в предшествующей кампании»[126]. Все попытки англичан, однако, оказались тщетными. Более того, провозглашенный в 1780 г. Екатериной II «вооруженный нейтралитет» на морях был на руку тем, кто, вопреки угрозам и преследованиям со стороны британских военно-морских сил, осуществлял военные поставки американской армии.

К этому следует добавить, что передовая общественная мысль России с сочувствием комментировала события в Америке. Из далекой России прозвучали голоса приветствия американскому народу. Известный просветитель Н. И. Новиков через редактируемую им газету «Московские ведомости» знакомил российского читателя с событиями за океаном, выражая свои симпатии восставшим против угнетения и несправедливости[127]. Успехи американских повстанцев вдохновляли передовых людей России на борьбу против крепостничества. Под непосредственным впечатлением от восстания американских колоний А. Н. Радищев написал оду «Вольность», которая была предъявлена царским правительством знаменитому автору «Путешествия из Петербурга в Москву» в числе обвинений, едва не стоивших ему жизни. Выражая настроение передовых умов российского общества, Радищев писал:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна,
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил[128].

Конечно, настроения представителей передовой общественной мысли существенно отличались от мотивов поведения официальной русской дипломатии. Однако остается фактом, что в целом в период войны за независимость позиции России, с которой в дальнейшем еще предстоял длительный процесс установления дипломатических отношений, была неизменно благожелательной для США[129].

В условиях войны за независимость с Англией принципиальное значение для США имели отношения с Францией и Испанией. Обе державы являлись соперниками Англии в борьбе за колониальные владения. Осо-

---

[125] *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966, с. 53—55; Екатерина II — Георгу III, 23 сентября (4 октября) 1775 г.— В кн.: Россия и США: становление отношений, 1765—1815. М., 1980, с. 34—35.

[126] *Curtis E. E.* Op. cit., p. 52.

[127] *Макогоненко Г.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951, с. 389—394.

[128] *Радищев А. Н.* Избр. произведения. М.; Л., 1949, с. 280.

[129] *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1976, с. 132—163.

бые надежды США возлагали на Францию, которая потерпела поражение от Англии в Семилетней войне 1756—1763 гг. и жаждала реванша. Американцы остро нуждались в помощи и обратились к Франции за поддержкой.

Как и у русского самодержавия, восстание американских колоний не вызывало особых симпатий французского двора. Но Франция не простила Англии своего поражения и надеялась добиться пересмотра унизительного договора, в результате которого она лишилась своих владений в Америке. Сразу после окончания Семилетней войны Франция приступила к подготовке к новой войне.

Уже само возникновение англо-американских разногласий по вопросу о налогообложении колоний в середине 60-х годов привлекло внимание французского двора. В Америку были отправлены агенты в целях получения более детальной информации о ходе конфликта, чьи донесения сообщались лично королю [130]. После вооруженного восстания колоний в 1775 г. королю была представлена специальная записка, в которой отмечалось: значение событий в Америке настолько велико, что они способны «изменить характер мировой торговли и повлиять на политику ведущих стран». «В особенности это касается Франции и Испании», которые, по мнению автора записки, должны были принять незамедлительные меры, дабы обеспечить свои интересы [131]. Эти соображения находили живой отклик во французских правящих кругах. Партия реванша с нетерпением ожидала подходящего момента для выступления.

Французский двор понимал выгоды создавшегося положения, но колебался. 12 марта 1776 г. министр иностранных дел Франции Шарль Верженн в пространной записке королю изложил свои соображения по поводу американских дел. Министр заявлял, что Франции ни на минуту не следует забывать о возможности войны с Англией, и предлагал всемерно содействовать углублению англо-американского конфликта, чтобы затянуть его по крайней мере на год. По его расчетам, это должно было обескровить Англию и дать французам время для дальнейших военных приготовлений. Каким путем можно было добиться этой цели? С одной стороны, оказывать тайную помощь деньгами и оружием американским повстанцам, подталкивая Америку к более решительным действиям и обещая заключить формальный союз в случае провозглашения независимости и создания самостоятельного американского правительства. С другой — чтобы сбить Англию с толку, сделать все возможное, чтобы рассеять подозрения англичан в подлинных намерениях Франции и убедить их в дружеских чувствах. Главный вывод записки Верженна заключался в том, что Франции необходимо вести форсированные приготовления к войне [132].

Этот документ Людовик XVI передал на заключение четырем членам королевского совета: премьер-министру графу де Морепа, министру финансов Тюрго, морскому министру де Сартину и военному министру графу Сен-Жермену. За исключением Тюрго, все члены совета поддержали предложения Верженна. Министр финансов отверг их, посчитав неосу-

---

[130] *Bemis S. F.* The Diplomacy of the American Revolution. Bloomington, 1957, p. 16—18.
[131] Записка Малоне, январь 1776 г.— Ministère des Affaires Étrangères. Archives diplomatiques. Paris. Mémoires et documents, États-Unis, vol. 1, p. 79. (Далее: Archives).
[132] Histoire de la participation de la France à l'établissement des États — Unis d'Amérique: T. 1–5/Ed. par. H. Doniol. P., 1886–1892, t. 1, p. 273–278.

ществимыми из-за бедственного положения государственного казначейства. Он считал, что войны необходимо избежать во что бы то ни стало, ссылаясь на дефицит в 20 млн. ливров. «Армия и флот,— по его словам,— были настолько слабы, что даже трудно себе представить»[133].

Отсутствие согласия министра финансов затрудняло дело. А кроме того, Людовику XVI нужна была поддержка его союзника, испанского монарха. Обе ветви Бурбонов, французская и испанская, были единодушны в стремлении нанести удар своему сопернику — английскому королю. Но испанский монарх проявлял бо́льшую осторожность. Поэтому Верженн решил подойти с другой стороны, так, чтобы это не было сопряжено с политическим риском. Он предложил испанскому правительву выделить деньги на оказание помощи американцам. И этот вариант не был принят сразу; лишь три месяца спустя испанское правительство тайно передало Франции миллион ливров. Двумя месяцами раньше такая же сумма была выделена французским правительством. Эти деньги тоже поступили тайно. Их получила подставная фирма «Родериг Горталез э К°», специально организованная для оказания помощи американским повстанцам прославленным французским драматургом, представителем передовых общественных кругов Франции и известным коммерсантом Бомарше[134].

Придавая большое значение развитию отношений с Францией, и прежде всего получению от нее военной помощи, созданный конгрессом для ведения внешних сношений Комитет секретной корреспонденции решил направить в Париж своего эмиссара Сайласа Дина[135]. Прибыв в Бордо и встретившись с тамошними торговыми представителями, ведавшими отправкой грузов в Америку, Дин проследовал в столицу, где вскоре имел негласное свидание с Верженном. В общих словах его заверили, что поставки вооружения будут продолжены.

Во время первой аудиенции с Верженном Дин задал ему вопрос, как отнесется Франция к провозглашению независимости американских колоний и примет ли она в Париже их посла. Этот разговор состоялся 10 июля 1776 г. За шесть дней до этого, 4 июля, конгресс уже принял Декларацию независимости, провозгласив создание нового государства — Соединенных Штатов Америки. Но известие об этом пришло в Европу лишь к середине августа. По тем временам самая быстрая почта из-за океана поступала лишь через полтора-два месяца. Провозглашение независимости американских колоний было как раз той целью, которой желало французское правительство. Однако Верженн воздержался от какихлибо официальных обещаний, заявив лишь, что, по его личному мнению, Франция не позволила бы силой лишить американцев независимости, если они отделятся от Британской империи, что им будет оказана помощь: они могут быть уверены в «единодушной поддержке правительства и народа Франции»[136].

Как только известие о провозглашении независимости достигло Парижа, Верженн обратился к королю с призывом ускорить военные приготов-

---

[133] *Van Tyne C. H.* Influences which Determined the French Government to Make the Treaty with America.— American Historical Review, 1915—1916, vol. 21, p. 530.
[134] Histoire de la participation de la France..., t. 1, p. 485; *Van Tyne C. H.* The American Revolution. N. Y., 1905, p. 210—213.
[135] *Bemis S. F.* The Diplomacy of the American Revolution, p. 36, 37.
[136] *Meng J. J.* Historical Introduction.— In: Despatches and Instructions of C. A. Gerard. Baltimore, 1939, p. 63.

ления против Англии. 31 августа он представил королевскому совету записку, в которой предлагал признать США, вступить с ними в союз и затем вместе с Испанией объявить войну Англии. На этот раз совет единогласно одобрил предложение министра иностранных дел. Однако в Мадриде все еще опасались поспешных решений, и только 8 октября оттуда был получен весьма уклончивый ответ. К этому времени стали поступать известия о неудачах американских войск, в частности о падении Нью-Йорка. Известия эти охладили пыл сторонников войны [137].

Тем не менее переговоры о франко-американском договоре уже начались. Они активизировались по прибытии в Париж в декабре 1776 г. Б. Франклина, который был назначен конгрессом главой специальной дипломатической миссии с целью подписания с Францией договора о дружбе и торговле. Сообщая о прибытии Франклина в Париж, российский посланник И. С. Барятинский писал: «Публика столь им занята, что ни о чем ином более теперь и не говорят, как о причинах его сюда приезда...». Посланник добавлял, что, по мнению дипломатического корпуса, прибытие Франклина «произведет, конечно, какой-либо важный евенемент (событие.— *Авт.*)» [138].

Назначение Франклина в качестве руководителя дипломатической миссии США во Францию получило широкий резонанс. Его популярность и воздействие на общественное мнение были важным элементом деятельности американской дипломатической миссии. В официальных кругах Франклин встретил более прохладный прием.

Во время свидания с Верженном французский министр заверил Франклина, что он и его спутники могут рассчитывать на расположение двора. Однако попытка добиться официальной аудиенции у короля оказалась безуспешной. Верженн заявил, что Франция должна еще выработать общую линию поведения с ее союзницей Испанией, и предложил американцам изложить свои конкретные пожелания относительно поставок вооружения. Эти предложения были незамедлительно переданы французскому правительству. Они содержали, в частности, просьбу обеспечить конвоирование судов с грузами для США, чтобы предотвратить их возможный захват британским флотом. Верженн отклонил эту просьбу, сославшись на то, что может возникнуть война с Англией. Он отметил, что имеется перспектива создания союза Франции и Испании с Соединенными Штатами, но до поры до времени открытая связь Франции с американцами была, по его словам, нежелательна. Вместе с тем министр иностранных дел сообщил американским представителям, что французское казначейство выделит дополнительно 2 млн. ливров для приобретения необходимых для США припасов и вооружения [139].

Компания Бомарше снаряжала корабли и организовывала массовую отправку в США пороха, ружей, амуниции, медикаментов и даже пушек, на которых значилась монограмма Людовика XVI [140]. Располагая достоверной информацией, британский посол заявлял протесты Верженну. Послу неизменно отвечали, что Франция продолжает придерживаться

---

[137] *Stinchcombe W. C.* The American Revolution and the French Alliance. N. Y., 1969, p. 9.

[138] И. С. Барятинский — И. А. Остерману, 4(15) декабря 1776 г.— В кн.: Россия и США, с. 37.

[139] Histoire de la participation de la France..., t. 2, p. 120—122.

[140] *Van Tyne C. H.* Influences..., p. 531

нейтралитета. Чтобы не раздувать конфликта, министр иностранных дел иногда давал распоряжения соответствующим службам задержать отправку судов. В конечном итоге запреты снимались и суда следовали намеченным курсом. Британские представители были осведомлены и об этом. Но ни французская, ни британская сторона не желали войны. Поэтому конфликт ограничивался дипломатической сферой.

В переговорах с французским правительством Франклин настаивал на официальном признании США и на том, чтобы Франция оказывала им более активную помощь. Однако в Париже предпочитали выжидать. В правительстве преобладала умеренная партия. Ее сторонники далеко не во всем соглашались с Верженном, считая необходимым избежать войны с Англией.

В связи с прибытием Франклина в Париж один из представителей этой партии в записке на имя короля заявлял, что Соединенные Штаты, видимо, хотят прямого участия Франции в войне, но «с точки зрения наших финансов» это «совсем нежелательно». Он соглашался с тем, что необходимо объединить интересы Америки и Франции, использовав создавшееся положение, чтобы заставить Англию пересмотреть условия подписанного в результате Семилетней войны договора. Однако автор записки полагал, что Франции следует соблюдать нейтралитет, добиваясь лишь, чтобы Англия за это хорошо заплатила. «Каково бы ни было наше желание видеть разбитой Англию,— настаивал он,— мы не должны принимать участия в войне непосредственно» [141].

Подобные настроения французских верхов отмечала и российская дипломатическая служба. Российский посланник сообщал в Петербург, что правительство Франции «всячески старается скрывать», что оно предоставляет военную помощь Америке. Более того, полиция отдала приказ «во всех кофейных домах и трактирах чтоб не рассуждать о американских делах, а особливо тем меньше о вспомоществовании и о посылке туда французских офицеров»[142].

Стремление не выставлять напоказ своих отношений с американцами усилилось в особенности после того, как начали поступать известия о неудачах армии Вашингтона. Идея открытой поддержки американских повстанцев стала остывать. После падения столицы США Филадельфии, которое под влиянием пропагандистских усилий британского посла лорда Стормонта многие рассматривали как чуть ли не конец американской независимости, умеренные настроения во французских правящих кругах еще более укрепились [143].

С другой стороны, французское правительство опасалось, что сама Англия может пойти на примирение с американцами, признать независимость США и объединиться вместе с ними против Франции. Это опасение постоянно преследовало Верженна, и к тому имелись веские основания. Еще в ноябре 1776 г. французский посол в Лондоне Ноай сообщил, что лорд Рокингэм обратился к парламенту с призывом любой ценой добиться примирения с Америкой, признав независимость США, чтобы затем вступить с ними в союз и совместными усилиями ответить

---

[141] Записка «Соображения одного француза о повстанцах Америки», январь 1777 г.— Archives. Correspondance politique, États-Unis, t. 1, p. 76—79.

[142] И. С. Барятинский — И. А. Остерману, 4(15) декабря 1776 г.— В кн.: Россия и США, с. 37.

[143] *Ефимов А. В.* Очерки истории США. 2-е изд. М., 1958, с. 125.

на военные приготовления Франции и Испании. В мае 1777 г. французская секретная служба выяснила, что в Лондоне хорошо знают о характере и размерах помощи Франции американцам и о том, что она готовится к войне с Англией. «Пусть нам придется воевать со всеми,— заявил лорд Камден,— но мы должны заключить мир с Америкой» [144].

Подобные заявления, конечно, вызывали беспокойство французского правительства. Это беспокойство переросло в настоящую тревогу, когда вслед за известием о победе американских войск в сражении у Саратоги в октябре 1777 г. представители различных политических группировок в Англии решительно поддержали идею признания США и англо-американского союза против Франции [145].

Победа при Саратоге произвела сильное впечатление на французский двор. Анализ создавшегося положения привел военных экспертов к выводу, что Франции необходимо вступить в союз с Америкой [146]. Уже через два дня после известия о победе при Саратоге Верженн с санкции Людовика XVI заявил Франклину, что Франция готова признать независимость США и подписать с ними союзный договор [147]. Были начаты переговоры. Правда, и теперь продолжались проволочки. Между тем английские представители перешли от слов к делу. Агенты британского правительства установили контакты с американской дипломатической миссией и попытались нащупать пути к соглашению. Французская секретная служба следила за каждым шагом британских представителей.

Впрочем, Франклин не делал секрета из своих переговоров с англичанами, сознательно подталкивая французов к скорейшему подписанию договора. Эта тактика полностью себя оправдала, и 6 февраля 1778 г. франко-американский союз был заключен. Франция признавала независимость колоний, обязывалась поддержать США в их претензиях на континентальные владения Англии и Бермудские острова, а Соединенные Штаты — претензии Франции на английские колонии в Вест-Индии. Одновременно был подписан торговый договор [148].

Подписание франко-американских договоров о союзе и торговле было крупным успехом молодой американской дипломатии и лично Б. Франклина. В ходе длительных и сложных переговоров он добился международного признания США и во многом способствовал изоляции Англии. Франклин сумел установить хорошие отношения с послами ряда иностранных держав, аккредитованными при французском дворе, и помог привлечь на сторону США общественное мнение Европы. Выдающийся ученый, просветитель и политический деятель, представитель демократического крыла американской революции, Б. Франклин показал себя блестящим дипломатом. В результате его переговоров с французским правительством поставки американской армии стали регулярными и достигли внушительных размеров. Помощь, которую США получали от Франции, имела важное значение для победы в войне за независимость.

Признание Францией независимости США и подписание союзного договора 1778 г. имели большое международное значение. После того

[144] *Van Tyne C. H.* Influences..., p. 535—539.
[145] William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1947, vol. 4, p. 306—307.
[146] Записка «Размышления по поводу недавних событий. Военный аспект», 10 января 1778 г.— Archives, Correspondance politique, Etats-Unis, t. 3, p. 12—17.
[147] Histoire de la participation de la France..., t. 2, p. 626.
[148] Treaties and other International Acts of the United States of America: Vol. 1—8 / Ed. by H. Miller. Wash., 1931—1948, vol. 2, p. 3—27, 35—41.

как Франция объявила войну Англии, к ней присоединилась Испания, а затем и Голландия. «В своей трудной войне за освобождение,— отмечал В. И. Ленин,— американский народ заключал... „соглашения“ с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных»[149]. Таким образом, в результате международного соперничества держав с Англией в борьбе за раздел колониальных владений на стороне США оказалась коалиция держав, существенно поддержавшая американцев в их борьбе за независимость.

Этой же тактикой дипломатия США воспользовалась в переговорах с Англией, когда решался вопрос о выработке мирного договора. В ходе войны за независимость парламент и британский кабинет не раз возвращались к обсуждению возможного соглашения со своими бывшими колониями в Америке. Этот вопрос, не раз подымавшийся до подписания франко-американского союза, всплывал при различных обстоятельствах и позже. Но только после Йорктауна начались реальные переговоры.

В 1780 г. Россия предложила выступить посредником между Англией и ее противниками в Европе. В дипломатических кругах Петербурга вопрос этот обсуждался еще с 1778 г., и на протяжении последующих лет российское правительство неоднократно возвращалось к нему. В 1781 г. идея русского посредничества вылилась в посредничество русско-австрийское. Состоялись переговоры. Однако судьба мирного договора в конечном итоге решена была путем непосредственных переговоров между воюющими сторонами[150].

В состав американской делегации, которой поручено было вести переговоры о мире, вошли Б. Франклин, Дж. Адамс, Дж. Джей, Г. Лоуренс. Они должны были руководствоваться договором 1778 г. с Францией и действовать совместно с ней. Согласно инструкциям, которые конгресс вручил американским делегатам, они могли подписать договор только при условии признания Англией независимости и суверенитета США. Остальные пункты могли быть включены в состав договора по усмотрению американских делегатов. Инструкция со всей определенностью заявляла, что переговоры надлежит вести «с ведома и согласия» французского правительства и что представителям США необходимо «в конечном счете руководствоваться его (французского правительства.— *Авт.*) советом и мнением»[151].

Как раз эта рекомендация была американскими представителями нарушена, и именно это позволило им, совершив дипломатический маневр, заключить выгодный для США договор с Англией. Адамс и Джей с подозрением наблюдали за поведением французского правительства. Американским представителям, в частности, стало известно, что, сговариваясь с Испанией, Франция обязалась поддержать ее претензии на земли западнее р. Миссисипи[152]. Франклин, который ко времени начала переговоров (октябрь 1782 г.) прожил в Париже уже около пяти лет, считал, что американцы не могут пренебречь своим союзническим долгом перед

---

[149] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 56.

[150] *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, гл. III; История дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 396—397.

[151] *Stinchcombe W. C.* Op. cit., p. 153—169.

[152] *Morris R. B.* The Peacemakers: the Great Powers and American Independence. N. Y., 1965, p. 307—309.

Францией и в соответствии с инструкциями конгресса обязаны вести переговоры «с ведома и согласия» французских властей. Однако под давлением обстоятельств и энергичным нажимом своих коллег Адамса и Джея он присоединился к мнению последних и вместе с ними вступил в сепаратные переговоры с Англией.

Американские делегаты умело воспользовались англо-французскими противоречиями и добились подписания выгодного для США договора.

ЧЕТВЕРО АМЕРИКАНСКИХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ
ДЖ. ДЖЕЙН, ДЖ. АДАМС, Б. ФРАНКЛИН, Г. ЛОУРЕНС (слева направо)
ПРИ ПОДПИСАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО МИРА 30 НОЯБРЯ 1782 Г.
С неоконченной картины Б. Уэста.
Британские уполномоченные отказались позировать (пустое место справа)

Англия была крайне заинтересована в том, чтобы договориться со своими бывшими колониями без участия Франции и пошла на значительные уступки. В конце октября 1782 г. были начаты сепаратные англо-американские переговоры, а уже 30 ноября стороны подписали предварительное соглашение [153]. В Америке это известие было встречено ликованием.

Англия признавала независимость США и обязалась «как можно скорее» отозвать свои войска. Она сохранила за собой в Америке Канаду, Ньюфаундленд и Вест-Индию. Англия пошла на уступки американцам,

[153] Ibid., p. 441—442.

предоставив им право вести рыбную ловлю в прибрежных районах Канады и Ньюфаундленда, ранее закрытых для судов колонистов.

Для Франции и Испании заключение англо-американского соглашения явилось сюрпризом, но им ничего не оставалось, как признать его, поставив под договором свои подписи. «Верженн был страшно зол на американцев за нарушение инструкций,— писал У. Стинчкомб,— но, реалистически подходя к делу, считал, что выгоды, получаемые Соединенными Штатами, были слишком велики, чтобы им могла что-либо противопоставить дипломатия»[154]. Когда один американский конгрессмен спросил сотрудника французской миссии в США, собирается ли Франция жаловаться конгрессу на поведение американских представителей, тот ответил: «Великие державы никогда *не жалуются,* но они *чувствуют* и *запоминают»*[155].

Англия вынуждена была вернуть Испании о-в Менорку и Флориду. Но она отклонила испанское требование о возвращении Гибралтара. Что же касается Франции, то ей пришлось довольствоваться восстановлением своего престижа в результате победы над Англией. Территориальных претензий она не сумела реализовать.

20 января 1783 г. Англия, Франция и Испания подписали предварительное соглашение, а 4 марта Англия объявила прекращение военных действий. В Америке текст соглашения был получен 13 марта, а 11 апреля конгресс также провозгласил окончание войны. При обсуждении соглашения в конгрессе Дж. Джей, Дж. Адамс и Б. Франклин подверглись критике со стороны ряда делегатов за то, что те нарушили инструкции и вступили в сепаратные переговоры с Англией[156]. Однако в этой критике было не столько недовольство поведением делегатов, сколько дань вежливости американскому союзнику — Франции. После внесения незначительных поправок в предварительное соглашение 3 сентября 1783 г. в Париже был подписан текст окончательного договора[157]. Он был ратифицирован конгрессом 14 января 1784 г. и после обмена ратификационными грамотами 12 мая 1784 г. вступил в силу. Мирный договор с Англией юридически закрепил американскую независимость.

---

[154] *Stinchcombe W. C.* Op. cit., p. 196.
[155] *Morris R. B.* Op. cit., p. 441.
[156] *Stinchcombe W. C.* Op. cit., p. 197—198.
[157] Treaties and other International Acts of the United States of America, vol. 2, p. 151—157.

Глава пятая

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ 1787 Г.

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ. РОСТ МАССОВОГО НЕДОВОЛЬСТВА

Победа в войне против Англии явилась триумфом молодой американской республики, завоевавшей независимость в длительной и упорной вооруженной борьбе. После войны перед Соединенными Штатами стал ряд серьезных проблем по нормализации внутренней жизни: преодоление экономических трудностей, принятие мер для укрепления государственно-политического устройства. От решения этих проблем зависела судьба достигнутой независимости.

В 1888 г. Джон Фиске выпустил труд «Критический период американской истории», в котором рассматривались события 80-х годов XVIII в. Обращаясь к прошлому столетней давности, консервативный историк пытался путем сопоставлений обосновать предложенные им меры для укрепления позиций господствующего класса США в условиях надвигавшегося в конце XIX в. социально-политического кризиса. Хотя концепция Фиске отличалась тенденциозностью, а некоторые события и факты в его книге были просто искажены, пущенное с его легкой руки выражение «критический период» прочно вошло в литературу [1]. Фиске не изобрел этого выражения. Оно встречается уже в документах XVIII в., однако именно Фиске способствовал тому, что термин «критический период» прочно утвердился в историографии.

Участники событий отдавали себе отчет в сложности обстановки в стране. «Наши дела, кажется, ведут к чему-то вроде кризиса или революции»,— писал Джей Вашингтону. Положение, с его точки зрения, было трудней, чем во время войны. Хотя достижение победы в военных условиях часто выглядело проблематичным, в конечном итоге существовала твердая вера в успех. «Теперь положение изменилось,— продолжал он,— я предвижу зло и бедствия... Масса людей не проявляет ни мудрости, ни доброй воли...» [2] Вашингтон разделял эту точку зрения. «Ваше предположение, что дела наши быстро ведут к некоему кризису, совпадает с моими взглядами. У нас имеются ошибки, которые следует исправить»,— писал он в ответном письме [3].

---

[1] *Fiske J.* The Critical Period of American History, 1783—1789. Boston; New York, 1888; *Уманский П. Б.* Проблемы первой американской революции.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. От колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1971, с. 78—79.

[2] Джей — Вашингтону, 27 июня 1786 г.— In: The Correspondence and Public Papers of John Jay, 1763—1826: Vol. 1—4 / Ed. by H. P. Johnston. N. Y., 1971, vol. 3, p. 204—205.

[3] Вашингтон — Джею, 15 августа 1786 г.— Ibid., p. 208.

В чем же заключались трудности критического периода? Прежде всего американская экономика находилась в тяжелом состоянии. Хотя окончание войны и привело к некоторому улучшению положения[4], хозяйство США продолжало пребывать в состоянии глубокого упадка. Хаос в сфере финансов угрожал крахом всей системе. Инфляция военных лет не только продолжалась, но и еще более усилилась.

За период войны конгресс и местные органы власти в штатах выпустили около полумиллиарда бумажных денег, что для того времени представляло колоссальную сумму. Стоимость бумажных денег постоянно падала. Позднее, когда по постановлению конгресса начался их обмен на серебро, в Джорджии и Виргинии они обменивались по курсу 1 : 1000, в Северной Каролине — 1 : 800, в Нью-Йорке — 1 : 128, в Мэриленде — 1 : 40[5]. Инфляция привела к колоссальному росту цен. Создалось положение, когда, по свидетельству современников, «за полную тележку денег с трудом можно было купить тележку продуктов»[6].

Особенно сильно возросли цены на предметы первой необходимости, что прежде всего ударило по интересам трудящихся масс. Дороговизна увеличила задолженность малоимущих слоев населения, положение которых было необычайно трудным. В 1786 г. только в Массачусетсе сумма частных долгов достигла 7 млн. долл. В исчислении на душу населения задолженность составляла 50 долл., в среднем на семью — 200 долл. Если учесть, что каждый житель штата обязан был регулярно платить налоги, а ежегодный доход большинства массачусетских фермеров не превышал 50 долл., нетрудно представить, какие затруднения выпали на их долю[7].

Вопрос о бумажных деньгах превратился в предмет ожесточенных политических споров. Во время войны конгресс расплачивался бумажными деньгами за службу в континентальной армии, платил фермерам за поставляемую ими продукцию и различного рода снаряжение. Теперь эти самые деньги отказывались принимать в уплату за долги и в погашение налоговых обязательств. Практически это означало, что вся тяжесть финансовых затруднений, вызванных выпуском во время войны огромного количества бумажных денег, была переложена на плечи народа. Фермеры, рабочие и ремесленники — прежде всего они, составлявшие основную массу населения, включая и тех, кто во время военных действий с оружием в руках сражался за независимость,— должны были из своего кармана оплачивать расходы по ведению войны.

Продажа сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий была затруднена неблагоприятной конъюнктурой рынка, наводненного дешевыми британскими товарами. Конкурировать с ними американской продукции было просто не под силу. Не имея возможности выручить деньги за производимую ими продукцию, люди оказывались неплатежеспособными, становились должниками. Массовый характер приняло разорение фермеров и ремесленников. Неспособных оплатить долговые обязательства заключали в тюрьму. Должников было так много, что тюрьмы оказа-

---

[4] *Jensen M.* The New Nation. A History of the United States during the Confederation, 1781—1789. N. Y., 1967, p. 256; *Aptheker H.* Early Years of the Republic. From the End of the Revolution to the First Administration of Washington (1783—1793). N. Y., 1976, p. 30.

[5] *Nettels C. P.* Roots of the American Civilization. N. Y., 1946, p. 674, 675.

[6] *Jameson J. F.* The American Revolution Considered as a Social Movement. Boston, 1956, p. 62.

[7] *Taylor C. C.* The Farmer's Movement, 1620—1920. N. Y., 1953, p. 24.

лись переполнены. Сотни и тысячи дел были переданы на рассмотрение судов.

Под давлением масс, в результате недовольства разоренных долгами купцов и плантаторов в 1785—1786 гг. в семи штатах были вновь приняты бумажные деньги. В других разрешалась уплата долгов продуктами, были снижены налоги и т. д. Исключение представлял Массачусетс, где правящая верхушка упорно не желала идти на уступки мелким фермерам. В одном только графстве Вустер в 1785—1786 гг. было предъявлено 4 тыс. судебных исков за долги. Число людей, привлекаемых к судебной ответственности, увеличивалось с каждым годом. В тюрьме г. Конкорд в 1786 г. за долги содержалось в 2 раза больше людей, чем за все прочие «преступления», вместе взятые [8].

Тяжелое экономическое положение вызвало рост недовольства в народе. Особенно острая ситуация сложилась в штатах Новой Англии, где преобладало маломощное фермерское хозяйство. Толпы недовольных собирались у здания судов и легислатур. Они требовали: «Освободите нас от налогов!», «Отмените долги!» Широкое движение за отмену долгов и освобождение от налогов развернулось в Нью-Гэмпшире. Еще более напряженной была обстановка в Массачусетсе. В 1782 г. Верховный суд этого штата подвергся нападению толпы бедняков, требовавших прекратить дела по взысканию долгов.

В последующие годы нападения на здания, где помещались суды, стали частым явлением, приобрели регулярный характер. Их участники были воинственно настроены. Они одевали старую военную форму, доставали оружие и нападали на суды, уничтожая дела о взыскании долгов, освобождали из тюрем арестованных должников, нападали на дома заимодавцев— купцов и ростовщиков.

Толпы бедняков участвовали в собраниях, на которых принимались резолюции с жалобой на действия судов по взысканию долгов. Такие собрания проходили во многих местах и получили название народных конвентов. В январе 1782 г. в Массачусетсе бывший участник войны за независимость С. Эли выступил с призывом к народу принять конституцию, заявив, что он сам готов предложить ее проект [9]. Эли подверг критике систему судопроизводства штата и сказал, что губернатору платят слишком большое жалованье.

В различных графствах Массачусетса при его участии в феврале — апреле 1782 г. состоялись конвенты, принявшие резолюции, в которых осуждались приговоры должникам и содержался призыв воспрепятствовать судопроизводству. 12 апреля 1782 г., выступая перед толпой недовольных фермеров в Нортгемптоне, Эли призвал бедняков вооружиться дубинками и добиться выполнения принятых резолюций. Он заявил, что даже готов «скорее сражаться против этой власти, чем против короля Великобритании» [10]. Эли арестовали, приговорив к тюремному заключению. Вскоре несколько сот человек напали на тюрьму и освободили его. Правда, через некоторое время Эли снова оказался за решеткой [11].

[8] *Aptheker H.* Early Years of the Republic, p. 32—34.
[9] *Moody R. E.* Samuel Ely: Forerunner of Shays.— New England Quarterly, 1932, vol. 5, p. 107—108.
[10] Ibid., p. 109.
[11] Ibid., p. 109—115. В 1783 г. Эли был освобожден и поселился в Вермонте. Участия в повстанческом движении в Массачусетсе он более не принимал.

Движение тех лет носило стихийный, неорганизованный характер, что определяло его бесперспективность. В этом отношении массовое движение 80-х годов не только напоминало, но и практически повторяло все, что происходило с фермерскими выступлениями предреволюционного периода. По-прежнему эпицентром недовольства оставались области «внутренней страны», жители которых находились в неравном политическом положении с жителями прибрежных районов. Условия их жизни и экономическое положение после войны за независимость существенно не улучшались по сравнению с условиями периода колониального господства Англии[12].

Они воевали, испытали все тяготы войны, но независимость не принесла им ожидаемой свободы. Показательно, что участники выступления в Массачусетсе называли себя так же, как в свое время повстанцы Северной Каролины,— «регуляторы»[13]. Недовольная масса бурлила, но проявление недовольства носило рассеянный характер. Очаги его были разрозненны и не имели единого руководящего начала. Взрывы протеста, какими бы внушительными они ни были, в целом не оказали сколько-нибудь радикального воздействия, не привели к переменам, которых добивались повстанцы.

2. ВОССТАНИЕ ШЕЙСА

Характер и судьба народных выступлений тех лет особенно отчетливо проявились в развитии крупнейшего восстания мелких фермеров 80-х годов в Массачусетсе, во главе которого стал ветеран войны за независимость Даниэл Шейс. Это восстание было кульминационным пунктом демократического движения после войны за независимость.

Руководитель восстания Даниэл Шейс был незаурядной личностью, смелым и отважным бойцом. Хотя имеющиеся о нем биографические данные весьма скудны, известно, что предводитель повстанцев Массачусетса вступил в ряды американских вооруженных сил 19 апреля 1775 г.— в тот самый день, когда прозвучали первые выстрелы войны за независимость в Лексингтоне и Конкорде. 17 июня того же года он получил боевое крещение в легендарной схватке с англичанами у Бэнкер-Хилла и ему было присвоено звание сержанта. В следующем, 1776 г. Шейс был произведен в лейтенанты, а в 1777 г. участвовал в решающем сражении при Саратоге, завершившемся пленением многотысячной английской армии Бургойна. Позднее ему присвоили звание капитана.

Шейс воевал под командованием прославленных генералов Уэйна, Патнэма и Лафайета. За проявленную в боях храбрость и отвагу Лафайет наградил его именной саблей[14]. Шейс разделил судьбу многих ветеранов. Как большинство фермеров Массачусетса, он попал в должники и был осужден за неуплату долгов. Действия властей его ожесточили[15].

---

[12] William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1948, vol. 5, p. 77f.

[13] *Шпотов Б. М.* Фермерское движение в США. М., 1982; *Dyer W. A.* Embattled Farmers.— New England Quarterly. 1931, vol. 4, p. 464.

[14] Записка Стефана Фелпса (судья графства Онтарио штата Нью-Йорк), 22 апреля 1818 г.— American Antiquarian Society Archives. Worcester. Shays' Rebellion File. (Далее: AAS Archives). Часть использованных документов была опубликована: *Minot G. R.* History of the Insurrections in Massachusetts in the Year MDCCLXXVI and the Rebellion Consequent Thereon. Worcester, 1788.

[15] *Шпотов Б. М.* Фермерское движение в США, с. 61—62.

Недовольство фермерской массы росло, резко усилившись к осени 1786 г. Собираясь в деревенских тавернах, фермеры обсуждали создавшееся положение, говорили о необходимости свободы и справедливости, которые им были обещаны Декларацией независимости и за которые они сражались во время войны с Англией. Начали создаваться полувоенные организации «регуляторов», проводившие сборы и военные тренировки. Как человек с боевым опытом, пользующийся авторитетом и доверием своих сограждан, Шейс был выдвинут в качестве ответственного за обучение «регуляторов», став, таким образом, лидером повстанцев по прямому волеизъявлению народа.

Как и в период массовых выступлений кануна войны за независимость, недовольные существующим положением фермеры устраивали собрания, на которых принимались петиции, излагавшие их жалобы и требования. Ни одна из этих петиций не была удовлетворена. Тогда решено было обратиться к оружию. Обстановка накалилась к концу сентября 1786 г., когда в Спрингфилде была назначена сессия Верховного суда штата по взысканию долгов, а также для рассмотрения дел по обвинению в мятежных действиях руководителей и участников повстанческого движения. Губернатор Массачусетса Дж. Боуден отдал приказ генералу У. Шепарду возглавить вооруженные отряды милиции и обеспечить безопасную работу суда [16]. Усиленные военные меры были продиктованы тем, что в Спрингфилде находился крупный военный арсенал. Если бы повстанцы его захватили, справиться с ними было бы нелегко. Численно повстанцы превосходили правительственные отряды, но постоянно испытывали нехватку в вооружении. Оружия, которое хранилось в Спрингфилде, хватило бы на целую армию.

Когда утром 26 сентября судейская коллегия прибыла в Спрингфилд, здание суда и арсенал уже находились под охраной отрядов Шепарда, насчитывавших 800—900 человек. Их снаряжение было пополнено взятым из арсенала полевым орудием и 400 ружьями. Повстанческие отряды находились вблизи Спрингфилда, и вскоре их боевые подразделения строем прошли мимо здания суда. Они были плохо вооружены. Из 1200 повстанцев огнестрельное оружие имелось только у 900 [17], по другим данным, лишь у 600 человек [18]. Однако настроены они были воинственно и смело. Заседание суда формально было открыто, но фактически не состоялось. Судьи побоялись нападения «регуляторов» и ретировались.

Вооруженного столкновения между правительственными силами и отрядами Шейса на этот раз не произошло. Обе стороны не чувствовали себя достаточно подготовленными, хотя каждая считала, что именно она выиграла поединок. Оценивая несколько дней спустя ситуацию, прибывший в Спрингфилд глава военного ведомства США генерал Г. Нокс отмечал, что повстанческие силы были настроены воинственно и готовились к бою с отрядами Шепарда. Только «благоразумие их предводителя» (т. е. Шейса), по словам Нокса, предотвратило нападение на правительственные войска.

К этому следовало бы добавить, что, хотя последние и были несравненно лучше вооружены, чем сторонники Шейса, Шепарду трудно было

---

[16] *Warren J. P.* The Confederation and the Shays' Rebellion.— American Historical Review, 1905—1906, vol. 11, p. 45.

[17] *Шпотов Б. М.* Фермерское движение в США, с. 63.

[18] *Dyer W. A.* Op. cit., p. 469.

рассчитывать на успех, так как многие участники милицейских отрядов симпатизировали повстанцам. В конце концов они были такими же фермерами, ремесленниками или рабочими, как и те, кто действовал вместе с Шейсом. Между ними не было разделяющего барьера. Напротив, существовал живой контакт [19].

Американский историк Джонатан Смит верно отмечал, что важно понимать, кто являлся участником восстания Шейса и кто симпатизировал повстанцам. «Это были фермеры, ремесленники и рабочие,— писал он,— а по другую сторону находились консервативные классы — купцы и представители иных слоев». Часть из них во время войны являлись сторонниками метрополии, часть занимала нейтральную позицию [20]. Перед лицом роста повстанческого движения находившиеся «по другую сторону» приняли меры, чтобы остановить восстание.

Обсудив доклад генерала Нокса, дополненный данными разведки, конгресс и власти Массачусетса пришли к выводу о необходимости послать в Спрингфилд федеральные войска. Нокс отмечал, что в Массачусетсе и других соседних штатах развиваются опасные тенденции: большое число людей требуют ликвидации долгов. «Мое твердое убеждение заключается в том,— писал он,— что нынешние беспорядки должны быть подавлены силой...» [21] Разъясняя свою позицию в частном письме, Нокс отмечал, что «события, происходящие в западной части Массачусетса, имеют важное значение для судеб всего континента». Он считал, что предпочтительно было бы добиться добровольной капитуляции повстанцев, но, видимо, мало верил в такого рода возможность [22].

Такой же точки зрения придерживался губернатор Массачусетса Боуден. В специально опубликованной прокламации, обращенной к жителям штата, он заявлял о стремлении избежать кровопролития и гражданской войны, однако настаивал на праве властей принять любые меры «для подавления нынешних волнений и любых восстаний, где бы они ни происходили» [23]. Конгресс и власти Массачусетса в этом были единодушны. На средства, ассигнованные бостонским купечеством, в Спрингфилд для оказания помощи силам Шепарда было отправлено подкрепление под командованием генерала Б. Линкольна.

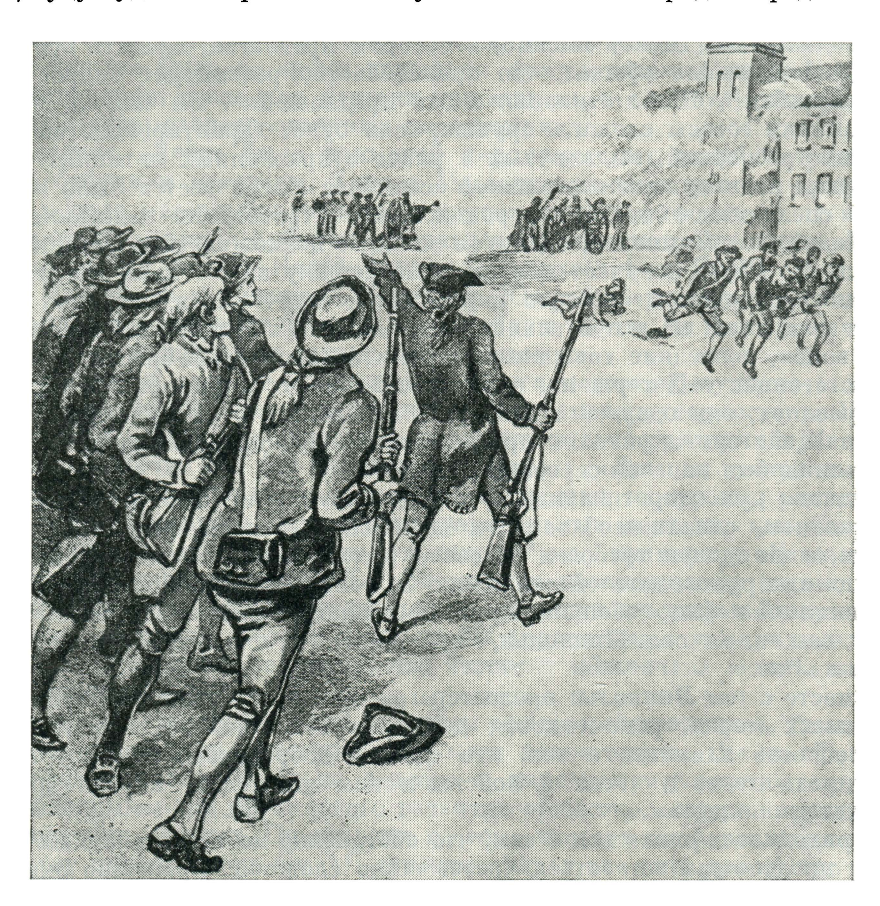
В начале января 1787 г. генерал Р. Патнэм попытался уговорить Шейса «уйти от этих людей (т. е. повстанцев.— *Авт.*), предоставив их самим себе». Он предлагал Шейсу сдаться на милость властям: это единственный путь «спасения», ибо явка с повинной гарантирует помилование. «Если вы явитесь с повинной, а вас не помилуют,— говорил он,— я готов поручиться собственной жизнью. Пусть тогда меня повесят в вашей камере...» Шейс держался непреклонно. Предводитель повстанцев отказался оставить товарищей и пойти на примирение с властями [24].

Шейс и его сторонники продолжали активную подготовку. В Вустере действовал Комитет связи, поддерживавший постоянный контакт с повстанческими силами соседних графств. Как только было получено известие об экспедиции генерала Линкольна, созданный для руководства воен-

---

19 *Warren J. P.* Op. cit., p. 46.
20 William and Mary Quarterly, 3rd Ser., 1948, vol. 5, p. 87—88.
21 Цит. по: *Warren J. P.* Op. cit., p. 48—49.
22 Нокс — Т. Дуйату, 25 ноября 1786 г.— AAS Archives, Shays' Rebellion File.
23 Прокламация Боудена, 17 января 1787 г.— Ibid.
24 Патнэм — Боудену, 8 января 1787 г.— Ibid.

ными действиями специальный комитет во главе с Шейсом обратился с воззванием к повстанческим силам, предупредив о надвигавшейся опасности и призвав к «немедленному вооруженному выступлению, дабы защитить и сохранить не только права, но также жизнь и свободу народа». Воззвание отмечало, что действия властей не оставляют надежды на то, что жалобы, изложенные в принятых ранее петициях, отосланных в Бостон, будут удовлетворены. Поэтому повстанческим отрядам предлагалось

ОТРЯД Д. ШЕЙСА ПОД СПРИНГФИЛДОМ

в трехдневный срок собраться и прибыть в Вустер, имея при себе 10-дневный запас провизии [25].

Стремясь опередить Линкольна, Шейс принял решение войти в Спрингфилд и захватить хранящееся там оружие. 25 января 1787 г. его отряды подошли к арсеналу, но под огнем артиллерии генерала Шепарда дрогнули и вынуждены были отступить. Два дня спустя в Спрингфилд прибыли войска генерала Линкольна. «...Мы двинемся на север, оставив генерала Шепарда для охраны арсенала,— рапортовал Линкольн о своих

[25] Воззвание, 16 января 1787 г.— Ibid.

планах по борьбе с повстанцами.— Возможно, мы сумеем одержать верх над Шейсом и его силами...»[26]

Полной уверенности в успехе у правительственных сил не было. Это и понятно: слишком широко распространилось недовольство в народе. Через три дня после событий в Спрингфилде жители окрестного поселения Колрейн обратились к губернатору Массачусетса с призывом прекратить военные действия, чтобы предотвратить гражданскую войну — «беспорядки, кровопролитие и опустошение»[27]. В свою очередь, Линкольн направил Шейсу письмо, в котором предлагал сложить оружие и в случае согласия обещал, что правительство рассмотрит вопрос о его помиловании[28]. Шейс отклонил и это предложение. Он заявил, что его сторонники готовы сложить оружие, если будет гарантировано выполнение их требований, выдвинутых в ранее отправленных петициях. В дополнение к этому законодательной ассамблее Массачусетса было направлено специальное послание, разъяснявшее требования повстанцев.

Между тем Линкольн, оценивая военные возможности повстанцев, отметил, что Шейс получает помощь и поддержку из соседних графств. Он считал необходимой срочную карательную меру. Хотя внезапно Шейс отвел свои силы на значительное расстояние от позиций правительственных войск, последние совершили стремительный марш-бросок и настигли повстанцев у Петершэма, в 50 километрах от Спрингфилда. Захватив их врасплох, они одержали победу. С небольшим отрядом своих сторонников Шейс сумел уйти от преследования, переправившись в Вермонт. Восстанию был нанесен серьезный удар.

Однако дух сопротивления в народе сломлен не был. Поэтому Нокс по-прежнему считал необходимым бдительно охранять арсенал в Спрингфилде, а Линкольн требовал от своих подчиненных самых срочных мер для поимки руководителей движения. За головы Шейса и его ближайших сподвижников было обещано крупное вознаграждение. «В высшей степени важно,— писал Линкольн,— арестовать руководителей и их подручных»[29].

Вместе с тем Линкольн предостерегал против излишнего рвения в карательных мерах, рекомендовал действовать осторожно: гарантировать безопасность пленных, а тех, кто сдастся добровольно и обязуется не принимать далее участия в повстанческом движении, впредь до суда распустить по домам.

Приходилось считаться с тем, что обстановка во всех западных графствах продолжала оставаться чрезвычайно сложной. Брожение охватило не только Массачусетс, но и соседние территории Коннектикута, Вермонта и Нью-Йорка. Хотя вооруженные отряды повстанцев к весне 1787 г. были рассеяны, а Шейс бежал в Вермонт, антиправительственные выступления продолжались. Губернатор Боуден отмечал в начале марта, что они подавлены не полностью[30]. В апреле «дух восстания оставался по-преж-

---

[26] Линкольн — Боудену, 28 января 1787 г.— American Historical Review, 1896—1897, vol. 2, p. 695—696.
[27] Петиция жителей Колрейна Боудену, 29 января 1787 г.— Ibid., p. 696—697.
[28] Линкольн — Шейсу, 30 января 1787 г.— AAS Archives, Shays' Revellion File.
[29] Линкольн — Шепарду, 8 февраля 1787 г.; Обращение Линкольна к жителям Питсфилда, 19 февраля 1787 г.— Ibid.
[30] *Шпотов Б. М.* Фермерское движение в США, с. 83.

нему силен» [31], и в мае в приграничных районах Нью-Йорка и Вермонта все еще продолжалась борьба с правительственными силами.

«Их дело было правым, но безнадежным,— писал американский историк У. Дайер.— Они боролись за свои права так же стойко, как те фермеры-бойцы, которые сражались (против англичан.— *Авт.*) у моста в Конкорде» [32]. Но на этот раз восстание было обречено на неудачу: слишком уж неравными были силы. 14 активных руководителей движения, включая Шейса, были приговорены к смертной казни, многих привлекли к суду, приговорив к разным мерам наказания. Рядовых участников движения, как это было во время движения «регуляторов» Северной Каролины, отпустили, после того как они присягнули, что не будут более участвовать в антиправительственных выступлениях.

Восстание Шейса было попыткой народных масс углубить революцию плебейскими методами. Хотя в Массачусетсе выступление «регуляторов» носило массовый характер, в других штатах оно далеко не везде встретило поддержку. События несравненно меньшего масштаба произошли в других штатах Новой Англии, а также в Нью-Йорке, Пенсильвании, Нью-Джерси, Северной Каролине, Южной Каролине, Виргинии и Мэриленде. Все эти выступления имели общие черты, но были децентрализованы, что являлось их самым слабым местом.

Выступления масс не на шутку перепугали господствующие классы США. Французский поверенный в делах Отто отмечал, что восстание Шейса привело к серьезным сдвигам в политических настроениях правящей верхушки [33]. Почти все без исключения лидеры войны за независимость осудили повстанческие выступления и высказались за суровые репрессии против их участников. Даже такие радикальные деятели, как Сэмюэл Адамс, считали, что повстанцы должны быть примерно наказаны [34]. Бывший главнокомандующий Дж. Вашингтон предложил принять самые решительные меры, чтобы предотвратить возможность дальнейших «беспорядков». «Если не хватает силы, чтобы справиться с ними,— писал он Дж. Мэдисону,— какая гарантия, что человеку обеспечена жизнь, свобода и собственность?» [35].

Именно те, кто представлял интересы класса собственников, были более всего обеспокоены выступлением масс и восстанием Шейса. Только Т. Джефферсон положительно отнесся к народному движению, считая его необходимым для правильного развития общества, основанного на демократических началах. Он исходил из того, что дух сопротивления правительству нужен и полезен. «Я считаю,— писал он,— что небольшое восстание сейчас и потом — это хорошая вещь. Для политики это так же необходимо, как гроза для очищения атмосферы» [36].

---

[31] Записка С. Отиса, 10 апреля 1787 г.— AAS Archives, Shays' Rebellion File.

[32] *Dyer W. A.* Op. cit., p. 477—478.

[33] Отто — Верженну, 3, 28 февраля 1787 г.— Ministère des Affaires Étrangères. Archives diplomatiques. Paris. Correspondance politique, États-Unis, t. 32, p. 190—192, 205—206. (Далее: Archives).

[34] *Согрин В. В.* Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, с. 286—287; *Maier P.* Coming to Terms with Samuel Adams.— American Historical Review, 1976, vol. 81, p. 27.

[35] Вашингтон — Мэдисону, 5 ноября 1786 г.— In: The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799: Vol. 1—39 / Ed. by J. C. Fitzpatrick. Wash., 1931—1944, vol. 29, p. 52.

[36] Джефферсон — Ч. Смиту, 13 ноября 1787 г.— In: The Papers of Thomas Jefferson: Vol. 1—19 / Ed. by J. P. Bovd. Princeton, 1950—1974, vol. 12, p. 356—357.

Вместе с тем было бы неверно считать, что представители господствующих классов, выступавшие за подавление восстания Шейса, являлись лишь сторонниками карательных мер. Они считали также настоятельно необходимыми политические действия с целью успокоить народ и нейтрализовать протест. Логическим продолжением тактики имущих классов периода борьбы за независимость были некоторые уступки, последовавшие за восстанием Шейса. Одиозную фигуру губернатора Боудена сменил более либерально настроенный Джон Хэнкок, снискавший себе популярность в годы освободительной борьбы против Англии. На перевыборах законодательной ассамблеи Массачусетса ее состав был изменен за счет увеличения числа депутатов — представителей западных графств, что позволило затем провести такие постановления, как снижение налогов, отмена тюремного заключения за долги, уменьшение жалованья губернатору и т. д. Отменены были вскоре и смертные приговоры руководителям восстания Шейса, а также объявлена амнистия его участникам.

Эти действия соответствовали не только традиционной линии поведения либерально настроенной господствующей верхушки США, но и тактике консервативных кругов, включая тех, кто управлял Америкой в колониальный период. С одной стороны, непримиримость в отстаивании своих классовых интересов, с другой — тактика частичных уступок, рассчитанных на достижение «классового мира».

Один из основных итогов восстания Шейса заключался в том, что представители господствующих классов пришли к выводу о необходимости срочно пересмотреть систему власти, чтобы добиться ее укрепления и централизации. Американский историк Р. А. Фир отрицал, что восстание Шейса было причиной принятия новой конституции США [37]. Проанализировав взгляды участников созванного весной 1787 г. в Филадельфии конституционного конвента, он отмечал, что задолго до того Вашингтон, Мэдисон, Гамильтон, Джей и другие «отцы-основатели» США высказывались в пользу проведения политических реформ. Фир ссылался также на то, что в ходе дискуссии на конвенте только 9 делегатов упомянули о восстании Шейса [38]. Бесспорно, восстание Шейса было не единственной причиной принятия новой конституции, но нет сомнений в том, что и оно послужило тому важным импульсом.

3. КОНВЕНТ ПО ВЫРАБОТКЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ

В ходе массовых выступлений 80-х годов не раз звучал призыв выработать справедливую конституцию, отвечавшую интересам народа. Однако Дж. Вашингтон, ставший президентом конституционного конвента, и другие делегаты, представлявшие имущие классы, руководствовались отнюдь не этим призывом. Наоборот, создание конституции было рассчитано на то, чтобы установить в стране «закон и порядок». Конституция, по замыслу ее создателей, была призвана упрочить господство власть имущих, чтобы избавиться от «ужасов неконтролируемой демократии», «найти своего рода убежище от демократии» [39]. Конституционный конвент за-

[37] *Feer R. A.* Shays's Rebellion and the Constitution: A Study in Causation.— New England Quarterly, 1969, vol. 42, p. 410.
[38] Ibid., p. 394.
[39] *Jensen M.* The New Nation, p. 426.

седал при закрытых дверях, и выступления его участников не подлежали огласке. В свое время Ч. Бирд, анализируя состав конвента, показал, что тот целиком состоял из представителей высшего класса. Из 55 делегатов 50 были земельными и иными собственниками [40]. Создатели конституции считали главной целью учреждаемой ими политической системы сохранение частной собственности.

Одна из задач конституции заключалась в том, чтобы установить прочный барьер против революционного движения. Как справедливо отметил американский историк М. Дженсен, члены конституционного конвента единодушно усматривали основное зло в демократии и стремились выработать меры, чтобы остановить политическую активность масс, требовавших расширения своих прав [41]. В этом смысле конституция 1787 г. может рассматриваться как своего рода сговор господствующих классов против народа [42].

Как всякая буржуазная конституция, выработанный конвентом 1787 г. документ был классовым по своему характеру и ставил своей целью закрепить права и власть богатого меньшинства —владельцев собственности, в первую очередь крупных собственников. Об этом свидетельствовали сами создатели конституции. «Те, кто владеет собственностью, и те, кто ее не имеет, всегда представляли различные интересы в обществе,— писал Дж. Мэдисон.— То же самое можно сказать о кредиторах и должниках. Земельные, промышленные, торговые и денежные интересы, а также интересы меньших групп неизбежно проявляются в цивилизованных нациях и разделяют их на различные классы, руководствующиеся в своих действиях различными чувствами и взглядами. Регулирование этих неодинаковых и противоречивых интересов представляет собой основную цель современного законодательства...» [43].

Суть дела заключалась в том, что подобное регулирование осуществлялось в интересах имущих классов, руками их представителей, отвергавших требования народных масс. Делегаты конституционного конвента, взявшие на себя миссию выработки нового законодательства, присвоили себе право регулировать интересы различных классов и групп населения строго в соответствии с интересами богатых собственников. В работе конвента и выработке конституции налицо было явное отступление от практики революционных лет, когда важнейшие политические решения принимались в результате более или менее широкого обсуждения. Принятые во время войны «Статьи конфедерации» существенно отличались, например, от конституции 1787 г. Они страдали недостатками и нуждались в пересмотре. С этим соглашались многие политические лидеры, включая представителей демократического крыла. Но действия тех, кто взял на себя миссию выработки нового правопорядка, разительно отличались от практики прежних лет. В известном отношении они были шагом назад по сравнению с процедурой принятия «Статей конфедерации».

[40] *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1913, p. 149, 151, 324.

[41] *Jensen M.* The American People and the American Revolution.— Journal of American History, 1970, vol. 57, p. 5—6.

[42] *Фурсенко А. А.* Американская и французская революции XVIII века: Опыт сравнительной характеристики.— Вопр. истории, 1972, № 11, с. 74; *Он же.* Американская революция и образование США. Л., 1978, с. 386—388.

[43] The Federalist Papers / Ed. by C. Rossiter. N. Y.; L., 1961, p. 79.

В послевоенные годы в политике правящих кругов произошли заметные перемены. Упоминавшийся французский поверенный в делах Отто, характеризуя политику военных лет, отмечал, что в «грозные времена необходимо было соглашаться с тем, что всякая власть должна исходить только от народа, что все должно быть подчинено его верховной воле и что должностные лица являются не более, чем его слугами». После же того, как война окончилась, «класс людей, известных под названием джентльменов», стал, по словам Отто, «претендовать на господство, с которым народ не хочет согласиться... Почти все они,— писал французский дипломат,— опасаются стремления народа лишить их имущества. К тому же они являются кредиторами и поэтому заинтересованы в том, чтобы усилить правительство и обеспечить исполнение законов» [44].

Б. Франклин вскоре после заключения Парижского мирного договора предупреждал своих соотечественников, что Англия не примирилась с поражением и все еще тешит себя надеждой вернуть былое при первом же удобном случае. С начала 80-х годов Пейн, Джефферсон, Вашингтон и другие видные деятели американской республики все чаще поднимали вопрос о необходимости преобразовать старую систему власти в более сильное и авторитетное правление [45].

Действующее центральное правительство — Континентальный конгресс — на собственном опыте могло убедиться в бессилии существующей верховной власти. Бессилие вело к апатии. Нередко на заседаниях конгресса присутствовали 20—25 человек, хотя штаты должны были посылать в Филадельфию 91 депутата. Только 23 депутата от 11 штатов участвовали в заседании, ратифицировавшем мирный договор с Англией. Когда конгресс принимал отставку Дж. Вашингтона с поста главнокомандующего. в зале находились всего 20 депутатов от 7 штатов. Иногда отсутствие кворума мешало проводить заседания, и конгресс вообще не собирался [46].

Наблюдавшие за работой конгресса иностранные дипломаты, в частности французские представители, отмечали особые трудности при решении финансовых и торговых вопросов [47]. Согласно правилам, установленным «Статьями конфедерации», ассигнования на расходы по управлению страной поступали от штатов. Но вместо 4 млн. долл., которые конгресс должен был получить к 1 июля 1781 г., было получено лишь 50 тыс., вместо 6 млн. к 1 сентября того же года — только 125 тыс. Конгресс был не способен что-либо изменить.

Не случайно непосредственным поводом для созыва конституционного конвента явилась конференция представителей штатов в Аннаполисе (Мэриленд) для обсуждения правил внутренней торговли. Инициатива созыва этой конференции принадлежала Виргинской законодательной ассамблее, обратившейся с призывом к другим штатам избрать делегатов и собраться в Аннаполисе. Из 13 штатов 9 откликнулись немедленно. Они

---

[44] Отто — Верженну, 10 ноября 1786 г.— In: Sources and Documents, Illustrating the American Revolution, 1764—1788 / Ed. by S. E. Morison. Oxford, 1953, p. 233—234.

[45] *Aptheker H.* Early Years of the Republic, p. 21; *Согрин В. В.* Указ. соч., с. 194—199; *Шпотов Б. М.* Создание конституции США и проблема демократии (1787 г.).— В кн.: Американский ежегодник, 1977. М., 1977, с. 112—114.

[46] *Aptheker H.* Early Years of the Republic, p. 22.

[47] Отто — Верженну, 20 января, 1 ноября 1786 г.— Archives, Correspondance politique, États-Unis, t. 3, p. 73—76, 123—126, 131—135.

избрали своих представителей на конференцию, но в Аннаполис прибыли 12 делегатов, представлявших только 5 штатов [48].

Среди прибывших были такие активные политические фигуры, как Дж. Мэдисон и А. Гамильтон. Еще до отъезда на конференцию Мэдисон полагал, что в случае успешного исхода ее участники ограничились бы принятием некоторых дополнений к «Статьям конфедерации» в рамках своего рода «торговой реформы», что было бы, по его мнению, совершенно недостаточно [49]. Аналогичным образом относился к конференции и Гамильтон: инструкциями законодательной ассамблеи Нью-Йорка его деятельность в Аннаполисе была ограничена обсуждением вопросов регулирования торговли между штатами. Подобно Мэдисону, Гамильтон являлся решительным сторонником политической реорганизации США. Поэтому повестка дня конференции в Аннаполисе, и с его точки зрения, была неудовлетворительной, слишком узкой по кругу вопросов, который ей предстояло обсудить [50].

Поскольку делегаты, прибывшие на конференцию, представляли менее половины штатов, решено было обсуждений не проводить. Перед тем как покинуть Аннаполис Гамильтон предложил направить всем штатам обращение с призывом собраться в мае 1787 г. на конвент, чтобы «привести в соответствие с насущными потребностями союза конституцию федерального правительства» [51]. Энергично поддержанное Мэдисоном, это предложение было принято собравшимися в Аннаполисе делегатами, и, таким образом, всем штатам было послано предложение собраться для обсуждения не только торговых, но и других «насущных» вопросов государственного переустройства США [52]. В феврале 1787 г. этот призыв был одобрен специальной резолюцией конгресса, предлагавшей штатам прислать своих представителей на конвент, чтобы «пересмотреть статьи конфедерации» [53].

Нет никаких данных, что приглашение на конвент для выработки новой конституции было продиктовано только восстанием Шейса. Но хронологически и первое, и второе обращения совпали с усилением повстанческого движения. Обращение участников конференции в Аннаполисе было датировано 14 сентября 1786 г., т. е. буквально за несколько дней до первого столкновения повстанцев с правительственными силами в связи с намеченной в Вустере сессией Верховного суда штата, в период усиления массовых выступлений, а второе — 21 февраля 1787 г., почти через месяц после столкновения повстанцев с войсками в Спрингфилде. Хотя прямых данных о связи указанных событий нет, их совпадение само по себе достаточно красноречиво.

Конвент в Филадельфии открылся в конце мая и продолжался 18 недель. От 12 штатов (13-й, Род-Айленд, отказался участвовать) было избрано 74 делегата. Некоторые не смогли прибыть, некоторые не пожелали. В результате максимальное число участников заседаний — 55, а при

[48] *Rossiter C.* 1787. The Grand Convention. N. Y., 1966, p. 54.
[49] Мэдисон — Джефферсону, 12 августа 1787 г.— In: The Papers of Thomas Jefferson, vol. 10, p. 232.
[50] *Miller J. C.* Alexander Hamilton. Portrait in Paradox. N. Y., 1959, p. 138.
[51] Ibid., p. 138—139.
[52] Ibid., p. 139.
[53] Documents Illustrative of the Formation of the Union of the American States (69th Congress, 1st Session, Congress House Documents, N 398) / Ed. by C. C. Tansill. Wash., 1930, p. 46.

окончательном голосовании 17 сентября 1787 г. присутствовало лишь 42. Вместо дополнений к «Статьям конфедерации» конвент выработал конституцию, которая представляла собой совершенно новый документ. Он должен был вступить в силу, получив ратификацию 9 штатов, т. е. $^2/_3$ США.

На протяжении 18 недель участники конвента в Филадельфии обсуждали конституционные основы государственного устройства страны, которое призвано было установить новый порядок, гарантирующий власть национальной американской буржуазии и плантаторов, возглавлявших восстание колоний против Англии.

Хотя состав конвента в социальном отношении являлся более или менее однородным, взгляды его участников были неодинаковы. Гамильтон, представлявший консервативную точку зрения, считал идеалом политический строй Англии с его конституционной монархией и двухпалатным парламентом, в котором верхняя палата была наделена кастовыми привилегиями. Он выступал за сильную власть, предлагая установить пожизненный срок правления президента США и членов верхней палаты конгресса, а также предоставить президенту право отклонять любые постановления конгресса, с которыми он не согласен[54]. С другой стороны, представитель буржуазно-демократических кругов Б. Франклин являлся сторонником того, чтобы законодательная власть — конгресс — была однопалатной и выборы в нее производились на основе пропорционального представительства, хотя на конвенте Франклин отступил и поддержал идею организации двухпалатного конгресса[55].

Являясь сторонником олигархической формы правления, Гамильтон никогда не выступал в пользу установления монархии. Но в кругах имущей верхушки США и среди реакционного офицерства идея установления монархического строя была достаточно популярной. Еще в 1783 г. представители консервативно настроенной армейской верхушки создали «Общество Цинциннати», предложив Вашингтону стать американским монархом. Последний категорически отверг это и последующие аналогичные предложения, заявив себя сторонником республиканского строя. Решительной критике монархические проекты были подвергнуты Т. Джефферсоном, Б. Франклином и С. Адамсом. Они вызвали неодобрительную реакцию и со стороны таких умеренно-консервативных деятелей, как Дж. Адамс и Дж. Джей[56]. В этих условиях было абсолютно бессмысленно поддерживать идею монархического строя на конвенте. Надо полагать, что Гамильтон отдавал себе отчет и в том, что идея эта была крайне непопулярна в народе, только что сбросившем иго британского короля. С этим приходилось считаться.

Решение вопроса о характере политического устройства США было найдено на центристской основе. Важную роль в формировании положений конституции сыграл Дж. Мэдисон[57]. Именно он руководил составлением так называемого «виргинского плана», который внесен был на обсуждение конвента делегатом Виргинии Э. Рэндолфом[58]. План предусматривал со-

[54] *Согрин В. В.* Указ. соч., с. 275—276.
[55] Там же, с. 185—186.
[56] *Плешков В. Н.* «Общество Цинциннати».— Вопр. истории, 1973, № 11, с. 217.
[57] *Согрин В. В.* Указ. соч., с. 270.
[58] The Records of the Federal Convention of 1787: Vol. 1—4 / Ed. by N. Farrand. New Haven, 1911, vol. 1, p. 6.

здание сильной центральной власти. Встретив оппозицию со стороны делегатов, выступавших за сохранение бо́льших прав за отдельными штатами, представитель Нью-Джерси У. Патерсон внес на рассмотрение конвента свой проект, получивший название «плана Нью-Джерси». В нем предлагалось ограничиться расширением прерогатив центрального правительства лишь в сфере финансов и торговли [59].

Оба эти плана, первый в меньшей степени, второй — в большей, подверглись критике со стороны Гамильтона, который произнес пространную речь, призывая делегатов выработать систему максимально централизованной власти. Последующее обсуждение показало, однако, что большинство делегатов конвента склоняются в пользу «виргинского плана», который был одобрен с некоторыми поправками, став основой при выработке новой конституции [60].

Политическая платформа Мэдисона основывалась на концепции «регулирования» общества, состоящего из фракций или классов. Его подход определялся стремлением гарантировать стабильный политический порядок, чтобы защитить богатое меньшинство от бедного большинства.

Одной из важнейших особенностей выработанной конвентом конституции был так называемый принцип «разделения властей». Вся система высших политических органов делилась на три звена: исполнительную власть во главе с президентом, законодательную — конгресс и судебную — Верховный суд. Вместе с тем все эти звенья были взаимосвязаны и была установлена централизация власти. Новая система была настолько очевидно подчинена интересам крупных собственников, что французский поверенный в делах Отто считал, что по своему типу она приближается к «выборной аристократии или смешанной монархии» [61].

Глава исполнительной власти — избираемый сроком на 4 года президент — был наделен такими широкими полномочиями, что впоследствии об американской системе правления стали говорить как об «имперском президентстве» [62]. Конституция предоставляла президенту право утверждать решения конгресса и отклонять их (право вето) в случае, если при повторном рассмотрении конгресс не подтверждал своего первоначального решения $^2/_3$ голосов. Президент являлся верховным главнокомандующим, имел право помиловать, заключать договоры с иностранными державами, назначать членов кабинета, высших дипломатических представителей, а также членов Верховного суда. Однако и заключенные им договоры, и назначения должностных лиц могли приобрести силу только после их одобрения конгрессом. Кроме того, президент ежегодно обязан был представлять конгрессу отчет о положении дел в стране [63].

Усилению центральной власти в духе политической концепции федералистов, как именовали сторонников новой конституции, служила и организация законодательных органов. Законодательные функции были закреплены за конгрессом, состоявшим из двух палат: верхней — сената и нижней — палаты представителей. Конгресс США получил право регулировать торговлю и налогообложение, вводить таможенные пошлины и

[59] Ibid., p. 242—245.
[60] *Miller J. C.* Alexander Hamilton, p. 160f.
[61] Отто — Монморану, 25 декабря 1789 г., 13 марта 1790 г.— Archives, Correspondance politique, États-Unis, t. 34, p. 158, 353, t. 35, p. 66.
[62] *Schlesinger A. M., Jr.* The Imperial Presidency. Boston, 1973, ch. 1—3.
[63] Constitution of the United States.— In: Sources and Documents..., p. 299—301.

выпускать деньги. Только конгресс имел право объявить войну и начать военную мобилизацию. Особые прерогативы получал сенат [64].

Верхняя палата представляла интересы крупных собственников, и Мэдисон аргументировал необходимость ее создания задачами борьбы против «уравнительского духа». В этом он усматривал «политическую мудрость» и «добродетель» сената [65]. Хотя согласно принятому на конвенте постановлению члены сената не избирались пожизненно, как предлагал Гамильтон, для них был установлен 6-летний срок, в то время как члены палаты представителей избирались лишь на 2 года. Решения палаты представителей подлежали утверждению сената. С согласия 2/3 состава сенат получал право суда над высшими должностными лицами, включая президента. Предоставление сенату обширных полномочий призвано было служить гарантом сильной власти [66].

В качестве высшей судебной инстанции конституция учредила Верховный суд, члены которого избирались пожизненно. В глазах консервативно настроенных делегатов конвента это придавало ему особую силу, укрепляло его независимость. Верховный суд был вправе отменить любой закон, решение конгресса или договор, признав их неконституционными. Его заключение являлось окончательным, и ранее принятые решения теряли силу [67].

Созданная новой конституцией политическая система, как и трактовка ею принципа «разделения властей», была направлена на максимальное усиление централизации путем предоставления широких полномочий главе исполнительной власти — президенту, верхней палате законодательного органа — сенату и Верховному суду. Это и был тот «барьер» против демократии, о котором так радели члены конституционного конвента.

Участники конвента обсуждали также вопрос об избирательных правах населения. В разное время и по разным поводам делегаты высказывались по вопросу о том, что правительству необходимо предотвратить активное участие масс в политическом процессе. Проблема демократии была центральной при обсуждении конституции [68]. Многие делегаты были настроены в пользу того, чтобы урезать избирательные права народа, отменив демократические завоевания периода революции и сократив число избирателей. «Народ должен как можно меньше касаться дел правительства»,— говорил делегат от Коннектикута Шерман. «Бедствия, которые мы сейчас испытываем, проистекают от излишеств демократии»,— вторил ему делегат от Массачусетса Джерри [69]. Эти слова были произнесены в первые дни работы конвента. Позднее Гамильтон высказывался еще более резко: «Говорят, что глас народа — глас божий. Но сколько бы это ни повторяли, сколько бы в это ни верили, на самом деле положение обстоит иначе. Народ возбудим и непостоянен, редко способен трезво рассуждать и верно решать» [70]. Эта мысль проходила лейтмотивом в прениях делегатов конституционного конвента.

---

[64] Ibid., p. 293—298.
[65] The Records..., vol. 1, p. 423.
[66] Constitution..., p. 293—296.
[67] Ibid., p. 301—302.
[68] *Шпотов Б. М.* Создание конституции США и проблема демократии, с. 109—132.
[69] The Records..., vol. 1, p. 48, 123, 132
[70] Ibid., p. 299.

При обсуждении раздела конституции, касавшегося избирательных прав, делегаты, однако, предпочли проявить сдержанность. Конвент не склонен был следовать точке зрения Б. Франклина, считавшего необоснованным ограничение избирательных прав имущественным цензом. Великий просветитель говорил, что правительство свободной страны должно быть слугой народа и что народ является хозяином правительства [71]. Он решительным образом высказался против ограничения избирательных прав, напомнив, что народ сыграл огромную роль во время войны, внес основной вклад в дело победы. «Чрезвычайно важно,— говорил Франклин,— чтобы мы не унизили его достоинства и не причинили вреда духу народа...» [72]

Большинство делегатов не разделяли подобного рода суждений, но побоялись стать на путь ограничения прав, завоеванных в результате революции. «Избирательное право — это деликатный вопрос,— заявил делегат от Коннектикута Элсворт,— оно строго охраняется большинством конституций штатов. Народ не захочет поддержать конституцию страны, если она лишит его избирательных прав» [73].

Эту точку зрения разделял и Мэдисон. Он был сторонником «сбалансированного порядка», выступал за то, чтобы США оставались демократической республикой. «Избирательное право,— говорил он,— одно из основных условий республиканского правления...» [74] Мэдисон считал, что правительство лишь выиграет, если сумеет добиться поддержки народа и расширит свою опору в массах. Поэтому он возражал против реставрации основанных на имущественном цензе ограничений, частично пересмотренных либо отмененных в результате революции [75]. Возврат к дореволюционным нормам мог подорвать всю систему, гибельно сказавшись на судьбе конституции. В конечном итоге члены конвента осознали это. Однако, отказавшись от мысли вводить какие-либо ограничения, конвент отнюдь не высказался в пользу всеобщего избирательного права. Согласно принятому постановлению имущественные и иные ограничения, закрепленные ранее конституциями штатов, оставались в силе [76].

Конституция опиралась на систему «балансов и сдерживающих факторов», которая, по замыслу ее создателей, должна была обеспечить господство буржуазно-плантаторской верхушки над народом. Теоретическое обоснование этой системы в наиболее полной форме было дано Мэдисоном вскоре после завершения работы по созданию конституции [77].

Кроме мер общеполитического значения, конвент принял ряд решений в интересах зажиточных слоев населения. Долговые обязательства подлежали непременному погашению, причем не в бумажных деньгах, а звонкой монетой. Наделив центральное правительство правом выпуска денег, конвент запретил штатам дальнейшие эмиссии. Конституция поручала правительству США чеканку золотой и серебряной монеты. Формально она не вводила запрета на выпуск бумажных денег, но тогда это имелось в виду как само собой разумеющееся. Делегаты конвента

---

[71] Ibid., vol. 2, p. 120.
[72] Ibid., p. 204—205.
[73] Ibid., p. 202.
[74] Ibid., p. 203.
[75] Ibid.
[76] Constitution..., p. 294.
[77] The Federalist, p. 55—57.

единогласно постановили, что если «лицо, связанное услугами или работой», переедет в другой штат, оно должно быть выдано лицу, законно требовавшему от него услуг или работы [78]. Это постановление было проведено прежде всего в интересах рабовладельцев.

В то же время внутри господствующих классов, между различными группами буржуазии и плантаторов существовали серьезные противоречия, что нашло отражение в ходе дебатов на конвенте. Выявились разногласия между большими и малыми штатами по вопросу о норме представительства в конгрессе, острая дискуссия развернулась между представителями Юга и Севера. Затяжной и напряженный характер носили дебаты о норме представительства в сенате.

Делегаты южных и некоторых центральных штатов с большим числом населения настаивали на том, что представительство в сенате должно быть пропорционально численности населения. Делегаты малых северных штатов добивались того, чтобы каждый штат в сенате имел равное число представителей. В конечном итоге конституция зафиксировала право каждого штата независимо от числа жителей иметь двух сенаторов. Это соответствовало общему замыслу федералистов консолидировать власть богатого «меньшинства».

В то же время была достигнута договоренность, что палата представителей будет избираться по принципу пропорциональности числа жителей, и она получила такое важное право, как введение налогов. Не менее важной была уступка представителям Юга, согласно которой при исчислении нормы представительства в нижнюю палату должно было учитываться $^{3}/_{5}$ рабского населения, хотя последнее и не имело избирательных прав.

Договоренность по указанному комплексу вопросов получила название «великого компромисса», который являлся одной из важнейших политических сделок на конвенте между представителями буржуазии Севера и плантаторов Юга.

Стремление консолидировать позицию имущих классов на основе компромисса определяло всю деятельность конвента. И по другим спорным вопросам, какими бы острыми они ни оказывались, было достигнуто соглашение. По-разному, например, подходили северные и южные штаты к вопросам торговли. Южные плантаторы, традиционно ввозившие большое количество промышленных товаров из-за границы, заинтересованы были в том, чтобы они облагались минимальными тарифами. Что же касается промышленников Севера, то они стремились защищаться от иностранной конкуренции высокими пошлинами на импортируемую продукцию и потому выступали за протекционизм. Спор по этому вопросу решился в пользу сторонников протекционистской системы, но буржуазии Севера пришлось пойти на серьезную уступку плантаторам Юга в вопросе о работорговле. Дискуссия по этим вопросам была длительной и острой.

Промышленники Севера стремились к уничтожению рабского труда, противоречащего их экономическим интересам. В том, что система рабства носила порочный характер, отдавали себе отчет не только представители Севера, но и наиболее дальновидные политические деятели южных штатов. За полтора года до созыва конвента делегат Виргинии в Конти-

[78] Constitution..., p. 303.

нентальном конгрессе Ч. Томпсон писал, что рабство, с его точки зрения,— это раковая опухоль, которую необходимо удалить. «Если нельзя сделать этого при помощи религии, разума или философии,— отмечал он,— я уверен, что в один прекрасный день это будет сделано ценой крови»[79].

Слова эти были пророческими, но на конвенте победила другая точка зрения. Представители южных штатов заявили о возможности кровопролития, если не будут приняты их условия. Они заняли ультимативную позицию: в случае запрещения ввоза рабов пригрозили отказом подписать конституцию и выйти из Союза. Сознавая опасность раскола, делегат Пенсильвании Р. Моррис выступил с призывом прийти к соглашению. В итоге и в данном вопросе был найден компромисс: конституция разрешала ввоз рабов, ограничив это разрешение 20-летним сроком, до 1808 г., и обложив работорговлю пошлиной[80]. Как и во время обсуждения Декларации независимости, в ходе дебатов на конституционном конвенте противники рабовладельческой системы во имя сохранения союза вынуждены были отступить. Конституция практически узаконила институт рабства. «Конституция,— отмечал К. Маркс,— признает рабов собственностью и обязывает правительство Союза защищать эту собственность»[81].

К началу осени текст конституции подвергся окончательному редактированию и 17 сентября был представлен делегатам конвента для подписания. На следующий день конституция была опубликована. Несколько делегатов отказались подписать документ, выразив несогласие с его положениями по разным мотивам[82].

4. БОРЬБА ВОКРУГ РАТИФИКАЦИИ КОНСТИТУЦИИ

Обнародованная конституция вызвала острые споры между ее сторонниками — федералистами и теми, кто был против нее,— антифедералистами. Для того чтобы вступить в силу, конституция должна была быть ратифицирована 9 из 13 штатов — членами Союза. Эта миссия возлагалась на конвенты штатов, делегаты которых избирались местными законодательными ассамблеями. Такая процедура была принята специально, чтобы отстранить рядового избирателя от решения быть или не быть федеральной конституции 1787 г.

«Наше новое федеральное правительство,— отмечал тогда в частном письме известный политический деятель и ученый Б. Раш,— весьма приемлемо для огромного большинства наших граждан и, конечно, получит поддержку 9 штатов немедленно, а всех (остальных.— *Авт.*) в течение года — полутора». Однако прогноз оказался излишне оптимистичным. Прошло семь месяцев, прежде чем конституция была одобрена 9 штатами, а для того чтобы получить согласие всех 13 штатов, потребовалось без малого три года[83].

Страна раскололась на два лагеря. «Общественное мнение,— писал Джей,— поглощено планом федерального правительства, рекомендован-

[79] Томпсон — Джефферсону, 2 ноября 1785 г.— In: The Papers of Thomas Jefferson, vol. 9, p. 101.
[80] Records..., vol. 1, p. 538, 540, 542.
[81] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 341.
[82] *Rossiter C.* Op. cit., p. 230—237.
[83] Цит. по: *Aptheker H.* Early Years of the Republic, p. 98.

ным недавним конвентом. Многие ожидают, что его создание даст большие положительные результаты. Другие будут противодействовать его одобрению»[84]. Началась ожесточенная политическая борьба. Сторонники конституции — федералисты устраивали демонстрации, выступали на собраниях и в печати, агитируя за ее ратификацию. Наиболее активную роль в стремлении обосновать необходимость принятия конституции играли участвовавшие в ее создании Дж. Мэдисон, Дж. Джей и А. Гамильтон. Они изложили свою политическую программу в серии статей, объединенных впоследствии в сборнике «Федералист».

В этих статьях (всего 85) Мэдисон, Джей и Гамильтон отстаивали разработанную ими систему и доказывали целесообразность новой конституции. Определяя идею публикации «Федералиста», Мэдисон писал, что «главная цель статей заключается в том, чтобы в ясной форме и достаточно полно обрисовать достоинства конституции»[85]. А. Гамильтон защищал новый правопорядок как имеющий реальные преимущества по сравнению со старой системой. Авторы «Федералиста» утверждали, что только сильная централизованная власть, как она спроектирована конституцией, способна поддерживать стабильное экономическое положение в стране, проводить независимую внешнюю политику и поддерживать внутренний порядок, защищать свободу и собственность против тех, кто попытается их нарушить. Разъясняя последнее, Гамильтон отмечал, что в первую очередь необходимо бороться против местных фракций и восстаний[86].

В наиболее развернутой форме теоретические принципы нового правопорядка были изложены Мэдисоном в его статье о «фракциях»[87]. «Нет более характерной для того периода теории, чем теория фракционности,— писал по поводу концепции федералистов В. Л. Паррингтон.— Она представляла собой первую линию обороны против наступления демократического движения. Этот термин в течение долгого времени использовался для того, чтобы клеймить всякие народные волнения...»[88].

Противники конституции — антифедералисты не имели такой разработанной политической платформы, как ее сторонники. Но и они сделали все возможное, чтобы сплотить силы, выступая против ратификации нового свода законов. Положение антифедералистов осложнялось тем, что решительными сторонниками пересмотра «Статей конфедерации» являлись не только консервативно настроенные политические деятели, но и такие представители буржуазно-демократической мысли, как Т. Пейн и Т. Джефферсон. Они, правда, рассматривали конституцию в ином аспекте — как манифест демократической свободы. Однако и Пейн, и Джефферсон, например, считали абсолютно необходимым, чтобы США были более централизованным государством[89]. Кроме того, некоторые группы населения, принадлежащие к «низам», в частности нью-йоркские ремесленники, одобрительно отнеслись к выработке конституции, поскольку ранее существовавший порядок губительно сказывался на их

---

[84] Джей — Дж. Адамсу, 16 октября 1787 г.— In: The Correspondence and Public Papers of John Jay, vol. 3, p. 258.
[85] The Federalist Papers, p. 224.
[86] Ibid., p. 521.
[87] Ibid., p. 77—84.
[88] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 1, с. 359.
[89] *Согрин В. В.* Указ. соч., с. 194.

экономическом положении[90]. Это и некоторые другие факторы подрывали демократическую оппозицию новой конституции[91].

Тем не менее антифедералисты располагали достаточно мощными силами, направив их на борьбу против ратификации конституции. В разгар кампании по вопросу о ратификации конституции Джей отмечал, что «оппозиция» носит настолько «грозный характер, что представляется проблематичным исход (борьбы.— *Авт.*)»[92]. Антифедералисты заявляли, что конвент был не в праве пересматривать «Статьи конфедерации» и потому новая конституция противозаконна. Демонстрации и митинги протеста охватили всю страну. Устраивались массовые шествия, сопровождавшиеся публичным сожжением конституции. Между противниками и сторонниками конституции происходили стычки, приобретавшие подчас характер настоящих сражений, когда использовались оружие, палки и камни, как это было, например, в Нью-Йорке[93].

Как и в период освободительного движения против Англии, «политика улицы» стала важным фактором, влиявшим на развитие событий. Как и тогда, представители имущих классов были напуганы выступлениями масс и всячески стремились удержать их, применяя принципиально ту же тактику. Они готовы были пойти на частичные уступки, ревниво оберегая свои прерогативы. Поскольку формальное право обсуждения конституции, ее ратификации принадлежало конвентам штатов, избираемым законодательными ассамблеями, это давало определенное преимущество федералистам. Хотя состав последних в значительной мере демократизировался в результате пересмотра местных законов после провозглашения независимости, тем не менее ассамблеи все еще были далеки от того, чтобы являться представителями народа. Большинство в них по-прежнему оставалось за имущими классами.

Несмотря на общее снижение имущественного ценза, избирательное право в большинстве штатов отнюдь не являлось всеобщим. Например, для участия в выборах в Массачусетсе и Нью-Гэмпшире нужно было располагать собственностью на сумму не менее 60 ф. ст., в Коннектикуте — владеть недвижимостью не менее чем на 134 долл. либо платить не менее 7 долл. налога. В Южной Каролине избирательные права были предоставлены всем белым жителям-мужчинам, проживавшим в штате не менее года, верившим в бога и владевшим 50 акрами земли. В Северной Каролине и Виргинии избирательным правом был наделен каждый белый мужчина, владевший собственностью на сумму не менее 10 ф. ст. Аналогичные правила существовали в ряде других штатов. Еще сложней было получить право на избрание в законодательную ассамблею: для этого устанавливался более высокий имущественный ценз[94].

Таким образом, представители имущих слоев из состава законодательных ассамблей, избиравшие делегатов местных конвентов, решали и вопрос о ратификации конституции. По подсчетам Дж. Т. Мейна, в под-

---

[90] *Lynd S.* Class Conflict, Slavery and the United States Constitution: Ten Essays. Indianapolis, 1967, p. 123—126.

[91] *Main J. T.* The Antifederalists. Critics of the Constitution, 1781—1788. Chapel Hill, 1961, p. 268—270.

[92] Джей — Вашингтону, 20 апреля 1788 г.— In: The Correspondence and Public Papers of John Jay, vol. 3, p. 324.

[93] *Young A. F.* The Democratic Republicans of New York. The Origins, 1763—1797. Chapel Hill, 1967, p. 119—121.

[94] *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution, p. 67—71.

держку новой конституции выступили $^{7}/_{8}$ крупных предпринимателей и судовладельцев, $^{5}/_{6}$ купцов и $^{2}/_{3}$ юристов[95]. Федералистов поддерживали крупные землевладельцы, плантаторы, ростовщики, а также некоторая часть фермеров и зависевших от них мелких землевладельцев-арендаторов, часть ремесленников и рабочих.

В масштабах страны силы федералистов и антифедералистов были примерно равны. По своему социальному составу лагерь антифедералистов был более демократичен, но одновременно и чрезвычайно неоднороден. Несмотря на то что его основная опора — фермеры, ремесленники и представители малоимущих слоев, и здесь во главе движения оказались представители буржуазно-плантаторских кругов. У антифедералистов, видимо, был небольшой численный перевес, но, не имея четкой позитивной программы, они занимались главным образом критикой конституции. Федералисты же были лучше организованы, что и помогло им в итоге добиться успеха, хотя дело это оказалось чрезвычайно трудным[96].

В декабре 1787 — январе 1788 г. сторонникам конституции удалось одержать сравнительно легкую победу на конвентах Делавэра, Нью-Джерси, Пенсильвании, Джорджии, а также в Коннектикуте. Острая дискуссия развернулась на конвенте Массачусетса, где все еще сильны были настроения, против которых была направлена конституция. Поэтому при голосовании в феврале 1788 г. она была утверждена лишь незначительным большинством голосов (187 против 167). В Виргинии федералистам удалось собрать лишь 89 голосов против 79. Очень остро протекали дебаты на конвенте Нью-Гэмпшира, где лишь при повторном созыве в июне конституция была утверждена 57 голосами против 47. Ожесточенный характер носила дискуссия на конвенте Северной Каролины, где плантаторы, опасавшиеся чрезмерного усиления власти буржуазии северных штатов, объединились с фермерами и опрокинули сторонников конституции. Лишь в ноябре 1789 г. в результате сильного давления со стороны центральных властей Северная Каролина пересмотрела свое решение.

В Род-Айленде при сравнительно широких избирательных правах был проведен референдум, в котором участвовало около 50% взрослого мужского населения. За конституцию было подано менее 10% голосов. Род-Айленд вынужден был ратифицировать конституцию в мае 1790 г., после того как все штаты ее одобрили. На основе этой конституции уже действовало новое правительство, и оно пригрозило Род-Айленду экономическими санкциями в случае отказа подать свой голос за уже вступившую к тому времени в силу конституцию[97].

В ходе политической борьбы вокруг конституции 1787 г. важное место занял вопрос о правах человека. Сторонники демократического крыла требовали дополнить конституцию Биллем о правах. В 10 штатах из 13 Билль о правах уже был включен в текст местных конституций. При обсуждении федеральной конституции 7 штатов оговорили свое согласие на ее ратификацию лишь при условии, что она будет дополнена статьями о правах человека.

---

[95] *Main J. T.* The Antifederalists, p. 263.

[96] Ibid., p. 249.

[97] *Сыркин Б. Д.* Классовая борьба вокруг создания и принятия конституции США (1787—1788).— В кн.: Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1951, т. 14, вып. 1, с. 223—227.

Решительным сторонником внесения поправок, которые демократизировали бы принятый в Филадельфии документ, выступил Т. Джефферсон. Находившийся в то время в Париже на посту посланника США автор Декларации независимости ознакомился с новой конституцией лишь в ноябре 1787 г. Первая его реакция была критической, о чем Джефферсон не замедлил сообщить Мэдисону, Вашингтону и другим делегатам [98]. Он связывал принятие конституции с восстанием Шейса и отмечал, что последнее оказало «слишком большое воздействие» на работу конвента, который, одобрив конституцию, «выпустил коршуна для наведения порядка на птичьем дворе» [99].

В последующей переписке Джефферсон соглашался одобрить конституцию, но при условии внесения в нее поправок. После того как конституция была ратифицирована 9 штатами, он писал, что готов рассматривать ее как хорошую канву, нуждавшуюся в нанесении некоторых штрихов. Джефферсон пояснял это необходимостью дополнения конституции Биллем о правах [100].

Федералисты пытались доказать, что, поскольку местное законодательство штатов в большинстве случаев уже содержало подобного рода постановления, вводить специальный раздел о правах человека в федеральную конституцию не имеет смысла. Обоснованию этой точки зрения посвятил пространную статью в «Федералисте» А. Гамильтон. Однако в 1789 г. конгресс вынужден был принять Билль о правах, 10 поправок к конституции, которые вступили в силу с ноября 1791 г. [101]

По свидетельству французского посланника Мустье, создатели конституции «абсолютно не были расположены заниматься поправками, пока не будет полностью организовано правительство». Однако в результате массовых требований, а также под влиянием начавшейся революции во Франции они решили это сделать. Обнаружив, что «их противники подготовили длинный список дополнений, способных ослабить или вообще ниспровергнуть всю новую систему, они решили предложить сами то, что не могло ей повредить, и взять под контроль дебаты, чтобы сделать их для себя более благоприятными... Эти поправки,— писал Мустье,— были составлены господствующей партией в такой манере, чтобы не нанести никакого ущерба духу конституции и унять чрезмерное беспокойство...» [102].

Принятие Билля о правах было вынужденной мерой для федералистов. Но эта мера имела принципиальное значение. Она была серьезным успехом демократических сил и придавала конституции иное звучание.

Билль о правах включал поправки, содержавшие конституционные гарантии буржуазных свобод. Первая поправка провозглашала свободу слова, печати и собраний. Вторая признавала, что для гарантии свободы штаты имеют право содержать ополчение, а народ — иметь и носить

---

[98] *Ширяев Б. А.* Томас Джефферсон и американская конституция.— Вестн. ЛГУ. История, язык, литература, 1977, № 8, вып. 2, с. 50—52.

[99] The Papers of Thomas Jefferson, vol. 12, p. 356—357.

[100] Ibid., vol. 13, p. 442.

[101] *Гончаров Л. Н.* К истории политической борьбы в США за «Билль о правах» в 1788—1791 гг.— Науч. докл. высшей школы. Исторические науки, 1958, № 3, с. 161—176.

[102] Мустье — Монморану, 12 сентября 1789 г.— Archives, Correspondance politique, États-Unis, vol. 34, p. 256.

оружие. Третья запрещала расквартирование солдат в частных домах без согласия хозяина в мирное время и разрешалось лишь в случае специального закона — в военное. Четвертая обеспечивала неприкосновенность личности и имущества. Обыски и аресты могли производиться только по предъявлению ордера, который выдавался судебными властями при наличии «основательных причин». Пятая поправка вводила суд присяжных и провозглашала, что «никого нельзя принудить при каком-либо уголовном деле свидетельствовать против самого себя или лишать жизни, свободы и собственности без надлежащего разбирательства». Шестая, седьмая и восьмая касались процедуры судопроизводства. Девятая констатировала важное положение: те права, «которыми уже пользуется народ», если они не вошли в конституцию, отменены быть не могут. Наконец, десятая поправка подчеркивала, что права штатов, не переданные федеральному правительству, остаются в неприкосновенности [103]. Хотя провозглашение свободы и прав человека в условиях буржуазного строя еще не есть их претворение в жизнь, включение Билля о правах в конституцию США было важным завоеванием революции.

Оценивая в целом конституцию США, нельзя не отметить, что это была самая передовая конституция того времени. Конституция США закрепила буржуазную республиканскую форму правления, свободную от феодально-монархических порядков, вводила единую федеральную власть. Несмотря на недостатки конституции, связанные с ограниченным характером прогресса в условиях буржуазного строя, ее принятие и последующую ратификацию следует рассматривать «как консолидацию революции» [104].

Принятие конституции и установление новой централизованной федеральной системы способствовали укреплению независимого государственного устройства США. Существовали проекты, согласно которым вместо единого государства предполагалось создать несколько конфедераций. В октябре 1786 г. Б. Раш отмечал, что «некоторые наши просвещенные люди, усомнившись в возможности более полного объединения штатов в рамках конгресса, выступили с секретным предложением создать Восточную, Среднюю и Южную конфедерации, объединенные оборонительным и наступательным союзом» [105].

Однако подобного рода проект был опасен для американской независимости, так как позволил бы Англии и другим иностранным государствам, играя на противоречиях между конфедерациями, подорвать их независимость: образование США, завершившееся принятием конституции 1787 г., практически ликвидировало такого рода возможность. Англия потерпела поражение и потеряла возможность реставрировать свою власть в Америке. Наиболее рьяные сторонники британской короны, служившие ее опорой и оплотом контрреволюции, вынуждены были бежать либо были высланы из США. Их собственность конфисковали, вследствие чего перестали существовать многие крупные владения земельной аристократии.

---

[103] Sources and Documents..., p. 363—364.
[104] *Aptheker H.* Early Years of the Republic, p. 103.
[105] Ibid., p. 20.

5. ИТОГИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Американская революция началась в 1775 г., когда в колониях вспыхнуло вооруженное восстание, и окончилась в 1783 г. заключением мирного договора с Англией, утвердившего успешное завершение войны за независимость. Говоря о хронологических рамках этого периода истории США, необходимо подчеркнуть, что прологом революции явилось освободительное движение 1763—1775 гг., которое было органически связано с последующими преобразованиями. В эти годы произошло становление революционных сил, были выработаны организационные формы и методы, созрела революционная ситуация. В силу этих причин освободительное движение 1763—1775 гг. неотделимо от истории Американской революции.

Столь же неразрывно связан с ней и послереволюционный период 1783—1789 гг., сопровождавшийся усилением классовой борьбы. В ходе восстания Шейса была предпринята попытка углубить революцию плебейскими методами, но восстание было подавлено. В результате принятия федеральной конституции 1787 г. и ее ратификации в 1789 г. господствующие классы сумели утвердить свое положение и стабилизировать обстановку. Таким образом, была как бы подведена черта под целым периодом жизни США, связанным с историей Американской революции.

Американская революция была неотделима от преобразований конца XVIII в., происходивших также на Европейском континенте. По времени она почти совпала с Французской революцией, и исторически ее происхождение во многом объясняется теми же причинами. Поэтому часто сравнивают эти революции. Сопоставление Американской и Французской революций позволяет резче оттенить характер и особенности освободительного и революционного движения в Америке, лучше понять итоги, к которым оно привело.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Американская революция протекала в иных исторических условиях, чем Французская. Франция — страна с глубокой исторической традицией и многовековой культурой; молодые же английские колонии в Америке были сравнительно недавно заселены, еще не успели сформировать традиции и только начали создавать собственную культуру. Занимая территорию, приблизительно равную Франции, они имели в 10 раз меньшее население (население Франции к началу революции достигло 26 млн. человек, а в Америке — менее 3 млн.).

Важный аспект происхождения обеих революций — их социальные корни, движущие силы. Что касается Америки, то эта страна не знала феодализма как системы. Ф. Энгельс отмечал, что история Америки началась «на более благоприятной почве... где нет никаких преграждающих путь средневековых развалин... при наличии уже сложившихся в XVII веке элементов современного буржуазного общества...» [106]. Поэтому, хотя и предпринимались попытки насадить феодальные отношения и были созданы феодальные институты, сколько-нибудь широкого развития они не получили.

---

[106] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 347.

Тем не менее, говоря об итогах Американской революции, необходимо подчеркнуть, что ликвидация феодальных институтов (какими бы слабыми они ни были) — ее важнейший результат. Несмотря на «скромный перечень» импортированных в Америку феодальных порядков, они представляли собой вполне определенную историческую тенденцию, подкрепленную рядом факторов, экономических и политических. Поэтому принципиальный итог Американской революции заключался в ликвидации не отдельных пережитков феодализма, а феодальной тенденции. «...Феодализм в Америке, не будучи практической альтернативой капитализму,— отмечал советский исследователь А. М. Каримский,— был тем не менее реальной социальной тенденцией, которая поддерживалась всем колониальным политическим аппаратом и представляла собой серьезное препятствие капиталистическому развитию. Поэтому война за независимость, упразднившая это препятствие, явилась одновременно радикальным политическим решением задач буржуазной революции» [107].

В отличие от Франции, где размежевание сословий, обострение классовых и социальных противоречий носили классический характер, в Америке классовые конфликты были выражены слабее. Это обстоятельство связано с социальной пестротой населения, «эластичностью» классов и социальных групп. Кроме того, Американская революция была антиколониальной. Поэтому размежевание сил за океаном происходило не только между различными классами и социальными группами, но и внутри них [108], что характерно также для более поздних революций антиколониального типа.

Американская революция подняла на борьбу «низшие классы» — не имеющих собственности мастеровых, мелких ремесленников и бедных фермеров, составлявших многочисленную группу колониального населения [109]. Именно «низы», враждебно настроенные по отношению к «владельцам собственности» и «джентльменам», занимавшим административные посты, были главной движущей силой революции.

Важным проявлением политической активности масс стали разнообразные формы массового действия. Комитеты и массовые собрания принимали решения, шедшие гораздо дальше любых законодательных предложений. Это были органы народного правотворчества, в которых участвовали и неимущие, и лишенные права голоса. «Использование толпы и массовых собраний в качестве политического средства,— писал М. Дженсен,— привело к серьезным изменениям в традиционной модели политического действия» [110].

---

[107] *Каримский А. М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976, с. 13, 87—88.

[108] *Tolles P. B.* The American Revolution Considered as a social Movement: A Re-evaluation.— In: Causes and Consequances of the American Revolution / Ed. by E. Wright. Chicago, 1966, p. 261—262.

[109] *Main J. T.* The Social Structure of Revolutionary America. Princeton, 1965, p. 271—272. Значительную часть этой группы составляли негры-рабы. В 1770 г. негритянское население колоний насчитывало 460 тыс. человек. Негры были лишены каких бы то ни было прав и в силу специфики своего положения сыграли ограниченную роль в революционных преобразованиях. См.: *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 63—65; *Аптекер Г.* Американская революция, 1763—1783. М., 1962, гл. 13.

[110] *Jensen M.* The American People and the American Revolution, p. 15.

Наряду с «низшими слоями» активное участие в революции принял «средний класс» — фермеры, купцы, ремесленники и лавочники. Эти люди — собственники средней руки — составляли около $^2/_3$ белого населения [111].

Американская революция была восстанием против власти метрополии. Лозунг «Никаких налогов без представительства», положивший начало движению в колониях, выражал протест против господства Англии. Это была война за независимость. Тем не менее следует подчеркнуть, что в ходе войны с Англией население колоний разделилось. Это размежевание происходило по социальному признаку, в соответствии с интересами различных групп по таким насущным вопросам, как развитие торговли и промышленности, аграрная проблема и т. п. Издатели известного документального сборника «Формирование американской демократии» отмечали, что участники революции выступили решительно против политики Англии. «Но их побуждения только отчасти носили патриотический характер. В освободительном движении они увидели счастливо подвернувшуюся возможность улучшить свое социальное и экономическое положение» [112].

Существенной чертой в поведении господствующей верхушки, захватившей контроль над освободительным движением, был тот факт, что американская буржуазия действовала в тесном союзе с земельной аристократией. Отношения этих двух групп были далеки от единодушия, но на данном историческом этапе их большее объединяло, чем разъединяло. В связи с этим французский историк Ж. Лефевр справедливо отмечал, что в Америке революция осуществилась «в общих интересах объединившихся аристократии и буржуазии». В этом, по его словам, Американская революция была скорее похожа на Английскую. «Французская революция, — писал Лефевр,— была совсем иной» [113].

Действительно, Американская и Французская революции сильно отличались друг от друга. Они происходили на разных и весьма удаленных друг от друга континентах. Достаточно сказать, что французскому посланнику потребовалось тогда 65 дней, чтобы пересечь Атлантический океан и добраться до Соединенных Штатов. Более того, именно географический фактор сыграл немалую роль в том, что Америка добилась независимости и революция смогла победить. В то же время обе революции объединяла эпоха, основным содержанием которой было бурное развитие буржуазных отношений, смена феодального строя более прогрессивной, капиталистической системой. Пользуясь выражением К. Маркса, «*победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя*» [114].

Каждая революция несет в себе двойное начало. Она разрушает и создает. Обе революции знаменовали рождение новых буржуазных наций. Вместо разгороженных различными барьерами провинций и областей во Франции, разъединенных и плохо связанных друг с другом отдельных колоний в Америке возникли новые нации. Складывание французской

---

[111] *Main J. T.* The Social Structure..., p. 273.

[112] The Making of American Democracy: Vol. 1—3 / Ed. by R. A. Billington, J. B. Loewenberg, S. Brookinier. N. Y., 1960, vol. 1, p. 72.

[113] *Lefebvre G.* Révolution française dans l'histoire du monde.— In: Etudes sur la révolution française. P., 1954, p. 321.

[114] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 115.

нации происходило в XVI—XVIII вв., т. е. в основном до революции, которая сыграла роль заключительного аккорда в этом процессе. В Америке были другие исторические условия. Американский историк Е. Морган отмечал, что «не нация родила революцию, а революция родила нацию» [115]. Действительно, для образования американской нации существовали предпосылки, но только война за независимость превратила их в реальную возможность. Процесс формирования новой американской нации занял еще несколько десятилетий. Американская революция носила ярко выраженный освободительный характер, ликвидировав колониальный гнет Англии и устранив тем самым препятствия на пути дальнейшего прогресса страны.

По тем преобразованиям, которые совершает революция, судят о ее результатах и характере. Французскую революцию недаром называют Великой. Это название соответствует гигантским преобразованиям, которые она совершила. «Франция,— писал Ф. Энгельс,— разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна» [116]. Для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией потребовались колоссальные усилия. Нужно было разрушить старую систему и расчистить почву для нового строя. Эту задачу выполнила французская буржуазия, опиравшаяся на поддержку всего народа [117]. Она встретила отчаянное сопротивление старых классов, и, чтобы сломить его, потребовалась беспощадная диктатура якобинцев. Якобинская диктатура и выступления плебейских масс были вершиной революционного подъема во Франции. Американская революция не знала подобного рода явлений, ибо разрушение старого не требовало столь значительных усилий.

На смену якобинской диктатуре во Франции пришла термидорианская реакция. Американская революция не испытала таких амплитуд.

Характеризуя революции XVIII в., К. Маркс отмечал, что они развивались по восходящей линии. Во Франции это оказалось возможным в результате стремительного нарастания активности масс. Американской революции не были свойственны такие темпы и острые ситуации, но она также шла вперед благодаря усилиям народа. Победа в войне, освобождение от колониального гнета и утверждение независимой буржуазной республики явились важнейшим итогом Американской революции. Но, как мы видели, с окончанием войны революционное движение не прекратилось. Послевоенный экономический кризис сопровождался брожением, ростом недовольства в массах. По подсчетам Дж. Т. Мейна, около трети населения США приходилось на белый и черный «пролетариат» [118]. Конечно, этот термин применительно к социальной структуре американского общества того времени весьма условен. Но действительно треть американского населения составляли угнетенные и обездоленные рабы, бедные фермеры, ремесленники и т. п. Они получили от революции далеко не все, чего ожидали.

---

[115] *Morgan E. S.* The Birth of Republic, 1763—1789. N. Y., 1956, p. 101.
[116] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 259.
[117] *Манфред А. З.* Великая Французская буржуазная революция, 1789—1794. М., 1956, с. 99—104, 282—284; *Lefebvre G.* Op. cit., p. 323.
[118] *Main J. T.* The Social Structure..., p. 272.

В период войны за независимость и в ходе последующего мирного развития американская «элита» использовала сложный арсенал политических средств для того, чтобы избежать радикальных перемен и сохранить свое господство. Французский историк XIX в. А. Токвиль утверждал, что в отличие от Французской Американская революция была якобы проникнута любовью к порядку и закону. В действительности же и она имела социальную программу, а установленная в результате войны за независимость политическая система определялась отнюдь не любовью к порядку и закону. Новая власть опиралась на диктатуру имущих классов, интересы которых и были поставлены во главу угла при формировании политической системы США.

В силу ряда особенностей исторического развития в Америке XVIII в. было больше свободы, чем в странах Старого Света, прошедших через эпохи рабовладельческого и феодального строя. Однако положение низов в колониях постоянно ухудшалось, следствием чего был рост недовольства масс. Это видно на примере трех крупнейших американских портовых городов — Бостона, Филадельфии и Нью-Йорка, где неуклонно продолжавшийся на протяжении XVIII в. рост имущественного неравенства привел к усилению социального расслоения и обострению классовых противоречий [119].

Массовые выступления в период освободительной борьбы, предшествовавшей разрыву с метрополией, носили в Америке умеренный характер по сравнению с развитием революционного движения в других странах. Тем не менее и в североамериканских колониях Англии они «имели решающее значение при каждом сколько-нибудь важном повороте событий, который вел к войне за независимость» [120].

Господствующим классам приходилось идти на уступки, лавировать, с тем чтобы в сложных условиях антиколониальной борьбы не оттолкнуть народ и, сохранив за собой руководящую роль и контроль, использовать в своих интересах его революционную активность. Надо признать, что «элита» — богатые купцы, земельная аристократия и юристы, выступавшие на стороне революции,— успешно справилась с этой задачей. Поэтому в отличие от европейских стран в Америке те, кто играл руководящую роль в революционном движении в самом начале, практически сохранили ее за собой до конца и даже после революции.

Провозглашение демократических свобод, даже в их ограниченном буржуазном толковании, как это было в Америке, являлось важным итогом революции. Господствующие классы вынуждены были пойти на уступки. Как уже отмечалось, важнейшей проблемой революции был вопрос о земле. Если сравнивать конечные итоги, достигнутые в результате революции при решении аграрной проблемы в Америке и во Франции, нельзя не признать, что в США развитие пошло более демократическим путем. Французская революция приложила несравненно большие усилия для ликвидации старого порядка, но во Франции процесс демократиза-

---

[119] *Nash G.* Urban Wealth and Poverty in pre-revolutionary America.— Journal of Interdisciplinary History, 1976, vol. 6; *Idem.* Social Change and the Growth of Revolutionary Urban Radicalism.— In: The American Revolution. Explorations in the History of American Radicalism / Ed. by A. F. Young. DeKalb, 1976.

[120] *Schlesinger A. M.* Political Mobs and the American Revolution, 1765—1776.— Proceedings of American Philosophical Society, 1955, vol. 49, p. 244.

ции земельных отношений и их перестройка на капиталистический лад были гораздо сложнее. Впрочем, и в Америке демократизация земельных отношений носила ограниченный характер. Она проходила под знаком укрепления крупной собственности на землю в ущерб интересам мелких производителей.

Тем не менее следует подчеркнуть, что Американская революция принесла вполне ощутимые результаты. Произведенные ею земельные преобразования носили прогрессивный характер. В результате революции были ликвидированы элементы феодализма в области аграрных отношений. Была прекращена уплата фиксированной ренты, общая сумма которой к началу войны за независимость составляла около 100 тыс. долл. Ликвидировано право майората, на котором основывалось существование крупной земельной аристократии, и т. п. Конфискованные земельные владения были пущены в продажу. Причем бóльшая часть этих владений была продана сравнительно небольшими участками. В итоге многие крупные латифундии оказались раздроблены и земля, принадлежавшая ранее одному собственнику, теперь перешла к десяткам и сотням более мелких владельцев. В целом землевладение стало более демократичным, хотя следует оговорить, что большие земельные массивы прошли через руки спекулянтов, которые затем перепродавали их более мелкими участками, нажившись на этих операциях.

В результате раздробления крупных латифундий земельной аристократии в средних штатах на основе скваттерства, а также вследствие развития земледелия на Северо-Востоке США в этих районах возобладало мелкое фермерское хозяйство. Так, уже в результате первой Американской революции здесь была заложена экономическая база для развития капитализма в сельском хозяйстве по фермерскому пути. Решающее значение в этом смысле имела вторая Американская революция — гражданская война 1861—1865 гг., в результате принятия так называемого гомстед-акта, но уже в итоге первой революции был сделан важный шаг в этом направлении.

В 1784—1787 гг. конгресс США принял аграрный закон, вследствие чего западные земли объявлялись государственными; тем самым создавался фонд общественных земель. Это решение явилось естественным результатом победы США в войне за независимость и вместе с тем логическим следствием острой классовой борьбы, развернувшейся в послевоенный период вокруг вопроса о судьбе западных земель. В 1784—1785 гг. Континентальный конгресс обсудил и принял первый земельный ордонанс, проект которого был составлен Джефферсоном, хотя окончательное утверждение ордонанса провели в его отсутствие[121]. Были внесены поправки, умалявшие проект Джефферсона, его демократическую направленность. Особенно неблагоприятным оказалось условие, что земля может продаваться участками по 640 акров при минимальной цене за акр в 1 долл.[122] Покупка такого участка была доступна практически только плантаторам либо земельным спекулянтам.

Фермеры требовали демократизировать аграрное законодательство, чтобы сделать покупку земли более доступной для малоимущих групп

[121] *Плешков В. Н.* Томас Джефферсон и начало колонизации Запада США в конце XVIII века.— В кн.: Вопр. географии США. Л., 1976, с. 108—110.

[122] Sources and Documents..., p. 204—206.

населения. В 1787 г. был принят новый Северо-Западный ордонанс, фактически заменивший ранее принятые постановления конгресса. При определении правил пользования западными землями и установлении системы их политического управления его составители вынуждены были учесть основные демократические завоевания Американской революции. В то же время ордонанс 1787 года вводил достаточно жесткие нормы избирательного права и ставил их под контроль центральной власти [123].

Осуществленный в результате революции закон в отношении западных земель имел большое прогрессивное значение. Земля превратилась в предмет свободной купли-продажи, стала открыта для свободного приложения капитала. Одно это демократизировало аграрные отношения. В результате подобного процесса на Западе частная собственность на землю возникала там на новой, капиталистической основе, что, как указывал В. И. Ленин, явилось важнейшим условием передового, фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве [124]. В конечном же итоге решение аграрной проблемы имело важное значение и для промышленного капитализма, так как «предопределило создание в ближайшем будущем внутреннего рынка для развивающейся промышленности городов» [125].

В результате революции были ликвидированы также препятствия для развития промышленности и торговли. Отпал ряд ограничений и запретов, введенных во времена английской колонизации, что создавало благоприятные условия для развития капиталистических отношений в торгово-промышленной сфере. Не встретив на своем пути сколько-нибудь серьезных препятствий со стороны феодализма или его пережитков, экономика США получила благоприятные условия для быстрого капиталистического развития.

Таковы были последствия революции для северных и центральных штатов, не связанных с системой плантационного рабства. Что же касается Юга, то в результате сохранения этой системы положение там было чревато серьезными потрясениями. По справедливому замечанию американского историка С. Линда, революция не выполнила одного из важнейших социально-экономических преобразований, которое по сути являлось ее кардинальной проблемой. В этом смысле, отмечал Линд, «Америка не имела буржуазной революции, сравнимой с Французской революцией» [126].

В некоторых штатах (например, в Массачусетсе в 1774 г., Род-Айленде и Коннектикуте в 1784 г., а начиная с 1787 г. во всех северных штатах) рабство было отменено. Но на Юге оно продолжало оставаться оплотом существующего социально-экономического порядка, оказывая серьезное влияние также на развитие капитализма в стране в целом, что в итоге привело к гражданской войне 1861—1865 гг., которая революционным путем устранила рабовладельческую систему. Но до этого

---

[123] Ibid., p. 226—233; *Плешков В. Н.* Томас Джефферсон..., с. 111—112.
[124] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 129.
[125] *Куропятник Г. П.* О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху.— Новая и новейшая история, 1958, № 4, с. 41.
[126] *Lynd S.* Beyond Beard.— Towards a New Past: Dissenting Essays in American History / Ed. by B. J. Bernstein. N. Y., 1968, p. 50—51.

рабство сохранялось как результат политического компромисса между буржуазией Севера и плантаторами Юга.

По своему характеру революция в Америке «была буржуазной революцией, в которой был очень силен демократический элемент»[127]. Американская революция открыла новый этап исторического развития США. Но значение событий в Америке не исчерпывалось рамками бывших английских колоний. Американская революция была одной из ранних буржуазных революций, повлиявших на дальнейшее развитие мирового революционного процесса. Маркс отмечал, что она дала «первый толчок европейской революции XVIII века» и «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии»[128]. Многие страны Европы испытали на себе в ту пору влияние Американской революции. В первую очередь это касалось Франции. Приехавшие в Америку, чтобы сражаться за дело независимости США, французы принимали потом активное участие во французском революционном движении.

Декларация независимости, а затем и конституция США, несмотря на все ее недостатки, утвердили в Америке передовой республиканский строй. Пример победоносного восстания за океаном окрылял революционеров Европы, придавал силы борцам за демократию и укреплял их веру в успех революции. Программные документы Американской революции оказали влияние на французскую Декларацию прав человека и гражданина, а также на конституции 1791 и 1793 гг. Великая Французская буржуазная революция использовала и развила опыт революционных Комитетов связи и безопасности, а революционная французская армия успешно применяла в боях тактику рассыпного строя. Революция в Америке дала толчок освободительному движению в латиноамериканских странах, находившихся под властью Испании и Португалии.

---

[127] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 117.
[128] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 17; т. 23, с. 9.

II
ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

Глава шестая
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (КОНЕЦ XVIII В.—1860 Г.)

1. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» АМЕРИКАНСКОЙ ТОРГОВЛИ (1793—1807)

Американская революция XVIII в. на первый взгляд не привела к каким-либо коренным, принципиальным изменениям в экономике Соединенных Штатов. Как и накануне войны за независимость 1775—1783 гг., в конце XVIII в. США оставались по преимуществу аграрной страной, подавляющая часть населения которой (более 90%) проживала в сельской местности. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве почти безраздельно господствовал ручной труд, численность наемных рабочих оставалась незначительной, а большинство мануфактурных изделий доставлялась из Европы, в первую очередь из Англии.

Тем не менее именно в ходе и результате войны за независимость в стране произошли социально-экономические сдвиги и были созданы важные предпосылки для быстрого развития и полной победы в стране капиталистических отношений. На месте прежних колоний возникло единое независимое государство. Навсегда ушли в прошлое ограничительная политика метрополии, налоги и запрещения британского парламента. Контроль над природными ресурсами, и в частности над недрами земли, перешел от суверена (английского короля) к частному предпринимателю.

Важным явлением было складывание единого внутреннего рынка, контроль над которым переходил в руки федерального правительства. Не меньшее значение имели и свобода внешней торговли, самостоятельный выход США на международную арену, открытие непосредственных связей с Западной Европой, Китаем, Россией и т. д. Если в 1768—1772 гг. 58% американского экспорта направлялось в метрополию, то в 1790—1792 гг. доля Великобритании упала до 31%. Зато в страны Северной Европы в эти годы направлялось уже 16% и в Вест-Индию (кроме британской) — еще 27% экспорта США[1].

---

[1] *Shepherd J. F., Walton G. M.* Economic Change after the Revolution.— Explorations in Economic History, 1976, vol. 13, p. 406.

Преимущества независимого положения во внешней торговле в полной мере выявились, однако, уже после начала в Европе эпохи длительных и кровопролитных войн. Историки с полным правом назвали период 1793—1807 гг. (до введения эмбарго 22 декабря 1807 г.) «золотым веком»[2] торгового мореплавания Соединенных Штатов. Общий тоннаж американского флота увеличился с 202 тыс. т в 1789 г. до 1269 тыс. в 1807 г., т. е. возрос более чем в 6 раз[3]. В истории страны не было другого подобного продолжительного периода, когда внешняя торговля привлекала бы столь серьезное внимание и оказывала бы такое значительное влияние на экономику страны в целом[4]. Доходы от внешней торговли служили важным источником крупнейших состояний. Дж. Дж. Астор, У. Грей, Е. Дерби, С. Джирард стали богатейшими людьми тогдашней Америки.

Уже к началу XIX в. экспорт и импорт США достигли невиданных до того времени размеров (соответственно 93 млн. и 111 млн. долл. в 1801 г.). Войны в Европе сеяли смерть и разрушение на континенте, разоряли европейских купцов и судовладельцев, нарушали нормальные торговые связи между государствами. Но то, что означало гибель для европейских торговцев, несло одновременно процветание и барыши американцам. Показательно, что как только в Европе наметилось неустойчивое мирное равновесие после подписания в марте 1802 г. Амьенского мира, так кривая торговли США полетела вниз. Мирная передышка оказалась, однако, непродолжительной, и в результате очередного тура европейских войн общий объем американской торговли в 1807 г. достиг колоссальной по тем временам цифры — 247 млн. долл.[5] (последующее сокращение связано с введением эмбарго и англо-американской войной 1812 г.).

Наполеоновские войны, содержание огромных армий и неурожаи в Европе вызвали усиленный спрос на американские сельскохозяйственные продукты, о чем свидетельствовал рост цен на муку. Если в 1783—1793 гг. баррель муки (89 кг) стоил в Филадельфии в среднем 5,41 долл., то в 1793—1807 гг. (исключая период мирной передышки 1802—1803 гг.) его цена возросла до 9,12 долл. Позднее, когда Европа вернулась к мирной жизни, в 20-х годах XIX в., цены на муку снова понизились до прежнего уровня (5,46 долл. за баррель)[6].

Резкое увеличение торговли США в эти годы происходило, однако, не только за счет экспорта собственно американских товаров, а в первую очередь за счет обширной посреднической торговли. Так, по официальным данным[7], в 1793 г. в общем экспорте страны (26 млн. долл.) товары иностранного производства составляли весьма незначительную часть (2 млн. долл.), а уже через несколько лет, в 1797 г., их стоимость превысила половину стоимости экспорта (27 млн. долл. из 51 млн.). В дальнейшем, несмотря на значительное увеличение вывоза американских

[2] *Nettels C. P.* The Emergence of a National Economy, 1775—1815. N. Y., 1962, p. 236.
[3] U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 445.
[4] *Johnson E.* e. a. History of Domestic and Foreign Commerce of the United States: Vol. 1, 2. Wash., 1922, vol. 2, p. 14.
[5] Historical Statistics of the United States, p. 538.
[6] *Pitkin T.* A Statistical View of the Commerce of the United States of America. New Haven, 1835, p. 373.
[7] Historical Statistics of the United States, p. 538.

продуктов — до 46 млн. долл. в 1801 г. и 49 млн. долл. в 1807 г., реэкспорт иностранных товаров (за исключением 1802—1804 гг.) продолжал составлять больше половины общего экспорта страны, достигнув в 1806—1807 гг. наивысшего уровня — 60 млн. долл.

Используя выгоды нейтрального положения, американцы поставляли в Европу товары из Вест-Индии, Южной Америки, Дальнего и Ближнего Востока. Значительная часть огромной массы иностранных товаров, поступивших в те годы в порты США, получив после уплаты ввозных пошлин свидетельство о «нейтральности», тут же грузилась на американские суда и отправлялась в различные страны. Так, из общей стоимости импорта 1807 г. в 139 млн. долл. для внутреннего потребления предназначались лишь товары стоимостью около 79 млн. долл., а остальные шли на экспорт.

Занимая ведущее место в нейтральном мореплавании, американские суда доставляли во Францию продукты питания, особенно муку, а также перевозили из французской Вест-Индии в метрополию сахар, кофе, другие колониальные товары. Англичане использовали американские корабли для доставки в США своих промышленных изделий и импорта из Америки хлопка, зерна, муки, табака, а также для экспорта английских товаров в европейские порты[8]. Вместе с тем суда других стран, использовавшиеся во внешней торговле США, составляли в 1793 г. 26,7%, в 1807 г. — 6,8, а в 1811 г. — всего 3,4%[9] всех участвовавших в ней кораблей. Таким образом, вся огромная иностранная торговля США осуществлялась почти исключительно на американских судах, и их тоннаж в 1807 г. был больше, чем 100 лет спустя — в 1907 г.[10]

Торговые интересы оказывали значительное влияние на развитие крупнейших американских городов. В первые десятилетия XIX в. Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Балтимор и другие американские города были главным образом торговыми и финансовыми центрами, причем к 1841 г. нью-йоркские купцы контролировали 43,5% всей иностранной торговли Соединенных Штатов[11].

При всем значении внешней торговли ее роль в экономике США не следует преувеличивать. Экспорт никогда не являлся решающим фактором в валовом национальном продукте страны и, как показали новейшие исследования клиометристов, он не был таковым даже в 1793—1807 гг.[12] Успехи американцев в области торговли и мореплавания в эти годы мешали современникам и последующим историкам дать правильную оценку основных тенденций развития экономики молодой республики. За мешками пшеницы, кипами хлопка, бочками сахара и табака, за лесом мачт океанских кораблей и блеском золотых монет лишь очень немногие наблюдатели смогли заметить новые моменты в развитии национальной промышленности, рассмотреть малопривлекательные здания первых хлопчатобумажных фабрик, оценить значение применения простейших

---

[8] *Nettels C. P.* Op. cit., p. 234.

[9] *Pitkin T.* Op. cit., p. 363.

[10] *Johnson E.* e. a. Op. cit., vol. 2, p. 29.

[11] *Pred A.* Manufacturing in the American Mercantile City: 1800—1840.— Geographical Review, 1966, June, vol. 56, p. 310; *Idem.* Urban Growth and the Circulation of Information: The United States System of Cities 1790—1840. Cambridge, 1973.

[12] *Goldin C. D., Lewis F. D.* The Role of Export in American Economic Growth during the Napoleonic Wars, 1793—1807.— Explorations in Economic History, 1980, vol. 17. p. 6—25.

машин и механизмов. А ведь именно они оказались первыми ростками промышленной революции, преобразовавшей впоследствии все американское общество.

2. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Первые опыты применения прядильных машин в текстильной промышленности и организация предприятий, приближавшихся к фабричному типу, относятся еще к концу 80-х — началу 90-х годов XVIII в. В литературе можно встретить, в частности, упоминание о ряде фабричных предприятий и мануфактур (The Boston Sail Cloth Manufactory, The Boston Glass House, The Hartford Woolen Factory, The New York Manufacturing Society, The Beverly Cotton Manufactory и т. д.). Хлопчатобумажная фабрика в Беверли (штат Массачусетс) начала работать в 1787 г. и просуществовала до 1807 г. В 1790 г. на ней использовалось 10 прядильных машин («дженни») и 636 веретен [13].

Особое значение имела хлопчатобумажная фабрика с применением прядильной машины Аркрайта, построенная бывшим английским мастеровым С. Слейтером. Переехав в США, Слейтер договорился с американскими предпринимателями Альми и Брауном о строительстве прядильной фабрики по английскому образцу. Поскольку вывоз технических новшеств из Англии строго запрещался, Слейтеру пришлось воспроизвести чертежи прядильной машины по памяти. 20 декабря 1790 г. первая небольшая фабрика, где была установлена машина Аркрайта, начала работать в Потакете (штат Род-Айленд). На ней было занято всего девять детей, работавших под руководством С. Слейтера [14].

Конечно, эта была еще не настоящая фабрика в современном понимании слова. Машина использовалась в ней только для производства пряжи из хлопка-сырца. Ткань же изготавливалась ткачами на дому. Но для своего времени это предприятие было передовым и процветающим, а Слейтер, ставший впоследствии крупнейшим капиталистом, получил в истории имя «отца американской промышленности». Всего же к 1808 г. в Соединенных Штатах было построено 15 хлопчатобумажных фабрик, на которых использовалось 8 тыс. веретен и производилось около 300 тыс. ф. пряжи [15].

Напомним, что К. Маркс неоднократно отмечал тесную связь различных отраслей промышленности и взаимную обусловленность отдельных фаз производственного процесса. Машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, что, в свою очередь, создало потребность произвести переворот в белильном и красильном производствах. Революция в хлопчатобумажном прядении в Англии (а позднее и в США) вызвала огромное повышение спроса на хлопок, что привело к изобретению в 1793 г. Э. Уитни «джина» — машины для отделения хлопковых волокон от семян.

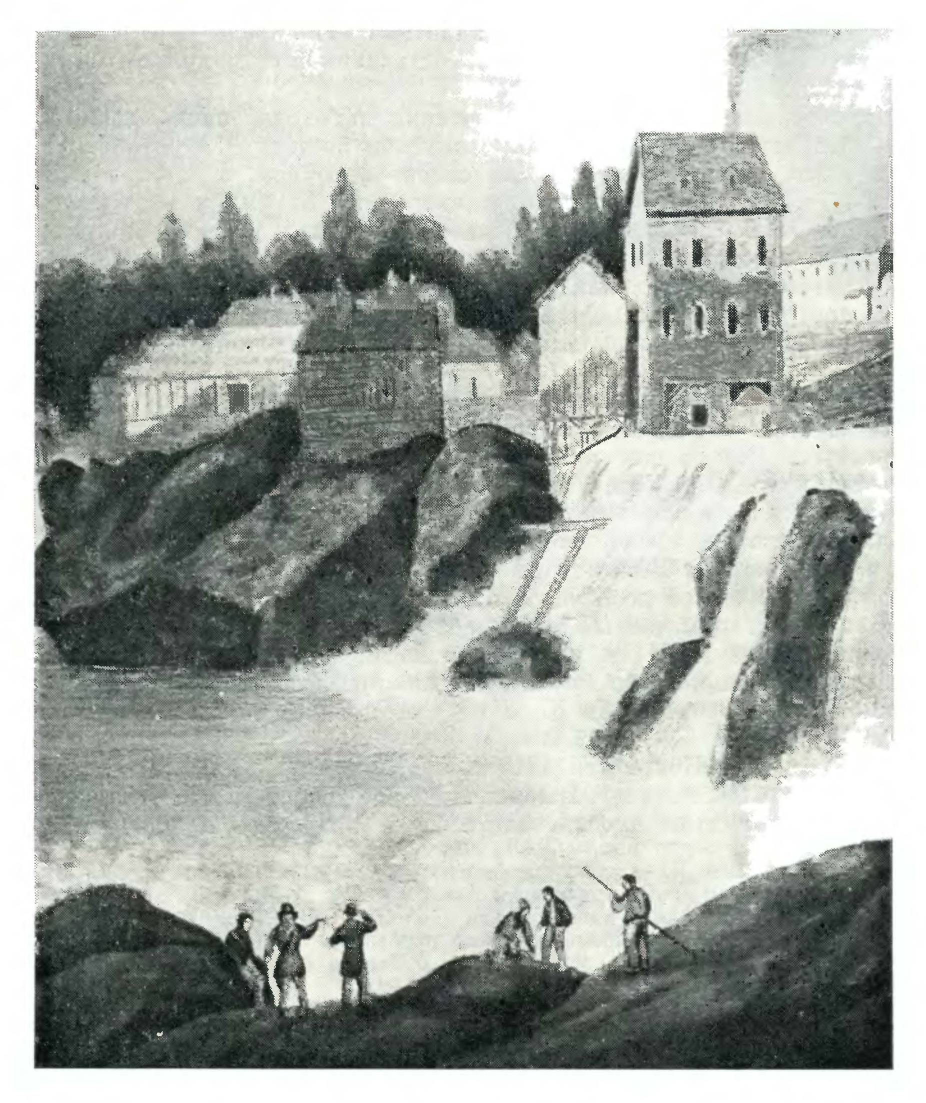
---

[13] *Nettels C. P.* Op. cit., p. 124—125, 275.

[14] *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969, с. 226—231.

[15] Annals of Congress, 11th Congress, 2nd Session, App., p. 2227—2228. Новые данные об успехах промышленного производства в 1790—1800-х годах, особенно в районе Филадельфия — Уилмингтон, приводятся в кн.: *Cochran Th. C.* Frontiers of Change: Early Industrialism in America. N. Y., 1981.

Первостепенное значение имела и постройка в 1814 г. в Уолтеме (штат Массачусетс) хлопчатобумажной фабрики Ф. Лоуэлла, где были объединены механическая прядильная с механической ткацкой. На этом крупном предприятии (1700 веретен) впервые в мире все операции, связанные с производством ткани, от сырья до готового продукта, были сосредоточены под одной крышей и представляли собой единый последовательный процесс с использованием как прядильных, так и ткацких машин. Тем самым был вложен последний камень, который придал фабричной системе производства более или менее законченную форму[16].

ХЛОПЧАТОБУМАЖНАЯ ФАБРИКА В ПОТАКЕТЕ

[16] The Tenth Census, Manufactures, p. 540.

Принципиальное значение имеет определение начала промышленного переворота. В литературе (включая советскую) по этому вопросу высказывались различные мнения. А. В. Ефимов, Л. А. Мендельсон, Л. Б. Альтер относили начало технического переворота в США к последним десятилетиям XVIII в.[17] Другие авторы (М. Н. Захарова, Б. М. Косарев) склонны связывать этот процесс с более поздним периодом[18]. Недавно были особо подчеркнуты успехи промышленного производства после введения эмбарго в 1807 г.[19] В основе ранней датировки начала промышленного переворота лежат сведения об организации ранних хлопчатобумажных фабрик и главным образом обширные материалы, приведенные в докладе министра финансов А. Галлатина (17 апреля 1810 г.) и в первой промышленной переписи 1810 г., составленной сотрудником министерства Т. Коксом.

Мировое значение имело изобретение парохода, начавшееся еще в XVIII в. и завершившееся в 1807 г. спуском на воду Р. Фултоном «Клермонта», что привело к революции сперва в речном, а затем в морском транспорте. Трудно переоценить и внедрение Э. Уитни в производство принципа взаимозаменяемости отдельных частей машин. Занимаясь с 1798 г. производством оружия, Уитни построил мастерскую в Нью-Хейвене, где со временем наладил массовое производство мушкетов. Стандартизация деталей впоследствии столь же революционизировала методы производства оружия, как хлопкоочистительная машина — производство хлопка.

Сам по себе перечень изобретенных машин и технических усовершенствований еще ни о чем не говорит. «Самопрядильные машины» были построены в России еще в 1760 г., а И. И. Ползунов изобрел паровой двигатель ранее Дж. Уатта. В крепостной России, однако, не было условий для перехода к машинному производству, и многие изобретения не находили широкого практического применения. Иное положение сложилось в Соединенных Штатах, где технические изобретения стали своеобразной экономической необходимостью.

По данным, приводимым в докладе Галлатина, в Соединенных Штатах уже с конца XVIII в. и особенно после введения эмбарго в 1807 г. было основано множество «хлопчатобумажных фабрик». В 1810 г. таких фабрик насчитывалось уже 87 и на них использовалось 80 тыс. веретен[20].

В переписи Т. Кокса для 1810 г. приводились еще более внушительные цифры: 269 хлопчатобумажных и 24 шерстяных предприятия[21]. Все эти предприятия иногда зачисляют в разряд «фабрика»[22], между

[17] *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма, с. 232; *Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов: В 2-х т. М., 1959, т. 1, с. 253—256; *Альтер Л. Б.* Буржуазная политическая экономия США. М., 1971, с. 25—32.

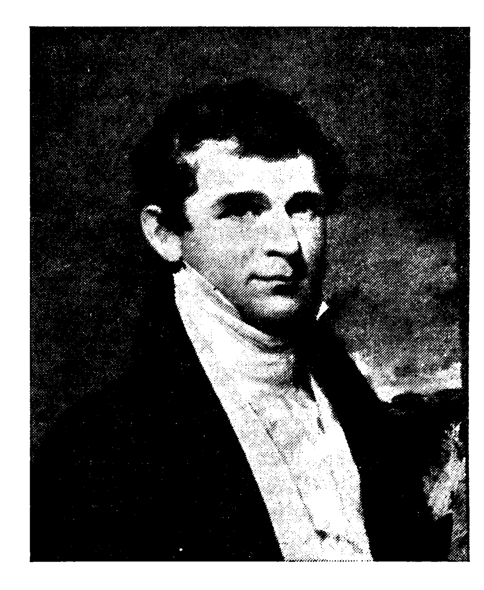
[18] *Косарев Б. М.* О начале промышленного переворота в США.— Учен. зап. Яросл. пед. ин-та, 1966, вып. 58, с. 105, 112—113; *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965, с. 9—13.

[19] *Куликова Е. Г.* Начальный этап промышленного переворота в США.— Вопр. истории, 1981, № 4, с. 166—173.

[20] 62 фабрики работали в конце 1809 г., а 25 должны были вступить в действие в течение 1810 г. См.: Annals of Congress, 11th Congress, 2nd Session, App., p. 2228.

[21] *Coxe T.* Digest of Manufactures, May 30, 1813.— American State Papers (ASP), Documents, Legislative and Executive: Vol. 1—38. Wash., 1832—1861, Finance, vol. 2, p. 690, 691.

[22] Вопр. истории, 1981, № 4, с. 169.

Р. ФУЛТОН
(Автопортрет)

тем у Кокса речь шла о «мануфактурных заведениях» (manufacturing establishments). Естественно поэтому, что в 269 «хлопчатобумажных мануфактурных заведений» входили не только и не столько фабрики, а в первую очередь мануфактуры и различные мелкие предприятия, основанные на ручном труде. Главное же, однако, заключается в том, что ранние фабрики, как правило, оказывались недостаточно жизнеспособными и вскоре прекращали свое существование. С другой стороны, предприятия, учрежденные после начала войны 1812 г., были значительно лучше оборудованы, обеспечены капиталом и в этой связи оказали гораздо большее влияние на дальнейшее развитие хлопчатобумажной промышленности [23]. Такой вывод подтверждается изучением динамики развития фабричного производства и, в частности, данными доклада Л. Маклейна, в котором указывались даты основания хлопчатобумажных фабрик [24].

Обобщение данных об основании хлопчатобумажных фабрик на северо-востоке США к середине 1832 г. (по штатам Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси) в обширном докладе Маклейна дают следующие результаты: до 1808 г.— 17; 1808—1811 гг.— 28; 1812—1815 гг.— 127; 1816—1821 г.— 31; 1822—1826 гг.— 98; 1827 г.— первая половина 1832 г.— 186.

В докладе упоминались еще 157 предприятий, дата основания которых неизвестна. Таким образом, всего к середине 1832 г. на северо-востоке страны насчитывалось 625 хлопчатобумажных фабрик. Внимательный анализ приводимых данных показывает, что рост числа хлопчатобумажных фабрик начался после введения эмбарго в конце 1807 г. Но только со времен войны 1812—1815 гг. можно с уверенностью датировать начало промышленного переворота в хлопчатобумажном производстве на северо-востоке США не в форме более или менее случайных и глохнущих его зачатков, первых опытов применения машин и организации фабрик, как было в конце XVIII в., а в форме процесса, важной тенденции развития, которая, хотя и может в некоторые неблагоприятные пе-

[23] Quarterly Journal of Economics, 1925, May, vol. 39, p. 464—466. Приводимые здесь и далее данные относятся преимущественно к Северо-Востоку. Значительно медленнее промышленное производство развивалось на Юге и Западе. Тем не менее в Мэриленде в 1810 г. насчитывалось более десятка текстильных фабрик. На Гамильтоновской хлопчатобумажной фабрике (2 тыс. веретен) уже в 1814 г. применялись паровые машины и было занято около 100 человек. См.: Maryland Historical Magazine, 1966, vol. 61, N 1, p. 29, 32.

[24] [*Mclane L.*] Documents Relative to Manufactures in the United States: Vol. 1, 2. Wash., 1833 (repr.: N. Y., 1969).

риоды (например, усиление английской конкуренции после 1815 г. и кризис 1819 г.) тормозиться, не может быть подавлена.

Если до введения эмбарго в США насчитывалось около полутора десятков хлопчатобумажных фабрик, оборудованных машинами Аркрайта, то в 1815 г. их было уже более 200 (число веретен соответственно возросло с 8 тыс. до 130 тыс.)[25]. Причем бо́льшая часть этих предприятий была построена во время войны 1812—1815 гг. Существенно увеличилась и численность рабочих, занятых в хлопчатобумажном производстве. В 1810 г., по данным А. Галлатина, на хлопчатобумажных предприятиях было занято 500 мужчин и 3500 женщин и детей, т. е. всего 4 тыс. человек, а в 1816 г., по материалам специальной комиссии конгресса, на этих предприятиях работало уже около 100 тыс. человек, причем 90% составляли женщины и дети[26]. Последняя цифра представляется, однако, явно преувеличенной. По данным переписи 1820 г., в хлопчатобумажной промышленности работало примерно 12 тыс. человек[27] (сказалось влияние депрессии 1819 г.). В целом же в текстильном производстве были заняты 17 164 человека (5418 мужчин, 3687 женщин, 7849 детей, а также 210 лиц неизвестного пола)[28].

Заметные изменения к 1815 г. произошли и в шерстяной промышленности. В 1810 г., по данным А. Галлатина, в этой отрасли существовало всего 14 фабрик, каждая из которых производила 10 тыс. ярдов материи в год. Почти вся шерсть перерабатывалась на дому. К 1815 г. в стране уже насчитывалось 102 шерстоткацких предприятия. Главным центром шерстяной промышленности стал штат Коннектикут, где действовало 25 фабрик. Общий капитал в этой отрасли промышленности в 1816 г. оценивался в 12 млн. долл., а стоимость фабричной продукции — 19 млн. долл. На самом крупном предприятии по производству ковров в Энфилде (штат Коннектикут) в 1832 г. были заняты 109 мужчин, 40 женщин и 17 детей, а их дневная заработная плата составляла соответственно 1 долл., 35 ц. и 25 ц.[29].

Касаясь роли эмбарго и англо-американской войны 1812 г. для развития национальной промышленности США, очевидец событий известный литератор и дипломат П. П. Свиньин писал: «Амбарги и война с Англиею обратили многих предприимчивых американцев к заведению мануфактур и фабрик, и они в том отменно успели. По недостатку рук они устремили особое старание на усовершенствование и облегчение различных машин, и многие из них доведены до возможного совершенства»[30]. Если ранее американские предприниматели вкладывали капиталы прежде всего в торговлю и мореплавание, то теперь центр их

[25] *Clark V. S.* History of Manufactures in the United States, 1607—1860: Wash., 1916, p. 190—192, 261, 357, 534—539; *Nettels C. P.* Op. cit., p. 275.
[26] Annals of Congress, 11th Congress, 2nd Session, App., p. 2228; ASP, Finance, vol. 3, p. 82.
[27] *Libergott S.* Manpower in Economic Growth: The American Record since 1800. N. Y., 1964, p. 510.
[28] Digest of Manufacturing Establishments in the United States, January 30, 1823; Supplementary Return, February 27, 1823.— ASP, Finance, vol. 4, p. 29—223, 291—299 (подсчет сделан Б. М. Шпотовым).
[29] [*Mclane L.*] Documents Relative..., vol. 1, p. 980—981.
[30] *Свиньин П.* Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815, с. 32.

внимания начинает перемещаться в промышленность. «Частные лица,— сообщал русский генеральный консул в Филадельфии в 1814 г.,— по пресечении торговли употребляли большую часть капиталов своих на заведение фабрик»[31]. В текстильные предприятия начали вкладывать капиталы представители крупнейших торговых семей Массачусетса, в частности Лоуэллы, Аппелтоны и др.

Для привлечения дополнительного капитала в период войны 1812—1815 гг. стали широко использоваться корпорации — компании, получившие от законодательных органов штатов акты об «инкорпорации». Так, если в 1807—1811 гг. в Массачусетсе такие акты получили 19 компаний, то в 1812—1815 гг. их число возросло до 96[32].

Успехи экономического развития нашли отражение в возникновении в США широкой банковской системы. В 1775 г. в стране не было ни одного коммерческого банка. В 1811 г. их насчитывалось уже 89 с капиталом 42,6 млн. долл., а к 1815 г. число банков выросло до 208 с капиталом 82,3 млн. долл.[33]

Разумеется, не все отрасли промышленности развивались равномерно. Одной из сравнительно отсталых отраслей промышленности долгое время оставалась металлургия. Наличие в Соединенных Штатах богатых залежей руды, обилие древесного угля (что, кстати, затормозило применение каменного угля в металлургии) создавали благоприятные условия для существования мелких предприятий. Если в Англии уже в 1810 г. 90% доменных печей работали на коксе, то в США даже в начале 1860-х годов таким путем выплавлялись только 10% общего производства чугуна. При этом, однако, следует иметь в виду, что качество чугуна, выплавлявшегося на древесном угле, было значительно выше, и это обстоятельство долгое время препятствовало применению кокса[34].

Ссылаясь на отставание отдельных отраслей промышленности (в первую очередь металлургии), некоторые авторы, в частности Л. М. Хэкер, полагают, что промышленная революция (Industrial Revolution) со всеми своими последствиями (подъем тяжелой индустрии, развитие высокопроизводительного сельского хозяйства, создание армии промышленного пролетариата, рост совокупного национального продукта на душу населения) произошла уже после 1865 г.[35]

Очевидно, что здесь понятие «промышленный переворот», или «революция», смешивается с индустриализацией, которая действительно происходила в США в последней трети XIX в. и отличалась исключительно высокими темпами. Что касается промышленного переворота, то он предшествует индустриализации и в условиях раннего периода развития капитализма, как правило, начинается не в тяжелой, а именно в легкой промышленности. Поэтому наиболее показательно не отставание метал-

---

[31] Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 7 апреля 1814 г.— Архив внешней политики России, ф. Канцелярия, д. 9253. л. 27.

[32] List of Factories... Incorporated by Legislatures of Each State, January 26, 1824.— ASP, Finance, vol. 4, p. 401—403 (данные обобщены).

[33] *Clark V. S.* Op. cit., p. 239; *Nettels C. P.* Op. cit., p. 289, 338.

[34] Journal of Economic and Business History, 1929, Febr., vol. 1, p. 241—281; The Reinterpretation of American Economic History / Ed. by R. W. Fogel, S. L. Engerman. N. Y., 1971, p. 117.

[35] *Hacker L. M.* The Course of American Economic Growth and Development. N. Y., 1970, p. 70.

лургии, а технический переворот в хлопчатобумажной промышленности, в производстве обуви, часов и т. д.

Новейшие исследования американских клиометристов (Б. Пулсон, П. Дэвид, Д. Линдстром) показали, что уже в считавшиеся ранее «статистически темные годы» (1809—1839) происходил значительный рост производства (в среднем от 0,8 до 1,1% в год), и теперь уже никто не сомневается, что в 1840 г. доходы на душу населения превышали соответствующие данные на 1800 г. В 40-е годы, или немного ранее, темп экономического роста стал увеличиваться, достигнув 1,6% в 80-е годы [36]. Если в первой половине 60-х годов XX в. в литературе прочно господствовала точка зрения проф. Д. Норта о том, что главной причиной экономического роста США в первой половине XIX в. являлся внешний спрос на хлопок, то в 70-е годы XX в. удалось убедительно показать, что главным фактором этого роста в действительности были изменения в технологии производства. Что касается экспорта хлопка, то даже в лучшие годы он составил всего 4% общего национального продукта (а весь экспорт — менее 8%) [37].

Несмотря на значительные успехи в промышленном развитии в первые десятилетия XIX в., Соединенные Штаты к 1840 г. все еще находились накануне решающих перемен. Показателен в этой связи и анализ самодеятельного населения страны по материалам ценза 1840 г. В промышленности и ремесле были заняты 791 535 человек, в торговле — 117 575 и в горнодобывающей промышленности — 15 203 человека. Подавляющее большинство самодеятельного населения (3 717 756) все еще занималось сельским хозяйством [38]. Более того, именно ценз 1840 г. показал самое широкое развитие мелкой обрабатывающей промышленности. Достигло максимума и число предприятий (1240) в наиболее передовой и быстро развивающейся отрасли производства — хлопчатобумажной.

В дальнейшем начинается новый процесс — укрупнение действовавших предприятий и некоторое (по сравнению с 1840 г.) уменьшение общего числа хлопчатобумажных фабрик (в 1850 г.— 1074, в 1860 г.— 1091). В то же время сумма инвестированного капитала возросла с 51,1 млн. в 1840 г. до 98,6 млн. долл. в 1860 г., численность рабочих — соответственно с 72 119 до 120 тыс., число веретен — с 2284 тыс. до 5236 тыс., а потребление хлопка-сырца увеличилось более чем в 4 раза, достигнув в 1860 г. 422 704 975 ф. Примерно аналогичный процесс происходил в шерстяной промышленности, где число предприятий сократилось с 1420 в 1840 г. до 1260 в 1860 г., а численность занятых почти удвоилась — с 21 342 до 40 597 человек [39]. В результате технического переворота стоимость выделки одного ярда хлопчатобумажной ткани сократилась

[36] *Poulson B.* Value-added in Manufacturing, Mining, and Agriculture in the American Economy from 1809 to 1839. N. Y., 1975; *Lindstrom D.* American Economic Growth before 1840: New Evidence and New Directions.— Journal of Economic History, 1979, Mar., vol. 39, p. 289—301; *Eadem.* Approaches to Macroeconomic Growth: The United States in the Nineteenth Century (Manuscript, 1981), p. 25—26.

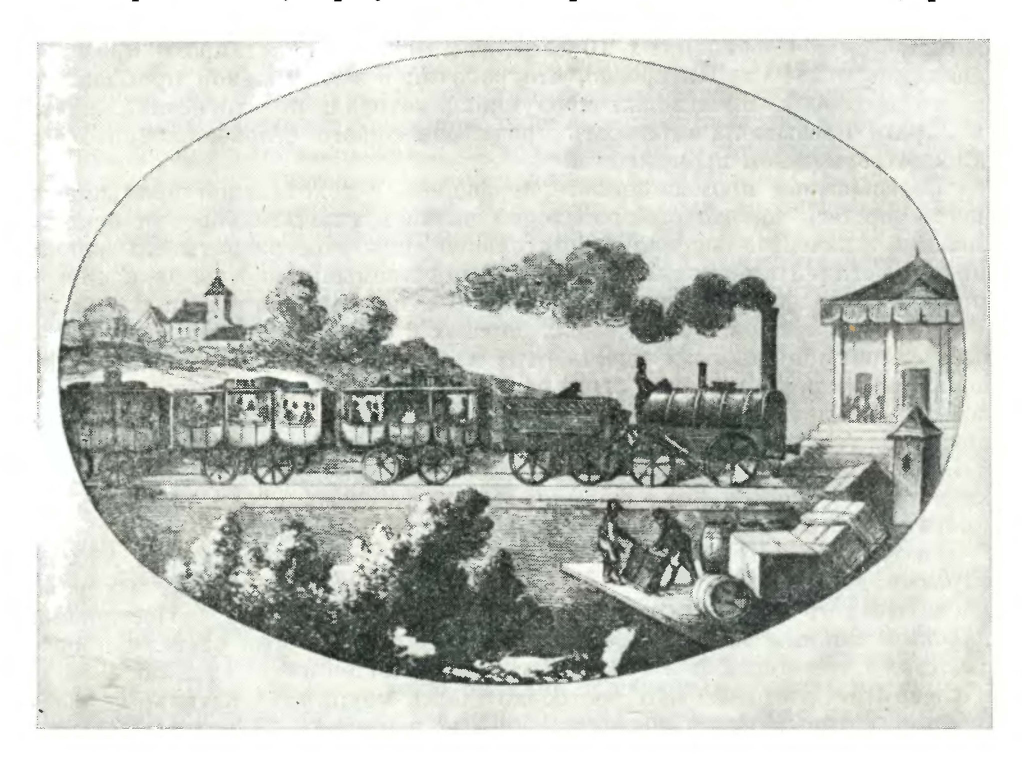
[37] *North D. C.* The Economic Growth of the United States, 1790—1860. N. Y., 1961, p. 68; *Lindstrom D.* Approaches to Macroeconomic Growth, p. 17, 26.

[38] The Sixth Census, p. 475.

[39] Statistics of the United States of America, June 1, 1840, p. 408—409; The Tenth Census, Manufactures, p. 540—545. См. также: *Богарт Э. Л.* Экономическая история Соединенных Штатов. М., 1927, с. 139; *Кучинский Ю.* История условий труда в США. М., 1948, с. 82.

за 1815—1860 гг. с 18 до 2 ц., а общее промышленное производство в стране возросло в 12 раз[40]. В целом в 1859 г. продукция американской промышленности (1 885 862 тыс. долл.) впервые превысила стоимость сельскохозяйственного производства[41].

Исключительно высокими в США оказались и темпы железнодорожного строительства, в результате чего протяженность железных дорог с

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД НА ЛИНИИ БОСТОН—ЛОУЭЛЛ

1835 г. практически удваивалась через каждые 5 лет (т. е. росла в геометрической прогрессии)[42].

Что касается американской технологии, то во многих отношениях она уже в то время превосходила английскую, о чем имеются специальные монографические исследования[43]. Напомним, какую сенсацию произвели американские машины и инструменты на выставке в Великобритании в 1851 г. Для изучения американского опыта из Англии в США были направлены специальные эксперты, представившие впоследствии британскому правительству подробные доклады. В одном из этих докладов обращалось внимание на исключительно высокую производительность американской мюль-машины, имевшей 1088 веретен, каждое из которых выра-

[40] *Gunderson G.* A New Economic History of America. N. Y., 1976, p. 156, 162.
[41] Encyclopedia of American History / Ed. by R. B. Morris. N. Y., 1982, p. 722.
[42] Historical Statistics of the United States, p. 427 (1830 г.— 23, 1835 г.— 1098, 1840 г.— 2818, 1845 г.— 4633, 1850 г.— 9021, 1855 г.— 18 374, 1860 г.— 30 626).
[43] *Habakkuk H. J.* American and British Technology in the Nineteenth Century. Cambridge (England), 1962.

батывало по 3 мотка, что составило 3264 мотка в день. Таким образом, одна прядильная машина выполняла в день работу 3 тыс. рабочих. Авторы доклада объясняли исключительные успехи, достигнутые американцами в производстве машин, в первую очередь острой нехваткой в стране рабочих рук, наличием огромного внутреннего рынка, высоким уровнем образования и широким использованием зарубежного опыта [44].

Высокой производительностью издавна отличалась мукомольная промышленность Соединенных Штатов, где механизация широко применялась уже с 1810 г. Интересно, что рабочий в мукомольной промышленности в 1860 г. производил продукцию, которая, по статистике, почти в 3 раза превышала стоимость продукции одного человека, занятого в хлопчатобумажном производстве [45].

Своеобразием промышленного переворота в текстильной промышленности явилось то, что он происходил почти исключительно при использовании в качестве основной двигательной силы энергии воды. По сравнению с Англией американская текстильная промышленность, да и другие отрасли производства сильно отставали в применении паровых машин (мы не говорим здесь о железных дорогах и пароходах). Это обстоятельство легко понять, если учесть, что в стране имелось множество рек, дешевую энергию которых было относительно просто и выгодно использовать. Большинство текстильных предприятий в течение ряда десятилетий с успехом употребляли в качестве двигателя водяное колесо. «Машина и пар — вот формула технической революции в Англии. Машина и водяное колесо — вот формула для первого этапа машинной стадии американского капитализма»,— делал вывод А. В. Ефимов [46].

Разумеется, это не означало, что в США в первой половине XIX в. паровые двигатели вообще не употреблялись. Уже в 1838 г. в стране насчитывалось приблизительно 1100 паровых двигателей [47]. Постепенно паровые машины начали проникать в самые различные отрасли производства, в том числе и в текстильную промышленность. Еще до 1850 г. к северу от Бостона было построено шесть крупных текстильных фабрик, на которых использовались паровые двигатели. В индустриальном районе в штате Массачусетс (Фолл-Ривер) к 1860 г. около $^1/_5$ веретен приводилось в движение силой пара. В середине XIX в. паровой двигатель особенно быстро внедрялся в стекольную и металлургическую промышленность, и к 1860 г. 46% заводов по выплавке чугуна и стали полностью или частично применяли силу пара. В целом, однако, даже в 1860 г. основным источником энергии для американской промышленности все еще оставалась вода.

Важные особенности промышленного переворота в США связаны с тем, что он происходил в основном за счет привлечения европейской (в первую очередь английской) рабочей силы, а также капиталов.

Основная масса иммигрантов прибыла в США в 40-е и особенно в 50-е годы. Наибольшую группу среди них составляли чернорабочие, а также лица, не указавшие рода занятий, среди которых, как правило, преобладали неквалифицированные рабочие, батраки, а также мелкие

---

[44] The Growth of the American Economy to 1860 / Ed. by D. C. North, R. P. Thomas. N. Y., 1968, p. 246—251.

[45] *Lee S. P., Passel P.* A New Economic View of American History. N. Y., 1979, p. 86.

[46] *Ефимов А. В.* К истории капитализма в США. М., 1934, с. 213.

[47] The Reinterpretation of American Economic History, p. 229—230.

фермеры-арендаторы. С развитием промышленного переворота в США увеличивалась иммиграция специалистов (особенно инженеров), квалифицированных ремесленников — «механиков», углекопов и т. д. Зато число представителей старинных профессий ремесленников (в частности, портных, сапожников и т. д.) в 40—50-е годы начало резко сокращаться. Уменьшилась и иммиграция в США ткачей и прядильщиков, что объяснялось завершением промышленной революции в хлопчатобумажной промышленности и общим падением значения этой отрасли в связи с бурным развитием в середине XIX в. железнодорожного строительства, горнодобывающей, металлургической и других отраслей производства [48].

Значительную роль в успешном экономическом развитии США играло и привлечение европейского, в первую очередь английского, капитала. По оценке специалистов, ввоз иностранного капитала в США в 1790—1860 гг. составил более чем 500 млн. долл. [49] Если до англо-американской войны 1812 г. ввоз иностранного капитала в США был сравнительно невелик, то начиная с 1816 г., и особенно в 30-х годах, значение иностранных инвестиций трудно переоценить. Вся страна, по словам американского историка Г. С. Каллендера, смотрела на Англию как на источник капитала для строительства каналов, железных дорог и т. д. В свою очередь, английские кредиторы весьма охотно делали вложения в американскую экономику, престиж которой после погашения национального долга в 1832 г. поднялся очень высоко [50].

Таким образом, промышленный переворот в США происходил в тесной связи со становлением и развитием капитализма в странах Западной Европы, и в первую очередь в Великобритании. Генезис капитализма в США не был изолированным, американским явлением, а составлял часть общего европейско-американского и в конечном итоге мирового процесса. В широких масштабах в Америке использовались европейские технические и научные достижения, капиталы, машины и, что особенно важно, квалифицированная рабочая сила. Особенности исторического развития США, и прежде всего наличие «свободных» земель на Западе, создавали условия для развития капитализма вширь, могли на некоторое время растянуть и замедлить завершение промышленной революции с тем, однако, чтобы подготовить в будущем более широкое поле и большие возможности для индустриального развития всей страны.

К началу 60-х годов XIX в. в наиболее развитых северо-восточных штатах (Массачусетс, Нью-Йорк, Пенсильвания и др.) появляются очевидные признаки завершающей стадии промышленной революции (производство машин машинами). Здесь насчитывалось несколько десятков крупных заводов, изготовлявших машины для текстильной промышленности, металлорежущие станки, паровые машины, локомотивы и т. д. На трех наиболее крупных заводах по производству машин и оборудования были заняты от 800 до 1200 рабочих. На ряде станкостроительных предприятий применялись паровые машины. С помощью сложных станков изготовлялось оборудование для текстильных фабрик фирмой

[48] The Eighth Census, Population. p. XXII.

[49] Trends in the American Economy in the Nineteenth Century. Princeton, 1960, p. 578—581; *Bruchey S.* The Roots of American Economic Growth, 1607—1861. N. Y., 1968, p. 133.

[50] *Callender G. S.* The Early Transportation and Banking Enterprises of the States in Relation to the Growth of Corporations.— Quarterly Journal of Economics, 1902, Nov., vol. 22, p. 142 etc.

«Т. К. Эрли энд К°» в Вустере (штат Массачусетс) и «Брайдсбург мэнуфэкчюринг компани» в Филадельфии. На крупном станкостроительном заводе в этом городе («Бемент энд Догерти») было занято около 325 рабочих и применялись сложные специальные машины [51].

Марксистская концепция промышленной революции включает в себя не только чисто технический переворот — внедрение в производство новых изобретений, широкое использование различных машин, строительство текстильных фабрик, железных дорог, пароходов, но и глубокие социальные сдвиги в общественных и производственных отношениях, переворот в социальной структуре и составе населения страны. «Переход от мануфактуры к фабрике,— указывал В. И. Ленин,— знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом» [52].

Конечно, поскольку к 1860 г. промышленная революция в США (во всяком случае в масштабах страны) завершилась не до конца, ее социальные результаты проявились далеко не в полной мере. Тем не менее в структуре американского общества можно заметить существенные сдвиги. Если число лиц, занятых в сельском хозяйстве, увеличилось с 1820 по 1860 г. в 3 раза, то в промышленности (включая строительство, добывающую промышленность и ремесла) — в 6 раз (с 350 тыс. до 2100 тыс.). И хотя сельское население все еще составляло большинство, его доля упала примерно с 72% в 1820 г. до 59,7% в 1860 г. В то же время значительно увеличилось число лиц в обрабатывающей и добывающей промышленности, в строительстве и торговле. Численность городского населения возросла с 202 тыс. в 1790 г. до 6217 тыс. в 1860 г.[53] В 1810 г. в США было только два города с населением более 50 тыс. человек, в 1840 г.— уже пять, а в 1860 г.— 16, причем население Нью-Йорка и Филадельфии превышало 500 тыс. (соответственно 813 669 и 565 520).

Важнейшим социальным итогом промышленного переворота в США, как и в других странах, было возникновение рабочего класса. Согласно переписи 1860 г., в промышленности были заняты 1 040 349 мужчин и 270 897 женщин, т. е. всего 1 311 246 [54].

Статистика наемного труда в США в XIX в. была далека от совершенства, и определение численности американского рабочего класса в 1860 г. представляет сложную научную проблему. Число лиц, занятых в промышленности (1311 тыс.), лишь с большими оговорками может быть отнесено к рабочим, поскольку сюда включались ремесленники,

---

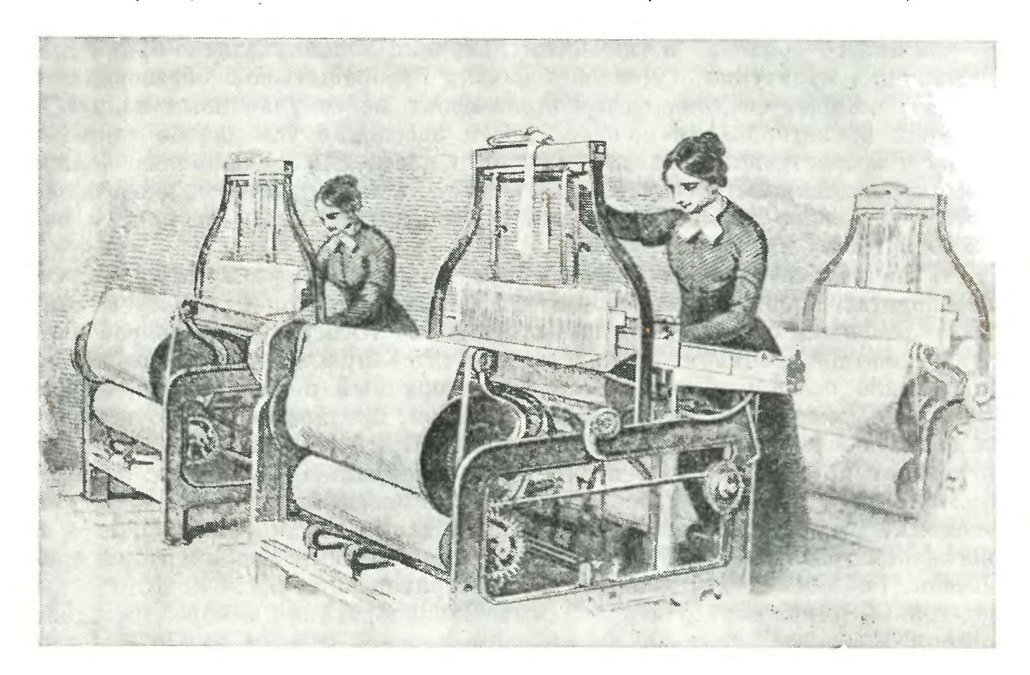
[51] *Bishop J. L.* A History of American Manufactures from 1608 to 1860: Vol. 1—3. Philadelphia, 1861—1868, vol. 3, p. 18—37, 222, 321—323, 353—360 etc.

[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 455.

[53] Historical Statistics of the United States, p. 14. Официальная американская статистика относила к городам (без учета их функции и структуры) только населенные пункты, в которых проживало более 2500 человек. В результате численность городского населения несколько приуменьшалась, так как небольшие города и поселки городского типа автоматически не учитывались.

[54] The Eighth Census, Manufactures, p. 742.

мелкие предприниматели и даже капиталисты. Кроме того, если учитывать занятых в отраслях, где фабричная система уже располагала ведущими позициями, то эту цифру следует уменьшить чуть ли не вдвое. С другой стороны, если обратиться к данным о роде занятий, то выделяется многочисленная группа неквалифицированных рабочих (laborers — чернорабочих) — 969 301, а также слуг (servants) — 559 908 (кроме того, еще 5256 так называемых domestics) [55]. Сами по себе данные

ЖЕНСКИЙ ТРУД НА ТКАЦКОЙ ФАБРИКЕ

о наличии в США в 1860 г. 969 тыс. чернорабочих особых сомнений не вызывают. Но прибавлять их к числу занятых в промышленности не следует, так как эти рубрики в значительной мере дублируют друг друга и общий показатель может удвоить счет. Что касается очень распространенной категории трудящихся — слуг (более 565 тыс.), то эти лица, как правило, вообще не могут быть отнесены к представителям рабочего класса, хотя Ш. А. Богина справедливо заметила, что в их число могли попадать подсобные работники (например, садовники, конюхи) и даже дорожные рабочие [56].

Еще сложнее обстоит дело с определением степени использования наемного труда на транспорте и в сфере торговли. Общие данные о занятости в этих областях 780 тыс. человек [57], разумеется, никак нельзя относить к рабочему классу. Зато группировка по профессиям (например, железнодорожников 36 567) [58], дает вполне надежные сведения. Наконец,

[55] Ibid., Population, p. 656—680.
[56] *Богина Ш. А.* Население США накануне гражданской войны.— В кн.: К столетию гражданской войны в США / Под ред. А. В. Ефимова, Л. И. Зубока. М., 1961, с. 72
[57] Historical Statistics of the United States, p. 74.
[58] The Eighth Census, Population, p. 637.

если говорить о общих оценках численности армии наемного труда, то ближе всего к истине был, по-видимому, А. В. Ефимов, считавший, что в 1860 г. в США было примерно 2 млн. пролетариев (включая и батраков) [59].

Существенные изменения в результате промышленного переворота произошли в положении женской части населения. Часть женщин (прежде всего неимущие и малоимущие) стали фабричными рабочими, а другие (главным образом из более зажиточных семей), освободившись от домашнего прядения и ткачества, получили дополнительное время для повышения культурного уровня и начали превращаться в образованных «леди», которые свысока смотрели на своих менее удачливых подруг [60]. Процесс пролетаризации женской части населения усиливался также в связи с возраставшим отливом мужского населения на западные земли. Не имея возможности создать собственную семью, многие молодые женщины на Северо-Востоке были вынуждены поступать на фабрику и пополнять рынок наемного труда [61].

К началу 60-х годов явные признаки завершения промышленного переворота (производство машин машинами) появились только в наиболее развитых северо-восточных штатах. На Юге сохранялось рабовладельческое плантационное хозяйство, значительную же часть Запада еще предстояло освоить. Сам по себе промышленный переворот на Северо-Востоке был по существу исходным пунктом, предпосылкой и фундаментом для последующей индустриализации. Причем если промышленный переворот происходил уже после промышленной революции в Великобритании и в условиях тесной связи и взаимозависимости американской экономики от английской, то индустриализация Соединенных Штатов в последней трети XIX в. была в основном внутренним американским процессом. Все основные условия для индустриализации были подготовлены внутри Соединенных Штатов, а сама Великобритания вскоре оказалась позади.

3. СКЛАДЫВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Фундаментальное значение при изучении аграрной (а также общей) истории США имеет ленинская концепция о двух объективно возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве: американском и прусском [62]. Первый — наиболее прогрессивный, фермерский путь буржуазного развития — тип α и второй — помещичье-плантаторский, латифундистский путь — тип β.

Назвав два пути развития условно «американским» и «прусским», В. И. Ленин не ограничивался обобщением опыта только Соединенных Штатов или Германии. Его концепция может быть с успехом применена

[59] *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма, с. 280.

[60] *Lerner G.* The Lady and the Mill Girl: Changes in the Status of Women in the Age of Jackson.— American Studies Journal, 1969, Spring, vol. 10, N 1, p. 5—15.

[61] *Montgomery D.* The Working Classes in Pre-industrial American City.— Labor History, 1968, Winter, vol. 9, N 1, p. 19—20.

[62] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 226—227, 339—340; т. 16, с. 215—216, 403—404; т. 17, с. 150; т. 47, с. 228.

и ко многим другим странам и регионам. При этом в реальной действительности элементы этих двух путей буржуазного развития переплетались и сочетались самым различным образом. Даже в самих Соединенных Штатах американский, или фермерский, путь сложился и победил далеко не во всех районах и не в полной мере. Он явился результатом длительной и сложной эволюции, занявшей более 2,5 столетий и завершившейся в масштабах всей страны в общем и целом лишь в результате гражданской войны и Реконструкции[63].

Отправляясь в Северную Америку, европейские переселенцы мечтали о земле и свободе, но реальная действительность за океаном мало соответствовала романтическим легендам, которые получили столь широкое распространение в исторической литературе. В XVII—XVIII вв. английская корона щедро раздавала девственные земли Северной Америки. Но ее получали не безземельные крестьяне, а высшая английская аристократия. Миллионы акров были пожалованы семействам Балтиморов, Пеннов, Калвертов, Ферфаксов, Гренвиллей. Огромными латифундиями владели и многие другие влиятельные лица. На этих землях трудились арендаторы, сервенты, а в южных колониях все шире распространялось рабство негров. Значительное развитие в колониях получили некоторые элементы феодальной системы — майорат, право неотчуждаемости земли, фиксированная рента и т. д.

Тем не менее предотвратить развитие свободного фермерского хозяйства английской короне и лордам-собственникам не удалось. Уже на ранних этапах колонизации широкий размах принимает скваттерство. В дальнейшем в ходе и в результате революционной войны за независимость 1775—1783 гг. происходила конфискация земельных латифундий лоялистов и создание государственного фонда западных земель. Из общей территории континентальных Соединенных Штатов (1905 млн. акров) лишь 463 млн. находились первоначально во владении отдельных лиц и штатов. Остальные 1442 млн. акров перешли во владение федерального правительства в течение 1781—1853 гг.[64]

Напомним, что принятые в 80-е годы XVIII в. условия распродажи государственных земель были явно неблагоприятны для беднейших слоев населения: земля распродавалась большими участками в 640 акров, а минимальная цена за акр устанавливалась в 1 долл.[65] Руководители молодой республики, и в частности министр финансов А. Гамильтон, рассматривали доходы от продажи общественных земель как источник выплаты государственного долга. Размеры продаваемых участков не ограничивались, и основными покупателями оказывались спекулянты и земельные компании, которые в дальнейшем перепродавали землю тем, кто действительно селился на ней[66].

---

[63] *Куропятник Г. П.* О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху.— Новая и новейшая история, 1958, № 4, с. 38—56. Именно в общем и целом, поскольку и в последней трети XIX в. во многих районах Юга сохранялись сильные элементы прусского пути, а в «черном поясе» этот путь буржуазного развития (тип β) даже преобладал. См.: *Блинов А. И.* Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866—1888 гг.). Красноярск, 1960, с. 259—265; *Иванов Р. Ф.* Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965, с. 35—41.

[64] Historical Statistics of the United States, p. 231, 236.

[65] Journals of the Continental Congress, vol. 28, p. 375 ff.

[66] *Gates P. W.* An Overview of American Land Policy.— Agricultural History, 1976, Jan., vol. 50, N 1, p. 217.

В результате на протяжении многих десятилетий вплоть до гражданской войны 1861—1865 гг. и принятия гомстед-акта велась упорная борьба за облегчение доступа к западным землям, за демократизацию аграрного законодательства (земельные законы 1800, 1804, 1820, 1841 гг. и др.). Большое значение имел, в частности, закон о заимке (pre-emption act) от 4 сентября 1841 г., предоставлявший скваттерам право на покупку обрабатываемых ими участков по минимальной цене [67].

С конца XVIII в. на огромной территории Соединенных Штатов шла последовательная распродажа фонда государственных земель, что привело к полному торжеству буржуазной поземельной собственности. И в этом заключалась суть всего процесса, тогда как часто обращалось внимание лишь на существование в Соединенных Штатах в XIX в. миллионов независимых, по преимуществу патриархальных и полупатриархальных фермерских хозяйств. Между тем В. И. Ленин писал о пути развития капитализма в сельском хозяйстве, так как в конечном итоге рождался именно капитализм, причем американский путь и оказывался наиболее благоприятным для быстрого и свободного развития товарно-капиталистических отношений.

На примере России В. И. Ленин убедительно доказал, что «„семейная кооперация" служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию». При развитом же капитализме простое товарное хозяйство становится одной из его мелких разновидностей. «...Под эту категорию,— по словам В. И. Ленина,— подходит всякий мелкий, покрывающий свои расходы самостоятельным хозяйством, товаропроизводитель при том условии, что общий строй хозяйства основан на... капиталистических противоречиях...» [68]

Быстрыми темпами осуществлялось освоение западных земель. Если в 1790 г. за Аппалачами находилось всего 222 тыс. человек, то к 1850 г. здесь проживали 10,4 млн., что составляло уже 45% всего населения Соединенных Штатов [69]. Особенно быстро заселялись среднезападные штаты (Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган, Висконсин, Айова, Миннесота). В 1800 г. на этих территориях проживала всего 51 тыс. человек (1% всего населения страны), а к 1860 г.— почти четверть всего населения Соединенных Штатов [70].

Для правильного понимания механизма действия «подвижной границы» на Западе принципиальное значение имеет ленинская формула о развитии капитализма вширь, о процессе распространения капитализма на новые территории. Это развитие шло в соответствии с общим циклом капиталистического производства, и его пики, естественно, приходились на периоды подъемов. Немалый интерес представляет сопоставление роста цен на пшеницу, который находился в определенной связи с резкими скачками в продаже государственных земель и ростом деловой активности переселенцев в периоды экономических подъемов [71] (см. с. 223).

Уже в первой половине XIX в. хозяйство зажиточного фермера носило, как правило, товарный характер. Достаточно сказать, что в 1816—

[67] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 1, p. 291—292.
[68] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 107; т. 3, с. 308.
[69] *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма, с. 450.
[70] *Lee S. P., Passel P.* Op. cit., p. 130—131.
[71] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США.— Новая и новейшая история, 1970, № 4, с. 23—35.

1820 гг. стоимость экспорта зерновых (пшеница, кукуруза и мука) составляла 58,2 млн. долл., а в 1856—1860 гг.— 182,4 млн., т. е. возросла более чем в 3 раза. За тот же период стоимость экспорта мясных товаров (мясо, свинина, бекон и т. п.) увеличилась соответственно с 7,9 млн. до 75,7 млн. долл., т. е. выросла почти в 10 раз[72]. Будущее западного фермера оказывалось тесно связанным с поставками товаров в южные и восточные районы и, в частности, с развитием промышленного капитализ-

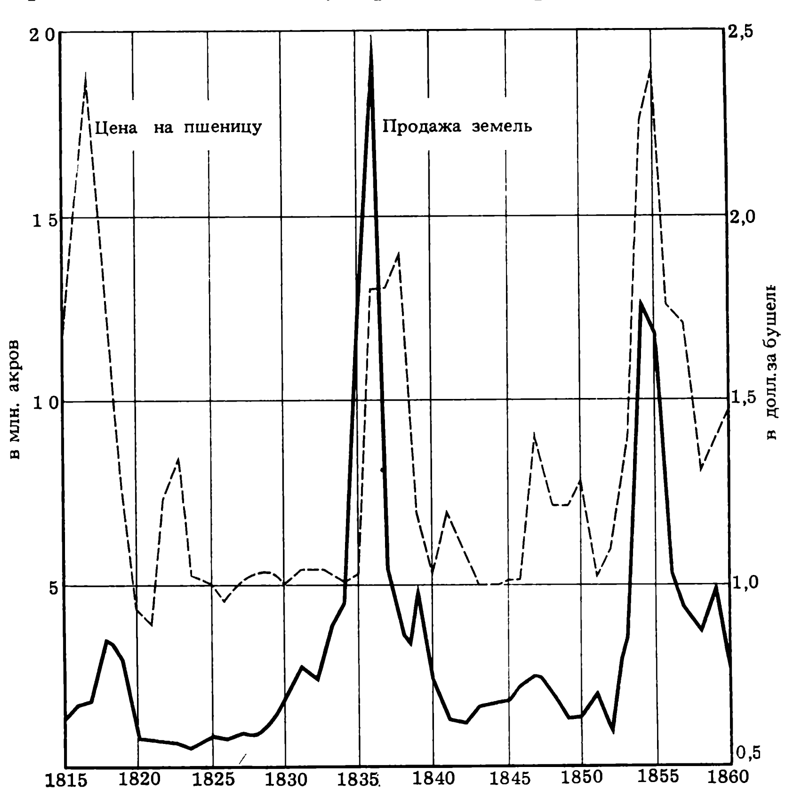

ГРАФИК ПРОДАЖИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ И ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН НА ПШЕНИЦУ

Сост. по: Historical Statistics of the United States, p. 124, 239.

ма на северо-востоке страны, способного обеспечить емкий рынок для сельскохозяйственных продуктов и дать взамен промышленные товары.

Налаживанию регулярного товарообмена между различными районами долгое время препятствовало плохое состояние средств сообщения и дороговизна транспортировки грузов. В 1817 г. было совершено первое пароходное путешествие вверх по Миссисипи от Нового Орлеана к Луисвиллу. Уже в 1818—1819 гг. привоз в Новый Орлеан возрос до 136 300 т на сумму в 16 771 711 долл., а к 1825 г. пароходы перевозили по Миссисипи уже более половины товаров[73]. Из выступления члена палаты пред-

[72] Обобщенные данные из таблиц: *Taylor G. R.* The Transportation Revolution, 1815—1860. N. Y., 1951, App. A, tabl. 11, p. 451.

[73] *Johnson E.* e. a. Op. cit., vol. 1, p. 213—214.

ставителей Флойда (штат Виргиния) видно, что если раньше для перевозки товаров от Луисвилла к Новому Орлеану требовалось от 30 до 40 дней, а чтобы подняться на 1500 миль вверх по реке — около 90 дней, то благодаря пароходу к 1822 г. это время сократилось соответственно до 7 и 16 дней [74].

В 1816—1820 гг. бочонок свинины в Новом Орлеане стоил на 7,50 долл. дороже, чем в Цинциннати, а 10 лет спустя разница составила всего 2 долл. 40 ц. [75] Уже в 1830 г. в Новом Орлеане было зарегистрировано прибытие 989 пароходов, доставивших 260 900 т груза. В 1860 г. эти цифры составляли соответственно 3566 и 2 187 560 [76].

Еще большее значение имело налаживание товарообмена между западными и северо-восточными штатами. О масштабах перевозок товаров в этом направлении можно судить по тому факту, что в 1820 г. только из Филадельфии в Питтсбург и обратно проследовали более 3 тыс. повозок, которые перевезли товары стоимостью около 18 млн. долл. [77] Трудно переоценить поэтому значение сооружения системы каналов, связавших бассейн Миссисипи — Огайо с Северо-Востоком США, и прежде всего строительства штатом Нью-Йорк по инициативе Д. Клингона грандиозного Эри-канала. Его постройка была начата 4 июля 1817 г. и закончена 6 октября 1825 г. Длина канала составляла 363 мили, что превышало длину всех каналов Франции. Одновременно в 1817—1823 гг. был построен другой большой канал, соединивший оз. Шамплейн с Эри-каналом близ Олбани.

Революция в транспортных средствах, каналы, железные дороги и т. д.— все способствовало переходу от полунатурального к товарному типу фермерского хозяйства, специализировавшегося в первую очередь на производстве зерна.

В результате объем внутренней торговли оценивался в 1851—1852 гг. в денежном выражении колоссальной для того времени цифрой — 1461 млн. долл., в том числе торговля по Великим озерам — 157 млн., по рекам — 170 млн., каналам — 594 млн. и железным дорогам — 540 млн. долл. [78]

Развитие внутренней торговли определялось не только разделением труда, быстрым ростом городского населения и т. д., но и территориальной специализацией трех основных районов страны. Исследователи давно уже обратили внимание на взаимозависимость между аграрным Западом, плантационным Югом и торгово-промышленным Востоком. К 1830 г. внутренняя торговля страны приняла, так сказать, «треугольный характер» [79]. Запад значительно больше покупал на Востоке, чем продавал, но в то же время продавал на Юг больше, чем покупал. Юг покупал большинство промышленных товаров на Востоке в обмен на хлопок, сахар, рис и табак, которые шли на экспорт. Таким образом, Запад платил за покупку промышленных товаров Востока за счет продажи сельскохозяйственных продуктов Югу, подобно тому как в колониальный период

[74] Annals of Congress, 17th Congress, 2nd Session, p. 407.
[75] *Berry Th.* Western Prices Before 1861. Cambridge, 1943, p. 106.
[76] *Schmidt L. B.* Internal Commerce and the Development of National Economy before 1860.— Journal of Political Economy, 1939, Dec., vol. 47, p. 802.
[77] *Turner F. J.* Rise of the New West, 1819—1829. N. Y., 1906, p. 100.
[78] *Andrews I. D.* Trade and Commerce of the British North American Colonies and the Trade of the Great Lakes and Rivers. Wash., 1853, p. 687.
[79] Journal of Political Economy, 1939, Dec., vol. 47, p. 821.

Новая Англия оплачивала свои покупки в метрополии за счет продажи продуктов в Вест-Индии.

Тезис о зависимости Юга от поставок сельскохозяйственных продуктов с Запада в последнее время был подвергнут критике А. Фишлоу и некоторыми другими американскими исследователями[80]. Не отрицая больших размеров поставок муки, мяса, кукурузы и т. д. в Новый Орлеан в 1840—1860 гг., А. Фишлоу утверждал, что значительная часть этих продуктов (чуть ли не половина) вывозилась затем за границу или на Северо-Восток[81]. Оставляя в стороне достоверность этих выводов (Р. Фогел обратил внимание, что они основаны на предположении, будто вся торговля между Западом и Югом шла через Новый Орлеан)[82], следует отметить, что они в общем не опровергают утверждение о высокой товарности сельского хозяйства Запада, а лишь переносят центр тяжести на значение экспортной торговли через Новый Орлеан и быстро растущие связи между Западом и Востоком. Как отмечал Фишлоу, в 1859 г. стоимость товарооборота между Востоком и Западом составляла как минимум 175 млн. долл., а возможно, даже доходила до 300 млн. долл., т. е. приблизительно была равна объему торговли между Севером и Югом или превышала его[83].

В целом по мере улучшения транспортных средств все более расширялась и углублялась специализация сельскохозяйственного производства. В середине XIX в. плодородные земли, прилегавшие к Чикаго (Иллинойс, южный Висконсин и восточная Айова), стали быстрорастущим пшеничным районом, покрывшимся густой сетью железных дорог. Новые транспортные средства позволили фермерам доставлять в города свежее молоко и молочные продукты. Новая Англия, Нью-Йорк и северная Пенсильвания превратились в районы высокотоварного мясного и молочного хозяйства. На рынки крупнейших американских городов (Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон, Балтимор и др.) стали поступать разнообразные овощи и фрукты (за исключением, пожалуй, тропических)[84].

Но если товарность фермерского хозяйства не вызывает никаких сомнений, то гораздо сложнее обстоит дело с определением степени использования фермерами наемного труда. По свидетельству современников (1818), английские фермеры, переселившиеся в Иллинойс с большими средствами, не смогли организовать крупного хозяйства из-за отсутствия «класса сельскохозяйственных рабочих». Эти трудности не удалось окончательно преодолеть, даже когда они попытались выписать сельскохозяйственных батраков из Англии. И в конце концов они пришли к выводу, что «Иллинойс является подходящим местом только для мелкого фермера, который стремится обрабатывать свою землю без применения наемного труда»[85].

---

[80] См., в частности: The Structure of the Cotton Economy of the Antebellum South / Ed. by W. Parker. Wash., 1970, p. 3—24 (R. Gallman), p. 101—114 (D. Lindstrom).

[81] *Fishlow A.* Antebellum Interregional Trade Reconsidered.— In: New Views on American Economic Development. Cambridge (Mass.), 1965, p. 187—189.

[82] *Fogel R. W.* A Provisional View of the «New Economic History».— Ibid., p. 201 ff.

[83] *Fishlow A.* American Railroads and the Transformation of the American Economy. Cambridge (Mass.), 1965, p. 275.

[84] *Gates P. W.* The Farmer's Age: Agriculture, 1815—1860. N. Y., 1960, p. 267; *Gunderson G.* Op. cit., p. 219—223.

[85] *Bidwell P. W., Falconer J. I.* History of Agriculture in the Northern United States, 1620—1860. N. Y., 1941, p. 164.

Большие трудности создает и отсутствие каких-либо данных о применении наемного труда в первых американских цензах 1790—1850 гг. Между тем некоторые источники, и в первую очередь материалы прессы первой половины XIX в., содержат отдельные сведения об использовании наемного труда не только в восточных, но и в наиболее развитых районах западных штатов. Исключительно важно в этой связи и свидетельство известного исследователя американского сельского хозяйства проф. П. Гейтса о том, что к середине XIX в. в хорошо развитых аграрных районах страны наемный рабочий стал почти такой же обычной деталью американского сельского хозяйства, как «ферма в 160 акров, ведро для молока или мотыга». Как отмечал в феврале 1846 г. издававшийся в Чикаго фермерский журнал «Прери фармер», в большей или меньшей степени наемный труд использовался по всей стране, «почти на каждой хорошо устроенной ферме». Некоторые лица нанимались на целый год, другие — на лето, третьи — на короткий период, когда работы было особенно много[86].

В 1860 г., когда американская статистика впервые начала учитывать число сельскохозяйственных рабочих, в стране было зарегистрировано 795 679 батраков при общем числе фермеров 2 423 895[87]. Особое внимание следует обратить на имевшуюся в американских переписях разницу между числом ферм и фермеров. Так, в штате Нью-Йорк в 1860 г. было зарегистрировано 254 786 фермеров и только 196 990 ферм, в штате Айова — 88 628 фермеров и 61 163 фермы и т. д. В целом чуть ли не каждый шестой фермер в США оказывался «фермером без фермы», или безземельным фермером.

Кем в действительности были эти люди, считавшие себя фермерами, но не имевшие ферм? Значительная часть их, по-видимому, должна быть отнесена к арендаторам и сельскохозяйственным рабочим, которые, однако, считали свое положение лишь временным, переходным к положению фермера. В то время это было вполне естественным, так как сельскохозяйственный рабочий через определенное время (обычно к 35 годам) имел возможность стать, и действительно становился, арендатором или самостоятельным фермером. В разряд «безземельных» могли быть зачислены и некоторые скваттеры, уже поселившиеся на своих участках, но еще не успевшие их приобрести[88].

Общее представление о числе фермеров и сельскохозяйственных рабочих по штатам дают материалы переписи 1860 г.[89] Наибольшее число сельскохозяйственных рабочих было в таких северо-восточных штатах, как Нью-Йорк (115 728 при общем числе ферм 196 900) и Пенсильвания (соответственно 69 104 и 156 357). С другой стороны, в Южной Каролине

---

[86] *Gates P. W.* The Farmer's Age, p. 272; Prarie Farmer, 1846, Febr., vol. 6, p. 54.

[87] The Eighth Census, Population, p. 663. Под термином «farm laborers» в переписи 1860 г. имелись в виду не только наемные, но и семейные рабочие. Исследуя оригиналы записей ценза 1860 г., П. Гейтс обнаружил, что в эту категорию нередко попадали сыновья фермеров старше 15 лет. В обратном направлении, однако, на подсчет влияло отсутствие учета временных рабочих, а также дата, к которой приурочивался подсчет. 1 июня нельзя признать датой, характерной для сельского хозяйства в смысле применения фермером наемного труда: посевные работы уже закончены, а уборка еще не началась. Данные на один — два месяца позднее или раньше внесли бы значительные изменения.

[88] *Curti M.* The Making of an American Community. Stanford, 1959, p. 140 etc.

[89] The Eighth Census, Agriculture, p. 222; Population, p. 662—663.

насчитывалось всего 6312 сельскохозяйственных рабочих и 33 171 ферма, в Техасе — соответственно — 6537 и 42 891 и т. д. Следует особо отметить, что перепись 1860 г. обнаружила наличие сельскохозяйственных рабочих, и притом в относительно значительном числе на Западе, в частности в таких штатах, как Иллинойс, Индиана, Мичиган, Айова и др., где в то время еще имелись так называемые «свободные» земли.

Общая картина становится еще более впечатляющей, если учитывать не только число сельскохозяйственных рабочих, но и так называемых «фермеров без ферм». В целом по стране в 1860 г. таких «фермеров» насчитывалось 393 110 (т. е. 2 423 895—2 030 785). В результате число лиц, не имевших собственных ферм, в 1860 г. фактически составляло 1 188 789 (795 679+393 110). Таким образом на каждые 100 ферм приходилось около 59 батраков и так называемых «фермеров без ферм». Без преувеличения можно сказать, что каждый третий земледелец был в 1860 г. безземельным, чаще всего батраком, иногда «фермером без фермы», «семейным рабочим» и т. д.

Важную роль в развитии сельского хозяйства уже в середине XIX в. играли арендаторы. На основе применения современных количественных методов американские исследователи установили, что в 50—60-е годы арендаторы на Среднем Западе, в частности в Айове, составляли 15—20%, а на Юге даже выше (в некоторых районах Джорджии накануне гражданской войны доля арендаторов среди земледельцев доходила до 40%)[90]. И это самые консервативные оценки, не учитывающие так называемых «фермеров без ферм», которые в своем большинстве причисляются к фермерам. Если же отнести «фермеров без ферм» к арендаторам, то доля последних должна быть увеличена еще на треть или даже на половину[91]. Клиометристы считают систему аренды не отрицательным, а положительным явлением, «разумным ответом на экономические условия границы». Производительность фермы арендатора, по их подсчетам, соответствовала производительности хозяйства собственника земли, и существование арендаторов не замедляло, а способствовало экономическому росту[92].

В быстром росте американского сельского хозяйства, в общем, сомневаться не приходится, но этот прогресс был прогрессом капиталистическим. И очень показательно, что общий процент арендаторов продолжал неуклонно возрастать, превысив к концу века по стране в целом 35%.

Больших успехов американские фермеры достигли в применении различных сельскохозяйственных машин и инструментов. Самое широкое распространение в середине XIX в. получил металлический плуг с взаимозаменяемыми частями. К 1850 г. в США производилось около 200 различных типов металлических плугов. О масштабах производства можно судить по тому факту, что в 1836 г. две компании в Питтсбурге производили в год около 34 тыс. плугов, а еще одна фирма в Вустере выпускала в год 20 тыс. плугов в 150 различных вариантах. Бла-

---

[90] *Swierenga R. P.* Quantitative Methods in Rural Land Holding and Tenacy Studies (Manuscript, 1981), p. 13, 16.

[91] *Bogue A. G.* From Prairie to Cornbelt. Chicago, 1963, p. 64; *Winter D. L.* Farmers without Farms: Agricultural Tenacy in Nineteenth-Century Iowa. Westport, 1978, p. 12—13; *Cogswell S.* Tenure, Nativity and Age as Factors in Iowa Agriculture, 1850—1880. Ames, 1975, p. 7—10.

[92] *Swierenga R. P.* Quantitative Methods..., p. 12, 14—16, 28.

годаря «простоте, легкости тяги, изяществу и дешевизне» американский плуг считался лучшим в мире [93].

Узким местом сельскохозяйственного производства стала уборка, которую надо было проводить в сжатые сроки и одновременно во всем районе, что затрудняло привлечение дополнительного труда соседей. Первая жатвенная машина была запатентована О. Хасси в 1833 г., а на следующий год С. Маккормиком. Новая машина оказалась довольно несовершенной и дорогой, поэтому фермеры не спешили ее приобретать.

Расширение посевов, высокие цены на пшеницу в 50-е годы и хронический недостаток рабочих рук заставили фермеров пересмотреть отношение к уборочной машине, которая между тем стала более совершенной. Построив в 1848 г. свою знаменитую фабрику в Чикаго, С. Маккормик сумел снизить цену жатки до 100—150 долл. Проблема уборки урожая получила теперь радикальное решение. Если до 1850 г. были выпущены 3373 уборочные машины, то в последующие восемь лет продали уже 69 700 штук [94].

В целом стоимость различных машин и орудий в сельском хозяйстве США уже в 1850 г. достигла 152 млн. долл., а к 1860 г. возросла до 246 млн. [95] По числу и качеству сельскохозяйственных машин США, бесспорно, занимали ведущее место в мире, и уже в 1865 г. в стране находились в употреблении не менее 250 тыс. жатвенных машин [96].

Тезис о капиталистическом пути развития сельского хозяйства США, включая западные штаты, подтверждается, таким образом, самыми разнообразными данными: высокой товарностью фермерского хозяйства, значительными размерами применения наемного труда, наличием «фермеров без ферм», арендаторов и т. д. В последние годы была установлена и важная роль, которую играли в капиталистическом развитии сельского хозяйства в США спекулянты землей [97]. «...Господство *капитала*,— указывал В. И. Ленин,— остается и в самой демократической республике и при каком угодно переходе „всей земли народу“» [98].

Вместе с тем американский путь развития сельского хозяйства был в принципе наиболее прогрессивным и передовым из всех возможных при капитализме. Поскольку переселенец мог получить участок от федерального правительства, а не от землевладельца, эта земля оказывалась свободной от абсолютной ренты. В результате существенно снижалась себестоимость сельскохозяйственной продукции, появлялись дополнительные стимулы для частной инициативы, повышения производительности труда. Неудивительно, что сельскохозяйственное производство в Соединенных Штатах быстро увеличивалось, обеспечивая не только внутренние потребности, но и поставляя во всевозраставшем количестве товары на

---

[93] *Gates P. W.* The Farmer's Age, p. 281.

[94] The Reinterpretation of American Economic History, p. 217; *Jones L.* The Mechanization of Reaping and Mowing in American Agriculture.— Journal of Economic History, 1977, June, vol. 37.

[95] Historical Statistics of the United States, p. 285.

[96] *Богарт Э. Л.* Указ. соч., с. 230.

[97] Подробнее см.: *Swierenga R. P.* Pioneers and Profits: Land Speculation on the Iowa Frontier. Ames, 1968; *Idem.* Land Speculation and Its Impact on American Economic Growth and Welfare: A Historiographical Review.— Western Historical Quarterly, 1977, July, vol. 8, N 3, p. 283—302.

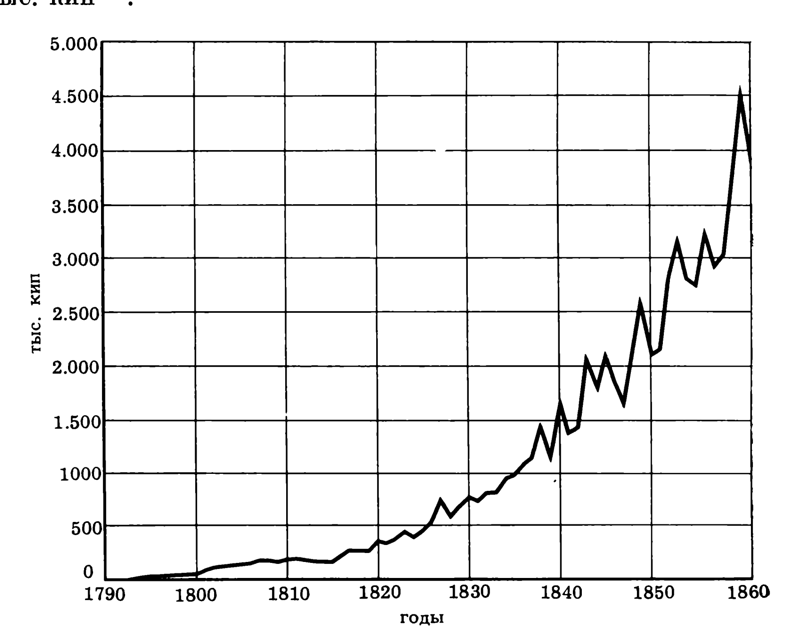
[98] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 205.

экспорт (общая стоимость продукции американских ферм увеличилась с 343 млн. долл. в 1800 г. до 2186 млн. в 1860 г.) [99].

Победа американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве на Севере, а после гражданской войны и в масштабах всей страны оказывала благотворное влияние на экономическое и политическое развитие Соединенных Штатов в целом, способствовала укреплению демократических традиций, быстрому росту сельскохозяйственного и промышленного производства и превращению США в развитую аграрно-индустриальную державу.

4. ПЛАНТАЦИОННОЕ РАБСТВО

В то время как на Севере в первой половине XIX в. происходил промышленный переворот, создавалась разветвленная система каналов и железных дорог, а сельское хозяйство быстро развивалось по фермерскому пути, на Юге все большее распространение получало рабовладельческое плантационное хозяйство. Во время Американской революции XVIII в. многие передовые деятели надеялись, что рабство будет отменено или постепенно отомрет само собой. Этого, однако, не произошло. Вместо табака на Юге появился новый и куда более могущественный «король» — хлопок. Если в 1790—1792 гг. производство хлопка составляло всего 3—6 тыс. кип (в кипе 500 ф.) в год, то к 1800 г. оно достигло уже 100 тыс. кип. В дальнейшем объем производства возрастал еще стремительнее: 1815 г.— 209 тыс. кип, 1825 г.— 533 тыс., 1835 г.— 1062 тыс., 1845 г.— 1806 тыс., 1855 г.— 3221 тыс. и, наконец, 1859 г.— 4508 тыс. кип [100].

ПРОИЗВОДСТВО ХЛОПКА

[99] Historical Statistics of the United States, p. 284.
[100] Ibid., p. 302.

Говоря о беспрецедентном прогрессе Соединенных Штатов в производстве хлопка, министр финансов Л. Вудбери в 1836 г. объяснял его благоприятными условиями, «необычной предприимчивостью и трудолюбием» американцев, низкими ценами на землю, а также изобретением Уитни в 1793 г. хлопкоочистительной машины, которая позволила увеличить производительность труда в 50—100 и более раз.

Важным фактором была также возможность эксплуатации все новых и новых плодородных земель Юго-Запада. В результате уже в 30-е годы XIX в. основной центр производства хлопка окончательно переместился в низовья р. Миссисипи[101].

В 1801 г. одна Южная Каролина давала более 50% всего производства хлопка в стране, а в 1839 г. все восточные штаты (исключая Джорджию) производили менее 15%, тогда как три западных штата (Алабама, Миссисипи и Луизиана) — 56,6%. Царство хлопка раскинулось по всему Югу, за исключением северных пограничных штатов (Виргиния, Мэриленд, Кентукки, отчасти Северная Каролина, где продолжали преимущественно выращивать табак), узкой прибрежной полосы Юго-Востока (Южная Каролина, Джорджия и часть Северной Каролины, занятые под рис), а также Луизианы (сахарные плантации).

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что в стране, где быстро утверждались капиталистические отношения и применялись самые передовые для того времени методы труда, стало возможно успешное функционирование рабовладельческого плантационного хозяйства. Между тем это вполне объяснимо. Дело в том, что при определенных условиях (огромный спрос на хлопок в связи с развитием промышленного переворота в Англии и на Севере Соединенных Штатов, жесточайшая эксплуатация негров и хлопковая монополия рабовладельческих штатов, наличие большого фонда земель, пригодных для распространения плантационного хозяйства на все новые территории, своеобразие культур и природных условий, позволявших использовать рабский труд в продолжение почти всего года, относительная простота производства и связанная с этим возможность применения грубых и несовершенных орудий труда, которые раб не мог испортить, и т. д.) создавалось положение, когда плантационное хозяйство оказывалось для рабовладельцев весьма эффективным и экономически прибыльным.

Тезис о прибыльности плантационного рабства был впервые обоснован с помощью экономико-математических методов А. Конрадом и Дж. Мейером в 1958 г., а затем уточнен и дополнен в их книге, изданной в 1964 г.[102] С тех пор этот тезис многократно обсуждался и был подтвержден рядом независимых исследований[103]. С другой стороны, выводы Р. Фогела и С. Энгермана о том, что «рабовладельческое сельское хозяйство Юга было на 35% эффективнее, чем фермерская система на Севере», что условия жизни рабов были лучше условий жизни «свободных

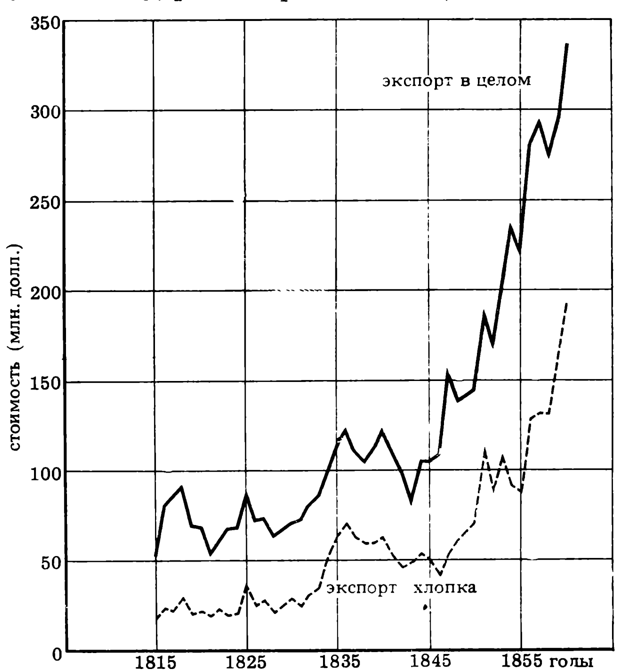
[101] Cotton and the Growth of the American Economy, 1790—1860. Sources and Readings / Ed. by S. Bruchey. N. Y., 1967, p. 18, tabl. 3C.

[102] *Conrad A. H., Meyer J. R.* The Economies of Slavery in the Ante Bellum South.— Journal of Political Economy, 1958, Apr., vol. 66, p. 95—130; *Iidem.* The Economics of Slavery and other Studies in Econometric History. Chicago, 1964.

[103] Did Slavery Pay? / Ed. by H. Aitken. N. Y., 1971.

индустриальных рабочих» и т. п., подверглись в литературе резкой критике [104].

Проблема экономической выгоды не сводится, однако, к статистике доходов богатых плантаторов. За кипами хлопка, за роскошью богатых плантаций и высокими процентами прибыли, которую получали рабовладельцы, нельзя не видеть социальных аспектов проблемы: жесточайшую эксплуатацию миллионов черных, отставание Юга в развитии промышленности, убогую технику, расцвет расизма и т. д.

ЭКСПОРТ В ЦЕЛОМ И ЭКСПОРТ ХЛОПКА

Хотя в принципе рабство представляло в своей основе антитезу капитализму, в конкретных условиях, сложившихся в Америке в первой половине XIX в., оно служило одним из главных источников его развития. Не случайно поэтому К. Маркс, имея в виду именно эту «хорошую сторону», называл рабство в Америке (подобно кредиту, машинам и т. д.) «основой буржуазной промышленности», так как «без рабства не было бы хлопка». «Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну» [105]. «...Для скрытого рабства наемных рабочих в Европе,— писал К. Маркс,— нужно было в качестве фундамента рабство sans phrase [без оговорок] в Новом свете» [106].

---

[104] *Fogel R. W., Engerman S. L.* Time on the Cross, vol. 1. The Economics of American Negro Slavery. Boston; Toronto, 1974, p. 4—6. Подробнее о критике взглядов авторов книги см.: *Болховитинов Н. Н.* Клиометристы и рабство в США.— Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 169—175.

[105] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 135.

[106] Там же, т. 23, с. 769.

Но хлопковая монополия рабовладельческих штатов, как отмечал К. Маркс, была не естественной, а исторически сложившейся. Она утверждалась одновременно с монополией английской хлопчатобумажной промышленности на мировом рынке, а также промышленным переворотом на Северо-Востоке самих США. Если в 1791 г. США давали всего 0,4% мировой продукции хлопка, то в 1831 г. их доля выросла до 49,6% (!). В дальнейшем доля США в мировом производстве хлопка еще более увеличилась, составив в 1840 г. 62,6%, в 1850 г.— 67,8 и в 1860 г.— 66%[107]. Совершенно исключительное место хлопок занимал и во внешней торговле Соединенных Штатов, составляя приблизительно половину стоимости всего американского экспорта[108] (см. с. 231).

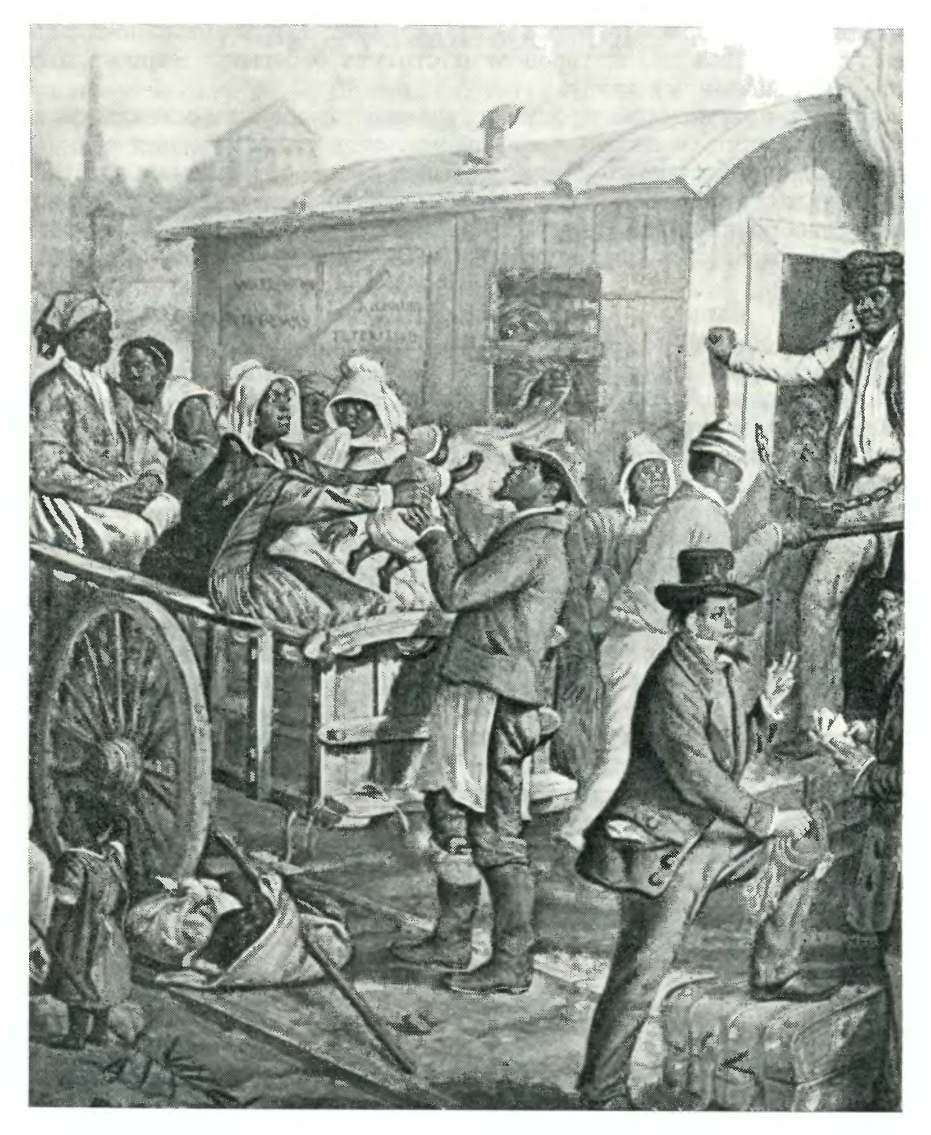
Основная масса американского хлопка поглощалась на европейском, и в первую очередь английском, рынке. Именно это обстоятельство вместе с наличием «свободных» земель для колонизации позволяют правильно оценить мысль Маркса, рассматривавшего США вплоть до середины 60-х годов (1866 г.) как колонию Европы в экономическом отношении, как продукт европейской, в особенности английской, крупной промышленности[109]. Однако, оставаясь колонией Европы, рабовладельческий Юг (после войны 1812—1815 гг.) постепенно начинает становиться внутренней колонией самих США. Уже в 1815 г. на внутреннем рынке США поглощалось около 43 млн. ф. хлопка. В дальнейшем развитие промышленного переворота на Северо-Востоке привело к резкому увеличению потребления хлопка внутри самих США (1850 г.— 263 млн. и в 1860 г.— 470 млн. ф., что составляло примерно четвертую часть общего объема производства хлопка в стране). Не случайно поэтому во введении к переписи промышленности 1860 г. указывалось, что производство и переработка хлопка в Соединенных Штатах представляют «самую поразительную черту промышленной истории последних 50 лет»[110].

Неуклонно возрастала и численность негритянского населения в Соединенных Штатах, составляя в 1790 г. 757 208 человек (из них рабов — 697 681), а в 1860 г.— 4 441 830 (из них рабов — 3 953 760)[111]. С другой стороны, на Юге насчитывалось только 385 тыс. рабовладельцев, причем подавляющее большинство из них (89%) владели менее чем 20 рабами[112]. Строго говоря, этих людей нельзя по-настоящему считать плантаторами, поскольку для организации сравнительно небольшой плантации требовалось по крайней мере около 20 рабов. Если же иметь в виду семьи собственно плантаторов, то среди них также резко преобладали владельцы сравнительно небольшого числа рабов (до 50 человек). Действительная же «южная аристократия» формировалась из 10 тыс. плантаторов, владевших 50 и более рабами каждый[113].

В целом неоспоримым историческим фактом остается вывод о совершенно ничтожном удельном весе плантаторов вообще, и тем более крупных, в общей численности семей свободного населения Юга (1516 тыс.). «Типичным» южанином оказывался не просто мелкий фермер, но фермер

[107] Cotton and the Growth of the American Economy, p. 7, tabl. 1A.
[108] *North D. C.* The Economic Growth of the United States, p. 76.
[109] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 462, 774.
[110] The Eighth Census, Manufactures, p. IX, XIX.
[111] Ibid., Population, p. 597.
[112] Cotton and the Growth of the American Economy, p. 165.
[113] *Stampp K. M.* The Peculiar Institution: Slavery in the Ante-Bellum South. N. Y. 1956, p. 30.

не владевший рабами. Впрочем, «типичным» южанином мелкий фермер оказывался только формально. Рабство негров представляло собой краеугольный камень экономики Юга. И хотя число крупных плантаторов в общей численности населения Юга было ничтожно, именно они составляли «властвующую элиту» не только в политическом, но и в экономическом отношении. И в этом смысле наперекор статистике «типичным» южанином оказывался плантатор, и, как правило, крупный. Именно этот плантатор господствовал в политической и социальной жизни Юга, и основу его влияния составляли десятки и сотни рабов, которыми он владел.

РАЗЛУЧЕНИЕ НЕГРИТЯНСКИХ СЕМЕЙ
ПЕРЕД ПРОДАЖЕЙ НА АУКЦИОНЕ

«Дорога к власти шла через плантацию»,— писал американский историк Ю. Дженовезе и отмечал далее, что плантаторы по существу превратились в буржуазной республике в «феодальных лордов»[114]. Если в конце XVIII в. стоимость раба составляла менее 300 долл., то накануне гражданской войны она достигла огромной цифры — 1800 долл.[115] В феврале 1859 г. газета «Нэшнл ира» приводила случай, когда два черных каменщика были проданы за 5371 (2715 и 2656) долл. Все более доходным бизнесом становилось «разведение» рабов на продажу. По подсчетам японского историка Я. Ясубы, доход от продажи 18-летнего негра в 1821—1825 гг. составлял 334 долл., а в 1856—1860 гг.— 1306 долл.[116] Вряд ли надо доказывать, что в этих условиях трудно было ожидать добровольного отказа плантаторов от института рабства и мирного перехода на Юге к наемному труду.

Систему, при которой производственные отношения оставались докапиталистическими, а целью производства становилась погоня за капиталистической прибылью, К. Маркс называл системой «формального подчинения труда капиталу»[117]. Если для «реального» подчинения труда капиталу необходим прежде всего наемный труд, то для «формального» подчинения приемлем любой труд, в том числе труд раба, сервента или крепостного.

Мысль К. Маркса о формальном подчинении труда капиталу имеет первостепенное значение для оценки характера американского рабства. Маркс писал: «В колониях второго типа — плантациях,— которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка,— существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами *капиталисты*, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему. В этом случае капиталист и земельный собственник — одно лицо»[118].

В целом плантационное рабство в Северной Америке представляло как бы двухэтажную систему: внизу — труд рабов, полная собственность плантаторов на средства производства и на рабов, рутинная техника; вверху — погоня за прибавочной стоимостью, высокая товарность хозяйства, тесно связанного с мировым рынком, разветвленная система банковых, торговых и комиссионных связей, полное господство капиталистических представлений. В конечном итоге этот «второй этаж» оказывался определяющим. Именно капитализм «пробудил к новой жизни давно исчезнувший в Европе институт рабства и положил основание торговле неграми»[119]. В отличие от античного плантационное рабство в Северной Америке — это совсем другое, так сказать, «второе издание рабства», возрождение рабовладельческих методов эксплуатации в условиях первоначального накопления и генезиса капитализма.

---

[114] *Genovese E. D.* The Political Economy of Slavery. N. Y., 1965, p. 29, 31 e. a.
[115] *North D.* Growth and Welfare in the American Past. N. Y., 1966, p. 90; *Phillips U. B.* American Negro Slavery. N. Y., 1918, p. 370.
[116] *Yasuba Y.* The Profitability and Viability of Plantation Slavery in the United States.— Economic Studies Quarterly, 1961, Sept., vol. 12, N 1, p. 60—67 (tab. 1).
[117] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), с. 101.
[118] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 329.
[119] Там же, т. 20, с. 497.

Глава седьмая

КОНСОЛИДАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ (1789—1815)

1. ФЕДЕРАЛИСТЫ У ВЛАСТИ

Вступление в силу федеральной конституции значительно ускорило процесс объединения американской нации. Соединенные Штаты стали единым централизованным государством, а образованное в 1789 г. федеральное правительство — инструментом проведения общенациональной политики. Создались благоприятные условия для преодоления экономической разобщенности страны, формирования национального рынка, складывания общеамериканской культуры. Территориальная экспансия, распространение капитализма на новые земли, развитие его «вширь» также способствовали национальной консолидации [1].

Новые связующие звенья в политической структуре отнюдь не устранили противоречий в «единой семье» американских штатов. Оставались в силе разногласия между Севером и Югом. Возвышение буржуазии, делившей власть с плантаторами, увеличивало социальное неравенство. Жестокой эксплуатации подвергались негры-рабы, усиливался нажим на коренное население Америки — индейцев.

Основу внутренней и внешней политики составляли, как и прежде, классовые интересы правящей верхушки, особенно выраженные в период правления федералистов. Из 39 человек, поставивших подписи под конституцией, 26 взяли в свои руки проведение ее в жизнь. Начатая федералистами реформа управления страной имела далеко идущие цели, и важнейшей из них было закрепление итогов революции в интересах буржуазно-плантаторского блока, создание надежной основы для осуществления его классового господства.

В марте 1789 г. 11 штатов, ратифицировавших конституцию, прислали своих депутатов на 1-ю сессию конгресса. До ноября 1790 г. правительственные учреждения размещались в Нью-Йорке, а затем переехали в Филадельфию. До проведения всеобщей переписи населения норма представительства от каждого штата в нижней палате конгресса определялась решением конституционного конвента и была зафиксирована в конституции. Представители рабовладельческого Юга получили 29 мест из 65, а самая многочисленная делегация в составе 10 человек во главе с Дж. Мэдисоном прибыла из Виргинии. В течение 1789 г. конгресс вынес решение об образовании федеральной судебной системы, Верховного суда и трех основных министерств, именуемых в Америке департаментами, — государственного, финансового и военного. Главы департаментов и члены Верховного суда назначались президентом США «с совета и согласия» сената.

---

[1] Национальные процессы в США / Под ред. С. А. Гонионского. М., 1973, с. 59.

30 апреля 1789 г. состоялась торжественная церемония вступления Дж. Вашингтона в должность президента. Вице-президентом был избран Дж. Адамс, Г. Нокс возглавил военный департамент, виргинский губернатор Э. Рэндолф был назначен генеральным прокурором, а бывший секретарь Континентального конгресса по иностранным делам Дж. Джей получил должность верховного судьи. Вашингтон значительно поднял авторитет правительства, предложив пост государственного секретаря Т. Джефферсону, находившемуся тогда с дипломатической миссией в Париже. Основной задачей госдепартамента стало руководство внешней политикой, однако в его ведение отошел и ряд внутренних дел: определение границ штатов, публикация законов, контроль за работой федеральных служб и т. д. У руля государственной экономики стал министр финансов Александр Гамильтон. На конституционном конвенте этот 32-летний юрист из штата Нью-Йорк был самым горячим поборником усиления власти федерального правительства, и в 90-е годы XVIII в. именно он возглавил формировавшуюся партию федералистов.

Претендуя на руководящую роль в правительстве, Гамильтон решил подкрепить политическую централизацию преобразованиями экономического порядка и в январе 1790 г. выступил в палате представителей конгресса с докладом о государственном кредите [2]. Министр финансов призвал конгресс позаботиться об оплате не только федерального долга, но и долгов штатов на общую сумму свыше 77 млн. долл. Концентрация денежных обязательств в руках национального правительства, устанавливающего налоги и пошлины в масштабах всей страны, должна была поднять доверие к нему капиталистов-кредиторов, а это, рассчитывал Гамильтон, поможет укрепить Союз, покончит с экономической обособленностью штатов и даст мощный толчок развитию производительных сил.

Развернув перед конгрессменами заманчивую перспективу будущего процветания Америки, Гамильтон подчеркнул, что оно невозможно без хорошо обеспеченного кредита, а чтобы получить его, необходимо вначале погасить долги Континентального конгресса и штатов. Облигации периода войны за независимость должны быть оплачены по полной стоимости, даже если они перешли из одних рук в другие; оказывать же предпочтение их первоначальным владельцам будет нарушением прав «честного покупателя».

Делая эту оговорку, министр финансов отлично знал, что «честными покупателями» могли быть только спекулянты, скупившие за бесценок (порой за десятую часть стоимости) облигации у разорившихся фермеров, ремесленников, отставных солдат континентальной армии, а иногда и у опутанных долгами плантаторов. Бедственное положение тех, кто на своих плечах вынес всю тяжесть освободительной войны, меньше всего беспокоило лидера федералистов, которому важнее было заручиться финансовой поддержкой богачей. Выплата долгов по полной стоимости новым владельцам облигаций, утверждал Гамильтон, есть не что иное, как «уважение прав собственности» [3].

Как только о плане Гамильтона стало известно спекулянтам, они развили лихорадочную деятельность. «Курьеры на сменных лошадях по суше, быстроходные парусники по морю мчались во всех направлениях,— вспо-

---

[2] The Papers of Alexander Hamilton: Vol. 1—26 / Ed. by H. C. Syrett e. a. N. Y.; L., 1961—1979, vol. 6, p. 65—168.

[3] Ibid., vol. 11, p. 469—470.

минал Т. Джефферсон.— Компаньонов и агентов вербовали в каждом штате, городе и в сельской местности. Облигации были скуплены по 5 ш. и даже по 2 ш. за фунт прежде, чем их владельцы узнали, что конгресс обеспечил их возмещение по номиналу. Колоссальные суммы денег были таким способом похищены у пребывавших в неведении бедняков...» [4].

Основная масса неоплаченных денежных обязательств находилась в руках кредиторов Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка, Пенсильвании и Южной Каролины, представители которых в конгрессе выступили за принятие плана Гамильтона. Оппозицию составило большинство депутатов Юга, которые понимали, что деньги для оплаты облигаций перейдут в карманы дельцов и спекулянтов. Ассамблея Виргинии по инициативе П. Генри заявила, что конституция не дает конгрессу права распоряжаться долгами штатов и виргинцы, уже погасившие бо́льшую часть своего внутреннего долга, не обязаны нести бремя налогов наравне со всеми. Министр финансов, полагая сломить оппозицию, обратился за содействием к Джефферсону. Хотя государственный секретарь не одобрял план Гамильтона, тем не менее во имя сохранения Союза решил дать свое согласие, если конгресс проголосует за строительство новой столицы США на Юге, у берегов р. Потомак [5]. Авторитет Джефферсона способствовал достижению компромисса, и в конце лета 1790 г. условия соглашения получили силу закона.

Решение конгресса не удовлетворило сторонников финансовой самостоятельности штатов. Защиту их интересов взял на себя Мэдисон. Действия министра финансов он расценил как опасный для политического равновесия курс на возвышение буржуазии Севера. Разногласия среди правящей верхушки еще больше обострились, когда в декабре 1790 г. Гамильтон выступил с проектом учреждения национального банка. На банк возлагалось кредитование государственного и частного предпринимательства, а также выпуск денежных знаков, что должно было способствовать увеличению активного и производительного капитала страны. Банк создавался сроком на 20 лет. Его фонд насчитывал 10 млн. долл., из которых 2 млн. выделяло государство, что соответствовало курсу Гамильтона на упрочение связи между правительством и финансовыми кругами. Более половины капитала составляли личные вклады конгрессменов. Из 25 членов правления банка только четверо были южанами, остальные места получили представители северных и центральных штатов [6].

Противники банка во главе с Мэдисоном считали, что его создают исключительно в целях обогащения кучки финансистов, а плантаторы и фермеры никакой выгоды от него не получат. Они опасались вмешательства дельцов и спекулянтов в государственные дела. Представители Юга выступили против проекта Гамильтона, но потерпели поражение: 39 голосов было подано за учреждение банка, 20 — против. Мнения глав департаментов также разделились. Логика Т. Джефферсона была проста: поскольку в тексте конституции ничего не сказано о праве властей создавать какие-либо «корпорации», право это, согласно ст. 10 Билля о правах, должно принадлежать штатам.

---

[4] The Writings of Thomas Jefferson: Vol. 1—20 / Ed. by A. Lipscomb, A. Bergh. Wash., 1905, vol. 1, p. 272.

[5] С 1800 г. столицей США является г. Вашингтон (федеральный округ Колумбия).

[6] *Hammond B.* Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War Princeton, 1957, p. 123. 125.

Юридические тонкости мало смущали всесильного министра финансов. Аргументам Джефферсона он противопоставил принцип полезности, утверждая, что национальное правительство полномочно осуществлять любые мероприятия, если они отвечают «общественному благу» и не запрещены законом. Это стало основой «широкой интерпретации» конституции. Учреждение банка, считал Гамильтон,— такая же необходимая функция государства, как сбор налогов, регулирование торговли и сохранение общественной безопасности. Его доводы убедили президента, и банк открылся в конце 1791 г. По инициативе министра финансов был учрежден и государственный монетный двор. Введение единой для всей страны разменной монеты (металлического доллара) позволяло упорядочить денежное обращение.

Свое завершение экономическая программа Гамильтона получила в его знаменитом «докладе о мануфактурах» (декабрь 1791 г.) [7]. Речь шла о необходимости активного государственного поощрения промышленности, торговли и сельского хозяйства в целях создания стабильного внутреннего рынка. Полемизируя с идеологами аграрного развития Соединенных Штатов, с теми, кто ориентировался на усиленный вывоз сельскохозяйственной продукции в обмен на промышленные и другие товары, Гамильтон утверждал, что подобный путь поставит США в зависимость от других держав. Источник богатства нации, подчеркивал министр финансов, заключается в ее природных ресурсах, которые должны способствовать развитию отечественных мануфактур. Рост городов обеспечит рынок сбыта для товаров, производимых фермерами и плантаторами, что, по мысли Гамильтона, должно было оградить сельское хозяйство от последствий торговых кризисов и колебаний цен на внешних рынках.

Гамильтон предлагал также заимствовать технические достижения европейских стран, поощрять изобретения и открытия, начать строительство путей сообщения в масштабах страны. Для защиты национальной экономики от иностранной конкуренции он разработал серию протекционистских мер: высокие ввозные пошлины на товары, аналогичные отечественной продукции, запрет вывоза из страны сырья, и т. д.

Объективно программа Гамильтона означала создание предпосылок для ускоренного развития капитализма в США на промышленно-аграрной основе. Протекционистская система, указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, имела большое значение для формирующегося класса буржуазии. Она являлась средством «искусственной фабрикации фабрикантов» и стимулировала свободную конкуренцию внутри страны [8]. Между тем в Америке 90-х годов XVIII в. еще не сложилось оптимальных условий для немедленной реализации гамильтоновского «доклада о мануфактурах», и сделанные им предложения были осуществлены лишь в XIX столетии. Ограниченные потребности американского рынка удовлетворялись в основном английскими товарами, в беспрепятственном поступлении которых в США была заинтересована влиятельная группировка купцов и владельцев кораблей. Более того, доказывая, что капиталы необходимо направлять в промышленность, сам министр финансов и его единомышленники старались умножить свои состояния путем спекулятивных махинаций.

---

[7] The Papers of Alexander Hamilton, vol. 10, p. 230—340.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 418; т. 21, с. 377—378.

Характерен в этой связи предложенный Гамильтоном в 1790 г. план пополнения казны путем ускоренной реализации государственных земель участками от 100 акров и больше по невысокой твердой цене [9]. Площади же свыше 10 кв. миль могли продаваться в кредит с рассрочкой на два года под залог недвижимой собственности. При такой постановке дела снижение цен на землю от 1 долл. до 30 ц. за акр было бы выгодно не мелким фермерам, располагавшим небольшими суммами наличных денег, а крупной буржуазии и земельным спекулянтам. План Гамильтона обсуждался в конгрессе несколько лет и был в конце концов отвергнут. Упорядочить распродажу национального фонда земель правительство решило другим путем, подняв цену 1 акра до 2 долл. при сохранении прежнего размера продаваемого участка (минимум 640 акров). Земля продавалась на аукционе, причем покупатель был обязан внести задаток и уплатить половину всей суммы в течение месяца, а остаток погасить на протяжении года.

Закон 1796 г., лишивший малоимущее население возможности приобретать землю у государства, оказался, однако, невыгодным и для федерального правительства. Скупив огромные массивы земель по низкой цене [10], спекулятивные компании после 1796 г. резко сократили масштабы закупок, но стали продавать землю мелкими участками, успешно конкурируя с государственными земельными конторами.

Мероприятия Гамильтона встречали все более упорное противодействие со стороны многих видных государственных деятелей, особенно тех, кто ранее выступал с критикой федеральной конституции. Среди них были П. Генри, Дж. Клинтон, А. Галлатин, Дж. Тейлор, Дж. Мейсон и др. Принятие Билля о правах полностью примирило их с основным законом США, но дальнейшее усиление центральной власти, опиравшейся на денежную буржуазию, они считали недопустимым. В противовес федералистской прессе Джефферсон и Мэдисон основали в Филадельфии «Нэшнл газетт», первый номер которой вышел в октябре 1791 г. К работе в ней им удалось привлечь литератора Ф. Френо, известного своими радикальными взглядами. Сам Джефферсон воздерживался от выступлений в газете, но ее страницы были доступны всем недовольным политикой Гамильтона.

Первоначально сторонники Джефферсона не имели ясно очерченной программы и обвиняли министра финансов в нарушении конституционных норм. Общий смысл гамильтоновского курса расценивался ими как намерение подорвать республиканские институты, узурпировать власть и установить в стране монархию английского образца. Джефферсон писал президенту, что именно с этой целью Гамильтон стремится поставить финансовое ведомство над другими государственными учреждениями и с помощью «наемной клики» продажных конгрессменов плести нити тайного заговора. Для Джефферсона и его единомышленников «врагом номер один» являлась сильная деспотическая власть, унитарное государство, попирающее права штатов. Эту тенденцию в политике

---

[9] The Papers of Alexander Hamilton, vol. 6, p. 502—506.

[10] Так, в 1795 г. четырем земельным компаниям из Южной Каролины, Виргинии и Теннесси удалось купить в бассейне р. Язу 35 млн. акров всего за 500 тыс. долл., т. е. менее чем по 1,5 ц. за акр. Мошенническая сделка, в которой оказались замешаны законодатели штата Джорджия, была впоследствии аннулирована федеральными властями.

министра финансов они объявили реакционной, монархической и противоречащей «духу свободного государства». Обвиняя Гамильтона в монархизме, последователи Джефферсона именовали себя демократическими республиканцами, и это название в конце концов закрепилось за ними.

В действительности политические взгляды их противника были достаточно сложными. Гамильтон не был приверженцем той монархии, которая являлась классической формой власти в европейских обществах, хотя нередко расточал похвалы британскому государственному строю [11]. В своей практической деятельности он все же стоял на республиканских позициях, но был республиканцем вовсе иного склада, чем Т. Джефферсон, и делал ставку на обуздание «фракционности» и «анархии». Стремясь отвести от себя подозрения в монархизме, он клялся в верности республиканской теории, но каждый раз подчеркивал, что в управлении Соединенными Штатами необходимы прежде всего «стабильность и порядок». Мэдисон и Джефферсон, указывал министр финансов, своими действиями подрывают устои федеральной власти, а «Нэшнл газетт» занимает антиправительственную позицию [12]. Дж. Вашингтон тщетно пытался примирить двух ведущих деятелей своего кабинета, пути которых в 1792 г. окончательно разошлись.

Размежевание сторонников и противников проводимых Гамильтоном реформ дало толчок формированию первых американских политических партий [13]. По именам их лидеров партию федералистов стали называть «гамильтоновской», а демократическо-республиканскую — «джефферсоновской».

Политические деятели в центре и на местах налаживали между собой более тесную и постоянную связь, а в период избирательной кампании или обострения борьбы по общенациональным вопросам ведущие группировки обрастали массой сторонников в штатах. Каждая стремилась подчинить выборные органы власти своим интересам, провести туда максимальное число ставленников, что возможно было осуществлять благодаря координации действий, использованию прессы и других средств воздействия на избирателей, вплоть до подкупа и шантажа. Такие приемы были не новы в Америке, но они становились все более целенаправленными, превращались в средство манипулирования массами, без чего трудно было рассчитывать на успех в политической борьбе. В стране началось складывание двухпартийной системы.

Ядром федералистов оставалась торгово-финансовая буржуазия Новой Англии, с которой сомкнулась часть крупных землевладельцев и зажиточных фермеров в прибрежных графствах центральных и южных штатов. Демократические республиканцы приобрели сторонников почти

---

[11] *Согрин В. В.* Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, с. 278.

[12] The Papers of Alexander Hamilton, vol. 11, p. 429—431, 439—444.

[13] *Aptheker H.* Early Years of the Republic. From the End of the Revolution to the First Administration of Washington (1783—1793). N. Y., 1976, p. 114—115. Эти партии мало походили на современные. Механизм их управления и функционирования был тогда не развит, и они играли неизмеримо меньшую роль в государстве, чем двухпартийная система XIX—XX вв. В период правления федералистов буржуазно-партийная политика еще зарождалась, налицо были только ее элементы. См.: Политические партии США в новое время / Под ред. Н. В. Сивачева. М., 1981, с. 15—18, 88—89.

во всех слоях общества и опирались на часть плантаторов и основную массу фермеров, городских ремесленников и мелких торговцев.

Фермерская беднота первой ощутила тяжесть экономической политики Гамильтона. Чтобы получить деньги, необходимые для уплаты государственным кредиторам, конгресс в 1791 г. ввел налог на производство и продажу спиртных напитков (закон об акцизе). Изготовление галлона виски из отечественного сырья облагалось налогом от 9 до 25 ц., из им-

РАСПРАВА СО СБОРЩИКОМ АКЦИЗНОЙ ПОШЛИНЫ

портируемого сырья — от 11 до 30 ц., в зависимости от крепости напитка. Во многих сельских районах производство виски на дому носило массовый характер, ибо зерно и другие продукты подчас невозможно было сбыть на месте, а дальние расстояния и плохие дороги затрудняли сообщение с городскими рынками. Спрос же на спиртное был высок, и изготовление самогона из ржи и пшеницы давало фермерам дополнительный заработок. Министр финансов в полной мере учел это обстоятельство, и акцизная пошлина стала одной из основных статей дохода: с 1792 по 1800 г. производители рома и виски уплатили государству свыше 2 млн. долл.[14] Фермеры в свою очередь лишались значительной (до 25%) части выручки от продажи виски.

---

[14] *Baldwin L. D.* Whiskey Rebels. The Story of a Frontier Uprising. Pittsburgh, 1939, p. 284.

Закон об акцизе сильнее всего ударил по фермерам «пшеничных» районов центральных и южных штатов. В наиболее тяжелом положении оказались мелкие сельские хозяева на западе Пенсильвании, где перегонный аппарат имелся почти в каждом доме, а виски сделалось своего рода единицей расчета. Фермеры с нетерпением ожидали отмены акцизных сборов, введенных правительством штата еще в 1781 г. сроком на 10 лет, но вместо этого с 1791 г. закон об акцизе стал действовать в масштабах страны. Это крайне накалило обстановку в западных графствах. Многие видные деятели Пенсильвании — А. Галлатин, Д. Бредфорд, Дж. Маршалл, Б. Паркинсон, Э. Кук и другие сочувственно отнеслись к требованиям фермеров. По их инициативе собирались народные конвенты, участники которых выступали против «несправедливых и деспотических» законов и резко критиковали введение акцизной пошлины, неуплату денег прежним владельцам облигаций и учреждение национального банка.

Резолюции народных собраний, опубликованные в местной печати, передавались в легислатуру штата, а в 1791 и 1792 гг. представители графств Уэстморленд, Вашингтон, Файет и Аллегейни обращались с петициями к конгрессу. Акцизные чиновники систематически подвергались угрозам и нападениям вооруженных фермеров. Сборщиков налога обмазывали дегтем и вываливали в перьях, после чего заставляли отказаться от занимаемой должности, а бумаги и документы отбирали. Суровая кара ожидала и тех, кто соглашался помогать чиновникам или платил налог: противники акцизной пошлины поджигали их дома, портили имущество, угоняли скот. Ропот и недовольство, а порой и вооруженный отпор местной администрации имели место также в Кентукки, Мэриленде, Виргинии и обеих Каролинах.

Получив эти известия, Дж. Вашингтон выпустил в сентябре 1792 г. декларацию, призывавшую к прекращению «беспорядков» всеми имеющимися средствами. Конгресс в ускоренном порядке принял закон, дающий президенту право созывать милицию для подавления сопротивления. Генеральный прокурор Э. Рэндолф участвовал в судебном процессе над теми, кого удалось арестовать, однако губернатор Пенсильвании Т. Миффлин был настроен примирительно и не спешил расправляться с непокорными. Начавшиеся волнения встревожили членов конгресса, и они решили вопреки мнению Гамильтона снизить размеры пошлин. Тем не менее фермеры не прекратили борьбу.

В мае — июне 1794 г. на западе Пенсильвании распространялись листовки с подписью «Том-лудильщик», призывавшие к неповиновению властям. В ответ на попытку арестовать лидеров движения отряд фермеров численностью до 500 человек совершил 17 июля нападение на дом акцизного инспектора Дж. Невилла. Ему удалось скрыться, но дом был сожжен, а охранявшая его воинская команда сложила оружие[15]. Через неделю в местечке Минго-крик состоялся митинг, участники которого предложили созвать в августе конвент с представителями Мэриленда и Виргинии. Одновременно Бредфорд решил устроить демонстрацию повстанческих сил, и по его призыву 1 августа собралось около 7 тыс. вооруженных фермеров, пришедших под командой офицеров милиции. Вначале они намеревались захватить хорошо укрепленный форт и овладеть ар-

[15] *Brackenridge H. M.* History of the Western Insurrection in Western Pennsylvania, Commonly Called the Whiskey Insurrection, 1794. N. Y., 1969, p. 40—51 (1st print.: Pittsburgh. 1859).

сеналом Питтсбурга, но, опасаясь потерь, ограничились мирным шествием по улицам города.

14 августа 1794 г. в Паркинсонс-ферри собралось свыше 200 депутатов конвента. По свидетельству А. Галлатина, на нем присутствовали как «мятежники», так и «здравомыслящие люди», которые стояли за прекращение бунта. Радикально настроенный Бредфорд предложил создать постоянный комитет безопасности «для отражения любых враждебных покушений на права гражданина», однако умеренная верхушка во главе с Галлатином добилась снятия этого вопроса с повестки дня. Было решено не начинать вооруженной борьбы и вступить с правительством в переговоры.

По инициативе правого крыла руководителей движения в западных графствах развернулась агитация за подчинение властям. Стремясь реабилитировать себя, сторонники примирения запугивали фермеров ужасами гражданской войны, доказывали, что дальнейшая борьба бесполезна и будет на руку... исконному врагу США — Англии. Вместе с присланными из Филадельфии чиновниками Галлатин, Брекенридж, Кук и другие успешно приводили народ к присяге и взывали к дальновидности губернатора и президента, советуя им воздержаться от применения насильственных мер.

Между тем правительство США еще в начале августа решило подавить движение объединенными силами милиции нескольких штатов. Гамильтон считал, что расправа с «мятежниками» лучше, чем что-либо другое, продемонстрирует могущество федерального правительства и незыблемость его власти. Подготовка к ней совпала с волнениями в Мэриленде, где фермеры отказывались служить в милиции и намеревались захватить склады с оружием, чтобы помешать отправке карательной экспедиции против их собратьев в Пенсильвании. Однако разрозненные повстанческие силы не могли противостоять федеральным войскам, во много раз превосходившим их по численности и вооружению.

Против нарушителей закона об акцизе была брошена 15-тысячная армия с кавалерией и артиллерией. Президент лично возглавил ополчение, взяв с собой в качестве военного советника Гамильтона. Разъясняя командирам цель похода, Вашингтон писал: «С непокорным и мятежным духом должно быть покончено. В противном случае нам придется распрощаться со всеми органами власти в стране, кроме власти толпы...» [16]. В начале ноября он возвратился в Филадельфию, передав командование виргинскому губернатору Г. Ли.

Вступив в западные районы Пенсильвании, отряды милиции не встретили никакого сопротивления. Около 2 тыс. противников акцизной пошлины, включая Д. Бредфорда, бежали за пределы штата, остальные добровольно являлись в суды и подписывали «декларацию о повиновении». Тем не менее ополченцы арестовали несколько сот подозреваемых в «измене» фермеров, которых вместе со свидетелями бросили в тюрьмы. Гамильтон лично участвовал в допросах. 20 человек, доставленных под конвоем в Филадельфию, публично провели по улицам города. Роль войск в подавлении восстания свелась, таким образом, к чисто полицейским мерам. Около 2,5 тыс. солдат милиции было расквартировано в за-

---

[16] The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799: Vol. 1—39 / Ed. by J. C. Fitzpatrick. Wash., 1931—1944, vol. 33, p. 523—524.

падных графствах до весны 1795 г. Власти возбудили против повстанцев 30 судебных дел и вынесли два смертных приговора, но в конце концов все осужденные получили президентское помилование.

Фермерское движение 1791—1794 гг.— высшее проявление классовой борьбы трудящихся масс против социально-экономической политики федералистов. Общее руководство им взяла на себя группа недовольных реформами Гамильтона политических деятелей, но нападения на сборщиков акцизной пошлины осуществляли сами фермеры, поднявшиеся против своих непосредственных угнетателей. Напуганные размахом движения, умеренные элементы дезорганизовали повстанческие силы и положили конец вооруженному сопротивлению. Подобно восстанию Д. Шейса в 1786—1787 гг., фермерские волнения в Пенсильвании и других штатах носили стихийный, неорганизованный характер, и это предопределило их поражение.

«Восстание из-за виски», как называли эти события современники, дало федералистам повод усилить нападки на своих политических соперников. Дж. Вашингтон открыто обвинил демократических республиканцев в попытке «свергнуть правительство» и развязать анархию. Решительно отвергая подобные обвинения, лидеры республиканцев не поддержали восставших фермеров. Их классовые интересы оказались сильнее разногласий с федералистами.

Политика, проводимая в интересах крупных собственников, встречала растущий протест и трудового населения городов. В январе 1791 г. одна из нью-йоркских газет сообщала, что «множество мелких ремесленников, возчиков, поденщиков и других рабочих влачит полуголодное существование и перебивается с хлеба на воду»[17]. Недовольные условиями труда (14—16-часовой рабочий день) и заработной платой наемные работники и мастеровые создали временные ассоциации взаимопомощи, а в отдельных случаях поднимались и на забастовочную борьбу. Так, в 1791 г. в Филадельфии бастовали плотники, требовавшие установления 10-часового рабочего дня. Забастовки с целью повышения заработной платы были проведены в 1795 г. плотниками Нью-Йорка и матросами Балтимора (штат Мэриленд). В 1792 г. обувщики Филадельфии основали первый в истории США рабочий союз. Через два года в Нью-Йорке была сформирована ассоциация печатников, а в 1796 г.— союз мебельщиков. Первые американские рабочие организации являлись немногочисленными ремесленными союзами местного значения. Они занимались в первую очередь узкопрофессиональными вопросами; существование их было непродолжительным[18].

Ремесленники и рабочие крупных городов, как и владельцы мануфактур, требовали от национального правительства принятия решительных мер по пресечению конкуренции иностранных (в первую очередь английских) товаров. Недовольство горожан вызывали и вотированные конгрессом пошлины на ряд продуктов потребления. Вместе с тем социальная активность городских низов не ограничивалась рамками только экономических требований. Их политические взгляды отличались широтой и демократизмом, и когда во Франции началась революция, они с восторгом приветствовали ее как наступление новой эры в Европе. Борьба фран-

---

[17] Цит. по: *Фонер Ф.* История рабочего движения в США...: В 4-х т. М., 1949—1969, т. 1, с. 83.

[18] Там же, с. 88—91.

цузского народа против европейских монархий вызывала горячее сочувствие трудящихся масс по эту сторону океана, которые расценивали ее как продолжение революции, начатой в Америке.

Лозунг французских революционеров «Мир хижинам, война дворцам» и казнь Людовика XVI были созвучны настроениям американских демократов, выступавших за упрочение буржуазно-демократических свобод в США. Свидетельством тому явилось возникновение «демократическо-республиканских обществ», сыгравших важную роль в борьбе широких народных масс, мелкой буржуазии против федералистов. Центром движения стала Филадельфия, где в марте 1793 г. образовалось первое такое общество. Своей целью оно провозгласило поддержание духа свободы путем наблюдения за действиями властей, просвещения граждан и установления связей с другими аналогичными обществами. На протяжении 90-х годов XVIII в. в Америке насчитывалось более 40 подобных объединений, которые строились по образцу французского Якобинского клуба, организаций ирландских радикалов, американских «Сынов свободы» и т. п.[19]

В «демократическо-республиканские общества» вступали представители различных слоев, в частности ремесленники и наемные рабочие, многие одновременно состояли в ассоциациях мастеровых. В Филадельфии из 206 членов обществ половина была ремесленниками, а в Чарлстоне — 34 из 177[20]. Активную поддержку демократам оказывали фермеры. На западе Пенсильвании действовали три такие организации, сформировавшиеся в период «восстания из-за виски». В состав обществ входили недовольные правительственной политикой мелкие и средние торговцы, владельцы кустарных ремесленных мастерских, некоторые плантаторы, чиновники, юристы и т. п.

Эти самодеятельные объединения учреждались независимо от республиканской фракции в конгрессе, но проводимые ими митинги, собрания и выступления в печати служили своего рода катализатором, значительно ускорившим рост массовой оппозиции федералистам. Нередко «общества» апеллировали к простому народу. В одном из воззваний прямо говорилось, что «ремесленники и фермеры, или бедный класс людей (как их обычно называют), должны поддержать свободу Америки, за которую они и их отцы заплатили своей кровью... Когда народ пребывает в спячке, светоч свободы гаснет, оставляя его блуждать во тьме деспотизма и угнетения»[21]. Вместе с тем члены обществ, за редким исключением, признавали одни только «легальные», дозволенные конституцией методы борьбы, и в 1794 г. выступили с осуждением восставших фермеров. Среди противников федералистов было немало тех, кто порицал рабство, но ни одно общество не решилось открыто требовать его отмены.

Несмотря на отсутствие четкой программы, мелкобуржуазную ограниченность, демократические республиканцы энергично и сплоченно выступали по самому широкому кругу злободневных вопросов местного и национального значения. Члены демократических клубов в северных штатах настаивали на введении протекционистского тарифа, их собратья на Западе требовали от властей добиться свободы судоходства по р. Мисси-

---

[19] *Link E. P.* Democratic-Republican Societies, 1790—1800. N. Y., 1942, p. 13—15.

[20] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США..., т. 1, с. 105.

[21] Democratic-Republican Societies, 1790—1800. A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions and Toasts / Ed. by Ph. S. Foner. Westport (Conn.), 1976, p. 145.

сипи и отменить закон об акцизе, плантаторы и фермеры Юга возражали против выплаты своих довоенных долгов англичанам. Разногласия между республиканцами и федералистами распространились и на область внешней политики, ключевым вопросом которой были взаимоотношения с Англией, Францией и Испанией.

Вопреки условиям мирного договора 1783 г. Англия удерживала за собой укрепленные пункты на северо-западной границе США, а кроме того, отказывалась возвратить американским плантаторам захваченных во время войны за независимость негров-рабов. Порты британской Вест-Индии были закрыты для американской торговли. Мало считалась с Соединенными Штатами и Испания, владевшая Флоридой и Луизианой. Свобода торговли по Миссисипи имела колоссальное значение для всего американского Запада, а также южных штатов, но устье этой водной артерии находилось в руках испанских властей.

Английская администрация в Канаде и испанский губернатор Нового Орлеана заключили союзные соглашения с местными индейскими племенами, которые сдерживали поток американских поселенцев, стремившихся к освоению новых земель. Борьба США с индейцами велась с переменным успехом, а военная экспедиция губернатора Северо-Западной территории А. Сен-Клера потерпела в ноябре 1791 г. сокрушительное поражение.

В отношениях с другими государствами правительство Дж. Вашингтона придерживалось нейтральной политики. Во время англо-испанского конфликта 1789—1790 гг.[22], чуть было не перешедшего в вооруженное столкновение на Тихоокеанском побережье Северной Америки, Т. Джефферсон склонялся к мысли пропустить английские войска из Канады через американскую территорию и предоставить такое же право испанцам, если они этого потребуют, лишь бы не обострять отношений с враждующими державами. В 1792—1793 гг. начались войны европейских монархов против революционной Франции. Вступление в войну Англии с ее могучим военно-морским флотом, а также наличие у воюющих сторон колониальных владений на Американском континенте грозили открытием военных действий и в западном полушарии. В создавшейся обстановке правительство Дж. Вашингтона единодушно высказалось за нейтралитет. 22 апреля 1793 г. была обнародована подписанная президентом декларация, в которой говорилось о проведении Соединенными Штатами дружественного и беспристрастного курса по отношению ко всем воюющим государствам. Те американцы, которые нарушат нейтралитет и примут участие в войне, объявлялись вне закона.

Провозгласив себя нейтральным государством, Соединенные Штаты получили возможность торговать сразу с обеими воюющими сторонами. Вместе с тем непризнание принципов морского нейтралитета Великобританией могло поставить под удар практически ничем не охраняемую торговлю США с Французской республикой и ее владениями в Вест-Индии, а союзный договор 1778 г. с Францией осложнял международное положение США как нейтральной державы[23]. В этой связи американское пра-

[22] Конфликт был вызван захватом испанцами двух британских торговых кораблей в бухте Нутка-Саунд (о-в Ванкувер).

[23] В случае войны Франции с третьей державой США обязаны были защищать ее владения в Вест-Индии и пропускать в свои порты только французские военные суда и захваченные ими трофеи.

вительство было поставлено перед трудным выбором: либо углублять сотрудничество с Францией, противопоставив себя Англии, либо за счет Франции урегулировать отношения с «владычицей морей». Выработкой внешнеполитического курса занимался Т. Джефферсон, однако влиятельный и энергичный министр финансов все чаще вмешивался в дела государственного департамента. Оба стояли за нейтралитет и неучастие США в европейских войнах и коалициях, но Джефферсон проявил себя сторонником «французской» ориентации, а Гамильтон считал необходимым всемерно укреплять связи с Англией.

Профранцузские симпатии государственного секретаря объяснялись многими причинами, в частности его озабоченностью состоянием торговых и дипломатических отношений США с Великобританией. Джефферсон исходил из убеждения, что Англия по-прежнему обращается с Соединенными Штатами как с зависимой страной, доказательства чему видел в невыполнении британским кабинетом ряда статей Парижского договора 1783 г., в отказе заключить с США торговое соглашение и т. д. Франция же была союзницей США в трудные годы их борьбы с метрополией и, что особенно важно, предоставила молодой республике режим наибольшего благоприятствования в торговле. Именно сохраняя дружбу с Францией, делал вывод Джефферсон, США смогут преодолеть свою вековую зависимость от Англии. Позиция государственного секретаря диктовалась не только соображениями дипломатии или экономической выгоды, но и соответствующей оценкой значения Французской революции, от победы или поражения которой, по его словам, зависело дело свободы во всем мире [24].

С другой стороны, А. Гамильтон учитывал, что в интересах становления американского капитализма следует идти на сближение с Англией, и в этом видел залог успеха столь необходимой США нейтральной политики. Америка, по мнению Гамильтона, ничем не обязана Франции за ее помощь в войне за независимость, а торговля с ней даже на самых выгодных условиях не могла бы возместить Соединенным Штатам последствий разрыва с Англией. К Французской же революции, особенно после казни короля, Гамильтон относился резко отрицательно и не скрывал этого.

В 1792—1793 гг. правительство Франции взяло курс на воссоздание союза с заокеанской республикой, вынашивая планы ликвидации английских и испанских владений в Северной Америке. С этой целью в марте 1793 г. в Соединенные Штаты был направлен чрезвычайный посланник Эдмон Шарль Женэ. Он имел полномочия вербовать добровольцев для каперского флота, а также для экспедиции в Канаду и захвату у Испании Флориды и Луизианы. Помимо этого, Женэ должен был ускорить выплату американцами долгов Франции и обеспечить бесперебойную доставку продовольствия из США.

Прибытие посланника жирондистской Франции, именовавшего себя просто «гражданином» и в пылких речах призывавшего к борьбе с «тиранами всего мира», дало мощный толчок демократическим настроениям. В начале апреля Женэ высадился в Чарлстоне, и его поездка в Филадельфию, занявшая почти месяц, вылилась в восторженную манифестацию:

---

[24] *Bowers C. G.* Jefferson and Hamilton. The Struggle for Democracy in America. Boston; New York, 1925, p. 210.

гремели пушки, звонили колокола, развевались трехцветные флаги, народ распевал «Марсельезу».

Республиканские общества решительно требовали от правительства оказать экономическую и военную помощь дружественной державе. Вопреки Гамильтону Джефферсон настаивал на безусловном признании Французской республики и ее посланника. Государственный секретарь считал, что союзный договор 1778 г. все еще имеет силу, хотя и был заключен с королевской Францией. Вместе с тем он отмечал, что Соединенные Штаты не станут слепо придерживаться его буквы и в будущем смогут изменить свой курс, если тот окажется опасным для страны [25].

На первых порах Джефферсон не препятствовал деятельности Женэ, но вскоре она стала принимать нежелательный для США характер. Невзирая на декларацию о нейтралитете и оказанный Женэ президентом холодный и сдержанный прием, энергичный посланник вербовал американцев на службу Франции, отправив своих агентов в портовые города, к канадской границе и на берега Миссисипи. Женэ действовал в обход американских властей и открыто обвинял правительство и президента США в предательстве интересов Французской республики.

Самовольные действия Женэ привели к обострению отношений США с Великобританией. Английский бриг «Литл Сара», захваченный французами в открытом море, был приведен в филадельфийскую гавань, где Жэнэ распорядился поднять на нем французский флаг и готовить судно к походу. Британский посланник заявил протест, расценив это как нарушение Соединенными Штатами нейтралитета. Джефферсон потребовал прекратить снаряжение каперских судов, однако Женэ отказался подчиниться.

Между тем экспедиция по захвату испанских владений откладывалась из-за недостатка средств, а грандиозные планы отделения Канады от Англии оказались иллюзорными. Авантюры и постоянные конфликты с властями быстро подорвали авторитет французского посланника в Америке. Демократические республиканцы полностью разочаровались в своем кумире. В конце концов Вашингтон объявил о намерении Женэ втянуть США в войну и возбудить в стране анархию. В августе 1793 г. Джефферсону пришлось обратиться к французскому правительству с просьбой отозвать Женэ, что и было исполнено, но уже в связи с приходом к власти якобинцев [26].

Деятельность «гражданина» Женэ, бросившая тень на Джефферсона и всех сочувствовавших Франции, углубила недоверие президента к демократическим республиканцам и вызвала кризис в правительстве. В конце 1793 г. Джефферсон ушел в отставку. Место государственного секретаря занял Э. Рэндолф, который также симпатизировал Франции, но не обладал твердостью и принципиальностью своего знаменитого предшественника. Фактически хозяином в правительстве стал Гамильтон, влияние которого на президента с каждым годом увеличивалось.

Перемещения в кабинете Дж. Вашингтона совпали с резким обострением международной обстановки. Англия приступила к морской блокаде Французской республики, начав задерживать нейтральные корабли, иду-

---

[25] The Writings of Thomas Jefferson, vol. 3, p. 242—243.

[26] Подробнее см.: *Краснов Н. А.* Миссия Женэ и нейтралитет США (1793 г.).— В кн.: Американский ежегодник, 1980. М., 1981, с. 156—157. Впоследствии Вашингтон разрешил Женэ остаться в Америке в качестве частного лица.

щие с товарами во Францию или в ее владения в Вест-Индии. Весной 1794 г. в США стало известно о массовых захватах американских торговых кораблей, экипажи которых были взяты в плен и насильственно включены в состав британского флота. Нападения на нейтральные суда совершались также испанцами и французами. Одновременно пришла тревожная весть с Северо-Запада — канадский губернатор лорд Дорчестер заявил вождям союзных индейских племен о предстоявшей вскоре войне с Соединенными Штатами. США оказались на грани конфликта с Великобританией.

Пассивная выжидательная политика уже не отвечала настроениям большинства членов конгресса, и в марте 1794 г. Соединенные Штаты ввели 30-дневное эмбарго на торговлю со всеми странами. Решено было начать военные приготовления. Гамильтон же советовал президенту придерживаться умеренной и осторожной тактики и во что бы то ни стало разрешить конфликт дипломатическим путем. По мере победоносного наступления французских армий международное и внутреннее положение Англии становилось все более тяжелым, и новая война с Америкой не входила в планы лондонского кабинета. В этой связи Англия сняла запрет на прямую торговлю США с французской Вест-Индией, а парламентская оппозиция осудила провокационные действия Дорчестера в отношении Соединенных Штатов. Правительство Вашингтона решило использовать благоприятный момент, и в июне 1794 г. направило в Лондон с чрезвычайной миссией верховного судью Джея.

Содержание данных ему инструкций, составленных по указаниям Гамильтона, сводилось в основном к следующему: урегулировать взаимные претензии по договору 1783 г., получить компенсацию за захваченные американские суда и грузы, заключить с Англией торговый договор и добиться признания ею прав нейтрального мореплавания[27]. Срок действия договора не должен был превышать 15 лет. Переговоры Джея с британским министром иностранных дел лордом Гренвиллем продолжались пять месяцев и завершились 19 ноября 1794 г. подписанием «договора о дружбе, торговле и навигации»[28]. Усилия американской дипломатии были подкреплены внушительной победой над индейцами, одержанной в августе того же года у форта Фолн Тимберс.

Итог переговоров носил компромиссный характер. Англия согласилась вывести войска из фортов у американской границы к июню 1796 г., а для рассмотрения спорных вопросов об уплате довоенных долгов, претензий американских судовладельцев и т. д. создавались совместные арбитражные комиссии. В пограничных районах США и Канады была узаконена свободная торговля мехами. В остальном американскому посланнику не удалось добиться значительного успеха: плантаторы, обязанные выплатить свои долги англичанам, не получали компенсации за отобранных у них во время войны за независимость негров-рабов, а торговля с британской Вест-Индией разрешалась лишь на небольших судах и при условии доставки товаров только в США[29].

---

[27] *Bemis S. F.* Jay's Treaty. A Study in Commerce and Diplomacy. New Haven, 1962, p. 293—295.

[28] Treaties and other International Acts of the United States of America, 1776—1863: Vol. 1—8 / Ed. by H. Miller. Wash., 1931—1948, vol. 2, p. 245—267.

[29] Ограничение это было временным и вводилось на период участия Англии в войне и еще на два года после ее окончания.

Вопрос о захвате судов под американским флагом и их экипажей остался открытым. В то же время Соединенным Штатам запрещалось принимать в своих портах каперские корабли враждебных Англии государств, а британское судоходство в Америке ставилось в условия наибольшего благоприятствования.

При всей ограниченности достигнутых Джеем результатов договор 1794 г. явился важным событием в отношениях США с бывшей метрополией. Мирное урегулирование разногласий было необходимо молодой республике и не противоречило проводимой ею политике нейтралитета. Между тем итог переговоров вызвал крайне неблагоприятные отклики в самих Соединенных Штатах. Не только демократические республиканцы, но даже некоторые федералисты находили сделанные Джеем уступки чрезмерными и требовали заключить новый договор на более выгодных для США условиях. По всей стране прокатилась волна митингов и собраний, на которых противники соглашения с Англией вздергивали на виселицы и сжигали на кострах соломенное чучело «архипредателя Джея». В неравноправном договоре с могущественной морской державой они видели угрозу национальному суверенитету США. Казалось, вернулись времена войны за независимость — толпа бостонцев напала на стоявший в гавани английский корабль, разграбила и разрушила его. Отношение к договору в стране такое же, как к бешеной собаке, писал с тревогой Дж. Вашингтон [30].

В сенате федералисты с трудом добились его ратификации, но им пришлось исключить пункт, ограничивавший торговлю с Вест-Индией. Президент после долгих колебаний утвердил это в августе 1795 г. Решающим оказалось то соображение, что отказ ратифицировать договор мог бы привести к столкновению с Великобританией. Учтены были и требования купцов Северо-Востока, заинтересованных в развитии торговли с Англией и ее владениями.

Противники договора дали бой федералистам в палате представителей конгресса, где обсуждался вопрос о выделении средств для работы арбитражных комиссий. Отказ финансировать их означал бы по существу срыв договорных обязательств. В ходе дебатов демократические республиканцы во главе с Мэдисоном потребовали от президента предать гласности документы миссии Джея, но Вашингтон категорически отказался. В апреле 1796 г. разногласия между сторонниками и противниками договора достигли апогея, в закулисную игру включились и иностранные дипломаты. Федералисты запугивали общественное мнение опасностью войны с Англией, широко применяли подкуп, шантаж и угрозы. На их стороне была финансовая мощь и большой опыт ведения политических кампаний. В конце концов им удалось взять верх, но перевес голосов в их пользу был минимальным — 51 против 48.

В 1793—1796 гг. платформы обеих партий дополнились аргументами в области внешней политики. Федералисты исходили из факта зависимости товарооборота США от британского рынка, а бюджета страны — от исправного поступления таможенных пошлин, которыми облагались английские товары. При этом коммерческие и финансовые круги Северо-Востока, составлявшие «становой хребет» федералистской партии, добились расширения торговли с Англией ценой таких уступок ей, которые суще-

[30] The Writings of George Washington, vol. 34, p. 262.

ственно задевали интересы плантаторского Юга. Сторонники же Джефферсона — Мэдисон, Тейлор, Мейсон и др. — расценивали тактику уступок как величайшее политическое и социальное зло. Они настаивали на принятии ответных дискриминационных мер по отношению к Англии, на введении эмбарго, отказе от ратификации договора Джея.

Реальных шансов на успех при проведении такой политики без соответствующей поддержки извне у Соединенных Штатов тогда не было, но эффект от антибританских выступлений получался огромный. Демократические республиканцы считались с настроением масс, стремившихся как можно скорее покончить с неравноправным положением Соединенных Штатов. Федералисты, в свою очередь, старались отыграться на «разоблачении» революции во Франции, изображая ее как царство неограниченного произвола, террора и насилия над «собственностью и свободой».

Ведя полемику, федералисты и их противники обвиняли друг друга в сговоре с Англией или с Францией, в стремлении перенять чуждое Америке политическое устройство той или другой страны и т. п., что, конечно, не соответствовало действительности. Монархизм не пользовался популярностью даже в наиболее консервативных кругах, а с установлением якобинской диктатуры Великая Французская революция довольно быстро утратила свою привлекательность и для большинства республиканских лидеров [31]. Негативная оценка внутренней политики Франции не помешала последним относиться к этой стране как к «естественному сопернику» Англии, но не Соединенных Штатов, а сохранение «баланса сил» в Европе считалось ими залогом мира и процветания нейтральной Америки. Между тем воюющие государства мало считались с интересами Соединенных Штатов. Великобритания и после ратификации договора Джея захватывала торговые корабли США, а в конце XVIII в. на тот же путь вступила и Французская республика.

С более слабой Испанией правительство Дж. Вашингтона урегулировало отношения гораздо легче. Начиная с 1791 г. Соединенные Штаты энергично добивались свободы судоходства по Миссисипи. Земельные спекулянты, плантаторы и фермеры южных штатов настаивали на заселении территории к северу от 31-й параллели, на которую претендовала Испания, и вели через своих агентов тайные переговоры с губернатором Нового Орлеана. В 1793 г. вблизи американо-испанской границы развернулась подготовка добровольческих отрядов Женэ, а кроме того, поселенцы предприняли ряд успешных походов против союзных Испании индейских племен.

События эти встревожили не только Испанию, но и правительство США, решившее покончить с сепаратистскими выступлениями на Юго-Западе. В июне 1795 г. в Мадрид для переговоров прибыл посланник США в Лондоне Т. Пинкни. Испанское правительство, заключившее мир с Францией и превратившееся из союзника во врага Англии, стремилось не обострять отношения с США. Обеспокоенный англо-американским соглашением 1794 г., мадридский двор был настроен примирительно [32]. В октябре 1795 г. был подписан выгодный для Соединенных Штатов до-

---

[31] *Kaplan L. S.* Jefferson and France. An Essay on Politics and Ideals. New Haven (Conn.), 1967, p. 78.

[32] *Bemis S. F.* Pinckney's Treaty: America's Advantage from Europe's Distress. 1783—1800. New Haven (Conn.), 1960, p. 267, 284.

говор, согласно которому фиксировались их границы с испанскими владениями Луизианой (по р. Миссисипи) и Флоридой (по 31-й параллели) и, что самое главное, признавалось право свободного провоза товаров по Миссисипи и хранения их в Новом Орлеане. Урегулирование отношений с Испанией явилось значительным достижением молодой американской дипломатии.

В 1796 г. истекал второй срок пребывания Дж. Вашингтона на посту президента Соединенных Штатов Америки, и в сентябре этого года он обратился к правительству и народу с посланием, вошедшим в историю как «Прощальное обращение». В нем говорилось о необходимости всемерно укреплять Союз, изживать коррупцию и раздоры, экономно расходовать государственные средства и избегать содержания большой постоянной армии. Будущим поколениям американцев «отец-основатель» США завещал строго придерживаться принципа нейтралитета и развивать с другими государствами только торговые связи [33].

Многое из его заветов, особенно в области внешней политики, отвечало национальным интересам молодого, не окрепшего еще государства. В «Прощальном обращении» были искусно синтезированы аргументы обеих группировок. В этом заключался политический расчет: крепко связав себя с федералистами, уходящий президент рассчитывал не только вооружить их программой действий на долгие годы, но и сделать ее неуязвимой, лишить ее противников возможности проводить самостоятельную линию. Не случайно составление столь важного документа Вашингтон доверил духовному лидеру своей партии А. Гамильтону [34], а слово и перо этого политика служили одной цели — закладке монолитного фундамента для будущего «национального величия» Америки.

Между тем события предвещали скорый закат федералистской партии. Зародившись в начале 90-х годов XVIII в. в виде разрозненных обществ, кружков и фракций, демократическо-республиканская оппозиция выросла к концу президентства Вашингтона во влиятельную политическую силу, тягаться с которой федералистам становилось все труднее. Ратификация договора с Англией стала своего рода пирровой победой правящей партии, а имя Джея было окончательно скомпрометировано. Не выдержав нападок, Гамильтон вышел в 1795 г. в отставку, и его влияние на государственные дела значительно уменьшилось. К президентским выборам 1796 г. оппозиция пришла во всеоружии, располагая, как и федералисты, средствами печати и политической агентурой, активно действовавшей в центре и на местах.

Подготовка к выборам нового президента вылилась в бурную политическую кампанию. Кандидатом в президенты джефферсоновцы выдвинули своего лидера, федералисты — вице-президента Дж. Адамса. Обе партии широко использовали прессу, закулисное давление, заранее составляли списки кандидатур выборщиков, которые затем предлагались избирателям. Джефферсон победил во всех штатах Юга, кроме Южной Каро-

---

[33] The Writings of George Washington, vol. 35, p. 231—232.

[34] Идея «Прощального обращения» возникла у Вашингтона еще в 1792 г., когда истекал первый срок его пребывания у власти. Подготовить проект этого документа он поручил тогда Мэдисону, но в связи со своим переизбранием не опубликовал его. Текст 1792 г. Гамильтон частично включил в новый вариант «Прощального обращения», который был одобрен президентом. См.: The Papers of Alexander Hamilton, vol. 20, p. 169—170, 307, 309.

лины, набрав 68 голосов, а Адамс получил всего на три голоса больше. Он стал вторым президентом Соединенных Штатов, а Джефферсон, согласно конституции, занял пост вице-президента. Оставаясь в тени, Гамильтон попытался было негласно руководить действиями кабинета, но независимый в своих взглядах Дж. Адамс пресекал постороннее вмешательство в государственные дела[35].

Главной проблемой, стоявшей перед новой администрацией, были отношения с Францией, которые резко ухудшились в связи с договором Джея. В 1796 г. французы начали массовый захват американских торговых кораблей, а в феврале следующего года посланнику США в Париже Ч. Пинкни пришлось покинуть страну под угрозой ареста. Встревоженный этими событиями, Дж. Адамс созвал чрезвычайную сессию конгресса. Часть федералистов стояла за объявление Франции войны. Их поддерживали государственный секретарь Т. Пикеринг, министр финансов О. Уолкотт и добивавшийся власти А. Гамильтон. Президент же настаивал на урегулировании отношений с Францией путем переговоров, и конгресс в итоге последовал его совету.

В октябре 1797 г. в Париж прибыли американские уполномоченные Э. Джерри, Ч. Пинкни и Дж. Маршалл. Министр иностранных дел Талейран повел с ними переговоры через агентов, которые поставили условие: для нормализации отношений Франция должна получить у США заем в 10 млн., а члены Директории — взятку в 250 тыс. долл. Американские представители отклонили это предложение, сославшись на нейтралитет своей страны, и в январе следующего года вновь заявили о претензиях Соединенных Штатов по поводу незаконного захвата их торговых кораблей. Талейран ответил через два месяца, причем тон его письма создал у американцев впечатление, будто Франция взяла курс на разрыв с США. Когда французское правительство приняло решение о захвате всех нейтральных судов с английскими товарами на борту, Маршалл и Пинкни покинули Францию, но Джерри остался для продолжения переговоров.

Известия об унизительных для США действиях Талейрана и его агентов, условно названных «W, X, Y, Z», вызвали в Америке тревогу. Когда правительство Адамса опубликовало документы о переговорах в Париже, республиканцы, стремившиеся к дружбе с Францией, на время лишились важнейшего аргумента в области внешней политики. Гамильтон и его единомышленники в правительственных кругах считали, что разоблачение планов Франции поможет сокрушить «якобинцев» и в Америке.

Федералисты взяли курс на подготовку к войне. С конца марта до середины июля 1798 г. было издано 20 различных постановлений по вопросам обороны страны и аннулированы все действующие договоры с Францией. Президент объявил о наборе 10 тыс. добровольцев в армию сроком на три года. Командующим был назначен Дж. Вашингтон, его заместителем — Гамильтон. В стране был учрежден военно-морской департамент. К концу 1798 г. американский флот насчитывал уже 14 военных и 8 вооруженных пушками торговых кораблей, предназначенных для борьбы с французскими каперами.

---

[35] *Brown R. A.* The Presidency of John Adams. Lawrence (Kan.), 1975, p. 212, 214—215.

Разрывая отношения с Францией, Соединенные Штаты действовали совершенно самостоятельно и независимо от коалиции монархических государств Европы. Тем не менее намерения американского правительства получили полное одобрение Англии и России, считавших вступление США в войну на их стороне совершившимся фактом. Материалы о переговорах уполномоченных США с Талейраном были опубликованы в Лондоне, откуда российский посланник С. Р. Воронцов выслал их экземпляр Павлу I.

Излагая мнение британского министерства иностранных дел о внешней политике США, Воронцов писал в Петербург, что «сии последние ведут себя с такой твердостию, благоразумием и великостию духа, что достойны единого с Россией и Англией жребия» [36]. Хотя далекая заокеанская республика не могла стать серьезным противником могущественной Франции, Талейран, безусловно, учитывал возможность англо-американского сближения. Осенью 1798 г. он сделал попытку возобновить переговоры с Соединенными Штатами, на что Адамс ответил решительным отказом. Ни та, ни другая сторона войны не объявила, но на море происходили стычки американских военных кораблей с французскими.

Под предлогом искоренения «измены» американское правительство пошло на чрезвычайные меры во внутренней политике, приняв весной и летом 1798 г. ряд антидемократических постановлений. Акт о натурализации заменял 5-летний срок получения американского гражданства 14-летним и дополнялся постановлением, дававшим президенту право выслать из страны любого «подозрительного» иностранца или отдать приказ о его аресте. Попытки граждан США сопротивляться федеральным законам карались 5-летним тюремным заключением или штрафом до 5 тыс. долл. Виновные в распространении «клеветы» и «злонамеренных слухов» о президенте или конгрессе приговаривались к двум годам тюрьмы либо уплате штрафа до 2 тыс. долл.[37].

В руках федералистов чрезвычайное законодательство сразу же превратилось в средство подавления оппозиции. Закон об аресте и высылке иностранных агентов почти не применялся на практике, зато в каждом иммигранте, прибывшем из Франции или Ирландии, федералисты видели будущего революционера и своего врага. По обвинению в измене подверглись травле и репрессиям издатели республиканских газет. В стране было возбуждено 17 судебных процессов, 10 из них закончились вынесением обвинительного приговора, кроме того, ряд лиц были арестованы без суда и следствия [38].

Убедившись в том, что Франция не собирается напасть на США, демократические республиканцы решительно осудили проводимый федералистами курс, видя в нем источник экономических потрясений и опасного для политических свобод усиления исполнительной и судебной властей. Законы об иностранцах и запрет свободы печати, противоречившие Биллю о правах, республиканцы расценивали как неприкрытый деспотизм и требовали их отмены. Отказ же от нейтралитета и бряцание ору-

---

[36] С. Р. Воронцов — Павлу I, 4(15) марта 1799 г.— Архив внешней политики России (АВПР), ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 509, л. 5.

[37] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 1, p. 175—178.

[38] *Smith J. M.* Freedom's Fetters. The Alien and Sedition Laws and American Civil Liberties. Ithaca, 1956, p. 187.

жием, доказывали они, приведут Соединенные Штаты к союзу с Великобританией, хотя с иностранными державами следовало иметь, по их мнению, только торговые связи. Выдвигались и более смелые проекты.

19 ноября 1798 г. на митинге в одном из графств Виргинии говорилось о необходимости объединения всех «сторонников свободы и порядка» в США, а защита жителей от притеснений со стороны федерального правительства возлагалась на законодательное собрание штата. В целях ликвидации «существующей системы долгов, налогов, постоянной армии, строительства военно-морского флота... и влияния исполнительной власти» участники митинга считали необходимым пересмотреть конституцию страны и ввести ежегодные выборы обеих палат конгресса[39].

Как и в период президентства Дж. Вашингтона, в борьбе против федералистов проявлялись сильные демократические тенденции. Зимой 1798/99 г. из одной только Пенсильвании поступило 18 тыс. петиций с требованием распустить федеральную армию и отменить налоги, установленные для ее содержания. На юго-востоке этого штата отмечались народные волнения, вызванные введением прямого налога на землю и жилые дома. Движение бедноты возглавил участник войны за независимость Дж. Фриз. Жители графств Монтгомери, Бакс и Нортгемптон, ранее выступавшие в поддержку федералистов, теперь отказывались платить налоги, не подчинялись местной администрации, с оружием в руках освобождали арестованных сограждан[40]. В выпущенной по этому поводу прокламации Дж. Адамс расценил действия «мятежников» как «объявление войны Соединенным Штатам».

На их подавление был брошен сильный кавалерийский отряд, в помощь которому по настоянию Гамильтона выделялись войска из соседних штатов. В конце весны 1799 г. многих активных участников движения арестовали. Через год Фриза и двух его соратников суд приговорил к смертной казни через повешение, но, учитывая накаленную обстановку в стране, Дж. Адамс помиловал их.

В непосредственной близости от Ричмонда, столицы Виргинии, готовилось крупное восстание негров-рабов. Возглавлял их разветвленное тайное общество негр по имени Габриэль, человек выдающихся способностей и страстный противник рабства. Согласно выработанному им плану восставшие должны были внезапным ударом захватить арсенал и казначейство в Ричмонде, ликвидировать правительство штата, отменить в Виргинии и других штатах рабство и уничтожить всех его сторонников. За Габриэлем готовились пойти несколько тысяч человек, однако осенью 1800 г. властям удалось раскрыть заговор. Предводители движения были схвачены, преданы суду и казнены. Причиной назревавшего восстания федералисты считали идеи, распространявшиеся их политическими противниками.

Выступления против чрезвычайного законодательства подняли престиж демократическо-республиканской партии. В 1798 и 1799 гг. легислатуры штатов Кентукки и Виргинии приняли серию резолюций, авторами которых был Джефферсон и Мэдисон[41]. В этих документах содержа-

[39] The Early Republic, 1789—1828 / Ed. by N. E. Cunningham. Columbia (S. C.), 1968, p. 63—69.
[40] *Davis W. W. H.* The Fries Rebellion, 1798—1799. N. Y., 1969, p. 30—31, 43, 45 etc (1st print.: Doylestown (Penn.), 1899).
[41] Documents of American History, vol. 1, p. 178—184.

лась развернутая критика федералистских методов управления государством. «Широкое» толкование конституции правительством США, гласила кентуккская резолюция, неизбежно влечет за собой ее нарушение, и штаты в этом случае не обязаны подчиняться федеральным органам власти. В первоначальном варианте написанного Джефферсоном текста говорилось даже о праве легислатуры объявлять постановления конгресса незаконными, т. е. интересы отдельных штатов ставились выше государственных [42]. Виргинская и кентуккская резолюции, ставшие программным документом джефферсоновцев, обсуждались по всей стране, вызывая панику среди федералистов.

Правое крыло федералистов во главе с Гамильтоном и Пикерингом усиливало нажим на администрацию Адамса, требуя увеличения военных расходов и создания постоянной армии. Путь к скорейшему осуществлению задуманных планов Гамильтон видел в захватнической войне. Надеясь получить портфель военного министра, он предполагал с помощью английского флота завоевать Флориду и Луизиану, а затем с крупными сухопутными силами приступить к «освобождению» других испанских колоний [43].

Авантюристические проекты Гамильтона не встретили поддержки в стране. Президент Адамс относился к Гамильтону с плохо скрываемой враждебностью и не доверял ему, а престарелый Дж. Вашингтон (умер в декабре 1799 г.) не имел ни сил, ни желания участвовать в осуществлении честолюбивых замыслов своего бывшего помощника. Воинственный пыл американцев скоро охладел, иссяк поток добровольцев в армию, в лагерях царили беспорядок и дезертирство. Популярность федералистов падала, их политический курс терпел банкротство.

Чтобы поддержать престиж правящей партии, Дж. Адамс после долгих колебаний круто изменил направление внешней политики, возобновив весной 1799 г. переговоры с Талейраном. Блестящие победы, одержанные русскими войсками под командованием А. В. Суворова в Италии и Швейцарии, а также разгром французского флота при Абукире ослабили международные позиции Франции, и Директория подтвердила согласие принять американских уполномоченных. Вести переговоры им пришлось уже с правительством Наполеона Бонапарта, который в целях продолжения борьбы с Англией на море считал необходимым урегулировать отношения с США. 30 сентября 1800 г. было подписано соглашение о прекращении враждебных действий [44].

Поворот к миру с Францией уже не мог спасти федералистов от поражения на выборах 1800 г. Антидемократические законы, расстройство финансов, неоправданные военные расходы, рост цен и налогов вызывали приток новых сил в ряды сторонников Джефферсона. Они выступали с лозунгами расширения прав штатов, свободы слова и печати, сокращения государственных расходов, роспуска армии и флота. Кандидатами в президенты демократические республиканцы выдвинули Т. Джефферсона и влиятельного нью-йоркского политика А. Берра, федералисты — Дж. Адамса и генерала Ч. Пинкни из Южной Каролины. Среди федералистов произошел раскол, и никто из них не занимал ведущего положе-

[42] В 1832 и 1860 гг. южане-рабовладельцы использовали виргинскую и кентуккскую резолюции для обоснования сепаратистского политического курса.
[43] The Papers of Alexander Hamilton, vol. 21, p. 345, vol. 23, p. 227.
[44] Treaties..., vol. 2, p. 457—479.

ния в своей партии. Гамильтон вел интриги одновременно против Адамса и против Берра, преградивших ему дорогу к власти[45].

На выборах победу одержали демократические республиканцы: Джефферсон и Берр получили по 73 голоса выборщиков, Адамс и Пинкни — 65 и 64 голоса. Согласно установленной конституцией процедуре выбор президента из претендентов, получивших одинаковое число голосов, зависел от решения палаты представителей. После длительных дебатов президентом был избран Т. Джефферсон.

Поражение федералистов буржуазные историки нередко объясняют их сугубо тактическими просчетами, особенно в период президентства Адамса (антидемократические законы, создание армии без непосредственной угрозы и т. п.). Между тем федералисты не просто проиграли на выборах: после 1800 г. они бесповоротно сдали свои позиции, а через 15 лет вообще перестали существовать как политическая сила. Некогда могущественная и влиятельная группировка во главе с «отцами-основателями» США оказалась нежизнеспособной в первую очередь потому, что, получив в свои руки централизованную власть, ее лидеры не научились пользоваться ею как инструментом буржуазной демократии. Если демократизирован строй государства, указывал В. И. Ленин, «капиталистам *приходится* искать опоры в массах...»[46], но Гамильтон и его единомышленники не примирились с подобной перспективой и рассчитывали возродить отжившие олигархические методы правления. Место мастерового — у станка, фермера — за плугом, а государственные дела должны вершиться «богатыми и благородными», заявил однажды Дж. Джей[47].

Разработав федеральную конституцию и учредив новые правительственные органы и службы, федералисты выполнили свою историческую миссию, а их дальнейшие мероприятия (за исключением договора 1795 г. с Испанией) вызывали растущее недовольство в стране. Олигархический принцип был положен и в основу экономической политики. Ставка делалась на наиболее богатые и консервативно настроенные слои торгово-финансовой буржуазии, преимущественно в Новой Англии, интересы же фермерства и городских «низов» игнорировались. Федералисты восстановили против себя и большинство плантаторов Юга, влияние которых быстро возрастало.

В международной обстановке конца 90-х годов XVIII в. еще больше обнажилась узость политического кредо федералистов, которые ради сохранения своей власти готовы были изменить принятой ранее политике нейтралитета и толкнуть США на путь военных авантюр. Вовремя отказавшись от этого курса, президент Адамс показал себя достаточно трезвым и дальновидным политиком, но в идейном арсенале его партии уже не было средств, необходимых для приобретения доверия масс. Вывести государство из тупика, дать новый импульс развитию буржуазного общества в США предстояло джефферсоновским республиканцам.

---

[45] В 1804 г. А. Берр убил Гамильтона на дуэли.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 188.
[47] Цит. по: Democratic-Republican Societies..., p. 5.

2. ПОЛИТИКА ДЖЕФФЕРСОНОВСКИХ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

В 1800 г. политическая власть в США впервые перешла из рук одной партии — федералистской — в руки другой — джефферсоновских республиканцев. В глазах современников это событие приравнивалось к коренному политическому перевороту, а победившая партия свой успех устами Т. Джефферсона определила как «революцию 1800 г.», не уступавшую по важности революции 1776 г.[48] Страна жила в ожидании радикальных перемен, залогом чему служила как идеология джефферсоновцев в целом, так и конкретные требования их предвыборной платформы.

Победа джефферсоновской партии на выборах 1800 г. была обусловлена многими обстоятельствами. Сыграли свою роль и острые фракционные распри среди федералистов (их духовный глава А. Гамильтон развернул злобную агитацию против кандидата партии на президентских выборах Дж. Адамса), и огромный авторитет у американцев их противников — Т. Джефферсона и Дж. Мэдисона, и, безусловно, то, что последние смогли создать в предшествующее десятилетие гораздо более действенную и сплоченную партийную организацию, нежели соперники. Однако главная причина триумфа джефферсоновцев заключалась в том, что они сформулировали и предложили нации альтернативу скомпрометировавшему себя экономическому и политическому курсу федералистов.

Пропаганда джефферсоновцев в лапидарной и выразительной форме указала на непопулярные в массах итоги пребывания федералистов у власти: британское влияние, постоянная армия, прямые налоги, государственный долг, дорогостоящий флот, непомерно высокое жалованье для членов конгресса, аристократический дух. Джефферсон и его окружение противопоставили иные, более демократические пути развития США, от которых на протяжении 12 лет пребывания у власти федералисты настойчиво отказывались.

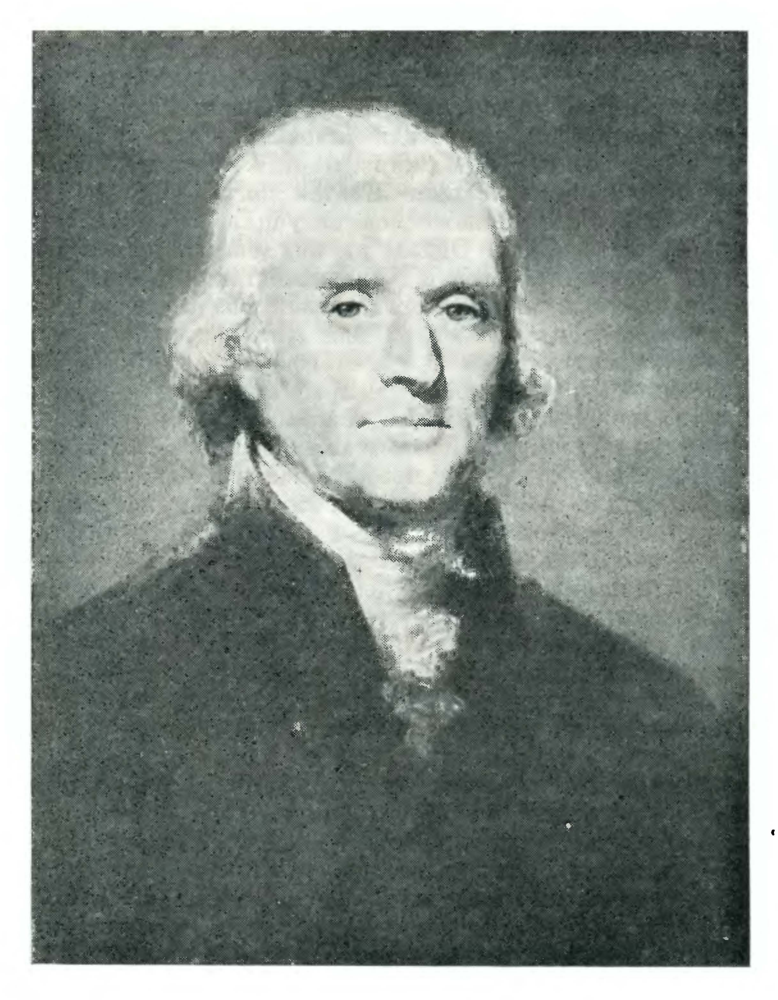
Прежде всего джефферсоновцы обещали вдохнуть жизнь в Билль о правах, вступавший в силу еще в 1791 г., но фактически положенный федералистами «под сукно». Джефферсон в инаугурационной речи в марте 1801 г. в категорической форме потребовал восстановить основательно подорванное в 90-е годы доверие к народовластию и республиканской форме правления[49]. Правда, ни в этой речи, ни в других публичных обращениях президентского периода Джефферсон не рисковал обращаться к теме развития в США принципов прямого народоправства, занимавших важнейшее место как в его собственных воззрениях, так и в идеологии его последователей предшествующего периода[50]. Тем не менее политиче-

---

[48] В 1819 г. в письме С. Роэну Джефферсон даже утверждал, что революция 1800 г. означала «столь же осязаемую революцию в принципах управления, как и революция 1776 г. в государственных формах» (The Works of Thomas Jefferson: Vol. 1—12 / Ed. by P. L. Ford. N. Y., 1904—1905, vol. 12, p. 136).

[49] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1902: Vol. 1—10/ Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1903, vol. 1, p. 322.

[50] Джефферсон-идеолог считал, что в США должно произойти органическое соединение прямого народоправства и представительной демократии. На уровне федерации и штата он полагал возможной только представительную форму правления. Но решение дел в городах, округах, сельских общинах Джефферсон находил более целесообразным вверять собраниям свободных граждан. См.: Американские просветители: В 2-х т. / Сост. Н. М. Гольдберг. М., 1968, 1969, т. 2, с. 115, 119, 143.

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

ские формулы нового президента и победившей партии резко контрастировали с откровенно элитарными установками федералистов.

Среди экономических требований предвыборной платформы джефферсоновцев, сохранившихся в их идейном арсенале на протяжении всего периода пребывания у власти, особое значение для простых американцев имело предложение о радикальном изменении налоговой системы, намечавшее перенесение тяжести налогов с плеч трудящихся на богатую часть общества. В первом послании конгрессу Джефферсон выдвинул задачу отмены всех прямых налогов, увеличивавшихся в период правления федералистов подобно снежному кому. Он особо подчеркнул социальный смысл налоговой реформы: в результате нее, доказывал президент, трудовой люд будет вообще освобожден от налогового бремени, ибо вся тяжесть сохранившихся внешних налогов, выражавшихся в пошлинах

на предметы импорта, падет на зажиточных граждан, которые только и являются потребителями заграничных товаров [51].

У победившей партии имелись и другие радикальные предложения. Ее лидеры намеревались распустить армию, прекратить строительство флота, ликвидировать государственный долг и закрыть национальный банк, реформировать суды, упростить чиновничий аппарат. Это вызвало настоящую панику среди федералистов, многие лидеры которых, подобно Ф. Эймсу, пророчили Соединенным Штатам погружение вскоре в «естественное состояние» [52]. В создавшейся ситуации немногие федералисты сохранили присутствие духа. Одним из них оказался, как ни странно, А. Гамильтон, подлинный творец «федералистской системы». В конце 1800 г., когда члены палаты представителей раздумывали, предпочесть им в качестве президента А. Берра или Джефферсона, Гамильтон настаивал, чтобы федералистская фракция доверилась Джефферсону, указав, что последний в достаточной мере прагматичен и, став во главе правительства, не посмеет посягнуть на основы существующих отношений.

В сравнении с другими федералистами Гамильтон обнаружил гораздо большую наблюдательность и прозорливость в оценке политического поведения Джефферсона. В предвыборной кампании демократических республиканцев взгляду внимательного наблюдателя открывались два момента. Один, напугавший федералистов и привлекший симпатии масс, заключался в требованиях смелых демократических преобразований во всех сферах общественной жизни. Другой, гораздо менее приметный состоял в обещании сохранить преемственные связи с политикой предыдущих администраций. Политика джефферсоновских республиканцев благодаря этой ее второй стороне дала толчок развитию основополагающего принципа американской двухпартийной системы: континюитета, являвшегося важнейшим условием поддержания власти буржуазии в стране.

В период президентских выборов джефферсоновская партия подчеркивала, что является сторонницей конституции 1787 г. и идеи прочного союза штатов не в меньшей степени, чем федералисты. В ряде штатов джефферсоновцы даже предпочитали называть себя «республиканскими федералистами», всячески отводили обвинения в связях с антифедералистским движением 1787—1789 гг. и возмущались попытками соперничавшей партии утверждаться в качестве единственной хранительницы федеральной конституционной системы. Сам Джефферсон счел необходимым подчеркнуть единую позицию двух партий в отношении основ государственного союза и протянул поверженным соперникам примирительную «оливковую ветвь»: «Все мы республиканцы, все мы федералисты» [53].

В годы президентства Джефферсона, а затем и его «наследника» по «виргинской династии» [54] Дж. Мэдисона преемственность в политике двух партий распространялась на все новые и новые сферы государственной деятельности. В некоторых случаях джефферсоновцам приходилось идти на уступку федералистским доктринам вопреки своей воле под

---

[51] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 1, p. 328, 379.

[52] The Works of Fisher Ames with a Selection from his Speeches and Correspondence: Vol. 1, 2 / Ed. by S. Ames. N. Y., 1969, vol. 2, p. 130 (1st print.: Boston, 1854).

[53] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 1, p. 322.

[54] Четверо из пяти первых президентов североамериканской республики были выходцами из плантаторской элиты штата Виргиния. Современники и историки закрепили за ними многозначительное и язвительное определение «виргинская династия».

давлением объективных, не зависящих от их мировоззрения требований развития американского капитализма. Так, уже в начале президентства Джефферсон должен был отречься от одной из основополагающих официальных доктрин партии — развития нации по «чисто» аграрному пути. В ежегодном послании конгрессу США он объявил сельское хозяйство, мануфактуры, торговлю, мореплавание четырьмя столпами процветания.

Постепенно президент вынужден был поступиться и принципом государственного невмешательства в частнокапиталистическое развитие, который также всегда занимал ведущее место в идейном багаже джефферсоновских республиканцев и который сам он энергично пропагандировал в первых посланиях конгрессу. С 1805—1806 гг. Джефферсон стал доказывать, что средства государственной казны должны активно использоваться для развития судоходства, каналов, дорожного строительства и даже для поощрения мануфактур. Предалась забвению и фритредерская идея, а государству вменялось в обязанность защищать национальную промышленность от иностранной конкуренции с помощью протекционистской политики. Джефферсон никогда не отказывался от планов преобразований, но с течением времени их все более и более стали отличать двусмысленность, половинчатость, противоречивость.

Склонность Джефферсона к компромиссам подтачивала цельность и единство ведомой им партии, что усугублялось развитием в ней широкого спектра политических мнений, грозившего расколом демократических республиканцев на фракции. Наиболее многочисленную группировку составляли так называемые «старые республиканцы», твердо настаивавшие на осуществлении принципов, которым партия присягнула в 90-е годы. Однако под именем «старых республиканцев» выступали разнородные элементы.

На правом фланге ортодоксов стояли консервативные политические деятели Дж. Тейлор, Дж. Рэндолф, Э. Пендлтон, решительно требовавшие от правительства ни в чем не уступать торгово-промышленным кругам (развитие торговли и мануфактур несло в себе согласно их риторике фатальную угрозу моральной и социальной деградации нации) и добиваться превращения США в чисто аграрную страну[55]. Их доктрина носила откровенно реакционный характер, ибо была направлена на закрепление господствующей роли в государстве за южными плантаторами. Эти ортодоксы восприняли как кощунство попытку Джефферсона включить в свою политическую стратегию идею межпартийного согласия и очень скоро оказались в оппозиции к администрации.

На левом фланге «старых республиканцев» находились политики, для которых приход к власти Джефферсона означал начало решительной борьбы за демократизацию всех сторон общественной жизни. Их опорным пунктом стала Филадельфия, а самой колоритной фигурой среди радикалов был, безусловно, Дж. Логэн, острый памфлетист, сохранивший до конца жизни верность эгалитарному социальному идеалу. Дж. Логэн, подобно ряду других пенсильванских демократов, таких, как Б. Остин, У. Дуэн (редактор ведущей газеты джефферсоновской партии «Аврора»), отверг попытки Джефферсона осуществлять нововведения при сохранении известной преемственности политики федералистов.

---

[55] *Risjord N. K.* The Old Republicans: Southern Conservatism in the Age of Jefferson. N. Y., 1965.

Изолировав себя от «старых республиканцев», Джефферсон стремился опереться на умеренное крыло партии, способное осуществить прагматический курс. Один из ключевых постов в правительстве — государственного секретаря — был доверен Дж. Мэдисону, который еще в годы войны за независимость обнаружил удивительную способность выводить из тупика разногласия между северо-восточными и южными депутатами Континентального конгресса и заслужил славу «великого примирителя».

Джефферсона и Мэдисона связывала давняя дружба, хотя их политический союз был необычен во многих отношениях. Между двумя виргинцами всегда сохранялись серьезные мировоззренческие расхождения. Главное сводилось, по удачному определению американского историка, к тому, что «для Джефферсона опасность тирании заключалась в централизации власти, а Мэдисон, напротив, видел такую опасность в бесконтрольном и самодовлеющем волеизъявлении большинства» [56]. Преодолению этого и других разногласий между Джефферсоном и Мэдисоном способствовала их (пусть и разная по мотивам) оппозиция гамильтоновскому плану развития США и свойственный обоим политический прагматизм.

Второй ключевой пост в правительстве — министра финансов — занял пенсильванец А. Галлатин, символизировавший связь северо-восточного и южного крыла джефферсоновцев. Предоставление пенсильванцу поста, который в 90-е годы занимал Гамильтон, не было, однако, вынужденной уступкой северо-восточному крылу со стороны виргинских вождей партии. Галлатин зарекомендовал себя в конце XVIII в. самым компетентным критиком финансовой политики федералистов, в частности он сумел, что называется, «с цифрами в руках» показать наличие злоупотреблений в деятельности Гамильтона и его окружения.

Именно А. Галлатину предстояло осуществить на практике главное требование идейной платформы джефферсоновских республиканцев — ликвидировать финансовые начинания Гамильтона, составлявшие краеугольный камень всей «федералистской системы» 90-х годов. Наибольших успехов ему удалось добиться в двух пунктах: погашение государственного долга и уничтожение всех прямых налогов.

Государственный долг США, в котором Гамильтон видел надежную основу цементирования союза штатов и тесной унии правительства и финансовой буржуазии, в глазах джефферсоновских республиканцев выступал исключительно в качестве источника обогащения северо-восточных денежных воротил и средства ограбления массы налогоплательщиков. К 1801 г. этот долг составил 83 млн. долл. Галлатин надеялся, экономя на военных и административных расходах и выплачивая каждый год по 7 млн. долл., погасить его в течение 10 с небольшим лет.

В силу разных обстоятельств (покупка Луизианы, увеличившая государственный долг на 15 млн. долл., непредвиденный рост военных расходов, вызванный обострением американо-английских противоречий, и др.) план этот так и не был осуществлен. Тем не менее сокращение государственного долга джефферсоновскими республиканцами оказалось весьма существенным: к 1809 г. сумма его снизилась до 57 млн. долл., а в 1812 г., перед началом войны с Англией, составляла уже 45 млн.

---

[56] *Koch A.* Jefferson and Madison. The Great Collaboration. N. Y., 1964, p. 44.

долл. (с началом войны кривая государственного долга, естественно, резко поднялась вверх).

Одной из самых радикальных социальных мер правительства Джефферсона являлась отмена всех прямых налогов, составлявших предмет острейших разногласий между ними и федералистами (в 1798 г., когда федералисты ввели налоги на дома, землю и рабов, один из идеологов джефферсоновских республиканцев, Дж. Тейлор, даже потребовал отделения южных штатов от Союза)[57]. Среди отмененных налогов были и акцизные сборы, которые в середине 90-х годов явились причиной известного «восстания из-за виски» и которые для фермеров являлись особо тяжелым побором. После отмены последнего прямого налога — на соль — Джефферсон имел основания обратиться к конгрессу США с риторическим вопросом, в котором заключалось нескрываемое удовлетворение от совершенной реформы: «Кто отныне среди американских фермеров, механиков и рабочих должен иметь дело со сборщиками налогов?»[58].

Противоречивый характер носила политика джефферсоновских республиканцев в отношении национального банка, являвшегося одной из основ финансовой системы Гамильтона. Национальный банк и его социальная опора — финансовая буржуазия Северо-Востока традиционно рассматривались джефферсоновцами в качестве главного источника распространения «аристократической опасности» в США. В борьбе с банком джефферсоновцы смогли заручиться поддержкой не только аграриев, но и многих представителей торгово-мануфактурной буржуазии, возмущавшихся монопольной позицией этого финансового гиганта в сфере кредита[59]. Оказавшись у власти, они стали всячески поощрять развитие банков в штатах — число их в годы президентства Джефферсона возросло в 4 раза. Однако, когда дело дошло до лобовой атаки на национальный банк, в рядах партии произошел глубокий раскол.

Срок действия хартии национального банка истек в 1811 г., когда президентское кресло занимал преемник Джефферсона Мэдисон. Но экономическая политика администрации продолжала оставаться в руках А. Галлатина, сохранившего за собой пост министра финансов. Галлатин как раз и воспротивился ликвидации национального банка, заявив, что сохранение этого института только и способно обеспечить кредитование растущих расходов правительства на оборонные нужды.

Решительную оппозицию в отношении банка заняли «старые республиканцы». В результате острой фракционной борьбы среди джефферсоновских республиканцев в сенате при решении вопроса о банке сложилось равенство сил: 17 законодателей высказались за его ликвидацию и 17 — за продление хартии банка. Будущее банка оказалось в руках вице-президента Дж. Клинтона, отдавшего свой голос противникам банка. Однако по иронии судьбы через некоторое время сама администрация выступила в роли инициатора создания второго национального банка: острейшие финансовые затруднения федерального правительства в годы англо-американской войны принудили ее добиваться воссоздания «аристократического» института.

---

[57] *Beard Ch. A.* The Economic Origins of Jeffersonian Democracy. N. Y., 1915, p. 356.
[58] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 1, p. 379.
[59] Переориентация партийных симпатий этих представителей торгово-промышленной буржуазии в 90-е годы сыграла важную роль в победе Джефферсона на выборах 1800 г.

В годы пребывания у власти Дж. Мэдисона (1809—1817) противоречия между экономической доктриной и практикой джефферсоновской партии достигли критической точки. Мэдисон выказал себя решительным сторонником учреждения второго национального банка, который и был создан в 1816 г. Англо-американская война 1812 г. воочию раскрыла значение гамильтоновских идей о поощрении национальной промышленности, торговли, финансов. В послании конгрессу в 1815 г. Мэдисон решительно настаивал на необходимости интенсивного развития в стране мануфактур и указывал, что при рассмотрении вопроса о тарифах следует принимать во внимание потребности национальной промышленности. Страна, писал Мэдисон под впечатлением горьких уроков англо-американской войны. крайне заинтересована в строительстве «дорог и каналов, что может быть лучше всего осуществлено под началом национальной власти»[60]. Федералисты заявили, что Мэдисон «обокрал» платформу их партии. В последнем послании конгрессу Мэдисон, словно испугавшись, что зашел слишком далеко в уступках «духу» Гамильтона, отрекся от идеи государственных субсидий на строительство дорог и каналов.

До прихода к власти джефферсоновские республиканцы неизменно рассматривали аграрное общество, опору которого составляли мелкие независимые фермеры, в качестве антитезы «федералистской системы». В «резерве» позитивной программы экономических преобразований Т. Джефферсона имелась идея о бесплатном наделении всех неимущих и малоимущих граждан земельными участками по 50 акров, выдвинутая им еще в первый год Американской революции. Он не рискнул воспроизвести ее в программе партии во время пребывания на посту президента. Однако им были предприняты усилия для облегчения доступа простым американцам к государственному фонду «свободных» земель. 26 марта 1804 г. конгресс США издал постановление, снижавшее по сравнению с актом 1800 г. минимальную цену за акр продаваемой земли с 2 до 1,64 долл., а минимальный размер поступающего в продажу участка — с 320 до 160 акров. Так был сделан еще один шаг к утверждению фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве США.

Самым острым вопросом внутренней политики джефферсоновских республиканцев являлась проблема рабства. Подход к ней администрации наиболее полно раскрывает противоречивость и ограниченность джефферсоновской «демократии», включавшей требования распространения буржуазно-демократических прав и свобод на широкие слои белого населения, но не выдвинувшей решительных мер по уничтожению рабства.

В годы президентства, впрочем, как и в 90-е годы, и в отличие от революционного периода Джефферсон воздерживался от публичной критики рабства, высказывая ее только в частной переписке с друзьями[61]. Он надеялся исключительно на постепенные способы борьбы с ним. Откровенно консервативный характер носила его идея о репатриации свободных негров из США, с которой он выступал еще в годы войны за независимость[62] и которой продолжал придерживаться впредь.

Когда в 1800 г. в Виргинии был раскрыт заговор рабов, Джефферсон предложил губернатору Дж. Монро вместо наказания выслать их в

[60] The Writings of James Madison: Vol. 1—9 / Ed. by G. Hunt. N. Y.; L., 1900—1910, vol. 8, p. 248, 326, 339, 341, 342.
[61] *Miller J. C.* The Wolf by the Ears. Thomas Jefferson and Slavery. N. Y., 1977, p. 123.
[62] Американские просветители, т. 2, с. 59, 61.

Сьерра-Леоне, что должно было проложить негритянскому населению страны путь на его прежнюю родину, в Африку. Однако руководители Сьерра-Леоне, свободной негритянской колонии, основанной при помощи английского филантропического общества, отказались принять американских негров. Впоследствии взоры Джефферсона обратились к соседке США, Сан-Доминго, где в конце XVIII в. в результате успешного антифранцузского восстания негров-рабов во главе с легендарным Туссэном Лувертюром было отменено рабство. Этот замысел президента не получил поддержки среди его окружения, явно тяготившегося соседством негритянской республики[63]. В 1804 г. правительство США пошло на разрыв отношений с первым в мире свободным негритянским государством.

Ужесточение расистской политики в плантаторских штатах привело, в свою очередь, к усилению трений между северо-восточным и южным крылом джефферсоновской партии. Прямое столкновение между ними в вопросе о рабстве произошло в конце 1801 г., когда северо-восточное крыло, объединившись с федералистами из своих штатов, провалило законопроект, требовавший от каждого работодателя, нанимавшего негра, помещения описания его внешности в двух газетах.

Консервативная позиция южной фракции джефферсоновских республиканцев в вопросе о рабстве не помешала, однако, быстрому и единодушному принятию в 1807 г. конгрессом США законопроекта, запрещающего ввоз в страну черных невольников с 1 января 1808 г. (эта дата была обусловлена еще конституцией 1787 г.). Данный факт имеет простое экономическое объяснение: южные плантаторы полностью удовлетворяли свои потребности в рабской силе за счет ее естественного воспроизводства. В хлопковых штатах возникал постоянный избыток черных невольников, за счет которого покрывались гораздо более острые потребности в неграх-рабах районов, специализировавшихся на выращивании табака. Но хотя закон, запрещающий ввоз негров в США, не подрывал основ рабовладения в штатах, его необходимо занести в актив Джефферсона-президента, который требовал от конгресса обратиться к этому вопросу еще в 1806 г., т. е. за два года до истечения срока запрещения ввоза черных невольников в страну, как он был определен создателями федеральной конституции.

Среди политических мер джефферсоновских республиканцев наибольшую известность наряду с отменой ненавистных законов об иностранцах и измене приобрела реформа судебной системы. В последние месяцы пребывания у власти администрации Дж. Адамса конгресс США существенно преобразовал федеральную судебную систему, в результате чего ее аппарат резко возрос. Очень скоро выяснилось, что акт конгресса носил откровенно партийный характер: федералисты заполнили новые должности своими ставленниками, а президент Дж. Адамс утвердил назначения в последний день пребывания у власти (вошли в анналы под названием «полуночных назначений»). В результате федералисты удачно подсластили горькую пилюлю поражения на президентских выборах и одновременно выставили на пути преобразовательных планов джефферсоновцев мощный бастион консервативных судей.

Разгневанный Джефферсон уже в первом послании конгрессу потребовал отменить судебный закон 1801 г. Его сторонники без промедления

---

63 *Miller J. C.* Op. cit., p. 138—139.

подготовили соответствующий билль и провели его через обе палаты. Джефферсоновцы радовались успеху не только потому, что отстранили политических противников от важных государственных должностей, но и потому, что, ослабив федеральную судебную систему, в определенной степени укрепили имевшуюся в идейном арсенале их партии доктрину «прав штатов».

При проведении судебной реформы в жизнь джефферсоновские республиканцы натолкнулись на отчаянное сопротивление Верховного суда. который, оправдывая функцию, возложенную на него федеральной конституцией, твердо встал на пути нововведений. Особым консерватизмом отличалась позиция председателя Верховного суда Дж. Маршалла, ставшего в начале XIX в. фактическим главой федералистской партии. В 1803 г. Маршалл, рассмотрев решение правительства о лишении полномочий одного из «полуночных назначенцев», У. Марбури, объявил судебную реформу джефферсоновцев противоречившей конституции. Подобный вердикт оказался первым в истории Верховного суда США.

Джефферсон принял вызов высшего судебного органа страны. По инициативе президента республиканцы попытались отстранить от должностей наиболее одиозных федералистских судей, прибегнув к процедуре импичмента. Добившись в 1804 г. смещения окружного судьи Дж. Пикеринга, они «посягнули» и на члена Верховного суда С. Чейза.

Чейз был известен всей стране в первую очередь жестокими судебными расправами над американскими демократами. В 1803 г. он в резкой форме публично осудил мэрилендских законодателей, добившихся отмены в штате имущественного избирательного ценза, и заклеймил преобразовательные усилия администрации как подрывающие безопасность собственности и личную свободу. Чейз был обвинен в действиях, не совместимых с его полномочиями. Однако последовавшие длительные дебаты в сенате привели к результату, обескуражившему администрацию: часть джефферсоновских республиканцев выступила в защиту Чейза, и федеральный судья-реакционер был оправдан. Решение сената положило конец кампании против судей-федералистов, носившей ярко выраженный политический и, безусловно, демократический характер.

Демократическая окраска отличала и военную доктрину джефферсоновской партии и администрации. В годы президентства Джефферсон, как и прежде, неизменно отстаивал тот широкораспространенный в идеологии Просвещения принцип, что создание и содержание регулярной армии и флота в мирное время не совместимы с основами демократического правления.

Как в частной переписке, доверительных беседах, так и в публичных обращениях, ежегодных посланиях конгрессу Джефферсон неизменно доказывал, что в мирное время штаты должны полагаться исключительно на добровольные милицейские формирования. В подобные подразделения он предлагал включить молодых американцев в возрасте от 18 до 26 лет, которые призваны были овладевать военным искусством в свободное от основных занятий время[64]. Что касается регулярной армии, то Джефферсон добивался ее постепенного сокращения, пока она не будет ликвидирована совсем. Уже в начальный период деятельности администрации армия США была сокращена более чем в 1,5 раза — с 5438 до

[64] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 1, p. 385.

3312 человек. Бо́льшая ее часть была рассредоточена мелкими подразделениями на западной границе [65].

Резкому сокращению подвергся и военно-морской флот. Уже в конце первого года деятельности джефферсоновской администрации ее отчеты зафиксировали продажу 15 фрегатов. Конгресс принял решение оставить в военно-морских силах 13 фрегатов, причем 7 должны были находиться в постоянном резерве. Военно-морская доктрина джефферсоновцев предполагала развитие американского флота исключительно за счет легких судов, которые должны были нести береговую охрану.

Военная доктрина джефферсоновцев дала трещину в момент обострения в 1807 г. англо-американских противоречий. Они вынуждены были отказаться от нее в условиях чрезвычайных обстоятельств и вопреки своим желаниям санкционировали расширение военных расходов.

В целом внешнеполитические проблемы, с которыми приходилось иметь дело администрации Джефферсона, были чреваты серьезными испытаниями и для многих других доктрин партии. Одна из таких проблем была связана с приобретением в начале 1800-х годов Луизианы.

Возможность присоединения Луизианы, в результате чего территория США увеличилась почти вдвое, возникла в связи с неудачей попыток Наполеона Бонапарта осуществить французскую колониальную экспансию в Новом Свете. Заключив осенью 1800 г. секретную сделку с Испанией, Наполеон Бонапарт добился возвращения Луизианы и Нового Орлеана, ключевого порта в устье Миссисипи, в лоно Франции. Лидеры джефферсоновских республиканцев, как только узнали о соглашении, забили тревогу. Профранцузский тон внешней политики меняется на антифранцузский. В послании конгрессу (декабрь 1802 г.) Джефферсон объявил, что передача испанской провинции Луизианы Франции ведет к смещению всех акцентов во внешнеполитической стратегии США [66]. В письме американскому посланнику в Париже Р. Ливингстону президент был еще более категоричен. «Новый Орлеан,— заявлял он,— единственное место на земном шаре, владелец которого является естественным и извечным врагом американского народа» [67]. В случае сохранения Нового Орлеана за Францией, заключал Джефферсон, американцы должны будут предпочесть в качестве друга и союзника Англию.

Государственный секретарь Дж. Мэдисон в докладе конгрессу указывал, что Новый Орлеан и Флорида должны либо путем покупки, либо завоевания стать частью США. А в инструкциях государственного секретаря американскому посланнику в Париже предписывалось добиваться в переговорах как минимум свободного судоходства по р. Миссисипи. В случае же неудачи он должен был пересечь Ла-Манш и вести переговоры уже с английским правительством. Эволюция внешнеполитической доктрины джефферсоновских республиканцев налицо: партия отказывалась быть «французской» и выражала готовность стать «английской», т. е. перейти на позиции своих политических противников — федералистов!

Дальнейшее развитие событий все же благоприятствовало сохранению американо-французских связей. После того как в 1802 г. французская

[65] *Prusha F. D.* The Sword of the Republic. The United States Army on the Frontier, 1783—1846. L., 1969, p. 60.
[66] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 1, p. 343.
[67] *Channing E.* The Jeffersonian System, 1801—1811. N. Y., 1968, p. 62.

армия под командованием Леклерка потерпела поражение в Сан-Доминго, советники Наполеона Бонапарта внушили ему мысль, что без Сан-Доминго Луизиана не представляет никакой ценности для Франции. Его готовность уступить США «луизианскую пустыню» за изрядный денежный куш укрепилась в 1803 г., когда Франция возобновила военные действия на Европейском театре. В итоге всех этих перипетий американским представителям на переговорах в Париже сопутствовал сенсационный успех: французская сторона согласилась уступить Луизиану вместе с Новым Орлеаном за 15 млн. долл.

Точные границы купленной у Франции территории в соглашении оговорены не были, и администрация США, воспользовавшись этим обстоятельством, вскоре объявила, что Луизиана включает в себя также и Флориду и что американцы, следовательно, должны стать хозяевами обеих названных областей. Испания решительно опротестовала экспансионистские притязания правительства США. В целях давления на Мадрид джефферсоновские республиканцы использовали угрозы, подкуп, шантаж и явно переступили грань, отделявшую рекламируемые ими добродетели от пороков федералистов. Теперь уже федералисты обвиняли Джефферсона и Мэдисона в том, что, организовав покупку Луизианы, они грубо поступились принципами американской конституции.

Приобретение Луизианы означало нарушение конституции, ни одна статья которой не предоставляла подобных прав правительству. Нарушив принципы высшего закона США, Джефферсон и его окружение выказали себя достойными партнерами Наполеона Бонапарта, цинично отрекшегося от данного Испании торжественного обещания не передавать Луизиану какой-либо третьей державе.

Выгодная покупка Луизианы способствовала обретению джефферсоновцами своего прежнего лица «французской партии» и отказу от идеи зондирования возможностей американо-английского сближения. Дальнейшее развитие событий способствовало стремительному ухудшению отношений между США и Англией. После возобновления в 1803 г. войны в Европе в Англии и Франции была принята серия указов, направленных на блокирование торговых связей противника с другими, в том числе и нейтральными, государствами. Репрессивные меры Англии, утвердившей после разгрома в 1805 г. французского флота под Трафальгаром свое бесспорное превосходство над Наполеоном на море, были особенно чувствительны и оскорбительны для американцев. Англичане могли захватывать американские суда в любой точке океана, а французы были в состоянии контролировать только европейские порты.

Особенно оскорбительными для американцев были обыски их судов англичанами с целью вылавливания и наказания так называемых дезертиров — американских моряков английского происхождения, что подрывало основы национального суверенитета США. Лондон обращался с североамериканской республикой как со своей колонией. Действия Англии ставили под сомнение сохранение морского флота США: их экипажи, как подсчитал Галлатин, включали 9 тыс. бывших граждан Великобритании — почти половину наиболее опытного и подготовленного состава.

Чашу терпения американцев переполнил инцидент с судном «Чесапик», случившийся 22 июня 1807 г. В этот день «Чесапик» был атакован английским фрегатом «Леопард», капитан которого потребовал выдачи четырех английских «дезертиров». Получив отказ, англичане откры-

ли по американскому судну огонь. В результате три члена экипажа «Чесапик» были убиты, 18 ранены, а четыре пленены как «дезертиры». После этого антианглийские настроения в США достигли своего пика. Действия королевского военного флота сравнивали с провокацией английской армии при Лексингтоне в 1775 г., а дух мщения среди американцев был так же силен, как в первый год войны за независимость.

Следствием нарушения прав США на море явилось подписание Джефферсоном 22 декабря 1807 г. закона об эмбарго, которым фактически запрещались все внешнеторговые связи. Закон об эмбарго преследовал цель укрепить национальный суверенитет США, и ради ее достижения правительство было готово идти на серьезное ограничение интересов торговых и финансовых кругов страны.

«Плата» за укрепление национального суверенитета США, назначенная администрацией, оказалась, однако, неприемлемой для самих торговых и финансовых кругов и их политического лидера — федералистской партии. В ответ на закон об эмбарго федералисты организовали в штатах Новой Англии серию митингов протеста, которые привели к усилению сепаратистских настроений и тенденций на северо-востоке страны.

Сепаратистская идея пустила корни в штатах Новой Англии еще в первые годы президентства Т. Джефферсона. В 1803—1804 гг. так называемая «эссекская хунта», включавшая в себя наиболее консервативных федералистов Массачусетса, организовала заговор, направленный на отделение Новой Англии от Союза. Ее глава Т. Пикеринг вступил в оживленную переписку с другими лидерами федералистской партии с целью склонить их в пользу образования Северо-Восточной конфедерации. Планы «эссекской хунты» отражали не только протест против усиления политического влияния в Союзе южных штатов, но и попытку приостановить процесс демократических нововведений хотя бы в штатах Новой Англии[68]. После того как их отказались поддержать Дж. Кэбот, А. Гамильтон и другие видные вожди федералистов, сепаратистское движение пошло на убыль. Но в 1808 г. оно обрело «второе дыхание» и развивалось по восходящей линии вплоть до Хартфортского конвента, созванного в 1814 г., в разгар англо-американской войны.

Единство Союза штатов было ослаблено как действиями новоанглийских сепаратистов, федералистов, так и получившим широкую огласку «заговором» А. Берра (1804—1807), направленным на образование из западных территорий США и части испанских колоний независимого государственного объединения[69]. Борьба с угрозой раскола нации как на Северо-Востоке, так и на Юго-Западе еще более сужала возможности проведения социально-экономических преобразований, начертанных на знамени джефферсоновской партии. Во второй срок президентства Джефферсона программа демократических преобразований внутри страны фактически была полностью свернута.

Неудачи и противоречия джефферсоновской «демократии» объясняются как внутри- и внешнеполитическими факторами, так и известной иллюзорностью и, конечно же, классовой ограниченностью реформистских намерений республиканской администрации. Однако очевидные минусы деятельности Джефферсона-президента не должны заслонять и положи-

[68] Documents Relating to New England Federalism, 1800—1815 / Ed. by H. Adams. Boston, 1877.
[69] *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* Томас Джефферсон. М., 1976, с. 320—323.

тельных итогов пребывания его у власти. В годы президентства Джефферсона под влиянием сознательных усилий возглавляемой им партии происходит укрепление буржуазно-демократических тенденций в развитии американского общества, которые были «законсервированы» в период правления федералистов.

3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА 1812 Г.

В условиях обострения отношений с Англией и Францией, которые грубо нарушали нейтральные права американцев, вашингтонское правительство оказалось заинтересованным в прорыве своей изоляции и искало сближения с Россией. После нападения 22 июня 1807 г. британского фрегата «Леопард» на американский «Чесапик» Т. Джефферсон высказывал убеждение, что «Россия (пока жив ее нынешний монарх) — наиболее дружественная к нам держава из всех существующих; ее услуги пригодятся нам и впредь, и прежде всего нам надо искать ее расположения» [70].

В сентябре 1807 г. американский посланник в Лондоне Дж. Монро в беседе с российским уполномоченным сообщил о желании президента, чтобы Александр I назначил своего дипломатического представителя в Соединенные Штаты [71]. Принципиальное согласие на установление дипломатических отношений было в Петербурге сразу же дано, однако обмен официальными представителями произошел с некоторым опозданием. Назначенный Т. Джефферсоном на пост посланника в России У. Шорт не был утвержден сенатом, и первый американский посланник Дж. К. Адамс прибыл в Россию лишь осенью 1809 г. В свою очередь, российский посланник Ф. П. Пален отправился за океан уже в апреле 1810 г. и вручил свои верительные грамоты Дж. Мэдисону в июне. (С июля 1809 г. в Филадельфии в качестве генерального консула находился А. Я. Дашков, исполнявший одновременно обязанности поверенного в делах [72].)

Установлению официальных дипломатических отношений между Россией и США предшествовали многолетние и плодотворные контакты в самых разных областях и на самых различных уровнях. Это и первые связи американских ученых с петербургскими коллегами, и прямые торговые контакты, получившие развитие после 1783 г., и хорошо известная переписка между Александром I и Джефферсоном в начале XIX в.[73]

После открытия Северо-Западного побережья Америки экспедицией В. Беринга — А. Чирикова в 1741 г. предприимчивые сибирские купцы и промышленники начали систематически снаряжать экспедиции на Алеутские острова, где были основаны и первые русские поселения. Позднее, 8(19) июля 1799 г., Павел I подписал указ об основании Российско-американской компании (РАК) и утвердил «правила» и «привилегии», пре-

---

[70] The Writings of Thomas Jefferson, vol. 11, p. 292.

[71] К истории установления дипломатических отношений между Россией и США (1808—1809) / Сост. Н. Н. Болховитинов.— Новая и новейшая история, 1959, № 2, с. 155—156.

[72] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966, с. 346—381.

[73] Обширная документация по этим вопросам опубликована: Россия и США: станов ление отношений, 1765—1815. М., 1980.

доставившие ей монопольное право на Северо-Западное побережье Америки вплоть до 55° с. ш.

В секретном «наставлении» директоров РАК главному правителю российских селений в Америке А. А. Баранову от 18 (30) апреля 1802 г. поручалось «утверждать право России не только до 55 градуса, но и далее, опираясь на морские путешествия капитанов Беринга, Чирикова и протчих и ссылаясь также и на плавания и промысла, производимые частными людьми с того времени ежегодно. Старайтесь даже тем показывать некоторое право и на самую Нотку-Зунд, дабы при случившемся от аглинского двора требовании некоторым образом определить можно было границы по 50-й градус или хотя на половину пространства к 55-му градусу, буде уже не можно далее, поелику сия часть ими еще не занята, и, следовательно, по сие время Россия на оную право имеет преимущественное. А на сей предмет стараться Вам елико можно сильнее и поспешнее утверждаться заселениями у 55-го градуса заведением регулярной крепостицы...» [74].

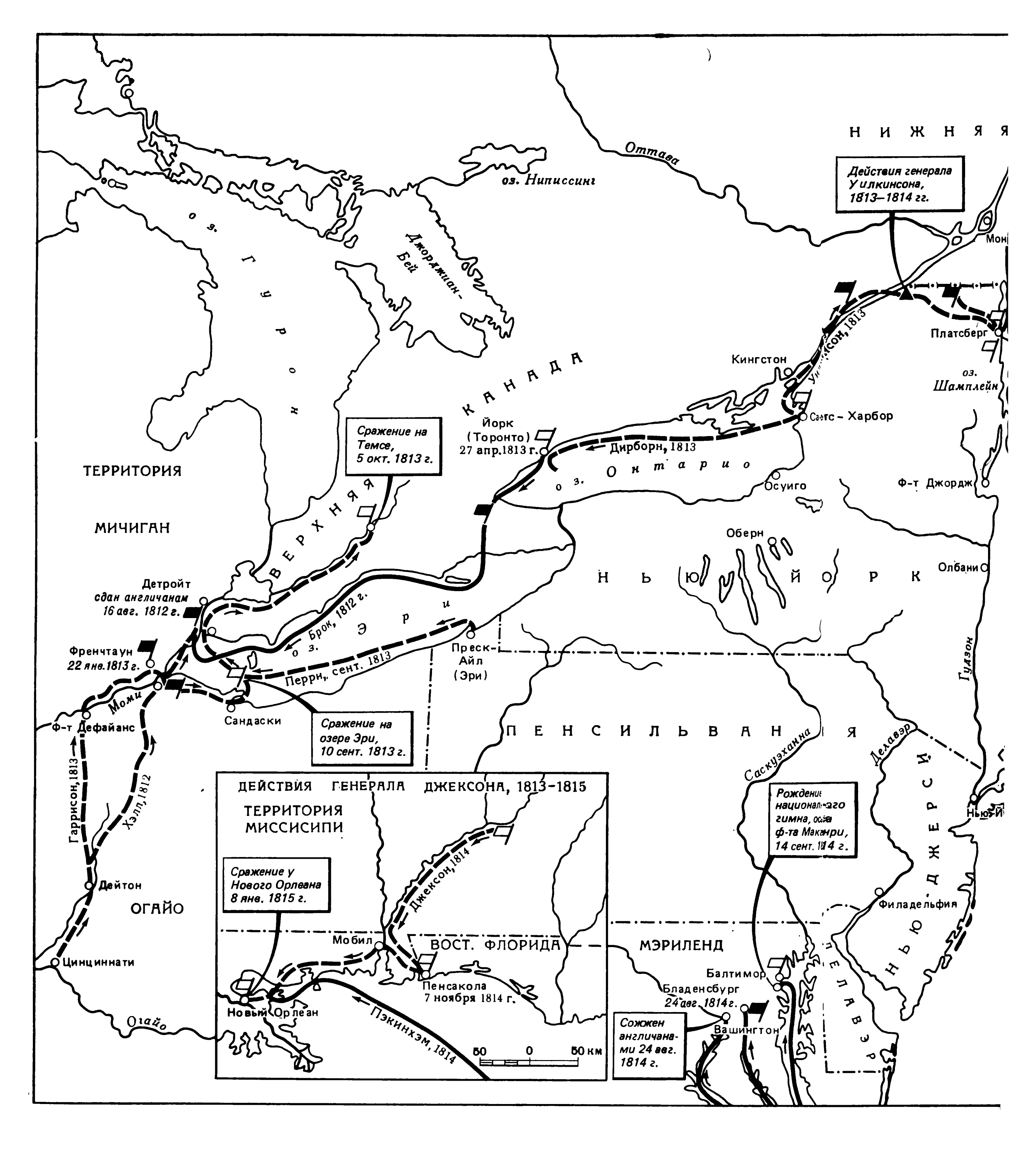
ФЛАГ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Недостаток людских и материальных ресурсов не позволил А. А. Баранову выполнить «наставления» петербургских директоров, но в целом его деятельность оказалась довольно успешной. Хотя численность русского населения в колониях была невелика и относительно стабильна (400—500 человек), на территории Аляски были созданы стойкие очаги русской культуры, которые оказали значительное влияние на аборигенное население [75]. Главным центром Русской Америки был Новоархангельск, находившийся на о-ве Ситха, а всего на территории русских владений было около 15 поселений, в том числе и основанные в 1812 г. И. А. Кусковым крепость и селение Росс в Калифорнии.

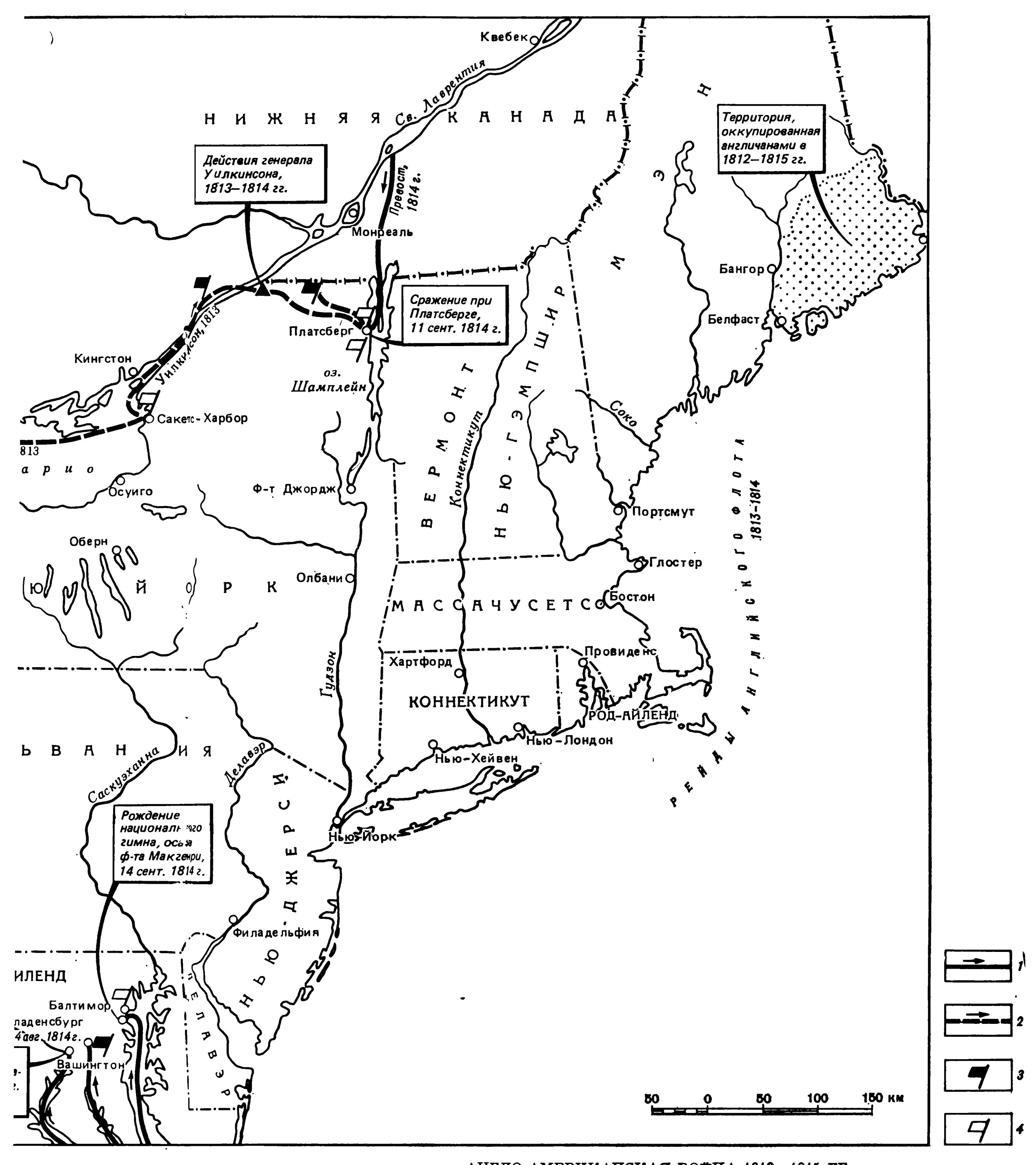
С конца XVIII в. все большую активность у северо-западных берегов Америки стали развивать предприимчивые торговцы Соединенных Штатов, деятельность которых сделалась предметом жалоб Российско-американской компании. В памятной записке А. Я. Дашкову от 20 августа (1 сентября) 1808 г. директора компании отмечали, что американские граждане привозят в русские владения «сукна, толстые полотна, готовые платья, обувь, ружья, сабли, пистолеты, пушки, порох и протчие мелочи и безделушки, получая от диких очень выгодно бобры морские и всяких

[74] National Archives (NA), Record Group 261, Records of the Russian-American Company, 1802—1867, vol. 1.

[75] *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971, с. 245—247.

НИЖНЯЯ
Оттава
оз. Ниписсинг
Действия генерала Уилкинсона, 1813–1814 гг.
оз. Гурон
Джорджиан-Бей
ВЕРХНЯЯ КАНАДА
Кингстон
Платсберг
оз. Шамплейн
Сражение на Темсе, 5 окт. 1813 г.
Йорк (Торонто) 27 апр.1813 г.
Дирборн, 1813
Сакетс-Харбор
оз. Онтарио
Осуиго
Ф-т Джордж
ТЕРРИТОРИЯ МИЧИГАН
Оберн
Олбани
НЬЮ-ЙОРК
Детройт сдан англичанам 16 авг. 1812 г.
Брок, 1812 г.
оз. Эри
Френчтаун 22 янв.1813 г.
Преск-Айл (Эри)
Перри, сент. 1813
Моми
Ф-т Дефайанс
Сандаски
Сражение на озере Эри, 10 сент. 1813 г.
ПЕНСИЛЬВАНИЯ
Гудзон
Делавэр
Саскуэханна
ДЕЙСТВИЯ ГЕНЕРАЛА ДЖЕКСОНА, 1813-1815
ТЕРРИТОРИЯ МИССИСИПИ
Гаррисон, 1813
Хэлл, 1812
Дейтон
ОГАЙО
Цинциннати
Огайо
Сражение у Нового Орлеана 8 янв. 1815 г.
Джексон, 1814
Мобил
ВОСТ. ФЛОРИДА
Пенсакола 7 ноября 1814 г.
Новый Орлеан
Пэкинхэм, 1814
50 0 50 км
МЭРИЛЕНД
Филадельфия
НЬЮ-ДЖЕРСИ
Нью-Й
Балтимор
Бладенсбург 24 авг. 1814 г.
Вашингтон
Сожжен англичанами 24 авг. 1814 г.
Делавэр

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА 1812—1815 ГГ.

1 — действия английских войск; *2* — **действия американских войск**; *3* — победы англичан; *4* — победы американцев

других морских и земляных зверей меховые шкуры». Будучи заинтересованной в снабжении русских поселений продовольствием, компания одновременно добивалась запрещения торговли оружием. Она выражала также надежду, что А. Я. Дашков будет содействовать сближению компании «с гражданством Соединенных Штатов» и внушит «им доверенность и добрые расположения» [76].

Хотя достичь официального соглашения о запрещении продажи «бостонцами» огнестрельного оружия на Северо-Западе Америки А. Я. Дашкову и Ф. П. Палену не удалось, они содействовали установлению деловых связей между РАК и Американской меховой компанией Дж. Дж. Астора, завершившихся подписанием в Петербурге специальной конвенции от 20 апреля (2 мая) 1812 г.[77]

Важным фактором в сближении между Россией и США уже с конца XVIII в. стали взаимовыгодные торговые связи. Значительную роль в развитии торговли с Россией сыграли семейство Дерби (Сейлем), С. Джирард (Филадельфия), К. Чемплин, Дж. Гиббс и У. Чаннинг (Ньюпорт), Дж. Бенсон и Н. Браун (Провиденс), А. Хикс (Нью-Йорк) и др. Как отмечал американский консул Л. Гаррис, в течение 1803 г. «84 американских судна приняли на борт такое количество грузов, которое по стоимости равно грузам 166 иностранных судов, кроме английских, и грузам 105 судов Англии», что составило «восьмую часть всей иностранной торговли в С.-Петербурге». Поскольку США испытывали «большую потребность в русских товарах и изделиях ее мануфактур», Гаррис указывал, что русско-американская торговля всего за несколько лет приобрела важное значение и теперь считается, «что она превосходит торговлю со всеми другими странами, кроме Англии» [78].

Настоящий расцвет русско-американской торговли наступил, однако, уже после отмены эмбарго 1807 г. и установления между обеими странами дипломатических отношений в 1809 г. В условиях континентальной блокады, проводившейся наполеоновской Францией, нейтральные американские корабли стали регулярными и желанными посетителями русских портов. Так, в навигацию 1810 г. в портах Российской империи побывало свыше 200 судов под флагом Соединенных Штатов [79]. В следующем, 1811 г. 138 кораблей прибыло в Кронштадт, 65 — в Архангельск и около 30 — в Ригу, Ревель и другие балтийские порты. Даже по неполным официальным данным, экспорт США в Россию превысил 6,1 млн. долл., что составило примерно 10% всего американского экспорта в 1811 г. Активной коммерческой деятельностью в России занимались Дж. Д. Льюис и М. Фишер-мл., основавшие в Петербурге в 1810 г. процветавшие торговые фирмы. «К нам пришло 16 судов, а сейчас мы кончаем погрузку еще пяти»,— сообщал М. Фишер-мл. в августе 1811 г. и оцени-

---

[76] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), ф. 907, оп. 1, д. 56, л. 2—7.

[77] Россия и США, с. 519—520.

[78] Там же, с. 251, 252.

[79] В донесении Н. П. Румянцеву от 1 января 1811 г. А. Я. Дашков сообщал, что с 7 ноября 1809 г. по 2 декабря 1810 г. российскими консулами в США было выдано 247 сертификатов. Следует иметь в виду, что не все корабли, получившие русские сертификаты, направлялись в Россию, некоторые могли изменить место назначения уже во время плавания. См.: АВПР, ф. Административные дела, II-3, 1809 г., д. 1, л. 263.

вал свои «сделки по ввозу и вывозу товаров на сумму не менее чем 2 500 000 долл.»[80].

В то время как мир, затаив дыхание, следил за приближавшимся конфликтом между наполеоновской Францией и Российской империей деятельные и практичные купцы и судовладельцы США торопились использовать благоприятные возможности для выгодных торговых операций. Раздраженный Наполеон I в беседе с российским представителем А. И. Чернышевым подчеркивал, что летом 1810 г. американские корабли «почти совершенно уничтожили значение континентальной системы, наводнив всю Европу колониальными товарами»[81]. Всесильный властелин Европы оказался не в состоянии заставить европейцев отказаться от употребления сахара и кофе. Чай и в России и в Западной Европе предпочитали пить сладким, а ситец нельзя было производить без хлопка.

Дж. К. Адамс со своими на первый взгляд безобидными жалобами и просьбами по поводу задержанных грузов и судов, шедших под американским флагом, способствовал обострению русско-французского конфликта. «Вы здесь большие фавориты,— заметил французский посол в Петербурге Дж. К. Адамсу.— Вам удалось получить могущественную защиту, и почти всем вашим судам разрешен доступ»[82].

Успешные результаты, которыми заканчивались американские представления в России, немало озадачили самого Дж. К. Адамса. Ему казалось невероятным, что Александр I и Н. П. Румянцев продолжали отстаивать права нейтралов даже перед лицом открытого военного конфликта с Наполеоном, тогда как сами Соединенные Штаты терпеливо переносили унизительные оскорбления их флага как со стороны Франции, так и со стороны Англии.

Весной 1809 г. Соединенные Штаты пошли на принятие так называемого акта о запрещении сношений (Nonintercourse Act), который разрешал торговые связи со всеми странами, кроме Франции и Англии. Торговля же с этими странами запрещалась до тех пор, пока обе или одна из них не отменят свои ограничения в отношении американского судоходства[83].

Первоначально правительству Мэдисона удалось договориться с британским посланником Д. Эрскином об условиях урегулирования конфликта, но в Лондоне это соглашение решительно отвергли. Вместо уступчивого Эрскина в Вашингтон был направлен Ф. Джексон, с которым Дж. Мэдисон вскоре прервал всякие сношения. В свою очередь, Джексон назвал президента «упрямым ослом» и был отозван в Лондон.

Не многим лучше развивались отношения США с Францией. Правда, на словах правительство Наполеона I объявило летом 1810 г. об условной отмене своих декретов в отношении американской торговли, но это оказалось лишь ловким маневром с целью усилить вражду между США и Англией. Захваты американских судов французами не только не прекратились, но даже участились.

---

[80] Россия и США, с. 486. Обширный фонд торгового дома «М. Фишер и К°», насчитывающий 94 дела (988 л.), хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[81] *Попов А. Н.* Отечественная война. М., 1905, т. 1, с. 138.

[82] Memoirs of John Quincy Adams: Vol. 1—12 / Ed. by Ch. F. Adams. Philadelphia, 1874—1877, vol. 2, p. 226.

[83] The Public Statutes at Large of the United States of America, 1789—1845. Wash., 1845, vol. 2. 1799—1813, p. 528—533.

Быстро усиливались воинственные настроения и в самих Соединенных Штатах. После открытия сессии конгресса 12-го созыва в ноябре 1811 г. преобладающее положение в нем заняли «военные ястребы». Их красноречивый лидер Генри Клей был избран председателем палаты представителей. П. Б. Портер, Дж. Кэлхун, Дж. А. Харпер, Ф. Грунди заняли ведущее положение в комиссии палаты по иностранным делам. Л. Чивз возглавил комиссию по делам флота. Государственный секретарь Дж. Монро и сам президент Мэдисон также активно выступали в поддержку военных мероприятий, и можно сказать, что в 1812 г. военная партия включала как большинство республиканских лидеров конгресса, так и членов администрации.

Обосновывая необходимость объявления войны Великобритании, президент Дж. Мэдисон в послании конгрессу 1 июня 1812 г. ссылался на продолжавшуюся практику оскорбления флага Соединенных Штатов, насильственный захват американских матросов, нарушение британскими военными кораблями спокойствия берегов и безопасности торговли США, объявление «бумажной блокады», «указы в совете», грубо попиравшие интересы нейтрального мореплавания, и, наконец, поддержку англичанами антиамериканских выступлений индейских племен. В послании президента Великобритания справедливо обвинялась «в ряде актов, враждебных Соединенным Штатам как независимой и нейтральной стране» [84].

Действительно, на протяжении 1803—1812 гг. англичане захватили более 900 торговых судов Соединенных Штатов. Многие тысячи американских моряков были насильственно сняты со своих кораблей и завербованы в британский флот. Резко осуждая действия «владычицы морей», К. Маркс отмечал, что на протяжении ряда лет Англия отказывалась «не от того, чтобы дать удовлетворение за открыто совершавшееся ею нарушение права,— она отказывалась прекратить это нарушение» [85].

Таким образом, в известном смысле война 1812 г. являлась продолжением справедливой освободительной борьбы Соединенных Штатов за независимость 1775—1783 гг. Это, однако, не означает, что обе войны были тождественны и что между ними можно поставить знак равенства. За 30—35 лет, истекших со времени войны США за независимость, безусловно, произошли большие изменения как в международной политике, так и во внутреннем положении самих Соединенных Штатов. Особенности исторического развития США, прежде всего наличие «подвижной границы» на Западе, способствовали тому, что тенденция к экспансии, заложенная в самой природе капитализма, получила в Соединенных Штатах самое широкое развитие.

Материалы конгресса США, личные бумаги Г. Клея, Дж. Кэлхуна и других содержат многочисленные данные об экспансионистских планах правящих кругов США накануне войны 1812 г. Весьма воинственную позицию занимали и многие американские газеты, в частности влиятельная «Уикли реджистер», издававшаяся Х. Найлсом с 1811 г. в Балтиморе.

Еще в 1810 г. Г. Клей пространно обосновывал необходимость войны с Великобританией и легкость захвата Канады. Несколько позже он выразил надежду увидеть новые Соединенные Штаты, «охватывающие не только старые 13 штатов, но и всю страну к востоку от Миссисипи,

---

[84] Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 1714—1719.
[85] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 454—455.

включая Восточную Флориду, а также некоторые территории к северу от них»[86]. Аппетит «военных ястребов» быстро возрастал, и на заседаниях конгресса 12-го созыва стали раздаваться еще более воинственные призывы. «Я не смогу умереть удовлетворенным,— заявил конгрессмен Р. Джонсон,— пока не увижу ее (т. е. Англию.— *Авт.*) изгнанной из Северной Америки, а ее территории — включенными в Соединенные Штаты»[87]. «Мне представляется,— утверждал другой член палаты представителей, Дж. А. Харпер,— что творец природы наметил наши границы на юге Мексиканским заливом и на севере — районами вечного холода»[88].

Выдвигая планы захвата английской Канады, конгрессмены мало считались с элементарной логикой. По этому поводу школьный учитель из Северной Каролины Р. Стэнфорд справедливо заметил: «Как же, господин спикер, мы собираемся защитить торговлю? Захватом Канады!.. Каким образом захват Канады обеспечит защиту торговли? Это похоже на то, как если бы какой-то человек для охраны своего рисового поля захватил и огородил кукурузное поле соседа»[89].

Можно добавить, что Соединенные Штаты стремились «оградить» сразу два соседних поля: одно на севере (Канада), другое на юге (Флорида). Такое «огораживание» как бы уравновешивало южные и северные интересы и вполне устраивало обе основные «секции» Союза. «Канадско-флоридская сделка» (Canada-Florida deal), разумеется, никогда и нигде не была официально зафиксирована, но в силу объективных обстоятельств и северные и южные сторонники экспансии оказались по сути дела в одном лагере.

Достаточно откровенно мысль о «сохранении равновесия правительства» путем одновременного присоединения к «этой империи» (речь шла о США) Флориды на юге и Канады на севере сформулировал Ф. Грунди (штат Теннесси), выступая в палате представителей 9 декабря 1811 г. Именно так восприняли его выступление не только позднейшие историки (Г. Адамс и Дж. Пратт), но и непосредственные слушатели в конгрессе, в частности глашатай интересов Юга Дж. Рэндолф[90]. Кстати, последний в то время был настроен очень критически в отношении «военных ястребов» и зло высмеивал истинные замыслы своих коллег. Выступая в палате 16 декабря 1811 г., он заявил: «Если вы начнете войну, то это будет война не за сохранение или защиту ваших морских прав... Аграрная жадность, а не морское право вызывает необходимость войны... Мы слышим только одно слово — жалобно скулящее, вечно на одной и той же монотонной ноте — Канада! Канада! Канада!»[91].

Само содержание англо-американских противоречий по торговым и морским вопросам в годы, непосредственно предшествовавшие войне 1812 г., начинало меняться. «Речь идет не о посреднической торговле (carrying trade), по поводу которой в настоящее время наша страна спорит с Великобританией,— заявил в палате представителей Ф. Грун-

---

[86] Annals of Congress, 11th Congress, 3rd Session, p. 63.
[87] Ibid., 12th Congress, 1st Session, p. 457—458.
[88] Ibid., p. 657.
[89] Ibid., p. 677.
[90] *Adams H.* History of the United States of America during the Administrations of Jefferson and Madison: Vol. 1—9. N. Y., 1889—1891, vol. 6, p. 141; *Pratt J.* The Expansionists of 1812. Gloucester, 1957, p. 140 (1st print.: N. Y., 1925).
[91] Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 533.

ди.— В действительности спор носит совсем иной характер; он затрагивает интересы всей нации. Дело заключается в праве экспортировать на внешний рынок продукцию нашего собственного сельского хозяйства и промышленности»[92]. Это утверждение имеет принципиальное значение, так как показывает заинтересованность Соединенных Штатов, испытывавших в то время серьезные экономические трудности, в расширении экспорта собственных товаров.

Учитывая настроения в пограничных районах, генерал Э. Джексон весной 1812 г. обосновывал необходимость присоединения английских владений в Северной Америке ссылками на право Соединенных Штатов на свободную торговлю и особенно продажу на внешнем рынке товаров американского производства, «которые в настоящее время гибнут у нас на руках, потому что владычица морей запрещает нам перевозить их в любую зарубежную страну»[93]. «Цена нашего хлопка понизилась до 7 центов, а наш табак уже ничего не стоит»,— возмущался в конгрессе представитель Мэриленда Р. Райт и связывал создавшееся положение прежде всего с политикой Англии и Франции, которые крайне затрудняли доступ американских товаров на европейский рынок[94].

Предельно четко существо вопроса сформулировал спикер палаты представителей Г. Клей: «Еще вчера мы боролись за посредническую торговлю — право экспортировать в Европу вест-индский кофе и сахар. Сегодня мы отстаиваем требование прямой торговли — право экспортировать наш хлопок, табак и другие продукты отечественного производства»[95].

Итак, война 1812 г. явилась результатом, с одной стороны, своекорыстной политики Англии, ее стремления к подрыву экономики США, деспотичных действий на море и нарушения элементарных прав нейтрального мореплавания. С другой стороны, она была вызвана экспансионистскими устремлениями правящих кругов самих США, их намерением захватить Канаду и Флориду, оттеснить индейские племена и т. д.

Нельзя не отметить также весьма своеобразный «канадский фактор», сыгравший определенную роль в исходе войны и оказавший существенное влияние на дальнейшее развитие канадцев как самостоятельной нации. Как отмечал С. Райерсон, «англоканадское национальное чувство было порождено сопротивлением американской экспансии и агрессии». Не случайно поэтому в Канаде войну 1812 г. называют национальной, а иногда даже «канадской войной за независимость». Конечно, в известной мере антиамериканские чувства канадцев, рожденные войной 1812 г., носили верноподданнический характер и укрепляли их узы с Англией. Вместе с тем эти же чувства были проявлением (хотя и в зачаточной форме) национального самосознания канадского народа. Защитив свой дом от американских захватчиков, канадцы оказались в дальнейшем гораздо менее расположенными терпеть колониальную зависимость от Великобритании[96].

Выявление различных по содержанию и характеру тенденций, вызвавших вооруженный конфликт между США и Великобританией, еще

[92] Ibid., p. 424.
[93] Correspondence of Andrew Jackson: Vol. 1—7 / Ed. by J. S. Basset, J. F. Jameson. Wash., 1926—1935, vol. 1, p. 221—222.
[94] Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 470—471.
[95] Ibid., p. 601.
[96] *Райерсон С. Б.* Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 г. М., 1963, с. 322—333.

не означает решения проблемы в целом. Какая из этих тенденций и в какой период преобладала? Правильно ответить на этот вопрос можно, однако, только с учетом конкретного внутреннего и международного положения США и Англии, а также развития событий в ходе самой войны.

К началу 1812 г. наполеоновская Франция находилась в зените могущества, а Великобритания, оказавшись практически в полной изоляции, переживала один из наиболее трудных периодов своей истории. Защищая много лет спустя свои действия, Дж. Мэдисон подчеркивал, что момент для объявления войны был выбран американским правительством очень удачно[97]. Что касается Англии, то для нее 1812 год был явно неподходящим для осуществления ее агрессивных замыслов в отношении США, и хотя британский кабинет отнюдь не желал отказываться от своей тиранической политики на море, ему так или иначе приходилось считаться с реальным развитием международных событий.

В результате позиция Великобритании накануне войны 1812 г. не только не была более резкой по сравнению с предшествующими годами, но скорее характеризовалась известным стремлением к примирению. В инструкции британскому посланнику в Вашингтоне А. Фостеру от 10 апреля 1812 г. содержались существенные уступки по вопросу о так называемой системе лицензий[98].

Обратим внимание и на «частное» указание Р. С. Каслри, содержавшееся в специальном письме Фостеру от того же числа. Министр иностранных дел настойчиво рекомендовал посланнику соблюдать в переговорах с правительством США крайнюю умеренность и ни в коей мере не провоцировать военного столкновения. «Мы должны строго придерживаться принципов, которыми это правительство считает нужным руководствоваться,— писал лорд Каслри,— но Вам надлежит избегать навязывать их Америке в такой форме, которая может привести переговоры к внезапному прекращению». Стремясь, насколько возможно, отсрочить разрыв, британский министр отмечал, что со временем «для американского правительства станет все труднее втянуть свою страну в войну с Великобританией»[99].

В конгрессе Соединенных Штатов прекрасно отдавали себе отчет в том, что независимости и территориальной целостности США реально никто не угрожает. «На нашей границе нет вражеских войск, которые бы грозили нам вторжением. Около наших берегов нет неприятельского флота, угрожающего нашим городам ограблением и разрушением. Ни один из наших городов не осажден, и иностранное вторжение не грозит спокойствию нашего государства»,— заявлял влиятельный спикер палаты представителей Г. Клей и приходил к выводу, что война с Англией будет войной завоевательной и будет вестись на суше с тем, чтобы получить возмещение за ущерб, нанесенный Соединенным Штатам на море[100].

Вашингтонский официоз газета «Нэшнл интеллидженсер» в апреле 1812 г. отмечала, что сама идея о возможной угрозе Соединенным Штатам со стороны Великобритании «слишком абсурдна, чтобы заслуживать

---

[97] Мэдисон — Уитону, 26—27 февраля 1827 г.— The Writings of James Madison, vol. 9, p. 274.

[98] Instructions to the British Ministers to the United States, 1791—1812 / Ed. by B. Mayo. Wash., 1941, p. 363—367.

[99] Ibid., p. 368.

[100] Annals of Congress, 12th Congress, 1st Session, p. 1139.

даже мимолетного рассмотрения». Обращая внимание, что еще недавно Англия сама ожидала вторжения «своего могущественного и опасного соседа», а теперь вынуждена сохранять сильные контингенты своих войск на Пиренейском полуострове, газета продолжала: «Она держит одну армию в Сицилии, другую — в Индии, мощные вооруженные силы — в Ирландии, вдоль ее собственного побережья и в Вест-Индии. Может ли кто-нибудь поверить, что при таких обстоятельствах британское правительство окажется столь безрассудным или даже сумасшедшим, чтобы послать войска для вторжения в Америку» [101].

Естественным поэтому было ожидать от Англии не нападения на Соединенные Штаты, а действий, направленных на отсрочку военного конфликта, и попыток каким-то образом смягчить возникшие противоречия. Федералистский сенатор Джеймс Бейард не без основания заметил в этой связи, что Англия не стремится к конфликту, и, «хотя она не расположена отказаться от своих притязаний», британское правительство тем не менее предприняло попытки к примирению. В результате сенатор был уверен, что разногласия с Великобританией могут быть ликвидированы без войны [102].

Действительно, за несколько дней до объявления войны конгрессом США лорд Каслри официально сообщил парламенту о намерении британского кабинета прекратить действие «указов в совете» в той части, в которой они касаются США, и сразу же направил А. Фостеру соответствующие секретные инструкции [103]. 23 июня 1812 г., когда британский посланник нанес прощальный визит в Белый дом, злополучные «указы в совете» от 7 января 1807 г. и 26 апреля 1809 г., ограничивавшие доступ торговых судов иностранных держав в порты Франции и зависимых от нее стран, были уже отменены. Распоряжением от 23 июня 1812 г. британский королевский совет разрешал торговым судам США заход в указанные порты с 1 августа при условии, если американское правительство отменит введенные им ограничения в отношении торговли с Англией [104].

Трансатлантического кабеля в те времена не существовало, и решение английского правительства долгое время оставалось в США неизвестным. (Текст инструкций от 17 июня 1812 г. А. Фостер получил 22 июля уже в Галифаксе, откуда он собирался отправиться в Англию. В Вашингтоне же о них узнали только 5 августа.) Сейчас бессмысленно гадать, что случилось бы, если бы в 1812 г. существовали современные средства связи. Известно, однако, что война не прекратилась и после того, как в Вашингтоне узнали, что «указы в совете» отменены.

Действия Англии и ее неожиданная «уступчивость» диктовались отнюдь не искренним стремлением к миру и прекращению разбойничьих действий на море (показательно, что от своего «права» насильственно

---

101 The National Intelligencer, 1812, Apr. 14.
102 The Papers of James Bayard, 1796—1815 / Ed. by E. Donnan. Wash., 1915, p. 188.
103 Каслри — Фостеру, 17 июня 1812 г.— Instructions. p. 381—385.
104 American State Papers (ASP), Documents, Legislative and Executive: Vol. 1—38. Wash., 1832—1861, Foreign Relations, vol. 3, p. 433. Весной 1812 г. косвенное давление на Англию оказала Россия, предприняв через своего представителя в Швеции П. К. Сухтелена специальный демарш с целью добиться скорейшей отмены «указов в совете» и тем самым предотвратить приближавшуюся войну с Соединенными Штатами. Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815, с. 520—522.

снимать британских дезертиров с американских судов англичане упорно не желали отказываться), а были вынужденным тактическим шагом и дипломатическим маневром. Цена «миролюбия» британского кабинета очень скоро стала для всех очевидной. Разгром Наполеона в России и первые успехи английских войск в Америке окончательно развеяли всякие иллюзии на этот счет.

При всем значении международных проблем, и прежде всего грандиозной военной кампании 1812 г. в Европе, определяющее влияние на характер англо-американской войны 1812—1815 гг. оказывали внутриполитические моменты. Выступая в сенате в 1810 г., Г. Клей хвастал, что «только одной милиции Кентукки будет достаточно, чтобы положить Монреаль и Верхнюю Канаду к ногам победителей»[105]. 6 мая 1812 г. Дж. Кэлхун открыто заявил, что для захвата всей Верхней и части Нижней Канады потребуется всего каких-нибудь четыре недели[106]. Кстати, именно Кэлхун был автором доклада комитета по иностранным делам от 3 июня 1812 г., в котором обосновывалась необходимость разрыва с Англией. Влиятельный спикер палаты представителей и его коллега из комитета по иностранным делам, конечно, не слишком хорошо разбирались в военных вопросах, чего нельзя сказать о генерале Эндрю Джексоне. Последний, однако, также рисовал американскому народу радужные перспективы, когда 7 марта 1812 г. призывал добровольцев к войне против «вечных врагов американского процветания», писал о «захвате всех английских владений на континенте Северной Америки» как вознаграждении за старые потери и гарантии безопасности от будущей агрессии[107]. Завоевание Канады, по мнению «Уикли реджистер», должно было отрезать пути снабжения Англии и ее колоний в Вест-Индии и тем самым нанести противнику огромный ущерб[108].

Экспансионистские планы правящих кругов США не вызывали, однако, энтузиазма в народных массах. Воинственный конгресс еще в начале 1812 г. постановил увеличить регулярную армию, насчитывавшую 10 тыс. человек, еще на 25 тыс. 6 февраля был одобрен законопроект, разрешавший президенту призвать на один год 50 тыс. добровольцев. Наконец, в апреле 1812 г. было принято постановление о призыве 100 тыс. человек в милицию штатов. Все эти решения оставались в основном на бумаге. Для завоевания Канады не удалось собрать ни добровольцев, ни сколько-нибудь значительно пополнить регулярную армию. Хорошо осведомленный о действительном положении дел в США российский генеральный консул в Филадельфии Н. Я. Козлов весной 1812 г. в донесениях в Петербург неоднократно отмечал «отвращение народное от войны и медлительность, с какою выполняются определения конгресса». Попытки правительства увеличить численность американских войск для завоевания Канады наталкивались, по его словам, на непреодолимые трудности, и «армия Статов поныне не простирается свыше семи тысяч»[109].

---

[105] Annals of Congress, 11th Congress, 1st Session, p. 579—580.
[106] The Papers of John Calhoun: Vol. 1—10. Columbia, 1959—, vol. 1, p. 104—105.
[107] Correspondence of Andrew Jackson, vol. 1, p. 220—222.
[108] Weekly Register, 1812, May 30.
[109] Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 30 апреля 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 9242, л. 63—64.

Очевидное нежелание простых американцев браться за оружие отмечали как современники событий, так и многие последующие историки. По свидетельству Дж. Принса-мл. из Сейлема, у подавляющего большинства людей этого района война вызывала отвращение, и «они дружно поднимут против нее свой голос, да так, что разом всколыхнутся сходные чувства по всей стране и войну осудят как дело вполне никчемное, беззаконное и несправедливое»[110]. Народ Соединенных Штатов, по словам авторитетного современного историка Б. Перкинса, явно не разделял «веселой воинственности» своих лидеров, «которым путем обмана, угроз, патриотических призывов и благоприятного случая удалось в июне 1812 г. втянуть страну в войну»[111].

Неудивительно поэтому, что уже в самом начале войны американцев ждало полное разочарование. Генерал Хэлл не только не смог захватить Канаду, но сам позорно капитулировал в Детройте 16 августа 1812 г. И это несмотря на то что американцы занимали превосходную позицию, имели перевес в артиллерии и численности войск (в 2 раза!). Не удалось Соединенным Штатам осуществить свои экспансионистские замыслы в отношении Канады и в дальнейшем, хотя в попытках вторжения недостатка не было. Захватчики «встретили отпор как со стороны регулярной армии, так и со стороны ополчения при всевозрастающей поддержке народа»[112].

В конце 1812 г. состав армии был установлен в 58 тыс., но, несмотря на все старания правительства, он никогда не был заполнен даже наполовину[113]. Еще хуже обстояло дело с «добровольцами» и милицией, которые не только отказывались завоевывать Канаду, но даже участвовать в каких-либо военных операциях вне границ своих штатов. Вполне справедливым поэтому следует признать замечание Г. Адамса, что пропорционально численности населения военные усилия в 1814 г. были в 10 раз меньше, чем в 1864 г.— во время гражданской войны в США[114].

С огромными трудностями вашингтонскому кабинету пришлось столкнуться и в финансовой области. В 1812—1815 гг. расходы правительства на 68,8 млн. долл. превысили обычные статьи его доходов, и финансировать войну приходилось в основном за счет выпуска займов. С 14 марта 1812 г. по 3 марта 1815 г. конгресс 6 раз прибегал к займам на общую сумму свыше 80 млн. долл. Реально до 1815 г. удалось получить лишь 41 млн., причем большая часть (87%) этой суммы поступила из Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора и федерального округа Колумбия. Богатейшая часть страны — Новая Англия внесла только 7%, а воинственные Юг и Запад предоставили еще меньше — всего 6%[115].

Затруднительное положение правительства Мэдисона усугублялось, наконец, позицией федералистских штатов, в частности открытым недовольством войной в Массачусетсе, Коннектикуте и т. д. Между тем именно Новая Англия занимала важное стратегическое положение на границе с Канадой, имела наибольшую концентрацию населения и мате-

110 Дж. Принс-мл.— П. П. Свиньину, 3 июля 1812 г.— Россия и США, с. 536.
111 *Perkins B.* Prologue to War: England and the United States, 1805—1812. Berkeley; Los Angeles, 1961, p. 392.
112 *Райерсон С. Б.* Указ. соч., с. 332.
113 *Burt A.* The United States, Great Britain and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812. New Haven, 1940, p. 323.
114 *Adams H.* Op. cit., vol. 7, p. 385.
115 *Nettels C. P.* The Emergence of a National Economy, 1775—1815. N. Y., 1962, p. 332.

риальных средств. Отказ штатов Новой Англии предоставить в распоряжение центрального правительства свою милицию и поддержать финансовые мероприятия не мог не подорвать военных усилий страны в целом.

Летом 1812 г. известный бостонский юрист Д. Лоуэлл (выступивший под псевдонимом «фермер Новой Англии») опубликовал серию едких антиправительственных памфлетов, озаглавив их «Война м-ра Мэдисона:

ЗАХВАТ Г. ВАШИНГТОНА АНГЛИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ

беспристрастное расследование». Обвиняя президента Мэдисона в том, что он был чуть ли не единственным человеком, ответственным за войну, которая велась якобы целиком в интересах Франции, федералисты явно грешили против истины. И тем не менее следует сказать, что сам термин «война м-ра Мэдисона» как отражение недовольства войной и политикой правительства в целом получил в то время значительное распространение.

Противодействие федералистских штатов войне с Англией не ограничивалось одной агитацией. Продолжая торговлю с Канадой и предоставляя ссуды англичанам, федералисты стали по существу на путь открытой измены. Любопытно, что сам главнокомандующий британскими войсками Превост сообщал 27 августа 1814 г., что из Новой Англии поступают большие суммы звонкой монеты и что «две трети армии в Канаде в настоящее время едят мясо, предоставленное американскими поставщиками, главным образом из штатов Вермонт и Нью-Йорк» [116].

[116] Цит. по: *Adams H.* Op. cit., vol. 7, p. 140.

Между тем в Северную Америку продолжали прибывать свежие подкрепления английских войск, а британский флот, освободившийся от операций в Европе, установил полную блокаду побережья Соединенных Штатов. 18 августа 1814 г. адмирал Кохрейн известил правительство США, что в качестве ответной меры за разрушения, причиненные американцами в Верхней Канаде, он отдал приказ об уничтожении тех прибрежных городов, которые будут заняты английскими войсками. Первой жертвой оказалась столица федерального Союза — Вашингтон.

Описывая происшедшие события, российский посланник А. Я. Дашков сообщал 1(13) сентября 1814 г.: «Агличане, поднявшись вверх по р. Патуксен на лодках, высадили 23-го числа прошедшего месяца в 30 милях от Вашингтона около 4 тыс. войска, из коих гораздо менее половины пошли к городу. Для сопротивления им у президента находилось около 1,5 тыс. солдат и около 5 тыс. милиции. Балтиморские волонтеры и одна артиллерийская рота встретили агличан близ деревни Бладенсбург, 6 миль от Вашингтона. Агличане, несмотря на их батарею и стрелков, в лесу и за домами рассыпанных, прошли все малые посты и пошли к Вашингтону, не останавливаясь. Балтиморцы рассеялись, артиллерия ускакала, а милиция разбежалась»[117]. Заняв Вашингтон 24—25 августа 1814 г., англичане сожгли Капитолий, Белый дом и другие правительственные здания, а затем благополучно вернулись на свои суда.

Все более жесткой становилась позиция Англии и на международной арене. Хотя правительство США приняло предложение о мирном посредничестве России и еще весной 1813 г. направило в Петербург своих уполномоченных, в Лондоне категорически отказались вести переговоры в русской столице и настояли на ведении с американцами прямых переговоров, которые открылись в Генте 8 августа 1814 г. В результате непомерных требований Великобритании эти переговоры быстро зашли в тупик, и уже 19 августа американские уполномоченные писали в Вашингтон, что у них нет никакой надежды на мир[118]. В числе других условий английские делегаты настаивали на некоторых территориальных уступках, например на отторжении части территории будущего штата Мэн для проведения дороги от Галифакса до Квебека; запрещении США содержать флот и возводить укрепления на Великих озерах; одновременном заключении мира с индейскими племенами, воевавшими на стороне Англии, и создании «буферного» индейского государства; прекращении рыболовства в Северной Атлантике (у берегов британских владений) и т. д.

«Если война продолжится,— писал член американской делегации на переговорах в Генте сенатор Дж. Бейард,— она не будет больше войной нашего правительства. Как по своему характеру, так и по своим операциям она станет оборонительной». Говоря о Великобритании, сенатор продолжал: «Она завидует возрастающим ресурсам нашей страны, способностям нашего народа в торговле и мореплавании, а также его отваге в морском деле. В настоящее время положение вещей видится ей таким, какое, может быть, больше никогда не повторится, когда без опасения вмешательства какой-либо европейской державы ей представляется

[117] Россия и США, с. 664.
[118] ASP, Foreign Relations, vol. 3, p. 709.

возможность употребить всю свою силу против нас. Будет сделана попытка полностью нас уничтожить, и если это окажется невозможным, то нанести такие раны, которые остановят наш рост или по крайней мере его задержат».

Заканчивал письмо Бейард уже 20 августа, после получения так называемого ультиматума — ноты британских уполномоченных от 19 августа. «Их условия — это условия победителя побежденному народу... — с возмущением писал сенатор и далее замечал: Когда характер войны коренным образом изменился и когда мы не просто отстаиваем честь нации, а вынуждены бороться за ее существование, федералисты докажут, что они... являются действительными и верными друзьями своей страны. Что касается происхождения войны, то в этом мы все согласны. Но когда отказывают в мире на справедливых и умеренных условиях и выдвигают самые экстравагантные притязания, что остается нам, как не мужественно бороться или подчиниться позору и гибели?» [119]

Так в ходе самой войны ее характер начал существенно меняться, и на заключительном этапе она стала приобретать характер борьбы за обеспечение независимости и территориальной целостности Соединенных Штатов.

Если в начале войны американцы, как правило, стремились уклониться от вступления в армию и отказывались от участия в военных действиях против Канады, то теперь стали появляться признаки определенного патриотического подъема для отпора неприятелю. «В Балтиморе, в Нью-Йорке и даже в самой Филадельфии,— писал Н. Я. Козлов 27 августа 1814 г.— жители встревожены до крайности. Первый из сих городов действительно в опасности, но Нью-Йорк приведен уже в некоторое оборонительное состояние. Что же касается до Филадельфии, то невероятно, чтобы агличане решились сделать на оную какое-либо покушение» [120].

Немного позже российский консул сообщал, что Филадельфия наполнена милицией. «Везде бьют в барабаны, везде учение... На берегах Скульки и Делавера построены огромные батареи, и, чтобы привести сей город совершенно в безопасное состояние, недостает здесь одних только пушек» [121]. В течение нескольких дней в Нью-Йорке встали под ружье 25 тыс. человек, полные решимости оборонять город. Среди них были рабочие нью-йоркской мануфактурной компании, члены городского общества печатников и др. Трудящиеся Нью-Йорка «добровольно и без всякой оплаты строили оборонительные укрепления». К ним на помощь прибыли большие группы фермеров, в том числе и из соседнего штата Нью-Джерси [122].

От планов захвата Нью-Йорка англичанам пришлось отказаться, зато они попытались повторить «вашингтонский вариант» в отношении Балтимора. На этот раз, однако, уже на дальних подступах к городу англичане встретили упорное сопротивление и предпочли оставить свое предприятие. В связи с этим событием был написан национальный гимн США, воспевавший «усыпанное звездами знамя».

---

[119] Papers of James Bayard, p. 317—318.
[120] АВПР, ф. Канцелярия, д. 9243, л. 71.
[121] Н. Я. Козлов — Н. П. Румянцеву, 17 сентября 1814 г.— Там же, л. 75.
[122] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США..., т. 1, с. 114—115; Weekly Register, 1815, Nov. 18.

Полной неудачей закончилось и вторжение 11-тысячной английской армии под командованием губернатора Канады Г. Превоста, предпринятое в начале сентября 1814 г. Превост так и не смог овладеть Платсбергом (американская база на оз. Шамплейн), а британская флотилия 11 сентября 1814 г. была разгромлена более слабыми силами американцев. Наконец, в январе 1815 г., еще не зная о заключении мира в Генте, американские войска под командованием генерала Э. Джексона не только отразили наступление крупных сил англичан на Новый Орлеан, но и одержали полную победу над войсками Пэкинхэма.

Это был самый крупный успех американцев за всю войну, который принес Э. Джексону всенародную популярность. Комментируя победу, Н. Я. Козлов сообщал 13 февраля 1815 г.: «Сравнивая число войск, употребленное агличанами в сию экспедицию, со средствами, какие могли иметь американцы к отражению сей атаки, последние казались столь ничтожны, что и публика, и правительство почитали уже Новый Орлеан погибшим. Ошибки, однако же, аглинских начальников, опрометчивость их, а наипаче высокомерие, с каким судят они американцев, не только спасли город, но еще повредили весьма тому мнению, которое до сего существовало здесь о могуществе Англии... До какой бы степени ни простирались внутренние здесь беспорядки,—продолжал консул,— и доколе не последует отделение северных штатов, чего поныне опасаться еще не следует, американцы не перестанут вести войну. Число регулярного войска их достаточно отразить всякое покушение со стороны Канады, а для защиты побережных городов каждая область сделала свои собственные распоряжения, и случившееся при Новом Орлеане есть пример, доказывающий, что оборонительное состояние сей республики соразмерно по крайней мере тем силам, какие поныне Англия могла употребить противу Соединенных Статов» [123].

После сложных и длительных переговоров 24 декабря 1814 г. был наконец подписан Гентский мирный договор, который скорее обходил молчанием, чем разрешал спорные вопросы, вызвавшие войну 1812 г. (вопрос о границах, свободе морей, правах нейтральных государств и т. д.). Договор предусматривал, в частности, взаимный отказ от захваченной территории (ст. 1), возвращение пленных (ст. 3), прекращение военных действий против индейцев (ст. 9), обязательство принять решительные меры к прекращению работорговли (ст. 10) и т. д. Были образованы смешанные комиссии для определения границ [124].

Подводя итоги, нельзя не признать удачным образное сравнение С. Б. Райерсоном англо-американской войны 1812 г. с «мотком пряжи» или «запутанной паутиной» (the tangled skein), распутать которую оказалось не так-то просто [125]. Экспансионизм правящих кругов США, деспотические действия Англии на море, своеобразный, хотя и не решающий, «канадский фактор», наконец, изменение характера войны на ее заключительном этапе — таковы лишь главные черты, которые определяли общую окраску сложных и противоречивых событий 1812—1815 гг.

Весьма существенным представляется в этой связи и внутренняя консолидация американского народа как самостоятельной нации. В сентябре 1815 г. «Уикли реджистер» обращала внимание на то, что «народ

[123] АВПР, ф. Канцелярия, д. 9244, л. 2—5.
[124] Treaties..., vol. 1, p. 574—584.
[125] The Marxist Quarterly, 1962, Summer, N 2, p. 16—23.

начинает все более и более сознавать свой национальный характер». Дело, однако, не только в том, что газета прямо писала о «национальном характере». Не менее важно и символично, что эти слова были помещены в первом номере, набранном новым шрифтом, шрифтом американского производства.

Наблюдательные современники и очевидцы событий неизменно отмечали значительные успехи, достигнутые национальной американской промышленностью. «Прошедшая война,— писал А. Я. Дашков в феврале 1815 г.,— кажется, утверждает три следующие важные мнения: 1) что постройка судов, вооружение, состав екипажей и притом врожденная предприимчивость в американцах и часто безрассудная отважность дают им решительный верх над агличанами при встречах равных сил; 2) что американцы имеют все те качества, кои образуют лучших солдат; 3) что каждая война действительно учиняет сию землю менее и менее зависимою от аглинских мануфактур»[126]. Газета «Уикли реджистер» отмечала, что с каждым оборотом прядильной машины американцы становились все менее зависимыми от Великобритании. Новые промышленные предприятия поднимали их по «лестнице независимости», способствовали формированию национального характера и чувства патриотизма[127].

Начав войну с Англией в целях обеспечения своих законных прав на море и одновременно для осуществления экспансионистских планов в отношении Канады, США за 2,5 года трудной борьбы не достигли ни того, ни другого. Вместе с тем американский народ сумел защитить страну от попыток английского вторжения и отстоять ее территориальную целостность. В США прочно укрепилась национальная промышленность, окончательно распалась федералистская партия и было покончено с сепаратизмом Новой Англии. И в этом смысле, независимо от субъективных намерений и целей правящих кругов, война 1812 г. по своим объективным результатам оказывалась продолжением революционной войны за независимость.

126 Россия и США, с. 678.
127 Weekly Register, 1814, Dec. 31; 1815, Aug. 26; 1816, Aug. 3.

Глава восьмая

ОТ «ЭРЫ ДОБРОГО СОГЛАСИЯ» К «ДЖЕКСОНОВСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» (1816—1841)

1. «ЭРА ДОБРОГО СОГЛАСИЯ»

После окончания англо-американской войны в Соединенных Штатах наблюдалась существенная перегруппировка политических сил. Некогда влиятельная федералистская партия практически перестала существовать. На выборах 1816 г. кандидатура представителя республиканцев Джеймса Монро не встретила серьезного сопротивления. Он получил 183 голоса выборщиков, а его соперник федералист Руфус Кинг — всего 34. Одной из задач администрации новый президент считал не только поглощение бывших федералистов республиканцами, но и ликвидацию политических партий вообще. По мнению Монро, президент — глава нации, а не лидер одной партии. На следующих президентских выборах (1820 г.) у Дж. Монро уже не было соперников, и он собрал 231 голос против одного. Подводя теоретическую базу под свои взгляды, он писал, что, поскольку в США отсутствуют «классовая система и привилегированные слои», нет необходимости и в партиях, которые служили бы выразителями различных интересов. Народу же, являющемуся единственным хозяином, остается лишь выбрать настоящего лидера, который сумел бы подняться над личными амбициями [1].

Важной задачей конгресса после окончания войны с Англией, по мнению Монро, должны были стать «меры по сохранению и поощрению мануфактур», которые достигли «беспрецедентного расцвета» и стали источником «национальной независимости и благосостояния» Соединенных Штатов [2]. Т. Джефферсон, первоначально высказывавшийся против промышленного развития, теперь подчеркивал, что «владельца промышленного предприятия следует поставить в один ряд с землевладельцем... Опыт показал нам, что мануфактуры столь же необходимы для нашей независимости, как и для нашего процветания» [3].

Уже весной 1816 г. был принят первый протекционистский тариф и при активной поддержке Дж. Кэлхуна и Г. Клея учрежден второй национальный банк Соединенных Штатов. В соответствии с новым законом таможенные пошлины колебались от 7,5 до 30% стоимости товаров, причем особо оговаривалась защита хлопчатобумажных и шерстяных тка-

---

[1] The Writings of James Monroe: Vol. 1—7. N. Y., 1898—1903, vol. 5, p. 342—348; *Ammon H.* James Monroe and Era of Good Feelings.— Virginia Magazine of History and Biography, 1958, Oct., vol. 66, N 4, p. 389—390, 397—398.

[2] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1902: Vol. 1—10 / Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1903, vol. 1, p. 333.

[3] The Writings of Thomas Jefferson: Vol. 1—20 / Ed. by A. Lipscomb, A. Bergh. Wash., 1905, vol. 14, p. 391—392.

ней, железа, бумаги и других изделий молодой американской промышленности. Первоначальный капитал банка США устанавливался в 35 млн. долл., пятая часть которых принадлежала правительству. Соответственно 5 из 25 директоров банка назначались федеральными властями, а банкноты признавались законным платежным средством по всей территории страны. Он должен был хранить государственные фонды и обеспечивать выплату звонкой монеты. В качестве агента министерства финансов банк мог ежегодно продавать правительственные акции на 2 млн. долл., в его функции входила уплата государственных долгов, пенсий и т. д.

Если ранее за учреждение первого банка США выступали федералисты во главе с А. Гамильтоном, то теперь главными сторонниками национального банка стали республиканцы. В 1791 г. учреждение центрального банка поддерживал Север, а Юг был против. В 1816 г. представители Юга и Запада в основном проголосовали за его учреждение, тогда как большинство представителей Севера высказались против [4]. Выступая 4 апреля 1816 г. в защиту нового тарифа, Дж. Кэлхун подчеркивал, что в отдельности каждая отрасль экономики — сельское хозяйство, промышленность и торговля — не может стать основой общего благосостояния. Лишь взятые вместе они обеспечивают процветание, которое зависит от любой из них [5].

Как и члены администрации, сторонником расширения власти федерального правительства, укрепления права частной собственности и единства молодой республики выступал Дж. Маршалл, возглавлявший Верховный суд США на протяжении более 30 лет (1801—1835). «Американские Штаты, как и американский народ,—подчеркивал Маршалл,— убеждены в важности тесного и прочного союза для их свободы и счастья. Опыт показал, что наш Союз не может существовать без единого правительства, и этот же опыт свидетельствовал, что американское правительство превратилось бы в простой символ, который разрушил все их надежды, если бы оно не включило значительную часть суверенной власти, принадлежавшей независимым штатам». Дж. Маршалл отмечал далее, что по многим наиболее важным причинам Соединенные Штаты образуют одну нацию: «Мы единый народ во время войны. Мы единый народ при заключении мира. Мы единый народ во всех торговых соглашениях... Мы единый народ и во многих других отношениях и единственный орган, который может контролировать и управлять нашими интересами во всех областях,— это правительство Союза» [6].

Укрепление национального единства, безраздельное господство республиканской партии и определенное умиротворение в политической жизни страны послужили основанием для современников назвать президентство Монро «эрой доброго согласия» (the Era of Good Feelings). Впервые этот термин употребила бостонская газета «Коламбиан сентинел» 12 июля 1817 г., и он сразу же получил довольно широкое распространение [7].

---

[4] *Hammond B.* Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War. Princeton, 1957, p. 239—240.
[5] The Papers of John Calhoun: Vol. 1—10. Columbia, 1959—, vol. 1, p. 347.
[6] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 1, p. 228, 231.
[7] *Dangerfield G.* The Era of Good Feelings. N. Y., 1952, p. 95.

Однако благополучие и спокойствие в стране были только внешними. Послевоенное «процветание», основанное на неустойчивой почве земельного и хлопкового «бума», оказалось непродолжительным. Восстановление мирной жизни в Европе и усиление конкуренции английских товаров на американском рынке усугубляли положение. Торговый баланс США в 1815—1819 гг. складывался крайне неблагополучно. Импорт сильно превышал экспорт. В этих условиях национальный банк не смог обеспечить нормализацию денежного обращения и, более того, даже способствовал углублению экономических трудностей. Современники видели корень зла именно в банковских спекуляциях, не понимая, что развал финансов являлся скорее следствием, чем причиной кризиса, развитие которого неизбежно вытекало из природы капиталистического производства.

Экономический кризис 1819 г. в той или иной степени затронул самые различные слои населения. Особенно тяжелым было положение трудящихся. «По крайней мере 30 тыс. человек лишились работы, и многие из них стали пауперами»[8]. Резко сократилось промышленное производство. В 1815 г. в Питтсбурге и его окрестностях было занято 1960 рабочих, а в 1819 г.— лишь 672. Стоимость создаваемой ими продукции соответственно упала с 2,6 млн. долл. до 0,8 млн.[9] Участились случаи тюремного заключения за долги: в 1820—1822 гг. в бостонские тюрьмы попали 3,5 тыс., в филадельфийские — 1,8 тыс. человек. Газеты помещали объявления о продаже имущества несостоятельных должников, о многочисленных случаях банкротства и т. д. Особенно тяжелым было положение в хлопчатобумажной промышленности, где число занятых сократилось почти на 75%. Учитывая, однако, что в стране большинство самостоятельного населения было занято в сельском хозяйстве, специалисты снижают процент безработных до 3—4%, а максимальную численность безработных оценивают в 120 тыс.[10]

Исключительно остро в эти годы обстояло дело с распределением государственных земель. К 30 сентября 1819 г. было продано свыше 20 млн. акров[11]. Кризису 1819 г. предшествовала невиданная до того спекулятивная горячка, особенно резко проявлявшаяся в таких штатах, как Алабама и Миссисипи. В Алабаме земля продавалась по цене, превышавшей минимум (2 долл. за акр), в 3 раза, а иногда даже в 10—15 раз. Резко возросла и задолженность за землю, составив в целом около 22 млн. долл. Крупные спекулянты и плантаторы, широко пользуясь кредитом, задолжали государству огромные суммы денег. В числе должников находилась многочисленная армия фермеров, тяжелое положение которых особенно усилилось в результате резкого падения цен на сельскохозяйственные продукты.

В этой обстановке в апреле 1820 г. был принят новый аграрный закон, снижавший минимальную цену за акр до 1,25 долл. с одновременной отменой кредита и предоставлением права покупать участки размером в 80 акров (вместо прежних 160 акров)[12]. По специальному закону

[8] American State Papers (ASP): Documents, Legislative and Executive: Vol. 1—38. Wash., 1832—1861, Finance, vol. 4, p. 493.
[9] Ibid., vol. 3, p. 641—642.
[10] The Reinterpretation of American Economic History / Ed. by R. W. Fogel, S. L. Engerman. N. Y., 1971, p. 78.
[11] ASP, Public Lands, vol. 3, p. 456—462.
[12] Documents of American History, vol. 1, p. 227.

о помощи от 2 марта 1821 г. прежним покупателям предоставлялось право отказаться от неоплаченной части земли при сохранении уже оплаченной. Эти постановления, безусловно, облегчили приобретение земли, но радикального решения земельной проблемы они не дали. Трудящимся предстояло еще многие годы бороться за облегчение доступа к земле. Зато большие выгоды эти законы принесли крупным спекулянтам землей и плантаторам, освободив их от ряда тяжелых финансовых обязательств. К 1832 г. задолженность за землю была фактически ликвидирована. В целом эти акты были одним из этапов борьбы американского народа за более свободный доступ к западным землям и способствовали победе фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

Большой остроты в 1819—1820 гг. достиг конфликт по вопросу о рабстве. Он возник в связи с петицией территории Миссури в конгресс о предоставлении ей прав штата. 13 февраля 1819 г. Дж. Толмадж (штат Нью-Йорк) внес поправку, по которой принятие Миссури в число штатов обусловливалось введением там конституции, предусматривавшей сначала ограничение, а затем и запрещение рабства [13].

Разгорелся яростный спор, охвативший всю страну и продолжавшийся два года. Юридически конфликт выглядел как старый спор об «узком» и «широком» толковании конституции. Представители Юга ревностно защищали суверенитет штатов и отрицали право федерального конгресса налагать ограничения при вступлении территории Миссури в Союз. По существу же речь шла об увековечивании рабства в Миссури, о политическом преобладании в Союзе и о том, кто будет получать выгоды от присоединения новых территорий к Соединенным Штатам.

Для плантаторов Юга было важно добиться распространения рабства за пределы Миссисипи и одновременно создать перевес сил в сенате, где число свободных и рабовладельческих штатов было одинаковым (по 11). Учитывая более быстрый рост населения свободных штатов, Юг не мог уже рассчитывать на преобладающее влияние в палате и поэтому стремился укрепить свои позиции в сенате.

В конце концов конфликт удалось временно уладить. Инициатором так называемого Миссурийского компромисса 1820 г. выступил Г. Клей, представлявший пограничный штат Кентукки и имевший большой опыт парламентской деятельности. После того как с просьбой о приеме в число штатов обратился Мэн, было решено, чтобы, не нарушая равновесия сил в сенате, принять обе территории формально, без всяких предварительных ограничений в отношении рабства. Конечно, было ясно, что фактически Миссури принимается как рабовладельческий, а Мэн—как свободный штат. Территория к западу от р. Миссисипи делилась параллелью 36°30′ с. ш.—рабовладельческая к югу и свободная к северу. Предусматривалось также возвращение беглых рабов, если на этом настаивали их хозяева.

Фактическими победителями в конфликте оказались рабовладельцы, которые усиливали влияние в федеральном правительстве, блокируясь с определенными кругами западных фермеров и буржуазии Севера. К. Маркс подчеркивал, что характерной чертой истории США было превращение Союза в «раба рабовладельцев», которое шло через ряд компромиссов, означавших «новую агрессию со стороны Юга...» [14]. Од-

[13] Annals of Congress, 15th Congress, 2nd Session, p. 1166.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 314.

ной из таких уступок и был Миссурийский компромисс 1820 г., расширивший границы рабства на новые территории к западу от Миссисипи и явившийся, по выражению государственного секретаря Дж. К. Адамса, «титульным листом огромного трагического тома» [15].

Миссурийский компромисс еще более усилил стремление рабовладельцев к экспансии. Закрытые двери к северу от 36° 30′ удваивали энергию плантаторов в отношении территорий к югу от границ Соединенных Штатов (Техас, Куба и др.). Экспансионистские настроения в стране подогревались и длительной борьбой за Флориду. Еще в 1810 г. под предлогом помощи восставшим колонистам в Батон-Руже Соединенные Штаты оккупировали Западную Флориду, а позднее конгресс оформил присоединение этой области к штату Луизиана и территории Миссисипи. В декабре 1817 г. вооруженные силы США оккупировали о-в Амелия, хотя последний был освобожден от испанского господства и объявлен частью территории Мексики. Опасаясь освобождения Восточной Флориды от испанского господства, генерал Э. Джексон в 1818 г. под предлогом преследования индейцев оккупировал и эту территорию [16].

Испании, не располагавшей реальными возможностями отстоять свои территории, не оставалось иного выхода, кроме уступки Флориды по договору 22 февраля 1819 г., ратифицированному, однако, лишь в 1821 г. [17] Наряду с присоединением Флориды США согласно договору добились разграничения территории на Западе по 42-й параллели вплоть до берегов Тихого океана.

Это было первое договорное признание притязаний Соединенных Штатов на территории Тихоокеанского побережья, и неудивительно поэтому, что условиями соглашения с Испанией государственный секретарь Дж. К. Адамс очень гордился. Будучи уже в преклонном возрасте, он называл этот договор «самым большим достижением в своей жизни» и результатом наиболее успешных переговоров, которые когда-либо велись правительством США [18]. Вместе с тем сам Дж. К. Адамс подчеркивал, что действия Э. Джексона были одной из «непосредственных и важных причин, которые привели к договору» [19]. Следует учитывать также, что Испания в то время крайне нуждалась в нормализации отношений с США, для того чтобы иметь возможность продолжить борьбу со своими восставшими колониями и заручиться в этой борьбе поддержкой или хотя бы нейтралитетом Вашингтона. По образному выражению российского посланника в Соединенных Штатах А. Я. Дашкова, Испания ампутировала ногу, чтобы, быть может, спасти туловище [20].

Расширение США происходило не только за счет владений европейских держав, но в первую очередь за счет территорий, принадлежавших индейцам. Колонизация Запада сопровождалась физическим истреблением и оттеснением индейцев, которые считались «бесполезным и опасным

---

[15] Memoirs of John Quincy Adams: Vol. 1—12 / Ed. by Ch. F. Adams. Philadelphia, 1874—1877, vol. 6, p. 438, 439.

[16] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Присоединение Флориды Соединенными Штатами.— Новая и новейшая история, 1959, № 5, с. 110—119.

[17] Treaties and other International Acts of the United States of America, 1776—1863: Vol. 1—8 / Ed. by H. Miller. Wash., 1931—1948, vol. 3, p. 13—18.

[18] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 12, p. 78.

[19] Ibid., vol. 4, p. 278.

[20] А. Я. Дашков — К. В. Нессельроде, 20 февраля (4 марта) 1819 г.— Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, д. 12189, л. 25.

населением»[21]. Видимость законности обеспечивалась заключением соответствующих «договоров». К концу 1819 г. общий размер «купленных» у индейцев земель составил 191 978 536 акров, а стоимость этих «покупок» — всего 2 542 916 долл.[22]

Американцы, однако, этим не ограничились, и в докладе военного министра Дж. Кэлхупа конгрессу в начале 1823 г. рекомендовалось оттеснение индейцев за Миссисипи. Свое «право» на изгнание индейцев Соединенные Штаты обосновывали многочисленными ссылками на «прогресс цивилизации» и «намерения творца». Именно этим аргументировали, в частности, свою позицию американские уполномоченные в переговорах с «Советом ирокезской нации», когда предложили последнему продать занимаемую ирокезами территорию в пределах штата Джорджия и переселиться за Миссисипи, где США якобы имели «огромные владения». Уполномоченные Соединенных Штатов особо подчеркивали, что президент проявляет к индейцам «доброжелательное отношение отца» и долгом его «детей» является благодарность и послушание. Ссылаясь на малочисленность индейцев и огромный размер занимаемых ими территорий, американские представители утверждали, что в намерения «творца вселенной» не входило наличие такого неравенства между его «белыми и красными детьми»[23].

Ответ ирокезского совета от 20 октября 1823 г. был не лишен горького юмора. Благодаря «отца-президента» за «множество благодеяний», ирокезские вожди обращали внимание, что когда-то они действительно владели обширной страной, но с тех пор «делали уступку за уступкой... чтобы удовлетворить желание своих соседних братьев». Тем не менее страстному желанию «наших братьев» получить землю нет конца, и «для нас было бы неразумным полагать, что небольшая уступка когда-либо удовлетворит их». Ирокезские вожди признавали, что не знают конкретных намерений «верховного творца», но одновременно отмечали, что принцип равного наследования земли между его «детьми» никогда не соблюдался. Если же намерения «верховного творца» действительно таковы, как это представляют «белые братья», то как могло случиться, что «законы цивилизованных и просвещенных наций допускают, чтобы один человек монополизировал больше земли, чем он может обработать»[24].

Если у «белых братьев» отсутствовало преимущество в логике, то они обладали таким веским аргументом, как сила огнестрельного оружия, и это оказывалось решающим, чтобы заставить сомневавшихся индейцев признать справедливость предъявлявшихся требований. Неудивительно поэтому, что территория США непрерывно расширялась и в состав союза один за другим принимались новые штаты: Индиана (11 декабря 1816 г.), Миссисипи (10 декабря 1817 г.), Иллинойс (3 декабря 1818 г.), Алабама (14 декабря 1819 г.), Мэн (15 марта 1820 г.), Миссури (10 августа 1821 г.). С 1820 по 1830 г. население западных штатов возросло с 2217 тыс. до 3700 тыс. Как отмечал Ф. Дж. Тернер,

[21] *Benton T. H.* Thirty Years View or; A History of the Working of the American Government for Thirty Years, from 1820 to 1850: Vol. 1, 2. New York; Boston, 1854—1856, vol. 1, p. 27.
[22] ASP, Public Lands, vol. 3, p. 456.
[23] Ibid., Indian Affairs, vol. 2, p. 463, 467—468.
[24] Ibid., p. 469.

«подъем нового Запада был наиболее значительным фактом американской истории в годы, непосредственно следующие за войной 1812 г.»[25].

Однако то, что означало прогресс для белых американцев, одновременно вело к вытеснению и уничтожению коренных обитателей Северной Америки. По подсчетам современных исследователей, еще в 1820 г. к востоку от Миссисипи проживало 125 тыс. индейцев. К 1844 г. их осталось там менее 30 тыс. и главным образом в районе оз. Верхнее[26]. Новая цивилизация в буквальном смысле строилась на индейских могилах.

2. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДОКТРИНЫ МОНРО 1823 Г.

Важнейшим внешнеполитическим актом правительства Соединенных Штатов в 20-е годы XIX в. стало провозглашение доктрины Монро. Происхождение и основные принципы доктрины были обусловлены не только сложившейся в то время международной обстановкой, но и глубокими процессами, происходившими внутри самих Соединенных Штатов: развитием капитализма, пробуждением американского национализма, формированием экспансионистских идей и т. д.[27]

Испанская колониальная империя, находясь в состоянии глубокого упадка, переживала серьезный кризис. На протяжении ряда лет Испанская Америка была охвачена пламенем национально-освободительного движения, и большинство бывших испанских колоний в западном полушарии (кроме Кубы и Пуэрто-Рико) стали уже независимыми. В Мадриде, однако, не желали считаться с реальным положением, а в прессе упорно циркулировали слухи о подготовке Священным союзом проектов интервенции в Латинскую Америку для восстановления испанского господства. Широкому распространению этих слухов способствовала вооруженная интервенция Франции в целях подавления революционного движения в Испании, предпринятая в 1823 г. по решению Веронского конгресса.

Англия — безраздельная владычица морей и крупнейшая промышленная держава — надеялась овладеть новыми рынками сбыта и расширить свое политическое влияние в западном полушарии. В Лондоне были не прочь втянуть в орбиту своей политики и Соединенные Штаты, тем более что в экономическом отношении молодая республика все еще находилась в зависимости от прежней метрополии. Достаточно сказать, что в 1822 г. 95% ввозимых в США шерстяных и 89% хлопчатобумажных товаров были произведены промышленностью Великобритании. В целом же продукция Англии и ее колоний составляла в 1822 г. 47%, а в

---

[25] *Turner F. J.* Rise of the New West, 1819—1829. N. Y., 1906, p. 67.

[26] *Rogin M. P.* Fathers and Children: Andrew Jackson and the Subjugation of the American Indian. N. Y., 1975, p. 4.

[27] См.: *Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959, с. 8—89. На роль внутренних факторов и предыстории доктрины Монро недавно обратил внимание проф. Э. Мэй. К сожалению, он свел эти факторы почти исключительно к борьбе кандидатов на пост президента на выборах 1824 г. В конечном же счете он был вынужден признать, что «прямое свидетельство связи между внешнеполитическими дебатами и президентским соревнованием остается редким и неясным» (*May E. R.* The Making of the Monroe Doctrine. Cambridge (Mass.) 1975, p. X).

1823 г.— 42% американского импорта. В британском экспорте это составляло примерно шестую часть [28].

Молодая североамериканская нация, развивавшаяся по восходящей линии, ревниво относилась к сохранению и укреплению независимости и одновременно стремилась к расширению своих позиций как в Северной, так и в Южной Америке. Для обоснования преимущественных «прав» Вашингтона в западном полушарии, и прежде всего на континенте Северной Америки, политические деятели Соединенных Штатов неоднократно ссылались на различные аргументы (теория «естественных границ», доктрина «политического тяготения», концепция «американской системы» и т. д.).

Еще в декабре 1813 г. Т. Джефферсон писал немецкому ученому А. Гумбольдту: «Европейские страны образуют отдельную часть земного шара; местоположение делает их частью определенной системы; у них имеется круг собственных интересов, в которые мы никогда не должны вмешиваться; это составляет нашу задачу. Америка располагает своим полушарием. Поэтому у нее своя система интересов, которые не должны быть подчинены интересам Европы» [29].

Теоретические размышления Т. Джефферсона получили практическое развитие в выступлениях спикера палаты представителей Г. Клея. 10 мая 1820 г. он заявил в конгрессе: «В наших силах создать систему, центром которой станут США и в которой с нами будет вся Южная Америка. Особенно выгодно это было бы в отношении торговли; наша страна стала бы местом средоточия мировой торговли... В отношении Южной Америки народ США займет то же положение, которое занимают жители Новой Англии в отношении остальных Соединенных Штатов. Предприимчивость, трудолюбие и экономические навыки дадут нам преимущество в любом возможном соревновании с Южной Америкой» [30]. Исходя из этого Г. Клей призвал своих коллег «стать настоящими, подлинными американцами и возглавить американскую систему» [31].

Следует подчеркнуть, что в Вашингтоне «американской системе», как правило, придавали националистическое, а иногда и явно экспансионистское толкование. На заседании правительства в ноябре 1819 г. государственный секретарь Дж. К. Адамс откровенно заявил, что «мир должен привыкнуть к мысли считать континент Северной Америки нашим законным владением». Адамс полагал, что было бы противоестественным и абсурдным, чтобы разрозненные территории, владельцы которых находятся за морем на расстоянии сотен миль, «существовали бы постоянно, соприкасаясь с великой, могучей и быстро растущей нацией» [32]. В другой раз, в беседе с португальским посланником в 1821 г., Дж. К. Адамс заметил: «Что касается американской системы, то мы имеем ее, мы составляем эту систему, между Северной и Южной Америкой нет общности интересов или принципов» [33]. Отражая настроения влиятельных кругов общественности Новой Англии, редактор «Норт Американ ревью»

---

[28] *Dangerfield G.* The Era of Good Feelings, p. 283; *Pitkin T.* A Statistical View of the Commerce of the United States of America. New Haven, 1835, p. 183 etc.
[29] The Writings of Thomas Jefferson, vol. 14, p. 22.
[30] Annals of Congress, 16th Congress, 1st Session, p. 2226, 2227.
[31] Ibid., p. 2228.
[32] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 4, p. 438—439.
[33] Ibid., vol. 5, p. 76.

Эдуард Эверетт писал, что Южная Америка станет для Соединенных Штатов тем, «чем Азия и Африка являются для Европы» [34].

Доктрина Монро, однако, не только отражала эволюцию националистических и экспансионистских идей, но и являлась результатом конкретных причин и обстоятельств, сложившихся в 1823 г.

За абстрактными принципами скрывались вполне реальные практические интересы. Бумаги Дж. К. Адамса в Массачусетском историческом обществе, переписка Дж. Монро в Нью-Йоркской публичной библиотеке и материалы Национального архива в Вашингтоне свидетельствуют о наличии прямой связи между интересами купцов и судовладельцев Новой Англии и выдвижением в июле 1823 г. знаменитого «принципа неколонизации» [35]. Показательно, что поводом для формулировки «принципа неколонизации» послужило обращение богатого бостонского купца У. Стургиса и сенатора Дж. Ллойда (штат Массачусетс). Именно в ответном письме Ллойду 15 июля и два дня спустя в беседе с российским посланником бароном Ф. В. Тейлем Дж. К. Адамс выдвинул принцип, что «американские континенты не должны быть впредь открытыми для создания новых европейских колоний» [36].

Позднее, представляя президенту записку о деятельности госдепартамента в связи с подготовкой годичного послания конгрессу, Дж. К. Адамс писал, что «американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое сохранили, не должны впредь рассматриваться в качестве объектов для будущей колонизации любой европейской державой» [37]. С самыми незначительными редакционными изменениями президент Монро включил «принцип неколонизации» в текст своего знаменитого послания конгрессу 2 декабря 1823 г. (§ 7) [38]. Два других важных абзаца президентского послания (§ 48 и § 49), известных позднее как «доктрина Монро», получили окончательное оформление в результате обсуждения ответов на предложения британского министра иностранных дел Дж. Каннинга о совместных действиях США и Англии в испано-американском вопросе в связи со слухами об угрозе интервенции Священного союза (август 1823 г.), а также сообщений Тейля об отказе России принять представителя Колумбии и принципах политики союзных держав в Европе. Решения правительства по этим вопросам должны были, по мысли Дж. К. Адамса, составлять единую «комбинированную систему политики» [39].

В ходе дискуссии на заседаниях американского правительства в ноябре 1823 г. выявились две противоположные точки зрения. Большинство кабинета, в том числе военный министр Кэлхун и президент Монро, считали интервенцию Священного союза в Южную Америку возможной и

[34] North American Review, 1821, Apr., p. 432—443.

[35] *Bolkhovitinov N. N.* Russia and the Declaration of the Non-Colonization Principle: New Archival Evidence.— Oregon Historical Quarterly, 1971, Jun., vol. 72, N 2, p. 101—126.

[36] Massachusetts Historical Society, The Adams Papers, J. Q. Adams Letter-book 22, p. 240—242 (private); Memoirs of John Quincy Adams, vol. 6, p. 163.

[37] New York Public Library, The Monroe Papers, Minute of Subjects with reference to the Department of State for the Consideration of Congress, [17] Nov. 1823.

[38] Полный текст послания президента Монро приводится в протоколах конгресса (Annals of Congress, 18th Congress, 1st Session, p. 12—24), а также в публикации Дж. Ричардсона (A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 2, p. 207—220).

[39] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 6, p. 179.

Minute [17] Novr 1823.

Of Subjects with reference to the Department of State, for the Consideration
of Congress

The amicable relations subsisting between the United States and Foreign
Powers at the close of the last Session of Congress have undergone no unfavourable
change

The Ministers then recently appointed to the Republics of Colombia, and of Buenos
-Ayres and to Spain shortly afterwards proceeded to their respective destinations - Of the
former two the intelligence of their arrival at Bogota, and Buenos Ayres is to be daily
expected - The passage of the Minister to Spain was arrested by the Commanders of the
Naval and Land Forces at that time besieging Cadiz, the place where the Sovereign to whom
he was accredited had his Residence - This obstruction to the progress of a Minister of
Peace, the sole object of whose Mission was to entertain the friendly Relations of Peace and to
promote the pacific intercourse between two Sovereign States was an infringement upon the
Rights of Ambassadors, giving occasion to just representations to the Government of France
by whose Officers it was committed - The changes which have since occurred in Spain
have removed the obstacles to the access of the Minister of the United States to the Seat of
her Government and the person of her Sovereign

In compliance with a Resolution of the House of Representatives, adopted at their last
Session, Instructions have been given to all the Ministers of the United States accredited to the
+ Powers of Europe and America, to propose the several proscriptions of the African Slave Trade
by classing the crime under the denomination, and inflicting upon its perpetrators the punish-
-ment of Piracy.

At the proposal of the Russian Imperial Government, made through the Emperor's Minister
residing here, a full Power and Instruction have been transmitted to the Minister of the United States
at St Petersburg, to negotiate an arrangement of the respective rights and interests of the two Nations
on the North West Coast of this Continent, and its adjoining Seas. A similar proposal had been made by
His Imperial Majesty to the Government of Great Britain, whose Ambassador in Russia, has in compliance
therewith been furnished with Powers for the arrangement of the interests of Great Britain in the same
regions - In acceding to this friendly course of proceeding the Government of the United States have
been desirous of manifesting the great value which they have invariably attached to the Friendship of
His Imperial Majesty and their unabated solicitude to cherish and cultivate the most harmonious inter-
-course with his Government - In the discussions to which this interest has given rise, and in the
arrangements by which they may terminate, the occasion has been judged proper for ~~announcing to the
world~~ asserting as a principle in which the rights and interests of the People of the United States
are equally involved, that the American Continents, by the free and independent condition
which they have assumed and maintain, are henceforth not to be considered as subjects for future
Colonization by any European Power

ИЗ ЗАПИСКИ ДЖ. К. АДАМСА С ФОРМУЛИРОВКОЙ «ПРИНЦИПА НЕКОЛОНИЗАЦИИ» В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ ПОСЛАНИЯ ДЖ. МОНРО КОНГРЕССУ ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1823 Г.

(New York Public Library, The Monroe Papers. Автограф Дж. К. Адамса)

склонялись к принятию предложений Дж. Каннинга. Другая точка зрения последовательно защищалась влиятельным и хорошо осведомленным о действительном положении вещей государственным секретарем Дж. К. Адамсом, который обстоятельно вскрыл смысл и цели предложений Дж. Каннинга.

Дж. К. Адамс понимал, что реальной угрозы интервенции Священного союза не существовало. По его собственным словам, возможность восстановления испанского господства на Американском континенте была такой же реальной, как предположение, что Чимборасо провалится в океан[40]. В то же время Адамс полагал, что если Великобритания одна «оградит» молодые южноамериканские государства от интервенции Священного союза, а Соединенные Штаты останутся в стороне, то Англия получит огромные торговые преимущества и бывшие владения Испании станут в действительности колониями Англии[41]. 7 ноября 1823 г. Адамс предложил самостоятельно заявить европейским державам о принципах, разделяемых США, а не «выступать в роли судовой шлюпки в кильватере британского военного корабля»[42]. По мнению Адамса, Дж. Каннинг стремился предотвратить территориальное расширение США, связав их обязательством не присоединять бывшие испанские колонии. В конце концов точка зрения Адамса победила, и «комбинированная система политики», нашедшая выражение в послании президента Монро конгрессу 2 декабря 1823 г., стала соответствовать взглядам государственного секретаря[43].

Одним из центральных принципов послания стала идея о разделении мира на европейскую и американскую системы. «...Мы будем рассматривать любую попытку с их стороны (европейских держав — участниц Священного союза.— *Авт.*) распространить свою систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия и безопасности». Предпринять такую попытку, по словам президентского послания, было невозможно, «не ставя под угрозу наш мир и счастье». С другой стороны, президент подтверждал, что в отношении Европы США придерживаются политики невмешательства во внутренние дела любой державы, а в борьбе бывших испанских колоний против метрополии — нейтралитета.

При оценке характера доктрины Монро американские историки, как правило, исходили главным образом из отношений США со странами Европы. В этом случае на первое место выдвигались положительные, прогрессивные моменты. Противопоставление буржуазной доктрины Монро (идей невмешательства и запрещения дальнейшей колонизации американских континентов европейскими державами) реакционным прин-

---

[40] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 6, p. 185, 186. Как свидетельствовал английский поверенный в делах в Вашингтоне Г. Аддингтон, «даже простую декларацию европейских монархов» Дж. К. Адамс расценивал «как мертвую букву, а что касается активного и реального вмешательства», то, по мнению государственного секретаря, «сама эта идея слишком абсурдна», чтобы в Европе ее могли одобрить «даже на мгновение» (Hispanic American Historical Review, 1957, Nov., vol. 37, N 4, p. 485).

[41] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 6, p. 208.

[42] Ibid., p. 174.

[43] Подробнее см.: *Perkins D.* The Monroe Doctrine, 1823—1826. Cambridge (Mass.), 1927, p. 70—103; *Bemis S. F.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N. Y., 1949, p. 363—408.

ципам легитимизма, «праву» интервенции с целью восстановления власти «законного монарха», разделявшимися лидерами Священного союза, вообще говоря, правильно и вполне закономерно. Но это только одна сторона вопроса. Суть доктрины Монро и ее «двойное дно» раскрывались не столько в отношениях США с системой европейских стран, и в частности с Россией и Великобританией, сколько в политике Вашингтона в пределах западного полушария. Возражая против дальнейшей колонизации западного полушария, купцы, судовладельцы и промышленники Новой Англии выступали против колониальной монополии европейских стран, против барьеров для американской торговли и мореплавания, в интересах укрепления и расширения собственных позиций и влияния в этом регионе. В результате «принцип неколонизации» стал в дальнейшем орудием создания колониальной сферы самих США.

Принципы доктрины Монро получили отражение не только в тексте послания президента, но и в ряде дипломатических документов. Одним из таких документов был конфиденциальный меморандум, переданный Дж. К. Адамсом барону Тейлю 27 ноября 1823 г.

Царскому посланнику было не очень приятно выслушивать пространную лекцию о преимуществах республиканских учреждений, праве нации самой определять свою судьбу, разделении мира на две системы (европейскую и американскую) и т. п. Особенно же ему не хотелось пересылать подобный документ в Петербург. Поэтому 29 ноября 1823 г. Тейль отправился к государственному секретарю с просьбой смягчить некоторые выражения. Со своей стороны российский дипломат заверил государственного секретаря в дружественном расположении императора и в отсутствии у того каких-либо враждебных намерений. Даже простое сомнение по этому поводу может создать у императорского правительства впечатление, что посланник не сделал всего необходимого для передачи соответствующих чувств [44].

Лишь 11 декабря 1823 г. Ф. В. Тейль смог наконец отправить в Петербург исправленный «дипломатический документ», который был ему «конфиденциальным образом» передан государственным секретарем [45]. «Нейтралитет Европы,—указывалось в американском меморандуме,— был одним из оснований, учитывая которые, Соединенные Штаты приняли решение признать независимость Южной Америки; они считали и продолжают считать, что от этого нейтралитета европейские страны не могут на законных основаниях отойти». Государственный секретарь отмечал далее, что Россия является одной из тех европейских стран, с которыми Соединенные Штаты поддерживали самые дружественные и взаимовыгодные связи. Хорошие взаимоотношения не прекращались, несмотря на все превратности войны и революции. Заверив, что США будут придерживаться нейтралитета в борьбе между новыми государствами и их метрополией так долго, как будут сохранять нейтралитет европейские страны, Дж. К. Адамс сообщал, что президент желает понять общую декларацию принципов в отношении подавления революции в том смысле, что сфера их действия ограничена Европой и не предназначена для распространения на Соединенные Штаты или какую-либо часть западного полушария.

---

[44] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 6, p. 221—222.
[45] АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, л. 63—66.

Особое значение имела заключительная часть конфиденциальной ноты: «Соединенные Штаты и их правительство не могли бы с безразличием относиться к вооруженному вмешательству любой европейской страны, кроме Испании, ни для восстановления господства метрополии над ее освобожденными колониями в Америке, ни для учреждения монархических правительств в этих странах, ни для перехода любого из владений в американском полушарии, в настоящее время или ранее принадлежавшего Испании, к какой-либо другой европейской державе». В данном отрывке был сформулирован известный «принцип неперехода» (no-transfer principle). В текст послания Монро этот принцип не вошел. Однако, составляя часть «комбинированной системы», он тем самым объединен в одно целое в политике, которая нашла выражение в доктрине Монро. Последующая практика показала, что этот принцип ассоциировался в представлении государственных деятелей Соединенных Штатов с доктриной [46].

Анализируя текст годичного послания Дж. Монро конгрессу, Тейль в шифрованном донесении из Вашингтона отмечал «резкое различие» (une différence prononcée) между «тоном конфиденциальной американской ноты» и «стилем послания президента» 2 декабря 1823 г. «Примечательно, что г-н Адамс вновь передал мне первый из этих документов, помеченный, как и прежде, его старой датой 27 ноября и подвергнутый существенным изменениям (modifications essentielles) вследствие моих замечаний после появления послания». По мнению царского дипломата, как в первом, так и во втором документе правительство Соединенных Штатов проявило «чувство предпочтения» (un sentiment de préférence) к русскому императору [47].

Объясняя позднее цели своих действий, Дж. К. Адамс отмечал, что Александру I было легче пойти на уступки Соединенным Штатам, в частности отказаться от сентябрьского указа 1821 г. о статусе и границах русских владений на Тихоокеанском севере, учитывая твердую позицию, занятую Вашингтоном в отношении Великобритании, и особенно неприемлемость для нее принципа «неколонизации» [48].

Для понимания общего характера принципов доктрины Монро важно учитывать не только три разрозненных параграфа, относящихся к внешней политике, но и текст президентского послания в целом. Весьма показательно, в частности, что в тексте послания содержался призыв к укреплению системы протекционизма. Подтверждая стремление к поощрению американской промышленности, президент рекомендовал пересмотреть тариф в целях дополнительного ограждения тех видов продукции, которые США готовятся производить или которые связаны с обороной или независимостью страны. Новый протекционистский тариф, существен-

---

[46] *Perkins D.* A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1963, p. 155—161, 354 etc.; *Logan J. A., Jr.* No Transfer: An American Security Principle. New Haven, 1961.

[47] Ф. В. Тейль — К. В. Нессельроде, 9(21) декабря 1823 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 12213, л. 95.

[48] Дж. К. Адамс — Р. Рашу, 17 сентября 1831 г.— Pacific Historical Review, 1979, Aug., vol. 48, N 3, p. 414, 417. Примерно аналогичные соображения позднее высказывал и Дж. Кэлхун, отмечавший, что декларация о колонизации явилась делом рук Дж. К. Адамса и была направлена «против Англии, как и против России», причем в отношении первой «в такой степени, что она отказалась сотрудничать с нами» в урегулировании противоречий на Северо-Западе. См.: The New York Daily Tribune, 1859, Dec. 21.

но повысивший пошлины на ввозимые товары, был принят конгрессом уже весной 1824 г. Националистические идеи в сфере внешней политики сочетались тем самым с укреплением системы протекционализма внутри Соединенных Штатов.

Еще более важно обратить внимание на заключительную часть послания, где рост могущества и благосостояния Соединенных Штатов прямо связывался с экспансией. «В первое время,— указывалось в послании,— половина территории в пределах наших признанных границ была необитаемой и дикой. С тех пор была присоединена новая территория огромных размеров, охватывающая много рек, в частности Миссисипи, навигация по которой к океану имела колоссальное значение для первоначальных штатов. По всей этой территории наше население расширялось во всех направлениях, и образовались новые штаты в количестве, почти равном числу тех, которые составили первый костяк нашего Союза. Эта экспансия нашего населения и присоединение новых штатов оказали счастливейшее влияние на все высшие интересы Союза, что в огромной мере увеличило наши ресурсы и прибавило нам силу и достоинство державы, признанной всеми» [49].

Хотя в целом доктрина Монро была сложным и противоречивым явлением, главной в ней в конечном итоге оказалась тенденция к национализму и экспансии, к укреплению и расширению самостоятельных позиций Соединенных Штатов в западном полушарии. Неудивительно поэтому, что в будущем ее принципы в первую очередь использовались не для защиты, а против стран Латинской Америки, а также против Великобритании и других европейских стран, как конкурентов Соединенных Штатов в борьбе за влияние в западном полушарии. Туманный характер формулировок и сама форма доктрины, провозглашенной в виде послания президента конгрессу и не оформленной даже в качестве обыкновенного законодательного акта, позволили правительству Соединенных Штатов в каждом конкретном случае приспосабливать доктрину к менявшейся исторической обстановке.

3. РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ КОНВЕНЦИИ И ДОГОВОРЫ

Как только известие о послании президента Монро от 2 декабря 1823 г. пришло в Европу, британский министр иностранных дел Дж. Каннинг поспешил заявить, что оно направлено главным образом против России. Попытка британского министра возбудить недовольство Петербурга успеха не имела, но получила развитие в трудах ряда западных историков. В литературе отмечалось также, что Россия, заключив конвенцию от 5(17) апреля 1824 г., отступила перед лицом объединенных действий США и Англии и в результате провозглашения доктрины Монро [50].

Изучение документальных материалов не подтвердило подобных утверждений. Более того, совместные действия США и Англии в перегово-

---

[49] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 2, p. 219—220.

[50] Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 2(14) января 1824 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 6931, л. 68; *Temperley H.* The Foreign Policy of Canning, 1822—1827. L., 1925, p. 104; *Окунь С. Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939, с. 82.

рах с Россией по урегулированию противоречий на Северо-Западе Америки намечались до провозглашения доктрины Монро, но после того как Дж. Каннинг узнал о выдвижении Соединенными Штатами «принципа неколонизации», он решительно отказался действовать совместно с американцами. Совсем иной оказалась реакция руководителя ведомства иностранных дел России К. В. Нессельроде, который уже в самом начале переговоров с американским посланником в Петербурге Г. Миддлтоном предложил не касаться абстрактных принципов, а перенести дискуссию в сферу действительных фактов и урегулировать разногласия на наиболее приемлемой для «взаимных интересов почве» [51].

Окончательные условия конвенции, согласованной во время переговоров Г. Миддлтона с К. В. Нессельроде и П. И. Полетикой весной 1824 г., отражали общую умеренную и примирительную позицию правительства России. Известно, что указом 1821 г. южная граница российских владений в Северной Америке расширялась вплоть до 51-й параллели. В соответствии с инструкциями Дж. К. Адамса Миддлтон настаивал на 55-й параллели. Нессельроде согласился на установлении границы по 54°40′ с. ш., что обеспечивало удержание за Россией о-ва Принца Уэльского.

Особенно настойчиво американский представитель добивался свободы торговли и рыбной ловли у северо-западных берегов Америки. И в этом вопросе, стремясь к сохранению дружественных отношений с Соединенными Штатами, Россия пошла на уступки, согласившись на установление взаимной свободы торговли и навигации на Северо-Западе Америки сроком на 10 лет (одновременно предусматривалось запрещение торговли спиртными напитками, огнестрельным оружием, порохом и т. п.) [52].

Пересылая ратифицированный текст конвенции в Вашингтон, К. В. Нессельроде в письме Ф. В. Тейлю 20 мая (1 июня) 1824 г. утверждал, что это соглашение закрепляет границы российских владений в Северной Америке и даже распространяет их за первоначальные пределы. С другой стороны, в кругах Российско-американской компании (РАК) конвенция с Соединенными Штатами вызвала крайнее неудовольствие. Последовали многочисленные записки и протесты, в которых, в частности, указывалось, что разрешение американским купцам и зверопромышленникам торговать в российских владениях грозит компании самыми тяжелыми последствиями. По словам директоров РАК, «дозволенное совместничество иностранцев» менее, «нежели в десять лет», не только разорит компанию, но и лишит российское государство «обильного источника богатства, открытого предприимчивостью, трудами и пожертвованиями его подданных, из которого в течение столетия отдаленный и суровый край почерпал жизнь и силу».

Руководство РАК писало: «В калитку невозможно провезти того, что провозится в ворота». Получив свободный доступ в российские владения, американские торговцы будут сами «промышлять» и ловить зверей, а также «предпочтительно от самих коренных жителей приобретать все то, что они получают от компании... Должно только вообразить, что се-

---

[51] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения, 1815—1832, с. 262—265 и др.

[52] Полное собрание законов Российской империи, собрание 1-е. СПб., 1830, т. XXXIX, с. 252—253.

ления наши не составляют более двух тысяч жителей, в том числе до 500 русских, рассеянных на пространстве нескольких тысяч верст, и тогда откроется, сильны ли они противустать совместничеству предприимчивых, богатых капиталами и многочисленных американских купцов, издавна стремящихся к разрушению нашей компании...» [53].

Протесты РАК практических результатов не дали. Сторонники расширения русского влияния в бассейне Тихого океана и Северной Америки (Н. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов и др.) к этому времени уже утратили прежние позиции, а в политике России на Северо-Западе Америки к концу первой четверти XIX в. возобладали консервативные и охранительные тенденции, выразителем которых был К. В. Нессельроде.

Мнение главы ведомства иностранных дел в конечном итоге оказалось решающим, и это исключило возможность для компании добиться пересмотра условий конвенции с США и аналогичного соглашения с Великобританией. Представляя императору осенью 1826 г. повторные жалобы компании, К. В. Нессельроде писал: «Многие их предложения, как, например, конфискация кораблей с грузом, осмотр их в море не в военное время и купеческими судами, противны и общему праву, и точным условиям договоров с Англией и Америкой». По заключению министра, высказываемые компанией опасения противоречили ее собственным интересам и «достоинству двора нашего» [54].

Что касается Соединенных Штатов, то там не скрывали своего удовлетворения заключенным соглашением с Россией. Как отмечал президент Монро, договор относительно Северо-Западного побережья и Тихого океана предоставляет США все, о чем они могли бы просить или желать [55].

Успешными для Соединенных Штатов в конечном итоге оказались и длительные переговоры о заключении торгового договора с Россией. Следует отметить, что на заключительном этапе их успеху способствовали умелые действия американского посланника Дж. Бьюкенена, который вскоре после прибытия в Петербург летом 1832 г. сумел установить близкие и доверительные отношения с К. В. Нессельроде и Николаем I.

В инструкциях госдепартамента о заключении торгового договора с Россией отмечалось, что такое соглашение было бы крайне выгодно для Соединенных Штатов. Дж. Бьюкенен, однако, с момента начала переговоров строил свою аргументацию на доказательстве выгодности тех или иных условий договора для русской стороны. Так, чтобы убедить своих собеседников в выгодах и значении торговых связей между Россией и США, Бьюкенен познакомил К. В. Нессельроде и Ф. И. Бруннова с таблицей экспорта российских промышленных товаров на американских судах из Петербурга, составленной американским генеральным консулом А. П. Гибсоном. Из таблицы следовало, что за последние шесть лет (1826—1831 г.) на долю американских кораблей приходилось более $^{2}/_{3}$ экспорта таких товаров, как пенька, парусина и пр. За тот же период на американских кораблях было вывезено 2657 тыс. пудов полосового же-

---

[53] Записка РАК Е. Ф. Канкрину от 12(24) июля 1824 г., подписанная М. Булдаковым, А. Севериным, И. Прокофьевым и К. Рылеевым.— АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1826 г., д. 2995, л. 75—81.

[54] К. В. Нессельроде — Николаю I, 27 октября (8 ноября) 1826 г.— АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1826 г., д. 2995, л. 179—180. См. также л. 192—199 (мемуар Д. Блудова).

[55] The Writings of James Monroe, vol. 7, p. 41, 42.

леза (bar iron), что составило более половины общего экспорта железа из Петербурга (4559 тыс. пудов) [56].

Наконец, чтобы преодолеть последние проволочки и затруднения, Бьюкенен, предложил приурочить подписание договора к именинам Николая Павловича. Многоопытному в подобных делах Нессельроде эта идея понравилась, и подписание договора состоялось 6(18) декабря 1832 г.

В соответствии со ст. 1 торговля и мореплавание между владениями обеих сторон объявлялись свободными и основанными на взаимности. Жителям обеих стран разрешалось торговать во всех местах, где допускалась иностранная торговля. Предусматривалось свободное ведение дел «с тем, однако же, что они подчинены будут существующим там законам и учреждениям». Ст. 2 предусматривала распространение преимуществ, которые одна из сторон предоставит в области торговли и навигации какой-либо нации, на другую договаривающуюся сторону. Что касается общей таможенной политики каждой из договаривающихся сторон, то она оставалась вполне автономной и условиями договора не затрагивалась. «Всякий товар и предметы торговли,— гласила ст. 3,— которые могут быть законно привозимыми в гавани Российской империи и на российских судах, будет дозволено привозить также и на судах Американских Штатов, с платежом только таких пошлин или сборов, которые под каким бы ни было видом или названием взиматься будут... с таких же товаров или предметов торговли, привезенных на российских судах». Аналогичное условие распространялось «во взаимство» и на товары, привозимые в США на российских судах.

Каждой из договаривающихся сторон предоставлялось право иметь «консулов, вице-консулов, агентов и комиссаров по своему выбору с тем, что они пользоваться будут такими же правами и преимуществами, какими пользуются определенные в сих званиях от наиболее благоприятствуемых правительств» (ст. 8). Особо оговаривалось (ст. 9), что «помянутые консулы, вице-консулы или торговые агенты будут вправе требовать от местных начальств помощи для отыскания, взятия под стражу, задержания и заключения в тюрьму дезертиров с военных и купеческих судов, принадлежащих государству, таковых агентов определившему» [57].

Оценивая значение подписанного в декабре 1832 г. договора между Россией и Соединенными Штатами, следует подчеркнуть, что Бьюкенену удалось добиться включения в текст соглашения принципа наибольшего благоприятствования, который стал официальной основой для всего последующего развития русско-американских торговых связей в XIX в. Россия практически не имела специальных торговых соглашений с другими странами, если не считать ее ближайших соседей — Пруссии и Швеции. Договор с США был, таким образом, лишь третьим актом подобного рода, и это обстоятельство не могло не придать ему в глазах современников дополнительный смысл и значение.

Кроме того, могущественная Россия представляла собой в то время более важного, чем США, политического партнера. Не случайно поэтому сенатор Томас Бентон в качестве одной из заслуг администрации Э. Джексона указал на подписание «важного договора с великой держа-

---

[56] National Archives (NA), Record Group (RG), Diplomatic Despatches, Russia, vol. 12, N 9, Doc. C.

[57] Сборник торговых договоров, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1912, с. 461—467.

вой». Заключение «давно желанного договора» было, по отзыву сенатора, крупным событием для Соединенных Штатов. И хотя ничего существенного не было добавлено к тем привилегиям, которыми на практике пользовались американцы в России, факт подписания договора придал ту стабильность и уверенность в их сохранении, которые столь необходимы в торговых делах [58].

Президент Э. Джексон в годичном послании конгрессу отметил, что «дружественные отношения, которые всегда поддерживались между Соединенными Штатами и Россией, получили дальнейшее развитие и были закреплены договором от 6(18) декабря прошлого года...». Благодаря либеральным условиям этого договора будет развиваться процветавшая и увеличившаяся торговля, что, в свою очередь, «придает новые мотивы той взаимной дружбе, которую обе страны до сих пор питали в отношении друг друга» [59].

Пересылая российскому поверенному в делах в Вашингтоне К. Ф. Сакену текст только что подписанного договора, глава ведомства иностранных дел выражал надежду, что этот акт, несомненно, окажет благоприятное влияние на отношения между Россией и Соединенными Штатами и что жители обеих стран смогут отныне с возросшим рвением заниматься торговыми делами [60].

Хотя в этих оценках имелось известное преувеличение, в целом торговые связи между Россией и США развивались более или менее успешно. «Мы практически располагаем монополией на торговлю сахаром, потребляемой во всей этой империи...— с гордостью сообщал из Петербурга Дж. Бьюкенен летом 1833 г.— За последний год только этого товара на наших судах в Россию привезено 37 370 818 фунтов» [61]. Крупнейшим американским торговцем в Петербурге в 20—30-х годах XIX в. оставался Дж. Д. Льюис из Филадельфии. Лишь в 1832 г. на имя Льюиса было привезено товаров на сумму в 10 369 636 руб.[62] Активной коммерческой деятельностью в России занимался также У. Роупс, учредивший в 1832 г. новый американский торговый дом в Петербурге [63].

По своему характеру торговля США с Россией была «треугольной»: американские корабли сначала привозили на о-в Куба продовольственные и промышленные товары, затем грузились кубинским сахаром и отправлялись в далекий Петербург, откуда возвращались домой с ценным грузом полотен, пеньки и железа. В среднем в 1827—1839 гг. из Америки в Россию доставлялось товаров на 20 447 тыс. руб. ассигнациями, в том числе сахара 912,2 тыс. пудов (на 16695,7 тыс. руб.), кофе 36,3 тыс. пудов (1174,2 тыс. руб.), красильного дерева на 1174,9 тыс. руб. и т. д. С другой стороны, в США шло более половины всего экспорта русского парусного полотна и равендука, более $^2/_3$ фламского полотна (96,9 тыс.

[58] *Benton Th.* Op. cit., vol. 1, p. 605—606.
[59] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 3, p. 1241.
[60] К. В. Нессельроде — К. Ф. Сакену, 8(20) декабря 1832 г.— АВПР, ф Посольство в Вашингтоне, оп. 512/3, д. 37, л. 182, 201.
[61] The Works of J. Buchanan: Vol 1—12 / Ed. by J. B. Moore. Philadelphia, 1908—1911, vol. 2, p. 377.
[62] Государственная внешняя торговля 1832 года... («Реэстр о именных купцах»). Многочисленные документальные материалы о деятельности Дж. Д. Льюиса в Петербурге сохранились в его бумагах в историческом обществе Пенсильвании. См.: Historical Society of Pennsylvania, Lewis — Neilson Papers.
[63] *Kirchner W.* Studies in Russian-American Commerce, 1820—1860. Leiden, 1975, p. 192—197.

кусков на 3412,3 тыс. руб.), а также существенное количество пеньки (199,2 тыс. пудов) и железа (358,8 тыс. пудов) [64].

В эпоху парусного флота сотни американских судов, бороздивших океан, строились с использованием уральского железа, высококачественной русской пеньки и парусины. Конечно, американцы умели выращивать лен, изготовлять пеньку, выплавлять сталь и чугун, но их качество, по многим авторитетным отзывам, уступало аналогичным товарам из России. Не случайно поэтому опытные американские моряки предпочитали употреблять морские снасти из русской пеньки, даже если она обходилась в 2 раза дороже отечественной, кентуккской.

В целом, однако, объем и значение торговых связей между Россией и США не следует преувеличивать. Вывоз товаров в Америку в 30-е годы держался в среднем на уровне 4% российского экспорта, а ввоз из Америки (включая колониальные товары) составлял примерно десятую часть привозимых в Россию иностранных товаров. Введение железных цепей вместо канатов и выделка парусов из хлопчатобумажной ткани вели к серьезному уменьшению спроса на русскую пеньку. Все более усиливалась и конкуренция американского зерна на европейских рынках.

Таким образом, в долгосрочном плане в связи с окончанием эпохи парусного флота возможности для торговых связей между обеими странами становились менее благоприятными. Лишь хлопок из Соединенных Штатов пользовался всевозраставшим спросом развивавшейся текстильной промышленности в России, и неудивительно, что вскоре он стал главной и почти исключительной статьей американского экспорта [65].

Наряду с торговыми связями важную роль в отношениях обеих стран играли общие интересы в защите свободы нейтрального мореплавания, восходившие еще к декларации Екатерины II о вооруженном нейтралитете 1780 г. Почти одновременно с провозглашением доктрины Монро в декабре 1823 г. американский посланник в Петербурге Г. Миддлтон представил на рассмотрение российского правительства предложение о заключении морской конвенции. Проект соглашения объединял все важнейшие принципы вооруженного нейтралитета, запрещал захват торговых судов воюющих держав и предусматривал отмену каперства [66].

Хотя царское правительство вполне благожелательно относилось к содержанию предложенного соглашения, тем не менее оно обратило внимание, что принципы, лежавшие в основе американского проекта, могут быть проведены в жизнь только в результате согласия всех других морских держав. Не желая действовать сепаратно, правительство России запросило в феврале 1824 г. мнение других великих держав, оговорив при этом, что не хочет оказывать на них никакого давления. Не удалось Соединенным Штатам склонить Россию к заключению морской конвен-

---

[64] Материалы к пересмотру русско-американского торгового договора. СПб., 1912, вып. 2, с. 4, 6.

[65] По официальным данным, экспорт США в Россию в 1848 г. составил 1 135 501 долл., из которых на долю хлопка приходилось 852 198 долл. В 1859 г. соответственно — 5 650 423 и 5 432 422 долл. Как сообщал 28 октября 1859 г. американский консул в Москве Ф. Клакстон, весь хлопок, который потреблялся в центральном промышленном районе России, поставлялся из Соединенных Штатов. См.: *Kirchner W.* Op. cit., p. 46, 162—163; NA, RG 59, Despatches from the United States Consuls in Moscow, 1857—1906, vol. 1.

[66] Г. Миддлтон — К. В. Нессельроде, 5 декабря 1823 г.— NA, RG 59, Diplomatic Despatches, Russia, vol. 10, N 34, Inc. A.

ции и в дальнейшем, в частности во время пребывания в Петербурге Дж. Рэндолфа в 1830 г. и Дж. Бьюкенена в 1832—1833 гг. Решающим фактором всякий раз оказывалась отрицательная позиция Великобритании.

Благоприятные условия для заключения формального соглашения между Россией и США возникли лишь много позже, уже в годы Крымской войны 1853—1856 гг. Соответственно государственный секретарь США У. Дж. Марси предложил российскому посланнику в Вашингтоне Э. А. Стеклю в апреле 1854 г. заключить морскую конвенцию, которая подтвердила бы, что (1) флаг покрывает товар (т. е. груз, принадлежащий гражданам воюющей стороны, не подлежит захвату, если находится на нейтральном судне) и (2) нейтральная собственность на борту корабля воюющей стороны освобождается от конфискации (разумеется, исключая военную контрабанду). Инструктируя американского посланника в Петербурге Т. Сеймура, Марси отмечал, что конвенция с Россией получит достаточную поддержку других государств, и эти положения станут постоянными принципами международного права [67].

Петербург сразу же ответил согласием, и 10(22) июля 1854 г. У. Марси и Э. А. Стекль официально подписали конвенцию о правах нейтральных держав на море [68]. Как в России, так и в США морская конвенция была встречена с большим удовлетворением. «Все газеты без различия партийной принадлежности, — свидетельствовал Стекль, — говорят о выгодах, которые должны последовать за этим соглашением» [69].

В Соединенных Штатах понимали, что у обеих держав общий соперник. Именно поэтому отношения с Россией, несмотря на противоречия и различия в политических системах, все эти годы продолжали оставаться благожелательными. Всю выгоду таких отношений США ощутили уже позднее, в годы гражданской войны 1861—1865 гг., когда позиция России стала важным фактором, противодействовавшим попыткам иностранного вмешательства в конфликт между Севером и Югом.

4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСПУБЛИКАНЦЫ У ВЛАСТИ

За внешним благополучием «эры доброго согласия» в Соединенных Штатах все явственнее проглядывало глухое недовольство трудящихся масс. «Общее недовольство правительством, не сконцентрированное в каком-либо определенном направлении... повсюду ищет руководителя...» — записал в дневнике Дж. К. Адамс [70]. В рядах правящей республиканской партии, представлявшей собой блок плантаторов-рабовладельцев Юга с частью буржуазии Севера, опиравшийся в известной мере на поддержку фермеров Запада, появились симптомы распада. Противоречивые интересы отдельных районов и классов перерастали рамки старой республиканской партии.

---

[67] У. Марси — Э. А. Стеклю, 14 апреля 1854 г.; У. Марси — Т. Сеймуру, 9 мая 1854 г.— NA, RG 59, Diplomatic Instructions, vol. 14; *Dowty A.* The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War. N. Y., 1971, p. 78—79.

[68] Documents on Russian-American Relations... / Ed. by S. S. Jados. Wash., 1965, p. 14—15.

[69] Э. А. Стекль — К. В. Нессельроде, 19(31) июля 1854 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1854 г., д. 167, л. 252—253.

[70] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 5, p. 128.

Серьезное недовольство в стране вызывала антидемократическая система кокуса, в соответствии с которой окончательный выбор между соперничавшими кандидатами принадлежал членам конгресса, собиравшимся на партийный съезд. С решительным протестом против подобной системы, как противоречащей духу конституции и свободе американского народа, выступил, в частности, штат Теннесси. Хотя 14 февраля 1824 г. кокус все же собрался, на нем присутствовала лишь небольшая часть республиканских конгрессменов. Официальным кандидатом на пост президента от республиканской партии стал министр финансов У. Крауфорд, но практического значения это не имело [71]. Еще ранее законодательное собрание Теннесси выдвинуло кандидатуру генерала Э. Джексона, а Массачусетс поддержал государственного секретаря Дж. К. Адамса. В западных штатах Кентукки, Огайо и Миссури кандидатом в президенты был выдвинут спикер палаты представителей Г. Клей. Еще один претендент — военный министр Дж. Кэлхун, которого выдвинула Южная Каролина, в конечном итоге решил не рисковать и согласился баллотироваться на пост вице-президента, где успех ему был фактически гарантирован.

Ни одному из кандидатов на пост президента не удалось собрать необходимого большинства. На выборах 1824 г. Э. Джексон получил 143 544 голоса и 99 выборщиков, соответственно Дж. К. Адамс — 108 740 и 84; Г. Клей — 47 136 и 37; У. Крауфорд — 46 618 и 41.

Распределение голосов по штатам показывало, что основным районом влияния Дж. К. Адамса был Северо-Восток (Новая Англия и Нью-Йорк), за Крауфорда голосовали Джорджия и Виргиния — старый оплот республиканской партии, за Клея — пограничные штаты Кентукки, Огайо и Миссури. Наконец, большинство южных штатов, а также Пенсильвания, Теннесси, Нью-Джерси, Индиана поддержали генерала Джексона.

В соответствии с конституцией выбор президента из трех кандидатов, набравших наибольшее число голосов, перешел к палате представителей, и положение Г. Клея оказалось трагикомическим. Учитывая влияние и связи Клея в палате, избрание президента фактически зависело от него, а выбирать приходилось из недавних соперников. 9 января 1825 г. состоялась встреча Г. Клея с Дж. К. Адамсом, на которой спикер палаты без колебаний заверил государственного секретаря в своей поддержке [72]. В результате 13 северных штатов проголосовали за Адамса, за Джексона — 7 (основная часть Юга и Пенсильвания). Голоса остальных четырех южных штатов были отданы Крауфорду. В свою очередь, Г. Клей получил в правительстве Дж. К. Адамса столь желанный для него пост государственного секретаря [73].

[71] *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии: В 2-х т. М., 1927—1930, т. 2, с. 14; History of U. S. Political Parties: Vol. 1—4 / Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y., 1973, vol. 1, p. 324—326.

[72] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 6, p. 464—465. Никаких дополнительных подробностей беседы в дневнике не приводилось, хотя в рукописном оригинале дневника было оставлено пустое место. См.: Massachusetts Historical Society, The Adams Papers, J. Q. Adams, Diary; *Bemis S. F.* John Quincy Adams and the Union. N. Y., 1956, p. 40.

[73] Сторонники генерала Джексона не замедлили обвинить палату в игнорировании воли народа и утверждали, что Клей заключил с Адамсом «бесчестную сделку». Нашлись лица, под присягой заявившие, что Клей через своих сторонников предлагал поддержку Джексону за то же вознаграждение. В ответ Клей также присягал, требовал бесконечных расследований, и, чем чаще его оправдывали, тем упорнее становились слухи о «бесчестной сделке». См.: *Brown E. S.* Presidential Elections of 1824—1825.— Political Science Quarterly, 1925, vol. 40, p. 384—403.

Хотя по личным качествам массачусетский аристократ сильно отличался от своего нового коллеги из пограничного штата Кентукки, оба они в конечном итоге выступали с единых позиций, а их сторонники именовались национальными республиканцами.

В основе коалиции Адамса — Клея, призванной объединить интересы промышленного Востока и аграрного Северо-Запада, лежала так называемая «американская система», важнейшими составными частями которой были протекционистский тариф, «внутренние улучшения» (строительство за счет федеральных средств дорог, каналов и т. д.) и централизованная банковская система.

Убедительное обоснование идея «американской системы» получила, в частности, в речи Клея в палате представителей 31 марта 1824 г.[74] Спикер палаты доказывал, что следует отказаться от производимой полумиллионом иностранных рабочих продукции, ввозимой в США и потребляемой американским рынком, ибо они, в свою очередь, не пользуются взамен американскими сельскохозяйственными продуктами. Целесообразней будет использовать в подобном производстве своих рабочих. Это вызовет дополнительный спрос на 900 тыс. баррелей муки и соответствующее количество других продуктов. Как видим, Клей ясно понимал существо вопроса. Протекционистский тариф, ограждая внутренний рынок от иностранных товаров, способствовал бы развитию американской промышленности, росту городов, углублению разделения труда, что, в свою очередь, вело к расширению рынка для сельскохозяйственных товаров западных штатов.

Если Клей умел маневрировать, был склонен к компромиссу и обладал многими другими качествами профессионального политического деятеля Соединенных Штатов, то упрямый пуританин из Новой Англии, казалось, специально делал все, чтобы изолировать свою администрацию и лишить ее поддержки конгресса и американского народа.

Стремясь сохранить единство и преемственность администрации, Дж. К. Адамс отказался использовать президентскую власть для оказания протекции своим приверженцам. Верные сторонники президента Толмадж и Вид в Нью-Йорке были уязвлены тем, что Адамс предложил пост посланника в Лондоне их противнику Клинтону, а после отказа последнего — Р. Кингу. Даже откровенный противник Дж. К. Адамса Дж. Маклин из Огайо сохранил пост генерального почтмейстера и использовал свое положение для открытого покровительства друзьям. Когда же Клей потребовал его смещения, Адамс ответил, что Маклин является хорошим администратором и президент не считает возможным отступить от своих принципов, заменяя способных оппонентов собственными сторонниками. В конечном итоге президент начал все же отступать от этого правила, но заменил всего 12 человек! Для сравнения отметим, что президент Т. Джефферсон в свое время заменил 109 должностных лиц [75].

С особой тщательностью Дж. К. Адамс готовил первое годичное послание конгрессу, представленное на рассмотрение кабинета в ноябре 1825 г. Вслед за обзором внутреннего и внешнего положения Соединенных Штатов он выдвинул развернутую программу национальных мероприятий, не

[74] Annals of Congress, 18th Congress, 1st Session, p. 1971—1972.
[75] *Dangerfield G.* The Awakening of American Nationalism, 1815--1828. N. Y., 1965, p. 239—241.

ДЖОН КУИНСИ АДАМС

имевших ни малейшего шанса получить одобрение конгресса: строительство астрономической обсерватории, создание национального университета, установление стандартной системы мер и весов, учреждение нового департамента внутренних дел, финансирование научных исследований и т. д.

Программа Дж. К. Адамса далеко опередила свое время и не сулила ему ничего, кроме провала в конгрессе и насмешек практичных современников. Даже члены его администрации, включая государственного секретаря Г. Клея, военного министра Дж. Барбура и генерального прокурора У. Вирта, выражали сомнение в практической целесообразности предложенной программы и отмечали, в частности, полное отсутствие надежд на одобрение проекта создания национального университета. «Я смотрю на практическую целесообразность более широко...— возразил Дж. К. Адамс.— Дерево может вырасти позднее, но семя надо посадить заранее». Для такого практичного политика, как Клей, аргументация Дж. К. Адамса выглядела явно наивной. Конечно, он отдавал себе отчет в необходимости учреждения департамента внутренних дел. Вместе с тем Клей понимал, что в палате вряд ли найдется даже 5 членов, которые согласятся с подобным предложением.

Президент не пожелал прислушаться к аргументам своих коллег по кабинету. Он считал обязательным долгом предложить конгрессу то, что находил необходимым, и не хотел откладывать свою программу на будущее. «Никогда нельзя быть уверенным в будущем. У меня может не оказаться возможности направить еще одно послание». Спорить с такой постановкой вопроса было невозможно. Упрямый пуританин твердо решил осуществить «опасный эксперимент» (the perilous experiment) и направил послание конгрессу в том виде, в котором счел нужным [76].

Не приходится удивляться, что в конгрессе программа президента не встретила поддержки. Даже в сфере внешней политики, где способности и опыт Дж. К. Адамса не подлежали сомнению, администрации пришлось столкнуться с сильной оппозицией. Бурные споры разгорелись, в частности, по вопросу об участии США в конгрессе новых государств Испанской Америки, созывавшемся С. Боливаром в Панаме в 1826 г. В ходе дебатов отчетливо обозначилось неприязненное отношение сенаторов Берриена (штат Джорджия), Бентона (штат Миссисипи), Хейнса (штат Южная Каролина) и других представителей Юга к новым республикам,

[76] Memoirs of John Quincy Adams, vol. 7, p. 58—64; A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 2, p. 299—317.

которые уничтожили рабство, стремились к освобождению Кубы и Пуэрто-Рико, требовали признания Гаити и т. д.[77]

Серьезные возражения вызвало даже предложение Дж. К. Адамса о соглашении на основе «принципа неколонизации». К докладу комитета по иностранным делам, предлагавшему одобрить отправку делегатов в Панаму, была представлена поправка, предусматривавшая участие США в Панамском конгрессе лишь символически, в «дипломатическом» порядке[78]. После нескольких противоречивых голосований эта поправка в конце концов была отвергнута, но преобладание в конгрессе отрицательного отношения к принятию Соединенными Штатами любых обязательств совместно со странами Испанской Америки было очевидным. Участвовать в Панамском конгрессе даже символически делегатам США Р. Андерсену и Дж. Сердженту так и не пришлось. Первый заболел по дороге тропической лихорадкой и умер, а второй столь тщательно готовился к опасному путешествию, что выехал из США только в ноябре 1826 г., когда конгресс в Панаме уже закончился.

Острые и продолжительные дебаты велись вашингтонскими законодателями по вопросу о тарифах. Интересы промышленников Северо-Востока, западных фермеров и некоторой части плантаторов Юга, ориентировавшихся на внутренний рынок (к их числу принадлежали плантаторы Луизианы, занимавшиеся выращиванием сахарного тростника) настоятельно требовали укрепления протекционистской системы. Постоянные просьбы о введении покровительственного тарифа содержались в петициях, исходивших от промышленных кругов Нью-Йорка, Пенсильвании, Коннектикута. С другой стороны, решительными противниками протекционистских тарифов выступали большинство плантаторов Юга и купцы Новой Англии, заинтересованные в связях с внешним рынком и в свободе торговли[79]. После бурных дебатов тариф 1824 г. был все же принят палатой представителей 107 голосами против 102, а затем незначительным большинством проведен через сенат. Север, за исключением Новой Англии, где голоса разделились (15 «за» и 23 «против» тарифа), единодушно проголосовал «за», Юг — «против». В целом тариф 1824 г. довольно значительно повысил пошлины (в среднем до 37% стоимости товаров, что почти вдвое превышало ставки 1816 г.)[80].

Характерно, однако, что пошлины на готовые шерстяные товары почти не увеличивались, зато значительно повышались на сырую шерсть. Тем самым новый тариф был более выгоден западным овцеводам, чем промышленникам Северо-Востока.

Еще более высокие (и не всегда обоснованные) протекционистские тарифы были введены в 1828 г. Так, пошлины на различные виды чугуна и стали повышались с 10 до 25%. Высокими налогами облагались важные для судостроения товары — пенька, парусина и т. д. Пошлина на привозную пеньку повышалась с 35 до 45 долл. за 1 т (в дальнейшем эта пошлина ежегодно подлежала увеличению еще на 5 долл. вплоть до 60 долл. за тонну)[81]. Неудивительно, что тариф 1828 г. получил

[77] Register of Debates in Congress, 1825—1837: Vol. 1—29. Wash., 1825—1837, 19th Congress, 1st Session, vol. 2. Подробный анализ дебатов см.: *Lockey J. B.* Pan-Americanism: Its Beginnings. N. Y., 1920, p. 393—433.
[78] Register of Debates, 19th Congress, 1st Session, vol. 2, p. 2369.
[79] ASP, Finance, vol. 3, p. 443, 457 etc.
[80] *Dangerfield G.* The Awakening of American Nationalism, p. 207.
[81] ASP, Finance, vol. 5, p. 784—792.

название «тарифа ужаса», или, точнее, «тарифа абсурдов» (tariff of abominations), поскольку пошлинами облагались даже те товары, покровительственных тарифов для которых никто не просил.

Мало кто предполагал, что новый билль пройдет через конгресс. Тем не менее он был одобрен как палатой представителей (105 голосами против 94), так и сенатом (26 против 21). Д. Уэбстер, который ранее был настроен решительно против системы протекционизма, в связи с развитием технического переворота в Новой Англии и возрастанием роли промышленной буржуазии выступил уже как активный сторонник высоких пошлин [82].

С другой стороны, Дж. Кэлхун, являвшийся инициатором тарифа 1816 г., теперь превратился в решительного противника протекционизма и лидера южных сепаратистов. В составленном им в ноябре 1828 г. обзоре причин недовольства Южной Каролины протекционистской системой, напечатанном позднее в несколько измененном виде, подробно обосновывалась неконституционность «тарифа абсурдов». По мнению Кэлхуна, новый тариф налагал непомерное бремя на южан и целиком соответствовал интересам финансовой аристократии Севера. Ссылаясь на опыт Европы с ее огромным неравенством собственности, Кэлхун доказывал, что система протекционизма приведет к поляризации классов и в Соединенных Штатах. «После того как мы (плантаторы Юга.— *Авт.*) будем истощены, борьба разгорится между капиталистами и производителями — рабочими (букв.: operatives), так как именно на эти два класса в конечном итоге разделится общество» [83].

Если в Южной Каролине протестовали против повышения тарифов, то в соседней Джорджии бурю негодования вызвала попытка Дж. К. Адамса несколько смягчить политику в отношении индейских племен, и в частности пересмотреть «договор» о переселении криков за Миссисипи. Мощная оппозиция правительству Адамса объединила в своих рядах сторонников Э. Джексона, Дж. Кэлхуна и М. Ван-Бюрена и стала основой новой политической организации— демократических республиканцев, известной затем как демократическая партия.

Учитывая недовольство аристократическим правительством Адамса и общую тенденцию к демократизации политической жизни в Соединенных Штатах, Э. Джексон на выборах 1828 г. стремился выступать в качестве борца за демократию и выразителя воли народа. Известно, однако, что сам он был состоятельным плантатором и занимался земельными спекуляциями. В этой связи следует отметить, что именно на выборах 1828 г. впервые, хотя и в скрытой форме, обозначилось размежевание кандидатов Юга и Севера: с одной стороны, выступали два представителя Севера (Дж. К. Адамс и Р. Раш), с другой — южане Э. Джексон и Дж. Кэлхун.

Победу, как известно, одержали южане, которые пользовались также значительным влиянием на Западе и в Средне-Атлантических штатах. За Джексона было подано 647 286 голосов (178 выборщиков), за Адамса соответственно — 508 064 и 84 [84]. Хотя Дж. К. Адамсу удалось сохранить

---

[82] *Dangerfield G.* The Awakening of American Nationalism, p. 282—283; Register of Debates, 20th Congress, 1st Session, vol. 4, pt 2, p. 750—770.

[83] Rough Draft of What is Called the South Carolins Exposition [25.IX 1828?].— In: The Papers of John Calhoun, vol. 10, p. 480.

[84] Таблицу результатов выборов 1828 г. по штатам см.: *Remini R. V.* The Election of Andrew Jackson. N. Y., 1963, p. 187.

за собой поддержку Новой Англии, почти во всех других штатах победил генерал Джексон (исключение составили Мэриленд и Делавэр).

Значительные изменения произошли в системе выборов, порядке выдвижения кандидатов и т. д. В 1800 г. только в двух штатах выборщики президента избирались народным голосованием. К 1821 г. в 15 штатах из 24 было установлено всеобщее избирательное право для белых мужчин. На выборах 1824 г. в шести штатах законодательные собрания еще сохранили право назначать выборщиков, а в 1828 г. таких штатов осталось только два (Делавэр и Южная Каролина). От выборов к выборам увеличилось и число голосов, поданных за нового президента (1824 г.— 108 740, 1828 г.— 647 286, 1832 г.— 687 502, 1836 г.— 762 678 и 1840 г.— 1 274 624).

В целом в американской истории наступил новый этап, связанный с возникновением демократической партии и деятельностью президента Э. Джексона.

5. «ДЖЕКСОНОВСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

4 марта 1829 г. верховный судья Дж. Маршалл принял президентскую присягу у генерала Э. Джексона. У ступеней Капитолия нового президента приветствовала многотысячная толпа, численности которой мог бы позавидовать Дж. Вашингтон. С первых же дней пребывания в Белом доме Джексон занялся «чисткой авгиевых конюшен». Обязанности государственных чиновников, по мнению нового президента, были столь просты и несложны, что никто не мог иметь на них преимущественных прав. В результате многие пожилые служащие были заменены молодыми и неопытными протеже нового хозяина Белого дома. Только за первый год президентства Джексона было смещено более 900 правительственных чиновников. Spoils system, т. е. система, когда государственные должности раздавались сторонникам победившей партии, прочно вошла в политическую жизнь Соединенных Штатов.

Наряду с официальными членами правительства важную роль в определении политической линии новой администрации играл так называемый «кухонный кабинет», куда входили журналисты А. Кенделл, И. Хилл, Ф. Блеир, майор У. Б. Льюис, а также влиятельный государственный деятель и один из руководителей демократической партии — М. Ван-Бюрен.

Уже в годичном послании конгрессу 8 декабря 1829 г. президент Э. Джексон подчеркнул, что избрание главы исполнительной власти принадлежит народу и воля народа не должна нарушаться. «Первый принцип нашей системы заключается в том, что править должно большинство» [85]. Но, как часто бывает в подобных случаях, волю большинства Э. Джексон отождествлял с собственной. За время правления он пользовался правом вето больше, чем все его предшественники, вместе взятые, и годы президентства демократа Джексона современники назвали «царствованием короля Эндрю».

В личных качествах Джексона воплотились многие противоречивые черты американской действительности. Его представления о демократии неразрывно сочетались с рабством негров, истреблением индейцев, вой-

[85] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 2, p. 448.

нами и захватами новых территорий. По словам Г. Зинна, «Джексон был земельным спекулянтом, купцом, работорговцем и самым агрессивным врагом индейцев в ранней американской истории»[86]. Более чем кто-либо иной, он был ответствен за уничтожение индейцев и переселение их за Миссисипи[87].

Родившись в 1767 г. в пограничном районе Южной Каролины в бедной семье, он стал позднее богатым плантатором в Теннесси, владевшим обширными землями, рабами и породистыми лошадьми. «Из всех наших президентов,— писал биограф и издатель бумаг Джексона проф. Дж. Бассет,— вероятно, ни один не прочитал меньше книг и не узнал меньше из того, что прочел, чем Джексон»[88].

Вместе с тем новый президент лучше многих своих образованных противников понимал сложившуюся в стране обстановку. Он опирался на поддержку довольно широких слоев населения, прежде всего плантаторов, фермеров, новых групп поднимавшейся буржуазии, а в ряде случаев и наемных рабочих.

Центральное место в политической жизни США первой половины 30-х годов занимала проблема тарифов и вопрос о национальном банке Соединенных Штатов. Хотя летом 1832 г. конгресс несколько сбалансировал и понизил ставки «тарифа абсурдов», пошлины на хлопчатобумажные и шерстяные товары, металлические изделия и т. д. оставались достаточно высокими (от 30 до 36% стоимости товаров). Растущее возмущение протекционистской системой вылилось в открытый вызов авторитету федеральной власти, который был брошен Южной Каролиной. 24 ноября 1832 г. Южная Каролина объявила тарифы 1828 и 1832 гг. недействительными и запретила федеральному правительству сбор соответствующих пошлин на территории штата после 1 февраля 1833 г. В случае принятия принудительных мер Южная Каролина грозила выходом из Союза[89].

Со своей стороны президент Джексон в обращении к жителям Южной Каролины подчеркнул, что считает отмену одним штатом закона США несовместимым с существованием Союза и противоречащим букве конституции. Что касается выхода из Союза путем применения силы, то президент квалифицировал такой акт как измену. Заняв в отношении Южной Каролины столь решительную позицию, президент одновременно отмечал в годичном послании конгрессу 4 декабря 1832 г., что в связи с приближавшимся погашением государственного долга стало возможным существенно сократить тарифные ставки, ограничившись защитой лишь тех товаров, которые необходимы для безопасности страны во время войны[90].

Некоторое время спустя, 2 марта 1833 г., Джексон смог подписать два новых закона: один давал президенту право использовать в случае необходимости армию и флот для обеспечения сбора таможенных пошлин;

---

[86] *Zinn H.* A People's History of the United States. N. Y., 1980, p. 125.
[87] *Rogin M. P.* Op. cit., p. 13, 165, 206 etc.
[88] Correspondence of Andrew Jackson: Vol. 1—7 / Ed. by J. S. Basset, J. F. Jameson. Wash., 1926—1935, vol. 3, p. XV.
[89] Documents of American History, vol. 1, p. 261—262.
[90] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 2, p. 643, 655, 597—598 etc.

другой предусматривал постепенное снижение тарифных ставок вплоть до уровня в 20% стоимости товаров к середине 1842 г. В свою очередь, Южная Каролина отменила свое прежнее постановление, хотя и объявила новый акт о применении силы незаконным. Впрочем, это было сделано лишь для спасения престижа, так как применять силу президенту в отношении Южной Каролины теперь уже не было необходимости.

Еще более острой оказалась борьба по вопросу о продлении полномочий центрального банка США, срок которых истекал в 1836 г. По образному выражению проф. Р. Ремини, «война с банком» была необычайно многопланова. «Некоторые сравнивали ее со спрутом, щупальца которого проникают всюду: в политику, экономику, финансы, в борьбу за власть между отдельными личностями, классами и секциями, в социальные и идеологические различия между главными антагонистическими силами». Именно «война с банком» и ее последствия могут, по мнению специалистов, дать ключ и к пониманию существа «джексоновской демократии» [91].

Инициаторами продления полномочий банка США были виги — оппозиционная правительству политическая группировка, возникшая на основе прежних национальных республиканцев и пользовавшаяся значительной поддержкой в конгрессе. Поспешность в выдвижении этого вопроса (за четыре года до истечения полномочий) объяснялась предстоящей предвыборной кампанией. Виги делали ставку на продление полномочий центрального банка, полагая, что конгресс одобрит их законопроект и Э. Джексону придется смириться с этим из боязни потерять значительное число голосов. Этим расчетам не суждено было оправдаться.

Хотя обе палаты конгресса одобрили билль о продлении полномочий банка США, 10 июля 1832 г. президент Джексон наложил на законопроект вето и направил сенату специальное послание (Veto Message), в котором подробно обосновывал свое решение. Президент обращал внимание, что примерно четвертая часть акций банка находится у иностранцев, а основной капитал сосредоточен в руках нескольких сотен лиц, «главным образом принадлежащих к самому богатому классу». Из документов, представленных конгрессу, следовало, что из акций на сумму 28 млн. долл., находившихся в частных руках, 8 405 500 долл. принадлежали иностранцам и всего 140 200 распределялись среди жителей западных и юго-западных штатов. Зато жители средних и восточных штатов владели 13 522 тыс., а южных — 5 623 100 долл. [92] Пришедшие вместе с Джексоном демократы были раздражены засильем в банке представителей старой денежной аристократии, и в этом, по-видимому, была одна из главных причин недовольства центральным финансовым учреждением.

В связи с бурным развитием капиталистических отношений, промышленным переворотом, освоением западных земель и т. д. в стране усиливался протест против всевозможных привилегий и ограничений предпринимательской деятельности. Новые слои буржуазии требовали «равных возможностей» и защиты от иностранной конкуренции. Президент Джек-

---

[91] *Remini R. V.* Andrew Jackson and the Bank War: A Study in the Growth of Presidential Power. N. Y.. 1967. p. 9; *Shade W. G.* Banks or No Banks: The Money Issue in Western Politics, 1832—1865. Detroit, 1972, p. 13.

[92] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 2, p. 579.

сон подчеркивал, что банк США должен быть чисто американским. «Его акционерами должны быть исключительно наши собственные граждане, которые по крайней мере дружественно настроены в отношении своего правительства и намерены поддерживать его в трудные и опасные времена» [93]. Как установил американский исследователь Л. Л. Маршалл, фактическим автором послания президента с обоснованием вето на законопроект о продлении полномочий банка США был радикальный член «кухонного кабинета» президента Джексона журналист из штата Кентукки А. Кенделл [94].

Частный вопрос об авторстве президентского послания имеет существенное значение для выяснения сил, на которые в первую очередь опирался Э. Джексон в борьбе против банка США. Еще не так давно в литературе прочно утвердилось мнение Б. Хэммонда о том, что главной опорой президента служили новые слои буржуазии Северо-Востока, и прежде всего предприниматели Нью-Йорка, недовольные засильем старой финансовой аристократии (Уолл-стрит против Чеснут-стрит). Между тем основными советниками и инициаторами борьбы с банком оказались представители западного штата Кентукки рабовладельцы А. Кенделл и Ф. Блеир. Именно на этом основании Р. Летнер предпринял попытку вернуться при истолковании политики Джексона к идеям Ф. Дж. Тернера, который связывал развитие «джексоновской демократии» с влиянием Запада [95].

Не приходится сомневаться, что президент Джексон опирался на весьма широкую коалицию, куда входили и новые слои буржуазии Севера, и фермеры Запада, и плантаторы Юга, и даже рабочие. Обосновывая необходимость ликвидации банка США в Филадельфии, сенатор Томас Бентон подчеркивал, что это финансовое учреждение обладает слишком большой мощью и «слишком одиозными привилегиями», чтобы его можно было терпеть «под эгидой любого правительства, основанного на законах свободы и равенства» [96]. О борьбе за свободу и равенство в период «джексоновской демократии» было сказано немало проникновенных слов. Но если уж говорить об этой борьбе, то это была борьба за обеспечение свободы и равенства капиталистического предпринимательства, за последовательное осуществление принципа laissez faire, против любых форм контроля и регламентации в сфере экономики, и в частности против монопольных привилегий второго банка США [97].

Выступая с вето, джексонианцы преследовали прежде всего политические цели. Они считали, что одобрение вето широкими народными массами послужит реальной гарантией переизбрания Э. Джексона на второй президентский срок. И не ошиблись. В ноябре 1832 г. большинство голосов (687 502) было отдано Джексону. Представитель вигов Г. Клей получил только 530 189 голосов.

---

[93] Ibid., p. 581.
[94] *Marshall L.* The Authorship of Jackson's Bank Veto Message.— Mississippi Valley Historical Review, 1963, Dec., vol. 50, N 3, p. 466—476.
[95] *Latner R.* A New Look at Jacksonian Politics.— Journal of American History, 1975, Mar., vol. 61, N 4, p. 943—969.
[96] Register of Debates in Congress, 21st Congress, 2nd Session, vol. 7, pt 1, p. 74.
[97] Подробнее см.: *Романова Н. Х.* Причины борьбы правительства Джексона против банка США (1829—1831).— В кн.: Американский ежегодник, 1977. М., 1977, с. 86—108.

Одной из наиболее важных причин победы Джексона было недовольство деятельностью банка со стороны широких слоев населения страны. Фермеры, мастеровые и мелкие торговцы выступали в то время противниками бумажных денег — источника инфляции. Их недоверие к банкам разделяли и рабочие, с которыми хозяева расплачивались подчас обесцененными банкнотами, а не твердой валютой [98]. Банк США осуществлял контроль над банками штатов, ограничивая их кредитные функции и тем самым вызывая недовольство владельцев частных банков. Наконец, самыми решительными противниками центрального банка выступали западные фермеры, остро нуждавшиеся в кредите. Таким образом, большинство населения оставалось на стороне Э. Джексона, а это, в свою очередь, поощряло президента к решительным действиям.

Несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны директора банка Н. Биддла и его многочисленных сторонников в конгрессе, а также необходимость уволить двух министров финансов, отказавшихся выполнять соответствующие распоряжения, Джексон в конечном итоге настоял на изъятии из центрального банка правительственных депозитов и передал их банкам отдельных штатов (так называемые «банки-любимчики» — pet-banks). Что касается банка США в Филадельфии, то после истечения срока его привилегий в 1836 г. он продолжал действовать лишь в качестве банка штата Пенсильвания.

Освободившись от контроля единого центра, банки штатов активно включились в спекулятивную лихорадку, которая охватила страну в середине 30-х годов. Число банков возросло с 329 в 1829 г. до 788 в 1837 г., а общий размер займов увеличился соответственно с 137 млн. до 525 млн. долл. В невиданных ранее масштабах возросла продажа государственных земель, оплачивавшихся обесценивавшимися бумажными банкнотами. Если в 1832 г. было продано 2462 тыс. акров, то в 1835 г. объем продажи увеличился до 12 569 тыс., а в 1836 г. достиг 20 074 тыс. акров! [99]

Пытаясь предотвратить переход государственных земель в руки спекулянтов и капиталистов в ущерб действительным поселенцам, министр финансов Л. Вудбури по указанию президента опубликовал циркуляр, в котором предусматривалось, что после 15 августа 1836 г. в качестве платы за землю принималась только звонкая монета (золото и серебро). Исключение делалось лишь для реальных поселенцев, приобретавших участок не более 320 акров до 15 декабря 1836 г. [100]

В ходе острой политической борьбы в середине 30-х годов происходит и окончательная консолидация так называемой второй двухпартийной системы, основу которой составили две крупные национальные партии — виги и демократы. В отличие от первой системы (федералисты и республиканцы) вторая система возникла не в стенах конгресса, а вне его. Решающее значение, по мнению специалистов, имели выборы 1836 г. Кандидат демократов М. Ван-Бюрен не был столь популярен, как Э. Джексон, но рассчитывал в первую очередь на партийную организацию и ло-

---

[98] *Schlesinger A. M., Jr.* The Age of Jackson. Boston, 1945, p. 115—131.
[99] U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 239.
[100] ASP, Public Lands, vol. 8, p. 910.

яльность своих сторонников. На партийном конвенте в Балтиморе он был единогласно выдвинут кандидатом с тем, чтобы сохранить силу демократической партии и обеспечить триумф джексоновских принципов. С другой стороны, виги рассчитывали восстановить «американскую систему» национальных республиканцев Дж. К. Адамса: банк, «внутренние улучшения», тариф и т. д.[101] Благодаря большей партийной сплоченности победу, хотя и с незначительным перевесом голосов, одержал Ван-Бюрен. При этом выяснилось, что ни одна из двух партий не располагала прочным большинством в каком-либо определенном районе и могла рассчитывать на победу только при поддержке своих сторонников в национальном масштабе.

Демократы, пользовавшиеся поддержкой Юга, одновременно имели большое число сторонников на Севере и Западе (сам Ван-Бюрен, как известно, представлял Нью-Йорк). В значительной мере это относится и к другой главной политической партии — вигам, за которых голосовало большое число избирателей не только на Севере, но и на Юге. Именно партийная принадлежность, а не секционные интересы оказывали решающее влияние и на голосование в конгрессе. Представляя различные округа и районы, конгрессмены действовали в рамках стабильной системы национальных партий и, как правило, голосовали, следуя партийной линии [102].

Обстановка в стране стала особенно напряженной, когда в 1837 г. в Соединенных Штатах разразился экономический кризис, сопровождавшийся затяжной депрессией. По оценке специалистов, доля безработных составила 6—8%, и это с учетом того, что большинство самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве. Только в Нью-Йорке работы лишилось около 50 тыс. человек, а общие потери, вызванные кризисом, включая обесценение имущества, достигли к 1840 г. огромной суммы — 6 млрд. долл. Импорт США к 1843 г. упал по сравнению с 1836 г. с 190 млн. до 65 млн. долл., а заработная плата рабочих между 1839 и 1843 гг. сократилась в среднем на 30—50%.

В связи с тяжелым экономическим положением в стране президент Ван-Бюрен предложил созвать чрезвычайную сессию конгресса, которая открылась 4 сентября 1837 г. Несмотря на широкую критику правительственной политики, президент решительно подтвердил принцип невмешательства государства в экономику и подчеркнул, что те, кто настаивает на специальной помощи отдельным группам населения, не учитывают специфику американского правительства. «Создатели... конституции и народ, который ее одобрил... мудро рассудили,— писал президент,— что, чем меньше правительство вмешивается в частные дела, тем лучше для общего блага... Я воздерживаюсь от предложения конгрессу какого-нибудь специального плана урегулирования денежного обращения в стране, облегчения экономических трудностей или вмешательства в обычный ход внешней и внутренней торговли, поскольку убежден, что подобные меры не входят по конституции в компетенцию центрального правительства» [103].

---

[101] *Silbey J. H.* The Election of 1836.— In: Crucial American Elections. Philadelphia, 1973, p. 16—17.

[102] *Silbey J. H.* The Shrine of Party: Congressional Voting Behavior, 1841—1852. Pittsburgh, 1967, p. 192—193.

[103] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 3, p. 344—345.

Даже самые скромные меры, предложенные правительством Ван-Бюрена для упорядочения денежного обращения и сводившиеся к изъятию государственных фондов из «банков-любимчиков» и созданию независимого федерального казначейства, дебатировались в конгрессе на протяжении нескольких лет. Лишь в 1840 г. законопроект о создании независимого федерального казначейства прошел обе палаты конгресса и 4 июля был подписан Ван-Бюреном [104].

Вторую четверть XIX в., и прежде всего годы президентства Э. Джексона и Ван-Бюрена, со времени опубликования книги А. де Токвиля «О демократии в Америке (1835—1840)» принято считать «эпохой равенства». Часто пишут также об «эре простого человека», а наиболее распространенным и, можно сказать, даже общепринятым названием в американской историографии до сих пор остается термин «джексоновская демократия» [105].

Как известно, больше всего французского аристократа поразило в Америке «равенство общественных положений» [106], и именно он стал одним из создателей «эгалитарного мифа», который пользуется популярностью в ученых кругах вплоть до настоящего времени. Токвиль являлся также родоначальником теории «консенсуса» не только фактически, но и буквально, так как именно ему принадлежит утверждение, что «в Америке существует республика без борьбы, без оппозиции, без доказательств, в силу молчаливого согласия, вроде некоторого consensus universalis» [107].

Многочисленные документальные материалы достаточно определенно показывают, что американское общество в период «джексоновской демократии» было обществом классовым, причем имущественное неравенство продолжало углубляться. Так, 1% бостонских налогоплательщиков владел 33% «некорпоративной собственности» в 1833 г. и 37% — в 1848 г. На другом полюсе было 86% налогоплательщиков, которые владели 14% собственности в 1833 г. и только 4% — в 1848 г. В Нью-Йорке на долю 1% богатых налогоплательщиков в 1828 г. приходилось 29% «некорпоративной собственности», а в 1845 г.— уже 40%. Пробиться в число богатых малоимущему и даже представителю так называемых средних слоев было не только трудно, но практически невозможно. Из 100 наиболее состоятельных людей Нью-Йорка 95% происходили из богатых, 3% были выходцами из средних слоев и только 2% родились в бедных семьях [108].

---

[104] Пришедшие к власти в 1841 г. виги этот закон отменили, но он вновь был принят в 1846 г. Независимое федеральное казначейство просуществовало до 1913 г., когда оно слилось с федеральной резервной системой. См.: *Дубовицкий Г. А.* Демократическая партия и политическая борьба в США в период президентства М. Ван-Бюрена.— Вестн. МГУ. История, 1979, № 3, с. 53.

[105] В лице президентов М. Ван-Бюрена, Дж. Полка, Ф. Пирса и Дж. Бьюкенена генерал Джексон в известной мере имел своих прямых продолжателей, и с небольшими перерывами (1841—1845 гг. и 1849—1853 гг.) демократы находились у власти вплоть до гражданской войны.

[106] *Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 1897, с. 1.

[107] Там же, с. 329. См. также: *Болховитинов Н. Н.* «Джексоновская демократия»: историографический миф и реальность.— Вопр. истории, 1978, № 12, с. 83, 87.

[108] *Pessen E.* The Egalitarian Myth and American Social Reality...— American Historical Review, 1971, Oct., vol. 76, N 4, p. 1012, 1021—1023. Недавняя попытка пересмотреть выводы Пессена вызвала аргументированный ответ автора. См.: *Pessen E.* On a Recent Cliometric Attempt to Resurrect the Myth of Antebellum Egalitarianism.— Social Science History, 1979, Winter, vol. 3, N 2, p. 208—227.

Сторонники мифа о существовании в «эпоху Джексона» подлинной демократии обычно ссылаются на демократизацию политической жизни, и в первую очередь избирательной системы. Между тем введение всеобщего избирательного права для белых мужчин, избрание выборщиков президента народным голосованием, а не законодательными собраниями штатов, назначение кандидатов в президенты национальными конвентами и т. д. не изменили главного — реальная власть продолжала оставаться в руках господствующих классов. «Изменился стиль правления элиты, но власть элиты по-прежнему сохранилась»[109]. Участники партийных конвентов в действительности лишь следовали диктату партийных лидеров. В своем большинстве они были партийными активистами и государственными служащими и в результате легко поддавались манипуляциям и контролю. Сенатор Т. Бентон был недалек от истины, когда говорил: «Народ имеет не больше власти при выборах лица, которое должно быть его президентом, чем подданные наследственного монарха над рождением ребенка, который в один прекрасный день должен будет над ними царствовать»[110].

Одной из характерных черт периода «джексоновской демократии» явился подъем рабочего движения. С 1828 по 1834 г. «независимые рабочии партии возникли в 61 торговом и промышленном городе, а в местностях, где рабочих партий не было, это движение стимулировало рост клубов мастеровых, боровшихся за проведение законов в пользу наемных рабочих». В связи с возникновением многочисленных рабочих партий в Соединенных Штатах в конце 20-х – начале 30-х годов выходило около 50 еженедельных рабочих изданий[111]. Сторонники теории «консенсуса» приложили немало труда, чтобы доказать, что это движение по существу не было рабочим, а его лидеры — или настоящими или во всяком случае «потенциальными» капиталистами.

Вряд ли приходится сомневаться, что первые рабочие партии и организации в США действительно не были по-настоящему пролетарскими, их лидеры чаще всего происходили из мелкобуржуазных слоев, а политические цели сводились по преимуществу к обычным демократическим требованиям того времени: отмена тюремного заключения за долги, создание системы общественных школ, ликвидация обязательной службы в милиции и т. д. Хотя отдельные рабочие лидеры не относились к революции отрицательно, только Томас Скидмор начал реально ее пропагандировать, да и то если она будет проводиться мирными средствами[112]. Любопытно, что Скидмор высказывался и за раздел собственности, считая, что «естественное право каждого человека на равную часть собственности» является самоочевидным и неоспоримым[113].

При всей очевидной незрелости рабочего движения в США конца 20-х — 30-х годов это движение следует все же считать в основе своей

---

[109] *Rader B. G.* Jacksonian Democracy: Myth or Reality? — Social Studies, 1974, Jan., vol. 65, N 1, p. 20; Journal of the Early Republic, 1981, Spring, vol. 1, N 1, p. 21—22.
[110] Цит. по: *Острогорский М.* Указ. соч., т. 2, с. 35.
[111] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США...: В 4-х т. М., 1949—1969, т. 1, с. 144.
[112] *Pessen E.* The Workingmen's Movement of the Jacksonian Era.— Mississippi Valley Historical Review, 1956, Dec., vol. 42, N 3, p. 438.
[113] *Skidmore Th.* The Rights of Man to Property. N. Y., 1829, p. 125—144. О взглядах Скидмора см.: *Захарова М. Н.* Роберт Оуэн и оуэнисты в Соединенных Штатах Америки.— В кн.: История социалистических учений. М., 1976, с. 206—210.

рабочим, поскольку его участники в первую очередь выступали с требованиями улучшения условий труда и повышения заработной платы. Центральным вопросом всего движения стала борьба за 10-часовой рабочий день. Совершенно очевидно, что такое требование является типичным именно для рабочих, именно для лиц наемного труда, а не для мелкой буржуазии или будущих предпринимателей. Знаменитый Союз механиков и производственных ассоциаций, организованный в Филадельфии в конце 1827 г., возник на основе солидарности рабочих города с бастовавшими плотниками, которые требовали введения 10-часового рабочего дня[114]. Наконец, созданная летом 1828 г. на этой основе Рабочая партия Филадельфии выступила за выдвижение на выборах тех кандидатов, которые поддерживали бы интересы трудящихся масс (букв.: рабочих классов — the working classes). В решениях, принятых на первом же митинге этой партии 11 августа 1828 г., указывалось: «Мастеровые и рабочие города и округа Филадельфия теперь решили взять защиту своих интересов *как класса* (подчеркнуто нами.— *Авт.*) в собственные руки...»[115].

В Нью-Йорке, где трудящиеся раньше всех добились введения 10-часового рабочего дня, первая рабочая партия возникла из движения, направленного против попыток предпринимателей изменить положение в свою пользу. Создание 23 апреля 1829 г. Нью-Йоркской рабочей партии вынудило предпринимателей отказаться от проектов увеличения продолжительности рабочего дня. Показательно, что в руководящий орган партии — «Комитет 50-ти» — вошли по преимуществу представители рабочих. Составленный позднее список кандидатов в законодательное собрание штата включал двух плотников, двух машинистов, маляра, жестянщика, литейщика, печатника, бондаря, бакалейщика и врача[116].

В середине 30-х годов был создан Национальный союз тред-юнионов, что было первой попыткой объединить различные профсоюзы в масштабе страны. Крупным успехом рабочих была всеобщая забастовка 1835 г. в Филадельфии, в результате которой был установлен 10-часовой рабочий день[117]. К концу года такая продолжительность рабочего дня стала уже правилом в самых различных городах Соединенных Штатов, исключая Бостон.

Разумеется, не следует забывать, что в рабочем движении участвовало много ремесленников и мастеровых, мечтавших в будущем завести самостоятельное предприятие, а среди руководителей преобладали представители мелкой буржуазии, радикальные интеллигенты и т. п. Генри Эванс, Роберт Дейл Оуэн, Стефан Симсон и другие были по преимуществу мелкобуржуазными реформаторами, и, пожалуй, лишь Томас Скидмор являлся образованным рабочим-самоучкой. Даже профсоюзные деятели далеко не всегда оказывались рабочими. Эли Мур, Леви Сламм, Уильям Инглиш, в известной мере и Чарлз Дуглас рассматривали свое участие в рабочих союзах как первый шаг к политической карьере. Однако почти

---

[114] *Commons J. R.* e. a. History of Labor in the United States: Vol. 1—4. N. Y., 1918—1935, vol. 1, p. 186—190.

[115] A Documentary History of American Industrial Society: Vol. 1—10 / Ed. by J. R. Commons e. a. Cleveland, 1910—1911, vol. 5, p. 91—92.

[116] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США..., т. 1, с. 53, и др.; *Hugins W.* Jacksonian Democracy and the Working Class. Stanford, 1960, p. 12—14 etc.

[117] Pennsylvania Magazine of History and Biography, 1950, July, vol. 74, p. 336—339.

все они были убеждены, что главные политические партии и вся система в целом служат обогащению имущих классов за счет трудящихся масс [118].

И хотя в Соединенных Штатах, как известно, существовали важные факторы, которые замедляли процесс формирования рабочего класса, приводимые факты показывают, что в годы президентства Джексона рабочие начинают выступать как активная и самостоятельная сила. Во второй четверти XIX в. уже сказывались социальные результаты промышленного переворота, а классовая структура американского общества просматривалась все более и более отчетливо.

Многие современники событий и позднейшие исследователи отмечали широкое распространение в Америке 30-х годов мятежей (riots), уличных боев и драк, линчеваний и других актов насилия. Любопытно в этой связи свидетельство французского наблюдателя М. Шевалье, писавшего в сентябре 1835 г.: «Бунт, который во Франции привел бы к остановке деловой жизни, никому не мешает здесь идти на биржу, спекулировать... и делать деньги. Встречаясь утром, каждый спрашивает и рассказывает новости; в одном месте повесили негра, в другом — высекли белого; в Филадельфии разрушили десять домов; в Буффало, в Итаке несколько цветных были наказаны плетьми. Затем они переходят к ценам на хлопок и кофе, поставкам муки, леса, табака и погружаются на целый день в расчеты... Прощай справедливость, прощай великие принципы 1776 г. и 1789 г.! — восклицал автор и приходил к выводу: — Распад Союза, если это случится, будет самой полной революцией из всех имевших место» [119].

Рост подобных актов в период «джексоновской демократии» (в отличие от первой четверти XIX в., когда их почти не было) отмечали и современные исследователи. Так, по подсчетам Д. Гримстеда, между 1828 и 1833 гг. в США произошло около 20 мятежей, в 1834 г. — 16 и, наконец, в 1835 г. — 37 [120]. Наиболее крупным и драматичным эпизодом «беспокойной эры» были этно-религиозные бунты в Филадельфии в 1844 г., явившиеся следствием острой вражды между местными протестантами и иммигрантами-католиками из Ирландии [121].

Все эти мятежи, по мнению специалистов, не были случайными или нетипичными, а порождались тенденциями и противоречиями внутри американского общества.

В целом американская действительность в 1830—1840 гг. мало соответствовала идиллическим представлениям о существовании в период «джексоновской демократии» равенства и согласия. Приведенные факты свидетельствуют, что в действительности американское общество в период «джексоновской демократии» было обществом классовым со всеми присущими ему чертами и противоречиями. Ключом к пониманию характера и движущих сил «джексоновской демократии» является в первую очередь развитие американского капитализма, и в частности успехи про-

---

[118] *Pessen E.* The Workingmen's Movement..., p. 435—436, 442.
[119] *Chevalier M.* Society, Manners and Politics in the United States: Being a Series of Letters on North America. Boston, 1839, p. 385—395.
[120] American Historical Review, 1972, Apr., vol. 77, N 2, p. 362.
[121] *Feldberg M.* The Philadelphia Riots of 1844. Westport, 1975; *Idem.* The Turbulent Era. N. Y., 1980, p. 9—32.

мышленного переворота на Северо-Востоке. Новые слои буржуазии, и прежде всего молодая промышленная буржуазия, вступили в эти годы в соперничество со старой «финансовой аристократией», олицетворявшейся банком США в Филадельфии, и стали важной составной частью коалиции, на которую опирался президент Джексон. В основе же этой коалиции лежал союз плантаторов Юга и фермеров Запада. И те и другие были заинтересованы в экспансии на Запад. И те и другие были недовольны деятельностью национального банка, который ограничивал спекуляцию и выпуск новых банкнот.

Эта коалиция, однако, могла существовать лишь до тех пор, пока центральной проблемой политической борьбы не стал вопрос о рабстве. Все более жесткая позиция южан в этом вопросе вела к тому, что политика демократической партии оказалась в итоге в явном противоречии с ее социальной базой. «Начавшийся с середины 40-х годов XIX в. кризис двухпартийной системы демократы — виги проявился в создании целого ряда третьих партий: партии свободы, фрисойлеров, партии „ничего не знающих“» [122]. Однако только после образования республиканской партии в 1854 г. крах старой политической системы стал уже очевидным фактом. Что же касается 40-х годов, то в это время основное внимание оказалось прикованным к проблемам экспансии, присоединению Техаса, Орегона и к войне с Мексикой.

[122] *Дементьев И. П., Маныкин А. С., Сивачев Н. В.* и др. К вопросу о периодизации истории двухпартийной системы США.— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978, вып. 2, с. 174.

Глава девятая

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ США В СЕРЕДИНЕ XIX В.

1. СОГЛАШЕНИЯ С АНГЛИЕЙ И ИСПАНИЕЙ

В планах территориальной экспансии США в Северной Америке наряду с Флоридой важное место занимала северо-восточная часть Новой Испании, в первую очередь обширный, но пустынный и малонаселенный Техас[1]. Еще в 1803 г. президент Джефферсон заявил, что западная граница Луизианы проходит по Рио-Гранде-дель-Норте, тем самым предъявив по существу претензию на Техас. Но Испания отвергла эти притязания. К сентябрю 1806 г. в Луизиане восточнее р. Сабин, признанной обеими сторонами в качестве временной демаркационной линии, были сосредоточены крупные силы под командованием генерала Уилкинсона. Отсюда в 1806—1807 гг. по заданию Джефферсона направлялись на территорию Новой Испании разведывательные отряды Фримэна, Пайка и др.

И в дальнейшем вашингтонское правительство негласно поощряло деятельность групп и организаций, пытавшихся подготовить вторжение в Техас («Мексиканская революционная хунта» во главе с Альваресом де Толедо и Пикорнелем в Филадельфии, группа отставного наполеоновского генерала Юмбера в Новом Орлеане и др.). В августе 1812 г. отряд, сформированный с ведома властей Луизианы бывшим офицером армии США Огастесом Мэйджи и мексиканцем Гутьерресом де Лара, переправился через р. Сабин и вскоре овладел испанским опорным пунктом Накогдочес. За несколько месяцев он пересек почти весь Техас и в марте 1813 г. занял его столицу Сан-Антонио-де-Бехар.

Однако согласно испано-американскому Трансконтинентальному договору 1819 г. граница между владениями Испании и Соединенными Штатами устанавливалась по рекам Сабин, Ред-Ривер, Арканзас и далее к западу от Скалистых гор — по 42-й параллели. Таким образом, юридически оформив захват Флориды, США вынуждены были официально признать Техас составной частью Новой Испании, следовательно, формально отказаться от всяких притязаний на него.

За несколько месяцев до заключения упомянутого договора администрации Монро удалось частично урегулировать споры с Англией по поводу границы на севере и северо-западе. Сравнительно просто был решен вопрос о демаркационной линии между США и британскими владениями от оз. Лесное до Скалистых гор. В соответствии с англо-американской конвенцией, подписанной в Лондоне 20 октября 1818 г.[2], она стала проходить

---

[1] В начале XIX в. эта провинция, помимо индейских племен, насчитывала всего около 7 тыс. жителей, сконцентрированных в трех более или менее крупных селениях, четырех миссиях и примерно полутора десятках ранчо. См.: *Yoakum H. K.* History of Texas: Vol. 1, 2. N. Y., 1855, vol. 1, p. 138 (repr.: Austin, 1935).

[2] Treaties and other International Acts of the United States of America, 1776—1863: Vol. 1—8 / Ed. by H. Miller. Wash., 1931—1948, vol. 2, p. 658—661.

но 49-й параллели. Гораздо сложнее обстояло дело с Орегоном — обширной областью, простиравшейся от побережья Тихого океана до Скалистых гор и от Аляски до Калифорнии. В связи с отсутствием четко обозначенных границ между владениями США, Англии, Испании и России на Северо-Западе Америки этот регион являлся ареной столкновения интересов названных держав.

Территориальные претензии первоначально основывались на исследованиях английских, испанских, русских, американских мореплавателей, путешественников, торговцев пушниной конца XVIII в. Среди сухопутных экспедиций начала XIX в. особое значение имела та, которую по распоряжению Джефферсона предпринял в 1803—1806 гг. отряд М. Льюиса и У. Кларка[3]. Поднявшись по р. Миссури до ее истоков, он через горные перевалы вышел к одному из притоков р. Снейк, впадающей в Колумбию, и спустился по реке к Тихому океану. За этой экспедицией последовали другие, организованные федеральным правительством, но большинство из них доходило лишь до Скалистых гор. Открытия же, важные для изучения и освоения Дальнего Запада, были связаны преимущественно с деятельностью торговых компаний, скупщиков мехов и охотников. В 1805 г. англичанин С. Фрейзер основал первую факторию британской «Северо-Западной компании» к западу от Скалистых гор, а в 1808 г. исследовал бурную р. Фрейзер. Другой служащий той же компании, Д. Томпсон, в 1807—1811 гг. продолжил обследование бассейна Колумбии.

В 1811 г. глава американской «Тихоокеанской меховой компании» Джон Дж. Астор заложил в устье р. Колумбия форт Асторию, а выше по течению реки — несколько торговых факторий. По следам экспедиции Льюиса и Кларка в верховья Миссури и дальше на запад в поисках бобров и иного пушного зверя направлялись многочисленные трапперы. Они отыскивали неизвестные ранее реки и ущелья, нехоженые горные перевалы, прокладывали тропы, а иногда служили проводниками партий переселенцев и обозов с товарами, двигавшихся к побережью.

Естественно, что в ходе англо-американских переговоров, предшествовавших лондонской конвенции 1818 г., проблема Орегона занимала значительное место. После ожесточенных споров было принято компромиссное решение: все земли к западу от Скалистых гор, на которые претендуют Англия или США, должны быть в течение 10 лет открыты для доступа подданных обеих держав вне зависимости от притязаний какого-либо государства на ту или иную часть этой территории[4]. Границы ее как на севере, так и на юге конвенцией не фиксировались. Но уже через 4 месяца выяснилось что, согласившись на установление испано-американской границы по 42-й параллели, Испания отказалась от всяких претензий на области, расположенные к северу от этой линии, в пользу США. Таким образом, открытым остался лишь вопрос о северной границе спорной территории.

Несмотря на недовольство плантаторов-рабовладельцев Юго-Запада признанием юридических прав Испании на Техас и критику Трансконти-

---

[3] Новейшее издание материалов экспедиции см.: Letters of the Lewis and Clark Expedition with Related Documents, 1783—1854. 2nd ed., with additional documents and notes: Vol. 1, 2. Urbana, Chicago, London, 1978.

[4] Т. е., строго говоря, не предусматривалось «совместное» владение.

нентального договора в конгрессе (в частности, со стороны спикера палаты представителей Г. Клея, сенатора Т. Бентона и др.), он был ратифицирован и ровно через два года после подписания вступил в силу. Однако заключение и ратификация испано-американского договора на самом деле вовсе не означали отказа влиятельных кругов США от экспансионистских намерений. Напротив, именно в 20-е годы приняла систематический характер и приобрела широкий размах американская колонизация Техаса.

2. АННЕКСИЯ ТЕХАСА

Наибольший интерес эта пограничная мексиканская провинция вызывала в юго-западных штатах. Южан привлекали ее богатые природные ресурсы, плодородные почвы и климат, благоприятствовавшие разведению хлопка, табака и других сельскохозяйственных культур. Вместе с тем экстенсивное по своим методам плантационное рабовладельческое хозяйство Юго-Запада непрерывно требовало захвата и освоения новых земель, а чтобы обеспечить политическое преобладание в Союзе, господствующим классам Юга необходимо было образование новых рабовладельческих штатов к западу от Миссисипи. «Вооруженное распространение рабства вовне сделалось признанной целью национальной политики» [5].

Миссурийский компромисс 1820 г. способствовал усилению территориальной экспансии рабовладельцев в южном направлении. К тому же в 1819 г. в США разразился экономический кризис, воздействие которого усугублялось предшествовавшими земельными спекуляциями. У многих плантаторов и фермеров накопилась большая задолженность государству. Резко сократилась продажа «общественных земель».

В этих условиях разорившиеся землевладельцы Юго-Запада, дельцы, спекулянты, авантюристы устремились в Техас. Последней попыткой его захвата силой оружия явился безуспешный рейд отряда некоего Джеймса Лонга, который в июне 1819 г. переправился через р. Сабин и занял Накогдочес, но к концу года был вытеснен испанцами. После провала этой затеи метод вооруженного вторжения сменился «мирным» проникновением.

В ноябре 1820 г. в Сан-Антонио прибыл уроженец Коннектикута коммерсант и горнопромышленник Мозес Остин, обратившийся к губернатору Мартинесу с просьбой о предоставлении ему земли для основания колонии. В январе 1821 г. 300 американских семей получили разрешение поселиться в Техасе при условии, если они исповедуют католическую религию (практически это требование соблюдалось не слишком строго) и согласны присягнуть на верность испанской монархии.

После провозглашения независимости Мексики (28 сентября 1821 г.) сын Остина Стивен стал добиваться от ее правительства подтверждения контракта и расширения прав, предоставленных колониальной администрацией. Предприимчивый делец просил разрешить въезд в Техас еще 200 семьям сверх установленной ранее квоты, настаивал на предоставлении колонистам права на организацию милиции и создание собственного органа власти. Привлеченные неслыханной дешевизной земли (12,5 цен-

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 342.

та за акр, т. е. 10% стоимости акра «общественных земель» в США) и большими размерами наделов, в Техас вслед за Остином ринулись другие предприниматели и множество переселенцев.

Тем временем правительство Монро, выражая интересы американской буржуазии, добивавшейся доступа на рынки Латинской Америки, пришло к выводу о необходимости установить официальные отношения с молодыми испаноамериканскими государствами. 28 марта 1822 г. конгресс принял решение о признании их независимости. Но вместо назначения дипломатического представителя в Мексику туда в неофициальном порядке был направлен конгрессмен от штата Южная Каролина Джоэл Робертс Пойнсетт.

Пойнсетт встречался с императором Агустином I, министром иностранных дел, членами мексиканского конгресса и другими политическими деятелями. В беседе с полковником Аскарате он заявил, что установленная американо-испанским договором 1819 г. граница не устраивает США, и провел на карте другую линию таким образом, что Техас, Новая Мексика, Верхняя Калифорния, а также часть Нижней Калифорнии, Соноры, Коауилы и Нуэво-Леона отходили к Соединенным Штатам[6]. Хотя Пойнсетт оговорился, что выражает только личное мнение, предпринятый им зондаж, несомненно, отражал намерения экспансионистов США и подлинную цель его миссии. Несмотря на приезд в декабре 1822 г. мексиканского посланника и его аккредитование в Вашингтоне, администрация Монро продолжала уклоняться от установления нормальных двусторонних отношений со своим южным соседом, что было связано с отсутствием политической стабильности в Мексике и экспансионистскими планами в отношении Техаса.

Под давлением американских предпринимателей правительство Агустина I издало 4 января 1823 г. закон о колонизации, который предусматривал раздачу земли наряду с мексиканскими гражданами иностранцам-католикам, гарантировал охрану их прав, предоставлял им существенные льготы и привилегии. Минимальный размер надела для переселенцев составлял 1 лабор пахотной или 1 кв. лигу[7] пастбищной земли на каждую семью. Земли, полученные иностранцами ранее, сохранялись за их владельцами. В частности, специальными декретами трижды (в связи со сменой правительства) был подтвержден контракт Остина. В результате американская колонизация Техаса заметно активизировалась. Начался массовый наплыв иммигрантов из США, особенно из южных и юго-западных районов. Некоторые, чтобы облегчить получение земельных наделов, принимали (обычно фиктивно) мексиканское подданство и католичество.

Под нажимом американцев Учредительный конгресс Мексики принял 18 августа 1824 г. постановление, гарантировавшее неприкосновенность имущества иностранных колонистов. Повторяя в основном общие положения, сформулированные в законе о колонизации 1823 г., оно предоставляло их развитие и конкретизацию властям отдельных штатов мексиканской федерации. В соответствии с этим законодательное собрание штата Коауила и Техас издало 24 марта 1825 г. местный колонизацион-

---

[6] *Manning W. R.* Early Diplomatic Relations between the United States and Mexico. Baltimore, 1916, p. 289—290.

[7] Labor (*исп.*) — мексиканская земельная мера = 177 акрам. Кв. лига = 4428 акрам.

ный закон, в принятии которого важную, если не решающую роль сыграл член легислатуры, международный авантюрист Бастроп, являвшийся близким другом Остина. Сохраняя нормы земельных наделов, предусматривавшиеся прежним законодательством, акт 1825 г. обеспечивал поселенцам еще более выгодные условия получения их. За каждую квадратную лигу пастбища надо было уплатить государству всего 30 долл., за минимальный участок орошаемой земли — 3,5, неорошаемой — 2,5 долл., причем первый взнос полагалось внести только через 6 лет, а остальные деньги в рассрочку на 15 лет. В течение первого десятилетия колонисты полностью освобождались от налогов и пошлин.

Всего к 1835 г. с американскими компаниями[8] и отдельными лицами был заключен 41 контракт. По официальным данным, с 1824 по 1835 г. около 5 тыс. иностранцев получили в Техасе 26 280 тыс. акров земли[9]. Но практически масштабы колонизации не определялись этими цифрами, поскольку в Техас с севера прибывали партии переселенцев и многочисленные искатели приключений и помимо всяких контрактов. Переселялись из США, спасаясь от преследований и истребления, также многие индейские племена: чироки, делавары, кикапу, крики, семинолы и др. Их приток особенно усилился после принятия конгрессом 28 мая 1830 г. акта о «перемещении» индейцев из восточных штатов в резервации, созданные западнее Миссури и Арканзаса на так называемой «Индейской территории», обманным путем отнятой у индейцев прерий.

Техасские плантаторы-рабовладельцы (хотя крупных плантаций с большим числом рабов в то время насчитывалось мало, многие англоамериканские колонисты были так или иначе связаны с рабовладением) испытывали крайнее недовольство мерами мексиканских властей, направленными против рабства. Еще закон 1823 г. запрещал куплю-продажу рабов в Мексике и предписывал освободить их детей, родившихся на мексиканской территории, по достижении 14 лет. В 1824—1825 гг. правительство Гуадалупе Виктории запретило работорговлю и ввоз в страну рабов, а также декретировало освобождение последних. Легислатура штата Коауила и Техас в 1825 г. специально предупредила новых колонистов, что они обязаны неукоснительно соблюдать мексиканское законодательство касавшееся ввоза рабов.

Правда, вскоре удалось найти лазейку: в 1828 г. Остин и его влиятельные покровители сумели добиться принятия поправки к конституции штата, дававшей возможность ввозить рабов под видом «наемных слуг», которых нанимали на 70—99 лет, т. е. фактически пожизненно. Но в 1829 г. президент Мексики Висенте Герреро в подтверждение декрета своего предшественника обнародовал указ о полной отмене рабства. Хотя подразумевалось, что действие указа не распространяется на Техас, он вызвал там сильное волнение среди колонистов-американцев.

Деятельность Остина и других «пионеров» американской колонизации нельзя рассматривать только как их частное предприятие и проявление личной инициативы. Она была тесно связана с позицией таких видных представителей правящих кругов США, как Генри Клей, Эндрю Джексон, Дж. Р. Пойнсетт. Не следует забывать, что доктрина Монро, направ-

[8] Наиболее крупной из них была нью-йоркская «Галвестон бэй энд Тексас лэнд компани», основанная в 1830 г.

[9] *Taylor V. H.* The Spanish Archives of the General Land Office of Texas. Austin, 1955, p. 4—5, 43—44; The Handbook of Texas: Vol. 1, 2. Austin, 1952, vol. 1, p. 20.

ленная против вмешательства европейских держав в дела Американского континента, была прежде всего продиктована и обусловлена экспансионистскими намерениями США по отношению к молодым государствам Испанской Америки. Непосредственно для Мексики она означала вполне реальную угрозу территориальной экспансии. «Рабовладельцы Юга видели в доктрине Монро санкцию на захват мексиканской территории с целью распространения там рабовладельческого хозяйства»[10]. Заселение Техаса американцами являлось не просто стихийным процессом, а в значительной мере продуманной политикой влиятельных сил Соединенных Штатов.

Планы правящих кругов США и опасность, грозившая Мексике, конечно, не были секретом для мексиканского правительства. Встревоженное растущей угрозой с севера, оно неоднократно предлагало приступить к уточнению и демаркации границы в соответствии с линией, установленной американо-испанским договором 1819 г. Но эти предложения оставались без ответа. Вместе с тем США пытались дипломатическим путем добиться уступки всего или части Техаса. По инструкции президента Дж. К. Адамса и государственного секретаря Г. Клея Пойнсетт, занявший в 1825 г. пост американского посланника в Мехико, в неофициальном порядке настойчиво предлагал правительству Мексики продать Соединенным Штатам территорию до Рио-Гранде или хотя бы до р. Колорадо. Однако эти попытки успеха не имели. В 1828 г. США вынуждены были заключить с Мексикой договор о границе (ратифицированный ими лишь в 1832 г.), подтверждавший положения Трансконтинентального договора 1819 г., а в конце 1829 г. Пойнсетт по требованию мексиканских властей был отозван. Столь же безуспешными оказались усилия его преемника А. Батлера.

Между тем численность американских колонистов в Техасе быстро росла, «пока их не стало больше, чем мексиканцев, населявших прежде эту страну», указывал американский автор середины XIX в.[11] К концу 1829 г. были заключены контракты на наделение землей около 7 тыс. семей[12]. Многие привозили с собой негров-рабов. Хотя иммигранты вели в основном плантационное хозяйство, большинство из них, чтобы получить более крупные участки, заявляло о намерении заняться скотоводством. Их владения, как правило, во много раз превышали минимальную норму, благо максимум, предусмотренный колонизационным законом 1824 г., достигал почти 49 тыс. акров. Вскоре американцы фактически установили полный контроль над Техасом. Считая мексиканцев низшей расой, подобно неграм и индейцам, они относились к ним с нескрываемым презрением, игнорировали законы Мексики.

В декабре 1826 г. группа колонистов подняла мятеж в районе Накогдочес, привлекла на свою сторону часть племени чироки и провозгласила создание «Республики Фредонии»[13]. Правда, уже в январе следующего года мексиканские войска разгромили мятежников, но в прессе США им

[10] *Потокова Н. В.* Агрессия США против Мексики, 1846—1848. М., 1962, с. 33.
[11] *Mansfield E. D.* The Mexican War. N. Y., 1848, p. 10.
[12] *Barker E. C.* Mexico and Texas, 1821—1835. Dallas, 1928, p. 13.
[13] Подробнее см.: *Alessio Robles V.* Coahuila y Texas desde la consumación de la independencia hasta el tratado de paz de Guadalupe Hidalgo: T. 1, 2. México, 1945—1946, t. 1, p. 221—225. Текст союзного договора между колонистами и индейцами, включавшего декларацию о независимости от Мексики, см.: The Laws of Texas, 1822—1897: Vol. 1—10. Austin, 1898—1902, vol. 1, p. 109—110.

открыто выражались сочувствие и симпатии, что весьма беспокоило правительство Мексики. В том же году для ознакомления с положением в Техас был направлен генерал Мьер-и-Теран, который в отчете, представленном в середине 1828 г., нарисовал крайне тревожную картину и настойчиво рекомендовал президенту Гуадалупе Виктории принять срочные меры.

В связи с обострением внутриполитической борьбы в Мексике дело несколько затянулось, но 6 апреля 1830 г. по инициативе министра иностранных дел Аламана, озабоченного проникновением североамериканцев в Техас, мексиканский конгресс запретил дальнейшую иммиграцию из соседних государств в пограничные с ними штаты Мексики (т. е. из США в Техас). Новый закон предписывал также поощрять переселение в неосвоенные районы мексиканцев и европейцев, строить на колонизуемых территориях укрепления и размещать там воинские гарнизоны, не допускать ввоза рабов[14].

Несмотря на запрет, американская иммиграция в Техас продолжалась. Но действия мексиканских властей (увеличение численности войск на техасской территории, подготовка к сбору налогов и платы за землю в связи с истечением в 1830 г. предоставленной отсрочки, ограничение в 1832 г. продолжительности контрактов с ввозимыми в Техас «наемными слугами» 10 годами и т. д.) вызывали раздражение колонистов. В июне 1832 г. оно вылилось в вооруженное столкновение с правительственными силами в селении Анауак, на побережье залива Галвестон. Вслед за тем, чтобы разрядить обстановку, мексиканские гарнизоны были выведены из восточной части Техаса.

Собравшиеся в октябре 1832 г. в Сан-Фелипе 58 представителей техасских колонистов потребовали отмены закона 1830 г. и отделения Техаса от Коауилы с преобразованием его в самостоятельный штат. Чтобы обеспечить удовлетворение этих требований, в апреле 1833 г. в Мехико отправился С. Остин. Ему удалось добиться аннулирования запрета на иммиграцию в Техас из США и некоторых других уступок (гарантия веротерпимости, разрешение употреблять английский язык в официальных документах и т. д.), но правительство республики категорически отказалось предоставить Техасу статус штата. Когда же из перехваченного письма стало известно, что Остин посоветовал техасцам действовать в этом вопросе самим, не считаясь с позицией федеральных властей, вице-президент В. Гомес Фариас (в руках которого находились тогда бразды правления) распорядился арестовать его.

При диктатуре Санта-Анны (1834—1835) федералистская конституция 1824 г. была отменена и установлена централистская форма правления. Прежние штаты, пользовавшиеся широкой автономией, превратились в департаменты, губернаторы которых назначались президентом. В начале 1835 г. в Техас были посланы дополнительные воинские контингенты с целью обеспечить взимание таможенных пошлин. Под воздействием этих перемен обстановка еще больше накалилась. Все громче звучали голоса тех, кто призывал взяться за оружие, чтобы осуществить отделение от Мексики. Это были главным образом вновь прибывшие иммигранты (приток которых с 1834 г. заметно увеличился), еще не успевшие получить землю или найти себе занятие. Общая численность

[14] *Alessio Robles V.* Op. cit., t. 1, p. 362—364.

техасских колонистов к середине 30-х годов достигла 30 тыс. (не считая 5 тыс. негров-рабов), тогда как мексиканское население составляло всего около 3,5 тыс.[15]

В июне 1835 г. отряд американцев под командованием У. Трейвиса занял Анауак, гарнизон которого капитулировал. Вскоре крупные мексиканские силы, переправившись через Рио-Гранде, приблизились к Сан-Антонио. Однако их дальнейшее продвижение на восток 2 октября было приостановлено у селения Гонсалес. Заставив мексиканцев повернуть обратно, техасские волонтеры, в свою очередь, стали продвигаться в западном направлении.

Между тем в Сан-Фелипе собрался конвент представителей муниципалитетов Техаса, который 7 ноября принял декларацию о создании временного правительства, основанного на «принципах федеральной конституции Мексики 1824 г.». Заявляя на словах о полной лояльности «народа Техаса» по отношению к мексиканской федерации, конвент подчеркивал его решимость вести вооруженную борьбу против находящихся в Техасе войск незаконного режима Санта-Анны[16]. С этой целью предусматривалось сформировать армию[17], а командующим был назначен личный друг и протеже президента Джексона, бывший член конгресса и губернатор Теннесси Сэм Хьюстон. Многоопытный Остин и два других депутата направились за помощью в США, откуда немедленно стали поступать деньги, оружие и боеприпасы. Границу переходили многочисленные добровольцы. В США было закуплено несколько военных кораблей, препятствовавших подходу мексиканских судов к побережью Техаса. Однако техасские уполномоченные быстро обнаружили, что необходимым условием широкой и эффективной поддержки Техаса с севера является полный разрыв всяких связей с Мексикой.

Подобное решение было ускорено ходом событий. После почти 1,5-месячной осады мятежники 9 декабря овладели Сан-Антонио, и мексиканским войскам пришлось покинуть Техас. Но уже через два месяца там появилась 6-тысячная армия под командованием самого Санта-Анны. Совершив длительный переход по пустынной местности, она 23 февраля 1836 г. подошла к Сан-Антонио и, блокировав миссию Аламо, где укрылись мятежники, 6 марта захватила ее. Все находившиеся там были перебиты.

За несколько дней до этого в Вашингтоне-на-Бразос открылся конвент «представителей народа Техаса», среди которых преобладали выходцы с юга США. Ссылаясь на то, что в результате политики Санта-Анны «англо-американское население Техаса» оказалось под гнетом «самой нестерпимой тирании», посягающей на его свободу, права, интересы и имущество, конвент 2 марта провозгласил отделение от Мексики и образование независимой республики[18]. Конституция «Республики Техас», составленная по образцу североамериканской, узаконила рабство и ввоз рабов. Был принят техасский флаг с изображением пятиугольной золотой звезды на голубом поле. Все здоровые мужчины в возрасте от 17 до 50 лет призывались под ружье. Конвент обратился к правительству США

[15] Кроме того, в Техасе насчитывалось тогда примерно 14 тыс. индейцев. См.: *Yoakum H. K.* Op. cit., vol. 2, p. 197.
[16] The Laws of Texas, vol. 1, p. 522.
[17] К тому времени под ружьем находились уже 6 тыс. колонистов.
[18] The Laws of Texas, vol. 1, p. 1063—1067.

с просьбой помочь людьми, деньгами и снаряжением. Президентом республики стал Дэвид Бэрнет, а вице-президентом — один из немногих мексиканцев, поддержавших мятеж, крупный техасский землевладелец Лоренсо де Савала, считавшийся в Мексике изменником.

На протяжении марта 1836 г. мексиканские войска очистили от мятежников побережье Мексиканского залива до р. Колорадо и, тесня их, вынудили отходить дальше на восток. Охваченные паникой, жители с семьями бежали к границе. Встревоженный этим отступлением, командующий вооруженными силами США в Луизиане генерал Гэйнс по указанию военного министра приказал занять позиции вдоль пограничной реки Сабин, мотивируя этот шаг мнимой опасностью вторжения техасских индейцев. Преследуя мятежников, Санта-Анна с авангардом своей армии достиг устья р. Сан-Хасинто, где беспечно расположился на отдых, не приняв элементарных мер предосторожности. Воспользовавшись этим, колонисты во главе с Хьюстоном, ободренные тем, что в тылу у них находятся регулярные американские части, 21 апреля внезапно атаковали мексиканцев и полностью разгромили их. Санта-Анна, оставив поле боя, пытался спастись бегством, однако попал в руки победителей.

Находясь в плену, он, не имея на то никаких полномочий, 14 мая 1836 г. заключил с президентом «Республики Техас» Бэрнетом капитулянтское соглашение о прекращении военных действий и выводе мексиканских войск с техасской территории, а также обязался обеспечить признание Мексикой независимости Техаса и установление границы между ними по Рио-Гранде. Это означало по существу согласие отдать не только Техас, южной границей которого издавна считалась р. Нуэсес, но и часть Коауилы и Тамаулипаса, расположенную в междуречье Рио-Гранде и Нуэсес. В дальнейшем Санта-Анна, доставленный в Вашингтон, вел переговоры по этому вопросу с президентом Джексоном (январь 1837 г.), но они ни к чему не привели.

Дело в том, что правительство А. Бустаманте, пришедшее к власти после поражения при Сан-Хасинто, поспешило дезавуировать действия Санта-Анны. Мексиканский конгресс 20 мая, а затем 29 июля объявил, что все соглашения, заключенные Санта-Анной во время пребывания в плену, и данные при этом обязательства не имеют законной силы. Это не помешало, правда, конгрессу «Республики Техас» 19 декабря 1836 г. заявить, что ее южная и западная границы проходят по Рио-Гранде [19]. Однако правительство США, учитывая, что бывший диктатор Мексики не имеет никаких официальных полномочий и никого не представляет, не могло заключать с ним соглашений. Его вскоре освободили и на американском корвете препроводили на родину.

Осторожность, проявленная администрацией Джексона, вытекала из ее противоречивой и сложной позиции в отношении Техаса. Вспыхнувший там мятеж американских колонистов, провозглашение независимости, победа над мексиканскими войсками и их изгнание вызвали в США бурную реакцию. По всей стране, особенно к югу от р. Огайо, общественное мнение и пресса выступали с нападками на правительство Мексики, открыто выражали сочувствие и симпатии мятежникам. В городах и селениях для них собирали деньги, банки предоставляли займы, в Новом Орлеане, Луисвилле, Цинциннати, Нью-Йорке шла вербовка добровольцев.

[19] Ibid., p. 1193—1194.

Тысячи людей в Алабаме, Теннесси, Кентукки, Огайо и других штатах, привлеченные перспективой получения земли, вступали в формировавшиеся подразделения, которые двигались к переправам через р. Сабин или в Новый Орлеан, откуда морем перевозились в Техас. Спустя несколько месяцев после Сан-Хасинто, по неполным данным, 39 рот техасской армии были укомплектованы теми, кто прибыл уже после этого сражения, и лишь 14 рот — коренными техасцами[20]. Из США поступали, главным образом через Новый Орлеан, вооружение, боеприпасы, снаряжение.

Летом 1836 г. регулярные войска генерала Гэйнса с ведома правительства перешли границу и заняли Накогдочес, в 50 милях от нее. Мексиканский посланник в Вашингтоне М. де Горостиса заявил решительный протест, но не получил от государственного департамента удовлетворительного ответа. Нейтралитет США «существует лишь на словах и причиняет нам в тысячу раз больший вред, чем явная враждебность», доносил он 4 октября своему правительству[21]. В том же месяце Горостиса выехал из Вашингтона.

На протяжении всего 1836 г. нарастал поток петиций о признании независимости «Республики Техас», адресованных президенту и конгрессу США. Этого усиленно добивались через своих эмиссаров и сами руководители мятежа. Более того, их целью являлось немедленное включение Техаса в состав США. В ходе плебисцита, проведенного 5 сентября 1836 г., за присоединение высказалось подавляющее большинство голосовавших.

Но президент Джексон не спешил с формальным признанием техасской «республики». Прекрасно понимая фиктивный характер ее независимости, он не сомневался в том, что стоит только вашингтонскому правительству признать «Республику Техас», как перед ним неминуемо встанет вопрос об ее аннексии. В принципе это было как раз то, о чем мечтали предшественники Джексона, чего желали он сам и его окружение. Но в Вашингтоне не без оснований опасались, что такой шаг может вызвать серьезные международные осложнения: вооруженный конфликт с Мексикой, противодействие европейских держав, прежде всего Англии, имевшей свои виды на Техас. К тому же нельзя было не считаться с позицией влиятельных кругов Северо-Востока, решительно возражавших против возможного присоединения рабовладельческого Техаса к США.

Исходя из указанных соображений, Белый дом оттягивал решение, последствия которого могли создать значительные трудности. В июне 1836 г. Джексон поручил чиновнику госдепартамента Морфиту ознакомиться с положением в Техасе. Получив его доклад, он 21 декабря направил конгрессу послание, в котором, по совету государственного секретаря Форсита и вновь избранного президента Ван-Бюрена, рекомендовал отложить дипломатическое признание «Республики Техас», ссылаясь, в частности, на неясность намерений Мексики[22]. Однако под усилившимся давлением конгрессменов-экспансионистов, земельных спекулянтов и других вдохновителей техасского «лобби» 3 марта 1837 г., в последний

---

20 *Nance J. M.* After San Jacinto. Austin, 1963, p. 18.

21 *Bosch García C.* Historia de las relaciones entre México y los Estados Unidos, 1819—1848. México, 1961. p. 193.

22 A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. 1789—1902: Vol. 1—10 / Ed. by J. D. Richardson. Wash.. 1903, vol. 3. p. 265—269.

день пребывания на президентском посту, Джексон подписал, наконец, принятые несколько раньше резолюции сената и палаты представителей о признании независимости Техаса[23] и назначил поверенного в делах при техасском правительстве.

Между тем влиятельные силы в США, рассматривая отделение Техаса от Мексики всего лишь как промежуточный рубеж на пути к его полному поглощению Соединенными Штатами, настойчиво действовали в этом направлении. Их позиция диктовалась не только давними экспансионистскими тенденциями политики Вашингтона и специфическими интересами рабовладельцев Юга, но и конкретными материальными мотивами. Приток в Техас людей, капиталов и товаров с севера усиливался с каждым годом. За счет наплыва иммигрантов из США численность американского населения «республики» в течение второй половины 30-х годов почти удвоилась. Североамериканские дельцы охотно приобретали акции подвизавшихся в Техасе компаний[24], вкладывали деньги в облигации, выпускавшиеся техасским правительством, участвовали в земельных спекуляциях. В 1839 г. «Банк Соединенных Штатов» (Пенсильвания) предоставил Техасу заем на сумму 400 тыс. долл.

Быстро развивалась торговля, важнейшим центром которой стал Новый Орлеан. За 1837—1839 гг. стоимость американского экспорта в Техас возросла с 1 007 928 до 1 687 086 долл., а импорта — с 163 284 до 318 116 долл.[25] В 1838—1840 гг. из портов США прибыли восемь боевых кораблей, которые под командованием кадровых офицеров американского военно-морского флота курсировали вдоль побережья Мексиканского залива и доходили даже до Юкатана, нападая на прибрежные селения мексиканцев и захватывая их суда.

Выражая настроения кругов, по разным причинам заинтересованных в присоединении Техаса, такие люди, как Джон Кэлхун, президент упомянутого банка Никлас Биддл, сенатор Роберт Уокер, бывший губернатор Виргинии Томас Гилмер, видный издатель Дафф Грин и другие, решительно требовали в печати и с трибуны конгресса немедленных действий. Весьма расположенное внять этим настояниям правительство Ван-Бюрена вынуждено было, однако, прислушиваться и к голосам противников аннексии. Их рупором в числе других являлись престарелый Дж. К. Адамс и известный теолог и проповедник У. Э. Чаннинг. Последний в открытом письме Г. Клею (1837 г.) заявлял, что отделение Техаса обусловлено не притеснениями со стороны мексиканцев, а земельными спекуляциями и стремлением к экспансии с целью распространения рабства. Аннексия же, писал он, неминуемо вовлечет США в войну с Мексикой и Англией, приведет к подрыву американских институтов и распаду Союза[26]. В сложившейся ситуации государственный секретарь Форсит 25 августа 1837 г. отклонил официальное обращение «Республики Техас» о ее присоединении к Соединенным Штатам.

В 1839—1840 гг. независимость Техаса признали Англия, Франция, Нидерланды, Бельгия, полагавшие, что новая «республика» станет барьером на пути дальнейшей экспансии США на юг. Европейские державы

[23] Ibid., p. 281—282.
[24] Уже к январю 1837 г. они имели акций более чем на 1 млн акров земли.
[25] *Pletcher D. M.* The Diplomacy of Annexation. Columbia, 1973, p. 74—75, 85—86.
[26] The Works of William E. Channing: Vol. 1—6. Glasgow, 1840—1844, vol. 2, p. 183—254.

были заинтересованы в этом, так как сами преследовали корыстные цели в данном регионе. Однако мексиканское правительство категорически отказывалось признать «Республику Техас», и все усилия техасских эмиссаров, в 1839—1841 гг. неоднократно посещавших Мехико и предлагавших компенсацию в размере 5 млн. долл., были тщетны.

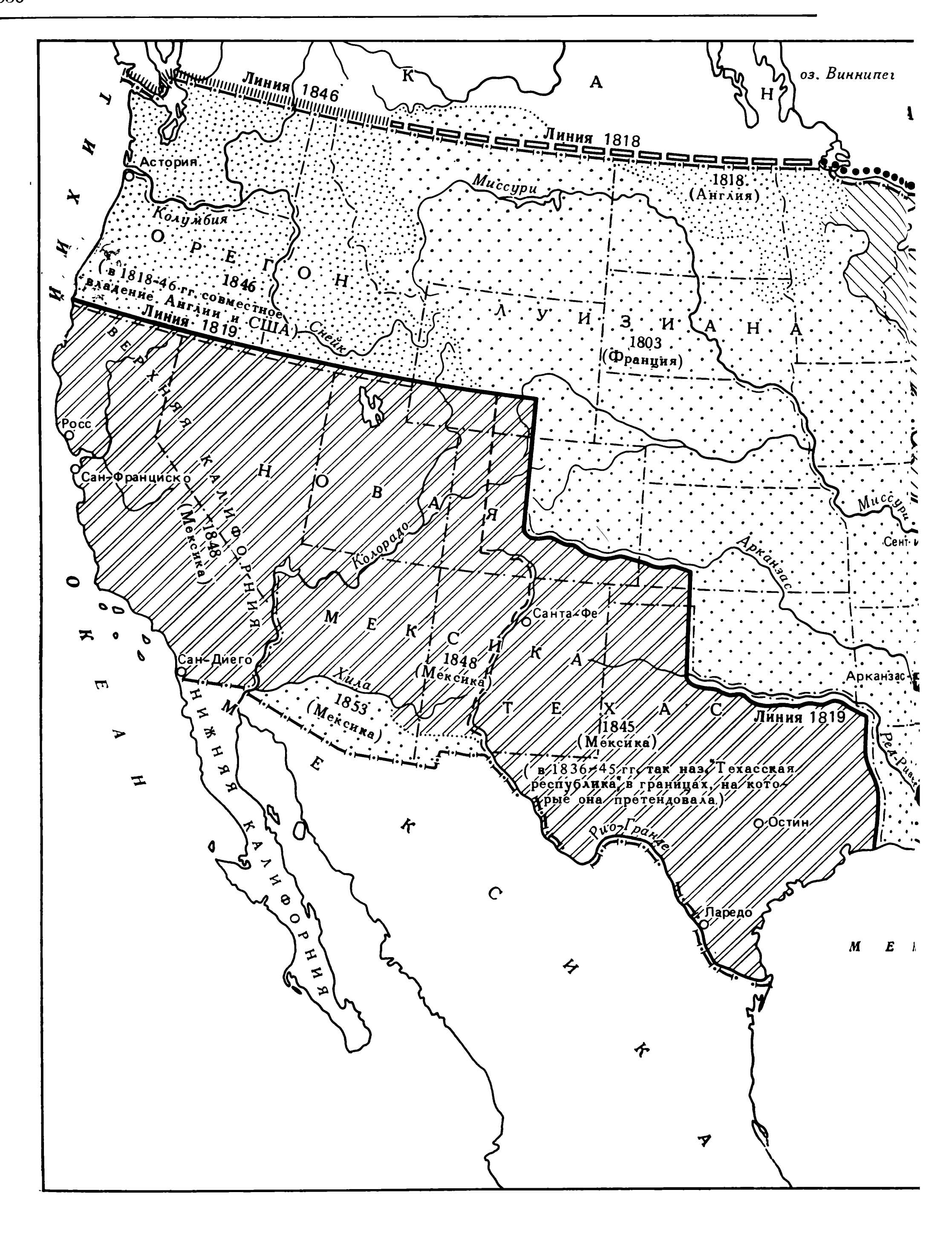
Правда, в связи с неустойчивостью политического положения, обострением социальных противоречий, непрерывной борьбой за власть, с французской агрессией Мексика была тогда не в состоянии направить крупные силы для восстановления своего суверенитета над Техасом. Но в 1842 г. ее войска дважды демонстративно переходили Рио-Гранде и на несколько дней занимали Сан-Антонио. Техасцы, предпринявшие в декабре того же года ответные рейды через реку, были немедленно отброшены обратно на левый берег.

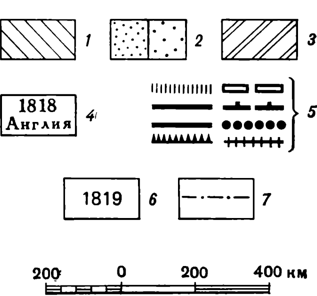
После временного затишья, вызванного в значительной мере аболиционистской пропагандой и внутриполитической борьбой, с начала 40-х годов и особенно с приходом в Белый дом Дж. Тайлера, который открыто симпатизировал планам аннексии, США были охвачены новым приступом «техасской лихорадки». Формулируя официальную позицию, государственный секретарь Д. Уэбстер 8 июля 1842 г. писал американскому посланнику в Мехико: «Со времени сражения при Сан-Хасинто в апреле 1836 г. до настоящего момента Техас обладает теми же внешними признаками национальной независимости, что и сама Мексика, и его правительство столь же стабильно. Практически он свободен и независим, его политический суверенитет признан главными державами мира, на его территорию в течение шести или семи лет не ступала нога неприятеля, и сама Мексика на протяжении всего этого периода воздерживается от всяких дальнейших попыток восстановить свою власть над этой территорией» [27]. Очередному оживлению аннексионистских тенденций способствовали распространившиеся в 1843 г. слухи об усилиях британской дипломатии добиться урегулирования конфликта между Мексикой и Техасом и намерении Англии подчинить последний своему влиянию.

Встревоженное возобновлением пропагандистской кампании в пользу аннексии и сообщениями о предстоящих шагах в этом направлении, мексиканское правительство энергично протестовало. 23 августа 1843 г. устами министра иностранных дел Боканегры оно заявило, что «принятие акта о присоединении Техаса к территории Соединенных Штатов будет считать равносильным объявлению войны Мексиканской республике» [28]. 3 ноября о том же предупредил государственного секретаря Апшера посланник Мексики в Вашингтоне Альмонте. Тем не менее политическая и дипломатическая подготовка аннексии продолжалась. В ответ на заявления мексиканского правительства президент Тайлер в годичном послании конгрессу в декабре 1843 г., оперируя теми же доводами, что полтора года назад Уэбстер, публично подтвердил решимость Белого дома рассматривать Техас как суверенное государство [29].

12 апреля 1844 г. государственный секретарь Кэлхун и уполномоченные «Республики Техас» подписали в Вашингтоне договор о присоединении последней к США. Выразив протест по этому поводу, правительство

[27] Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs, 1831—1860: Vol. 1—12 / Ed. by W. R. Manning. Wash., 1932—1939, vol. 8, p. 113.
[28] Ibid., p. 557.
[29] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 4, p. 261—262.

Линия 1846
К
А
Н
оз. Виннипег
Линия 1818
1818
(Англия)
Астория
Миссури
Колумбия
О Р Е Г О Н
(в 1818-46 гг. совместное владение Англии и США)
1846
Линия 1819
Снейк
Л У И З И А Н А
1803
(Франция)
Верхняя Калифорния
Росс
Сан-Франциско
1848
(Мексика)
Н О В А Я
Колорадо
Миссури
Сент-Л
Арканзас
Санта-Фе
М Е К С И К А
1848
(Мексика)
Сан-Диего
Хила
1853
(Мексика)
Т Е Х А С
1845
(Мексика)
Линия 1819
Арканзас
Ред-Ривер
(в 1836-45 гг. так наз. Техасская республика в границах, на которые она претендовала)
Остин
Рио-Гранде
Ларедо
Нижняя Калифорния
М Е К С И К А
Тихий океан

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ США
(конец XVIII в.— 1867 г.)

1 — территория США в 1783 г. (после войны за независимость); территории, присоединенные к США после 1783 г.:

2 — в результате соглашений с Англией и покупки у других стран;

3 — в результате военных экспедиций и войн с Испанией и Мексикой;

4 — страна, владевшая территорией до присоединения ее к США, и год присоединения;

5 — линии территориальных разграничений и уточнения границ;

6 — годы установления и уточнения границ;

7 — современные границы штатов

Мексики 30 мая вновь выступило против посягательств на свою территорию и повторило прежние предостережения. Между тем вследствие сопротивления аболиционистски настроенных буржуазных кругов Севера, считавших аннексионистские планы затеей южан с целью распространения рабства, сенат отказался ратифицировать договор [30].

Однако экспансионисты не оставили своих намерений, и в ходе предвыборной кампании проблема аннексии заняла центральное место. Еще 27 апреля 1844 г. наиболее вероятные кандидаты на пост президента Клей и Ван-Бюрен одновременно заявили в печати, что, хотя в принципе не возражают против присоединения Техаса, считают такую акцию невозможной без согласия Мексики. После этого собравшийся в мае съезд вигов единодушно выдвинул кандидатуру Клея, тогда как Ван-Бюрену, оттолкнувшему своим заявлением многих представителей Юга и Запада, не удалось собрать требуемых $^2/_3$ голосов участников съезда демократической партии. В результате кандидатом демократов неожиданно стал относительно малоизвестный человек, бывший спикер палаты представителей и губернатор Теннесси Джеймс Полк — ярый сторонник экспансионистской политики, пользовавшийся поддержкой президента Тайлера и экс-президента Джексона.

Хотя в ходе политической борьбы, развернувшейся во время подготовки к президентским выборам 1844 г., Орегону уделялось меньшее по сравнению с Техасом внимание, англо-американское соперничество в этом регионе к середине 40-х годов крайне обострилось. Согласно договорам, заключенным Россией с США (1824 г.) и Англией (1825 г.), граница российских владений на Тихоокеанском побережье устанавливалась по 54°40′ с. ш. Таким образом, спорной оставалась территория между этой линией и 42-й параллелью, на которую претендовали США и Англия. Все попытки договориться об ее разделе оказались безуспешными, так как США добивались признания своей северной границей 49-й параллели, Англия же требовала провести границу по р. Колумбия. Статус, предусмотренный лондонской конвенцией 1818 г., 6 августа 1827 г. был продлен на неопределенный срок с правом денонсирования соглашения при условии уведомления за один год.

В 30-х годах перевес в борьбе за Орегон явно стал склоняться в сторону Англии. «Компания Гудзонова залива», слившаяся в 1821 г. с «Северо-Западной компанией», постепенно вытеснила американских скупщиков пушнины и фактически монополизировала меховую торговлю к северу от р. Колумбия. На всем протяжении от этой реки до Аляски она строила торговые фактории и укрепления. Активность англичан вызвала тревогу в США и стимулировала колонизацию Орегона американцами.

В авангарде их движения к Тихому океану, носившего первоначально индивидуальный характер, шли миссионеры, еще в 30-х годах обосновавшиеся в долине р. Уилламетт — южного притока Колумбии. Сообщения о плодородных, орошаемых землях Орегона в условиях экономической депрессии, охватившей с 1839 г. Средний Запад, привлекали колонистов, число которых быстро росло. К началу 40-х годов они проложили так называемую Орегонскую тропу от устья Миссури на запад, вдоль ее пра-

[30] Текст договора и обстоятельный анализ всех перипетий его подготовки, подписания и отклонения см.: *Merk F.* Slavery and the Annexation of Texas. N. Y., 1972, p. 3—82, 271—275.

вого притока р. Платт, через Южный перевал Скалистых гор, долину р. Снейк (левый приток Колумбии) и далее вниз по р. Колумбия. Летом 1842 г. этот долгий и тяжелый путь проделала первая крупная партия переселенцев — более сотни людей и около 18 крытых фургонов, сопровождаемые стадами скота. Колонисты предпочитали селиться, как правило, к югу от Колумбии, особенно вдоль притока Уилламетт. Вследствие наплыва американцев в Орегон на рубеже 30—40-х годов в конгрессе США неоднократно выдвигались требования присоединить эту территорию, ибо иначе, как утверждал сенатор Линн, ее захватит Англия. Такое же мнение высказал в своем отчете Чарлз Уилкс, исследовавший по поручению правительства Ван-Бюрена орегонское побережье.

Однако никакой реальной британской угрозы Орегону в то время не существовало. Напротив, интерес к нему с английской стороны заметно ослаб, так как в связи с первой «опиумной» войной 1840—1842 гг. и открытием китайских портов (согласно Нанкинскому договору 1842 г.) многие купцы и предприниматели, занимавшиеся скупкой пушнины в Орегоне, переключились на торговлю с Дальним Востоком. Поэтому администрация Тайлера, прежде всего озабоченная Техасом, не очень спешила с решением орегонской проблемы, полагая, что время работает на США. Правда, подписание 9 августа 1842 г. договора Уэбстера — Ашбертона, урегулировавшего спор о северо-восточной границе США с Канадой [31], способствовало возобновлению переговоров об Орегоне. Но поиски взаимоприемлемого компромисса осложнились вследствие резкого усиления экспансионистских настроений, вызванного ростом американской иммиграции на Запад. Весной 1843 г. началось «великое переселение»: около 1 тыс. человек и 5 тыс. голов скота покинули берега Миссури, держа путь на Орегон. За ними последовали другие. В итоге американское население этой территории, составлявшее в 1841 г. примерно 400 человек, в 1845 г. превысило 5 тыс.[32] Они создали свои местные органы самоуправления.

В этих условиях на протяжении 1843—1844 гг. в конгрессе и на страницах печати велась интенсивная кампания за захват всего Орегона до 54°40′ с. ш. Этого требовали, особенно в ходе избирательной кампании, многие деятели демократической партии, в том числе сенатор Дж. Бьюкенен. Даже президент Тайлер в послании 5 декабря 1843 г. упомянул о правах США «на всю территорию страны, расположенной на побережье Тихого океана между 42° и 54°40′ с. ш.» [33]. Но в процессе официальных переговоров, происходивших в Лондоне и Вашингтоне, американская сторона ограничивалась прежним предложением об установлении границы по 49-й параллели. Подобная сдержанность в значительной мере обусловливалась состоянием техасской проблемы.

Победа Полка на выборах в ноябре 1844 г. была воспринята правительством как мандат на немедленную аннексию Техаса. По рекомендации Тайлера палата представителей и сенат приняли соответственно 25 января и 27 февраля 1845 г. совместную резолюцию, предлагавшую Техасу

---

[31] Англо-американский конфликт обострился в связи с поддержкой населением Нью-Йорка, Вермонта, Огайо и других пограничных штатов вооруженных восстаний, вспыхнувших в конце 1837 г. в Нижней и Верхней Канаде. Согласно договору США получили более половины спорной территории, составлявшей свыше 12 тыс. кв. миль. См.: Treaties, vol. 4, p. 363—370.

[32] *Fuller G. W.* A History of the Pacific Northwest. 2nd ed. N. Y., 1941, p. 190.

[33] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 4, p. 258.

войти в состав США на правах штата[34]. 1 марта, перед уходом с президентского поста, ее подписал Тайлер. Его преемник Полк заявил 4 марта, что аннексию Техаса следует рассматривать как «мирное приобретение» территории, ранее принадлежавшей США[35].

В ответ Мексика тотчас же порвала дипломатические отношения с США. Вместе с тем новое правительство Эрреры, более трезво оценивавшее финансово-экономическое состояние и военный потенциал страны и потому склонное к компромиссу, 19 мая выразило готовность признать независимость «Республики Техас» при условии, что та обязуется не присоединяться к США[36]. Этот отчаянный шаг подсказала британская дипломатия, которая рассчитывала на то, что Англия, выступая совместно с Францией в роли посредника и гаранта «независимости» Техаса, сможет фактически установить контроль над ним. Но было уже поздно.

Не дожидаясь, пока население и правительство Техаса выразят свое отношение к предложению США, как это предусматривалось совместной резолюцией конгресса, правительство Полка 15 июня 1845 г. распорядилось, чтобы корпус генерала З. Тейлора, дислоцировавшийся восточнее р. Сабин, вступил на техасскую территорию и занял позиции вдоль Рио-Гранде. Спустя месяц американские войска вышли к р. Нуэсес и в полной боевой готовности сосредоточились близ ее устья, в районе Корпус-Кристи — самого южного населенного пункта Техаса. К осени их численность вместе с прибывшими дополнительными контингентами достигла 4 тыс., что составляло почти половину всей регулярной армии США.

Инструкции военного департамента предписывали Тейлору подойти как можно ближе к Рио-Гранде, и если мексиканцы переправятся через нее, форсировать реку и начать военные операции на южном берегу. Он получил указания в случае необходимости запросить подкрепления из Техаса, а также Луизианы, Алабамы, Миссисипи, Теннесси, Кентукки. Эскадра коммодора Коннера, базировавшаяся в Галвестоне, должна была при переходе мексиканцев через Рио-Гранде немедленно блокировать побережье Мексиканского залива, а командующий тихоокеанской эскадрой коммодор Слоут в июне получил приказ, как только начнется война с Мексикой, захватить Сан-Франциско и другие порты Калифорнии.

21 июня 1845 г. техасский конгресс единодушно отверг идею соглашения с Мексикой, а затем высказался за присоединение к США. 4 июля это решение одобрил конвент представителей населения Техаса в Остине, состоявший почти исключительно из уроженцев США. В пользу аннексии было подано подавляющее большинство голосов в ходе всенародного референдума 13 октября, в котором участвовало около 4,5 тыс. человек. 29 декабря президент Полк подписал одобренный конгрессом билль о включении Техаса в состав США на правах штата[37], конституция которого юридически санкционировала рабство и ввоз рабов.

Последняя стадия затянувшегося процесса поглощения Техаса про-

---

[34] Congressional Globe, 28th Congress, 2nd Session, p. 191—194, 358—363.

[35] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 4, p. 380.

[36] При этом специально оговаривалось, что если стороны не придут к соглашению вследствие присоединения Техаса к США, то указанное заявление мексиканского правительства утратит силу. См.: Documents of Texas History. Austin, 1963, p. 147.

[37] 19 февраля 1846 г. президент «Республики Техас» Энсон Джонс официально передал власть губернатору Дж. П. Гендерсону.

шла быстро и вполне гладко, так как долголетнее сопротивление его противников из северных и западных штатов было парализовано. В тот момент они не могли противодействовать рабовладельцам Юга в техасском вопросе, поскольку крайне нуждались в их поддержке для захвата Орегона.

3. ОРЕГОН И КОНЦЕПЦИЯ «ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЬБЫ»

С присоединением Техаса орегонская проблема выдвинулась на первый план в экспансионистской программе администрации Полка. Этот политический курс активно поддерживали другие члены кабинета (министр финансов Уокер, морской министр Бэнкрофт, военный министр Марси, с некоторыми колебаниями — государственный секретарь Бьюкенен) и демократическое большинство конгресса.

Программа экспансии была весьма полно и достаточно отчетливо изложена в президентском послании конгрессу 2 декабря 1845 г. Особое внимание в США и за их пределами привлек тот раздел этого пространного документа, который непосредственно перекликался с доктриной Монро и являлся в определенном смысле ее дальнейшим развитием. Напомнив принцип, сформулированный в свое время пятым президентом, Полк счел нужным «повторить и вновь подтвердить», что США не допустят захвата или колонизации какой-либо части Северной Америки европейскими державами, а также не потерпят их вмешательства в дела этого субконтинента. Явно полемизируя с июньским заявлением французского министра иностранных дел Гизо, высказавшегося за сохранение «равновесия сил» в Новом Свете и косвенно осудившего аннексию Техаса, президент подчеркнул, что, если какое-нибудь американское государство либо территория пожелает «объединиться с нашей конфедерацией», это никого, кроме обеих непосредственно заинтересованных сторон, не касается[38].

Конкретно в тот момент подразумевались Техас, Орегон и Калифорния. Об аннексии Техаса Полк упомянул кратко, как о свершившемся факте. Утверждая, будто Мексика признала его независимость, он заявил, что «она не имела ни права, ни оснований предписывать ограничения в отношении формы правления, которую Техас после этого пожелал бы избрать»[39]. Президент информировал конгресс о принятых правительством военных «мерах предосторожности» на случай враждебных действий с мексиканской стороны.

Наиболее существенное значение имела та часть послания Полка, которая относилась к Орегону. Сообщив о том, что после отклонения Англией предложений вашингтонского правительства переговоры зашли в тупик и в конце августа были прерваны, президент рекомендовал конгрессу денонсировать соглашение 1827 г. и взять американских колонистов в Орегоне под защиту США. «Не может быть никакого компромисса, на который Соединенным Штатам следовало бы согласиться,— заметил он, объявляя об отказе от сделанного ранее компромиссного предложения, и добавил: — Мы отстаиваем свои права на всю территорию Орегона»[40].

---

[38] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. vol. 4. p. 398—399.
[39] Ibid., p. 389.
[40] Ibid., p. 395.

Важным объектом экспансии США являлась также Верхняя Калифорния, прямо не упоминавшаяся в президентском послании. Эта обширная мексиканская провинция (а с 1824 г. одна из территорий Мексики), богатая полезными ископаемыми, к середине 20-х годов насчитывала примерно 23,5 тыс. жителей, из которых около 85% составляли индейцы. С начала XIX в. у ее берегов стали появляться суда американских и английских купцов, скупавших и выменивавших у местного населения шкурки калана (морской выдры). По мере того как пушные ресурсы истощались, с 20-х годов первое место в торговле стали занимать кожи, сало, продовольствие и топливо для китобоев, а в обмен с востока США доставлялись скобяные изделия, одежда, обувь, мебель и иные товары. Постепенно в Монтерее, Лос-Анджелесе и других пунктах Калифорнийского побережья возникли небольшие селения купцов и лавочников, прибывших морем из Новой Англии. Некоторые из них представляли крупные торговые фирмы восточных штатов. Обосновавшийся в Калифорнии с 1832 г. Томас Оливер Ларкин, по прозвищу «Бостонец», вел торговлю кожами, лесом, сахаром, спиртными напитками, промышленными изделиями по всему Тихоокеанскому побережью Америки, занимался ростовщичеством.

По следам первой крупной сухопутной экспедиции Джеседия Смита (1826—1828) на протяжении 30-х годов в Калифорнию с востока проникали группы охотников за пушниной. Переломным моментом американской колонизации Калифорнии явился 1841 год, когда часть партии переселенцев, двигавшейся по Орегонской тропе, повернула от верховьев р. Снейк на юго-запад и вышла в долину р. Сан-Хоакин. В 1843 г. там же появилось еще около сотни колонистов. Некоторые из них поселились в долине р. Сакраменто, где эмигрировавший в США швейцарец Джон Саттер основал колонию Новая Гельвеция. В 1841 г. он купил у российских властей крепость Росс. Большое значение для освоения Калифорнии американцами имела экспедиция Джона Чарлза Фримонта, которая, преодолев горные хребты Сьерры-Невады, в марте 1844 г. достигла Тихого океана.

В 1845 г. по Калифорнийской тропе, ответвившейся от Орегонской, в долины Калифорнии прибыло около 250 человек. Американцы составляли большинство среди иностранных колонистов, общая численность которых в течение первой половины 40-х годов возросла с 400 до 700[41]. Мало общаясь с местным населением, они держались обособленно и обычно даже не знали испанского языка, но тем не менее постоянно вмешивались в борьбу различных политических группировок Калифорнии.

Проявляя значительный интерес к отдаленной и слабо контролируемой мексиканскими властями территории, правительство США еще в период второго президентства Джексона пыталось купить хотя бы часть Калифорнии, включая гавань Сан-Франциско, но безуспешно. Столь же безрезультатными оказались попытки, предпринятые в этом направлении администрацией Тайлера. В октябре 1842 г. американские военные суда под флагом командующего тихоокеанской эскадрой коммодора Джонса в связи с ложными слухами о начале войны между США и Мексикой оккупировали Монтерей. Вследствие преждевременности этой акции

---

[41] *Roske R. J.* Everyman's Eden. A History of California. N. Y.; L., 1968, p. 202—203.

инцидент был быстро ликвидирован, но он наглядно свидетельствовал о намерениях США в отношении Калифорнии. В их осуществлении немалую роль сыграл Ларкин, назначенный в 1843 г. консулом в Монтерее, а позднее и секретным агентом США в Калифорнии.

Получив в конце мая 1845 г. сообщение о смещении (с помощью американцев) губернатора Калифорнии Мичельторены, правительство Полка, как указывалось, распорядилось, чтобы в случае возникновения войны с Мексикой военно-морские силы заняли важнейшие калифорнийские порты. В середине года по инициативе морского министра Бэнкрофта и сенатора Бентона военный департамент направил в Калифорнию хорошо снаряженную экспедицию (третью по счету) капитана Фримонта[42]. В октябре-ноябре Ларкину и Фримонту были посланы инструкции способствовать подготовке мятежа мексиканцев и американских колонистов в целях отделения Калифорнии от Мексики и последующего присоединения ее к США. Государственный секретарь Бьюкенен указывал, что, если жители Калифорнии «захотят соединить свою судьбу с нашей, они будут приняты как братья»[43]. Одновременно подтверждались прежние инструкции коммодору Слоуту.

Экспансионистские круги США давно проявляли интерес и к соседней с Калифорнией провинции (а с 1824 г. территории) Новая Мексика. На протяжении 30-х годов торговля с ней, которую вели преимущественно миссурийские купцы, неуклонно росла. Их обозы регулярно отправлялись в Санта-Фе. К началу 40-х годов стоимость товаров, доставлявшихся туда из США, достигла в среднем 0,5 млн. долл. в год. Закупаемые в Новой Мексике серебро, меха, мулы находили широкий спрос на американских рынках. Лидеры техасских мятежников, в свою очередь, стремились изменить направление этой торговли с тем, чтобы указанная продукция перевозилась вниз по р. Колорадо или какой-либо другой реке Техаса в один из портов Мексиканского залива. Претендуя на часть Новой Мексики, расположенную восточнее Рио-Гранде, они снарядили весной 1841 г. комбинированную военно-торговую экспедицию в верховья этой реки. Однако при подходе к Санта-Фе техасцы были разгромлены мексиканскими войсками.

Развивая концепции, потенциально заложенные в доктрине Монро, вашингтонское правительство в середине 40-х годов устами Полка объявило, что США претендуют на особые отношения с другими американскими странами и рассматривают себя как великую державу, призванную вершить судьбы всего западного полушария. Для идеологического обоснования подобных претензий и экспансионистских тенденций большое значение имел комплекс идей, среди которых видное место занимала теория «предопределения судьбы» (Manifest Destiny). Это выражение впервые появилось на страницах печати в июле 1845 г., когда журнал «Демократик ревью» опубликовал статью своего редактора Джона О'Салливэна по техасскому вопросу. Но в политический лексикон оно вошло и получило широкое распространение полгода спустя в связи с передовой нью-йоркской газеты «Морнинг ньюс» от 27 декабря, озаглав-

[42] Публикацию документов, относящихся к экспедициям Фримонта, см.: The Expeditions of John Charles Frémont: Vol. 1, 2 / Ed. by D. Jackson, M. L. Spence. Urbana, Chicago, London, 1970—1973. Новейшее исследование на эту тему см.: *Egan F.* Frémont. Explorer for a Restless Nation. Garden City, 1977.

[43] Diplomatic Correspondence of the United States, vol. 8, p. 170.

ленной «Истинное право» и написанной, судя по всему, тем же О'Салливэном.

В ней указывалось: «И, наконец, помимо неопровержимых доказательств наших законных прав на Орегон... у нас есть еще большее право, нежели любое, которое когда-либо может быть выведено из всех этих устаревших документов древнего международного права. Мы не нуждаемся во всех этих покрытых пылью бумагах о правах открытия, исследования, заселения, преемственности и т. д. Если быть откровенными и говорить прямо, чем мы пренебрегаем, то можно сказать, что, будь соответствующие доводы и аргументы обеих сторон, касающиеся всех этих исторических и юридических вопросов, противоположными — имей Англия все наши, а мы только ее,— наши претензии на Орегон тем не менее были бы самыми вескими и бесспорными. Эти претензии основаны на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас великой миссии: установить свободу и федеративное самоуправление» [44].

Идею «предопределения судьбы» мгновенно подхватили ярые приверженцы экспансионистской политики: журналисты и конгрессмены, военные и чиновники, плантаторы и предприниматели, коммерсанты и банкиры. С первых дней нового года она стала часто фигурировать в прессе и в речах, раздававшихся с трибуны конгресса, причем, высказанная применительно к Орегону, сразу же приобрела гораздо более широкое звучание. Ее адепты утверждали, будто североамериканцы — избранный народ, которому сама судьба предназначила превратить Америку в «зону свободы». Реставрируя старую «доктрину естественных границ», они заявляли, что на западе такой «естественной» границей США является Тихий океан. Из этого вытекало, что весь Орегон, Калифорния, Новая Мексика, не говоря уже о Техасе, должны в конечном счете войти в состав Соединенных Штатов [45].

На протяжении первых месяцев 1846 г. в сенате и палате представителей разгорелись жаркие споры по орегонскому вопросу. Твердую позицию Полка, который любил повторять, что «единственный способ обращения с Джоном Буллем — это посмотреть ему прямо в глаза» [46], и предлагал предупредить Англию о предстоящем денонсировании соглашения 1827 г., разделяли многие члены конгресса. Ядро их составляли демократы, представлявшие штаты Среднего Запада.

Но к ним примыкали и некоторые руководители вигов, в том числе многолетний лидер антирабовладельческих сил нижней палаты Дж. К. Адамс. Оставаясь убежденным аболиционистом и противником экспансии южнее 36°30′, 78-летний конгрессмен от Массачусетса заодно с воинствующими «ястребами» Запада в своих речах требовал захвата всего Орегона. Подобные притязания он аргументировал «предопределе-

[44] Цит. по: *Weinberg A. K.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 144—145.

[45] Подробный анализ процесса формирования концепции «предопределение судьбы» см.: *Дементьев И. П.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973, с. 48—54.

[46] *Polk J.* The Diary of a President, 1845—1849. London; New York; Toronto, 1952, p. 42. 5 декабря 1845 г. морской министр Бэнкрофт приказал перебросить тихоокеанскую эскадру, базировавшуюся в районе мексиканского порта Масатлан, к побережью Орегона и раздать американским колонистам в долине р. Уилламетт оружие и 500 экземпляров копий президентского послания от 2 декабря.

нием судьбы», отсутствием у Англии, по его словам, оснований претендовать на какую-либо часть спорной территории, и т. д. Адамс ссылался и на библейскую заповедь «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт., I:28), и на более близкий пример — короля Фридриха II, сперва занявшего Силезию, а уж потом вступившего в переговоры по этому поводу. В ходе острой политической дискуссии, достигшей к середине февраля апогея, экстремисты выдвинули лозунг: «54°40′ или война».

Однако им противостоял разношерстный блок вигов и умеренных демократов, выражавших интересы торгово-промышленных кругов восточных штатов и рабовладельцев Юга, которые склонялись к компромиссу с Англией. Даже столь рьяные вдохновители экспансионистской политики, как Кэлхун и Бентон, в данном случае призывали к большей осмотрительности. 23 апреля 1846 г. обе палаты приняли резолюцию, предоставлявшую президенту решать вопрос о предварительном уведомлении Англии относительно намерения США денонсировать соглашение 1827 г. по собственному усмотрению. В ближайшие дни американскому посланнику в Лондоне было предписано официально передать британскому правительству соответствующее предупреждение.

Но администрация Полка, озабоченная резким обострением отношений с Мексикой и начавшимися военными действиями на Рио-Гранде, не собиралась вступать в серьезный конфликт с Англией. К мирному урегулированию затянувшегося спора из-за Орегона стремился и кабинет Пиля. Поэтому США согласились с компромиссным решением, предложенным английским министром иностранных дел Эбердином. 15 июня 1846 г. государственный секретарь Бьюкенен и британский посланник Пакенхэм подписали в Вашингтоне договор, устанавливавший линию размежевания между владениями обеих держав к западу от Скалистых гор по 49-й параллели[47]. Англо-американская граница стала трансконтинентальной.

4. ВОЙНА С МЕКСИКОЙ (1846—1848)

Если аннексию Техаса и присоединение большей части Орегона (285 580 кв. миль) Соединенным Штатам удалось осуществить преимущественно дипломатическими методами (включая, разумеется, давление, провокации и шантаж), то для захвата Калифорнии и Новой Мексики пришлось воевать. Подготовка к этой войне велась давно, еще тогда, когда армия и флот США были направлены к мексиканским сухопутным границам и побережью. Вместе с тем и одновременно с действиями, имевшими целью инспирировать в Калифорнии «мятеж» по техасскому образцу, вашингтонское правительство пыталось оказать нажим на Мексику, чтобы «мирным путем» добиться от нее желаемых территориальных уступок. Эта миссия была возложена на члена конгресса от Луизианы Джона Слайделла, обладавшего, по словам К. Маркса, «редкими способностями плести интриги, неутомимостью и выдержкой, бессовестностью и бесцеремонностью...»[48].

---

[47] Treaties, vol. 5, p. 3—5. О завершающей стадии урегулирования орегонской проблемы см.: *Merk F.* The Oregon Question. Cambridge (Mass.), 1967, p. 364—394.

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 417.

Назначенный чрезвычайным посланником и полномочным министром США в Мексике, Слайделл получил 10 ноября 1845 г. инструкции предъявить мексиканскому правительству финансовые претензии, сумма которых заведомо превышала платежные возможности страны. Ему поручалось исходя из того, что независимость Техаса — «свершившийся факт», предложить аннулирование всей задолженности и дополнительно 5 млн. долл., если мексиканцы согласятся признать в качестве границы Рио-Гранде (от устья до истоков) и уступить Новую Мексику, еще 15 млн. за продажу северной части Калифорнии с заливом и портом Сан-Франциско или 20 млн. за всю Верхнюю Калифорнию [49].

Учитывая неустойчивое внутриполитическое положение, экономические затруднения и военную слабость Мексики, а также стремление умеренно либерального правительства Эрреры избежать вооруженного столкновения с США, Полк и его окружение, быть может, не совсем исключали вероятность успеха (хотя бы частичного) миссии Слайделла. Но, судя по всему, они почти не рассчитывали на положительный результат и задумали этот шаг скорее как отвлекающий маневр, чтобы замаскировать свои военные приготовления и иметь повод к началу войны.

Убедившись, что Слайделл, которого Эррера ранее согласился принять, прибыл в Мехико не в качестве специального уполномоченного для обсуждения техасского вопроса, мексиканский президент в обстановке роста патриотических настроений и усиления народного недовольства примирительной политикой «модерадос» отказался вести переговоры с эмиссаром Белого дома. Как только государственный департамент получил донесение об этом, на следующий же день (13 января) войскам Тейлора, находившимся на р. Нуэсес, был отдан приказ двинуться к Рио-Гранде и занять позиции на ее левом берегу. Эта акция явно преследовала цель спровоцировать мексиканцев и вынудить их нанести удар первыми.

В связи со сменой правительства в Мексике, где в начале января 1846 г. к власти пришли консерваторы во главе с генералом Паредесом-и-Аррильягой, Слайделл, выехавший тем временем в Халапу, 1 марта вновь потребовал рассмотрения американских предложений. Пригрозив в случае отказа войной, он заявил, что «если мир будет нарушен, то ответственность падет исключительно на Мексику» [50]. Однако Паредес, ориентировавшийся на поддержку европейских монархий, был настроен достаточно воинственно.

Получив отрицательный ответ, Слайделл 17 марта запросил свои паспорта. Но поскольку мексиканская нота обвиняла вашингтонское правительство в заговоре в целях захвата Техаса, он перед отъездом счел необходимым подробно изложить мексиканцам позицию США по данному вопросу. Повторяя известную аргументацию Тайлера и Полка, Слайделл утверждал, будто 19 мая 1845 г. Мексика официально признала независимость Техаса, вследствие чего не вправе выражать недовольство тем, что последний, «благоразумно осознав собственные интересы, счел уместным передать свой суверенитет Соединенным Штатам» [51].

Между тем армия Тейлора 8 марта перешла Нуэсес, вторгшись, таким образом, на мексиканскую территорию, и к концу месяца достигла

---

[49] Diplomatic Correspondence of the United States, vol. 8, p. 172—182.
[50] Ibid., p. 814—815.
[51] Ibid., p. 827.

Рио-Гранде. Американцы укрепились на северном берегу и блокировали расположенный напротив г. Матаморос. 12 апреля начальник гарнизона Матамороса генерал Ампудия потребовал, чтобы Тейлор в 24 часа свернул свой лагерь и отошел за Нуэсес, угрожая в противном случае прибегнуть к силе. 20 апреля генерал Ариста, принявший командование мексиканскими войсками, уведомил Тейлора, что считает военные действия начавшимися. Три дня спустя президент Паредес, в свою очередь, объявил, что он дал приказ вооруженным силам приступить к оборонительным операциям и изгнать американцев, вторгшихся на территорию Мексики. 25 апреля подразделение мексиканской кавалерии, переправившееся через реку, атаковало неприятельский разведывательный отряд, причем 16 американских драгун были убиты и ранены, а остальные захвачены в плен.

Вскоре главные силы Аристы форсировали Рио-Гранде. 8 мая в районе Пало-Альто произошло первое крупное сражение, в ходе которого мексиканцы понесли большие потери и на следующий день под натиском противника начали отходить. В Ресаке-де-ла-Пальма они решили дать бой, но потерпели поражение и отступили на южный берег. Вслед за ними переправились и американские войска, которые 18—19 мая заняли Матаморос, без боя оставленный мексиканской армией.

Еще не зная об этих событиях, правительство Полка, добившись постановления конгресса об Орегоне, вплотную подошло к развязыванию войны против Мексики. Армия Тейлора была сосредоточена на Рио-Гранде. Миссия Слайделла окончательно провалилась. В конце апреля на заседаниях кабинета неоднократно шла речь о том, что настало время применить силу. 6 мая президент получил от Тейлора донесение, где сообщалось о подходе мексиканских подкреплений и блокировании американцами устья Рио-Гранде. Через день в Белом доме появился только что возвратившийся из Веракруса Слайделл. В субботу 9 мая кабинет по предложению Полка принял решение на следующей неделе подготовить президентское послание, рекомендующее конгрессу объявить войну Мексике. Этот шаг предполагалось мотивировать тем, что она прекратила платежи по искам граждан США и отклонила «миротворческую» миссию Слайделла. Однако в тот же вечер в Вашингтон поступило долгожданное сообщение Тейлора о первом вооруженном столкновении с мексиканцами на северном берегу Рио-Гранде. Это обстоятельство существенно облегчило правительству аргументацию своих действий.

В специальном послании, поспешно направленном Полком конгрессу 11 мая, давалась крайне тенденциозная интерпретация развития отношений с Мексикой. По словам современного североамериканского историка Дж. Шрёдера, оно «изобиловало полуправдами, извращениями и лживыми утверждениями»[52]. Упомянув об американских финансовых претензиях к Мексике и ее отказе вести переговоры со Слайделлом, президент противопоставил недружелюбному и «вызывающему» поведению мексиканских властей «миролюбивую» политику США. Изложенная им версия причин возникновения военного конфликта исходила из тезиса, будто границей Техаса является Рио-Гранде. При этом Полк ссылался на односторонние акты техасского конгресса и государственных органов США, хотя мексиканская сторона их никогда не признавала и даже

[52] *Schroeder J. H.* Mr. Polk's War. Madison, 1973, p. 11.

резолюция американского конгресса (февраль 1845 г.) преднамеренно оставляла вопрос о границе Техаса открытым.

Основываясь на столь произвольном толковании фактов, президент оправдывал концентрацию войск на берегу Рио-Гранде как необходимую меру предосторожности чисто оборонительного характера, вызванную якобы угрожающей позицией Мексики. Не смущаясь тем, что армия Тейлора оккупировала не только Техас, но также часть мексиканских штатов Коауилы и Тамаулипаса, расположенную между Рио-Гранде и Нуэсес, он заявил, будто мексиканцы «перешли границу Соединенных Штатов, вторглись на нашу территорию и пролили кровь американцев на американской земле... Поскольку война начата, и, несмотря на все наши усилия избежать ее, начата самой Мексикой[53], мы вынуждены из соображений долга и патриотизма решительно отстаивать честь, права и интересы нашей страны»[54]. В заключение Полк просил конгресс признать состояние войны и выделить средства для ее ведения.

Хотя виги и часть демократов резко критиковали правительственную политику, а некоторые даже прямо обвиняли администрацию в провоцировании войны, после бурных дебатов палата представителей и сенат подавляющим большинством голосов (174 против 14 и 40 против 2) приняли билль, констатировавший состояние войны, «начатой республикой Мексикой». Конгресс постановил призвать в армию 50 тыс. волонтеров и ассигновал на военные нужды 10 млн. долл. 13 мая президент издал соответствующую прокламацию. В тот же день он раскрыл свои карты, решительно отвергнув в присутствии членов кабинета проект инструкции, предписывавшей американским дипломатическим представителям в европейских государствах заверить их правительства в том, что, вступая в войну, США не намерены захватить какую-либо часть мексиканской территории. При заключении мира, недвусмысленно заявил Полк, «мы приобретем, если удастся, Калифорнию и столько других мексиканских земель, сколько понадобится, чтобы удовлетворить наши претензии к Мексике и возместить военные расходы»[55].

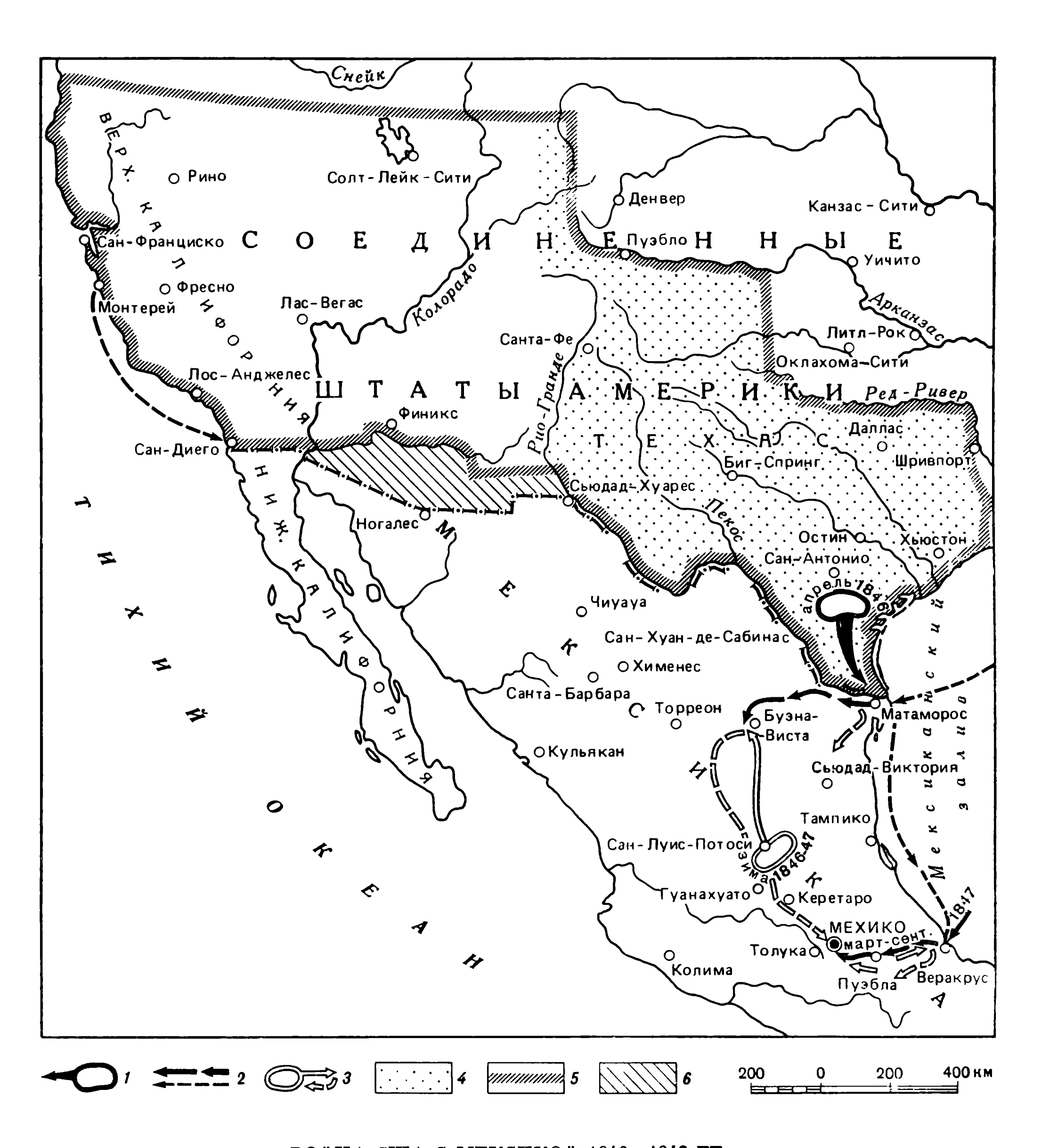
Полтора месяца спустя мексиканский конгресс по предложению правительства официально объявил войну Соединенным Штатам. Это решение мотивировалось тем, что Мексика вынуждена защищаться ввиду агрессивных действий США, которые, поддержав техасских мятежников, захватили Техас и вторглись в глубь мексиканской территории. Однако, не будучи в состоянии перейти в наступление, мексиканцы придерживались оборонительной тактики. Инициативой овладела американская сторона. В то время как армия Тейлора продолжала операции на северовостоке Мексики, Калифорния и Новая Мексика оказались ареной событий, имевших крайне важные последствия.

В середине июня 1846 г. американские поселенцы, жившие в долине Сакраменто, под влиянием Фримонта, получившего незадолго до того

[53] Необоснованность заявления Полка убедительно показана в кн.: *Brack G. M.* Mexico Views Manifest Destiny, 1821—1846. Albuquerque, 1975, p. 115—118.

[54] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. 4, p. 442. Впоследствии в очередном годичном послании конгрессу 8 декабря 1846 г., больше половины которого посвящалось войне с Мексикой, Полк, суммируя и дополняя доводы, приведенные в предыдущих посланиях, а также в упомянутых инструкциях Уэбстера и Бьюкенена, подробно изложил свою интерпретацию причин войны, техасской проблемы и ее международно-правового аспекта. См.: Ibid., p. 472—496.

[55] *Polk J.* Op. cit., p. 91.

ВОЙНА США С МЕКСИКОЙ 1846—1848 ГГ.

1 — наступление войск США (апрель 1846 г.);
2 — направление наступления войск США в 1846—1848 гг.;
3 — наступление и отход мексиканских войск (зима 1846/47 г.);
4 — Техас и соседние области, захваченные США в 1845 г.;
5 — граница территории, присоединенной к США по договору Гуадалупе-Идальго (1848 г.);
6 — территории, присоединенные к США по договору Гадсдена (1853 г.)

секретные инструкции из Вашингтона, побуждаемые слухами о начале войны между США и Мексикой, подняли мятеж. Заняв г. Сонома, они провозгласили создание «Республики Калифорнии», на флаге которой был изображен медведь. В первой половине июля войска, высадившиеся с судов эскадры Слоута, подошедшей к побережью Калифорнии, овладели Монтереем и Сан-Франциско. 7 июля консул Ларкин и Слоут объявили о присоединении Калифорнии к США.

В конце того же месяца так называемая Западная армия под командованием полковника Кирни, включавшая мормонский батальон, вторглась в пределы Новой Мексики, за короткий срок оккупировала почти всю ее территорию и 18 августа заняла столицу Санта-Фе. 22 августа Кирни издал прокламацию об аннексии и этого мексиканского штата. Оставив часть войск для завершения захвата Новой Мексики, он направился к побережью Тихого океана. В результате совместных действий сухопутных и морских сил американцы в начале января 1847 г. овладели Лос-Анджелесом, закончив, таким образом, завоевание Калифорнии. Из Новой Мексики они продвинулись на юг и 1 марта вступили в г. Чиуауа.

Между тем армия Тейлора, пройдя вверх по Рио-Гранде, а затем вдоль ее правого притока Сан-Хуан, 21 сентября достигла столицы штата Нуэво-Леон Монтеррея и после ожесточенных трехдневных боев заняла его, а в середине ноября вошла в Сальтильо (главный город Коауилы). К тому времени эскадре Коннера, блокировавшей побережье Мексиканского залива, после ряда безуспешных операций удалось овладеть портом Тампико.

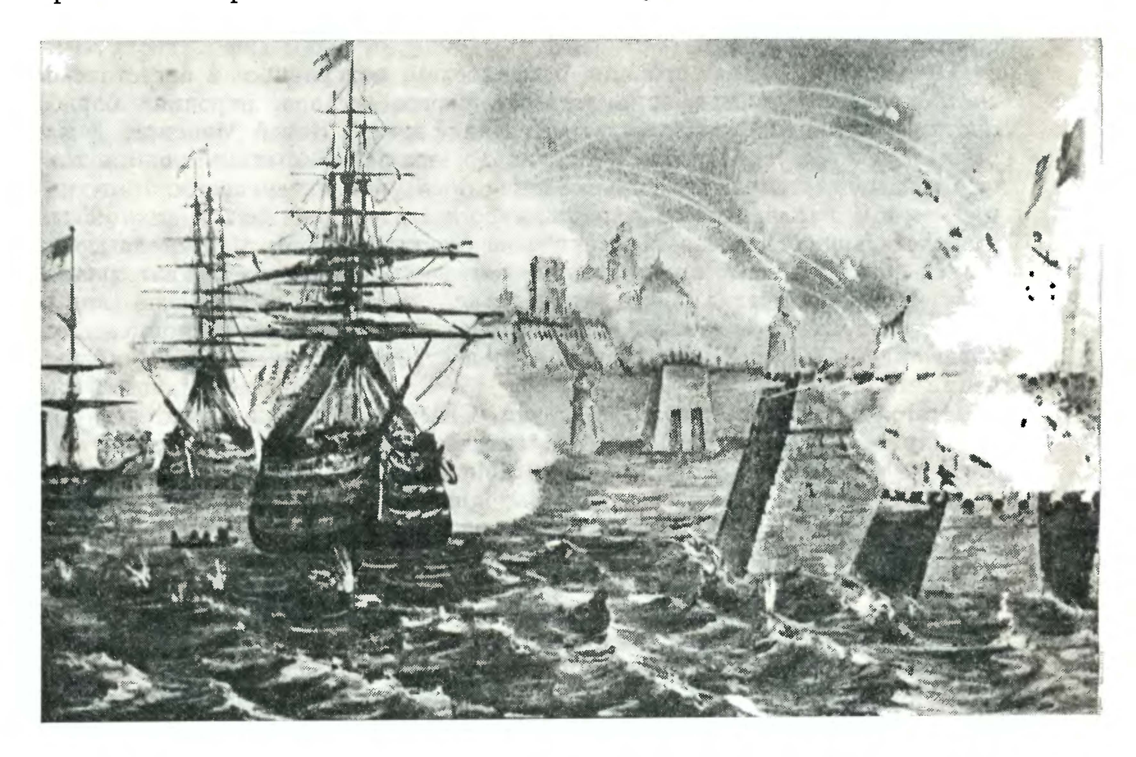
Несмотря на значительные успехи, стратегический план американского командования, рассчитанный на нанесение основного удара с севера, быстрый разгром мексиканской армии и захват столицы Мексики, осуществить не удалось. Мексиканцы оказали энергичное сопротивление. На оккупированных территориях развернулась партизанская война. Американским войскам пришлось действовать в тяжелых, непривычных для них природных и климатических условиях пустынной и засушливой местности, их коммуникации сильно растянулись. 22—23 февраля 1847 г. близ горного перевала Буэна-Виста армия Тейлора отразила наступление превосходящих сил мексиканцев, которыми командовал Санта-Анна, незадолго до того снова избранный президентом республики. Но американцы сами понесли большие потери и даже не пытались преследовать деморализованного противника, в беспорядке отступавшего на юг, в Сан-Луис-Потоси.

Когда стало ясно, что первоначальный замысел нереален, правящие круги США сочли целесообразным изменить направление главного удара и нанести его с востока, через портовый город Веракрус. Это решение было обусловлено и межпартийными распрями. Стоявшие у власти демократы опасались, что продолжение наступления в Северной Мексике может принести политические выгоды вигам, чьим представителям являлся генерал Тейлор.

К весне 1847 г. в Мексиканском заливе была сосредоточена флотилия судов с 12-тысячной экспедиционной армией под командованием генерала У. Скотта на борту. 9 марта она высадилась близ Веракруса, и после трехнедельной осады, сопровождавшейся варварским артиллерийским обстрелом, интервентам удалось занять город. Вслед за тем они двинулись

на запад, к столице Мексики. В середине апреля американские войска возле селения Серро-Гордо разгромили армию Санта-Анны, которая не смогла оказать организованного сопротивления, а через месяц без боя заняли Пуэблу.

Получив подкрепления из США, Скотт в начале августа повел свою армию по направлению к Мехико. На подступах к столице завязались

БОМБАРДИРОВКА ВЕРАКРУСА

ожесточенные бои. Несмотря на пораженческие настроения ряда представителей правящей верхушки, которые на протяжении июня — июля вели с врагом тайные переговоры о прекращении огня, и нерешительность командования, защитники города упорно сопротивлялись. В кровопролитном сражении при Чурубуско (20 августа) американцы одержали победу лишь благодаря численному и техническому превосходству. Однако они также понесли большие потери и нуждались в передышке.

По предложению Скотта было заключено перемирие, длившееся около двух недель. Используя паузу для приведения в порядок своих войск и получения подкреплений, интервенты вместе с тем пытались вынудить правительство Мексики уступить Соединенным Штатам Техас, Новую Мексику, Верхнюю и Нижнюю Калифорнию, значительную часть Тамаулипаса, Коауилы, Чиуауа и Соноры (т. е. примерно $^3/_4$ своей территории), а также предоставить право транзита через Теуантепекский перешеек.

Но требования, предъявленные мексиканским уполномоченным от имени Белого дома чиновником государственного департамента Тристом, были настолько неприемлемы, что даже Санта-Анна и его сторонники не решились согласиться с ними. 8 сентября американские войска возобновили военные операции, атаковав Молино-дель-Рей, а 13 сентября штурмом овладели замком Чапультепек и подошли вплотную к Мехико. На следующий день они вступили в город, оставленный ночью мексиканской армией.

Несмотря на захват столицы неприятелем, потерявшим в августовско-сентябрьских боях примерно четверть своего состава, народная борьба против оккупантов продолжалась. В Калифорнии, Новой Мексике, Тамаулипасе, Веракрусе, Пуэбле и многих других районах стихийно возникали отряды патриотов, наносившие серьезный урон интервентам. Напуганная ростом партизанского движения соглашательски настроенная часть господствующих классов Мексики после оккупации Мехико стала добиваться быстрейшего прекращения военных действий. Правительство, пришедшее к власти в конце сентября 1847 г. вслед за отставкой Санта-Анны, который нес главную ответственность за поражения в войне, обосновавшись в Керетаро, выразило готовность вести переговоры о заключении мирного договора.

Этого хотели и правящие круги США, полагавшие, что разгром регулярной мексиканской армии и захват обширной территории, включая столицу и другие крупные центры Мексики, даст им возможность продиктовать побежденной стороне выгодные условия мира. Кроме того, приходилось считаться и с крайней непопулярностью «войны мистера Полка» среди широких слоев американского общества.

Против войны по различным причинам политического, экономического, морального, религиозного порядка выступали большинство вигов и часть демократов, аболиционисты и пацифисты, рабочие и многие бизнесмены, квакеры, конгрегационалисты и унитарианцы. Еще в мае 1846 г. рабочие Нью-Йорка устроили митинг протеста, участники которого требовали немедленного прекращения войны. Агрессивные действия правительства Полка разоблачались с трибуны конгресса и на страницах печати. Один из лидеров вигов — бывший губернатор Огайо Корвин, обличая алчных экспансионистов, стремящихся «захватить силой то, что нам не принадлежит», заявил 11 февраля 1847 г. в сенате: «Если бы я был мексиканцем, то сказал бы вам: „Что у вас в собственной стране нет места, где хоронить своих покойников? Если вы явитесь к нам, мы протянем вам окровавленные руки и радушно отправим в гостеприимные могилы“»[56]. Он настаивал на немедленном выводе войск из Мексики.

Другой деятель этой партии, Авраам Линкольн, неоднократно выступая в декабре 1847 г.— январе 1848 г. в палате представителей, обвинял правительство в провоцировании войны и антиконституционных действиях, требовал убедительных доказательств в подтверждение версии Полка, будто первое вооруженное столкновение в самом деле произошло «на американской земле». Он энергично оспаривал ложное утверждение президента, что границей между Техасом и Мексикой якобы является Рио-Гранде[57]. Среди выступавших в защиту Мексики «совестливых ви-

[56] Congressional Globe, New Series, 29th Congress, 2nd Session, App., p. 217.
[57] Ibid., 30th Congress, 1st Session, p. 64, 154—156.

гов» были также престарелый Дж. К. Адамс, бывшие государственные секретари Клей и Уэбстер, конгрессмен Хиддингс. 3 января 1848 г. палата одобрила внесенную вигами резолюцию, констатировавшую, что война, которую вообще не следовало начинать, развязана в нарушение конституции, без предварительной санкции конгресса. Она призывала тотчас же вывести армию с захваченной территории и заключить мир без всяких аннексий, проведя линию границы где-то между Рио-Гранде и Нуэсес.

В числе убежденных противников войны были видные руководители аболиционистского движения Фредерик Дуглас, Уильям Ллойд Гаррисон, основатель и многолетний издатель влиятельной газеты «Нью-Йорк дейли трибюн» Горас Грили. Ее безоговорочно осуждали выдающиеся философы и публицисты Ралф Уолдо Эмерсон и Генри Дэвид Торо, писатели Маргарет Фуллер и Герман Мелвилл, поэт-сатирик Джеймс Рассел Лоуэлл и другие представители американской общественной мысли.

Активную антивоенную пропаганду с позиций христианского пацифизма вело Американское общество защиты мира. В феврале 1847 г. оно назначило премию за лучший очерк о мексиканской войне, написанный на основе христианских принципов. Ее получил священник Ливермор, доказывавший, что аннексия Техаса и война явились результатом заговора в целях распространения рабства.

Условия мира с Мексикой обсуждались в США в обстановке острой политической борьбы между рабовладельцами Юга, часть которых добивалась даже полной аннексии Мексики, и промышленной буржуазией Севера, стремившейся в известной мере ограничить территориальную экспансию. В тогдашней ситуации эта экспансия означала чрезмерное укрепление позиций плантаторов Юга, чего не хотела допускать буржуазия Севера. Отражением ее опасений явилось принятие 8 августа 1846 г. палатой представителей «поправки Уилмота» (впоследствии отвергнутой сенатом) о запрещении рабства на территориях, которые могут быть отторгнуты от Мексики.

Все эти факторы оказали определенное влияние на правительство Полка и побудили его отказаться от некоторых притязаний, выдвинутых в президентском послании 7 декабря 1847 г. Помимо требований, содержавшихся в августовском проекте Триста, эта программа-максимум по существу оставляла за США право аннексировать земли, расположенные еще южнее, если мексиканцы не прекратят вооруженное сопротивление.

В начале января 1848 г. переговоры возобновились, и под сильным давлением американской дипломатии 2 февраля в селении Гуадалупе-Идальго (к северу от Мехико) был подписан мирный договор. Мексика вынуждена была уступить США не только Техас, но и Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию, северную часть Тамаулипаса, Коауилы и Соноры, т. е. до 55% всей территории страны общей площадью 919 161 кв. миля (около 2,3 млн. кв. км). Северной границей Мексики признавалась Рио-Гранде. В качестве компенсации США должны были уплатить мизерную сумму в 15 млн. долл. и отказаться от финансовых претензий в размере 3250 тыс. долл.[58]

Договор Гуадалупе-Идальго, вступивший в силу 30 мая, по словам мексиканского исследователя, «был одним из самых жестоких в новой

---

[58] Treaties, vol. 5, p. 207—236.

истории... вследствие огромных размеров территории, отнятой у Мексики» [59].

Победа США в войне объяснялась главным образом их экономическим, техническим и военным превосходством. Располагая значительными людскими и материальными ресурсами, вашингтонское правительство довело контингент регулярной армии до 47,3 тыс., набрало 73,5 тыс. волонтеров и широко использовало в боевых операциях военно-морской флот, обеспечив вооруженные силы полноценным новейшим вооружением и снаряжением. Мексика с ее почти втрое меньшим по численности населением (немногим более 7 млн.), слаборазвитой промышленностью, огромным внешним долгом, эгоизмом и коррупцией правящей верхушки могла противопоставить военному потенциалу своего мощного северного соседа лишь плохо обученную и оснащенную сухопутную армию, отличавшуюся слабой дисциплиной, неорганизованностью и низкой боеспособностью, при почти полном отсутствии флота. Такое соотношение сил предрешило исход войны.

Израсходовав около 100 млн. долл. и потеряв убитыми и умершими от болезней более 12 800 солдат и офицеров, США приобрели обширные плодородные земли с неисчерпаемыми естественными богатствами. В Калифорнии незадолго до подписания мирного договора были обнаружены ценные месторождения золота, в ближайшие годы привлекшие сотни тысяч старателей со всех концов света. По данным переписи 1852 г., которая, видимо, учла далеко не всех жителей, население Калифорнии составляло 255 тыс. человек, т. е. увеличилось по сравнению с его численностью накануне мексиканской войны примерно в 6,5 раза. В связи с «золотой лихорадкой» резко возросла иммиграция. Если в 1847 г. в США приехали менее 240 тыс. человек, то в 1851 г.— почти 409 тыс., а в 1854 г.— свыше 460 тыс. [60]

Война 1846—1848 гг. [61] и ее результаты наложили глубокий отпечаток на последующее развитие США. Победа в войне, «несомненно, способствовала превращению страны из третьестепенной во второстепенную державу, с которой соседям пришлось считаться» [62]. Ее территория, равная к началу XIX в. 888,8 тыс. кв. миль между Атлантическим побережьем и Миссисипи, за полвека увеличилась почти в 3,5 раза и достигла 3 022 387 кв. миль. Поглотив Луизиану, Флориду, более половины Мексики и Орегона, США стали крупным континентальным государством, простиравшимся на западе до Тихого океана, на юге — до Мексиканского залива и Рио-Гранде, на севере — до границ Канады.

Присоединенные за эти десятилетия французские, испанские, мексиканские владения и области, являвшиеся спорными, составляют свыше 75% нынешней площади США [63], причем более $^{4}/_{7}$ этих земель аннек-

[59] *Zorrilla L. G.* Historia de las relaciones entre México y los Estados Unidos de América: T. 1, 2. México, 1965—1966, t. 1, p. 218.

[60] Historical Statistics of the United States, p. 62.

[61] Обширная аннотированная библиография литературы и архивных документов, относящихся к войне между США и Мексикой, приведена в кн.: The Mexican-American War: An Annotated Bibliography / Compl. and ed. N. E. Tutorow. Westport; London, 1981.

[62] *Pletcher D. M.* Op. cit., p. 5.

[63] Штаты Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, Колорадо, Вайоминг, Орегон, Вашингтон, Айдахо, Монтана, Луизиана, Миссури, Арканзас, Айова,

сированы на протяжении всего трех лет (1845—1848). Вследствие расширения территории и роста иммиграции численность населения страны за первую половину прошлого века выросла с 5,3 до 23,2 млн.

Колонизация и присоединение необъятных пространств Запада объективно способствовали более быстрому развитию там производительных сил, вовлечению их в систему мирового капиталистического хозяйства, внедрению буржуазно-демократических порядков и институтов. Характеризуя значение и рисуя возможные последствия включения Калифорнии в состав США, Ф. Энгельс еще в феврале 1849 г. предвидел, что «энергичные янки быстрой разработкой тамошних золотых россыпей умножат средства обращения, в короткое время сконцентрируют в наиболее подходящих местах тихоокеанского побережья густое население и обширную торговлю, создадут большие города, откроют пароходное сообщение, проведут железную дорогу от Нью-Йорка до Сан-Франциско, впервые действительно откроют Тихий океан для цивилизации и третий раз в истории дадут новое направление мировой торговле...»[64]. Плоды предстоящих перемен, подчеркивал он, достанутся прежде всего американской буржуазии. «В Калифорнии и Новой Мексике североамериканцы получают новые области, в которых они смогут добывать новый капитал, т. е. создавать новых буржуа и обогащать уже имеющихся...»[65]

Вместе с тем захват земель на Юго-Западе открывал перед южными плантаторами-рабовладельцами дополнительные возможности распространения рабства на новые территории.

5. «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ»

Экспансионистские цели господствующих классов США осуществлялись преимущественно насильственными методами — посредством вытеснения и истребления индейских племен, интервенций и войн, дипломатического давления и шантажа. По подсчетам мексиканского историка Г. Гарсии Канту, в течение первой половины XIX в. (с 1799 по 1848 г.) североамериканцы 166 раз совершали вторжения и другие акты агрессии против Мексики[66].

«Одной из самых мрачных глав американской истории» современный исследователь[67] считает вытеснение индейцев Юго-Востока на земли «к западу от реки Миссисипи, не включенные в какой-либо штат или организованную территорию», в соответствии с упомянутым законом 1830 г.[68] Прибегая к прямому обману, подкупая и спаивая племенных вождей, правительственные чиновники навязывали неискушенным аборигенам грабительские договоры о «добровольной уступке» своих владений в обмен на обещанные им территории по ту сторону «Великой реки» и мизерную денежную компенсацию. Если же индейские племена отказывались покидать родные края, власти на основании подписанных доку-

Миннесота, Канзас, Небраска, Северная Дакота, Южная Дакота, Оклахома, Флорида.

64 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 292—293.

65 Там же, т. 4, с. 468.

66 *García Cantú G.* Las invasiones norteamericanas en México. México, 1971, p. 125—162.

67 *Josephy A. M.* The Indian Heritage of America. L., 1972, p. 323.

68 The American Indian and the United States. A Documentary History: Vol. 1—4. N. Y., 1973, vol. 3, p. 2169.

ментов применяли силу. Так, на протяжении 1831—1837 гг. из штатов Миссисипи, Алабама, Джорджия были принудительно «перемещены» на «Индейскую территорию» чокто, крики и чикасо.

Затем настала очередь чироков, обитавших в долине р. Теннесси. Они вели оседлый образ жизни, занимаясь сельским хозяйством и ремеслами, причем успели многое заимствовать у своих белых соседей. Чироки успешно обрабатывали землю, разводили скот, пользовались плугами, прялками, ткацкими станками, имели мельницы, лесопилки, кузницы, паромы, развитую сеть дорог, строили школы, издавали газету и даже составили собственную конституцию.

Когда их земли оказались объектом притязаний штата Джорджии, индейцы обратились в Верховный суд, который в 1832 г. признал эти домогательства незаконными и подтвердил права племени. Однако президент Джексон не намеревался выполнять судебное решение. 29 декабря 1835 г. было инсценировано подписание «договора», предусматривавшего переселение чироков в течение двух лет на запад[69], а в мае 1838 г. войска приступили к его осуществлению. 7-тысячная армия под командованием генерала Скотта согнала индейцев в специально устроенные лагеря, откуда их партиями под конвоем этапировали по «дороге слез» за Миссисипи. От голода, холода, болезней, тяжелых условий в лагерях и в пути погибло около четверти племени, насчитывавшего до того 17 тыс.[70] Последние из оставшихся в живых чироки лишь к концу марта 1839 г. достигли места назначения на северо-востоке Оклахомы.

Не менее трагично сложилась судьба семинолов Флориды. Под договором 1832 г. об их «перемещении» в западную резервацию[71] значились подписи полутора десятков индейских вождей. Но некоторые из них утверждали, будто никогда не подписывали этот документ, другие заявили, что их заставили сделать это. В ответ на попытки федерального правительства переселить семинолов те оказали вооруженное сопротивление. Отправленные на полуостров воинские части первоначально не могли добиться успеха, однако в конце октября 1837 г. американцы предательски захватили в плен Оцеолу и 13 других вождей индейцев, прибывших под белым флагом для ведения переговоров. Хотя семинолы еще в течение пяти лет продолжали борьбу, они все же потерпели поражение. В ходе войны 1835—1842 гг.[72] их селения были разрушены, посевы уничтожены, а значительная часть людей перебита. Большинству уцелевших пришлось покориться воле победителей, только немногим удалось укрыться в труднодоступных болотистых зарослях.

Севернее, в Иллинойсе и Висконсине, столь же безуспешно пытались с оружием в руках противостоять натиску правительственных сил племена саук и фокс под предводительством старого вождя Черного Сокола (1832 г.).

По данным американского историка М. П. Роджина, из примерно 125-тысячного аборигенного населения, проживавшего в начале 20-х годов XIX в. восточнее Миссисипи, за два десятилетия были в принуди-

---

69 Ibid., vol. 4, p. 2462—2476.
70 *Jahoda G.* The Trail of Tears. N. Y., 1975, p. 229—237.
71 The American Indian and the United States, vol. 4, p. 2443—2445.
72 Она обошлась Соединенным Штатам в 40 млн. долл., огромную по тому времени сумму. См.: *Walton G.* Fearless and Free. The Seminole Indian War, 1835—1842. Indianapolis; New York, 1977, p. 240.

тельном порядке препровождены на запад около 75%. К середине 40-х годов в восточных штатах осталось менее 30 тыс. индейцев, сосредоточенных преимущественно близ оз. Верхнее (главным образом оджибвеи, часто называемые также чиппева), и лишь несколько тысяч — в горах и непроходимых болотах Юго-Востока [73]. Всего к 1840 г. различные племена согласно навязанным им «договорам» вынуждены были «уступить» государству 442 866 370 акров, а в последующие 10 лет — еще до 20 млн. акров, получив взамен номинально почти в 9 раз меньшую земельную площадь (фактически и того меньше) в пределах «Индейской территории» [74].

В связи с территориальной экспансией США, ускорением колонизации «Дикого Запада» и увеличением направлявшегося туда потока переселенцев, открытием золота в Калифорнии, ростом спроса на шкуры бизонов (ставшие важной статьей торговли), прокладкой дорог через необозримые степные пространства, сооружением укреплений и размещением гарнизонов для охраны коммуникаций с середины XIX в. началось наступление на ареалы расселения кочевых племен Великих равнин.

В 1851 г. тетон-сиу, чейены, арапахо, кроу, арикара, ассинобойны, ацина, манданы под давлением уполномоченных правительства, посуливших индейцам ежегодную выплату суммы в 50 тыс. долл. на протяжении 50 лет, согласились беспрепятственно пропускать по Орегонской тропе обозы белых колонистов, а также допустить создание военных фортов и строительство дорог на занимаемой ими территории (теперешние штаты Вайоминг, Монтана, Северная и Южная Дакоты) [75]. В 1855 г. договор аналогичного содержания был заключен с племенем черноногих и его союзниками.

Преобразование большей части «Индейской территории» в территории Канзас и Небраску (1854 г.) сопровождалось выселением оттуда в Оклахому (отведенную для размещения депортированных ранее с Юго-Востока «Пяти цивилизованных племен» [76]) индейцев омаха, ото, айова, саук и фокс [77].

Коренное население Калифорнии и Орегона власти загоняли в сравнительно небольшие резервации, где невозможно было прокормиться. Особенно пострадали калифорнийские индейцы, которых к тому же беспощадно истребляли алчные авантюристы, хлынувшие в страну в погоне за золотом. «В большинстве своем,— отмечал американский ученый Дж. Д. Даунс,— это была просто садистская резня беззащитных индейцев, виновных лишь в том, что они сопротивлялись хищным золотоискателям, стараясь защитить себя или своих жен от нападений и насилования» [78]. Численность аборигенов Калифорнии с 1849 по 1859 г. сократилась на 70 тыс.

---

[73] *Rogin M. P.* Fathers and Children: Andrew Jackson and the Subjugation of the American Indian. N. Y., 1975, p. 4, 206.

[74] *Harmon G. D.* Sixty Years of Indian Affairs. Chapel Hill, 1941, p. 324—325, 377.

[75] В дальнейшем сенат США ограничил срок выплаты обещанной компенсации 10 годами.

[76] Так впоследствии стали называть чироков, криков, семинолов, чикасо и чокто. Термин впервые употреблен официально в 1876 г.

[77] В 1866 г. размеры «Индейской территории» уменьшились вдвое, так как племена Оклахомы «уступили» ее западную половину вашингтонскому правительству.

[78] Цит. по: Североамериканские индейцы. М., 1978, с. 310.

6. КАРИБСКИЙ БАССЕЙН И ТИХИЙ ОКЕАН

Захват Техаса, Калифорнии, Новой Мексики, Орегона наглядно продемонстрировал заложенное в доктрине Монро агрессивное начало, связанное с экспансионистскими планами США по отношению к другим странам Америки. Аннексия обширных территорий привела к резкому обострению социальных, экономических и политических противоречий в связи с проблемой распространения рабства на Юго-Западе.

Не удовлетворяясь достигнутым успехом, правительства Полка и его ближайших преемников — Тейлора, Филмора, Пирса, Бьюкенена после победы над Мексикой предприняли энергичные усилия к дальнейшему расширению сферы господства США, прежде всего в пределах западного полушария.

Исходя из интересов рабовладельцев Юга, чьим глашатаем являлся О'Салливэн, президент дал в июне 1848 г. указание начать секретные переговоры с Испанией о покупке Кубы за 100 млн. долл.[79] Мадридский кабинет отверг это предложение, причем министр иностранных дел Пидаль заявил, что испанцы «предпочтут увидеть остров погрузившимся на дно океана, нежели переданным какой-либо державе» [80]. Тогда южные штаты предоставили свою территорию для организации флибустьерских экспедиций, состоявших главным образом из американцев, которые в 1850—1851 гг. дважды высаживались на Кубе с целью поднять там восстание против испанских властей и инспирировать обращение кубинцев с просьбой о включении острова в состав США на правах штата. Эти акции потерпели неудачу [81].

В 1853 г. один из главарей наиболее ярых аннексионистов-рабовладельцев Юга, бывший губернатор штата Миссисипи генерал Куитмэн, с молчаливого одобрения администрации Пирса приступил к формированию в Новом Орлеане вооруженного отряда для вторжения на Кубу, но по ряду причин оно не состоялось. Между тем в апреле 1854 г. правительство снова предприняло попытку приобрести Кубу, предложив на сей раз 130 млн. долл., однако столь же безуспешно.

Встревоженные мерами кубинских властей, направленными против работорговли и на постепенную ликвидацию рабства, рабовладельцы-южане, пользуясь тем, что Англия и Франция воевали в то время с Россией, активизировали политическую кампанию за аннексию Кубы. По указанию государственного секретаря Марси американские дипломатические представители в Лондоне, Париже и Мадриде в октябре 1854 г. разработали в бельгийском городе Остенде секретную программу действий в кубинском вопросе. Утверждая, будто интересы безопасности США требуют немедленного присоединения «жемчужины Антил», они рекомендовали вновь попытаться убедить Испанию продать Кубу, но не более чем за 130 млн. долл. Если же это предложение будет отклонено, то следует прибегнуть к силе, чтобы захватить остров. В подобном случае США поступили бы «согласно тому принципу, который оправдывает че-

---

[79] Diplomatic Correspondence of the United States, vol. 11, p. 61—63.

[80] Ibid., p. 458.

[81] Подробнее см.: *Portell Vilá H.* Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España. La Habana, 1938, t. 1, p. 414—458. Дипломатическую переписку, касавшуюся поддержки Соединенными Штатами планов высадки на Кубе в начале 50-х годов XIX в., см.: Diplomatic Correspondence of the United States, vol. 11, p. 477—518, 520—568, 570—604, и др.

ловека, сносящего загоревшийся дом соседа, если нет иного средства помешать пламени перекинуться на его собственный дом»[82].

Несмотря на свой сугубо секретный характер, «Остендский манифест» быстро стал достоянием гласности, вызвав возмущение общественности, резкую критику со стороны буржуазии Севера (не желавшей присоединения Кубы в качестве рабовладельческого штата) и крайне отрицательную реакцию Испании, поддержанной Англией и Францией. Государственному департаменту ничего не оставалось, как дезавуировать этот документ[83]. Тем не менее один из его авторов, Дж. Бьюкенен, являвшийся в 1856 г. кандидатом на пост президента от демократической партии, именно благодаря «Остендскому манифесту» обеспечил себе поддержку рабовладельцев Юга и одержал победу на выборах.

В связи со стремлением США утвердиться на Тихом океане и включить в сферу своего влияния страны этого региона особое значение приобрели поиски кратчайшего морского пути к западному побережью Америки и в Азию. Отсюда — растущий интерес к Центральной Америке с точки зрения возможности прорыть межокеанский канал. Согласно договору с Новой Гранадой, подписанному в Боготе 12 декабря 1846 г., США добились права свободного и беспошлинного транзита через Панамский перешеек[84]. Начавшаяся «золотая лихорадка» и наплыв авантюристов из восточных штатов в Калифорнию сделали эту проблему еще более актуальной. Основанная в апреле 1849 г. американская «Компания Панамской железной дороги» получила концессию на строительство железнодорожного пути от Атлантического до Тихоокеанского побережья. Железная дорога вступила в строй 28 января 1855 г., когда в г. Панаму прибыл первый поезд из порта Колон. В сентябре следующего года американские войска временно оккупировали Панаму.

В США вынашивались планы постройки канала на территории Никарагуа — вдоль реки Сан-Хуан и далее через узкую полосу суши, отделявшую озеро Никарагуа от Тихого океана. В 1849 г. группа американских дельцов во главе с К. Вандербилтом заключила контракт с никарагуанским правительством на сооружение судоходного канала по указанной трассе[85]. Однако в условиях фактической гегемонии Англии в Карибском бассейне США не могли претендовать на полный контроль над межокеанскими коммуникациями.

В связи с этим по инициативе американской дипломатии 19 апреля 1850 г. в Вашингтоне был подписан англо-американский договор Клейтона — Булвера, в соответствии с которым обе державы обязались не добиваться исключительных прав на будущий канал (или железную дорогу) между двумя океанами, гарантировали его нейтрализацию, отказались от всяких попыток оккупировать, колонизовать или подчинить своему господству какую-либо часть Центральной Америки[86]. Практи-

---

[82] Ibid., vol. 7, p. 584.

[83] Подробнее об обстоятельствах появления «Остендского манифеста» и реакции на него в США см.: *Foner Ph. S.* A History of Cuba and its Relations with the United States: Vol. 1, 2. N. Y., 1962—1963, vol. 2, p. 99—104.

[84] Treaties, vol. 5, p. 115—143. О предыстории и заключении договора см.: *Parks E. T.* Colombia and the United States, 1765—1934. Durham, 1935, p. 200—207.

[85] Он не был реализован.

[86] Treaties, vol. 5, p. 671—675. Подробный анализ договора дан в кн.: *Williams M. W.* Anglo-American Isthmian Diplomacy, 1815—1915. Gloucester, 1965, p. 67—109 (1st print.: 1916).

чески это означало, что Англия лишалась Москитового берега (восточное побережье Никарагуа) [87], утрачивала свои позиции в Никарагуа и Косте-Рике. Хотя США ничего не приобрели, соотношение сил в борьбе за карибские страны явно изменилось в их пользу, что облегчило проникновение в этот регион.

В июне 1855 г. отряд американского авантюриста Уильяма Уокера вторгся в Никарагуа и, вмешавшись в происходившую там гражданскую войну, вскоре стал полностью контролировать страну. Заняв пост главнокомандующего никарагуанской армией, Уокер издал декрет о колонизации, предусматривавший бесплатное наделение иммигрантов-американцев землей. После фарса выборов он провозгласил себя 10 июля 1856 г. президентом республики, а затем объявил о восстановлении рабства, отмененного в 1824 г.

Хотя номинально авантюра Уокера являлась частным предприятием, она пользовалась негласной поддержкой правительства Пирса, поспешившего признать этот режим. Платформа демократической партии в связи с избирательной кампанией 1856 г. открыто превозносила Уокера, а когда войска Коста-Рики, Гватемалы, Сальвадора и Гондураса в апреле 1857 г. блокировали его отряды, на помощь флибустьерам пришел американский фрегат, доставивший их в Панаму.

В США , особенно на Юге, Уокера встретили как героя, и в ноябре того же года он вторично высадился в Никарагуа, но на сей раз успеха не имел. Третья попытка вторжения, предпринятая в 1860 г., оказалась для него роковой. Захваченный на побережье Гондураса британским морским десантом, Уокер был выдан гондурасским властям и расстрелян. Его бесславная «эпопея» наглядно подтверждает правоту замечания К. Маркса, подчеркивавшего, что «непрерывные пиратские экспедиции флибустьеров против государств Центральной Америки... направлялись Белым домом в Вашингтоне» [88].

Отторгнув огромную мексиканскую территорию, экспансионисты США все еще не были удовлетворены [89]. В конце 1853 г. новый посланник в Мексике Дж. Гадсден, протеже военного министра Джефферсона Дэвиса, получил инструкции добиваться продажи Нижней Калифорнии, северной части Чиуауа и других областей. Однако правительство Санта-Анны согласилось уступить (за 10 млн. долл.) лишь 29 640 кв. миль (около 120 тыс. кв. км) к югу от р. Хила (долина Месилья). Эта территория понадобилась американцам для строительства трансконтинентальной железной дороги. «Покупка Гадсдена», оформленная 30 декабря 1853 г., в основном завершила процесс формирования южной границы США.

50-е годы XIX в. ознаменовались активизацией американской экспансии за пределами континента и усиленным проникновением в страны Тихого океана. Особое внимание вследствие своих богатых природных ресурсов, важного военно-стратегического значения и роли в развитии торговли с Восточной Азией привлекал крупнейший архипелаг Океа-

---

[87] Это произошло только 10 лет спустя.

[88] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 342.

[89] О неоднократных попытках вторжения в северо-западную Мексику в целях захвата Соноры, Нижней Калифорнии и других областей (конец 40-х — начало 60-х годов XIX в.) см.: *Stout J.A.* The Liberators. Filibustering Expeditions into Mexico 1848—1862 and the Last Thrust of Manifest Destiny. Los Angeles, 1973.

нии — Гавайские острова. Вслед за купцами, миссионерами, китобоями там появились американские военные корабли, и в 1849 г. вашингтонская администрация навязала Гавайскому королевству договор о дружбе, торговле и мореплавании. В 1854 г. она пыталась добиться согласия правительства Гавайев на аннексию островов Соединенными Штатами, но в связи с обострением борьбы между Севером и Югом, а также противодействием Англии и Франции этот замысел провалился [90].

Почти одновременно американская дипломатия предприняла энергичные усилия на Дальнем Востоке. В целях «открытия» Японии, проводившей политику изоляции от внешнего мира, правительство Филмора направило эскадру коммодора Перри, которая в июле 1853 г. появилась у японских берегов. Угрожая прибегнуть к силе, Перри заставил власти Японии подписать 31 марта 1854 г. договор о мире и дружбе, открывший для американских судов порты Хакодате и Симода и предоставивший США статус наиболее благоприятствуемой нации. Этот акт положил начало серии неравноправных договоров, навязанных Японии державами (Англия, Франция, Россия, Нидерланды). Среди них особое место занял кабальный для Японии торговый договор с США 29 июля 1858 г., по образцу которого были составлены договоры с европейскими государствами [91].

Если в Японии США прокладывали путь другим капиталистическим странам, то в Китае они, наоборот, следовали за ними. Так, американо-китайский договор 1844 г. повторял основные положения англо-китайского Нанкинского договора, хотя и предусматривал некоторое расширение права экстерриториальности. Его условия существенно дополнялись договором 18 июня 1858 г. о мире, дружбе и торговле, включавшим, в частности, принцип наибольшего благоприятствования [92].

Действия, предпринятые США в 50-х годах по отношению к странам Центральной Америки, Вест-Индии и бассейна Тихого океана, явились прологом к их усиленному проникновению в эти регионы во второй половине XIX в.

---

[90] Подробнее см.: *Тумаркин Д. Д.* Гавайский народ и американские колонизаторы, 1820—1865. М., 1971, с. 301—370.

[91] Основные вехи политики США по отношению к Японии в 1853—1858 гг. изложены в кн.: *Treat P. J.* Diplomatic Relations between the United States and Japan, 1853—1905: Vol. 1, 2. Gloucester (Mass.), 1963, vol. 1, p. 8—72.

[92] United States Policy toward China. Diplomatic and Public Documents, 1839—1939. N. Y., 1964, p. 13—21, 47—57.

Глава десятая

НА ПУТИ К НЕОТВРАТИМОМУ КОНФЛИКТУ

1. УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

50-е годы XIX в. были бурным десятилетием: в стране стремительно нарастал революционный кризис, особенно резко обнажились противоречия между Севером и Югом. В обостряющейся схватке за власть промышленная буржуазия Севера надеялась укрепить свои политические позиции, покончить с преобладающим влиянием рабовладельцев в федеральном правительстве. Одновременно агрессивность плантаторов-южан, желавших подчинить своим интересам всю деятельность правительственного аппарата, постоянно возрастала. Отмечая эту тенденцию, К. Маркс писал: «Все растущее злоупотребление Союзом со стороны рабовладельческой клики, действующей в союзе с демократической партией Севера, является, так сказать, характерной чертой истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия» [1].

Демократическая партия, представлявшая блок плантаторов Юга, торговцев и финансистов Севера с фермерами Северо-Запада, стремилась расширить влияние в конгрессе. В 1850 г. в палате представителей было 112 демократов и 109 вигов. На следующих выборах демократы увеличили свое представительство до 140 членов; 80 — из свободных штатов, 60 — из рабовладельческих [2].

Большинство ключевых постов федерального аппарата находилось в руках рабовладельцев. Они контролировали сенат, Верховный суд, президентскую власть. Этот факт довольно ясно осознавали современники. Известный общественный деятель, стойкий противник рабства Т. Паркер заявлял: «Длительное время американское правительство контролируется плантаторами. Верховный суд США является рабовладельческим судом. То же самое можно сказать и о конгрессе... Большинство северных политиков... только надсмотрщики за собственностью рабовладельцев... А присущ ли дух свободы правительственным чиновникам? Почти все они являются верными прислужниками рабства» [3].

Прогрессивная, антирабовладельческая газета «Нью-Йорк дейли трибюн» [4] констатировала, что в 1860 г. среди высших должностных лиц

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 314.

[2] *Potter D.* The Impending Crisis, 1848—1861. N. Y., 1976, p. 174. В 1854 г. в нижней палате было уже 159 демократов. Положение изменилось в 1855 г., когда демократы потеряли 76 мест и тем самым контроль над нижней палатой. См.: Политические партии США в новое время. М., 1981, с. 257.

[3] *Parker T.* The Rights of Man in America. N. Y., 1969, p. 158—168 (1st print.: 1911).

[4] Основанная в 1841 г. газета «Нью-Йорк дейли трибюн» была рупором радикальной части промышленной буржуазии Севера, выступала сначала как вигская, а затем как республиканская. Прогрессивные позиции редакции по ряду проблем сделали возможным сотрудничество К. Маркса на протяжении 1851—1862 гг.

и чиновников были 543 южанина и только 386 северян. «Почти в любом учреждении Юг имеет больше представителей, чем Север». Отражая недовольство промышленной буржуазии Севера, газета писала, что власть в стране узурпировала олигархия, состоявшая из 60 тыс. рабовладельцев, которые диктуют свою волю 25 млн. американцев. «Если населению свободных штатов нравится быть рабами, они могут оставаться покорными своей участи; если же нет, они должны уничтожить эту гнусную рабовладельческую диктатуру и освободить самих себя от ее политического контроля» [5].

Союз, по словам К. Маркса, действительно стал «рабом рабовладельцев» Юга, опиравшихся на союз с демократами Севера. Интересы южан служили «путеводной звездой» во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов [6]. На рубеже 40—50-х годов обострилась борьба в конгрессе США по вопросу о новых территориях, захваченных в войне с Мексикой. Антирабовладельческие силы добивались запрещения рабства в новых территориях. Для плантаторов Юга создание там рабовладельческих штатов было делом бесспорным.

Вопрос о включении в Союз Калифорнии, в которой была принята конституция, запрещавшая рабство, обострил ситуацию. Тем самым свободных штатов стало бы 16, а рабовладельческих — 15. Возможное ослабление позиций рабовладельцев в сенате вызвало сильную тревогу на Юге. Экстремисты призывали к отделению, если интересы плантаторов будут ущемлены. Представители Севера решили пойти на компромисс. 29 января 1850 г. многоопытный Генри Клей внес на рассмотрение сената ряд компромиссных резолюций: допустить Калифорнию в состав Союза без ограничения рабства, ввести территориальное управление в Нью-Мексико и Юте, установить границы Техаса и выплатить компенсацию этому штату за территориальные уступки [7]. Предложения Клея предусматривали также запрещение работорговли в округе Колумбия и принятие новых законов против беглых рабов.

7 марта 1850 г. другой видный деятель партии вигов, Д. Вебстер, поддержал предложения Клея. Он подверг резкой критике аболиционистов и сторонников «поправки Уилмота», предусматривавшей запрещение рабства на территориях, захваченных у Мексики, призвав к уважению прав Юга. Борьба в конгрессе продолжалась девять месяцев. Наконец в сентябре 1850 г. был принят ряд законов, в основу которых легли предложения Клея. Они составили так называемый компромисс 1850 г.[8]

Первым был закон о Техасе и Нью-Мексико, определявший границы Техаса и предусматривавший выплату 10 млн. долл. этому штату, которые шли на погашение долга этого штата и обогащали владельцев ценных бумаг. Вопрос о рабстве в Нью-Мексико предоставлялось решать населению этой территории. Поскольку она входила в сферу рабовладения согласно Миссурийскому компромиссу, само собой разумелось образование нового рабовладельческого штата. Еще одной крупной уступкой план-

---

[5] New York Daily Tribune, 1860, July 3.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 342.

[7] Техас заявил о своих претензиях на часть территории, принадлежащей Нью-Мексико (ок. 40 тыс. кв. миль). Предложенная Клеем сумма должна была служить компенсацией за отказ от этих необоснованных требований со стороны Техаса. См.: *Wilson H.* History of the Rise and Fall of the Slave Power in America: Vol. 1—3. N. Y., 1969, vol. 2, p. 279—280.

[8] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs, 1973, vol. 1, p. 319—323.

таторам Юга являлся закон о территории Юта, которая находилась выше 36° 30′ с. ш. Вопрос о рабстве здесь также должен был решаться населением. Таким образом наносился прямой удар по компромиссу 1820 г.

Рабовладельцам, правда, не удалось помешать вступлению в Союз в качестве свободного штата Калифорнии, и они были вынуждены пойти на запрещение работорговли в столичном округе Колумбия, но в целом это не меняло характера компромисса 1850 г. Особенно четко усиление позиций плантаторов Юга проявилось в новом законе о беглых рабах. Закон давал плантаторам широкие права в преследовании беглецов на территории других штатов. Полиция и федеральные суды должны были помогать в возвращении рабов. Вознаграждение специальным уполномоченным устанавливалось в зависимости от результатов: 10 долл. при решении суда в пользу заявителя прав на беглого раба и 5 долл. при решении против него. За нарушение закона назначался штраф в 1 тыс. долл.

Компромисс 1850 г. мог только на время примирить интересы Севера и Юга. Следующим шагом рабовладельцев явилась борьба за полную отмену Миссурийского компромисса и за распространение рабства на новые территории (за пределы 36° 30′ с. ш.). 4 января 1854 г. сенатор С. А. Дуглас (демократ из штата Иллинойс) внес на рассмотрение комитета по делам территорий билль, в котором предлагал разделить территорию Небраски на две — Канзас и Небраску. Вопрос о рабстве должно было решать само население. Это был так называемый принцип «народного суверенитета», который Дуглас и его сторонники пытались представить как наиболее демократичное решение проблемы рабства. На самом деле билль означал отмену всяких границ распространения рабства и уничтожал миссурийское соглашение. При наличии политической власти в стране в руках рабовладельцев нетрудно было понять, как будет решен вопрос о рабстве на новых землях.

Южные и рабовладельческие газеты не скрывали торжества по поводу предполагавшейся отмены Миссурийского компромисса. «Теперь не время для разговоров, надо переходить к делу,— писала одна из газет Юга,— нельзя упустить поистине блестящую возможность из-за хвастовства честолюбивых ораторов» [9]. «Нью-Йорк дейли трибюн» очень образно вскрыла заинтересованность плантаторов в новом билле: «Утверждение Дугласа и компании, что Канзас не станет рабовладельческим согласно биллю, является обманом чистейшей воды... Спросите любого миссурийца, что он думает об этом... Спросите м-ра Д. Атчисона. Он живет на границе с Канзасом, имеет 80 или 100 негров... Он смотрит на билль Дугласа, как кот на мышь ... и делает все, чтобы даже мельчайшие детали законопроекта подошли для него» [10]. Наиболее агрессивные круги плантаторов требовали еще больших уступок в пользу Юга. Сенатор Диксон из штата Кентукки внес поправку к биллю, которая гласила, что «граждане Соединенных Штатов должны быть свободными в праве брать с собой и держать своих рабов в любых территориях, как если бы Миссурийский компромисс не существовал вовсе» [11].

3 марта билль был одобрен сенатом большинством в 12 голосов. В нижней палате борьба оказалась более острой. Но после длительных

---

[9] Цит. по: New York Daily Tribune, 1854, Jan. 30.
[10] Цит. по: *Hale W. H.* Horace Greeley, Voice of the People. N Y., 1950, p. 161.
[11] Congressional Globe, 33rd Congress, 1st Session, p. 175.

дебатов 22 мая он был принят палатой 113 голосами против 110. По случаю принятия билля 25 мая с холма, на котором расположено здание конгресса, был произведен салют из 100 орудий. В противовес этому во многих городах Севера, особенно в Новой Англии, часами раздавался похоронный звон колоколов по утраченной свободе. Вместе с тем это было выражение протеста против политики компромиссов. 30 мая билль был подписан президентом Пирсом и стал законом. «Агрессивность рабовладельческой стороны,— писал К. Маркс,— достигла своей высшей точки, когда, благодаря биллю Канзас — Небраска, впервые в истории Соединенных Штатов... были уничтожены все юридические преграды распространению рабства на территории Соединенных Штатов» [12].

Проявлением агрессивных устремлений рабовладельцев было и решение Верховного суда США по делу раба Дреда Скотта из Миссури. Его владелец, находившийся на военной службе, взял Д. Скотта с собой в Иллинойс, а затем в Висконсин. После четырехлетнего пребывания в свободных штатах он был возвращен в Миссури. Здесь Скотт обратился в суд низшей инстанции с просьбой предоставить ему свободу, так как он жил в штатах, где рабство запрещено. Суд признал правомерность требований Скотта, но Верховный суд штата отказал ему в этом. Тогда Дред Скотт обратился в Верховный суд США.

Решение большинства членов Верховного суда (судьи Маклин и Кертис остались при особом мнении), объявленное судьей Р. Тони в марте 1857 г., гласило: «1. Негр не имеет прав гражданина. 2. Раб, взятый своим хозяином в свободные территории, не имеет права стать свободным. 3. Конгресс не имеет власти запретить рабство в территориях, следовательно Миссурийский компромисс является неконституционным» [13]. В решении Верховного суда говорилось, что конституция признает рабов такой же собственностью, как и любую другую вещь, поэтому правительство обязано защищать эту собственность. Рабовладелец может брать раба в любой штат или территорию и использовать там его труд. Это постановление по существу делало рабство законным на всей территории Соединенных Штатов. «Решением по делу Дреда Скотта,— писал К. Маркс,— федеральные власти провозгласили распространение рабства законом американской конституции...» [14]

«Нью-Йорк дейли трибюн» 11 марта 1857 г. заявляла, что решение судьи Тони не только свидетельствует об унижении черной расы, но и поощряет вторжение рабства в свободные территории. «Дайте только один раз получить официальное решение суда, что рабы могут содержаться всюду под покровительством закона, и вскоре мы увидим людей, торгующих рабами на Нью-Йоркском рынке, в то время как мистер Тумбс сможет устраивать перекличку своих рабов в тени памятника при Банкер-Хилле».

В период президентства Бьюкенена власть рабовладельцев над Союзом, по словам Маркса, достигла кульминационного пункта. Значительные размеры приобрела нелегальная работорговля африканцами, официально запрещенная в 1808 г. Контрабандным путем в США ежегодно доставлялись многие тысячи черных невольников. С января 1859 г. по август 1860 г. в Нью-Йоркском порту было снаряжено не менее 100

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 315.
[13] New York Daily Tribune, 1857, Mar. 7.
[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 315.

невольничьих судов [15]. В годичном послании конгрессу 6 декабря 1858 г. президент Дж. Бьюкенен выступил за приобретение Кубы и за расширение рабства на новые территории.

Подобные планы не отвечали интересам промышленников и фермерства. Противоречия между ними и плантаторами все более обострялись. Рабовладельцы срывали все попытки фабрикантов Севера добиться высоких покровительственных тарифов на ввозимые товары. Представитель Южной Каролины У. Бойс заявлял в конгрессе: «Высокие пошлины — угроза собственности и праву покупать дешевле... Политика, направленная на поддержание неприбыльных отраслей промышленности, является для государства необдуманной. Страна не должна страдать из-за выгод 200 тыс. капиталистов» [16].

3 марта 1857 г. президент подписал новый фритредерский тариф, снижавший пошлины до 20—24%, что было выгодно прежде всего плантаторам Юга. Борьба промышленной буржуазии за утверждение протекционистской системы безуспешно велась вплоть до гражданской войны. И только приход к власти республиканской партии позволил принять законопроект Моррилла, увеличивший пошлины на 10%.

Промышленная буржуазия была заинтересована и в развертывании за счет федерального бюджета программы «внутренних улучшений». Развитие морского и речного судоходства, строительство каналов и железных дорог играли решающую роль в укреплении торговых связей с новыми районами, особенно бурно развивающегося Северо-Запада. Рабовладельцы же всячески препятствовали расходованию государственных средств на подобные цели. Президенты-демократы Ф. Пирс и Дж. Бьюкенен наложили вето на 16 законопроектов, из них примерно половина относилась к программе «внутренних улучшений».

Рабовладельцы использовали федеральную власть и для того, чтобы помешать демократизации аграрного законодательства. Они стремились воспрепятствовать принятию закона о гомстедах — бесплатных участках земли на Западе,— которого добивались фермеры. Как отмечал Маркс, «партия рабовладельцев срывала все меры по созданию так называемого фонда свободных земель...» [17]

В 1857—1860 гг. конгрессом обсуждалось несколько проектов закона о гомстедах. Неоднократно этот закон принимался палатой представителей, но неизменно проваливался в сенате. Когда же в июле 1860 г. обе палаты одобрили закон о гомстедах, президент Дж. Бьюкенен наложил вето. «Нью-Йорк дейли трибюн» 19 марта 1860 г. указывала в этой связи, что именно «южные хозяева» президента связали его обязательством наложить вето.

Для решения аграрного вопроса, для устранения всех препятствий на пути развития капитализма «вглубь» и «вширь» требовалось прежде всего уничтожение монополии рабовладельцев на власть и переход контроля над государственным аппаратом в руки промышленной буржуазии. В надвигавшемся революционном кризисе вопрос о власти стал занимать первое место.

---

[15] *Foner Ph. S.* Business and Slavery. The New York Merchants and the Irrepressible Conflict. N. Y., 1968, p. 164—167.
[16] Congressional Globe, 34th Congress, 3rd Session, App., p. 185.
[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 342.

2. АНТИРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. ВОЙНА В КАНЗАСЕ

Годы, предшествовавшие гражданской войне, характеризовались быстрым нарастанием антирабовладельческого движения. В это критическое десятилетие борьба против рабства приобрела поистине народный характер, охватив широкие слои населения северных штатов [18]. Ведущую роль в движении играли аболиционисты — сторонники немедленного уничтожения рабства и предоставления неграм политических прав. Организационно движение оформилось еще в начале 30-х годов. В декабре 1833 г. было создано Американское антирабовладельческое общество. Его руководителями стали У. Л. Гаррисон, А. Таппан, Т. Велд, Дж. Смит и др. Наряду с этой организацией действовало Американское общество свободных цветных, образованное на негритянском конвенте в Филадельфии в 1830 г.

В аболиционистском движении участвовали фермеры и ремесленники, городская мелкая буржуазия, рабочие, интеллигенция. Хотя в аболиционизме возникли различные течения — от умеренных сторонников реформ до защитников революционных методов, всех их объединяла ненависть к рабству и стремление содействовать его скорейшему уничтожению. Ведущим печатным органом была еженедельная газета «Либерейтор» («Освободитель»), издаваемая У. Л. Гаррисоном. В первом номере, вышедшем 1 января 1831 г., он заявлял, что будет отстаивать немедленное освобождение всех порабощенных. «Я буду суров, как правда, и непреклонен, как правосудие... Я буду честен, не буду увиливать, не буду прощать. Я не отступлю ни на дюйм, и я буду услышан» [19].

Несмотря на травлю и преследования со стороны защитников рабства [20], движение аболиционистов росло и набирало силу. В 1840 г. насчитывалось уже 2 тыс. различных обществ, в которых участвовали 250 тыс. человек. В том же году была создана первая политическая организация аболиционистов — Партия свободы. Впоследствии она вошла в состав партии фрисойлеров [21].

В 40-е годы движение несколько ослабло в связи с расхождениями между умеренными и радикалами. Толчком к его активизации явилось проведение в жизнь закона о беглых рабах 1850 г. По всему Северу проходили массовые митинги, на которых выступали ораторы-аболиционисты. Во многих городах создавались «комитеты бдительности», поста-

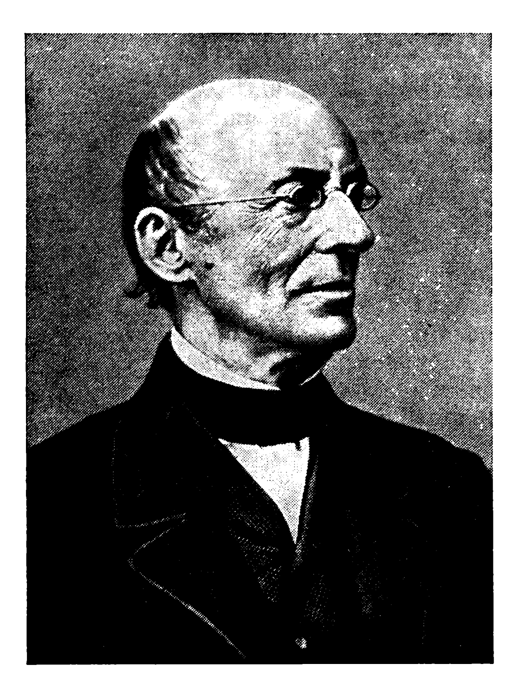
---

[18] Подробнее см.: *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965. О росте интереса к истории аболиционизма в современной американской историографии см: *Dillon M. L.* The Abolitionists: A Decade of Historiography, 1959—1969.— Journal of Southern History, 1969, Nov., vol. 35, N 4, p. 500—522; *Idem.* The Abolitionists: The Growth of a Dissenting Minority. DeKalb, 1974, p. 277—286.

[19] American Forum. Speeches on Historical Issues, 1788—1900 / Ed. by E. J. Wrage. N. Y., 1960, p. 150.

[20] В 1837 г. был убит редактор небольшой аболиционистской газеты Э. Лавджой. Предпринимались неоднократные попытки расправиться с У. Л. Гаррисоном и другими видными аболиционистами.

[21] Фрисойлеры — политическая организация, созданная в 1848 г. и объединившая в своих рядах противников расширения рабства на новые территории. Ее девизом было «Свободная земля, свободное слово, свободный труд, свободные люди».

УИЛЬЯМ ЛЛОЙД ГАРРИСОН

вившие целью помощь беглым рабам. Конгресс был засыпан петициями против ненавистного закона [22].

Резко осуждали этот закон передовые деятели американской культуры. Философ Р. У. Эмерсон записал в дневнике: «...подумать только, этот грязный закон принят в XIX в. людьми, умеющими читать и писать. Клянусь небом, я не стану выполнять его» [23]. Историк и писатель Р. Хилдрет заклеймил компромисс 1850 г. в романе «Белый раб»: «Пусть никто не поддается обману, когда при нем произносят эти полные лжи слова: „свободные штаты". Это название северных штатов не имеет под собой никакого основания... Почтенные граждане свободных штатов сами не владеют рабами — о, разумеется, нет. Рабство, по их словам,— это чудовищная жестокость. У них нет рабов, и они довольствуются ролью сыщиков и полицейских, помогающих рабовладельцам» [24].

Чудовищная охота за людьми, санкционированная законом, вызвала не только моральное осуждение, но и горячее стремление бороться. Возглавили эту борьбу аболиционисты. В одной из резолюций, принятых в 1851 г. Американским антирабовладельческим обществом, записано: «Что касается закона о беглых рабах, то мы проклинаем его, мы плюем на него, мы попираем его ногами» [25].

Упоминавшийся Т. Паркер заявлял, что, хотя он и не сторонник насилия, тем не менее готов сделать все, что в его силах, «чтобы освободить любого беглого раба из рук любого чиновника, который попытается вернуть того в рабство» [26]. В октябре 1850 г. Бостонский комитет бдительности, руководимый Т. Паркером, освободил из рук полицейских двух негров — Эллен и Вильяма Крафтов, а спустя четыре месяца — другого беглеца, по имени Шадра. В октябре 1851 г. в г. Сиракьюс (штат Нью-Йорк) 2 тыс. аболиционистов, возглавляемые священником С. Меем и лидером Партии свободы Дж. Смитом, напали на здание суда

---

[22] *Уманский П. Б.* Из истории борьбы негров США за свободу: (Негры в аболиционистском движении, 30—50-е годы XIX в.). Казань, 1963, с. 50—51.

[23] Цит. по: *Korngold R.* Two Friends of Man: The Story of William Lloyd Garrison and Wendell Phillips and Their Relationship with Abraham Lincoln. Boston, 1950, p. 215.

[24] *Хилдрет Р.* Белый раб. М.; Л., 1960, с. 251—252.

[25] *Pease H. J., Pease W. H.* The Fugitive Slave Law and Antony Burns: a Problem in Law Enforcement. N. Y., 1967, p. 21.

[26] *Ratner L.* Pre-civil War Reform. The Variety of Principles and Programs. Englewood Cliffs, 1967, p. 51.

и силой освободили беглого раба Д. Макгенри. Ему помогли переправиться в Канаду. День освобождения Макгенри было решено отмечать ежегодными митингами. Сопротивление закону о беглых рабах на Севере приняло широкий размах. В г. Кристиана (штат Пенсильвания) дело дошло до вооруженного столкновения с агентами рабовладельцев, в ходе которого было убито несколько охотников за беглыми рабами.

Под давлением плантаторов правительство стремилось во что бы то ни стало проводить новый закон в жизнь. В апреле 1851 г. в Бостоне был арестован и возвращен в рабство Т. Симс. Для этого были использованы полиция и федеральные войска. В течение девяти дней они должны были охранять здание суда от возмущенной толпы, пытавшейся освободить Симса. Возвращение его в рабство рассматривалось рабовладельцами как крупная победа. Президент М. Филмор писал по этому поводу Д. Вебстеру: «Поздравляю Вас и страну с триумфом закона в Бостоне» [27].

Наиболее острым столкновением на почве закона о беглых рабах стало дело Антони Бернса, беглого раба из г. Александрия (штат Виргиния). В мае 1854 г. он был схвачен властями на улицах Бостона. Аболиционисты выступили в защиту Бернса. В Фанейл-Холле состоялся массовый митинг, организованный У. Филмонтом, Т. Хиггинсоном и негром Р. Моррисоном. Паркер, обращаясь к собравшимся, заявил: «Нет, господа, теперь это не город Бостон, каким он был прежде. Теперь это северный пригород Александрии... Я слышал много раз приветствия и крики в честь свободы, но я не видел дел в ее защиту». Он говорил, что в Массачусетсе попраны все права человека и торжествует закон рабства. Заканчивая выступление, он призвал всех собраться вечером у здания тюрьмы, где был заключен А. Бернс, и перейти от слов к делу. Митинг принял резолюцию, в которой указывалось, что, поскольку закон является несправедливым, никто не может заставить исполнять его.

Вечером аболиционисты, возглавляемые Т. Хиггинсоном и негром Л. Хэйденом, предприняли попытку освободить А. Бернса, однако проникнуть внутрь тюрьмы не удалось. В завязавшейся перестрелке был убит один из охотников за беглыми рабами и ранен Т. Хиггинсон. На место происшествия прибыл полицейский отряд, который арестовал участников нападения.

Неудачная попытка освобождения А. Бернса вызвала резкие нападки на аболиционистов со стороны рабовладельческой прессы. Газеты призывали к немедленной расправе с руководителями «мятежа». В город были введены войска. Массачусетс, как писала 6 июня 1854 г. «Нью-Йорк дейли трибюн», «был унижен бандой наемников федеральных властей и вынужден смотреть на то, как честь и достоинство республики втоптаны в грязь».

По решению суда А. Бернс был возвращен своему хозяину. 2 июня 1854 г. его, закованного в цепи, провели по улицам Бостона к гавани и на правительственном судне отправили в Виргинию. Город оцепили войска. 22 роты местной милиции, четыре взвода моряков, артиллерийский дивизион федеральных войск США и городская полиция были привлечены, чтобы обеспечить выполнение этого позорного акта, стоившего правительству 40 тыс. долл. Десятки тысяч жителей города участвовали

---

[27] Цит. по: *Pease H. J., Pease W. H.* Op. cit., p. 18—19.

в уличной демонстрации протеста против действий властей, на фасадах домов висели приспущенные в знак траура национальные флаги [28].

Гневно заклеймил действия властей Г. Д. Торо в знаменитой речи «Рабство в Массачусетсе», произнесенной на аболиционистском митинге в годовщину праздника национальной независимости. «Беглый раб Бернс возвращен в рабство. Человек, имеющий такое же право на свободу, как и любой другой на земле Массачусетса, схвачен в этом штате ... закован в цепи и отправлен в безнадежное рабство. Народ этого штата воочию убедился, что закон является грубым и непростительным проявлением тиранической власти, преступным поруганием неотъемлемых прав человека». Торо призывал к борьбе за справедливость: «Нынешние времена не располагают к отдыху, мы израсходовали весь наследственный запас свободы. Если мы хотим спасти себя, нам надо бороться» [29].

После возвращения А. Бернса в рабство легислатура Массачусетса приняла закон о личной свободе, фактически отменявший закон о беглых рабах. Он предусматривал различные наказания — от штрафа до тюремного заключения — за преследование беглых рабов, если их принадлежность тому или иному хозяину не доказана. Подобные законы были приняты в Висконсине, Коннектикуте, Нью-Йорке, Огайо, Пенсильвании.

В 50-е годы активизировалась деятельность так называемой «подземной железной дороги», тайной аболиционистской организации, которая помогала беглым рабам. У. Фостер назвал ее одним из наиболее замечательных и эффективных средств борьбы против рабства [30]. По самым скромным данным, ежегодно члены этой организации переправляли в Канаду 800—1000 человек [31]. Легендарным «кондуктором подземки» стала негритянка Гарриет Табмен, которая сделала 19 «рейсов» на Юг и помогла бежать 300 рабам. За ее голову рабовладельцы обещали 40 тыс. долл., но она была неуловима [32].

Распространению антирабовладельческих настроений в стране содействовала обличительная аболиционистская литература. Появился ряд произведений, составляющих славу американской культуры. В знаменитом романе «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу воочию показала ужасы рабства тем, кто знал о нем лишь понаслышке. Сцены охоты на негров, продажи с аукциона, бесчеловечных истязаний, описанные достоверно, живо и ярко, пробуждали высокие нравственные чувства и ненависть к рабству.

Защитники «особого института» пытались принизить значение книги, утверждая, что картины рабства, нарисованные писательницей, не соответствуют действительности. В статье «Пагубная сентиментальность госпожи Стоу», появившейся в прорабовладельческом «Де Боуз ревью», заявлялось, что положение невольников намного лучше, чем могут вообразить себе читатели романа. В ответ на этот роман защитниками рабства было написано 14 специальных книг. Среди них: «Дядя Робин в своей хижине в Виргинии и дядя Том без хижины в Бостоне» Т. Пейджа, «Хижина тетушки Филлис, или жизнь на Юге, какова она в действительности» М. Истмен и др. В южных штатах роман «Хижина дяди

---

[28] *Aptheker H.* Essays in the History of the American Negro. N. Y., 1945, p. 135.
[29] New York Daily Tribune, 1854, Aug. 2.
[30] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 175.
[31] В 1850 г. было зафиксировано 1011 беглых рабов, а в 1860 г.— 803.
[32] *Conrad E.* Hurriet Tubmen. N. Y., 1942; *Aptheker T.* Essays..., p. 125—127.

Тома» был запрещен. Его распространение или чтение наказывалось высылкой из южных штатов или тюремным заключением. Так, свободный негр Сэмюэл Грин в Мэриленде за чтение его неграм был приговорен к 10 годам тюрьмы [33].

ГАРРИЕТ ТАБМЕН

В 1853 г. Бичер-Стоу опубликовала документы к своей книге под заголовком «Ключ к „Хижине дяди Тома“» в 2 томах. На 800 страницах были собраны многочисленные документальные материалы о невыносимых условиях жизни рабов, о произволе рабовладельцев и прямом покровительстве их злодеяниям со стороны церкви. Книга объективно подводила читателей к выводу о необходимости революционного уничтожения рабства.

Острая полемика по проблемам рабства стала характерной чертой этого периода. Аргументы рабовладельцев не отличались разнообразием. Искажая факты, они стремились представить рабство в виде благодетельной системы для негров. «Де Боуз ревью» в статье «Благодеяния рабства» писала, что положение рабов лучше, чем любого другого трудящегося класса в мире. Между плантаторами и их рабами существуют отношения патернализма. «Работа на плантации является здоровой и наиболее восхитительной разновидностью ручного труда»,— заявляла газета [34].

Главный аргумент плантаторов, который У. Фостер назвал «убийственной параллелью», заключался не столько в защите рабства, сколько в нападках на систему наемного труда. Сенатор из Южной Каролины Дж. Хаммонд заявлял: «Различие между нами заключается в том, что мы нанимаем рабов пожизненно и хорошо компенсируем их труд: они не голодают, не попрошайничают, не знают безработицы... Вы же нанимаете поденщиков, о которых не заботитесь и труд которых плохо компенсируется, что можно наблюдать в любой час, на любой улице ваших городов. Вы можете встретить в Нью-Йорке за один день больше нищих, чем за всю жизнь на Юге» [35].

---

[33] New York Daily Tribune, 1858, Nov. 2.

[34] American Press Opinion from Washington to Coolidge: Vol. 1—3 / Ed. by A. Nevins. Port Washington, 1972, vol. 1, p. 206—209, 241—242 (1st print.: 1928).

[35] Цит. по: *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 271.

Защите рабовладельческой системы были посвящены книги виргинского плантатора Дж. Фитцхью «Социология для Юга, или Банкротство свободного общества» (1854) и «Каннибалы все, или Рабы без хозяев» (1857). В этих книгах, насквозь пронизанных белым шовинизмом и расизмом, негры изображались как существа низшего порядка, неспособные самостоятельно жить и мыслить. Идеализируя отношение плантаторов к рабам, он сравнивал их с отношением родителей к детям. Фитцхью утверждал, что «негры-рабы на Юге — счастливейшие и в некотором смысле свободнейшие люди в мире». На Юге нет нищеты, безработицы, т. е. тех социальных болезней, от которых страдает Север. Он уверял читателей, что социальная и политическая система свободного общества негуманна, неразумна и неудовлетворительна, ее следует заменить, и призывал создать сильное правительство, которое распределило бы государственные земли между собственниками, а безземельных и безработных закрепило на этих участках в качестве пожизненных арендаторов.

Более того, для защиты рабовладения Фитцхью использовал довольно популярные в то время социальные теории, особенно Фурье, совершенно искажая их смысл. Он даже заявлял, будто рабовладельческая плантация — готовая ячейка социализма. «Южная ферма представляет собой нечто вроде акционерного общества с объединенной ответственностью, или социальной общины, куда хозяин вкладывает капитал и знания, а рабы — свой труд, причем доходы делятся не в соответствии с вкладом каждого, а в соответствии с потребностями и нуждами отдельных личностей» [36].

Идеология защитников рабовладения нашла распространение не только на Юге, но и в свободных штатах. «Существует большая группа газет и столько же политиканов на Севере, которые открыто признают себя подлинными выразителями южного общественного мнения и принципов „особого института“» [37]. Это объяснялось наличием тесных деловых связей между буржуазией Севера и плантаторами Юга. Один нью-йоркский купец цинично заявил аболиционисту С. Мею: «...мы не дураки, чтобы не знать, что рабство — величайшее зло и величайшая несправедливость... Но большая часть собственности южан инвестируется в него, и бизнес Севера так же хорошо, как и Юга, приспособлен к нему... Мы не можем позволить вам и вашим помощникам пытаться уничтожить рабство. Для нас это дело не принципа, а необходимости» [38].

Противники рабства стремились показать преимущества свободного труда над рабским, убедить плантаторов в необходимости отмены «особого института». Не случайно поэтому противники рабства придавали большое значение книге Х. Хелпера «Неминуемый кризис Юга», вышедшей в 1857 г. Около восьми месяцев потребовалось автору, чтобы найти издателя, который согласился бы выпустить книгу, содержащую уничтожающую критику рабовладельческой системы. Произведение Хелпера являлось острым аболиционистским документом, требующим освобождения рабов без какой-либо компенсации плантаторам.

---

[36] Ante-Bellum. Writings of G. Fitzhugh and H. R. Helper on Slavery / Ed. by H. Wish. N. Y., 1960, p. 71.
[37] New York Daily Tribune, 1852, July 5.
[38] *May S. G.* Some Recollections of Our Antislavery Conflict. N. Y., 1968, p. 127—128 (1st print.: 1869).

Особое внимание уделялось положению так называемых белых бедняков. Мелкие хозяйства Юга не могли конкурировать с крупными рабовладельческими плантациями и неизбежно разорялись. Большая часть фермеров, насчитывавших вместе с семьями 6 млн. человек, превратилась в белых бедняков, над которыми, как и над рабами, безраздельно господствовала рабовладельческая элита. «Как правило,— писал Хелпер,— к белым беднякам относятся с меньшим уважением, чем к неграм, и хотя положение последних настолько ужасно, что не поддается описанию; положение подавляющего большинства первых неизмеримо хуже... Нищета, невежество, суеверие — вот главные черты тех белых бедняков, которые не владеют рабами. Многие из них достигают зрелого возраста и проходят свой жизненный путь, никогда не имея и 5 долларов в кармане» [39].

Книга Хелпера получила самое широкое признание. На Севере было продано около 3 млн. экземпляров. Несколько тысяч отправили на Юг. Но плантаторы понимали, какое сильное оружие в руках их врагов представляла эта книга. «Рабовладельцы грозят линчевать любого, кто отважится распространять книгу Хелпера среди белых бедняков»,— отмечали современники. Все экземпляры, обнаруженные отрядами по охране порядка на Юге, немедленно сжигались [40].

Идеологи рабства сразу же попытались опровергнуть точку зрения Хелпера. На Юге появился ряд сочинений под красноречивыми заголовками: «Обзор и опровержение „Неминуемого кризиса" Х. Хелпера» (Дж. Биб); «Анатомированный „Неминуемый кризис" Хелпера» (С. Вольф); «Южное богатство и северные доходы» (Т. Кеттел). Но опровергнуть выводы Хелпера и помешать распространению его книги не удалось. «Книга везде встречена с энтузиазмом противниками рабства,— писала 26 декабря 1859 г. „Нью-Йорк дейли трибюн".— Мы радуемся этому в уверенности, что нынешнее столетие будет свидетелем смерти негритянского рабства».

Видную роль в идейной борьбе против рабства сыграл Р. Хилдрет. В 1852 г. выходит его роман «Белый раб, или Записки беглеца», представлявший энциклопедию американской жизни. Автор отстаивал необходимость революционной борьбы против рабства. Он первым в американской литературе создал образ негра-бунтаря. Его несомненной заслугой являлась критика общественного строя США, показывавшая, что в стране нет никаких реальных свобод: ни печати, ни слова, ни личной свободы белых граждан. Хилдрет осуждал также и христианство как религию, покровительствующую рабовладельцам. «Будет ли Америка тем, чем мечтали сделать свою страну отцы-основатели ее независимости — подлинной демократией, основанной на утверждении прав человека? Или ей суждено выродиться в несчастную республику... возглавляемую кучкой рабовладельцев-линчевателей, для которых не существует иного закона, кроме собственной прихоти и произвола?» [41]

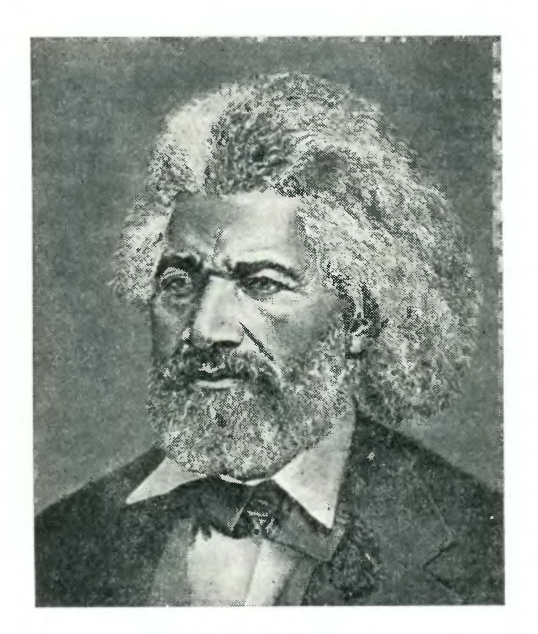
Такой вопрос волновал не только писателя, но и все американское общество. Книга была переведена на многие иностранные языки и зани-

---

[39] *Helper H. R.* The Impending Crisis of the South: How to Meet It. Cambridge, 1968, p. 381 (1st print.: 1857).

[40] New York Daily Tribune, 1859, Aug. 18.

[41] *Хилдрет Р.* Указ. соч., с. 420. Роман являлся переработкой вышедшей в 1836 г. книги «Раб, или Воспоминания Арчи Мура».

ФРЕДЕРИК ДУГЛАС

мала второе место после «Хижины дяди Тома» по своей популярности.

В 1854 г. выходит второе издание памфлета Хилдрета «Деспотизм в Америке», представлявшего собой полемику с книгой А. де Токвиля «О демократии в Америке». Центральной идеей памфлета была мысль о несовместимости рабства и демократии. Деспотизм южной олигархии противостоит северной демократии, борьба между ними неизбежна, и она неминуемо приведет к уничтожению рабства — такой вывод делал автор[42]. По словам аболициониста У. Филлипса, памфлет Хилдрета может быть «отнесен к выдающимся политическим произведениям разоблачающего характера»[43].

Значительную роль в пропаганде антирабовладельческих идей играла прогрессивная печать. Это прежде всего знаменитая «Либерейтор» У. Л. Гаррисона в Бостоне. 7 января 1847 г. в Вашингтоне вышел первый номер газеты «Нэшнл ира», которая активно выступала за свободную землю, свободного человека, свободный труд и свободную торговлю[44]. Важную роль в антирабовладельческой борьбе играли издания Ф. Дугласа, бывшего беглого раба, ставшего одной из самых значительных фигур в истории аболиционизма, выдающимся оратором, блестящим публицистом и редактором, вождем негритянского народа. В 1847 г. он выпустил первый номер газеты «Норт стар» («Северная звезда»). Впоследствии она была преобразована в «Фредерик Дуглас пейпер» с эпиграфом: «Все права для всех»[45].

Особо следует отметить роль газеты «Нью-Йорк дейли трибюн», имевшей в 50-е годы общий тираж 300 тыс. экземпляров и являвшейся, по словам К. Маркса, наиболее влиятельной, ведущей американской газетой[46]. Исследователь истории американской журналистики У. Блейер отмечал, что в период критического десятилетия с 1850 по 1860 г. «Трибюн» становится последовательным и стойким защитником антирабовладельческих идей. «Никогда в американской журналистике ни один редактор и ни одна газета не имели такого влияния в стране, как издатель Грили и его газета в это время»[47].

---

[42] *Hildreth R.* Despotism in America. Boston, 1854, p. 302.
[43] Цит. по: *Emerson D. E.* R. Hildreth. Baltimore, 1946, p. 85.
[44] National Era, 1847, Jan. 7.
[45] *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства, с. 113, 119.
[46] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 387, 414, 425.
[47] *Bleyer W. G.* Main Currents in the History of American Journalism. Boston, 1927, p. 228.

5 августа 1852 г. «Трибюн» писала: «Мы рассматриваем рабство как величайшее моральное и социальное зло, как главный источник праздности, грязи и порока всюду, где оно существует... Мы настаиваем на том, что оно является величайшей несправедливостью и что ни один человек не имеет права использовать другого как свое движимое имущество или продавать другого человека для своей собственной выгоды». Газета публиковала многочисленные факты жестокого обращения с рабами, причем приводились в основном сообщения из южных газет. В 1854 г. появляется специальная рубрика «Факты рабства», в которой печатались письма и корреспонденции с Юга. Многие редакционные статьи выходили под заголовками «Правление террора».

Законы Юга дополнялись, как известно, законом Линча, т. е. расправой без суда и следствия. Одним из способов поддержания системы террора и насилий было создание патрульных отрядов и «комитетов наблюдения». На Юге была создана террористическая полувоенная организация «Рыцари золотого креста», которая поставила своей целью бороться за присоединение к США Мексики и других стран Латинской Америки.

Приведение подобных фактов, несомненно, способствовало усилению антирабовладельческих настроений в стране. Знакомясь с описаниями преступлений рабовладельцев, читатель должен был прийти к выводу, что рабовладельческая система в Америке является самой жестокой из всех когда-либо существовавших тираний. Причем рабовладельческий террор угрожал не только рабам, но и белым южанам. Для расправы с ними было достаточно одного подозрения в симпатиях к аболиционистам.

В ответ на усиление антирабовладельческой агитации плантаторы требовали ограничений свободы слова и печати, призывали конгресс издать закон, запрещавший обсуждать вопрос о рабстве.

Как на Севере, так и на Юге велась травля аболиционистов в печати. Например, «Нью-Йорк геральд» писала: «Кто дал право этим религиозным маньякам собираться в нашем торговом городе с намерениями, осуществление которых привело бы его к разорению и положило бы конец его процветанию? Наш вывод, продиктованный благоразумием и патриотизмом, гласит: эти собрания опасны и заведомо злонамеренны как по своему характеру, так и по целям... Недопустимо, чтобы кучка одержимых присваивала себе право формировать общественное мнение» [48].

Продолжали раздаваться угрозы физической расправы, часто приводившиеся в исполнение. В Джорджии за голову У. Л. Гаррисона была обещана награда в 5 тыс. долл. Губернатор Алабамы требовал у нью-йоркского губернатора выдачи Т. Уильямса, сотрудника «Эмансипейтор». В Луизиане предлагалось вознаграждение в 50 тыс. талеров за поимку Артура Таппана, видного нью-йоркского аболициониста. Расправа на Юге с аболиционистами была быстрой и беспощадной. Но и на Севере банды громил, нанятые богатыми купцами и судовладельцами, часто устраивали нападения на аболиционистские собрания, покушения на жизнь отдельных аболиционистов.

После принятия билля Канзас — Небраска антирабовладельческое движение в стране усилилось. «Мотивы создания билля так же подлы,

[48] Цит. по: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 2, с. 415.

как низок и отвратителен сам закон. Билль является низким мошенничеством и актом политического бесчестия, самым чудовищным преступлением, отъявленным бесстыдством и наглостью»,— писала «Трибюн» 26 мая 1854 г.

Митинги, демонстрации протеста, многочисленные петиции в конгресс стали на Севере обычным явлением. Нередко их участники вздергивали на виселице изображение С. Дугласа. Дуглас говорил, что мог бы путешествовать по стране ночью, как днем, настолько светло было от костров, на которых сжигались его изображения. Страна, по определению современников, оказалась на грани гражданской войны.

Рабовладельцы предпринимали решительные действия с целью не допустить в Канзас противников рабства. Газета миссурийского сенатора Д. Атчисона писала 22 августа 1855 г.: «Мы можем сказать нахальным негодяям из „Трибюн", пусть они изводят хоть океан чернил, их общества помощи эмигрантам — посылают миллионы долларов, их представители в конгрессе — разглагольствуют о своих еретических теориях вплоть до второго пришествия ... все равно мы будем продолжать линчевать и вешать, мазать дегтем и валять в перьях каждого аболициониста, который осмелится осквернить нашу землю» [49].

Уже в конце 1854 г. в газетах Севера появились сообщения о нападении вооруженных миссурийцев на поселения скваттеров из свободных штатов. Противники рабства предлагали усилить приток эмигрантов с Севера и таким образом превратить Канзас в свободный штат. В 1854—1855 гг. возникало несколько организаций, ставивших целью помочь эмигрантам из свободных штатов. Это Массачусетская компания помощи эмигрантам во главе с Эли Тайером, Нью-Йоркская канзасская лига (Тадеуш Хиатт), Вашингтонское эмигрантское общество (Дж. Гуерич) и др. На земле Канзаса столкнулись два потока переселенцев: рабовладельческий и фермерский. Согласно переписи, проведенной в феврале 1855 г., в Канзасе имелось 8500 человек белого населения, 152 свободных негра и 192 раба. Примерно $^2/_3$ белых поселенцев представляли рабовладельцы пограничного штата Миссури, стремившиеся любыми методами добиться утверждения рабства в Канзасе.

Обстановку в Канзасе ярко характеризовал корреспондент «Трибюн» Джеймс Редпас. Он писал, что когда поселенцы отправлялись на пашню, они всегда брали винтовки и собирались в группы по 5—10 человек. чтобы отразить постоянные нападения банд из Миссури, Алабамы и Джорджии. Охрану несли днем и ночью. Когда два человека встречались, держа в руках пистолеты, то вместо приветствия задавался вопрос: «За свободный штат или рабовладельческий?» Нередко вслед за ответом следовал выстрел [50].

Первоначально сторонникам рабства удалось добиться значительных успехов. На выборах представителя территории в конгресс, состоявшихся 29 ноября 1854 г., победил сторонник рабовладения миссуриец Дж. Витфилд. Это был результат активных действий миссурийцев, которые «импортировали» избирателей в Канзас. В обстановке запугивания и прямого давления на фристейтеров (сторонников свободного штата)

---

[49] Цит. по: *Greeley H.* The American Conflict. A History of Great Rebellion: Vol. 1, 2. Chicago, 1865—1866, vol. 1, p. 237.

[50] *Redpath J.* The Roving Editor, or Talks with Slaves in the Southern States. N. Y., 1859, p. 341.

банды вооруженных миссурийцев контролировали ход голосования на избирательных участках.

В подобных же условиях проходили выборы в законодательное собрание территории 30 марта 1855 г. На них прибыли 5 тыс. вооруженных до зубов миссурийцев. Описание выборов в Лоренсе дает их очевидец: «Накануне выборов в Лоренс прибыли тысячи миссурийцев, все хорошо вооруженные ружьями, пистолетами, кинжалами, а один отряд даже притащил два орудия с картечью. Никто и не старался соблюсти хотя бы кажущуюся законность или справедливость» [51].

Избранный миссурийцами законодательный орган территории исключил из своего состава всех сторонников свободного штата. Он принял конституцию по образцу конституций южных штатов. Смертная казнь, каторжные работы и другие суровые меры наказания грозили за призыв рабов к восстанию, за распространение среди них аболиционистской литературы, за помощь беглым и их укрытие, за другие преступления против собственности рабовладельцев. Сторонники свободного штата не признали эту конституцию, и борьба еще более обострилась.

Война в Канзасе стала настоящим прологом к гражданской войне. В 1856 г. слово «Канзас» не сходило со страниц газет. Редакционные статьи Севера выходили под заголовками: «Новая гражданская война в Канзасе», «Политика пограничных разбойников», «Рабовладельческий закон в Канзасе», «Что можно сделать для свободного Канзаса». В феврале 1856 г. «Трибюн» и «Ивнинг пост» привели знаменитые слова священника Генри Бичера о том, что винтовка Шарпа в условиях Канзаса обладает не меньшей действенностью и моральной силой, чем сотня библий. С этого времени их стали называть «библией Бичера». «Винтовка Шарпа... является подлинным умиротворителем, когда имеешь дело с пограничными грабителями»,— писали фристейтеры 8 февраля 1856 г. комитету помощи свободного Канзаса.

На Севере был организован сбор средств в помощь фристейтерам. 16 июля 1856 г. «Трибюн» напечатала письмо из Пенсильвании под заголовком «Полмиллиона для Канзаса». В нем предлагалось каждому подписчику или читателю газеты внести по 1 долл., создав тем самым канзасский фонд «Трибюн». Уже к концу года общая сумма пожертвований составляла 20 тыс. долл. 25 сентября 1856 г. «Трибюн» привела заявление сенатора от штата Массачусетс Ч. Самнера: «Я с интересом наблюдаю за вашим великолепным фондом помощи освобождению Канзаса, сейчас оскверненного и втоптанного в грязь, израненного и порабощенного президентом США, действующим как орудие тиранической рабовладельческой олигархии».

В мае 1856 г. миссурийцы совершили новое преступление. Они организовали нападение на Лоренс, оплот фристейтеров. Дома поселенцев были разграблены и сожжены. Ущерб, причиненный поселку, оценивался в 200 тыс. долл. Разгром Лоренса вызвал волну протеста и возмущения на всем Севере. 19 мая Ч. Самнер произнес в сенате блестящую речь «Преступление против Канзаса». Он назвал миссурийцев пиратами, выступавшими под черным флагом, говорил о рабстве как отрицании прав человека и всех гражданских свобод. Самнер подчеркнул, что война в

---

[51] H. Greeley on A. Lincoln / Ed. by J. Benton. N. Y., 1893, p. 120—122, 152—155.

Канзасе носит не местный, а национальный характер[52]. Его смелая речь вызвала у рабовладельцев приступ ярости. 22 мая член палаты представителей П. Брукс внезапно напал на Самнера в здании конгресса и жестоко избил его. Суд приговорил Брукса к штрафу всего лишь в 300 долл.; его даже не исключили из состава палаты.

В Чикаго, Нью-Йорке и других городах прошли митинги, на которых осуждались преступления рабовладельцев против Канзаса и избиение сенатора Самнера. Тут же происходил сбор денег и запись добровольцев в помощь фристейтерам. Газеты Севера писали в эти дни, что рабство еще раз показало всему миру свое истинное лицо, что оно является угрозой свободе не только на земле Канзаса, но и на Севере, даже в стенах Капитолия. Именно рабство воспитывает жестоких людей вроде Атчисона или Брукса[53]

После разрушения Лоренса наступил период ожесточенных партизанских действий. В ответ на продолжавшийся террор и насилия скваттеры создавали вооруженные отряды, самым известным из которых был отряд Джона Брауна, и наносили решительные удары по силам сторонников рабовладения. Федеральное правительство открыто встало на сторону рабовладельцев. Президент Пирс приказал федеральным войскам присоединиться к миссурийцам и, таким образом, исключить прибытие эмигрантов из свободных штатов. Пароходы с переселенцами были остановлены и винтовки Шарпа конфискованы.

Однако даже активная поддержка правительства не могла ликвидировать кризиса и заставить фристейтеров отказаться от борьбы. «Долгом сторонников свободного Канзаса,— говорилось в одном из писем, опубликованных 26 ноября 1856 г. в „Трибюн“,— является сопротивление федеральным войскам и правительству в их деспотических действиях так же, как колонисты сопротивлялись английским войскам при Лексингтоне, Конкорде, Банкер-Хилле. Это должно быть сделано, иначе их порабощение будет завершено».

Решительное сопротивление свободных фермеров рабовладельческой колонизации имело огромное значение для решения вопроса о том, свобода или рабство восторжествует в Канзасе. Следующим этапом борьбы за Канзас стала, по словам К. Маркса, борьба посредством политических интриг в конгрессе[54]. Рабовладельческая олигархия стремилась принять Канзас в состав Союза с конституцией, одобрявшей рабство. Эта конституция, известная как Лекомптонская (по названию города, где ее приняли), была отвергнута большинством населения штата. «Нью-Йорк дейли трибюн» 31 декабря 1857 г. заявила, что Лекомптонская конституция насильственно навязывается большинству народа Канзаса жульнической диктатурой меньшинства и является нарушением основ демократии.

В 1858—1859 гг. в конгрессе шло бесконечное обсуждение этой конституции и вопроса о допущении Канзаса в Союз. Окончательно вопрос решился уже в январе 1861 г., когда в связи с сецессией большинством в сенате стали располагать республиканцы. Канзас был принят в Союз как свободный штат.

[52] American Historical Documents, 1606—1965 / Ed. by H. C. Syrett. N. Y., 1967, p. 245—249.
[53] New York Daily Tribune, 1856, May 24, June 3, July 2.
[54] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 343.

Будучи первой реальной пробой сил между сторонниками и противниками рабства, гражданская война в Канзасе стала началом складывания в стране революционной ситуации. Она в огромной мере способствовала революционизированию сознания народных масс и давала им опыт вооруженной борьбы.

3. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАРКСИЗМА

Важную роль в антирабовладельческой борьбе призван был сыграть рабочий класс США. Его общая численность накануне гражданской войны достигала 2 млн. человек, из них примерно 800 тыс. были квалифицированными рабочими [55]. На формирование пролетариата оказывали огромное влияние, с одной стороны, наличие значительного фонда государственных земель на Западе и, с другой — постоянный приток иммигрантов.

В. И. Ленин писал, что в Америке «рабочий класс, благодаря обилию свободных земель, занял первое место по высоте жизненного уровня» [56]. Этот уровень был, однако, различен в зависимости от национальной принадлежности рабочих, их квалификации, профессиональной принадлежности и т. п. Советский историк А. В. Ефимов специально отмечал, что жизненный уровень рабочих зависел также от географического района страны. На Западе труд ценился в 1,5 раза выше, чем на Востоке, где на заработную плату непосредственно влиял поток иммигрантов из Европы [57].

Положение рабочих-иммигрантов было особенно тяжелым. Они становились жертвами беспощадной эксплуатации. Довольно частыми были случаи голодной смерти. «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщала, например, о гибели от голода целой семьи: мужа, жены и 8-летнего ребенка; о попытке матери убить своего 3-летнего сына, так как ей нечем было его кормить [58].

В той же газете 27 марта 1851 г. приводился недельный бюджет расходов семьи из 5 человек, включавшей троих детей,— 10 долл. 57 ц. Г. Грили отмечал по поводу этого бюджета: «Спрашивается, должен ли я считать жизнь рабочих чрезмерно комфортабельной? А где деньги на развлечения ... на воскресные прогулки по реке, чтобы подышать воздухом; где взять деньги на врача или аптекаря, на место в церкви, на книги и музыкальные инструменты?» Такой бюджет, по мнению Грили, обеспечивал лишь самое скудное существование [59].

Однако подобная заработная плата была довольно редкой даже среди квалифицированных рабочих. Для сравнения можно отметить, что недельные расходы среднего нью-йоркского бизнесмена составляли 1330 долл., т. е. в 100 раз больше, чем квалифицированных рабочих [60]. «Ни-

[55] *Mandel B.* Labor: Free and Slave. Workingmen and the Anti-Slavery Movement in the United States. N. Y., 1955, p. 19; *Фонер Ф.* История рабочего движения в США...: В 4-х т. М., 1949—1969, т. 1, с. 221.
[56] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5. с. 92.
[57] *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма. М., 1969, с. 266.
[58] New York Daily Tribune, 1858, Febr. 24, 25, 1859, Mar. 9.
[59] Documentary History of American Industrial Society: Vol. 1—10 / Ed. by J. R. Commons et al. Cleveland, 1910—1911, vol. 8, p. 314—315.
[60] *Martin E. W.* The Standard Living in 1860. American Consumption Levels on the Eve of the Civil War. Chicago, 1942, p. 395, 409.

где... *социальное* неравенство,— отмечал К. Маркс,— не выступает в такой резкой форме, как в восточных штатах Северной Америки... и здесь пауперизм делает блестящие успехи» [61].

Рабочее движение в 50-е годы XIX в. носило по преимуществу экономический характер и не выходило за рамки тред-юнионизма. С 1853 по 1860 г. возникло около 10 крупных национальных тред-юнионов (в 1860 г. их было уже 27). Определенных успехов достигло движение за сокращение рабочего дня. В 50-х годах законы о 10-часовом рабочем дне были приняты в Нью-Джерси, Огайо, Род-Айленде, Нью-Йорке, Калифорнии, Коннектикуте [62]. Забастовки рабочих становятся постоянным явлением в жизни промышленных центров страны. «Каждая весна приносит вести то из одного, то из другого города о новых боях за повышение заработной платы»,— писала «Трибюн». Газеты сообщали о забастовках шахтеров, печатников, железнодорожников. За два года (1853—1854) в стране произошло около 400 стачек [63].

В теоретическом и организационном отношении американское рабочее движение продолжало оставаться под влиянием различных направлений утопического социализма и мелкобуржуазных теорий, что являлось отражением недостаточной развитости классовых антагонизмов в стране, незрелости самого рабочего класса. Отмечая это явление, Ф. Энгельс писал: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории» [64].

Еще в 20-х годах XIX в. американская земля стала опытным полем для испытания учения Р. Оуэна. Шесть раз он приезжал в Соединенные Штаты, чтобы пропагандировать свою систему и попытаться претворить ее в жизнь. Он выступал в конгрессе США и на многочисленных митингах. В апреле 1825 г. была основана оуэновская «Новая гармония», а затем еще несколько других общин [65].

В 40-х годах усиливается деятельность фурьеристов. Выходит в свет книга А. Брисбейна «Социальное предназначение человека» (1840), кратко излагавшая основы учения Фурье и положившая начало фурьеристской пропаганде. Затем появился ряд книг и статей П. Годвина, Г. Грили и других авторов. Движение с самого начала получило широкую поддержку. Около 40 газет печатали статьи А. Брисбейна. Влиятельная «Нью-Йорк дейли трибюн» отвела целую колонку для сторонников фурьеристской ассоциации. Были основаны и собственные журналы фурьеристов «Фаланга» и «Харбинджер» («Предвестник»). По всей стране создавались фурьеристские общества. В их рядах насчитывалось около 200 тыс. человек [66].

Американские фурьеристы активно занимались пропагандистской работой, чтением лекций, проведением дискуссий, а также стремились практически реализовать идеи своего учителя, приступив к созданию фаланг. Первой из них была «Сильвания» (штат Пенсильвания), основанная в 1843 г. В газетах сообщалось, что несколько передовых и энергичных рабочих, отчаявшись получить помощь от людей с капиталом,

---

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 303.
[62] *Фонер Ф.* Указ. соч., т. 1, с. 271.
[63] New York Daily Tribune, 1854, Jan. 13, May 18, Oct. 19.
[64] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 269.
[65] *Захарова М. Н.* Роберт Оуэн и оуэниты в Соединенных Штатах Америки.— В кн.: История социалистических учений. М., 1976, с. 184—212.
[66] *Авдеева М. А.* Идеи Фурье в США.— Там же, с. 269—283.

решили создать ассоциацию на основе собственного труда. Существование этой общины оказалось недолгим. Из-за материальных трудностей она была распущена в августе 1844 г.

Исследователи полагают, что в 40-е годы в США было создано более 40 общин, а число членов определяют в 8—9 тыс. Наиболее значительными были: Североамериканская фаланга в штате Нью-Джерси, просуществовавшая 12 лет, фаланга «Трамбэлл» в штате Огайо (5 лет), Висконсинская фаланга (6 лет), а также Брук-Фарм в Массачусетсе (5 лет). Последняя известна тем, что в ее составе были представители интеллигенции Новой Англии: литературный критик Джордж Рипли, писатель Натаниэл Готорн, музыковед Джон Дуайт, журналист и публицист Чарлз Дана др.[67]

Фурьеристы проводили общенациональные съезды и пытались создать общенациональную организацию. Однако успехи фурьеризма оказались непродолжительными. В конце 40-х годов начинается спад движения, и в последующее десятилетие оно постепенно затухает. Попытки возродить движение успехом не увенчались[68]. Из всех движений подобного рода фурьеризм имел наибольший успех, приобрел поистине общенациональный размах, но все же движение потерпело полный крах. Это свидетельствовало о том, что утопический социализм не в состоянии разрешить проблему освобождения трудящихся от эксплуатации, избавить общество от нищеты и бесправия. Все же эксперименты утопических социалистов в США способствовали распространению среди рабочих социалистических идей, и в этом состоит их историческое значение.

«Истоки и традиции американского коммунизма,— говорится в программе Коммунистической партии США,— уходят своими корнями в первые годы существования нашей страны, в утопические колонии начала XIX века, в коммунистические клубы, основанные на нашей земле под влиянием марксистских идей»[69].

В 50-е годы XIX в. в США начинается распространение марксизма, которое вели в основном немецкие иммигранты, участники революции 1848—1849 гг., члены Союза коммунистов. Среди них следует назвать в первую очередь близкого друга Маркса Иосифа Вейдемейера, активного участника немецкого рабочего движения Фридриха Зорге, а также Адольфа Клусса, Абрама Якоби и др.[70] Это были преданные делу борцы, стойкие защитники интересов рабочего класса. В начале 50-х годов в США создаются общины Союза коммунистов, а в 1852 г. возникает первая марксистская политическая организация — Пролетарская лига. Члены Пролетарской лиги вели большую агитационную работу в рабочих организациях, стремясь вырвать рабочих из-под влияния мелкобуржуазных идей и объединить эти организации в национальном масштабе. На ежене-

---

[67] *Noyes J.* History of American Socialism. Philadelphia, 1870, p. 22.

[68] В 1854—1856 гг. ученик Фурье В. Консидеран основал фурьеристскую общину в Техасе. Следует отметить также попытки других представителей утопического социализма основать свои колонии в США: «Икария» Э. Кабе в Иллинойсе, «Коммуния» В. Вейтлинга в Айове.

[69] США — экономика, политика, идеология, 1971, № 2, с. 99.

[70] *Оберманн К.* Иосиф Вейдемейер: Его жизнь и деятельность. М., 1973; *Поспелова В.* Иосиф Вейдемейер— В кн.: Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры. М., 1961; *Румянцева Н.* Фридрих Зорге. М., 1966; *Артемова Т. Л.* Абрам Якоби — один из активных деятелей Союза коммунистов.— В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963.

дельном заседании Лондонского округа Союза коммунистов 24 марта 1852 г. особо отмечались заслуги И. Вейдемейера в борьбе против реформистских проектов К. Гейнцена, В. Вейтлинга, Г. Криге.

Американские марксисты сделали очень много для распространения идей научного коммунизма среди рабочих. В многочисленных статьях, рефератах, выступлениях перед рабочими они разоблачали сущность капиталистического строя, буржуазной демократии, защищали идею создания самостоятельной политической партии рабочего класса. В марте 1853 г. при их большом содействии была создана организация Американский рабочий союз (АРС), записавший в своей программе: «АРС стремится к организации рабочего класса в тесно сплоченную и самостоятельную политическую партию для провозглашения и осуществления прав рабочих». Органом союза являлась газета «Реформ». Союз активно включился в забастовочную борьбу рабочих, способствовал объединению тред-юнионов Нью-Йорка. Его деятельность продолжалась до 1857 г., однако в конце руководство захватили мелкобуржуазные элементы.

Американский рабочий союз был объединением главным образом рабочих-иммигрантов. Поэтому И. Вейдемейер и А. Клусс боролись за создание на его основе организации, построенной по интернациональному принципу, в которую вошли бы и коренные американцы, и рабочие других национальностей. Преодоление национальной разобщенности являлось важнейшей задачей рабочего движения в Америке. Вейдемейер призывал рабочих: «Объединяйтесь не как немцы, ирландцы или американцы, не как виги или демократы, не как трезвенники или их противники; объединяйтесь и организуйтесь как рабочие, и вы создадите государство, вы продиктуете обществу свои законы, вместо того чтобы смиренно принимать их, и станете господами вместо рабов» [71].

Благодаря усилиям марксистов в Вашингтоне в апреле 1853 г. была создана Национальная ассоциация рабочих, которая стала издавать газету «Уоркингменз нэшнл адвокейт» («Национальный защитник рабочих»), выходившую на английком языке. В эту организацию входили наряду с эмигрантами коренные американцы. Вейдемейер отмечал в связи с созданием этой организации, что ее появление свидетельствует о росте классового самосознания рабочих [72].

Американские марксисты печатали и распространяли произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Опираясь на научную теорию, они исследовали общие закономерности и специфические особенности развития капитализма и рабочего движения в стране. Об этом свидетельствуют такие произведения, как «Национально-экономические очерки США», «О стоимости вещей», «О диктатуре пролетариата» И. Вейдемейера. Многие американские марксисты поддерживали постоянную переписку с Марксом и Энгельсом, советовались с ними по разным вопросам и информировали их о деятельности рабочих организаций в США. Большое значение для них имело сотрудничество К. Маркса в качестве европейского корреспондента в прогрессивной американской газете «Нью-Йорк дейли трибюн» [73].

Заметный след в истории первых марксистских организаций оставил Коммунистический клуб Нью-Йорка. Продолжая деятельность Пролетар-

---

[71] Цит. по: *Оберманн К.* Указ. соч., с. 252.

[72] *Черкасов И. И.* Из истории распространения марксизма в США, 1848—1865.— Новая и новейшая история, 1958, № 3, с. 37.

[73] *Гольман Л. И.* От Союза коммунистов к I Интернационалу. М., 1970, с. 125—134.

ской лиги, он боролся за тесную связь марксистской теории с практикой классовой борьбы американского пролетариата. Клуб был основан 25 октября 1857 г. на собрании в доме Финцеля на Фултон-стрит, 148. Председателем был избран Фридрих Камм, участник революции 1848—1849 гг., вице-председателем — член Союза коммунистов Альберт Комп, а секретарем — Фриц Якоби, также участник германской революции. Первый параграф устава, принятого на собрании, гласил: «Члены Коммунистического клуба отрицают религию, в какой бы форме она ни выступала... Они признают полное равноправие всех людей, независимо от цвета кожи и пола, и стремятся поэтому уничтожить так называемую собственность, как наследственную, так и благоприобретенную, и заменить ее разумной общедоступной системой распределения, которая обеспечит каждому по возможности соответствующее его потребностям участие в пользовании материальными и духовными благами земли» [74].

По численному составу Коммунистический клуб был невелик. На учредительном собрании присутствовали всего 11 человек. В дальнейшем число членов не превышало 50 человек. Это были в основном представители мелкобуржуазной интеллигенции и ремесленники, рабочих было мало.

С самого начала клуб стремился к установлению тесных связей с коммунистами в Америке и Европе. Ф. Камм направил устав клуба К. Марксу и просил его оказать теоретическую помощь. При этом Камм отмечал, что обращается к Марксу как к «учителю и вождю коммунистов Старого Света» [75].

Американские марксисты ясно осознавали, что наиболее серьезным препятствием, стоящим на пути развития американского рабочего движения в 50-е годы XIX в., являлось рабство негров. К. Маркс отмечал, что «в Соединенных Штатах Северной Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо» [76]. Марксисты включились в активную борьбу против рабовладения. Они разъясняли рабочим, что рабство отрицательно сказывается на положении рабочих, ведет к снижению их заработной платы, к падению жизненного уровня. Существование рабовладельческой олигархии угрожало буржуазно-демократическим свободам и диктовало рабочим необходимость борьбы в свою защиту. Участие рабочих в широком антирабовладельческом движении вооружало их опытом борьбы за собственные интересы.

Марксистам пришлось преодолевать расистские предубеждения части американских рабочих, бороться с влиянием нативистов, выступавших против иммиграции, и демократов. Они активно включились в борьбу против билля Канзас — Небраска и выступили с поддержкой республиканской партии, формировавшейся на антирабовладельческой основе, на базе консолидации всех сил, противостоящих дальнейшему распространению рабства. На одном из митингов рабочих г. Нью-Йорка в марте 1854 г. была принята резолюция, предложенная И. Вейдемейером, в которой за-

---

[74] Протоколы Коммунистического клуба в Нью-Йорке (1857—1867).— В кн.: Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX в. / Под ред. Е. Н. Барвенко. М., 1970, с. 348.

[75] Там же, с. 341; Карл Маркс: Биография. М., 1968, с. 314.

[76] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 309.

являлось, что рабочие выступают против распространения рабства на новые территории и будут протестовать «самым настойчивым образом как против черного, так и против белого рабства» [77].

В период, предшествовавший гражданской войне, марксизм делал только первые шаги на американской земле. Первые марксистские организации были малочисленны, опирались главным образом на рабочих-иммигрантов немецкого происхождения и были мало связаны с широкими кругами американских рабочих. Вместе с тем их деятельность имела большое значение в истории рабочего движения, распространении идей марксизма и борьбе против мелкобуржуазной идеологии, в вовлечении рабочего класса в антирабовладельческое движение. Не случайно среди активных участников гражданской войны в армии Севера были марксисты, деятели революционного рабочего движения [78].

4. ОБРАЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ. НАЗРЕВАНИЕ КОНФЛИКТА

Резкое обострение противоречий между сторонниками рабства и его противниками в первой половине 50-х годов XIX в. и особенно война в Канзасе привели к развалу «второй двухпартийной системы» (виги — демократы). На протяжении длительного времени (в 30—40-е годы) эта политическая система сдерживала и затушевывала противоречия по вопросу о рабстве. Как виги, так и демократы были общенациональными партиями, которые пользовались влиянием и поддержкой Севера и Юга. Всесторонний количественный анализ поименных голосований в конгрессе, проведенный Дж. Силби, показал, что в большинстве случаев именно партийная принадлежность оказывала решающее влияние на позицию конгрессменов, которые на протяжении 1841—1852 гг. действовали «в рамках стабильной и широкомасштабной системы национальных партий» (виги — демократы) [79]. Даже во время острой борьбы в конгрессе по вопросу о расширении границ рабства в 1843—1848 гг. («поправка Уилмота», война с Мексикой и т. д.) рядовые члены все еще сохраняли лояльность в отношении своей партии [80].

В новых условиях открытой конфронтации между сторонниками и противниками рабства партия вигов, объединявшая в своих рядах промышленников Севера и часть плантаторов Юга, оказалась уже нежизнеспособной. Попытки партийного руководства сохранить ее единство были тщетными, и недавно могущественная вигская партия переживала в первой половине 50-х годов процесс распада. Главной причиной являлась капитуляция вигов перед рабовладением, выразившаяся в признании компромисса 1850 г.

Президентские выборы 1852 г. стали для вигов последними. На национальном съезде в Балтиморе 16—21 июня они выдвинули кандидатом в

---

[77] *Schlüter H.* Lincoln, Labor and Slavery. N. Y., 1965, p. 76.

[78] И. Вейдемейер был командиром полка, затем командующим военным округом; Август Виллих — полковником, затем бригадным генералом; Роберт Роза имел чин майора; Фриц Якоби вступил в армию рядовым и дослужился до чина лейтенанта. См.: *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 367—368.

[79] *Silbey J. H.* The Shrine of Party: Congressional Voting Behavior, 1841—1852. Pittsburgh, 1967, p. 142.

[80] *Holt M. F.* The Political Crisis of the 1850's. N. Y., 1978, p. 39—66.

президенты У. Скотта, больше полагаясь на его военную славу, приобретенную в войне с Мексикой, чем на популярность своей избирательной программы. В ней провозглашались традиционные требования «внутренних улучшений», принятия протекционистского тарифа и т. д. В отношении рабства заявлялось, что партия целиком и полностью поддерживает закон о беглых рабах[81]. Сторонники антирабовладельческих взглядов покинули съезд. Отсутствие популярного лозунга о гомстедах вызвало разочарование многих избирателей. Глубокие противоречия между северным и южным крылом вигов ослабляли партию изнутри и вели ее к развалу.

Основным оплотом политического господства рабовладельцев продолжала оставаться демократическая партия. В классовом отношении она представляла союз плантаторов, большей части фермеров и фритредерской буржуазии. На выборах президента в 1852 г. демократы выдвинули требование прекратить всякую агитацию по вопросу о рабстве и оказать полную поддержку компромиссу 1850 г. Они также выступили против национального банка, политики протекционизма, осуществления программы «внутренних улучшений» за счет государства. Демократам удалось одержать решительную победу на выборах. Их кандидат генерал Ф. Пирс собрал 1 601 117 голосов избирателей и 254 выборщиков, У. Скотт соответственно — 1 385 453 и 42[82].

Несмотря на достигнутый успех, положение демократов не было достаточно прочным. В этой партии также происходили подспудные процессы, подготовившие ее раскол в 1860 г. В 1848 г. от нее отделились так называемые барнбернеры, или независимые демократы, сторонники нераспространения рабства на новые территории. Объединившись с антирабовладельческими вигами и аболиционистами из Партии свободы, они образовали партию фрисойлеров, выдвинувшую на выборах 1852 г. своего кандидата в президенты Д. Хейла. В избирательной платформе этой партии центральным пунктом было требование ограничения рабства существующей территорией и принятие закона о гомстедах[83]. Появление третьих партий (фрисойлеры, нативисты, Партия свободы) свидетельствовало о начавшемся кризисе и развале «второй двухпартийной системы». В стране шла перегруппировка классовых и партийных сил — процесс, который неуклонно вел к формированию «третьей двухпартийной системы» (республиканцы — демократы).

Развал партии вигов дал толчок росту Американской партии, или партии «ничего не знающих» (нативисты), основанной еще в 1843 г. в штате Нью-Йорк. Ее существование вначале являлось тайной, и члены на вопрос о своей деятельности были обязаны отвечать: «Я ничего не знаю». Партия возникла на основе деятельности таких шовинистических организаций, как «Орден объединенных американцев», «Орден усеянного звездами знамени», «Орден сыновей 1776 г.» и др., устроенных по принципу масонских лож. Она принимала в свои ряды только «100-процентных американцев» и главной целью ставила борьбу против иммигрантов, особенно ирландцев-католиков. Нативисты добивались установления срока натурализации иностранцев в 21 год и недопущения их на государ-

[81] History of the U. S. Political Parties: Vol. 1—4 / Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y., 1973, vol. 1, p. 477—479.
[82] *Bain R. C.* Convention Decision and Voting Records. Wash., 1960, p. 46—51.
[83] *Blue F. J.* The Free Soilers. Urbana, 1973, p. 288—292.

ственные должности. Устраивались крикливые антикатолические демонстрации, громились церкви, дома и клубы иммигрантов.

В середине 50-х годов Американская партия добивается определенных политических успехов. В ее ряды попала часть американских рабочих, опасавшихся наплыва иммигрантов, снижавшего уровень заработной платы. За этническими и религиозными противоречиями вполне отчетливо прослеживались социальные. Ирландские католики-иммигранты, как правило, оказывались низкооплачиваемыми неквалифицированными рабочими, тогда как коренные американцы-протестанты в большинстве случаев представляли обеспеченные слои американских трудящихся [84].

Партия привлекла к себе представителей собственнических классов, недовольных «высокими» налогами на содержание тюрем и домов для бедных, обитателями которых чаще всего становились иммигранты. Буржуазию сближала с этой партией глубокая враждебность к радикальным идеям, которые привозили с собой участники революций 1848 г. К нативистам примкнули многие фермеры, не желавшие усиления конкуренции в приобретении земельных участков на Западе. Привлекало их к этой партии и то, что она выступала за принятие закона о гомстедах.

В современной американской историографии при объяснении успехов нативистов существует тенденция преуменьшить значение вопроса о рабстве и других общенациональных проблем (тариф, гомстед и др.) и заменить их конфликтами между протестантами и католиками, коренными американцами и иммигрантами, ввести «этно-культурное» объяснение политической борьбы. Такой подход оказывается применительно к 50-м годам явно неприемлемым и недостаточным. Даже в период своего наибольшего влияния во время партийной перестройки и развала старой партийной системы в 1854—1856 гг. нативисты не смогли стать ведущей политической силой, а после выборов 1856 г. постепенно распались и прекратили свою деятельность [85].

Основной линией водораздела в новой партийной системе стали не религиозные взгляды и не национальная принадлежность или время переезда в Америку, а вопрос о рабстве и необходимости свержения власти рабовладельческой олигархии. Очень четко эту мысль выразила влиятельная аболиционистская газета «Нэшнл ира», призывавшая 5 мая 1854 г. забыть старые споры, предрассудки и партийные привязанности и «как один человек объединиться для восстановления свободы и свержения власти рабовладельцев». Активно выступая против рабства, за систему свободного труда, эта газета, как и «Нью-Йорк дейли трибюн», много сделала для сплочения борцов против рабовладельческой олигархии.

Главным центром притяжения всех сил, недовольных засильем рабовладельческой олигархии, стала новая, республиканская партия, представлявшая собой широкую коалицию демократических групп страны под руководством промышленной буржуазии Севера. Она объединила значительную часть фермерства и рабочих, шедших ранее за демократами.

---

[84] *Foner E.* Free Soil, Free Labor, Free Man: The Ideology of the Republican Party before the Civil War. N. Y., 1970, p. 227, 231—232.

[85] Подробнее о деятельности партии «ничего не знающих» см.: *Carman H. J., Luthin R. H.* Some Aspects of Know-nothing Movement Reconsidered.— South Atlantic Quarterly, 1940, Apr., vol. 39, N 2, p. 217—222; *Holt M. F.* The Politics of Impatience: The Origin of Know Nothingism.— Journal of American History, 1974, Sept., vol. 60, N 2, p. 309—331.

В новую партию влились представители мелкобуржуазных слоев и интеллигенции. Создание ее происходило в обстановке кризиса и раскола старых партий. В ее состав вошли виги, нативисты, фрисойлеры, демократы, аболиционисты.

Основание новой партии было связано с широким народным движением протеста против билля Канзас — Небраска, который, по словам Г. Грили, нанес смертельный удар по спокойствию и благодушию северян. 28 февраля 1854 г. в небольшом городке Рипон (штат Висконсин) состоялся митинг, на котором впервые было заявлено о создании новой организации. Руководил митингом А. Бовэй, известный деятель рабочего движения. Собравшиеся единодушно одобрили резолюцию, в которой говорилось: «Если билль Канзас — Небраска будет принят, то это уничтожит старые партийные организации и создаст новую партию на единственной основе нераспространения рабства»[86].

На следующем собрании, 20 марта, был избран комитет новой партии, состоявший из трех вигов, одного фрисойлера и одного демократа. Бовэй предложил назвать новую организацию республиканской. Впоследствии он писал: «Мы собрались на небольшом митинге — виги, фрисойлеры и демократы. Мы ушли с него республиканцами, и мы были первыми республиканцами в Союзе»[87].

Летом 1854 г. был созван конвент новой партии в Саратога-Спрингс. В принятой платформе говорилось, что свобода и рабство не могут существовать на одной земле, поэтому республиканцы выступают против билля Канзас — Небраска и требуют недопущения распространения рабства на новые территории. На выборах в конгресс в 1855 г. республиканцы одержали значительную победу: в палате представителей они имели 108 мест, демократы — 83, нативисты — 43. Состав палаты отразил рост влияния как республиканцев, так и нативистов. Развернувшаяся в нижней палате борьба по вопросу об избрании спикера продолжалась два месяца и свидетельствовала об углублении политического кризиса. Лишь после 133 туров голосования был избран сторонник антирабовладельческих взглядов Н. Бэнкс.

Сама логика событий в стране в середине 50-х годов вела к краху второй партийной системы и ее коренной перестройке уже на новой, секционной основе. И дело было не только в том, что партия вигов потерпела полный крах, что новая республиканская партия была по преимуществу партией Севера, в которой объединились противники рабства среди промышленной буржуазии, фермеров и рабочих, но и в том, что правящая демократическая партия, ранее имевшая общенациональное влияние, стала выражать главным образом интересы Юга.

На протяжении более 20 лет (с 1834 по 1854 г.) между конгрессменами-демократами, представлявшими северные и южные штаты, существовало относительное равенство. В 1853—1855 гг. в конгрессе 33-го созыва число северных демократов (91) даже превышало число южных (67). В середине 50-х годов произошло резкое падение влияния демократов, в результате чего число северных демократов упало до 25, а на Юге —

[86] *Kleeberg G. S.* The Formation of the Republican Party as a National Organization. N. Y., 1970, p. 15.

[87] Цит. по: *Van Deusen G. G.* Horace Greeley — XIXth Century Crusader. N. Y., 1964, p. 185.

до 63[88]. Четкое понимание существа партийной перестройки обнаружил У. Сьюард в речи 21 октября 1856 г. Главную причину краха партии вигов, дезорганизации демократов и, наконец, возникновения республиканской партии опытный государственный деятель усматривал в конфликте «двух полностью антагонистических систем» — «системы свободного труда с равным и всеобщим избирательным правом, свободой слова, мысли, действий и системы рабства с неравноправными выборами, обеспечиваемыми произвольными, деспотическими и тираническими законами» [89].

В феврале 1856 г. в Питтсбурге состоялся национальный конвент республиканцев, посвященный проблеме участия партии в предстоявших президентских выборах. На нем были представители всех свободных штатов, а также Мэриленда, Кентукки, Миссури, Виргинии и Южной Каролины. Был образован национальный республиканский комитет во главе с нью-йоркским банкиром Э. Морганом. Комитет обратился с воззванием «К народу Соединенных Штатов», в котором приглашал принять участие в подготовке к предстоявшим президентским выборам и прислать делегатов на общереспубликанский съезд по выдвижению кандидата в президенты [90].

Съезд собрался в Филадельфии в июне 1856 г. Кандидатом на пост президента был выдвинут 43-летний Джон Фримонт, вице-президента — В. Дэйтон. Дж. Фримонт был крупным землевладельцем и известным путешественником, совершившим пять экспедиций на Дальний Запад. Он проводил топографические съемки в районе Скалистых гор, и одна вершина была названа в его честь. Калифорния избрала его своим представителем в сенат США. «Фримонт,— отмечал К. Маркс,— кумир штатов Северо-Запада, создавших ему славу „pathfinder" (следопыта)» [91]. Его выдвижение свидетельствовало о растущем влиянии этого района в национальной политике.

Избирательная платформа республиканцев подтверждала верность принципам Декларации независимости, отстаивала право конгресса запретить рабство на западных территориях. Она осуждала политику Ф. Пирса в отношении Канзаса и требовала принятия этого штата в Союз как свободного. В платформе содержались требования постройки трансконтинентальной железной дороги и осуществления программы «внутренних улучшений» [92]. Однако она не содержала требований предоставления бесплатных участков земли нуждающимся и не выступала против рабства и закона о беглых рабах.

Несмотря на умеренный характер выдвигаемых требований, программа республиканской партии потенциально представляла собой серьезную угрозу существованию рабства. К. Маркс писал, что «ограничение рабства пределами его старой территории должно было, согласно экономическому закону, привести к его постепенному исчезновению, уничтожить

---

[88] *Holt M. F.* Op. cit., p. 191—192.

[89] Speech at Auburn, New York, October 21, 1856.— In: The Works of W. H. Seward: Vol. 1—5 / Ed. by G. E. Baker. N. Y., 1972, vol. 4, p. 277—281 (1st print.: 1884).

[90] *Bain R. C.* Op. cit., p. 52—53.

[91] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 392.

[92] *Bartlett R. J.* John C. Frémont and the Republican Party. N. Y., 1970, p. 19; *Crandell A. W.* The Early History of the Republican Party, 1854—1856. Gloucester, 1960, p. 194—195 (1st print.: 1930).

политическую гегемонию, осуществляемую рабовладельческими штатами через сенат, и, наконец, подвергнуть рабовладельческую олигархию опасностям, угрожающим ей внутри ее собственных штатов со стороны «белых бедняков». Своим принципом ... республиканцы... подсекали самый корень господства рабовладельцев»[93]. Это понимали и сами рабовладельцы. «Если Фримонт будет избран и введен в должность,— заявил губернатор Виргинии Вайс,— существование рабства не продлится и 20 лет»[94].

Конвент демократов собрался в Цинциннати 2—6 июня 1856 г. Он выдвинул кандидатами на пост президента известного политического деятеля и дипломата Джеймса Бьюкенена, вице-президента — Джона Брекинриджа. Платформа демократов требовала невмешательства конгресса в дела рабства, отрицала протекционизм и осуществление программы «внутренних улучшений» за счет государства.

По всему Северу прошли многолюдные митинги за избрание Фримонта под лозунгом «Свободная речь, свободный труд, свободный Канзас, Фримонт и Дэйтон». С тревогой взирали на рост народной активности представители демократической партии. В ее рядах оставались многие банкиры, судовладельцы, крупные купцы, опасавшиеся, что успех республиканцев приведет к отделению Юга и разрушению их деловых связей с плантаторами, пугало также и наличие радикальных элементов среди республиканцев. В Нью-Йорке был создан специальный комитет для финансирования избирательной кампании демократов. На тайных совещаниях представителей деловых кругов вносились значительные суммы денег, чтобы нанести поражение республиканцам. Общий вклад, выделенный банкирами Уолл-стрит в пользу демократов, оценивался прессой в 150 тыс. долл.

Победу на президентских выборах одержали демократы. За Бьюкенена проголосовали 1 838 169 человек и 174 выборщика, за Фримонта— 1 341 264 человека и 114 выборщиков. Кандидат нативистов М. Филмор собрал 874 534 голоса и всего 8 выборщиков. Победа демократов, однако, не была подавляющей. За Фримонта высказались 11 свободных штатов[95]. Выборы 1856 г. показали, что в лице республиканской партии промышленная буржуазия приобрела мощное оружие в борьбе за власть в государстве. Завоевание политического господства становилось ее главной целью. «...Север накопил достаточно энергии,—писал К. Маркс,— чтобы исправить те ошибки, которые были под давлением рабовладельцев совершены в течение полувека в истории Соединенных Штатов, и чтобы заставить страну вернуться к подлинным принципам своего развития»[96].

Глубину противоречий, раскалывающих американское общество, ясно понимали наиболее дальновидные политические деятели в самих Соединенных Штатах. «Это неотвратимый конфликт между противоположными силами,— отмечал У. Сьюард.— Он означает, что США рано или поздно должны стать полностью рабовладельческой или свободной страной... Существование этого великого факта делает все достигнутые ранее компромиссы бесполезными и иллюзорными»[97].

---

[93] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 345—346.
[94] New York Daily Tribune, 1856, Sept. 27.
[95] *Isely J. A.* H. Greeley and the Republican Party. 1853—1861. N. Y., 1965, p. 194.
[96] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 315.
[97] Цит. по: *Seitz D. C.* Horace Greeley — Founder of «The New York Tribune». N. Y., 1970, p. 153.

Выступая в Спрингфилде 16 июня 1858 г., А. Линкольн — кандидат от республиканской партии на выборах в сенат — произнес знаменитые слова о том, что «дом, разделенный надвое, не может устоять», что правительство США не может оставаться наполовину рабовладельческим, наполовину свободным. Поэтому неизбежна реорганизация всего Союза либо на основе рабства, либо на основе свободного труда [98].

Углублению противоречий в стране способствовал мировой экономический кризис 1857 г. Резко сократился объем промышленного производства, закрывались фабрики, заводы, шахты. В передовой статье «Нью-Йорк дейли трибюн» от 3 декабря 1857 г. говорилось: «Не только крупные хлопчатобумажные фабрики, но и производство шляп, одежды, обуви и т. д. находится в состоянии глубокого кризиса. Никогда еще не было столько бездействующих или работающих неполное время предприятий».

Кризис затронул и сельское хозяйство. Та же газета отмечала: «Фермеры, как класс, находятся в глубокой депрессии... Снижение цен на хлопок и шерсть... дошло до 25%, и еще сильнее... снизились цены на скот и лошадей. За зерно производитель получает не больше половины цены, которую получал 18 месяцев назад. На Западе падение цен на зерно составляет 60—70%, и мало надежд на быстрое и значительное улучшение». Резко возрос государственный долг: с 45 млн. долл. в 1857 г. до 90 млн. в 1861 г., т. е. за четыре года он удвоился. Число безработных в Филадельфии в октябре 1857 г. составляло 36 тыс., Нью-Йорке — 40 тыс., по всей стране — 200 тыс.[99]

Неимоверные страдания кризис принес трудящимся, обострив классовую борьбу в стране. В Нью-Йорке, Филадельфии, Вильямсберге, других городах проходили многотысячные демонстрации и митинги безработных. «Мы хотим работы, а не благотворительности»,— заявляли рабочие. Маркс отмечал: «В Америке рабочее движение стало играть заметную роль лишь с 1857 года» [100]. Нередко выступления безработных заканчивались столкновениями с полицией. Усиливалось стачечное движение. В 1858 г. серьезные волнения происходили около Бруклина, на строительстве ирригационных сооружений. Помощник шерифа, пытавшийся навести порядок, был ранен. Против рабочих выступила полиция. В результате несколько человек были убиты. Серьезные столкновения между стачечниками и полицией произошли в г. Элизабетпорт. Рабочие кидали в полицейских камни, а те открыли огонь. Были убиты 20 человек [101].

Важным элементом назревания неотвратимого конфликта являлась борьба самих негров-рабов против бесчеловечной эксплуатации. В 1856 г. по всему Югу прокатывается волна негритянских восстаний. Волнения охватили многие южные штаты: Кентукки, Арканзас, Теннесси, Миссисипи, Луизиану, Алабаму, Джорджию, Флориду, Южную и Северную Каролины [102]. Большой заговор рабов (до 300 участников) был раскрыт в Теннесси. Они планировали нападение на г. Эльдорадо. Луизианская га-

---

[98] Documents of American History, vol. 1, p. 345. Выходец из фермерской семьи А. Линкольн, адвокат по профессии, приобрел широкую известность в штате Иллинойс благодаря публичным дебатам с демократом С. Дугласом в период выборов в сенат (1858 г.). См.: History of the U. S. Political Parties, vol. 2, p. 1223—1228.

[99] *Кучинский Ю.* История условий труда в США. М., 1948, с. 95.

[100] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 45, с. 471.

[101] New York Daily Tribune, 1858, Apr. 2, 3, Mar. 9.

[102] *Aptheker H.* Essays..., p. 11, 54—57.

зета писала о заговоре рабов в районе г. Сент-Мартин, в котором участвовало несколько белых, помогавших неграм достать оружие.

Волнениями был охвачен г. Франклин. У рабов было найдено 24 ружья и два бочонка с порохом. 15 негров были убиты. Расправа над подозреваемыми в заговоре рабами была произведена в районе г. Дувер (на р. Камберленд). Многие были арестованы, 11 повешены, белый, участвовавший в заговоре, засечен насмерть (900 ударов плетью). В ряде

ОТРЯД ДЖОНА БРАУНА ОБОРОНЯЕТСЯ В ХАРПЕРС-ФЕРРИ

южных штатов вводилось патрулирование и поголовное вооружение всех белых жителей [103]. Серьезную тревогу у плантаторов вызывали волнения негров-рабочих в районе железоделательных промыслов (на реках Теннесси и Камберленд), где были заняты 8—10 тыс.

Новый толчок движению против рабства дало восстание под руководством Джона Брауна, оказавшее огромное влияние на умы современников. Беспримерное мужество и героизм, с которым 17 белых и 5 негров сражались в Харперс-Ферри (штат Виргиния) с отрядами рабовладельцев и регулярных войск, произвели большое впечатление даже на их врагов. Восстание началось 16 октября 1859 г. Первые сведения о нем появились в газетах на следующий же день. Заголовки газет гласили, что город и арсенал захвачены аболиционистами и рабами. Остановлено движение на железной дороге. Для подавления восстания двинуты войска. «Вот он неотвратимый конфликт Сьюарда, Смита, Гиддингса в действии,— писала газета штата Огайо.— Кто несет ответственность за Харперс-Ферри? Разумеется, не Браун, ибо он просто сумасшедший. Несут ответственность те, кто своим поощрением и денежной помощью принудили его взяться за оружие, чтобы провести в жизнь свои безумные планы — это они обязаны ответить перед страной и перед миром» [104].

[103] New York Daily Tribune, 1856, Oct. 23, Dec. 9—12.

[104] Ibid., 1859, Oct. 20; *Craven A.* The Coming of the Civil War. Chicago, 1957, p. 408—409.

«Фанатик», «сумасшедший», «безумец» — таков был приговор Дж. Брауну большинства американских газет, политических деятелей, да и многих последующих историков. Среди тех, кто встал на защиту героя, были Р. У. Эмерсон, Г. Д. Торо, Ф. Дуглас, У. Филлипс, У. Л. Гаррисон...

30 октября 1859 г. Г. Д. Торо созвал набатом жителей Конкорда и произнес пламенную речь в защиту капитана Джона Брауна. Торо от-

Charlestown, Va, 2nd December, 1859.
I John Brown am now quite certain that the crimes of this guilty, land: will never be purged away; but with Blood. I had as I now think: vainly flattered myself that without very much bloodshed; it might be done

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА ДЖ. БРАУНА ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1859 Г. (АВТОГРАФ)

крыто заявил, что его восхищает подвиг Дж. Брауна. «Я счастлив, что жил в одном веке с ним, что был его современником». «Джон Браун был прав»,— признал У. Л. Гаррисон. «Залп в Харперс-Ферри был услышан во всем мире». Это сказано У. Филлипсом [105].

Высокую оценку восстанию в Харперс-Ферри дал Н. Г. Чернышевский, опубликовавший в ноябрьском номере «Современника» перевод основных статей «Временной конституции» Джона Брауна. «Неукротимая энергия и глубокое, строгое нравственное чувство придают этому уставу чрезвычайную оригинальность»,— писал русский революционный демократ [106].

Рабовладельцы жестоко расправились с восставшими. 2 декабря 1859 г. Джон Браун был казнен. Поистине пророчески звучат последние слова Джона Брауна, написанные им перед казнью: «Я, Джон Браун, теперь совершенно уверен, что преступления этой греховной страны не могут быть искуплены иначе, как Кровью. Я думаю теперь, что напрасно тешил себя мыслью, что это может быть сделано без очень большого кровопролития» [107].

Самая глубокая оценка значения восстания Дж. Брауна в свете других мировых событий дана К. Марксом: «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, и, с другой стороны,— движение рабов в России» [108].

И в США, и в России в начале 60-х годов сложилась революционная ситуация. В России революционный взрыв предотвратили отменой крепостного права «сверху» в феврале 1861 г. В Соединенных Штатах в апреле 1861 г. началась гражданская война.

[105] Documents of Upheaval. Selections from W. L. Garrison's «The Liberator», 1831—1865 / Ed. by N. Truman. N. Y., 1969, p. 270—273.

[106] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1939—1953, т. 6, с. 454. См. также: *Дементьев И. П* Н. Г. Чернышевский и конституция Джона Брауна.— Вопр. истории, 1959, № 12, с. 137—144.

[107] Цит. по: *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства, с. 275.

[108] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 4.

III
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Глава одиннадцатая
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1861—1865)

1. РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1860 Г.

Анализируя причины и характер гражданской войны в США, Маркс указывал, что борьба между противниками и сторонниками рабства была «движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полувека» перед гражданской войной 1861—1865 гг.[1] Негритянская проблема являлась, естественно, и важнейшим компонентом революционной ситуации, предшествовавшей гражданской войне.

Война в Канзасе и восстание Дж. Брауна — первые свидетельства того, что антагонистические противоречия между рабовладением на Юге и капиталистической системой на Севере уже вышли за рамки политической и экономической борьбы. США вступили в фазу революционной вооруженной борьбы, которая должна была определить дальнейшие пути социально-экономического и общественно-политического развития страны[2].

Решающим фронтом борьбы между двумя системами являлась экономика. Влиятельные круги буржуазии Севера были заинтересованы в рабовладении, получая солидную долю прибыли от варварской эксплуатации негров-рабов. Достаточно указать на то, что буржуазия Нью-Йорка имела 40 центов с каждого доллара прибыли, которую давал выращиваемый рабами Юга хлопок — главная культура рабовладельческих южных штатов.

Развитие революционной ситуации шло в рамках нараставших противоречий между рабовладением и капиталистической системой хозяйства.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 316. Постановка данной проблемы К. Марксом имеет исключительно важное значение для уяснения вопроса о причинах гражданской войны. Эта проблема широко дискутируется и в американской и в советской исторической литературе. См.: *Дементьев И. П.* Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963; *Куропятник Г. П.* Вторая американская революция. М., 1961.

[2] О развитии революционной ситуации в 50-х годах XIX в. и антирабовладельческом движении в США 30—50-х годов см.: *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965.

Этот процесс ни в коей мере не укладывается в примитивную социально-политическую схему: капитализм развивался по восходящей линии, а рабовладение неуклонно хирело и теряло свои экономические и политические позиции. Американская действительность кануна гражданской войны характеризовалась параллельным развитием капитализма и рабовладения. Другой вопрос, какая из этих систем хозяйства имела историческую перспективу.

В те годы рабовладение получило мощный экономический стимул для своего развития. Хлопок, выращиваемый на плантациях Юга, сбывался не только на Север. Маркс указывал, что рабство негров в США с самого начала ориентировалось на мировой рынок [3]. В частности, текстильная промышленность Англии и других европейских стран была одним из важнейших потребителей американского хлопка. В Англии, в ряде европейских стран, несколько позднее и в США, начался промышленный переворот.

Несмотря на коренное различие в системах хозяйства Севера и Юга, обе в значительной мере дополняли друг друга. Так, текстильная промышленность Севера базировалась на хлопке, выращиваемом рабами, а южные штаты были рынком потребления для хлеба, промышленных товаров и предметов широкого потребления, производившихся на Севере.

Экономический потенциал класса, его экономические позиции обычно находят соответствующее отражение в его политических позициях, в том объеме государственной власти, которым он располагает. Однако своеобразие истории США в период между двумя революциями заключалось в том, что, располагая сильнейшими экономическими позициями, буржуазия Севера не имела соответствующих позиций в федеральных органах власти. Вплоть до 1856 г. 11 президентов из 16 были южанами, большинство остальных тоже являлись орудием в руках рабовладельцев. Со времен Джексона до гражданской войны демократическая партия, партия рабовладельцев, контролировала правительство и сенат в течение 24 лет, Верховный суд — 26, палату представителей — в течение 22 лет [4].

Выдающийся руководитель негритянского освободительного движения XIX столетия Фредерик Дуглас заявлял: «Хозяева рабов были хозяевами республики, их власть была почти неоспорима, их сила непреодолима» [5].

Олигархический характер социальной структуры рабовладельческого Юга подчеркивал Маркс. Он писал, что в южных штатах господствует «ограниченная олигархия, которой противостоят многие миллионы так называемых „белых бедняков"...» [6]

Эту же сторону проблемы отмечал русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский, который писал, что на Юге США «вся власть фактически принадлежит нескольким десяткам тысяч богатых плантаторов, которые держат в невежестве и нищете не только своих негров, но и массу белого населения этих штатов» [7].

Противоречия между рабовладельческим Югом и буржуазным Севером имели комплексный характер, они охватывали вопросы и внутренней

---

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 329.
[4] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 313.
[5] Fr. Douglass. Selections from his Writings / Ed. by Ph. Foner. N. Y., 1945, p. 33.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 345.
[7] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1939—1953, т. 7, с. 228.

и внешней политики. В частности, рабовладельцы были заинтересованы в экспансии в южном направлении. Захват новых территорий на юге давал возможность расширить земли под хлопок. А без распространения на новые, не истощенные хищнической обработкой земли рабство не могло существовать. Рабовладение напоминало велосипедиста, который должен постоянно двигаться вперед, чтобы сохранять равновесие. Буржуазный Север больше был заинтересован в экспансии на север и на запад. Выход из этого противоречия был найден в экспансии и в том, и в другом направлении.

Несмотря на исключительно острый, антагонистический характер противоречий между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом, буржуазия и рабовладельцы были едины в своем стремлении не допустить участия широких масс рабочих, фермеров, негров в решении этих проблем. Они считали, что борьба за власть — это их внутреннее, «семейное» дело, что обладание государственной властью — привилегия элиты общества.

Влиятельные круги буржуазного Севера были не прочь овладеть властью в масштабах всего Союза, но классовый инстинкт подсказывал им, что они должны проявлять максимум сдержанности и осторожности, когда возникал вопрос об имущественных правах южных рабовладельцев. Сверхосторожность, постоянное стремление к компромиссу, к поискам наиболее безболезненного для классовых интересов буржуазии и рабовладельцев решения сложных проблем — все это накладывало отпечаток на развитие революционной ситуации в США в канун гражданкой войны.

Однако кардинальный вопрос всякой революции — вопрос о власти может быть решен только революционным путем, т. е. при активном участии широких народных масс, которые имели свои классовые интересы в борьбе против рабовладения. Прослеживалась прямая связь между необходимостью уничтожения рабства и борьбой рабочего класса за улучшение своего положения. Улучшению положения рабочих мешали конкуренция рабского труда и широко распространенное среди господствующих классов мнение, что трудящиеся массы существуют для рабства.

Многомиллионное фермерство страны видело в рабстве важнейшее препятствие в борьбе за закон о гомстедах, в борьбе за западные земли, куда устремились два мощных потока колонизаторов: свободные фермеры и плантаторы-рабовладельцы. На западных землях эти потоки столкнулись, и революционная ситуация переросла в Канзасе в открытую вооруженную борьбу между сторонниками и противниками рабовладения. Четыре миллиона рабов и их свободные черные братья на Севере и на Юге видели в борьбе против рабовладения единственное средство избавления от рабства и расовой дискриминации.

Классовые интересы широких трудящихся масс заставляли их становиться в ряды активных борцов против рабовладения. И этому не могли помешать никакие компромиссы между лидерами буржуазного Севера и рабовладельческого Юга. О возрастании активности трудящихся масс свидетельствовали мощный поток свободных колонистов, неудержимо двигавшийся на Запад, усиление негритянского освободительного движения, активизация аболиционистов.

Особенностью революционной ситуации в США в канун гражданской войны являлась ее антирабовладельческая направленность. Это естествен-

но, так как борьба за уничтожение рабства была главным вопросом на протяжении всего периода между двумя американскими революциями.

Наряду с вопросом о рабстве исключительно важную роль в развитии революционной ситуации, а позднее и гражданской войне сыграл аграрный вопрос. В июле 1861 г. Маркс писал Энгельсу: «При более внимательном изучении американских дел я пришел к заключению, что конфликт между Югом и Севером... разразился... благодаря тому воздействию, какое оказало на ход событий необычайное развитие штатов Северо-Запада» [8]. Северо-Запад был подлинной ударной силой антирабовладельческого блока. «Эта сила,— указывал Маркс,— не была склонна ни по традициям, ни по темпераменту, ни по образу жизни тащиться от компромисса к компромиссу, подобно старым северо-восточным штатам» [9].

Аграрный вопрос был тесно связан с проблемой рабства. Чтобы решить аграрный вопрос и его важнейшую составную часть — проблему «свободных» земель на Западе, надо было уничтожить как класс рабовладельцев, которые неудержимо рвались в прерии Запада. Связь между аграрной проблемой и рабством проявлялась и в том, что подавляющее число рабов были заняты в сельском хозяйстве. И уничтожение рабства самым непосредственным образом сказалось бы на судьбе многочисленного и наиболее жестоко эксплуатируемого отряда сельскохозяйственного населения США — черных рабов Юга.

В рабстве действительно, как в фокусе, перекрещивались важнейшие интересы основных классов и групп населения — рабов и свободных негров, рабочих и фермеров, буржуазии и рабовладельцев. Именно проблема рабства определяла все развитие революционной ситуации, именно этот главный вопрос предстояло решить в ходе гражданской войны [10].

Опыт истории свидетельствует, что в революционной борьбе наиболее активное участие всегда принимают те классы и слои населения, которые рассчитывают в результате революции добиться максимального удовлетворения своих социальных требований. Другой вопрос, что их надежды далеко не всегда сбываются.

Рабы и свободные негры были самой обездоленной частью населения. И, естественно, что черные американцы являлись наиболее активной социальной силой и в развитии революционной ситуации, и в борьбе за уничтожение рабства. Восстания, заговоры, массовое бегство рабов с плантаций, саботаж во время работы, активизация деятельности аболиционистов — все это усиливало интерес самых широких кругов общественности к негритянской проблеме в канун гражданской войны.

По рабовладению наносились комбинированные удары с фронта и с тыла. Внешним фронтом борьбы было аболиционистское движение, которое развертывалось главным образом в северных штатах. Террористический режим, установившийся на Юге, не оставлял практически никаких возможностей для легальной борьбы против рабовладения. Внутренний антирабовладельческий фронт пересекал все рабовладельческие штаты. На этом фронте главным образом сражались рабы и свободные негры.

Развитие революционной ситуации приближалось к своей кульминации.

---

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 143.

[9] Там же, т. 15, с. 346.

[10] Подробнее см.: *Иванов Р. Ф.* Авраам Линкольн и гражданская война в США. М., 1964, с. 37 и др.

Важнейший этап развития революционной ситуации — восстание Джона Брауна в октябре 1859 г., которое дало мощный толчок антирабовладельческому движению, способствовало поляризации классовых сил в вопросе о рабстве. «Рейд Брауна и его последствия... превратили нацию в два вооруженных лагеря. Орудийный гром у Харперс-Ферри сделал больше... для начала конфликта 1861 г., чем множество других событий»[11]. Восстание Брауна было подавлено в течение 36 часов. «Но для Виргинии и для всего Юга последствия (этого восстания.— *Авт.*) только начинались»[12].

Героическое выступление Джона Брауна вызвало подъем освободительного движения негров на Юге. В ночь на 4 ноября 1859 г. произошло волнение негров в Виргинии. 12 ноября в Вашингтоне были арестованы лица, подозревавшиеся в связях с Брауном. После подавления восстания Брауна усилилось бегство рабов на Север[13]. Многочисленные антирабовладельческие выступления произошли в Виргинии, Миссури, Техасе, Алабаме, Миссисипи, Джорджии, Южной Каролине. Имели место случаи, когда в этих выступлениях участвовали и негры, и белые[14].

Российский посланник в Вашингтоне Стекль сообщал 19(31) октября: «Жители (Юга.— *Авт.*), полагая, что это всеобщее восстание, были охвачены паникой. ...Хотя это дело было легко подавлено, оно тем не менее произвело глубокое впечатление на Юге, и особенно в рабовладельческих штатах, пограничных со свободными штатами»[15].

Восстание в Харперс-Ферри вызвало бурную реакцию и в северных штатах.

Две мощные антирабовладельческие волны поднимались в противоположных концах Союза: с Юга и с Севера. Впервые в истории США широкие антирабовладельческие выступления происходили одновременно и в столь больших масштабах. Это было свидетельством того, что борьба против рабства являлась главным содержанием обострявшейся революционной ситуации. В антирабовладельческое движение включались широкие массы трудящихся, что вызывало серьезную озабоченность не только рабовладельцев, но и буржуазии Севера. Стремясь найти выход из кризисной ситуации на знакомых путях политического компромисса с рабовладельцами, лидеры буржуазных кругов США поспешили отмежеваться от Джона Брауна. Даже «Либерейтор» У. Л. Гаррисона 28 октября 1859 г. заявила, что нет ни малейшей связи между принципами или действиями республиканской партии и «безумным вторжением» Брауна в Виргинию.

Лидеры республиканцев оказались не на высоте требований, вызывавшихся революционной ситуацией. Они решительно отказались поддержать Брауна, руководствуясь установками партии, сводившимися к тому, что рабство — это внутреннее дело рабовладельческих штатов и партия выступает только за то, чтобы не допустить расширения границ рабства на новые территории.

Важную роль в таком подходе сыграли тактические соображения. Началась избирательная кампания 1860 г. После разведки боем, проведенной во время выборов президента в 1856 г., республиканская партия гото-

---

[11] Civil War History, 1962, Sept., vol. 8, N 3, p. 296.
[12] *Dowdey C.* The Land they Fought for. Westport (Conn.), 1974, p. 63.
[13] Liberator, 1860, Febr. 13.
[14] *Aptheker H.* Toward Negro Freedom. N. Y., 1956, p. 56—59.
[15] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1859 г., д. 206, л. 199.

вилась дать генеральное сражение демократам в борьбе за Белый дом. Лидеры республиканцев, опасаясь потерять голоса умеренно настроенных избирателей, выступили с резким осуждением Брауна. В избирательной платформе 1860 г. партия расценила восстание Брауна как «одно из тягчайших преступлений» [16].

Аналогичной была позиция и кандидата республиканцев в президенты Авраама Линкольна, который осуждал восстание в Харперс-Ферри. Он называл восстание Брауна безумием, утверждал, что такие выступления не способствуют освобождению рабов. Линкольн решительно отвергал обвинения в том, что республиканская партия была причастна к восстанию [17].

К началу избирательной кампании 1860 г. республиканские лидеры чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы с определенной долей надежды на успех начать борьбу за власть. Восстание Брауна показало, что если буржуазия не проявит необходимой инициативы в решении вопроса о рабстве, то в борьбу против рабовладельцев вступят народные массы, а это приведет к весьма нежелательным для власть имущих последствиям.

Анализируя расстановку сил, сложившуюся в США за семь месяцев до президентских выборов 1860 г., Чернышевский писал: «...коренной смысл нынешней борьбы между аболиционистами и плантаторами заключается в том, что демократия, господствующая в северных штатах, хочет вырвать политическую власть над Союзом из рук аристократов-плантаторов» [18]. Однако буржуазным лидерам Севера не хватало ни политической смелости, ни решительности, чтобы перейти к активным действиям для захвата власти.

Обострение революционной ситуации нашло отражение и в работе съезда демократической партии, который открылся 23 апреля 1860 г. в Чарлстоне (штат Южная Каролина). Центральной фигурой на съезде был Стефан Дуглас, возглавлявший те круги партии, которые выступали за сохранение рабства, но были против сецессии — отделения рабовладельческих штатов от Союза. Против сецессии высказывался и Роберт Ли, будущий военачальник рабовладельческой Конфедерации. Он считал, что «сецессия — это не что иное, как революция» [19].

Правые рабовладельческие круги сделали сецессию знаменем своей борьбы против антирабовладельческого движения в северных штатах. На съезде демократов южане решительно выступили против выдвижения Стефана Дугласа кандидатом в президенты.

Расхождения в вопросе о сецессии приняли столь резкий характер, что южные демократы, представители главных рабовладельческих штатов, покинули съезд. Отколовшиеся делегации выдвинули кандидатом в президенты Джона Брекинриджа. Демократы фактически раскололись на две партии, каждая из них выдвинула и свои программы, и своих кандидатов в Белый дом.

---

[16] *Rhodes J.* History of the United States from the Compromise of 1850 to the final Restoration of Home Rule at the South in 1877: Vol. 1—7. N. Y.; L., 1920, vol. 2, p. 413.
[17] The Collected Works of Abraham Lincoln: Vol. 1—9 / Ed. by R. P. Basler. New Brunswick, 1953, vol. 3, p. 538 (Далее: Collected Works).
[18] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 228.
[19] *Connelly T.* The Marble Man. N. Y., 1977, p. 194.

Конвент демократов был перенесен в Балтимор на июнь. Делегаты, собравшиеся в Балтиморе, после ожесточенной дискуссии выдвинули кандидатом в президенты С. Дугласа, в вице-президенты — Бенджамина Фицпатрика. По ряду пунктов избирательные платформы обоих съездов были идентичны: соблюдение закона о беглых рабах, аннексия Кубы, строительство железной дороги от Миссисипи до Тихого океана.

Спорный вопрос, приведший к расколу партии на съезде в Чарлстоне, получил различное отражение в избирательных платформах. Сторонники Брекинриджа настаивали на том положении, что ни конгресс США, ни законодательные органы территорий, присоединяемых к США, не могут выступать против введения на этих территориях рабства.

Верхи демократической партии раскололись, они уже не могли по-старому руководить ни партией, ни страной. Это было свидетельством дальнейшего углубления революционной ситуации.

Республиканская партия созвала свой съезд 16 мая 1860 г. в Чикаго. Так же как у демократов, на съезде республиканцев не было единства по главному вопросу, волновавшему всю страну,— по проблеме рабства. Однако партия не допустила организационного раскола своих рядов. Левые, радикальные республиканцы, лидерами которых были Тадеуш Стивенс, Чарлз Самнер и Фредерик Дуглас, выступали за полное уничтожение рабства. Сторонники Линкольна, занимавшие центристские позиции, фактически придерживались взглядов фрисойлеров. Они требовали запретить распространение рабства на новые территории, рассматривали рабовладение как аморальное явление и высказывали надежду, что оно отомрет без борьбы. Правые, возглавляемые Уильямом Сьюардом, заявляли, что считают нежелательным распространение рабства на новые территории, но отказывались в какой-либо форме осуждать рабовладение.

Расстановка сил на съезде была такова, что центр и правое крыло откровенно тяготели друг к другу, а левые занимали обособленную позицию и были фактически изолированы от главных сил партии.

Апеллируя к Декларации независимости, избирательная платформа съезда констатировала, что ни конгресс США, ни законодательные органы территорий, вошедших в состав Союза, не могут объявить рабство законным на какой-либо территории Соединенных Штатов. Платформа осуждала решение Верховного суда по делу Дреда Скотта, которое означало на практике распространение рабовладения на любую или на все территории Соединенных Штатов. Съезд выступил с решительным осуждением правительства демократов за то, что, несмотря на протесты населения Канзаса, тому была силой навязана Лекомптонская конституция.

Платформа была составлена в классическом стиле буржуазных партий: она обещала все и всем. Съезд обещал добиваться введения высоких защитительных тарифов, принятия закона о гомстедах, осуществления большой программы «внутренних улучшений», строительства трансконтинентальной железной дороги, бороться за права граждан иностранного происхождения [20].

Вопрос о ликвидации рабства не поднимался, что было откровенным шагом назад по сравнению с избирательной программой 1856 г. Объяснялось это тем, что руководство партии было напугано восстанием Джо-

---

[20] *Greeley H.* The American Conflict. A History of Great Rebellion: Vol. 1, 2. Chicago, 1865—1866, vol. 1, p. 319—321.

на Брауна и стремилось спустить на тормозах напряженность, вызванную этим восстанием.

Буржуазная, реформистская ограниченность избирательной программы республиканцев с особой очевидностью проявлялась в вопросе о рабстве и о введении защитительного протекционистского тарифа.

Осторожный, боязливый подход республиканцев в избирательной программе к кардинальным вопросам свидетельствовал о том, что руководство партии в условиях быстро развивавшейся революционной ситуации все еще надеялось уклониться от революционной борьбы с рабовладельцами и упорно искало компромиссных путей решения острейших проблем, разделявших страну.

По вопросу о выдвижении кандидатов партии на посты президента и вице-президента развернулась ожесточенная борьба. Только после третьей баллотировки кандидатом в президенты прошел Авраам Линкольн, в вице-президенты — Хэмлин.

Линкольн родился 12 февраля 1809 г. в штате Кентукки в трудовой семье фермера, потомка первых американских поселенцев. С юношеских лет Линкольн, посещавший школу с перерывами около года, занимался тяжелым физическим трудом, работал поденщиком на фермах, был плотогоном, лесорубом. Линкольн упорно занимался самообразованием. В 1836 г. он сдал экзамен и стал адвокатом. Адвокатская практика способствовала росту популярности Линкольна и его политической карьере.

Авраама Линкольна отличали редкие для буржуазного политического деятеля качества: честность и неподкупность, скромность, искреннее отношение к людям труда. Эти высокие личные качества, острый ум и блестящие ораторские данные способствовали быстрому росту популярности Линкольна. В 1834—1841 гг. он избирался членом законодательного собрания штата Иллинойс, в 1847—1849 гг.— членом палаты представителей конгресса США.

Линкольн выступил с решительным осуждением захватнической войны США против Мексики в 1846—1848 гг. Он был одним из организаторов в 1854 г. республиканской партии и ее неизменным лидером. Линкольн выражал интересы прогрессивных кругов промышленной буржуазии Севера и мелкобуржуазных элементов страны, выступал за расширение гражданских и политических прав широких трудящихся масс, был сторонником предоставления избирательных прав женщинам.

Позиция Линкольна в вопросе о рабстве отражала мнение центра республиканской партии. Он выступал против расширения территории рабовладения и считал, что западные «свободные» земли должны быть предоставлены для заселения фермерам. Линкольн никогда не скрывал своей антипатии к рабству. Но в его позиции было много непоследовательного и противоречивого, так же как и в позиции республиканской партии в целом. Он считал, в частности, что вопрос о рабстве — компетенция южных рабовладельческих штатов и федеральные власти не имеют конституционного права вмешиваться в их дела.

Таковы были основные общественно-политические взгляды кандидата республиканской партии в президенты. Несмотря на всю ограниченность программы республиканцев в вопросе о рабстве, ее осуществление таило в себе смертельную угрозу для рабовладения. Дело в том, что, лишенное возможности распространяться на новые земли Запада, рабовладение обрекалось на неизбежную гибель.

Выдвижение кандидатуры Линкольна в президенты явилось важным этапом в развитии революционной ситуации. В ходе начавшейся ожесточенной избирательной борьбы продолжался процесс поляризации классовых сил, усиливались сепаратистские тенденции на Юге, которые привели в конечном счете к расколу Союза и началу гражданской войны.

Избирательная борьба отодвинула на второй план все остальные проблемы: было очевидно, что начиналась не очередная избирательная потасовка, а решался вопрос, который определит весь ход последующего политического развития страны.

Республиканцы имели важное преимущество перед своими конкурентами: противоречия между различными группировками партии были отодвинуты на задний план, и республиканцы выступили единым фронтом в поддержку кандидатуры Линкольна.

Позиция демократов была практически бесперспективна, так как преодолеть раскол оказалось невозможно, и партия выступила с двумя списками. Остальные политические группировки, участвовавшие в выборах, не могли оказать никакого серьезного влияния на исход избирательной борьбы. Даже открытые политические противники Линкольна признавали неизбежность победы республиканского кандидата. Президент США Бьюкенен считал, что решение избирателей будет в пользу Линкольна. Бьюкенен полагал, что, «если мистер Линкольн станет нашим следующим президентом, он разрушит страну» [21].

Не дожидаясь результатов голосования, рабовладельцы ответили на выдвижение кандидатуры Линкольна в президенты открытым призывом к сецессии и гражданской войне. Призывы к оружию звучали и в конгрессе. 24 января 1860 г. один из самых ярых апологетов сецессии, сенатор Тумбс, заявил: «Свободные люди Джорджии, выполните свой обет... Не допустите, чтобы федеральное правительство перешло в предательские руки партии черных республиканцев» [22].

Важную роль в победе Линкольна на выборах сыграли американские марксисты. В частности, Немецкий коммунистический клуб вел большую работу среди рабочих, пропагандируя аболиционистские идеи. Иосиф Вейдемейер принял активное участие в избирательной кампании 1860 г., призывая рабочих бороться за уничтожение рабства. «Наиболее стойким антирабовладельческим элементом в немецко-американском рабочем движении были социалисты»[23].

Серьезные проблемы для Линкольна создал тот факт, что он не получил поддержки ряда левых деятелей республиканской партии и известных аболиционистов — У. Филлипса, Ч. Самнера, У. Л. Гаррисона и других, что было их ошибкой не только тактического, но и стратегического характера. Главная задача заключалась в том, чтобы вырвать государственную власть из рук рабовладельцев и создать тем самым необходимые предпосылки для решения сложного комплекса вопросов, связанных с освобождением рабов. Республиканская партия и ее кандидат в президенты Авраам Линкольн стали центром притяжения сил, оппозиционных рабовладельцам. И обстановка настоятельно требовала того, чтобы антирабовладельческие круги сплотились вокруг этого центра.

---

[21] New York Daily Tribune, 1860, July 3.
[22] Congressional Globe, 36th Congress, 1st Session, App., p. 93.
[23] *Mandel B.* Labor: Free and Slave. Workingmen and the Anti-Slavery Movement in the United States. N. Y., 1955, p. 167.

Восстание Джона Брауна и массовые антирабовладельческие выступления на Юге и на Севере после его казни грозили перерасти в открытую вооруженную борьбу народных масс за полное уничтожение рабства. «Кажется, „неотвратимый конфликт“ начался...» — писала в октябре 1859 г. «Либерейтор».

Однако революционная ситуация не переросла в революцию. Потребовалось еще почти полтора года ожесточенной борьбы между противниками и сторонниками рабовладения, чтобы произошел революционный взрыв. Победа республиканцев на выборах 1860 г., сецессия, выход рабовладельческих штатов из Союза, захват форта Самтер южанами в апреле 1861 г.— таковы были дальнейшие этапы развития революционной ситуации.

Перед лицом неизбежной победы Линкольна на выборах рабовладельцы сплачивали свои ряды. Они заявляли, что готовы расколоть Союз и начать гражданскую войну.

В этих условиях особое значение приобретало единство антирабовладельческих сил. Это прекрасно понимал Ф. Дуглас. Он считал, что аболиционисты должны поддержать республиканцев на выборах и использовать политический альянс с республиканской партией для того, чтобы подталкивать ее влево. Республиканская партия объединяла влиятельные прогрессивные силы, и, учитывая это, Дуглас заявлял, что дело борьбы против рабства выиграет, если «в избирательной борьбе мы будем с ней, а не против нее»[24]. Дуглас был уверен, что республиканцы неизбежно перейдут на позиции аболиционизма[25].

Прогноз Дугласа строился на реальном учете происходившей перегруппировки классовых, политических сил. Он принимал во внимание, что угроза потери власти в Союзе заставит рабовладельцев пойти на крайние средства в борьбе против республиканцев. А это вынудит республиканскую партию искать союзников слева, согласиться на политический блок с аболиционистами. По мере приближения дня выборов рабовладельцы усиливали массовый террор против своих политических противников. В Техасе они сожгли г. Хендерсон, 22 аболициониста, среди них священник, были повешены. Аналогичные акты террора имели место в Джорджии.

В выборах, состоявшихся 6 ноября 1860 г., участвовали 4700 тыс. избирателей. За Линкольна проголосовали 1 866 452 человека, за Дугласа — 1 376 957, за Брекинриджа — 849 781, за Белла (кандидат партии «ничего не знающих») — 588 879. Голоса выборщиков распределились соответственно — 180, 72, 39 и 12. Таким образом, по числу голосов выборщиков Линкольн значительно опередил объединенные голоса всех своих противников — 180 против 123, хотя и получил меньше голосов избирателей, чем его противники, вместе взятые.

Поскольку Линкольн победил как кандидат меньшинства, это создавало для него серьезные трудности. Но у Линкольна были и существенные преимущества. Главное заключалось в том, что его активно поддерживали основные прогрессивные силы страны. На выборах Линкольн получил поддержку рабочих. Лидеры республиканцев заявляли: «Мы

---

[24] The Life and Writings of Frederic Douglass: Vol. 1—5 / Ed. by Ph. Foner. N. Y., 1950—1975, vol. 2, p. 397—400.

[25] Ibid., p. 85.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

должны быть благодарны рабочим, обеспечившим нам эту победу» [26]. За Линкольна активно выступили граждане иностранного происхождения, большинство аболиционистов, за исключением небольшой группы Гаррисона. Его успеху содействовала прогрессивная интеллигенция, ветераны аболиционизма. Известные всей стране Уолт Уитмен, Джон Уитьер, Ралф У. Эмерсон, Гарриет Бичер-Стоу помогли Линкольну облегчить завоевание голосов многих тысяч избирателей.

---

[26] *Foner Ph.* Business and Slavery. The New York Merchants and the Irrepressible Conflict. N. Y., 1968, p. 206.

Победе Линкольна способствовала и поддержка деловых кругов Севера. В сфере «большого бизнеса» шла своя сложная политическая игра. Часть делового мира, не желая портить отношения с лидером республиканцев, имевшим шансы на победу, оказала ему содействие.

Бурная реакция на избрание Линкольна свидетельствовала о том, что это были не обычные выборы, а важнейшая веха в развитии революционной ситуации. Итоги выборов не оставили никого равнодушным. Прогрессивные круги приветствовали победу Линкольна. Немецкий рабочий союз в адресе на его имя подчеркивал: «Вы получили наши голоса как борец за свободный труд и свободные гомстеды. Свободные немецкие рабочие совместно с другими рабочими поднимутся по вашему призыву все как один, готовые пожертвовать своими жизнями, чтобы укрепить уже завоеванную победу свободы над рабством» [27].

У. Филлипс заявил, что «впервые в истории страны рабы избрали президента... Не являясь аболиционистом, едва будучи антирабовладельцем, Линкольн дал согласие быть глашатаем антирабовладельческой идеи» [28].

Избрание Линкольна вызвало широкие международные отклики, в частности среди русских революционных демократов. Чернышевский был глубоко убежден, что назревавший революционный взрыв в Америке окажет революционизирующее воздействие на развитие событий в Европе, в том числе и в России. Он проявил незаурядный дар предвидения, когда, несмотря на всю непоследовательность и противоречивость позиции Линкольна в вопросе об освобождении рабов, сумел увидеть в нем политического деятеля, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в борьбе за уничтожение рабства.

Чернышевский писал: «...день, когда победа осталась на стороне партии, имевшей своим кандидатом Линкольна, этот великий день — начало новой эпохи в истории Соединенных Штатов, день, с которого начался поворот в политическом развитии великого североамериканского народа» [29]. Чернышевский подчеркивал большое международное значение событий в США, отмечая, что «добрая слава североамериканского народа важна для всех наций...» [30].

2. СЕЦЕССИЯ

Избрание Линкольна президентом США явилось событием поистине исторического значения. Оно свидетельствовало об углублении раскола в американском обществе между противниками и сторонниками рабовладения. «Перефразируя известное изречение Джона Адамса в отношении Американской революции (1775—1783 гг. — *Авт.*) и применяя его к приближавшейся гражданской войне,— писал американский историк,— можно сказать, что перед началом гражданской войны произошло полное разделение в мыслях народа» [31]. Нация раскололась на сторонников и противников рабства. «Неотвратимый конфликт» стал только вопросом времени.

---

[27] *Sandburg C.* Abraham Lincoln: The War Years: Vol. 1—4. N. Y., 1939—1940, vol. 1, p. 42—43.
[28] Цит. по: *Martyn C.* Wendell Phillips — the Agitator. N. Y.: L., 1890, p. 303.
[29] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 353.
[30] Там же.
[31] *Foner E.* Politics and Ideology in the Age of the Civil War. N. Y., 1980, p. 53.

«Впервые избранный президент был полностью неприемлем для Юга»[32], и для рабовладельцев избрание Линкольна прозвучало сигналом к сецессии и развязыванию гражданской войны. В течение 80 лет плантаторы грубейшим образом злоупотребляли федеральной властью в своих корыстных, классовых интересах. Когда же, после избрания Линкольна, стало очевидно, что эта власть утеряна, рабовладельцы пошли на прямое предательство национальных интересов, призвав южные штаты к вооруженной борьбе против федерального правительства.

«Ричмонд диспетч» писала 9 ноября 1860 г.: «Избрание Линкольна подвергло страну риску... Сецессия — только вопрос времени». Другая газета рабовладельцев призывала южан не сотрудничать с правительством, отказаться от мест в «линкольновской синагоге»[33]. Многочисленные факты свидетельствовали о том, что рабовладельцы готовили убийство Линкольна.

Специфика революционной ситуации заключалась в том, что республиканцы пришли к власти в условиях революционного кризиса, но мирным, конституционным путем. Их оружием в борьбе за власть были не вооруженные революционные выступления масс против господства рабовладельцев, а избирательные бюллетени.

Опыт истории свидетельствует о том, что в большинстве случаев класс, рвущийся к власти, первым наносит удар, и революционная борьба завершается захватом власти. Иначе развивалась революционная ситуация в США. Антирабовладельческое движение не достигло такой зрелости, чтобы перерасти во всеобщее вооруженное восстание, направленное на свержение власти рабовладельцев. Буржуазия, привыкшая к классовым компромиссам, страшилась призвать народ к вооруженной борьбе против рабовладельцев. Когда классовая борьба достигает апогея и класс, стремящийся к власти, не решается нанести удар, он подталкивает к вооруженным выступлениям те слои общества, классовым интересам которых угрожает надвигающаяся революция. Именно по такому политическому сценарию развивалась революционная ситуация в США.

Победа Линкольна на выборах ознаменовала переход власти из рук плантаторско-буржуазного блока, поддерживавшего рабовладение, в руки буржуазии Севера, занимавшей оппозиционные к рабовладению позиции. Плантаторы-рабовладельцы ответили на это сецессией и развязыванием гражданской войны. «Перед лицом победы Линкольна олигархия южных плантаторов поступила как всякий правящий класс, терпящий решительное поражение от демократии. Он взялся за оружие, чтобы любой ценой удержать и продлить свою власть»[34].

До 4 марта 1861 г. у власти находился ставленник рабовладельцев президент Бьюкенен. Рабовладельцы не скрывали, что удар по единству Союза должен быть нанесен до официального вступления Линкольна в должность президента. Рабовладельческая газета «Миссисипиэн» писала: «Сейчас время действовать. Пока федеральное правительство находится в дружеских руках, надо предпринять окончательный шаг к сецессии и завершить ее»[35].

---

[32] *Barney W.* Flawed Victory. A New Perspective on the Civil War. N. Y., 1975, p. 124.
[33] Цит. по: New York Daily Tribune, 1860, Nov. 12.
[34] *Foster W.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 43.
[35] Цит. по: New York Daily Tribune, 1860, Nov. 19.

20 декабря 1860 г. Южная Каролина вышла из Союза. В январе — феврале 1861 г. ее примеру последовали Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Техас, Теннесси и Флорида. Позднее — Арканзас, Виргиния и Северная Каролина. Территория 11 штатов, вышедших из Союза, составила 733 144 кв. мили, 40% всей территории США.

4 февраля 1861 г. конвент отделившихся штатов провозгласил создание Конфедерации рабовладельческих штатов. Была принята конституция, сформировано временное правительство. 18 февраля временным президентом Конфедерации стал крупный плантатор Джефферсон Дэвис. Конституция Конфедерации открыто провозглашала, что рабство является основой экономического и политического устройства нового государства. В конституции много говорилось о правах штатов, однако они были лишены важнейшего права — свободного выхода из Конфедерации[36]. Таким образом, начав сецессию под знаменем борьбы за права штатов на выход из Союза, мятежные рабовладельцы законодательным путем лишили штаты Конфедерации права выхода из вновь созданного государства.

Сецессия не явилась неожиданностью для Севера, но тем не менее ее воздействие на общественную жизнь северных штатов было весьма значительным. Влиятельные деловые круги Севера по-прежнему были заинтересованы в сохранении рабства. К их числу относились текстильные фабриканты, нуждавшиеся в хлопке, торговая буржуазия, получавшая прибыли от посреднических операций по продаже белого золота и от поставок в южные штаты всего, в чем нуждался этот огромный район, транспортные компании, банкиры, кредитовавшие плантаторов. Однако эта часть буржуазии не играла решающей роли в экономике Севера и не ей принадлежало будущее.

Революционный кризис 50—60-х годов развивался в период промышленного переворота — перехода от мануфактурной к машинной стадии капитализма. Бурными темпами шел процесс индустриализации страны. Короли железа и стали, владельцы мощных предприятий, начинавших производить машины машинами, хозяева железнодорожных компаний и рудников диктовали свою волю всему классу буржуазии. Они определяли основные направления развития экономики, а следовательно, и политики.

Их полномочия в американской экономике были поистине диктаторскими, и они были направлены на реализацию задач, которые ставил перед страной набиравший темпы промышленный переворот: создание единого национального рынка, капиталистическая колонизация Запада, создание единой транспортной системы, введение протекционистского таможенного тарифа. Эта грандиозная программа экономического обновления страны могла быть осуществлена только после уничтожения рабства, что лишало рабовладение всякой исторической перспективы, предрешало его судьбу.

На следующий день после избрания Линкольна биржа Нью-Йорка зафиксировала резкое падение курса. Объявил о банкротстве банкирский дом Ли и К° в Балтиморе, поползли слухи, что и другие банки готовятся прекратить платежи. В Вашингтоне за несколько дней до выборов крупные торговцы прекратили все закупки товаров.

---

[36] Rebellion Record: A Diary of American Events, with Documents, Narratives, Illustrative Incidents, Poetry etc.: Vol. 1—11 / Ed. by F. Moore. N. Y., 1864—1869, vol. 2. Documents, p. 321—327.

Влиятельные политические круги Севера считали сецессию законным актом. Уже после принятия мятежной Конфедерацией временной конституции Г. Грили заявлял в «Нью-Йорк дейли трибюн», что в соответствии с положениями Декларации независимости рабовладельческие штаты имеют моральное право создать собственную независимую нацию. Аналогичную точку зрения высказывал ведущий журнал Запада «Цинциннати коммершнл», который писал в марте 1861 г.: «Нам следовало бы признать существование правительства, созданного всеми рабовладельческими штатами, и установить дружественные отношения с ним» [37].

Сецессионисты использовали период между 6 ноября 1860 г. и 4 марта 1861 г. для того, чтобы всемерно укрепить свои позиции. Военный департамент передал южным штатам 500 тыс. ружей и отказался направить подкрепление крошечному гарнизону фортов Чарлстона, осажденных сецессионистами. Все регулярные воинские части были отведены с Юга на Дальний Запад. Министр финансов рабовладелец Кобб перевел крупные суммы в банки Юга, и к моменту прихода Линкольна к власти федеральная казна была по существу опустошена.

Фактически происходил процесс разоружения Севера в условиях консолидации сил мятежных рабовладельцев. В то время как агенты рабовладельцев разоружали Север, «Юг втайне уже в течение ряда лет готовился к войне, в особенности же со времени возбуждения, возникшего в связи с президентскими выборами...» — писал Ф. Энгельс [38].

Главной силой, которая в этой сложной обстановке оказала всемерную помощь Линкольну и решительно выступила против сецессии, был рабочий класс. Манифестации рабочих, направленные на сохранение единства страны, прошли в крупнейших промышленных штатах Севера. Митинги рабочих в защиту единства Союза проводились, несмотря на жесточайший террор рабовладельцев, и в южных штатах. Резолюции с осуждением сецессии были приняты на митингах рабочих в Теннесси, Виргинии, Кентукки, Мэриленде.

Решительно выступили против сецессии радикальные круги аболиционистов. Фредерик Дуглас резко критиковал позицию Линкольна в вопросе о рабстве, но активно поддерживал его выступления, направленные на сохранение единства Союза. 3 декабря 1860 г. Дуглас произнес речь на митинге, посвященном годовщине со дня казни Дж. Брауна. Расисты попытались линчевать лидера негров, которого спасли от расправы энергичные действия аболиционистов.

Состав нового правительства не отражал реального соотношения политических сил в стране. Радикалы уже на начальном этапе революционной борьбы являлись «подлинно движущей силой» республиканской партии [39]. Однако по существу они были отстранены от участия в правительстве Линкольна.

Было очевидно, что правительство неизбежно станет искать компромисса с мятежными рабовладельцами. Этот соглашательский курс был тем более опасен для национальных интересов США, что мятежники сразу же после создания Конфедерации начали усиленно обрабатывать дипломатический корпус, рассчитывая добиться своего признания со стороны послов, аккредитованных в Вашингтоне. Российский посланник Стекль

[37] Цит. по: *Hodgson J.* The Grade of the Confederacy. Spartanburg (S. C.), 1975, p. 473.
[38] *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М., 1958, с. 684.
[39] *Williams T.* Lincoln and the Radicals. Madison, 1941, p. 5.

отверг этот дипломатический зондаж. 9(21) января 1861 г. он сообщал: «Несомненно, что мы должны рассматривать г-на Линкольна законно избранным президентом». Стекль резко отрицательно высказывался в отношении сецессии. Он подчеркивал, что «сохранение единства Союза соответствует нашим (российским.— *Авт.*) политическим интересам» [40].

Первое же официальное выступление Линкольна как президента подтверждало, что новое правительство взяло курс на умиротворение восставших рабовладельцев, на поиск политического компромисса. Президент заявил, что его правительство не будет нарушать принципы рабовладения, и заверил рабовладельцев, что закон о выдаче беглых рабов будет неукоснительно исполняться. Линкольн, однако, решительно отверг право рабовладельческих штатов на сецессию. Вместе с тем он пытался увещевать мятежных рабовладельцев, которые уже разрушили Союз: «В ваших руках, мои недовольные граждане,— заявил президент,— а не в моих находится решение спорного вопроса о гражданской войне. Правительство не нападает на вас. Конфликта не произойдет, если вы не выступите как агрессоры» [41].

Это был старый, привычный для буржуазии Севера курс на компромиссное решение спорных проблем с рабовладельцами Юга. Однако ситуация коренным образом изменилась. Торпедировав Союз, рабовладельцы ликвидировали саму основу для компромисса. Более того, в условиях обострения революционной ситуации попытка компромиссного решения конфликта с мятежниками могла иметь резко негативные последствия для революционных сил.

На большую опасность компромисса указывал Чернышевский. «Компромисс,— писал он,— был бы несравненно хуже всего — хуже междоусобной войны, еще гораздо хуже мирного расторжения Союза: эти обе развязки быстро повели бы к восстановлению Союза с уничтожением невольничества или, по крайней мере, с законодательными постановлениями, ведущими к его уничтожению. А компромисс опять оттягивал бы дело» [42]. Чернышевский четко понимал классовую причину компромиссной позиции буржуазии Севера по отношению к мятежным рабовладельцам. Собственность, даже вражеская, была для буржуазии священна. Как отмечал Маркс, «нападение на одну форму собственности — на одну форму частной собственности на условия труда — было бы очень опасно и для другой формы» [43].

Аболиционисты осудили речь Линкольна. Особое разочарование вызвало заявление Линкольна о том, что правительство будет последовательно проводить в жизнь закон о беглых рабах. «Либерейтер» писала 8 марта 1861 г.: «Мы были и шокированы, и поражены тем, что Линкольн добровольно выставил напоказ этот позорный аспект своей речи при торжественном вступлении в президентство».

Фредерик Дуглас был одним из самых резких критиков Линкольна. Дуглас заявил: «Его речь не только бессердечно холодна, но и ущербна, неуместна для подобной аудитории, так как она не в состоянии ни умиротворить, ни сдержать дикое неистовство мятежных рабовладельцев» [44].

---

[40] АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 36—37.
[41] Collected Works, vol. 4, p. 262—271.
[42] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 407.
[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 39.
[44] The Life and Writings of Frederic Douglass, vol. 3, p. 73.

Увещевания Линкольна не дали результатов. В мятежных штатах вступление Линкольна в должность президента послужило сигналом к началу открытой гражданской войны. 12 апреля 1861 г. войска рабовладельцев начали артиллерийский обстрел форта Самтер, прикрывавшего вход в бухту у г. Чарлстон. 74 солдата и 9 офицеров, составлявших гарнизон форта, не смогли долго сопротивляться 7-тысячной армии мятежников, поддержанной 47 орудиями. После полуторачасовой бомбардировки флаг США был спущен. Форт капитулировал. Началась гражданская война.

12 апреля 1861 г.— важнейший рубеж истории США. Этот день ознаменовал переход антирабовладельческого движения в фазу вооруженной борьбы против рабства. После начала гражданской войны Маркс писал: «Все движение, как это ясно видно, покоилось и покоится на *вопросе о рабстве*» [45].

Официально провозглашенной федеральным правительством целью войны было восстановление Союза. Однако путь к достижению этой цели, как показал весь дальнейший ход событий, лежал через уничтожение рабства. От решения этой задачи зависела судьба страны. «В своей основе гражданская война являлась борьбой за будущее нации» [46].

Революционная ситуация в США, кульминацией которой явилась гражданская война 1861—1865 гг., соответствовала классическому определению революционной ситуации, данному В. И. Лениным [47].

Кризис «верхов» в Соединенных Штатах нашел свое выражение в том, что рабовладельцы, господствовавшие в федеральных органах власти, не могли уже сохранить в неизменном виде свое господство. Буржуазия была убеждена, что пробил ее час, настало время требовать того минимума власти, который соответствовал бы ее ведущей роли в экономической жизни страны. Началась бескомпромиссная битва за власть между буржуазией и рабовладельцами. В этих условиях «верхи» не могли уже по-старому управлять страной.

Гражданская война в Канзасе, восстание Джона Брауна, массовое движение рабов на Юге после казни Брауна — все это свидетельствовало о том, что «низы» не желали больше жить по-старому. Антирабовладельческое движение в южных штатах, рабочее и фермерское движение на Севере против усилившейся эксплуатации сливались в единый революционный поток, размывавший устои господства рабовладельцев в Союзе.

Усиление нужды широких масс трудящихся — важнейший фактор, способствующий развитию революционной ситуации. В канун гражданской войны резко ухудшилось материальное положение рабочих и фермеров Севера, негров и белых бедняков Юга. Причиной этого явился тяжелый экономический кризис 1857 г. Последствия кризиса усугубились болезненной реакцией влиятельных экономических кругов Севера и Юга на избрание Линкольна президентом страны.

Для периода революционной ситуации была характерна сложная расстановка сил в стране. Руководящей силой антирабовладельческой коалиции являлись революционные круги буржуазии, главной движущей силой — рабочие, фермеры, рабы и свободные негры, ремесленники. Однако массы участвовали не только в выступлениях, возглавлявшихся буржуа-

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 347.
[46] *Foner E.* Politics..., p. 32.
[47] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

зией, они убедительно продемонстрировали и способность «к самостоятельному историческому выступлению»[48]. Это были выступления, ни в коей мере не запланированные буржуазией и не контролировавшиеся ею,— стихийные, широкие выступления народных масс, носившие самостоятельный, революционный характер.

Революционные круги буржуазии возглавили начавшуюся борьбу за свержение власти рабовладельцев. Однако расстановка сил внутри класса буржуазии была такова, что эти круги не смогли прийти к власти после победы республиканцев на выборах 1860 г. Сложность политической ситуации определялась тем, что Линкольн был избран голосами широких народных масс, гегемоном же революции была радикальная буржуазия, а к власти пришли умеренные, либеральные и консервативные круги буржуазии.

Таким образом, буржуазия пришла к власти в условиях революционной ситуации, но мирным, конституционным путем. Этот факт и историческая инерция компромиссного решения спорных проблем между Севером и Югом порождали навязчивую иллюзию о возможности мирного решения начавшегося конфликта. Компромисс на этот раз не состоялся, и причиной этому была не позиция буржуазии, а действия мятежных рабовладельцев, которые видели в гражданской войне единственную возможность вернуть власть, потерянную на выборах 1860 г.

3. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Захват рабовладельцами форта Самтер всколыхнул все антирабовладельческие силы. 15 апреля 1861 г. Линкольн объявил штаты, вышедшие из Союза, в состоянии мятежа, призвал в армию 75 тыс. добровольцев сроком на три месяца и обратился ко всем «лояльным гражданам» с призывом выступить на борьбу за восстановление Союза. На Севере повсеместно была распространена уверенность в скором окончании войны. Солдат 6-го Висконсинского добровольческого полка заявлял: «Мнение, что война закончится через три месяца, было всеобщим»[49].

Развязав неспровоцированную гражданскую войну, плантаторы поставили рабовладение вне закона, подписали смертный приговор рабству. «Вызывающий выпад против правительства Соединенных Штатов, предпринятый властями Южной Каролины, предрешил судьбу новорожденной Конфедерации и института рабства»[50].

Формировались полки, целиком состоявшие из шахтеров, каменщиков, текстильщиков, литейщиков и рабочих других специальностей. На призыв Линкольна с огромным энтузиазмом откликнулись рабочие-иммигранты: немцы, ирландцы, итальянцы, поляки, китайцы, венгры и др. Известный рабочий лидер Уильям Сильвис, добровольцем вступивший в армию, заявил: «Миллионы тружеников встали как несокрушимая стена между страной и всеми ее врагами»[51].

В первых рядах добровольцев были американские социалисты. Спортивные организации, в большинстве своем состоявшие из немецких

---

48 Там же.
49 *Barney W.* Op. cit., p. 5.
50 The American Spirit. United States History as Seen by Contemporaries / Ed. by T. Bailey. Lexington (Mass.); Toronto, 1973, p. 415.
51 Цит. по: *Mandell B.* Op. cit., p. 181.

рабочих-специалистов, Немецкий рабочий союз и Коммунистические клубы направили в федеральные вооруженные силы более половины своих членов. Многие имели опыт участия в революционных боях в Европе. Рабочие-социалисты заявили, что воюют за уничтожение рабства. Немецкие социалисты шли в бой под «алым полковым знаменем, на котором в качестве символа был изображен молот, разбивающий наручники»[52].

С огромным энтузиазмом на призыв Линкольна к оружию откликнулись негры. Однако федеральное правительство игнорировало их патриотический порыв. Особенно широкий отклик воззвание Линкольна вызвало среди фермеров западных штатов.

Вооруженное нападение рабовладельцев на форт Самтер подняло на борьбу с мятежниками такие мощные народные силы, что это перепугало влиятельные круги буржуазии Севера. Массовое народное движение в защиту Союза в первые же дни после начала гражданской войны перехлестнуло те узкие рамки, в которые его рассчитывала ввести буржуазия. Очевидец происходивших на Севере событий свидетельствовал, что имущие классы опасались, что выступления народных масс перерастут «в восстания низших слоев населения против богатых классов, и в особенности против тех, которые принадлежали к демократической партии»[53].

Лидеры мятежной Конфедерации откровенно заявляли, что их цель в войне — распространить рабство на всю территорию страны. Наиболее экстремистски настроенные лидеры рабовладельцев выступили даже с требованием создать «великую рабовладельческую республику», включавшую территорию Кубы, Мексики и стран Южной Америки. Маркс писал: «„*Югу нужна вся его территория*"... Таков был боевой клич, с которым сецессионисты напали на Кентукки... То, что рабовладельцы называют „Югом", охватывает более чем три четверти прежних владений Союза»[54].

Агрессивные устремления мятежных рабовладельцев разоблачал Фредерик Дуглас: «Джефферсон Дэвис и его правительство не делают секрета относительно войны и не скрывают ее цель. Она заключается в том, чтобы сделать рабство африканской расы на Американском континенте всеобщим и вечным»[55].

Расизм был идеологией и практикой мятежной Конфедерации. Вице-президент Конфедерации Александр Стефенс откровенно признал: «Наше новое правительство... основано на той великой истине, что негр не равен белому человеку, что рабское подчинение высшей расе является его естественным и нормальным состоянием»[56]. По поводу этого выступления лидера рабовладельцев Маркс писал: «...вице-президент южной Конфедерации заявил на конгрессе сецессионистов, что конституция, высиженная в Монтгомери, существенно отличается от конституции Вашингтона и Джефферсона тем, что теперь впервые рабство признается само по себе благодетельным институтом и краеугольным камнем всего государственного здания...»[57]

Цели Севера в войне были сформулированы в резолюции конгресса, принятой 22 июля 1861 г. В ней говорилось, что война ведется «не в

---

[52] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США...: В 4-х т. М., 1949—1969, т. 1, с. 351.
[53] *Флетчер.* История американской войны 1861—1865 гг. СПб., 1895, с. 49.
[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 348—349.
[55] Fr. Douglass. Selections from his Writings, p. 69.
[56] Rebellion Record, vol. 1. Documents, p. 45.
[57] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 339.

целях уничтожения установившихся институтов (рабства.— *Авт.*), а для того чтобы защитить и отстоять верховную власть конституции и сохранить Союз... Как только эти цели будут достигнуты, война должна прекратиться» [58].

3 декабря 1861 г. Линкольн в послании конгрессу откровенно формулировал политические причины, обусловившие подход федерального правительства к определению целей войны. «Разрабатывая политику, необходимую для подавления мятежа,— писал Линкольн,— я заботился и всемерно стремился к тому, чтобы неизбежный в связи с этим конфликт не перерос в неистовую и безжалостную революционную борьбу» [59].

Начавшаяся гражданская война, казалось бы, обещала быть для Севера непродолжительной и победоносной. На оптимистический лад лидеров Севера настраивала готовность многомиллионных народных масс выступить на решительную борьбу с рабовладельцами. Реальное соотношение сил между воюющими сторонами также, казалось, не оставляло мятежным рабовладельцам никаких шансов на равную борьбу с северными штатами. 11 мятежным штатам противостояли 23 штата, оставшихся в Союзе. Население их составляли 22 млн. человек. В Конфедерации проживали 9 млн., из них почти 4 млн. были рабами. Север смог за время войны призвать в вооруженные силы 2 898 304 человека, Юг — 1 927 890. На Севере была сосредоточена почти вся промышленность, $^4/_5$ всего банковского капитала США, 22 тыс. миль железных дорог из 31 тыс. миль, имевшихся в стране. Здесь находились почти все инженеры и квалифицированные рабочие США [60].

Морально-политическое преимущество Севера было также бесспорным. У. Филлипс мог с полным основанием заявить: «Наша борьба не является противоборством различных идей. Это битва между варварством и цивилизацией... между свободой и рабством» [61].

Сплочение революционных сил было необходимым условием разгрома мятежных рабовладельцев. Гаррисон проявил политическую дальновидность и многое сделал для преодоления раскола в антирабовладельческом движении и для мобилизации сил аболиционистов на вооруженную борьбу с мятежниками. После захвата рабовладельцами форта Самтер Гаррисон решительно отказался от политики непротивления. Лидер умеренного крыла аболиционистов заявил: «Мое сердце аболициониста бьется в унисон с сердцами всех людей Севера» [62].

Созданная в ноябре 1861 г. Лига эмансипации способствовала преодолению организационного раскола в аболиционистском движении, которое стало важной политической силой в борьбе с мятежной Конфедерацией и в движении за изменение целей войны, за освобождение рабов. В статье Дугласа «Как кончить войну?» подчеркивалось, что судьба войны решается не только на военном, но и на политическом фронте. Дуглас настаивал на переходе к революционной борьбе, открыто призывал к вооруженному восстанию рабов на Юге. «Пусть рабы и свободные цветные граждане,— требовал Дуглас,— будут призваны в вооруженные

58 Congressional Globe, 37th Congress, 1st Session, p. 222.
59 Ibid., 2nd Session, App., p. 3.
60 *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 381.
61 Rebellion Record. vol. 1, Documents, p. 126, 130, 131.
62 Цит. по: *Korngold R.* Two Friends of Man: The Story of William Lloyd Garrison and Wendell Phillips and their Relationship with Abraham Lincoln. Boston, 1950, p. 285.

силы и создадут армию свободы, которая двинется на Юг, чтобы поднять среди рабов знамя освобождения» [63].

Среди всех лидеров аболиционистов Дуглас занимал самую радикальную позицию в вопросе об освобождении рабов. Причину войны он видел в рабстве и с полным основанием подчеркивал, что война ведется не за изменение таможенного тарифа, банковской системы, не за конституционные права правительства, а против рабства.

С самого начала военных действий было очевидно, что борьба примет антирабовладельческий характер. Маркс писал, что война между Югом и Севером являлась борьбой двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда. «Эта борьба вспыхнула потому, что обе системы не могут долее мирно существовать бок о бок на североамериканском континенте. Она может закончиться лишь победой одной из этих систем» [64].

Антагонистический характер отношений между этими системами был очевиден. «Гражданская война была борьбой между двумя экономическими системами: архаической аграрной системой Юга и новым капитализмом Севера» [65].

Чернышевский после начала военных действий сделал вывод о том, что «серьезная война Севера с Югом неизбежна для искоренения невольничества» [66]. Четко определил роль рабства в гражданской войне Фредерик Дуглас: «Быть или не быть (рабству.— *Авт.*) — таков вопрос войны» [67].

Обращение Линкольна к народу 15 апреля 1861 г. нашло повсеместный отклик. 3 мая Линкольн призвал в армию еще 500 тыс. добровольцев. К 1 июля вместо 75 тыс. волонтеров, которых призывал в армию президент, насчитывалось 310 тыс. Однако это был не обученный контингент, для приведения которого в состояние боевой готовности требовалось значительное время. Трудности с подготовкой армии усугублялись тем, что вскоре после начала войны 313 кадровых офицеров, в основном выходцев с Юга, вступили в армию Конфедерации. Они составляли около трети всего офицерского корпуса США. Заново надо было создавать флот, полностью была опустошена федеральная казна.

Очень остро стояла проблема пограничных рабовладельческих штатов Миссури, Кентукки, Мэриленда и Делавэра, оставшихся в Союзе. Они занимали выгодное стратегическое положение, и их позиция во многом определяла весь ход военной и политической борьбы между Севером и Югом. «Кто ими владеет,— писал Маркс,— тот и господствует над Союзом» [68]. Рабовладельцы предприняли попытки вооруженного переворота в этих штатах. Однако Линкольн проявил решительность и вооруженным путем подавил выступления рабовладельцев в пограничных штатах, чем вызвал взрыв ярости на Юге.

Подавление контрреволюционных выступлений в пограничных штатах, постановление конгресса о призыве в федеральную армию 500 тыс. человек, а также предоставлении 500 млн. долл. на военные расходы, созда-

---

[63] The Life and Writings of Frederic Douglass, vol. 3, p. 94.
[64] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 355.
[65] *Crook D. P.* The North, the South, and the Powers, 1861—1865. N. Y., etc., 1974, p. 297.
[66] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 493.
[67] The Life and Writings of Frederic Douglass, vol. 3, p. 197.
[68] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 238.

ние в Вашингтоне к 9 мая 20-тысячного гарнизона — все свидетельствовало о решимости Севера вести бескомпромиссную борьбу с целью вооруженного подавления мятежа.

В послании, с которым 4 июля Линкольн обратился к конгрессу, подробно рассматривались военные, политические, экономические проблемы. Однако президент ничего не сказал о рабстве, этом важнейшем вопросе войны. Федералисты не решались нанести удар по самому уязвимому месту мятежных рабовладельцев — по рабству.

Позиция Линкольна вызвала глубокое разочарование тех кругов, которые все еще надеялись на компромиссное решение конфликта между Севером и Югом. 3 (15) июля 1861 г. Стекль сообщал Горчакову: «Благонамеренные люди надеялись, что президент, предлагая конгрессу срочные меры, диктуемые обстоятельствами ...оставит открытым путь для мирных переговоров, но эти надежды не оправдались. В послании не упоминается даже о компромиссе, в нем не найти ни одного слова примирения, ни слова о мире. Программа президента — полное принуждение и покорение Юга» [69].

21 июля 1861 г. недалеко от столицы, у небольшого городка Манассас, произошло первое крупное сражение между мятежниками и федеральными войсками. Федеральная армия насчитывала 35 тыс., конфедераты — 30 тыс. человек. Необстрелянные и плохо обученные федеральные войска не выдержали шквального артиллерийского и ружейного огня. Отступление превратилось в поражение, а поражение — в панику. Возникла реальная угроза захвата столицы. Бросив все батареи, огромное количество другого вооружения и военного снаряжения, остатки федеральной армии бежали в Вашингтон.

Только немецкие добровольческие полки и гвардия Гарибальди, состоявшие в основном из рабочих, не поддались панике. Но они не могли спасти положение. Столицу легко было взять с ходу и без какого-либо серьезного сопротивления. Однако отсутствие у мятежников информации о степени деморализации северян, угроза восстания негров в тылу, а также проливной дождь, превративший дороги в болото, спасли Вашингтон от неминуемой оккупации.

Помимо объективных причин, важную роль в военных поражениях северян играли факторы субъективного характера: федералистам явно не везло с генералами. Под Манассасом федеральными вооруженными силами командовал престарелый генерал Скотт. После Манассаса главенствующую роль в вооруженных силах Севера стал играть генерал Макклеллан — полная бездарность, к тому же он открыто симпатизировал рабовладельцам, покровительствовал шпионам и предателям [70].

Линкольн говорил, что готов «подавать коня Макклеллану, если тот обещает добиться успеха». Однако генерал, которого президент называл «медлителем», не спешил начинать активных военных действий. Он наращивал силы и готовился осуществить пресловутый «план Анаконда», рассчитанный на окружение всей территории Конфедерации и постепенное уничтожение вооруженных сил мятежников. Этот план был подвергнут уничтожающей критике Марксом и Энгельсом. Критикуя военно-политическую доктрину Севера, они подчеркивали, что буржуазия старает-

---

[69] АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 220.

[70] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 492.

ся не допустить участия негров в войне и восстания рабов. Маркс неоднократно отмечал, что военные планы Севера должны учитывать неизбежность перехода к революционным методам ведения войны, предусматривающим освобождение рабов, призыв негров в армию и нанесение сокрушительных ударов по главным жизненным центрам Конфедерации. Маркс и Энгельс писали: «Спрашивается: существует ли у них (у рабовладельцев.— *Авт.*) все-таки военный центр тяготения, с потерей которого был бы сломлен спинной хребет их сопротивления...» [71]

Таким главным жизненным центром мятежников Маркс и Энгельс считали Джорджию, которая являлась географическим центром Конфедерации, была основным районом плантационного хозяйства, имела большое негритянское население. Они подчеркивали, что захват Джорджии расколол бы Конфедерацию на две изолированные части и неизбежно привел бы к восстанию 500 тыс. рабов, находившихся в этом штате.

Ход гражданской войны полностью подтвердил стратегическую прозорливость Маркса и Энгельса. Север действительно вынужден был перейти к революционным методам ведения войны и нанести удар в самое сердце Конфедерации, по штату Джорджия. Это произошло в 1864 г., когда генерал Шерман совершил свой знаменитый «марш к морю».

Постепенно начало сказываться военно-экономическое превосходство Севера. К 1 декабря 1861 г. федеральные вооруженные силы уже насчитывали 660 тыс. человек. Укрепив столицу, федеральные войска начали наступление в Западной Виргинии, Миссури и Кентукки. Операции эти носили второстепенный характер, но падкие на рекламу газетчики писали о них как о важнейших сражениях. Подполковник русской армии Романов, посетивший в качестве наблюдателя Потомакскую армию северян, сообщал 5 октября 1861 г.: «Газеты всеми силами стараются разбудить и поддержать воинственный дух и поэтому печатают всякие небылицы и лгут самым бессовестным образом» [72].

21 октября 1861 г. Макклеллан форсировал р. Потомак и перешел наконец в наступление в районе Болс-Блаффа. Армия Макклеллана была лучшей на Севере по экипировке и вооружению, она значительно превосходила противника по численности, особенно велико было ее превосходство в артиллерии. И тем не менее федеральные вооруженные силы были разгромлены наголову. Одной из важных причин поражения северян, как писал Маркс, было прямое предательство со стороны генерала Стона, который пользовался покровительством Макклеллана [73].

Войска мятежников вышли на рубеж, находившийся всего в 6,5 мили от столицы. Новый разгром федеральных вооруженных сил с особой остротой поставил вопрос о необходимости пересмотреть цели войны и методы ее ведения. Вокруг этих проблем резко обострилась борьба во всех штатах Севера.

Поражения на фронтах, экономические трудности и отсутствие политической стабильности на Севере были использованы реакцией для активизации борьбы против правительства Линкольна. В ход были пущены и легальные, и нелегальные средства: военный саботаж, шпионаж, подготовка заговоров и вооруженных выступлений в северных штатах. Сто-

[71] Там же, с. 506.

[72] Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ВУА, ф. 453, д. 342, л. 3—4.

[73] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 492.

ронникам южан народ дал меткое прозвище «медянки», имея в виду, что они нападали на свои жертвы из засады, как ядовитые змеи этой породы.

На Юге был установлен жесточайший террористический режим: запрещена оппозиция, каждому, кто выступал против Конфедерации, грозил суд Линча. Многие сторонники Союза в первые же дни войны были повешены без суда и следствия.

На Севере же практически безнаказанно действовали «медянки», шпионы мятежников. Трибуна конгресса активно использовалась для пропаганды пораженческих настроений и защиты интересов рабовладельцев. Например, Хейл, сенатор от Нью-Гэмпшира, заявлял, что правительство Линкольна имеет не больше конституционных прав вмешиваться в дела Юга, чем для вмешательства в дела русских крепостных или английских рабочих.

Народные массы Севера требовали от Линкольна решительно пресечь деятельность агентуры рабовладельцев.

В конгрессе все чаще говорилось о необходимости изменить цели войны и методы ее ведения. Уже 16 июля 1861 г. сенатор Помероу внес билль, в котором отмечалось, что для успешного подавления мятежа необходимо уничтожить рабство, призвать негров в армию и обязать федеральные вооруженные силы оказывать всемерную помощь и защиту освобожденным рабам [74].

С требованиями перехода к революционным методам ведения войны активно выступали рабочие. 9 ноября 1861 г. на одном из митингов в Чикаго немецкие иммигранты приняли резолюцию, в которой подчеркивалось, что «триумф свободы может быть обеспечен только полным уничтожением рабства» [75].

Активизировались радикальные республиканцы, которые требовали чистки армии от сторонников южан: из 110 генералов Севера 80 были демократами. Радикалы, объединявшие наиболее революционные круги буржуазии, были среди тех революционных сил, которые Маркс называл «принципиально последовательными партиями Севера...» [76].

Главным требованием радикалов, якобинцев Американской революции, как их называли, было освобождение рабов и призыв негров в армию. Резко критиковал позицию Линкольна в негритянском вопросе Т. Стивенс: «Мы вложили меч в одну руку нашим генералам, а кандалы — в другую» [77]. Чарлз Самнер заявил: «Я хотел бы увидеть 200 тыс. негров с ружьями на плечах, тогда бы я не боялся компромисса» [78].

Сильное давление на Линкольна слева оказывали свободные негры, рабочие. Последние срывали сборища «медянок», громили редакции газет контрреволюционеров. Война активизировала рабочее движение. Собственный корреспондент «Северной пчелы» 31 августа 1861 г. писал: «В Нью-Йорке и в других городах готовится социалистическое движение, вроде волнения парижских рабочих, которое последовало после февраля 1848 г. и повело к учреждению национальных мастерских, основанных в виде удовлетворения сделанному рабочими требованию, чтобы „труду предо-

[74] Congressional Globe, 37th Congress, 1st Session, p. 134.
[75] Rebellion Record, vol. 3, Documents, p. 344.
[76] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 547.
[77] Цит. по: *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 328.
[78] Цит. по: *Williams T.* Op. cit., p. 13.

ставлены были права". Это же самое требование выражают теперь нью-йоркские рабочие...».

Нараставшее давление радикальных республиканцев, неудачи на фронте заставили Линкольна приступить к постепенному пересмотру своей политики. В 1861 г. президент подписал ряд биллей, направленных на пресечение деятельности вражеской агентуры. 31 июля 1861 г. конгресс принял билль о наказаниях за заговоры с целью свержения правительства и за выступления против правительственных органов, 6 августа 1861 г.— билль о конфискации имущества мятежников, включая рабов, если это имущество использовалось для ведения войны против федерального правительства. Был принят закон о введении дополнительных налогов.

Федеральные власти закрыли несколько газет, особенно активно выступавших против правительства, запретили деятельность ряда организаций демократической партии. Некоторые издатели, политические деятели и лица, открыто выступавшие в защиту мятежников, были арестованы. С 25 апреля по 2 декабря 1861 г. в различных районах 7 раз отменялось действие закона о неприкосновенности личности.

Однако в вопросе об отношении к рабству федеральное правительство продолжало в целом придерживаться прежнего курса. Единственным важным решением было принятие закона о конфискации и резолюции конгресса, запрещавшей использовать армию для поимки беглых рабов.

К началу 1862 г. Север не имел в своем активе ни одной крупной победы. 27 января 1862 г. Линкольн как конституционный главнокомандующий всеми вооруженными силами страны отдал военный приказ № 1, свидетельствовавший о его незаурядных военных дарованиях. По приказу Линкольна началось генеральное наступление всех сухопутных и морских сил. Армия генерала Гранта полностью очистила штат Кентукки и с тяжелыми боями продвигалась в глубь Теннесси. Морально-политическое значение побед Гранта на Западе трудно было переоценить.

1 мая 1862 г. генерал Батлер, имея всего 2,5 тыс. человек, во взаимодействии с флотом под командованием коммодора Фаррагута захватил Новый Орлеан, важный стратегический пункт и крупнейший торговый центр США. Захват Нового Орлеана был крупнейшим стратегическим успехом Севера. В результате этой операции соединились армии Гранта и Батлера. Коммуникации мятежников оказались перерезанными, а территория Конфедерации разбита на две изолированные части.

Весной 1862 г. продолжали успешно развиваться наступательные операции федеральной армии, в ходе которых была занята столица Теннесси г. Нашвилл, полностью освобожден штат Миссури, мятежники были наголову разбиты в сражении при Шилоу. 100-тысячная армия Макклеллана вышла на исходные рубежи для штурма Ричмонда. 40-тысячная армия Макдональда прикрывала Вашингтон, генерал Галлек со 100-тысячной армией продвигался к Коринту.

Линкольн в ходе этих наступательных операций непосредственно осуществлял функции верховного главнокомандующего. В феврале 1862 г. Маркс писал: «Переход верховного командования к президенту Линкольну удачно ознаменовался успехами в Кентукки, Теннесси и на Атлантическом побережье» [79].

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 491.

Федеральная армия все еще имела немало недостатков. Русский военный наблюдатель подполковник Романов сообщал: «Мне указывали на гражданских чиновников и приказчиков магазинов... принятых на службу прямо полковниками». Русский подполковник отмечал, что в боях солдаты зачастую действовали не по команде своих командиров, а по собственному усмотрению. Это приводило к тому, что нередко федеральные войска открывали огонь друг по другу [80].

Макклеллан дважды пытался штурмом взять Ричмонд, но отступал, неся большие потери. Третья попытка, предпринятая 30 августа 1862 г., закончилась катастрофой. Командующий мятежниками генерал Ли форсировал Потомак и двинулся в обход Вашингтона. Вновь создалась угроза захвата столицы противником. В бой пришлось бросить все резервы и даже перебросить сюда войска Гранта с Западного фронта.

Все успехи Гранта и Батлера были сведены на нет. В который раз пришлось уплатить исключительно высокую цену за нежелание буржуазии Севера освободить рабов, призвать негров в армию и перейти к революционным методам ведения войны. После августовских поражений стала очевидна необходимость коренного изменения военно-политической стратегии правительства Линкольна, перехода к революционным методам ведения войны.

Подобный переход мог быть осуществлен в первую очередь благодаря изменению политики федерального правительства в негритянском вопросе. Процесс этот был длительным, тяжелым, мучительным для правительства Линкольна, ибо антирабовладельческая коалиция представляла собой конгломерат классов и групп, придерживавшихся самой различной ориентации в главном вопросе войны, каким являлось рабство.

Черные американцы были той силой, которая больше, чем кто-либо другой, была заинтересована в изменении позиции федерального правительства в вопросе об освобождении рабов и призыве негров в армию. И естественно, что именно негры занимали в этом вопросе самую последовательную позицию, что нашло проявление в первую очередь в многочисленных выступлениях Фредерика Дугласа. В мае 1861 г. Дуглас обращался к правительству Линкольна с призывом «покончить с рабством — главной причиной войны» [81].

Вопрос о причинах войны имеет исключительно важное теоретическое значение. Это ключ к пониманию классового характера войны, движущих сил второй Американской революции. «Рабство было основным вопросом истории США в предвоенные годы. Именно поэтому политика по вопросу о рабстве имела исключительно важное значение во время войны» [82].

Отмена рабства устраняла главное препятствие на пути полной, окончательной победы капитализма в масштабах всей страны. Освобождение рабов создавало условия для вовлечения в активную экономическую и общественно-политическую жизнь крупнейшей этнической группы страны, создавало необходимые предпосылки для быстрого развития рабочего движения. Уничтожение рабовладельческой системы хозяйства — важнейший рубеж в аграрной истории страны, в развитии фермерского движения. Только благодаря ликвидации рабства возникли необходимые экономические и социально-политические предпосылки для развития капи-

---

[80] ЦГВИА СССР, ВУА, ф. 453, д. 342, л. 1—5.
[81] The Life and Writings of Frederic Douglass, vol. 3, p. 94.
[82] *Aptheker H.* Emancipation Proclamation.— Political Affairs, 1963, Jan., p. 19—20.

тализма в сельском хозяйстве США по американскому, по фермерскому пути.

В начальный период войны федеральное правительство и не помышляло об уничтожении рабства, но тысячи и тысячи рабов чувствовали, что их судьба связана с военным разгромом мятежных рабовладельцев. И с самого начала войны негры Юга оказывали всемерную помощь Северу. Они устраивали заговоры, вооруженные восстания в тылу Конфедерации, поджигали усадьбы плантаторов, имели место многочисленные акты саботажа, было широко распространено симулирование болезней — все это наносило огромный ущерб рабовладельческой Конфедерации.

Одной из самых широко распространенных и эффективных форм борьбы рабов за свою свободу было массовое бегство с плантаций. Юг превратился для негров в гигантский и тщательно охраняемый концентрационный лагерь. Охранные функции выполняло более 100 тыс. солдат армии Конфедерации, все дороги патрулировались специальными отрядами.

И все же тысячи негров спасались бегством на Север. Рабы бежали на Север, несмотря на то что многие генералы федеральной армии высказывали свое чуть ли не суеверное уважение к правам рабовладельцев на их живую собственность.

Генерал Макклеллан в начале войны в обращении к населению Западной Виргинии заявил, что его армия не будет вмешиваться в отношения между рабами и их хозяевами. Он подчеркнул, что федеральные войска «железной рукой» сокрушат любую попытку восстаний со стороны рабов. Генералы Галлек, Бернсайд, Буэл, Хукер, Уильямс запрещали солдатам пропускать рабов в расположения своих войск. По их приказам рабовладельцам разрешалось проходить на территорию размещения федеральных войск в целях поимки беглых рабов.

В начале войны возникла угроза восстания рабов в Мэриленде, и генерал федеральной армии Батлер отдал приказ войскам оказать помощь рабовладельцам в подавлении восстания. Известны случаи, когда по приказу генералов Севера федеральные войска не только участвовали в поимке беглых рабов, но и открывали по ним огонь. Тем не менее негры всеми доступными им средствами участвовали в борьбе против мятежников, внося большой вклад в уничтожение рабства. Уже в первые недели войны, в апреле-мае 1861 г., были зарегистрированы случаи появления беглых рабов в расположении федеральных войск в Виргинии.

По мере того как федеральное правительство все более склонялось к революционным методам ведения войны, усиливался поток рабов, бежавших на Север. Военный министр в докладе конгрессу указывал, что бегство рабов серьезно ослабляло Конфедерацию [83].

За годы войны 500 тыс. рабов, преодолев огромные трудности, принеся колоссальные жертвы и подвергнув себя тяжелейшим испытаниям, бежали с плантаций. «Это гигантское переселение народа, сопровождавшееся громадными трудностями и жесточайшими разочарованиями, несомненно, является одним из наиболее героических, если не самым героическим массовым подвигом в истории американского народа» [84].

---

[83] Congressional Globe. 38th Congress, 1st Session, pt 4, App., p. 12.
[84] *Aptheker H.* Essays in the History of the American Negro. N. Y., 1945, p. 186.

Несмотря на террор, свирепствовавший на Юге, неоднократно возникали заговоры и попытки восстаний рабов во всех штатах Юга. Рабовладельцы тщательно скрывали факты об антирабовладельческих выступлениях негров, и тем не менее известно по крайней мере о 25 восстаниях, попытках восстаний и заговорах негров.

Переход федерального правительства к революционным методам ведения войны вызвал бурный подъем антирабовладельческих выступлений негров в тылу Конфедерации.

Для ведения войны революционными методами надо было не только освободить рабов и призвать негров в армию, но и решительно подавить контрреволюцию, удовлетворить одно из самых популярных требований масс — издать закон о гомстедах.

В мае 1862 г. такой закон был принят. Каждый гражданин США, уплатив небольшой регистрационный сбор, мог стать владельцем 160-акрового участка (65 га) [85].

При проведении закона в жизнь имели место большие злоупотребления. Тем не менее для своего времени это было самое радикальное решение аграрной проблемы. Решение этой проблемы было возможно только при условии уничтожения рабства, так как рабовладельцы были жизненно заинтересованы в захвате плодородных «свободных» земель на Западе. Прямая и самая тесная связь между рабством и аграрной проблемой проявлялась и в том, что подавляющее большинство рабов было занято в сфере сельскохозяйственного производства. И ликвидация рабства коренным образом меняла социально-экономические и политические условия жизни значительного отряда сельскохозяйственного населения страны.

И наконец, проблема рабства, негритянский вопрос не могли не занять центрального места в гражданской войне и потому, что военные действия развертывались на Юге, где было почти 4 млн. рабов.

Принятие этого закона подводило итог многолетней борьбы американского народа за решение аграрного вопроса. Закон о гомстедах стимулировал участие широких народных масс в гражданской войне. Каждый солдат Севера был теперь уверен, что после победы над рабовладельцами получит бесплатный земельный участок.

Закон о гомстедах нанес сокрушительный удар по рабству, так как закрывал путь рабовладельцам на «свободные» земли Запада.

На прогрессивное значение закона о гомстедах указывал Маркс [86].

Однако Линкольн не спешил принимать радикальных мер для решения проблемы рабства. 9 мая 1862 г. генерал Д. Хантер издал прокламацию, гласившую, что рабы мятежных плантаторов Джорджии, Флориды и Южной Каролины объявляются навечно свободными и призываются в армию. Линкольн незамедлительно дезавуировал это заявление.

22 сентября 1862 г. Линкольн издал предварительную Прокламацию об освобождении рабов, которая гласила, что 1 января 1863 г. рабство негров в США будет уничтожено. После издания предварительной Прокламации активизировалось негритянское освободительное движение на Юге. В феврале 1863 г. регулярные войска мятежников подавили восстание рабов, начавшееся в окрестностях г. Холли-Спрингс. Аналогичный

---

[85] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, p. 410—411.

[86] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 542.

факт имел место в апреле 1863 г. в штате Флорида. В мае 1863 г. произошли восстания негров—рабочих на железнодорожных предприятиях в Виргинии. Выступление негров было подавлено вооруженными силами [87].

Показательно, что совместно с неграми в антирабовладельческих выступлениях участвовали и белые противники мятежной Конфедерации. В Южной Каролине среди готовивших восстание по крайней мере один был белый. Участниками готовившегося заговора в Атланте (штат Джорджия) также были белые.

В тылу мятежников развертывалось партизанское движение. Многие беглые негры, не сумевшие перейти линию фронта, скрывались в труднодоступных районах. Эти общины беглых рабов были вооружены и являлись базой партизанского движения на Юге. «Интересно и важно отметить,— писал Г. Аптекер,— что беглые рабы часто сражались совместно с тысячами находившихся вне закона белых бедняков, дезертиров из армии Конфедерации и юнионистов, которые представляли серьезную угрозу рабовладельческим властям в каждом южном штате» [88]. Особенно широкий размах партизанское движение приняло в конце войны. Негритянские партизанские отряды активно действовали в Арканзасе, Теннесси, Флориде и других штатах [89].

Негры были среди первых американцев, откликнувшихся на обращение Линкольна о призыве добровольцев в федеральную армию. 30 октября 1861 г. свободные негры Мичигана приняли резолюцию, в которой говорилось: «Мы согласны сражаться как партизаны, если правительство вооружит и экипирует нас» [90]. Фредерик Дуглас призывал негров с оружием в руках выступить на фронт вооруженной борьбы с рабовладельцами. «Мы получили шанс стать людьми»,— заявлял он [91].

В Белый дом поступали многочисленные петиции, резолюции массовых митингов, публичные обращения с требованием предоставить неграм право сражаться против рабовладельцев в рядах федеральной армии. Не дожидаясь официального решения вопроса о призыве в армию, негры приступили к военной подготовке. В Нью-Йорке, например, в 1861 г. негры «создали военный клуб и начали регулярно заниматься военным делом. Тренировки продолжались до тех пор, пока не были запрещены полицией во избежание военных столкновений с федеральными войсками» [92].

Требования негров о предоставлении оружия решительно поддержали радикальные республиканцы. Чарлз Самнер, который наряду с Тадеушем Стивенсом был самым популярным лидером радикалов, в мае 1861 г. в беседе с президентом Линкольном открыто высказался за необходимость освобождения рабов.

Маркс и Энгельс, внимательно следившие за развитием событий в заокеанской республике, указывали, что единственный и кратчайший путь к разгрому мятежников — освобождение рабов и призыв негров в армию.

---

87 *Aptheker H.* Essays..., p. 181—182.
88 Ibid., p. 183—184.
89 Ibid., p. 186.
90 A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974 [vol. 1], p. 460.
91 Цит. по: *Aptheker H.* The Negro in the Civil War. N. Y., 1938, p. 10.
92 *Aptheker H.* Essays..., p. 168.

Маркс писал: «Один только полк, составленный из негров, окажет поразительное действие на нервы южан»[93].

Обращает на себя внимание почти полное совпадение с Марксом аргументации Дугласа по коренным проблемам войны. Касаясь необходимости призыва негров в армию, Дуглас заявлял: «Один полк черных в такой войне будет полностью соответствовать двум полкам белых. В данном случае сам факт появления цветных будет более ужасен (для рабовладельцев.— *Авт.*), чем порох и ядра»[94].

Что же удерживало правительство Линкольна от призыва негров в армию, от принятия решения, необходимость которого диктовалась всем ходом войны?

Во-первых, призыву негров в армию должно было предшествовать их освобождение, так как основной контингент солдат могли поставить освобожденные рабы. Кроме того, негры хотели воевать за свое освобождение, а не за интересы буржуазии Севера. Освобождение же рабов противоречило официально провозглашенным целям войны. Во-вторых, освобождение рабов серьезно ударило бы по жизненным интересам рабовладельцев лояльных пограничных штатов. А эти штаты являлись важным компонентом антирабовладельческой коалиции. В-третьих, влиятельные круги буржуазии Севера были заинтересованы в сохранении рабства. И они оказывали тормозящее влияние на политику федерального правительства в этом вопросе. Определенное воздействие на Линкольна оказывали антинегритянские настроения части солдат и населения северных штатов. Очевидно, этим объяснялось то, что в армию не допускали и свободных негров.

Консервативные круги буржуазии не без оснований опасались, что освобождение и вооружение негров представляло угрозу ее классовым интересам. В тылу мятежников полыхало пламя освободительного негритянского движения, восставшие негры полностью разгромили г. Бьюфорд. Кровавые столкновения имели место в г. Нашвилл и во многих других местах. Буржуазия Севера невольно ставила перед собой вопрос: сумеет ли она удержать в желательных для нее рамках негритянское движение, когда негры получат оружие, завоюют свободу, но не получат земли и тех прав, за которые они будут сражаться. А удовлетворять требования негров буржуазия ни в коей мере не собиралась.

Больше, чем рабовладельцев, буржуазия Севера страшилась классового союза белых и черных рабов капитала. Этот союз уже начал складываться в тылу Конфедерации, и совместная вооруженная борьба белых и черных трудящихся неизбежно способствовала бы этому.

Таковы были основные причины, которые оказывали сдерживающее воздействие на федеральное правительство при решении вопроса об уничтожении рабства и призыве негров в армию, что отнимало у гражданской войны ее принципиальное острие, и, так сказать, лишало ее души. Следствием этого было то, что «ни один из генералов не мог осмелиться сформировать негритянскую роту...»[95].

Буржуазия Севера стремилась превратить гражданскую войну в «семейное» дело белых, добиться разгрома рабовладельцев без участия в войне негров и предоставить им после победы над мятежниками те ограни-

93 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 222.
94 Fr. Douglass. Selections from his Writings, p. 62.
95 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 541.

ченные права, которые будут соответствовать классовым интересам буржуазии.

Развитие политической ситуации и положение на фронте настоятельно требовали коренного пересмотра стратегического курса правительства Линкольна в отношении восставших рабовладельцев. Становилось все более очевидным, что конституционные методы ведения войны не в состоянии обеспечить военный разгром мятежных рабовладельцев и восстановление единства Союза — главной цели федерального правительства в гражданской войне.

3 декабря 1861 г. в послании президента конгрессу вновь подчеркивалось: «Союз необходимо сохранить, и для этого следует использовать все имеющиеся средства. Нет необходимости прибегать к крайним радикальным средствам, что могло бы повредить и лояльным и нелояльным штатам» [96]. Линкольн имел в виду проблему рабства. В послании говорилось о переселении негров в страны с «благоприятными климатическими условиями». Эта в равной степени реакционная и утопическая идея вызвала резкие протесты со стороны негров, аболиционистов и радикальных республиканцев.

Н. Г. Чернышевский в январе 1862 г. писал, что в борьбе с рабовладельцами необходимо пойти на «крайние меры: формирование партизанских отрядов из свободных негров Севера, стремящихся идти на Юг, и призыв южных невольников к оружию. Едва ли можно будет избежать Линкольну этих решительных мер...» [97]. Поражения северян на фронтах, активизация контрреволюционных сил на Севере — ничто не могло поколебать оптимизма Чернышевского. После поражения федеральных вооруженных сил при Булл-Ране в июне 1861 г. он заявил: «Торжество Севера над плантаторами неизбежно» [98].

Как и Маркс и Чернышевский, Дуглас также выступал с резкой критикой «конституционных» методов ведения войны, которых придерживался Линкольн. Дуглас заявлял, что борьба за восстановление Союза перерастет в аболиционистскую войну за уничтожение рабства. Исходя из этого, он пришел к выводу, что компромиссный мир невозможен, что возможен только мир аболиционистский, следствием которого будет уничтожение рабства [99].

Дуглас четко и ясно сформулировал революционные цели войны: «Не должно быть иной войны, кроме войны за уничтожение рабства... Свобода для всех, а цепи — ни для кого. Цветной должен быть на войне солдатом, а в мирное время — тружеником. И на Юге, и на Севере он должен получить избирательные права. Америка — его постоянный дом, все американцы — его земляки. В этом... и заключаются цели войны» [100].

Дуглас беспощадно громил конституционную аргументацию буржуазных кругов, считавших, что уничтожение рабства означало бы нарушение конституции страны. Он заявлял, что, когда идет гражданская война, «не время рассуждать о конституционной власти» [101].

---

[96] Collected Works, vol. 5, p. 49.
[97] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 596.
[98] Там же, с. 545.
[99] Fr. Douglass. Selections from his Writings, p. 63.
[100] The Life and Writings of Frederic Douglass, vol. 3, p. 403.
[101] Ibid., p. 17.

Весь ход гражданской войны свидетельствовал о том, что создалась реальная угроза самому существованию нации, Союзу штатов. В этих условиях под давлением народных масс и радикалов Линкольн начал постепенно осуществлять меры, подготовившие провозглашение важнейшего акта гражданской войны — Прокламации об освобождении рабов.

Маркс подчеркивал, что позиция пограничных штатов имеет решающее значение для исхода гражданской войны. И показательно, что решение проблемы рабства Линкольн начал с пограничных штатов. 6 марта 1862 г. в послании конгрессу президент заявил, что надо лишить мятежников всякой надежды на переход лояльных рабовладельческих штатов на сторону Конфедерации. Президент считал, что достигнуть этой цели можно лишь путем уничтожения рабства в пограничных штатах с выплатой компенсации рабовладельцам за счет федерального правительства [102]. Обе палаты конгресса проголосовали за предложение Линкольна.

Предложение Линкольна было горячо поддержано прогрессивными кругами Севера. «Нью-Йорк дейли трибюн» писала 7 марта 1862 г.: «Это послание открывает эпоху в истории нашей страны. Оно не имеет прецедента... Это будет величайшее событие, значительно более важное, чем многие сражения».

Радикалы, отмечая важность решения Линкольна, указывали на его недостатки, заключавшиеся в признании принципа компенсации. Они справедливо подчеркивали тщетность надежд президента на то, что мятежники примут предложение Линкольна и сложат оружие.

Вскоре был сделан еще один важный шаг в решении проблемы рабства: 13 марта 1862 г. был опубликован закон, запрещавший использовать федеральные войска для поимки и возвращения рабовладельцам беглых рабов.

Был заключен договор с Великобританией о запрещении торговли рабами, принято постановление о начальном обучении негритянских детей, в апреле 1862 г. запрещено рабство в федеральном округе Колумбия. Освобождая рабов в столице, Линкольн подчеркивал, что уничтожение рабства в масштабах всей страны — это только вопрос времени.

Перечисленные меры подготовили принятие закона о конфискации (собственности рабовладельцев). Решение конгресса от 17 июля 1862 г. гласило, что если в течение 60 дней мятежники не капитулируют, то участники мятежа будут объявлены государственными преступниками и приговорены к смертной казни, которая может быть заменена по решению президента 5 годами тюремного заключения, или 10 тыс. долл. штрафа. Все имущество мятежников конфискуется, а рабы объявляются свободными. Закон разрешал призыв негров в вооруженные силы и формирование из них специальных негритянских полков.

Однако буржуазия не решилась пойти на полную конфискацию земельной собственности плантаторов — основу их экономической и политической мощи. Общая стоимость имущества мятежников, конфискованного на основании этого закона, составила ничтожную сумму — 129 680 долл. 67 ц.

На основании закона о конфискации началась подготовка к формированию негритянских полков, значительно увеличилось число негров, использовавшихся на военных работах в федеральной армии.

---

[102] Collected Works, vol. 5, p. 144—146.

К. Маркс, характеризуя ряд важных мер, проведенных в 1862 г., отмечал, что они знаменуют собой подготовку к ведению войны по-революционному[103]. Проанализировав законы, принятые в 1862 г., начиная от гомстед-акта и кончая договором с Англией об отмене работорговли, Маркс писал 4 августа 1862 г.: «Таким образом, как бы ни выпал жребий военной удачи, можно уже теперь с уверенностью сказать, что рабство негров ненадолго переживет гражданскую войну»[104].

4. УНИЧТОЖЕНИЕ РАБСТВА

22 сентября 1862 г. Линкольн опубликовал предварительную Прокламацию об освобождении рабов. Президент заявлял, что с 1 января 1863 г. все те, кто содержался в качестве раба в каком-либо штате или части штата, население которого участвует в мятеже против Соединенных Штатов, отныне и навсегда будут свободны. В Прокламации говорилось, что президент обратится с просьбой к конгрессу принять закон о предоставлении компенсации всем рабовладельцам, не участвующим в мятеже и согласившимся освободить рабов. Значимость Прокламации снижало и то обстоятельство, что она рассматривалась как военное мероприятие, предусматривала колонизацию, переселение освобожденных рабов в Африку, не провозглашала и тем более не гарантировала равенства белых и негров.

Несмотря на недостатки, Прокламация имела огромное прогрессивное значение. Она явилась важнейшим рубежом в истории гражданской войны. Линкольн официально объявил об изменении целей войны, которая отныне велась не только за восстановление Союза, но и за уничтожение рабства. После долгих колебаний и сомнений Линкольн наконец перешел Рубикон, сделал важнейший революционный шаг, направленный на разгром рабовладельцев.

Расстановка классовых сил на Севере свидетельствовала о том, что главной силой, мешавшей кардинальному решению проблемы рабства, были реакционные круги буржуазии. Отмене рабства мешала и определенная историческая инерция: Соединенные Штаты с самого начала возникли как рабовладельческое государство. Рабство было неотъемлемой частью американского образа жизни. В силу этого даже классы и группы населения, которые не получали непосредственной материальной выгоды от эксплуатации негров-рабов, считали, что к уничтожению рабства можно прибегнуть только в крайнем случае.

В условиях гражданской войны особенно важное значение имела позиция генералитета и офицерского корпуса, так как судьба войны решалась главным образом на фронте, в ходе вооруженной борьбы между двумя противоборствующими сторонами. 4 июля 1862 г. в беседе с Чарлзом Самнером Линкольн сказал: «Я освободил бы рабов, если бы не боялся, что половина офицеров побросает оружие и восстанут еще четыре штата»[105]. Опасения Линкольна были беспочвенны. Как показали дальнейшие события, армия в подавляющем большинстве приветствовала освобождение рабов.

---

[103] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 542.
[104] Там же, с. 543.
[105] Цит. по: *Randall J.* Lincoln the President: Vol. 1—4. N. Y., 1945, vol. 2, p. 153.

Освобождение рабов и призыв их в федеральные вооруженные силы вызывались военной необходимостью. Эта необходимость стала очевидной после первых же поражений северян в начале войны. Однако только в критический период гражданской войны, в 1862 г., Линкольн поставил вопрос о реализации этой проблемы.

Решающей причиной, заставившей федеральное правительство пойти на освобождение рабов, было всевозраставшее давление народных масс. Глубоко прав советский историк А. В. Ефимов, пришедший к выводу, что «в решении этой задачи (уничтожение рабства.— *Авт.*), имевшей... историческое значение для всего человечества, главную роль сыграли народный подъем и давление общественного мнения на правящие круги в критический период гражданской войны» [106].

Предварительная Прокламация об освобождении рабов явилась убедительным свидетельством того, что не было и не могло быть надежды на мирное решение проблемы рабства. Необходимость борьбы за свободу Дуглас рассматривал как универсальное историческое явление, доказательство того, что «те, кто хочет быть свободным, должны нанести удар» [107]. По мнению Ф. Дугласа, единственный путь для любого народа заставить уважать его права — научиться защищать их. Дуглас всегда подчеркивал, что негры сами должны бороться за освобождение от рабства, что свобода, дарованная белыми, потеряет половину ценности. «Если нет борьбы, нет прогресса»,— заявлял он. Вновь и вновь Дуглас подчеркивал, что рабовладельцы могут уступить только силе, что борьба — столбовая дорога к свободе: «Границы тиранов определяются способностью к терпению у тех, кого они угнетают» [108].

На Севере было немало противников освобождения рабов, еще больше было тех, кто занимал в этом вопросе колеблющуюся позицию. Эти силы негативно реагировали на предварительную Прокламацию. Нельзя игнорировать и тот факт, что буржуазия Севера все основные материальные издержки войны возложила на трудящиеся массы. Прорабовладельчески настроенные элементы использовали трудности, переживаемые трудящимися, для того чтобы инспирировать среди народных масс антинегритянские настроения, заставить их поверить, якобы во всех проблемах, порожденных войной, виноваты негры.

Ухудшение положения рабочих активизировало их движение за создание профсоюзов. В 1865 г. число членов профсоюзов достигло 200 тыс. Правое профсоюзное руководство проводило расистскую политику в отношении негров. Предприниматели, стремясь расколоть белых и черных трудящихся, использовали негров в качестве штрейкбрехеров. Это усиливало антинегритянские настроения среди белых рабочих и нередко являлось причиной негритянских погромов. Такие расовые бунты имели место в Цинциннати, Нью-Йорке, Чикаго и других городах.

Результаты выборов в конгресс, состоявшихся 4 ноября 1862 г., отразили сложность обстановки на Севере. Республиканцы одержали победу в большинстве штатов Севера, но по сравнению с предыдущими выборами потеряли значительное число голосов. Маркс следующим образом оп-

---

[106] *Ефимов А. В.* Народный подъем и общественное мнение США в критический период гражданской войны.— В кн.: К столетию гражданской войны в США / Под ред. А. В. Ефимова, Л. И. Зубока. М., 1961, с. 123.
[107] The Life and Writings of Frederic Douglass, vol. 2, p. 374.
[108] Ibid., p. 437.

ределял причины поражения республиканцев: «Прежние лидеры демократической партии умело использовали недовольство, вызванное промахами в финансовых делах и несуразностями, которые были допущены в военных вопросах» [109]. Маркс отмечал также, что на результатах выборов сказалось то, что «большая часть мужчин, пользующихся правом голоса, находится на фронте» [110].

Российский посланник, анализируя результаты выборов, указывал на недовольство части населения репрессивными мерами, принятыми против прорабовладельческих элементов. «К этим причинам недовольства,— отмечал Стекль,— добавились убытки от обесценения правительственных бумаг, ценность которых уже понизилась на 35%, упадок торговли, налоги и прежде всего мобилизация...» [111].

Неудачи республиканцев на выборах 1862 г. были вызваны сложным комплексом экономических, политических, военных проблем, с которыми столкнулась в это время республиканская партия. Выборы в ноябре 1862 г. проходили в условиях резкого, если не решающего, поворота в политике федерального правительства. Суть его сводилась к тому, что впервые после начала гражданской войны правительство Линкольна выступило единым фронтом с радикальными республиканцами и аболиционистами. Этот поворот в политике федерального правительства отражал коренную перегруппировку классовых, политических сил, которая происходила в северных штатах. Линкольн правильно уловил момент решительного изменения в настроениях масс и перестроил свой политический курс с учетом их интересов и требований. Это неизбежно должно было принести в ближайшем будущем большие морально-политические и военные дивиденды.

Российский посланник в целом правильно определял новую расстановку сил, сложившуюся после выборов 1862 г. Стекль сообщал 29 октября (10 ноября) 1862 г.: «Две программы, за которые должна была проголосовать страна, сводились к следующему: республиканская партия требовала порабощения Юга и беспощадной войны, не оставляя никаких шансов для возможности ее мирного урегулирования, наконец, требовала войны рабов. Демократическая партия также выступает за продолжение войны, но она рассматривает это как печальную необходимость и стремится к тому, чтобы война велась со всеми возможными предосторожностями. Она выступает против восстания рабов и чрезвычайно опасается ужасных последствий немедленного освобождения негров-рабов» [112].

Русская пресса с симпатией относилась к повороту влево в политике федерального правительства. «С.-Петербургские ведомости» писали 21 ноября 1862 г.: «Линкольн хорошо сделал, что не придал выборам, происходившим в северных штатах, преувеличенной важности... По всей вероятности, правительство г-на Линкольна вступает в фазис твердости и энергии, составляющий единственное средство вновь приобрести общественное доверие и уважение».

Прорабовладельческие элементы на Севере и рабовладельцы не скрывали своих надежд на то, что результаты выборов заставят Линкольна отказаться от нового политического курса. Это были совершенно необо-

---

[109] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 583.
[110] Там же. с. 584.
[111] АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 446.
[112] Там же. л. 407.

снованные надежды. В беседе с делегацией штата Кентукки, имевшей место вскоре после выборов, Линкольн заявил, что «скорее умрет, чем возьмет обратно хотя бы одно слово из Прокламации об освобождении» [113].

Непоколебимая твердость Линкольна объяснялась тем, что в своем решении он опирался на поддержку масс и радикалов. Число радикальных республиканцев в конгрессе было невелико, всего 25 членов в палате представителей и около 10 — в сенате [114]. Однако главные комиссии палаты, сената и объединенные комиссии конгресса находились под контролем радикальных республиканцев. Объединенную комиссию по ведению войны возглавлял Уэйд, комиссию сената по иностранным делам — Самнер, комиссию палаты представителей по финансовым вопросам — Стивенс, комиссию сената по военным делам — Уилсон, одну из комиссий возглавлял Джулиан. Все перечисленные председатели комиссий были известными лидерами радикальных республиканцев. К концу 1862 г. радикалы установили полный контроль над федеральным правительством.

Руководящие позиции, занятые радикалами в конгрессе, позволили им превратить высший законодательный орган страны в орудие своей диктатуры, и к концу 1862 г. власть фактически оказалась в руках радикальных республиканцев.

Заканчивался 1862 год, которому суждено было стать поворотным пунктом в развитии гражданской войны. Упорная борьба негров за уничтожение рабства и за право с оружием в руках сражаться в федеральной армии, все более крепнувшее в народе и в армии понимание того, что без ликвидации рабства и призыва негров в армию нельзя выиграть войну, решительная поддержка Линкольна радикалами — все это создавало необходимые условия для реализации курса на освобождение рабов.

Приближался решающий момент и в судьбе 4 млн. негров-рабов, и в ходе гражданской войны. В послании конгрессу 1 декабря 1862 г. президент главное внимание уделил вопросу о рабстве. «Если бы не было рабства,— заявил Линкольн,— никогда бы не начался мятеж. После освобождения рабов мятеж не сможет продолжаться» [115].

Президент опроверг широко распространенные утверждения о том, что освобождение рабов приведет к понижению заработной платы белых рабочих, к увеличению безработицы.

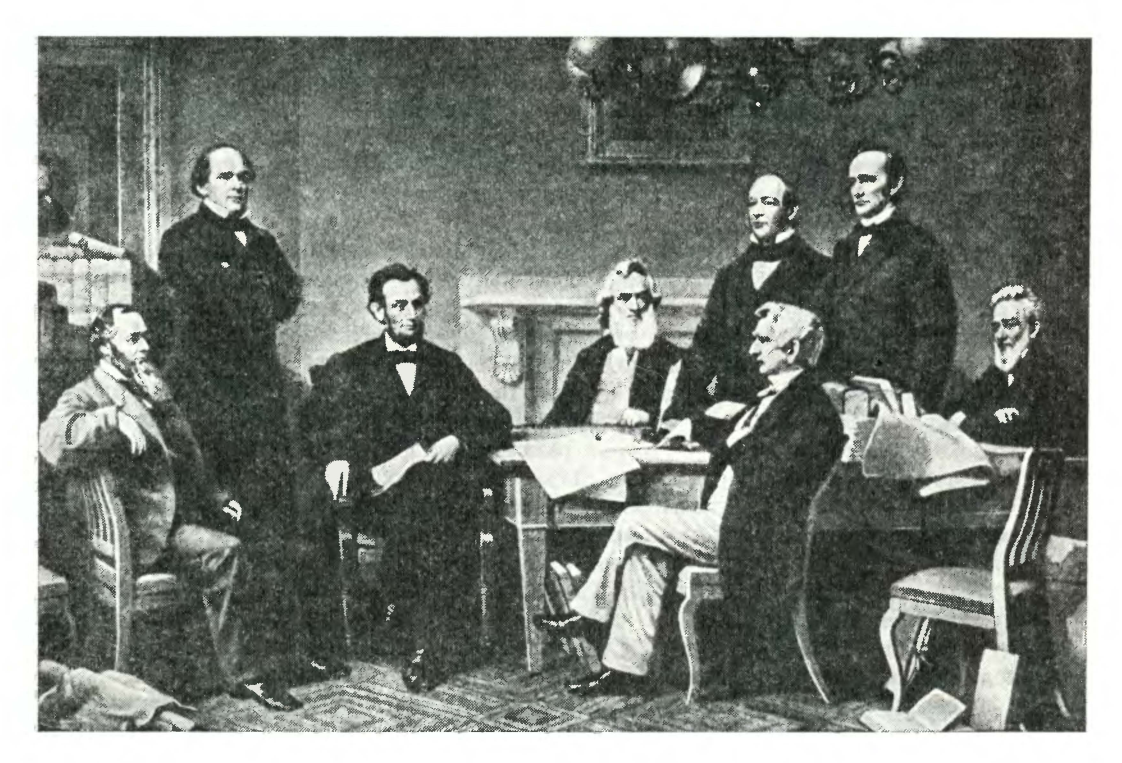
В послании президента звучали новые, решительные нотки, несвойственные ему ранее. Это был значительный шаг вперед по сравнению с начальным периодом войны, когда Линкольн, по характеристике Маркса, «человек юридически осторожный, ищущий примирения на почве конституции» [116], скрупулезно придерживался буквы закона мирного времени. Теперь президент решительно провозглашал в своем послании новую точку зрения: «Догмы мирного прошлого не годятся для бурного настоящего... Давая свободу рабам, мы обеспечиваем свободу свободных людей».

В послании Линкольн вновь говорил о необходимости переселения негров в другие страны и предлагал выплатить компенсацию рабовладельцам, которые до 1 января 1863 г. сами освободят своих рабов.

---

[113] New York Daily Tribune, 1862, Nov. 24.
[114] *Belz H.* Reconstructing the Union: Theory and Policy during the Civil War. Ithaca, 1969, p. 303—304.
[115] Collected Works, vol. 6, p. 518—536.
[116] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 547.

Негры решительно боролись против планов переселения их в Африку, на Гаити или в другие страны Латинской Америки. И, очевидно, учитывая это, Линкольн в послании подчеркнул, что переселение негров должно быть осуществлено только с их согласия. О том, что планы высылки негров разрабатывались серьезно и основательно, свидетельствует тот факт, что на эти цели в 1862 г. конгресс ассигновал 100 тыс. долл. В США были созданы многочисленные колонизационные общества.

ЛИНКОЛЬН ЗНАКОМИТ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА С ПРОЕКТОМ ПРОКЛАМАЦИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ РАБОВ

Весь текст послания неопровержимо доказывал, что Линкольн был полон решимости освободить рабов. 30 декабря 1862 г. президент подписал текст Прокламации.

Прокламация гласила, что на территории всех мятежных штатов рабы объявляются свободными. Властям предписывалось защищать свободу освобожденных рабов. Обращаясь к освобожденным неграм, Линкольн призывал их воздерживаться от насилия, за исключением вынужденной самообороны, и рекомендовал им честно работать, где можно будет, за соответствующее вознаграждение. Предусматривалось выполнение и другого важнейшего требования негров: «Освобожденные рабы... будут приниматься в вооруженные силы Соединенных Штатов... и в качестве матросов на все военно-морские суда» [117].

[117] Collected Works, vol. 6, p. 28—30.

Прокламация об освобождении была самым главным политическим документом гражданской войны. Она разрешила основную проблему, которая породила гражданскую войну и вокруг которой шла упорная военная и политическая борьба: провозгласила освобождение рабов.

Уничтожение рабства было осуществлено революционным, а не конституционным путем. И тем не менее в этом историческом документе было немало слабых мест. Освобождение не распространялось на рабов пограничных штатов, оставшихся верными Союзу, а здесь находилось около 1 млн. рабов. Прокламация не объявляла о конфискации и разделе среди негров и белых бедняков плантаций, которые составляли наряду с собственностью на рабов основу экономического господства рабовладельцев. Освобождение носило во многом формальный характер — освобожденным рабам не предоставлялись ни экономические, ни гражданские, ни политические права. Освобождение мотивировалось военной необходимостью. Рассматривалась возможность переселения негров за пределы США.

Несмотря на все недостатки, Прокламация имела огромное революционное значение и не только для негров, но и для всего американского народа. Этот документ подводил итог тяжелейшей трехсотлетней борьбы негров и белых американцев за уничтожение рабства.

Личная заслуга Линкольна в принятии этого документа была огромна. Он прислушался к голосу масс, сумел преодолеть колебания и сомнения, игнорировал мнение и давление мощных прорабовладельческих кругов Севера, не устрашился угроз рабовладельцев и их агентуры в северных штатах, отказался от своих первоначальных планов постепенного освобождения рабов с выплатой компенсации рабовладельцам и осуществил революционное уничтожение рабства на основе конфискации.

Линкольн был исключительно скромным человеком. Маркс писал, что у Линкольна не было «никакого позирования, никаких исторических драпировок... Нерешительно, против воли, нехотя исполняет он бравурную арию своей роли, как будто прося извинения за то, что обстоятельства принуждают его „быть героем“» [118].

Совершенно чуждый саморекламе и восхвалению своей деятельности, Линкольн был глубоко прав, когда после подписания Прокламации сказал: «Если мое имя когда-нибудь войдет в историю, то за этот акт, в нем — вся моя душа» [119]. Линкольн действительно вошел в историю. Маркс писал о Прокламации, что это был «важнейший документ американской истории со времени основания Союза, документ, разорвавший старую американскую конституцию... в истории Соединенных Штатов и в истории человечества Линкольн займет место рядом с Вашингтоном!» [120].

Прокламацию восторженно приветствовали в северных штатах. Не подтвердились опасения, что рабочие, страшась конкуренции со стороны освобожденных рабов, выступят против Прокламации об освобождении. Газета рабочих Нью-Йорка «Айрон плетформ» заявила, что освобождение рабов целиком и полностью соответствует интересам рабочих: «Рабство черного человека ведет к рабству белого» [121]. Такую же точку зрения высказали многие другие печатные органы рабочих.

---

[118] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 570.
[119] Цит. по: *Holden W.* Abraham Lincoln. Harrogate, 1944, p. 20.
[120] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 570.
[121] Цит. по: *Aptheker H.* Emancipation Proclamation, p. 18.

Особенно восторженно на Прокламацию откликнулись те, кого она касалась,— черные рабы. На территории Юга, освобожденной федеральными войсками, весть о Прокламации приветствовалась всеми неграми.

Дуглас исключительно высоко оценивал Прокламацию об освобождении, назвав ее величайшим событием американской истории, наиболее важным событием века. Вместе с тем он резко критиковал недостатки этого документа, указывая на то, что освобождение рабов имело формальный характер, не предоставляло неграм равных с белыми американцами прав.

О важности Прокламации свидетельствовал и такой факт: на нее ополчились все реакционные силы — от мятежных рабовладельцев до «мирных» демократов Севера. Одна из газет прорабовладельческих кругов Севера, издававшаяся в Огайо, называла автора Прокламации «тираном и узурпатором». Спекулируя на стремлении масс добиться скорейшего окончания войны, газета утверждала, что всю ответственность за затянувшиеся военные действия несут «аболиционистские члены палаты представителей, отвергшие все предложения о компромиссе». Газета призывала к открытому сопротивлению правительству [122].

Лучшим доказательством исключительного значения Прокламации об освобождении была ярость рабовладельческого Юга. Сразу же после опубликования 1 января 1863 г. Прокламации об освобождении был созван конгресс мятежной Конфедерации. Президент Конфедерации Дэвис заявил, что в ответ на это решение южане будут выносить смертные приговоры пленным офицерам-северянам. Дэвис опубликовал послание, в котором говорилось, что Прокламация Линкольна призывает рабов к восстанию и является грубейшим нарушением всех законов цивилизованной войны. Дэвис изложил программу репрессивных действий, имевших целью запугать негров и сорвать начавшееся формирование негритянских полков.

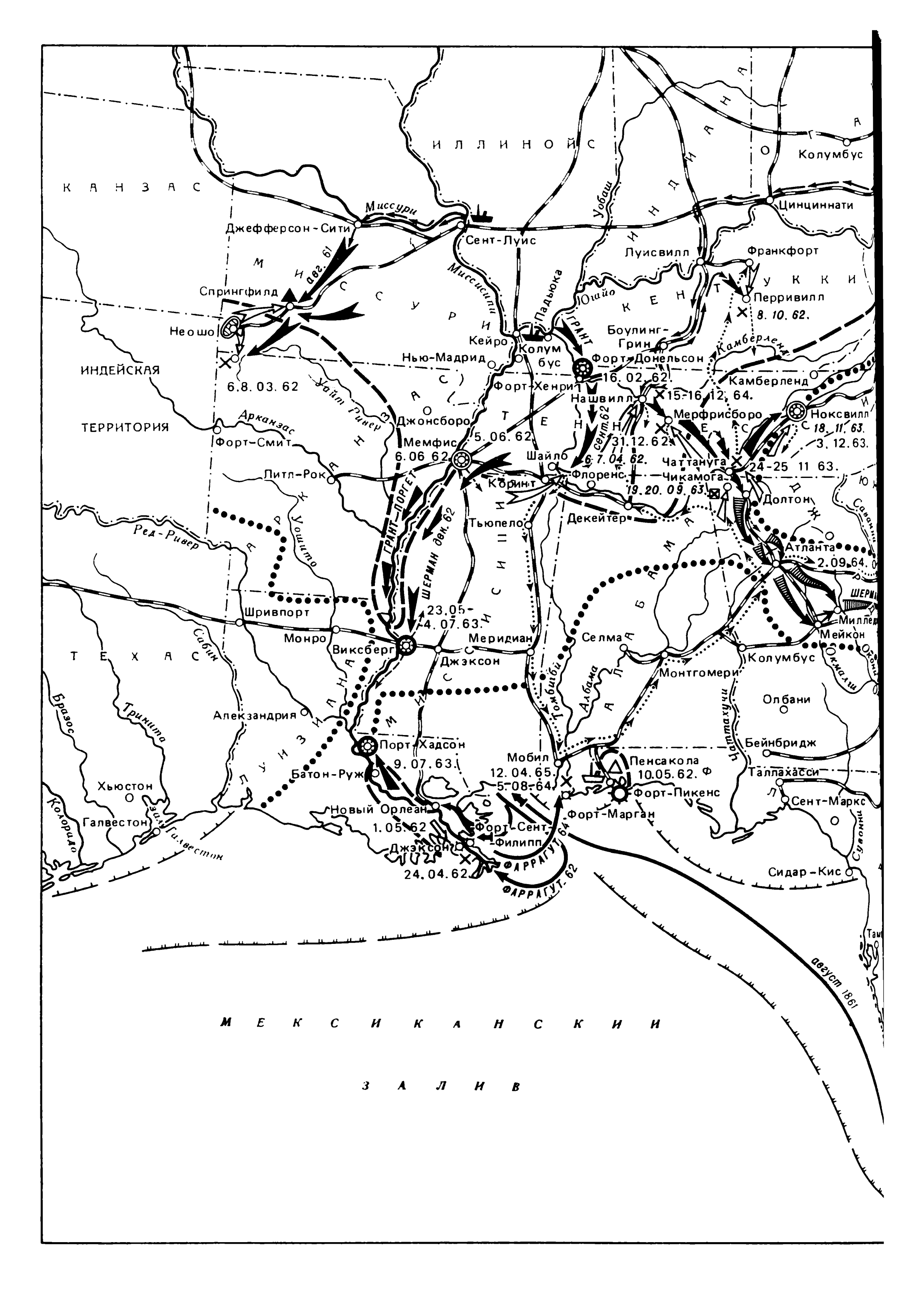
Конгресс Конфедерации принял решение, предусматривавшее репрессивные меры против солдат и офицеров негритянских полков. Эти угрозы были приведены в исполнение, когда негритянские полки Севера приняли участие в боях с мятежными рабовладельцами. Многие пленные негры были зверски убиты или проданы в рабство.

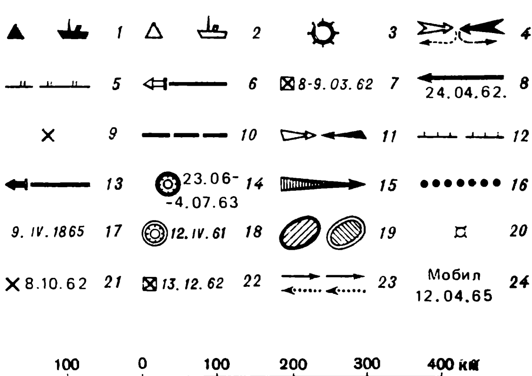
После опубликования Прокламации резко усилилось бегство рабов, особенно из пограничных штатов. Объяснялось это тем, что побег из мятежного штата в условиях, когда на охрану рабов были брошены многочисленные вооруженные силы мятежников, было делом далеко не легким. Сыграло важную роль и то обстоятельство, что Прокламация не распространялась на рабов пограничных штатов. Если раб в мятежном штате мог надеяться, что федеральные войска, заняв территорию штата, освободят его от рабства, то в пограничных штатах у рабов не было никаких перспектив на освобождение. Они должны были сами заботиться о своей судьбе, а наиболее простым и доступным путем к свободе было бегство с плантаций. Бегство рабов из пограничных штатов после опубликования Прокламации приняло столь значительные масштабы, что рабство здесь практически перестало существовать еще до окончания гражданской войны, так как подавляющее большинство рабов бежали на Север.

Контрастом благожелательным откликам русской общественности и

---

[122] New York Daily Tribune, 1863, Jan. 21.

КАНЗАС
ИЛЛИНОЙС
ИНДИАНА
ОГАЙО
Колумбус
Цинциннати
Миссури
Джефферсон-Сити
Сент-Луис
авг. 61
МИССУРИ
Спрингфилд
Неошо
6.8.03.62
ИНДЕЙСКАЯ
ТЕРРИТОРИЯ
Луисвилл
Франкфорт
Перривилл
8.10.62.
КЕНТУККИ
Падьюка
Огайо
Уобаш
ГРАНТ
Миссисипи
Кейро
Колумбус
Нью-Мадрид
Боулинг-Грин
Камберленд
Форт-Донельсон
16.02.62.
Форт-Хенри
Нашвилл
15-16.12.64.
Мерфрисборо
31.12.62.
Камберленд
Ноксвилл
18.11.63.
3.12.63.
Уайт Ривер
Арканзас
Форт-Смит
Джонсборо
Мемфис
6.06.62
5.06.62
ТЕННЕССИ
сент. 62
Шайло
6.7.04.62.
Чаттануга
24-25 11 63.
Чикамога
19.20.09.63.
Флоренс
Коринт
Долтон
Литл-Рок
АРКАНЗАС
Уошито
Ред-Ривер
ГРАНТ—ПОРТЕР
ШЕРМАН дек. 62
Тьюпело
Декейтер
ДЖОРДЖИЯ
Атланта
2.09.64.
Саванна
ШЕРМАН
Миллеж
Мейкон
Окмалги
МИССИСИПИ
АЛАБАМА
23.05-4.07.63.
Шривпорт
Монро
Виксберг
Меридиан
Джексон
Селма
Монтгомери
Колумбус
ТЕХАС
Сабин
Томбигби
Алабама
Чаттахучи
Олбани
Бейнбридж
Бразос
Тринити
Александрия
ЛУИЗИАНА
Порт-Хадсон
9.07.63.
Батон-Руж
Мобил
12.04.65.
5.08.64.
Пенсакола
10.05.62.
ФЛОРИДА
Таллахасси
Сент-Маркс
Форт-Пикенс
Форт-Марган
Хьюстон
Галвестон
Колорадо
зал. Галвестон
Новый Орлеан
1.05.62
Форт-Сент-Филипп
Джексон
24.04.62.
ФАРРАГУТ 64
ФАРРАГУТ 62
Сувонни
Сидар-Кис
август 1861
МЕКСИКАНСКИЙ
ЗАЛИВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США В 1861—1865 ГГ.

1 — арсеналы и верфи северян;
2 — арсеналы и верфи, захваченные мятежниками;
3 — опорные пункты северян в начале войны;
4 — военные действия в 1861—1862 гг.;
5 — блокада побережья мятежных штатов в 1861—1862 гг.;
6 — высадка десантов;
7 — бой броненосцев «Монитор» и «Мерримак» на Хемптонском рейде;
8 — прорыв эскадры Фаррагута в устье Миссисипи;
9 — уничтожение флотилии мятежников на Миссисипи в апреле 1862 г.;
10 — граница территории, занятой северянами в 1861—1862 гг.;
11 — военные действия в 1863—1865 гг.;
12 — блокада побережья мятежных штатов в 1863—1865 гг.;
13 — высадка десантов;
14 — осада и взятие северянами городов;
15 — марш войск Шермана к Саванне в 1864 г.;
16 — граница территории, занятой северянами в 1863—1864 гг.;
17 — капитуляция главных сил рабовладельческой Конфедерации у Аппоматтокса;
18 — нападение мятежников на форт Самтер — начало гражданской войны;
19 — сосредоточение войск южан (мятежников) и северян в 1861—1865 гг.;
20 — форты южан и северян;
21 — места и даты основных побед северян;
22 — места и даты основных побед мятежников;
23 — перевозка войск по железным дорогам;
24 — даты занятия населенных пунктов

прессы на опубликование Прокламации об освобождении явились резко враждебные отклики английской и французской печати. Прорабовладельческая пресса Англии и Франции обрушила мутный поток брани и клеветы и на Прокламацию и на федеральное правительство.

Прямо противоположной была реакция трудящихся масс Англии, относившихся с неизменным сочувствием к антирабовладельческим силам США на протяжении всей гражданской войны. Решительная поддержка английскими рабочими антирабовладельческой позиции правительства Линкольна имела тем большее значение, что английское правительство, возглавлявшееся Пальмерстоном, готовило интервенцию в поддержку мятежной Конфедерации.

Маркс исключительно высоко оценивал выступления английских рабочих, сорвавших военное вмешательство Англии в гражданскую войну в США. «Не мудрость господствующих классов,— писал он,— а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана» [123].

Демократическая русская пресса не только осуждала враждебную по отношению к федеральному правительству позицию правящих кругов Англии и Франции, но и противопоставляла их интервенционистской политике позицию трудящихся масс этих стран. «К чести низших классов в Англии,— писал „Современник“,— мы должны сказать, что они нисколько не разделяют завистливых и своекорыстных тенденций своих... правителей, газет, фабричных хозяев и пр.» [124].

Во многих русских газетах и журналах рассказывалось о героической борьбе рабочих европейских стран против интервенции в поддержку мятежных рабовладельцев, которую готовили реакционные круги этих стран. «...Английские и французские работники,— сообщал русский журнал,— с твердостью переносили свое бедственное положение: они не оставили дела угнетенного негра и не перешли на сторону его господина, несмотря на увещевания ловких и умных публицистов... Белый бедняк почувствовал, что он брат несчастному негру... пролетарии безмолвно претерпевали бедствия и голод для того, чтобы невольник не стонал под ударами бича плантатора. Честь и слава нашему современному пролетариату, который с таким умом и таким самоотвержением выказал себя достойным великой будущности!» [125].

В самодержавной России подцензурная пресса провозглашала здравицу в честь «современного пролетариата». Это были комментарии, необычные для порядков, царивших в России.

Прокламация об освобождении рабов явилась важнейшим событием гражданской войны. В августе 1862 г. Маркс писал: «Мы присутствовали пока лишь при первом акте гражданской войны — войны, которая велась *по-конституционному*. Второй акт — ведение войны *по-революционному* — еще впереди» [126].

Опубликование Прокламации и обозначило переход к новому этапу войны. Новые цели привели к появлению новых методов ведения войны.

---

[123] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 11.
[124] Современник, 1863, № 12, Политика, с. 343.
[125] Русское слово, 1862, № 2, Политика, с. 5.
[126] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 542.

5. ПЕРЕХОД К ВОЙНЕ ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ

Уже сама по себе Прокламация Линкольна вызывала изменения целей войны и методов ее ведения. Она сама явилась следствием коренной перегруппировки классовых, политических сил, которая произошла к этому времени на Севере и в целом по стране. На Юге к моменту принятия Прокламации резко усилились все формы борьбы негров за уничтожение рабства. Реальное соотношение сил между Севером и Югом неопровержимо свидетельствовало о том, что мятежная Конфедерация не в состоянии выиграть затянувшуюся войну. По мере того как становился очевиден этот факт, в южных штатах усиливалось юнионистское движение в целях восстановления Союза. В движении участвовали не только негры, но и многие представители белого населения мятежных штатов, не связанные экономически и политически с рабовладельческой системой.

Решающее значение для перехода к революционному этапу войны имели, конечно, социально-политические сдвиги, происходившие на Севере. Это был сложный и противоречивый процесс, на развитие которого влияли классовая борьба в северных штатах, ход военных действий, экономическое положение Севера, международные позиции США.

Борьба между революционными и контрреволюционными силами составляла основное содержание политической жизни в северных штатах. В центре этой борьбы был Линкольн и возглавляемое им правительство. В революционный лагерь входили рабочие, фермеры, негры, радикальные республиканцы. Страна была расколота на два враждебных вооруженных лагеря, которые вели между собой бескомпромиссную, кровопролитную гражданскую войну. Однако это не означало, что фронты гражданской войны разделили страну непреодолимой китайской стеной. В революционный лагерь входили и антирабовладельческие силы Юга, в первую очередь негры-рабы.

Ударной силой контрреволюции была мятежная Конфедерация, которая имела мощных и надежных союзников в пограничных и северных штатах. Консервативная буржуазия на Севере и ее представители в конгрессе, реакционная верхушка генералитета, открытая агентура рабовладельцев в северных штатах — таковы были силы контрреволюции, поддерживавшие на Севере мятежных рабовладельцев.

Разумеется, и в революционном, и в контрреволюционном лагере были колеблющиеся элементы, которые меняли ориентацию в зависимости от положения на военных и политических фронтах гражданской войны. Но не они определяли главное направление классовой борьбы в период войны. Движущей силой революционного лагеря на Севере являлись широкие трудящиеся массы, а политическим гегемоном — радикальные республиканцы. Радикалы не только руководили борьбой народных масс, но и сами находились под их воздействием. Характерно, что по мере поворота гражданской войны влево под влиянием народных масс все более революционный характер приобретали лозунги радикалов, их конкретные политические акции. Народные массы стояли на более революционных позициях, чем буржуазные революционеры — радикалы.

Несмотря на ограниченные цели, которые ставило перед собой правительство Линкольна на первом этапе, гражданской войне с самого начала был присущ революционный характер. Это определялось тем, что

вооруженная борьба за власть между буржуазией и рабовладельцами велась в национальном масштабе, в этой борьбе приняли участие и оказали на нее влияние самые широкие слои трудящихся. Рабочие и фермеры Севера с момента возникновения войны немедленно откликнулись на призыв Линкольна, и сотни тысяч трудящихся добровольно вступили в федеральную армию. Рабочие и фермеры не только составили подавляющую часть вооруженных сил Севера, но и работали на фабриках, заводах, фермах, создавая в тылу все, что было необходимо для фронта. Трудящиеся были главной опорой федерального правительства в борьбе с контрреволюцией в тылу, активно участвовали в политической борьбе, развернувшейся в северных штатах. Именно давление широких трудящихся масс заставило Линкольна занять левые позиции, перейти в лагерь аболиционистов и выступить за ликвидацию рабства, за ведение войны революционными методами.

Важным свидетельством революционного характера первого этапа гражданской войны являлись и действия радикальных республиканцев, в частности создание и методы работы объединенной комиссии конгресса по ведению войны, возглавлявшейся радикалами; аресты контрреволюционеров, проводившиеся по требованию радикалов; конфискация имущества рабовладельцев; передача телеграфа и железных дорог в ведение правительства; введение налогов на капитал и предметы роскоши; другие революционные акты 1862 г.

В деятельности Линкольна было много противоречий и недостатков, отражавших в первую очередь колебания и непоследовательность буржуазии в вопросе об уничтожении рабства. Однако Линкольн обладал очень важным качеством, компенсировавшим медлительность и нерешительность его действий,— президент считал себя исполнителем воли народных масс, прислушивался к их голосу и вносил коррективы в свою политику с учетом интересов и требований народа. Обращаясь к трудящимся массам страны, Линкольн говорил: «Запомните: не от политиков, не от президентов, не от тех, кто домогается должностей в аппарате управления, а от вас зависит сохранение Союза и обеспечение свободы последующих поколений» [127].

Большая личная заслуга Линкольна заключалась в том, что он выступил за уничтожение рабства революционным путем, обеспечив тем самым переход к революционным методам ведения войны, разгром мятежных рабовладельцев и освобождение рабов.

Решение правительства Линкольна о призыве негров в армию было принято 25 августа 1862 г., еще до опубликования предварительной Прокламации об освобождении. 22 мая 1863 г. был утвержден официальный порядок призыва черных американцев в федеральную армию. По приказу Линкольна генерал Ульман начал формировать негритянские полки.

Несмотря на то что негры подвергались дискриминации в федеральных вооруженных силах, десятки тысяч афро-американцев шли добровольцами в армию. Дискриминация черных была жестокой и многообразной. Им не разрешалось служить в одних частях с белыми: из черных солдат были созданы специальные части, в которых основные офицерские

---

[127] Collected Works, vol. 4, p. 194.

должности занимали белые. Негры подвергались дискриминации при присвоении офицерских и унтер-офицерских званий. На негритянские семьи не распространялись льготы, которые имели семьи белых военнослужащих. Неграм-солдатам была установлена пониженная оплата.

Негры-военнослужащие и негритянское население северных штатов обращались к Линкольну и в конгресс с требованием ликвидировать дискриминацию в оплате черных военнослужащих. Иногда такие протесты заканчивались смертной казнью негров, протестовавших против дискриминации.

Офицеры и генералы федеральных вооруженных сил нередко выступали против негров-военнослужащих В феврале 1864 г. группа белых военных врачей, служивших в негритянских полках, писала Линкольну, что они были удивлены и разочарованы, когда по прибытии на место службы обнаружили, что одну из офицерских должностей занимал негр. Врачи указывали, что «готовы на жертвы, чтобы участвовать в формировании цветных полков, но подобная жертва — чрезмерна, это удар по самоуважению» белых офицеров. Медики-расисты утверждали, будто совместная воинская служба белых и черных «не соответствует интересам ни страны, ни цветной расы» [128].

Многие офицеры и генералы Севера считали, что негры не могут занимать офицерские должности. Белый офицер, член квалификационной комиссии по проверке знаний негров, претендовавших на офицерские должности, заявлял: «Организовать, обучить, повести в бой и заставить солдат сражаться — все это требует больших и самых различных знаний, которыми обладают только лучшие белые люди» [129].

Против призыва негров в армию возражали и известные генералы Севера. Например, генерал Уильям Шерман 26 июня 1864 г. писал генералу Л. Томасу: «Большинство наших солдат должны быть белыми. Черные войска следует использовать осторожно и с учетом расовых предрассудков», существующих среди белых военнослужащих [130]. Имели место случаи, когда белые солдаты обстреливали с тыла солдат-негров, сражавшихся в это время с конфедератами [131].

В 1864 г., во время «марша к морю», проводившегося под командованием генерала У. Шермана, многие тысячи негров-рабов сопровождали федеральную армию, в расположение которой их отказывались допустить. 30 декабря 1864 г. генерал X. Галлек писал Шерману: «Сообщают, что Вы проявили преступное нерасположение к неграм и не желаете выполнять решение, принятое правительством в отношении них». Шерман мотивировал свою позицию тем, что негры могли сковать маневренность федеральных войск [132].

Однако антинегритянские настроения расистски настроенных военных не определяли отношения подавляющей массы солдат и офицеров к призыву негров в армию. Настроение военнослужащих хорошо отражали письма из действующей армии. Солдат 81-го Иллинойского полка писал из Луизианы, что его товарищи «полностью за то, чтобы негры выступи-

---

128 National Archives of the United States. A Microfilm Publication (NAMP), Microcopy N T-823, rol. 3, vol. 4, p. 2377.

129 Ibid., p. 2513, 2514.

130 Ibid., p. 2646.

131 *Aptheker H.* Essays..., p. 198.

132 NAMP, Microcopy N T-823, rol. 3, vol. 4, p. 2858.

ли против своих хозяев, захватили их собственность, взяли мушкеты и стреляли в них»[133].

Когда началось формирование негритянских полков, десятки тысяч черных добровольно вступили в федеральные вооруженные силы, выразив тем самым не на словах, а на деле готовность принять участие в разгроме мятежных рабовладельцев. Энтузиазм, с которым негры шли в армию, объяснялся тем, что в вооруженной борьбе с рабовладельцами они видели путь к освобождению от рабства. Юджин Смит, занимавшийся в Южной Каролине организацией призыва негров в армию, сообщал: «Я никогда не видел такого энтузиазма...»[134]

Вскоре после начала войны негр-лоцман Роберт Смоллс, проявив исключительную находчивость и мужество, вывел корабль мятежников «Плантер» из гавани г. Чарлстон и привел его в расположение федеральных военно-морских сил. Известие об этом героическом подвиге облетело всю страну. Имя Смоллса стало известно во всех штатах Юга и Севера. Смоллс заявлял, что негры готовы сражаться в федеральных вооруженных силах, но хотят иметь гарантию, что получат свободу. «Если у негров появится шанс получить свободу,— подчеркивал он,— не будет трудностей с формированием негритянских полков. У нас в Чарлстоне можно сформировать 10—15 полков»[135].

Боевое крещение негритянские полки получили 27 мая 1863 г. в битве за Порт-Хадсон (штат Луизиана). Артиллерийский огонь мятежников внес страшное опустошение в ряды наступавших федеральных войск. Обескровленные тяжелыми потерями Мичиганский, Нью-Йоркский и Массачусетский белые полки прекратили штурм. Очень велики были потери и двух негритянских полков, принимавших участие в штурме. Почти все офицеры и $^2/_3$ солдат были убиты или ранены. Тем не менее негры, предприняв три отчаянные атаки, сумели прорваться через оборонительные рубежи противника. В одной из корреспонденций «Трибюн» рассказывалось, что у Порт-Хадсона негры «сражались как тигры»[136].

Исключительно высоко оценивала первый боевой успех негров русская пресса: «Теперь никто не сомневается уже в мужестве негров на поле битвы; не сомневаются и прежние их хозяева, с которыми они обменялись штыковыми ударами... Вот она, эта армия черных, которых так боялись увидеть бросающимися на плантации с топорами и кинжалами в руках; вот эта озлобленная толпа, но теперь получившая уже военную организацию, спокойная, одерживающая победы, осаждающая города»[137].

Второе сражение, в котором отличились негры-солдаты, была битва у Милликент-Бенда 6 июня 1863 г. Бригадный генерал Е. Деннис, командовавший в этом бою федеральными войсками, сообщал, что негры не только проявили большую отвагу, но и показали высокое воинское мастерство. Во время этого сражения около 40 негров попали в плен и все были зверски убиты мятежниками. Негры жестоко отомстили за гибель своих товарищей. Очевидец этого сражения рассказывал: «Это была настоящая штыковая атака, рукопашное сражение, подобного которому не было на протяжении всей этой длительной войны... Белые и негры лежа-

---

133 New York Daily Tribune, 1863, May 11.
134 NAMP, Microcopy N T-823, rol. 3, vol. 4. p. 2549, 2550.
135 Ibid., p. 2550—2551.
136 New York Daily Tribune, 1863, June 11.
137 Русское слово, 1863, № 7. Политика, с. 29.

ли рядами, пронзенные штыками, иногда пригвожденные к земле. В одном месте рядом друг с другом были найдены двое мертвых, белый и негр, вонзив друг в друга штык...» [138].

Черные военнослужащие успешно участвовали и в штурме форта Вагнер, в одном из важнейших сражений второго этапа войны. Негры первыми бросились в отчаянную штыковую атаку. В этом бою отличился сын Фредерика Дугласа старший сержант Льюис Дуглас. Проявив большую отвагу и хладнокровие, он одним из первых ворвался на парапет. Негритянский полк потерял более трети своего состава, 280 солдат были убиты, погибли почти все офицеры.

Черные полки наряду с полками рабочих стали самыми надежными частями федеральной армии. Особенно много негритянских полков было в составе армии Шермана. В ноябре 1864 г. Энгельс писал Иосифу Вейдемейеру, сражавшемуся на стороне федералистов: «Но мне кажется несомненным одно, что армия, которой сейчас командует Шерман,— самая лучшая из ваших армий...» [139].

Известны многочисленные случаи зверских расправ мятежных рабовладельцев над пленными неграми. В апреле 1864 г. мятежники захватили форт Пиллоу, в 50 милях от Мемфиса. По приказу командующего южанами генерала Форреста над пленными неграми (из 557 человек гарнизона 262 были негры) мятежники учинили дикую расправу. Многих пытали, оставшихся в живых поставили на колени и расстреляли.

Убийства пленных, продажа их в рабство были обычным явлением. Командир 44-го пехотного полка полковник Л. Джонсон сообщал 17 октября 1864 г. из Чаттануги (штат Теннесси): 10-тысячный отряд мятежников осадил северян в форте Долтон. Небольшой гарнизон федеральных войск, насчитывавшей 800 человек, капитулировал. Джонсон указывал, что никогда в жизни не видел столь жестокого обращения с людьми. Пленных, особенно негров, сразу же ограбили, с них сняли обувь и босыми погнали по избитой дороге. Один из пленных негров отказался выполнить приказ, и его сразу же пристрелили. Пятерых других, которые не могли двигаться, тоже прикончили. Всех пленных негров вернули в рабство их хозяевам [140].

Негры очень редко сдавались в плен, предпочитая смерть на поле боя. Дезертирство из негритянских полков было редким явлением.

Мятежники беспощадно расправлялись не только с пленными черными солдатами, но и с их белыми офицерами. В феврале 1864 г. в штате Миссисипи южане захватили в плен негров-солдат федеральной армии и их белых офицеров. Большинство пленных были убиты. Двух офицеров заставили снять одежду и зверски убили. Тяжелораненых южане бросили на поле боя, чтобы продлить их мучения.

20 сентября 1864 г. из форта Гибсон (штат Северная Каролина) сообщалось, что ворвавшиеся в лагерь северян мятежники взяли в плен белых военнослужащих, оставшихся в лагере, и прикончили всех негров [141].

Негритянские полки сыграли большую роль в завершающих сражениях гражданской войны, в которых мятежные рабовладельцы сражались с яростью обреченных. Негры-солдаты, в частности, отличились в битвах

---

[138] *DuBois W.* Black Reconstruction. N. Y., 1937, p. 108.
[139] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 360.
[140] NAMP, Microcopy N T-823, rol. 3, vol. 4, p. 3384—3389.
[141] Ibid., p. 3306.

под Питерсбергом и Ричмондом [142]. Командование федеральной армии высоко оценивало помощь негров вооруженным силам Севера в качестве разведчиков и проводников. Генерал Секстон, военный губернатор Департамента Юга, заявлял, что негры — «прекрасные разведчики, которых можно посылать куда угодно». Секстон считал их заслуживающими «полного доверия» [143]. Негры принимали самое активное участие в партизанском движении и в действиях диверсионных отрядов, засылавшихся с Севера в тыл мятежников.

Число афро-американцев, сражавшихся в федеральной армии, трудно определить точно, так как в военном департаменте не велось полного учета военнослужащих. По официальным данным, к концу войны в федеральной армии служили 186 тыс. негров, что составляло более 12% личного состава вооруженных сил Севера. Помимо этого, 250 тыс. негров служили в тыловых частях. В армии Севера было 166 негритянских полков, из них 145 пехотных, 7 кавалерийских, 12 полков тяжелой артиллерии, один полк легкой артиллерии и один инженерный.

Негры участвовали в 450 сражениях. На фронтах гражданской войны погибли 39 200 негров — солдат и офицеров, включая 3200 моряков [144]. Невозможно подсчитать, сколько афро-американцев участвовали в военных действиях в тылу Конфедерации и каковы были их потери.

Негры сражались за свое освобождение от рабства, и в этом заключалась главная причина массового героизма черных солдат революции. «Немного требовалось проницательности,— заявлял Ф. Дуглас,— чтобы понять, что оружие рабов было лучшей защитой от оружия рабовладельцев» [145].

Вместе с рабочими и фермерами черные американцы составили ядро антирабовладельческой коалиции. Черные американцы внесли значительный вклад в разгром рабовладельцев, работая на фабриках, фермах Севера, боролись с агентурой рабовладельцев. Негры являлись социальной базой юнионистского движения на Юге. Они активно участвовали в вооруженной борьбе с мятежниками в тылу Конфедерации, саботировали работу на плантациях, уничтожали имущество рабовладельцев. 500 тыс. рабов, рискуя жизнью, бежали на Север, из них 130 тыс. стали солдатами федеральных вооруженных сил.

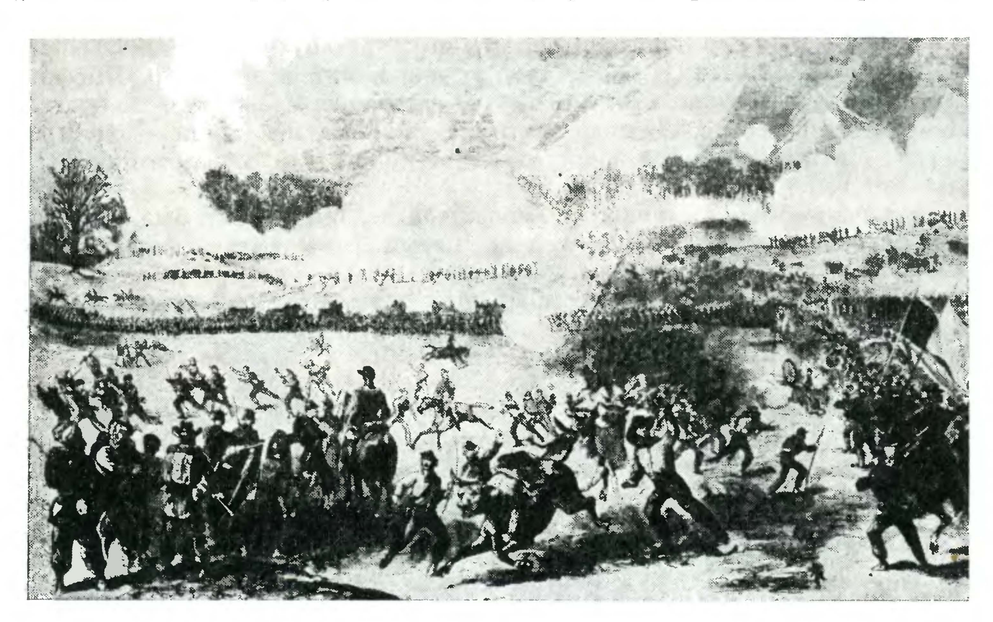
Авраам Линкольн исключительно высоко оценивал роль негров в разгроме мятежной Конфедерации. Президент заявлял: «Ни один человек не в силах подавить мятеж без помощи такого рычага, как освобождение негров» [146].

Учитывая пропорциональную численность негров в общем составе населения США, можно с полным основанием сделать вывод, что никто не внес настолько большого вклада в дело борьбы с рабовладельцами, как черные американцы. И никто не понес в этой борьбе столько потерь, как негры. «Негритянский вопрос являлся центральной политической проблемой гражданской войны, причем сам негритянский народ принимал решающее участие в завоевании победы в этой великой борьбе» [147].

---

[142] New York Daily Tribune. 1864, July 3, 6.
[143] NAMP, Microcopy N T-823, rol. 3, vol. 4, p. 2548—2549.
[144] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 359.
[145] New York Daily Tribune, 1863, Mar. 5.
[146] Collected Works, vol. 7, p. 506—507.
[147] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 355.

Второй этап гражданской войны был ознаменован большими успехами федеральных вооруженных сил. Однако этот этап войны ни в коей мере не напоминал триумфального шествия армий Севера. Более того, в апреле-мае 1863 г. на Потомакском фронте мятежники под командованием генерала Ли провели успешные наступательные операции против численно превосходивших их федеральных войск. В сражении у Чанселорвилла южане форсировали Потомак, прошли через штат Мэриленд и

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЧАНСЕЛОРВИЛЛЕ

вторглись в Пенсильванию. Деморализованная федеральная армия в беспорядке отступила на Север.

В летней кампании 1863 г. важнейшее значение имело 3-дневное сражение в июне за г. Геттисберг (штат Пенсильвания). Войска Ли в этом сражении были разгромлены и, понеся большие потери, отступили в Виргинию. Битва под Геттисбергом — знаменательное событие в истории гражданской войны. Это было последнее вторжение мятежников в штаты Севера. Для рабовладельцев начался период тяжелых оборонительных боев на территории Конфедерации.

В июле 1863 г. Север одержал еще одну важную победу — после 6-месячной осады и двух неудачных штурмов генерал Грант взял Виксберг, важнейший опорный пункт мятежников на р. Миссисипи. Самая большая водная артерия страны на всем протяжении оказалась в руках северян. Территория мятежников была расчленена на две изолированные части. Главные вооруженные силы Конфедерации оказались блокированными в восточных районах и полностью отрезанными от Запада, где находились значительные людские и материальные ресурсы мятежников. Захват Виксберга был событием стратегического значения, позволившим федеральным вооруженным силам быстро развить успех.

Победы северян под Геттисбергом и Виксбергом имели и огромное политическое значение. Это были первые реальные плоды перехода к революционным методам ведения войны. Линкольн отмечал, что эти успехи в борьбе с мятежными рабовладельцами явились в первую очередь следствием решающей поддержки, которую оказали его правительству широкие народные массы. 19 ноября 1863 г. в знаменитой речи в Геттисберге президент подчеркнул: «...правительство народа, из народа и для народа никогда не исчезнет с лица земли» [148].

В конце 1864 г. в 3-дневном сражении у Чаттануги северяне одержали еще одну убедительную победу над мятежниками в долине р. Миссисипи. Конфедераты продолжали прочно удерживать позиции только на Центральном фронте. Лучшие части мятежников под командованием генерала Ли прикрыли все подступы к Ричмонду и отражали атаки федеральных войск.

В начале 1864 г. приказом Линкольна генерал Грант был назначен командующим всеми вооруженными силами Союза, что в немалой степени способствовало их успешным операциям. Грант разработал генеральный план наступательных операций, суть которого сводилась к нанесению главного удара по жизненному центру Конфедерации — Джорджии. Это был план, который Маркс и Энгельс предлагали еще в начале войны [149].

6 мая 1864 г. генерал У. Шерман начал «марш к морю». Стотысячная армия Шермана двигалась через территорию Джорджии, уничтожая все на своем пути. Оправдалось предвидение Маркса: негры поднимали восстания в тылу мятежников и оказывали всемерную помощь федералистам. Армия Шермана понесла очень большие потери, но разрушила экономическую базу Конфедерации. Пройдя через всю Джорджию, она вышла к морю и в конце 1864 г. заняла г. Саванну. После небольшого отдыха генерал Шерман двинулся на соединение с войсками генерала Гранта, которые в ожесточенных боях перемалывали на Центральном фронте главные силы мятежников.

4 мая 1864 г. одновременно с «маршем к морю» началось наступление генерала Гранта на Центральном фронте. Форсировав р. Рапидан, 120-тысячная армия Союза, вдвое превышавшая по численности войска мятежников, атаковала армию генерала Ли. Потери армии генерала Гранта были огромны: за 10 дней боев 26 815 человек были убиты и ранены, 4183 — пропали без вести. 3 июня войска генерала Гранта предприняли отчаянный штурм Коулд-Харбора, находившегося на ближних подступах к Ричмонду. За несколько часов федеральные войска потеряли 7 тыс. человек, потери мятежников составили около 1500. Кровопролитные сражения происходили и на других участках Центрального фронта. Например, в 4-дневном сражении у Питсберга, на подступах к Ричмонду, армия Гранта потеряла 10 тыс. человек, конфедераты — 5 тыс.

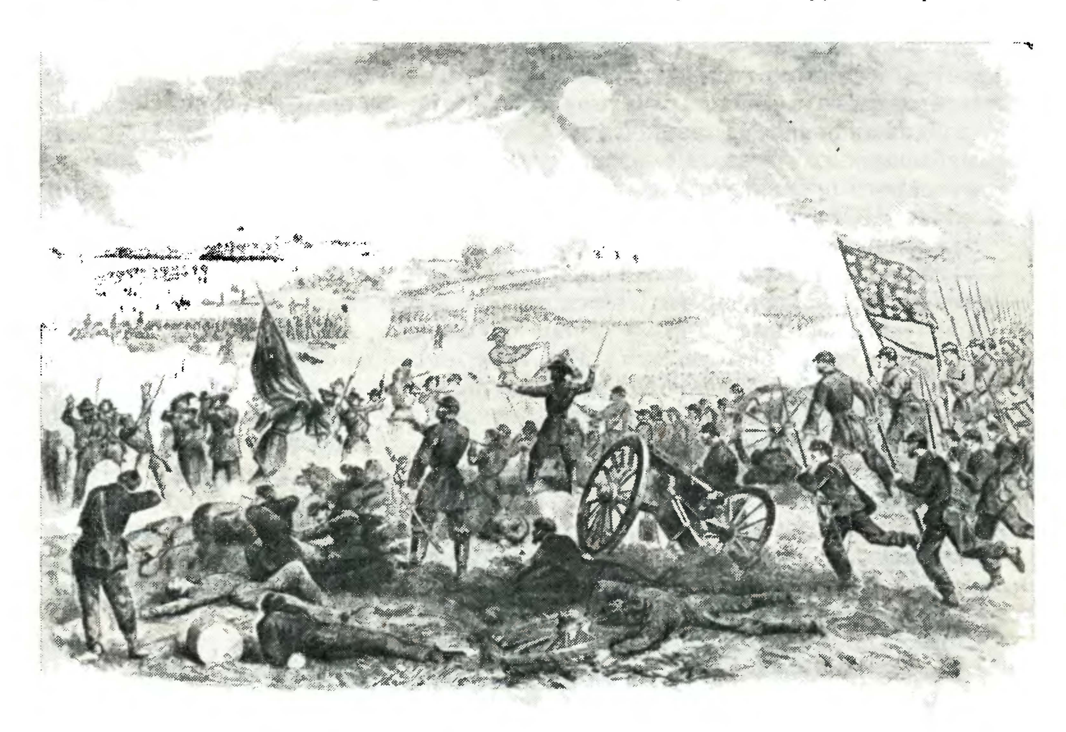
В ходе полуторамесячного наступления на Центральном фронте северяне понесли огромные потери, но достигнутые результаты имели исключительно важное значение. Впервые за всю войну Потомакская армия вела длительное наступление, а отборные части противника вынуждены были беспрерывно отступать. Генерал Грант обескровил армию генерала

---

[148] Collected Works, vol. 7, p. 19.
[149] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 506.

ли и заложил фундамент побед, завершившихся военным разгромом рабовладельческой Конфедерации.

Успехи федеральных вооруженных сил имели и большое морально-политическое значение. Они подняли боевой дух армии и народа, укрепили позиции федерального правительства. Контрреволюционные силы использовали трудности военного времени для антиправительственных выступлений. Мятежи происходили в Нью-Йорке и в других городах.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕТТИСБЕРГЕ

Сторонники контрреволюции пытались сыграть на усталости народных масс. На Севере организовывались многочисленные митинги, на которых выдвигались требования прекратить военные действия.

Переход к революционным методам ведения войны вызвал поворот в настроении общественности северных штатов, сплотил все антирабовладельческие силы. Провозглашение уничтожения рабства целью войны активизировало выступления широких народных масс в поддержку федерального правительства. Военные успехи северян уже в начале второго этапа войны открыли перспективу окончания тяжелой и длительной гражданской войны. Это также стимулировало политическую активность народных масс Севера.

Важное место в политической жизни Севера имели промежуточные выборы в конгресс, происходившие в ноябре 1863 г., особенно выборы в

Огайо, Пенсильвании, Нью-Йорке, Индиане и Иллинойсе, так как в 1862 г. здесь победили «мирные» демократы, выступавшие за мир с мятежниками.

Федеральное правительство взяло реванш на выборах 1863 г. Сторонники Линкольна победили во всех штатах, кроме Нью-Джерси. Это был триумф политики федерального правительства, свидетельство того, что революционные методы ведения войны привели к глубокой перегруппировке классовых, политических сил на Севере, укрепили позиции антирабовладельческой коалиции.

Изменение соотношения сил в северных штатах в пользу сторонников федерального правительства имело особенно большое значение в связи с приближавшейся кампанией 1864 г. по выборам президента. Переход к революционным методам ведения войны расширил социальную базу федерального правительства, значительно увеличил число сторонников Линкольна. Контрреволюционные круги Севера понимали, что избирательная кампания 1864 г. дает им последний шанс в политической борьбе с федеральным правительством. «Мирные» демократы сплотили свои ряды и, спекулируя на трудностях, вызванных войной, на ошибках федерального правительства, выступили единым фронтом против баллотировавшегося на второй срок президента.

В отличие от демократов республиканцы были ослаблены внутренними распрями, причиной которых являлся не только различный подход к коренным проблемам войны, но и откровенная борьба за власть.

Избирательная кампания началась для Линкольна неудачно. На Севере резко активизировались силы, выступавшие за перемирие с мятежниками. Показательно, что этим курсом следовали не только «мирные» демократы, но и некоторые противники рабовладения. В кабинете Линкольна также имелись сторонники компромиссного решения этой проблемы.

На Линкольна велась ожесточенная атака с требованием заключить мир с Конфедерацией. В этих условиях 18 июля 1864 г. президент выступил с заявлением: «Любое предложение о заключении мира на условиях восстановления Союза и запрещения рабства будет принято и изучено правительством США» [150]. Этим решением президент четко сформулировал свою позицию: мир возможен только при условии признания Союза и уничтожения рабства. Это заявление во многом способствовало сплочению вокруг Линкольна всех сторонников военного разгрома мятежников и полного уничтожения рабства.

В центре избирательной борьбы стояла проблема рабства. Радикалы решительно требовали в конгрессе принятия XIII поправки к конституции, которая придала бы запрещению рабства силу закона. В сенате 8 апреля это предложение получило поддержку 38 сенаторов, только 6 проголосовали против. В палате представителей поправка была принята в январе 1865 г. По конституции поправка получает силу закона после того, как ее ратифицируют не менее $^3/_4$ штатов. Это важное событие произошло уже после окончания войны, в декабре 1865 г.

Особенно опасным для Линкольна было то, что в условиях политической консолидации демократов произошел фактически раскол республиканской партии, когда 31 мая 1864 г. в Кливленде (штат Огайо) был соз-

---

[150] Collected Works, vol. 7, p. 451.

ван съезд радикальных республиканцев. По существу раскололась антирабовладельческая коалиция, так как в работе съезда в Кливленде приняла участие и часть «военных» демократов, вследствие чего новой партии, созданной на съезде, было присвоено наименование «радикальной демократии». Кандидатом в президенты съезд выдвинул генерала Фримонта.

7 июня 1864 г. съезд республиканской партии выдвинул кандидатом в президенты Линкольна, в вице-президенты — «военного» демократа Эндрю Джонсона. Президента поддержали рабочие, ремесленники, фермеры, бизнесмены и большая часть интеллигенции страны. Линкольна активно поддерживали юнионистские лиги, которые называли штурмовыми центрами революции.

В программе, принятой на съезде республиканцев, говорилось, что партия выступает за сохранение Союза и конституции, за доведение войны до полного военного разгрома мятежников, за принятие XIII поправки. Утвержденная программа свидетельствовала, что от провозглашенной в 1860 г. политики ограничения рабства территорией, которую оно занимало, партия пришла к аболиционистской программе полной ликвидации рабства.

Становилось все более очевидным, что широкие народные массы поддерживают переизбрание президента. Руководитель делегации юнионистских лиг всех штатов заявил президенту, что на выборах лиги окажут ему поддержку, будут голосовать за него как за освободителя 4 млн. рабов.

Линкольн сказал в ответ, что он не самый лучший кандидат в президенты, но свое выдвижение он рассматривает как наиболее целесообразное в данных условиях, так как «нет необходимости перепрягать лошадей, переправляясь через поток» [151].

29 августа в Чикаго начал работу съезд демократов, выдвинувший кандидатом в президенты Макклеллана. Программа демократов предоставляла штатам, вернувшимся в Союз, право организовывать внутреннее устройство по собственному усмотрению. Это было слегка завуалированное признание за рабовладельцами права восстановить рабство.

Главную ставку демократы делали на тайную заговорщическую деятельность. Они составили глубоко законспирированный план восстания «медянок», поддержанных освобожденными из лагерей военнопленными Конфедерации. Однако федеральные власти раскрыли заговор, арестовали лидеров и предотвратили восстание.

Исключительно важное значение для укрепления позиций Линкольна в ходе избирательной кампании имели долгожданные победы федерального оружия, которые внесли серьезные коррективы в расстановку политических сил. 22 сентября 1864 г. по согласованию с руководством радикалов Фримонт заявил, что в интересах единства партии снимает свою кандидатуру и призывает всех республиканцев голосовать за Линкольна.

8 ноября 1864 г. состоялись выборы президента. Линкольн получил 2,2 млн. голосов (55,09% участвовавших в голосовании) и 213 голосов выборщиков, Макклеллан соответственно — 1,7 млн. (44,9%) и 21. Кандидат республиканцев одержал победу во всех штатах, за исключением Кентукки, Делавэра и Нью-Джерси.

---

[151] Ibid., p. 383—384.

Победа республиканцев на выборах имела огромное значение для дальнейшего хода гражданской войны. В приветствии Международного Товарищества Рабочих Линкольну, написанном Марксом, говорилось: «Мы шлем поздравления американскому народу в связи с Вашим переизбранием огромным большинством.

Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление могуществу рабовладельцев, то победный боевой клич Вашего вторичного избрания гласит: смерть рабству» [152].

Своеобразие избирательной кампании 1864 г. заключалось в том, что она проходила в условиях ожесточенной гражданской войны, которая велась не только на фронте, но и в тылу. Вооруженные заговоры реакции на Севере, использование федеральных вооруженных сил для их подавления, выступления юнионистских сил против реакции, нередко с оружием в руках, вооруженные выступления против рабовладельцев в тылу Конфедерации — все это свидетельствовало о резком обострении классовой борьбы в масштабах всей страны.

В ходе этой борьбы наметился четкий поворот влево, укрепились позиции антирабовладельческой коалиции. Это заложило необходимые политические предпосылки для нанесения последних, завершающих ударов по мятежным рабовладельцам.

Победа Линкольна на выборах 1864 г. прозвучала похоронным звоном для Конфедерации. Агентура рабовладельцев на Севере потеряла теперь все шансы в борьбе за власть. В тылу Конфедерации активизировалось антирабовладельческое движение, социальная база которого значительно расширилась за счет белых южан, которые поняли, что война фактически проиграна для рабовладельцев. После выборов 1864 г. резко увеличилось число дезертиров из армии конфедератов. Причем многие из них вступали в партизанские отряды. Массовое дезертирство на Юге было свидетельством политического кризиса рабовладельческой Конфедерации, приближавшегося банкротства мятежных рабовладельцев.

Переизбрание Линкольна резко ухудшило международные позиции Конфедерации. Стало очевидным, что дело мятежных рабовладельцев совершенно бесперспективно. Помимо этого, успехи федеральных вооруженных сил привели к оккупации важнейших портов Конфедерации, стиснули железное кольцо блокады вокруг мятежников, которым становилось все труднее получать скрытую военную помощь от своих сторонников из Европы.

6. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

С самого начала гражданской войны внешнеполитическая обстановка для федерального правительства складывалась неблагоприятно. С момента возникновения военных действий стало очевидным, что Англия и Франция выступают в поддержку мятежных рабовладельцев, так как эти державы были заинтересованы в ослаблении своего заокеанского конкурента. Посол США в Лондоне Адамс писал, что среди английских аристократов очень сильно желание «видеть США, расколовшимися на куски» [153]. Определенную роль играло и то обстоятельство, что в рабовладельческих шта-

---

[152] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 17.
[153] Цит. по: *Randall J.* Op. cit., vol. 2, p. 32.

тах находилась сырьевая база текстильной промышленности Англии и Франции. Объявленная Линкольном по совету государственного секретаря Сьюарда блокада морского побережья Конфедерации вызвала резко негативную реакцию со стороны правящих кругов Англии.

Англия и Франция определили свое отношение к событиям в США уже в ходе сецессии. 2(14) апреля 1861 г. российский посланник сообщал из Вашингтона: «Англия воспользуется первым же предлогом, чтобы признать отделившиеся штаты, а Франция последует за ней»[154]. Это был правильный прогноз развития событий.

С самого начала конфликта лидеры мятежников сделали ставку на интервенцию Англии и Франции. В послании конгрессу от 4 июля 1861 г. Линкольн подчеркивал, что Конфедерация «взывает о признании, помощи и интервенции со стороны иностранных держав»[155]. Действительно, уже конгресс в Монтгомери принял решение послать в европейские державы дипломатическую миссию, добиться признания Конфедерации этими державами и получить от них всестороннюю поддержку. В инструкциях дипломатам мятежных рабовладельцев говорилось о необходимости заключить соответствующее соглашение, в первую очередь с Англией.

13 мая 1861 г. в Англии была опубликована «Королевская прокламация о нейтралитете» — один из самых циничных и лицемерных документов в истории мировой дипломатии. Провозглашая нейтралитет, Англия одновременно признавала Юг воюющей стороной. Это был первый шаг на пути к полному признанию Конфедерации.

Весной 1861 г., подстрекаемая Англией, Испания оккупировала негритянскую республику Сан-Доминго. Эта акция имела характер откровенной демонстрации, направленной против США. 31 октября 1861 г. в Лондоне было подписано соглашение о совместной интервенции Англии, Франции и Испании в Мексике. В декабре в Мексике высадились испанские войска. В январе 1862 г. к ним присоединились английские и французские.

Комментируя внешнеполитический раздел послания президента конгрессу от 4 июля 1861 г., Стекль писал: «Позиция Англии становится все более враждебной, Франция, кажется, действует сообща со своей старой союзницей, наконец, присоединение Сан-Доминго (оккупация иностранными войсками.— *Авт.*)... не улучшило отношения, всегда малодружественные, между Испанией и Соединенными Штатами. Президент счел своим долгом обойти молчанием эти факты, очевидно, чтобы не дать публике новый повод для беспокойства»[156].

Провокационный по отношению к США характер антимексиканской акции трех держав был очевиден. Мятежники приветствовали оккупацию Мексики и сразу же вступили в контакт с интервентами.

Единственной великой державой, которая с самого начала заняла доброжелательную позицию по отношению к федеральному правительству, была Россия. Позиция правительства России определялась заинтересованностью в сохранении единых и сильных Соединенных Штатов в качестве противовеса Англии и Франции, с которыми у России были острые экономические и политические противоречия. Следует также учитывать, что недавно закончившаяся Крымская война привела к резкому ухудшению

---

[154] АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 123а.
[155] Collected Works, vol. 4, p. 423.
[156] АВПР, ф. Канцелярия, 1861 г., д. 162, л. 223.

отношений между Россией и ее англо-французскими противниками. На позицию России большое воздействие оказывал и тот факт, что на протяжении всей истории США между Россией и заокеанской республикой существовали хорошие, можно даже сказать, дружественные отношения.

Важнейшим дипломатическим актом, определявшим отношение России к гражданской войне в США, была депеша Горчакова, направленная Стеклю в июне 1861 г.[157] «Американский Союз,— отмечалось в депеше,— в наших глазах является не только существенным элементом мирового политического равновесия, кроме этого, он образует нацию, к которой наш государь и вся Россия питают самые дружественные чувства, потому что обе страны, расположенные в противоположных частях мира и находящиеся в возрастающем периоде своего развития, призваны, очевидно, к естественной солидарности интересов и симпатий, взаимные доказательства которых они уже представили друг другу... Американский Союз может рассчитывать на самое искреннее сочувствие со стороны нашего государя во время тяжелого кризиса, переживаемого в настоящее время».

В депеше подчеркивалось, что Россия выступает против иностранного вмешательства во внутренние дела США. Горчаков рекомендовал Стеклю всемерно использовать свое влияние в попытках примирить враждующие стороны.

Содержание депеши было доведено до сведения Линкольна и государственного секретаря Сьюарда. 28 августа (9 сентября) 1861 г. Стекль сообщал Горчакову, что реакция Вашингтона на этот документ была исключительно доброжелательной. Президент заявил российскому посланнику: «Будьте добры передать императору нашу глубокую признательность и заверить его величество, что вся нация оценит этот новый знак дружбы»[158]. Американская пресса, отражая настроения общественности, поддерживавшей правительство Линкольна, высоко оценивала депешу Горчакова и дружественную позицию России по отношению к США.

Ряд высказываний американских газет был перепечатан в русских газетах. В одном из них говорилось: «Между обеими нациями много лет уже существуют самые радушные отношения. Действительно, положение, занимаемое в отношении к нам Россией, может быть названо более дружественным, чем положение какой бы то ни было европейской державы... На будущее время дружба между Россией и Америкой скрепится еще более, и оба народа от души пожмут друг другу руки через Тихий океан»[159].

Дружественное отношение России к федеральному правительству приобрело особенно важное значение в условиях резкого обострения отношений между США и Англией в связи с делом о пароходе «Трент». В ноябре 1861 г. два дипломата Конфедерации, Слайделл и Мезон, направились в Англию и во Францию, чтобы добиться согласия этих стран на прямое военное вмешательство в гражданскую войну в США на стороне Конфедерации. Английский почтовый пароход «Трент», на котором находились дипломаты мятежников, был обстрелян и остановлен федеральным военным кораблем. Дипломатов арестовали и доставили в Бостон.

---

[157] Там же, л. 395—399.
[158] Там же, л. 223.
[159] С.-Петербургские ведомости, 1861, 19 сент.

В Англии поднялась кампания против действий федерального правительства. Реакционная пресса требовала объявить США войну. Правительство Пальмерстона заявило Линкольну протест и направило в Канаду флот и 10 тыс. солдат. Возникла реальная угроза войны. Положение осложнялось тем, что консервативно настроенный государственный секретарь Сьюард высказался за объявление войны Англии. Он считал, что перед угрозой внешнего врага Север и Юг должны объединить свои силы против Англии и прекратить гражданскую войну. Линкольн подверг резкой критике этот авантюристический проект.

Президент США проявил большое дипломатическое искусство, выдержку и терпение и сумел разрядить напряженность, угрожавшую перерасти в войну. Слайделл и Мезон были освобождены, а инцидент с «Трентом» исчерпан. Правительство Англии лишилось предлога для начала интервенции в США.

Большую помощь в мирном разрешении конфликта оказали Северу английские рабочие, которые провели многочисленные митинги в поддержку правительства Линкольна. Участники одного из митингов заявили: «Война с Америкой ничем не может быть оправдана—наоборот, она вызвала бы лишь осуждение со стороны всего английского народа». Английские рабочие призывали в случае необходимости «поднять руку для предотвращения этого величайшего преступления...» [160].

Россия также приветствовала позицию правительства Линкольна в деле «Трента». 8 января 1862 г. в депеше Стеклю Горчаков писал, что мирное урегулирование конфликта было воспринято правительством России как «свидетельство умеренности и справедливости» правительства Линкольна [161].

Революционный характер гражданской войны наложил отпечаток и на дипломатическую практику федерального правительства, широко использовавшего неофициальную дипломатию. Ни при одном президенте за границу не выезжало столько лиц, сколько при Линкольне. Они не были профессиональными дипломатами, но выполняли задания, имевшие исключительно важное значение. Главная задача таких поездок, оплачиваемых часто за счет государства, заключалась в том, чтобы объяснить мировой общественности цели Севера в гражданской войне.

Эта деятельность имела особенно большой эффект, когда в нее включались лица, хорошо известные за рубежом. К их числу, в частности, относилась автор «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу. Ее выступления в английской прессе воздействовали на настроения общественности страны. В статье, опубликованной в ирландской газете, Бичер-Стоу призывала народ Ирландии и Англии решительно выступить в поддержку Севера. В письме Бичер-Стоу, опубликованном в английской газете «Морнинг пост», давалась аболиционистская трактовка характера гражданской войны: «Мы считаем эту войну войной против невольничества не по форме только, но и по самой сущности, не на словах, но и по глубокому убеждению» [162].

Благожелательная позиция, которую занимала Россия по отношению к Северу во время гражданской войны, была оценена Линкольном. 7 сентября 1861 г. Сьюард просил Стекля сообщить в Петербург, что прези-

[160] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 447, 448.
[161] АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 500—502.
[162] Цит. по: С.-Петербургские ведомости, 1861, 19 сент.

дент рассматривает политику России как «новую гарантию дружбы между... государствами, берущей начало с первых дней существования США»[163]. Линкольн считал, что сотрудничество с Россией «не только возможно, но и крайне необходимо для благосостояния» Соединенных Штатов[164].

Русско-американское сотрудничество во многом способствовало успешному решению проблем, которые ставила гражданская война перед федеральным правительством. Позиция России, в частности, содействовала срыву англо-французских планов вооруженного вмешательства в гражданскую войну в США.

Решающую роль в осуществлении интервенционистской политики европейских держав играла Англия. Правительство Пальмерстона оказывало активную военную помощь мятежникам. Только летом 1862 г. в Англии по заказу Конфедерации были построены 290 военных кораблей, участвовавших в каперских операциях против флота северян. Среди этих судов была и знаменитая «Алабама», нанесшая колоссальный ущерб федеральному флоту.

Важное место в прорабовладельческом курсе Англии и Франции отводилось планам так называемого посредничества, суть которого сводилась к заключению мира между Севером и Югом на условиях, приемлемых для рабовладельцев, а также Англии и Франции. Стекль информировал Петербург о том, что попытки такого посредничества вызывали на Севере повсеместные протесты. 8(20) мая 1862 г. он сообщал о вмешательстве Англии и Франции в американский кризис. «Я убежден,— писал Стекль,— что... если вмешательство будет мирным, они (северяне.— *Авт.*) отклонят его. В случае, если оно будет решительным и сопровождено угрозами признания южной Конфедерации, последствием будет война. В данном случае я выражаю не только свое мнение, но и мнение послов Англии и Франции»[165].

Выступления рабочих Англии в поддержку Севера особенно усилились после опубликования 22 сентября 1862 г. предварительной Прокламации об освобождении рабов. На 6-тысячном митинге рабочих в Манчестере в конце 1862 г. было принято обращение к Линкольну, в котором говорилось: «Мы уверены, что Вы не остановитесь на полпути в борьбе за полное искоренение рабства»[166].

Выступления английских рабочих явились мощным сдерживающим фактором, помешавшим правящим кругам Англии реализовать свои интервенционистские планы в США.

Генсовет Интернационала, придавая большое значение революционной борьбе, развернувшейся в США, принимал активное участие в организации выступлений английских рабочих против интервенционистской политики правительства Пальмерстона. В составленном Марксом обращении Интернационала к Линкольну подчеркивалось: «С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что судьбы их класса связаны со звездным флагом»[167].

---

[163] United States Senate Documents, 1861—1862, vol. 1, p. 309.
[164] *Woldman A.* Lincoln and the Russians. Cleveland; New York, 1952, p. VII—VIII.
[165] АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 219—220.
[166] *Schlüter H.* Lincoln, Labor and Slavery. N. Y., 1913, p. 162.
[167] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 17.

Дипломатическая поддержка России способствовала успешному решению внешнеполитических проблем, порожденных гражданской войной. «Нью-Йорк дейли трибюн» 7 августа 1862 г. опубликовала статью под названием «Наш настоящий великий союзник». В статье говорилось: «Никто не забыл приветствия, которое послала нам Россия, когда началась война, и с тех пор Россия ни словами, ни делами не сделала ничего, что изменило бы ее позицию, занятую в начале войны». Газета подчеркивала необходимость укрепления прочной и взаимной дружбы с Россией. «Трудно переоценить важность дружеских отношений с этой великой и растущей державой»,— отмечала газета, и американцев не должен смущать тот факт, что «Россия является абсолютной монархией... имеются все причины верить в то, что империя в конце концов станет великой республикой или конфедерацией республик».

В федеральных войсках наряду с другими иностранцами сражались и русские. 12(24) февраля 1862 г. Стекль сообщал, что в армии Союза сражался «русский офицер, некий Турчанинов». Стекль выражал откровенное неодобрение того, что русский офицер служил в армии, «весь командный состав которой, не исключая окружения главнокомандующего, состоит из революционеров и авантюристов, которым здесь, кажется, назначено свидание со всех уголков земли» [168].

Стекль писал об артиллерийском офицере, полковнике Генерального штаба Иване Васильевиче Турчанинове. Это был человек демократических взглядов, эмигрировавший из России и сражавшийся в США за освобождение рабов. Турчанинов предоставлял убежище беглым рабам в расположении своего полка, выступал за призыв негров в федеральную армию. Эти действия восстановили против Турчанинова реакционные силы, которые добились того, что русский офицер был отдан под военный суд, вынесший решение уволить его из армии. Линкольн отменил приговор и присвоил Турчанинову звание бригадного генерала: позднее тот командовал бригадой и отличился во многих сражениях.

Свидетельством развития дружественных связей между двумя странами являлась информация из России нового посланника США в Петербурге Камерона. Он сообщал, что Александр II заявил ему, что «всегда питал сердечные симпатии к Северу и стремится, чтобы силе и влиянию США не был нанесен ущерб» [169]. Камерон от имени правительства США отвечал: «Миру и материальному благополучию народов наилучшим образом будут содействовать сохранение сильной и процветающей России в Старом Свете и сохранение системы, созданной в США, в Новом Свете» [170].

Американская пресса сообщала об особом внимании, которое было уделено новому американскому посланнику при императорском дворе. Опубликовав эту информацию, нью-йоркская «Трибюн» 29 ноября 1862 г. писала: «Нет причин, препятствующих тому, чтобы Россия и Соединенные Штаты объединились в искреннем и прочном союзе и оказывали непреодолимое влияние на судьбы мира».

31 октября 1862 г. Наполеон III предложил Англии и России потребовать от воюющих сторон заключить шестимесячное перемирие и снять

---

[168] АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 96.
[169] House Executive Documents (Diplomatic Correspondence), 1862—1867. Washington, 1863—1868. N 2, pt 1, p. 447.
[170] Ibid., p. 448.

блокаду Конфедерации. Горчаков ответил, что это было бы не посредничество, а враждебная акция по отношению к федеральному правительству, с которым Россия поддерживает дружественные отношения. Вмешательство в гражданскую войну было сорвано благодаря твердой позиции России.

В Америке с удовлетворением комментировали эту новую дружественную акцию со стороны России. Та же газета отмечала: «Ответ... на предложение Наполеона о посредничестве расценивается здесь как новое доказательство дружеских чувств России по отношению к нашей стране».

Позиция России, отвергавшей все попытки посредничества западноевропейских держав в интересах мятежников, имела тем большее значение для федерального правительства, что эти дипломатические акции европейских держав активно поддерживались прорабовладельческими кругами Севера. 25 ноября (7 декабря) 1862 г. Стекль сообщал из Вашингтона: «Консерваторы не отказались от иностранного вмешательства в дружественной форме. Они даже рассматривают его как средство для той или для другой партии приступить к переговорам, когда наступит для этого время... Франция и Англия внимательно следят за ходом событий. Возможно, что та или иная держава предпримет новые демарши перед императорским двором, когда сочтет момент благоприятным для переговоров» [171].

Отмена рабства и переход к революционным методам ведения войны определяющим образом повлияли не только на внутренние, но и на внешнеполитические факторы, оказывавшие важное воздействие на развитие Американской революции. Уничтожение рабства усилило симпатии прогрессивных европейских кругов к Северу, что осложнило проведение интервенционистского курса европейских держав, направленного против федерального правительства.

Провалу этих планов во многом способствовала дружественная позиция России по отношению к США. В 1863 г. произошло важное событие во внешнеполитической истории гражданской войны — визит двух российских эскадр в США. Этот визит был вызван резким обострением противоречий между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. В апреле 1863 г. Франция, Англия и Австрия направили протест правительству России в связи с польским восстанием 1863 г. Протест был поддержан Швецией, Италией и Испанией. Судьба польских повстанцев ни в коей мере не беспокоила правительства европейских держав. Их демарш был вызван стремлением использовать восстание в Польше для ослабления позиций России.

Россия ответила на ноту европейских держав переводом армии на военное положение. В июне 1863 г. европейские державы направили новый протест России и потребовали созыва конгресса европейских держав для разрешения польской проблемы. Это был серьезный тревожный сигнал: против России складывалась мощная коалиция европейских держав. «Старая крымская коалиция в июне—июле подошла вплотную к новой войне с Россией...» [172]

В этой сложной обстановке федеральное правительство оказало действенную помощь России, отказавшись присоединиться к демаршу европей-

---

[171] АВПР, ф. Канцелярия, 1862 г., д. 152, л. 448.
[172] *Crook D. P.* Op. cit., p. 316.

ских держав. Несмотря на благожелательную позицию правительства США, Россия оказалась в очень затруднительном положении. В июле 1863 г. в Петербурге было принято решение о посылке двух российских военных эскадр в США. Одна эскадра под командованием контр-адмирала С. С. Лесовского вышла из Кронштадта и взяла курс через Атлантический океан к берегам США. Другая эскадра, которой командовал контр-адмирал А. А. Попов, направлялась через Тихий океан в Сан-Франциско.

Прибытие российских боевых кораблей в США оказалось весьма своевременным, ибо федеральное правительство опасалось вмешательства Англии и Франции в гражданскую войну.

Секретные инструкции командующим эскадрами гласили, что в случае войны России с Англией и Францией их корабли должны перерезать морские коммуникации этих держав и начать каперские операции против их флота. Командование российских эскадр считало возможность военных действий с европейскими державами вполне реальной. Попов писал командиру корвета «Рында», входившего в его эскадру: «Вы должны иметь в виду главную цель вашего здесь назначения, т. е. войну с европейскими морскими державами» [173]. Этими установками и руководствовались командующие эскадрами. «Эскадра Лесовского снялась с якоря в Кронштадте при таинственной обстановке и внезапно, неожиданно для Европы и Америки, появилась в Нью-Йорке» [174]. Благополучно прибыла в Сан-Франциско и эскадра под командованием Попова.

Русских моряков встретили в США исключительно тепло и восторженно. Лесовский сообщал из Нью-Йорка: «Я уже имел честь доложить о нескончаемых приемах и предложениях, от которых я не считаю себя вправе уклоняться... Завтра дается нам бал, а затем я с некоторыми судами эскадры отправляюсь в Вашингтон для отдачи почестей президенту...» [175]

Российский посланник сообщал в Петербург не только о радушии, с которым принимали в США русских моряков, но и большом впечатлении, которое произвела на англичан и французов эта демонстрация русско-американской дружбы. 6(18) октября 1863 г. Стекль писал Горчакову: «Наши морские офицеры продолжают быть предметом всеобщего внимания» [176].

Исключительно тепло принимали русских моряков и в Сан-Франциско. 11 ноября 1863 г. командующий эскадрой Попов сообщал: «5-го числа город Сан-Франциско дал бал в знак общего расположения к... России. Бал этот стоил более 15 тыс. долларов, и в летописях С.-Франциско, конечно, останется памятным надолго. ...Чрезвычайная предупредительность со стороны местного морского начальства обещает скорое окончание всех наших исправлений» [177] (речь шла о ремонте судов.— *Авт.*).

Русские эскадры не участвовали в военных действиях против мятежников, но командование этих эскадр выразило готовность оказать всю возможную помощь в защите побережья северных штатов от возможных рейдов военных кораблей Конфедерации. Контр-адмирал Попов в секрет-

---

[173] Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ), ф. 410, оп. 5, д. 13, л. 8.

[174] *Малкин М. М.* Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л., 1939, с. 265.

[175] ЦГАВМФ СССР, ф. 410, оп. 5, д. 13, л. 1.

[176] АВПР, ф. Канцелярия, 1863 г., д. 160, л. 58—61.

[177] ЦГАВМФ СССР, ф. 207, оп. 1, д. 16, л. 39.

ном приказе командирам кораблей эскадры давал подробный инструктаж, какие должны быть приняты меры в случае нападения кораблей мятежников на порты, в которых находились российские корабли [178].

По просьбе Линкольна суда посетили Вашингтон. Мелководье на р. Потомак вынудило корабли бросить якорь в г. Александрия. Болезнь помешала президенту нанести визит русским морякам. На борт флагмана фрегата «Александр Невский» прибыла жена президента и государственный секретарь Сьюард, которым был оказан теплый дружественный прием.

Линкольн придавал важное значение развитию связей с Россией. Во время визита российских эскадр в США значительно возрос интерес американской общественности к России, и в декабре 1863 г. президент направил письмо Б. Тейлору, писателю и журналисту, работавшему секретарем американской дипломатической миссии в России. Линкольн полагал, что «одна-две лекции на тему „Крепостные, крепостничество и освобождение рабов в России“ были бы интересны и полезны. Не могли бы Вы это организовать?». Тейлор выполнил просьбу президента. Его лекции вызвали большой интерес у американских слушателей [179].

Российские эскадры пробыли в США около девяти месяцев. За это время произошел коренной перелом в ходе войны, укрепились позиции федерального правительства, улучшилось внешнеполитическое положение Союза, чему в значительной степени способствовало пребывание в США российских военных эскадр [180].

На Североамериканском континенте и в европейских столицах упорно распространялись слухи, что между Россией и США заключен тайный военный союз, действие которого начнется в случае войны России с Англией и Францией [181].

Однако несомненным было одно: визит российских эскадр способствовал разрешению трудностей, возникших во взаимоотношениях России с западными державами. Выведя свои корабли к уязвимым путям европейских морских держав, Россия получила важное дополнительное средство давления на Англию и Францию. Это давало тем больший дипломатический эффект, что обе российские эскадры базировались в дружественной державе.

Посылка боевых кораблей в США дала России возможность отвергнуть шантаж европейских держав. Стекль писал 6(18) октября 1863 г. Горчакову: «Газеты... сообщают о последнем ответе в. пр-ва трем державам. Президент и государственный секретарь поздравили меня с энергичной и полной достоинства позицией, занятой правительством» [182].

Визит эскадр превратился в убедительную демонстрацию русско-американской дружбы. «Нью-Йорк дейли трибюн», отмечая это, писала 20 октября 1863 г.: «...на протяжении всего периода нашего существования как нации мы не имели серьезных и сложных противоречий с этой державой. Более того, между Соединенными Штатами и Россией всегда

---

[178] Там же, ф. 410, оп. 5, д. 13, л. 95.

[179] Цит. по: New York Daily Tribune, 1863, Dec. 19.

[180] О внешнеполитических вопросах, связанных с визитом российских эскадр в США, см.: *Малкин М. М.* Гражданская война в США..., с. 282—305; *Он же.* Русско-американские отношения в период гражданской войны.— В кн.: К столетию гражданской войны в США, с. 417—451.

[181] *Crook D. P.* Op. cit., p. 317.

[182] АВПР, ф. Канцелярия, 1863 г., д. 160б, л. 58.

были сердечные отношения». Газета заявляла, что дружественное отношение России к США в самый тяжелый период ее истории «никогда не будет забыто».

Представители американской общественности подчеркивали непреходящий характер дружественных отношений между двумя державами. Спикер палаты представителей конгресса Колфакс, выступая на борту «Александра Невского» в Александрии, сказал: «С начала великой борьбы, в которой эта страна обеспечила свое существование, сердце каждого американца было согрето теми, кто посылал приветственные слова дружбы и симпатии республике, основанной Вашингтоном... На берегу Тихого океана наша великая нация так близка к вам, что мы почти можем представить себе взаимное рукопожатие... Россия и США могут находиться в дружественных отношениях вечно, так же как вечно существуют звезды»[183].

После возвращения на родину русские моряки были приняты в дипломатической миссии США в Петербурге. На этой встрече секретарь американской миссии Г. Берг заявил: «Между нами существует дружба, не омраченная никакими дурными воспоминаниями. Она будет продолжаться при соблюдении твердого правила не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Нетрудно представить себе громадные преимущества, которые может дать такая политика всем правительствам земного шара, если они будут тщательно ее придерживаться в международных отношениях»[184].

Визит российских военных эскадр в США превратился в «убедительное свидетельство дружественного отношения России к Союзу в период кризиса, который он переживал»[185]. Визит эскадр способствовал укреплению международных позиций федерального правительства, что создало дополнительные препятствия на пути реализации интервенционистских планов Англии и Франции.

8 декабря 1863 г. в послании конгрессу Линкольн сделал вывод: «В международных отношениях, как показывает позиция Британии и отношение Европы в целом к вопросу о вмешательстве (в гражданскую войну в США.— *Авт.*), положение резко улучшилось». Президент подчеркивал: «Усилия нелояльных граждан США вовлечь нас в войну с иностранными державами, чтобы оказать помощь мятежу, не увенчались успехом»[186].

7. РАЗГРОМ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ

4 марта 1865 г. Линкольн приступил к исполнению обязанностей президента на второй срок. Во вступительной речи он заявил: «Война должна продолжаться до тех пор, пока не будет истощено все богатство, накопленное на протяжении 250-летнего каторжного труда рабов, пока каждая капля крови, выжатая кнутом, не будет уравновешена кровью, пролитой мечом»[187].

---

183 New York Daily Tribune, 1863, Dec. 19.
184 Цит. по: *Crook D. P.* Op. cit., p. 317.
185 Последствия недавнего визита русского флота в США под командой контр-адмирала Лесовского. СПб., 1864.
186 Collected Works, vol. 7, p. 36.
187 Ibid., vol. 8, p. 33.

Президент призывал американский народ жить в мире и дружбе со всеми народами. Линкольн говорил о необходимости «сделать все для того, чтобы добиться и поддерживать длительный и справедливый мир в США и со всеми народами мира» [188].

Действительно, настало время ставить вопрос о послевоенных проблемах: Конфедерация доживала последние дни. После захвата Атланты армия Шермана, преодолевая ожесточенное сопротивление мятежников, успешно продолжала наступление. 21 декабря 1864 г. Шерман занял важный стратегический пункт — г. Саванна. Остатки армии мятежников отступили к Чарлстону.

Перегруппировав свои поредевшие войска и дав им небольшой отдых, Шерман двинулся на соединение с главными силами федеральной армии, занявшей исходные позиции для штурма Ричмонда. 1 февраля 1865 г. он вышел из Саванны, и уже 17 февраля его войска взяли штурмом Колумбию, столицу Южной Каролины. 18 февраля Шерман овладел Чарлстоном, а в конце марта соединился в Северной Каролине с федеральными войсками, готовившимися к штурму столицы Конфедерации.

Штурм Ричмонда был одним из самых тяжелых сражений гражданской войны. Эта агония Конфедерации сопровождалась бессмысленным кровопролитием. 3 апреля передовые отряды федеральной армии ворвались в разрушенный и горящий Ричмонд. Генерал Ли с боями отходил на Запад. И только когда стала очевидной полная бесперспективность сопротивления, 28-тысячная армия мятежников 9 апреля сдалась Гранту в г. Аппоматтокс. Это послужило сигналом к капитуляции последних вооруженных сил мятежников. Общая численность капитулировавших к 8 мая 1865 г. солдат и офицеров Конфедерации составила 175 тыс. человек.

К этому времени уже не было в живых того, кто привел прогрессивные силы страны к победе над мятежными рабовладельцами. 14 апреля 1865 г. в театре «Форд» в Вашингтоне был смертельно ранен президент Линкольн. Не приходя в сознание, он скончался на следующее утро.

Убийца президента актер Бутс был фанатичным сторонником рабовладения. Многое было и осталось загадочным в этом убийстве: преступная халатность охраны президента, тот факт, что после убийства были перекрыты все дороги, ведущие из столицы, за исключением одной, по которой и ушел убийца, и то, что вопреки прямому приказу взять Бутса живым он был убит во время перестрелки. Все это доказывает, что в убийстве президента были заинтересованы не только мятежные рабовладельцы, но и влиятельные политические силы Севера.

Смерть Линкольна показала, сколь велика была любовь и симпатии широких трудящихся масс страны к этому великому гражданину Америки. На много дней вся страна погрузилась в траур, сотни тысяч американцев встречали и провожали траурный поезд, который вез тело президента из Вашингтона на Запад.

На большое прогрессивное значение деятельности Линкольна указывало Международное Товарищество Рабочих. В документе, составленном Марксом, говорилось: «...это был человек, которого не могли сломить невзгоды и опьянить успехи, который непреклонно стремился к своей великой цели, никогда не компрометировал ее слепой поспешностью, спокойно соразмерял свои поступки, никогда не возвращался вспять,

---

[188] Ibid.

не увлекался волной народного сочувствия, не падал духом при замедлении народного пульса, смягчал суровость действий теплотой доброго сердца, освещал улыбкой юмора омраченные страстью события... Словом, он был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия, сохраняют свои положительные качества. И скромность этого недюжинного и хорошего человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником» [189].

Русская пресса исключительно высоко оценивала заслуги Линкольна в борьбе с мятежными рабовладельцами. «Если бы на его месте в эти истекшие четыре года,— писали 14 апреля 1865 г. «С.-Петербургские ведомости»,— стоял какой-нибудь дерзкий честолюбец, может быть, и демократическая Америка не избегла бы общей судьбы, может быть, и она имела бы своего Наполеона со всеми последствиями, к которым ведет появление Цезарей в свободной стране. Соблюдение покойным президентом Линкольном самой строгой законности в эпоху трудной и страстной борьбы останется лучшей памятью его имени, величайшим правом его на историческую знаменитость, на благодарную память потомства».

Гражданская война 1861—1865 гг.— убедительное свидетельство того, что нельзя путем компромисса эффективно решать коренные проблемы, связанные с борьбой за власть между классами, а также с борьбой классов за свое освобождение. Эта война явилась закономерным результатом обострения противоречий между капиталистической и рабовладельческой системами хозяйства, которые переросли в вооруженную борьбу за экономическое и политическое господство в масштабах всего Союза.

Победа республиканцев на выборах 1860 г. означала приход буржуазии к власти конституционным путем, без революции и вооруженной борьбы, без глубоких социальных потрясений. Ответом рабовладельцев на приход буржуазии к руководству федеральными органами власти был вооруженный мятеж. Рабовладельцы доказали справедливость известного закона истории: господствующие классы не сдают без боя своих позиций. Гражданская война со всей убедительностью подтвердила и другую известную истину: буржуазия, даже на ранней стадии развития, когда она имеет значительные революционные потенции, не может проводить последовательную политику в интересах широких трудящихся масс.

Страх буржуазии перед необходимостью вовлечения народных масс в разрешение «семейной ссоры» с рабовладельцами, надежды на возможность компромиссного решения конфликта — таковы были причины так называемого периода конституционного ведения войны в 1861—1862 гг. Буржуазия полностью капитулировала перед священным для нее принципом частной собственности, не рискнув нанести удар по самому уязвимому месту Конфедерации — рабовладению.

Давление народных масс и угроза потерять власть, которую она получила в ходе избирательной кампании 1860 г., вынудили буржуазию постепенно перейти к революционным методам ведения войны. На протяжении 1862 г. была проведена серия мер, обеспечивших переход к войне по-революционному. Среди этих мероприятий важнейшее значение имели закон о гомстедах и Прокламация Линкольна об освобождении рабов в мятежных рабовладельческих штатах.

---

[189] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 98—99.

«...Ведение войны по-революционному»[190] отразилось не только на стратегии и тактике федеральной армии, перешедшей в решительное наступление, но и на всей политической жизни страны. На Севере возросла политическая активность масс, были нанесены решительные удары по прорабовладельческим элементам в тылу и в армии. Федеральные вооруженные силы пополнились негритянскими и новыми рабочими полками. Окрепли политические позиции радикальных республиканцев, которые фактически установили свою диктатуру в законодательных и исполнительных органах власти.

Гегемоном революции, ее руководящей силой выступали революционные круги буржуазии, в первую очередь радикальные республиканцы. Буржуазия как класс представляла собой сложный конгломерат политических и экономических группировок, придерживавшихся самой различной ориентации. Крайне правый фланг занимали консерваторы, зачастую открыто симпатизировавшие мятежным рабовладельцам. На левом находились радикальные республиканцы.

Радикальные республиканцы, в среде которых также были различные политические течения, раньше других представителей буржуазных кругов поняли, что в борьбе за разгром мятежников и завоевание власти буржуазия может рассчитывать на победу только при активной поддержке широких народных масс, в том числе негров.

Радикалам, этим якобинцам Американской революции, как их называли современники, была присуща не только революционность, но и вся ограниченность, характерная для буржуазных революционеров. Это нашло проявление в их позиции в вопросах об освобождении негров-рабов, экономическом и политическом обеспечении их свободы, в отношении к жизненным потребностям рабочих, фермеров, к переизбранию Линкольна. У буржуазии хватало революционного потенциала, чтобы возглавить народные массы в борьбе с рабовладельцами, но она была уже слишком консервативна, чтобы довести эту борьбу до победного конца с учетом интересов широких трудящихся масс.

Движущей силой революции, самыми последовательными борцами против рабства были трудящиеся массы — рабочие, фермеры, ремесленники, черные американцы. Они сражались на фронтах, работали в тылу, боролись с контрреволюцией, сыграли решающую роль в избирательных кампаниях 1860 и 1864 гг.

Гражданская война была самой кровопролитной и дорогостоящей войной в истории страны. Север потерял убитыми и умершими от ран и болезней 360 тыс. человек, потери Юга составили не менее 250 тыс. человек, миллион солдат и офицеров Севера и Юга были искалечены. Прямые военные расходы федерального правительства достигли 3 млрд. долл., не считая расходов отдельных штатов и учреждений, выплат пенсий ветеранам войны и семьям погибших солдат и офицеров. Неподсчитанными остались убытки, связанные с уничтожением в ходе войны материальных ценностей. Национальный долг за годы войны вырос до огромной суммы — 3,5 млрд. долл.

Но эти жертвы были не напрасны. Разгром мятежных рабовладельцев, уничтожение рабства создали условия для исключительно быстрого экономического и политического развития страны. Сбылось предвидение

---

[190] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 542.

Энгельса, который писал в 1864 г.: «Как только будет взорвано рабство — эти величайшие цепи, сковывающие политическое и социальное развитие Соединенных Штатов,— в стране наступит такой подъем, который в кратчайший срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории...» [191]

Уничтожение рабства, свержение власти рабовладельцев были совершены революционным путем. Гражданская война пробудила к политической активности, привела в движение широкие массы белых и черных трудящихся. Война была своеобразной формой буржуазно-демократической революции. «Эта революция была буржуазно-демократической революцией, потому что основной удар был направлен на уничтожение рабства, а также потому, что негритянский народ, мелкие фермеры и рабочий класс сыграли решающую роль в обеспечении победы в гражданской войне» [192].

Основной вопрос всякой революции — вопрос о власти. В итоге революции вся государственная, экономическая и политическая власть в стране безраздельно перешла в руки буржуазии. Эта власть была завоевана насильственным, революционным путем.

Восстановление единства страны, уничтожение рабства, принятие закона о гомстедах — все это привело к созданию единого емкого национального рынка, важнейшей предпосылки быстрого экономического развития США.

Исключительно велико было международное значение гражданской войны. Ликвидация рабства в США, резкое возрастание в ходе этой борьбы политической активности широких трудящихся масс — все это оказало глубокое воздействие на развитие революционного движения не только в Америке, но и в Европе. В. И. Ленин подчеркивал «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке» [193].

Революция для буржуазии США завершилась капитуляцией мятежных рабовладельцев на поле боя. Сразу же был взят курс на восстановление «классового мира», на выработку приемлемого для буржуазии и бывших рабовладельцев «урегулирования» негритянской проблемы. Начался процесс установления на новой основе классового союза между буржуазией и плантаторами, союза, направленного против негров, рабочих, фермеров, которые справедливо считали, что революция не привела к решению важных для них экономических проблем, к демократизации политической и общественной жизни страны.

В ходе гражданской войны буржуазно-демократические преобразования не были доведены до конца. Негры и белые бедняки Юга не получили земли. Черные американцы на Юге не получили экономических, гражданских и политических прав. На Юге не были полностью ликвидированы латифундии. Эти не решенные гражданской войной проблемы и были поставлены в повестку дня нового этапа революции, Реконструкции Юга, начавшейся в 1865 г. и продолжавшейся до 1877 г.

---

[191] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 359.
[192] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки, с. 388—389.
[193] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 58.

Глава двенадцатая

РЕКОНСТРУКЦИЯ (1865—1877)

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ. РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Масштабы военных действий в период гражданской войны требовали огромного количества военной техники и всего, что было необходимо для ведения этой войны. Используя выгодную конъюнктуру, спекулянты-финансисты наживали солидные состояния. Создавались крупнейшие американские финансовые империи Моргана, Вандербилта, Гулда, Филда, Рокфеллера и др.

За годы войны таможенные пошлины на ввозимые в США товары увеличились с 19 до 47% их стоимости, что способствовало росту американской промышленности. Недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве Севера, вызванный призывом в армию, был компенсирован широким использованием сельскохозяйственных машин: в 1865 г. в стране насчитывалось 250 тыс. жатвенных машин.

Растущий спрос на сельскохозяйственные машины стимулировал развитие машиностроительной промышленности и других отраслей промышленного производства. К концу гражданской войны по объему промышленной продукции США входили в число ведущих держав. Осуществлялось гигантское железнодорожное строительство. Железнодорожным и горнозаводским компаниям были переданы огромные земельные наделы.

Сконцентрировав в своих руках всю полноту государственной власти, буржуазия использовала ее для наступления на жизненный уровень трудящихся. В годы войны трудящиеся платили кровью за победу над плантаторами, а после войны буржуазия начала широкое наступление на их социально-экономические права. Перевод экономики на мирные рельсы породил массовую безработицу. К ноябрю 1865 г. из вооруженных сил Союза было демобилизовано около 1 млн., из них большинство пополнили армию безработных.

В тяжелом положении находились южные штаты, где велись основные военные действия. Многие штаты были полностью опустошены. Плантационное хозяйство — основа экономики Юга — переживало состояние глубочайшего кризиса: нарушены севообороты, почва истощена, урожаи резко сократились. Сбор хлопка уменьшился с 5740 тыс. кип в 1861 г. до 1900 тыс. в 1866 г.[1] Обрабатываемая площадь сократилась на 50%.

Тяжелый удар по плантационному хозяйству Юга нанесло свобождение рабов, лишившее плантации рабочих рук. После окончания войны бывшие рабовладельцы вынуждены были решать проблему обеспечения

---

[1] *DuBois W.* Black Reconstruction. N. Y., 1937, p. 293.

плантаций рабочей силой путем найма, что оказалось сложнейшей проблемой. Негры очень неохотно шли на заключение контрактов с плантаторами, не доверяя своим бывшим хозяевам.

Военный разгром плантаторов-рабовладельцев и освобождение рабов означали окончание только первой фазы революции. После гражданской войны встали новые революционные задачи: конфискация земель плантаторов и распределение их среди негров и безземельного белого населения; предоставление освобожденным рабам равных с белыми экономических, политических и гражданских прав; лишение контрреволюционных плантаторов политической власти на Юге.

Борьба за осуществление этих мероприятий продолжалась с 1865 по 1877 г. В американской исторической литературе этот период получил название Реконструкции Юга. «Ни один период американской истории не подвергался столь радикальному пересмотру в работах историков, как Реконструкция» [2]. В этот период ход развития революции на Юге поставил перед буржуазией задачу «стать во главе трудного дела политического переустройства и социального возрождения» [3].

Провести подобное переустройство Юга можно было, лишь опираясь на широкие круги населения, заинтересованного в этом. Специфика социальной структуры Юга свидетельствовала о том, что переустройство социальной и политической жизни южных штатов во многом зависело от мелких белых фермеров и арендаторов. Однако эти слои были отравлены ядом расизма. «Их ахиллесовой пятой как политической силы был белый шовинизм» [4].

Наиболее последовательными борцами против плантаторов являлись негры. В ходе гражданской войны негритянский народ добился уничтожения рабства. Это было завоевание огромного прогрессивного значения. Но, освободившись от рабства, негры не получили ни земли, ни права голоса, ни экономических, политических и гражданских прав. Равные с белыми права негры могли вырвать только в борьбе с плантаторами, и им предстояло сыграть важнейшую роль на втором этапе революции.

Негритянский народ на Юге не был единым по социальному составу. Еще до гражданской войны среди негров началась классовая дифференциация. По переписи 1860 г., в 11 штатах Юга, принявших участие в мятеже, насчитывались 3 521 110 рабов и 132 760 свободных негров. Среди свободных негров были богатые и образованные люди, особенно в Луизиане и в округе Колумбия. Из их среды в годы Реконструкции вышли многие видные руководители негритянского народа.

Подавляющее большинство негров работали на плантациях. Именно эти афро-американцы, на труде которых основывалось все благополучие плантаторов, были лишены самых элементарных прав и материальных благ. Негритянское население районов хлопковых плантаций и явилось основной движущей силой в революционных событиях периода Реконструкции. Негры относились к той части широких народных масс, которые по экономическим и политическим причинам были заинтересованы в продолжении революции. «Употребляя слово: „народ“,— писал Ленин,—

[2] *Foner E.* Politics and Ideology in the Age of the Civil War. N. Y., 1980, p. 97. Исторические проблемы Реконструкции рассмотрены в работах: American History. Retrospect and Prospect / Ed. by G. Billias, G. Grob. N. Y., 1971, p. 191—231.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 99.

[4] *Foster W.* The Negro People in American History. N. Y., 1954, p. 288.

Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию»[5].

Основными политическими партиями в годы Реконструкции, как и во время войны, являлись республиканская и демократическая. В годы войны республиканская партия возглавляла коалицию, сражавшуюся против мятежных рабовладельцев. Однако после выполнения этой задачи в партии, разношерстной по своему классовому составу, неизбежно должны были произойти серьезные изменения.

Среди черного населения, которое надеялось на помощь в борьбе с плантаторами, республиканская партия продолжала пользоваться влиянием. Но в рабочей среде начался массовый отход от республиканцев. Они покидали партию потому, что после войны буржуазия перешла в наступление на их жизненный уровень. Среди рабочих усилилось движение за независимые политические действия, тогда же стали создаваться тред-юнионы, развернулось мощное движение за 8-часовой рабочий день. Влияние республиканцев на фермеров в послевоенные годы также ослабло, ибо фермерство было недовольно финансовой политикой республиканцев и передачей самых лучших земель железнодорожным и горнорудным компаниям. Но значительная часть фермеров, получившая землю из рук буржуазии, продолжала поддерживать республиканцев.

Партию ослабляли внутренние разногласия. Еще в годы войны наметились, а в послевоенные годы с особой силой обозначились два крыла в партии. Левые, или, как их называли, радикальные республиканцы, представлявшие интересы революционной части буржуазии, требовали проведения на Юге буржуазно-демократических преобразований, предоставления негритянскому народу основных прав и передачи республиканцам власти на Юге. Наиболее видными представителями этого крыла были Тадеуш Стивенс, Фредерик Дуглас, Чарлз Самнер, генерал Бенджамин Батлер, Захария Чендлер, Бенджамин Уэйл, Эдвин Стэнтон и др.

Правое крыло считало, что военная капитуляция Юга означает прекращение борьбы. Оно было против репрессий по отношению к плантаторам и считало, что неграм надо дать лишь минимум прав. Это был курс на восстановление власти плантаторов на Юге и на ликвидацию революционных завоеваний негритянского народа. Известными представителями правых республиканцев были Фессенден, Шерман, Трамбал, Сьюард, Блейн и др.

Дебаты в конгрессе показывают, что позиция республиканцев при голосовании по важнейшим актам Реконструкции определялась в значительной мере тем, способствовало ли голосование за тот или иной законопроект переизбранию на следующий срок данного конгрессмена. Это свидетельствовало о том, что «особых идеологических расхождений между радикалами и умеренными республиканцами не было»[6].

В сложном положении к концу войны оказалась демократическая партия. На Юге это была партия, потерпевшая сокрушительное поражение в гражданской войне. В годы Реконструкции основная задача партии заключалась в том, чтобы оградить плантаторов от репрессий со стороны победившей буржуазии, обеспечить их политическую власть на Юге и если не восстановить рабство, то поставить негров в условия, мало чем

---

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 124.
[6] *Donald D.* The Politics of Reconstruction, 1863—1867. Nashville (Tenn.). 1965, p. 50.

отличавшиеся от рабства. Социальной опорой демократов были плантаторы, сохранившие значительные экономические и политические позиции. После войны укрепились связи между северными и южными демократами, что привело к усилению позиций партии в национальном масштабе.

Окончание войны не означало прекращения борьбы между плантаторами и буржуазией: эта борьба приняла лишь иные формы. Она велась уже в первые месяцы после окончания войны и нашла отражение в работе 39-го конгресса. Ценнейшим документом для изучения событий того периода являются протоколы дебатов в конгрессе. «Тот, кто не читал страницу за страницей Протоколы конгресса,— писал Дюбуа,—... тот не в состоянии получить ни малейшего представления о проблемах Реконструкции, которые стояли перед Соединенными Штатами в 1865—1866 г.» [7].

Первая сессия 39-го конгресса начала работу 4 декабря 1865 г. В центре внимания оказались проблемы Реконструкции Юга и положение освобожденных рабов. Основной вопрос, по которому раскололся конгресс, сводился к следующему: на каких условиях восстановить права мятежных штатов и допустить их в Союз. Левые республиканцы в качестве предварительного условия требовали осуществления буржуазно-демократических преобразований на Юге. Реакционные круги конгресса считали, что можно восстановить власть плантаторов на Юге, взяв с них формальное обещание признать уничтожение рабства, после чего допустить представителей южных штатов в конгресс.

Не дожидаясь решения этого вопроса, южные штаты прислали в конгресс своих представителей. Это был вызов, который разбитая, но не сломленная контрреволюция бросила революционным силам страны. Группу депутатов возглавлял бывший вице-президент Конфедерации Александр Стефенс, в числе депутатов были четыре генерала Конфедерации, пять полковников, шесть чиновников правительства Конфедерации и 58 бывших членов конгресса Конфедерации. Реакционные круги конгресса получили полную поддержку президента Джонсона [8].

В годы войны Джонсон активно выступал против мятежников, рассматривая мятеж как прямую угрозу существованию Союза, требовал раздела земель плантаторов. В 1864 г. его избрали вице-президентом Соединенных Штатов от республиканской партии, хотя он являлся военным демократом и был «фанатичным защитником рабства перед и даже во время гражданской войны» [9].

Одним из первых актов нового президента было провозглашение 29 мая 1865 г. амнистии участникам мятежа. Джонсон назначил временными губернаторами южных штатов бывших мятежников, которые провели фактически поголовную амнистию участников мятежа. Он сделал все для того, чтобы уберечь от возмездия президента мятежной Конфедерации Дж. Дэвиса, ответственного за преднамеренное убийство 50 тыс. солдат и офицеров федеральной армии, находившихся в плену у мятежников.

---

[7] *DuBois W.* Op. cit., p. 723.

[8] Джонсон происходил из семьи белых бедняков Юга, однако позднее стал рабовладельцем, имея восемь рабов. Он резко враждебно относился к неграм, но ненавидел и чванливых плантаторов-аристократов. Джонсон рано начал политическую деятельность и провел почти 20 лет в конгрессе, выступая как сторонник акта о гомстедах.

[9] *Nash H.* Andrew Johnson: Congress and Reconstruction. Rutherford etc., 1972, p. 54.

Джонсон считал, что для Реконструкции южных штатов необходимо провести следующие мероприятия: южные штаты должны признать отмену рабства; военные долги бывших мятежных штатов ликвидируются; в осуществлении Реконструкции могут участвовать все белые[10], которые принесут присягу лояльности; осуществлением Реконструкции руководит не конгресс, а президент Соединенных Штатов.

Политика Джонсона в вопросах Реконструкции Юга отражала интересы плантаторов и реакционных кругов буржуазии, которые опасались, что осуществление буржуазно-демократических преобразований на Юге приведет к углублению революции, к усилению движения широких народных масс. Участник гражданской войны генерал К. Шурц подчеркивал, что политика президента Джонсона стимулировала активность контрреволюционных сил на Юге.

Программа Джонсона вызвала оппозицию со стороны рабочих и фермеров Севера, которые четыре года сражались против плантаторов и не желали допускать восстановления их власти на Юге.

Не поддержало этот план и большинство буржуазии Севера, ибо опасалось, что, восстановив свои позиции в федеральном конгрессе, плантаторы попытаются ревизовать итоги гражданской войны. Самыми активными противниками программы Джонсона были негры, так как восстановление власти плантаторов противоречило их классовым интересам.

Согласно плану Джонсона к концу 1865 г. все штаты, правда с оговорками, приняли XIII поправку к конституции США. Силы реакции считали, что на этом Реконструкция закончена и бывшие мятежные штаты возвращаются в Союз, а их представители допускаются в конгресс.

Маркс с тревогой следил за событиями в Соединенных Штатах. 24 июня 1865 г. он писал Энгельсу: «Политика Джонсона не нравится мне. Смехотворна его напускная строгость по отношению к отдельным лицам; но до сих пор он крайне неустойчив и слаб на деле. Реакция в Америке уже началась и скоро очень усилится, если до сих пор царившей расхлябанности немедленно не будет положен конец»[11]. Предвидение Маркса оправдалось. Контрреволюционной политике Джонсона не было оказано должного отпора, и в южных штатах вскоре действительно чрезвычайно усилился террор. Реакционные силы активизировали свою деятельность и на Севере, стремясь «поставить на место» широкие трудящиеся массы, настаивавшие на удовлетворении своих экономических требований и демократизации общественно-политической жизни.

Отвечая 15 июля 1865 г. Марксу, Энгельс писал: «Политика г-на Джонсона мне тоже все меньше нравится. Все резче выступает ненависть к неграм, а в отношении старых лордов Юга он проявляет полное бессилие. Если дело пойдет так дальше, то через шесть месяцев в вашингтонском конгрессе будут заседать все прежние мошенники-сецессионисты»[12].

Именно этого и опасалась буржуазия Севера, которая считала, что укрепившись на Юге, плантаторы оказались бы в состоянии вести борьбу за власть. Буржуазия Севера активизировала сопротивление реакци-

---

[10] По плану Джонсона негры не получали ни политических, ни экономических прав и не могли участвовать в Реконструкции.

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 106.

[12] Там же. с. 108.

онной политике Джонсона. Стивенс выступил с планом радикальных республиканцев по Реконструкции Юга: проведение Реконструкции является исключительно делом конгресса; меры, предпринятые президентом по Реконструкции Юга, рассматривать только как временные; палата и сенат откладывают рассмотрение вопроса о допуске представителей Юга в конгресс; конгресс создает «Комиссию 15-ти» для расследования положения в бывших мятежных штатах.

«Комиссия 15-ти», или, как ее называют, Объединенная комиссия конгресса по Реконструкции, была создана 26 декабря 1865 г. Принятие резолюции, запрещавшей допуск в конгресс представителей южных штатов, означало, что Реконструкция Юга становится функцией конгресса. В декабре 1865 г. на открытии конгресса республиканцы официально санкционировали освобождение рабов и XIII поправку к конституции США, которая давала силу закона Прокламации об освобождении рабов. XIII поправка стала крупнейшим демократическим завоеванием американского народа.

Наиболее ценный материал для изучения обстановки на Юге представляет доклад К. Щурца [13]. Касаясь разгула террора на Юге, Щурц отмечал: «Плантаторы удерживают своих бывших рабов на плантациях с помощью грубой силы... Волна террора захлестнула многие районы Юга».

Плантаторы стремились с помощью репрессий удержать негров на плантациях и заставить их работать в условиях принудительного труда. Неуплата неграм за проделанную работу была обычным явлением. Так, в Йорктауне (штат Виргиния) негры работали весь год, а 1 января, когда подошел срок рассчитываться, их выгнали с плантации и заявили, что они могут отправляться к янки. Генерал В. Стронг, работник Бюро освобожденных [14], сообщал 1 января 1866 г., что $^2/_3$ негров в той части штата Техаса, которую он посетил, не получили ни цента, с тех пор как были освобождены. Аналогичное положение было и в остальных южных штатах. После сбора урожая плантаторы отказывались оплачивать труд негров и силой изгоняли их с плантаций, если негры возвращались, им грозила смерть.

Чтобы заставить негров работать, плантаторы прибегали к самым изощренным мерам насилия. Их не только истязали, но и продавали в рабство.

Одной из форм замаскированного рабства негров была система ученичества, касавшаяся как черных, так и белых детей. Если белый ребенок по решению суда попадал в ученики (в основном это касалось детей-сирот), то хозяин обязан был обучать его чтению, письму, арифметике и какой-нибудь специальности. Подобные условия не распространялись на учеников-негров. Более того, если негр-ученик убегал, он мог быть продан в пределах штата любому лицу [15].

Массовый террор, осуществлявшийся плантаторами, был направлен на то, чтобы изменить на Юге соотношение политических, классовых сил, создать благоприятные условия для нового закабаления негров. Созданная плантаторами на Юге система террора имела высокую степень ор-

---

[13] Senate Miscellaneous Documents, N 2, Report of Carl Schurz, 39th Congress, 1st Session.

[14] Было создано при военном департаменте и ведало всеми вопросами, касавшимися положения освобожденных рабов.

[15] Journal of Negro History, vol. 37, N 3, p. 221—248.

ганизованности. В 1865 г. на Юге возникли бесчисленные «Огненные кресты», «Белые лиги» и другие антинегритянские организации. В 1865 г. в Теннесси появилась террористическая организация — Ку-клукс-клан, под контролем которой вскоре оказались многие штаты Юга. В рядах Ку-клукс-клана было немало белых бедняков, отравленных ядом расизма. Клан оказался наиболее жизнеспособной террористической организацией, он сохранился до наших дней и является своеобразным «национальным институтом» США.

Ку-клукс-клан соединил в себе худшие черты средневекового варварства и современных методов организации. Террор против черного населения велся исключительно жестокими и изощренными методами. В январе 1866 г. 22 негра, заключенных в тюрьме в г. Кингстри (штат Южная Каролина), были сожжены заживо. В первую очередь бывшие рабовладельцы охотились за демобилизованными неграми, особенно если те появлялись в голубых мундирах федеральной армии.

Объектом террора являлись не только негры, но и белые республиканцы. Известно о довольно многочисленных фактах террора против белых, в частности об убийствах солдат и офицеров федеральной армии в южных штатах.

Прорабовладельческая позиция Джонсона вела к тому, что террористы оставались безнаказанными. В штате Джорджия, например, за 10 месяцев 1866 г. были убиты 150 человек, и гражданские власти ни разу не попытались призвать убийц к ответу. Генерал Орд докладывал, что за последние три-четыре месяца 1866 г. в Арканзасе зарегистрировано 52 убийства негров. И в данном случае убийцы не понесли наказания. Руководитель Ку-клукс-клана известный генерал Конфедерации Н. Форрест откровенно заявлял: «Мои намерения — убивать радикалов» [16]. Это был «кровавый террор, позоривший цивилизованную страну» [17].

Со временем организованное сопротивление негров террору усиливалось, в ряде случаев черные и белые совместно выступали против Ку-клукс-клана и других расистских организаций. В этих условиях тактика отдельных террористических актов уже не оправдывала себя и плантаторы перешли к организации крупных негритянских погромов. Так, в Мемфисе во время погрома в мае 1866 г. были убиты 46 негров и два белых республиканца. Подавляющее большинство убитых негров были ветеранами гражданской войны; 75 человек получили ранения [18].

Погром в Новом Орлеане произошел 30 июля 1866 г. Во время этого погрома около 60 негров и белых были убиты, 127 негров и 19 белых ранены. Трудно судить, сколь велики были жертвы антинегритянского террора на Юге в 1865—1866 гг. и в последующие годы Реконструкции: официальной статистики жертв этого террора не существовало, а публиковавшиеся отдельные данные были явно преуменьшены. Куклуксклановцы, чтобы обезглавить противника, в первую очередь «уничтожали лидеров — негров» [19].

---

[16] Reconstruction (1865—1877) / Ed. by R. Current. Englewood Cliffs (N. J.), 1965, p. 91.

[17] New Frontiers of the American Reconstruction / Ed. by H. Hyman. Urbana etc., 1966, p. 72.

[18] 39th Congress, 1st Session, House Reports, N 101, Memphis Riots and Massacres, p. 160, 161, 222, 223.

[19] *Trelease A.* White Terror. The Ku Klux Klan Conspiracy and Southern Reconstruction. N. Y., 1971, p. 293.

Буржуазия Севера не рискнула пойти на экспроприацию собственности побежденного врага. Более того, после окончания войны плантаторам стали возвращать земли и имущество, которые были конфискованы у них в годы войны. И уже к февралю 1867 г. им возвратили собственность, стоимость которой оценивалась в 2 млрд. долл.[20]

Плантаторы имели на Юге не только сильные экономические позиции, но и контролировали местные органы власти. Позиции плантаторов укреплялись и тем, что они сохранили после войны военные кадры. В борьбе за укрепление своей власти плантаторы использовали не только террор, но и средства идеологического воздействия — церковь, прессу.

Плантаторы стремились добиться фактического восстановления рабства путем введения так называемых «черных кодексов» — законодательных актов, всесторонне регламентировавших положение негров. Верховные суды, муниципалитеты, полицейские управления издавали многочисленные распоряжения, целью которых было ограничение прав негров и создание для них условий, ничем фактически не отличавшихся от рабства.

«Черные кодексы» вводили своеобразную систему резерваций для негров, которым запрещалось владеть землей и заниматься какой-либо коммерческой деятельностью. Им оставлялась возможность идти в услужение к белому хозяину. «Черные кодексы» запрещали неграм носить огнестрельное или какое-либо иное оружие, проводить митинги и собрания. За нарушение этих запретов к ответственности привлекались не только негры, но и белые.

Особое значение в «черных кодексах» имели законы о бродяжничестве и ученичестве. Под определение «бродяга» можно было подвести любого черного, если тот не желал работать за плату, предложенную плантатором. Эти законы означали введение для негров системы принудительного труда. Законы о бродяжничестве и ученичестве функционировали до 1868 г., когда были отменены правительствами Реконструкции.

«Черные кодексы» лишали негров права на труд, на свободу передвижения, на судебную защиту и на самозащиту; негров лишали даже права на их собственных детей. Генерал Терри, командующий вооруженными силами Союза в Виргинии, в специальном приказе в связи с принятием «черных кодексов» писал, что эти кодексы «в конечном счете поставят освобожденных в условия еще более худшего рабства, чем те, от которых они были освобождены»[21].

2. АГРАРНЫЙ ВОПРОС НА ЮГЕ И БОРЬБА С РЕАКЦИЕЙ

Основу экономики Юга составляло сельское хозяйство. Подавляющее большинство населения южных штатов были заняты в сельском хозяйстве или тесно связаны с ним, поэтому от разрешения аграрного вопроса зависел весь ход развития революции на Юге.

После окончания гражданской войны землю требовали мелкие белые фермеры и белые бедняки, многие северяне, пришедшие на Юг вместе с федеральной армией и оставшиеся там на постоянное жительство.

---

[20] Congressional Globe, 39th Congress, 2nd Session, pt 2, p. 1317.
[21] Ibid., p. 1834.

В демократическом разрешении аграрного вопроса больше всего были заинтересованы освобожденные рабы, так как в получении земельного надела они видели основное условие обеспечения своей экономической и политической независимости. Негритянские народные массы выдвинули наиболее революционную программу разрешения аграрного вопроса, требуя экспроприации земель плантаторов и бесплатного их распределения среди негров и белого населения.

Эти требования вызывали сопротивление не только плантаторов, но и правительства Соединенных Штатов, политика которого в аграрном вопросе нашла полное отражение в законе от 3 марта 1865 г. о создании Бюро освобожденных[22].

В законе говорилось, что бесплатного распределения земель среди негров не будет. Бюро предлагалось по возможности предоставить каждому освобожденному негру и лояльному белому беженцу участок в 40 акров из земель, брошенных плантаторами или конфискованных плантаций активных участников мятежа. Земля предоставлялась в аренду на 3 года с уплатой за каждый год пользования 6% ее стоимости в 1860 г., т. е. когда цена на землю была наиболее высокой.

Такое решение федерального правительства фактически лишало негров земли, так как бюро имело в своем распоряжении в 1865 г. всего около 800 тыс. акров земли, большая часть которой была передана позднее крупным спекулянтам и предпринимателям. Этот фонд был ничтожно мал для того, чтобы наделить землей 4 млн. освобожденных рабов и сотни тысяч белых бедняков.

Таким образом, еще в конце войны конгресс США высказался против революционного разрешения аграрного вопроса. Подобного курса правящие круги США последовательно придерживались на протяжении всего периода Реконструкции. Сразу же после окончания войны буржуазия взяла курс на превращение освобожденных рабов в безземельных сельскохозяйственных рабочих, с тем чтобы заставить их обрабатывать латифундии бывших рабовладельцев. Это был путь медленного развития капитализма в сельском хозяйстве Юга, мучительный для негритянских народных масс и значительной части белого населения Юга, напоминавший эволюцию прусского типа.

Только немногие радикальные республиканцы, представлявшие интересы наиболее революционных кругов буржуазии Севера, настаивали на конфискации и разделе земель плантаторов. Они считали, что предоставление земли неграм и белым беднякам, создание класса мелких землевладельцев на Юге отвечали интересам буржуазии, так как являлись наилучшей гарантией против восстановления власти плантаторов.

Лидеры радикальных республиканцев в конгрессе Стивенс и Самнер неоднократно указывали на необходимость предоставления земли афроамериканцам. Еще 22 февраля 1865 г., выступая в сенате, Самнер говорил: «Освобожденные (негры.— *Авт.*) в течение многих поколений оплодотворяли эти земли своим потом. Пришло время, когда они должны воспользоваться плодами своего труда»[23]. Стивенс и Самнер требовали

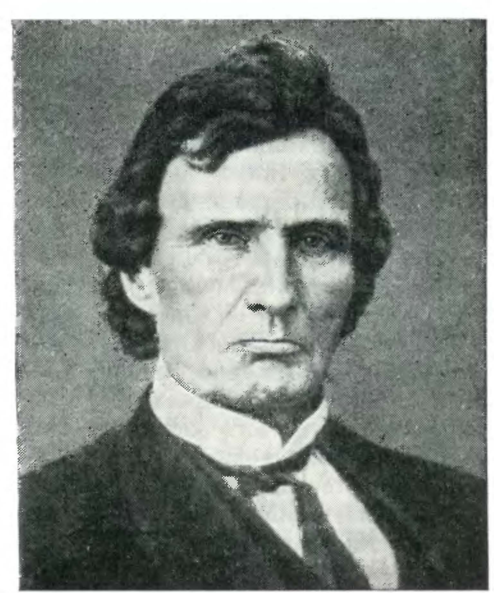
---

[22] Несмотря на умеренный характер политики руководителей бюро, его функционеры подвергались жесточайшим нападкам со стороны прорабовладельческих кругов белого населения Юга. См.: *Иванов Р. Ф.* Борьба негров за землю и свободу на Юге США (1865—1877). М., 1958, с. 95—116.

[23] Congressional Globe, 38th Congress, 2nd Session, pt 2, p. 961.

ЧАРЛЗ САМНЕР

ТАДЕУШ СТИВЕНС

конфискации земель и распределения их среди освобожденных негров и белых бедняков. «Сорок акров земли и хижина были бы более ценны для негра, чем немедленное предоставление права голоса»,— заявлял Стивенс [24].

Особый интерес негров к получению земельных наделов отмечают все исследователи Реконструкции. Известный американский историк пишет: «Первым требованием освобожденных рабов было требование земли» [25]. Борьба негров за осуществление своих требований находила отражение в работе негритянских народных конвентов и многочисленных митингов, созывавшихся на Юге. В декабре 1865 г. на негритянском митинге в Гринсборо (штат Алабама) выступавшие заявили, что если неграм не предоставят земли, то произойдет кровопролитие.

Конгресс и законодательные собрания штатов получали многочисленные петиции негров с требованиями раздела земель плантаторов. Аграрный вопрос занимал важное место в работе юнионистских лиг, которые были в годы Реконструкции основными революционными организациями негритянского народа. Негритянские юнионистские лиги выдвигали требование раздела земель и других видов собственности плантаторов между бывшими рабами.

Руководители негритянского народа, учитывая эти требования масс, выступали за наделение негров землей. «Мы никогда не будем иметь настоящей свободы, пока не уничтожим систему сельского хозяйства, существующую в южных штатах, и не предоставим каждому негру собст-

---

[24] Цит. по: *Rozwenc E., Lyons T.* Reconstruction and the Race Problem. Raytheon, 1968, p. 21.

[25] *Вудвард С.* Эмансипация и реконструкция.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 14.

венную ферму»,—говорил член конституционного конвента Южной Каролины негр Френсис Кардозо. Однако лидеры негров не поддерживали выступления негритянских народных масс, направленные на вооруженный захват земель плантаторов. Кардозо, в частности, решительно выступал против конфискации земель плантаторов [26].

Ф. Дуглас также не поддерживал идеи конфискации земель плантаторов, а ограничился выдвижением проекта создания общенациональной компании по оказанию финансовой помощи неграм в покупке земли.

Умеренной программе своих лидеров в аграрном вопросе негритянские массы противопоставили требования захвата и раздела земель плантаторов. Еще в 1863 г. вокруг г. Джэксон (штат Миссисипи) негры с помощью солдат федеральной армии поселились на землях плантаторов. Во время боев в Северной Каролине негры с риском для жизни занимали и обрабатывали землю на нейтральной полосе между войсками Севера и Юга. В юго-восточной Виргинии негры завладели плантациями, покинутыми хозяевами, и построили там хижины. Они оставались на этих землях до тех пор, пока их не выселили силой.

Захваты земель плантаторов продолжались и в годы Реконструкции. Весной 1867 г. около г. Ричмонд (штат Виргиния) 500 вооруженных негров отказались платить ренту плантатору, заявив, что земля принадлежит им. Выступление негров было подавлено вооруженными силами. В 1866 г. несколько негров было убито около Мемфиса (штат Теннесси) во время попытки захватить плантации. Захват плантаторских земель имел место и в других штатах.

Вооруженные захваты неграми земель плантаторов были далеко не повсеместным явлением. Объясняется это не только репрессивными мерами федеральных и местных властей, но и тем, что республиканская партия сеяла среди черных иллюзии относительно законодательного удовлетворения их требований в аграрном вопросе.

Яркую страницу в историю упорной борьбы за землю вписало негритянское население побережья Южной Каролины, Флориды и прилегающих морских островов. Во время «марша к морю» Шерман предоставил неграм, не имевшим никаких средств к существованию, земли в этом районе. «Монопольное и исключительное право управления» на этих территориях предоставлялось самим неграм. Каждый негр получил по приказу Шермана на время войны участок в 40 акров, причем из текста приказа можно было понять, что конгресс позднее предоставит эту землю в постоянное владение негров [27]. 40 тыс. освобожденных рабов получили земли в этом районе и с энтузиазмом приступили к ее обработке, добившись значительных хозяйственных успехов. Органы местного самоуправления негров, функционировавшие весьма успешно, имели различные отделы, ведавшие школами, церквами, строительством дорог, сбором налогов и другими областями управления [28].

---

[26] Documentary History of Reconstruction: Vol. 1, 2 / Ed. by W. Fleming. N. Y., 1950, vol. 1, p. 451.

[27] Memoirs of General William T. Sherman by himself in two volumes. N. Y., 1889, vol. 2, p. 250—252.

[28] House Reports of the Committees. Report of the Joint Committee on Reconstruction, 39th Congress, 1st Session, pt 2, p. 230; pt 3, p. 42, 112. (Далее: Report of the Joint Committee on Reconstruction); *Oubre C.* Forty Acres and a Mule. The Freedmen's Bureau and Black Land Ownership. Baton Rouge; London, 1978, p. 28, 45, 47.

Когда возвратились амнистированные президентом Джонсоном плантаторы и попытались занять свои бывшие владения, они натолкнулись на упорное вооруженное сопротивление негров. Негры на морских островах «создали нечто вроде собственного военного управления. Сформировали стражу и не разрешают ни одному белому... высадиться на остров, а иногда проявляют открытое пренебрежение по отношению к пропускам, выдаваемым командующим (федеральными войсками.— *Авт.*) этого района»[29].

16 июля 1866 г. конгресс принял билль, предусматривавший выселение негров с земель, занимаемых ими по приказу Шермана. Взамен ранее занятых участков они получали по 20 акров из правительственных земель. Земля предоставлялась им в аренду на шесть лет, по истечении которых арендатор получал право купить обрабатываемую землю по 1,5 долл. за акр[30]. Билль от 16 июля 1866 г. означал, что земля не передавалась, а продавалась неграм, что не было конфискации и распределения частной собственности плантаторов, а только продажа земель новому владельцу.

Бывшие рабы не подчинились решению конгресса, отказались переселиться с островов и упорно сопротивлялись неоднократным попыткам плантаторов согнать их силой[31].

Большую помощь черным американцам в борьбе за землю оказывали негритянские войска. В октябре 1865 г. в федеральной армии служило около 85 тыс. афро-американских солдат. Большинство негритянских полков находилось в южных штатах[32]. Эти войска не могли быть нейтральны в борьбе за землю. «Негритянские полки,— писал Фостер,— особенно настаивали на наделении освобожденных рабов землей»[33].

Негритянские войска Техаса выступили с требованием раздела земель плантаторов среди цветного населения. Командир негритянского полка в г. Джэксон (штат Миссисипи) заявил, что черные должны защищать свои права «пистолетными выстрелами и ударами штыка»[34]. Активная поддержка негритянскими войсками борьбы своего народа за экономические и политические права вызывала резкие протесты плантаторов, требовавших вывода негритянских полков из южных штатов. Имели место даже репрессивные акции по отношению к командованию негритянских войск. В Миссисипи, например, шериф одного из округов «арестовал полковника цветного пехотного отряда и был поддержан в этом президентом США»[35]. В 1866 г. Джонсон вывел с Юга ряд афро-американских полков, что серьезно ослабило позиции черных в борьбе за землю.

В годы Реконструкции освобожденные рабы создали новую, невиданную ранее на Юге форму ведения хозяйства — сельскохозяйственную кооперацию. Формы этой кооперации были довольно примитивны, она не

---

29 Congressional Globe, 39th Congress, 1st Session, pt 5, App., p. 80.
30 Ibid., p. 366, 367.
31 *Allen J.* Reconstruction. The Battle for Democracy, 1865—1876. N. Y., 1955.
32 *Блинов А. И.* Критический период истории Соединенных Штатов: Реконструкция (восстановление Союза) США после окончания гражданской войны (1865—1877). Красноярск, 1957, с. 59.
33 *Foster W.* Op. cit., p. 302.
34 Documentary History of Reconstruction, vol. 1, p. 47, 363—364.
35 *Perman M.* Reunion without Compromise. The South and Reconstruction, 1865—1868. Cambridge, 1973, p. 139.

получила широкого распространения, но сам факт создания кооперативов вскоре же после освобождения от векового рабства является бесспорным доказательством хозяйственных и организаторских способностей негритянского народа.

Некоторые хозяйства достигали довольно крупных размеров. Так, в одном негритянском кооперативе были объединены 160 человек, его члены «работали не только с энергией, но и в безупречном согласии» [36].

Создание кооперативов являлось одной из форм борьбы негров за землю, так как в условиях кооперации слабым негритянским хозяйствам легче было выдерживать конкурентную борьбу с плантаторами и преодолевать многочисленные трудности, с которыми сталкивался негр, когда ему удавалось стать собственником земельного участка. После гражданской войны среди черных усилился процесс дифференциации. Некоторые из них сумели стать довольно крупными землевладельцами.

Вскоре после окончания гражданской войны на Юге стали возникать новые негритянские поселения. Одно из них в районе Тент-Ривер (штат Северная Каролина), где проживало около 3 тыс. негров, было выделено в отдельный муниципалитет. Негры успешно вели хозяйство и на свои доходы содержали полицейского надзирателя, клерка, шесть медицинских сестер, пятнадцать ремесленников и рабочих. Были проведены значительные работы по благоустройству, в частности построили хороший продуктовый магазин. Работник Бюро освобожденных, сообщивший Объединенной комиссии конгресса по Реконструкции об этом поселении, указывал, что если бы земля, на которой расположено поселение, была продана неграм, то это, несомненно, стимулировало бы их добиваться еще больших хозяйственных успехов [37].

Афро-американцы не только успешно вели хозяйство там, где им удалось получить землю, но в ряде случаев создали систему самоуправления. В Дэвис-Бенд (бывшая плантация президента Конфедерации Дж. Дэвиса), например, весь район был разбит на пять округов, управление в которых осуществляли негры — шерифы и судьи. Система негритянского самоуправления действовала безотказно. Эти факты, писал Фостер, «явились блестящим свидетельством политических способностей народа, только что освободившегося от рабства» [38].

Начало организованной борьбы черных против наступления реакции было положено негритянскими народными конвентами. Первые конвенты были созваны в августе 1865 г. в г. Нашвилл (штат Теннесси) и в г. Александрия (штат Северная Каролина). Делегаты этих конвентов избирались от негритянского населения штатов и получали полномочия обращаться от его имени к конгрессу, президенту и другим представителям властей.

Делегаты конвента в Нашвилле отмечали, что важнейшим требованием негритянского населения штата является необходимость установления денежной платы за труд освобожденных рабов, предоставление им права на образование, признание права негров иметь семью, отмена антинегритянских дискриминационных законов. В решении конвента также указывалось на необходимость всемерно способствовать сближению черных с

---

[36] *Green L., Woodson C.* The Negro Wage Earners. N. Y., 1930, p. 29.
[37] Report of the Joint Committee on Reconstruction, pt 2, p. 190.
[38] *Foster W.* Op. cit., p. 287.

теми белыми, которые хотят поддержать требования негров и обеспечить мир и порядок в штате [39].

Негритянские народные конвенты созывались и в других южных штатах. Среди экономических требований делегатов конвента Южной Каролины важнейшее место занимал земельный вопрос. Черные требовали, чтобы правительство опубликовало справедливые и беспристрастные распоряжения по земельному вопросу. Делегаты конвента писали, что их дело касается также и миллионов угнетенных в других частях земного шара. Таким образом, видно, что вопросы, на разрешении которых настаивал негритянский народный конвент Южной Каролины, включали основные требования буржуазно-демократической революции.

Важную роль в борьбе негритянского народа за свои права сыграли юнионистские лиги, или, как их иногда называли, лиги сторонников Союза. Создание юнионистских лиг началось в годы войны на Севере. Лиги создавались и на территории Юга, занимаемой федеральными войсками. Число членов организации росло исключительно быстро. «От Мэна до Флориды и от Атлантики до Тихого океана наши организации,— говорили руководители лиг,— насчитывают миллионы членов» [40]. В Джорджии, например, лиги были созданы практически во всех округах. Негров в лигах было в 2 раза больше, чем белых. Всего на Юге в лигах насчитывалось около полумиллиона человек [41].

Из Северной Каролины сообщали: «Юнионистские лиги находились раньше и находятся сейчас почти полностью в руках цветного населения» [42]. Лиги были важнейшими политическими организациями негритянского народа в годы Реконструкции. Действуя в тесном контакте с Бюро освобожденных и местными отделениями республиканской партии, они сыграли большую роль в осуществлении Реконструкции, превратились в штурмовые центры революции. Их справедливо сравнивали с якобинскими клубами, действовавшими во время Французской революции 1789—1794 гг.

Негритянские юнионистские лиги в ряде вопросов шли дальше программных положений республиканской партии. Лиги как политические организации просуществовали около 10 лет. На Севере они стали распадаться сразу же после гражданской войны. Негритянские юнионистские лиги понесли большие потери в неравной борьбе с Ку-клукс-кланом, и после 1873—1874 гг. они, как правило, перестали играть важную политическую роль, что в свою очередь привело к усилению террора Ку-клукс-клана.

При юнионистских лигах негры создавали вооруженные боевые дружины, стрелковые клубы и отряды милиции. «В каждой роте имеется офицер. Цветные клубы проходят военную подготовку»,— сообщалось из южных штатов [43]. В отрядах негритянской милиции соблюдалась строгая

---

[39] A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974 [vol. 1], p. 540—542.

[40] Ku-Klux Conspiracy...: Vol. 1—13. Wash., 1872, South Carolina Testimony, vol. 2, p. 956.

[41] *Foster W.* Op. cit., p. 323.

[42] 42nd Congress, 1st Session, Senate Reports, N 1, p. III, 66, 69, 227, 391.

[43] 40th Congress, 3rd Session, House Executive Documents, vol. 1. Report of the Secretary of War, pt 1, p. 305.

дисциплина: «Члены лиги организованы в роты, негры обязаны подчиняться приказу под страхом смерти» [44].

В годы джонсоновской реакции, несмотря на террор Ку-клукс-клана, разоружить негров не удалось. Так, по данным комиссии по Реконструкции, многие демобилизованные негры возвратились в Алабаму и в Северную Каролину с оружием и оказывали вооруженное сопротивление плантаторам. Реакционные правительства Юга объявили негритянскую милицию вне закона, и черные вынуждены были снабжаться и вооружаться сами. Только в годы радикальной Реконструкции, когда власть в южных штатах в 1867 г. перешла к республиканцам, эта милиция стала получать помощь от правительств Реконструкции, а в ряде штатов она официально была признана милицией штатов.

В ответ на погромные рейды куклуксклановцев вооруженные отряды негров совершали нападения на дома плантаторов — членов Ку-клукс-клана, сжигали их имущество. Если плантаторы оказывали сопротивление, негры пускали в ход оружие.

Важное место в годы Реконструкции занимал вопрос о праве голоса негров. Революционные круги буржуазии прекрасно понимали: для того, чтобы сорвать попытки плантаторов реставрировать свою власть на Юге, надо было в первую очередь получить поддержку негров, предоставив им хотя бы ограниченные гражданские и политические права.

Резкое обострение классовой борьбы на Юге, усиление разногласий по вопросам Реконструкции в конгрессе, начавшийся подъем рабочего движения на Севере — все это создавало революционную ситуацию в стране. Маркс писал: «После фазы гражданской войны Соединенные Штаты только теперь вступили в революционную фазу, и европейские мудрецы, которые верят во всемогущество г-на Джонсона, будут скоро разочарованы» [45]. И действительно, конгресс нанес новый удар по президенту Джонсону, приняв в июне 1866 г. XIV поправку к конституции. Эта поправка была ратифицирована необходимым числом штатов, и 28 июля 1868 г. стала частью конституции страны.

XIV поправка носила компромиссный характер. Лидеры радикальных республиканцев не сумели добиться безоговорочного признания за неграми права голоса. Главный порок XIV поправки, так же как и всех последующих законов в защиту гражданских прав черных американцев, заключался в декларативном характере этого документа, права негров провозглашались, но не гарантировались.

В целом XIV поправка имела прогрессивное значение. Принятием этой поправки конгресс укрепил позиции республиканской партии. Это нашло отражение во время выборов 1866 г. в конгресс. Конгрессмены, избранные на Юге, не были допущены в конгресс, и республиканцы получили в сенате большинство в $^2/_3$, а в палате представителей — в $^3/_4$ голосов.

Таким образом, реакционная политика Джонсона в 1866 г. потерпела ряд поражений в конгрессе и получила недвусмысленное осуждение широких масс избирателей. Это серьезно ослабило позиции президента и всего реакционного блока, что позволило радикальным республиканцам начать борьбу за предание Джонсона суду за нарушение прав конгресса и принятие закона о Реконструкции.

[44] 42nd Congress, 1st Session, Senate Reports, N 1, p. 391.
[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 177.

Первый закон о Реконструкции[46] был принят 2 марта 1867 г., после того как по совету Джонсона южные штаты отвергли XIV поправку. В законе говорилось, что для восстановления мира и порядка все южные штаты разбивались на пять военных округов. Округ возглавлял генерал, который получал в свое распоряжение вооруженные силы и осуществлял всю полноту власти. Лидеры мятежников лишались права голоса, которое предоставлялось всем лояльным гражданам мужского пола, достигшим 21 года, независимо от расы, цвета кожи или прежнего положения, т. е. еще раз подтверждалось право голоса негров.

Закон вводился временно, пока южные штаты не примут новые, демократические конституции, признающие за неграми право голоса, и не утвердят XIV поправку к конституции.

Дополнительно к первому закону о Реконструкции было издано еще три закона, которые детализировали процедуру осуществления радикальной Реконструкции в южных штатах. Взятые в целом, эти законодательные акты означали, что буржуазия спустя два года после окончания войны стала на путь вооруженной диктатуры по отношению к силам реакции, лишила политических прав лидеров контрреволюции и предоставила их негритянским народным массам, создав тем самым для себя прочную опору на Юге.

Таким образом, растущая промышленная буржуазия возглавила борьбу против сил реакции и решилась на революционные методы в этой борьбе. Но она оказалась недостаточно революционной, чтобы последовательно осуществить эти меры и довести борьбу до конца. Американская буржуазия после гражданской войны находилась уже в той стадии развития, когда она, оставаясь революционной по отношению к плантаторской реакции, становилась контрреволюционной по отношению к растущему пролетариату, широким массам фермерства, неграм. Это не могло не наложить негативный отпечаток на политику буржуазии в вопросах Реконструкции.

Закон о Реконструкции от 2 марта 1867 г. является знаменательной вехой в послевоенной истории США. Его принятие означало окончание периода послевоенной реакции, так называемой президентской Реконструкции, и начало нового, революционного этапа, периода радикальной Реконструкции Юга.

3. РАБОЧЕЕ И ФЕРМЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЯ

Буржуазия самым решительным образом взяла в свои руки дело социально-экономического переустройства южных штатов. Это было естественно, более того — закономерно. В результате гражданской войны вся полнота власти в стране перешла к буржуазии. Железная пята капитала дробила и уничтожала все, что стояло на его пути. А плантаторы Юга готовились в битве за Реконструкцию взять реванш за поражение на фронтах гражданской войны и превратить Юг в свою заповедную вотчину.

Это не соответствовало классовым интересам буржуазии, которая предприняла энергичный штурм позиций плантаторской реакции. Экспансионистские устремления буржуазии на Юге усиливались по мере ук-

[46] Congressional Globe, 39th Congress, 2nd Session, pt 3, App., p. 197—198.

репления ее экономических позиций; этот процесс развивался исключительно быстрыми темпами.

В. И. Ленин писал: «...гражданская война немыслима... без разрушений тягчайшего вида...»[47] Война привела к уничтожению колоссальных материальных ценностей, опустошению огромных территорий, особенно на Юге. Однако уничтожение рабства, революционное преобразование социально-экономического уклада жизни страны вызвали бурный рост экономики, в первую очередь промышленности, способствовали укреплению единого национального рынка.

В 60—70-е годы больших успехов добилась машиностроительная промышленность, в первую очередь это касалось производства локомотивов и сельскохозяйственных машин. Соответствующая направленность развития машиностроительной промышленности объяснялась невиданным бумом в железнодорожном строительстве и быстрым развитием сельского хозяйства.

Об индустриальном характере развития экономики страны свидетельствовало быстрое увеличение числа промышленных предприятий и занятых на них рабочих. Росла концентрация производства. Этот процесс был особенно характерен для 1869—1879 гг., когда стоимость продукции возросла на 58%, число рабочих — на 33, а число промышленных предприятий — только на 0,7%.

По мере укрепления экономических позиций США все более активно развивали свои международные экономические связи. В 1880 г. экспорт превысил по своему объему импорт, но его главной статьей продолжали оставаться сельскохозяйственные товары. В 1860 г. в общей стоимости экспорта сельскохозяйственные продукты составили 81,1%, в 1870 г.— 79,4, в 1880 г.— 83,3%.

Важным фактором, влиявшим на все экономическое развитие страны, являлась протекционистская политика. В период Реконструкции протекционистский тариф был вопреки упорному сопротивлению плантаторов распространен и на южные штаты. Это в значительной мере способствовало укреплению национального рынка и явилось дальнейшим стимулом для развития экономики, в первую очередь промышленности.

Исключительно быстрыми темпами в годы Реконструкции шло железнодорожное строительство. В 1860 г. протяженность железных дорог США составила 49 285 км, в 1870 г.— 85 168, а к 1880 г.— 150 086 км. Пик железнодорожного бума пришелся на 1867—1873 гг., когда было построено 54 тыс. км железных дорог. Важнейшим событием во всей экономической истории страны явилось сооружение к 1869 г. первой трансконтинентальной железной дороги, которая пересекла страну от Атлантического до Тихого океана.

Рожденные потребностями экономического развития, железные дороги, в свою очередь, являлись важнейшим стимулом для развития и промышленности, и сельского хозяйства. Строительство железных дорог давало многочисленные заказы промышленности, особенно металлургическому производству и машиностроению. Вслед за железными дорогами в отдаленные районы страны двигались тысячи и тысячи людей, которые приступали к освоению этих богатейших районов. Железнодорожное строительство во многом способствовало развитию торговли и сельского хозяй-

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 57.

ства. Сельскохозяйственные товары при помощи железных дорог быстро и дешево доставлялись с Запада на емкий рынок промышленных восточных штатов, к морским портам, откуда они вывозились за границу.

Строительство железных дорог было источником колоссального обогащения предпринимателей. Железнодорожные магнаты не только владели крупнейшими состояниями, но и становились богатейшими землевладельцами: железнодорожные компании получили от федерального правительства 242 тыс. кв. миль земли, что превышало территорию Германии и Франции, вместе взятых. В железнодорожный бизнес США до кризиса 1873 г. было вложено 3 млрд. долл., 50% этой колоссальной по тем временам суммы и соответствующие прибыли приходились на иностранный капитал.

При строительстве железных дорог США эксплуатировали не только иностранный капитал и технические достижения зарубежных стран, но и иностранных рабочих, используя бедственное положение иммигрантов. Первая трансконтинентальная железная дорога была построена почти исключительно ирландцами и китайцами.

История железнодорожного строительства и бизнеса в целом — это повествование о крупнейших аферах и спекуляциях. Среди многочисленных махинаций, вскрытых в эти годы, особую известность получил скандал с компанией «Креди мобил». Во взяточничестве был уличен личный секретарь президента Гранта. «Креди мобил», чтобы замять скандал, организовала массовый подкуп членов конгресса. Взятки от компании получил будущий президент США Джеймс Гарфилд и вице-президенты Скайлер Колфакс и Генри Вильсон. В 1876 г. был уличен во взяточничестве военный министр Бэлкнеп, и только благодаря личной дружбе с президентом Грантом он не попал под суд.

Экономическое развитие США основывалось главным образом на быстрорастущем внутреннем рынке. В промышленных районах внутренний рынок обеспечивался постоянным ростом рабочего класса и числа иммигрантов [48]. Особенность исторического развития Соединенных Штатов заключалась в том, что это была единственная в мире великая держава, нация которой создавалась на базе массовой иммиграции, главным образом из европейских стран.

Принятие закона о гомстедах и уничтожение рабства открыли для американского капитализма такую огромную сферу приложения труда и капитала, как бескрайние просторы Запада. Здесь, так же как на Севере и Востоке, утвердился американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, явившийся мощным стимулом для роста аграрного сектора экономики. В годы Реконструкции на Западе началось развитие промышленного производства. Однако в рассматриваемый период главное значение этого огромного региона в экономике страны заключалось в том, что он был житницей США и емким потребителем промышленной продукции.

В годы Реконструкции быстро росли посевные площади и валовой сбор зерновых — важнейшей сельскохозяйственной культуры западных и северных штатов. С 1850 по 1880 г. обрабатываемая площадь в США увеличилась в 2,5 раза — с 113 032 614 до 284 771 042 акров. Производство

---

[48] *Богина Ш. А.* Иммигрантское население США, 1865—1900. Л., 1976, с. 10—138.

пшеницы с 1860 по 1880 г. увеличилось с 5,6 до 9,2 бушеля на душу населения.

Важным фактором экономического развития США являлись исключительно благоприятные природные условия, географическое положение, особенности исторического развития Соединенных Штатов.

Революции — «локомотивы истории». Этот известный марксистский тезис убедительно подтверждается историей США рассматриваемого периода. В. И. Ленин писал: «...свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора...»[49]

О бурных темпах экономического, в частности промышленного, развития США свидетельствует тот факт, что США в 70-е годы значительно обогнали по уровню промышленного производства Францию и Германию и уступали только Англии. Рост промышленного производства вел к укреплению экономических позиций Соединенных Штатов на мировой арене. В 1860 г. США давали 15% мировой промышленной продукции, в 1870 г.— 23, в 1881—1886 гг.— 29%.

Соединенные Штаты уже в годы Реконструкции были страной передового капитализма, и это нашло выражение не только в быстрых темпах экономического развития, но и в тех социальных, экономических, моральных издержках, которые были характерны для капиталистической общественно-экономической формации и в период ее поступательного развития.

Об этом со всей убедительностью свидетельствовал мировой экономический кризис 1873 г., который с особой силой поразил США. 18 сентября потерпел крах банк крупнейшего финансиста Нью-Йорка Д. Кука. Это было начало финансовой катастрофы: через двое суток на 10 дней закрылась фондовая биржа Нью-Йорка. Финансовый паралич распространился на промышленность, железные дороги, торговлю.

Резкое падение производства произошло во всех важнейших отраслях промышленности, особенно металлургии. С особой силой кризис ударил по самой процветающей отрасли бизнеса — железнодорожному строительству: в 1872 г. было сооружено 7439 миль железных дорог, а в 1875 г.— только 1606[50].

Массовое свертывание промышленного производства породило тяжелую безработицу. Были закрыты тысячи предприятий, сотни тысяч людей остались без работы. Как всегда, во время кризисов рабочие теряли социальные завоевания, вырванные у буржуазии ценой многолетних тяжелых забастовочных боев. В частности, распались многие профсоюзы, созданные в годы подъема рабочего движения после окончания гражданской войны. В трудных условиях кризиса рабочий класс оказал мужественное сопротивление наступлению буржуазии на социальные права трудящихся. Стачечные бои в период кризиса носили затяжной и упорный характер.

Кризис охватил все основные сферы экономики и продолжался длительное время. Страну захлестнула волна банкротств. В 1874 г. произошло 5830 банкротств, в 1875 г.— 7740, в 1878 г.— 10 478.

---

[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 58.
[50] Tenth Census of the United States, 1880, Transportation, p. 290.

К вопросу о кризисе неоднократно возвращалась в своих донесениях российская дипломатическая миссия в Вашингтоне. 1(13) ноября 1873 г. она сообщала: «Финансовый кризис... далек от того, чтобы завершиться на бирже Нью-Йорка, где он возник... кризис принимает все более серьезный характер, грозящий парализовать основные пружины национального благополучия. Народ Соединенных Штатов еще никогда не знал потрясений, подобных тем, которые угрожают этой зимой» [51].

Выход из кризиса буржуазия видела в усилении концентрации производства, чтобы можно было манипулировать возросшей мощью новых крупных предприятий и успешней вести наступление на рабочий класс. Показательно, что первые крупные корпорации в промышленности США были созданы в период кризиса 1873 г.

Кризис принял небывало затяжной характер. Падение производства и депрессия продолжались до 1878 г., а в ряде отраслей — до 1879 г. С этого года индекс промышленного производства, миновав цикл падения и застоя, стал постепенно повышаться.

История второй Американской революции подтверждает известный марксистский вывод о том, что и в период восходящего развития капитализма ожесточенная классовая борьба между трудом и капиталом составляет основное содержание развития капиталистической общественно-экономической формации. В условиях стремительного развития экономики страны и быстрого обогащения буржуазии жизненные условия рабочего класса не претерпели сколько-нибудь заметных изменений к лучшему [52]. В 1860 г., за вычетом перерыва на обед, рабочий был занят на предприятии 11 часов, в 1870 г. — $10^3/_4$ часа, в 1880 г. — 10,5 часа. В некоторых отраслях рабочий день в указанные годы продолжался 12 и более часов. Очень тяжелыми оставались жилищные условия. По официальным данным, 52% жилых помещений г. Нью-Йорка представляли угрозу здоровью и жизни их обитателей [53].

В годы гражданской войны сотни тысяч рабочих ушли в армию и на производстве в значительной степени их заменили женщины и дети. К концу войны более миллиона женщин были заняты в различных отраслях промышленного производства. После войны предприниматели не спешили вернуть демобилизованных на производство, так как им надо было платить значительно большую заработную плату, чем женщинам и подросткам. Солдаты-победители пополнили ряды безработных.

Используя массовую безработицу, порожденную демобилизацией и наплывом иммигрантов, буржуазия начала форсированное наступление на жизненный уровень рабочего класса. Весь ход классовой борьбы между трудом и капиталом подсказывал рабочим, что только организованное рабочее движение может отстоять жизненные интересы трудящихся в борьбе с предпринимателями. Послевоенные годы стали периодом быстрого роста профсоюзов. В эти годы возникли первые так называемые международные профсоюзы, которые объединяли рабочих родственных отраслей США, Канады и иногда Мексики. В условиях ожесточенной клас-

---

[51] АВПР, ф. Канцелярия, 1873 г., д. 115, л. 107—111.

[52] К концу 60-х годов почти 60% населения США относились к лицам наемного труда. См.: Radical Republicans in the North. State Politics during Reconstruction / Ed. by J. Mohr. Baltimore; London, 1976, p. 51.

[53] *Mohr J.* The Radical Republicans and Reform in New York during Reconstruction. Ithaca; London, 1973, p. 145.

совой борьбы между трудом и капиталом многие профсоюзы находились на нелегальном положении, что не дает возможности точно определить их численность. Предполагается, что в 1878 г. в США насчитывалось 1500 профсоюзов. 10 профсоюзов были межнациональными, рабочие 11 профессий входили в национальные тред-юнионы, объединявшие рабочих определенной специальности в масштабах всей страны.

Характерной чертой американского рабочего движения в послевоенный период являлось массовое движение за 8-часовой рабочий день. «Первым плодом Гражданской войны,— писал Маркс,— была агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии» [54].

Большую роль в организации массового движения за 8-часовой рабочий день сыграл слесарь Ира Сьюард. Он был создателем первой рабочей организации, ставившей своей задачей борьбу за 8-часовой рабочий день. Эта организация, получившая позднее название Ассоциация рабочей реформы, возникла в 1864 г. в Бостоне. После гражданской войны аналогичные организации появились во всех промышленных районах, назывались они лигами 8-часового рабочего дня. В ходе борьбы лиги во многих штатах сплотились в единые организации, которые в борьбе за 8-часовой рабочий день проводили массовые митинги, принимали резолюции и петиции. организовывали забастовки с требованием сократить рабочий день.

Упорная борьба рабочих привела к тому, что заставила законодательные органы Иллинойса, Миссури. Нью-Йорка и Висконсина принять законы о введении 8-часового рабочего дня. К 1867 г. закон о введении 8-часового рабочего дня был принят в шести штатах. «Однако эти победы имели чисто символическое значение для сторонников рабочих реформ, так как принятые законы не выполнялись» [55].

Движение за 8-часовой рабочий день не дало положительных результатов на первом этапе своего развития, и тем не менее оно сыграло исключительно большую роль в истории американского рабочего движения. Это движение выдвинуло перед рабочим классом задачу общенационального значения, повысило организационный уровень рабочего движения и классовую сознательность рабочих. Следствием этих качественных сдвигов в развитии рабочего движения явилось создание общенациональной рабочей организации. Среди профсоюзных руководителей, сыгравших важную роль в решении этого вопроса, особое место занимал Уильям Сильвис, лидер межнационального союза сталеваров. С его именем связаны многие крупнейшие успехи американского рабочего движения в период Реконструкции. Сильвис был профессиональным рабочим, перенес много невзгод и лишений и прекрасно понимал проблемы, которые волновали рабочий класс страны.

20 августа 1866 г. в Балтиморе начал свою работу первый в истории американского рабочего движения общенациональный конгресс рабочих. На конгрессе были представлены 60 тыс. организованных рабочих, объединенных в 60 профсоюзных и рабочих организациях. В день открытия учредительного съезда Национального рабочего союза (НРС) на алом по-

---

[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 309—310.

[55] Radical Republicans in the North, p. 13.

лотнище, украшавшем здание, где проходил съезд, был начертан лозунг: «Добро пожаловать, сыны труда с севера, юга, востока и запада!»[56].

Среди решений конгресса важнейшее значение имели резолюции о борьбе за 8-часовой рабочий день, о независимых действиях рабочих, о кооперативах, об организации неквалифицированных рабочих. Ряд вопросов, поднятых на съезде, затрагивал жизненные интересы не только рабочих, но и всех трудящихся. К их числу относилось решение о предоставлении земли тем, кто желает ее обрабатывать, о жилищном строительстве, воспитании молодежи.

В работе конгресса имели место недостатки, отражавшие общие слабости рабочего движения. В частности, конгресс не занял четкой позиции в вопросе о независимых политических действиях рабочего класса, явно недооценил значение такого действенного средства борьбы за интересы рабочих, как стачка. Несмотря на все недостатки, конгресс сыграл исключительно большую роль в истории рабочего движения США. Рабочие проявили в ходе работы конгресса высокую классовую сознательность. «Большую радость,— писал Маркс,— доставил мне происходивший одновременно (с Женевским конгрессом Международного Товарищества Рабочих. — *Авт.*) американский рабочий съезд в Балтиморе. Лозунгом служила там организация для борьбы против капитала, и, удивительное дело, большинство выработанных мной для Женевы требований было точно так же выдвинуто и там благодаря верному инстинкту рабочих»[57].

В 1868 г. председателем НРС был избран У. Сильвис, «один из подлинно выдающихся деятелей рабочего движения в Соединенных Штатах»[58]. Сильвис вовлек в ряды профсоюзного движения широкие массы рабочих, многое сделал для того, чтобы укрепить это движение организационно и материально. К началу 1869 г. в рядах НРС насчитывалось 600 тыс. человек[59].

В 1871 г. кампания за 8-часовой рабочий день приняла особенно массовый характер, после того как в нее активно включились профсоюзы Нью-Йорка. В марте 1872 г. рабочие Нью-Йорка начали забастовку за 8-часовой рабочий день. В забастовке, продолжавшейся три месяца, участвовали 100 тыс. рабочих. Это были классовые бои, которых никогда до того не знало рабочее движение страны.

В результате этой упорной забастовки 10 профсоюзов добились введения 8-часового рабочего дня. 10 июля 1872 г. 150 тыс. рабочих Нью-Йорка провели демонстрацию на улицах города, чтобы отпраздновать эту крупнейшую победу рабочего класса страны. В демонстрации приняли участие все уже многочисленные в то время секции I Интернационала.

Победа рабочих Нью-Йорка была крупнейшей классовой битвой в истории рабочего движения периода Реконструкции. Она явилась мощным толчком для развития рабочего движения за введение 8-часового рабочего дня. В ряде промышленных центров эти массовые выступления завершились победой рабочих. Однако во время кризиса 1873 г. завоевания рабочих были почти полностью утеряны. Несмотря на это, массо-

---

[56] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США...: В 4-х т. М., 1949—1969, т. 1, с. 419—420.
[57] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 444.
[58] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 454.
[59] *Фонер Ф.* Указ. соч., т. 1, с. 426.

вое движение за 8-часовой рабочий день явилось в истории американского движения событием революционного значения.

Опыт классовых боев, полученный во время движения за 8-часовой рабочий день, был широко использован в трудных условиях кризисного периода 1873—1878 гг. В 1877 г. была проведена первая в истории рабочего движения США общенациональная забастовка железнодорожников. По существу это была первая в США всеобщая забастовка, так как железнодорожникам оказали поддержку шахтеры, грузчики и рабочие многих других профессий. Активными участниками этого движения были рабочие-негры.

Рабочее движение приняло столь мощный размах, что для подавления забастовок впервые за всю историю страны в мирное время были использованы федеральные войска. По участникам забастовок в Камберленде (штат Мэриленд) был открыт огонь: 12 человек убиты, 18 ранены; в Питтсбурге (штат Пенсильвания) 12 человек убиты, 29 ранены. Самые тяжелые потери понесли рабочие Чикаго: до 50 убитых, около 100 раненых.

Большинство стачек 1873—1877 гг., несмотря на мужество рабочих, было проиграно. Причина этого — отсутствие единства в рядах рабочего движения и жесточайшие репрессии со стороны властей. Власти не останавливались и перед открытыми провокациями. Против шахтеров Пенсильвании было выдвинуто провокационное обвинение в террористической деятельности и начат судебный процесс. Это был не суд, а откровенная расправа над классовым противником. 21 июля 1877 г. были казнены четыре руководителя шахтеров. Казни продолжались на протяжении всего года.

В упорной борьбе между трудом и капиталом важное значение для рабочего класса приобретал вопрос о союзниках. После разгрома плантаторов-рабовладельцев буржуазия неизмеримо укрепила свои позиции. Добиться успехов в борьбе с таким сильным противником молодое американское рабочее движение могло только при наличии надежных и сильных союзников. И таким союзником рабочего класса, помимо фермеров, являлись негритянские народные массы. Уже перед гражданской войной на Севере проживало около 250 тыс. свободных негров, значительная часть которых работала на предприятиях.

В первые же годы Реконструкции многие негры, не получив земли, переселялись в поисках работы на Север и пополнили ряды негритянского рабочего класса. В южных штатах после окончания гражданской войны также начал формироваться негритянский рабочий класс. Освобождение негров без земли привело к образованию на Юге миллионных масс сельскохозяйственных рабочих, которые также были потенциальными союзниками рабочего класса.

Перспективы развития американского рабочего движения во многом зависели от того, сумеет ли рабочий класс страны установить единство действий с черными американцами и со всеми негритянскими народными массами.

В 1867 г. Национальный рабочий союз в обращении к членам профсоюзов писал, что из 4 млн. афро-американцев подавляющее большинство — рабочие, зарабатывающие на жизнь своим трудом. «Можем ли мы,— говорилось в обращении,— отклонить их предложение сотрудничать с нами и тем самым превратить их в своих недругов? Таким необ-

думанным поступком мы нанесли бы больший вред рабочему делу, чем все объединенные усилия капитала». В обращении указывалось, что буржуазия будет «разжигать неприязнь между белыми и черными и натравливать их друг против друга, поскольку это помогает капиталистам удерживать власть и усиливать угнетение»[60].

И действительно, буржуазия всеми средствами стремилась разъединить белых и черных рабочих и широко использовала для этой цели вербовку штрейкбрехеров среди негров. Иногда забастовки рабочих-негров срывались белыми штрейкбрехерами.

Известны и факты довольно эффективной совместной борьбы белых и черных рабочих. В 1866 г. успешно прошла объединенная забастовка белых и черных рабочих в Сент-Луисе. В Луизиане имела место успешная совместная забастовка белых и черных портовых грузчиков[61]. В 1865 г. в Новом Орлеане бастовали белые и черные рабочие доков, требуя повышения заработной платы.

Наиболее сознательные рабочие понимали необходимость единства действий белых и черных трудящихся. В одной из статей, опубликованных в августе 1867 г., газета «Уоркингменз нэшнл адвокейт» выступила за допуск негров в профсоюзы. «Этот вопрос,— писала газета,— не должен был бы вообще возникать, так же как вопрос о рыжих или голубоглазых рабочих»[62]. Газета «Бостон дейли ивнинг войс» подчеркивала: «Капитал не знает никаких различий между белыми и черными рабочими, и рабочий класс не может делать какого-либо различия между ними, не подрывая своей собственной платформы». «Уоркингменз нэшнл адвокейт» подчеркивала: «Успех рабочего движения в последующие годы будет зависеть от совместных действий с цветной расой и от ее поддержки»[63]. Но значительное число рабочих относились отрицательно как к единству белых и черных рабочих, так и к поддержке требований негритянских народных масс Юга.

НРС просуществовал шесть лет, оставив заметный след в американском рабочем движении. Союз руководил забастовочной борьбой, создавал профсоюзы, защищал права безработных, боролся за 8-часовой рабочий день, за запрещение детского труда, за улучшение жилищных условий. НРС первым потребовал равной платы для женщин за равный с мужчинами труд. «Мир делится на два класса — эксплуататоров и эксплуатируемых»,— говорилось в обращении НРС, и поэтому интересы белых и черных рабочих едины[64].

Провозглашение единства интересов белых и черных рабочих имело важное значение, но в целом Учредительный съезд НРС, состоявшийся в 1866 г., совершил большую ошибку, ограничившись этим декларативным заявлением и не определив свою позицию по вопросу об организации негритянских профсоюзов, о приеме негров в белые профсоюзы. Съезд показал также полное непонимание специфических проблем негритянского вопроса в период Реконструкции и не выработал своей программы Реконструкции Юга. Более того, первый съезд НРС фактически одобрил

---

[60] Documentary History of American Industrial Society / Ed. by J. R. Commons e. a. Cleveland, 1909—1911, vol. 9, p. 159—160.
[61] Journal of Negro History, vol. 33, N 4, p. 431.
[62] Цит. по: *Фонер Ф.* Указ. соч., т. 1, с. 448.
[63] Journal of Negro History, vol. 33, N 4, p. 432, 433.
[64] Documentary History of American Industrial Society, vol. 9, p. 141—168.

политику президента Джонсона в вопросах Реконструкции. Среди лидеров НРС наиболее прогрессивную позицию по вопросу о единстве белых и черных рабочих занимали Сильвис и Камерон.

Сильвис выступал за единство белых и черных рабочих на втором съезде НРС в 1867 г., был одним из авторов резолюции по вопросу о совместных действиях белых и черных рабочих, принятой на съезде 1868 г.[65] Велика заслуга Сильвиса и в том, что на съезд НРС в 1869 г. были впервые приглашены девять делегатов-негров.

На съезде 1869 г. были осуществлены первые конкретные меры по организации негритянских рабочих. В резолюции, принятой по этому вопросу, говорилось: «Национальный рабочий союз не признает ни Севера, ни Юга, ни Востока, ни Запада, ни цвета, ни пола в вопросе о правах рабочих и призывает наших цветных товарищей создавать всеми законными путями организации и послать своих делегатов от каждого штата на следующий конгресс союза». Был также назначен специальный комитет, которому вменялось в обязанность организовать цветных рабочих Пенсильвании в рабочие союзы. Однако на практике для организации негритянских рабочих в профсоюзы было сделано очень мало[66]. В связи с антинегритянскими настроениями в белых профсоюзах перед неграми возник вопрос о необходимости создания собственных профсоюзов.

Подъем рабочего движения, начавшийся в США после гражданской войны, захватил также и южные штаты. «В 1867 г. волна забастовок захлестнула Юг»[67]. Уже первые забастовочные бои негритянского рабочего класса показали необходимость централизованного руководства, создания общенациональной негритянской рабочей организации.

5 декабря 1869 г. в Вашингтоне начал свою работу Национальный съезд негритянских рабочих. На съезде присутствовали 203 делегата от 23 штатов (в том числе от всех бывших мятежных штатов, кроме Арканзаса и Миссисипи), а также несколько белых делегатов, в том числе президент Национального рабочего союза Ричард Тревеллик.

Съезд только по названию был рабочим. Негритянское рабочее движение в годы Реконструкции было неразрывно связано с общенациональным освободительным движением афро-американского народа, и многие лидеры негритянских просветительных, церковных и прочих организаций имели большое влияние на негритянские рабочие организации. Поэтому на Национальном съезде черных рабочих присутствовали священники, епископы, политические деятели и местные лидеры всех сословий. Из 54 делегатов южных штатов рабочих на съезде было только девять.

На съезде был создан Национальный союз цветных рабочих (НСЦР). Устав этой организации во многом напоминал устав НРС и гласил, что союз «особое внимание уделяет защите прав рабочих»[68]. Председателем НСЦР избрали руководителя негров-конопатчиков штата Мэриленд Айзека Майерса, его помощником — известного деятеля негритянского рабочего движения Георга Даунинга.

Съезд выдвинул лозунг «В единении — сила». Съезд отмечал: «Ирландцы, немцы, белые бедняки, китайцы имеют с нами общие интересы». Съезд призывал рабочих всех национальностей присоединиться к

[65] Journal of Negro History, vol. 33, N 4, p. 435—436.
[66] A Documentary History of the Negro People..., p. 626—633.
[67] *Фонер Ф.* Указ. соч., т. 1, с. 449.
[68] A Documentary History of the Negro People..., p. 630.

движению негритянских рабочих и тем самым оказать помощь в защите общих интересов трудящихся. Стремление добиться единства между белыми и черными рабочими было самой характерной чертой в деятельности НСЦР. Это нашло выражение также и в том, что делегаты учредительного съезда проголосовали за присоединение к Национальному рабочему союзу.

Программа, принятая съездом, касалась важнейших вопросов, волновавших негритянские народные массы. В нем содержались предложения об организации совместных профсоюзов белых и черных рабочих, о 8-часовом рабочем дне, о создании кооперативов, о предоставлении женщинам права голоса. Съезд высказался за создание Национального банка освобожденных, за прямые выборы президента США, выступил с резкой критикой планов колонизации негров и, наконец, избрал своего делегата на съезд Международного Товарищества Рабочих, который должен был состояться в Париже в 1870 г.[69] В работе НСЦР большое внимание было уделено проблемам Реконструкции и в первую очередь земельному вопросу. В обращении к конгрессу США делегаты съезда писали, что единственным средством ликвидации нищеты среди освобожденных рабов является предоставление им земельных наделов[70].

Большая организационная работа, проделанная НСЦР, дала свои результаты: число негров, организованных в профсоюзы, значительно возросло. Однако активные выступления НСЦР не находили должной поддержки со стороны НРС, который практически ничего не делал для вовлечения черных в свои профсоюзы.

Позиция НРС к этому времени ослабела не только среди негритянских, но и среди белых рабочих. В 1870 г. Фридрих Зорге писал Марксу: «Национальный рабочий союз, который в начале своего развития имел столь блестящие перспективы, отравился гринбекизмом и медленно, но верно умирает»[71].

Влияние республиканской партии в НСЦР всегда было велико, но особенно усилилось после того, как в январе 1871 г. Фредерик Дуглас был избран председателем Союза. НСЦР все больше превращался в придаток республиканской партии. Параллельно с укреплением влияния республиканцев происходил все больший отход союза от борьбы за интересы негритянского профсоюзного движения и уклон к чисто политической деятельности. «В огне великой борьбы по вопросу Реконструкции Юга,— писал Фостер,— Национальный союз цветных рабочих растерял многие профсоюзные пункты своей программы»[72]. Превратившись в придаток республиканской партии, союз все больше терял свое значение и в 1874 г. распался.

Значительную работу среди негритянских рабочих вели в годы Реконструкции марксисты. В 1864 г. в Лондоне было основано Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал), а спустя три года в США появилась секция Интернационала. Это был Коммунистический клуб Нью-Йорка, основанный Фридрихом Зорге, Конрадом Карлом и Зигфридом Мейером. К 1872 г. в США уже было 30 секций I Интернационала, в которых насчитывалось 5 тыс. членов. Секции I Интернационала име-

---

[69] Ibid., p. 627—633.
[70] 41st Congress, 2nd Session, Senate Miscellaneous Documents, N 8, p. 2.
[71] Цит. по: *Фонер Ф.* Указ. соч., т. 1, с. 485.
[72] *Foster W.* Op. cit., p. 351.

лись не только на Севере, но и на Юге, в Вашингтоне и в Новом Орлеане.

Деятельность Интернационала вызывала резко отрицательную реакцию со стороны дипломатической миссии России. В июле 1871 г. миссия сообщала: «Преступная активность общества, называющего себя Интернационалом, не ограничивается только Европейским континентом. Это общество пересекло океан и располагает обширной сетью агентов в Соединенных Штатах. Рабочий класс Америки уже подвергся его пагубному влиянию» [73].

Марксисты проводили значительную работу по организации профсоюзов, руководили забастовками, вели борьбу с лассальянством, выступали за предоставление избирательного права женщинам, воспитывали рабочих в духе интернационализма. Большую работу вели марксисты также по вовлечению негритянских рабочих в профсоюзы, активно боролись за ликвидацию национальных и расовых предрассудков среди рабочих.

Противники Интернационала были серьезно обеспокоены решением о переводе Генсовета Интернационала в США. «Если Карл Маркс и его коллеги,— отмечалось в сообщении дипломатической миссии России в Вашингтоне,— на самом деле переведут штаб-квартиру Интернационала в Нью-Йорк, как это было решено на их конгрессе в Амстердаме, они найдут среди наших нигилистов старательных и активных членов» [74]. Особенно тесно с негритянскими рабочими была связана первая секция города Нью-Йорка, которая входила не только в Международное Товарищество Рабочих, но и в НРС. В октябре 1869 г. эта секция, руководимая Ф. Зорге, создала комиссию по организации профсоюзов среди негритянских рабочих. Уже спустя две недели был основан первый профсоюз, куда вошли 90 черных рабочих.

В марте 1870 г. первая секция Интернационала добилась приема негритянских профсоюзов в Союз рабочих Нью-Йорка. Марксисты проявили бóльшее понимание специфических проблем, стоявших перед негритянским народом, чем какое-либо другое направление американского рабочего движения. «Однако марксисты,— писал Фостер,— в тот период не имели цельной программы Реконструкции, особенно в отношении негров на Юге» [75]. Секции I Интернационала ни в одном документе не определили своего отношения к важнейшим проблемам Реконструкции, и в первую очередь к земельному вопросу. Это явилось существенным недостатком в деятельности американских марксистов.

В период Реконструкции активизировались рабочее и фермерское движения на Севере. Объективно эти массовые движения выступали как союзник прогрессивных сил, боровшихся на Юге против плантаторской реакции. Однако отсутствие прямой поддержки со стороны рабочего класса и фермерства Севера оказало негативное воздействие на развитие революционной борьбы и на Юге и на Севере страны.

Важным компонентом революционной ситуации, сложившейся в стране после окончания гражданской войны, являлось фермерское движение. США были единственной крупной державой мира, которая наряду с мощной промышленностью имела развитое, высоко продуктивное сельское хозяйство. Фермеры составляли важнейшую часть самодеятельного на-

---

[73] АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 123, л. 222—224.
[74] Там же, 1872 г., д. 112, л. 230.
[75] *Foster W.* Op. cit., p. 354.

селения страны. Закон о гомстедах и уничтожение рабства создали условия для развития капитализма в сельском хозяйстве США по американскому пути. Это стимулировало быстрое развитие сельскохозяйственного производства и политическую активность широких трудящихся масс фермеров. Все это предопределило важную роль фермеров во вступлении США, как писал Маркс, в революционную фазу развития после окончания гражданской войны.

Казалось бы, закон о гомстедах удовлетворил важнейшее требование фермеров — предоставление земли, что должно было серьезно ослабить накал классовой борьбы трудящихся масс фермерства. Однако проведение в жизнь этого закона вызвало резкое недовольство фермеров. Огромные и лучшие участки земли получили не фермеры, а железнодорожные компании, что было прямым нарушением закона о гомстедах. По официальным данным, с 1868 по 1880 г. поселенцам было предоставлено 65 млн. акров земли, но эти данные были фальсифицированы, так как компании широко использовали подставных лиц для получения земельных наделов. В то же время железнодорожные компании к началу 70-х годов получили от федерального правительства и местных властей более 200 млн. акров.

Для своего времени закон о гомстедах был самым демократическим решением аграрной проблемы. И тем не менее гомстедер сталкивался с огромными, зачастую непреодолимыми трудностями при практическом решении вопроса о создании собственного хозяйства. Показательно, что в 70-е годы $^3/_4$ всех ферм в западных штатах были заложены за долги. Фермеру, который не вылезал из долгов, было выгодно уплачивать проценты и сам долг обесцененными бумажными деньгами. Однако правительство, действуя в интересах буржуазии, стремилось стабилизировать денежное обращение, ввести в оборот твердую, звонкую валюту.

Резкое недовольство фермеров вызывала тарифная политика железнодорожных компаний, которые брали значительную плату за перевозку небольших грузов отдельных фермеров. Тяжелый удар по материальному благополучию фермеров наносило падение цен на сельскохозяйственную продукцию и увеличение цен на промышленные товары. Тарифная политика правительства также носила резко дискриминационный характер по отношению к фермерам.

Экономическая политика федерального правительства нанесла ущерб широким слоям фермерства, что вызвало массовые выступления фермеров. В 1867 г. была создана Лига грейнджеров, получившая название от английского слова grange (ферма). Грейнджеры ставили перед собой ограниченную задачу добиться «справедливой» доли доходов при реализации сельскохозяйственных продуктов. На более радикальных позициях в решении неотложных нужд фермеров в конце 60-х — начале 70-х годов стояли фермерские клубы.

Кризис 1873 г. нанес тяжелый удар по всей массе трудящихся страны, в том числе и по фермерам, что привело к активизации фермерского движения. Началось массовое вступление фермерских клубов в Лиги грейнджеров. К 1874 г. Лига грейнджеров насчитывала 1,5 млн. членов, входивших в 21 967 местных организаций. Главной опорой грейнджеров были штаты Запада и Юга.

Постепенно грейнджеры, испытывая всевозраставшее давление широких масс фермеров, стали занимать более радикальную позицию в вопро-

сах, имевших важное значение для трудящихся фермеров. Они выступали с требованием введения контроля за деятельностью железнодорожных компаний, создания кооперативов фермеров, за изменение финансовой политики федерального правительства [76].

Активные выступления фермеров оказали воздействие на законодательную практику ряда штатов. В Иллинойсе, Висконсине, Миннесоте, Айове, Миссури, Виргинии и Калифорнии на протяжении 70-х годов были приняты так называемые грейнджерские законы. Эти законодательные акты накладывали серьезные ограничения на деятельность железнодорожных компаний, противоречившую интересам фермеров. Однако эти законы никогда не были реализованы.

Важной формой борьбы фермеров за свои интересы являлся бойкот железных дорог. В годы Реконструкции довольно широкое развитие получила фермерская кооперация, использовавшаяся для покупки всего, что было необходимо для ведения хозяйства и реализации сельскохозяйственных товаров. Разумеется, в условиях социально-политической структуры американского общества 60—70-х годов эти усилия фермеров могли дать лишь крайне ограниченный эффект. Фермеры терпели неудачу за неудачей в борьбе с мощным противником, что порождало настроения пессимизма, неверия в эффективность грейнджерского движения. В 1875 г. начался массовый выход фермеров из грейнджерских лиг. Многие бывшие участники движения примкнули к набиравшему силу гринбекерскому движению (гринбеки — бумажные деньги, выпущенные федеральным правительством во время гражданской войны, отсюда название движения; на оборотной стороны ассигнаций была отпечатана зеленая виньетка).

Участники этого движения верили в утопическую идею, что, если будут сохранены в обращении «дешевые» бумажные деньги, это решит все их экономические и политические проблемы. К движению гринбекеров, помимо фермеров, примкнули те, кто был обременен долгами и рассчитывал погасить их обесцененными гринбеками.

Сила мелкобуржуазного по своей сути гринбекеровского движения заключалась и в том, что гринбекеры включили в свою политическую программу ряд требований, которые были популярны в широких народных массах. Например, они требовали прекратить раздачу общественных земель железнодорожным компаниям, выступали против предоставления этим компаниям правительственных субсидий.

Важным этапом в развитии движения гринбекеров явилось создание в 1875 г. при поддержке рабочих гринбекерской партии. В 1876 г. партия приняла активное участие в избирательной кампании по выборам президента и выдвинула своего кандидата на этот пост. Гринбекеры приняли участие и в выборах, проходивших в штатах.

Большая по сравнению с грейнджерами политическая сознательность гринбекеров проявилась в том, что они пошли на установление довольно тесных связей с рабочими. Эти контакты выявились и в организационных формах, в создании гринбекеро-рабочей партии.

---

[76] Подробнее см.: *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США: от грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971, с. 86—119.

4. РАДИКАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В ЮЖНЫХ ШТАТАХ

Программа радикальной Реконструкции наиболее активную поддержку получила в тех районах Юга, которые служили базой плантационного хозяйства и где негры составляли большинство населения (в штатах Южная Каролина, Миссисипи, Луизиана негры составляли соответственно 60, 55 и 50% всего населения). Именно в так называемом «черном поясе» буржуазно-демократические преобразования и борьба народных масс достигли наивысшего уровня. Это является одним из лучших доказательств того, что негритянские народные массы сыграли самую активную роль в Реконструкции Юга.

Самую большую группу нерабовладельческого населения Юга представляли мелкие белые фермеры, которые располагались в районах, примыкавших к «черному поясу». Здесь судьба Реконструкции зависела от того, чью сторону примут мелкие белые фермеры.

Вслед за мелкими белыми фермерами по численности шли белые бедняки — та группа белого населения, которую плантаторы презрительно называли «крекеры», «пожиратели земли» и т. д. Это был своеобразный люмпен-пролетариат плантационной системы. Зачастую они имели несколько акров обрабатываемой земли, но паразитировали в основном на плантационной системе. Именно из их среды в период рабства плантаторы вербовали надсмотрщиков, погонщиков и охранников рабов.

Значительную группу белого населения составляли жители района Аппалачских гор — мелкие фермеры и охотники. Хозяйство их носило сугубо натуральный характер, а роль в экономической и политической жизни была ничтожна.

И, наконец, среди белого населения Юга надо указать на тех, кто прибыл в южные штаты с федеральной армией, руководимый стремлением оказать помощь освобожденным неграм. На Юг пришли и такие северяне, которых гнала жажда наживы. Многим из них удалось осуществить свои планы и нажить здесь громадные состояния. Подобные факты вполне объяснимы, даже закономерны, так как всякая буржуазная «деловая активность» неизбежно сопровождается спекуляциями и аферами.

Из белого населения Юга наиболее важную роль в Реконструкции сыграли мелкие белые фермеры. Их позиция в отношении Реконструкции отличалась большой противоречивостью. С одной стороны, белые фермеры выступали за радикальную Реконструкцию, так как она была направлена против интересов крупных землевладельцев и способствовала реализации экономических и политических требований мелких белых фермеров. С другой — ряд пунктов этой программы противоречил интересам мелких белых землевладельцев. Это относилось в первую очередь к вопросам тарифного, финансового и железнодорожного законодательства, проводившегося в интересах крупного капитала. Кроме того, значительная часть белых фермеров выступала против предоставления права голоса неграм.

Важным событием в истории Реконструкции явились выборы 1867 г. в конституционные конвенты южных штатов. Предоставление неграм права голоса было крупным завоеванием не только негритянского, но и всего американского народа. Действительно, на основании закона о

Реконструкции более 1 млн. негров, 75% из которых не умели ни читать, ни писать, получили право голоса. Одновременно это же право получили более 1 млн. белых, свыше 30% из них также были неграмотными. Это была по тем временам самая демократическая избирательная реформа в мире.

Неграм пришлось преодолевать жесточайшее сопротивление плантаторов, чтобы использовать свое право голоса. Командующий Камберлендским военным округом[77] генерал-майор Томас докладывал, что террор куклуксклановцев был направлен и против белых, и против черных, «особенно против той группы цветного населения, которая отличалась энергией, трудолюбием и хорошим поведением»[78]. Антинегритянский террор широко использовался в ходе избирательной кампании также и в других южных штатах.

Эрик Фонер справедливо отмечал, что «правительства Реконструкции потерпели фиаско, оказавшись не в состоянии защитить негров от террора». Многие факты свидетельствуют о том, что «жертвами террора (Ку-клукс-клана.— *Авт.*) часто были те черные, которые добивались экономических успехов»[79].

На террор плантаторов негры ответили организованным вооруженным сопротивлением. На попытки плантаторов Виргинии заставить негров подчиниться демократам под угрозой голода они заявили: «Прежде чем какой-либо негритянский ребенок испытает муки голода, улицы Ричмонда будут по колено залиты кровью. Слава богу, что негры научились пользоваться ружьями, пистолетами и шомполами»[80].

Негры приняли активное участие в избирательной кампании. В 10 южных штатах 700 тыс. негров и 600 тыс. белых зарегистрировались в качестве избирателей. 200 тыс. бывших мятежников были лишены в этой избирательной кампании права голоса.

Первые выборы, проведенные в период радикальной Реконструкции, привели к серьезному поражению реакции. За созыв конституционных конвентов проголосовали 693 069 избирателей, против — 142 260. Решающую роль в победе республиканцев на выборах сыграли голоса черных избирателей.

Обеспечив своими голосами созыв конвентов, негры не сумели добиться соответствующего представительства в этих органах. Негры составляли приблизительно 43% всего населения 10 штатов и получили 25% всех мест в конвентах; белые же составляли 57% населения, а получили 75% мест. Это явилось следствием того, что белые радикальные республиканцы рассматривали негров как союзников второго сорта и дискриминировали их, когда решался главный вопрос — вопрос о власти.

Основная задача конвентов, созванных в первой половине 1868 г., заключалась в выработке новых конституций южных штатов. На конвентах обсуждался и ряд других важных вопросов. Многие акты конвентов способствовали улучшению экономического положения народных масс. В частности, было отменено заключение в тюрьму за долги.

Несмотря на сопротивление реакционных делегатов, конституционные конвенты успешно завершили работу и новые конституции были выработ-

[77] В округ входили: Западная Виргиния, Кентукки, Теннесси и Индиана.
[78] 40th Congress, 3rd Session, House Executive Documents, vol. 1, p. 144, 145, 147.
[79] *Foner E.* Politics and Ideology..., p. 120.
[80] *DuBois W.* Op. cit., p. 541.

таны для всех 10 штатов. Значение этих конвентов заключается в том, что они провели первые мероприятия, положившие начало новому, радикальному периоду Реконструкции Юга.

С точки зрения интересов негритянского народа это также было событием большого значения. Впервые за всю историю представители негритянского народа получили право участвовать в работе официальных органов. Новые конституции подлежали ратификации избирателями. Негры приняли активное участие в голосовании и при помощи белых республиканцев добились ратификации конституций. В марте 1870 г. все 10 штатов были приняты в Союз.

Одновременно с голосованием по вопросу о новых конституциях происходили выборы в конгресс, а также выборы членов законодательных органов штатов, губернаторов и прочих должностных лиц. Республиканцы на этих выборах одержали решительную победу, которая также была обеспечена голосами негров-избирателей.

После принятия бывших мятежных штатов в Союз в конгрессе прибавились 12 сенаторов и 32 члена палаты представителей. Из 32 новых членов палаты представителей все, за исключением двух, были республиканцами, 10 сенаторов и 16 членов палаты представителей были северянами. Среди избранных в конгресс не было ни одного негра.

Решающую роль в принятии новых конституций сыграли избиратели-негры. Новые конституции южных штатов отличались друг от друга в деталях, но суть их была одна — они провозглашали новый, буржуазный путь развития бывших рабовладельческих штатов, декларировали предоставление равных прав неграм.

Конституции уделяли значительное внимание аграрной проблеме. Например, соответствующий раздел конституции Миссисипи предусматривал, что все земли, продаваемые на основании решений суда, должны быть разбиты на мелкие участки, не превышавшие 160 акров. С точки зрения интересов негров и белых фермеров данное положение было более чем скромным [81].

Причиной этого являлось то, что негры в борьбе за осуществление своих требований в аграрном вопросе вынуждены были бороться на два фронта: против плантаторской олигархии и против федерального правительства, противившегося разделу и конфискации крупных поместий на Юге. Силы в этой борьбе были явно неравными, и негры потерпели в ней поражение.

Эрик Фонер справедливо подчеркивал, что, отказываясь посещать церкви, в которых господствовали белые, работать под контролем погонщиков и надсмотрщиков, проявив горячее желание получить «40 акров земли и мула, черные дали ясно понять, что свобода для них означала уничтожение контроля со стороны белых» [82].

Конституции предусматривали создание в штатах милиции, обеспечивавшей проведение в жизнь мероприятий новых правительств. Особенно большую роль играла негритянская милиция в Южной Каролине. Здесь милиция полностью состояла из негров, насчитывая 96 тыс. человек, 20 тыс. из которых были вооружены. В осуществлении Реконструкции роль негритянской и белой милиции была весьма велика, так как

---

[81] 41st Congress, 1st Session, House Miscellaneous Documents, N 14, p. 1—20.
[82] *Foner E.* Politics and Ideology..., p. 107.

проведение в жизнь мероприятий правительств Реконструкции означало преодоление ожесточенного вооруженного сопротивления реакции.

Федеральные войска в силу своей малочисленности не могли выполнить этой задачи. По первому закону о Реконструкции от 2 марта 1867 г. общее число войск в 10 южных штатах определялось в 20 тыс. человек. Территория южных штатов составляла 850 тыс. кв. миль. Таким образом, на 42 кв. мили в среднем приходился один солдат, а число куклуксклановцев росло из месяца в месяц, и в 1868 г. их было уже около 550 тыс. Именно негритянская милиция сыграла решающую роль в борьбе с Ку-клукс-кланом.

Осуществление программы по Реконструкции привело к переходу власти в южных штатах в руки промышленной буржуазии Севера, которая делила ее со своими негритянскими и белыми союзниками на Юге, никогда не уступая им решающих позиций в органах власти.

Негры с успехом справлялись со своими обязанностями в выборных органах власти. За годы радикальной Реконструкции из их среды выдвинулись многие талантливые государственные и политические деятели, 2 были избраны от южных штатов в сенат США и 14—в палату представителей. 12 из них в прошлом были рабами и не имели никакого образования. За годы Реконструкции черные в своем политическом и культурном развитии добились больших успехов, чем за несколько веков пребывания в рабстве.

Много негров в южных штатах участвовали в осуществлении Реконструкции, занимая должностные посты в органах местного самоуправления. Именно эти органы должны были претворять в жизнь все принятые решения. При наличии хорошо организованных банд Ку-клукс-клана осуществление данных задач было связано с исключительными трудностями. Своим участием в работе этих органов негры сыграли важную роль в осуществлении Реконструкции. Показательно, что Ку-клукс-клан стремился уничтожить в первую очередь негритянских руководителей, чтобы обезглавить движение за осуществление радикальной Реконструкции.

Социальная структура южных штатов была такова, что решение аграрного вопроса имело исключительное значение для эффективного претворения в жизнь программы буржуазно-демократического переустройства Юга. Оппозиция федеральных властей и плантаторской реакции создала практически непреодолимые трудности на пути решения аграрной проблемы.

Однако определенные сдвиги произошли и в этой области. В годы Реконструкции собственность плантаторов во всех штатах облагалась повышенным налогом. В бывших мятежных штатах сумма стоимости собственности к 1870 г. уменьшилась на 50% по сравнению с 1860 г., а сумма налогов увеличилась в 4 раза. Многие плантаторы не могли выплачивать налоги. Их земли были конфискованы, разбиты на мелкие участки и проданы на льготных условиях неграм и безземельным белым. К 1871 г. земельная комиссия предоставила в распоряжение афро-американцев и безземельных белых около 2 тыс. мелких ферм, на которых поселились не менее 9—10 тыс. человек[83]. В значительных масштабах конфискации продолжались и в последующие годы. Так, в 1872 г. допол-

[83] Ku-Klux Conspiracy... South Carolina Testimony, vol. 2, p. 837.

нительно было конфисковано 268 523 акра. Широкая льготная распродажа земель проводилась не только в Южной Каролине, но и в других штатах. В Миссисипи, например, было объявлено о распродаже за долги 20% всех земель штата.

В результате мероприятий правительств Реконструкции на Юге произошло определенное перераспределение земельной собственности. Однако меры, направленные на решение аграрной проблемы, носили ограниченный характер, чтобы с их помощью можно было наделить землей миллионы черных и белых жителей южных штатов. «Правительства Реконструкции предали мечту негров о... 40 акрах и муле»[84]. Американский историк с полным основанием делал вывод, что «мечта негров о земле рухнула»[85].

В годы Реконструкции, лишив негров земли, правящие круги США заложили экономические основы той системы жесточайшей эксплуатации негритянского народа, которая сохранилась на Юге и в наши дни.

Наиболее распространенной формой экономических отношений между неграми и плантаторами в годы Реконструкции была система кропперства. Эта полурабская система ни в коей мере не устраивала негров, и в многочисленных петициях в конгресс черные американцы требовали ликвидировать ее и предоставить им землю. В ряде случаев негры захватывали земли плантаторов вооруженным путем.

Аграрный вопрос на Юге не был разрешен, плантационная система сохранилась. Однако это не означало, что сельское хозяйство на Юге не претерпело в годы Реконструкции изменений. Эти изменения в определенной мере носили глубокий характер, преобразовали социально-экономический уклад южных штатов. Важнейшее значение имело, конечно, освобождение рабов, приведшее к распространению наемного труда — основы развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. В годы Реконструкции произошло также значительное перераспределение земельной собственности. Финансовые трудности, вызванные войной, и налоговая политика правительств Реконструкции привели к резкому падению цен на землю. Цены на сахарные плантации Луизианы с 1861 по 1865 г. уменьшились почти в 30 раз.

Плантации скупали буржуазия Севера, спекулянты, местные финансисты, торговцы и ростовщики. Многие бывшие рабовладельцы потеряли в годы Реконструкции свои земли. В долине р. Миссисипи, например, в основном хлопководческом районе Юга, в 1881 г. бывшие рабовладельцы потеряли более $^{2}/_{3}$ своих плантаций. Значительная часть плантаций продавалась мелкими участками, что привело к увеличению числа белых фермеров и их доли в выращивании хлопка. Если до войны белые фермеры выращивали 12% собираемого на Юге хлопка, то в 1876 г. они вырастили уже около $^{2}/_{5}$ всего урожая хлопка.

Американские переписи только с 1890 г. стали публиковать подробные статистические данные о негритянском населении. В 1890 г. 120 тыс. негров на Юге являлись собственниками ферм, на которых они работали[86]. Сократился средний размер ферм: в 1860 г.— 335,4 акра, в 1870 г.— 214,2, а в 1880 г.— 153,4 акра. Приведя эти данные, Ленин

---

[84] *Foner E.* Politics and Ideology..., p. 114.
[85] *Oubre C.* Op. cit., p. 90.
[86] *Simkins F.* The South Old and New (a History, 1820—1947). N. Y., 1948, p. 299.

писал: «Рабовладельческим латифундиям был нанесен решительный удар» [87].

Многие плантации перешли в руки новых владельцев, но крупное плантационное хозяйство, основа экономической и политической власти реакционных сил на Юге, сохранилось. Сохранились также и сильные пережитки рабства.

Важное место в работе правительства Реконструкции заняли вопросы народного просвещения. Рабство оставило тяжелое наследство — общую культурную отсталость Юга. На Севере в 1860 г. было 288 923 неграмотных на 15 млн. жителей, а на Юге — 547 177 — на 12 млн. Если к этому добавить 4 млн. рабов, подавляющее большинство которых были неграмотны, то можно сделать вывод, что рабство вело и к экономическому застою Юга, и к культурной деградации не только негров, но в значительной степени и белого населения.

В период радикальной Реконструкции южные штаты добились большого прогресса в области просвещения. Были приняты законы, предусматривавшие отмену сегрегации и создание смешанных школ для всех детей без различия расы и цвета кожи. Смешанные школы работали успешно, и между учениками не было никаких расовых эксцессов. Негры сами из своих скромных средств финансировали работу школ. Много было сделано и для развития высшего образования среди негров. Существующие в настоящее время негритянские университеты, в частности Говардский и университет в Атланте, были основаны в период Реконструкции.

Ку-клукс-клан организовал «крестовый» поход против негритянских школ. Негры с оружием в руках отстаивали право на образование, что было важной составной частью общей политической борьбы негритянских народных масс против плантаторской реакции. Число учащихся в негритянских школах росло: в 1860 г. в 12 штатах Юга обучались всего 1088 человек, в 1870 г. — 108 420, а в 1876—1877 гг. — 526 469. Об успешной работе правительств Реконструкции в области негритянского образования свидетельствует тот факт, что если до освобождения негритянское население Юга было почти поголовно неграмотно, то к 1870 г. неграмотность среди негров сократилась до 79,9%, к 1880 г. — до 70%. «Несмотря на сопротивление белых и враждебное отношение Эндрю Джонсона, Бюро освобожденных курировало более 4 тыс. начальных школ, 74 обычные школы и 61 ремесленное училище для негров Юга» [88].

В годы Реконструкции было немало финансовых злоупотреблений. Вполне естественно, что пораженная коррупцией продажная федеральная администрация республиканцев не преминула использовать имевшиеся возможности для финансовых афер и на Юге. Однако совершенно беспочвенны обвинения в коррупции негритянских лидеров. Негры не были директорами железных дорог, банкирами или руководителями компаний и не могли быть участниками тех преступлений, в которых их обвиняли. «Негры, — писал Дюбуа, — были... ответственны за чрезмерную расточительность и коррупцию на Юге не больше, чем рабочий класс виновен в еще большей расточительности и бесчестности на Севере» [89].

[87] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 145.
[88] *White J.* Reconstruction after the American Civil War. L., 1977, p. 31.
[89] *DuBois W.* Op. cit., p. 577.

5. ПАДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВ РЕКОНСТРУКЦИИ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

На создание правительств Реконструкции плантаторская реакция ответила новым усилением террора. Особенно дикие и изощренные формы террор принимал во время избирательных кампаний. Показательны в этом отношении события, связанные с выборами президента в 1868 г.

Эта избирательная кампания имела исключительно большое значение для дальнейшей судьбы Реконструкции в южных штатах. До сих пор реакция в борьбе против Реконструкции опиралась на президента Джонсона, и уход его с поста президента был бы серьезным поражением противников Реконструкции. Этот вопрос к началу избирательньной кампании фактически уже был решен, так как Джонсон своей открытой поддержкой реакционеров окончательно дискредитировал себя в глазах избирателей.

Сильнейший удар реакции был нанесен судебным процессом над президентом США. Джонсон проводил открытый саботаж решений конгресса по Реконструкции Юга, отказался отдать под суд Джефферсона Дэвиса, который был лично ответствен за зверские убийства и надругательства над военнопленными федеральной армии. Только в Андерсонвиллской тюрьме, начальником которой являлся капитан армии Конфедерации Генрих Вирц, немец по национальности, было уничтожено 10 тыс. пленных северян. По приказанию Вирца 300 человек застрелили за то, что они преступили за установленную черту. За совершенные преступления Вирц после окончания войны был казнен [90].

И, наконец, Джонсон сосредоточил вооруженные силы в стратегических пунктах Юга, готовясь начать вооруженную борьбу с конгрессом. «Всем было очевидно, что президент объявил конгрессу войну» [91].

Все эти незаконные действия восстановили против президента самые широкие круги общественности и позволили радикалам в марте 1868 г. поставить в сенате вопрос о суде над Джонсоном. 35 сенаторов проголосовали за осуждение, 19 — против. Одним голосом Джонсон был оправдан. Но суд над президентом был крупнейшим морально-политическим поражением реакции.

Силы реакции, скомпрометированные судом над Джонсоном, не могли рассчитывать на успех в борьбе с республиканцами и единственное спасение видели в развязывании жесточайшего террора против своих черных и белых противников. Особенно тяжелое положение в ходе избирательной кампании 1868 г. создалось в штате Джорджия, несмотря на то что в этом штате режим военной диктатуры не был отменен.

Обычной практикой во время голосования стали избиения и убийства негров. Черные оказывали вооруженное сопротивление террору Ку-клукс-клана. В некоторых местах, в частности в г. Атланта (штат Джорджия), были случаи убийств и ранения куклуксклановцев. Демократы штата Джорджия готовились к выборам как к сражению. Еще в августе 1868 г., накануне выборов, демократы держали наготове 2 тыс. вооруженных людей и две пушки. Выстрел из пушки должен был служить сигналом к общему погрому.

---

[90] Московские ведомости, 1865, 2 сент.
[91] *Trefousse H.* Impeachment of a President. Knoxville, 1975, p. 27.

В результате террора куклуксклановцев в Джорджии более 30 тыс. негров из 10 тыс. цветных избирателей не смогли принять участия в голосовании. В то же время проголосовало от 15 до 25 тыс. демократов, которые как активные участники мятежа были лишены права голоса. Несмотря на все трудности, негритянское население Джорджии приняло активное участие в кампании по выборам президента, и громадное большинство из них отдали свои голоса за кандидата республиканцев Гранта.

Во всех южных штатах кампания по выборам президента сопровождалась разгулом дикого террора. И тем не менее демократы потерпели сокрушительное поражение: Грант был избран президентом голосами 214 выборщиков против 80.

Без голосов негров не могло быть и речи об установлении власти республиканцев и в южных штатах. И поэтому конгресс, контролируемый республиканцами, вынужден был принять меры к обеспечению черным права голоса. Так появилась XV поправка к конституции, ратифицированная 30 марта 1870 г. Поправка гласила: «Право голоса граждан Соединенных Штатов не может быть ликвидировано или урезано правительством Соединенных Штатов или властями какого-либо штата на основе расовой принадлежности, цвета кожи или рабского состояния в прошлом». Однако избиратели-негры и после принятия этой поправки часто не могли использовать своего права голоса, в первую очередь вследствие жесточайшего террора Ку-клукс-клана.

XV поправка обязывала конгресс принять меры для обеспечения права голоса неграм. В соответствии с этим конгресс санкционировал два закона: о принуждении и закон о Ку-клукс-клане. Эти законодательные акты предусматривали осуществление ряда мер для обеспечения гражданских и политических прав черных и белых американцев. Тем не менее на практике они проводились в жизнь весьма нерешительно и не стали сколько-нибудь серьезным препятствием в осуществлении планов реакции по свержению вооруженной силой правительств Реконструкции.

Политика федерального правительства в негритянском вопросе была расистской по своей сути. Использовав афро-американцев в своих интересах, буржуазия Севера, контролировавшая всю государственную власть, обрекла черных американцев на жесточайшую эксплуатацию со стороны плантаторов, на лишение элементарных гражданских и политических прав.

Ярким проявлением расистской сущности политики федерального правительства явились истребительные войны против индейцев, которые велись в 60—70-х годах. Эта акция геноцида по отношению к коренному населению страны осуществлялась в то время, когда буржуазия продолжала революционную борьбу за утверждение своего господства, завоеванного в ходе гражданской войны.

Одной из причин резкого возрастания недовольства индейцев было железнодорожное строительство, которое зачастую осуществлялось на территориях, занятых индейскими племенами. Такова была причина восстания крупнейшего индейского племени сиу, которое произошло в 1867 г. В штат Небраска, где проживало это племя, были брошены крупные федеральные вооруженные силы.

В 1867 г. конгресс принял закон, по которому индейцам выделялись для поселения специальные территории (резервации). Это было циничное нарушение торжественного обещания, данного правительством США ин-

дейцам в 20—30-х годах в том, что за ними навечно сохранятся выделенные им охотничьи угодья. Индейцев начали силой сгонять в отведенные им резервации. Аборигены оказали ожесточенное вооруженное сопротивление, война с индейцами продолжалась девять лет. В 1875 г. федеральные вооруженные силы, которыми командовали генерал Шерман и другие известные военачальники гражданской войны, наконец смогли сломить вооруженное сопротивление индейцев. Большинство племен силой было водворено в отведенные им резервации.

С индейцами был заключен мир, который оказался только короткой передышкой. Возникла новая неотложная «необходимость» сгона индейцев с земель, на которых они еще не успели даже по-настоящему расположиться. В резервациях Южной Дакоты было обнаружено золото, и сюда хлынули вооруженные банды любителей легкой наживы. Племя сиу вновь было вынуждено в 1876 г. взяться за оружие, чтобы отстоять свои права. Федеральное правительство в который уже раз позорно открестилось от торжественных обещаний, данных индейцам. Силы были неравны, и в конце 1876 г. сопротивление индейцев было подавлено огнем и мечом.

Войны с индейцами не были случайными инцидентами. Это была тщательно продуманная и последовательно проводимая в жизнь политика истребления коренного населения страны. Для индейских резерваций отводились самые непригодные для жизни, вредные для здоровья территории. Почти полное отсутствие медицинской помощи, тяжелые материальные условия, изоляция индейцев от остальных жителей страны — все это вело к вымиранию целых племен. Численность коренного населения быстро сокращалась. В первые годы после открытия Америки на территории, которая вошла позднее в состав США, проживало около 1 млн. индейцев. По переписи 1880 г., их осталось около 200 тыс. человек.

Этой кровавой акцией геноцида по отношению к коренному населению Америки буржуазия завершила революционную фазу своего развития — период Реконструкции.

Отказ республиканского правительства от решительного подавления куклуксклановских погромщиков соответствовал экономическим и политическим интересам буржуазии. За годы Реконструкции буржуазия Севера неизмеримо укрепила свои позиции, добившись огромного увеличения промышленного производства. По мере роста экономических позиций буржуазии укреплялось и ее политическое положение. Одним из важнейших политических итогов Реконструкции явилось упрочение власти буржуазии в национальном масштабе. После завершения Реконструкции и приема бывших мятежных штатов в Союз вопрос о притязании плантаторов на государственную власть был снят с повестки дня.

И если в начале радикальной Реконструкции буржуазия вынуждена была опереться на негритянские народные массы в борьбе с плантаторами, то по мере укрепления позиций буржуазии на Юге в ходе осуществления Реконструкции эта необходимость отпала. Более того, успешная борьба негритянского народа за свои права вызывала серьезное беспокойство среди промышленной буржуазии Севера: в северных штатах развертывались крупные социальные бои. В этих условиях широкое демократическое движение негритянских народных масс могло послужить «дурным примером» для рабочих и фермеров Севера. И буржуазия, используя афро-американцев в своих интересах, одновременно стреми-

лась ограничить борьбу негров за завоевание равных с белыми экономических и политических прав.

Лучшим средством для осуществления подобной политики являлся Ку-клукс-клан. Наемники плантаторов наносили удар за ударом по негритянскому народному движению, а представители буржуазии и конгресс выступали с осуждением «безнравственного» поведения куклуксклановцев, и на Юг посылалась очередная комиссия для расследования деятельности Ку-клукс-клана.

О росте террора ККК сообщала в Петербург российская дипломатическая миссия в Вашингтоне. 19(31) марта 1871 г. в донесении на имя Горчакова говорилось, что «как только Ку-клукс-клан приобрел силу, акты насилия стали повторяться с ужасающей быстротой». В донесении перечислялись некоторые из этих фактов: «Совсем недавно еще один сенатор из Южной Каролины был убит бандой переодетых людей, насчитывавшей 60 человек. В штате Теннесси член федерального конгресса, отказавшийся в течение восьми дней покинуть штат, был повешен. Насилию подвергаются и женщины...» [92].

Против принятия репрессивных мер по отношению к куклуксклановцам буржуазию удерживали и соображения экономического порядка: сверхэксплуатация негров приносила выгоду не только плантаторам, но и буржуазии.

Поворот буржуазии в сторону реакции был вызван как внутриполитическими причинами, так и факторами международного порядка. Парижская Коммуна потрясла капиталистический мир и вызвала отклик во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Пролетариат США рядом выступлений продемонстрировал поддержку коммунаров и сочувствие к жертвам контрреволюционного террора во Франции.

13 сентября 1871 г. Союз рабочих Нью-Йорка организовал 20-тысячную демонстрацию за 8-часовой рабочий день. В рядах демонстрантов негры шли вместе с членами секции I Интернационала, которые несли красный флаг с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Это было первое красное знамя на улицах Нью-Йорка. Жители города приветствовали белых и черных демонстрантов возгласами: «Да здравствует Коммуна!». 18 декабря 1871 г. рота негритянской милиции приняла участие в демонстрации, организованной в Нью-Йорке секциями I Интернационала, в знак протеста против казни трех вождей Коммуны.

Буржуазия Севера на примере Парижской Коммуны имела все возможности убедиться в том, насколько серьезные последствия для нее могло бы иметь дальнейшее развитие революционных событий на Юге и перспектива объединения революционного движения негров с рабочим и фермерским движениями на Севере. Редактор одного из американских журналов писал в 1871 г., что если бы последователи Парижской Коммуны появились среди черных, «последствия этого были бы кошмарны» [93].

Еще в большей степени, чем буржуазия, была встревожена плантаторская олигархия, которая видела в освободительном движении негров призрак Парижской Коммуны. Очевидец событий на Юге в период Реконструкции проводил параллель между Коммуной и негритянским дви-

[92] АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 123, л. 84.
[93] *Coulter E.* The South during Reconstruction, 1865—1877. Baton Rouge (La), 1947, p. 114.

жением в южных штатах: «Чем была белая Коммуна во Франции, мы все видели; чем является негритянская Коммуна в Америке, мы также были свидетелями: обе вели войну против интеллекта и социальных различий, обе вызвали хаос» [94]. В этих условиях усиливалась классовая солидарность американской буржуазии и плантаторов, искавших пути к компромиссу с целью объединения усилий для борьбы с негритянским движением на Юге и рабоче-фермерским движением на Севере.

Отражением роста реакции в буржуазных кругах Севера явился раскол внутри республиканской партии и появление так называемых либеральных республиканцев. Характерно, что движение за создание партии либеральных республиканцев возникло в 1870 г. и совпало с поворотом в сторону реакции, который начался в это время на Юге.

Раскол республиканской партии отражал усиление противоречий между различными группировками буржуазии. Либеральных республиканцев поддерживала крупная реакционная буржуазия, выступавшая за сговор с плантаторами. Они резко критиковали политику Гранта в вопросах Реконструкции, и даже половинчатые меры, применявшиеся против куклуксклановцев, являлись в их глазах нарушением конституционных норм и чуть ли не диктаторством.

Движение либеральных республиканцев поддержала значительная часть фермеров Севера и представителей средних слоев буржуазии, которых мало касались проблемы Реконструкции, но серьезно беспокоили мероприятия правительства Гранта по укреплению крупного капитала.

1 мая 1872 г. в Цинциннати собрался съезд либеральных республиканцев. Съезд высказался «за немедленное и полное снятие всех ограничений», наложенных на участников мятежа. Либеральные республиканцы заявили, что «всеобщая амнистия приведет к умиротворению во всех частях страны» [95].

Такова была откровенно контрреволюционная программа либеральных республиканцев. Их деятельность, рассчитанная на восстановление плантаторской реакции на Юге, нашла полную поддержку со стороны демократов. На национальном съезде в июле 1872 г. демократы присоединились к этой платформе и постановили поддержать на президентских выборах 1872 г. Грили, кандидатура которого была выдвинута на пост президента либеральными республиканцами. Бывший аболиционист «превратился в знаменосца бурбоновской реакции на Юге» [96]. Так был создан буржуазно-плантаторский блок, направленный против революции на Юге и рабоче-фермерского движения на Севере. Создание этого блока было обусловлено и большими сдвигами, происшедшими внутри демократической партии, которая к этому времени значительно обуржуазилась, что создавало необходимые условия для объединения демократов с либеральными республиканцами.

Блок демократов и либеральных республиканцев получил широкую поддержку на Севере. В борьбе между Грили и Грантом организованные рабочие не сыграли сколько-нибудь существенной роли, так как они выступали за независимые действия. Победу на президентских выборах одержал Грант, переизбранный на пост президента.

---

[94] Ibid., p. 141.
[95] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.). 1973, vol. 2, p. 71.
[96] *Foster W.* Op. cit., p. 331.

Выборы 1872 г. происходили в условиях резкого обострения классовой борьбы на Юге. К моменту открытия сессии конгресса в декабре 1870 г. в четырех бывших мятежных штатах (Теннесси, Виргиния, Джорджия и Северная Каролина) уже не существовало правительств Реконструкции.

В борьбе за власть реакция использовала не только террор. Реконструкция Юга осуществлялась коалицией республиканцев, состоявшей из негров, северных республиканцев и местного белого населения, среди которого основную роль играли мелкие фермеры. Террор против этого сильного союза не мог дать положительного результата, так как социальная база плантаторской реакции в южных штатах была довольно ограниченной. И поэтому наряду с террором контрреволюция стремилась расколоть блок своих политических противников.

Главную ставку плантаторская реакция сделала на расовую рознь, выдвинув лозунг «превосходства белых» и всячески раздувая среди них шовинистические настроения. Силам реакции удалось перетянуть на свою сторону значительную часть белых бедняков и фермеров. Это было прологом поражения революции.

В мае 1872 г. был принят закон об амнистии. По этому закону число мятежников, лишенных политических прав, уменьшилось со 150 тыс. до 300—500 человек.

В Техасе в декабре 1873 г. на выборах губернатора и должностных лиц штата демократы развязали жесточайший террор, направленный в первую очередь против черных республиканцев. Дэвис, губернатор-республиканец, опиравшийся на негритянскую милицию, отказался признать результаты выборов. Вооруженные отряды демократов и республиканцев захватили различные правительственные учреждения. В штате создалось двоевластие. Правительство Гранта вопреки очевидным фактам признало в Техасе законным приход к власти демократов. 17 января 1874 г. пало правительство Реконструкции и в этом штате.

В 1873—1874 гг. происходило бурное наступление реакции на Юге, которое развертывалось с молчаливого согласия федерального правительства. Добившись успеха в Техасе, силы реакции в Алабаме дали бой республиканцам на выборах, происходивших в ноябре 1874 г. Куклуксклановцы устраивали настоящие побоища на избирательных участках. В одном из городов они открыли огонь по безоружным неграм-избирателям: восемь человек были убиты, около 100 ранены. Негры оказывали упорное сопротивление куклуксклановцам. В ряде графств «черного пояса» негры вооружились, реорганизовали роты негритянской милиции и сумели послать в реакционный законодательный орган штата 35 своих делегатов.

Ожесточенная вооруженная борьба за власть велась в Арканзасе. Вооруженные группы негров и белых демократов захватили железную дорогу, телеграф, здание законодательного органа и вели открытые военные действия в столице штата — Литл-Рок. Президент Грант и в Арканзасе признал законной власть демократов, которая была установлена в 1874 г. грубой силой.

В Арканзасе, как и в других штатах, в процессе борьбы за власть между республиканцами и демократами происходила перегруппировка классовых и политических сил. В Арканзасе движение либеральных республиканцев и раскол республиканской партии привели к тому, что

местные белые республиканцы начали покидать республиканскую партию, и в последние годы Реконструкции эта партия на Юге стала все более и более превращаться в партию негров, а также белых должностных лиц.

Правительства Реконструкции продолжали удерживать власть только в штатах Миссисипи, Луизиане и Южной Каролине, где был самый большой процент негритянского населения и где позиции республиканцев были особенно сильны. В этих трех штатах борьба носила особенно ожесточенный и кровавый характер. Известный негритянский историк К. Вудсон писал: «Некоторые столкновения были настолько же серьезны, как и сражения гражданской войны» [97].

До ноября 1876 г. республиканцы продолжали удерживать власть и в штате Флорида. Известный негритянский лидер Джон Линч, член федерального конгресса, с полным основанием подчеркивал, что победа демократов на выборах 1874 г. в северных штатах привела к резкой активизации террористических элементов демократической партии на Юге, которые захватили «полный контроль над партийной машиной демократической партии» [98]. Это создало благоприятные условия для развернутого наступления демократов на последние правительства Реконструкции.

В Миссисипи в ходе вооруженной борьбы за власть банды реакционеров имели не только пехоту и кавалерию, но и орудия. Как и в других штатах, Грант отказался использовать в Миссисипи федеральные вооруженные силы для отпора бандам демократов. Избирательная кампания 1875 г. в Миссисипи напоминала беспрерывное кровавое побоище. Только в городе Клинтоне было убито около 50 негров. Вся тяжесть борьбы с бандами погромщиков легла на негритянскую милицию штата. Роковой шаг был совершен руководством республиканской партии штата, согласившимся на разоружение негритянской милиции. Демократы предательски нарушили обещание соблюдать перемирие, устроили дикую резню безоружных негров и белых республиканцев. В 1875 г. правительство Реконструкции пало и в штате Миссисипи.

В 1872 г. раскололась республиканская партия в Луизиане. Отошедшие от партии республиканцы блокировались с демократами, что значительно усилило позиции реакции. Началось формирование контрреволюционных вооруженных сил. В январе 1872 г. в их составе насчитывалось от 4 тыс. до 8 тыс. человек, имевших на вооружении даже артиллерию. Попытка вооруженного захвата демократами власти в январе 1873 г. была столь грубым нарушением закона, что на этот раз федеральные войска вмешались в ход борьбы на стороне республиканцев, что позволило сохранить у власти правительство Реконструкции.

Ожесточенные бои в Луизиане продолжались на протяжении всего 1873 г. О масштабах этих боев свидетельствуют события, которые произошли в Колфаксе, где отряды демократов, применив артиллерию, атаковали здание суда, охранявшееся неграми. Во время штурма 61 негр был убит, 37 расстреляны после сдачи в плен. В августе 1874 г. в округе Ред-Ривер была расстреляна группа республиканцев, сдавшаяся в

---

[97] *Woodson C.* The Negro in our History. Wash., 1941, p. 414.

[98] *McFarlin A.* Black Congressional Reconstuction Orators and their Orations, 1869—1879. Metuchen (N. J.), 1976, p. 152.

плен белой лиге: среди них плантатор, школьный инспектор, два адвоката, всего шесть белых и несколько негров.

После выборов 1874 г. в штате установилось двоевластие. И вновь федеральное правительство, несмотря на грубейшее нарушение демократами законов, не оказало военной помощи правительству Реконструкции.

Особенно сильной была белая лига — военизированная организация демократов Нового Орлеана, насчитывавшая в своих рядах до 3 тыс. человек. 11 сентября 1874 г. белая лига Нового Орлеана подняла мятеж, напала на милицию и свергла республиканское правительство. Во время развернувшихся боев активно действовала негритянская милиция. Улицы столицы штата покрылись баррикадами, в ход было пущено не только стрелковое оружие, но и артиллерия. Во время боев было около 100 человек убитых и раненых. Вмешательство федеральных войск не позволило демократам во время сентябрьских боев полностью захватить власть в штате. И только после того как федеральное правительство предало негров, выведя последние федеральные войска с Юга, силы реакции свергли правительства Реконструкции в Луизиане и в Южной Каролине.

Борьба за власть в Южной Каролине во многом напоминала аналогичные события в Луизиане и в других штатах. В частности, прологом падения правительства Реконструкции в Южной Каролине также явился раскол республиканской партии.

В канун президентских выборов 1876 г. республиканцы с большим трудом продолжали удерживать власть только в двух штатах Юга: Луизиане и Южной Каролине. На Севере в это время развертывались упорные забастовочные бои, вызванные ухудшением положения рабочего класса в связи с тяжелым экономическим кризисом, начавшимся в 1873 г. В авангарде забастовочной борьбы шли шахтеры, текстильщики и железнодорожники.

Большого размаха к 1876 г. достигло и фермерское движение. Обострение обстановки на Юге и упорная классовая борьба на Севере создавали весьма сложное положение и для демократов, и для республиканцев. Составление предвыборных программ в этих условиях требовало большой осмотрительности.

Национальный съезд республиканской партии открылся 14 июня 1876 г. Избирательная платформа, выработанная на съезде, гласила, что республиканцы будут добиваться осуществления поправок к конституции, с тем чтобы обеспечить равные права всем гражданам Юга. Этот пункт был явно рассчитан на привлечение голосов избирателей-негров. В программе указывалось на необходимость сохранения высоких таможенных тарифов.

В избирательной программе демократов, выработанной на национальном съезде, собравшемся 27 июля 1876 г., говорилось, что демократы ставят задачу избавить южные штаты от тирании республиканцев и уничтожить коррупцию. Но вместе с тем демократы заявляли, что выступают за сохранение поправок к конституции, принятых в годы Реконструкции. В противоположность республиканцам демократы требовали отмены высоких ввозных пошлин, рассчитывая этим привлечь на свою сторону фермеров.

Положение, создавшееся в канун президентской избирательной кампании 1876 г., впервые в послевоенные годы давало демократам шансы на победу в национальной избирательной кампании. Произошла существен-

ная перегруппировка сил в масштабах всей страны, что привело к значительному ослаблению позиций республиканской партии. Действительно, на Юге власть была захвачена демократами во всех штатах, кроме Южной Каролины, Луизианы и Флориды. Республиканская партия была расколота, что ослабило ее позиции в национальном масштабе. Кризис 1873 г. привел к серьезному ухудшению материального положения широких трудящихся масс, способствуя росту антиреспубликанских настроений.

Уже в начале голосования кандидат демократов, крупный банкир, губернатор штата Нью-Йорк Тилден получил голоса 184 выборщиков. Для победы ему не хватило только одного голоса. Победа кандидата демократов казалась тем более очевидной, что его соперник губернатор штата Огайо республиканец Хейс получил голоса только 166 выборщиков. Решение зависело от выборщиков Луизианы, Южной Каролины и Флориды, располагавших 19 голосами.

Культ насилия, характерный для демократической партии на протяжении всего периода гражданской войны и Реконструкции, нашел проявление в том, что демократы стали готовиться к открытой борьбе за власть. Они выступили с угрозой начать военный поход на Вашингтон. Возникла опасность новой гражданской войны. По приказу президента Гранта в Вашингтоне и на подступах к столице были сконцентрированы войска.

После трех месяцев тяжелейшего политического кризиса лидеры партий в глубокой тайне от общественности заключили «джентльменское соглашение», по которому более чем спорная победа на выборах была признана за кандидатом республиканцев. Последние в порядке компенсации демократам обещали вывести федеральные войска из Южной Каролины и Луизианы, передав этим штаты под управление демократов.

10 апреля 1877 г. федеральные войска покинули Южную Каролину, а через две недели — Луизиану. Правительство Реконструкции во Флориде пало еще в ноябре 1876 г. Так предательством своих союзников — негров буржуазия Севера завершила Реконструкцию Юга. И это не было исторической случайностью. Буржуазно-плантаторский блок сумел расколоть естественных союзников — рабочих, фермеров, негров, что предопределило неизбежность поражения и негритянского движения на Юге, и рабочего и фермерского движений на Севере.

Переход всей полноты государственной власти в руки буржуазии в результате разгрома рабовладельцев в годы гражданской войны, решение проблем Реконструкции Юга в интересах капиталистического развития страны, быстрый рост экономического могущества США в послевоенный период — все это создало необходимые экономические и политические предпосылки для усиления экспансионистского внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

Перед заокеанской республикой стояли различные по своему значению и очередности решения внешнеполитические задачи. Первой проблемой, которой занялось правительство США после окончания гражданской войны, был вопрос о выводе французских войск с территории Мексики. К моменту окончания гражданской войны в США партизанское движение, направленное против оккупантов, все более усиливалось, и французский оккупационный режим в Мексике сталкивался со все возраставшими трудностями.

Правительство США рассматривало оккупацию Мексики как прямое нарушение доктрины Монро и пыталось путем дипломатических демаршей добиться вывода французских войск с территории Мексики. Эти усилия не дали положительных результатов, и осенью 1865 г. Вашингтон в ультимативной форме заявил правительству Наполеона III, что США отказываются терпеть присутствие в Мексике французских войск и профранцузского марионеточного монархического режима. Это заявление было подкреплено таким убедительным аргументом, как концентрация американских войск на границе с Мексикой.

15(27) апреля 1866 г. российская дипломатическая миссия в Вашингтоне сообщала в Петербург: «Если американцы... заставят (французов.— *Авт.*) эвакуировать из Мексики все европейские войска, французские и другие, Мексиканская империя должна рухнуть, и Луи Наполеон сможет этому помешать только путем войны с Соединенными Штатами» [99]. 9(21) июня 1866 г., подробно проанализировав мексиканскую ситуацию, российский посланник делал вывод: «Положение Максимиллиана становится все более и более отчаянным... он не может противостоять решимости Соединенных Штатов... падение Мексиканской империи остается вопросом времени» [100].

Победа федерального правительства в гражданской войне укрепила международные позиции Соединенных Штатов, создала благоприятные условия для эффективной борьбы с профранцузским режимом в Мексике. Сыграли роль и сложные проблемы, с которыми сталкивалось в это время правительство Франции в Европе, что лишало его возможности оказывать более активную поддержку своему ставленнику в Мексике. Французское правительство вынуждено было капитулировать и заявило о выводе своих войск с территории Мексики. К весне 1867 г. эвакуация французских войск с территории Мексики была завершена.

Решающее значение в уничтожении режима интервентов в Мексике имела героическая вооруженная борьба мексиканского народа за свержение правительства Максимиллиана.

Сложный характер имела другая проблема, также связанная с внешнеполитической историей гражданской войны в США,— урегулирование отношений с Англией. Еще в ходе войны федеральное правительство в полном соответствии с международным правом предъявило Англии претензии за действия «Алабамы» и других каперов Конфедерации, оснащенных и вооруженных в Англии. Правительство Англии отклонило претензии США, что привело к возникновению «дела Алабамы», которое на протяжении ряда лет осложняло американо-английские отношения.

Американская дипломатия использовала действия Англии по оснащению каперов мятежников в качестве прецедента, и 26 июля 1866 г. палата представителей приняла билль, разрешавший на территории США вооружать корабли и готовить военные экспедиции для действий против других стран. Антианглийская направленность этого решения была очевидна. За несколько недель до принятия этого законопроекта в США резко активизировалось движение ирландских фениев, а вооруженные группы американских ирландцев вторглись на территорию Канады.

---

[99] АВПР, ф. Канцелярия, 1866 г., д. 221, л. 122.
[100] Там же, л. 165—166.

Руководители внешней политики США не только требовали возмещения убытков, причиненных действиями каперов мятежников, но и становились на путь открытого экспансионизма. Причем это было характерно и для консервативных буржуазных кругов и для радикалов. Председатель комиссии по внешней политике сената США лидер радикальных республиканцев Чарлз Самнер считал, что надо немедленно захватить Канаду в счет погашения претензий к Англии по «делу Алабамы». Член палаты представителей Робинсон шел еще дальше, считая, что в силу «предопределения всемогущего бога» не только Канада, но и Ирландия ввиду «сродства» их населения с населением США должны войти в состав Соединенных Штатов.

Антиамериканская политика Англии в годы гражданской войны в США еще раз убедительно показала, сколь опасно в политике создавать прецеденты. В связи с начавшейся англо-абиссинской войной в сенат в ноябре 1867 г. была внесена резолюция о признании за Абиссинией тех же прав, какие Англия признала за мятежниками в годы гражданской войны.

Англия была лишена морального права возражать против этой американской инициативы. Положение Англии усложнилось после начала в 1870 г. франко-прусской войны. Если бы Англия оказалась втянутой в военный конфликт в Европе, США, используя как прецедент антиамериканскую позицию Великобритании в годы гражданской войны, могли бы снаряжать каперы для действий против английского флота. Для английской дипломатии сложилось безвыходное положение, и Лондону пришлось дать согласие на предложение США о передаче «дела Алабамы» на рассмотрение международного арбитража. Эта процедура затянулась на несколько лет. Англо-американский спор по «делу Алабамы» вышел за рамки отношений между двумя державами. В сентябре 1872 г. международный трибунал постановил, что Англия виновна в нарушении принципов нейтралитета и обязана уплатить США 15,5 млн. долл. компенсации за действия «Алабамы» и других каперов.

Русско-американские отношения в период Реконструкции носили дружественный характер, так же как и в годы гражданской войны. Однако в этих отношениях тоже имелись свои проблемы. США придерживались экспансионистского курса в отношении Аляски, используя отдаленность этих русских владений от России. С местным населением Аляски американцы вели широкую контрабандную торговлю, хищнически эксплуатировали богатые природные ресурсы этой территории, всячески подстрекали коренное население Аляски на выступления против российских властей.

В 1867 г. царское правительство продало Аляску США. Это было логическим результатом ослабления самодержавия, его неспособности оборонять свои отдаленные владения на Американском континенте и эффективно управлять ими. Важную роль в принятии этого необычного для внешнеполитической практики России решения сыграли дипломатические соображения. Россия рассчитывала, что это приведет к обострению англо-американских противоречий и создаст благоприятные условия для политики России в Европе и Азии.

30 марта 1867 г. Россия и США подписали договор о продаже Аляски. Условия этого договора были исключительно выгодны для США: за огромную территорию площадью 577 390 кв. миль США должны были

заплатить всего 7,2 млн. долл. золотом. Российская миссия в Вашингтоне сообщала 10(22) декабря 1868 г. в Петербург, что покупка Аляски способствовала обогащению членов конгресса: «ведущие общественные деятели и влиятельные лица из Союза получили большие суммы денег за услуги, оказанные ими в связи с покупкой Аляски»[101].

В период Реконструкции и с американской, и с русской стороны было немало заявлений об искренней и незыблемой дружбе. Например, Г. Фокс, руководитель американской делегации, посетивший в августе 1866 г. Россию, заявлял о братской дружбе, которая «будет на вечные времена служить примером для всех остальных наций мира»[102].

Российская дипломатическая миссия более трезво смотрела на русско-американские отношения. В одном из донесений в Петербург в 1868 г. констатировалось: «Ревнивая антипатия американцев к Франции и Англии, а не сомнительная дружба с нами будет всегда их ставить на нашу сторону». Российские дипломаты подчеркивали, что не надо преувеличивать значение заявлений американских руководителей в отношении России: «Американцы идут до определенного момента, и не более. Их политика имеет только одну цель — интерес»[103].

Американские рыбаки грубейшим образом нарушали суверенитет России, высаживаясь на практически не охраняемом русском Тихоокеанском побережье. «Правонарушения совершают в основном американцы»,— сообщала в Петербург российская миссия в США[104].

Экспансионистский характер внешней политики США нашел проявление во всевозраставшем интересе американской стороны к островам Вест-Индии как базам для военно-морского флота США. Президенты Джонсон и Грант принимали меры к покупке двух главных островов датской Вест-Индии — Сент-Томас и Сент-Джон, а также восточной части важного в стратегическом и экономическом отношении о-ва Гаити — Доминиканской республики, откуда испанские колонизаторы вновь были изгнаны в 1865 г. Президент Джонсон заявил в послании, что не только Сент-Томас и Сент-Джон в силу политического тяготения должны отойти к Соединенным Штатам, но и что к Соединенным Штатам «тяготеет» вся Вест-Индия.

Российская миссия в Вашингтоне подробно информировала Петербург об экспансии США в Санто-Доминго. В сообщении Горчакову от 18(24) января 1873 г. говорилось: «Аннексия Санто-Доминго состоится в силу сложившихся обстоятельств и под прикрытием силы Соединенных Штатов, которую они распространяют на всех, кто их окружает»[105].

В годы Реконструкции во внешней политике Соединенных Штатов важное место заняли события на Кубе. Прогрессивная американская общественность с большим вниманием и симпатией следила за начавшимся в 1868 г. на Кубе восстанием против испанских колонизаторов. Эти настроения общественности небезуспешно эксплуатировали руководители внешней политики США, которые надеялись извлечь для себя выгоды из событий на Кубе.

---

[101] Там же, 1868 г., д. 152, л. 192—195.
[102] Московские ведомости, 1866, 24 авг.
[103] АВПР, ф. Канцелярия, 1868 г., д. 152, л. 85об.— 86.
[104] Там же, 1869 г., д. 167, л. 505—507.
[105] Там же, 1873 г., д. 115, л. 18—21.

В 1873 г. испанцами было захвачено судно «Виргиния», направлявшееся на Кубу. Испанские власти казнили 53 человека из числа членов команды и пассажиров, в том числе несколько американских и английских граждан, находившихся на судне. Реакция американской общественности на эту акцию была исключительно бурной и болезненной. Повсюду раздавались требования принять самые решительные меры по отношению к Испании, чтобы «смыть оскорбление американского флага». В этой тревожной обстановке президент Грант дал указание морскому министру перевести флот на военное положение. Возникла угроза начала испано-американской войны.

Государственный департамент в создавшейся обстановке сделал максимум возможного, чтобы разрядить напряжение, возникшее в испано-американских отношениях. Эта позиция дала возможность ограничиться словесным заверением, что у испанцев не было намерения наносить оскорбление флагу США. После того как семьям казненных американских граждан правительство Испании выплатило денежную компенсацию, Вашингтон счел инцидент исчерпанным.

Внешнеполитическое ведомство США находилось в довольно сложном положении и строило внешнюю политику страны с учетом тех внутренних проблем, которые стояли перед буржуазией в рассматриваемый период и на Юге, и в масштабах Союза.

США стремились в первую очередь укрепить позиции на Американском континенте и не дать возможности Англии и другим колониальным державам добиться в этом регионе каких-либо успехов в реализации своего внешнеполитического курса. Основным внешнеполитическим противником США оставалась Англия. Негативное воздействие на англо-американские отношения оказывала инерция гражданской войны, когда Великобритания заняла резко антиамериканскую позицию.

Однако главное заключалось в том, что Соединенные Штаты стремительно шли вперед в экономическом развитии, и по мере укрепления их могущества они сталкивались с интересами Великобритании на всех важнейших перекрестках мировой политики. Это в первую очередь касалось Американского континента. Экспансионистская направленность американской политики в этом регионе была очевидна. Одним из главных объектов экспансии была Канада. «Со времени окончания гражданской войны прошло всего несколько лет, но как изменились лозунги внешней политики и дипломатии правившей в США республиканской партии» [106].

Реконструкция Юга была продолжением гражданской войны, вторым этапом буржуазно-демократической революции 1861—1877 г. На этом этапе вопрос о власти на Юге решался в борьбе между плантаторами, опиравшимися на реакционные круги Севера, и промышленной буржуазией, которую поддерживали широкие массы черного и белого населения южных штатов. Итогом этой борьбы явился переход власти в бывших мятежных штатах в руки промышленной буржуазии Севера и ее белых и черных союзников.

Реконструкция была ренессансом черного народа США. Успехи, достигнутые неграми в этот период во всех областях жизни, были проявлением огромных нерастраченных духовных, интеллектуальных и физиче-

---

[106] История дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 689.

ских сил черного народа, которые были скованы столетиями пребывания в рабстве.

Однако в годы Реконструкции негры и белые бедняки не смогли решить главного вопроса, поставленного революцией в повестку дня,— аграрного. Основной причиной этого являлось то, что неграм и их союзникам в борьбе за решение аграрной проблемы противостоял мощный блок плантаторов и буржуазии. Буржуазия была заинтересована и добилась перераспределения земельной собственности на Юге в свою пользу. Но эти земли кто-то должен был обрабатывать и на условиях, выгодных плантаторам и новым землевладельцам. Буржуазия была экономически и политически заинтересована в том, чтобы сохранить негров на положении полурабских кропперов, издольщиков. И буржуазия располагала значительной силой, чтобы кто-либо мог эффективно помешать реализации ее планов.

Решение аграрного вопроса в южных штатах даже в этом очень урезанном виде имело свое прогрессивное значение. Эту сторону проблемы подчеркивал В. И. Ленин [107]. Вторая Американская революция, особенно осуществление программы радикальной Реконструкции, заложила экономические и политические основы для развития в южных штатах капитализма в сельском хозяйстве по американскому пути.

Эта тенденция развивалась в ожесточенной борьбе с противоположной тенденцией — развитием капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути. Два противоположных пути развития капитализма в сельском хозяйстве Юга тесно переплетались, создавая конгломерат экономических и политических проблем. Прогрессивные формы ведения сельского хозяйства по американскому пути уживались в южных штатах с махровыми пережитками рабства. В. И. Ленин подчеркивал: «...экономические пережитки *рабства* решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельческом юге Соединенных Штатов эти пережитки *очень сильны до сих пор*» [108]. Пережитки рабства, писал В. И. Ленин, привели к тому, что Юг — «тюрьма для „освобожденных“ негров» [109].

Революционные преобразования, начавшиеся на Юге во время Реконструкции, не были доведены до конца. Буржуазия отказалась от решительного вооруженного подавления плантаторской реакции. Объяснялось это тем, что буржуазия нуждалась в плантаторах как союзниках по борьбе с негритянскими массами, движение которых перешагнуло узкие рамки, поставленные программой радикальной Реконструкции.

Буржуазия Севера сделала ставку на плантаторскую реакцию как на союзника и в борьбе с рабочими и фермерами, движения которых в 70-е годы достигли большого размаха. Для борьбы с этими движениями надо было укрепить южный тыл, подавить революционные выступления негров и их белых союзников.

Демократы сумели свергнуть правительства Реконструкции на Юге, так как им удалось расколоть республиканцев по расовому принципу, что явилось прологом крушения правительств Реконструкции.

---

[107] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 145.
[108] Там же, с. 141.
[109] Там же, с. 144.

Одной из важнейших причин поражения революционного движения на Юге явилось и то, что рабочие и фермеры Севера не оказали этому движению прямой и эффективной поддержки.

Революционное движение на Юге было подавлено, тем не менее события периода Реконструкции сыграли большую положительную роль в истории южных штатов и всей страны. Важнейшее значение имело то, что массовые выступления негров и их союзников сорвали попытки восстановления рабства. На Юге были установлены новые, буржуазные отношения.

За годы Реконструкции негры добились больших успехов в своем развитии, чем за столетия пребывания в рабстве.

Исторический опыт периода Реконструкции свидетельствует, что господствующие классы не могут быть искренними сторонниками освобождения угнетенных народов. Гражданская война и Реконструкция со всей неопровержимостью доказали, что важнейшим условием успешной борьбы негров за свои права является поддержка их белыми рабочими и фермерами. В годы гражданской войны негры выступали в тесном союзе с белыми трудящимися, что позволило добиться уничтожения рабства. Отсутствие такого союза в годы Реконструкции предопределило поражение революционных сил в борьбе с плантаторской реакцией.

Многомиллионный отряд черных и белых трудящихся Юга был самым активным участником Реконструкции. Это придало Реконструкции революционный, буржуазно-демократический характер. Однако по активности народных масс, по разнообразию форм и методов борьбы, а также по достигнутым результатам Реконструкция значительно уступала гражданской войне. Важно также отметить, что гражданская война велась в масштабах всей страны, а Реконструкция носила локальный характер, осуществлялась в пределах южных штатов. Это был нисходящий этап второй Американской революции.

IV
НАУКА И КУЛЬТУРА

Глава тринадцатая
ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

1. НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Судьба школы и педагогической мысли США были тесно связаны с историей, экономическим и общественно-политическим строем страны. Главная особенность исторического развития США — отсутствие ярко выраженных феодальных отношений и буржуазная основа происхождения — отчетливо сказалась и на эволюции школы и педагогики и определила специфику их развития.

В европейских странах пережитки средневековья в течение длительного времени задерживали становление буржуазной школы, церковь стремилась сохранить абсолютное руководство воспитанием подрастающих поколений. Уже первые законодательные акты говорят о стремлении подчинить школу потребностям экономики, прочно связать ее с нуждами развивавшихся промышленности и сельского хозяйства. Дух практицизма, который характерен для американской школы сегодня, обусловлен этими историческими причинами.

Вместе с тем американская школа стремилась перенять многое от школ континентальных стран, что было закономерно. Во-первых, долгое время американские штаты были колониями Англии; во-вторых, на протяжении нескольких веков в Америку сплошным потоком приезжали переселенцы из разных стран, которые привозили и свои традиции, и свои представления о воспитании подрастающего поколения. В конечном счете влияние англичан на формирование общественно-политических взглядов колонистов оказалось самым значительным. И это влияние отчетливо прослеживается на школе и педагогической мысли. «Первые английские поселенцы в Северной Америке, отцы-пришельцы, как их называют, как только выбирали места для поселения, так основывали прежде всего церковь и школу, и часто прежде школу, чем церковь»,— писал К. Д. Ушинский [1].

В большинстве случаев поселенцы устраивали школы по типу тех, которые существовали на их родине. А так как поселенцы были разных национальностей и принадлежали к тому или иному религиозному направлению, то и школы в различных колониях складывались не по еди-

[1] *Ушинский К. Д.* Собр. соч.: В 11-ти т. М.; Л., 1948—1952, т. 3, с. 611.

ному типу. Но и в этом многообразии преобладали школы английского типа. Как правило, школы функционировали на средства местных управлений или частных пожертвований.

Чтение, письмо, английская грамматика, пение псалмов — вот основные предметы преподавания в школах. В некоторых из них обучали труду. В ряде колоний на этот счет имелось соответствующее законодательство. Так, в Массачусетсе 14 июня 1642 г. был утвержден специальный ордонанс, в котором говорилось: «...принимая во внимание большую потребность многих родителей и хозяев в обучении их детей грамоте и труду, а также и другим умениям, полезным для общественного благосостояния, суд издает постановление, чтобы в каждом городе люди, избранные для более разумного использования этого дела, взяли на себя заботу исправить зло так, чтобы налагались в достаточной мере штрафы в качестве наказания за пренебрежительное отношение к делу обучения детей по заключению присяжных или другому донесению...» [2].

В 1647 г. в Массачусетсе был принят закон о создании в этой колонии общественных школ. На основании этого закона каждый населенный пункт, насчитывавший 50 домов, должен был содержать учителя, который обязан обучать детей чтению и письму. Жителям поселков, насчитывавших 100 домов, предписывалось организовать грамматическую среднюю школу.

Аналогичное законодательство можно встретить и в других британских колониях в Северной Америке.

Аграрный характер Америки, особенно в колониальный период, отразился на учебных планах школ и содержании обучения в них. Факты свидетельствуют, что всякий раз, когда речь заходила о необходимости приблизить учебные планы к практическим нуждам страны, обязательными считались занятия, связанные с сельским хозяйством. Жизнь выдвигала потребность обучения знаниям практического порядка. Латинские грамматические (средние) школы вынуждены были идти навстречу требованиям жизни. Почти во всех колониях и особенно в приморских портовых городах в школах преподавались отрасли прикладной математики, особенно землемерное дело.

Национальная система образования США со всеми ее специфическими особенностями начала складываться после войны за независимость. Большие заслуги в становлении системы образования нового буржуазного государства принадлежат видным американским просветителям Б. Франклину и Т. Джефферсону.

В конце XVIII в. в США по-прежнему не существовало стройной системы образования. Оно носило в основном частный характер, и его выгодами могли пользоваться лишь богатые. Между начальной и средней школой не было достаточной преемственности. Подготовка контингентов учащихся для средней школы часто шла помимо начальной или в частных приготовительных школах.

В билле о всеобщем распространении знаний (1779 г.) Джефферсон предусматривал осуществление всеобщего обязательного образования и организацию для этой цели школы двух ступеней — элементарной и грамматической. По этому плану в каждом штате на территории 5—6 кв. миль

---

[2] The Executive Documents of the House of Representatives. Wash., 1855, vol. 18, p. 1231.

должна существовать элементарная (начальная) школа со сроком обучения три года. В этой школе в программу включались чтение, письмо, арифметика. Хотя Джефферсон не предусматривал, чтобы дети изучали историю и классические языки, но чтением книг в течение трех лет обучения предполагалось дать учащимся некоторые знания греческой, римской, английской и американской истории. Создание бесплатной начальной школы проектировалось на средства, получаемые в результате сбора налогов.

Следующей ступенью были четырехгодичные средние (грамматические) школы, где учащиеся должны изучать географию, историю, грамматику, греческий и латинский языки, начала высшей математики.

Много сделал для организации начального и среднего образования в стране Б. Франклин, который составлял учебные программы, критиковал схоластичные приемы обучения, выступал за сближение школы с жизнью, за подготовку людей, способных работать в сельском хозяйстве и промышленности.

Американские просветители Б. Франклин и Т. Джефферсон не были педагогами в собственном смысле этого слова. Однако они глубоко знали школу своего времени. Их предложения о необходимости реформы этой школы — призывы не государственных деятелей, а людей, глубоко проникших в суть вопросов педагогики. Они отвергали старое классическое образование и давали развернутую программу нового. Они не просто перечисляли школьные предметы, которые следовало бы изучать, а пытались раскрыть роль каждого из них для практической деятельности людей. Причем рекомендации Франклина и Джефферсона о некоторых методах и путях изучения этих предметов — также свидетельство того, что и к этим сугубо педагогическим проблемам они относились с большим вниманием.

Следует отметить, что американские просветители не ограничивались разработкой программы воспитания и образования, а думали о преобразовании современного им общества путем всеобщего распространения знаний. Придавая огромное значение разуму, науке, просвещению, они сыграли значительную роль в распространении передовых для своего времени идей Просвещения, боролись за светскую школу.

Дальнейшее развитие капиталистических отношений в стране, начавшаяся промышленная революция с еще большей остротой поставили вопрос о необходимости модернизации школьного образования. Пропаганда идей Просвещения выдающимися представителями буржуазно-демократической мысли, потребность в образованных людях привели к тому, что конституции большинства штатов включали положения о непреложности и важности образования для народа. Но эти статьи в конституциях штатов оставались долгое время декларацией, так как в первые годы после революции ни в одном из штатов не было бесплатных школ. Образование носило в основном частный характер и по-прежнему было привилегией богатых. Первая бесплатная общественная школа открылась в Нью-Йорке в 1809 г.

Поскольку в конституции 1787 г. ничего не говорилось о народном образовании, передовые мыслители того времени продолжали выступать за распространение просвещения, за создание государственной системы образования, за введение трудового обучения. В конце XVIII — начале XIX в. появилось множество проектов, предусматривавших организацию

народного образования в стране. Характерной особенностью этих проектов являлось требование подготовки молодежи к жизни, обучение полезным ремеслам, расширение в учебных планах предметов практического цикла, а главное выдвигалась идея бесплатного обучения.

Всеобщее образование немыслимо было установить при существовавшей системе платности за обучение. Борьба за бесплатную школу носила острый характер. Противники бесплатного обучения заявляли, что такая школа есть признак коммунизма и что родители не станут отдавать в бесплатные школы своих детей, так как ценят только то, за что приходится им платить. Но, несмотря ни на что, идея бесплатного образования завоевывала все больше сторонников, и в различных штатах стала постепенно вводиться бесплатность обучения. Впервые это произошло в штате Пенсильвания (1820), затем — в Иллинойсе (1823), Делавэре (1831), Огайо (1838).

Введение бесплатного обучения было важным фактором в создании государственной системы образования и, безусловно, сыграло существенную роль в истории школы США. В первую половину XIX в. почти во всех штатах были приняты законы о введении бесплатного начального образования. Так, к началу 40-х годов государственная начальная школа охватила около половины детей штатов Новой Англии, седьмую — центральных и шестую часть детей — западных штатов[3].

Бесплатность обучения способствовала резкому увеличению числа обучавшихся в общеобразовательной школе. В канун гражданской войны по состоянию образования США обогнали все страны Западной Европы. Об этом довольно красноречиво свидетельствуют такие данные. Если сравнить охват детей, юношества и молодежи всеми видами учебных заведений (в том числе не только начальных, но и средних и высших) в процентном отношении к населению страны, то получится, что по этим количественным показателям США значительно опережали такие капиталистические страны, как Великобритания, Германия, Франция, Швейцария, Нидерланды и др.[4]

Заметную роль в борьбе за бесплатную школу, которая была бы доступна всем детям, сыграл молодой рабочий класс США. Тред-юнионы крупнейших промышленных городов Нью-Йорка, Филадельфии, Бостона выступили с требованием ликвидации монополии богатых на образование. «Создание системы образования, доступной каждому,— писали рабочие Бостона в 1830 г. в резолюции общего собрания,— должно быть одним из первых шагов законодательства...»[5]

В том же году на заседании Комитета тред-юнионов Филадельфии в отчете о положении рабочих говорилось: «В республике народ выбирает правительство и, пользуясь властью согласно своему развитию или невежеству, здравому смыслу или капризу, является творцом и руководителем своей собственной судьбы, хорошей или плохой. Из этого явствует, что без широкого распространения образования не может быть действительной свободы и что образование должно стремиться к воспитанию хорошего характера, нравственности и разумной воли. Образование же в

---

[3] Thayer V. T. Formative Ideas in American Education. N. Y., 1970, p. 85—86.
[4] *Rosenberg N.* Technology and American Economic Growth. N. Y., 1972, p. 38.
[5] Contemporary American Education / Ed. by S. Dropkin. N. Y., 1965, p. 122.

народных школах в настоящее время сводится к простому ознакомлению с буквами и цифрами» [6].

Резолюция была составлена в духе идей американских просветителей, в ней подчеркивалась решающая роль образования в переустройстве общества и в то же время содержался призыв к оздоровлению американской школы, к приближению ее к потребностям жизни. Но основным требованием рабочих в это время в области народного образования оставалось требование бесплатной школы.

Действия американских профсоюзов в рассматриваемый период отличались организованностью, сплоченностью, пониманием классовых интересов трудящихся.

Капиталистическая система может успешно функционировать только в том случае, если рабочие имеют хотя бы начальное образование. В колониальный период ремесленники могли быть совершенно неграмотными и все же выполнять работы с успехом, но когда началось развитие капиталистической системы, «для которой характерны более сложные производственные процессы, требующие более высокой производительности труда, возникла настоятельная необходимость дать рабочим хотя бы самое элементарное образование» [7].

Господствующие классы поняли также, что детям рабочих надо давать не только элементарное образование, но и обучать их труду, чтобы на фабрику, завод приходили люди, уже имеющие определенные трудовые навыки.

Влияние трудящихся на школьную политику в известной степени облегчалось децентрализованной системой управления школами. Как уже отмечалось, в конституции 1787 г. не упоминалось о просвещении. Федеральное правительство передало дело образования в руки законодательных собраний штатов. Тем самым была закреплена исторически сложившаяся децентрализованная система образования, при которой немаловажную роль играла общественность, так как школы содержались на средства жителей.

Передача школьного управления в руки местных властей в период домонополистического капитализма было прогрессивным явлением. К. Маркс в «Критике Готской программы», возражая против формулы «*народное воспитание через посредство государства*», писал: «Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу» [8].

В известной степени эти требования к школе были осуществлены. Децентрализация способствовала привлечению населения к решению многих школьных вопросов: устанавливать размер школьного налога, нанимать учителей, определять содержание обучения, т. е. развязывала местную инициативу и создавала более благоприятные условия для развития образования.

Большое значение для распространения просвещения, а также успешного развития школьной системы имело отделение церкви от государства. «В Соединенных Штатах, где церковь была отделена от государства и таким образом дело образования освобождено от мертвящего влияния

[6] *Россель Ф.* Развитие системы образования в Соединенных Штатах. Б. м., 1919, с. 12.
[7] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 231.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 30.

церкви, революция заложила основу для снижения неграмотности и для развертывания просветительной работы в массах народа... Это и является одной из важнейших причин, в силу которых США смогли значительно обогнать Латинскую Америку в экономическом развитии»,— писал У. Фостер [9].

Отделение государства от церкви позволило легче перейти к созданию светской школы. В 1818 г. законодательное собрание штата Коннектикут провозгласило отделение школы от церкви. В дальнейшем аналогичные законы были приняты в других штатах. Все это привело к тому, что в американских школах меньше ощущалось религиозное влияние, чем в странах Западной Европы, способствовало расширению содержания обучения, включению в него трудового, эстетического, физического воспитания.

Общественно-педагогическое движение 20—30-х годов XIX в. за демократизацию системы образования выдвинуло ряд видных деятелей в области народного образования, среди которых первое место по праву принадлежит просветителю и демократу Горасу Манну (1796—1859). Подобно американским просветителям XVIII в. Б. Франклину, Т. Джефферсону и своим современникам социалистам-утопистам, Манн считал, что решающее значение в развитии общественных отношений и преодолении социальных несправедливостей должно быть отведено организации обучения и воспитания детей.

Горас Манн много сделал для улучшения системы образования в США. Недаром его деятельность на ниве просвещения получила высокую оценку крупнейшего русского педагога К. Д. Ушинского, который писал, что с тех пор как Манн стал секретарем Бюро по делам народного образования, «началась новая эра для общественного воспитания Северной Америки» [10]. В течение 12 лет Манн возглавлял такое бюро в штате Массачусетс, и его педагогическая деятельность оказала огромное влияние на организацию образования в других штатах страны. Он отстаивал идею равенства людей независимо от расовой или религиозной принадлежности и полагал, что это равенство должно осуществляться и в обучении детей, так как, «прежде чем быть образованным, человек должен стать свободным» [11].

Внимание Манна привлекал самый широкий круг вопросов по организации системы школ, методике обучения отдельным предметам, содержанию образования, подготовке учителей, формированию школьных библиотек, созданию новой школьной мебели и т. п. Благодаря настояниям Г. Манна почти во всех северо-восточных штатах был значительно расширен учебный план элементарной школы за счет введения в него естествознания, географии, музыки, рисования. В ежегодных докладах о состоянии народного образования в штате Массачусетс, статьях и многочисленных выступлениях он останавливался на связи школы с жизнью, доказывал необходимость практического обучения детей, подготовки их к жизни.

В период промышленной революции в школах резко возросло число предметов естественнонаучного цикла. Например, из 149 новых предметов,

---

[9] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки, с. 231—232.
[10] *Ушинский К. Д.* Собр. соч., т. 2. с. 191.
[11] *Morgan J. E.* Horace Mann. His Ideas and Ideals. N. Y., 1924. p. 28.

появившихся в средних школах Нью-Йорка между 1787 и 1860 гг., 23 были включены в программу до 1826 г., 100 — между 1826 и 1840 гг. и 26 — после 1840 г. Таким образом, наибольшее число новых предметов было введено в учебные планы в связи с развитием промышленной революции, т. е. в годы, когда движение за расширение содержания обучения в школах США приняло особенно широкие масштабы.

Следует отметить, что в 60-е годы XIX в. содержание образования в школах США в большей степени предусматривало подготовку учащихся к практической деятельности и давало такие навыки, о которых в школах Старого Света еще не имели никакого понятия. Многие реформаторы в области народного образования ставили вопросы активизации методов обучения: отказ от пассивной зубрежки непонятных детям положений и слов; применение принципов наглядности в процессе обучения; требование большей осмысленности фактического материала.

Как известно, борьба за просвещение сливается с борьбой за демократию. И в ней рабочие и фермеры США сумели добиться определенных успехов. Вместе с тем при всей своей прогрессивности не следует идеализировать американскую школу, как это делают буржуазные исследователи. Быстрые темпы развития образования в стране, сравнительно широкий охват детей обучением не только начальной, но и средней школой, довольно обширный круг изучаемых предметов, бесспорно положительно характеризуют американскую школу. Все это дало повод значительному числу буржуазных историков и педагогов и по сей день утверждать, что все демократические идеалы (в том числе и лозунг равенства права на образование), провозглашенные в период буржуазной революции XVIII в., осуществлены на практике. Слово «демократия» буквально не сходит со страниц многочисленных монографий по истории народного образования в США.

Вместе с тем, как известно, ряд демократических требований, в том числе и такое, как обязательное начальное образование, не распространялся полностью на детей трудящихся, не все из них могли получить среднее образование, наблюдался большой отсев из начальной и средней школ, процветала сегрегация, значительное различие в материальном обеспечении школ промышленных и аграрных штатов. Широкое применение детского труда в промышленности и сельском хозяйстве делало невыполнимым всеобщее обучение подрастающих поколений. Плодами просвещения в основном пользовались дети обеспеченных слоев населения. Все это дало повод Н. К. Крупской писать: «Было бы в высшей степени неразумно подходить к американской школе огульно, идеализируя ее. Ее надо изучать» [12].

2. КОЛЛЕДЖИ И УНИВЕРСИТЕТЫ

Первые девять колледжей, открытые в колониальной Америке общинами переселенцев для подготовки прежде всего священнослужителей, были созданы по инициативе церкви и в основном на частные пожертвования. Такое происхождение колледжей определяло всеобъемлющее влияние какой-либо деноминации на жизнь учебного центра.

---

[12] *Крупская Н. К.* Педагогические соч.: В 11-ти т. М., 1958—1963, т. 3, с. 45.

В 1636 г. конгрегационалисты Массачусетса основали Гарвард[13], в 1693 г. возник англиканский колледж «Уильям энд Мэри» в Виргинии, в 1701 г.— конгрегационалистский Йельский колледж в Коннектикуте. На более позднем этапе с идеологией и движением «Великого пробуждения» связано учреждение в 1746 г. пресвитерианского колледжа в Нью-Джерси (Принстон), в 1764 г.— баптистского колледжа в Род-Айленде (впоследствии университет Брауна), в 1766 г.— голландско-реформатского колледжа Ратгерс в Нью-Джерси, в 1769 г.— Дартмутского конгрегационалистского колледжа в Нью-Гэмпшире. В 1755 г. получил хартию колледж Филадельфии (впоследствии Пенсильванский университет), созданный на основе академии Б. Франклина. Тогда же возник «Кинг'з колледж» в Нью-Йорке, над которым вскоре в борьбе с пресвитерианцами установила влияние англиканская церковь (впоследствии Колумбийский университет).

Колледжи становились институтом насаждения идей христианства в той религиозной оболочке, какой придерживалась церковная олигархия данной общины[14], трансплантируя свои взгляды на американскую почву, обращая в христианскую веру индейцев Запада[15] и воспроизводя кадры священнослужителей, чтобы «ни в коем случае не оставить служителей церкви неграмотными после того, как наше нынешнее духовенство уйдет в мир иной»[16], как сообщалось в одном из первых документов, относящихся к истории Гарварда, учрежденного в разгар антиномийского кризиса тем же Общим собранием, которое объявило беспощадную борьбу отклонениям от ортодоксальных теологических норм[17]. В условиях религиозного плюрализма колледжи становились объектом теологической борьбы за установление диктата над ними.

Хартии и уставы колледжей, излагавшие основные принципы преподавания, содержание учебного процесса и условия приема, были составлены под влиянием английских университетов. И это естественно, поскольку основатели колониальных учебных центров, как правило, были выпускниками Оксфорда и Кеймбриджа. На более позднем этапе возросло влияние традиций шотландских университетов — Эдинбургского и Эбердинского, чьи выпускники заняли ведущие позиции в «Кинг'з колледж», Филадельфийском колледже и колледже в Нью-Джерси.

В русле традиционно классической тенденции хартия Гарварда предусматривала вступительный экзамен по латыни и греческому, затем был

---

[13] В октябре 1636 г. Общее собрание Бостона выделило 400 ф. на создание колледжа и библиотеки. По завещанию священника Джона Гарварда поступило 800 ф., а также библиотека в 320 томов. Были и другие пожертвования.

[14] Исключение представлял колледж Пенсильвании, созданный Франклином. В этой колонии преобладала религиозная община квакеров, не признававших духовного сана и не видевших необходимости в подготовке образованных священников, тогда как в конгрегационалистской церкви (например, священнику), как правило, недостаточно было иметь степень бакалавра. Предпочтительнее было получить степень магистра.

[15] A Documentary History of Education in the South before 1860: Vol. 1—5 / Ed. by E. W. Knight. Chapel Hill, 1949, vol. 1, p. 401.

[16] American Higher Education. A Documentary History: Vol. 1, 2 / Ed. by R. Hofstadter, W. Smith. Chicago, 1961, vol. 1, p. 6.

[17] Жертвой нетерпимости религиозных ортодоксов стал даже президент Гарварда в 1639—1654 гг., популярный священник Генри Данстер в связи с расхождениями с церковной олигархией по локальной теологической проблеме.

присовокуплен экзамен по арифметике (устав Йеля 1745 г.), а во второй половине XVIII в.— по математике, истории, географии и английскому языку. Наряду с главными, теологическими дисциплинами программа предусматривала преподавание классических языков и литературы, арамейского, древнесирийского, древнееврейского языков, риторики, диалектики, философии, а также математики и ботаники. В целом естественнонаучным дисциплинам в учебном процессе Гарварда в XVII в. отводилось не более 9% классного времени [18].

Одно из центральных мест занимали занятия по логике и силлогические диспуты, во время которых вырабатывались навыки красноречия и логических рассуждений. В первые десятилетия существования Гарварда предметом таких схоластических диспутов был главным образом теологический материал. Курс преподавания был единый, обязательный для всех, рассчитанный в основном на четыре года при строжайшем посещении церковных служб и занятий, на которых английская речь допускалась лишь в обусловленных обстоятельствах.

Метод обучения сводился к заучиванию материала, рассказанного преподавателем на уроках. По окончании учебы при условии владения латинским языком настолько, чтобы читать и логически трактовать Старый и Новый заветы, а также благочестивого поведения студент получал степень бакалавра. Хартии предусматривали присуждение и следующей степени — магистра — тем, кто впоследствии представлял тезисы по проблемам логики, естественной и моральной философии, арифметики, геометрии или астрономии и публично защищал свои выводы. Церемония вручения дипломов в Гарварде превращалась в событие общественного значения, в котором принимали участие жители Бостона.

Общины заботились о строгом пуританском воспитании питомцев колледжей, которым запрещалось посещать компании или общества таких людей, которые ведут развязную, беспутную жизнь. В Йеле предусматривалось наказание вплоть до исключения за «непослушание, непокорность, упрямство в отношениях со старшими, а также за драку, вымогательство, пьянство, нечистоплотность, непристойные слова или действия, ношение женской одежды» [19]. Существовала практика телесных наказаний. В Америке, как и в Англии, студенты жили в общежитиях при колледжах, зачастую в одном помещении с преподавателями.

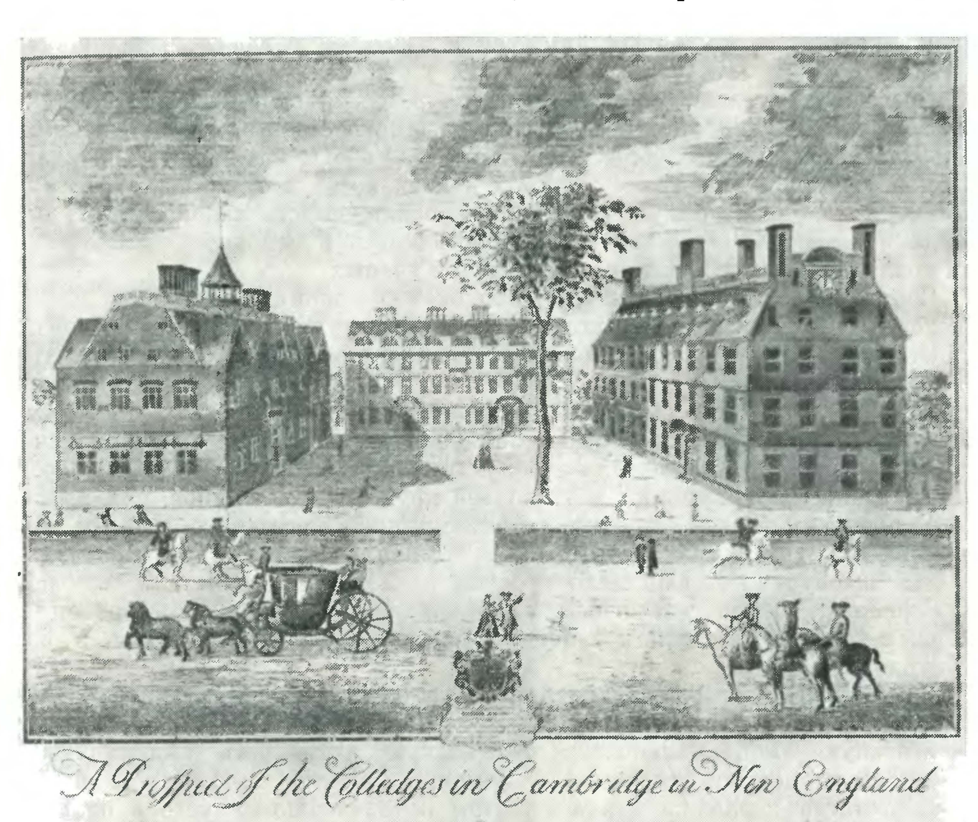
Принципиальное значение не только для периода формирования колледжей, но и последующих столетий имело учреждение советов попечителей, ведавших управлением всей жизнью колледжа, в том числе и правом присуждать степени. В этом состояло коренное отличие американских колледжей от европейских, в том числе английских, созданных при активном участии крупных ученых, где советы преподавателей-ученых были авторитетным органом в решении учебно-научных проблем. Колониальные колледжи были самоуправляемы, в основе чего, как декларировалось, лежал принцип университетской независимости от других учреждений, в том числе государственных. Совет попечителей Гарварда состоял из шести членов — представителей светской власти и шести священников (через несколько лет это число возросло).

Хартия 1650 г. создала еще и корпорацию для управления Гарвард-

[18] *Morison S. E.* Harvard College in the Seventeenth Century. Cambridge, 1936, pt 1, p. 141.

[19] American Higher Education.... vo. 1, p. 57.

ским колледжем в составе президента, казначея и пяти членов из числа преподавателей. Несмотря на то что полномочия корпорации номинально были широкими, на деле они сводились к минимуму всесилием совета попечителей. В установившемся «двоевластии» были истоки длительных противоречий в решении учебных вопросов, выборе преподавателей и т. д. между дилетантами в совете попечителей и преподавателями. В самой корпорации, о чем свидетельствует документ 1723 г., преподаватели вытеснялись влиятельными людьми общины. Во второй половине XVIII в.

ГАРВАРДСКИЙ КОЛЛЕДЖ, 1736 Г.

в состав корпорации вошел, например, известный бостонский купец и член суда Массачусетса. Роль бизнесменов в органах управления колледжем в дальнейшем возрастала.

В Йеле конгрегационалистское духовенство не допускало в корпорацию президента учебного заведения. Только хартия и устав 1745 г. благодаря энергичным усилиям известного ученого и религиозного деятеля президента Томаса Клапа устранили эту несправедливость.

Теологическое направление образования с самого начала не исключало подготовки специалистов для деятельности в других сферах жизни. Это видно из дошедшего до нас документа, относящегося к основанию

Гарварда. Известный проповедник христианства среди индейцев Джон Элиот, выпускник Кеймбриджа, отмечал, что изучаться должны «не только богословие, но и другие искусства и науки, а также право» [20]. Президент Гарварда Г. Данстер приобретал для колледжа книги по юриспруденции и медицине, а президент Л. Хоар (1672—1678) в письме знаменитому физику Р. Бойлю сообщал о планах создания экспериментального ботанического сада, механической мастерской и химической лаборатории [21]. «Уильям энд Мэри» также предусматривал привитие юношеству универсальных знаний, равно как и Йель, готовя их к службе обществу «как в качестве духовных лиц, так и деятелей в сфере гражданской жизни» [22].

Среди основателей колледжей и их первых выпускников были широко образованные люди, известные ученые. Многие из них стали членами Королевского научного общества в Англии. Работы этих ученых влияли на пробуждение и развитие научной деятельности в колониях, которая, несмотря на определенную техническую оснащенность лабораторий Гарварда к концу XVIII в., все же осуществлялась в основном за пределами колледжей, по собственной инициативе ученых.

Социальный состав студентов колледжей, в колониальное время малочисленных (от одного до нескольких десятков студентов), соответствовал структуре общества, где правила церковно-чиновная олигархия. Из 300 выпускников Гарварда (за 1640—1672 гг.) первые 100 были детьми правящей элиты, 35 — сыновьями священников, 18 — крупных чиновников, богатых торговцев, известных землевладельцев и т. д. Последняя же сотня студентов принадлежала к более широким социальным слоям. Кроме 25 сыновей священников, 13 сыновей крупных чиновников, появились дети пекарей, ткачей, прочих ремесленников, владевших к тому же земельными участками, с которых присылались в колледжи продукты (плата за обучение). «Но мало простых землепашцев посылали сыновей в Гарвард»,— писал известный американский историк С. Морисон [23]. Первым студентом — сыном законтрактованного слуги стал Джон Уайз, выпускник 1673 г.

В эпоху «Великого пробуждения» кальвинизм переживал кризис. Его догмату об «избранности ко спасению» движение масс противопоставило религиозную эмоциональность, религиозную активность индивидуума, возможность достичь спасения с помощью личной практики и веры. Именно тогда колледжи стали оплотом ортодоксальных устоев церкви, а их ученые-богословы приняли на себя активную политическую функцию в борьбе против движения, стимулировавшего в народе эгалитарные идеи и носившего обновленческий, освободительный характер. Духовенство Гарварда во главе с Э. Уиглсуортом обрушилось на Дж. Уайтфилда, популярного деятеля движения, критиковавшего колледж за то, что тот защищал мракобесие, формализм, догматизм, вытеснившие истинные религиозные чувства. Уайтфилда обвиняли в стремлении подорвать идею существования самих учебных центров. В Йеле критику Уайтфилда во-

[20] Ibid., p. 6.
[21] *Morison S. E.* Op. cit., pt 2, p. 645.
[22] American Higher Education..., vol. 1, p. 49.
[23] *Morison S. E.* Op. cit., pt 1, p. 75.

зглавил президент Т. Клап, ставший «теоретиком» гонений[24], исключавший студентов за малейшие нарушения религиозного ритуала даже в каникулярное время и увольнявший преподавателей по подозрению в отклонении от ортодоксальных норм.

Но остановить движение к веротерпимости было невозможно. Влияние идей Просвещения, рационализма, социально-политической активности в предреволюционные десятилетия испытал на себе колледж в Нью-Джерси. В хартии колледжа, основанного пресвитерианцами «новой линии», возникшей в результате раскола ортодоксального пуританского направления в эпоху «Великого пробуждения», впервые сообщалось, что «приверженцы всех религиозных деноминаций имеют свободное и равное право... получить образование в названном колледже»[25]. Помощь в сборе средств для колледжа оказал Уайтфилд. У колыбели Принстона стояли выпускники Гарварда и Йеля А. Бер, Дж. Дикинсон, С. Дэвис, противопоставившие религиозную терпимость ортодоксальному деспотизму alma mater. Знаменательно, что третьим президентом был избран (1758 г.) Джонатан Эдвардс, деятель «Великого пробуждения», скоропостижная смерть которого помешала реализации планов укрепления колледжа.

С практикой шотландского пресвитерианского священника, а затем борца за независимость колоний Дж. Уизерспуна, который при содействии Б. Раша[26] стал президентом колледжа (1768—1794), связано успешное развитие этого научно-образовательного центра. Известный теолог, близкий к умеренному Просвещению[27], привлек к преподаванию математики, физики, химии профессоров-исследователей У. Минто и Дж. Маклина (последний прославился экспериментами в области гальваники). «Уроки астрономии,— писал Уизерспун в 1772 г.,— проходят в планетарии, недавно изобретенном и сделанном самим Дэвидом Риттенхаусом»[28]. Уизерспун преподавал богословие, риторику, курс истории, руководил уроками диспутов по современным политическим и экономическим проблемам. На этих занятиях отрабатывалось не только ораторское мастерство и приобретались полемические навыки, но и формировалась собственная гражданская позиция студентов.

В предреволюционный период колледж стал центром подготовки молодежи из всех колоний. Так, среди 12 человек, окончивших это учебное заведение вместе с Дж. Мэдисоном в 1771 г., только один был ньюджерсийцем[29]. Не случайно 16% участников конституционного конвента 1787 г. были выпускниками колледжа в Принстоне.

Многосторонняя научная деятельность и энциклопедические интересы американских просветителей оказывали огромное воздействие на развитие системы образования и распространение популярных и научных знаний. Основанное Б. Франклином Американское философское общество (1743) содействовало этим задачам. В трактате Франклина «Предложе-

---

[24] Его работа (The Religious Constitution of Colleges. New London. 1754) длительное время использовалась сторонниками религиозной нетерпимости на Американском континенте.

[25] American Higher Education..., vol. 1, p. 83.

[26] Окончил колледж в Нью-Джерси в 1760 г.

[27] *Каримский А. М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976, с. 110.

[28] American Higher Education..., vol. 1, p. 142.

[29] *Sweet W. W.* Religion in the Development of American Culture, 1765—1840. N. Y., 1952, p. 7.

ния относительно образования юношества в Пенсильвании» (1749) подчеркивалась необходимость полного и глубокого учета в учебном процессе гражданских нужд и практических целей, внедрения данных о новейших достижениях науки и техники, что требовало освобождения курса от чрезмерной перегрузки классическими предметами и предполагало введение элементов выборности дисциплин.

Такая перестройка учебного процесса, как писал Франклин, должна была помочь молодым людям приобрести «основы знаний и способностей, которые могут подготовить их к достижению и занятию различных должностей по гражданской службе с пользой и славой для себя и для своей страны» [30]. Это чувство социальной ответственности формировалось под воздействием растущего движения гуманизма, к которому принадлежали американские просветители. Франклин добился создания Академии в Филадельфии — учебного центра, объединявшего задачи полной средней школы, профессионального обучения и частично задачи колледжа.

Вскоре на базе этого учебного заведения был создан Пенсильванский колледж (с 1779 г. стал университетом). Колледж испытал влияние плодотворной деятельности просветителей, особенно Франклина: учебный процесс не контролировался никакой деноминацией, хотя борьба за влияние в нем шла между пресвитерианцами и англиканами. Ректором же колледжа стал английский священник У. Смит, выработавший модель трехлетнего обучения, которая впоследствии была введена и в некоторых других колледжах, хотя в большинстве из них курс был рассчитан на четыре года. 40% учебного времени Смит отвел «изучению наук», в том числе химии, физики, сельского хозяйства (agriculture — название предмета), математики. Некоторое время в колледже преподавал Риттенхаус, многие годы входивший в совет попечителей. Хорошая постановка преподавания естественных предметов позволила в 1765 г. создать при колледже первую в Америке специальную медицинскую школу, а в 1768 г.— отделение ботаники.

Признаки секуляризации учебного процесса во второй половине XVIII столетия были налицо: в программу вносились дисциплины, близкие к практической деятельности, постепенно вытесняя теологию как основную дисциплину. Расширился курс математики, естествознания, астрономии и судовождения, а также юридических наук. Углубилась научная сторона в учебном процессе, появились фундаментальные исследования. В результате этих перемен в 40-е годы становились священниками 40% выпускников Гарварда и Йеля (в начале XVIII в.— 60%), а в 1791 г.— 20% [31]. Просвещение, демократические идеи, движение к независимости бросали вызов обскурантизму. В 1753 г. Гарвард и Йель присудили степень доктора Б. Франклину.

Характерным для предреволюционной эпохи был межконфессиональный конфликт по поводу создания «Кинг'з колледж», носивший яркую политическую окраску. У. Ливингстон, известный нью-йоркский юрист и деятель пресвитерианской церкви, выступил с серией статей против притязаний англиканской, т. е. государственной, церкви на создание колледжа под своей эгидой. Он требовал учреждения колледжа хартией ассамб-

---

[30] *Франклин В.* Избр. произведения. М., 1956, с. 578.
[31] *Burrit B. B.* Professional Distribution of College and University Graduates. Wash., 1912, p. 75.

леи города, которая устанавливала бы равноправие всех деноминаций, гарантируя «дух свободы». Но колледж был учрежден хартией короля, во главе него стал известный англиканский священник С. Джонсон [32]. Пресвитерианской оппозиции тем не менее удалось установить веротерпимость в колледже, не допустить догмата какого-то одного христианского вероучения. Этому способствовало и то, что впервые в стенах колледжа не преподавалась теология. К руководству колледжем были привлечены лютеране, представители нидерландской реформатской церкви и пресвитериане. Однако основной земельный дар колледжу последовал от англиканской (епископальной) церкви. Тем самым конфликт закончился компромиссом.

Джонсон был широкообразованным человеком, поддерживал научные контакты с Франклином и президентом Филадельфийского колледжа Смитом. Учебная программа включала изучение землемерного и навигационного дела, географии, истории, курса естественных наук с учетом требований времени, так что уровень преподавания анатомии, физиологии, химии, «теории и практики медицины и хирургии» позволил в 1767 г. создать при колледже специальное отделение врачей и хирургов, положив, таким образом, вслед за Филадельфийским колледжем начало профессиональной подготовки специалистов, не прибегая к системе ученичества (apprenticeship).

Это были первые шаги по превращению колониальных колледжей (обеспечивавшие в основном теологическую и светскую общеобразовательную подготовку на уровне высшего учебного заведения) в учреждения научной и профессиональной подготовки студентов по типу европейских университетов. Учеными и исследователями в колониальном обществе становились единицы, профессию врачей получали в большинстве случаев в Европе. Так, американский просветитель, «отец» американской психиатрии Б. Раш после окончания колледжа в Принстоне обучался медицине в Эдинбургском университете, а затем проходил практику в лондонской клинике. Американский патриот много сделал для развития медицинского образования в стране. Эти усилия вливались в общий поток борьбы за реальную независимость колоний от метрополии. Как писал известный американский исследователь Ф. Рудольф, учебные проспекты «Кинг'з колледж» 1754 г. и Филадельфийского 1756 г., хотя и не были «первыми выстрелами» войны, тем не менее, «безусловно, указывали на то, что колонии Северной Америки стали брать в расчет не только потребности Англии, но и собственные американские устремления» [33].

Революционные идеи конца XVIII в. трансформировали систему образования. В этом процессе активное участие принимала интеллигенция, родившаяся на новом континенте. Она выражала формировавшееся национальное сознание. И хотя образование было доступно узкому кругу из высших слоев общества (в 1775 г. Гарвард окончили 40 человек, Йель — 35, «Кинг'з колледж» — 13), выпускники этих заведений играли активную роль в революционном движении, в выработке национальных стандартов и принципов. Из пяти членов комиссии по составлению проекта Декларации независимости трое (Т. Джефферсон, Р. Ливингстон и

[32] Был выпускником и преподавателем Йеля, в свое время перешел в англиканскую веру.

[33] *Rudolph F.* The American College and University. A History. N. Y., 1965, p. 33.

Дж. Адамс) были выпускниками американских колледжей, четвертый — Р. Шерман, формально не окончивший колледжа, был почетным доктором Йеля. Треть подписавших декларацию также были выпускниками американских колледжей.

Острый интерес к проблемам образования, вызванный революционными событиями, был обусловлен как необходимостью обеспечить развивавшееся хозяйство собственными специалистами и отстоять, таким образом, в этой сфере реальную самостоятельность, так и стремлением к формированию национальных факторов в сфере духовной и интеллектуальной жизни. Все это отнюдь не исключало тесных связей с университетским движением в Европе, перенесения на американскую почву рациональных принципов и новейших достижений науки и техники. Потребность в таких контактах диктовалась и тем, что научные связи с Англией были прерваны, а во время военных действий некоторые колледжи разрушены либо ослаблены политическими противоречиями, лишились многих преподавателей.

На этом фоне возникла идея создания национального университета, поддержанная несколькими делегатами конституционного конвента 1787 г., а затем сформулированная Б. Рашем. В 1788 г. он писал в филадельфийской газете: «Народ готов к новым формам управления образованием... Первыми актами нового конгресса следует учредить федеральный университет... в котором будут изучаться предметы, рассчитанные на подготовку молодежи для гражданской и общественной жизни» [34]. Раш предлагал расширить изучение принципов и форм управления, особенно применительно к толкованию статей конституции, а также производства и торговли. Первостепенное значение придавалось изучению естественных наук и математики для развития сельского хозяйства, промышленности, военного дела [35].

Над «слишком федералистской» идеей победу одержала идея университетов штатов. Конституция Соединенных Штатов не содержала положений, регулировавших проблемы образования, отнеся их тем самым к компетенции штатов. Непосредственное влияние на развитие как среднего, так и высшего образования имела первая статья Билля о правах, провозглашавшая свободу вероисповедания, отделение церкви от государства. Но образование не было отделено от церкви, и отмена привилегий англиканской церкви предоставила возможность всем деноминациям устанавливать свое влияние над колледжами и университетами, остававшимися в частных руках.

Борьбу за религиозную свободу в учебных заведениях Виргинии вел Т. Джефферсон еще в 70—80-х годах. Выдвинутые им проекты предполагали сделать образование доступным каждому независимо от материального положения, происхождения или других случайных условий или обстоятельств, и свободным от гегемонии церкви. Планы Джефферсона значительно опережали время, и колледж «Уильям энд Мэри» был ре-

---

[34] American Higher Education..., vol. 1, p. 153.

[35] Идею федерального университета поддерживали один за другим первые шесть президентов США. Комиссия конгресса внесла соответствующий билль в 1816 г., но на следующий год при обсуждении данного проекта он был отклонен как требующий специальной поправки к конституции. См.: Annals of Congress, 9th Congress, 2nd Session, p. 257—259. Государственными университетами в США стали называться университеты штатов.

формирован лишь частично. До тех пор пока колледжи оставались в частных руках, образование было доступным узкому кругу общества. В частных учебных заведениях сохранялось решающее влияние религиозных деноминаций [36].

К 1800 г. созрел проект учреждения широкого, либерального, современного университета, опиравшегося на общественную поддержку и финансируемого штатом Виргиния, как писал Джефферсон иммигрировавшему в США в 1794 г. известному английскому ученому Дж. Пристли. Автор письма выражал желание обеспечить высокий уровень научной и практической подготовки студентов, а также способствовать созданию нравственной и благоприятной обстановки для получения знаний, чтобы Виргинский университет приобрел притягательную силу для молодежи других штатов [37].

Принципиальное значение Джефферсон придавал освобождению университета от влияния религиозной секты, предоставляя равные возможности всем религиям «опекать» своих подопечных. Религиозному фанатизму Джефферсон пытался противопоставить «объединение представителей различных сект... что нейтрализует предрассудки и общей религией сделает религию мира, разума и морали» [38].

На дебаты в ассамблее штата, на организацию университета, строительство основного здания ушло более двух десятилетий. Университет штата Виргиния был открыт в 1825 г. Учреждено было восемь кафедр: древних языков, современных языков, математики, естественной философии [39], истории естествознания, анатомии и медицины, философии морали [40], юриспруденции. Кафедры богословия не было. Приверженцы всех вероучений имели возможность получать теологическое образование в школах соответствующего направления, которым университет оказывал помощь. Студентам отводилось специальное время для общения с пастором. Профессорам этики рекомендовалось воспитывать в студентах уважительное отношение к религиозным ценностям.

Таким образом, план Джефферсона, который шел дальше других в процессе секуляризации, предполагал религиозное воспитание студентов. Отсутствие специальной кафедры было направлено на то, чтобы не дать возможности возобладать какой-либо секте. Такое положение было не антирелигиозным актом, а политикой по отношению к сектам, их господству. Данное обстоятельство и вызвало сопротивление церкви движению за создание общественных учебных центров.

В системе преподавания университета Виргинии поощрение получал метод лекционного преподавания, расширявший возможности самостоятельной учебной работы с элементами научно-исследовательского труда. Этот метод был фактически противопоставлен коллективному чтению книг и опросам, преобладавшим в учебных заведениях предыдущего периода. Впервые учащиеся получили право выбора группы дисциплин, по кото-

[36] К 1770—1780 гг. относятся проекты Т. Джефферсона «Статут об установлении религиозной свободы», «О всеобщем распространении знаний», «Об изменении устава колледжа „Уильям энд Мэри“».
[37] The Writings of Thomas Jefferson: Vol. 1—20 / Ed. by A. Lipscomb, A. Bergh. Wash., 1905, vol. 10, p. 138.
[38] Ibid., vol. 15, p. 246.
[39] Естественная философия включала физику, химию, астрономию, геологию.
[40] Философия морали включала политэкономию, изучение политических проблем, историю.

рым должны были пройти полный курс обучения (элективный метод). Такая система позволяла, помимо общего образования, предоставить студентам возможность специализироваться в избранном ими направлении.

Особое значение имело изучение «практических» курсов: медицины, анатомии, минералогии, химии, сельскохозяйственных наук, а также дисциплин, готовивших молодежь непосредственно к государственной деятельности. В этой связи еще в начале 1800-х годов Джефферсон проявлял беспокойство о чрезмерном влиянии федералистов на процесс образования. Именно политические разногласия сыграли роль и в отсрочке открытия университета, и в выделении средств на его нужды, что помешало энтузиастам университета поставить там дело, как отмечал Джефферсон, на уровне Гарварда и Принстона. Тогда же он писал, что Гарвард привлекает к себе молодежь по политическим соображениям [41].

В интересах университетского дела Джефферсон старался пригласить в Виргинию известных преподавателей-северян (математика Н. Боудича, литератора Дж. Тикнора и др.), преодолевая предрассудки южан. Реформатор придавал большое значение университету в формировании политических позиций будущих государственных деятелей. «В выборе профессоров-правоведов мы должны быть строго внимательны к их политическим принципам»,— писал он Дж. Мэдисону в 1826 г. [42].

При Джефферсоне расширились контакты с учебными центрами в других районах страны. Его опыт перенимали президенты и профессора, состоявшие в переписке с Джефферсоном. Среди корреспондентов был известный ученый-материалист, общественный деятель Т. Купер, профессор химии, ставший президентом колледжа Южной Каролины [43], Дж. Тикнор, а также президент университета Брауна Ф. Вейланд и др. Под влиянием Виргинии создавались университеты на средства штата и на общественной основе (в первую очередь на востоке страны), изучалась программа преподавания наук в этом университете. В южных штатах особенно популярным стал курс сельскохозяйственных наук, изучавшийся в Виргинии.

Оживление религиозной жизни в начале XIX в. в результате узаконенного многоверия вызвало активизацию деятельности церквей различных направлений. В их самоутверждении важное место отводилось созданию теологических семинарий и колледжей, возникновение которых характеризовало первые два десятилетия. Идея общественных колледжей-университетов была отодвинута под напором религиозных деноминаций на второй план. К тому же в результате юридического прецедента с колледжем Дартмута укреплялась правовая основа частных учебных заведений [44], была поддержана частная инициатива на поприще образования, что способствовало возникновению частных колледжей, распылению профессорско-преподавательских сил, снижению уровня преподавания.

---

[41] The Writings of Thomas Jefferson, vol. 15, p. 311.

[42] Ibid., vol. 16, p. 156.

[43] Впоследствии университет Южной Каролины.

[44] В Дартмуте (штат Нью-Гэмпшир), где существовал частный колледж, сторонники джефферсоновских реформ образования учредили на базе этого колледжа Дартмутский университет. Пайщики колледжа и совет попечителей обратились в суд штата, а затем и в Верховный суд (интересы истцов представлял уже известный юрист, а впоследствии государственный секретарь Д. Уэбстер). Иск был поддержан Верховным судом США. См.: *Chambers M. M., Elliott E. C.* The Colleges and the Courts. N. Y., 1936, p. 181.

В теологических семинариях и колледжах устанавливался режим крайней нетерпимости, «джефферсонианство» в устах ортодоксов стало синонимом антирелигиозности, а студенческие бунты, вызванные в те годы чрезмерным педантизмом преподавателей, квалифицировались как проявление якобинства. Действительно, религиозная нетерпимость, насаждавшаяся в учебных заведениях, была реакцией на внедрение идей Просвещения, секуляризацию учебного процесса, на расширение кругозора и

ЗДАНИЕ ВИРГИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1817—1826 ГГ.

роста контактов научной и духовной жизни между представителями различных вероучений, национальностей и государств, реакцией на интеллектуальное наследие не только Американской, но и Французской революций. Ведь книги Пейна, Юма, Вольтера, Кондорсе и Руссо стали принадлежностью библиотек образованных американцев. С научными целями за перенятием опыта многие столицы Европы посетили профессора, сторонники джефферсоновских реформ Э. Эверетт и Дж. Тикнор. Они встречались с Гёте, мадам де Сталь, В. Скоттом, Байроном. Свои знания и впечатления профессора сообщали студентам и коллегам, привлекая их внимание к широкой и фундаментальной эрудиции ученых в Европе.

Такой университетский центр, как Принстон, где во второй половине XVIII в. президент Уизерспун создал атмосферу широкого и либерального подхода к социально-политическим проблемам, культуре, образованию, претерпел кардинальные изменения в начале XIX столетия. Руками

посредственных и консервативных активистов пресвитерианской церкви, действовавших в контакте с учрежденной в 1812 г. семинарией, была погашена интенсивная интеллектуальная жизнь Принстона. «Они были беспощадны,— писал американский исследователь,— в своем осуждении Томаса Джефферсона за его усилия вырвать образование из-под контроля религиозных деноминаций и называли университет Виргинии центром атеизма, предназначенного „для уничтожения религиозных институтов в штате“» [45].

Об оживлении религиозных групп на ниве образования и их борьбе с демократическими преобразованиями свидетельствуют как документы, учреждавшие семинарии [46], так и публикации очевидцев этого процесса. В статье известного деятеля просвещения, относящейся к 1813 г., сообщалось о непримиримой позиции религиозных групп и предпринимавшихся шагах по созданию семинарий и усилению религиозного влияния в существовавших колледжах и университетах, включая Гарвард, Йель, Принстон [47]. И хотя по конституциям штатов запрещалось проводить религиозные тесты при подборе преподавателей для государственных колледжей, практически это положение было слабой преградой против установления контроля какой-либо церкви даже в учебном заведении штата, несмотря на отделение церкви от государства [48]. Тем более не поддавались никакому контролю государства и общественности частные колледжи, а судебное решение о Дартмуте лишь закрепило это положение.

В период деятельности Джефферсона, внедрения его идей и поддержки его реформ выдающимися американскими учеными существовала сильная тенденция, разрушавшая эти завоевания и снижавшая уровень преподавания. По свидетельству Дж. Тикнора, Э. Эверетта, Дж. Когсвелла, ознакомившихся с постановкой работы в германских университетах, учебные заведения в США были лишены необходимой для образования и научной деятельности внутренней свободы, материальной обеспеченности и самостоятельности преподавателей, оснащенности библиотек и лабораторий.

Отставание высшей школы в полной мере обнаружилось в эпоху промышленного переворота. К этим выводам приходили многие общественные деятели. Критика системы высшего образования раздавалась в ее главных центрах. Самое большое беспокойство проявляли крупные ученые и педагоги, опережая в понимании национальных задач представителей американских политических кругов.

С проектом реформ в 20-е годы XIX в. выступил единомышленник и продолжатель дела Джефферсона Дж. Тикнор. Он руководил кафедрой современных языков Гарварда, но его проекты предусматривали перестройку всего учебного процесса с учетом «растущих потребностей общества... в соответствии с духом и желанием времени» [49]. Число сту-

[45] *Wertenbaker Th. J.* Princeton, 1746—1896. Princeton, 1946, p. 159.

[46] Учреждая семинарию в Принстоне, Генеральная ассамблея пресвитерианской церкви объявляла борьбу любым отклонениям от ортодоксальной линии и устанавливала строгие наказания за них.

[47] American Higher Education..., vol. 1, p. 179—189.

[48] Джефферсону не удалось преодолеть сопротивление пресвитерианской церкви и утвердить Т. Купера профессором Виргинского университета — факт, свидетельствовавший о влиянии религиозных институтов на дела государственного университета.

[49] American Higher Education..., vol. 1, p. 273

дентов Гарварда достигло 300, и Тикнор считал преступной ошибкой продолжать тренировать их память путем заучивания текстов. Из студентов необходимо готовить специалистов, в стенах Гарварда они должны получить профессию, чтобы не приобретать ее путем «ученичества» уже после окончания учебного заведения.

Тикнор предлагал расширить программу предметов и научно-исследовательских начал, ввести элективный метод, систему лекционных курсов, активных дискуссий на занятиях. Он ставил вопрос о создании второй двух- трехгодичной ступени обучения для профессиональной подготовки, прежде всего специалистов в области медицины, юриспруденции, теологии. В его планы входило и создание факультетов, где осуществлялась бы подготовка специалистов в определенных областях знаний на более высоком уровне. Эти предложения Тикнору лишь частично удалось реализовать только на руководимой им кафедре [50].

Методы преподавания в другом старейшем колледже, Йеле, также подвергались критике со стороны авторитетных деятелей просвещения. Ошибочной и не отвечавшей требованиям времени была основная ориентация колледжа на подготовку студентов в области классических дисциплин. Йель упорно держался за архаичные методы преподавания — зубрежку под контролем отнюдь не высокой квалификации преподавателей. Система сковывала инициативу и лучших специалистов в области классических языков и литературы, вызывала апатию у студентов. Будучи не в силах преодолеть эти недостатки, руководство колледжа фактически снижало требования к студентам.

Тем не менее в ответ на критику в свой адрес это руководство отстаивало программу и методы Йеля с исключительным упорством. В 1828 г. был издан печально знаменитый документ — доклад Йеля (Yale Report), ставший до второй половины XIX в. твердой защитой религиозного воспитания и классического курса как главного содержания преподавания в высшем учебном заведении. Введение в программу таких новых дисциплин, как конституционное право, политическая философия и политэкономия, хотя и было шагом вперед, по-прежнему не могло обеспечить профессиональную подготовку данного профиля, так как этим дисциплинам придавалось второстепенное значение. Устаревшие педагогические методы мешали расширению курса естественнонаучных дисциплин, введению системы лабораторных занятий, изучению предметов на достигнутом наукой уровне в целом. Все эти предложения, проекты, критика отставания образования от потребностей жизни находились в центре дискуссий на конференции научно-преподавательской общественности США осенью 1830 г.

Для исследователей представляют интерес материалы этой конференции, принявшей решение о создании университета для подготовки специалистов высокой квалификации, а также кадров для научной работы [51]. Однако на протяжении нескольких десятилетий проблема не была решена, о чем свидетельствует выступление профессора Г. Витеке (президент университета Пенсильвании, 1836—1852), предлагавшего сократить курс

---

[50] После ухода в отставку Тикнора в 1835 г. кафедру последовательно возглавляли Г. У. Лонгфелло и известный поэт, публицист, общественный деятель Дж. Р. Лоуэлл.

[51] Университет Нью-Йорка, получивший хартию в 1831 г., оказался нежизнеспособным в силу разногласий экспериментаторов, принявших участие в его работе.

классических дисциплин и усилить специальные лекционные курсы, присовокупив к ним соответствующую учебную литературу, знания которой должны были строго контролироваться. Самым уязвимым в представленных проектах высшей школы Витеке считал то, что они, как и прежде, переносили подготовку специалистов, ученых-исследователей на послеуниверситетский период, главной целью университетов оставляя акт присуждения степени о прохождении обязательных курсов и окончании учебного заведения.

Профессор колледжа Южной Каролины, а затем Колумбийского университета Ф. Лейбер, издатель одной из энциклопедий, реформатор в области преподавания общественных наук, выступил против обывательского, прагматического толкования «полезности» преподавания курсов. По его мнению, научный уклон занятий, которые охватывают зачастую незначительное число студентов, приносит плоды не сразу, зато создает основу для дальнейшего развития наук и подготовки научных кадров.

Профессора колледжей и университетов привлекали внимание государства и общественности к неудовлетворительной постановке дела в среднем звене — в школе, находившейся в частных или церковных руках. «Главным дефектом американской системы образования является нехватка хороших подготовительных школ»,— говорил Ф. Линдслей[52], президент университета Нашвилла, сетуя на то, что часть объема работы школ возлагалась на высшие учебные заведения, тем самым тормозя развитие высокой профессиональной подготовки и подлинного высшего образования.

Линдслей, как и президент университета Брауна Ф. Вейланд и другие, подверг критике и систему советов попечителей как фактора, тормозившего установление учебно-научной академической самостоятельности колледжей и развитие университетского дела вообще. Попечительские советы, как правило, в полном состав собирались один-два раза в год, постоянное же влияние на колледж обычно имел комитет попечителей — более узкий состав местных членов совета, в основном людей, далеких от проблем образования и науки.

В повседневной жизни колледжа самым влиятельным лицом был президент. По мере того как президентом все чаще становились ученые, а преподавательско-профессорский состав (faculty) численно возрастал и в него входили известные профессора, влияние ученых на весь учебный процесс усиливалось, и их мнение часто приходило в противоречие с мнением совета попечителей. Положение оставалось конфликтным, хотя к 1830 г. в лучших колледжах Востока США утверждалась практика назначения новых преподавателей не просто по решению совета попечителей, но и по рекомендации их будущих коллег.

Данную проблему освещает знаменательная речь[53] многолетнего президента колледжа г. Чарлстон в Южной Каролине Джеспера Адамса, который пришел к выводам, что «ни один колледж страны не сможет достичь стабильного процветания в случае, если его попечители не согласятся уступить преподавательскому составу свое высокое положение, по-

[52] American Higher Education..., vol. 1, p. 292—297.

[53] Была произнесена в 1837 г. на заседании Американского института по проблемам образования — общества деятелей образования и общественности, пропагандировавшего реформы в этой области.

чет и влияние»[54]. Не отрицая роли совета попечителей при решении вопроса о создании колледжа и его финансировании, Адамс предлагал проблемы дисциплины и содержания учебного процесса полностью передать в ведение президента и преподавателей. Независимость их суждений вызвала нападки и раздражение консерваторов.

Против подобных профессоров выступали как попечители, так и церкви различных направлений, преследовавшие инакомыслящих в учебных центрах. Так было в случае с президентом колледжа Южной Каролины (1820—1832) Т. Купером. Само назначение на эту должность известного материалиста и деиста, неоднократно стоявшего в центре борьбы за свободу выражать свое мнение, свидетельствовало о трезвой атмосфере, сложившейся в колледже, где руководство приняло в расчет прежде всего достоинства Купера как ученого, его педагогический талант, а также помощь правящим кругам штата в решении экономических и политических проблем. Но нападки со стороны клерикалов на Купера не прекращались. В 1830—1831 гг. они усилились, так как против Купера выступили юнионисты штата, недовольные его поддержкой политики нуллификации. По настоянию церкви и политических противников 72-летнего президента колледжа была создана комиссия для обследования его деятельности.

Защищая свои убеждения перед советом попечителей, Купер доказал, что гонениям подвергаются не его личные взгляды, а идеи У. Пенна, Б. Франклина, Т. Джефферсона, Дж. Мильтона, Б. Раша, Дж. Пристли и других демократических мыслителей и представителей американского просвещения. Купер апеллировал к разуму, отстаивая свободу учебного процесса. Друзья правды, говорил он, «всегда стараются открыть дверь свободному исследованию»[55]. На этой основе доверия и должны складываться отношения между преподавателями и студентами в процессе учебы. Религия оказывает давление на этот процесс, подавляет сомнения, интерес, поиски, разрушает авторитет преподавателя, который вынужден прибегать к полуправде и даже наказывать за творческие сомнения.

Купер был одним из первых, кто логически связал отсутствие свободы совести в колледжах с отсутствием свободы слова, печати в стране. В преследованиях инакомыслящих он усматривал антиконституционные действия, ссылаясь на положение американского законодательства о том, что «только действие, а не мнение людей может стать объектом официального контроля»[56]. Формально Купер отстоял свои принципы перед советом попечителей и был оставлен на посту президента, но вскоре ему пришлось уйти, так как вокруг колледжа возникла обстановка недоверия, которая мешала нормальному учебному процессу.

Другим примером проявления религиозной нетерпимости могут служить события 1854 г. в Колумбийском колледже. Тогда это был скромный учебный центр, где обучалось около 140 ньюйоркцев. На должность профессора химии американские коллеги рекомендовали известного как в США, так и в Европе О. У. Гиббса. По семейной традиции Гиббс был унитарианцем. Это обстоятельство послужило причиной, по которой епископалы, пресвитерианцы, а также представитель голландско-рефор-

---

[54] American Higher Education..., vol. 1, p. 320.
[55] Ibid., p. 416.
[56] Ibid.

матской церкви в совете попечителей отвергли Гиббса[57], утвердив на эту должность посредственную в профессиональном отношении кандидатуру. Инцидент имел и оборотную сторону: он активизировал в совете попечителей, среди деловых людей и общественных деятелей силы, не только отстаивавшие независимость ученых от клерикалов, но и стремившиеся практически организовать преподавание и исследования в колледже на высоко профессиональном университетском уровне.

По данной проблеме опубликованы два ценных документа, авторы которых — члены совета попечителей, сами епископалы Дж. Т. Стронг и С. Б. Руглес. Несмотря на то, писал Стронг, что по хартии колледжа религиозная принадлежность не может быть препятствием при приеме на должность и несмотря на то что члены совета отрицают, будто они отвергли Гиббса по религиозным соображениям, на самом деле это именно так. В связи с тем, писал Руглес, что уголовное право предусматривает наказание за лишение должности по религиозным соображениям, решение совета попечителей по поводу Гиббса является противозаконным. Оно разрушает нравственность и наносит ущерб обществу в целом, так как подобная практика способствует «профессиональной, гражданской и социальной деградации»[58].

Препятствием в развитии университетского дела перед гражданской войной были и политические разногласия. В южных штатах запрещались учебники авторов-северян, ранее приглашенные профессора-северяне увольнялись, в университетских центрах белые были порабощены самим рабством[59]. В 1855 г. вынужден был уйти в отставку преемник Купера в университете Южной Каролины Ф. Лейбер. Ему инкриминировались аболиционистские настроения на том основании, что он не выступал «за» рабство.

Энтузиастам американского университетского движения из среды ученых, преподавателей, деловых и общественно-политических кругов. которые видели необходимость перестройки американской университетской традиции, приходилось преодолевать консерватизм, косность, религиозную нетерпимость и политические разногласия. А развитие промышленности и сельского хозяйства требовало не только распространения грамотности (что в середине XIX в. обеспечивалось государственной начальной школой), но и более высокого уровня образования и квалификации специалистов и научных работников. Одним из условий дальнейшего развития самого производства становилось, по определению К. Маркса, применение «науки к производству»[60]. Функции высших учебных заведений в хозяйственно-экономической жизни страны возрастали. Им, в свою очередь, также требовались квалифицированные научно-преподавательские кадры. Осуществить все это, опираясь на частные пожертвования, было невозможно. Возникла настоятельная потребность выделить

---

[57] Гиббс, в прошлом студент Ю. Либиха в университете Гиссена, стал профессором другого учебного заведения. Его карьера в США сложилась блестяще: он стал деканом Школы научных исследований им. Лоренса в Гарварде, а в 1877 г. совет попечителей Колумбийского университета присудил ему степень почетного доктора.

[58] American Higher Education..., vol. 1, p. 458.

[59] *Hofstadter R., Metzger W. P.* The Development of Academic Freedom in the United States. N. Y., 1955, p. 256.

[60] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213.

значительные государственные средства на учебные и научные цели, на объединение задач науки и техники.

Первые практические шаги в этом направлении были сделаны раньше. Так, в 1824 г. нью-йоркский предприниматель С. Ван Ренсселер создал Школу теоретических и практических наук, научным руководителем которой был назначен известный ученый-естествоиспытатель, один из пионеров геологии (он изучал район сооружавшегося тогда канала Эри) Эймос Итон. Лабораторный метод, введенный Итоном, предполагал изучение студентами животных, растений, горных пород непосредственно в естественных природных условиях. В 1847 г. была организована Школа прикладной химии при Йеле, где научное руководство осуществляли лучшие американские ученые в области сельскохозяйственной химии Дж. Г. Итон и В. Силлиман-мл.

В том же году по инициативе ученых Н. Боудича и Б. Пирса, а также президента Э. Эверетта открылась научная школа в Гарварде, исследования которой должны были учесть потребности промышленности и торгового флота[61]. На следующий год Эверетт обратился в легислатуру Массачусетса с проектом выделить средства для Гарварда в целях оборудования лабораторий, обсерватории, приобретения коллекций, комплектования библиотеки. Эверетт привлек внимание общественности к социальной функции высшего образования, подчеркнув, что государственная помощь требуется не детям богатых родителей. «Они получат образование, если захотят, в том или ином центре, хотя сама по себе необходимость отправляться за образованием за границу является большим злом... Бедные студенты в первую очередь нуждаются в снижении платы за обучение, и если они не смогут получить образования недалеко от своего дома, то уже не получат его вообще...»[62]

К вершинам науки в США в 40—50-е годы пришло молодое поколение, хорошо знакомое с постановкой дела в лучших европейских центрах, в первую очередь Германии. Это и братья Роджерсы (их было четыре), и Джозеф Генри, и студенты Либиха Хорсфорд, С. Джонсон, Дж. А. Портер, О. У. Гиббс. На английский язык в США переводились научные труды, имевшие значение для решения хозяйственных задач[63]. Возникло несколько учебных центров, но главный вклад в развитие политехнического образования в США был сделан братьями Роджерсами, в первую очередь Уильямом, известным физиком, сгруппировавшим вокруг себя ученых и общественных деятелей Бостона в борьбе за создание настоящей политехнической школы, которая «должна быть действительно школой прикладной науки, охватывающей по крайней мере четыре профессорские кафедры», как писал У. Роджерс[64].

Высшее политехническое учебное заведение должно было сочетать самостоятельные исследования в необходимых отраслях прикладных наук, подготовку высококвалифицированных инженеров с популяризацией технических знаний. Проект Роджерса начал обсуждаться в 1859 г.,

---

[61] Вскоре была экономически поддержана финансистом Э. Лоренсом и получила название Научной школы им. Лоренса.

[62] American Higher Education..., vol. 1, p. 386—387.

[63] Было переведено несколько работ Либиха, в том числе «Органическая химия и ее применение к агрикультуре и физиологии» (1840).

[64] Цит. по: *Стройк Д. Дж.* Становление науки в США (со времен колонизации до гражданской войны). М., 1966, с. 438.

а в 1865 г. был открыт Массачусетский технологический институт, который, как известно, в будущем стал моделью для учебных заведений подобного типа в США.

Создание отдельных центров по подготовке специалистов не могло решить проблему в целом. В 50-е годы появились проекты, среди которых следует отметить проект упоминавшегося президента университета Брауна Ф. Вейланда. Он констатировал, что современная постановка учебного процесса не отвечает требованиям и интересам общества в целом.

Вейланд прежде всего подчеркивал, что она антидемократична, так как, «вместо того чтобы доносить научные и общие знания до всех классов нашего общества, они (колледжи.— *Авт.*) обогащают этими знаниями только один класс, причем самый малочисленный» [65]. А «потребность во всеобщем образовании в нашей стране является насущной и повсеместной. Широко ощущается недостаток научных знаний, которые (и только они!) могут быть основой высокого успеха прикладных наук и профессий. В пропорциональном отношении число молодых людей, которые посвящают себя производственным профессиям, растет год от года. Все они нуждаются в таком образовании, которое наши колледжи смогут им дать при условии определенной модификации существующей ныне системы» [66].

Такая постановка вопроса свидетельствовала о стремлении отойти от традиции классического образования для элиты и предоставить возможность получить образование тем, кто непосредственно посвящает себя хозяйственной, медицинской, педагогической, юридической деятельности, а также науке. По данным Вейланда, в 1850 г. в США насчитывались 120 колледжей, 47 юридических школ, 42 теологические семинарии и «ни одного института, предназначенного для того, чтобы дать образование будущему агроному, предпринимателю, механику, коммерсанту, которые собираются посвятить всю жизнь своей профессии» [67]. Проект учреждал программы подготовки студентов в области прикладных наук: инженерных, агротехнических, юридических, педагогических и т. д. Предполагался элективный метод и сокращение обязательного классического курса для всех студентов [68].

В том же году вышла книга профессора Генри П. Тэппена [69] «Университетское образование». Он привлекал внимание общественности к практике германских университетов, где был налажен выпуск специалистов для различных сторон хозяйственной жизни. Тэппен изложил план государственной системы образования от начальной школы до университета при полной секуляризации во всех звеньях. Он указывал на необходимость добротной подготовки учеников в школах, что закладывало фундамент всей пирамиды образования. Перед университетом ставилась задача создания условий для проведения научных исследований во всех областях знаний.

Тэппену не удалось осуществить свои проекты в Мичигане, но он собрал вокруг своих идей многих единомышленников, в том числе молодых ученых и организаторов образования. Среди них был и Э. Д. Уайт,

[65] American Higher Education..., vol. 2, p. 478.
[66] Ibid.
[67] Ibid., p. 482.
[68] Программа Вейланда начала реализовываться в университете Брауна, но вскоре в силу недоброжелательного отношения со стороны совета попечителей, недостатка средств и научных кадров была отменена.
[69] С 1852 по 1863 г.— президент Мичиганского университета.

будущий основатель Корнеллского университета, который смог реализовать многие идеи Тэппена. При Мичиганском университете впервые была создана подготовительная школа.

Таким образом, десятилетие перед гражданской войной было насыщено борьбой за реформы в сфере образования. Промышленные и фермерские круги, связанные с растущим капиталистическим производством, были заинтересованы в этих преобразованиях, в расширении базы подготовки специалистов — инженеров, агротехников, работников идеологической сферы. Для этого необходима была новая материальная основа, созданная при непосредственном участии государства. Рабовладельцы-плантаторы, аристократия, клерикалы оказывали сопротивление реформам на всех уровнях, вплоть до конгресса США [70].

Конгрессмен от штата Вермонт фермер Джастин Смит Моррилл внес соответствующий законопроект. Он представлял мнение тех, кто возмущался разбазариванием государственных земель на Западе и плохим хозяйствованием, опустошавшим почву, и чьи взоры обратились к научным центрам для подготовки специалистов. При сложившейся системе, заявлял Моррилл, в колледжах не находилось места для «фермеров и механиков, а также для тех, кто должен был зарабатывать свой хлеб тяжелым трудом. В институт принимались те, кто считался подходящим для заполнения мест высшего порядка в частных или общественных заведениях. ...Образованные и вполне уверенные в образовании своих сыновей богачи, по-видимому, намерены увековечить монополию на образование, несовместимую с благосостоянием и полным благополучием американских институтов» [71].

В 1857 г. Моррилл предложил законопроект о резервировании части государственных земель для поддержания сельскохозяйственных колледжей. Проект вызвал сопротивление представителей Юга, и президент Бьюкенен наложил вето. Билль был принят в результате победы северян в 1862 г., когда был одобрен президентом Линкольном. В распоряжение штатов предоставлялись 13 млн. акров федеральных земель, доходы от которых подлежало использовать на создание и поддержку колледжей. Главной целью этих колледжей наряду с изучением классических дисциплин и военной тактики должно было стать «освоение таких отраслей знаний, которые непосредственно относятся к отраслям сельского хозяйства и техники... для того чтобы способствовать широкому и практическому образованию промышленных классов...» [72]. Такие колледжи стали называться «земельными» (land-grant college).

В течение пяти лет каждый штат, получивший земли по закону Моррилла, обязывался открыть по крайней мере одно соответствующее учебное заведение и представить отчет об этом. В противном случае необходимо было возвратить доходы от этих земель. Так устанавливался контроль за целесообразным использованием средств. Это было по существу учреждение государственного сектора, государственных интересов [73] в си-

---

[70] *Rainsford G.* Congress and Higher Education in the Nineteenth Century. Knoxville, 1972, p. 90—97.

[71] Цит. по: *Стройк Д. Дж.* Указ. соч., с. 441.

[72] American Higher Education..., vol. 2, p. 568.

[73] В 1890 г. Моррилл провел через конгресс билль о дополнительной федеральной ежегодной помощи сельскохозяйственным и техническим колледжам. Билль стимулировал и помощь штатов. В дальнейшем помощь была увеличена поправкой Нельсона (1907) и законом Банкхеда — Джонса (1905).

стеме американского высшего образования. 26 штатов направили ассигнования на создание или поддержку государственных учебных заведений. Значительные средства были использованы на открытие небольших, малоэффективных профессиональных школ.

Но большинство созданных учебных центров сочетали добротную профессиональную подготовку с общим образованием. Были расширены агротехнические учебные центры в Висконсине, Миннесоте, Миссури, Джорджии, Северной Каролине, Теннесси, Айове[74]. Средства по закону Моррилла были использованы в качестве дополнительных ассигнований для таких уже плодотворно функционировавших центров, как Массачусетский технологический институт, и для вновь создававшихся крупных частных университетов (в частности, Корнеллский университет)[75], где сочетались высокая научная и практическая подготовка специалистов.

Эти преобразования осуществлялись прежде всего в интересах капиталистического развития страны, в том числе и в сельском хозяйстве. Они стали возможны в результате победы Севера над рабовладельческим Югом.

3. НАУКА И ТЕХНИКА

Научные и технические знания явились важной составной частью культуры американской нации, одним из факторов экономического и социального прогресса страны. В своем развитии наука и техника США прошли ряд этапов, соответствовавших основным вехам истории американского общества. Большое влияние на науку в Новом Свете оказывала Европа, в первую очередь Англия. Как и в каждой стране, научно-технический прогресс имел в Соединенных Штатах свои особенности. Они обусловливались быстрым продвижением США по капиталистическому пути, постоянным притоком извне квалифицированной рабочей силы и специалистов, отсутствием запрета со стороны церкви и относительно широким распространением образования среди массы населения. С другой стороны, развитие науки и техники в рассматриваемый период подталкивалось освоением природных богатств Американского континента, а в XIX в.— промышленным переворотом.

Заселяя и осваивая Новый Свет, колонисты изучали его недра, географические и климатические условия. Много времени и сил отнимала элементарная борьба за существование, но одного физического труда было недостаточно — требовались еще знания и опыт. В XVII и XVIII вв. теми или иными экспериментами и наблюдениями занимались без специальной подготовки образованные люди: представители администрации, владельцы кораблей, врачи, священники, юристы и т. д. Научные интересы стимулировались главным образом их полезностью для мореплавания, сельского хозяйства, ремесел, лечения болезней. В колонии поступали книги научного содержания, как правило, труды И. Ньютона и Ф. Бэкона, руководства по практической медицине, геологии, астрономии, математике, ввозились различные астрономические приборы и инструменты.

Одним из первых научных достижений колониального периода было составление карт прибрежной полосы. Картографирование Северной Аме-

[74] В некоторых штатах создавались колледжи агромеханические, в других — колледжи каждого из этих направлений.

[75] Главный вклад в создание университета (основан в 1865 г. в г. Итака, штат Нью-Йорк) сделал Э. Корнелл.

рики проводилось еще в XVI столетии, но начиная с 1600-х годов оно приняло систематический характер (наблюдения С. де Шамплейна, А. Блока, Дж. Смита и др.). Точность карт повышалась с применением методов астрономии. Пользуясь английскими измерительными инструментами, полученными Гарвардским колледжем, Т. Братл по положению небесных тел в 1694 г. вычислил долготу Бостона с точностью до 15′[76]. В XVIII в. проводилось больше наблюдений и появилось больше точных карт; в частности карта Дж. Митчелла использовалась при выработке соответствующих статей Парижского мирного договора 1783 г.[77]

Видное место в истории колониальной науки принадлежало служителям церкви. Духовенство оказывало большое влияние на все стороны жизни колоний, особенно на образование и просвещение, и само принадлежало к образованной верхушке общества. Ньютоновское учение в области математики, механики и астрономии, официально признанное в Англии, не отвергалось церковью, а обладание наряду с богословскими еще и практическими знаниями повышало авторитет священнослужителей в Новом Свете. Так, известный своими жестокими гонениями на «ведьм» и «колдунов» Коттон Мезер увлекался медициной и был сторонником уже применявшейся в Европе вакцинации против оспы. В 1721 он сделал прививку своему сыну и двум пациентам-неграм[78]. Любознательный священник скрупулезно исследовал растительный и животный мир Новой Англии, собирал гербарии и занимался гибридизацией растений.

Опыт лечения болезней в те времена, как правило, приобретался практикой. Наиболее известными американскими медиками XVIII столетия были У. Дуглас, Э. Холиок, Б. Раш. Незадолго до провозглашения независимости в Филадельфии и Нью-Йорке открылись первые медицинские учебные заведения. Много труда и времени положили медики на преодоление недоверия к прививкам оспы, которые вошли в обиход лишь после 1800 г.

В анналы науки вошли имена представителей «династии» Уинтропов. Сын первого губернатора колонии Массачусетского залива Дж. Уинтроп-мл. прославился в области металлургии, химии, астрономии и медицины. Он стал одним из первых членов основанного в 1662 г. Королевского научного общества Англии и первым в Америке обладателем телескопа. Второй Дж. Уинтроп, принятый в Королевское общество в 1743 г., был крупным коллекционером минералов. Третий Уинтроп (тоже Джон), член Королевского общества с 1766 г., являлся профессором Гарвардского колледжа. Исходя из ньютоновской теории строения Солнечной системы, он наблюдал и описывал движение планет, солнечные и лунные затмения, а в 1761 и 1769 гг. такое редкое явление, как прохождение Венеры по солнечному диску. В своих публичных лекциях он раскрывал естественные причины происхождения комет, затмений, землетрясений и других грозных явлений природы, считавшихся тогда проявлением «гнева господня», популяризировал опыты Б. Франклина с электричеством.

Современниками и коллегами Уинтропа были физик и астроном Д. Риттенхаус, основавший одну из первых в Америке обсерваторий, и Э. Стайлс. Последний имел сан священника, но благодаря своей пытливости и стра-

---

[76] *Bedini S. A.* Thinkers and Tinkers: Early American Men of Science. N. Y., 1975, p. 76.
[77] Подробнее см.: *Стройк Д. Дж.* Указ. соч., с. 20—22.
[78] Там же, с. 62.

сти к эксперименту приобрел репутацию ученого. Типичный представитель колониальной интеллигенции, Стайлс занимался многими предметами — от астрономии и математики до разведения шелковичного червя, проводил опыты с электричеством и пытался разгадать природу теплоты.

В колониальный период американская наука шла за английской, в которой прочно утвердился авторитет Исаака Ньютона. Большинство экспериментов и наблюдений не отличалось особой оригинальностью. Развитие техники и ремесел сдерживала колонизаторская политика Лондона, а подготовка профессиональных ученых только зарождалась. Однако широкий любительский подход к наукам, отсутствие формальных преград для получения знаний создавали возможность для приобщения к ним талантливых людей из народа. Так пришел в науку и прославился на весь мир Бенджамин Франклин.

Трудно найти область науки, в которую не проникал бы пытливый ум естествоиспытателя-самоучки. Электричество, теплопроводность металлов, распространение звука в воде, морские течения, ботаника, политическая экономия, этнография, философия, история — таков в общих чертах круг научных интересов великого американца. Выдающийся ученый ставил перед собой и чисто практические задачи: он изобрел камин, широко вошедший в быт по обе стороны океана, занимался изготовлением очков, разрабатывал меры по благоустройству городов, по борьбе с пожарами и т. д.

Бессмертную славу принесла ему серия опытов с электричеством (1746—1752) и изобретение молниеотвода. Как и все эксперименты Франклина, доказательство им электрической природы грозовых разрядов было простым, остроумным и предельно наглядным. Один из примененных им способов заключался в следующем. К воздушному змею, снабженному металлическим острием, привязывалась длинная бечевка с ключом на конце, изолированная от земли шелковой лентой. При грозе бечевка намокала и становилась электропроводной, и тогда, приближая к ключу палец, можно было «извлекать» из него искры. Полученным «электрическим огнем», писал Франклин в октябре 1752 г., можно зажигать спирт и проделывать все другие опыты, совершаемые обычно с помощью наэлектризованного стеклянного шара или трубки. Этим полностью доказывается «тождество между электрической субстанцией и субстанцией молнии» [79].

Более ранний вариант опытов Франклина с использованием вместо змея железного стержня был успешно повторен в том же году во Франции. Рискованные эксперименты с грозовой стихией увенчались созданием простой и надежной конструкции, отводившей смертоносный «огонь» от людей и зданий в землю.

Франклин ввел в науку понятие положительного и отрицательного электричества. Он обнаружил также, что одноименные заряды, взаимно отталкиваясь, собираются на поверхности наэлектризованного тела. Этот вывод полностью согласовался с открытыми позднее законами электростатики, а размышления Франклина о сущности «электрической материи» (1749), состоящей, по его убеждению, из всепроникающих и невидимых глазу частиц, явились гениальной догадкой о существовании электронов.

---

[79] *Франклин Б.* Опыты и наблюдения над электричеством / Под ред. и с коммент. Б. С. Сотина. М., 1956, с. 108—109.

Франклин, таким образом, придерживался чисто материалистического взгляда на природу электричества.

Б. Франклин состоял иностранным членом крупнейших научных обществ и академий мира (с ноября 1789 г. — Петербургской Академии наук), вел обширную переписку с учеными многих стран, а ряд университетов присвоил ему звание почетного доктора. Научный прогресс он считал делом всего человечества и заботу о нем ставил выше политических распрей, конфликтов и войн. Гуманистическая направленность жизни и деятельности Франклина, его научные свершения и заслуги на гражданском поприще сделали его одним из замечательных людей XVIII столетия.

Первая Американская революция прошла под знаком идей Просвещения XVIII в. Ее интеллектуальный климат благоприятствовал развитию научных знаний. Широко и разносторонне образованные основатели американской республики выступали и в роли организаторов отечественной науки. В 1780 г. по инициативе Дж. Адамса была создана Американская академия искусств и наук в Бостоне. Ее первым президентом стал крупный торговец Дж. Боуден, вошедший в историю отечественной физики как один из оппонентов волновой теории света, которой придерживался Б. Франклин[80]. Хотя «отцов-основателей» интересовала прежде всего «наука управлять», среди их трактатов и рассуждений о политике можно встретить экскурсы в область естествознания.

Особенно широки были познания Т. Джефферсона. Его интересовали математика, инженерно-строительное дело, архитектура. Много времени он посвящал ботанике и зоологии — от разведения новых сельскохозяйственных культур до критического разбора научных классификаций органического мира, представленных авторитетными трудами К. Линнея и Ж. Кювье. Будучи президентом США, Джефферсон учредил национальную метеорологическую и гидрологическую службы, направил в бассейн р. Миссури экспедицию под руководством Льюиса и Кларка (1803—1806). Учреждение Виргинского университета, руководство Американским философским обществом, организация Албемарлского сельскохозяйственного общества, передача конгрессу своей богатой личной библиотеки после разграбления г. Вашингтона английскими войсками — таков весомый вклад Т. Джефферсона в развитие американской науки[81].

В XVIII — начале XIX в. в американском обществе еще имело место скептическое отношение к мануфактурам, фабрикам, машинам. Вошедший в поговорки практицизм янки, внедрявших у себя с молниеносной быстротой все отечественные и иностранные технические новинки, относится по существу к гораздо более позднему времени. Европейский опыт казался неприменимым в условиях США, где свыше 90% населения занимались сельским хозяйством. В этой связи большое значение приобретала пропаганда развития техники и научно-технических знаний. Большую роль сыграл в этом деле А. Гамильтон, поощрявший начинания первых американских промышленников. В докладе конгрессу о мануфактурах (1791) министр финансов показал, какие громадные преимущества сулит молодой республике развитие собственной машинной индустрии. Его заместитель Т. Кокс содействовал созданию в Филадельфии Общества по

---

[80] *Стройк Д. Дж.* Указ. соч., с. 75.

[81] *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* Томас Джефферсон. М., 1976, с. 333—339, 347—353.

внедрению полезных мануфактур (1791), одной из задач которого стало заимствование технических достижений у Англии[82].

В XIX в. наука и техника США вступили в новый этап развития, обусловленный промышленным переворотом. Время следования за английской наукой сменилось более творческим применением научно-технических достижений передовых стран Европы к условиям Америки. Ученые-энциклопедисты уступили место специалистам по отдельным отраслям знания. А главное, в Соединенных Штатах стало делаться все больше и больше собственных открытий и изобретений. США явились родиной парохода, телефонной связи, швейной машины, пишущей машинки, револьвера, резины, жатки, культиватора и целого ряда станков и механизмов. Широкую популярность приобретали даже несложные технические устройства, если они делали «революцию» в той или иной сфере производства.

Изобретения подобного рода требовали мастерства в механике, смекалки, многосторонности знаний и навыков; для них не обязательны были чисто научные знания или сложные экспериментальные методы[83]. Изобретателями становились как ученые-профессионалы, так и талантливые самоучки. Имена Р. Фултона, Дж. Генри, С. Морзе, А. Белла, Т. А. Эдисона вошли в анналы мировой научно-технической мысли. Нередко оказывалось так, что европейские технические новшества модернизировались американцами и уже в таком виде приобретали всеобщее признание. Так было со многими изобретениями в текстильной, деревообрабатывающей, металлургической промышленности и др.

Первое крупное изобретение было сделано в области сельского хозяйства, которое на протяжении XVII—XVIII вв. оставалось наименее механизированной отраслью экономики. Создание в 1793 г. Эли Уитни усовершенствованного хлопкоочистительного станка (cotton gin) положило начало техническому прогрессу в этой области. Производительность труда повысилась в 50 и более раз. Пальцы руки, отделявшие хлопковое волокно от семян, заменил вращающийся вал с металлическими крючками, приводимый в движение лошадьми или водяным колесом. На небольших машинах его вращали вручную. Назвав изобретение Уитни «одним из выдающихся открытий нашего века», влиятельная американская газета писала в 1827 г., что с помощью такой машины можно переработать 1 тыс. фунтов хлопка в день, тогда как при ручной очистке — только 6 фунтов[84].

Большим вкладом Уитни в американский технический прогресс было внедрение принципа взаимозаменяемости частей машин и механизмов. Новый метод производства Уитни применил в своей оружейной мастерской в штате Коннектикут, когда в 1798 г. получил крупный правительственный заказ на изготовление ружей. Обработка деталей производилась на сконструированных им станках в строгой последовательности и по заранее сделанным образцам, с которых как бы снимались копии. Процесс был настолько точен, что, разобрав на составные части любое количество ружейных замков, можно было перемешать детали и затем собрать замки заново[85].

---

[82] *Cooke J. E.* Tench Coxe and the Early Republic. Chapel Hill, 1978, p. 189.
[83] *Rosenberg N.* Technology and American Economic Growth. N. Y., 1972, p. 54.
[84] Niles' Weekly Register, 1827, July 14, p. 332.
[85] *Norman B.* The Inventing of America. N. Y., 1976, p. 24.

Метод Уитни открывал путь к массовому производству стандартных деталей. Пользуясь им, Уитни за два года изготовил 15 тыс. мушкетов. Принцип взаимозаменяемости был применен механиком Э. Терри при сборке часов, а известный оружейный мастер С. Кольт наладил таким образом производство револьверов. В 1862 г. его фабрика производила 1 тыс. штук огнестрельного оружия в день и изготовляла машины для других подобных предприятий.

Важные открытия делались порой совершенно случайно далекими от науки людьми. Чарлз Гудийр был разорившимся торговцем из Коннектикута, мечтавшим разбогатеть путем взятия патента на переработку каучука в прочный эластичный материал. Органической химии тогда не существовало, и поиски в этом направлении велись наугад. С редкой настойчивостью Гудийр в течение ряда лет экспериментировал с сырой каучуковой массой, смешивая ее с любыми попадавшимися под руку веществами. Оставив как-то кусок обработанного серой каучука у раскаленной печки, он обратил внимание, что «неподдающийся» материал резко изменил свои свойства. К 1841 г. он добился устойчивых результатов и разработал технологию термической обработки (вулканизации) каучука. Так была изобретена резина — материал, который ожидало большое будущее. Еще при жизни Гудийра (он умер в 1860 г.) в США, Англии и Германии изготовлялось около 500 видов различных резиновых изделий. Применение резины сделало возможным широкое развитие электротехнической, а затем и автомобильной промышленности.

Освоение Запада, рост внутреннего рынка поставили на повестку дня вопрос о новых средствах сообщения. В стране развернулось строительство каналов и шоссейных дорог. Паровая машина стала внедряться в первую очередь на транспорте — вначале для передвижения по воде, а затем и по суше.

Попытки строительства пароходов имели место задолго до спуска на воду знаменитой «Катарины Клермонт» Р. Фултона. Выходец из фермерской семьи Дж. Фитч запатентовал проект парового судна еще в 1788 г., и построенный им пароход с кормовым гребным колесом ходил в 1790—1792 гг. по р. Делавэр. В 1793 г. капитан С. Морей испытывал судно с паровым двигателем на р. Коннектикут, а через 15 лет спустил на оз. Шамплейн пароход собственной конструкции. Экспериментами с «паровыми лодками» занимался ряд изобретателей, но их усилия преодолеть водную стихию с помощью пара оканчивались неудачей. Несовершенство паровых двигателей и механизмов, делавшихся кустарным способом в местных кузницах, недостаток инженерных знаний и отсутствие средств обрекли усилия энтузиастов на провал.

Роберт Фултон оказался удачливее всех. Проработав несколько лет в Англии и Франции, он ознакомился с последними достижениями европейской техники, а его связи в высших кругах Нью-Йорка дали ему необходимую финансовую поддержку. В 1807 г. первый пароход Фултона, снабженный выписанной из Англии паровой машиной мощностью в 20 л. с., проплыл по Гудзону от Нью-Йорка до Олбани со скоростью 5 миль в час. В 1814 г. в штате насчитывалось уже семь товаро-пассажирских пароходов. «Триумфальное шествие» парохода началось вскоре по всем водным артериям США: в 1830 г. общий тоннаж судов с паровым двигателем составил 8,2 тыс., в 1850 г. — 56,9 тыс., а в 1870 г. — 70,6 тыс. т.

Одним из самых смелых изобретений Фултона была подводная лодка, предназначавшаяся для потопления кораблей путем подведения к их днищу мин. В 1801 г. она прошла испытание во французских водах. Субмарина «Наутилус» могла погружаться на глубину до 25 футов. В надводном положении она двигалась под парусом, а в подводном — с помощью вращаемого вручную гребного вала. Изобретатель предвосхитил основные черты современной подводной лодки: боевую рубку, отсеки для балласта, резервуар со сжатым воздухом и т. д. [86]

Проблему уничтожения кораблей Фултон пытался решить и с помощью «торпед» — шарообразный снаряд привязывали к гарпуну, которым стреляли в борт неприятельского судна с небольшого быстроходного катера. Несмотря на успешную демонстрацию, «торпеда» и подводная лодка Фултона так и не были взяты на вооружение. Уровень развития техники не позволял еще сделать это оружие достаточно эффективным, а его применение массовым. К проектам Фултона американские военные инженеры вернулись в годы гражданской войны.

Быстрое развитие пароходного сообщения еще не решало транспортной проблемы в целом. Механики и изобретатели первое время пытались ускорить и облегчить передвижение по суше за счет улучшения дорог. Наряду с мощением улиц, строительством мостов и прокладкой грунтовых шоссе в конце XVIII в. появились первые рельсовые пути. По деревянным полосам, обитым железом, могли легко передвигаться пассажирские кареты или вагонетки с грузом, влекомые лошадьми. Однако возможности конной тяги были ограниченны, и до 30-х годов рельсовые дороги не получили широкого распространения. Они использовались лишь для местных перевозок, обслуживания рудников и шахт. Железнодорожное строительство развернулось в масштабах страны, когда был изобретен паровоз.

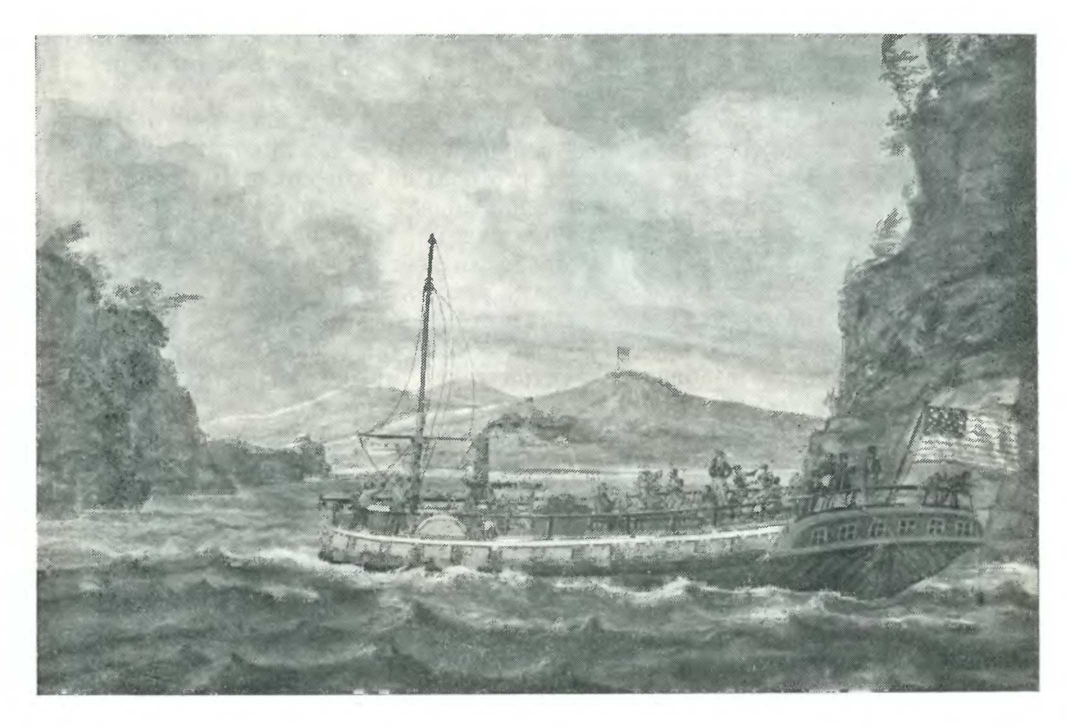
Одним из первых американских механиков, выдвинувших еще в 80-е годы XVIII в. идею «паровой кареты», был Оливер Эванс. Талантливый изобретатель-самоучка успешно внедрял паровые машины собственной конструкции на мукомольных предприятиях Пенсильвании и Мэриленда и построил компактный паровой двигатель высокого давления, но возможность создания «самодвижущегося экипажа» показалась химерой даже просвещенным членам Американского философского общества. Не имевшему средств изобретателю так и не удалось довести начатый труд до конца.

Толчком к применению локомотивов на железных дорогах США послужило успешное испытание паровоза в Англии (1829 г.). Через год первые паровозы появились в Америке. Новый вид транспорта успешно конкурировал с речным пароходом. По сообщению «Найлс уикли реджистер», уже в 1833 г. 4,5-тонный локомотив конструкции С. Лонга вез груз в 32 т со скоростью 15 миль в час, а паровоз Р. Л. Стивенса развил скорость до 40 миль в час [87]. Локомотивы, вагоны, рельсовые пути непрерывно совершенствовались. К 50-м годам Соединенные Штаты обогнали другие страны как по протяженности железнодорожной сети (около 9 тыс. миль), так и по мощности паровозов, весивших 150 т и водивших составы с большой скоростью.

---

[86] *Уилсон М.* Американские ученые и изобретатели. М., 1964, с. 23.
[87] Niles' Weekly Register, 1833, June 15, p. 267.

Применение телеграфной связи и изобретение в 1869 г. Дж. Вестингаузом воздушного тормоза сделали проезд по железной дороге более безопасным. Железнодорожный транспорт стал действенным средством освоения бескрайних просторов Запада. В 1870 г. по линии Бостон — Сан-Франциско пошли первые трансконтинентальные поезда. В обиход вошли спальные вагоны конструкции Дж. Пульмана, вагоны-рефрижераторы и др. Технические достижения США оказали влияние на развитие

НА ПАЛУБЕ «ПАРАГОНА», ОДНОГО ИЗ ПАРОХОДОВ ФУЛТОНА.

Акварель П. П. Свиньина

пароходного и железнодорожного сообщения в ряде стран Европы, и в частности в России.

Создавались принципиально новые виды связи, использующие взаимообусловленность электричества и магнетизма. Благодаря опытам А. Ампера и других европейских ученых стало известно, что электрический ток порождает магнитное поле и усиливает намагниченность стального бруска. Проблема заключалась в обратном — в возможности получать электрический ток с помощью магнетизма. Проводя в конце 20-х годов опыты с катушкой проволоки и магнитом (замененным впоследствии другой катушкой, присоединенной к источнику тока), американский физик Джозеф Генри независимо от заокеанского коллеги М. Фарадея открыл явление электромагнитной индукции, а затем и самоиндукции. Под воздействием переменного магнитного поля в проводнике возбуждался ток. Открытие, сделанное Фарадеем и Генри (именем последнего в физике названа еди-

ница индуктивности), дало возможность использовать электрическую энергию и передавать ее на большие расстояния.

Первый электродвигатель Т. Дэвинпорта (1834) и электрический вагон М. Фармера (1847) не получили признания, поскольку электрическая энергия в промышленности и на транспорте еще не могла в те годы конкурировать с паром или водой, но изобретенное в 1831 г. Дж. Генри электромагнитное реле открыло в Америке эру телеграфа. Сам он вплотную подошел к его созданию: помещенная между полюсами электромагнита стальная полоска колебалась под воздействием тока и давала сигналы, ударяя по звонку. Идея превратить этот несложный прибор в средство связи принадлежала Сэмюэлу Морзе.

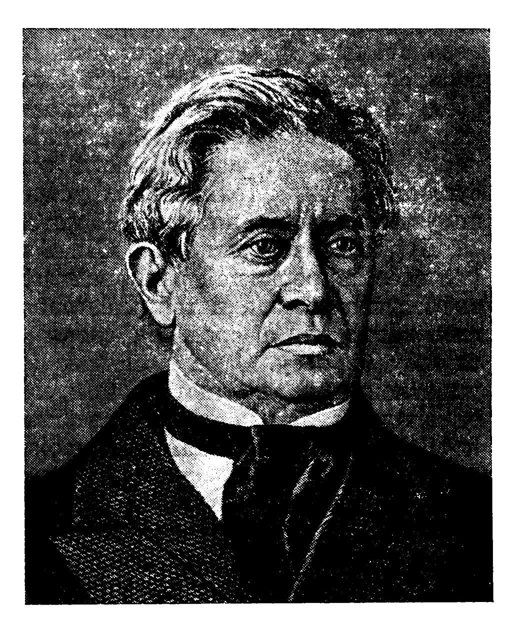
Подобно Ч. Гудийру, Морзе не имел никакого технического образования, а в молодые годы был профессиональным художником. Однако опыты по электромагнетизму увлекали его больше живописи. Проработав несколько лет над созданием собственной модели телеграфа, Морзе в 1837 г. смог передать сигнал по проволоке длиной 1700 футов. Его помощник А. Вейл разработал систему сигналов (известная «азбука Морзе»), ввел телеграфный ключ и придал аппарату компактную форму, ставшую затем общепринятой. Он же изобрел запатентованный на имя Морзе буквопечатающий аппарат. По словам Генри, Морзе «не сделал ни одного оригинального открытия в области электричества, магнетизма или электромагнетизма, применимого для изобретения телеграфа. Его заслуга... в том, что он комбинировал и применял открытия, сделанные другими» [88].

Используя электромагнитное реле, Морзе добился того, что сигналы стали передаваться по проводам практически на любое расстояние без увеличения мощности батарей. После 1844 г. в США появились протяженные телеграфные линии. Через 14 лет начал действовать первый трансатлантический телеграф, по которому английская королева Виктория обменялась приветственными телеграммами с президентом США Дж. Бьюкененом. По телеграфу стала передаваться и газетная корреспонденция, но из-за технических неполадок линия вышла из строя и была восстановлена только в 1866 г. На полях сражений гражданской войны также нашлось применение телеграфу. В 1861—1865 гг. связисты уложили 15 тыс. миль кабеля и отправили около 6 млн. сообщений.

Развивалась и военная техника — у воюющих сторон появились крупнокалиберные нарезные орудия, разрывные снаряды, скорострельные ружья. Пулемет конструкции Р. Гатлинга делал 350 выстрелов в минуту. Были применены подводная лодка, мина с электрическим взрывателем, тяжелая артиллерия на железнодорожных платформах (прототип бронепоезда), привязной аэростат для воздушной разведки и т. д. Новые технические средства ведения войны принадлежали главным образом северянам. Гражданская война наглядно продемонстрировала превосходство бронированных судов с паровыми двигателями над парусным флотом. Против 6-пушечного броненосца Конфедерации «Мерримак», легко топившего деревянные корабли Севера, успешно действовал «Монитор» — низкобортное судно конструкции Дж. Эриксона. В отличие от других кораблей его орудия находились во вращающейся башне и могли стрелять по всем направлениям. Этот тип судна стал основным на военно-морском флоте США в послевоенные годы.

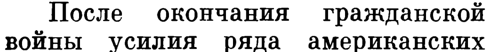
---

[88] *Norman B.* Op. cit., p. 64.

ДЖОЗЕФ ГЕНРИ

Рост потребления железа предъявлял повышенный спрос к металлургии, которая в 40—50-е годы переходила на применение минерального топлива, паровых машин и горячего дутья. Использование вместо древесного угля антрацита и кокса (в конце 70-х годов более 80% плавки) резко повысило производительность доменных печей. Внедрение после гражданской войны бессемеровского, а затем мартеновского способа переработки чугуна в сталь дало толчок развитию сталелитейной промышленности, что имело большое значение для производства машин, станков и железнодорожного строительства. К началу 80-х годов стальных рельс было выпущено вдвое больше, чем чугунных[89]. Стальные конструкции стали применяться при возведении зданий, мостов и др.

После окончания гражданской войны усилия ряда американских инженеров и изобретателей были сосредоточены на модернизации средств связи. Выходец из Эдинбурга англичанин Александр Белл добился передачи по одному проводу одновременно нескольких сигналов. Работая над усовершенствованием своего телеграфа, он и его помощник Т. Уотсон открыли в 1875 г. принцип телефонной связи. Колебания закрепленной металлической пластинки преобразовывались в электрические, а в приемном устройстве шел обратный процесс, заставляя вторую пластинку звучать в унисон с первой. На следующий год телефон Белла демонстрировался на национальной промышленной выставке в Филадельфии, а в 80-е годы был пущен в массовое производство.

Одновременно с Беллом начал кипучую изобретательскую деятельность Томас Алва Эдисон. Прослужив ряд лет телеграфистом и монтером на телеграфных линиях, молодой изобретатель-самоучка в 1875 г. изготовил свою модель усовершенствованного многоканального телеграфа. Он существенно улучшил конструкцию телефона, применив вместо магнита спрессованный угольный порошок, электропроводность которого менялась в зависимости от степени его сжатия. Звуковые волны создавали (через специальную мембрану) быстро менявшееся давление на угольный порошок, и вызываемые этим колебания тока передавались на приемное устройство.

Работая над проблемой приема и передачи звуков, Эдисон изобрел «говорящую машину» — фонограф, продемонстрированную им в 1877 г. Для звукозаписи использовались вращающийся цилиндр, покрытый тонким слоем олова, и соединенная с мембраной игла. Колебания мембраны

---

[89] *Temin P.* Iron and Steel in Nineteenth-Century America: An Economic Inquiry. Cambridge (Mass.), 1964, p. 275.

передавались игле, оставлявшей след на поверхности цилиндра. Чтобы воспроизвести звук, достаточно было поставить иглу на поставленную борозду и вращать цилиндр с исходного положения. Фонограф явился одним из оригинальных изобретений прославленного американского инженера, главным в деятельности которого было усовершенствование уже существовавших технических устройств. В этом он не знал себе равных, получив в течение жизни 1093 патента [90].

Бурно развивавшийся в США капитализм диктовал увлечение техникой и ее непрерывной рационализацией. Высокопроизводительные станки, скоростные поезда и точные приборы стали сферой выгодного приложения капитала, а средства связи были поставлены непосредственно на службу бизнесу. С их помощью значительно расширились возможности управления капиталистическим производством. Эдисон наладил выпуск специальных биржевых телеграфных аппаратов, а фирмы «Белл компани» и «Вестерн Юнион» нашли широкое коммерческое применение телефону.

По сравнению с развитием техники естественные науки в США отставали от уровня, достигнутого в наиболее развитых странах Европы. Сугубо теоретические исследования пользовались меньшим спросом. В астрономии, геологии, зоологии, ботанике преобладали методы наблюдения и классификации. Научная мысль концентрировалась в немногих крупных городах северных, центральных и западных штатов. На Юге рабовладельческая система сковывала ее развитие, что ослабляло научный потенциал страны в целом. До создания в 1863 г. Национальной академии наук исследовательская работа не получала сколько-нибудь широкой и регулярной поддержки со стороны государства. Сказывались также недостаток капиталовложений (в основном частные пожертвования), отсутствие широких контактов ученых между собой и с европейскими коллегами, несовершенство учебных программ, университетских курсов и т. д. Вместе с тем в Соединенных Штатах было немало профессиональных исследователей, внесших определенный (а порой весьма значительный) вклад в развитие той или иной отрасли знания.

После окончания англо-американской войны 1812 г. в Соединенных Штатах начали создаваться новые научные центры. Важнейшими из них стали Филадельфийская академия естественных наук (1812), Колумбийский институт поощрения искусств и наук (1816), Франклиновский институт в Филадельфии (1824), Бостонское общество естественных наук (1830) и др. Заметный шаг вперед сделала и университетская наука, отходившая от традиционных схем обучения «по Ньютону» и «по Евклиду». Усиливалась общественная потребность в знаниях не только утилитарного характера. По мере освоения новых земель на Западе, усовершенствования средств транспорта и связи становилась очевидной необходимость углубленного познания животного и растительного мира, географии и геологии страны. Это обогащало содержание науки, связывало ее с жизнью общества. Большую роль в раскрытии ее значения для американской цивилизации сыграли Т. Джефферсон, Дж. и Дж. К. Адамсы.

Наибольшей поддержкой государственных и частных организаций пользовались геологические и географические экспедиции. Начало им положил Т. Джефферсон, сам занимавшийся обследованием Виргинии. Экспедиции Д. Олмстеда в Северную Каролину, Э. Хичкока в Массачусетс,

[90] *Уилсон М.* Указ. соч., с. 83.

Д. Оуэна к верховьям Миссисипи показали целесообразность подобных методов выявления природных богатств Американского континента. Первой крупной научной экспедицией за пределы Северной Америки стало организованное за государственный счет плавание шести кораблей под руководством астронома Ч. Уилкса в 1838—1842 гг. Ее участники обследовали южную оконечность Америки, Австралию и Новую Зеландию, побывали на Фиджи и Таити, Гавайских островах, в Калифорнии. Было собрано огромное количество материала по геологии, ботанике, зоологии, географии, и ученым понадобилось несколько лет, чтобы описать и классифицировать его.

Американские естествоиспытатели изучали побережье Тихого океана, Аляску и проявляли большой интерес к природе Дальнего Востока и Сибири. Так, в 70-е годы в трех экспедициях к северо-восточным берегам Сибири участвовал крупный натуралист из Массачусетса, хранитель Национального музея США У. Г. Далл [91].

Геологам принадлежало первенство в деле координации всех отраслей естествознания в США. С 1840 г. в стране начала действовать Ассоциация американских геологов, к которой примкнули зоологи и ботаники, а через восемь лет она была преобразована в Американскую ассоциацию для прогресса науки (American Association for the Advancement of Science), куда вошли представители всех естественных наук. Целями ассоциации являлись содействие научным исследованиям и контактам ученых между собой, улучшение условий их труда, помощь при внедрении в практику новых открытий. Это расплывчатое по структуре объединение представителей разнообразных научных обществ носило чисто совещательный характер и не могло направлять и координировать исследовательскую работу [92].

Научным центром национального значения стал основанный в 1846 г. в Вашингтоне Смитсоновский институт. Его первый руководитель (секретарь) Дж. Генри поставил во главу угла фундаментальные исследования [93]. В число постоянных членов корпоративного руководства института входили президент и вице-президент США, председатель Верховного суда, государственный секретарь и главы других министерств и ведомств. Деятельность института субсидировалась и контролировалась федеральным правительством, дававшим заказы на те или иные научно-практические разработки в области геологии, географии, метеорологии, химии, военно-инженерного дела и т. д. Смитсоновский институт располагал крупнейшей в США библиотекой и естественнонаучной коллекцией, заложившей основу Национального музея.

Определенную научную работу проводило и Топографическое управление Соединенных Штатов. В 1843—1867 гг. им руководили такие видные ученые, как А. Бейч и Б. Пирс. Опираясь на финансовую поддержку правительства, управление проводило систематическое изучение Гольфстрима и других подводных течений, рельефа морского дна, приливов, погодных условий, земного магнетизма, определяло координаты небесных тел и т. д.

[91] *Куропятник Г. П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. М., 1981, с. 143.
[92] Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972, с. 36.
[93] *Dupree A. H.* Science in the Federal Government. A History of Policies and Activities to 1940. N. Y., 1957, p. 81.

Различные отрасли науки о природе тесно переплетались между собой. Натуралисты стремились познать окружающий мир во всем его многообразии. Ведущим представителем этого широкого направления в науке стал выходец из Швейцарии Жан Луи Рудольф Агассис, прошедший школу у знаменитого французского зоолога и палеонтолога Ж. Кювье. Свою научную деятельность в Соединенных Штатах Агассис начал с чтения курса лекций по естественной истории в Гарвардском университете (с 1848 г.) и экспедиций в различные уголки страны. Одним из результатов его наблюдений было развитие теории эволюции поверхности Земли, особенно доказательство того, что и на Североамериканском материке имел место ледниковый период. В фундаментальном труде по естественной истории США Агассис дал обзор происхождения ряда морских животных. Придерживаясь ошибочной «теории катаклизмов» Кювье, он отстаивал тезис о неизменности видов, сменявших друг друга лишь вследствие различных геологических катастроф. Это привело Агассиса в лагерь противников Ч. Дарвина[94].

Известность получили также натуралисты Аса Грей и Джеймс Д. Дейна. В 40—50-е годы Грей прославился сравнительными исследованиями флоры Америки, Азии и Европы. Его выводы о закономерностях распространения растений по земному шару проливали свет на далекое прошлое Земли и, в частности, свидетельствовали в пользу гипотезы о едином происхождении Американского и Азиатского материков. После гражданской войны, когда в США велись споры вокруг учения Дарвина, Грей выступил в его защиту и показал справедливость многих положений эволюционной теории.

Геолог и зоолог Дж. Д. Дейна был одним из участников экспедиции Уилкса. Собранный им материал составил основу для глубоких обобщающих выводов относительно происхождения животного и растительного мира, а также эволюции земной коры. В его работах все науки о природе были слиты в одну. В начале 60-х годов Дейна сформулировал теорию цефалогенеза, т. е. зависимости форм животных организмов от степени развития их головного мозга и центральной нервной системы. Дейна не стал на сторону Дарвина; его учение он признал (и то с оговорками) лишь в конце жизни (1895). И все же, по замечанию акад. В. И. Вернадского, сделанное Дейной обобщение было по своей сути эволюционным[95].

В первой половине XIX в. усилился интерес и к астрономии. Крупным теоретиком в этой области стал Н. Боудич, опубликовавший в «Мемуарах» Американской академии искусств и наук ряд статей по математическим методам изучения движения планет. В 1814—1817 гг. он перевел на английский язык и прокомментировал 4-томную «Небесную механику» П. С. Лапласа. Через год после учреждения Гарвардской обсерватории (1847) Дж. Бонд открыл 8-й спутник Сатурна Гиперион, а через два года третье, или так называемое темное, кольцо Сатурна[96].

Наряду с техническими изобретениями, прочно вошедшими в повседневную жизнь и быт людей, Соединенные Штаты явились родиной важного открытия и в области медицины. В 1846 г. скромный дантист

[94] *Lurie E.* Louis Agassiz: A Life in Science. Chicago, 1960, p. 297—298.

[95] *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста: В 2-х т. / Под ред. и с коммент. Б. М. Кедрова и др. М., 1975, кн. 1, с. 74.

[96] *Стройк Д. Дж.* Указ. соч., с. 410.

из Массачусетса Уильям Мортон успешно испытал действие эфирного наркоза во время хирургической операции. Обезболивание с помощью паров эфира произвело переворот в хирургии и во много раз повысило эффективность операций, а Мортон получил от Парижской академии наук почетный титул «благодетеля человечества» [97]. Подобно большинству американских экспериментаторов и изобретателей-самоучек Мортон, не обладая глубокими познаниями в химии и медицине, сделал свое открытие благодаря настойчивому и целеустремленному поиску.

В ходе гражданской войны и Реконструкции Юга американская наука стала общенациональной. Ее основные и лучшие силы сплотились вокруг правительства А. Линкольна. Смитсоновский институт занимался разработкой и испытанием военной техники и снаряжения, Топографическое управление снабжало армию соответствующей информацией, медики совершенствовали методы лечения раненых. Давно назревшая необходимость создания единого научного центра была реализована в марте 1863 г., когда президент Линкольн подписал законопроект об учреждении Национальной академии наук. На первых порах ее деятельность заключалась в оказании квалифицированной научно-технической помощи федеральному правительству, но основной целью академии провозглашались исследования теоретического характера. По настоянию Дж. Генри, бывшего советником Линкольна по вопросам науки, прием в Национальную академию рассматривался как высокая честь, а право стать ее членом получали «исключительно лица, отличившиеся оригинальными исследованиями» [98].

В послевоенные годы усилилось сближение научных обществ с высшей школой, все больше ученых привлекалось к целевым исследованиям. Национальная академия в большей степени, чем Смитсоновский институт, содействовала подбору научных кадров для решения общенациональных задач.

От основания колоний до создания развитого капиталистического общества наука и техника США проделали большой путь, отмеченный рядом значительных достижений. Уже в середине XIX в. Соединенные Штаты получили известность как страна всеускорявшегося технического прогресса. Ему благоприятствовали быстрый рост внутреннего рынка, богатейшие природные ресурсы, относительная нехватка рабочей силы, приток квалифицированных кадров из Европы и т. д.

Особенно заметны были успехи в развитии транспорта и связи. Распространение капитализма «вширь» стимулировало прокладку каналов, строительство железных дорог и телеграфных линий. С помощью разветвленной сети коммуникаций преодолевались огромные расстояния и создавалась единая капиталистическая система хозяйства.

Сама же наука играла при этом довольно ограниченную роль. Технический прогресс носил в XIX в. в основном эмпирический характер и не базировался, как правило, на применении в практике крупных научных открытий. Для изобретательства и рационализации требовались главным образом прикладные знания. Бурно развивавшийся капитализм оказывался не в состоянии обеспечить гармонического роста всех научных дисциплин, и эта особенность американской науки стала долговременной тенденцией ее развития.

[97] Там же, с. 290.
[98] *Bates R. S.* Scientific Societies in the United States. N. Y.; L., 1945, p. 81.

Глава четырнадцатая

ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

1. КОЛОНИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Развитие американской литературы отмечено рядом особенностей, существенно отличающих ее от общеевропейской литературной традиции, с которой она, однако, сохраняет общность как в плане идеологии, так и эстетики, и ее рассмотрение должно в равной мере учитывать как основные свойства и закономерности развития этой общей модели, так и те специфические черты, которые свойственны американской литературе как ее самостоятельному, устойчивому национальному варианту.

Своеобразие американской литературы обусловлено особенностями формирования нации и исторического развития страны. В силу ее относительной молодости в ней отсутствует ряд крупнейших художественных эпох, через которые пролегла магистраль литературного развития Старого Света. Зачиналась американская литература не с создания национального эпоса, не на основе устной традиции, а как литература письменная, в которой фольклор возник на позднейших стадиях развития. Она появилась в результате отпочкования от английской литературы и продолжала отдельные намеченные в ней тенденции.

Формирование американской литературы связано с появлением в начале XVII в. первых английских колоний на Атлантическом побережье Американского континента. Поселенцы прибывали сюда с грузом европейских культурных и художественных традиций, прежде всего английских, хотя далеко не на всех стадиях активно обращались к европейскому наследию во всей его полноте и многообразии, ограничиваясь — особенно вначале — малым его сегментом. Исходно во взаимодействии литературы американской и европейской преобладали связи-истоки, связи-корни. Связи-влияния проявляются на более поздних этапах, почти полтора столетия спустя — в эпоху Просвещения, обретя значительный размах лишь в эпоху романтизма.

Особым характером литературных связей обусловлен в значительной мере эффект «эстетического отставания», присущий начальному периоду развития американской литературы. Фактически в течение всего колониального периода на литературной продукции, создаваемой в колониях, лежит печать подражания. Подражание — одна из важнейших эстетических установок молодой литературы. На ранних этапах она еще не ощущает своей отдельности от литературы метрополии. Художественное сознание развивается в это время под воздействием господствующих в метрополии норм, не только следуя общему направлению, но и стремясь в нетронутом виде перенести на новую почву готовые образцы.

Первоначально колонисты почти не чувствовали связи с новым окружением, воспринимая колонию как продолжение «старой родины», а собственный разрыв с ней считали временным. Расстояние на первых порах лишь обостряло «родственные чувства», побуждая во что бы то ни стало сохранять то, что уже зафиксировано в художественном опыте покинутой родины. Переселенцы в буквальном смысле слова обращали взор назад, и не только в пространстве, но и во времени. Новейшие явления, возникавшие в литературе метрополии, как правило, мало привлекали внимание колонистов. Эстетически было для них значимо преимущественно то, что опробовано временем, отстоялось и приобрело силу канона. Своеобразие литературы колоний в этот начальный период связано с появлением в ней элементов, свидетельствовавших о попытках отражения иных условий существования, иного исторического опыта. Воздействие американской действительности — мощный фактор формирования литературы Нового Света.

На одно из ведущих мест в ней выдвигаются жанры, непосредственно отвечающие потребностям освоения континента. Это всевозможные «описания», путевые заметки, мемуаристика, дневники и т. п. Как правило, сочинения подобного рода сочетали в себе разнородные черты, одновременно выступая в роли исторических хроник, географических очерков, сочинений естествоиспытателей и богословских трактатов, включая экскурсы в область мифологии и фольклора аборигенов, зарисовки их нравов и обычаев. С изложением исторических фактов и событий из жизни колоний соседствовали не уступавшие им в подробности описания флоры и фауны, особенностей климата и почв, ландшафта и природы, перемежаемые рассуждениями морализаторского толка и религиозными проповедями.

Таким образом, «землепроходческие» и мемуарные сочинения, с которых начиналось формирование литературы, отмечены своеобразным синкретизмом, в котором, однако, в отличие от синкретизма европейских литератур периода возникновения письменности отсутствует легендарно-мифологический план как формообразующее начало. Первые американские литературные памятники — это вместе с тем и памятники исторические, ценнейшие источники сведений о социальном и жизненном укладе колоний, их духовном облике. В их числе прежде всего нужно назвать хроники капитана Джона Смита «Правдивый рассказ о событиях, случившихся в Виргинии со времени первого образования колоний» (1608), «Описание Новой Англии» (1616) и «Общая история Виргинии, Новой Англии и островов Соммерса» (1624). В последней приводится, в частности, рассказ о спасении Смита индейской принцессой Покахонтас, ставший первым американским национальным мифом.

Важнейшим фактором становления американской литературы явилось то, что оно проходило на основе не только различных национальных, но и расовых культур. Отсутствие гомогенности этнического состава населения колоний (а затем Соединенных Штатов) существенно повлияло на развитие как общественной мысли, так и художественного сознания нации. Американская литература складывалась на основе взаимодействия культур трех рас: культуры аборигенов в том виде, какой она обрела к моменту колонизации, перенесенной на американскую почву европейской культуры белых поселенцев, в которой ведущее положение занимала английская традиция, а также перенесенных сюда несколько позднее эле-

ментов африканской культуры насильственно ввозившихся в Америку черных рабов.

Это «взаимодействие» отнюдь не означало гармонии. Народы, представлявшие эти культуры, находились на разных ступенях общественного развития. Это различие было использовано колонистами для обоснования превосходства белой расы, т. е. отношения культур были изначально неравноправны. Вследствие этого культурные и художественные традиции индейцев и негров были навсегда лишены возможности естественного, органического развития.

Литературная карта Америки отмечена множеством потерь, которых невозможно ни восполнить, ни измерить, ни оценить. Индейская традиция знала лишь устные, фольклорные формы, и при вымирании племени уходившее в небытие литературное наследие не оставляло по себе никаких следов. Несмотря на угрозу истребления, индейские племена упорно сопротивлялись культурной ассимиляции, отстаивая самобытность своей культуры, препятствуя ее подчинению доминирующей культуре колонистов, сохраняя освященные веками легенды, обычаи, ритуалы, верования.

Трагически сложилась на Американском континенте судьба негритянской культуры. Рабы лишились родного языка, что предопределило высокую степень их культурной ассимиляции. Его утрата сделала невозможным сохранение богатых традиций устного народного творчества с присущей ему образностью. Когда же после приобщения к английскому языку и христианству появились писатели-негры и в негритянской среде начали вновь зарождаться фольклорные формы, это — в отличие от индейцев — происходило уже на основе иной, чужой для них культурной традиции. Но ассимиляция и в данном случае была далеко не полной. Негры сохраняли отдельные связи с корнями африканской культуры. проявлявшиеся в экстралингвистических формах, прежде всего музыкальных: мелодика, ритмы и т. д.

Тем не менее оттесняемые на задний план традиции искусства аборигенов и подвергшихся сильной ассимиляции негров оказали огромное воздействие на американскую культуру, особенно на передовую общественную мысль, возникшую буквально в первые годы существования колоний. Соседство культур, рожденных в недрах различных цивилизаций, стимулировало развитие самобытных черт американской литературы, приобщая ее к историческому, духовному и эстетическому опыту, который лежал за пределами европейских культурных традиций.

Важное значение имел для формирования американской литературы характер эмиграции из Англии, во многом определивший пути развития американского общества, его идеологию и художественное сознание. В то время, когда в Америке возникли первые поселения англичан, метрополия переживала период глубинных изменений, связанных с подготовкой Английской буржуазной революции. Недовольные результатами остановленной на полдороге реформации, буржуазия и значительная часть народных масс выступили под знаменем пуританства. Жестокие преследования со стороны официальной церкви вынудили многих пуритан, простившись с родными берегами, искать укрытия в Америке.

Здесь старые споры вспыхнули с новым ожесточением, однако на этот раз крайнюю нетерпимость в отношении инакомыслящих проявляло теперь пуританство, претендовавшее на роль единственно истинной религии. Его оплотом стала Новая Англия. Было бы ошибкой полагать, что борьба

направлений реформированной церкви велась исключительно вокруг религиозных догматов. Под покровом теологии бурлили политические страсти. Истолкование Библии становилось не только средством утверждения фундаментальных основ веры, но и откликом на волновавшие всех вопросы общественного бытия.

На протяжении почти целого столетия американская общественная мысль развивалась едва ли не исключительно в форме религиозных учений. Согласно представлениям американских пуритан, следовавших догматам сурового кальвинизма, искусство и литература не имели смысла сами по себе. Их единственной целью объявлялось служение религии. Все, что не было непосредственно связано с нею, считалось безнравственным. «Обычно пуританин отвергал образность, предназначенную лишь для того, чтобы ею восхищались, он использовал лишь те средства, которые могут облегчить понимание истины, причем предпочитал, чтобы они черпались непосредственно из Библии... Все, что задевало чувства настолько сильно, чтобы помешать сосредоточенной работе ума, казалось ему опасным» [1].

Утилитаристский подход к искусству, которое мыслилось пуританами исключительно в «прикладном» качестве, препятствовал развитию светского искусства. Их враждебность искусству наряду с задачами, которые выдвигала необходимость освоения континента,— одна из главных причин того, что в американской литературе XVII в., в которой ведущая роль принадлежала Новой Англии, слабо представлены художественные жанры. В прозе, помимо названных «записок» и хроник, доминировали жанры богословских сочинений. В поэзии преобладали религиозно-пиетистские мотивы. Драматургия отсутствовала вообще.

Основные черты литературы того времени определялись тем, что в ее основе лежало сугубо религиозное сознание. Истоком всех жизненных представлений и высшим авторитетом являлась Библия. Жизнь мыслилась как проявление божественного предопределения, в силу которого происходящее есть результат волеизъявления божественной силы и в свете которого открывается его истинный смысл. С провиденциальностью мышления пуритан связана и другая его черта — эмблематичность, выражающаяся в трактовке предмета или явления как знака или символа действия трансцендентных сил. Такой подход не оставлял места случайности и свободе выбора, а вся человеческая деятельность превращалась в исполнение верховной воли бога. Из этого вырастало у пуритан ощущение исключительности собственной миссии: явить погрязшему в грехах и скверне миру образец общества, где царствует божественный закон.

Один из самых интересных памятников, воплотивших характерные черты своего времени,— дневник Уильяма Брэдфорда (1590—1657) «О Плимутской колонии». Хотя опубликовано это сочинение первого губернатора колонии было лишь в 1856 г., по существу оно сделалось достоянием общественной мысли еще в XVII в. Брэдфорд прибыл в Америку в 1620 г. на борту «Мэйфлауэра» и в дневнике запечатлел важнейшие события из жизни колонии, уклад и нравы пуританской общины. Что еще существеннее — в нем нашли отражение взгляды и настроения первых поселенцев, раскрыты особенности их мышления. Пуритане сознава-

[1] Литературная история Соединенных Штатов Америки: В 3-х т. / Под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т. Н. Джонсона, Г. С. Кэнби. М., 1977, т. 1, с. 96.

ли себя участниками мировой драмы, и это ощущение сообщало суровую величавость страницам дневника Брэдфорда.

Как показывает дневник, отцы-пилигримы принесли с собой в Америку не только теологию английского пуританства, но и его социальные идеи. Среди них важнейшее значение имела теория ковенанта. Ее воплощением стало знаменитое соглашение на «Мэйфлауэре», утвердившее принципы ковенанта как основу социального устройства колонии и сыгравшее важную роль в дальнейшем развитии американской общественной мысли. Как справедливо указывал крупнейший исследователь в этой области В. Л. Паррингтон, на «Мэйфлауэре» «были завезены в Новую Англию два кардинальных принципа, по сути дела слившихся в один,— принцип демократической церкви и принцип демократического государства» [2].

Брэдфорд не был автором соглашения, хотя как один из наиболее влиятельных членов пуританской общины, вероятно, принимал участие в его составлении. Зато он сохранил для потомства этот ценнейший документ эпохи, приведя его в дневнике полностью.

Описывая историю возникновения и существования колонии, Брэдфорд как истинный пуританин заострял внимание на потаенном значении событий, открывающем их провиденциальный смысл. Много места занимают в его дневнике и рассуждения о греховности человеческой природы, но в отличие от большинства представителей пуританской верхушки он не был склонен к религиозному фанатизму. Рациональность суждений, основанных на здравом смысле, нередко одерживала у него верх над пуританской догмой. Повествование заканчивается рассказом о ликвидации Плимутского поселения, члены которого под влиянием различных бедствий приняли решение о слиянии с колонией Массачусетского залива. Этот конец был по-своему эмблематичен, явив крушение великой пуританской утопии — создание в Америке «града господня».

Аналогичным образом развертывались истории и всех последующих пуританских хронистов. Но даже и тогда, когда американская мысль освободилась от покровов теологии, повествование Брэдфорда не утратило своего значения, явившись как бы прообразом произведений, отражающих крах идеи избранничества Америки, ее особых исторических судеб.

Пуританских авторов связывали с Брэдфордом не только общие идейные установки, но и представления о стиле повествования. Брэдфорд сформулировал требования «простого стиля», которым неуклонно следовал в дневнике. Впоследствии они были восприняты в качестве своеобразной нормы, сохранившей значение вплоть до конца XVII в.

Черты, свойственные повествованию Брэдфорда, отчетливо проявились в сочинениях его современника Джона Уинтропа (1588—1649), одного из крупнейших деятелей пуританской Новой Англии начального периода. Он разделял общее убеждение пуритан относительно двойственной природы всех явлений, в которых за видимым существует скрытый эмблематический смысл. Страницы его дневника пестрят сообщениями о всевозможных ничтожных событиях (например, о схватке мыши со змеей или о сгрызенном мышами катехизисе), которым неизменно приписывалось провиденциальное значение.

---

[2] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 1, с. 56.

Разделял Уинтроп и идею избраннического предназначения колоний Нового Света. В проповеди «Образец христианского милосердия» (1630), произнесенной на борту отплывшей в Америку «Арабеллы», он определял миссию пуритан как создание божьего «града на холме». На формирование взглядов Уинтропа оказали влияние аристократические предрассудки, и его пуританская утопия приобрела ярко выраженный элитарный характер. Сторонник суровой ортодоксии в религии, он выступил в политике поборником авторитарной власти, которую подкреплял ссылками на признание церковью верховной власти бога. Характеризуя позицию Уинтропа, американский исследователь П. Миллер писал: «Словно сверхъестественным образом почувствовав, что может значить Америка для простого люда, Уинтроп принял меры, чтобы напрочь выбить у них из головы представление о том, что в пустыне бедные и убогие когда-либо достигнут такого самосовершенства, что превзойдут в достоинстве богатых и знатных» [3].

Наиболее полно развиты социальные теории Уинтропа (утверждавшие закрепление навечно имущественного неравенства и отвергавшие стихийно эгалитарные стремления более демократического крыла пуританства) в речи о магистратской власти, воспроизведенной в дневнике. Любое неподчинение властям Уинтропом трактуется как покушение на верховную власть бога. Как правитель Массачусетса, проповедник и идеолог пуританства он содействовал утверждению в колониях Новой Англии теократии.

Среди позднейших пуританских хроник-дневников обращает на себя внимание дневник С. Сьюолла (1652—1730), также одного из видных представителей пуританской общины Новой Англии. Сохраняя черты, общие для мировосприятия пуританских авторов, его дневник вместе с тем вносит новые акценты за счет усиления элементов интроспекции и эмоционально-индивидуального начала. Сьюоллу принадлежит первый опубликованный в Америке трактат против рабства «Продажа Иосифа» (1700).

Большое значение имела в духовной жизни колонии проповедническая литература. В устных проповедях и теологических сочинениях столпов пуританской церкви Джона Элиота (1604—1690), Джона Коттона (1584—1652) и связанных с ним кровными узами Инкриза Мезера (1639—1723) и Коттона Мезера (1662—1727), если только назвать виднейших, развивались основные положения пуританской доктрины, отстаивались принципы теократии. Для них характерна крайняя нетерпимость в вопросах веры, враждебность всякому инакомыслию. Эту же роль в сущности играли и многочисленные апологетические по духу жизнеописания видных деятелей пуританской общины, из которых самым грандиозным по замыслу был фундаментальный труд Коттона Мезера «Великие деяния Христа в Америке» (1702).

Нельзя сказать, что пуританская ортодоксия не встречала сопротивления. Уже на первых порах существования колонии находились люди, не принимавшие пуританского учения. Так, Томас Мортон (1575 (1590?) — 1647?) попытался перенести на американские берега ренессансные традиции. Следуя древним английским обычаям, он устраивал народные празднества на Веселой горе, водил дружбу с индейцами и безо всякого почтения относился к пуританским пастырям. Последние не по-

[3] *Miller P.* Errand in the Wilderness. Cambridge (Mass.), 1956, p. 5.

желали терпеть рядом подобной скверны, арестовали и выслали его из колонии, повторив это дважды, когда он осмелился нарушить их запрет. В 1637 г. в Амстердаме Мортон выпустил книгу «Новоанглийский Ханаан», где в сатирическом духе изобразил пуритан, отвергавших радости бытия ради христианской догмы, а вместе с тем движимых алчностью под маской благочестия.

После Мортона попыток возрождения ренессансных традиций в Новой Англии не предпринималось. Часто к этой традиции относят Натаниэла Уорда (1578—1652). Его «Простой сапожник из Агавама» (1647) пользовался в свое время немалой популярностью благодаря острому слогу, сдобренному грубоватым юмором. По существу же книга направлена на защиту пуританских догматов, в чем автор единодушен с отцами церкви.

После изгнания Мортона и угасания даже слабых отблесков культуры Возрождения, которую он тщетно пытался привить в Новой Англии, борьба направлений в американской мысли велась вплоть до начала XVIII столетия исключительно в рамках теологии. Хотя положения, вызывавшие острую полемику, облекались в теологические покровы, их смысл далеко не исчерпывался вопросами веры, церковных установлений или обрядности. В выступлениях против пуританской ортодоксии находило выражение недовольство низших слоев властью теократической элиты, сковывавшей духовную жизнь требованиями беспрекословного подчинения как в сфере общественных отношений, так и в сфере интеллектуальной.

Наиболее радикальную позицию среди противников ортодоксального пуританства занимал Роджер Уильямс (1603—1683), за что он и был изгнан из Массачусетской колонии. Он не только выступил против жестоких гонений, которым пуритане подвергали своих идейных противников. В противовес пуританскому ригоризму Уильямс обосновал принцип свободы сознания, призывал к веротерпимости, распространяя право свободы сознания не только на христианский, но и нехристианский мир. Глубоким демократизмом отличалась выдвинутая им теория государства, в основу которой была положена исходящая из естественного права теория договора и народного суверенитета. Наконец, Р. Уильямс первым выступил в защиту прав индейцев, объявив незаконным присвоение колонистами их земель. Это позволяет рассматривать его как одного из непосредственных предшественников философии Просвещения.

Свои взгляды Р. Уильямс изложил в сочинениях научно-философского характера, по большей части принимавших форму религиозного трактата. В их числе «Ключ к языку Америки» (1643), «Кровавый догмат преследования за убеждения» (1644), «Кровавый догмат, еще более окровавленный» (1652). Сходными настроениями пронизаны и стихотворения Р. Уильямса. Наряду с характерными мотивами медитативной поэзии XVII в. (утверждение бренности мирских благ перед светом истины и добра, призывы к нравственному совершенствованию) в них представлены темы, отражающие широту его философских и социальных взглядов.

Р. Уильямс первым ввел в американскую поэзию индейскую тему. Что особенно важно, он изобразил индейца не порождением и олицетворением дьявола, каким рисовала его пуританская традиция, а существом, наделенным естественным благородством души, предвосхитив просветительский образ «благородного дикаря».

К демократической оппозиции примыкал и Томас Хукер (1586—1647). Его взгляды по вопросам религии и социального устройства колоний перекликались с идеями Р. Уильямса, хотя он более умерен в критике теократии и основ кальвинизма. Идеи Хукера были изложены в «Обзоре церковного устава» (1648), а также нашли отражение в «Основных уложениях Коннектикута» (1639). Наиболее характерной для него формой была проповедь, многие из которых широко распространялись в списках, сохранивших значительную часть наследия Хукера.

Собственно литературные задачи играли в произведениях подобного рода подчиненную роль. Единственное, в чем они непосредственно соприкасались с художественной литературой,— это стиль. Предъявляемые к нему требования — точность описания, выразительность кратких характеристик, способность легко переходить от конкретных описаний к рассуждениям отвлеченного, как правило, метафизического, религиозного характера и т. п.— оказали немалое воздействие на формирование стиля американской литературы в его важнейших, сущностных компонентах. Но роль этих ранних памятников не ограничена в дальнейшем воздействием лишь на стиль американской прозы. Наличие длительной, существовавшей на протяжении двух столетий традиции документально-хроникальной литературы заметно повлияло на развитие американского романа, зарождение которого относится к концу XVIII в., приведя к устойчивому закреплению в нем «документальности» (безусловно отличной от документализма современной литературы) как эстетического качества.

В середине XVII в. в североамериканских колониях появляются первые поэтические произведения. Тесно связанная с пуританством, поэзия, в которой господствовали религиозно-пиетистские настроения, развивалась в основном в двух направлениях: в жанре дидактической поэмы, как правило религиозного содержания, и медитативной лирики. Наглядное представление о том, как понимали пуритане назначение поэзии, дает поэма Майкла Уигглсуорта (1631—1705) «Судный день» (1662). Она написана в духе самого сурового кальвинизма и носит откровенно моралистский характер. Ее тема — неотвратимость божьей кары, ожидающей грешников. Центральное место отведено описаниям уготованных им мук.

Мрачность картины отнюдь не отталкивала пуританскую аудиторию, находившую в ней то, что более всего отвечало ее духовным устремлениям,— прилежное изложение пуританской доктрины, не допускавшее малейших отклонений от основ кальвинизма. На протяжении столетия поэма пользовалась необычайным успехом, оспаривая пальму первенства у Библии и Катехизиса, и неоднократно переиздавалась. Но одной лишь убежденности автора в истинах, которые он преподносит в назидание читателю, недостаточно для того, чтобы превратить его в поэта. Не озаренный подлинным поэтическим чувством, «Судный день», не поднимается выше обычной версификации.

Иное впечатление производит творчество старшей современницы Уигглсуорта Энн Брэдстрит (1612—1672), чьи наибольшие успехи связаны с обращением к лирике. Ее первый поэтический сборник под красноречивым названием «„Десятая муза“, недавно объявившаяся в Америке» был опубликован в Лондоне в 1650 г. Как и Уигглсуорт, Брэдстрит проявляет себя в поэзии правоверной пуританкой.

Однако главным импульсом ее поэзии служило не стремление изложить в стихах основы кальвинизма, а отразить свои впечатления и жиз-

ненные наблюдения. Размышления на абстрактные, но большей части моральные темы нередко, особенно в поздних стихотворениях, оживлены личными переживаниями. За общими идейными и нравственными установками пуританства в поэзии Брэдстрит отчетливо вырисовывается индивидуальность. Субъективность восприятия ощутимо сказывается и в картинах окружающей природы, и в зарисовках семейной жизни, придавая им задушевность звучания. Теплота чувства, согревающая стихи Брэдстрит, делает их притягательными и для современных читателей.

Вершина пуританской поэзии — творчество Эдварда Тэйлора (1645—1729), крупнейшего поэта Америки колониального периода. Подобно другим пуританским авторам, Тэйлор не мыслил поэзии вне связи с религией и свою задачу видел в донесении света христианских идей. В его творчестве мы обнаруживаем оба ведущих жанра того времени: дидактическая поэма представлена «Предопределением Господним относительно избранных» (дата написания не установлена), медитативная лирика (наиболее ценная часть поэтического наследия Тэйлора) — двумя сериями «медитаций». Он писал их на протяжении всей жизни, по большей части параллельно с проповедями на соответствующий библейский текст. Имеется также небольшая группа стихотворений, написанных по разным случаям.

Развиваясь в русле характерных для метафизической поэзии XVII в. идей и тем (бренность земного существования и мирских благ, греховность человеческой природы, спасение души и т. п.), поэзия Тэйлора несет на себе отпечаток самобытности и индивидуальности. В ней нет и следа характерной для пуританского мышления холодной рассудочности, назойливой назидательности, прагматически-примитивного понимания задач и назначения поэзии. Лирика Тэйлора глубоко интроспективна и ставит целью не устрашение грешника, а достижение божественного откровения в индивидуальном переживании. На фоне аналогичных явлений английской и американской поэзии того времени ее особенно отличает огромный внутренний драматизм, бурное кипение страстей, смелость и неожиданность образов, взволнованность поэтической речи, в чем, несомненно, проявились черты поэтики барокко.

Тэйлор-поэт неизвестен современникам. Его наследие согласно воле автора хранилось в рукописи и было извлечено на свет в XX в. Первые публикации его стихов относятся к 1939 г. Тот факт, что в свое время поэзия Тэйлора не могла быть оценена по достоинству, не заслонил ни ее подлинной ценности, ни ее своеобразия: ныне она удостоилась чести встать рядом с лучшими образцами английской метафизической поэзии XVII в.

Если литературная традиция пуритан достигала в поэзии своей вершины в творчестве Э. Тэйлора, то апогеем ее развития в прозе явилось творчество Джонатана Эдвардса (1703—1758). Хотя современные исследователи нередко говорят о поэтической природе его дарования, сам Эдвардс никакой тяги к творчеству как самоцели не испытывал. Искусство и для него оставалось служанкой религии. Круг философских проблем пуританства определил содержание всего, что написано Эдвардсом. Он отверг новые веяния, принесенные Просвещением, хотя помимо воли испытал на себе их воздействие. Это прежде всего относится к трактату Локка «О человеческом разуме», утверждавшему чувственный опыт как основу познания. Но выдвинутые временем вопросы о сущности бытия,

свободы воли, человеческой природы Эдвардс решал, оставаясь в пределах метафизики.

Правда, современное ему пуританство, погрязшее в практицизме и схоластике, утратившее влияние среди населения из-за жестокого фанатизма и корыстолюбия духовных пастырей, не удовлетворяло его. Однако выход из создавшегося положения Эдвардс видел не в разрывае с пуританством, а в его укреплении. Этому делу он отдал блестящий интеллект философа, воображение и красноречие поэта. В таких сочинениях, как «Личное описание» (1739, опубликовано в 1830 г.), «Грешники в руках разгневанного бога» (1741), «Свобода воли» (1754), «Природа истинной добродетели» (1755), «В защиту великой христианской доктрины первородного греха» (1758), Эдвардс отстаивал идеи, занимавшие центральное место в системе взглядов пуритан (верховной власти бога, предопределения, порочности человеческой природы как следствия первородного греха и т. д.). Но в их истолковании он несколько отходит от устоявшихся канонов. Рядом с разгневанным и карающим богом кальвинистов у него появилась фигура милосердного бога, рассуждения приобрели оттенок пантеизма, а система аргументации осложнилась драматизмом мысли.

Ныне более всего сочинения Эдвардса обращают на себя внимание ощущением беспредельного трагизма бытия, которое он первым ввел в американскую литературу, и пластической выразительностью образов. Духовная изоляция Новой Англии, с которой связал свою судьбу Эдвардс, губительно повлияла на его творчество. Он отверг призывы Века Разума в пользу догм пуританства, ограничив свои возможности как мыслитель и художник поисками того, что уже в его время уходило в прошлое. Тем самым он обрывал связь с Америкой, которая сделала иной выбор.

Творчеством Эдвардса по существу завершается первая фаза развития американской литературы колониального периода. Ее достижения были довольно скромны. Однако с точки зрения становления национальной литературы они не выглядят малозначащими: в это время складывается ряд ее существенных признаков и характерных черт, хотя до завершения этого процесса было еще далеко. Объясняется это не столько особенностями собственно литературного развития, сколько условиями формирования нации. В XVII в. были заложены основы национального самосознания, но по существу оно оставалось колониальным с характерной для него зависимостью от метрополии.

Решительный поворот в сознании североамериканских колоний произошел в XVIII в. и связан с эпохой Просвещения и войной за независимость. Он составляет вторую фазу колониального периода. XVIII век явился важной вехой в развитии американской литературы. Впервые за все существование колоний общественная мысль сбросила теологические покровы, обратившись непосредственно к области политических и социальных доктрин. То же наблюдалось и в литературе. Она стала светской и о проблемах политики заговорила наконец языком политики.

Это привело к существенному перераспределению литературных жанров. Теологические сочинения (хотя произведения подобного рода продолжали появляться и в XVIII в., и позднее) уступили ведущее положение публицистике, пережившей в то время подъем, равного которому она не знала за всю историю американской литературы. Расцвет публицистики был вызван одновременно и значительностью стоявших перед лите-

ратурой общественных задач, и тем, что на протяжении большей части столетия она оставалась едва ли не единственной областью литературы, воплощавшей духовные поиски народа.

Тот перелом, который принес в литературу XVIII век, еще не привел к расцвету жанров, обозначаемых общим понятием «художественная литература». Но почва для него была подготовлена, что подтвердило ее развитие в следующую эпоху — эпоху романтизма. Идейной основой этого перелома стала идеология Просвещения, которая и в ряде европейских стран с развитой литературной традицией отдавала предпочтение философско-публицистическим жанрам.

Идеология Просвещения сообщила мощный стимул развитию национального самосознания. Учение о естественном праве с вытекающими из него идеями всеобщего равенства стало одним из главнейших постулатов, на которых строились доказательства правомерности свержения колониями власти метрополии и образования самостоятельного государства. В нем увидели американские философы и политические деятели фундамент того общественного здания, которое они собирались возвести после уничтожения колониального гнета, намереваясь превратить страну в царство свободы и справедливости. Тяготение колоний к метрополии сменилось оппозицией, недовольство произволом властей — осознанием узурпации короной права народа на самоуправление.

Сочувственно был воспринят в колониях просветительский идеал «нового человека», выдвигавший в качестве мерила ценности личности не знатность и положение в обществе, а ее собственные достоинства. Особое внимание уделялось чертам, способствовавшим воспитанию «полезного гражданина». Живой отклик встретила в Америке объединявшая всех просветителей вера в Разум как средство совершенствования человека и общества. В этом вопросе европейские теории были дополнены и расширены американскими философами, осмыслившими революцию как рычаг общественного развития.

Существенные расхождения наметились между американским и европейским Просвещением и в подходе к ряду других политических вопросов, в частности к теории «просвещенного монарха». Социальные и политические доктрины Просвещения, ставшие идейной основой Американской революции, окрылили литературу североамериканских колоний. Участие в борьбе за национальную независимость подготовило почву для ее подлинных свершений, а произведения ее идеологов и вдохновителей до сих пор сохраняют значение как ценные памятники общественной и художественной мысли XVIII в.

Но с завоеванием политической свободы вопрос об освобождении от наследия колониального периода еще не получил окончательного решения. Хотя важнейшие предпосылки для этого были завоеваны в ходе революции, без достижения независимости в сфере духовной собственная государственность могла обернуться лишь новой формой рабства. Именно поэтому национальное самосознание так активно вело в это время поиски форм художественного самовыражения. Свои плоды это принесло в иную художественную эпоху, но корни, питавшие эти плоды, уходят в эпоху революции. Ею заканчивается первый, самый длительный период в развитии американской литературы. Следует заметить, однако, что этим не завершается период ее становления. В силу особенностей формирования американской нации и государства процесс этот в результате длившегося

около трех столетий продвижения на Запад и включения новых регионов прошел несколько стадий и завершился по существу лишь к началу XX в.

Американская революция решительно изменила положение молодой нации. Отныне меняются не только направление связей (и от Европы к Америке, и от Америки к Европе), но и их характер. Постепенно угасая, связи-истоки уступают место связям-влияниям, в которых Соединенным Штатам принадлежит уже роль и воспреемника, и генератора идей. Переход совершался постепенно, но начало ему положила именно эпоха революции.

Открывает эпоху американского Просвещения творчество Бенджамина Франклина (1706—1790), живого олицетворения просветительских идей о самоценности личности, мерилом которой является талант и труд. Огромное влияние на формирование его взглядов оказали произведения английских, а впоследствии французских писателей-просветителей (Коллинза, Шефтстбери, Мандевиля и др.). Это нашло отражение в одном из ранних сочинений Франклина — «Рассуждение о свободе, необходимости, удовольствии и страдании» (1725), проникнутом духом деизма. В то же время появились две серии его очерков под псевдонимом «Сайленс Дугуд» (1722 — примерно соответствует выражению «молчание — золото») и «Любопытный» (1728—1729), ставивших целью исправление общественных нравов.

Дидактическими задачами определялось содержание и характер «Альманаха Бедного Ричарда» (1732—1758), однако в отличие от несколько прямолинейного назидания первых сочинений Франклина теперь наставления и советы облекались в остроумную, занимательную форму, напоминавшую меткой афористичностью народные поговорки. Многие из них действительно вошли в обиход народной речи, дав толчок развитию национальной фольклорной традиции, а образ Бедного Ричарда (хотя он и не является героем литературного произведения в обычном смысле слова) стал первым художественным образом, вошедшим в историю американской литературы. Поскольку чаще других переиздавалась часть альманаха, озаглавленная «Путь к изобилию» (1757), где собраны рассуждения о пользе накоплений, бережливости, вреде транжирства, последующие поколения нередко видели в герое поборника буржуазного накопительства, превознося или порицая за это автора, но редко проявляя в подходе к его наследию подлинный историзм.

Предреволюционный период обозначил новый этап в творчестве Франклина, ознаменовавшийся обострением интереса к политической и социальной проблематике. Перемещение внутреннего фокуса его произведений с вопросов морали на вопросы общенационального политического значения сопровождалось изменением и средств художественного воздействия. Они приобретали ярко выраженный публицистический характер, а сочный простонародный юмор сменился острой сатирой («Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании», 1759; «Допрос доктора Бенджамина Франклина в английской палате общин», 1766, и др.).

Вначале Франклин считал необходимым сохранение союза колоний с метрополией. Он был уверен, что зло проистекает из отдельных злоупотреблений, и возлагал надежды на законодательные меры. Убедившись в невозможности мирного разрешения конфликта, Франклин жестоко обрушился на врагов независимости колоний («Эдикт прусского короля», 1773, «Руководство к тому, как из великой империи сделать малую»,

1773, и др.). С точки зрения жанров он отдал особое предпочтение тем, которые глубоко бытовали в современной просветительской литературе Европы,— притче, условной восточной сказке и т. д.

Однако Франклин не ограничивался лишь борьбой с противниками американской независимости. Объект его критики — несправедливость, порожденная не только деспотической властью английской короны и блюстителей ее интересов, но и самим укладом жизни колоний. Он выступал в защиту веротерпимости («Притча против преследования», 1774), осуждал политику в отношении индейцев, призывал к отмене рабства негров, став инициатором создания аболиционистского общества. Особенно возросла роль сочинений подобного рода в период войны за независимость и после окончания революции, т. е. в период оформления американской государственности. В это время великий просветитель публикует «План улучшения условий существования свободных негров» (1775), «Заметки относительно дикарей Северной Америки» (1784), «Обращение к населению» (1789). «О работорговле» (1790), последовательно выступая в них с гуманистических позиций, отвергая идеи превосходства белой расы.

Наряду с этим Франклин создает в 70—80-е годы серию маленьких шедевров («Однодневка», 1778; «Свисток», 1779, и т. д.), в которых передал премудрость просветительской философии в форме житейских наставлений, согретых добродушным юмором, отеческой теплотой и снисхождением к человеческим слабостям.

Американская литература обязана Франклину и своим первым классическим произведением — «Автобиографией», работа над которой продолжалась с 1771 по 1789 г. Она была опубликована в 1791 г. во французском переводе. Так она и издавалась впоследствии вплоть до 1868 г., когда вышла в оригинале. Герой повествования своей исторической достоверностью подтверждал истинность философии Просвещения, явившись жизненным воплощением идеала «нового человека». При этом автор подчеркивал не искючительность своей судьбы, а ее типические черты, олицетворяющие опыт человека «третьего сословия», который, освободившись от условностей иерархического общества, способен благодаря собственным силам, труду и таланту подняться к вершинам познания, славы и общественного положения. Однако утверждение неограниченных возможностей свободной личности не приводило Франклина к проповеди индивидуализма, поскольку личные успехи должны были соизмеряться с долгом «полезного гражданина».

С Франклином, мыслителем и общественным деятелем, связан прежде всего первый этап в американском Просвещении, хотя в творчестве Франклина нашли отражение и тенденции, вызванные к жизни его вторым этапом — эпохой революции, поставившей во главу угла вопрос национального самоопределения. Последний был теснейшим образом связан с вопросом о власти, по которому развернулись острейшие дебаты. В их ходе выявилось два основных направления: одно отстаивало идею народовластия, осуществляемого в республиканских формах правления, другое — наследственной власти.

Отстаивавший идею народовластия Томас Джефферсон был, подобно Франклину, многосторонней личностью и с равным успехом проявил себя как общественный и государственный деятель, ученый, мыслитель и публицист. Наибольшую известность принесла ему Декларация независимости (1776).

Как государственный документ декларация не во всем адекватно передает мысль Джефферсона, поскольку ряд предложенных им пунктов был либо изменен, либо исключен из текста. Среди последних оказался, в частности раздел, затрагивавший вопрос о рабстве. Между тем Джефферсон неоднократно обращался к этой проблеме, внося в законодательные учреждения республики предложения о его отмене и запрещении работорговли. Подробно рассмотрен этот вопрос и в другом важнейшем произведении Джефферсона — «Заметках о Виргинии» (1787), где осуждение рабства обосновывается не только его несоответствием просветительским понятиям равенства и свободы личности, но и неизбежной деградацией и раба, и рабовладельца.

Большое внимание уделил Джефферсон в своих «Заметках» и проблеме народовластия, представив народ не только объектом, но и субъектом власти, который в силу этого приобретает новую функцию защитника демократических свобод. Не был обойден здесь и вопрос о просвещении народа. Как истинный сторонник Века Разума Джефферсон разделял общую для всех просветителей веру в силу знания и разума как орудия преобразования общества. Однако в отличие от общества европейских философов в системе воззрений Джефферсона эта роль в равной мере принадлежала и революции. Что особенно важно, согласно его концепции революция не являлась неким актом, единовременно и навсегда разрешавшим все общественные проблемы, но требовала продолжения и развития, которое могло вылиться в форму новой революции.

«Заметки о Виргинии» интересны не только потому, что позволяют познакомиться со взглядами великого просветителя. Они дают представление об изменениях, происшедших в самом жанре «землепроходческих» записок, с которого зарождалась американская литература. Главенствовавшее в нем некогда описание становится частью аналитической картины жизни виргинского общества, вскрывающей ее положительные и отрицательные стороны. Последние, как считал Джефферсон, могут быть преодолены путем дальнейшего развития и совершенствования демократии.

Публицистика Джефферсона оказала огромное влияние на развитие американской общественной мысли; комплекс его идей стал своего рода магнитом, вокруг которого складывались демократические тенденции в американской литературе. Большой интерес представляет и его эпистолярное наследие, позволяющее уточнить многие аспекты мировоззрения и раскрывающие внутренний облик выдающегося мыслителя и государственного деятеля.

Идеи Джефферсона разделял Томас Пейн (1737—1809), представлявший самое революционное крыло в американском Просвещении. Прибыв в Америку в 1774 г., Пейн включился в острую политическую борьбу, выступая за право колоний на отделение от метрополии и провозглашение республики. В начале 1776 г. он анонимно выпустил первое публицистическое произведение — памфлет «Здравый смысл», где в духе просветительной философии трактовал насущные политические проблемы. Резкая критика политики британской короны, защита идеалов республики и прав человека определила широту воздействия «Здравого смысла» — важнейшего наряду с Декларацией независимости документа Американской революции. В том же 1776 г. Пейн приступает к публикации «Кризиса», нерегулярного периодического издания, выходившего в течение всей войны (1776—1783) и составившего 13 выпусков.

Призывы мужественно бороться против тирании, проявлять твердость духа в годину испытаний, отвергая лживые посулы английских властей, находили живой отклик в сердцах участников революции, поднимали боевой дух солдат революционной армии.

После окончания войны за независимость Пейн переезжает в Европу. Он приветствует Французскую революцию и принимает в ней деятельное участие, за что был удостоен звания почетного гражданина и избран депутатом Национального собрания. Пейн создает трактат «Права человека» (1791—1792), направленный против книги Э. Бэрка «Размышления о Французской революции», которую отверг как клевету на революцию. Пейн выступил в защиту права народа на революционное разрешение исторических конфликтов. По его убеждению, задача революции — привести жизнь в соответствие с истинными принципами, попранными деспотической властью, и осуществить это можно, лишь неколебимо отстаивая права человека.

Участие в двух революциях и английском демократическом движении конца XVIII в. раздвинуло рамки мышления Пейна, его представления о природе государственной власти, о характере сил, противостоящих в революции друг другу. Примером может служить истолкование им такого понятия, как «чернь». В годы Американской революции Пейн пользовался им в качестве определения низкой, недостойной уважения части общества. В «Правах человека», хотя и сохранялась известная доля негативного отношения, на первый план выдвигалось рассмотрение исторических причин возникновения черни. «Чернь», справедливо доказывал Пейн, есть «неизбежное следствие порочной структуры всех старых государств Европы». Поэтому и ответственность за те деяния черни, которые так возмущали противников революции, должна быть возложена на людей, занимавших в обществе господствующее положение.

Время обнаружило ограниченность социально-политических взглядов Пейна. Он пытался примирить жирондистов и якобинцев, не понимая их принципиальных разногласий. Но в целом произведения этих лет говорят об углублении его мировоззрения. В памфлете «Век Разума» (1794) с позиций деизма рассматриваются вопросы религии и свободы сознания. а Библия трактуется как легендарно-мифологический источник. Острой критике подверг он деятельность церкви и ее служителей, способствующих угнетению, укрепляющих господство различных форм деспотизма. В «Аграрной справедливости» (1797) Пейн обрушился на существующие имущественные отношения. Отвергнув утверждения о необходимости разделения на богатых и бедных, якобы освященного божественным авторитетом, он выдвинул утопическое требование перераспределения общественного богатства, дав выход настроениям, порожденным прямым столкновением между просветительскими социальными идеями и практикой буржуазного общества, показавшей, чем на деле оказалась просветительская утопия. Возвратившись в 1802 г. в Америку, Пейн остался в изоляции и умер в нищете. Не встречает его радикализм одобрения и у современных буржуазных историков, которые всячески принижают роль Пейна в великом революционном движении его времени.

Эпоха Американской революции оказала мощное воздействие на духовное развитие нации. Это проявилось в невиданном дотоле подъеме народного творчества. подарившего Америке немало песен, проникнутых патриотическим чувством, прославлявших героев революции, воспевав-

ших свободу и осмеивавших врагов. К числу самых знаменитых относится задиристая «Янки Дудл», навсегда вошедшая в сокровищницу американского фольклора. Сатирическая традиция, которую она представляет, еще более укрепилась после революции. Теперь в песнях высмеивались не только приверженцы старых порядков, но и пришедшие им на смену новые служители закона, политические дельцы, прибравшие к рукам блага, завоеванные в революционной борьбе.

Борьба за независимость пробудила и заглохшую после Э. Тэйлора поэтическую традицию, которая возрождалась теперь уже как сугубо светская. Доминировавшие в ней религиозные мотивы совершенно вытесняются исполненной патриотического звучания гражданской темой. Среди поэтов, чье творчество вдохновлено идеями революции, первое место по праву принадлежит Филипу Френо (1752—1832). Патриотические чувства пронизывают одно из самых ранних его произведений — поэму «Восходящая слава Америки» (1771), которая заканчивается призывом разорвать оковы колониальной неволи.

Страстно уверовав в просветительские идеалы свободы, равенства и справедливости, воздающей человеку должное по его делам, независимо от знатности и богатства, Френо увидел в революции не столкновение национальных интересов, а схватку старого деспотического режима с новорожденной демократией, предвестницей великого царства свободы. Его стихотворения дышат верой в справедливость борьбы американского народа, в неизбежность торжества идей демократии («К американцам», 1775; «Песнь в честь победы капитана Барни», 1782, и др.). Страдания истекающего кровью разоренного войной родного края вызывают скорбные строки, исполненные жгучей боли и ненависти к тиранам («Британская плавучая тюрьма», 1781; «Памяти храбрых американцев», 1781). Немало создал Френо и сатирических произведений, издевкой, едким смехом каравших врагов американской свободы («Монолог Георга III», 1779; «Скрытому роялисту», 1782 и др.).

Верность идеям революции муза Френо сохранила и после окончания войны. Это привело к усилению в его творчестве критических мотивов, отражавших разочарование в буржуазной действительности. С горечью пишет поэт о том, что высокие идеалы преданы забвению, а права человека попраны властью денежного мешка. Беспощадно бичует тех, кто, кичась аристократическим прошлым, пытается реставрировать прежние порядки, предаваясь роскоши, когда самоотверженным солдатам революции уготованы нищета и забвение.

Не щадя сил отстаивал Френо в своих стихах и публицистике идеи демократии и республиканизма. Большую поддержку Джефферсону в его борьбе с федералистами оказала его деятельность в «Нэшнл газетт» (1791—1793). Особенно удачны были выступления Френо в жанре политической сатиры («Письма о всевозможных и важных предметах»). Он разоблачал антинародную политику и антидемократические притязания федералистской оппозиции. Злобные нападки федералистов вынудили поэта оставить арену литературной борьбы. Американский исследователь Г. Х. Кларк видит в усилении гражданской темы в творчестве Френо свидетельство «углублявшегося, хотя и принятого с неохотой, подчинения поэта журналисту...»[4]. Правильнее сказать, что революция помогла ему

[4] Poems of Freneau / Ed. by H. H. Clark. N. Y., 1960, p. XXIII.

найти себя как поэта, что в борьбе за идеалы демократии выявилась не только природа его поэтического дарования, но и определилась одна из ведущих линий развития американской поэзии. Подобно Джефферсону и Пейну, Френо приветствовал Французскую революцию. Она вдохновила поэта на создание таких стихотворений, как «Ода свободе» (1793), «На годовщину взятия Бастилии» (1793) и др.

Как ни велико значение гражданской лирики в наследии Френо, обращался он и к другим поэтическим жанрам. Немало его стихов посвящено картинам родной природы. Особой тонкостью передачи лирического настроения отмечены известные стихотворения «Дикая жимолость» (1786) и «Индейское кладбище» (1788). Поэт восхищается индейцами: сохранив близость к природе, они остались верны истинным основам бытия. В соответствии с просветительской идеологией природа и в ранних и в поздних произведениях Френо выступает олицетворением естественного начала и высшего Разума, основой гармонии и единства мира («Красоты Санта-Круса», 1776; «О единстве и совершенстве природы», 1815).

Френо придерживался традиций классицизма, восходящих к тираноборческой поэзии Джона Мильтона. Но, ориентируясь на демократического читателя, он отказался от присущей классицизму склонности к мифологическим сюжетам и образам. Вопреки господствовавшей литературной моде его произведения написаны по преимуществу в форме небольшого, несложного по композиции и простого по стилю лирического стихотворения. Впоследствии именно в этой форме наиболее свободно и оригинально проявил себя американский поэтический гений. Не вызвали у Френо интереса и художественные поиски его младших современников-романтиков. Он остался верен старым традициям, хотя существенно трансформировал их.

Современные Френо поэты предпочли иной путь: они попытались отразить героику революции в гигантских эпических поэмах, самые размеры которых, как им казалось, воплощали ее величие. Особое усердие проявляли Джон Трамбулл (1750—1831), Тимоти Дуайт (1752—1817), Джоэл Барлоу (1754—1812), входившие наряду с другими, менее известными поэтами в так называемую группу «хартфордских остроумцев». Отражая настроения предреволюционной поры, Трамбулл создал поэму «Похождения тупости» (1773), порицавшую невежество и чванство, а в поэме «Макфингал» (1775—1782) высмеивал верноподданнические чувства. Поэма Дуайта (мнившего создать новую «Илиаду») «Завоевание Ханаана» (1785) славила американских патриотов, прибегая к библейской образности. Коллективное сочинение «хартфордских остроумцев» поэма «Анархиада» (1786—1787), изображавшая народ кровожадной чернью, выявила антидемократизм их позиции. В центре поэмы стоит выведенный в образе идеального героя Гамильтон.

Впоследствии ограниченность взглядов преодолел лишь Барлоу, приветствовавший Французскую революцию. Созданные им после «Анархиады» эпические поэмы «Видения Колумба» (1787) и «Колумбиада» (1807) проникнуты стремлением передать благотворность революционных перемен. Однако, слишком громоздкие по построению и тяжеловесные по стилю, они не оставили следа в американской поэзии. Барлоу прославился как автор юмористической поэмы «Маисовый пудинг» (1796).

Конец XVIII в. стал свидетелем еще одного важного события в американской литературе — зарождения негритянской литературной традиции.

Первой областью, в которой проявили себя писатели-негры, была поэзия. Большую известность получили, например, поэтические произведения Филис Уитли (ок. 1753—1784). Привезенная в 8-летнем возрасте в Америку, она прекрасно овладела не только английским, но и латынью и греческим, уже этим доказав ложность утверждений об интеллектуальной неполноценности чернокожих, доставлявшихся в Америку работорговцами. По содержанию и форме стихи Уитли следовали канонам английской поэзии того времени. Если они и не отличаются большой оригинальностью, то свидетельствуют о природном уме и вкусе, позволивших автору за короткий срок уловить особенности господствовавшего стиля.

В конце XVIII столетия рождается американский роман. Среди первых произведений, созданных в этом жанре, наиболее интересны «Современное рыцарство» (1792—1819) Хью Брекенриджа (1748—1816) и романы Чарлза Брокдена Брауна (1771—1810).

Брекенридж, опиравшийся на традиции английского просветительского романа, а также избравший за образец великий роман Сервантеса, нарисовал в «Современном рыцарстве» широкую панораму американской действительности. Он сатирически высмеивал пороки американской демократии, по существу первым в литературе США указав на разрыв демократического идеала и его реального воплощения. Большое место занимают в книге авторские рассуждения дидактического характера, говорящие о прямой связи романа с публицистикой.

Ч. Б. Браун сформировался как писатель под влиянием идей Просвещения, с одной стороны, и процветавшего в Европе в конце XVIII в. жанра «готического романа» — с другой. Как и авторов последнего, его привлекали темные стороны человеческой психики и фантастические ужасы, но в романах Брауна «Виланд» (1798), «Ормонд» (1799), «Эдгар Хантли» (1799), «Артур Мервин» (1800) и других они изображаются не как порождение сверхъестественных сил, а как явления, проистекающие из самой действительности — действительности именно американской, как настаивал писатель в предисловии к одному из них.

2. ЛИТЕРАТУРА РОМАНТИЗМА

Развитие романтизма в США отличалось рядом особенностей, вызванных своеобразием исторических условий и присущих ему, несмотря на различия миросозерцания и художественного почерка американских романтиков. Успешное завершение войны за независимость, провозглашение и конституционное закрепление демократических свобод благоприятствовали дальнейшему развитию идеи национальной исключительности. Литература американского романтизма, особенно раннего периода, разделяла веру в особый, «американский путь развития». В отличие от европейской она сохранила более тесные связи с Просвещением. Американская действительность начала XIX в. казалась прямым, хотя и далеко не совершенным, осуществлением просветительских идеалов, скорее подтверждением веры во всесилие Разума, способного изменить ход истории на благо человечеству, нежели опровержением связанных с ним надежд. Осуждая пороки современного общества, американские романтики были убеждены в превосходстве Нового Света над Старым: если последнему еще предстояло сбросить оковы прошлого, освободившейся от них в результате революции Америке был открыт путь в будущее.

В значительной мере эта вера поддерживалась неразвитостью социальных отношений в стране, едва вступившей на путь самостоятельного развития, и наличием «свободных», не заселенных белым человеком земель — иллюзорной базы фермерской утопии. Она укрепляла в литературе черты, связанные с представлением об особой исторической миссии Америки — быть предтечей нового времени, идеального общественного устройства. Со времен теологической утопии подобное представление стало одним из наиболее устойчивых элементов национального сознания, получив название «американской мечты». «В той мере, в какой оптимистические социальные иллюзии, разделяемые ранним романтизмом,— писала А. А. Елистратова,— еще не целиком утратили историческое основание, они не исключали правдивого изображения действительных тенденций американской жизни» [5].

Вместе с тем характерен для американского романтизма и больший прозаизм. Элементы фантастического и таинственного в нем ослаблены и вписаны в художественный мир, в котором акцентируются черты реальной жизни, приметы повседневности и даже бытовые подробности, что в целом более свойственно реализму, сменившему романтизм. Это, по-видимому, отчасти связано с рано выявившимся прозаизмом американской действительности, которая не обнаруживала такой сложности, столь явной многослойности и многосоставности социальной структуры, как в Европе, где буржуазное общество вбирало в себя многие явления предшествующей формации.

Эти особенности отчетливо проявились уже в творчестве первого крупного американского романтика Вашингтона Ирвинга (1783—1859). Началом его творческой деятельности принято считать издававшиеся анонимно отдельными выпусками нравоописательные очерки «Сальмагунди» (1807—1808). Соавторы — ими были Ирвинг, его брат Вильям и писатель Джеймс Полдинг — выступали с федералистских позиций, направляя свои стрелы против джефферсоновской демократии. Легкой иронией окрашено и их отношение к Просвещению. Однако, подвергая насмешкам прямолинейность просветительских воззрений, сами они во многом следовали просветительским традициям как в идеологическом, так и в эстетическом плане (нравственно-этическая проблематика, дидактичность исходных установок, форма восточной сказки, притча и т. д.).

Следующее произведение Ирвинга, «История Нью-Йорка» (1809), тоже носит переходный характер, но элементы романтизма играют в ней более существенную роль. В ее основе лежит характерная для романтизма антитеза естественного состояния и цивилизации, которая воплощается в антиномии прошлого и настоящего. Современности Ирвинг противопоставляет времена первых голландских поселений, на месте которых сложился впоследствии Нью-Йорк, как эпоху, стоявшую ближе к естественным человеческим отношениям и потому более овеянную поэзией. В «Истории Нью-Йорка» заострилась сатирическая линия творчества Ирвинга. Главным объектом его насмешек была буржуазная Америка с ее деловитостью и грубым меркантилизмом. Ирвинг не порывал с ней, но как бы отдалялся, укрывшись за маской повествователя — вымышленного историка Дидриха Никербокера. В его образе воплотилась канувшая в прошлое про-

[5] История американской литературы. М.; Л., 1947, т. 1, с. 112.

стодушная патриархальная Америка, которая унесла с собой простоту нравов и бесхитростную премудрость здравого смысла. С ее позиций Ирвинг и судит о настоящем, лишенном красочности, поэтичности, теплоты человеческих чувств.

Этот мотив получил дальнейшее развитие в «Книге эскизов» (1819—1820), «Рассказах путешественника» (1824), «Брейсбридж-Холле» (1826) и «Альгамбре» (1832). В жанровом отношении эти книги представляют собой смесь новелл (среди них ставшие классическими рассказы «Рип Ван Винкль», «Легенда Сонной Лощины», «Дом с привидениями», «Дольф Хейлигер», «Жених-призрак» и др.), путевых заметок, бытовых и нравоописательных очерков. Но гораздо больше сближает эти произведения единство исходной авторской позиции. Независимо от того, где происходит действие — в Америке, Англии или Испании,— прошлое неизменно выступает антитезой действительности. Ему, безусловно, отданы симпатии автора. Вместе с тем дает себя знать и демократизм Ирвинга, а добродушный юмор смягчает резкость противопоставления.

Именно это позволило Ирвингу создать по возвращении на родину после 15-летнего пребывания в Европе такие книги, как «Астория, или Случаи из истории одного предприятия по ту сторону Скалистых гор» (1836) и «Скалистые горы, или Сцены происшествия и приключения на Дальнем Западе» (1837), где романтическая оппозиция писателя американскому обществу заметно ослаблена. В них фактически снимается противопоставление естественного состояния и цивилизации. Вместе с ним уходит игравшая существенную роль в ранних книгах Ирвинга тема индейцев и одновременно возрастает значение достоверности изображения, точности зарисовок быта и нравов фронтира.

В последние годы жизни Ирвинг отдал много сил работе над историческими сочинениями, начало которым положила трехтомная «История жизни и путешествий Христофора Колумба» (1828). Завершил он свой творческий путь публикацией пятитомной «Жизни Джорджа Вашингтона» (1855—1859), но подлинную славу принесли Ирвингу «История Нью-Йорка» и романтические новеллы, прочно закрепившие за ним почетное место в истории отечественной литературы.

На годы наивысшего расцвета таланта Ирвинга приходится начало творчества Джеймса Фенимора Купера (1789—1851). Дебютировав в 1820 г. откровенно подражательным романом «Предосторожность», он уже на следующий год выпустил одну из лучших своих книг — роман «Шпион» (1821), посвященный эпохе Американской революции и славному подвигу одного из тысяч безвестных патриотов, в жестокой схватке завоевавших независимость своей страны. Теме революции посвящены романы Купера «Лоцман» (1823) и «Лайонель Линкольн, или Осада Бостона» (1825). Особенно замечателен «Лоцман», в котором романтика борьбы за исторически правое дело и патриотический пафос соединяются с романтикой морских странствий. «Лоцман» положил начало одному из излюбленных жанров американской литературы прошлого столетия — «морскому роману».

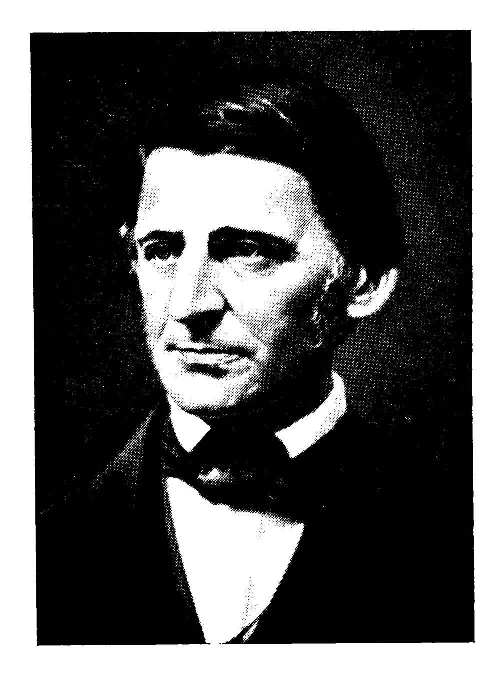
Но отношение Купера к демократии, за которую сражались его герои, было далеко не однозначно. Он отдавал предпочтение демократии перед сословно-иерархическими принципами феодального общества, влияние которых в Европе было в его время еще сильно. Демократизм был одним из живительных истоков куперовского патриотизма. Впоследствии это

нашло отражение в цикле европейских исторических романов Купера («Браво», 1833, и др.), где он обрушивался не только на аристократию, но и на сам феодальный уклад как источник человеческих страданий и несправедливости. Однако стихийно-эгалитарные устремления низших слоев американского общества отпугивали Купера. Из противоречивости его отношения к американской демократии вырос цикл романов о Кожаном Чулке, острая политическая сатира «Моникины» (1835), трактат «Американский демократ» (1838). В цикле поздних романов, написанных в защиту земельной ренты («Сатанстоу», 1845, и др.), возобладали антидемократические тенденции.

Лучшее из всего, что создал Купер,— это цикл романов о Кожаном Чулке, в который входят «Пионеры» (1823), «Последний из могикан» (1826), «Прерия» (1827), «Следопыт» (1840) и «Зверобой» (1841). Их объединяет вынесенная в центр повествования фигура Натти Бумпо, охотника и зверолова, топором прокладывающего путь сквозь непроходимые чащи девственных лесов. Он чужд корысти и не стремится ни к достатку, ни к комфорту. Натти привык к суровой кочевой жизни и более всего дорожит красотой непокоренной Природы, своей свободой и истинной дружбой. Купер наделяет героя открытым, мужественным нравом, благородством и искренностью чувств, верностью данному слову. Его лучшие друзья — индейцы: мудрый вождь Чингачгук, благородный юный Ункас.

Однако цельность пенталогии держится не только единством героя, судьба которого прослежена в них. Она основана на общей социально-философской проблематике, не утратившей значения и поныне. В сущности писатель поставил в ней одну из коренных проблем американской цивилизации, не только не получившую до сих пор разрешения, но и предельно обострившуюся со времен Купера. Суть ее в том, что законодательно возвратив человеку отторгнутые у него естественные права, основу всего просветительского учения, американская цивилизация на деле безжалостно отняла их. Эту трагическую историческую метаморфозу и воплощает судьба Натти Бумпо. Едва ли он хоть отдаленно знаком с теориями просветителей, но его стремления в полной мере соответствовали просветительскому идеалу «естественного человека».

Более всего на свете Натти хочет жить в единстве с природой, вдали от людской суеты и корысти, в окружении верных друзей, готовых прийти на помощь по первому зову. Но цивилизация, от которой он бежит, неумолимо, словно рок, преследует его. Расстояние не спасает: чем дальше уходит Натти, тем неизбежнее развязка. Не он уходит — его гонят и в конце концов непременно нагонят. Так завершается роман «Прерия», составляющий по времени действия финальную часть цикла. Здесь Натти — беспомощный старик. Могучий вал движения пионеров вынес его туда, где нет девственных лесов. Он чувствует себя чужим среди людей, но уже не в силах жить в одиночку и влачит жалкое существование, сознавая свое бессилие перед наступлением цивилизации. Парадоксальность его положения заключается в том, что он сам прокладывал ей путь, был ее первым гонцом и орудием. Та же участь постигла и «благородного дикаря», первообраз «естественного человека» — индейца. Возросшее на собственнической основе общество опрокинуло и растоптало просветительскую мечту, под флагом которой утвердилась американская демократия.

РАЛФ ЭМЕРСОН

Трагическое решение философского конфликта Природы и цивилизации, воплощенное в образе Натти, было подсказано Куперу американской действительностью. Но многое было и предугадано писателем, по существу предвидевшим судьбу пионерства задолго до того, как это выявила история. Романы о Кожаном Чулке, исполненные силы, которая придает им необычайную притягательность и полтора столетия спустя, вошли в золотой фонд американской литературы.

Купер и Ирвинг представляли ранний период американского романтизма. Второй его период, когда в результате развития и укрепления буржуазных отношений в Америке обострились социальные противоречия, связан с творчеством писателей, выдвинувшихся в середине 30-х годов XIX в., особенно в Новой Англии. В известном смысле их можно рассматривать как группу, поскольку мировоззрение этих писателей складывалось под влиянием трансцендентализма, а некоторые даже входили в кружок трансценденталистов.

Главным идеологом трансцендентализма был Ралф Уолдо Эмерсон (1803—1882). Он был воспитан в традициях новоанглийского пуританства, что заметно сказалось на формировании его взглядов. Стремясь преодолеть ограниченность пуританской мысли, зависимость философии от теологии, Эмерсон оставался все же на позициях идеализма. Другим источником его учения была посткантианская немецкая философия. В то же время идеализм Эмерсона был реакцией на засилье грубо материального, торгашеского духа, характерного для стремительно набиравшего силу американского капитализма. Это определило критическую направленность его творчества. Философия Эмерсона исходила из примата духа над материей. Над миром видимым и вещным, открытым познанию посредством чувственного восприятия, возвышается мир идеальный, трансцендентальный, воплощающий высшие истины и доступный лишь интуитивному познанию. Разум, опирающийся на чувственное восприятие и логику, бессилен перед ним. Подобная трактовка познания и разума говорит о том, что Эмерсон разделял общую для романтизма «реакцию на Просвещение».

Выступал Эмерсон в основном в жанре философско-публицистического эссе, уделяя внимание главным образом нравственно-этической проблематике. Особенно выделяются по своему значению эссе «Доверие к себе», «Американский ученый», «О литературной морали», «Природа», «Молодой американец». Впоследствии они послужили основой книг Эмерсона, наибольшей популярностью из которых пользовались два сборника «Эссе» (1841 и 1844) и том «Представители человечества» (1850).

Выражая недовольство американским обществом, погрязшим в утилитаризме, уродующим человеческую личность, которая представляет для этого общества ценность исключительно как объект извлечения пользы, Эмерсон считал необходимым изменить существующее положение вещей и даже выдвигал это перед молодым поколением американцев как самую насущную задачу. Возможность ее осуществления он связывал с моральным и — шире — духовным самосовершенствованием личности. Начинать, полагал он, нужно не с изменения внешних условий, в результате чего изменилось бы содержание общественной жизни, а, напротив, с трансформации духа, которая в конечном счете приведет к изменению общества. Истины, которыми оно руководствуется, ложны, подчинены власти чистогана, поэтому опору для своего преобразования человек может найти только в самом себе.

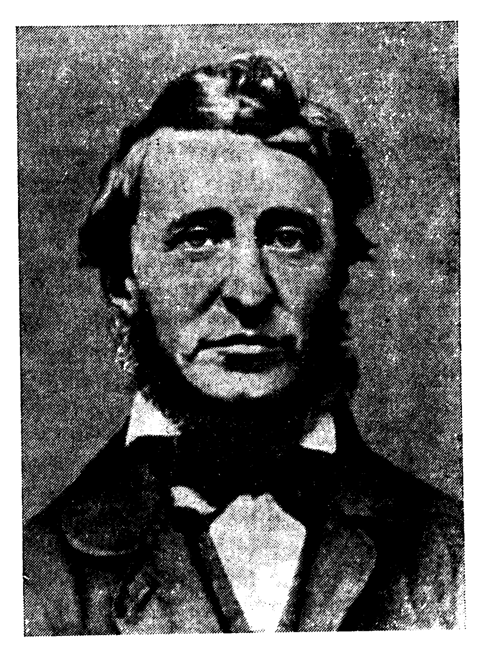
Так родился знаменитый тезис Эмерсона «доверие к себе». Человек должен отринуть все принятые обществом понятия и прислушаться к тому, что говорит его внутренний голос. Таким образом совершится его приобщение к высшим, трансцендентным истинам и ценностям, неподвластным растлевающему воздействию общества. Разрыв с идеологией накопительства и утилитаризма приведет, в свою очередь, к более глубокому разрыву с обществом: духовно преображенная личность выключится из процесса приумножения богатства. Согласовался с этой доктриной и тезис о необходимости единства человека с Природой, которое Эмерсон понимал как условие духовного раскрепощения личности, поскольку лишь она не подвержена уродующему влиянию торгашеских отношений. Являясь воплощением высшей трансцендентной идеи, Природа заключает в себе те истины, постижение которых составляет смысл человеческого существования.

Неприятие американской действительности не толкнуло Эмерсона на поиски идеала в далеком прошлом, как нередко наблюдается в романтизме. Он был убежден, что демократические институты Америки позволят ей избежать общей печальной участи. Однако предложенные им средства разрешения социальных противоречий не отражали сущности сложившихся в обществе отношений и ограничивались лишь сферой действий индивидуума.

Так как согласно доктрине «доверия к себе» личность выступает не только источником высших истин, но и единственным критерием истинности, философия Эмерсона в конечном счете явилась проповедью буржуазного индивидуализма. Она носила положительный характер в той мере, в какой поддерживала человека в его неприятии законов и ценностей буржуазного общества, но вместе с тем вопреки воле ее создателя выражала устремления самого этого общества, требовавшего полной свободы от моральных норм и провозглашавшего благом все, что соответствовало извлечению максимальной прибыли. Внутренняя двойственность учения Эмерсона определила ограниченность его воздействия, особенно когда с ходом времени обнажилась буржуазная природа американского общества.

Поздние американские романтики, Н. Готорн, Г. Д. Торо, Г. Мелвилл, Э. По, в творчестве которых американский романтизм достиг своей вершины, по-разному относились к трансцендентализму. Ни для кого из них учение Эмерсона не исчерпывало сущности представлений о мире, а Э. По вообще отверг его. Однако многие положения трансцендентализ-

ма находили отклик в их произведениях. Нередко они служили объектом острой полемики, в которой выдвигались иные сравнительно с эмерсоновским решения узловых вопросов. Это и неудивительно — философия Эмерсона рассматривала проблемы, имевшие кардинальное значение для романтического мышления и эстетики (соотношение действительности и мечты, свобода личности и возможность ее максимального самоосуществления, Природа как антитеза обществу, естественное и социальное в индивидууме и т. д.).

ГЕНРИ ТОРО

Связь позднего американского романтизма с трансцендентализмом безусловна. Однако она носит диалектический характер, т. е. включает как моменты общности, так и спора, неприятия. Не разделяли эти писатели, кроме Торо, и социального оптимизма Эмерсона, хотя их вера в исключительность судеб Америки оставалась непоколебимой, но и оптимизм Генри Дэвида Торо восходит к иному истоку.

Генри Д. Торо (1817—1862) родился в Конкорде, где и прожил почти всю жизнь. Мир Конкорда, его нравы и общественный климат, красота суровой природы во многом определили духовное развитие будущего писателя. Существенное влияние оказала на него, в частности, давняя пуританская традиция, отмеченная этическим ригоризмом и склонностью к метафизике. Торо был родом из ремесленно-фермерской семьи и на всю жизнь сохранил привязанность к демократической простоте ее уклада. Можно говорить, что она послужила своего рода первоосновой собственной этики Торо. Здесь же, в Конкорде, он познакомился и сблизился с Эмерсоном, на правах ученика которого Торо несколько лет прожил в его доме. Между учителем и учеником сложилась естественная близость взглядов, однако Торо никогда не довольствовался лишь перепевами учения Эмерсона. Он шел своим путем, хотя исходно во многом опирался на достижения предшественников и старших современников. Натура деятельная и радикальная, он преодолел умозрительность и доктринерскую ограниченность философии своего учителя, которому, несомненно, был многим обязан.

Подобно другим романтикам, Торо не принимал современного буржуазного общества с его меркантилизмом и утилитаризмом. Ему оказались созвучны идеи европейских романтиков, выступавших с критикой капитализма. Но Торо не столько увлекала критика существующего положения сама по себе, сколько поиски возможностей преодоления всего, что мешало достижению подлинной духовной свободы, которая, естественно, понималась им как свобода индивидуальная. Особенно вдохновляла его восходящая к Руссо идея единения человека и Природы. Однако то, что

на протяжении десятилетий оставалось лишь идеей, Торо решил воплотить в действие, подвергнуть испытанию опытом.

Как и для многих романтиков, Природа была для Торо вместилищем мировой души, символом духовного единства всего сущего. Его отношение к Природе заметно окрашено пантеизмом. Трансцендентное не столько вознесено над миром, сколько разлито в нем. Природа божественна во всем, обнаруживая это не только в признанных величественных картинах, но и в самых привычных и скромных проявлениях: в обычном пейзаже окрестностей Конкорда, в лесах и полях, в полевом цветке и снующей в прозрачных водах плотве.

Эти идеи нашли глубокое выражение уже в первой книге Торо — «Неделя на Конкорде и Мерримаке» (1849), в основу которой легли личные впечатления автора. В ней Торо не просто ярко воссоздает увиденное, живописует красоту родного края. Все, что он видит и слышит — одинокая хижина, лай собаки, стайка серебристых рыбок,— служит ступенькой для перехода к размышлениям о бытии и предназначении человека, от сугубо конкретного и частного — к универсальному. Естественно возникает в книге идея единства человечества, скрытого, по мысли Торо, различием господствующих в мире философских идей и верований. Людям еще предстоит открыть для себя это единство, прийти к пониманию единой «священной книги», фрагментами которой ему представляются почитаемые у разных народов Библия, Коран и т. д. Точность зарисовок, лирическая приподнятость, философски-созерцательный настрой определили как своеобразие книги, так и художественную манеру Торо. Ярче всего она воплотилась в его крупнейшем произведении — «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854).

В основу «Уолдена» Торо вновь положил собственный опыт, но на этот раз это был сознательно проведенный эксперимент. Он ставил целью не просто доказать возможность гармонии человека и Природы. Торо видел вокруг себя людей, задавленных нищетой и непосильным трудом, скованных социальными узами, закабаленных собственностью. Удаляясь в леса, где он два года жил в построенной собственными руками хижине на берегу прекрасного пруда, Торо решил проверить, насколько в силах человека отстоять свою свободу от посягательств буржуазного общества. Первое условие его свободы — собственный труд. Но этого еще мало. Если не ограничить желаний и потребностей человека, труд вместо средства освобождения станет средством закабаления. В этом Торо откровенно полемичен по отношению к буржуазно-торгашеской Америке, искусственно раздувавшей стремление к роскоши и комфорту, обременявшей человека собственностью, делавшей его рабом вещей.

Уолденский эксперимент Торо утопичен, потому что был реально осуществим, пока оставались незанятые земли, а также потому, что он предполагал существование индивида фактически вне рамок общества. Книга отразила утопичность, свойственную демократической американской мысли того времени. Однако это не умаляет художественного значения «Уолдена». В нем нашла отражение как критика общественных отношений, так и высота нравственных критериев; которые, по мысли писателя, единственно способны обеспечить подлинную свободу.

Радикализм Торо этим не ограничивался. Он одним из первых понял захватнический характер Мексиканской войны и свое осуждение выразил отказом платить налог, за что был заключен в тюрьму. Размышления,

вызванные этим эпизодом, Торо изложил в эссе «Гражданское неповиновение» (1849), где впервые сформулировал принципы «пассивного сопротивления», получившие отклик в политических движениях XX в. Однако впоследствии эти принципы были в значительной мере пересмотрены Торо в связи с вопросом о рабстве. Он был всегда противником рабства. Введение закона о беглых рабах подтолкнуло его к более активному содействию делу освобождения негров; он принимал участие в переправке беглых рабов в Канаду по «подземной дороге». Следующим толчком для развития его взглядов послужила встреча с Джоном Брауном, в котором Торо увидел подлинного героя своего времени. Выступление Брауна с оружием в руках в защиту рабов привело писателя к признанию правомерности насилия, направленного против социальной несправедливости.

Малопопулярный среди современников, Торо ныне признан одним из оригинальнейших художников американского романтизма. Его произведения стали драгоценной частью классического наследия американской литературы, с которым она и по сей день обнаруживает живую связь.

Общность истоков служит соединительным звеном между творчеством Торо и Эмерсона и творчеством Натаниэля Готорна (1804—1864). Оно также восходит к пуританским традициям Новой Англии. Ни у одного из романтиков сознательное стремление преодолеть влияние пуританской мысли и мышления не сказывалось столь отчетливо, как у Готорна, и вместе с тем ни для кого из них осмысление пуританского наследия не было столь плодотворным. Писатель обращался к нему на разных уровнях: и на уровне тематики (недаром столь важное место в его творчестве заняла тема исторического прошлого Новой Англии), и на уровне идеологии — предметом рассмотрения стали многие краеугольные понятия и категории пуританства, сконцентрированные, как и в самом пуританстве, вокруг нравственно-этических проблем. Отчасти это сказывалось в морализаторской окраске отдельных произведений Готорна, но лучшие из них лишены узкого морализаторства.

Основа творчества Готорна, как и других романтиков,— неприятие буржуазного общества, где низкоматериальное грубо вытеснило идеальное. Этот общественный конфликт писатель передал через столкновение добра и зла, ареной которого было человеческое сердце. Нередко он выражал этот конфликт посредством аллегории, переводя абстрактные понятия в план конкретных образов, благодаря чему действие приобретало фантастический характер.

Своим первым романом Готорн остался недоволен и сам изъял его из продажи. С конца 20-х годов он начал публиковать рассказы в различных периодических изданиях. Но лишь в 1837 г. ему удалось выпустить их отдельным сборником. Это были «Дважды рассказанные истории», вышедшие повторно расширенным изданием в 1842 г. В него вошли, в частности, рассказы, отразившие интерес автора к исторической теме. Поразительна при этом объективность Готорна в подходе к отечественной истории. Он с любовью воссоздает моменты, говорящие о мужестве и несгибаемой воле предков («Седой заступник», «Эндикотт и красный крест»), однако отнюдь не приукрашивает их, показывая крайнюю нетерпимость, узость мышления и жестокость пуритан («Кроткий мальчик» и др.).

Широко представлена в новеллистике традиционная пуританская тема греха, но она получает далеко не традиционную трактовку: грехом ока-

зываются у Готорна забвение человечности, эгоизм, подчинение умозрительной идее. В том же русле следовали и рассказы второго сборника Готорна — «Мхи старой усадьбы» (1846), где особенно выделяются «Молодой Браун», «Родимое пятно», «Дочь Раппачини», «Эгоизм, или Змея в груди», «Небесная железная дорога» и др. Этот сборник показал, что в творчестве Готорна нарастали трагические мотивы. Противоречия действительности приобретали в его понимании все большую неразрешимость и придавали трагический масштаб его видению.

Этим ощущением проникнуты и романы Готорна. Среди них особо выделяется «Алая буква» (1850), в которой гений писателя нашел наиболее полное и свободное выражение. Он создан на хорошо освоенном к тому времени писателем материале новоанглийской истории. Исходя из обычных романтических антиномий: противопоставления сердца и разума, «естественного» и «искусственного» в человеке и т. д., Готорн рассказывает историю Эстер Принн, осужденной согласно обычаям того времени вечно носить на груди алую букву, символизировавшую ее грех — прелюбодеяние. На этом материале он ставит такие волновавшие всех романтиков вопросы, как свобода личности, свобода воли и сознания, критерии и сущность добра и зла, соотношение видимого и сущего.

Образы центральных персонажей, характер пуританской общины очерчены ярко и выразительно, и все же, как справедливо заметил американский исследователь Ф. О. Матиссен, «даже в „Алой букве" абстракция, идея часто представляет больший интерес, нежели ее конкретное воплощение» [6].

Трагическим ощущением проникнут и роман «Дом о семи фронтонах» (1851), хотя Готорн и попытался отчасти снять его счастливой развязкой. В центр поставлена тема родового проклятия, обретавшая в трактовке писателя явное социальное звучание. Проклятие, тяготеющее над родом Пинченов, восходит к тому моменту далекого прошлого, когда всесильный судья Пинчен послал на виселицу одного из самых бедных жителей колонии, Мола, обвинив его в колдовстве. Истинной же причиной было то, что Мол не согласился уступить судье приглянувшийся тому участок. Их столкновение Готорн передает в романе как легенду, вводя соответствующую такому типу повествования символику и аллегорию. Однако направленность этой легенды очевидна — писатель безоговорочно осуждает своекорыстие и стяжательство, воплощая их в символическом образе родового проклятия.

В том же, 1851 г. был опубликован третий сборник рассказов Готорна — «„Снегурочка" и другие дважды рассказанные истории», куда вошли принадлежащие к числу его лучших творений новеллы «Итен Бранд», «Мой сродственник, майор Молино», «Снегурочка» и др. Последние законченные романы писателя, «Роман о Блайтдейле» (1852) и «Мраморный фавн» (1860), свидетельствовали об укреплении его трагического мироощущения.

Первый был создан на основе собственного опыта Готорна — участия в фурьеристской колонии «Брук-Фарм». В нем писатель открыто вступил в полемику с Эмерсоном и трансценденталистами, отвергнув их прекраснодушные теории относительно возможностей преобразования общества,

[6] *Matthiessen F. O.* American Renaissance. Art and Expression in the Age of Emerson and Whitman. L. etc., 1941, p. 250.

исходя лишь из сознательного волевого усилия личности. В «Мраморном фавне», где основу вновь составляла диалектика добра, зла и познания, ощутимо сказались мрачные предчувствия, вызванные конфликтом Севера и Юга по вопросу о рабстве и предощущением надвигавшегося национального кризиса, который в следующем году вылился в гражданскую войну. Готорн, веривший в превосходство американской демократии, тяжело переживал этот кризис. Он не находил в себе сил для подлинной творческой работы, и его последние произведения остались незавершенными.

К трагическому воплощению конфликтов эпохи пришел в своем творчестве и Герман Мелвилл (1819—1891). Будущий писатель был вынужден рано оставить учение и зарабатывать себе на жизнь. Он сменил несколько профессий, из которых наиболее плодотворной с точки зрения его творчества оказалась служба матросом на торговых и китобойных судах, а также на военном фрегате. Она дала Мелвиллу большой фактический материал и опыт, положенный им впоследствии в основу многих произведений.

Его первые книги — «Тайпи» (1846) и «Ому» (1847) — носят по преимуществу приключенческий характер. Однако даже в ранних произведениях писатель обращался к вопросам, волновавшим его современников. Так, описание жизни дикарей Полинезии и Южных морей, занимающее важное место в структуре обеих книг, явно говорит о стремлении автора разобраться в дилемме «цивилизация — естественное состояние», которая играла существенную роль в системе взглядов романтиков. В романе «Марди» (1849) Мелвилл уже выносит эти вопросы на передний план, однако сложная повествовательная форма, основанная на аллегории, приводит к творческой неудаче писателя. В последовавших затем «Белом бушлате» (1849) и «Редберне» (1850) Мелвилл как бы вновь возвращается к строго «документальной» манере, характерной для его первых повестей. Но по существу эти романы представляют заметный шаг вперед: тема социальной несправедливости и отчуждения личности, общефилософская проблематика имеют в них гораздо больший удельный вес. Эти книги явились необходимой ступенькой перехода к величайшему творению Мелвилла — роману «Моби Дик» (1851).

«Моби Дик» необычайно сложен и по содержанию, и по композиции. Он соединил в себе все повествовательные стихии, в которых работал писатель: жанры морского, приключенческого, социального и философского романа. В нем органически сочетаются документальная точность изображения и символика. Характеризуя идейно-художественное своеобразие романа, Ю. В. Ковалев писал: «Он не принадлежит ни к одному из этих жанров, и в то же время — ко всем. Его невозможно расчленить, не умертвив художественной ткани (...) Его синтетизм обладает монолитностью, и элементы разных типов повествования спаяны в нем стилистическим единством» [7].

В ходе повествования действие переносится из реального плана в символический — вместо обычной охоты на китов целью плавания становится погоня за белым китом, олицетворяющим мировое зло. Образ главного героя романа, капитана Ахава, несет на себе отпечаток полемики с

[7] *Ковалев Ю. В.* Герман Мелвилл и американский романтизм. Л., 1972, с. 183.

трансценденталистской концепцией личности. Созданный на основе романтической поэтики образ Ахава, при всем величии запечатленной в нем свободной личности, ощутившей неисчерпаемость собственных сил, выражал неприятие Мелвиллом эмерсоновской доктрины. Вера в безграничность своих возможностей оказалась губительна как для самой личности, так и для окружающих. В известной мере роман означал крушение романтического идеала одинокого героя, противопоставлявшего миру свою волю.

Исходя из глубины философского осмысления действительности, необычайного драматизма действия, выразительности образов, современные исследователи относят «Моби Дик» к числу высших достижений американского романтизма и всей литературы США прошлого века. Но у современников роман успеха не имел; выход неудачного в целом романа «Пьер» (1852) не поправил дела. Через несколько лет Мелвилл опубликовал исторический приключенческо-сатирический роман из эпохи Американской революции «Израиль Поттер» (1855) и сборник новелл «Повести с веранды» (1856), но, несмотря на это, был вскоре совершенно забыт.

В последующие годы писатель создал сатирический роман «Проходимец» (1857), несколько стихотворных сборников, поэму «Кларел» (1876), завершив свой творческий путь повестью «Билли Бадд» (1891), которая была опубликована лишь в 1924 г. В ней Мелвилл вновь обратился к проблеме добра и зла, естества, сердечной чистоты и испорченности, которую решил в трагическом ключе.

Несколько особняком стоит в американском романтизме творчество Эдгара Аллана По (1809—1849). Если Торо, Готорн, Мелвилл, Эмерсон продолжали традиции Новой Англии, то По представлял не получившую сколько-нибудь заметного развития южную литературную традицию. Его деятельность на литературном поприще была необычайно разнообразна: По выступал как прозаик, поэт, критик, редактор и издатель.

Первой опубликованной им книгой был сборник стихов, выпущенный в 1827 г. и переизданный два года спустя в несколько расширенном и переработанном виде. Хотя у него были и предшественники среди соотечественников — прежде всего У. К. Брайент (1794—1878), автор знаменитого «Танатопсиса» (1817), и Дж. Г. Уитьер (1807—1878), тонкий мастер пейзажей Новой Англии, непримиримый противник рабства, в течение нескольких десятилетий принимавший активное участие в аболиционистском движении,— По ориентировался главным образом на европейских романтиков (Байрон, Т. Мур и др.). Однако постепенно его голос приобретал самостоятельность, достаточно заметную в его третьем поэтическом сборнике (1831), куда вошли такие стихотворения, как «К Елене» и «Израфель».

Окончательно поэтические принципы По сложились значительно позже, но уже в этих стихах чувствовался повышенный интерес поэта к мелодике стиха, музыкальным и звуковым образам. Среди основных мотивов его поэзии — идеал неземной красоты, его несовместимость с грубой современной жизнью, его недостижимость и обреченность.

По рано уловил одну из основных трагедий века — трагедию отчуждения, обостренную в Америке враждебностью буржуазного общества по отношению к художнику. Поэт мучительно переживал это состояние, отразившееся в болезненном настрое многих его произведений.

В начале 30-х годов По обратился к жанру новеллы, в котором заметно сказалось влияние «готического романа». В мелодраматически наэлектризованной атмосфере его новелл («Береника», 1835; «Лигейя», 1838; «Падение дома Ашеров», 1839) все отчетливее проявляется ощущение катастрофичности, которой грозит разрыв идеала и действительности. Действие рассказов развивается между явью и сном, усиливая впечатление чудовищной фантастичности происходящего. Другая линия новеллистики По представлена такими рассказами, как «Убийство на улице Морг» (1841), «Тайна Мари Роже» (1842), «Золотой жук» (1843), к которым принято возводить начало детективного жанра в литературе.

В своей новеллистике, как и в поэзии, По не полагался на одно лишь вдохновение. Им была разработана теория, получившая название теории «единства эффекта». Он подробно изложил ее в статьях о Готорне, принадлежащих к числу лучших критических работ По. Она оказала благотворное влияние как на развитие его собственного творчества, так и на дальнейшее развитие всего жанра.

40-е годы XIX в.— пора наивысшего взлета таланта По. В 1840 г. выходит сборник его рассказов «Гротески и арабески», в 1845 г.— еще один сборник новелл и сборник стихотворений. В стихотворениях «Ворон» (1845) и «Аннабел Ли» (1849) и поэме «Колокола» (1849), пронизанных отчаянием и безнадежностью, поэтическое мастерство По достигает совершенства. В это время на долю поэта выпадают редкие минуты успеха — вся Америка зачитывалась «Вороном». Но слава По была недолгой — он умер отверженным, собственной судьбой подтвердив справедливость того, о чем писал. Возрождение интереса к его творчеству связано с именем Ш. Бодлера, благодаря усилиям которого По стал своего рода предтечей французских «проклятых поэтов» — поэтов-символистов. Интерес этот был подхвачен в других странах, способствовав утверждению его посмертной репутации и на родине.

По был не единственным, хотя, несомненно, самым выдающимся американским поэтом своего времени. Помимо упомянутых Брайента и Уитьера, следует особо сказать о Г. У. Лонгфелло (1807—1882), слава которого при жизни затмевала всех его современников. Меланхолическая по тону, исполненная легкой грусти поэзия Лонгфелло развивала традиционные романтические мотивы. Она отмечена скорее спокойной созерцательностью, нежели бурными порывами чувства, тяготеет к морализаторству и нередко сентиментальна.

Отдал он дань и увлечению фольклором, в чем также сказалась его близость традициям немецких романтиков, оказавших наиболее сильное влияние на его творчество. Самым плодотворным оказалось для него обращение к поэтическому наследию американских индейцев, в результате чего было создано одно из интереснейших произведений Лонгфелло — «Песнь о Гайавате» (1855).

Лонгфелло не проявлял интереса к политике, и в его поэзии редко звучали даже слабые отголоски современных политических сражений. Исключение составил цикл стихов о рабстве (1841), получивших огромный резонанс в Америке и сыгравших важную роль в распространении антирабовладельческих настроений.

На почве идейных расхождений по вопросу о рабстве в США выросла мощная аболиционистская литература, выступавшая за его отмену. Большое значение приобрела в годы, предшествовавшие гражданской вой-

не, публицистика. Подлинным подвижником освобождения рабов был У. Л. Гаррисон (1805—1879), редактор газеты «Либерейтор», посвятивший борьбе против рабства всю свою деятельность. Страстные выступления аболиционистов против рабовладения, направленные в защиту бесправных невольников, развивали демократические традиции американской литературы и нашли отражение в творчестве крупнейших писателей того времени. Помимо стихов Лонгфелло, необходимо назвать сборник Дж. Г. Уитьера «Голоса свободы» (1846). Вошедшие в него стихи прозвучали «трубным гласом», взывая об уничтожении вековой несправедливости. В сатирическом ключе писал о нетерпимых порядках, царивших на Юге, Дж. Р. Лоуэлл (1819—1891). В стихотворной сатире «Записки Биглоу» (1848) он зло высмеивал приверженцев рабовладения, выражая надежду, что с их господством будет покончено.

Появился и ряд прозаических произведений, рисовавших трагическую участь рабов, требовавших уничтожить рабство. Многие из них были написаны беглыми рабами, скорбевшими о тяжкой доле своего народа, выражали его стремление к свободе.

Наиболее выдающаяся роль выпала на долю романа Г. Бичер-Стоу (1811—1896) «Хижина дяди Тома» (1852). Пронизанная страстной ненавистью к рабству, книга взывала не столько к доводам рассудка, сколько к сердцу читателя, воспламеняя душу огнем благородного негодования. Недаром Линкольн назвал Бичер-Стоу «маленькой женщиной, которая вызвала эту большую войну». Сама писательница не разделяла радикальных настроений тех, кто требовал насильственного уничтожения рабства. В книге звучат религиозно-примирительные мотивы, она страдает сентиментальностью. Тем не менее правдивое изображение ужасов жизни несчастных рабов, жестокости, духовной и нравственной деградации их белых хозяев, искренняя жажда справедливости вдохновляли на борьбу тех, кто выступал за отмену позорного института.

Как ни велико было значение аболиционистской пропаганды и успехи исполненной антирабовладельческого пафоса литературы, решить вопрос о рабстве путем реформ, к которым призывали аболиционисты, не удалось. Нарастание конфликта привело к гражданской войне, в которой Север выступал под знаменем демократии. Немалая заслуга в этом, несомненно, принадлежала литературе.

Гражданская война послужила своего рода водоразделом, разделившим эпохи романтизма и реализма. Расцвет американского романтизма приходится на конец 40-х — середину 50-х годов XIX в., т. е. значительно позже, нежели в ведущих странах Европы, где к этому времени утверждается реалистический метод. В литературе американского романтизма также ощутимо нарастание реалистических тенденций, однако реализм как основной метод складывается в литературе США лишь после гражданской войны.

Эпоха романтизма имела огромное значение для дальнейшего развития американской литературы. Особенно заметно проявилось оно в XX столетии, когда многие писатели обнаружили в творчестве романтиков живительные истоки. Непреходящее значение наследия романтиков обусловлено не только высокими идейно-эстетическими достоинствами их произведений, но прежде всего тем, что в этот период американская литература действительно превратилась в литературу национальную.

3. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Американское изобразительное искусство — явление в достаточной степени самостоятельное, имеющее свои корни и свои особенности. Оно отразило сложный процесс сплава разных национальностей, превращение колониста-переселенца в американца, формирование в это время основных черт будущей американской художественной культуры [8].

Картину жизни колониального периода можно представить себе по характеру архитектуры. На протяжении XVII столетия было построено много зданий временного характера — землянок, хижин из прутьев, обмазанных глиной. В силу исторической необходимости возводилось большое число оборонительных сооружений. Создавались таверны, помещения для биржевых операций, молитвенные дома — митинг-хаузы (тип культового здания для пуритан). Митинг-хаузы представляли собой помещение, разделенное на две части — мужскую и женскую, со скамьями вдоль стен и кафедрой посредине. Типичный митинг-хауз — Олд Шил (1681) в Хингеме (Массачусетс). По своему характеру ранние колониальные поселения напоминали средневековые английские.

В XVII в. возникают города, которым суждено будет сыграть важную роль в колониальной культуре. Это прежде всего Бостон — «историческая столица США». Правда, так же как и Нью-Йорк, он застраивался стихийно. В 1682 г. была проведена планировка столицы Пенсильвании — Филадельфии, несколько позднее столицы Виргинии — Вильямсберга (в настоящее время город-музей, где воссоздана обстановка колониальной эпохи). Колонисты сохраняли традиционно европейские типы построек, отмеченные, однако, большей замкнутостью, уравновешенностью. С конца XVIII в. американские города строились по простым и ясным системам английских архитекторов-палладианцев; в основе лежал прямоугольный план.

Важным элементом жизни американских колоний стало искусство портретной живописи. Человеческая личность — вот что привлекало американских живописцев XVIII в., а передать ее облик и характер — единственная цель, которую они ставили перед собой. Духовная «бедность», «мирской аскетизм» — черты, заметно проступавшие в ранних американских портретах, были обусловлены временем и средой.

Пуританскую Новую Англию издавна принято считать колыбелью тех идеалов и общественно-политических институтов, которые получили признание как традиционно американские. Занятие искусством, художественное творчество были, по твердому убеждению пуритан, чем-то фривольным, даже безнравственным. Искусство нуждалось в «оправдании». Художественное творчество виделось пуританам лишь как средство религиозного воспитания и распространения богословских истин, что ставило трудно преодолимые препятствия на пути развития здесь светского искусства. И тем не менее искусство существовало, прежде всего народное.

---

[8] Истории американского искусства XVIII—XIX вв. посвящено много работ. См., в частности: *Larkin O.* Art and Life in America. N. Y., 1960; *Richardson E. P.* Painting in America. N. Y., 1956; *Barker V.* American painting. N. Y., 1947; *Brown M. W.* American Art to 1900. N. Y., 1977. Из книг советских исследователей особого внимания заслуживают: *Чегодаев А. Д.* Искусство США, 1675—1975. М., 1976; *Иконников А. В.* Архитектура США. М., 1979.

Вся совокупность воззрений, перенесенных в Америку из старых отечеств, медленно переплавлялась в горниле новых форм жизни, складывавшихся под воздействием в то время более свободной в общественном смысле среды, чем в Старом Свете. Общество, находившееся лишь на подступах к национальному объединению, являло собой соединение отдельных семейных групп: в таких условиях портрет играл важную роль как способ передать образ семейного древа следующим поколениям.

В искусстве примитивистов прослеживаются и черты американского прагматизма — писали ли они себя или своих близких. Неудивительно, что в XVIII в. столь многочисленны портреты капитанов, мореплавателей и путешественников: отъезжавшие в опасный путь должны были позаботиться о том, чтобы запечатлеть свой облик для потомков. Кроме этой цели, портрет служил также украшению скромного жилища, был его декоративным элементом.

Живописные изображения создавались лишь в нескольких самых процветавших колониях из тринадцати — это Нью-Йорк, Нью-Джерси, Массачусетс, Пенсильвания. Соответственно трем американским городам (Нью-Йорку, Бостону и Филадельфии) принадлежала ведущая роль в культурной жизни Нового Света. Портретисты тех времен, так называемые лимнеры (limners), считали свое творчество простым ремеслом и поэтому редко подписывали произведения. Писали на холсте, дереве или бумаге маслом либо акварелью.

Среди дошедших до нас ранних работ «Портрет Анны Полард» (1721, Массачусетское историческое общество, Бостон) свидетельствует и об уровне живописного мастерства в Массачусетсе, и о характере первых поселенцев Североамериканского континента. Неизвестный автор, который не являлся профессиональным художником, сумел ярко передать характер модели — твердый, пуританский, властный (Анна Полард была одной из первых жительниц Бостона; портрет был заказан к ее 100-летию). Суровая действительность, предъявлявшая поселенцам жесткие требования, не могла не отразиться на их внешнем облике. Выражению лица, особенно глаз, американские примитивисты уделяли пристальное внимание. Портрет, создаваемый для потомков, должен был запечатлеть не только внешность прародителя, но, главное, силу, волю, достоинство. В этом отношении «Портрет Анны Полард» — пример, может быть, наиболее яркий.

Примитивы, созданные в это же время в Нью-Йорке, поражают прежде всего декоративностью. В частности, «Портрет молодой леди с веером» (неизвестный художник, 1737, частное собрание, Нью-Йорк) отличается более высоким профессиональным уровнем, хотя и сохраняет плоскостность линеарного стиля американских примитивов. Для понимания творческого процесса художника-лимнера этот портрет дает многое. Живописцу удается великолепно написать лицо, а сама фигура — словно манекен. Фон — открытое окно с пейзажем, драпировка, собранная у окна на стене, пишется им, скорее всего, не с натуры, а с гравировальных копий с произведений европейских мастеров.

В целом портреты, созданные американскими лимнерами, дают повод для аналогий с европейским искусством, но только в одном плане — композиционном. Портреты французских и английских придворных живописцев появились в английских колониях в гравировальных изображениях, привезенных переселенцами из Европы. В XVIII в. именно эти графи-

ческие черно-белые копии являются почти единственными примерами проникновения европейского искусства на Американский континент. И они только косвенно могли повлиять на формирование художественного образа в американской живописи колониального периода. Противоречие между тем, что было в действительности (портретируемый, его личность), и композиционными деталями, заимствованными с гравюр (аксессуары и т. д.), заметно ощущалось во многих работах американских примитивов.

В Массачусетсе был создан «Портрет доктора Филомена Трейси» (коллекция Гарбичей, Мэриленд) — одно из лучших произведений колониального периода. Портреты американских живописцев всегда конкретны. Адвокат изображался со сводом законов, купец — с расчетной книгой, капитан — с морским биноклем, врач — считающим пульс больной. Вероятно, это шло от традиции средневековой персональной атрибуции. Этот портрет, как, впрочем, и остальные, заключал в себе типично американское понимание цвета. Американские художники предпочитали цвет чистый, несмешанный. Колористическое решение картины основывается на взаимодействии больших плоскостей двух-трех цветов. При этом гармония основана не на мягкости тонов, а на их звучности, резкости, на неожиданности сочетаний. Американские живописцы обладали особым чувством цвета, линии текстуры. Их декоративное дарование не было вскормлено старыми европейскими мастерами.

Сохранилось мало имен художников того времени. Среди бостонских мастеров был известен Джозеф Бэджер (1708—1765). Одно из известных его произведений — «Портрет Джеймс Бэджер» (1760, Метрополитен музей, Нью-Йорк), внучки художника, написанный в рост, с птицей в левой руке и веткой ягод в правой. Примитивисты редко обращались к изображению природы. Бэджер не только свободно написал деревья, но и стремился достичь внутреннего слияния модели и пейзажа.

Среди коллекции американских примитивов есть несколько образцов групповых портретов («Семья Сарджента», Национальная галерея искусств, Вашингтон).

Художественное мышление переселенцев достаточно специфично, и само искусство дает образцы особенностей этого мышления и этой философии. Проза жизни породила и прозаическое, строгое решение образов, не встречавшееся в произведениях европейских живописцев. Религиозные сюжеты, фантастические сцены, пейзажи как самостоятельный жанр на протяжении всего XVIII столетия встречались крайне редко. Художники шли от реальной жизни, почти ни в чем не стараясь ее приукрасить.

Родилось искусство, в чем-то идущее от европейских образцов, но несущее в себе черты, ставшие впоследствии отличительной особенностью американского искусства. Живопись американских примитивистов необычна и, возможно, не всегда легка для понимания. Одни видят в них наивность, другие — провинциальное подражание европейскому искусству. Но правда находится между этими двумя противоположными точками зрения. Рассмотренные нами произведения помогают составить представление о реализме американского художника-примитивиста: это искусство, отмеченное восприимчивостью и независимостью и одновременно далекое от интеллектуальной сложности. При этом важно подчеркнуть следующее. У самых разных художников чувствуется единство в подходе к

образу. Дело не только в интересе к личности портретируемого, но прежде всего в акцентировке его определенных черт. С портретов американских лимнеров предстают люди, отличавшиеся удивительной цельностью восприятия действительности. Глубокий смысл мира таится внутри, в силу этого он лишен картинного великолепия, архитектурной пышности.

В то же время в колониях работали и приезжие художники. В творчестве, например, английских профессиональных живописцев Джозефа Блэкберна (период работы в Новой Англии 1752—1763 гг.) или Джона Уолстона (1749—1767 гг.) прослеживается английский придворный рокальный стиль. Сухие и поверхностные по живописи работы, вычурные и жеманные образы портретируемых резко отличались от живописи американских лимнеров, а само решение образов не получило дальнейшего развития в колониальном искусстве. Привнесенная культура господствовавших классов Англии, Франции, Нидерландов, Испании не могла найти адекватного воплощения в американской живописи.

Это полностью подтверждает творчество первого крупного профессионального американского художника Джона Синглтона Копли (1738—1815). В его произведениях заметен переход от плоскостности американских примитивов к полному овладению системой станковой живописи. Талант Копли сформировался не только под влиянием виденных им гравюр с произведений Тициана и Ван Дейка, но и под воздействием художественной среды, уже существовавшей в американских колониях. В таких портретах художника, как «Мальчик с белкой» (картина была послана в 1765 г. в Общество художественных выставок в Лондон и заслужила высокую оценку Рейнольдса), «Натаниэл Хард» (около 1766, музей Кливленда), «Миссис Томас Бойлстон» (1766, Гарвардский университет), чувствуется свободное живописное мастерство, позволившее американским ученым называть Копли новоанглийским Вермеером. В живописи Копли появилась предельная конкретность восприятия самой материи вещей, их трехмерной пространственной природы, их осязаемой фактурности. Особое внимание живописец уделял характеристике лица и рук портретируемого, выделяя их светом.

В 1768—1770 гг. художником был создан портрет поборника независимости Пола Ривира, известного ювелирного мастера в Бостоне. Копли изображает Ривира за работой, рядом — его инструменты, он в рабочей одежде, в руках им самим сделанный чайник. Вот человек, отвергший аристократическую традицию презрения к труду и гордый от возможности быть самим собой. «Портрет Пола Ривира» (Музей изящных искусств, Бостон) может рассматриваться как предвестник Декларации независимости в американской живописи. Герои Копли смотрят на нас со своих портретов весело, открыто и значительно, с верой в себя. Внутренний процесс преобразования колониста в американца, вызванный обострением борьбы колоний за независимость, навсегда запечатлен в своеобразии чисто американских типов, созданных Дж. С. Копли. (Стремление к европейской известности, а также семейные причины побудили Копли навсегда уехать из Америки.)

Революция и Декларация независимости способствовали быстрому профессиональному росту американского искусства. Воплотить достоинство личности, ее характер, героизм стало главным стремлением нового поколения художников, воспевавших гордость и независимость американ-

цев. В какой-то степени эта задача, как отмечалось, решалась и в портретах лимнеров. Таким образом, ко времени формирования государства искусство продолжало развиваться на основе уже собственных традиций.

В «Письмах американского фермера» Кревекера (французский дворянин, с 1759 г. живший в провинции Нью-Йорк) содержатся ценные для нас впечатления современника, основанные на долгом и непосредственном изучении колониальной действительности. В 1781 г. Кревекер писал:

ДЖОН С. КОПЛИ.
АВТОПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА С СЕМЬЕЙ. ОКОЛО 1780 Г.

«Американец — это тот, кто, оставив позади свои прежние воззрения и обычаи, приобретает другие, обусловленные новым воспринятым образом жизни, новым правительством, которому он подчиняется, новым общественным положением, которое он занимает теперь» [9].

Политическое и государственное объединение страны явилось основополагающей вехой становления национальной культуры, литературы и искусства. Воспеть самобытное в общественном устройстве и жизни —

[9] Цит. по: *Паррингтон В. Л.* Указ. соч., т. 1, с. 204.

вот та трудная задача, которая встала перед американским художником. Ни в коей мере нельзя считать, что общность концепций и терминологии европейских и американских мыслителей не способствовала проявлению чисто американских особенностей. Молодая нация, естественно, обратившись к европейскому опыту, очень быстро и успешно преодолевала провинциализм во всех сферах культуры.

Заметнее всего это проявилось в развитии архитектуры. Дело не только в изменившемся функциональном назначении зданий — строится большое число общественных сооружений — и не в том, что строительству в новом государстве естественно отводится важное место, а в большом гражданском звучании архитектуры. Радикальные изменения в архитектуре США связаны с творчеством Томаса Джефферсона. Следуя традициям Древней Греции и Рима, он привнес в американскую архитектуру суровую цельность, ясную простоту и возвышенную человечность. Его лучшие замыслы осуществлены в Виргинии: Капитолий штата в Ричмонде, ансамбль Виргинского университета в Шарлотсвилле, усадьба Джефферсона «Монтиселло» в Албемарле. Героизированный стиль Джефферсона как нельзя лучше отвечал только что победившей революции. С 1791 г. началось строительство столицы США г. Вашингтон. Президент Вашингтон сам руководил постройкой столицы. Автором генерального плана был участник войны за независимость, французский доброволец, приехавший в США в 1771 г., архитектор Шарль Л'Анфан (1754—1825). План был чрезвычайно четкий, напоминавший радиальными улицами, идущими от Капитолия, план Парижа.

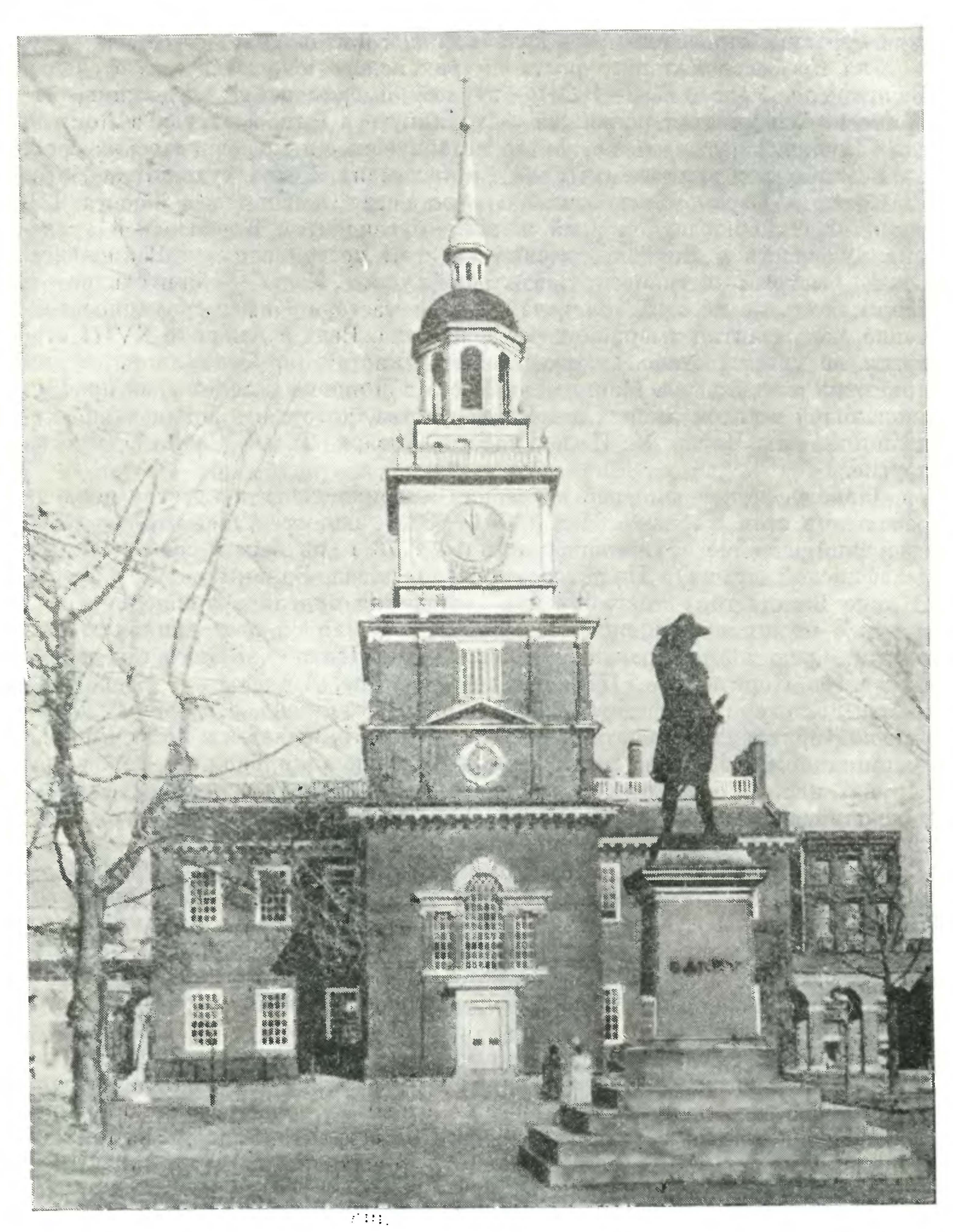
Архитектура классицизма вплоть до 40-х годов в представлении американских буржуа оставалась непременным средством утверждения собственного престижа и восхваления демократии.

Идеи французского Просвещения были чрезвычайно близки американским философам. В свою очередь, прогрессивные умы Франции с восхищением следили за революционными событиями на Североамериканском континенте; многие принимали непосредственное участие в войне за независимость или оказывали помощь. Воодушевленный идеями Американской революции, в столицу США специально для создания статуи Дж. Вашингтона, а также бюста Т. Джефферсона прибыл Жан Антуан Гудон (1741—1828) — крупнейший скульптор Франции. На американской земле он создал глубоко реалистические и вдохновенные образы, проникнутые духом демократизма. Ни один из американских скульпторов XVIII в. не смог по своим художественным достоинствам даже приблизиться к Гудону. Творчество первого национального скульптора Уильяма Раша (1756—1833) в целом не представляет большой художественной ценности. Лишь создание статуи Джорджа Вашингтона (отлита из бронзы в 1814 г.) — произведение, достойное эпохи.

Со времени образования США начинается развитие американской графики. Самые ранние графические листы представляли собой анонимные, раскрашенные от руки офорты. Новое для Америки искусство газетно-журнальной карикатуры рождается на страницах одной из первых американских иллюстрированных газет — «Фрэнк Лесли ньюс», выходившей с 1770 г.

Образование новой республики было увековечено в картинах первого исторического живописца США Джона Трамбулла (1756—1843). Эпизоды войны за независимость и революции нашли воплощение в его извест-

ных произведениях «Сражение на холме Банкер 17 июля 1775 года» и «Декларация независимости» (обе написаны в 1786—1794 гг., находятся в Художественной галерее Йельского университета, Нью-Хейвен, Коннектикут).

ДВОРЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ В ФИЛАДЕЛЬФИИ, 1732—1753 ГГ.

В 70-х годах XVIII в. продолжалось развитие американского портрета в творчестве таких художников, как уже упомянутый Дж. Трамбулл — автор миниатюрных портретов современников, Джозеф Райт (1756—1793), кисти которого принадлежит прекрасный профильный портрет Вашингтона (1784—1790), а также портрет Франклина (1782), сохраняющий суровую выразительность колониальной живописи.

Для профессионального роста американского искусства много сделал Бенджамин Уэст (1738—1820) — первый американский художник, отправившийся учиться живописи за границу — в Рим, а оттуда в Лондон, где получил известность как автор исторических и мифологических сцен, написанных под влиянием чтения Винкельмана. Успех художника Нового Света в Европе был огромен. Уэст стал живописцем Георга III, а с 1792 г. до последних дней жизни — президентом Королевской академии художеств в Лондоне, сменив на этом посту великого Рейнольдса. Столь быстрый и головокружительный успех Уэста — общительного и энергичного, но не слишком талантливого мастера — имел громадное значение для развития американского искусства. Ведь в Америке XVIII столетия не существовало художественного института, были лишь студии приезжих живописцев. Мастерская Уэста в Лондоне стала первой профессиональной школой американского искусства, которую прошли такие художники, как Чарлз У. Пил, Гилберт Стюарт, Томас Салли и многие другие.

Наиболее яркой фигурой в истории американского искусства периода революции стал Чарлз У. Пил (1741—1827), непосредственный участник сражений в войне за независимость (в 1776 г. он был в составе Филадельфийской армии). Пил неоднократно писал Вашингтона с натуры. В лице Вашингтона американские художники видели воплощение своей мечты о подлинном американце. Уже при жизни он стал национальным героем. Одно из центральных произведений Пила — «Вашингтон и Лафайет при Йорктауне» (1784, частное собрание, Аннаполис). Убедительным и достоверным представляется образ Вашингтона, в котором художник подчеркивал проницательный ум, храбрость, железную волю. Рядом с Вашингтоном изображен герой Мэриленда полковник Тиллиан, держащий в руках письмо о сдаче Йорктауна, за ними показан маркиз Лафайет — увлекшийся идеями Американской революции французский аристократ, соратник Вашингтона, друг художника.

Если в классической композиции картины можно находить связь с европейским искусством, то в главном — в решении образов героев революции — сказался американский реализм. В каждом полотне Пил ставил и решал новые художественные задачи. Художнику принадлежит необычная для XVIII в. асимметричная композиция в портрете сыновей («Сыновья художника на лестнице», 1795, Художественный музей, Филадельфия).

Пил создал первую в Соединенных Штатах портретную галерею, где было выставлено 30 портретов наиболее известных участников революции, написанных разными мастерами. Он был не только художником революции, не только создателем первого естественноисторического музея в Филадельфии («Мир в миниатюре»), но и теоретиком американского искусства. Пил, прошедший за два года основы профессионального обучения в Лондоне, жадно впитывал в себя лучшее, что было в европейской школе для создания у себя на родине, в Филадельфии, первой в США

Пенсильванской академии художеств (1805), выросшей на почве школы изобразительных искусств, основанной и возглавляемой Пилом (1791).

Поколение американских художников периода революции видело вокруг себя мир, наполненный мужеством, патриотизмом. Их образы обрели новый, оптимистический характер, их стиль твердо очерченного рисунка и ясно освещенной пластической формы имел в основе классическое видение.

Развитие американского искусства XVIII в. достигает кульминации в творчестве Г. Стюарта (1755—1828) — самого талантливого и блестящего художника США конца XVIII — первой половины XIX в. К 1773 г. относятся первые портреты Стюарта по заказу ньюпортской знати. Полотна молодого художника несли в себе достижения американской живописи, особенности лучших колониальных портретов. В таких композициях, как «Фрэнсис Мэлбое и его брат Саундерс» (около 1773—1774 гг., частное собрание, Вашингтон), «Джон Баннистер» (около 1774 г., Библиотека Редвуд, Ньюпорт), нельзя не видеть коплевского понимания натуры.

С 1775 г. начался очень важный, назовем его «лондонский», период в творческой биографии Стюарта. Необходимую профессиональную школу молодой живописец получает в мастерской Б. Уэста в Лондоне. Здесь он создавал портреты, в которых трудно проследить влияние какого-либо из известных английских художников — Д. Рейнольдса, Т. Гейнсборо, Д. Ромнея. Оно проявится несколько позже. Такие портреты, как «Доктор Бенджамин Уотерхауз» (1776 г., Библиотека Редвуд, Ньюпорт), «Портрет Бенджамина Уэста» (1780, Национальная портретная галерея, Лондон), прочно связаны с традициями американского реализма.

В 27 лет Стюарт становится ведущим портретистом Англии. Успех приносит произведение «Конькобежец» (1782, Национальная галерея искусств, Вашингтон). Это портрет известного критика шотландца Уильяма Гранта, катающегося на коньках в Гайд-парке на фоне окутанного дымкой зимнего пейзажа. Подобного колористического блеска Стюарт ранее не достигал (портрет приписывался долгое время кисти Т. Гейнсборо). Но слава и популярность, завоеванные художником в Европе, не мешают Стюарту принять решение вернуться в Америку.

В 1793 г. Стюарт возвращается на родину. Ему принадлежат слова: «Я хочу найти свою натуру и видеть ее собственными глазами»[10]. «Американский» период (с 1793 г. до конца жизни) стал для Стюарта самым плодотворным и счастливым. Стюарт развивал собственные идеи и метод, создал произведения, характерные как для творчества художника, так и для своего времени. Американцы по-прежнему хотели видеть себя такими, какие они есть. Величие было заключено в них самих. Они не нуждались в пышности фона, им не были свойственны ни английский аристократизм, ни французская грациозность. Стюарту-художнику не хватало именно такой натуры. Мастерская Стюарта в Нью-Йорке стала местом встреч американских художников, актеров, музыкантов, поэтов. Молодые живописцы могли работать рядом с прославленным мастером.

Один из первых портретов, созданных на американской земле, «Портрет м-с Ричерд Иетс» (1793, Национальная галерея искусств, Вашингтон) принадлежит к числу блестящих произведений Стюарта. Такой сильной

[10] *Walker J.* National Gallery of Art. Wash.; N. Y., 1970, p. 224.

передачи характера, звучности и тонкости живописного решения еще не знало американское искусство.

В течение 1795—1796 гг. Стюарт трижды писал Вашингтона с натуры. Лучшим считается «Портрет Джорджа Вашингтона» (1795, Национальная галерея искусств, Вашингтон). Портрет лишен и тени идеализации. Впоследствии Стюарт выполнил многочисленные копии с этого портрета (предполагают около 75), и поэтому почти каждый крупный американский музей обладает «Портретом Вашингтона», созданным Стюартом. Блестящей работой является и незаконченный портрет Джорджа Вашингтона (1796, Музей изящных искусств, Бостон). Ни одному художнику ни до Стюарта, ни впоследствии не удалось столь правдиво и одухотворенно сказать о Вашингтоне.

Благодаря Стюарту реалистическая традиция портретного искусства продолжала развиваться и в первые десятилетия XIX в. Вдохновенное мастерство художника отличало такие его прекрасные портреты деятелей американской науки и культуры, как «Джеймс Перкинс» (1822, частная коллекция), «Джошуа Куинси» (1824, Музей изящных искусств, Бостон), «Джон К. Адамс» (1825—1826, Смитсоновский институт). Вдохновленный творчеством Стюарта создает «Портрет Томаса Джефферсона» (Американское философское общество, Нью-Йорк) Томас Салли (1783—1872) — заметная фигура в портретной живописи 20-х годов XIX в.

Однако в жизни Соединенных Штатов Америки искусство еще не заняло того места, которое оно занимало в европейских странах. Дж. Адамс, впоследствии президент США, еще в 1778 г. писал жене: «Я должен учиться политике и войне, чтобы мои сыновья имели возможность заниматься математикой и философией. Мои сыновья должны будут заниматься математикой, коммерцией, сельским хозяйством, историей, географией, чтобы в свою очередь дать своим детям возможность изучать живопись, поэзию, музыку, архитектуру»[11]. Это высказывание показывает одновременно и уважение к искусству, и его третьестепенное положение в жизни американского общества в момент формирования буржуазного государства.

Биографии американских художников периода революции неразрывно связаны с Европой. Во многом американская культура выросла на классических примерах европейского искусства. Уже с конца XVIII в. кончается период духовной изолированности Американского континента. Многие американские художники учатся в Европе. Англия, Франция, Италия — вот страны, где происходит накопление знаний. В свою очередь, для Европы открывается новая страна — США. В конце XVIII — начале XIX в. слава Джорджа Вашингтона — республиканского героя — распространилась во Франции, Италии и Англии. Вся Европа знала Бенджамина Франклина как ученого и дипломата, находившегося с миссией во Франции (1776—1785). Его судьба ярко демонстрировала, чего может достичь человек среднего класса в Новом Свете. Американское искусство благодаря Б. Уэсту, Ч. У. Пилу и Г. Стюарту перешагнуло границы Североамериканского континента.

В портретной живописи американских мастеров на первый план выдвигались идеи равенства и независимости личности от государства, в то время как европейцы склонны были подчеркивать роль иерархии, проис-

---

[11] *Lynes R.* Self-portrait of American Artist.— Art in America, 1965, Aug.-Sept., p. 28.

хождения и т. п. Американские художники акцентировали нравственную сторону. В отличие от европейских мастеров их значительно меньше интересовали интеллектуальные или эстетические сферы.

Путь, пройденный американскими художниками за столетие, удивительно напоминает путь, который прошла сама Америка. Произведения художников этого времени стали национальным достоянием культуры США, фактически заложив основы американской реалистической школы.

ГИЛБЕРТ СТЮАРТ. ДВЕ ДЕВУШКИ ЗА ВЫШИВАНИЕМ

Так блестяще заканчивается первый этап собственного искусства США — 1775 г.— 1820-е годы. Казалось бы, все было подготовлено для дальнейшего расцвета американского искусства. Но в последующее время — конец 1820-х — 1865 г.— наступает период резкого спада, связанный как с рядом исторических причин, так и с особенностями развития культурной жизни страны. Главным вопросом времени, не только для Америки, но и для Европы, был вопрос о судьбе общества и личности в условиях утверждения буржуазных отношений. Противоречия между идеалами, провозглашенными в Декларации независимости, и действительным

развитием капиталистических отношений в США пронизывали американскую культуру того времени. Начавшийся процесс разочарования охватил самых разных художников.

Если крушение идеалов революции и — как следствие этого — критическое отношение к действительности рождали в американской литературе таких сложных и разноплановых писателей, как В. Ирвинг, Дж. Ф. Купер, Э. По, Г. Мелвилл, то никого равноценного им в изобразительном искусстве не было. Стремление к наживе, обогащению, резкая дифференциация — все это, естественно, приводило к утере личностью определенных нравственных качеств, именно тех, которые так привлекали художников. Не случайно портретная живопись не развивалась вплоть до 70-х годов XIX столетия, а американская культура теряла ту цельность, которая была ей свойственна. В архитектуре расцветала эклектика, стремление к ложному пафосу. Перестройка здания конгресса — Капитолия в Вашингтоне привела к возведению в основном колоссального купола (архитекторы У. Торнтон, Ч. Бульфинч, Т. Уолтер (купол)). В искусстве проявляется тенденция во что бы то ни стало превзойти Старый Свет и доказать свои неограниченные возможности.

Для первой половины XIX в. характерно сооружение гостиниц, банков, казначейств, таможен, бирж, что, естественно, вытекало из особенностей развития капиталистических городов. Типичными в этом плане являются здания банка Пенсильвании в Филадельфии (архитектор Б. Латроб), банка США в Филадельфии (архитектор У. Стрикленд), казначейства в Вашингтоне (архитектор Р. Миллс). С первой половины XIX в. американские архитекторы начали поиски новых типов зданий. В 1828 г. было построено первое здание отеля в Америке — Тремонт-хауз в Бостоне (архитектор И. Роджерс, 1800—1869). Строится Чикаго, где особое внимание обращено на функциональное назначение сооружений. Так, архитектор Огюстен Д. Тейлор в 1833 г. создал в Чикаго рациональную и экономную каркасную систему. В Нью-Йорке в 1848 г. инженер Джеймс Богардус построил пятиэтажное фабричное здание с чугунным каркасом. По его принципу было построено множество фабрик, контор, магазинов и т. д.

В середине XIX столетия работали скульпторы, обучавшиеся в Италии. Однако ни один из них не понял высокого реализма США. Американские художники, проникнутые общей для культуры США того времени задачей создания своего стиля, стали решать ее снова на «ровном месте», забыв о предшественниках, о тех самобытных традициях, которые уже сложились в XVIII — начале XIX в. Обращение к Европе, стремление повысить профессиональный уровень полностью затмили ум и воображение американских художников (исключения были, но крайне редко). По этому поводу интересно замечание американского историка Г. Шнейдера: «Америка была интеллектуальной колонией долгое время после того, как она перестала быть колонией политически» [12].

Хотя в эти годы и создавались новые художественные учреждения, методика преподавания была разработана слабо и, конечно, уступала европейской, а их роль в целом оказывалась реакционной. Американский академизм, будь то в Академии искусств или Национальной академии рисунка в Нью-Йорке, в Пенсильванской академии художеств в Фила-

[12] Цит. по: *Богомолов А. С.* Буржуазная философия США XX в. М., 1974, с. 12.

дельфии, прогрессивная роль которой после смерти Ч. У. Пила была сведена на нет, насаждал мещанство, слащавость. Искусство стало откровенно коммерческим. Ежегодные выставки, которые устраивались не только в академиях, но и в небольших выставочных залах Бостона, Вашингтона, были заполнены художественной продукцией самого низкого уровня (достаточно посмотреть на портреты Сэмюэла Морзе или Джона Нигла).

Вот почему в 1855 г. известный американский поэт, критик, публицист Дж. Р. Лоуэлл писал: «Пока Америка не научится любить искусство не ради развлечения, не ради украшения своих городов и не потому, что это считается comme il faut для великой нации, но за его способность облагораживать и очеловечивать, за способность делать людей лучше... до тех пор она не преуспеет в том высоком смысле, который один только и делает из населения нацию и из пустого названия превращает ее в живую силу» [13].

Отсутствие больших музеев, собраний мирового искусства (вплоть до 90-х годов XIX в.) и, главное, незаинтересованность государства в развитии искусств — все это пагубно отражалось на судьбах американских художников. Многие из них не выдерживали столь удушливой атмосферы и уезжали в Европу (так Америка потеряла М. Кэссет, Д. Уистлера и др.).

Но если это время и заслуживает внимания, то главным образом благодаря появлению новых для американского искусства жанров. Развитие получили пейзаж, бытовая картина, натюрморт. Пробуждению интереса к родной природе способствовали еще в начале XIX в. пейзажист Александр Уилсон (1766—1813) и особенно Джеймс Одюбон (1785—1851) — известный ученый-орнитолог, выпустивший Атлас американских птиц, составленный из написанных им картин — маслом или акварелью — с изображением птиц.

Период широкого распространения пейзажной и жанровой живописи связан со «вторым» открытием Америки. В 20—50-х годах историю США пронизывает дух экспансии. Поселения на Западе достигли Техаса, Сан-Франциско. Территория США намного увеличилась. Дикая, редкая по красоте природа ошеломляла и вдохновляла художников. Жизнь рабовладельческого штата Миссури и свободного штата Мэн стала привлекать жанристов.

В развитии пейзажной живописи прослеживается несколько направлений. Условный идеализированный пейзаж пропагандировали мастера школы реки Гудзон, излюбленный круг тем и мотивов которых первоначально ограничивался живописными местами Новой Англии. Основателем школы был Томас Коул (1801—1848), вдохновленный в Англии Тернером, но в пейзажах сочетавший романтическое воображение с натуралистическим копированием («Изгнание из рая», 1827—1828, Музей изящных искусств, Бостон). А. Б. Дьюранд (1796—1886), совершивший путешествие во Францию и Италию, был покорен К. Лорреном. Во многом он подражал французскому художнику при усилении идиллической линии (пейзаж «Лесная чаща», 1855, Метрополитен музей, Нью-Йорк). Дьюранд много занимался теоретизированием. Он полагал, что пейзаж является прекрасным орудием христианской морали, воздействующим на

[13] Эстетика американского романтизма. М., 1977, с. 425—426.

умы и сердца («Природа заключает в себе уроки высокого и священного значения, превзойденные лишь светом откровения»). Их последователем был Томас Даути (1793—1856), по стилю близкий к Дьюранду («Кэтскилские горы», 1836, частное собрание, Бостон). Этим художникам свойственно создание очень разных по художественному уровню работ, тем не менее их произведения оставили заметный след в истории американского искусства.

Пейзажи, отмеченные классической ясностью и простотой, создали талантливые живописцы Мартин Дж. Хид (1814—1904), Фицхью Лэйн (1804—1865) и наиболее известные мастера Джон Ф. Кенсетт (1816—1872) и Джэспер Ф. Кропси (1823—1900).

Кенсетт в 40-е годы учился в Париже и Лондоне, вернувшись в Америку, писал в окрестностях Нью-Йорка. Пейзажи Ниагары отличались редкой осязательностью пространственного построения, свободной естественностью, предельно конкретной достоверностью. «Картинное» панорамическое пространство, обычное для пейзажей того времени, заменялось простотой и непосредственностью изображенного.

Кропси был единственным, кто испытал воздействие не Тернера, а Констебля (жил в Англии в 1856—1864 гг.). В его пейзажах есть живое и трогательное ощущение красоты американской природы, наполненной прозрачным воздухом, мягкими очертаниями лесистых холмов или далеких гор.

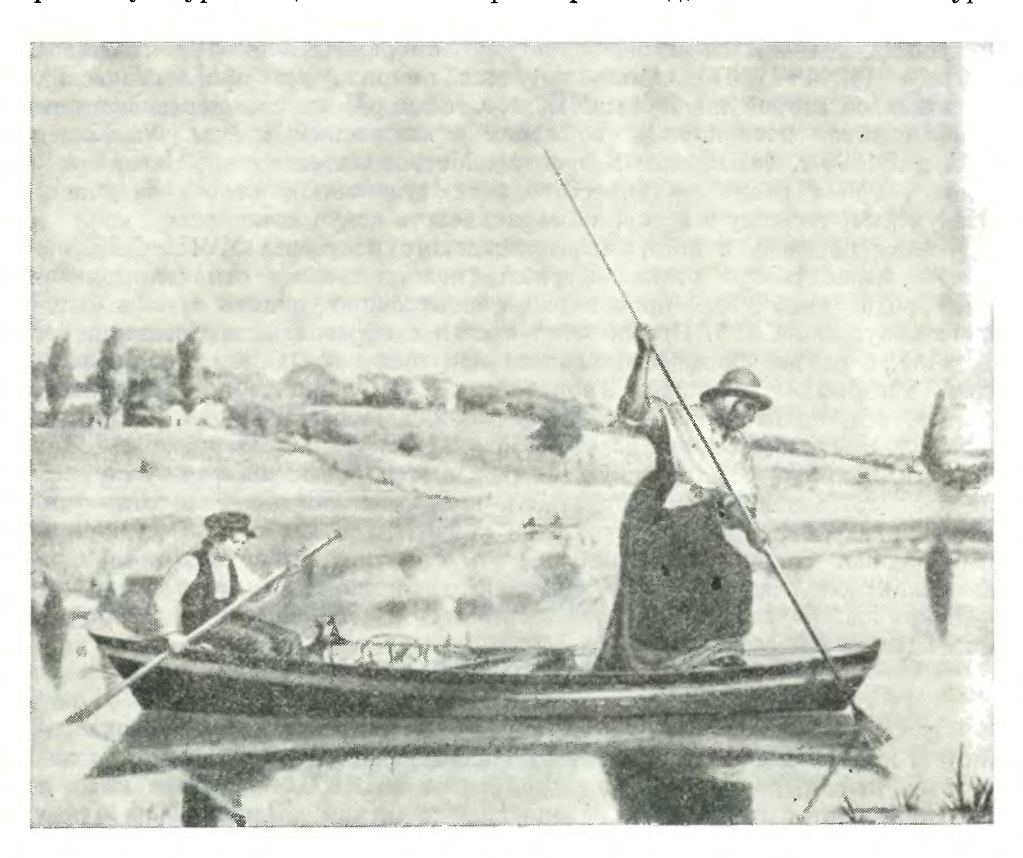
Художником, сочетавшим романтическое и реалистическое видение, представляется Джордж Иннесс (1825—1894) («Долина Лакаванна», 1855, Национальная галерея искусств, Вашингтон).

Особый интерес представляет развитие и жанровой живописи. Обращение таких художников, как Уильям С. Маунт (1807—1868) и Джордж К. Бингем (1811—1879), к провинциальной жизни, где они находят своего героя — сельского труженика, явно связано с проявлением демократизма в американском искусстве данного периода. Впервые в их произведениях отражена деревенская жизнь, правда с оттенком повествовательности и спокойной созерцательности. Серию картин, посвященную Среднему Западу, Бингем называл «наши социальные и политические характеристики»: «Торговцы мехами, спускающиеся по реке Миссури» (1845, Метрополитен музей, Нью-Йорк), «Строители плотов на реке» (1854, Музей изящных искусств, Бостон). Кисти Маунта принадлежат такие известные картины, как «Игрок на банджо» (1855, Художественный институт, Детройт), «Изготовители сидра» (1841, Метрополитен музей, Нью-Йорк), написанные с искренней любовью и симпатией к простым людям. Творчество У. С. Маупта во многом предопределило направленность развития бытового жанра в американском искусстве.

В американской графике, основанной на весьма разнообразных событиях в истории США, наблюдалась определенная эволюция. Этому способствовали и распространение в стране с 20-х годов XIX в. литографской техники, и появление большого числа иллюстрированных изданий. В карикатуре можно увидеть переход от статичных изображений к композициям, решенным неожиданно и динамично, от лобового, наивного решения темы, примитивных преувеличений, многословных подписей к каждому персонажу — к карикатуре, ясной по замыслу, исполненной на более высоком профессиональном уровне, использовавшей все средства реалистического искусства, вплоть до психологической характеристики

отдельных персонажей. Острые, отмеченные и умом и юмором карикатуры создали У. Чарлз, В. Джонстон, У. Клэе и др.

Сильный импульс для развития демократического, передового искусства дала гражданская война. Поэты, писатели, художники вновь обрели своего героя. Война затронула все сферы жизни американского общества, оказала сильное влияние на формирование национального характера и культуры в целом. Тема борьбы рабовладельческого Юга и бур-

УИЛЬЯМ С. МАУНТ. ЛОВЛЯ УГРЕЙ В СЕТОКЕТЕ, 1845 Г.

жуазно-демократического Севера стала ведущей в искусстве США. Победа Севера, прославленная Прокламация Линкольна об освобождении рабов, послевоенная Реконструкция Юга — все эти события способствовали развитию демократического искусства.

В 60—80-е годы начали появляться работы мастеров, которые сыграли большую роль в подъеме американского журнального рисунка и карикатуры. Это работы Джозефа Кепплера (1838—1894), Арта Фроста (1851—1928) — первого иллюстратора Марка Твена, Фредерика Оппера (1857—1902), О. Давенпорта (1861—1912) и, наконец, Томаса Наста (1840—1902) — наиболее крупного политического графика США второй половины XIX в.

Свое призвание политического рисовальщика Наст нашел во время гражданской войны, посылая прямо с фронта рисунки в журнал «Харперс уикли». К этому времени относится создание одной из самых значительных литографий, посвященных гражданской войне, под названием «Компромисс с Югом». Бесполезность компромисса показана в листе с суровостью и гневом. Президент Линкольн называл Наста лучшим сержантом гражданской войны.

В эти яркие и трудные для США годы в истории изобразительного искусства появляются имена Уинслоу Хомера (1836—1910) и Томаса Икинса (1844—1916) — самых крупных американских реалистических художников второй половины XIX в. Свое первое и ставшее известным произведение, посвященное событиям гражданской войны, У. Хомер создал в 1866 г. («Пленные с фронта», Метрополитен музей, Нью-Йорк). Однако время расцвета творчества этих художников относится уже к следующему периоду в истории американского искусства.

Таким образом, в истории американского искусства XVIII—XIX вв. можно выделить три этапа. Первый — колониальный — отмечен появлением ряда самобытных произведений, помогавших понять истоки будущего искусства США. Второй этап связан с образованием Соединенных Штатов, с ростом профессионального искусства, созданием Пенсильванской академии художеств. Творчество Ч. У. Пила, Дж. Трамбулла, Г. Стюарта, архитектора Т. Джефферсона, скульптора Ж. А. Гудона — яркое доказательство успехов молодой американской культуры. В 1820—1875 гг. в американском искусстве рождаются новые жанры. Живопись не дает столь заметных взлетов, как в предшествовавшие десятилетия. Но в архитектуре, графике успешно решаются важные профессиональные задачи. Следует подчеркнуть, что к началу следующего периода американское искусство уже обладало традициями и произведениями художников, по сей день составляющими гордость искусства Соединенных Штатов Америки.

4. МУЗЫКА

Среди различных областей национальной культуры США музыка занимает особое место. В отличие от философской, политической и религиозной мысли, литературы, науки и техники США, тесно связанных в своем развитии с традициями европейской культуры, американская музыка до середины XIX в. почти не имела точек соприкосновения ни с европейскими композиторскими школами, ни с другими областями искусства самой Америки.

Необычность и своеобразие американской музыки заключаются в том, что именно в сфере жанров народной музыки с момента колонизации до конца XIX в. возникли подлинно национальные и самобытные разновидности американской музыки. В них проявилось наиболее оригинальное и неповторимое американское начало, нежели в профессиональном музыкальном творчестве США. Если достижения американских деятелей науки и техники, писателей и философов были уже давно известны за пределами Нового Света, то американская музыка долгое время не была известна не только европейцам, но и самим американцам. Лишь в конце XIX в. некоторые европейские композиторы (Дворжак, Дебюсси) обратили внимание на существование в мире американской музыкальной культуры. И только вслед за европейцами американские профессиональ-

ные композиторы XX в. претворили в своем творчестве характерные черты национальных жанров американской музыки.

Развитие американской музыки в колониальный период тесно связано с национальным составом провинций и социальными особенностями структуры общества. Многообразие этнического состава населения США обусловило пестроту и необычность его фольклора. В Америке и по сей день существуют почти все виды европейского фольклора — от славянского до иберийского, традиции которых сохраняются европейскими переселенцами из Старого Света с XVII в. В юго-западных штатах Америки (Новая Мексика, Калифорния, Техас) распространилась народная испанская музыка. В штатах Пенсильвания, Иллинойс, Висконсин и Небраска сохранились немецкие народные песни. На Тихоокеанском побережье Америки звучит китайская и японская музыка. В некоторых районах Пенсильвании можно услышать венгерские, словацкие и русские песни.

Среди различных видов европейского фольклора преобладающее значение имеет англокельтский фольклор. В то же время известные исторические причины привели к тому, что один из самых древних видов фольклора на территории Северной Америки — фольклор коренных жителей страны индейцев не оказал значительного влияния на музыкальную культуру страны в целом и сохранился лишь изолированно в западных резервациях. Неоднократные попытки профессиональных композиторов создать национальные произведения на основе индейского фольклора не привели к успешным результатам. Таким образом, фольклорные традиции различных и географически очень далеких этнических групп из Старого Света оказались в ближайшем соседстве в Новом Свете.

В развитии фольклора Нового Света проявилась тенденция скрещивания и взаимодействия некоторых его видов. Так, наличие общих музыкально-стилистических черт в англокельтском и африканском видах фольклора (пентатоничность, импровизационность), а также бытование этих видов в одной местности привели к их взаимопроникновению и образованию одной из интереснейших разновидностей американского фольклора — афро-американской, или негритянской, в недрах которого зародились специфические американские жанры — спиричуэлс, блюзы, джаз. Негритянский фольклор, отмеченный многообразием жанровых разновидностей, образует самый яркий и национально-самобытный элемент в фольклоре США.

Особенности социального уклада жизни также повлияли на формирование американской музыкальной культуры. Многие колонисты приехали в Новый Свет в начале XVII в. из Англии, музыкальная культура которой характеризовалась расцветом светских и церковных жанров музыкального искусства — мадригал, баллада, ария, канцонетта, мотет, вариации, месса, антем в творчестве таких выдающихся художников, как У. Бёрд, Т. Морлей, Дж. Доуланд, О. Гиббонс, Д. Булл и др. Так как в Новый Свет уезжали в основном представители третьего сословия, связанные преимущественно с музыкальными традициями английской провинции, то, обосновавшись в колониях, они ограничивались в основном культовой музыкой. Суровые условия жизни, непрерывные войны колонистов с индейцами, освоение диких земель Запада выдвигали перед переселенцами на первый план проблему борьбы за существование, нежели вопросы художественной культуры, что, безусловно, сдерживало ее развитие.

На формирование американской музыкальной культуры значительное влияние оказала идеология первых английских колонистов-пуритан, оставивших Англию из-за религиозных убеждений и подвергавшихся на родине гонениям за фанатическую преданность вере. С религиозным фанатизмом пуритане отрицали многие светские виды искусства, особенно театр, считая, что они не способствуют утверждению нового, республиканского общественного строя, и проповедовали скромность и простоту. Произведения искусства, воспевавшие земную красоту, казались им излишними предметами роскоши. Таким образом, ограниченность и узость эстетического кругозора и консервативность мышления пуритан способствовали утверждению в Новом Свете взгляда на искусство, как на второстепенный вид духовной деятельности. Поэтому музицирование в среде колонистов, как правило, ограничивалось пением псалмов и гимнов на религиозных собраниях и дома[14], что было неотъемлемой частью их жизни.

В отличие от европейской музыки, развивавшейся в крупных музыкальных центрах, формирование американской национальной музыки шло вдали от центров городской культуры и в среде непрофессиональных музыкантов. Изолированность бытования народных жанров американской музыки, отсутствие воздействия на них городской музыкальной культуры, а тем более европейского профессионального искусства являлись характерными особенностями развития американского музыкального искусства.

У первых поселенцев большой популярностью пользовались «Книга псалмов» Г. Эйнсворта, «Книга псалмов» Т. Равенскрофта, «Псалмы Давида» Стернхолда-Хопкинса и др. Первой книгой псалмов, изданной в Новом Свете в 1640 г., явилась «Массачусетская книга псалмов» (The Bay Psalm Book), содержавшая тексты псалмов в специальном переводе пуритан, соответствовавшем их ортодоксальным взглядам. В сборнике не было мелодий, но давались ссылки на распространенные издания Эйнсворта, Равенскрофта и Стернхолда-Хопкинса. Только в девятом издании «Массачусетской книги псалмов», изданной в Бостоне в 1698 г., появились 13 мелодий. Интересно отметить, что эти мелодии были заимствованы из сборника английской светской музыки.

Очевидно, к этому времени представители духовенства Новой Англии осознали необходимость реформировать церковную музыку.

Самой ранней практической попыткой упорядочить церковное пение была книга «Введение в пение псалмов» Джона Тафтса (1712), в предисловии которой автор провозгласил элементарные правила музыки и установил новые методы музыкальной нотации, построенные на принципе средневековой сольмизации, широко распространенные в Англии в эпоху раннего Возрождения. Американский музыковед В. Хичкок утверждал, что «одна из мелодий, ранее нигде не публиковавшаяся, является первым авторским сочинением американской музыки, возможно, созданной самим Джоном Тафтсом» [15].

Пуританский хорал в Америке вышел за рамки только культовой музыки, он широко исполнялся и вне богослужения, выполняя функции

[14] *Hitchcock H. W.* Music in the United States: a Historical Introduction. Englewood Cliffs (N. J.), 1974, p. 2.
[15] Ibid., p. 6.

светской музыки. Поэтические тексты пуританских хоралов представляют образцы философской лирики в духе английской библейской поэзии XVI в. При огромном различии сюжетов и литературных стилей пуританский хорал не обладал разнообразием музыкально-стилистических черт. Морально-дидактические гимны, церковные псалмы, патриотические и лирические гимны в музыкальном отношении почти не отличались друг от друга.

Характерными чертами музыкального стиля пуританских хоралов являлось использование унисонов, параллельных октав и квинт. На протяжении многих десятилетий пуританский хорал имел устную форму бытования. В отличие от европейского хорала, исполнявшегося преимущественно в церкви, принятые в Америке пуританские песнопения олицетворяли собой ранний вид устного народного музыкального творчества. Таким образом, хоровой пуританский хорал Новой Англии, истоки которого берут начало от английского протестантского хорала XVI в., т. е. нефольклорной формы музыки, возвысился до искусства народного значения.

В 1721 г. появилось «Руководство к пению по нотам», составленное священником одной из бостонских церквей Томасом Уолтером, основанное на сочетании принципов сольмизации и европейской нотации. (В дальнейшем в результате ряда экспериментов в XIX в. в США утвердилась система нотной записи, получившая название «узорные ноты» (shape note), сочетавшая принцип сольмизации и рисунок, или узор, каждого звука тетрахорда.) Эти два издания (Уолтера и Тафтса) отметили начало важного явления в американской музыке, именуемого «движением певческих школ».

В 1722 г. в Бостоне образовалось Общество содействия правильному пению (Society for Promoting Regular Singing), ставившее своей главной целью обучение нотной грамоте и пению псалмов (по нотам) с листа. С этого момента певческие школы приобретали важное значение в колониях не только как музыкальные, но и как социальные учреждения. Учителя пения, подобно странствующим музыкантам, объезжали селения один или два раза в неделю, обучая жителей искусству пения псалмов. Несмотря на то что певческие школы возникали в целях улучшения церковного пения, они были во многом более светскими, чем духовными учреждениями. Певческие школы пользовались популярностью не только в Новой Англии, но и других штатах — Южной Каролине, Пенсильвании, Мэриленде. В такой атмосфере и возникли первые школы создателей американского пуританского гимна.

Одним из первых представителей этой школы был Джеймс Лайон (1735—1794), издавший в 1761 г. собрание псалмов, антемов и гимнов «Урания». Лайон получил образование в Гарвардском университете и был пастором церкви. Его композиторская техника, как и других представителей этой школы, значительно отставала от уровня европейской профессиональной музыки XVIII столетия. И все же некоторые обработки псалмов Дж. Лайона представляют интерес смелым использованием имитационного вступления голосов, перекрестного звучания седьмой натуральной и гармонической ступеней минора, ровностью и плавностью мелодического движения.

Самым значительным представителем первой новоанглийской школы был Уильям Биллингс (1746—1800), яркая и самобытная личность,

в творчестве которого утвердились стилистические особенности хоровых пуританских гимнов. Биллингс — автор ряда сборников хоровых произведений. Первое издание его сочинений «Исполнитель псалмов Новой Англии, или Американский хорист» вышло в Бостоне в 1770 г. В предисловии к сборнику «Мысли о музыке» композитор раскрывает свои взгляды на музыку и ее исполнение, выступая против любых правил музыкальной композиции, утверждая свою независимость и самостоятельность в композиции, используя в равной мере и диссонансы и консонансы.

Хоровая музыка Биллингса часто обнаруживает интонационное родство с английскими народными жанрами XVI—XVII вв.— кэтч, марш, баллада. «Американский хорист» Биллингса содержит 108 псалмов и обработок гимнов, 15 антемов и канонов для хора. Эта книга появилась в период возрастающего самосознания колонистов и их стремления к независимости, подъем которого особенно наметился в годы революционно-освободительного движения, в канун войны за независимость. Патриотическим духом навеян гимн «Честер» (Chester), точно отразивший взгляды и идеи молодой Америки и ставший массовой песней эпохи революции.

Во втором сборнике — «Помощник учителя пения», опубликованном там же в 1778 г., в самый разгар войны за независимость, Биллингс собрал все маршеобразные мелодии и сочинил к ним собственные патриотические тексты, отмеченные страстным призывом к борьбе против рабства и угнетения.

В качестве примера приведем следующий текст:

Взмахнем над тиранами железным кнутом
И сбросим рабских цепей оковы,
Мы не боимся тиранов, мы верим в бога,
Новоанглийского бога для всех поколений [16].

Сочетание в одном куплете свободолюбивых тираноборческих призывов с богословскими догмами свидетельствует о том давлении, которое религия оказывала на идейную жизнь американцев.

В. Хичкок отмечал, что патриотизм и религия являются характерной чертой многих американских гимнов, подкрепляя свою мысль примерами из сочинений С. Белчера, С. Дженса, У. Биллингса и др. [17]

Если в сборнике Биллингса «Музыка в миниатюре» (1779) представлены переиздания его наиболее популярных гимнов, то в сборнике «Развлечение для исполнителя псалмов» (1781) опубликованы в основном новые пьесы, которые интересны использованием приемов графического воспроизведения звуковысотной мелодики речи и окраски звука, восходящих к традициям мадригальных композиторов елизаветинской эпохи.

В последующих работах Биллингс с особым вниманием разрабатывает в музыке полифонические приемы (имитации, контрапункты). В предисловии к «Континентальной гармонии» (1794) он справедливо подметил, что «в одной полифонической пьесе значительно больше разнообразия, чем в 20 пьесах „Plain song“ (cantus planus) [18]. Фугированные напевы, имитации и контрапункты являются не новыми, а лишь некоторы-

---

[16] Ibid., p. 12.
[17] Ibid., p. 18—19.
[18] Plain song (*англ.*), cantus planus (*лат.*) — техника письма ровными длительностями, распространенная в эпоху позднего средневековья и раннего Возрождения.

ми забытыми ранними американцами особенностями музыки»[19]. Многие фугированные напевы в гимнах Биллингса представляли простейшую форму имитации без развития, которая была широко распространена в старинной английской многоголосной песне «Кэтч».

Произведения Биллингса часто подвергали критике за резкость и жесткость звучания, хаотичность в последовании интервалов и нагромождении параллельных квинт и октав, что фактически явилось его характерными стилистическими чертами. Хоралы Биллингса отличала жизнеутверждающая сила и радость, его музыку считали символом бодрости и честности, а самого автора называли национальной гордостью американской музыки. Тем не менее он закончил свой путь в бедности, непризнанным в музыкальных кругах.

Среди других представителей пуританского гимна выделялись Даниел Рид (1757–1836), ремесленник, прославившийся рождественским гимном «Sherburne», выдержавшим не менее 71 издания в 1785–1810 гг.; Тимоти Сван (1758–1842), торговец; Сапплай Белчер (1751–1836), содержатель таверны, а впоследствии политический деятель, автор «Harmony of Maine» (1794); Джестин Морган (1747–1798), скотовод, школьный учитель; Эндрю Лоу (1749–1821), священник, получивший блестящее образование, удостоенный степеней нескольких колледжей, но все свое время и энергию отдававший организации «певческих школ»; Джекоб Фрэнч (1754–?), создатель сборника «Новая американская мелодия» (1789); Джекоб Кимбал (1761–1826), автор «Устной гармонии» (1793); Оливер Холден (1765–1844), столяр, проповедник, депутат легислатуры штата, его трактат «Союз гармонии» (1793) получил широкую известность.

Таким образом, авторами пуританских гимнов были не профессиональные композиторы, а самоучки, которые сочетали композиторскую деятельность с профессией торговца, юриста, ювелира, адвоката, кузнеца, священника, учителя и др.

Американская музыка XVIII в. не ограничивалась только хоровым пуританским гимном, в ту же эпоху бытовали светские песни и танцы. Американский музыковед Оскар Соннек замечал, что «до 1790 г. в Америке, кроме псалмов и гимнов, не было специальных изданий светской музыки, но в постоянно публиковавшихся альманахах и литературных периодических изданиях сохранились отдельные светские песни»[20].

Из светских музыкальных жанров в Америке популярны английские, шотландские и ирландские песни, особенно баллады елизаветинской эпохи, которые оказали влияние и на пуританский гимн. Американские баллады в связи с изменением содержания и характера музыки приобретали иной облик в отличие от английских баллад. Одной из ранних популярных американских баллад была «Springfield Mountain», созданная в 1761 г.[21]

---

[19] *Hitchcock H. W.* Op. cit., p. 14.

[20] *Sonneck O. G. T.* A Bibliography of Early Secular American Music. Wash., 1945, p. 575.

[21] *Lomax A.* The Folk Songs of North America. N. Y., 1960, p. 6. Американский композитор XX в. Аарон Копленд использовал мелодию этой баллады в «Портрете Линкольна» (1943) для чтеца и симфонического оркестра на текст одной из речей А. Линкольна. Интересно отметить, что эта баллада бытовала в местности, где родился президент А. Линкольн.

Музыкальная жизнь в городах США зародилась в начале XVIII в. и оказала влияние на формирование профессионального музыкального творчества. Первые концерты светской музыки состоялись в Нью-Йорке и Бостоне в 30—40-е годы преимущественно силами европейских артистов либо местных дилетантов. Свидетельством этого явилось сообщение одной из бостонских газет, что 16 декабря 1731 г. состоится концерт инструментальной музыки[22].

В 1736 г. в Нью-Йорке выступил клавесинист и органист Карл Теодор Пахельбель (1690—1760), сын известного композитора И. Пахельбеля, приехавший в Америку для установки органа. В дальнейшем он остался там, работая органистом англиканской церкви св. Филиппа в Чарлстоне (1737—1750), и создал в Америке ряд сочинений, среди которых наиболее интересным является «Magnificat».

В программах концертов светской музыки преобладали вокальные и инструментальные произведения, в основном европейских композиторов — Баха, Генделя, Моцарта. Особым уважением пользовалась хоровая музыка из ораторий Генделя, который в метрополии считался национальным композитором. Ораториальный жанр в большей степени соответствовал вкусам пуритан, нежели симфонии и опера. Но, несмотря на это, популярные арии из балладных английских опер все же звучали на американской концертной эстраде. В 1750—1751 гг. в Нью-Йорке была поставлена «Опера нищих» Дж. Гея и И. Пепуша. К концу XVIII в. в Америке существовали две оперные труппы («William Hallam's London troupe»; «Wignell-Reinagle Company»), в которых выступали профессиональные актеры-эмигранты.

В период становления молодой республики (1783—1812) в крупных городах поддерживались выступления иностранных артистов. Были в США и местные любители, и среди них Томас Джефферсон, большой знаток музыки, а также Бенджамин Франклин, прославившийся искусной игрой на арфе и гитаре.

В конце XVIII — начале XIX в. появилось около 15 тыс. отдельных изданий популярных пьес (sheet-music), а также музыкально-публицистические сборники, пропагандировавшие серьезную музыку. Возникают музыкально-просветительские организации — Общество Генделя и Гайдна в Бостоне (1815) и Общество музыкального фонда в Филадельфии (1820), деятельность которых была направлена на ознакомление американских слушателей с европейской музыкой. Видным деятелем американской музыкальной культуры XIX в. был Л. Мэйсон (1791—1872), под руководством которого Общество Генделя и Гайдна устраивало концерты хоровой музыки Гайдна и Генделя и способствовало выходу в свет ряда нотных изданий.

В 1832 г. Мэйсон основал Бостонскую академию музыки. Его очень увлекала проблема детского музыкального воспитания, основанная на индуктивных методах швейцарского педагога Яна Песталоцци, под воздействием которой Мэйсон разработал и внедрил программу музыкального образования в школах.

В 1842 г. в Бостоне возник полулюбительский оркестр — Филармоническое общество оркестровых исполнителей, в Нью-Йорке — Нью-Йоркское филармоническое общество, первый профессиональный симфониче-

[22] *Sonneck O. G. T.* Early Concert-Life in America. Leipzig, 1907, p. 251.

ский оркестр в США. Концерты симфонической музыки завоевали симпатии американской публики. Симфонические оркестры в США оказали значительное воздействие на развитие американской музыкальной культуры XIX в.

На рубеже XVIII и XIX вв. в Америке выделяются музыкальные деятели, посвятившие себя сфере светского искусства. Одним из первых представителей этого направления был Фрэнсис Хопкинсон (1737—1791) — известный политический деятель эпохи революции, подписавший Декларацию независимости, первый министр военно-морского флота и член первого Континентального конгресса. Получив блестящее образование на юридическом факультете Филадельфийского университета, Ф. Хопкинсон отличался широким кругозором и разносторонним образованием, пользовался известностью как поэт и композитор. Из музыкальных произведений Ф. Хопкинсона особенно популярны революционные и сатирические песни, в которых прослеживается связь (интонационная и структурная) с английскими песнями. Первое сочинение — «Семь песен» (1759) — он посвятил Дж. Вашингтону.

Интересы Ф. Хопкинсона не ограничивались только композицией или исполнительством, он увлекался также проблемой усовершенствования механического устройства клавесина. Своей многосторонней деятельностью он способствовал развитию американской светской культуры. Хотя от создателей пуританского гимна Ф. Хопкинсон отличался широтой кругозора, он все же был не профессиональным композитором, а просвещенным дилетантом, ориентировавшимся преимущественно на традиции английской музыки.

В период войны за независимость широкую популярность у населения завоевали жанры военной музыки — марш и патриотическая песня. Черты этих жанров особенно ярко претворены в песне «Хейль Колумбия» (текст Иозефа Хопкинсона, сына Фрэнсиса), которую впервые опубликовал Бенджамин Карр в обработке для голоса, фортепиано, гитары и кларнета. Наиболее известным маршем был «Янки Дудл» (Yankee Doodle), появившийся с новыми словами в послереволюционные годы в обработке Джеймса Хьюита. Из патриотических песен возникли в дальнейшем американские гимны [23].

Видное место в музыкальной жизни США конца XVIII в. занимали английские музыканты, обосновавшиеся в Нью-Йорке и Филадельфии,— Бенджамин Карр (1768—1831), Джеймс Хьюит (1770—1827), Александр Райнагль (1756—1809). В отличие от просвещенного любителя Ф. Хопкинсона Б. Карр, Дж. Хьюит и А. Райнагль были профессиональными музыкантами-эмигрантами федерального периода, пропагандировавшими европейскую музыку.

Александр Райнагль — композитор, дирижер, импрессарио, более 20 лет руководил оперной труппой «Олд Американ компани», ставившей балладные оперы. Все три композитора создавали арии для балладных опер, восходящие к традициям лирических английских и ирландских песен. Джеймс Хьюит написал балладную оперу «Таммани» на остро злободневный политический сюжет, связанный с борьбой между сторонниками централизованного государственного управления и приверженца-

---

[23] Застольная английская песня «Усыпанное звездами знамя» (The Star-Spangled Banner») с новым текстом в 1931 г. стала государственным гимном США.

ми идеи независимых общин. Бенджамин Карр прославился как преуспевающий нотный издатель и владелец нотных магазинов, компилятор и автор песен. Среди его вокальных сочинений широко известны «Шесть поэм», «Песня об иве» (из «Отелло» Шекспира), «Ave Maria», сборник пьес «Вечерние развлечения», содержащий 50 арий, песен, дуэтов, маршей, менуэтов и др.

Кроме вокальных жанров, эти композиторы работают в области инструментальной музыки. Наряду с танцевальными пьесами (менуэты, котильоны, контрдансы) они создают фортепианные сонаты. А. Райнагль пишет сонаты под влиянием творчества Ф. Э. Баха, Б. Карр — грациозные фортепианные миниатюрные сонаты в гайдновском стиле. Дж. Хьюит получил известность как руководитель оркестра нескольких оперных трупп, организатор концертов симфонической музыки. В программу первого концерта Дж. Хьюита в Нью-Йорке вошли увертюры Й. Гайдна, квартет И. Плейеля, флейтовый концерт Я. Стамица, две программные увертюры: «Битва» в девяти частях Дж. Хьюита и «Путешествие из Англии в Америку» в двенадцати частях Ж. Гио (Gehot).

Особый интерес к патриотической теме проявился в творчестве А. Райнагля и Дж. Хьюита. Большую популярность завоевала патриотическая песня А. Райнагля «Америка, Торговля и Свобода» (America, Commerce and Freedom). Б. Карр и Дж. Хьюит часто использовали мелодии патриотических песен в инструментальных произведениях. Дж. Хьюит в программной пьесе «Битва в Трентоне» (1797), посвященной генералу Вашингтону, цитировал мелодии патриотических американских маршей «Янки Дудл» и «Марш Вашингтона». Б. Карр в «Федеральной увертюре» (1794) наряду с темой «Янки Дудл» претворяет мелодии французских революционных песен «Марсельеза», «Ça ira» и др. Таким образом, Б. Карр, А. Райнагль и Дж. Хьюит вошли в историю американской музыки не только как пропагандисты европейской музыки, но и как первые представители светской американской культуры.

Гастроли испанской оперной труппы Мануэля Гарсиа (с участием известной певицы Малибран) в Нью-Йорке в 1825 г. положили конец английскому господству в американской музыкальной культуре. Репертуар труппы М. Гарсиа был представлен операми Россини, Вебера, Бетховена, Беллини, Доницетти, Цингарелли, Моцарта, Обера, Галеви. Американским слушателям впервые так широко была представлена итальянская, французская и немецкая опера. Под влиянием спектаклей труппы М. Гарсиа — Малибран появились оперы американских композиторов: «Леонора» и «Собор Парижской богоматери» (1845) Уильяма Фрая (1813—1864) и «Рип Ван Винкль» (1855) Джорджа Бристоу (1825—1899). Оба композитора получили известность в области инструментальной американской музыки середины XIX в. Профессиональный скрипач и дирижер Дж. Бристоу — автор шести симфоний, нескольких оркестровых увертюр, из которых особый интерес представляют «Великая республика» (1879) и «Ниагара» (1891). В инструментальном наследии У. Фрая наиболее яркими являются программные симфонии и увертюры.

Симфонии Дж. Бристоу и У. Фрая, созданные под влиянием романтических традиций немецкого и французского симфонизма (Мендельсон, Обер), неоднократно исполнялись в Нью-Йорке. Одаренный журналист и композитор Уильям Фрай вошел в историю американской культуры как защитник прав американских композиторов. Фрай ратовал за созда-

ние американского начала в музыке. Но впервые американскую тему воплотил Дж. Бристоу в опере «Рип Ван Винкль». В целом оперы У. Фрая и Дж. Бристоу эклектичны по стилю, как и их инструментальные сочинения, в них ощущается воздействие итальянского оперного стиля. Это академическое направление в области американской оперы отличалось поверхностным характером и во многом уступало по значимости и популярности национальному виду американского искусства — менестрельному театру (minstrel show), зародившемуся в 40-е годы XIX в.

Менестрельные представления сложились как разновидность народного балаганного театра. Причем вопреки сохранявшемуся веками презрительному отношению пуритан к театру, считавших его второстепенным и безыдейным искусством, вопреки невежеству и консерватизму американской публики[24] в Америке все-таки появилась самобытная форма музыкального театра. Более того, менестрельный театр, развиваясь на протяжении 100-летнего периода, явился предшественником специфического американского оперного жанра XX в.— мюзикла, который приобрел мировую известность и оказал влияние на европейское оперное искусство.

Оценивая эстетическое значение менестрельного театра, советский историк музыки В. Д. Конен очень точно отмечала, что он возник «всецело в рамках ограниченной эстетики американской легкожанровой эстрады. Тяготение к бездумному развлечению и низкопробным обывательским вкусам определило его облик. В вековой истории менестрельного театра не обнаруживается стремления к серьезному воплощению художественной темы... И тем не менее этот „балаганный“ жанр сумел породить нечто оригинальное, жизнеспособное и притом глубоко типичное для американской культуры прошлого века»[25].

Менестрельные представления состояли из вокальных, цирковых и инструментально-танцевальных номеров, небольших комических сценок, пародирующих облик и телодвижения негра. Музыкально-стилистические черты подобных представлений сформировались под влиянием негритянского фольклора и английской балладной оперы.

Специфические особенности менестрельного театра заключались в использовании негритянского диалектного говора, распространенного в южных штатах, особых танцевальных движений и приемов вокального исполнительства. Существовали определенные костюмы и грим, типичные для менестрельного театра. Менестрельный театр пользовался популярностью и явился характерным элементом американской музыкальной жизни XIX в. Менестрельный театр породил многих замечательных актеров и музыкантов.

С традициями менестрельного театра неразрывно связана деятельность американского композитора-самоучки Стивена Фостера (1826—1864), творческое наследие которого представлено преимущественно песнями лирического склада, воспевающими богатство внутреннего мира простого человека, что явилось типичной темой романтического искусства.

Большинство песен (всего около 150) написано в жанре лирического романса, причем композитор был и автором текстов. Эти песни отмечены

---

[24] *Sabin R.* Early American Composers and Critics.— Musical Quarterly, 1938, N 2.
[25] *Конен В.* Пути американской музыки. М., 1977, с. 179.

ярким мелодическим обаянием. В мелодике С. Фостера прослеживалось влияние английской, шотландской и ирландской народной музыки, черты негритянского фольклора. Сюжеты лирических песен Фостера, в которых преобладает тема неразделенной любви, безусловно, перекликаются с сюжетами сольных негритянских любовных песен. Из творческого наследия С. Фостера наибольшей популярностью пользуются менестрельные песни «Домик над рекой», «Мой старый дом в Кентукки», «О, Сюзанна», «Старый черный Джо». Фостер дает необычную трактовку образа негра в мечтательном, лирическом плане. Его произведения являются поэтическим обобщением характерных особенностей англокельтских и негритянских песен.

Следует отметить, что наиболее важным явлением музыкальной культуры колониального периода был хоровой пуританский гимн. Ярким выражением этого жанра стало творчество У. Биллингса, который обобщил традиции американского искусства XVII—XVIII вв. Хоровой пуританский гимн был демократическим жанром в отличие от жанров европейской профессиональной музыки, проникавших в Америку с XVIII в., но оставшихся чуждыми американской культуре. С начала XIX в. развитие хорового пуританского гимна проходило незаметно в отдаленных сельских районах США, уступая место другим жанрам национального искусства США — менестрельной эстраде и в конце XIX в. негритянским спиричуэлс, блюзу, рэг-тайму.

Глава пятнадцатая

РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

1. ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ (XVIII В.)

Наиболее ранние сведения об Америке в русских источниках восходят к XVI в. Об открытии европейцами «нового мира», в частности Кубы, «конца которой не ведают живущие там», упоминал еще Максим Грек. В рукописном переводе 1584 г. «Хроники всего света» М. Бельского впервые на русском языке употреблялось слово «Америка» как название «великого острова», открытого во время путешествия «Аммерикус Веспуцыа» [1].

Еще до того как один из основателей Джеймстауна, Джон Смит, отправился в 1607 г. в Северную Америку, он побывал в русских степях. Бежав из турецкого плена, Дж. Смит нашел прибежище в донской крепости. В дальнейшем его путь лежал в западном направлении, по-видимому через Донков, затем через Дорогобуж и Острог в Галич. По свидетельству Смита, ему никогда в жизни не приходилось встречать «столько гостеприимства, доброты, приветливости и дружбы», как во время пребывания в этих местах. «Удивительно,— писал он,— что находится столько завистников и врагов у этой страны, постоянно опустошаемой набегами кочевников и соседей. Поселения редки. Дома жителей сколочены из еловых бревен, соединенных на концах деревянными скрепами». О чем Дж. Смит отзывался критически, так это о разделении в Московии общества на богатых и бедных, на господ и рабов, что, по его отзыву, скрывало «истинную причину слабости и всех несчастий в этой стране». Знакомство с донскими укреплениями пригодилось Смиту для защиты Джеймстауна. «До Смита, освоившего и применившего русский метод быстрого возведения укреплений,— пришла к выводу наблюдательная исследовательница Е. М. Двойченко-Маркова,— ни одна из английских колоний, пытавшихся укрепиться на американском побережье, не могла устоять перед набегами индейцев» [2].

Но если Джон Смит общался в основном с жителями русских окраин, то основатель другой английской колонии в Америке, Уильям Пенн, получил возможность обменяться мнением с Петром I. Дело в том, что, находясь в 1698 г. в Англии, царь беседовал с группой квакеров, а Пенн даже направил ему специальное послание с изложением своих взглядов [3].

---

[1] *Лазарев Н.* Первые сведения русских о Новом свете.— Исторический журнал, 1943, № 1, с. 72—75; *Полевой Н.* Повествование об открытии Америки, помещенное в русских хронографах.— Московский телеграф, 1832, ч. 43, № 4, с. 594—599; *Yarmolinsky A.* Russian Americana. N. Y., 1943, p. 11.

[2] *Двойченко-Маркова Е. М.* Джон Смит в России.— Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 160.

[3] *Dvoichenko-Markov E.* William Penn and Peter the Great.— Proceedings of American Philosophical Society, 1953, vol. 97, N 1, p. 16—17.

Религиозные воззрения Пенна и его друзей не оказали, по-видимому, прямого влияния на молодого Петра. Лишь много лет спустя, в 1790 г., в Москве была опубликована книга У. Пенна «Плоды уединения» (Fruits of Solitude), а в царствование Александра I квакеры получили возможность официально посетить Россию [4].

Уже первая колониальная газета «Ньюз леттер», начавшая выходить в Бостоне в 1704 г., время от времени печатала краткую информацию о войне между Россией и Швецией. Сообщения о событиях в далекой России стали более разнообразными и регулярными, когда в колониях появились новые еженедельные газеты — Boston Gazette, New England Courant, American Weekly Mercury, New York Gazette. Колониальные еженедельники сообщали об интересе Петра I к археологии и агрономии, его переписке с Парижской академией и организации кунсткамеры в Петербурге. Давая оценку деятельности Петра I, бостонская «Ньюз леттер» 5 августа 1725 г. выделяла его заслуги в установлении торговли с другими странами, «развитии ремесел и наук, о которых ранее в стране почти ничего не было известно, запрещении многих устаревших обычаев и введении военной дисциплины» [5].

Время от времени сведения об Америке стали появляться и в русской печати — петровских «Ведомостях», «Российских ведомостях», «Исторических, генеалогических и географических примечаниях в ведомостях» и, наконец, «С.-Петербургских ведомостях». Особый интерес представляло «Известие о нынешних Аглинских и Французских селениях в Америке», напечатанное «С.-Петербургскими ведомостями» 25 ноября (6 декабря) 1750 г., т. е. в то время, когда иностранный раздел газеты редактировал М. В. Ломоносов. Аналитический характер и разнообразие исторических сведений выделяли эту статью из всех других материалов об Америке, которые печатались на страницах русской печати ранее. Автор статьи (а им, скорее всего, был сам М. В. Ломоносов), учитывая споры между Англией и Францией, давал читателям описание Канады, Виргинии, Каролины, Мэриленда, Пенсильвании, Нью-Йорка, Новой Англии и т. д. О последней сообщалось: «Новая Англия есть главная провинция и купеческий магазин, откуда все селения в Америке запасают». В статье отмечалось также, что в «середине земли находится много американских народов, которых агличане и французы обыкновенно употребляют к причинению между собою всяких неспокойств, и сторону агличан держат ирокои, а французскую гуроны» [6].

Несколько лет спустя, 5 марта 1754 г., в издававшейся Б. Франклином «Пенсильвания газетт» в Филадельфии был напечатан «отрывок из

---

[4] У. Аллен (из Англии) и С. Грелет (из Соединенных Штатов) посетили, в частности, благотворительные и тюремные заведения в Петербурге, Москве, Новгороде и Твери и представили российскому правительству свои критические замечания. Александр I распорядился «сообщить всем, до кого следует, сии замечания квакеров и по ведомству приказов общественного призрения обратить внимание начальства на состояние воспитательных домов в Новгороде и в Твери особенно, где из 285 младенцев в течение года осталось в живых только 35» (А. Н. Голицын — С. К. Вязмитинову, 15(27) мая 1819 г.— Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 2099).

[5] *Mohl R. A.* America Discovers Russia and Peter the Great.— Journalism Quarterly, 1967, Winter, vol. 44, N 4, p. 66.

[6] *Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США: становление литературных контактов. М., 1981, с. 17—22 и прилож., с. 386—387.

письма из Москвы от 23 августа», в котором рассказывалось об обстоятельствах смерти Г. В. Рихмана при исследовании атмосферных электрических разрядов. В качестве участника эксперимента назывался «советник Ломоносов», что, по всей видимости, было первым упоминанием фамилии русского ученого в американской печати[7].

На основе разнообразных документальных материалов было доказано, что история русско-американских отношений открывается в середине XVIII в. прямыми и косвенными контактами между Б. Франклином и

Feb. 2. 4. No Ecc. Lect. · 237 ·

37. 9. At Salem Mass. 17 ult. Fahr. Therm. at Eleven degrees below Cypher, the Expt was made of fixing Mercury by artificial Cold, which happily & for the first Time in the United States succeeded. This Expt was performed by the Professor Brauning at Petersburg many years ago, perhaps about 1760 — & also at Hudsons Bay a few years since when the natural Cold was 110 below, the Temp. equal bei 25 or 30 below Cypher.

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ Э. СТАЙЛСА ОТ 3 ФЕВРАЛЯ 1786 Г. ОБ УСПЕШНОМ ПОВТОРЕНИИ ОПЫТА АКАДЕМИКА И. А. БРАУНА ПО ЗАМОРАЖИВАНИЮ РТУТИ

(Yale University, Beineke Rare Book and Manuscript Library, Papers of Ezra Stiles, Literary Diary, vol. 12, Febr. 3, 1786. Автограф, англ. яз.)

другими американскими учеными и их петербургскими коллегами М. В. Ломоносовым, Г. В. Рихманом, Ф. У. Т. Эпинусом, И. А. Брауном[8].

Знаменитые «Опыты и наблюдения над электричеством» Б. Франклина уже с середины XVIII в. стали хорошо известны в России и получили дальнейшее развитие в работах русских ученых М. В. Ломоносова, Г. В. Рихмана, Ф. У. Т. Эпинуса, Д. А. Голицына.

В капитальном трактате «Опыт теории электричества и магнетизма» (1759) Ф. У. Т. Эпинус писал: «Присущая телам сила, которую называют электричеством, открыта лишь недавно и вряд ли уже достаточно исследована... Меня в высшей степени удовлетворяет предложенная Франклином теория этой силы... Однако я пришел к выводу, что мне

[7] The Papers of Benjamin Franklin: Vol. 1—21 / Ed. L. W. Labaree, W. B. Willcox. New Haven, 1959—, vol. 5, p. 219—221.

[8] *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966, с. 220—231; Россия и США: становление отношений, 1765—1815. М., 1980, с. 15, 16, 18, 21 и др.

удалось обнаружить в этой замечательной теории некоторые недостатки; поэтому я приложил усилия к тому, чтобы исправить их и, при помощи этих исправлений, так приспособить эту теорию, чтобы она была приведена к полнейшему согласию с явлениями»[9].

Сам Эпинус переслал эту работу Б. Франклину, который дал ей высокую оценку и ознакомил с ее содержанием своих коллег Э. Стайлса и Дж. Уинтропа. Наконец, в июне 1766 г. в знак признания заслуг петербургского академика Франклин направил ему собственную работу о физических и метеорологических наблюдениях, которая должна была «появиться в очередном томе „Трудов королевского общества“»[10].

В настоящее время хорошо известно послание Э. Стайлса «прославленному г-ну Ломоносову» от 20 февраля 1765 г., в котором излагалась детальная программа совместных исследований (Э. Стайлс интересовался планировавшейся М. В. Ломоносовым полярной экспедицией и температурными измерениями в различных районах Российской империи)[11]. Не меньшее значение имеет, однако, обращение Э. Стайлса к академику И. А. Брауну, в котором сообщалось о попытках американца повторить знаменитые опыты по замораживанию ртути, осуществленные в Петербурге в 1759 г.[12] Хотя первоначально Э. Стайлсу не удалось повторить блестящие эксперименты Брауна и Ломоносова, мы установили, что в конечном итоге настойчивый американец все-таки сумел заморозить ртуть в Сейлеме в феврале 1786 г.[13]

Когда в 1780 г. в Бостоне была основана Американская академия искусств и наук, одним из ее наиболее достойных иностранных членов стал знаменитый Леонард Эйлер. Официально избрание Л. Эйлера датируется 30 января 1782 г., но, как нам уже приходилось отмечать, по всей видимости, это событие произошло несколько раньше. Во всяком случае в протоколах конференции Петербургской Академии наук (запись от 28 февраля (11 марта) 1782 г.) упоминается письмо «Академии искусств и наук, недавно основанной в Бостоне в Америке», от 1 июня 1781 г. с извещением об избрании Л. Эйлера, а также «Акт основания и учреждения общества содействия и поощрения искусств и наук». Американские ученые, несомненно, были хорошо осведомлены о научных заслугах Леонарда Эйлера, а в библиотеке Бостонской академии, судя по ее первому рукописному каталогу, имелись 11 работ великого ученого (17 томов)[14].

[9] *Эпинус Ф. У. Т.* Теория электричества и магнетизма. Л., 1951, с. 10—11. Только два века спустя ученый трактат петербургского физика получил настоящее признание. В 1979 г. издательство Принстонского университета опубликовало английский перевод труда Эпинуса с научными комментариями и великолепным монографическим вступлением профессора Мельбурнского университета Р. У. Хоума. См.: Aepinus's Essay on the Theory of Electricity and Magnetism / Introductory Monograph and Notes by R. W. Home. Princeton, 1979.

[10] Американский ежегодник, 1971. М., 1971, с. 330—331; Physical and Meteorological Observations, Conjectures and Suppositions.— Philosophical Transactions of the Royal Society, L., 1766, p. 182—192.

[11] Россия и США, с. 16—18.

[12] Э. Стайлс — И. А. Брауну, 15 мая 1765 г.— Yale University, Beineke Rare Book and Manuscript Library, Papers of Ezra Stiles.

[13] *Stiles E.* Thermometrical Register, vol. 1; *Idem.* Literary Diary, vol. 12, 3 February 1786.— Ibid.

[14] Boston Athenaeum. American Academy of Arts and Sciences, Records, vol. 1, p. 51; Протоколы заседания конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1900. т. 3, с. 577; American Academy of Arts and Sciences. Cathalogue.

à St. Petersbourg. ce 1 Fevrier. 1783.

Monsieur,

Vous pardonnerez sans doute, à l'empressement, que je montre, à l'occasion de la grande nouvelle, qui nous est arrivée, ces jours-ci, de me rappeller à Votre souvenir, qui me sera aussi precieux, que me l'a été dans le tems, l'approbation, que Vous avez crû pouvoir accorder autrefois, à mes travaux pour l'avancement des sciences.

J'ai l'honneur de Vous feliciter, Monsieur, non pas tant sur ce, que la posterité ne cessera de citer Votre nom avec respect, et avec admiration. Les ames, comme la Votre, n'ayant pas besoin d'être remuées, par ce qu'on appelle la gloire, n'en font pas tant de cas. Pour produire un effet surprenant, un corps grand en soi-même, n'a pas, comme une bale de fusil, besoin d'être poussé par l'elasticité de vapeurs comprimees, capables de lui communiquer un degré de vitesse, qui puisse en quelque sorte compenser la modicité, ou plutôt le néant de son énergie, et de son poids originaire. Si je crois avoir lieu de Vous feliciter, c'est que Vous jouissez maintenant, Monsieur, du plaisir pur de Vous pouvoir dire à Vous même, que Vous avez commencé la carriere, que la Providence Vous fait parcourir, par porter une lumiere éclatante et inattendue, dans la branche des sciences humaines, qui s'occupe du developpement des ressorts et des loix, par lesquels l'Être supreme anime et gouverne son éternel et immense ouvrage; et que Vous l'avez terminée, cette heureuse carriere, par procurer, et par assûrer à Votre patrie la liberté, événement dont les effets bienfaisans, s'etendront, par la suite des siécles sur tout le genre humain

Avec les voeux, les plus sinceres, pour Votre prosperité constante, et avec le respect le plus vray, et le plus inalterable, j'ai l'honneur d'être

Monsieur

Votre très-humble et très-obeissant Serviteur. Aepinus, Cons: d'Etat act..el au College des Affaires étrangeres.

ПИСЬМО АКАДЕМИКА Ф. У. Т. ЭПИНУСА Б. ФРАНКЛИНУ ОТ 1(12) ФЕВРАЛЯ 1783 Г.
(Historical Society of Pennsylvania, Franklin Papers. Автограф, фр. яз.)

Еще ранее, в начале 70-х годов, были установлены официальные связи между Американским философским обществом в Филадельфии и Академией наук в Петербурге. Благодаря Б. Франклину и одному из основателей Вольного экономического общества, Т. И. Клингштадту, в Петербурге был получен первый том «Трудов Американского философского общества», основное содержание которого нашло позднее отражение в «Академических известиях» (1779, ч. II).

Самую высокую оценку достижениям российской науки дал в своем выступлении в 1782 г. вице-президент Американского философского общества д-р Томас Бонд, настоятельно рекомендовавший членам старейшего научного учреждения Соединенных Штатов всемерно развивать сотрудничество с учеными страны, которая, содействуя развитию науки и литературы, «поднялась к величию, подобно утреннему солнцу» [15].

Важные и плодотворные научные контакты между молодой республикой и Российской империей завязались во второй половине 80-х годов. При содействии Дж. Вашингтона, Б. Франклина и маркиза Лафайета Екатерина II получила из Америки ценные сведения о языках индейцев, которые были использованы при подготовке всеобщего сравнительного словаря [16]. Собирая материалы для этого словаря, американцы оказались тем самым вовлеченными в сравнительное изучение индейских языков. Позднее по образцу русского словаря в Америке Б. С. Бартон, Дж. Геккевельдер, Т. Шультц и некоторые другие подготовили словари языков различных индейских племен.

Как Бартон, так и Геккевельдер считали, что сходство между языками американских индейцев, татар и некоторых других азиатских народов объяснялось, вероятно, их общим происхождением. В письме А. А. Нартову Геккевельдер высказывал в этой связи предположение, что американские племена происходят из Азии и большинство из них родственны татарам [17].

Бурные события Американской революции XVIII в. в огромной мере увеличили интерес к Соединенным Штатам со стороны деятелей российской науки, литературы и просвещения. Знаменательно, что, едва только в России было получено известие о заключении в Париже прелиминарного мира, Ф. У. Т. Эпинус направил Б. Франклину специальное поздравление, в котором приветствовал своего американского коллегу не только как прославленного естествоиспытателя, но и как блестящего политика, обеспечившего своей родине свободу и независимость [18].

Передовые представители русского общества не желали считаться с монархическими чувствами петербургского двора и открыто выражали сочувствие и симпатии делу Американской революции. Если в столице официальные «С.-Петербургские ведомости» опубликовали только краткое изложение «мирных прелиминариев», то «Московские ведомости», издававшиеся Н. И. Новиковым, напечатали в марте 1783 г. тексты соответствующих документов «во всем их пространстве» [19]. «О воин непоколебимый, ты есть и был непобедимый, твой вождь — свобода, Вашингтон»,— писал А. Н. Радищев, приветствуя победу восставших американцев. Известный латинский стих, начертанный под портретом Франклина (Eripuit coelo fulmen screptrumque tyrannis), А. Н. Радищев переводил в острой антимонархической форме («Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей», хотя точнее, может быть, было бы сказать «из

---

[15] *Bond Th.* Anniversary Oration... / Printed by J. Dunlap. Philadelphia [1782], p. 31—32.

[16] Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790—1791. Т. 1—4.

[17] Россия и США, с. 206.

[18] Там же, с. 117—118.

[19] Московские ведомости, 1783, 8(19) марта, № 19, с. 146—149; 11(22) марта, № 20, с. 154—155.

руки тиранов») и считал, что это наилестнейшая надпись, «которую человек низ изображения своего зреть может»[20].

Екатерина II назвала А. Н. Радищева бунтовщиком хуже Пугачева и обратила внимание на то, что он хвалит Б. Франклина. Между тем незадолго до этого, в ноябре 1789 г., Петербургская Академия наук избрала великого американца своим почетным членом[21].

В 70—80-е годы происходят и первые личные контакты деятелей русской культуры с гражданами молодой республики. Находясь в Париже, Д. И. Фонвизин в августе 1778 г. встретился с Б. Франклином и английским физиком Магелланом, о чем было напечатано даже в газетах. «Представитель юного просвещения России был собеседником с представителем юной Америки»,— писал позднее П. А. Вяземский[22]. Представляется вполне вероятным, что личное знакомство с Франклином сказалось при создании образа Стародума в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». Первый обмен письмами и встречи Б. Франклина с княгиней Е. Р. Дашковой состоялись в Париже зимой 1781 г. Наконец, в самих Соединенных Штатах в эти бурные революционные годы побывал Ф. В. Каржавин.

Сразу же после своего прибытия в Виргинию с о-ва Мартиника весной 1777 г. Ф. В. Каржавин предложил свои услуги Континентальному конгрессу в качестве переводчика[23]. Не получив, по-видимому, никакого ответа, русский путешественник занялся врачеванием, торговыми делами, а впоследствии установил дружеские связи с преподавателями колледжа «Уильям энд Мэри» в Вильямсберге, включая К. Беллини, Дж. Уайза и епископа Дж. Мэдисона. После возвращения в Россию в 1788 г. богатые американские впечатления Ф. В. Каржавина получили частичное отражение в его многочисленных печатных работах, письмах, дневниковых заметках и автобиографической «сказке», которые неоднократно служили предметом тщательного исследования[24]. Так были созданы предпосылки и заложены первые основания для развития систематических научных и литературных контактов между Россией и США в XIX в.

2. НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Первоначальные основы плодотворных научных контактов между Россией и США, заложенные во второй половине XVIII в., получили систематическое развитие на протяжении следующего столетия.

О широте и разнообразии этих связей можно судить по избранию в состав Американского философского общества в Филадельфии и Американской академии искусств и наук в Бостоне значительного числа рус-

---

[20] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч.: В 3-х т. М.; Л., 1938—1952, т. 1, с. 391.

[21] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1976, с. 126—131, 164—175.

[22] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12-ти т. СПб., 1878—1896, т. 5, с. 91.

[23] Ф. В. Каржавин — Дж. Хэнкоку, 15 июня 1777 г.— В кн.: Россия и США, с. 40.

[24] *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, с. 209—223. Сравнительно недавно в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ) советский исследователь С. Р. Долгова обнаружила часть дневника Ф. В. Каржавина за 1777—1778 гг., который он вел во время путешествия в Виргинии. См.: ОР ГПБ, ф. 1000, л. 76—101. Основное содержание дневника перекликается с письмом Ф. В. Каржавина своему французскому другу [Ж. Ш.] Бару от 15 апреля 1780 г. См.: Россия и США, с. 61—64.

ских членов. Так, с конца XVIII в. и до 70-х годов XIX в. в состав философского общества было избрано 26 русских членов, в их числе: Е. Р. Дашкова (17 апреля 1789 г.), П. С. Паллас (21 октября 1791 г.), Ф. П. Аделунг (16 января 1818 г.), Н. И. Фус (17 апреля 1818 г.), Г. И. Фишер (17 апреля 1818 г.), В. Г. Тилезиус (16 апреля 1819 г.), Я. В. Вилие (20 апреля 1821 г.), И. Ф. Крузенштерн (16 апреля 1824 г.), А. Я. Купфер (16 апреля 1847 г.), В. Я. Струве (21 октября 1853 г.).

В число членов академии в Бостоне с 1782 по 1872 г. было избрано 12 человек. 22 ноября 1812 г. иностранными членами Американской академии искусств и наук стали академики Н. И. Фус, Г. И. Фишер и Ф. Ф. Шуберт, 29 января 1834 г.— всемирно известный астроном В. Я. Струве, 27 мая 1834 г.— выдающийся математик М. В. Остроградский, 12 ноября 1834 г.— внук Л. Эйлера математик Э. Д. Коллинс, 13 ноября 1849 г.— основоположник эмбриологии К. М. Бэр и 9 ноября 1864 г.— астроном О. В. Струве [25].

В свою очередь, в состав Петербургской Академии наук наряду с Б. Франклином были избраны физик Дж. Черчмэн (1795), метеоролог М. Ф. Мори (1855), физик А. Д. Бэч (1861), историк Дж. Бэнкрофт (1867), астрономы С. Ньюком (1875), Б. А. Гулд (1875) и другие американские ученые [26].

Уже простой перечень имен членов этих авторитетных научных учреждений свидетельствует о разнообразии и важности связей, которые существовали между учеными России и США. Философское общество в Филадельфии и академия в Бостоне поддерживали в XIX в. контакты не только с Петербургской Академией наук, но и с Московским обществом испытателей природы, Пулковской обсерваторией, Корпусом горных инженеров и многими другими научными учреждениями в России. Именно Московскому обществу испытателей природы Дж. К. Адамс передал коллекцию минералов, полученную им при отъезде из Бостона [27]. Сообщая Дж. К. Адамсу об избрании его членом общества, Г. И. Фишер выражал надежду, что американский посланник привлечет внимание московских ученых «к краям, которые еще мало известны и дары природы которых имеются у нас еще в очень малом количестве» [28]. Весной 1810 г. в число членов Московского общества испытателей природы были избраны также Дж. Адамс, Дж. Уиллард и Дж. Дейвис. В дальнейшем число американских членов общества продолжало возрастать, достигнув 28 в 1857 г.[29] Уже с 1810 г. Г. И. Фишер стал пересылать в Соединенные Штаты записки общества и свои собственные научные публикации.

Значительный интерес в России проявлялся к сельскому хозяйству Соединенных Штатов, разведению лучших сортов американского табака

[25] *Dvoichenko-Markov E.* The American Philosophical Society and Early Russian-American Relations.— Proceedings of American Philosophical Society, 1950, vol. 94, N 5, p. 610; *Eadem.* The Russian Members of the American Academy of Arts and Sciences.— Ibid., 1965, vol. 109, N 1, p. 56.

[26] *Радовский М. И.* Из истории русско-американских научных связей: (Протокольные бумаги архива АН СССР XVIII—XIX вв.).— Вестн. АН СССР, 1956, № 11.

[27] Дж. Дейвис — Дж. К. Адамсу, 1 августа 1809 г.— Massachusetts Historical Society (MHS). The Adams Papers, pt 4, reel 408.

[28] Г. И. Фишер — Дж. К. Адамсу, 3(15) февраля 1810 г.— В кн.: Россия и США, с. 402.

[29] Центральный государственный архив (ЦГА) г. Москвы, ф. 418, оп. 28, д. 3, л. 44.

и хлопка. Активным пропагандистом американского опыта выступало Московское общество сельского хозяйства и его печатный орган «Земледельческий журнал». Уже в одном из первых своих номеров (1821, № 3) журнал поместил статью «О поощрении земледелия в Северо-Американских Штатах», а в 1828 г. общество получило несколько сортов американского табака, которые были направлены на Кавказ, Украину и в Крым. Позднее «Земледельческий журнал» опубликовал «Практические

To all Persons to whom these Presents shall come

Greeting!

The American Philosophical Society held at Philadelphia for promoting useful Knowledge, desirous of advancing the Interest of the Society by associating to themselves Men of distinguished Eminence, and of conferring Marks of their Esteem upon Persons of literary Merit, have Elected Madame la Princesse de Daschaw, President of the Imperial Academy of Sciences, at Petersburg, a Member of the said Philosophical Society, hereby granting unto him all the Rights of Fellowship, with all the Liberties and Privileges thereunto belonging.

In testimony whereof the said Society have caused the Seal of their Corporation to be annexed to this Certificate, and the same to be attested by the Names of the proper Officers this fifteenth Day of May in the Year of our Lord one thousand Seven hundred & Eighty nine.

Attested
James Hutchinson
R. Patterson
Samuel Magaw
Jn Vaughan
} Secretaries

Elected, 17 April 1789.

B Franklin. President
Wm White
John Ewing
} Vice Presidents.
David Rittenhouse

ДИПЛОМ ОБ ИЗБРАНИИ Е. Р. ДАШКОВОЙ ЧЛЕНОМ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА, 15 МАЯ 1789 Г.

(Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 1, оп. 2, 1791 г., д. 6, л. 8. Подлинник, англ. яз.)

замечания о посеве и уходе за американским табаком» и регулярно печатал сообщения о результатах его разведения в России [30].

Эта деятельность общества получила поддержку и содействие со стороны правительства. В мае 1837 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин направил президенту Московского общества сельского хозяйства Д. В. Голицыну семена лучших сортов американского табака, полученные из Нью-Йорка [31]. Эти семена были разосланы различным лицам в Крыму, Херсоне, Саратове, Белграде и даже Сибири, преимущественно тем, кто уже ранее занимался возделыванием «американского табака и получал за труды свои награды». Как явствует из ответного письма одного из них, крымского помещика Ф. Зоммерфельда, в Таврии из всех табаков

[30] Земледельческий журнал, 1834, № 2, с. 295—300; 1837, № 5, с. 249—284. См. также: *Иванченко Я. А.* Американская проблематика в русской периодической печати (1825—1841): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983, с. 58—64.
[31] ЦГА г. Москвы, ф. 419, оп. 1, д. 310, л. 1.

предпочитался «гаванский и мариландский, которые и для уборки способны и принадлежат к ряду табаков высшего качества» [32].

Особый интерес представляет поездка в Соединенные Штаты в 1853—1854 гг. члена Вольного экономического общества в Петербурге В. И. Мочульского для обозрения всемирной выставки в Нью-Йорке и ознакомления с американским хозяйством и промышленностью. Мочульскому поручалось приобрести такие произведения Нового Света, «которые могли бы с выгодой быть применены к климату и потребностям России». Объехав почти все американские штаты, лежавшие к востоку от р. Миссисипи, Мочульский собрал «множество любопытных предметов», и в том числе большую и разнообразную коллекцию семян американских растений, «овощей, хлебов и кормовых трав» (около 190 наименований). В коллекции были представлены различные сорта пшеницы, кукурузы, фасоли, фруктов и ягод. В специальном печатном каталоге вниманию заинтересованных лиц рекомендовалась «приморская хлопчатая бумага (Sea Islands Cotton), продаваемая гораздо дороже обыкновенной и употребляемая наиболее в примеси к шелку. Она, весьма вероятно, с великой выгодой могла бы быть разведена на островах и побережье Каспийского и Черного морей» [33].

Для разведения в России рекомендовался также коннектикутский табак и сахарный клен. Если кто-либо из хозяев и садоводов пожелал бы иметь какие-либо из привезенных семян в большом количестве, то В. И. Мочульский выражал готовность выписать их из Америки дополнительно. Одну из коллекций Мочульского совет Вольного экономического общества осенью 1854 г. направил в адрес Московского общества сельского хозяйства [34].

Большое значение для ускорения технического прогресса в России имела поездка в США в 1839 г. инженеров П. П. Мельникова и Н. О. Крафта, которые основательно познакомились с состоянием железнодорожного дела. Вернувшись в Россию летом 1840 г., они представили веские аргументы в пользу скорейшего строительства железных дорог. Позднее из Соединенных Штатов были приглашены опытные специалисты Дж. Уистлер, У. Уайнанс, Дж. Гаррисон, заключен контракт на изготовление локомотивов и транспортного оборудования. Начавшееся в 1842 г. строительство железной дороги Петербург — Москва протяженностью 656 км продолжалось до конца 1851 г. и обошлось в 66,8 млн. руб.[35]

Важные и ранее совершенно неизвестные материалы о русско-американских научных связях были в свое время обнаружены нами в архиве Национального (с 1846 г. Смитсоновского) института в Вашингтоне. Когда в мае 1840 г. в американской столице был основан Национальный институт содействия науке, его конституция и другие учредительные документы были направлены в различные иностранные научные организа-

---

[32] Ф. Зоммерфельд — Московскому обществу сельского хозяйства, февраль 1839 г.— Там же, л. 4 об.

[33] Каталог семян: дерев, кустарников, овощей, хлебов, кормовых трав и других растений, привезенных в 1854 году из Северной Америки... В. И. Мочульским. СПб. [1854], с. 9.

[34] ЦГА г. Москвы, ф. 419, оп. 1, д. 1255, л. 1—2.

[35] *Кинянина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968, с. 188—189; *Haywood R. M.* The Beginnings of Railway Development in Russia in the Reign of Nicholas I, 1835—1842. Durham, 1969.

ции, включая Петербургскую Академию наук, Медико-хирургическую академию, Минералогическое общество, Ботанический сад, Педагогический институт в Петербурге, общества испытателей природы, любителей русской словесности в Москве и др. Многие российские учреждения живо откликнулись на обращение Национального института и завязали с ним систематические деловые контакты. Уже к лету 1842 г. среди иностранных членов-корреспондентов Национального института находились 10 русских представителей — министр просвещения и президент Петербургской академии С. С. Уваров, директор Пулковской обсерватории В. Я. Струве, известный мореплаватель и ученый адмирал Ф. П. Литке, неутомимый путешественник географ П. А. Чихачев и др.[36]

Отвечая на обращение секретаря Национального института по переписке Ф. Маркое, проф. Ф. Б. Фишер направил весной 1841 г. в Вашингтон коллекцию хлебных злаков и большое число научных изданий. Коллекция, состоявшая из 109 предметов (packages), пронумерованных в соответствии с печатным памфлетом, несколько каталогов семян, рассылаемых Ботаническим садом в порядке обмена, а также серия научных работ по ботанике на русском, немецком, французском и латинском языках были благополучно получены и официально зарегистрированы институтом 8 августа 1842 г. Позднее, 3(15) мая 1843 г., при содействии американского посланника в Петербурге У. С. Тодда Ф. Б. Фишер направил в адрес Национального института коллекцию семян растений, собранных в северной части Средней Азии, а также образцы саженцев новых растений, найденных д-ром [Л. И.] Шренком в Киргизии[37].

В дальнейшем связи института с российскими научными учреждениями и обществами стали еще более обширными. Только через д-ра Д. Г. Флюгеля (Лейпциг) Смитсоновский институт в 1852 г. направил в Россию 32 посылки по 15 различным адресам. Среди регулярных корреспондентов института в это время находились уже многие провинциальные научные учреждения, в том числе университет в Казани, Общество литературы и искусства в Миттау, обсерватория и научное общество в Дерпте и т. д. Несколько лет спустя, в 1859 г., через того же д-ра Флюгеля в Россию были направлены 112 посылок по 38 различным адресам[38]. В числе активных корреспондентов Смитсоновского института находились многие выдающиеся русские ученые, в том числе директор Ботанического сада в Петербурге Ф. Б. Фишер, крупный ученый-энциклопедист директор Зоологического музея в Петербурге Ф. Ф. Брандт и др.

Особый интерес представляет, в частности, многолетняя переписка, которую Ф. Ф. Брандт вел с заместителем секретаря Смитсоновского института проф. Спенсером Ф. Бэйрдом начиная с 1856 г. Уже в одном из первых писем Бэйрду от 12(24) февраля 1857 г. академик Брандт выразил заинтересованность в получении из Америки экземпляров различ-

---

[36] Second Bulletin of the Proceedings of the National Institution for the Promotion of Science. Wash., 1842, p. 142—143, 145; Third Bulletin... Wash., 1843, p. 395—414, 417; Smithsonian Institution Archives (SIA), National Institution, Miscellaneous 112 (List of Members 1840—1842).

[37] SIA, National Institution, Miscellaneous, 99; Third Bulletin..., p. 245—246, 320, 327; Forth Bulletin... Wash., 1844, p. 492.

[38] Smithsonian Institution, Annual Report of the Board of Regents..., for the Year 1859. Wash., 1860, p. 57.

ных млекопитающих, рыб и пресмыкающихся и со своей стороны выражал готовность направить институту образцы русской фауны (небольшая посылка с млекопитающими была направлена в Смитсоновский институт еще летом 1856 г.)[39]. Как отмечал проф. Бэйрд, коллекция, посланная Ф. Ф. Брандтом, оказалась для института «в высшей степени приемлемой». Одновременно он излагал обширную и конкретную программу сотрудничества. «То, что Петербургская академия хотела бы сделать для России,— подчеркивал Бэйрд,— Смитсоновский институт стремится достичь для Северной Америки, и интересы обоих учреждений заключаются в тесном контакте, переписке и сотрудничестве... Институт,— по словам Бэйрда,— в настоящее время готов поставлять Петербургской Академии наук с очень немногими исключениями любые экземпляры североамериканских животных».

Отметив заинтересованность института в получении полных комплектов научных публикаций Петербургской академии, Бэйрд, в свою очередь, выразил готовность «в дополнение к нашим собственным публикациям предоставить все работы научного характера, издаваемые американским правительством»[40].

Специального внимания заслуживают научные связи русских и американских ученых в области астрономии. Показательно, что, когда началось строительство Гарвардской обсерватории в Кеймбридже, было решено оснастить ее телескопом с объективом, качество которого точно соответствовало тому, который был установлен ранее в Пулковской обсерватории в России. Соответствующий объектив был изготовлен немецкой фирмой Мерца и Малера в Мюнхене, и в результате с открытием в 1847 г. Гарвардской обсерватории у Пулковского телескопа появился американский двойник. Для ряда астрономов Соединенных Штатов обсерватория в Пулкове стала в середине XIX в. удобным местом для изучения методов практической астрономии. Именно сюда в 1851 г. направил своего сына Джорджа основатель Гарвардской обсерватории Уильям Бонд, чтобы тот мог получить информацию «из первоисточника звездной астрономии». Около двух лет (1864—1866) провел в России другой американский астроном, Кливленд Аббе, ставший затем директором обсерватории в Цинциннати[41].

На протяжении многих лет американские астрономы поддерживали систематические контакты со своими российскими коллегами, обменивались результатами наблюдений, участвовали в совместных научных проектах. В архиве АН СССР сохранилась, в частности, переписка акад. А. Я. Купфера с М. Ф. Мори за 1850—1855 гг., О. В. Струве с А. Холлом за 1873—1890 гг. и т. д. Более четырех десятилетий продолжались связи русских астрономов с Б. А. Гулдом и С. Ньюкомом, труды которых получили в России самую высокую оценку и признание. В свою очередь, С. Ньюком, узнав о избрании его членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, писал 9 февраля 1876 г. О. В. Струве: «Я

---

[39] Американский ежегодник, 1971, с. 335—336.
[40] С. Ф. Бэйрд — Ф. Ф. Брандту, (?) марта 1857 г.— SIA, S.F.B., vol. 16, Letters written, March—December, 1857, p. 23—27.
[41] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Из истории русско-американских научных связей в XVIII—XIX вв.— США — экономика, политика, идеология, 1974, № 4, с. 23—24.

крайне ценю звание, присужденное мне столь знаменитым учреждением, труды которого играют столь важную роль в современной науке» [42].

Наиболее яркое отражение научные связи нашли в поездках в США географа А. И. Воейкова, химика Д. И. Менделеева, астронома О. В. Струве, а также в участии России во всемирной промышленной выставке в Филадельфии в 1876 г.[43] Во время пребывания в США в 1873 г. А. И. Воейков основательно познакомился с состоянием американской метеослужбы и, в частности, отметил важность организации международной системы телеграфных погодных оповещений. В докладах Смитсоновского института за 1873 г. им был опубликован научный доклад «Метеорология в России», изданный затем на русском языке в Петербурге [44]. По поручению Дж. Генри А. И. Воейков подготовил к печати и дополнил своими обобщениями и выводами труд американского проф. Дж. Коффина «Ветры земного шара» [45].

Большое научное и практическое значение имела поездка в США в 1876 г. Д. И. Менделеева, который основательно познакомился с американской нефтяной промышленностью. «Все делается и сообщается просто,— писал русский ученый,— ни тени нет пустых претензий. Это черты английские в самых лучших формах, и в этом нельзя не восхищаться американцами». Вместе с тем Д. И. Менделеев высказывал и критические замечания: «Будь в какой другой стране такая оригинальная и богатая промышленность, какова нефтяная, над научной ее стороной работало бы множество людей. В Америке же заботятся добыть нефть по возможности в больших массах, не беспокоясь о прошлом и будущем...». Явно разочарован русский ученый был и общественными отношениями: «В Новом Свете людские порядки и за сто лет остались все те же — старосветские... Там просто повторяют на новый лад все ту же латинскую историю, на которой воспиталась западная мысль» [46].

Поводом для поездки Д. И. Менделеева за океан послужило участие России в международной выставке в Филадельфии в связи со 100-летием независимости Соединенных Штатов.

Вместе с Д. И. Менделеевым на выставке в Филадельфии побывала большая группа русских ученых, инженеров, ремесленников, моряков и торговцев во главе с горным инженером К. А. Скальковским, основоположником теории гидродинамического трения в машинах Н. Н. Петровым и металлургом Н. А. Иосса [47]. Русский отдел выставки, хотя и открылся

---

[42] Ленинградское отделение (ЛО) Архива АН СССР, ф. 2, оп. 17, д. 6, л. 341, а также: ф. 32, оп. 2, д.110; ф. 286, оп. 1, д. 181, 209, 424—426 и др.; *Перель Г. Ю., Радовский М. И.* Из истории научных связей русских и американских астрономов.— Историко-астрономические исследования. М., 1960, вып. 6, с. 227.

[43] Подробнее см.: *Куропятник Г. П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. М., 1981, с. 163—191.

[44] *Воейков А. И.* Метеорология в России. СПб., 1874.

[45] *Coffin J. H.* The Winds of the Globe... / With a Discussion and Analysis of the Tables and Charts by Dr. Alexander Woeikof. Wash., 1875; *Цверава Г. К.* Из истории русско-американских научных связей в XIX в.: Джозеф Генри и Александр Иванович Воейков.— Природа, 1979, № 7, с. 84—85.

[46] *Менделеев Д. И.* Поездка в Америку.— Собр. соч.: В 25-ти т. М.; Л., 1939—1959, т. 10, с. 26, 96, 97; *Куропятник Г. П.* Россия и США, с. 184—189. О связях Д. И. Менделеева с американскими учеными см.: *Кауфман Г. Д.* Переписка Менделеева с химиками США.— Вопр. истории естествознания и техники, 1969, вып. 4/29.

[47] Отправляясь в Америку, каждый из русских участников стремился лично ознакомиться с достижениями своих американских коллег в соответствующей области.

с большим опозданием, сразу же привлек всеобщее внимание. Газета «Бостон ивнинг джорнал» 23 июля 1876 г. писала: «Открытие русского отдела произвело сенсацию. Посетители с восторгом ознакомились с внезапно возникшей, словно по мановению волшебной палочки, превосходной экспозицией в павильоне машиностроения»[48]. Большое впечатление на посетителей произвели экспонаты морского министерства и артиллерийского ведомства, продукция заводов Демидова, фабрик Сазикова, Овчинникова и др. В американской печати отмечалось, что великолепием своих тканей, мехов, кустарных изделий и драгоценностей Россия затмила всех других участников выставки[49].

В свою очередь, в России высокой репутацией пользовались американские технические изобретения и машины. Так, осенью 1872 г. на Московской политехнической выставке золотые и серебряные медали были присуждены нескольким американским изобретателям и фирмам. Большой золотой медали был удостоен, в частности, изобретатель швейной машины Элиас Гау (Ellias Howe). Такую же награду получила компания Зингер и ряд других лиц за представленную ими систему швейных машин. От имени ряда английских и американских инженерных обществ, включая Смитсоновский институт и институт Франклина, Московскому политехническому музею были переданы коллекции индейских произведений, оружия, минералов, карт и чертежей[50].

Научные и технические связи все чаще стали приобретать практическое значение.

3. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Русско-американское сближение и обмен дипломатическими и консульскими представителями в 1809 г. не могли не способствовать укреплению и расширению литературных контактов. К тому же оказалось, что в составе официальных миссий обеих стран находилось несколько лиц, чьи интересы тесно соприкасались с литературой, журналистикой и искусством (А. Г. Евстафьев, П. П. Свиньин, П. И. Полетика, А. Х. Эверетт).

Побывав в Москве в сентябре 1810 г., А. Х. Эверетт с восторгом писал, что древняя столица «сравнения поэтов затмевает, и меркнет слава Мехико и Кито...»[51]. После возвращения в США молодой дипломат присутствовал 25 марта 1813 г. на торжествах в Бостоне в связи с русскими победами над Наполеоном. По этому случаю он сочинил оду о сынах России, поднявшихся «из храмов и хижин» на борьбу «за свободу России и права человечества». Любопытно, что эта ода была написана на

Так, два университетских медика, просившие направить их в командировку с 1 мая по 1 сентября 1876 г. (ст. ст.) на всемирную выставку в Филадельфию, рассчитывали ознакомиться с современным состоянием «практической медицины и общественной гигиены» (В. С. Богословский) и «гинекологии и акушерства» (В. Ф. Снегирев). См.: ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 45, д. 54, л. 3—5, 16.

[48] Цит по: *Куропятник Г. П.* Россия и США, с. 176.

[49] *Двойченко-Маркова Е. Н.* Ученые России на международной выставке в Филадельфии в 1876 г.— Новая и новейшая история, 1975, № 4, с. 153.

[50] ЦГА г. Москвы, ф. 227, оп. 1, д. 43, л. 22—23.

[51] Россия и США, с. 435. Находясь в 1809—1811 гг. в России, А. Х. Эверетт вел дневник, рукопись которого сохранилась в Массачусетском историческом обществе. См.: MHS, Everett — Noble Papers, A. H. Everett, 1809—1811.

мотив «Anacreon in Heaven», послуживший некоторое время спустя основой для американского гимна «Усыпанное звездами знамя»[52].

Активную и разнообразную литературную деятельность в США вели А. Г. Евстафьев и П. П. Свиньин. Среди многочисленных книг и брошюр, опубликованных А. Г. Евстафьевым в Соединенных Штатах, назовем, в частности, «Собрание анекдотов» о Петре I и трагедию о царевиче Алексее, эпическую поэму о Дмитрии Донском (Demetrius, The Hero of the Don), а также драму «Казаки на пути в Париж», которая перекликалась со статьями, печатавшимися российским консулом в американских газетах[53].

Что касается П. П. Свиньина, то наряду с интересными и оригинальными статьями и книгами о Соединенных Штатах он оставил исключительно ценное собрание акварелей, которые представляют собой настоящую живописную энциклопедию американской жизни в начале XIX в.[54] Специального внимания заслуживают подробный очерк П. П. Свиньина о русско-американских торговых связях, «Письма русского путешественника по Северной Америке» и особенно его «Взгляд на свободные художества в Соединенных Американских Статах», в котором давался весьма квалифицированный обзор американской живописи, скульптуры, архитектуры и инженерных сооружений[55].

Наконец, большой интерес представляет книга о Соединенных Штатах, принадлежавшая перу П. И. Полетики. Впервые она была издана на французском языке в Лондоне и переведена в Балтиморе в 1826 г. В предисловии американский издатель отметил прекрасное знакомство автора с положением в Соединенных Штатах, их законами и обычаями, а также объективность суждений о достоинствах и недостатках жизни в США[56]. Лестную оценку это сочинение получило и на страницах влиятельного «Норт Американ ревью» в октябре 1826 г. К сожалению, в России эта книга в полном виде так никогда и не была напечатана, хотя небольшой очерк П. И. Полетики «Состояние общества в Соединенных Американских Областях» появился в «Литературной газете» в августе 1830 г.

Надо сказать, что российские газеты и журналы проявляли с начала XIX в. всевозраставший интерес к американским сюжетам. Совершенно

[52] Sketch of the Church Solemnities at the Stone Chapel and Festival at the Exchange, Thursday, March 25, 1813, in Honour of Russian Achievements. Boston, 1813.

[53] Литературная деятельность А. Г. Евстафьева уже привлекала внимание ряда исследователей, включая Л. Винера и М. П. Алексеева. См.: *Wiener L.* The First Russian Consul at Boston.— The Russian Review, 1916, Apr., vol. 1, N 3; *Алексеев М. П.* А. Г. Евстафьев — русско-американский писатель начала XIX в.— Науч. бюллетень ЛГУ, 1946, № 8, с. 22—27; *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, с. 570—590.

[54] *Свиньин П. П.* Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815 (2-е изд.: 1818). 52 акварельных рисунка П. П. Свиньина воспроизведены в кн.: *Yarmolinsky A.* Picturesque United States of America 1811, 1812, 1813: Being a Memoir on Paul Svenin... N. Y., 1930; *Fedotoff White D.* A Russian Sketches Philadelphia, 1811—1813.— Pennsylvania Magazine of History and Biography, 1951, Jan., vol. 75, N 1, p. 2—24+8 plates.

[55] См. соответственно: Отечественные записки, 1820, ч. 4, с. 89—107; ч. 5, с. 87—93, 200—209; Невский альманах, СПб. [1827], кн. 4; Отечественные записки, 1829, ч. 38, с. 145—164, 289—312; ч. 39, с. 181—193. Оригиналы хранятся в Государственном архиве Костромской обл., ф. 558, оп. 2, д. 185, и ОР ГБЛ, ф. 138, 306.2, л. 109—130. Частично опубликовано в кн.: Россия и США, с. 515—516, 520—528.

[56] A Sketch of the Internal Conditions of the United States and Their Political Relations with Europe. By a Russian. Baltimore, 1826, p. 2.

особое место американская тема заняла, в частности, на страницах «Духа журналов», издававшегося Г. М. Яценковым в 1815—1820 гг. Никогда ранее ни в одном русском издании не публиковались столь обширные и содержательные материалы о различных сторонах жизни в Соединенных Штатах, их государственном устройстве (включая изложение конституции), экономическом развитии и т. д. Именно эти материалы, и в частности вступительные замечания к «Государственному календарю Американских Соединенных Штатов», послужили поводом для закрытия «Духа журналов» царскими властями в 1820 г. Изучение многочисленных американских публикаций «Духа журналов» позволило пересмотреть и общую оценку этого важного периодического органа, который впервые осмелился открыто поставить ряд самых острых политических проблем — конституционное управление, гражданские права, свобода книгопечатания и т. д.[57]

В дальнейшем американская тематика получила развитие в издававшемся с 1825 г. тем же Г. М. Яценковым «Журнале мануфактур и торговли» и особенно в «Московском телеграфе» (1825—1834) Н. А. Полевого[58]. Вообще 1825 год оказался в этом отношении весьма примечательным. Именно тогда популярный журнал «Сын отечества» опубликовал знаменитый рассказ В. Ирвинга «Рип Ван Винкль» в переводе декабриста Н. А. Бестужева; в Москве отдельным изданием вышел роман Ф. Купера «Шпион»; «Телеграф» напечатал отрывок из «Путешествия в Англию» Ирвинга[59]. Опубликование романа «Шпион» «Московский телеграф» назвал приятной новостью для русских читателей, которые убедятся, что «недаром сочинения Купера приняты с таким одобрением не только в его отечестве, но и в Англии, и во Франции»[60].

Сам Н. А. Полевой стал активным пропагандистом произведений Ирвинга и Купера в России. На страницах «Московского телеграфа» были помещены ирвинговские «Гостиница в Террачине» (1825), «Волфер Веббер, или Золотые сны» (1826), «Безголовый мертвец» (1826), «Бакалавр Саламанкский» (1826), «Заколдованный дом» (1827) и многие другие[61]. В 1825 г. «Телеграф» напечатал статью «Об успехах просвещения и литературы в Соединенных Штатах», заимствованную из гамбургского «Политического журнала», а спустя три года Н. А. Полевой опубликовал уже собственную оригинальную работу о развитии американской журналистики и литературы[62]. Наконец, в следующем, 1829 г. на страницах журнала появилась статья Купера, познакомившая русскую публику с общим состоянием просвещения и литературы в Соединенных Штатах, в которой писатель выражал уверенность, что в итоге американские литераторы «у всех народов приобретут славу, на которую имеют право»[63].

---

[57] *Болховитинов Н. Н.* Американская тема на страницах «Духа журналов» (1815—1820 гг.).— В кн.: Американский ежегодник, 1972. М., 1972, с. 266—302.

[58] *Иванченко Я. А.* Позиция редакционного кружка «Московского телеграфа» в отношении Соединенных Штатов.— Там же, 1980. М., 1981, с. 216—235.

[59] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975, с. 555—568.

[60] Московский телеграф, 1825, № 7, с. 254—255.

[61] Список переводов В. Ирвинга в России в 20—30-е годы XIX в. приводит М. П. Алексеев. См.: Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1926, вып. 2, с. 85.

[62] Московский телеграф, 1825, № 19, 1828, № 11.

[63] Там же, 1829, № 16, с. 416—417.

Сам Купер эту славу уже начал завоевывать. В том же, 1829 г. в Москве был напечатан «второй роман знаменитого американского писателя» («Американские степи»), и Н. А. Полевой сразу же откликнулся на него рецензией[64]. Вслед за этим были опубликованы переводы «Лоцмана», «Красного корсара» и многих других романов Купера. В целом произведения Ирвинга и Купера получили в 20—30-х годах в России необычайную популярность. «Их повести и романы, очерки и статьи читали и обсуждали в литературных салонах и кружках, перелистывали в книжной лавке Смирдина, о них говорили на пятницах Жуковского, где бывали Пушкин, Вяземский, Гоголь, Крылов, и на четвергах Греча, где собиралась совсем иная публика»[65].

Когда же в конце 30-х годов наступило известное разочарование Ф. Купером и в журналах появилось несколько отрицательных рецензий на перевод романа «Браво» (СПб., 1839), в защиту американского романиста выступил В. Г. Белинский. Особое восхищение критика вызвал знаменитый «Следопыт» с его героем Натти Бумпо, прозванным Кожаным Чулком. «Многие сцены «Путеводителя»,— писал В. Г. Белинский,— были бы украшением любой драмы Шекспира. Основная его идея — одно из величайших и таинственных актов человеческого духа: *самоотречение*, и в этом отношении роман есть *апофеоз самоотречения*»[66].

Увлечение В. Г. Белинского романами Ф. Купера разделял и М. Ю. Лермонтов. Оба они были готовы поставить американского романиста даже выше В. Скотта. На это, впрочем, имелись свои причины. Близость к природе, прославление простых и естественных человеческих качеств, более демократический характер творчества Ф. Купера (в противоположность торийскому аристократизму В. Скотта) — все это должно было импонировать как Белинскому, так и Лермонтову.

В свою очередь, Купер с большой симпатией относился к русским и в этой связи неоднократно выражал намерение посетить Россию, о чем сообщалось в печати еще в 1828 г. К сожалению, эти планы осуществить не удалось, но теплые чувства к русским писатель сохранил до конца жизни. «Своим первым представлением в европейское общество,— вспоминал Ф. Купер в 1845 г.,— я обязан вниманию русских, ибо в течение многих месяцев я жил в Париже, никому не известный и всеми пренебрегаемый, до тех пор, пока не был принят с утонченной любезностью в кружке, включавшем различных членов семьи Голицына, о которых я до сих пор вспоминаю с удовольствием... При всех обстоятельствах я убеждался в дружеском расположении русских к нам, американцам... Встречаясь с русскими, я всякий раз находил в них друзей, и я имею основания полагать, что и другие американцы испытали с их стороны такую же любезность»[67].

Одним из первых американцев, кто основательно познакомился с русской литературой и сделал ряд оригинальных переводов поэтических произведений на английский язык, был Уильям Д. Льюис. Молодой Льюис приехал в Россию в 1814 г., чтобы помочь старшему брату Джо-

[64] Там же, с. 489—490.
[65] *Николюкин А. Н.* Указ. соч., с. 211.
[66] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1949—1955, т. 4, с. 211.
[67] Ф. Купер — Д. И. Долгорукому, 12 июля 1845 г.— В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960, с. 274 (публикация М. П. Алексеева).

ну, который основал в Петербурге крупный торговый дом. Коммерческие дела брата не очень увлекли Уильяма, зато он сразу начал изучать русский язык и проявил серьезный интерес к литературе.

В русской столице он познакомился с издателем «Сына отечества» Н. И. Гречем, который ввел его в круг литераторов, собиравшихся в доме Г. Р. Державина. Среди бумаг Льюиса сохранился перевод прославленной державинской оды «Бог», множество литературных выписок, переводов популярных стихотворных произведений, а также собственные сочинения автора. Отметим, в частности, стихотворное описание петербургской красавицы (Description of a Petersburg Beauty), «Совет другу моему влюбленному молодому человеку» (август 1815 г.), «Странное чувство» и некоторые другие литературные опыты молодого американца. Не случайно, по-видимому, У. Д. Льюиса особенно привлекало известное сентиментальное стихотворение И. И. Дмитриева «Сизый голубочек» (1792). Он специально переписал это стихотворение по-русски, передал его звучание с помощью латинского алфавита, а затем перевел на английский язык. В результате ему удалось не только почти буквально передать незамысловатое содержание стихотворения, но и сохранить при этом единство эмоционального тона и однообразную напевность романса[68].

По мнению Льюиса, стихотворение Дмитриева давало некоторое представление о характере русского языка, который «по своей природе является в высшей степени поэтическим». Он особенно подчеркивал исключительную гибкость русского языка и возникающую в этой связи возможность создания «самых великолепных звуковых сочетаний». Несмотря на молодость литературы, в России уже имелось, по словам американца, много поэтов, наделенных «талантом и вкусом»[69].

Уже после отъезда из России в октябре 1819 г. У. Д. Льюис опубликовал в американской печати несколько переводов стихотворений русских поэтов. Среди них были, в частности, «народные песни» Ю. А. Нелединского-Мелецкого, появившиеся на страницах филадельфийской «Нэшнл газетт» в январе 1821 г. Но если первые публикации Льюиса прошли почти незамеченными, то антология русских поэтов англичанина Дж. Баурингa стала настоящим событием и вызвала в американских журналах пространные комментарии. «Весь мир слышал грохот ее пушек, топот ее конницы, шум ее побед, но лишь немногим было дано услышать рассказ ее летописцев или песнь ее бардов»,— справедливо писал один из рецензентов. Именно по этому изданию американцы смогли познакомиться с сочинениями М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова и многих других[70].

---

[68] Historical Society of Pennsylvania, Lewis — Neilson Papers, Literary Section.

[69] Ibid. Недавно было установлено, что У. Д. Льюис перевел на русский язык осенью 1815 г. «Янки Дудл», который в то время был особенно популярен в Соединенных Штатах. См.: *Saul N. E.* A Russian «Yankee Doodle».— Slavic Review, 1974, vol. 33, N 1, p. 46—54. Ряд наблюдений о жизни в России У. Д. Льюис изложил в письме Э. Коулу в октябре 1816 г. См.: Delaware History, 1961, Oct., vol. 9, p. 303—340; The American Image of Russia, 1775—1917 / Ed. by E. Anschel. N. Y., 1974, p. 65—77.

[70] Specimens of the Russians Poets: with Preliminary Remarks and Biographical Notes, translated by John Bowring, F. L. S. Boston: published by Cumming and Hillard, 1822; The Christian Desciple, 1822, vol. 3, p. 371—372. Хотя современники дали в общем весьма положительную оценку «Российской антологии» Дж. Бауринга, качество английского перевода оставляло желать лучшего. См.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1982, с. 191—215 (Литературное наследство, т. 91).

Гораздо меньше, к сожалению, было известно о творчестве А. С. Пушкина. Для современного читателя может показаться странным, что первым русским романом, переведенным в Америке в 1832 г., оказался не «Евгений Онегин» и не «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, а давно забытый «Иван Выжигин» Ф. Булгарина [71].

Даже наиболее компетентная американская специалистка по славянской филологии Тереза Робинсон (Тальфи) писала в 1834 г. о великом поэте только как об «имитаторе Байрона» [72]. И это говорилось об авторе «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина»! Причем в данном случае нельзя делать скидок на неосведомленность. Г-жа Робинсон не только знала об опубликовании «Бориса Годунова» в 1831 г., но и называла эту трагедию «самым замечательным произведением» поэта.

Лишь много лет спустя, публикуя очерк о славянских языках и литературе в виде отдельной книги, Т. Робинсон поставила А. С. Пушкина во главе русской поэзии уже почти «вне конкуренции». Нельзя, правда, сказать, что творчество поэта и тогда получило вполне объективное и всестороннее освещение. Однако на этот раз г-жа Робинсон уже отмечала, что его романтические поэмы («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и др.), наделены большими достоинствами. Особенно высоко оценивался «Борис Годунов», но явно не повезло «Евгению Онегину», а заодно и творчеству молодого М. Ю. Лермонтова. Автор сетовала, что «вместо свежести, силы и радости» у представителей молодой, растущей литературы она нашла образ «лишнего человека» (un homme blasé) — «раздражение, неудовольствие и безразличие» [73].

Сейчас нет необходимости полемизировать по поводу конкретных оценок и симпатий г-жи Робинсон. В конечном итоге важно, что Тальфи-Робинсон в 1850 г. дала уже более или менее подробный обзор творчества Пушкина и решительно пересмотрела свою прежнюю оценку. А. С. Пушкин рассматривался ею как совершенно исключительное явление и как почти единственный из русских поэтов, «который даже мыслил стихами» [74].

Главное, о чем приходится сожалеть,— это не столько о наличии ошибочных и тенденциозных оценок творчества русского поэта, сколько об отсутствии у американского читателя возможности познакомиться с первоисточником, прочитать произведения поэта и составить собственное мнение об их достоинствах и недостатках. Долгое время считали, что в первой половине XIX в. в Соединенных Штатах вообще не было английских переводов Пушкина. Лишь случайно в библиотеке Гарвардского университета сохранился редкий перевод «Талисмана» и еще нескольких стихотворений, изданный в Петербурге всего в 100 экземплярах [75]. Более

---

[71] Среди первых русских романов, переведенных в США, были также «Юрий Милославский» М. Н. Загоскина (The Young Muscovite: Vol. 1, 2. N. Y., 1834) и «Аммалат-бек» А. А. Бестужева-Марлинского (The Tartar Chief. N. Y., 1846).

[72] The Biblical Repository. 1834, Apr., vol. 4, p. 384. Тереза Робинсон была дочерью харьковского проф. Л. Г. фон Якоба и своим литературным псевдонимом взяла начальные буквы полного девического имени и фамилии: Therese-Augusta-Ludovica von Jacob.

[73] *Talvj*. Historical View of the Languages and Literature of Slavic Nations. N. Y., 1850, p. 80.

[74] Ibid., p. 97.

[75] *Pushkin A. S.* The Talisman; from the Russian (by G. Borrow). With other pieces. St. Petersburg, 1835. 14 p.

важно, однако, что в 1846 г. в Нью-Йорке вышел перевод «Капитанской дочки» [76], а три года спустя, в июле 1849 г., У. Д. Льюис опубликовал «Бахчисарайский фонтан» вместе с некоторыми другими произведениями русских поэтов [77].

Одна из первых биографических статей о Пушкине появилась 11 февраля 1847 г. на страницах новой антирабовладельческой газеты «Нэшнл ира» (Вашингтон) и принадлежала перу американского поэта Дж. Уитьера. Хотя основные сведения о Пушкине были почерпнуты из обширной статьи Т. В. Шоу, опубликованной в Великобритании летом 1845 г., американский поэт интерпретировал их по-своему. Подчеркивая, что дед Пушкина по материнской линии был негром по имени Ганнибал, Уитьер использовал это обстоятельство для борьбы с расистскими предрассудками в Соединенных Штатах. «Мы сослались на этого замечательного человека,— писал Уитьер,— чтобы показать полную нелепость и несправедливость общего предубеждения против цветного населения в Америке» [78].

Надо сказать, что сам Пушкин был неплохо знаком с американской литературой. В библиотеке поэта находились по крайней мере пять произведений Ирвинга и собрание сочинений Купера в 13-ти томах.

Советские пушкинисты, и в первую очередь академик М. П. Алексеев, давно обратили внимание на жанровую близость «Истории Нью-Йорка» и «Истории села Горюхина», хотя прямых доказательств, что сочинение В. Ирвинга было известно А. С. Пушкину, обнаружить не удалось. Замысел «Истории села Горюхина» как пародии на исторические труды, конечно, мог возникнуть у А. С. Пушкина под влиянием В. Ирвинга или какого-либо другого автора (такая возможность вполне реальна, учитывая интерес поэта к американскому писателю, а также прекрасную осведомленность в западной литературе и журналистике). «Получив толчок к созданию сходного замысла,— писал М. П. Алексеев,— Пушкин, однако, совершенно самостоятельно и на собственном материале применил сходные пародические приемы» [79].

На основе тонкого литературоведческого анализа А. А. Ахматова доказала, что литературным источником пушкинской «Сказки о Золотом Петушке» была «Легенда об арабском звездочете» из двухтомного французского издания «Сказок Альгамбры» В. Ирвинга, с которой поэт познако-

---

[76] *Pushkin A. S.* The Captains Daughter; or The Generosity of the Russian Usurper Pugatscheff / From the Russian of Alexander Pushkin, by G. C. Hebbe. N. Y., 1846. 48 p.

[77] The Bakchesarian Fountain by Alexander Pooshkeen, and other poems by various authors / Translated from original Russian by William D. Lewis. Philadelphia, 1849. Свои переводы У. Д. Льюис посвятил «русским друзьям» в знак признательности за проявленное к нему внимание и доброту во время пребывания «в их исключительно гостеприимной стране». Книга предназначалась для «частного распространения» и сразу же после выхода превратилась в библиографическую редкость. Газета «Северная пчела» 18(30) июля 1851 г. опубликовала об этой книге специальную заметку.

[78] Вопр. литературы, 1979, № 6, с. 162 (публикация В. Александрова); *Shaw Th. B.* Pushkin, The Russian Poet.— Blackwood's Edinburgh Magazine, 1845, June-Aug.; National Era, 1847, N 6, p. 2 (микрофильм этой газеты за 1847—1860 гг. имеется в Государственной публичной исторической библиотеке).

[79] *Алексеев М. П.* К истории села Горюхина.— В кн.: Пушкин. Статьи и материалы, с. 70—87; *Boden D.* Das Amerikabild im Russischen Schriftum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1968, S. 98, 104.

мился в 1833 г.[80] Заимствуя основу сюжета легенды, Пушкин, однако, переработал ее в духе русской народной сказки, а главное — заострил ее антимонархическую направленность. По собственному опыту А. С. Пушкин знал истинную цену царскому слову, и не случайно главной идеей стало неисполнение обещания царя.

Хорошо известен и тот факт, что А. С. Пушкин ссылался на Ирвинга, Купера, Шатобриана и Токвиля в «Джоне Теннере»: «Нравы североамериканских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. „Дикари, выставленные в романах,— пишет Вашингтон Ирвинг,— так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных“. Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями» [81].

Работая над «Джоном Теннером», А. С. Пушкин опирался не только на известные книги А. Токвиля, Т. Гамильтона, Г. Бомона, М. Г. Льюиса, имевшиеся в его библиотеке, но и на разнообразные материалы о Соединенных Штатах, которые печатались на страницах русских периодических изданий. Так, в журнале «Библиотека для чтения» летом 1835 г. было опубликовано изложение книги Г. Бомона «Мария, или Рабство в Соединенных Штатах» вместе с пространными комментариями редакции [82]. Сама форма публикации (изложение книги с комментариями и цитатами), а также отдельные конкретные замечания («тиранство народной воли», страсть к практицизму, деньгам и т. п.) перекликаются с некоторыми идеями пушкинского Теннера.

Но, конечно, главным источником для А. С. Пушкина служили записки самого Джона Теннера. Эти записки не имели, разумеется, особых литературных достоинств, но для поэта они были «драгоценны во всех отношениях» как достоверный первоисточник и правдивое свидетельство очевидца событий. А. С. Пушкин выступал при этом не только как литератор, но и как историк, проводивший тонкий источниковедческий анализ записок Теннера о жизни среди индейцев. «Они самый полный и, вероятно, последний документ бытия народа, коего скоро не останется и следов... Достоверность сих „Записок“ не подлежит никакому сомнению. Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочим Токвиль, автор славной книги „De la démocratie en Amérique“) видели его и купили от него самого его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может. Да и стоит прочитать несколько страниц, чтобы в том удостовериться: отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину» [83].

---

80 *Ахматова А. А.* Последняя сказка Пушкина.— Звезда, 1933, № 1, с. 161—176. Характеристика короля у В. Ирвинга «завоеватель в отставке» (un conquérant retire des affaires) не могла не вызвать у А. С. Пушкина ассоциации с Александром I, который к тому же общался иной раз с прорицателями и ясновидцами. Некоторые, хотя и менее очевидные, черты сходства у царя Дадона имелись с Николаем I.

81 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. 4-е изд.: В 10-ти т. Л., 1977—1979, т. 7, с. 299; *Алексеев М. П.* К статье Пушкина «Джон Теннер».— Временник Пушкинской комиссии, 1966. Л., 1969, с. 50—56.

82 Библиотека для чтения, 1835, т. II, отд. 2, с. 51—66.

83 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 299.

В отличие от В. Ирвинга и Ф. Купера с произведениями Эдгара По русские читатели познакомились с некоторым опозданием. Это произошло лишь в 1847 г., когда, как установила Джоан Гроссман, в журнале «Новая библиотека для воспитания» (кн. 1, с. 154—220) был опубликован известный рассказ Э. По «Золотой жук», в котором излагалась история нахождения сокровищ, спрятанных пиратами. Этот занимательный рассказ явно понравился русским читателям, в связи с чем неоднократно перепечатывался в журналах и сборниках [84].

Критики, включая В. Г. Белинского [85], не сразу оценили достоинства сочинений пионера детективного жанра. Первым глубокую оценку особенностей творчества Э. По дал в России Ф. М. Достоевский, опубликовавший в журнале «Время» несколько рассказов писателя («Сердце-обличитель», «Черный кот», «Черт в ратуше») и сопроводивший их предисловием. С удивительной проницательностью Ф. М. Достоевский сумел разглядеть в американском литераторе близкого себе по духу художника — одновременно и фантаста, и реалиста. «В Эдгаре Поэ,— писал Ф. М. Достоевский,— есть именно одна черта, которая отличает его решительно от всех других писателей и составляет резкую его особенность: это сила воображения. Не то чтобы он превосходил воображением других писателей; но в его способности воображения есть такая особенность, какой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей... В Поэ если и есть фантастичность, то какая-то материальная... Видно, что он вполне американец, даже в самых фантастических своих произведениях» [86].

Литературная манера По, его тонкий психологизм и «материальная фантастичность» созвучны творчеству Ф. М. Достоевского. Они могли заинтересовать и Н. В. Гоголя, который, однако, вряд ли успел испытать прямое влияние американского литератора.

Но что касается российского общества в целом, то в середине XIX в. его больше всего интересовали не чисто литературные сюжеты и тонкости художественного мастерства, а социальные и политические проблемы, и в первую очередь вопрос о рабстве и крепостничестве. Вот почему в 50-е годы и в Америке, и в России наибольший резонанс получали именно те произведения, в которых затрагивались рабство негров и крепостная зависимость крестьян.

Настоящим событием в истории американской литературы стало появление романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». В 1851 г. он начал печататься на страницах «Нэшнл ира», а в 1852 г. вышло отдельное издание. В первый же год было продано 300 тыс. экземпляров, а впоследствии эта книга разошлась миллионами экземпляров по всему миру. Роман был переведен на 37 языков, его читали взрослые и дети, вновь и вновь комментировали в печати, по нему ставили спектакли в театрах и т. д. С горькой иронией А. И. Герцен писал в 1853 г.: «Америка страна

---

[84] Библиотека для чтения, 1848, т. 89, с. 186—208; Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, 1848, т. 74, с. 231—257, 346—371; Золотой жук. СПб., 1858; Сказки для детей. СПб., 1859, с. 41—104; *Grossman J. D.* Edgar Allen Poe in Russia: A Study in Legend and Literary Influence. Würzburg, 1973, p. 191—193.

[85] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 10. с. 142.

[86] Время, 1861, т. I, кн. 1, с. 230—231. Позднее, уже в 70-е годы XIX в., к анализу особенностей творчества американского писателя обратился Н. В. Шелгунов, отметивший особый характер психологизма Э. По, которого Америка душила «своим филистерством и меркантилизмом». Подробнее см.: *Николюкин А. Н.* Указ. соч., с. 342—346.

хорошая, только что крепостные люди черные; у нас черный народ — белый... все от снега, должно быть» [87].

Несмотря на цензурные препятствия, «Хижина дяди Тома» получила в России широкое распространение. Как только «открылась возможность перевести „Дядю Тома"», Н. А. Некрасов решился на «чрезвычайный расход» — выдать этот роман даром при 1-м номере «Современника» за 1858 г. «Как скоро это было объявлено, подписка поднялась. Надо заметить, что это пришлось очень кстати: вопрос этот у нас теперь в самом ходу относительно наших домашних негров» [88]. Наряду с «Современником» роман был издан в качестве приложения к либеральному «Русскому вестнику» М. Н. Каткова в Москве, а также печатался на страницах «Сына отечества» [89].

ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ

Знаменательно, что зимой 1858/59 г. в Петербурге состоялось знакомство Тараса Шевченко с замечательным негритянским трагиком Айрой Олдриджем, который с огромным успехом гастролировал в русской столице. Т. Шевченко был совершенно покорен великолепной игрой негритянского артиста в шекспировских трагедиях «Отелло» и «Король Лир» и не пропускал ни одного спектакля. Близкие по своей трагической судьбе, характеру и взглядам оба сразу же стали друзьями. Олдридж полюбил украинские народные песни, а Шевченко с удовольствием слушал песни о тяжкой судьбе негритянского народа. В знак благодарности и дружбы Шевченко нарисовал великолепный портрет негритянского трагика, а Олдридж увез с собой на память портрет певца украинского народа работы М. О. Микешина. Позднее, между 1861 и 1866 гг., Олдридж неоднократно гастролировал в России, и три раза был на Украине, но уже не застал Т. Шевченко в живых (надломленный тяжелыми испытаниями, поэт скончался в марте 1861 г. в возрасте 47 лет) [90].

В литературе уже неоднократно анализировали подробные и глубокие обозрения событий в Америке, которые Н. Г. Чернышевский регулярно

---

[87] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954—1966, т. 25, с. 24.

[88] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 12-ти т. М., 1948—1953, т. 10, с. 375.

[89] Хижина дяди Тома, или Жизнь негров в невольничьих штатах Северной Америки. М., 1857. 434 с.; Хижина дяди Тома. СПб., 1858. 476 с.; Сын отечества, 1858, № 1, с. 9—16; № 2, с. 33—41; № 3, с. 61—70; № 4, с. 9—99. Подробнее о русских переводах романа Бичер-Стоу см.: *Бушканец И. Н.* Первые переводы «Хижины дяди Тома» на русский язык.— Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1969, вып. 66, с. 49—59.

[90] *Corbett D. M.* Taras Shevchenko and Ira Aldridge.— The Journal of Negro Education, 1964, vol. 33, p. 148—149. Всеобщее признание негритянского трагика нашло отражение в избрании его иностранным членом Академии художеств в Петербурге.

печатал на страницах «Современника»[91]. Напомним, в частности, что в ноябрьском номере «Современника» за 1859 г. Н. Г. Чернышевский не только дал высокую оценку восстанию в Харперс-Ферри но и опубликовал перевод основных статей «Временной конституции» Джона Брауна[92]. Сравнительно недавно было установлено, что Н. Г. Чернышевский, по всей видимости, был знаком и со статьями в американской «Трибюн» о крепостном праве в России[93]. Во всяком случае в романе «Что делать» Лопухов-Бюмонт, рассказывая о своей жизни в Соединенных Штатах, сообщал: «Я написал несколько статей в „Tribune“ о влиянии крепостного права на все общественное устройство России. Это был недурной новый аргумент аболиционистам против невольничества в южных штатах, и я сделался гражданином Массачусетса...»[94].

Какие же статьи о России и крепостном праве печатались в «Трибюн»? Обращение к комплектам газеты позволило установить, что в августе — декабре 1858 г. на ее страницах систематически помещались обширные и интересные очерки американского литератора Б. Тейлора, путешествовавшего по европейской части России. В отдельных случаях Тейлор затрагивал вопрос о крепостном праве и уже в первой статье подчеркивал, что Россия очень нуждается в «классе предприимчивых земледельцев»[95]. В целом, однако, очерки американского путешественника касались главным образом внешней стороны русской жизни: Тейлор подробно описывал Москву, Петербург, Пулково, и его статьи явно нельзя отнести к тем, которые упоминались Н. Г. Чернышевским, что, конечно, не исключает их значения в русско-американских культурных связях[96].

Если же говорить о наиболее вероятном варианте, то речь должна идти в первую очередь о двух статьях «Об освобождении крестьян в России», опубликованных в «Трибюн» 17 января 1859 г., которые принадлежали перу К. Маркса[97].

Время от времени в газете проскальзывали, правда, и другие заметки о России и крепостном праве, но они носили чисто информационный и фактологический характер, заимствовались из различных изданий. Интерес, пожалуй, представляла лишь передовая статья в «Трибюн» от 11 ноября 1858 г., в которой на основе переписей проводилось детальное сравнение системы крепостничества в России и плантационного рабства в США. Эту статью, однако, также следует отвести, поскольку в ней восхвалялся Александр II и она не была озаглавлена. Таким образом, можно сделать заключение: Н. Г. Чернышевский, по всей видимости, читал

---

[91] *Иванов Р. Ф., Левитас И. Я.* Н. Г. Чернышевский о рабстве негров в США и проблеме гражданских свобод.— В кн.: Американский ежегодник, 1980, с. 118—138.

[92] *Дементьев И. П.* Н. Г. Чернышевский и конституция Джона Брауна.— Вопр. истории, 1959, № 12, с. 137—144.

[93] *Попов И.* Из американской жизни Дмитрия Сергеевича Лопухова.— Иностр. лит., 1981, № 2, с. 251—256.

[94] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1939—1953, т. 11, с. 325.

[95] New York Daily Tribune, 1858, Aug. 24, p. 3.

[96] Статьи Б. Тейлора из России были с интересом встречены многочисленными читателями «Трибюн» и в 1859 г. опубликованы в США отдельным изданием. См.: *Taylor B.* Greece and Russia. N. Y., 1859, p. 303—426.

[97] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 692—701. Вопрос об отмене крепостного права в России рассматривался еще в одной статье К. Маркса, а также в обзоре Ф. Энгельса «Европа в 1858 году». По нашему мнению, их не следует включать в эту группу: «Трибюн» публиковала их без какого-либо заголовка. См.: Там же, с. 605—608, 671—675. Ср.: Иностр. лит., 1981, № 2, с. 255—256.

или во всяком случае знал о статьях о крепостном праве в «Трибюн», и эти статьи могли быть и, скорее всего, действительно были статьями К. Маркса.

Как в 20—30-е годы «Московский телеграф», в 50—60-е годы активным пропагандистом лучших произведений американских писателей выступал «Современник». Журнал первым познакомил русских читателей с творчеством Н. Готорна. В нем печатались произведения Г. У. Лонгфелло, Б. Тейлора, Т. Уинтропа и др. В обзорной статье «Американские поэты и романисты» в «Современнике» (1860, № 12) М. Л. Михайлов отмечал, что «Стихи о рабстве» Г. У. Лонгфелло «проникнуты горячим чувством негодования и полны горьких укоризн... стране, которая до сих пор не может смыть с себя черного пятна невольничества».

Русский революционный демократ сам перевел эти стихи и уже в январе 1861 г. предпринял попытку их опубликовать. Первоначально цензура запретила публикацию, и «Стихи о рабстве» (как «Стихи о неграх») появились уже в мартовском номере «Современника», в котором публиковался манифест 19 февраля 1861 г. (ст. ст.). В этом же номере журнала публиковалась и статья В. А. Обручева «Невольничество в Северной Америке». Вполне понятно, что эти материалы воспринимались русскими читателями как своеобразный отклик революционеров-демократов на царскую реформу [98].

Обратим также внимание на одно более раннее хронологическое совпадение. В 1852 г., когда в Соединенных Штатах вышла отдельным изданием «Хижина дяди Тома», в России появились «Записки охотника» И. С. Тургенева, до этого печатавшиеся на страницах журнала «Современник» (1847—1851). Книга И. С. Тургенева была сразу же с восторгом встречена не только в России, но и на Западе — в Германии, Франции и Англии [99]. А как к ней отнеслись в Америке? А. И. Герцен упоминал в письме М. К. Рейхель от 29 сентября 1853 г., что «в Америке в Revue немецком переведены Тургенева рассказы охотника» и что его самого там «тоже с симпатией читают», но проверить это свидетельство пока не удалось. Более того, утверждалось, что до 1867 г. имя И. С. Тургенева в американской периодике встречалось лишь однажды — «в статье Е. (правильно Т.) Робинсон „Рабство в России“, напечатанной в апрельской книжке журнала „The North American Review“ за 1856 г.» [100]

Между тем осенью 1854 г. по крайней мере в двух американских журналах появились отрывки из «Хоря и Калиныча», «Двух помещиков», «Бурмистра» и некоторых других рассказов И. С. Тургенева вместе с обстоятельной вступительной статьей «Фотографии русской жизни», заимствованной из «Фразерс мэгазин» (Лондон) [101]. Таким образом, почти

---

[98] Из архива Н. Г. Чернышевского (Об одном переводе М. Л. Михайлова).— Вопр. литературы, 1965, № 3, с. 251—252 (заметка М. Блинчевской); *Мелентьев Ю. С., Коган Л. Н.* О статье В. А. Обручева «Невольничество в Северной Америке».— Учен. зап. Уральск. ун-та, 1955, вып. 13, с. 142—152.

[99] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. М., 1978—, т. 3, с. 420—433; *Алексеев М. П.* Мировое значение «Записок охотника».— В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева: Сб. ст. и материалов. Орел, 1955, с. 36—117; Творчество И. С. Тургенева. М., 1959, с. 69—180.

[100] *Милославская С. К.* И. С. Тургенев в оценке своих американских современников.— В кн.: Литература США. М., 1973, с. 11.

[101] The Eclectic Magazine of Foreign Literature, Science and Art, 1854, Oct., vol. 33, p. 231—242; Graham's American Monthly Magazine of Literature and Art, 1854, Nov., vol. 45, p. 451—461.

одновременно с европейскими читателями американцы получили возможность познакомиться с замечательными рассказами И. С. Тургенева. Во вступительной статье отмечалось, что в русском оригинале «Записки охотника» Тургенева вышли в Москве два года назад, а в 1854 г. были опубликованы в Париже в переводе Эрнста Шаррьера [102]. Любопытно, что рассказы Тургенева оценивались как «Русская „Хижина дяди Тома", но без ее крови и пороха» [103].

В апреле следующего, 1855 г. в том же «Эклектик мэгэзин» появился обстоятельный обзор современной русской литературы, также заимствованный из одного английского журнала. Поводом для обзора явился выход в Англии книги некоего «русского дворянина», которая представляла собой искаженный перевод «Мертвых душ» Н. В. Гоголя [104]. «Какую бы страницу мы ни открывали, всюду находили плохой перевод этого романа».

Далее следовал краткий, но достаточно точный очерк русской литературы, в котором явно чувствовалось влияние А. И. Герцена. В очерке, в частности, напоминалась трагическая судьба декабристов и большинства русских поэтов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова и др. Смерть Пушкина, указывалось в статье, «вызвала общественное негодование, поскольку поэт был литературной гордостью своей страны». Отмечалась известность на Западе благодаря немецким, французским и английским переводам знаменитого романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Этот роман, по мнению журнала, заслуживал тщательного изучения «не только как главное произведение русского гения, но и благодаря обоснованным разоблачениям». Самая высокая оценка давалась и «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, «все симпатии которого, несмотря на дворянское происхождение, были с народом» [105].

Настоящий триумф русской литературы в Америке был, однако, еще впереди, и предвестником этого триумфа стала популярность произведений И. С. Тургенева в 70-е годы [106]. В 1867 г. в Нью-Йорке вышел роман «Отцы и дети» в переводе Ю. Скайлера [107], а в 70-е годы в США было издано еще около 20 произведений Тургенева, в том числе «Дым» (1872), «Дворянское гнездо», «Рудин», «Вешние воды» (1873), «Ася», «Новь» (1877) и др. У. Д. Хоуэллс вспоминал впоследствии, что именно в это время произошло «признание всего величия романов Тургенева». Эти романы возбудили в Хоуэллсе «глубочайшее литературное влечение» к русскому писателю. «Жизнь показалась мне совсем в других цветах после того, как я однажды прочитал Тургенева» [108].

Огромный интерес к творчеству И. С. Тургенева в эти годы проявляли также Т. Перри, Г. Джеймс, Х. Бойесен и другие американские литераторы. В свою очередь, русский писатель неоднократно встречался с

---

[102] Mémoires d'un seigneur russe... / Traduits par Ernest Charrière. Paris, 1854.
[103] «The book is a Russian „Uncle Tom's Cabin", without its blood and gunpower».— The Eclectic Magazine of Foreign Literature, Science and Art, 1854, Oct., vol. 33, p. 232.
[104] Home Life in Russia. By a Russian Noble: Vol. 1, 2. L., 1854.
[105] Modern Russian Literature.— The Eclectic Magazine of Foreign Literature. Science and Art, 1835, Apr., vol. 34, p. 450—461.
[106] Подробнее см.: *Куропятник Г. П.* Россия и США, с. 104—111.
[107] *Turgenef I. S.* Fathers and Sons. A Novel / Transl. from the Russian with the Approval of the Author by E. Schuyler. N. Y., 1867.
[108] Цит. по: *Куропятник Г. П.* Россия и США, с. 108.

Ю. Скайлером, Х. Бойесеном, У. Д. Хоуэллсом, восхищался Н. Готорном, переводил У. Уитмена и т. д. «Я искренне интересуюсь всем, что происходит на Вашей стороне Атлантики,— заметил И. С. Тургенев в беседе с Бойесеном в Париже в декабре 1873 г.,— и всегда стремился своевременно следить за Вашей литературой. Если я упустил что-либо важное, я надеюсь, что Вы дадите мне об этом знать». В той же беседе И. С. Тургенев сообщил, что еще в юности мечтал побывать в Америке и собственными глазами увидеть эту страну [109].

Обращая внимание на взаимосвязь общественно-политических, нравственных и художественных проблем, Л. Н. Толстой дал точную и глубокую характеристику развития русской и американской литературы в рассматриваемый период. «Великая литература рождается тогда, когда пробуждается высокое нравственное чувство,— говорил Л. Н. Толстой в беседе со своим переводчиком и биографом Э. Моодом.— Взять, например, период освободительных движений, борьбу за отмену крепостного права в России и борьбу за освобождение негров в Соединенных Штатах. Посмотрите, какие писатели появились тогда в Америке: Гарриет Бичер-Стоу, Торо, Эмерсон, Лоуэлл, Уитьер, Лонгфелло, Уильям Ллойд Гаррисон, Теодор Паркер и др., а в России — Достоевский, Тургенев, Герцен и другие, чье влияние на образованные круги общества... было очень велико» [110].

Существенное влияние на развитие русско-американских литературных связей оказывали и особенности литературных процессов в обеих странах. «Фактор активного отбора направил интерес русских романтиков 20—30-х годов XIX в. к европейскому и американскому романтизму... В далеком, заморском находили свое, и оттого чужое вдруг становилось таким близким: поэзия Байрона, романы Вальтера Скотта, Купера, повести В. Ирвинга» [111]. С другой стороны, американская литература в первой половине XIX в., обращенная главным образом к западноевропейскому наследию, еще не была в состоянии обогатить себя достижениями и открытиями русской художественной культуры. Лишь позднее, уже в 70-е годы, когда в литературе США происходило становление реалистического направления, американцы обратились к творчеству русских писателей, и прежде всего к романам И. С. Тургенева. В дальнейшем огромную популярность завоевали Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и другие классики XIX в.

---

[109] *Seyersted P. E.* Turgenev's Interest in America...— Scando-Slavica, Copenhagen, 1965, t. 11, p. 25—28; *Чистова И.* Тургенев и Уитмен.— Русская литература, 1966, № 2, с. 196—199; *Милославская С. К.* Указ. соч., с. 3—38.

[110] Литературное наследство. М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 428.

[111] *Николюкин А. Н.* Указ. соч., с. 6—7.

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В США

Начало американской историографии принято связывать с хрониками и мемуарами Джона Смита, Уильяма Брэдфорда и Джона Уинтропа, которые отразили историю основания и первые годы существования Виргинии, Нового Плимута и Массачусетса. Некоторые хроники были опубликованы и стали доступными широкому кругу читателей только в XIX в., но на них опирались и продолжают опираться все серьезные исследователи начального периода американской истории.

Уже давно установлено, что наименее достоверными являются сочинения Дж. Смита. Предприимчивый капитан мог легко выдать желаемое за действительное, а иной раз смешать вымысел с реальным фактом, и, видимо, поэтому за ним утвердилась слава прародителя не только американской историографии, но и художественной литературы. Отмечая, что в «Общую историю Виргинии, Новой Англии и островов Соммерса» (1624) Смит включил красочные эпизоды, которые отсутствовали в «Правдивом рассказе о событиях, случившихся в Виргинии» (1608), советский историк Л. Ю. Слёзкин писал далее, что это «естественные отличия между воспоминаниями и компилятивным сочинением» и «получастным письмом — полуслужебным отчетом». В целом же «„житие Смита“, написанное им самим,— главный источник не только сведений о нем, но и один из главных источников по истории первых лет английской колонизации Америки» [1].

Более точными и достоверными были «История Плимутской колонии» У. Брэдфорда и «Журнал» Дж. Уинтропа, содержавшие описания событий в Новой Англии вплоть до конца 40-х годов XVII в.[2]

Занимая пост губернатора Нового Плимута, У. Брэдфорд был хорошо осведомлен о всех основных событиях в колонии с момента ее основания в 1620 г. Это же относится и к Дж. Уинтропу, который на протяжении

---

[1] *Слёзкин Л. Ю.* У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606—1642. М., 1978, с. 36, 37. Л. Ю. Слёзкин пользовался кн.: Travels and Works of Captain John Smith: Vol. 1, 2 / Ed. by E. Arber. Edinburgh, 1910. О новом издании сочинений Дж. Смита см.: William and Mary Quarterly, 1972, Jul., vol. 29, N 3, p. 479—484.

[2] Первое издание книги У. Брэдфорда (*Bradford W.* The History of Plymouth Plantation. Boston, 1856) давно стало библиографической редкостью. Наиболее близким к оригиналу следует признать издание штата Массачусетс (The Commonwealth of Massachusetts Edition. Boston, 1897). Как и сама рукопись, эта публикация трудна для восприятия и теперь почти не используется. В XX в. книга вновь издавалась У. Т. Дэвисом (N. Y., 1908), В. Фордом (Boston, 1912) и, наконец, С. Э. Морисоном (Of Plymouth Plantation, 1620—1647 / Ed. by S. E. Morison. N. Y., 1952). Последнее издание считается наиболее авторитетным и легко читаемым, так как текст передается в соответствии с современным английским правописанием. См.: Harvard Guide to American History: Vol. 1, 2 / Ed. by F. Freidel. Cambridge, 1974, vol. 1, p. 32—33. С конца XVIII в. многократно переиздавался и «Журнал» Дж. Уинтропа. В Советском Союзе имеется издание 1908 г. См.: Winthrop's Journal. History of New England, 1630—1649: Vol. 1, 2 / Ed. by J. K. Hosmer. N. Y., 1908.

многих лет занимал пост губернатора колонии Массачусетского залива. Чуть ли не день за днем они воспроизводили историю первых английских поселений, рассказывали о суровых испытаниях, борьбе с голодом и болезнями, описывали внутреннюю жизнь колоний, отношения с индейцами и т. д. Повествуя об огромных трудностях первых поселенцев зимой 1620/21 г., У. Брэдфорд писал: «Умирали иногда по два-три человека в день; из ста с лишним человек остались едва пятьдесят, из которых в самые тяжелые моменты здоровыми оказывались не более шести или семи...»

Характерным для первых хроник была вера в божественное предопределение событий. Самое основание колоний являлось, по их убеждению, частью божественного замысла. Тем же, кто уклонялся от исполнения заветов господних, Брэдфорд и другие руководители колоний грозили карой небесной.

Религиозная окраска колониальных хроник XVII в. вполне очевидна и сразу бросается в глаза. Гораздо сложнее определить политические и особенно классовые позиции их авторов. При внимательном чтении, однако, классовые позиции руководителей пуританских колоний выявляются достаточно определенно. Мечтая о «Новом Иерусалиме» — «городе на холме», основатели английских колоний в Северной Америке были одновременно убеждены (и это очень важно!) в естественном неравенстве людей и в необходимости подчинения бедных богатым и знатным. Показательно, что уже в момент основания колонии Массачусетского залива Джон Уинтроп вполне определенно сформулировал философию власть имущих: «...во все времена одни должны быть богатыми, другие — бедными, одни занимать высокое и знатное положение, благодаря власти и достоинству, другие же оставаться слабыми и в подчинении».

Религиозная нетерпимость, достигшая апогея во время сейлемского процесса «ведьм» 1692 г., получила отражение в сочинениях Инкриза Мезера и его сына Коттона. Во введении к «Духовной истории Новой Англии» К. Мезер подчеркивал определяющую роль христианской религии и божественного замысла при основании колоний в Северной Америке и свою главную задачу усматривал в том, чтобы рассказать, каким образом мудрость и вера господня проникли в «индейскую пустыню».

Сочинения К. Мезера не возбудили в его соотечественниках особого энтузиазма. На смену старому, XVII в. и господству теологии уже шел новый, XVIII век — век Просвещения, Разума и Революции. За перо теперь брались не только священнослужители, но и выходцы из других слоев американского общества — виргинские плантаторы, массачусетские буржуа, политические деятели и адвокаты. Значительную ценность в качестве источника сохраняет, в частности, дневник, который в 1673—1729 гг. вел практичный массачусетский купец и судья С. Сьюолл. Показателями новых веяний были также «История Виргинии» Роберта Беверли, сочинения Уильяма Бирда, «Хронологическая история Новой Англии» Томаса Принса и «Общий исторический и политический взгляд на британские колонии в Америке» Уильяма Дугласа, в котором была сделана попытка дать очерк развития всех английских колоний[3].

[3] Подробнее см.: *Уткин А. И.* Американская историография колониального периода.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1971, с. 28—32; *Kraus M.* The Writing of American History. Norman, 1953, p. 38—56.

Наконец, огромное влияние на колонистов оказали сочинения выдающихся американских просветителей и революционеров XVIII в. Б. Франклина, Т. Джефферсона, Т. Пейна, Дж. и С. Адамсов, Б. Раша и других, о которых уже много писалось в предшествующих разделах настоящего тома. «Американские просветители порвали с теологическими концепциями авторов мемуаров и хроник, они видели движущие силы развития в росте просвещения, прогресса, знаний». Вместе с тем они, как правило, придерживались идеалистических взглядов на историческое развитие и «лишь в отдельных случаях обнаруживали понимание значения фактов экономической жизни» [4].

Бурные события Американской революции XVIII в.— провозглашение независимости, вооруженная борьба против метрополии, принятие федеральной конституции 1787 г.— способствовали пробуждению национального духа и формированию национальной историографии.

Если раньше основное внимание уделялось развитию отдельных колоний, то теперь историографы обратились к событиям недавней войны за независимость, биографиям лидеров освободительного движения и, наконец, к истории образования молодой республики. Среди первых работ такого рода можно отметить «Историю Американской революции» Д. Рамсея, 3-томный труд о революции М. О. Уоррен, «Жизнь Джорджа Вашингтона» Дж. Маршалла в 5-ти томах [5] и т. д. Далеко не всегда эти сочинения отличались оригинальностью. Было установлено, например, что источником для написания труда Д. Рамсея служил британский «Энюал реджистер» [6].

Вместе с тем в ряде случаев работы, написанные по свежим следам событий, содержали и оригинальные документальные материалы. Примером подобной работы может служить книга Дж. Мино о восстании Д. Шейса, в которой были напечатаны прокламации участников фермерского движения, документы, заимствованные из местной печати, и т. д. Сам Дж. Мино отнюдь не сочувствовал восставшим фермерам, а больше заботился о сохранении репутации молодой республики в Европе. Поэтому он не слишком распространялся о размахе и значении «несчастного восстания» и делал акцент на умеренность и мудрость правительства и народа [7]. Его интерпретация восстания Шейса оказалась созвучной «консенсусной» историографии, и вплоть до последнего времени эта работа широко использовалась в литературе в качестве важного источника.

Хотя большинство историков Американской революции были умеренными федералистами (исключая М. О. Уоррен), само обращение к событиям войны за независимость знаменовало радикальное изменение представлений об эволюции и характере исторического процесса и роли в нем человека. Если ранее центральное место при объяснении исторических

---

[4] Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова и др. М., 1960, т. 1, с. 562; Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, с. 75 (гл. И. П. Дементьева).

[5] *Ramsay D.* The History of the American Revolution: Vol. 1, 2. Philadelphia, 1789; *Warren M. O.* History of the Rise, Progress and Termination of the American Revolution: Vol. 1—3. Boston, 1805; *Marshall J.* Life of George Washington: Vol. 1—5. Philadelphia, 1805—1807.

[6] *Kraus M.* Op. cit., p. 72—73.

[7] *Minot G. R.* The History of the Insurrections in Massachusetts in the Year MDCCLXXXVI, and the Rebellion Consequent Thereon. Worcester (Mass.), 1788, p. III—IV.

событий занимал бог, то теперь внимание историков стало все более перемещаться к человеку и его действиям. Первые описания Американской революции были «патриотическими историями», «написанными людьми, которые активно поддерживали сопротивление и революцию» [8]. Именно в это время начинает складываться и документальная основа национальной историографии Соединенных Штатов.

Большая роль в собирании, сохранении и распространении документальных источников принадлежала местным историческим обществам. Старейшим и самым авторитетным из них является Массачусетское историческое общество, основанное в 1791 г. Дж. Белкнапом. Вскоре появились Коннектикутская академия искусств и наук в Нью-Хейвене (1799), Нью-Йоркское историческое общество (1804), Американское антикварное общество в Вустере (1812) и т. д. Всего до 1860 г. в Соединенных Штатах было основано не менее 111 исторических обществ, из которых около 90 издавали свои записки [9]. Так, Массачусетское историческое общество издает свое «Коллекшнз» с 1792 г., а с 1859 г. публикует еще и «Просидингз», в которых помещено множество уникальных документальных материалов по истории Новой Англии, включая хронику У. Брэдфорда, дневник С. Сьюолла и др.

Богатой коллекцией рукописей и книг (к началу 70-х годов XX в.— более 8 млн.) располагает библиотека Гарвардского колледжа, основанная в 1636 г. Крупнейшим собранием печатных изданий владеет Библиотека конгресса, которая создана в 1800 г. В свое время в ее распоряжение перешли книги и рукописи, собранные Т. Джефферсоном. Позднее, в 1867 г., библиотека приобрела коллекцию П. Форса, насчитывавшую около 50 тыс. исторических сочинений. С 1870 г. Библиотека конгресса стала получать все книги, выходившие в Соединенных Штатах, и во второй половине 70-х годов XX в. ее фонды насчитывали 38 млн. единиц хранения. Ценное собрание материалов по истории науки хранится в Американском философском обществе в Филадельфии. Богатейшие коллекции документальных материалов по ранней американской истории находятся в Массачусетском и Нью-Йоркском исторических обществах, историческом обществе Пенсильвании и т. д.[10]

Широкий размах в первой половине XIX в. приняла публикация источников, в первую очередь официальных документов федерального правительства. Важнейшей такой публикацией стали знаменитые протоколы конгресса, которые издавались как «Анналз оф конгресс» (1789—1824), «Реджистер оф дебейтс» (1825—1837), «Конгрешнл глоуб» (1833—1873) и, наконец, с 1873 г. как «Конгрешнл рекорд» [11]. Вместе с прило-

---

[8] *Cohen L. H.* The Revolutionary Histories: Contemporary Narratives of the American Revolution. Ithaca. 1980, p. 15.

[9] *Van Tassel D. D.* Recording America's Past. Chicago, 1960, p. 59—62, 181—190; *Callcott G. H.* History in the United States, 1800—1860. Baltimore, 1970, p. 35—45.

[10] Помимо специальных путеводителей по отдельным архивам и библиотекам США, можно рекомендовать изданные Библиотекой конгресса 14 томов National Union Catalog of Manuscript Collections; A Guide to Archives and Manuscripts in the United States / Ed. by Ph. M. Hamer. New Haven. 1961; Directory of Archives and Manuscripts Repositories. Wash., 1978. Библиографическая информация о книгах, имеющихся в библиотеках США, может быть почерпнута в кн.: National Union Catalog, Pre — 1957 Imprints; National Union Catalog, 1958—.

[11] Debates and Proceedings in the Congress of the United States, 1789—1824: Vol. 1—42. Wash., 1834—1856 [Annals of Congress]; Register of Debates in Congress, 1825—1837;

женными к ним официальными документами протоколы конгресса дают обширный и ценный материал как по внутренней, так и по внешней политике США. Следует иметь в виду, однако, что материал «Анналз оф конгресс» первоначально заимствовался из газетных отчетов и, кроме того, подвергался сокращению и переработке. До 1874 г. протоколы печатались частными издательствами, и только «Конгрешнл рекорд» стал официальным правительственным изданием. Было осуществлено также издание законодательных актов федерального правительства [12].

Самой всеобъемлющей американской публикацией до настоящего времени остаются «Америкэн Стейт пейперс», которые охватывают все аспекты деятельности правительства Соединенных Штатов с 1789 г. по 1830-е годы [13]. Это издание распадается на 10 серий: иностранные отношения, финансы, общественные земли, торговля и навигация, индейские дела, и т. д. К сожалению, в дальнейшем издание не было продолжено и публиковались материалы, касавшиеся только отдельных сторон деятельности правительства, например внешних сношений. Последняя серия была начата в 1861 г. и продолжается, исключая 1869 г., вплоть до настоящего времени [14].

Предпринимались также попытки собрать и опубликовать материалы по истории войны США за независимость и образованию США. Так, Дж. Спаркс опубликовал дипломатическую переписку в период Американской революции [15]. П. Форс задумал грандиозный проект публикации «Американских архивов» — проект, который должен был стать национальным по размаху и целям. К сожалению, с 1837 по 1853 г. Форсу удалось издать только девять томов, охватывавших период с марта 1774 г. по декабрь 1776 г. [16]. Кроме того, им были изданы 4 тома редких брошюр и других материалов, относившихся к истории североамериканских колоний [17].

Публикуя рукописные материалы, П. Форс, Дж. Спаркс и некоторые другие издатели XIX в. допускали много вольностей. Как правило, они не оговаривали купюры, а иной раз позволяли себе даже «улучшить» авторский текст, как это произошло, например, с письмом Дж. Вашингтона от 28 марта 1779 г. Из-за обилия таких искажений Ф. Уортон позднее вновь опубликовал дипломатическую корреспонденцию в период войны за независимость в гораздо более полном и совершенном виде [18].

Vol. 1—29. Wash., 1825—1837; Congressional Globe, Containing the Debates and Proceedings, 1833—1873: Vol. 1—109. Wash., 1834—1873; Congressional Record, Containing the Proceedings and Debates, 1873—. Wash., 1873—.

[12] Statutes at Large of the United States of America, 1789—1873: Vol. 1—17. Boston, 1850—1873.

[13] American State Papers: Documents, Legislative and Executive of the Congress of the United States: Vol. 1—38. Wash., 1832—1861.

[14] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1861—.

[15] The Diplomatic Correspondence of the American Revolution: Vol. 1—12 / Ed. by J. Sparks. Boston; New York, 1829—1830; The Diplomatic Correspondence of the United States of America (1783—1789): Vol. 1—7. Wash., 1833—1834.

[16] American Archives... / Ed. by P. Force (4 ser.: Vol. 1—6; 5 ser.; Vol. 1—3). Wash., 1837—1853.

[17] Tracts and Other Papers, Relating Principally to the Origin... of the Colonies in North America...: Vol. 1—4 / Ed. by P. Force. Wash., 1836—1846 (repr.: N. Y., 1947).

[18] Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States: Vol. 1—6 / Ed. by F. Wharton. Wash., 1889; Harvard Guide, vol. 1, p. 28, 34—35; *Bemis S. F., Griffin G. G.* Guide to the Diplomatic History of the United States, 1775—1921. Wash., 1935 (repr.: 1963), p. 812.

При всех недостатках публикаций первой половины XIX в. они создали документальную основу для будущих исследователей и способствовали распространению в стране исторических знаний. Этой же цели служили и первые курсы истории Соединенных Штатов, принадлежавшие перу А. Холмса, Д. Рамсея, Т. Питкина, Дж. Бэнкрофта, Р. Хилдрета и др.

Особое место среди этих авторов принадлежит Дж. Бэнкрофту — крупнейшему американскому историку XIX в. В 1834 г. вышел 1-й том его фундаментальной истории Соединенных Штатов, который сразу же принес автору общенациональную известность. Только за первые 10 лет этот том выдержал 10 изданий и продолжает издаваться вплоть до наших дней. Молодая американская нация нуждалась в большом национальном историке, и таким историком стал Дж. Бэнкрофт. Его история стала общепризнанным, наиболее авторитетным и популярным трудом по колониальному периоду, войне за независимость и образованию Соединенных Штатов [19]. Показательно, что уже начало колониальной истории Бэнкрофт рассматривал в плане зарождения тенденции к независимости, а восстание Н. Бэкона для него — «ранний предвестник» будущей независимости Америки. «Зрелость нации,— писал Бэнкрофт,— является не чем иным, как продолжением ее юности. Дух колоний требовал свободы с самого начала» [20].

По замечанию авторитетного историографа М. Крауса, Бэнкрофт стал «типичным выразителем своего времени», когда в Европе и Америке были опубликованы многотомные труды по национальной истории [21].

Весьма существенная особенность формирования американской нации заключалась в том, что в Соединенных Штатах на протяжении длительного времени сохранялось рабство. Дж. Бэнкрофт и многие другие американские историки старались не замечать этого неприятного явления. Они писали о свободе и независимости, но не распространялись о существовании в стране «особого института».

По мере того как вопрос о рабстве приобретал все большую остроту, романтический ореол вокруг американской истории начал рассеиваться. В отличие от Бэнкрофта Р. Хилдрет, автор антирабовладельческой книги «Белый раб», не был склонен к идеализации первых поселенцев, а Коттона Мезера в связи с его ролью во время сейлемского процесса 1692 г. резко осуждал. Что касается рабства, то Хилдрет подчеркивал, что существование «особого института» предотвратило практическое осуществление принципов Американской революции. Неудивительно, что появление «Истории Соединенных Штатов» Р. Хилдрета вызвало негодование на плантаторском Юге, и лишь много лет спустя его работа получила признание специалистов [22].

С конца 50-х годов активную деятельность по собиранию сначала печатных, а затем и рукописных материалов, относящихся к истории Западного побережья Северной Америки, развернул Г. Бэнкрофт, который

---

[19] *Bancroft G.* History of the United States from the Discovery of the American Continent: Vol. 1—10. Boston, 1834—1874. Позднее автор переиздал свою историю в 6-ти томах и довел изложение до 1789 г. См.: *Bancroft G.* History of the United States of America...: Vol. 1—6. N. Y., 1883—1885.

[20] *Bancroft G.* History... Boston, 1834, vol. 1, p. VI.

[21] *Kraus M.* Op. cit., p. 126.

[22] *Hildreth R.* The History of the United States: Vol. 1—6. N. Y., 1849—1856; *Van Tassel D. D.* Op. cit., p. 140.

привлек к этой работе большую группу специальных помощников. В 1874—1876 гг. был опубликован 5-томный труд о местном населении Западного побережья Северной Америки, а позднее появилась 34-томная история тихоокеанских штатов [23].

Критики осудили предпринимательскую деятельность Бэнкрофта в области истории, но в интересах справедливости следует сказать, что его фундаментальные книги по истории Аляски, Калифорнии и т. п. сохраняют ценность до настоящего времени. Исследователи широко пользуются и собранными помощниками Бэнкрофта уникальными рукописными и печатными коллекциями, которые хранятся теперь в библиотеке его имени в Беркли.

Вторжение в историческую науку крупного предпринимателя не было случайным. На протяжении большей части XIX в., не говоря уже о более раннем периоде, американские историки обычно не были профессионалами. Политические деятели, богатые купцы, плантаторы, дипломаты, а еще ранее священнослужители занимались историей по преимуществу ради собственного удовольствия. Некоторые, подобно В. Ирвингу, были талантливыми литераторами, чья изящная и увлекательная манера письма импонировала широким кругам читателей. Как правило, они были убеждены в прогрессе и великом будущем Америки, призванной, по их убеждению, символизировать свободу и открыть новую эру для всего человечества [24].

По своему социальному положению представители «ранней» (романтической) школы, так называемые «патриции», или «виги», принадлежали обычно к аристократическим кругам Востока. С явной симпатией они относились к пуританам, которые, по их убеждению, были наделены особыми добродетелями: трудолюбием, моральной чистотой, скромностью и т. п. Показательно, что Джон Г. Палфрей рассматривал историю Новой Англии в основном как результат «энергичной деятельности умных и благородных людей, создавших свободное, сильное, просвещенное и счастливое государство» [25].

Серьезные изменения в организационной структуре и общем развитии американской историографии произошли лишь в последние десятилетия XIX — начале XX в. На смену историкам-любителям, богатым «патрициям» и литераторам приходят историки-профессионалы. Властителями дум нового, XX века становятся представители так называемого «прогрессистского», или «экономического», направления — Ф. Дж. Тернер, Ч. Бирд, К. Беккер и В. Л. Паррингтон. Однако это будет предметом специального рассмотрения в соответствующих главах II и III томов настоящего издания.

---

[23] *Bancroft H. H.* Native Races of the Pacific States of North America: Vol. 1—5. N. Y., 1874—1976; *Idem.* History of the Pacific States of North America: Vol. 1—34. San Francisco, 1882—1890. См. также: The Works of Hubert Howe Bancroft: Vol. 1—39. San Francisco, 1883—1890.

[24] *Higham J.* e. a. History. Englewood Cliffs, 1965, p. 3—5; Interpretations of American History: Patterns and Perspectives: Vol. 1, 2 / Ed. by G. N. Grob, G. A. Billias. N. Y., 1972, vol. 1, p. 3—6, etc.

[25] *Palfray J. G.* History of New England: Vol. 1—5. Boston, 1858—1890, vol. 4, p. X.

2. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ США И ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Характерной чертой послевоенной американской историографии стало укрепление и расширение консервативных тенденций. На это были свои причины: в условиях «холодной войны» и расцвета маккартизма любая критика американской истории стала казаться опасной, а Ч. Бирд превратился в подозрительного либерала и даже крамольного радикала. «Мы нуждаемся в истории США, написанной со здравой, консервативной точки зрения»,— заявил в президентском послании Американской исторической ассоциации в 1950 г. профессор С. Э. Морисон [26].

В основе новой консервативной интерпретации истории США лежали теория «консенсуса» (согласия), всемерное подчеркивание единства и стабильности американского общества, преуменьшение и даже отрицание роли классовых и социальных различий [27].

В общей форме идеи «консенсуса» были кратко сформулированы Р. Хофстедтером в январе 1948 г. в предисловии к книге «Американская политическая традиция и люди, которые ее сделали». По мнению Хофстедтера, политические традиции США свидетельствовали о существовании в стране общего идеологического климата, а в прежних исторических исследованиях на первый план выдвигался политический конфликт. «Острота политической борьбы часто вводила в заблуждение, если учесть. что различие во взглядах основных противников из ведущих партий неизменно ограничивалось горизонтами собственности и предпринимательства. Как ни велики были разногласия по конкретным (specific) вопросам, главные политические традиции основывались на вере в право собственности, философии экономического индивидуализма, ценности конкуренции». За «временными и местными конфликтами», по словам Хофстедтера, скрывались «общая основа, единство культурной и политической традиции, на которой зиждется американская цивилизация», цивилизация прежде всего «индивидуалистическая и капиталистическая» [28].

Теория «консенсуса» оказала мощное воздействие на всю послевоенную историографию, но и в период ее расцвета (50-е годы) в американской исторической науке продолжали сохраняться самые различные концепции, школы и направления. Даже главные создатели концепции «согласия» (Бурстин, Харц и Хофстедтер) никогда не были настоящими единомышленниками, а со временем расхождения в их взглядах стали вполне очевидными.

Политический и идеологический климат бурных 60-х годов (резкое обострение в стране социальных противоречий, подъем рабочего и негритянского движений, широкий размах антивоенных демонстраций, выступления молодежи и т. д.) способствовал размыванию консервативного «согласия», которое еще сравнительно недавно занимало в американской историографии столь прочные позиции. Когда же в начале 70-х годов стал таять лед «холодной войны», сторонники этой теории лишились

---

[26] *Morison S. E.* Faith of a Historian.— American Historical Review. 1951, Jan., vol. 56, N 2, p. 273.

[27] *Higham J.* Writing American History. Bloomington, 1970, p. 143—144; Interpretations of American History: Patterns and Perspectives, vol. 1, p. 17, etc.

[28] *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948, Preface, p. XXXVI—XXXVII, XXXIX (repr.: 1973).

важных аргументов и в сфере внешней политики. Показательна в этой связи эволюция взглядов Р. Хофстедтера, который в 1968 г. прямо и недвусмысленно признал, что теория «согласия» больше не кажется ему столь же удовлетворительной, как 10 или 15 лет назад. «Если мы сделаем вывод, что Американская революция не носила действительно революционного характера, из-за традиционности ее *идей*,— подчеркивал Хофстедтер,— мы можем упустить главное» [29]. Уже названием заключительной главы «Конфликт и согласие в американской истории» автор книги «Прогрессистские историки» обращал внимание на недостаточность теории «консенсуса» и признавал важную роль в истории США конфликтов и противоречий.

В целом развитие американской историографии во второй половине XX в. представляло собой сложную и противоречивую картину. В 60-70-е годы в американской историографии завоевали широкое признание такие новые направления и отрасли исторической науки, как количественная история (клиометрия), «новая социальная» и «новая политическая история», большое распространение получили различные междисциплинарные методы. В поле зрения интенсивных исследований оказалась история афро-американцев, женщин, индейцев [30]. Среди либеральных и особенно радикальных историков все большее распространение получил нетрадиционный подход к рассмотрению исторических явлений, исследование событий «снизу вверх», глазами так называемых «молчаливых» или, точнее, тех, кого не слышали и не хотели слышать элитистские историки [31].

Примером подобного подхода могут служить труды Г. Зинна, работы А. Янга, Дж. Лемиша об Американской революции XVIII в., книги Э. Пессена об углублении социальных противоречий в США в первой половине XIX в. и др.

Со второй половины 70-х и особенно в начале 80-х годов в историографии Соединенных Штатов вновь усиливаются охранительные, консервативные и апологетические тенденции. Этому способствовала широкая пропагандистская кампания в связи с 200-летием Американской революции, а также общее изменение политического климата в стране.

Еще не так давно «консенсусные» историки главным образом подчеркивали своеобразный и уникальный характер Американской революции, отмечали, что война за независимость едва ли вообще была революцией или во всяком случае революцией консервативной. В новых условиях, связанных с празднованием 200-летия провозглашения независимости, в США появилось множество трудов, в которых прослеживается стремление придать Американской революции непреходящее всемирно-историческое значение, сделать ее «образцом» и «эталоном» для всех других

---

[29] *Hofstadter R.* The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y., 1968, p. 459.

[30] The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States / Ed. by M. Kammen. Ithaca, 1980, p. 205—326, 433—456 etc.; The Reinterpretation of American History and Culture / Ed. by W. Cartwright, R. Watson, Jr. Wash., 1973, p. 37—80, 151—164 etc.

[31] Подробнее об основных тенденциях развития американской историографии во второй половине XX в. см.: *Болховитинов Н. Н.* Современная американская историография: новые течения и проблемы.— Новая и новейшая история, 1969, № 6, с. 116—129; *Дементьев И. П.* Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени.— Вопр. истории, 1976, № 11, с. 67—90.

народов, в том числе и для народов колониальных и развивающихся стран. Так, подчеркивая мировое значение Американской революции XVIII в., Д. Хиггинботам отмечал, что это была «народная война за политическую независимость, первая успешная война, разорвавшая имперские связи в новое время. Так или иначе, она помогла до основания встряхнуть человеческое общество сначала в Европе, затем в Латинской Америке и, наконец, в Африке и Азии, где ее влияние продолжает сказываться и сегодня» [32].

Мы далеки от того, чтобы отрицать освободительный и революционный характер войны за независимость и ее большое международное значение для своего времени. Но если в XVIII в. эта война действительно прозвучала «набатным колоколом» для европейской буржуазии, то современные Соединенные Штаты, раздираемые внутренними противоречиями и расовыми конфликтами, уже давно перестали служить образцом для революционных народов и превратились в оплот консерватизма. Это обстоятельство не могут не признать и сами американские историки. В юбилейной статье, опубликованной на страницах «Сатердей ревью», Генри С. Коммаджер пришел к печальному выводу: «Мы больше не являемся революционным народом. Мы больше не проявляем творческую активность в политике и управлении: все важнейшие политические институты, которыми мы сейчас обладаем, были изобретены до 1800 г., и ни один не был изобретен с тех пор. Мы больше не открываем двери для бедных и угнетенных во всем мире... и когда мы желаем распространять наш образ жизни, мы распространяем его силой, а не моральным примером [33].

Одним из главных, если не самым главным направлением деятельности американских историков и архивистов на протяжении многих лет оставалась публикация бумаг «великих белых мужей». Еще в XIX — первой половине XX в. были изданы и переизданы бумаги всех крупнейших государственных деятелей, начиная от Б. Франклина и Дж. Вашингтона и кончая А. Линкольном и Ф. Рузвельтом. В последние десятилетия активность в этом направлении не только не уменьшилась, но приняла поистине грандиозные масштабы.

Три десятилетия трудился над публикацией бумаг Т. Джефферсона проф. Дж. Бойд. Последний из опубликованных им томов охватывает события немногим более чем за два месяца (с 24 января по 31 марта 1791 г.) [34], и остается только гадать, сколько понадобится лет и труда его наследникам, чтобы довести этот грандиозный проект до конца.

Уже опубликовано более двух десятков томов бумаг семьи Адамсов, которые издаются в четырех сериях [35]. В апреле 1982 г. скончался главный редактор и этого издания Л. Х. Баттерфилд. Его преемник проф. Дж. Тейлор приступил к работе еще в 1975 г., но до завершения издания еще очень далеко, так как должно быть опубликовано не менее 100 томов.

---

[32] *Higginbotham D.* The War of American Independence: Military Attitudes, Policies and Practice, 1763—1789. N. Y., 1971, p. 1. См. также: The Spirit of «Seventy-Six» / Ed. by H. S. Commager, R. B. Morris. N. Y., 1975, p. XXXIX—XL.

[33] Saturday Review, 1975, Dec., p. 110.

[34] The Papers of Thomas Jefferson: Vol. 1—19 / Ed. by J. P. Boyd. Princeton, 1950—1974.

[35] Diaries; Adams Family Correspondence; General Correspondence and Other Papers of the Adams Statesmen; Portraits.

Первый и единственный проект, который уже удалось завершить,— публикация бумаг А. Гамильтона, осуществленная Г. Сайреттом в 1961—1979 гг.[36] Продолжают издаваться бумаги Б. Франклина, Дж. Мэдисона, Э. Джексона, Г. Клея, Дж. Кэлхуна, Д. Вебстера и многих других выдающихся государственных и общественных деятелей Соединенных Штатов.

Несмотря на исключительные масштабы всех этих публикаций, следует иметь в виду, что в них включены не все бумаги соответствующих политических деятелей. В то же время одни и те же документы можно встретить в разных изданиях. Многие письма Дж. Адамса напечатаны в сочинениях Т. Джефферсона и наоборот. Это приводит к неразумному дублированию материала и вполне могло бы быть заменено отсылками к соответствующим публикациям. Далеко не бесспорными оказались и принципы воспроизведения исторических документов, о чем недавно вновь началась дискуссия в печати[37].

Гигантский размах приобрела также публикация многочисленных биографических трудов об «отцах-основателях» и других крупных политических деятелях Соединенных Штатов. Многие тысячи книг посвящены Дж. Вашингтону и А. Линкольну. Широко известны фундаментальная работа Д. С. Фримена о Вашингтоне в 7-ми томах, биография Вашингтона в 4-х томах, принадлежащая перу Дж. Т. Флекснера, 6-томный труд К. Сэндберга о А. Линкольне, жизнеописание Дж. Мэдисона И. Бранта и т. д.

Федеральное правительство, фонды Форда, Рокфеллера и Гугенхейма, университеты, исторические общества и издательства в свое время всемерно содействовали публикации бумаг Франклина или Джефферсона, но не Т. Пейна или Ф. Дугласа. Президент Дж. Кеннеди не пожалел времени, чтобы лично присутствовать на торжествах в Бостоне по случаю выхода в свет первых томов бумаг Джона Адамса. Он не только выступил с речью на этом торжестве, но и написал для журнала «Америкэн хисторикал ревью» специальный обстоятельный обзор дневников и автобиографии Дж. Адамса.

Разумеется, ничего подобного в отношении бумаг Ф. Дугласа или У. Дюбуа произойти не могло. Ф. Фонер и Г. Аптекер, потратившие немало сил для их опубликования, так и не удостоились никакого президентского внимания. С полным основанием поэтому Дж. Лемиш в 1971 г. призвал своих коллег приступить к систематической публикации бумаг тех людей, которые не были «ни великими, ни белыми и ни мужами». В числе первоочередных задач он выдвинул издание источников о народных протестах в колониальной Америке, документальных материалов об американцах, находившихся в британских тюрьмах, отчетов очевидцев Американской революции и т. п. Дж. Лемиш отметил также расистские тенденции «элитистской» историографии, которая не занимается историей черных, индейцев и женщин[38].

---

[36] The Papers of Alexander Hamilton: Vol. 1—26 / Ed. by H. C. Syrett e. a. N. Y.; L., 1961—1979.

[37] *Wood G. S.* Historians and Documentary Editing.— Journal of American History, 1981, Mar., vol. 67, N 4, p. 871—877.

[38] *Lemisch J.* The American Revolution Bicentennial and the Papers of Great White Men.— AHA Newsletter, 1971, Nov., vol. 9, N 5, p. 7—21.

Важность и своевременность критического выступления Дж. Лемиша были признаны многими американскими учеными, в связи с чем на его имя за короткое время поступило более 50 одобрительных писем [39].

В декабре 1974 г. президент Дж. Форд подписал законопроект, по которому Национальная историческая комиссия по публикациям была преобразована в Национальную историческую комиссию по архивам и публикациям (National Historical Publications and Records Commission), а ее ежегодный бюджет увеличен с 2 млн. до 4 млн. долл. Обсуждению «новых направлений» в издательской деятельности комиссии было посвящено специальное заседание 89-го ежегодного съезда Американской исторической ассоциации в Чикаго 28—30 декабря 1974 г.

Принципиальный методологический подход к публикациям исторических документов остался в основном прежним: к изданию бумаг «великих белых мужей» было решено лишь добавить публикацию материалов отдельных выдающихся американских женщин и негров (в частности, Б. Вашингтона и Ф. Дугласа). Это, конечно, хорошо, но недостаточно. Выступивший на заседании в Чикаго Дж. Лемиш не без оснований отметил, что докладчики ошибаются, если полагают, что его выступление в 1971 г. с критикой общего направления публикаторской деятельности в США привело к существенным изменениям. «Мы все еще нуждаемся в бумагах тех, кто не был ни великим, ни „известным“, ни „значительным“ и ни „выдающимся“». Возросший интерес к социальной истории требует коренного изменения (wrenching change) в политике Национальной комиссии, перехода к сбору материалов «небольших религиозных и экономических организаций и других групп на местном уровне» [40].

Таким образом, несмотря на достигнутые в последние годы успехи, наиболее актуальной задачей историков и архивистов продолжает оставаться тщательное исследование действительной роли «молчаливых» героев Американской революции: бойцов революционной армии и моряков, мелких фермеров и ремесленников, негров и индейцев, не только мужчин, но и женщин — всех участников драматических событий 1763—1787 гг. в Северной Америке.

В президентском обращении к Американской исторической ассоциации 28 декабря 1976 г. проф. Р. Б. Моррис справедливо подчеркнул, что на протяжении почти двух столетий историки и публикаторы документов обращали внимание на лидеров революции, «и теперь наступила очередь народа» [41]. Не случайно, конечно, маститый историк назвал революцию в Америке в XVIII в. «народной революцией» — главными действующими лицами революционных событий того времени были трудящиеся массы.

Еще в 50-е годы видные представители «консенсусного» направления супруги Роберт и Катерина Брауны начали пропагандировать тезис о существовании в колониальной Америке «демократии среднего класса» (middle-class democracy) [42]. Большинство взрослого населения в Масса-

---

[39] Ibid., 1972, May, vol. 10, N 3, p. 25—28.

[40] *Lemisch J.* The Papers of a Few Great Black Men and a Few Great White Women.— The Maryland Historian, 1975, Spring, vol. 6, p. 66—67.

[41] *Morris R. B.* «We, the People of the United States»: The Bicentennial of a People's Revolution.— American Historical Review, 1977, Febr., vol. 82, N 1, p. 3.

[42] *Brown R. E.* Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1780. Ithaca, 1955, p. 401; *Brown R. E., Brown B. K.* Virginia, 1705—1786; Democracy or Aristocracy? East Lansing, 1964. Напомним, что именно Р. Браун выступил

чусетсе были фермерами и, по мнению Р. Брауна, владели достаточным количеством земли, чтобы иметь право голоса. К. Браун подчеркивала, что в пуританском Массачусетсе «существовало не только широкое избирательное право, но и все политические деятели подлежали ежегодному переизбранию, и ни один человек не имел наследственного права на должность»[43].

Концепции современных консерваторов во многом напоминали взгляды Дж. Бэнкрофта, который рассматривал всю историю Америки в первую очередь как историю распространения свободы и утверждал, что американский народ издавна пользовался значительным кругом политических прав: законодательные органы колоний ежегодно переизбирались, население состояло главным образом из свободных фермеров, владевших собственным участком земли, оружием и умевших в случае необходимости постоять за себя. В целом в колониальной Америке, по словам Дж. Бэнкрофта, «имелось гораздо больше личной независимости и гораздо больше народной власти, чем в Англии»[44].

Хотя «прогрессистские» историки, в частности К. Беккер и Ч. Бирд, несколько упростили картину, когда утверждали, что ремесленники и мастеровые в колониальной Америке были лишены права голоса, современные исследования (Дж. Т. Мейн, А. Куликов, Дж. Хенретта и др.) убедительно показали существование и углубление в колониях, включая Массачусетс, имущественного и социального неравенства. «Большинство портовых рабочих, матросов и неквалифицированных или полуквалифицированных наемных рабочих не могли участвовать в выборах», и в XVIII в. «их число увеличивалось по мере роста процента неимущих среди населения колониальных городов. Если добавить к этому лишенных права голоса негров и женщин... то где же тут демократия среднего класса колониальной Америки?» — спрашивал Ф. Фонер[45].

При рассмотрении восстания Д. Шейса «консенсусные» историки стремились доказать, что повстанцы по сути были «мелкими капиталистами», которые находились «скорее внутри, чем вне либерального процесса американской политики», что они «требовали эволюции, а не революции»[46]. Между тем, обратившись к документальным источникам, Д. Сатмари обнаружил многочисленные факты о нападениях фермеров на богатых торговцев, сборщиков налогов, чиновников и юристов, что свиде-

---

в 50-е годы инициатором «крестового похода» против Ч. Бирда, а позднее, в 1970 г., опубликовал специальную книгу против другого видного «прогрессистского» историка, К. Беккера, обвинив последнего чуть ли не в «открытой пропаганде марксистской философии истории». См.: *Brown R. E.* Charles Beard and the Constitution. Princeton, 1956; *Idem.* Carl Becker on History and the American Revolution. East Lansing, 1970, p. 182, 191.

[43] *Brown B. K.* The Controversy over Franchise in Puritan Massachusetts, 1954—1974.— William and Mary Quarterly, 1976, Apr., vol. 33, N 2, p. 241.

[44] *Bancroft G.* History of the United States of America from the Discovery of the Continent, vol. 3, p. 13.

[45] *Фонер Ф. С.* Рабочий класс и Американская революция. М., 1980, с. 53—54. Подробный обзор новых исследований в этой области, включая книгу Ф. Фонера, дал преподаватель Кёльнского университета Г. Велленрейтер. См.: *Wellenreuther H.* Labor in the Era of the American Revolution: A Discussion of Recent Concepts and Theories.— Labor History, 1981, Fall, vol. 22, N 1, p. 573—600.

[46] *Hartz L.* The Liberal Tradition in America, p. 78; *Vaughan A. T.* Shays' Rebellion.— In: Historical Viewpoints: Notable Articles from American Heritage. N. Y., 1975, p. 157.

тельствовало о том, что волнения в Массачусетсе в 1786—1787 гг. были в принципе таким же радикальным аграрным бунтом, как и аналогичные крестьянские восстания в европейских странах [47].

Особенно прочными позиции «консенсусных» историков казались в отношении так называемой «джексоновской демократии». Ведь именно на основе знакомства с условиями жизни в Америке в 30-е годы XIX в. выдвинул свои идеи А. де Токвиль и в результате стал главным создателем так называемого «эгалитарного мифа». Уже в наше время Э. Пессен противопоставил этому мифу «американскую социальную реальность» и доказал, что денежная аристократия не только существовала в Америке второй четверти XIX в., но и быстро усиливала свои позиции, особенно в крупных городах Северо-Востока — в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и Бруклине. В противоположность мнению о социальной подвижности американцев в первой половине XIX в. Пессен пришел к заключению, что 90% богатых людей в городах Северо-Востока также происходили из богатых, влиятельных и преуспевающих семей. Что касается «простого человека», то, несмотря на право голоса, он имел «мало влияния, не говоря уже о власти... в эру, которая была названа в его честь» [48].

Особо следует сказать о клиометристах — историках, которые применяют в своих исследованиях количественные, экономико-математические методы. Революция в изучении экономической истории, начавшаяся после выхода статьи А. Конрада и Дж. Мейера о прибыльности плантационного рабства (1958), вскоре привела к пересмотру важнейших проблем истории США XVIII—XIX вв. Острые дискуссии разгорелись о роли Американской революции XVIII в. и особенно гражданской войны 1861—1865 гг. в экономическом развитии страны, о значении железных дорог в процессе индустриализации Соединенных Штатов, о темпах роста производства и распределении доходов на душу населения и т. д. [49]

Благодаря широкому применению количественных методов были заново изучены старые (например, цензы) и освоены совершенно новые типы массовых источников, созданы специализированные хранилища количественных данных. Оказалось возможным ввести в научный оборот колоссальную по своему объему документацию. Так, только по штату Айова земельная документация составляла 7500 томов, рассредоточенных по 99 округам. Еще более объемны и разнообразны материалы легислатур штатов и федерального конгресса.

---

[47] *Szatmary D. P.* Shays' Rebellion: The Making of an Agrarian Insurrection. Amherst (Mass.), 1980, ch. 6.

[48] *Pessen E.* Riches, Class, and Power before the Civil War. Lexington, 1973, p. 299. Попытка Р. Голмена пересмотреть выводы Пессена вызвала аргументированный ответ автора: См.: *Gallman R. E.* Professor Pessen on the «Egalitarian Myth».— Social Science History, 1978, Winter, vol. 2, N 2, p. 194—207; *Pessen E.* On a Recent Cliometric Attempt to Resurrect the Myth of Antebellum Egalitarianism.— Ibid., 1979, Winter, vol. 3, N 2, p. 208—227.

[49] Основные работы школы «новой экономической истории» вошли в обобщающий труд под редакцией Р. Фогела и С. Энгермана. См.: The Reinterpretation of American Economic History / Ed. by R. W. Fogel, S. L. Engerman. N. Y., 1971. Результаты исследований клиометристов получили уже отражение в новых курсах по общей и особенно экономической истории Соединенных Штатов. См.: *Gunderson G.* A New Economic History of America. N. Y., 1976; *Walton G. M., Shepherd J. F.* The Economic Rise of Early America. Cambridge, 1979; *Lee S. P., Passell P.* A New Economic View of American History. N. Y., 1979.

В результате применения электронно-вычислительной техники удалось разработать эффективные методы, позволившие выявить в массовых источниках взаимосвязи и зависимости, которые ранее не были доступны для анализа и понимания. Б. Пулсон, П. Дэвид, Д. Линдстром и другие внесли значительный вклад, чтобы 1809—1839 годы, считавшиеся «статистически темными годами», оказались включенными в сферу количественного анализа [50].

В настоящее время большинство специалистов согласны с тем, что с начала XIX в. в США происходил значительный рост производства (в среднем от 0,8 до 1,1% в год). В 40-е годы или немного ранее, темп роста стал увеличиваться, достигнув 1,6% в 80-е годы. Если в начале 60-х годов XX в. в литературе прочно господствовала точка зрения Дугласа Норта о том, что главной причиной экономического роста США в 1815—1843 гг. был внешний спрос на хлопок [51], то в 70-е годы XX в. было убедительно показано, что решающим фактором этого роста были изменения в технологии производства. Что касается экспорта хлопка, то даже в лучшие годы он составлял всего 4% валового национального продукта (а весь экспорт — менее 8%) [52].

Следует иметь в виду, что достоинства количественных исследований — строгость доказательства, глубокий анализ структуры и динамики развития изучаемого объекта, стремление довести объяснение до уровня модели — могут иногда превратиться в недостатки и свестись к бесцельной «игре в цифры», как это и произошло, в частности, с известной работой Р. Фогела и С. Энгермана об американском рабстве [53]. Нам уже приходилось отмечать близость позиций клиометристов с «консервативно-консенсусной» школой. Но даже наиболее активные сторонники «консенсуса» не решались писать о «согласии» интересов южных плантаторов и рабов. В середине 70-х годов это сделали Фогел и Энгерман. При ближайшем рассмотрении, однако, сенсационный «консенсус» рабов и плантаторов оказался лишь плодом изощренной эквилибристики цифр и формул [54].

Отсюда очевидно, что количественным анализом следует пользоваться разумно. Он дает прекрасные результаты при правильной постановке задачи и в сочетании с другими методами социально-экономического анализа. Используя экономико-математические методы и вводя в научный оборот новые виды источников (записи актов гражданского состояния, завещания, данные о рождении и смерти, налоговую статистику и сведения о земельных наделах), историк может больше узнать о жизни общества

---

[50] *Poulson B.* Value-added in Manufacturing, Mining, and Agriculture in the American Economy from 1809 to 1839. N. Y., 1975; *Lindstrom D.* American Economic Growth before 1840: New Evidence and New Directions.— Journal of Economic History, 1979, Mar., vol. 39, p. 289—301, p. 303—303 (David P. Comment).

[51] *North D. C.* The Economic Growth of the United States, 1790—1860. N. Y., 1961, p. 68.

[52] Даже в 1793—1807 гг., когда роль внешней торговли была исключительно велика, экспорт достиг только 12% ВНП. См.: *Goldin C., Lewis F.* The Role of Exports in American Economic Growth during the Napoleonic Wars, 1793 to 1807.— Explorations in Economic History, 1980, Jan., vol. 17, p. 6—25.

[53] *Fogel R. W., Engerman S. L.* Time on the Cross. Boston, 1974. Vol. 1. The Economics of American Negro Slavery; Vol. 2. Time on the Cross: Evidence and Methods.

[54] Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Клиометристы и рабство в США.— Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 169—175; Reckoning with Slavery / P. A. David, H G. Gutman, R. Sutch, P. Temin, G. Wright. N. Y., 1976.

в целом — не только его верхнего слоя, но и той главной подводной части «айсберга», которая ранее находилась вне сферы его внимания.

Значительную популярность в последние два десятилетия завоевали работы школы «новой социальной истории», исследование истории отдельных семей, общин и маленьких городков. Вслед за известной книгой Пейджа Смита «Как град на холме: город в американской истории» появились исследования Ф. Гревена, К. Локриджа, Дж. Демоса и др.[55] В отличие от клиометристов «новые социальные историки» при анализе экономического роста главное внимание уделяют не размерам производства на душу населения, а изменениям в образе жизни, организации семьи и в некоторых случаях — в социальном положении[56].

Заслуживают упоминания и представители «новой рабочей истории» (Г. Гутман, А. Доули, Д. Монтгомери и др.), которые внесли существенный вклад в изучение формирования американского пролетариата в XIX в. Как заметил А. Доули, хотя американские рабочие жили лучше, чем европейские, делать вывод, будто в Соединенных Штатах существовал «эгалитарный социальный порядок, значит участвовать в создании мифов, в которых заинтересованы привилегированные слои». «Применительно к послереволюционным десятилетиям,— отмечал Д. Монтгомери,— миф о гармоничных личных отношениях между хозяевами, работниками по найму и подмастерьями в обстановке домашнего патернализма стал уже в достаточной степени анахронизмом»[57].

Ссылаясь на войну за независимость в XVIII в. и гражданскую войну в XIX в., В. И. Ленин писал о революционной традиции американского народа. Наиболее характерной чертой «консенсусных историков» во второй половине XX в. стало отрицание революционных и социалистических традиций в Америке, всемерное подчеркивание единства и стабильности американского общества. Даже гражданская война 1861—1865 гг., по мнению Д. Бурстина, не означала сколько-нибудь значительного перерыва в развитии американских политических традиций. «Как Север, так и Юг считали, что они боролись за свои законные права в соответствии с неприкосновенной федеральной конституцией»[58].

Но именно при анализе социальных движений и революций теория «консенсуса» оказалась особенно бесплодной. Не приходится сомневаться, в частности, что она не создавала благоприятных условий для исследования наиболее сложных и острых проблем войны за независимость и гражданской войны, приводила к ослаблению интереса к фермерскому, негритянскому и рабочему движениям. «С 1950 г. историки поразительно мало писали о причинах гражданской войны»,— с сожалением констати-

---

[55] *Smith P.* As a City Upon a Hill: Town in American History. N. Y., 1966; *Greven Ph. J.* Four Generations: Population. Land, and Family in Colonial Andover, Massachusetts. Ithaca, 1970; *Lockridge K. A.* A New England Town. The First Hundred Years: Dedham, Massachusetts, 1636—1736. N. Y., 1970; *Demos J.* A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. N. Y., 1976.

[56] *Gallman R. E.* Some Notes on the New Social History.— Journal of Economic History, 1977, Mar., vol. 37, N 1, p. 11.

[57] *Dawley A.* Class and Community: The Industrial Revolution in Lynn. Cambridge (Mass.), 1976, p. 3; *Montgomery D.* The Working Classes in Pre-industrial Ameircan City, 1780—1830.— Labor History, 1968, Winter, vol. 9, N 1, p. 6.

[58] *Boorstin D. J.* The Genius of American Politics, p. 122.

ровал Д. Доналд и даже приходил к выводу, что как предмет серьезного исторического анализа эта тема «умерла» [59].

Анализируя историографию Реконструкции, Дж. Х. Франклин справедливо заметил, что в последние годы специалисты гораздо большее внимание уделяли периоду рабства, чем времени свободы. Несмотря на возрастающее число разнообразных фрагментарных исследований и общее увеличение объема информации, новой обобщающей интерпретации гражданской войны и Реконструкции так и не появилось. «История США,— отмечал Э. Фонер,— подвергалась делению на более частные истории столь многократно, что ее идеал — воссоздание опыта прожитого — представляется сейчас гораздо более труднодостижимым, нежели когда бы то ни было» [60].

В целом главные успехи в изучении коренных проблем истории США — Американской революции XVIII в., «джексоновской демократии», гражданской войны и Реконструкции 1861—1877 гг.— были достигнуты не на основе теории «консенсуса», а в борьбе с ней, что получило, в частности, отражение в работах М. Дженсена, Дж. Т. Мейна, Г. Гутмана, Э. Пессена, К. Стэмпа, Э. Фонера, А. Янга и многих других.

Особо следует сказать о школе американских историков-марксистов. Первые работы по истории США, написанные с марксистских позиций, принадлежали перу учеников и соратников К. Маркса и Ф. Энгельса. Опираясь на труды основоположников марксизма и собственный практический опыт, И. Вейдемейер, Ф. Зорге, Г. Шлютер и другие опубликовали ряд работ по истории зарождения и развития американского рабочего движения, а также гражданской войны в США, которые не утратили своего значения вплоть до настоящего времени [61].

Руководители Коммунистической партии США, и в частности У. З. Фостер, неоднократно обращали внимание на необходимость изучения демократических и революционных традиций американского народа и использования их в классовой борьбе. Специально отмечалась и актуальность создания фундаментального марксистского труда по общей истории США [62]. Выполнению этих задач были призваны служить обобщающие книги самого У. З. Фостера «Очерк политической истории Америки», а также уже вышедшие тома «Истории американского народа» Г. Аптекера [63].

---

[59] *Donald D.* American Historians and the Causes of the Civil War.— South Atlantic Quarterly, 1960, Summer, vol. 59, N 3, p. 351—355. Подробный анализ эволюции историографии гражданской войны в США см.: *Дементьев И. П.* Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963.

[60] *Franklin J. H.* Mirror for Americans: A Century of Reconstruction History.— American Historical Review, 1980, Febr., vol. 85, N 1, p. 11; Американский ежегодник, 1981. М., 1981, с. 299.

[61] *Зорге Ф.* Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907; *Sorge F.* A Labor Movement in the United States: A History of the American Working Class from Colonial Times to 1890 / Ed. by Ph. S. Foner. Westport, 1977; *Schlüter H.* Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung in America. Stuttgart, 1907; *Idem.* Lincoln, Labor and Slavery. N. Y., 1913, etc.

[62] Political Affairs, 1959, June; *Фостер У. З.* На заре американской истории.— В кн.: Аптекер Г. Колониальная эра. М., 1961, с. 5.

[63] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953; *Он же.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955; *Аптекер Г.* Колониальная эра; *Он же.* Американская революция, 1763—1783. М., 1962; *Aptheker H.* Early Years of the Republic. N. Y., 1976.

Пристальное внимание исследователи-марксисты уделяли истории войны за независимость и образованию США в XVIII в., гражданской войне и Реконструкции в XIX в.[64] Большая работа была проведена по публикации источников, что позволило документально показать роль народных масс, проследить развитие рабочего и социалистического движения, борьбу черных американцев за свободу, землю и гражданские права[65]. Широкое признание получили труд Ф. Фонера «История рабочего движения в США», а также многочисленные работы Г. Аптекера по истории борьбы афро-американцев за свое освобождение[66]. Все эти работы неоднократно служили предметом специального рассмотрения[67] и широко использовались при подготовке настоящего издания.

3. СОВЕТСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА

Американистика в Советском Союзе — довольно молодая, но быстро развивающаяся отрасль исторического знания. В дореволюционной России история США (в отличие от истории европейских стран, в частности Франции) изучалась сравнительно мало. Тем не менее еще в XIX в. наиболее значительные книги по Соединенным Штатам, включая известный труд французского аристократа Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке», 3-томную работу англичанина Джемса Брайса, книги американцев Джона Дрэпера, Э. Чаннинга и др., были переведены на русский язык и хорошо известны читающей публике.

Время от времени публиковались и оригинальные работы русских авторов, включая обобщающие курсы по истории США П. Г. Межуева, А. В. Бабина и др.[68] Заслуживают внимания книга М. М. Ковалевского по истории американской конституции, а также его статьи об аграрном законодательстве в США, местном самоуправлении и национальном характере североамериканцев[69].

Но, пожалуй, только труд М. Я. Острогорского по истории американской политической системы получил международное признание и даже оказал влияние на развитие историографии в самих Соединенных Шта-

---

[64] *Hardy J.* The First American Revolution. N. Y., 1937; *Morais H.* The Struggle for American Freedom. N. Y., 1944; *Аллен Д. С.* Реконструкция: Битва за демократию в США, 1865—1876. М., 1963; *Фонер Ф. С.* Рабочий класс и Американская революция, и др.

[65] A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974; The Life and Writings of Frederick Douglass: Vol. 1—5 / Ed. by Ph. S. Foner. N. Y., 1950—1975; The Democratic Republican Societies, 1790—1800 / Ed. by Ph. S. Foner. Westport, 1976, etc.

[66] *Фонер Ф. С.* История рабочего движения в США... М., 1949—1969. Т. 1—4; *Aptheker H.* American Negro Slave Revolts. N. Y., 1943; *Idem.* Essays in the History of the American Negro. N. Y., 1945; *Idem.* To Be Free: Studies in American Negro History. N. Y., 1948; *Idem.* Nat Turner's Slave Rebellion. N. Y., 1966, etc.

[67] Подробнее см.: *Уманский П. Б., Бурганова Л. А.* История США нового времени в трудах американских историков-марксистов.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1974, с. 7—27.

[68] *Межуев П. Г.* Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция. СПб., 1901; *Он же.* История великой американской демократии. СПб., 1906; *Бабин А. В.* История Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб., 1912. Т. 1, 2.

[69] *Ковалевский М. М.* История американской конституции. [М., 1890]; *Он же.* Поземельная политика североамериканцев.— Русская мысль, 1883, кн. 4; *Он же.* Местное самоуправление в Америке.— Вестник Европы, 1885, № 2, и др.

тах[70]. К сожалению, на родине ученого эта оригинальная работа оставалась почти неизвестной, и только много лет спустя ее наконец перевели с французского языка на русский[71]. В течение ряда лет книга использовалась в качестве учебного пособия для вузов, но тем не менее серьезного влияния на становление советской американистики не оказала.

Более существенное значение в это время имел перевод работ по социально-экономической истории, рабочему и социалистическому движению (Э. Бимба, Э. Л. Богарт, Г. Майерс, З. Перельман, А. М. Саймонс, М. Хилквит, Г. Фолькнер и др.) Можно отметить, в частности, что склонность А. М. Саймонса к экономическому детерминизму и жесткой социологической схеме оказала известное влияние и на первые работы советских авторов по американской истории.

Говоря о конкретном формировании школы советских американистов, нельзя не выделить имена А. В. Ефимова, Л. И. Зубока, В. И. Лана. Еще в 1934 г. была опубликована монография А. В. Ефимова «К истории капитализма в США». Изучив значительный круг имевшихся в то время в библиотеках СССР документальных материалов и монографической литературы, автор сумел поставить наиболее важные теоретические проблемы развития капитализма в США: вопрос о так называемых «свободных» землях и их роли в истории Соединенных Штатов, характер американского рабства, этапы и особенности промышленного переворота. Главный вывод А. В. Ефимова заключался в том, что развитие США шло в соответствии с общими законами капиталистического общества, которые были открыты К. Марксом и Ф. Энгельсом[72].

Следует особо подчеркнуть, что именно труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина составили теоретическую и методологическую основу советской американистики. Основоположники марксизма-ленинизма всегда пристально следили за развитием событий в Соединенных Штатах. К. Маркс и Ф. Энгельс были современниками гражданской войны в США и опубликовали более 50 статей, специально посвященных американской тематике. В. И. Ленин провел глубокий анализ материалов цензов 1900 и 1910 гг.[73] В трудах Маркса, Энгельса, Ленина рассматривались важнейшие закономерности и особенности развития капитализма и плантационного рабства в США, актуальные проблемы рабочего и социалистического движения. Большое значение для становления советской американистики имели также упомянутые труды историков-марксистов У. З. Фостера, Дж. Аллена, Г. Аптекера, Ф. Фонера и др. Вплоть до настоящего времени эти труды широко используются советскими американистами и играют важную роль в понимании коренных проблем истории Соединенных Штатов.

Существенную роль в подготовке кадров советских американистов сыграли курсы лекций А. В. Ефимова и Л. И. Зубока, изданные в середине 50-х годов в виде «Очерков истории США». Опираясь на марк-

[70] *Ostrogorski M.* Democracy and the Organization of Political Parties: Vol. 1, 2. N. Y., 1902. «Невероятно влиятельное исследование» М. Я. Острогорского считается классическим трудом, мимо которого не может пройти ни один серьезный исследователь. См.: *Sellers C. G.* Andrew Jackson versus the Historian.— Mississippi Valley Historical Review, 1958, Mar., vol. 44, N 4, p. 616.

[71] *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии: В 2-х т. М.; Л., 1927—1930 (т. 1 посвящен Англии, т. 2 — США).

[72] *Ефимов А. В.* К истории капитализма в США. М., 1934, с. 246.

[73] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 129—227.

систскую методологию, авторы уделили главное внимание социально-экономической проблематике, выяснению общих и специфических черт американского капитализма, классовой борьбе, рабочему и негритянскому движению, а также истокам экспансионистской внешней политики США [74]. Эти традиции получили развитие в новых обобщающих трудах советских исследователей, в частности в 2-томных «Очерках новой и новейшей истории США» (М., 1960), а также многочисленных специальных трудах по общим и конкретным вопросам американской истории. Значительно расширилась документальная база советской американистики, была проанализирована и огромная историческая литература, опубликованная в США после второй мировой войны [75].

В последние годы возрос интерес к наиболее раннему периоду американской истории. К известной монографии А. С. Самойло об английских колониях в Северной Америке в XVII в. прибавились книги Л. Ю. Слёзкина и С. Н. Бурина [76]. Можно надеяться, что в будущем более детальное освещение получит и история английских колоний в XVIII в.

Прочной традицией советской историографии является интерес к народным движениям прошлого, и прежде всего к социальным революциям. Показательно, что первой книгой по истории США в СССР была научно-популярная работа Д. О. Заславского о гражданской войне 1861—1865 гг. Несколько позже им были опубликованы очерки по истории Соединенных Штатов XVIII—XIX вв. Подчеркивая ограниченность социальных изменений во время войны за независимость, автор отмечал, что в применении к классовым отношениям внутри Соединенных Штатов «слово „революция" можно употреблять только с существенными оговорками, только весьма условно... Социальный облик Северной Америки и после „революции" 1776 г. остался прежний» [77].

Много лет спустя было показано, что в отличие от Английской революции XVII в. и Французской революции 1789—1794 гг. Американская революция XVIII в. по своему типу была внутриформационной. Она была направлена не против всего «старого порядка», которого в Америке в полном объеме никогда не существовало, а лишь против его элементов, против препятствий свободному буржуазному развитию, которые упорно сохранялись и вновь насаждались британской короной [78].

Большое число работ было опубликовано в связи с 200-летием независимости Соединенных Штатов. В 1975 г. войне за независимость был посвящен специальный выпуск «Американского ежегодника», а в 1976 г. в Москве проведен всесоюзный симпозиум, на котором было заслушано

---

[74] *Ефимов А. В.* Очерки истории США: От открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1955; 2-е изд., 1958; *Зубок Л. И.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956.

[75] *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, с. 339—378.

[76] *Самойло А. С.* Английские колонии в Северной Америке в XVII в. М., 1963; *Слёзкин Л. Ю.* У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606—1642. М., 1978; *Он же.* У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630—1642. М., 1980; *Бурин С. Н.* Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального Юга США (1642—1763). М., 1980.

[77] *Заславский Д. О.* Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861—1865). Л., 1926, с. 16; *Он же.* Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII—XIX вв. М., 1931.

[78] Новая и новейшая история, 1973, № 6, с. 165.

около 25 докладов и сообщений [79]. Вышли в свет коллективный труд «Война за независимость и образование США», а также монография А. А. Фурсенко [80].

Существенные успехи были достигнуты в изучении историографических и теоретических проблем Американской революции (Н. Н. Болховитинов, П. Б. Уманский), исследованы сложные вопросы формирования общественной мысли и революционной идеологии (Н. М. Гольдберг, А. М. Каримский, В. В. Согрин), опубликованы специальные работы о фермерском движении во второй половине XVIII в. (Г. П. Куропятник, А. А. Фурсенко, Б. М. Шпотов). Широкую популярность завоевали биографии американских революционеров и государственных деятелей — Дж. Вашингтона, Б. Франклина, Т. Джефферсона, Т. Пейна. Наметилась даже известная диспропорция. Слишком много публикуется биографических очерков, книг и статей о крупнейших государственных и общественных деятелях и явно не хватает исследований о роли народных низов: ремесленников и фермеров, моряков и солдат, негров и индейцев — всех угнетенных и эксплуатируемых групп и слоев американского общества.

Давние традиции имеют изучение позиций российского общества и правительства во время войны США за независимость. Пионерами в этой области выступили литературоведы В. П. Семенников, а позднее А. И. Старцев, которые, в частности, проследили связь оды «Вольность» А. Н. Радищева с войной США за независимость [81].

В дальнейшем появились публикации М. П. Алексеева, Е. М. Двойченко-Марковой, М. И. Радовского и др. Наконец, в 1976 г. вышла в свет специальная монография, в которой позиция России в период Американской революции получила освещение на основе всей совокупности архивных и опубликованных источников [82].

Значительное число работ посвящено проблемам гражданской войны в США и Реконструкции (А. И. Блинов, Ш. А. Богина, И. П. Дементьев, М. Н. Захарова, Р. Ф. Иванов, Г. П. Куропятник и др.). Еще в 30-е годы Е. А. Адамов, А. В. Ефимов и М. М. Малкин подготовили несколько ценных документальных публикаций о позиции России в период гражданской войны [83]. В 1939 г. этой теме М. М. Малкин посвятил специальное монографическое исследование, которое сохраняет свое значение вплоть до настоящего времени. «Россия была единственной крупной державой,— пришел к выводу исследователь,— которая была заинтересована в сохранении целостности США и в основном занимала благоприятную для федерального правительства позицию» [84].

Крупным достижением советских американистов следует считать раз-

---

[79] Материалы второго всесоюзного симпозиума советских историков-американистов. М., 1976. Ч. 1, 2.

[80] Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1976; *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США. Л., 1978.

[81] *Семенников В. П.* Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923; *Старцев А. И.* О западных связях Радищева.— Интернациональная литература, 1940, № 7/8; *Он же.* Вениамин Франклин и русское общество XVIII века.— Там же, № 3/4.

[82] *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1976.

[83] *Адамов Е. А.* Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия.— Красный архив, 1930, т. 38; *Ефимов А. В.* Посылка двух русских эскадр в Северную Америку.— Историк-марксист, 1936, № 3; *Малкин М. М.* К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США.— Красный архив, 1939, т. 3(94).

[84] *Малкин М. М.* Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л., 1939, с. 319.

работку негритянской проблемы, выявление роли негров в войне и Реконструкции, анализ аболиционистского движения, а также освещение роли таких деятелей, как А. Линкольн, Ф. Дуглас, Дж. Браун, У. Л. Гаррисон [85]. «Особый интерес советских историков вызывают также вопросы, связанные с периодом Реконструкции как продолжением буржуазной революции и борьбой негритянского народа за демократические права» [86].

Серьезное внимание советские историки уделили проблеме иммиграции. Причины и характер народной эмиграции из Англии в XVII — первой половине XIX в. основательно изучил Н. А. Ерофеев, а Ш. А. Богина посвятила свои труды выяснению значения иммиграции для развития американской нации во второй половине XIX в. Ее заслугой явилось привлечение материалов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а также многочисленных путевых заметок, дневников, и писем переселенцев в США, главным образом немцев, итальянцев и скандинавов [87].

С некоторым опозданием (если не считать исследований М. Н. Захаровой о Т. Джефферсоне) советские ученые приступили к изучению развития общественной мысли в США. Определенным стимулом в этом отношении явился выход избранных произведений американских просветителей, а также перевод труда В. Л. Паррингтона. Проблемам свободомыслия и атеизма в США в XVIII—XIX вв. посвящена работа ленинградского исследователя Н. М. Гольдберга. Становление американской философской мысли исследовал А. М. Каримский. Борьбу идейных течений в Американской революции XVIII в. изучил В. В. Согрин. Наконец, критический очерк политической мысли на протяжении всей американской истории содержится в коллективном труде под редакцией Н. Н. Яковлева [88].

Существенных успехов советские американисты достигли в изучении социально-экономической истории США, анализе путей развития капитализма в сельском хозяйстве, понимании роли западных земель и т. д. В этой связи заслуживают внимания статьи Г. П. Куропятника о борьбе двух тенденций (α и β) капиталистического развития в сельском хозяйстве США в XVIII—XIX вв., критический анализ теории «границы» Ф. Д. Тернера и раскрытие реального механизма действия «предохранительного клапана» в американской истории [89].

---

[85] *Иванов Р. Ф.* Борьба негров за землю и свободу на Юге США (1865—1877). М., 1958; *Он же.* Авраам Линкольн и гражданская война в США. М., 1964; *Уманский П. Б.* Из истории борьбы негров США за свободу. Казань, 1963; *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965; *Нитобург Э. Л.* Негры США, XVII — начало XX в. М., 1979.

[86] *Дементьев И. П.* Американская историография гражданской войны в США, с. 341—342.

[87] *Ерофеев Н. А.* Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962; *Богина Ш. А.* Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865). М., 1965; *Она же.* Иммигрантское население США, 1865—1900. Л., 1976.

[88] *Гольдберг Н. М.* Свободомыслие и атеизм в США (XVIII—XIX вв.). М.; Л., 1965; *Каримский А. М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976; *Согрин В. В.* Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980; США: политическая мысль и история. М., 1976.

[89] *Куропятник Г. П.* Борьба двух тенденций капиталистического развития США в эпоху буржуазных революций.— Новая и новейшая история, 1976, № 2; *Ефимов А. В.* Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера.— Вопр. философии, 1956, № 5; *Болховитинов Н. Н.* О механизме

Самой разработанной в советской литературе областью истории США, безусловно, остается внешняя политика. В центре внимания советских исследователей находятся проблемы экспансии США в бассейне Тихого океана, на Дальнем Востоке и в Латинской Америке. Масса документальных, и в первую очередь архивных, материалов была изучена А. Л. Нарочницким, показавшим, что наряду со старыми колониальными державами (Англия и Франция) активную экспансионистскую политику на Дальнем Востоке в XIX в. вели Соединенные Штаты[90]. Начальным этапам проникновения США в страны Азии и Африки посвятили свои книги и статьи Д. В. Петров, Н. А. Халфин, А. А. Мурадян и др.[91] На основе широкого круга источников, включая архивные, советские авторы исследовали длительную борьбу США за овладение Гавайскими островами, происхождение и характер доктрины Монро, аннексию Соединенными Штатами Техаса и войну с Мексикой 1846—1848 гг.[92]

Весьма успешно развивается изучение истории отношений между Россией и США и, в частности, их предыстории — русских открытий в северной части Тихого океана и на западном берегу Северной Америки.

У истоков этого направления стояли такие крупные ученые, как географ Л. С. Берг, источниковед А. И. Андреев и историк А. В. Ефимов. Многочисленные архивные документы и в первую очередь уникальные географические карты, введенные в научный оборот А. В. Ефимовым, М. И. Беловым, О. М. Медушевской, существенным образом изменили представления о значении русских географических открытий и по-новому представили всю историю открытия Америки со стороны России[93]. Большой вклад в изучение этой проблемы внесли также А. И. Алексеев, В. А. Дивин, В. И. Греков, Р. В. Макарова, В. М. Пасецкий, Б. П. Полевой и другие исследователи. Заслуженное признание в советской и зарубежной литературе получили монографии С. Б. Окуня и С. Г. Федоровой по истории Русской Америки. Этой теме посвящены также работы А. И. Алексеева, Т. М. Батуевой и др.[94].

Крупные монографические исследования посвящены становлению и развитию русско-американских отношений в XVIII — первой половине XIX в. В этих работах была детально развита идея о том, что международные отношения не только дипломатические контакты между госу-

---

действия «предохранительного клапана» в истории США.— Новая и новейшая история, 1970, № 4.

[90] *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956.

[91] Подробнее см.: *Мурадян А. А.* Некоторые вопросы политики США на Дальнем Востоке в XIX в. в советской исторической литературе.— В кн.: Американский ежегодник, 1973. М., 1973, с. 311—321.

[92] *Тумаркин Д. Д.* Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., 1964; *Он же.* Гавайский народ и американские колонизаторы, 1820—1865. М., 1971; *Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959; *Потокова Н. В.* Агрессия США против Мексики, 1846—1848. М., 1962, и др.

[93] Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М., 1964; *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971, с. 289—291.

[94] *Окунь С. Б.* Российско-американская компания. М.; Л., 1939; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971; *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. Подробнее см.: *Болховитинов Н. Н.* Изучение русско-американских отношений: некоторые итоги и перспективы.— Новая и новейшая история, 1981, № 6, с. 54—67.

дарствами, но и в первую очередь отношения между народами: разнообразные общественно-политические, торговые, литературные и научные связи [95]. Тщательное обследование советских и американских архивов привело к систематической публикации документов по истории отношений России и США на страницах многотомной «Внешней политики России XIX — начала XX в.» (М., 1960—), а также ряда периодических изданий. Наконец, в августе 1980 г. одновременно в Москве и Вашингтоне вышла в свет первая совместная советско-американская публикация документов, в которую включено 560 документов и 120 иллюстраций из 52 архивов и библиотек Советского Союза и США [96].

Все это содействовало увеличению интереса к истории отношений России и США и появлению новых исследовательских работ. Истории русско-американских литературных контактов в XVIII — первой половине XIX в. посвятил специальную книгу А. Н. Николюкин, который широко использовал материалы русской периодической печати, а также результаты предшествующих исследований [97]. Детальный анализ истории русско-американских отношений в 1867—1881 гг. провел Г. П. Куропятник. «...На рубеже 70—80-х годов XIX в.,— заключал автор,— активное дипломатическое сотрудничество двух стран, которое не смогли омрачить разногласия, претензии и ряд неприятных инцидентов, подходило к концу. Начиналась другая фаза, когда развитие русско-американских отношений все в большей степени определялось новыми общественными силами двух буржуазных государств, постепенно превращавшихся в империалистические державы» [98].

Подводя итоги рассмотрению развития советской американистики, следует отметить, что наши историки добились значительных успехов в изучении внешней политики, социально-экономического развития США. рабочего и фермерского движений, а также русско-американских отношений. В результате с советскими работами приходится все больше считаться и нашим идейным противникам. В американской печати стали систематически появляться обзоры и рецензии на труды советских авторов по истории США. На страницах «Политикал афферс», «Американ хисторикал ревью», «Орегон хисторикал куортерли», «Уильям энд Мэри куортерли», «Лейбор хистори» печатались статьи советских американистов. В 1975 г. издательство Гарвардского университета перевело на английский язык книгу «Становление русско-американских отношений, 1775—1815». Была опубликована также монография о позиции России в период Американской революции и книга Н. В. Сивачева и Н. Н. Яковлева по

[95] *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966; *Он же.* Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975, с. 2—3, 580.

[96] Россия и США: становление отношений, 1765—1815. М., 1980; The United States and Russia: The Beginning of Relations, 1765—1815. [Wash., 1980]. Обобщению опыта подготовки этой фундаментальной публикации была посвящена специальная сессия 95-го съезда Американской исторической ассоциации 30 декабря 1980 г. В повестку дня сессии были включены доклады С. Л. Тихвинского, Дж. Д. Хартгроува, Д. М. Гриффитса и Н. Н. Болховитинова. См.: Program of the American Historical Association. Wash., 1980, p. 70.

[97] *Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США: становление литературных контактов. М., 1981.

[98] *Куропятник Г. П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. М., 1981, с. 339.

истории советско-американских отношений, в которой есть и краткий очерк предшествующих связей между обеими странами [99].

В журнале «Совиет стадиз ин хистори» систематически печатаются статьи по историографии и русско-американским отношениям. Специальные номера этого журнала были посвящены материалам первого симпозиума советских американистов, работам лаборатории американистики Московского государственного университета, исследованию русско-американского сближения в конце первой трети XIX в. и заключению торгового договора 1832 г. [100] Наиболее важным событием явился выход в 1980 г. упомянутого совместного советско-американского сборника документов «Россия и США: становление отношений, 1765—1815», который получил высокую оценку научной общественности как в США, так и в СССР.

За последние десятилетия существенно расширились фонды советских библиотек, наладилась система международного книгообмена, были получены важные документальные источники, включая архивные, которые ранее в СССР отсутствовали. В результате советские ученые стали все чаще использовать не только опубликованные, но и архивные материалы.

---

[99] *Bolkhovitinov N. N.* The Beginnings of Russian-American Relations, 1775—1815. Rev. ed. Cambridge (Mass.); London (England), 1975; *Idem.* Russia and the American Revolution. Tallahassee, 1976; *Sivachev N. V., Yakovlev N. N.* Russia and the United States. Chicago, 1979.

[100] First Symposium of Soviet Historians of America.— Soviet Studies in History, 1975, Summer — Fall, vol. 14, N 1/2; *Sivachev N. V.* The Study of U. S. History at Moscow University etc.— Ibid., 1980, Summer, vol. 19, N 1; *Bolkhovitinov N. N.* The Russian-American Rapprochement and the Commercial Treaty of 1832.— Ibid., 1980—81, Winter, vol. 19, N 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие поколения буржуазных историков, литераторов и публицистов создавали представление об Америке как о некоей идиллической стране, где каждый мог приобрести собственный участок земли и стать независимым и свободным землепашцем. Между тем неоспоримый и давно установленный факт состоит в том, что колониальная экономика в значительной мере основывалась на принудительном труде белых сервентов и черных рабов. К 1770 г. в качестве законтрактованных слуг в Северную Америку было ввезено не менее 250 тыс. белых мужчин, женщин, детей, и, кроме того, еще 250 тыс. негров-рабов. По официальным данным, в 1790 г. в стране было около 698 тыс. черных рабов, а к 1860 г. их число возросло почти до 4 млн.

Конечно, по сравнению с Европой политические и экономические условия жизни свободного населения в Северной Америке в целом были более благоприятными. Большая часть населения состояла из мелких и средних фермеров, заработная плата рабочего и мастерового, как правило, была на 30—100% выше, чем в метрополии. Тем не менее американское общество с самого начала было обществом классовым, причем социальные противоречия не только не сглаживались, но и постоянно углублялись. Если в 1687 г. наиболее состоятельные 10% населения Бостона владели 42% всего богатства, то к 1771 г. их доля увеличилась до 57%. С другой стороны, бедняки и неимущие, на которых в 1687 г. приходились 14% мужского населения Бостона, в 1771 г. составляли уже 29%. В Филадельфии в 1774 г. 10% богатых налогоплательщиков контролировали около 55% всего богатства города и т. д. Классовая дифференциация продолжалась и в первой половине XIX в. В результате наиболее богатая десятая часть населения Бостона, Филадельфии и Нью-Йорка владела к середине XIX в. уже более 80% собственности[1].

В исследованиях последних лет была убедительно показана роль городских низов (рабочих, мастеровых, моряков и т. д.) в Американской революции XVIII в.[2] Хотя основной движущей силой в войне за независимость были народные массы, гегемоном оставалась буржуазия. Единственный раз, когда народные массы попытались углубить революцию собственными, плебейскими методами и поставить под сомнение действия руководителей молодой республики (восстание Д. Шейса, 1786—1787 гг.), их выступление сравнительно легко было подавлено, а власть центрального правительства укреплена и расширена.

Консервативная тенденция в Американской революции особенно четко проявилась в сохранении в США института рабства. На первый взгляд

---

[1] *Henretta J. A.* The Evolution of American Society, 1700—1815. An Interdisciplinary Analysis. Lexington, 1973, p. 606; *Nash G. B.* Red, White, and Black: The Peoples of Early America. Englewood Cliffs, 1979; *Pessen E.* Riches, Class and Power before the Civil War. Lexington, 1973; Journal of the Early Republic, 1981, Spring, vol. 1, N 1, p. 12.

[2] *Фонер Ф.* Рабочий класс и Американская революция. М., 1980; *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США. Л., 1978; Labor History, 1981, Fall, vol. 22, N 4, p. 573—600.

может показаться странным, что, поднявшись на борьбу за свободу и независимость, за естественные права человека, американцы сохранили рабство негров, составлявших в то время примерно пятую часть населения страны. Все дело, однако, в том, что руководители восставших боролись не только за свободу, но и за собственность, которые в то время рассматривались как понятия почти тождественные. Только собственность, в их представлении, давала свободу и только в обеспечении собственности от посягательств метрополии американцы видели свою свободу. Но, борясь за сохранение свободы и собственности, они одновременно боролись и за сохранение рабства негров.

Несмотря на определенную ограниченность и умеренность, в главном Американская революция XVIII в. закончилась решительной победой. В 1776 г. на месте слабых и разрозненных английских колоний в Северной Америке возникла федеральная республика, в трудной и героической борьбе отстоявшая свою независимость. В ходе революции были уничтожены пережитки феодализма, создан фонд государственных земель, конфискованы поместья лоялистов.

Победа Американской революции XVIII в. оказала огромное влияние на всю последующую историю Соединенных Штатов. В конце XVIII в. наемный труд практически полностью господствовал в северной части страны. По подсчетам современных исследователей, в середине XVIII в. сервенты и рабы составляли около 40% занятых на предприятиях в Филадельфии, а к 1800 г. доля принудительного труда составляла менее 2% [3]. Быстрыми темпами увеличивалось сельскохозяйственное производство. Основой этого стал американский (фермерский) путь развития капитализма в земледелии, который способствовал быстрому росту производительных сил в условиях, наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме [4]. Стоимость продукции американских ферм с 1800 по 1880 г. возросла с 343 млн. до 4129 млн. долл., и Ф. Энгельс писал об американской революции в земледелии, которая привела к тому, что «в Европу ввозится пшеница по таким низким ценам, что с ней не может конкурировать ни один европейский фермер, по крайней мере до тех пор, пока он вынужден платить ренту» [5].

Весьма успешно после войны за независимость развивались и другие отрасли экономики. Изобретение Э. Уитни хлопкоочистительной машины (1793), постройка О. Эвансом «автоматизированной мукомольной фабрики» (1787) и создание парохода, завершившееся спуском на воду «Клермонта» в 1807 г.,— вот три самых важных технических достижения молодой республики, которые имели мировое значение.

К началу 60-х годов XIX в. в северо-восточных штатах в основном завершился промышленный переворот, и в целом США по объему промышленного производства вышли на второе место в мире. В 1859 г. продукция промышленности превысила стоимость сельскохозяйственного производства.

Провозгласив в 1823 г. доктрину Монро, Соединенные Штаты выступили с притязаниями на преобладающее влияние во всем западном полушарии. В результате войн, захватов и покупок территория США с

---

[3] William and Mary Quarterly, 1983, Jan., vol. 40, N 1, p. 64—65.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 150.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 279.

1790 по 1853 г. увеличилась более чем в 3 раза. В 1867 г. была присоединена Аляска (586 400 кв. миль). Берега Соединенных Штатов теперь омывались тремя океанами — Атлантическим, Тихим и Северным Ледовитым.

Как показано на страницах настоящего издания, колонизация западных земель являлась по существу жестокой войной против индейцев, сопровождавшейся истреблением коренных обитателей Америки и оттеснением их в глухие и малопригодные для жизни места, что лишь для видимости прикрывалось заключением соответствующих «договоров».

Существование «подвижной границы» на Западе влияло на развитие капитализма, но не изменяло его сути. Спустя 100 лет с момента издания указа Георга III в 1763 г., запрещавшего переселение за Аллеганы, принятием в 1862 г. гомстед-акта американский народ юридически получил свободный доступ к западным землям. Вместе с тем многочисленные факты вполне определенно свидетельствуют, что экономические кризисы в США в XIX в. неуклонно углублялись, число безработных увеличивалось, а классовые противоречия обострялись. Если во время кризиса 1819 г. речь шла о десятках, а в 1837 и 1857 гг. о нескольких сотнях тысяч безработных, то после принятия закона о гомстедах и гражданской войны во время кризиса 1873 г. безработица в стране исчислялась в 2, а, может быть, и в 3 млн. человек. «Незанятые» земли Запада были дикими и необработанными. Они могли превратиться в фермы, но для этого, помимо приложения труда (кстати говоря, труда тяжелого и в определенной степени квалифицированного!), требовались значительные затраты (1 тыс. и даже 1500 долл.). В результате механизм так называемого «предохранительного клапана» в действительности оказался гораздо сложнее, чем в теории.

Наряду с капиталистическим производством в стране существовало патриархальное хозяйство, мелкое товарное производство, а также плантационное рабство. На Запад двигались представители различных слоев населения: фермеры, предприниматели, спекулянты землей, торговцы, ремесленники, плантаторы и т. д., и роль «подвижной границы» была многообразной. Это не только новые земли для фермеров, но и ресурсы всех видов (лес, руда, водные пути и т. д.), новые поселения, города, новые дороги, заводы и фабрики. Понятно также, что Запад с его растущим рынком стимулировал и спрос на продукцию, создававшуюся на Востоке.

По мере развития промышленной революции на политическую арену все активнее выступает рабочий класс. Как современники событий, так и позднейшие исследователи отмечали, что уже с 20-х годов XIX в. наемные рабочие составляли значительную группу городского населения. «Классы... полностью зависящие от заработной платы,— свидетельствовал очевидец,— очень многочисленны». К ним примыкали подсобные рабочие, возчики, «лица, занятые на погрузке и разгрузке судов, лесорубы, подручные каменщиков» и т. д. Значительное число людей работали по найму «в различных отделах больших мануфактур» [6]. В 20—30-е годы в Соединенных Штатах возникают рабочие партии и организации, выходят рабочие газеты. В дальнейшем голос рабочих звучит в политической жизни страны все более отчетливо и определенно.

[6] *Tuckerman J.* An Essay on the Wages Paid to Females for Their Labour. Philadelphia, 1830, p. 8; Labor History, 1968, Winter, vol. 9, N 1, p. 7.

Быстро усиливала свое политическое влияние и промышленная буржуазия, начавшая претендовать на политическое преобладание в федеральном Союзе. Наиболее проницательные деятели Соединенных Штатов давно отдавали себе отчет в опасности, которая таится в сохранении рабства. В начале 30-х годов XIX в. Дж. К. Адамс в беседе с А. де Токвилем назвал рабство причиной всех несчастий Соединенных Штатов, «раком, разъедающим американское общество». Сам французский аристократ считал рабство самым страшным «из всех зол, грозящих будущности Соединенных Штатов», расовое предубеждение казалось ему даже «сильнее в тех штатах, которые отменили невольничество»[7]. Развал в середине XIX в. старой партийной системы (виги и демократы), война в Канзасе и образование в 1854 г. республиканской партии раскололи страну на две части — «за» и «против» рабства.

В ходе ожесточенной гражданской войны 1861—1865 гг., которая унесла более 600 тыс. человеческих жизней, и последующей Реконструкции 1865—1877 гг. господство плантаторской олигархии в стране было сломлено, а рабство отменено. Тем не менее и эта вторая Американская революция оказалась незавершенной; последствия позорной системы рабства продолжают сказываться вплоть до настоящего времени. Если во время гражданской войны революция неуклонно шла по восходящей линии, то в период Реконструкции она отступала (правда, не сразу, не по прямой линии, а зигзагообразно).

Незавершенность буржуазно-демократической революции наложила отпечаток и на все последующее развитие Соединенных Штатов, что, однако, будет предметом подробного рассмотрения во втором томе.

[7] *Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 1897, с. 279, 282; American Heritage. 1982, June — July, vol. 33, N 4, p. 9—17.

БИБЛИОГРАФИЯ*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Аболиционистские выступления в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Американский вопрос в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Англо-американский конфликт.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Британская торговля.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Британская торговля хлопком.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Гражданская война в Соединенных Штатах.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Договор против работорговли.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Известия из Америки.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Интервенция в Мексике.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Кризис в вопросе о рабстве.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. К критике положения в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. К событиям в Северной Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Лондонская газета «Times» о принцах Орлеанских в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К. Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16.
Маркс К. Капитал, т. I.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Капитал, т. IV.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I.
Энгельс Ф. Уроки американской войны.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15.
Энгельс Ф. Протекционизм и свобода торговли.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке: Предисловие к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
Маркс К., Энгельс Ф. Гражданская война в Америке.— Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К., Энгельс Ф. Положение на американском театре войны.— Соч. 2-е изд., т. 15.
Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1953.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.
Ленин В. И. Маркс об американском «черном переделе».— Полн. собр. соч., т. 10.
Ленин В. И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению.— Полн. собр. соч., т. 11.
Ленин В. И. Две утопии.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы.— Полн. собр. соч., т. 23.
Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. *Вып. I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.*— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. О брошюре Юниуса.— Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Полн. собр. соч., т. 34.
Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая 1919 г.— Полн. собр. соч., т. 38.

* Настоящая библиография не претендует на полноту и отражает по преимуществу издания, которые доступны в центральных библиотеках Москвы и Ленинграда.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ КОНГРЕССА, ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв.: Англия, США, Франция, Италия, Германия. М., 1957.
Россия и США: становление отношений, 1765—1815. М., 1980.
American Higher Education. A Documentary History: Vol. 1, 2 / Ed. by R. Hofstadter, W. Smith. Chicago, 1961.
The American Indian and the United States. A Documentary History: Vol. 1—4. N. Y., 1973.
American State Papers: Documents, Legislative and Executive of the Congress of the United States: Vol. 1—38. Wash., 1832—1861.
A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1902: Vol. 1—10 / Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1903.
Congressional Globe, Containing the Debates and Proceedings, 1833—1873: Vol. 1—109. Wash., 1834—1873.
Debates and Proceedings in the Congress of the United States, 1789—1824: Vol. 1—42. Wash., 1834—1856 [Annals of Congress].
Democratic-Republican Societies, 1790—1800. A Documentary Sourcebook of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions and Toasts / Ed. by Ph. S. Foner. Westport, 1976.
Diplomatic Correspondence of the United States. Canadian Relations, 1784—1860: Vol. 1—4 / Ed. by W. R. Manning. Wash., 1940—1945.
Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs, 1831—1860: Vol. 1—12 / Ed. by W. R. Manning. Wash., 1932—1939.
A Documentary History of American Industrial Society: Vol. 1—10 / Ed. by J. R. Commons e. a. Cleveland, 1910—1911.
Documentary History of the Constitution of the United States of America, 1786—1870: Vol. 1—5. N. Y.; L., 1965 (1st print.: Wash., 1894—1905).
A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974.
A Documentary History of Slavery in North America / Ed. by W. L. Rose. N. Y., 1976.
Documents Illustrative of the History of the Slave Trade to America / Ed. by E. Donnan. Wash., 1930—1931. Vol. 1, 2.
Documents of the American Revolution, 1770—1783: Vol. 1—7 / Ed. by K. G. Davies. Shannon, 1972—1974.
Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973.
Documents of United States Indian Policy / Ed. by F. P. Prucha. Lincoln, 1975.
Documents Relative to the Manufactures in the United States: Vol. 1, 2. Wash., 1833 (repr.: N. Y., 1969).
The Early Republic, 1789—1828 / Ed. by N. E. Cunningham. Columbia, (S. C.), 1968.
English Historical Documents, vol. 9. American Colonial Documents to 1776 / Ed. by M. Jensen. L., 1955.
Foundations of Colonial America. A Documentary History: Vol. 1—3 / Ed. by W. K. Kavenagh. N. Y., 1973.
History of U. S. Political Parties: Vol. 1—4 / Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y., 1973.
Journals of the Continental Congress, 1774—1789: Vol. 1—34 / Ed. by W. Ford e. a. Wash., 1904—1937.
Letters of Delegates to Congress, 1774—1789: Vol. 1, 2. Wash., 1976—1977.
Letters of Members of the Continental Congress: Vol. 1—8 / Ed. by E. C. Burnett. Wash., 1921—1936.
Circular Letters of Congressmen to Their Constituents, 1789—1829 / Ed. by N. E. Cunningham, Jr. Chapel Hill, 1978.
Pamphlets of the American Revolution, 1750—1776: Vol. 1, 2 / Ed. by B. Bailyn. Cambridge, 1965.
Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1861—. Wash., 1862—.
Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803: Vol. 1—36 / Ed. by E. Cobbet. L., 1806—1820.
Records of the Colony of New Plymouth: Vol. 1—12 / Ed. by N. Shurfleft, D. Pulcifer. Boston, 1836—1861.

The Records of the Federal Convention of 1787: Vol. 1—4 / Ed. by N. Farrand. New Haven, 1966.
Register of Debates in Congress, 1825—1837: Vol. 1—29. Wash., 1825—1837.
Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States: Vol. 1—6 / Ed. by F. Wharton. Wash., 1889.
The Slave Trade Domestic and Foreign. Why it exists and how it may be extinguished / Ed. by H. C. Carey. N. Y., 1967 (1st print.: Philadelphia, 1853).
Sources and Documents, Illustrating the American Revolution, 1764—1788 / Ed. by S. E. Morison. Oxford, 1953 (1st print.: 1929).
Sources and Documents of United States Constitution: Vol. 1—5 / Ed. by W. F. Swindler. Dobbs Ferry (N. Y.), 1973.
The Spirit of «Seventy-Six» / Ed. by H. S. Commager, R. B. Morris. N. Y., 1975 (1st print.: 1958).
Statutes of Large of the United States of America: Vol. 1—17. Boston, 1845—1873.
Tracts and Other Papers, Relating Principally to the Origin... of the Colonies in North America...: Vol. 1—4 / Ed. by P. Force. N. Y., 1947.
Treaties and other International Acts of the United States of America, 1776—1863: Vol. 1—8 / Ed. by H. Miller. Wash., 1931—1948.
Treaties and other International Agreements of the United States of America, 1776—1949: Vol. 1—13 / Compl. Ch. I. Bevans. Wash., 1968—1976.
The War of the Rebellion: A Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies: Vol. 1—130 / Ed. by R. N. Scott e. a. Wash., 1880—1901.

БУМАГИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ПЕРЕПИСКА, ДНЕВНИКИ, ТРУДЫ СОВРЕМЕННИКОВ СОБЫТИЙ, ПРЕССА

Американские просветители: В 2-х т. / Сост. Н. М. Гольдберг. М., 1968—1969.
Лакиер А. Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе. СПб., 1859.
Пейн Т. Избр. соч. М., 1959.
Свиньин П. П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815.
Франклин В. Избр. произведения. М., 1956.
Adams J. Diary and Autobiography of John Adams: Vol. 1—4 / Ed. by L. H. Butterfield. N. Y., 1961 — (The Adams Papers. Ser. 1).
Adams J. Papers of John Adams: Vol. 1, 2 / Ed. by R. J. Taylor. Cambridge (Mass.), 1977.
Adams J. The Works of John Adams: Vol. 1—10 / Ed. by Ch. F. Adams. Boston, 1850—1856.
Adams J. Q. Diary of John Quincy Adams: Vol. 1, 2. Cambridge (Mass.), 1981.
Adams J. Q. Memoirs of John Quincy Adams: Vol. 1—12 / Ed. by Ch. F. Adams. Philadelphia, 1874—1877.
Adams J. Q. The Writings of John Quincy Adams: Vol. 1—7 / Ed. by W. Ch. Ford. N. Y., 1913—1917.
Adams S. The Writings of Samuel Adams: Vol. 1—4 / Ed. by H. A. Cushing. N. Y.; L., 1904—1908.
American History Told by Contemporaries: Vol. 1—4 / Ed. by A. B. Hart. N. Y.; L., 1897—1901.
Ames F. The Works of Fisher Ames with a Selection from his Speeches and Correspondence: Vol. 1, 2 / Ed. by S. Ames. N. Y., 1969 (1st print.: Boston, 1854).
Benton Th. H. Thirty Years' View or; A History of the Working of the American Government for Thirty Years, from 1820 to 1850: Vol. 1, 2. New York; Boston, 1854—1856.
Bradford's History of Plymouth Plantation, 1606—1646 / Ed. by W. T. Davis. N. Y., 1908.
The Complete Correspondence between Thomas Jefferson and Abigail and John Adams: Vol. 1, 2 / Ed. by L. J. Cappon. Chapel Hill, 1959.
Cronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth, 1602—1625 / Ed. by A. Young. N. Y., 1971.
Douglass F. The Life and Writings of Frederic Douglass: Vol. 1—5 / Ed. by Ph. Foner. N. Y., 1950—1975.
The Federalist: A Commentary on the Constitution of the United States being a Collection of Essays Written in Support of the Constitution / Ed. by E. M. Earle. Wash., 1937.

Franklin B. The Papers of Benjamin Franklin: Vol. 1—21 / Ed. by L. W. Labaree, W. B. Willcox. New Haven, 1959—1978.
Franklin B. The Works of Benjamin Franklin: Vol. 1—10 / Ed. by J. Sparks. Boston, 1840.
Franklin B. The Writings of Benjamin Franklin with a Life and Introduction: Vol. 1—10 / Ed. by A. H. Smyth. N. Y., 1905—1907.
Gage Th. The Correspondence of General Thomas Gage with the Secretaries of State, 1763—1775: Vol. 1, 2 / Ed. by C. E. Carter. New Haven, 1931—1933.
Gallatin A. The Writings of Albert Gallatin: Vol. 1—3 / Ed. by H. Adams. Philadelphia, 1879.
Hamilton A. The Papers of Alexander Hamilton: Vol. 1—26 / Ed. by H. C. Syrett e. a. N. Y.; L., 1961—1979.
Henry P. Life, Correspondence and Speeches of Patrick Henry: Vol. 1—3 / Ed. by W. W. Henry. N. Y., 1969 (1st print.: 1891).
Jackson A. Correspondence of Andrew Jackson: Vol. 1—7 / Ed. by J. S. Basset, J. F. Jameson. Wash., 1926—1935.
Jackson A. Papers of Andrew Jackson / Ed. by S. B. Smith, H. C. Ousley. Knoxville, 1980.
Jay J. John Jay: The Making of a Revolutionary, 1745—1780 / Ed. by R. B. Morris. N. Y., 1975.
Jay J. John Jay: The Winning of the Peace. Unpublished Papers, 1780—1784 / Ed. by R. B. Morris. N. Y., 1980.
Jefferson Th. The Papers of Thomas Jefferson: Vol. 1—19 / Ed. by J. P. Boyd. Princeton, 1950—1974.
Jefferson Th. The Works of Thomas Jefferson: Vol. 1—12 / Ed. by P. L. Ford. N. Y., 1904—1905.
Jefferson Th. The Writings of Thomas Jefferson: Vol. 1—20 / Ed. by A. Lipscomb, A. Bergh. Wash., 1905.
Letters of the Lewis and Clark Expedition with Related Documents, 1783—1854. 2nd ed., with additional documents and notes: Vol. 1, 2. Urbana, Chicago, London, 1978.
Lincoln A. The Collected Works of Abraham Lincoln: Vol. 1—9 / Ed. by R. P. Basler. New Brunswick, 1953—1955.
Madison J. The Papers of James Madison: Vol. 1—13 / Ed. by R. A. Rutland e. a. Chicago, 1962—1981.
Madison J. The Writings of James Madison: Vol. 1—9 / Ed. by G. Hunt. N. Y.; L., 1900—1910.
Minot G. R. History of the Insurrections in Massachusetts in the Year MDCCLXXXVI, and the Rebellion Consequent Thereon. N. Y., 1971 (1st print.: Worcester (Mass.), 1788).
Monroe J. The Writings of James Monroe: Vol. 1—7 / Ed. by S. M. Hamilton. N. Y., 1898—1903.
Niles' Weekly Register: Containing Political, Historical, Geographical, Scientific etc. Documents, Essays and Facts: Vol. 1—50 / Ed. by H. Niles. Baltimore, 1811—1836.
Polk J. Diary of James Polk, 1845—1849. L.; N. Y., 1952.
Rush B. Letters of Benjamin Rush: Vol. 1, 2 / Ed. by L. H. Butterfield. Princeton, 1951.
Seward W. The Works of William H. Seward: Vol. 1—5 / Ed. by G. E. Baker. Boston, 1853—1884.
Smith J. Travels and Works of Captain John Smith: Vol. 1, 2 / Ed. by E. Arber. Edinburgh, 1910.
The Story of the Pilgrim Fathers, 1606—1623, as Told by Themselves, Their Friends and Their Enemies / Ed. by E. Arber. L., 1897.
Washington G. The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799: Vol. 1—39 / Ed. by J. C. Fitzpatrick. Wash., 1931—1944.
Winthrop's Journal. History of New England, 1630—1649: Vol. 1, 2 / Ed. by J. K. Hosmer. N. Y., 1908.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СПРАВОЧНИКИ, УКАЗАТЕЛИ

U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975.
Census for 1820. U. S. Census Office. N. Y., 1976.
The Seventh Census of the United States: 1850. Wash., 1853.
Population of the United States in 1860 / Compl. from the Original Returns of the 8th Census. Wash., 1864.

Manufactures of the United States in 1860 / Compl. from the Original Returns of the 8th Census. Wash., 1865.
Statistics of the United States in 1860 / Compl. from the Original Returns and Being the Final Exhibit of the 8th Census. Wash., 1866.
A Century of Population Growth from the First Census of the United States to the Twelfth, 1790—1900. Wash., 1909.
Compendium of the Enumeration of the Inhabitants and Statistics of the United States as obtained from the Returns of the 6th Census. N. Y., 1976.
Album of American History: Vol. 1—4 / Ed. by J. T. Adams. N. Y., 1969.

The American Historical Association's Guide to Historical Literature / Ed. by G. F. Howe. N. Y., 1960.
The American Revolution / Compl. J. Shy. Northbrook, 1973 (Goldentree Bibliographies in American History / Under the series editorship of A. S. Link. 1969—).
Biographical Directory of the American Congress, 1774—1971. Wash., 1971.
Boyd A. M. United States Government Publications. 2nd ed. N. Y., 1941.
Checklist of United States Public Documents, 1789—1909. Wash., 1911.
Dictionary of American Biography: Vol. 1—23 / Ed. by A. Johnson, D. Malone. N. Y., 1928—1973.
Dissertation Abstracts: A Guide to Dissertations and Monographs Available in Microfilm. Ann Arbor, 1952—.
Dissertations in History: An Index to Dissertations of the United States and Canadian Universities: Vol. 1, 2 / Ed. by W. R. Kuehl. Lexington, 1965—1972.
Economic History of the United States Prior to 1860. An Annotated Bibliography / Ed. by T. Orsagh. Santa Barbara, 1975.
Encyclopedia of American History. 6th ed. / Ed. by R. B. Morris. N. Y., 1982.
The Era of Good Feelings and the Age of Jackson, 1816—1841 / Ed. by R. Remini, E. A. Miles. Arlington, 1979 (Goldentree Bibliographies in American History / Under the series editorship of A. S. Link, 1969—).
Finding J. E. Dictionary of American Diplomatic History. Westport, 1980.
Guide to the Diplomatic History of the United States, 1775—1921 / Ed. by S. F. Bemis, G. G. Griffin. Wash., 1935.
Harvard Guide to American History: Vol. 1, 2 / Ed. by F. Freidel. Cambridge, 1974.
Manifest Destiny and the Coming of the Civil War / Compl. D. E. Fehrenbacker. N. Y., 1970 (Goldentree Bibliographies in American History / Under the series editorship of A. S. Link, 1969—).
National Union Catalog of Manuscript Collections: Vol. 1—12. Wash., 1962—.
Poole's Index to Periodical Literature (1802—1906): Vol. 1—6. Boston, 1882—1908 (Cumulative Author Index. Ann Arbor, 1971).
Writings on American History, 1902—. Wash., 1905.—

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому. М., 1974.
Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975.
Аллен Дж. Реконструкция: Битва за демократию. М., 1963.
Альтер Л. Б. Буржуазная политическая экономия США. М., 1971.
Аптекер Г. Американская революция, 1763—1783. М., 1962.
Аптекер Г. Колониальная эра. М., 1961.
Бабин А. В. История Северо-Американских Соединенных Штатов: В 2-х т. СПб., 1912.
Батуева Т. М. Экспансия США на Севере Тихого океана в середине XIX в. и покупка Аляски в 1867 г. Томск, 1976.
Бимба А. История американского рабочего класса. М., 1930.
Блинов А. И. Критический период истории Соединенных Штатов. Реконструкция (восстановление Союза) США после окончания гражданской войны (1865—1877). Красноярск, 1957.
Блинов А. И. Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866—1868). Красноярск, 1960.
Богарт Э. Л. Экономическая история Соединенных Штатов. М., 1927.
Богина Ш. А. Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865). М., 1965.
Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966.
Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения, 1815—1832. М., 1975.
Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1976.
Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
Бурин С. Н. Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального Юга США (1642—1763). М., 1980.
Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1976.
Гольдберг Н. М. Свободомыслие и атеизм в США (XVIII—XIX вв.). М.; Л., 1965.
Гольдберг Н. М. Томас Пейн. М., 1969.
Дементьев И. П. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963.
Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962.
Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969.
Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965.
Зворыкин А. А. и др. История техники. М., 1962.
Иванов Р. Ф. Борьба негров за землю и свободу на Юге США (1865—1870). М., 1958.
Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и гражданская война в США. М., 1964.
Иванов Р. Ф. В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965.
Иванов Р. Ф. Франклин. М., 1972.
К столетию гражданской войны в США / Под ред. А. В. Ефимова, Л. И. Зубока. М., 1961.
Каримский А. М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976.
Куропятник Г. П. Вторая американская революция. М., 1961.
Куропятник Г. П. Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971.
Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. М., 1981.
Кучинский Ю. История условий труда в США. М., 1948.
Литературная история Соединенных Штатов Америки: В 3-х т. М., 1977—1979.
Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.
Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.
Малкин М. М. Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л., 1939.
Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка XIX в. (История экспансии США). М., 1974.
Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов: В 2-х т. М., 1959.
Николюкин А. Н. Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М., 1981.
Нитобург Э. Л. Негры США, XVII — начало XX в. М., 1979.
Окунь С. Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939.
Основные проблемы истории США в американской историографии: От колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1971.
Основные проблемы истории США в американской историографии, 1861—1918 гг. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1974.
Острогорский М. Я. Демократия и политические партии: В 2-х т. М.; Л., 1927—1930.
От Аляски до Огненной Земли / Редкол.: И. Р. Григулевич (отв. ред.) и др. М., 1967.
Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. / Редкол. Г. Н. Севостьянов (отв. ред.) и др. М., 1960.
Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963.
Политические партии США в новое время / Под ред. Н. В. Сивачева. М., 1981.
Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики, 1846—1848. М., 1962.
Радовский М. И. Вениамин Франклин, 1706—1790. М.; Л., 1965.
Рочестер А. Американский капитализм, 1607—1800. М., 1950.
Саймонс А. М. Социальные силы в американской истории. М., 1925.
Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. М., 1963.
Самохвалов Н. И. Возникновение критического реализма в литературе США (1830—1885). Краснодар, 1961.
Самохвалов Н. И. Американская литература XIX в.: (Очерк развития критического реализма). М., 1964.

Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М., 1976.
Слёзкин Л. Ю. У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606—1642. М., 1978.
Слёзкин Л. Ю. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630—1642. М., 1980.
Согрин В. В. Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980.
Стройк Д. Дж. Становление науки в США (со времен колонизации до гражданской войны). М., 1966.
Токвиль А. де. О демократии в Америке. М., 1897.
Тумаркин Д. Д. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., 1964.
Тумаркин Д. Д. Гавайский народ и американские колонизаторы, 1820—1865. М., 1971.
Уманский П. Б. Из истории борьбы негров США за свободу. Казань, 1963.
Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.
Фонер Ф. История рабочего движения в США... М., 1949—1969. Т. 1—4.
Фонер Ф. Рабочий класс и Американская революция. М., 1980.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.
Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.
Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л., 1978.
Чегодаев А. Д. Искусство США. М., 1976.
Ширяев Б. А. Политическая борьба в США, 1783—1801. Л., 1981.
Шлепаков А. Н. США: социальная структура общества и его национальный состав. Исторический очерк. Киев, 1976.
Шнеерсон Г. Американская песня. М., 1977.
Шпотов Б. М. Фермерское движение в США, 1780—1790-е годы. М., 1982.
Эстетика американского романтизма. М., 1977.
Юзефович И. С. Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки. М., 1941.
Яковлев Н. Н. Вашингтон. М., 1973.

Adams H. A History of the United States during the Administrations of Jefferson and Madison: Vol. 1—9. N. Y., 1930 (1st print.: 1889—1891).
Adams J. T. The Founding of New England. Boston, 1921.
American History. Retrospect and Prospect / Ed. by G. Billias, G. Grob. N. Y., 1971.
The American Revolution. Explorations in the History of American Radicalism / Ed. by A. F. Young. DeKalb, 1976.
The American Secretaries of State and Their Diplomacy: Vol. 1—10 / Ed. by S. F. Bemis. N. Y., 1927—1929.
Andrews Ch. M. The Colonial Period of American History: Vol. 1—4. New Haven, 1934—1938.
Aptheker H. American Negro Slave Revolts. N. Y., 1963 (1st print.: 1943).
Aptheker H. Essays in the History of the American Negro. N. Y., 1973 (1st print.: 1945).
Aptheker H. Early Years of the Republic. From the End of the Revolution to the First Administration of Washington (1783—1793). N. Y., 1976.
Ashley P. W. Modern Tariff History. L., 1920.
Bailey Th. A. A Diplomatic History of the American People. 10th ed. N. Y., 1980.
Bailyn B. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Mass.), 1967.
Bailyn B. The Ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge, 1974.
Bain R. C. Convention Decision and Voting Records. Wash., 1960.
Baldwin L. D. Whiskey Rebels. The Story of a Frontier Uprising. Pittsburg, 1939.
Bancroft G. History of the United States of America from the Discovery of the Continent: Vol. 1—10. Boston, 1834—1874.
Banning L. The Jeffersonian Persuasion. Evolution of a Party Ideology. Ithaca; London, 1978.
Barker E. C. Mexico and Texas, 1821—1835. N. Y., 1965 (1st print.: Dallas, 1928).
Barnery W. Flawed Victory. A New Perspective on the Civil War. N. Y., 1975.
Bartlett R. J. John C. Frémont and the Republican Party. N. Y., 1970.
Basset J. S. The Federalist System, 1789—1801. N. Y. 1906.
Bauer K. J. The Mexican War, 1846—1848. N. Y.; L., 1974.
Beard Ch. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1913.
Beard Ch. A. The Economic Origins of Jeffersonian Democracy. N. Y., 1927.
Beard Ch. A., Beard M. R. Rise of American Civilization: Vol. 1—4. N. Y., 1927—1942.
Becker C. L. History of Political Parties in the Province of New York, 1760—1776. N. Y., 1909.

Bedini S. A. Thinkers and Tinkers: Early American Men of Science. N. Y., 1975.
Bemis S. F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N. Y., 1949.
Bemis S. F. The Diplomacy of the American Revolution. Bloomington, 1957 (1st print.: N. Y., 1935).
Bemis S. F. Jay's Treaty. A Study in Commerce and Diplomacy. New Haven, 1962 (1st print.: N. Y., 1923).
Bemis S. F. Pinckney's Treaty: America's Advantage from Europe's Distress, 1783—1800. L., 1965.
Bemis S. F. A Diplomatic History of the United States. 5th ed. N. Y., 1965.
Benedict M. A Compromise of Principle. Congressional Republicans and Reconstruction 1863—1869. N. Y., 1974.
Benson L. The Concept of Jacksonian Democracy: New York as a Test Case. Princeton, 1961.
Bidwell P. W., Falconer J. I. History of Agriculture in the Northern United States, 1620—1860. N. Y., 1941.
Billington R. A. Westward Expansion: A History of American Frontier. N. Y., 1967.
Billington R. A. Land of Savagery, Land of Promise. N. Y., 1981.
Bishop J. L. A History of American Manufactures from 1608 to 1860: Vol. 1—3. Philadelphia, 1861—1868.
Bleyer W. G. Main Currents in the History of American Journalism. Boston, 1927.
Bogue A. G. From Prairie to Corn Belt. Chicago, 1963.
Bonomy P. U. A Factious People: Politics and Society in Colonial New York. N. Y., 1971.
Boorstin D. J. The Genius of American Politics. Chicago, 1953.
Boorstin D. J. The Americans: The Colonial Experience. N. Y., 1958.
Boorstin D. J. The Americans: The National Experience. N. Y., 1965.
Boorstin D. J. The Americans: The Democratic Experience. N. Y., 1973.
Borden M. Parties and Politics in the Early Republic, 1789—1815. L., 1968.
Brack G. M. Mexico Views Manifest Destiny, 1821—1846. Albuquerque, 1975.
Brackenridge H. M. History of the Western Insurrection in Western Pennsylvania, Commonly Called the Whiskey Insurrection, 1794. N. Y., 1969 (1st print.: Pittsburgh, 1859).
Bridenbaugh C. Early Americans. N. Y., 1981.
Brown R. A. The Presidency of John Adams. Lowrence (Kan.), 1975.
Bruchey S. The Roots of American Economic Growth, 1607—1861. N. Y., 1968.
Burt A. The United States, Great Britain and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812. New Haven, 1940.
Campbell N. P. Patrick Henry: Patriot and Statesman. N. Y., 1969.
Campball S. W. The Slave Catchers: Enforcement of the Fugitive Slave Law, 1850—1860. Chapel Hill, 1968.
Carrol J. Slave Insurrections in the United States, 1800—1865. Boston, 1938.
Channing E. A History of the United States of America: Vol. 1—6. N. Y., 1905—1925. Separated index volume. N. Y., 1932.
Channing E. The Jeffersonian System, 1801—1811. N. Y., 1968.
Clark Th. D. Frontier America: The Story of the Western Movement. N. Y., 1959.
Cochran Th. C. Frontiers of Change: Early Industrialization in America. N. Y., 1981.
Cole A. H. The American Wool Manufacture: Vol. 1, 2. Cambridge, 1926.
Combs J. A. The Jay Treaty. Political Battle-ground of the Founding Fathers. Berkeley, 1970.
Commons J. R. e. a. History of Labor in the United States: Vol. 1—4. N. Y., 1918—1935.
Connor S. V., Faulk O. B. North America Divided. The Mexican War 1846—1848. N. Y., 1971.
Conrad A. H., Meyer J. R. The Economics of Slavery and other Studies in Econometric History. Chicago, 1964.
Cooper W. J., Jr. The South and the Politics of Slavery, 1828—1856. Baton Rouge, 1978.
Cornish D. The Sable Arm: Negro Troops in the Union Army, 1861—1865. N. Y., 1956.
Crandell A. W. The Early History of the Republican Party, 1854—1856. Gloucester, 1960.
Craven A. The Coming of the Civil War. Chicago, 1957.
Crook D. P. The North, the South, and the Powers, 1861—1865. N. Y. etc., 1974.
Cruden R. The War that Never Ended. The American Civil War. Englewood Cliffs (N. J.), 1973.
Cunningham N. E., Jr. The Jeffersonian Republicans. The Formation of Party Organization, 1789—1801. Chapel Hill, 1957.
Curti M. The Making of an American Community. Stanford, 1959.

Dangerfield G. The Era of Good Feelings. N. Y., 1952.
Dangerfield G. The Awakening of American Nationalism, 1815—1828. N. Y., 1965.
Davis D. B. The Problem of Slavery in Western Culture. Ithaca, 1966.
Davis D. B. The Problem of Slavery in the Age of Revolution, 1770—1823. Ithaca, 1975.
Davis J. S. Essays in the Earlier History of American Corporations: Vol. 1, 2. Cambridge, 1917.
Davis W. W. H. The Fries' Rebellion, 1798—1799. N. Y., 1969 (1st print.: Doylestown (Penn.), 1899).
DeConde A. A History of American Foreign Policy: Vol. 1, 2. N. Y., 1978.
Did Slavery Pay? Readings in the Economics of Black Slavery in the United States / Ed. by H. G. J. Aitken. N. Y., 1971.
Dillon M. L. The Abolitionists: The Growth of a Dissenting Minority. DeKalb, 1974.
Dissent. Exploration in the History of American Radicalism / Ed. by A. F. Young. DeKalb, 1968.
Donald D. The Politics of Reconstruction, 1863—1867. Nashville (Tenn.), 1965.
DuBois W. Black Reconstruction. N. Y., 1937.
Eaton C. The Growth of Southern Civilization, 1790—1860. N. Y., 1961.
The Economic Impact of the American Civil War / Ed. by R. L. Andreano. Cambridge, 1962.
Egan F. Frémont Explorer for a Restless Nation. Garden City, 1977.
Ellis R. E. The Jeffersonian Crisis: Courts and Politics in the Young Republic. N. Y., 1971.
Ernst J. A. Money and Politics in America, 1755—1775. Chapel Hill, 1973.
Essays on the American Revolution / Ed. by S. G. Kurtz, J. H. Hutson. Chapel Hill, 1973.
Feldberg M. The Philadelphia Riots of 1844. Westport, 1975.
Ferris N. Desperate Diplomacy: William H. Seward's. Foreign Policy, 1861. Knoxville, 1976.
Ferguson E. J. The Power of the Purse. A History of American Public Finance, 1776—1790. Chapel Hill, 1961.
Ferguson E. J. The American Revolution: A General History, 1763—1790. Homewood, 1979.
The First Party System: Federalists and Republicans / Ed. by W. N. Chambers. N. Y.; L., 1972.
Fishlow A. American Railroads and the Transformation of the American Economy. Cambridge (Mass.), 1965.
Fiske J. The Critical Period of American History, 1783—1789. Boston; New York, 1888.
Fogel R. W. Railroads and American Economic Growth. Baltimore, 1964.
Fogel R. W., Engerman S. L. Time of the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Boston; Toronto, 1974.
Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Man: The Ideology of the Republican Party before the Civil War. N. Y., 1970.
Foner E. Politics and Ideology in the Age of the Civil War. N. Y., 1980.
Foner Ph. Business and Slavery. The New York Merchants and the Irrepressible Conflict. N. Y., 1968.
Foner Ph. S. Women and the American Labor Movement: From Colonial Times to the Eve of World War I. N. Y., 1979.
Freeman D. S. George Washington. A Biography: Vol. 1—7. N. Y., 1948—1957.
Gates P. W. The Farmer's Age: Agriculture, 1815—1860. N. Y., 1960.
Genovese E. D. The Political Economy of Slavery. N. Y., 1965.
Genovese E. The World the Slaveholders Made. L., 1970.
Gipson L. H. The British Empire before the American Revolution: Vol. 1—15. N. Y., 1936—1969.
Gipson L. H. The Coming of the Revolution. N. Y., 1954.
Gray L. S. History of Agriculture in the Southern United States to 1860: Vol. 1, 2. N. Y., 1961 (1st print.: Wash., 1933).
Gunderson G. A New Economic History of America. N. Y., 1976.
Habakkuk H. J. American and British Technology in the Nineteenth Century. 1962. Cambridge (England), 1962.
Hacker L. M. The Course of American Economic Growth and Development. N. Y., 1970.
Hammond B. Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War. Princeton, 1957.
Handlin O. The Uprooted. Boston, 1952.
Handlin O. Boston's Immigrants. N. Y., 1968 (1st print.: Cambridge, 1941).
Hansen M. L. The Atlantic Migration, 1607—1860. Cambridge (Mass.), 1941.

Harris M. Origin of the Land System on the United States. Ames, 1953.
Hartz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution. N. Y., 1955.
Hassler W. General George B. McClellan: Shield of the Union. Westport (Conn.), 1974.
Henretta J. A. The Evolution of the American Society, 1700—1815. An Interdisciplinary Analysis. Lexington, 1973.
Hibbard B. H. A History of the Public Land Policies. N. Y., 1924.
Higham J. Writing American History. Bloomington, 1970.
Higginbotham D. The War of American Independence: Military Attitudes, Policies and Practice, 1763—1789. N. Y., 1971.
Hildreth R. The History of the United States: Vol. 1—6. N. Y., 1849—1856.
A History of the American Life: Vol. 1—13 / Ed. by A. M. Schlesinger, D. R. Fox. N. Y., 1927—1948.
Hofstadter R. The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y., 1968.
Hofstadter R. e. a. The United States: Vol. 1, 2. 3rd ed. N. Y., 1970.
Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1973 (1st print.: 1948).
Holt M. F. The Political Crisis of the 1850's. N. Y., 1978.
Horner H. H. Lincoln and Greeley. Westport, 1971.
Hugins W. Jacksonian Democracy and the Working Class. Stanford, 1960.
Hutson J. H. John Adams and the Diplomacy of the American Revolution. Lexington, 1980.
Isely G. A. H. Greeley and the Republican Party, 1853—1861. N. Y., 1965 (1st print.: 1947).
Jacob M. Price Capital and Credit in British Overseas Trade. The View from the Chesapeake, 1700—1776. Cambridge, 1980.
Jameson J. F. The American Revolution Considered as a Social Movement. Boston, 1956 (1st print.: 1926).
Jensen M. The New Nation. A History of the United States during the Confederation, 1781—1789. N. Y., 1950 (reprint.: 1967).
Jensen M. The Founding of a Nation: A History of the American Revolution, 1763—1776. N. Y., 1968.
Jensen M. The American Revolution within America. N. Y., 1974.
Johnson E. e. a. History of Domestic and Foreign Commerce of the United States: Vol. 1, 2. Wash., 1922.
Jordan W. D. White over Black: American Attitude Toward the Negro, 1550—1812. Chapel Hill, 1968.
Kaplan L. S. Jefferson and France. An Essay on Politics and Ideals. New Haven (Conn.), 1967.
Kleeberg G. S. The Formation of the Republican Party as a National Organization. N. Y., 1970 (1st print.: 1911).
Korngold R. Two Friends of Man: The Story of William Lloyd Garrison and Wendell Phillips and their Relationship with Abraham Lincoln. Boston, 1950.
Lee S. P., Passel P. A New Economic View of American History. N. Y., 1979.
Lemon J. T. The Best Poor Man's Country. Baltimore, 1972.
Link E. P. Democratic-Republican Societies, 1790—1800. N. Y., 1942.
Litwack L. Been in the Storm so Long. N. Y., 1979.
Lockey J. B. Pan-Americanism: Its Beginnings. N. Y., 1920.
Logan J. A., Jr. No Transfer: An American Security Principle. New Haven, 1961.
Lord E. L. Industrial Experiments in the British Colonies of North America. N. Y., 1969.
Lynd S. Class Conflict, Slavery and the United States Constitution: Ten Essays. Indianapolis, 1967.
Maier P. From Resistance to Revolution. Colonial Radicals and the Development of American Opposition to Britain, 1765—1776. N. Y., 1972.
Main J. T. The Antifederalists: Critics of the Constitution, 1781—1788. Chapel Hill, 1961.
Main J. T. The Social Structure of Revolutionary America. Princeton, 1965.
Main J. T. The Upper House in Revolutionary America, 1763—1788. Madison, 1967.
Main J. T. Political Parties before the Constitution. N. Y., 1973.
Main J. T. The Sovereign States, 1775—1783. N. Y., 1973.
Malone D. Jefferson and His Time: Vol. 1—5. Boston, 1948—1974.
Manning W. R. Early Diplomatic Relations between the United States and Mexico. Baltimore, 1916.
Mansfield E. D. The Mexican War. N. Y., 1848.
Mark I. Agrarian Conflict in Colonial New York, 1711—1775. N. Y., 1940.

Mason J. A Brief History of the Peguot War. Ann Arbor, 1966.
May E. R. The Making of the Monroe Doctrine. Cambridge (Mass.), 1975.
McCormick R. P. The Second American Party System. Chapel Hill, 1966.
McCrary P. Abraham Lincoln and Reconstruction. The Louisiana Experiment. Princeton (N. J.), 1978.
McFarlin A. Black Congressional Reconstruction Orators and their Orations, 1869—1879. Metuchen (N. J.), 1976.
McMaster J. B. A History of the People of the United States from the Revolution to the Civil War: Vol. 1—8. N. Y.; L., 1924—1936.
Meade R. D. Patric Henry: Practical Revolutionary. Philadelphia, 1969.
Merk F. The Oregon Question. Cambridge (Mass.), 1967.
Merk F. Slavery and the Annexation of Texas. N. Y., 1972.
Miller J. C. Alexander Hamilton: Portrait in Paradox. N. Y., 1959.
Miller J. C. The Federalist Era, 1789—1801. N. Y., 1960.
Miller J. C. Origins of the American Revolution. Stanford, 1966 (1st print.: Boston, 1943).
Miller J. C. The Wolf by the Ears. Thomas Jefferson and Slavery. N. Y., 1977.
Mohr J. The Radical Republicans and Reform in New York during Reconstruction. Ithaca; London, 1973.
Morgan E. S. The Birth of Republic, 1763–1789. N. Y., 1956.
Morgan E. S. and *H. M.* The Stamp Act Crisis. N. Y., 1962.
Morison S. E. The Oxford History of the American People. N. Y., 1965.
Morison S. E., Commager H. S., Leuchtenberg W. E. The Growth of the American Republic: Vol. 1, 2. N. Y., 1969 (1st print.: 1930).
Morris R. B. Government and Labor in Early America. N. Y., 1946.
Morris R. B. The Peacemakers: the Great Powers and American Independence. N. Y., 1965.
Morris R. B. The American Revolution Reconsidered. N. Y., 1967.
Nash G. B. Class and Society in Early America. Englewood Cliffs (N. J.), 1970.
Nash H. Andrew Johnson: Congress and Reconstruction. Cranbury (N. J.), 1972.
Nettels C. P. Roots of the American Civilization. N. Y., 1946.
Nettels C. P. The Emergence of a National Economy, 1775—1815. N. Y., 1962.
Nevins A. The War for the Union: Vol. 1—4. N. Y., 1959—1971.
Nevins A. American Press Opinion. Port Washington, 1969.
New Frontiers of the American Reconstruction / Ed. by H. Hyman. Urbana, 1966.
North D. C. The Economic Growth of the United States, 1790—1860. N. Y., 1961.
North D. Growth and Welfare in the American Past. N. Y., 1966.
Oberman K. Joseph Weydemeyer: Pioneer of American Socialism. N. Y., 1947.
Osgood H. L. The American Colonies in the Seventeenth Century: Vol. 1—3. Gloucester, 1957 (1st print.: N. Y., 1904—1907).
Osgood H. L. The American Colonies in the Eighteenth Century: Vol. 1–4. Gloucester. 1958 (1st print.: N. Y., 1924—1925).
Oubre C. Forty Acres and a Mule. The Freedmen's Bureau and Black Land Ownership. Baton Rouge; London, 1978.
Parish P. J. The American Civil War. N. Y., 1975.
Pease H. J., Pease W. H. The Fugitive Slave Law and Antony Burns: a Problem in Law Enforcement. N. Y., 1967.
Perkins B. Prologue to War: England and the United States 1805—1812. Berkeley, 1961.
Perkins B. Castlereagh and Adams: England and the United States, 1812—1823. Berkeley, 1964.
Perkins D. The Monroe Doctrine, 1823—1826. Cambridge, 1927.
Perkins D. The Monroe Doctrine, 1826—1867. Baltimore (Mass.), 1933.
Perkins D. The Monroe Doctrine, 1867—1907. Baltimore, 1937.
Perkins D. A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1963.
Perkins D., Van Deusen G. G. The United States of America: A History. 2nd ed.: Vol. 1, 2. N. Y., 1968.
Perkins E. J. The Economy of Colonial America. N. Y., 1980.
Perman M. Reunion without Compromise. The South and Reconstruction, 1865—1868. Cambridge, 1973.
Pessen E. Riches, Class, and Power before the Civil War. Lexington, 1973.
Philbrick F. S. The Rise of the West, 1754—1830. N. Y., 1965.
Phillips U. B. American Negro Slavery. N. Y., 1918.
Pletcher D. M. The Diplomacy of Annexation. Columbia, 1973.
Potter D. The Impending Crisis, 1848—1861. N. Y., 1976.

Poulson B. Value-added in Manufacturing, Mining, and Agriculture in the American Economy from 1809 to 1839. N. Y., 1975.
Pratt J. The Expansionists of 1812. Gloucester. 1957.
Prucha F. P. The Sword of the Republic. The United States Army on the Frontier, 1783—1846. L., 1969.
Quarles B. The Negro in the Civil War. Boston, 1953.
Randall J. Lincoln the President: Vol. 1—4. N. Y., 1945.
The Reinterpretation of American Economic History / Ed. by R. W. Fogel. S. L. Engerman. N. Y., 1971.
The Reinterpretation of the American Revolution, 1763—1789 / Ed. by J. P. Greene. N. Y., 1968.
Remini R. V. The Election of Andrew Jackson. N. Y., 1963.
Remini R. V. Andrew Jackson and the Bank War: A Study in the Growth of Presidential Power. N. Y., 1967.
Remini R. V. Andrew Jackson and the Course of American Empire, 1761–1821. N. Y., 1977.
Remini R. V. Andrew Jackson and the Course of American Freedom, 1822—1832. N. Y., 1981.
Rhodes J. F. History of the United States from the Compromise of 1850: Vol. 1—7. N. Y., 1893—1906.
Risjord N. K. The Old Republicans: Southern Conservatism in the Age of Jefferson. N. Y., 1965.
Rogin M. P. Fathers and Children: Andrews Jackson and the Subjugation of the American Indian. N. Y., 1975.
The Role of Ideology in the American Revolution / Ed. by J. R. Howe, Jr. N. Y., 1970.
Rothbard M. N. The Panic of 1819: Reactions and Policies. N. Y., 1962.
Sandburg C. Abraham Lincoln: The War Years: Vol. 1—4. N. Y., 1939—1940.
Schlesinger A. M. Prelude to Independence. The Newspaper War on Britain, 1764—1776. N. Y., 1966.
Schlesinger A. M. The Birth of a Nation. N. Y., 1968.
Schlesinger A. M., Jr. The Age of Jackson. Boston, 1945.
Schlüter H. Lincoln, Labor and Slavery. N. Y., 1913.
Schroeder J. H. Mr. Polk's War. Madison, 1973.
Seitz D. C. Horace Greeley — Founder of «The New York Tribune». N. Y., 1970.
Shade W. G. Banks or No Banks: The Money Issue in Western Politics, 1832—1865. Detroit, 1972.
Shannon F. A. The Farmer's Last Frontier: Agriculture, 1860—1897. N. Y., 1945.
Shannon F. A. America's Economic Growth. N. Y., 1947.
Shy J. Toward Lexington. The Role of the British Army in the Coming of the American Revolution. Princeton, 1975.
Silbey J. H. The Shrine of Party: Congressional Voting Behavior, 1841–1852. Pittsburgh, 1967.
Simmons R. S. The American Colonies from Settlement to Independence. L., 1976.
Smith J. H. The War with Mexico: Vol. 1, 2. N. Y., 1919.
Smith J. H. The Annexation of Texas. N. Y., 1941.
Smith T. Parties and Slavery. N. Y., 1906.
Stampp K. M. The Peculiar Institution: Slavery in the Ante-Bellum South. N. Y., 1956.
Stampp K. M. The Imperiled Union: Essays on the Background of the Civil War. N. Y., 1980.
Stevens S. K. American Expansion in Hawaii, 1842—1898. Harrisburg, 1945.
Stinchcombe W. C. The American Revolution and the French Alliance. N. Y., 1969.
Stourzh G. Benjamin Franklin and American Foreign Policy. Chicago, 1954.
Stourzh G. Alexander Hamilton and the Idea of Republican Government. Stanford (Cal.), 1970.
Stout J. A. The Liberators Filibustering Expeditions into Mexico 1848—1862 and the Last Thrust of Manifest Destiny. Los Angeles, 1973.
The Structure of the Cotton Economy of the Antebellum South / Ed. by W. Parker. Wash., 1970.
Swierenga R. P. Pioneers and Profits: Land Speculation on the Iowa Frontier. Ames, 1968.
Szatmary D. P. Shays' Rebellion: The Making of an Agrarian Insurrection. Amherst (Mass.), 1980.
Taylor C. C. The Farmer's Movement, 1620—1920. N. Y., 1953.
Taylor G. R. The Transportation Revolution, 1815—1850. N. Y., 1951.

Taylor R. J. Western Massachusetts in the Revolution. Providence, 1954.
Temin P. Iron and Steel in Nineteenth-Century America: An Economic Inquiry. Cambridge (Mass.), 1964.
Towards a New Past: Dissenting Essays in American History / Ed. by B. J. Bernstein. N. Y., 1968.
Trelease A. White Terror. The Ku Klux Klan Conspiracy and Southern Reconstruction. N. Y., 1971.
Turner F. J. Rise of the New West, 1819—1829. N. Y., 1906.
Turner F. J. The United States, 1830—1850: The Nation and Its Sections. N. Y., 1950.
Van Deusen G. G. The Jacksonian Era, 1828—1849. N. Y., 1959.
Van Deusen G. G. Horace Greeley — XIXth Century Crusader. N. Y., 1964.
Van Doren C. Secret History of the American Revolution. N. Y., 1968.
Van Vleck G. W. The Panic of 1857. N. Y., 1943.
Wade R. The Urban Frontier: The Rise of Western Cities, 1790—1830. Cambridge (Mass.), 1959.
Walker P. Moral Choices. Baton Rouge, 1978.
Walton G. Fealess and Free: The Seminole Indian War, 1835—1842. Indianapolis; New York, 1977.
Walton G. M., Shepherd J. F. The Economic Rise of Early America. Cambridge, 1979.
Ward Ch. The War of the Revolution: Vol. 1, 2. N. Y., 1952.
Washburn W. E. The Indian in America. N. Y., 1975.
Weinberg A. K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935.
Wertenbaker Th. J. Tochbearer of the Revolution: the Story of Bacon's Rebellion and Its Leader. Princeton, 1940.
Wesley Ch. Negro Labor in the United States, 1850—1925. A Study in American Economic History. N. Y., 1927.
Wesley Ch. Pomero P. Negro Americans in the Civil War. From Slavery to Citizenship. N. Y., 1969.
White J. Reconstruction after the American Civil War. L., 1977.
Williams M. W. Anglo-American Isthmian Diplomacy, 1815—1915. Gloucester, 1965 (1st print.: 1916).
Williams W. A. The Contours of American History. Chicago, 1966.
Williams W. A. The Roots of the Modern American Empire. N. Y., 1969.
Williamson C. American Suffrage from Property to Democracy, 1760—1860. Princeton, 1960.
Winter D. L. Farmers without Farms: Agricultural Tenancy in Nineteenth-Century Iowa. Westport, 1978.
Wood G. S. The Creation of the American Republic, 1776—1787. Chapel Hill, 1969.
Woodward C. V. Reunion and Reaction. Boston, 1966 (1st print.: 1916).
Wright G. The Political Economy of the Cotton South. N. Y., 1978.
Wright L. The Cultural Life of the American Colonies, 1607—1763. N. Y., 1957.
Yoakum H. K. History of Texas: Vol. 1, 2. N. Y., 1855. (repr.: Austin, 1935).
Young A. F. The Democratic Republicans of New York. The Origins, 1763—1797. Chapel Hill, 1967.
Zinn H. A People's History of the United States. N. Y., 1980.
Zuckerman M. Peaceful Kingdoms: New England Towns in Eighteenth Century. N. Y., 1970.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ США

ТОМ ПЕРВЫЙ

1607—1877

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. БЕЛЕНЬКАЯ
Художник Е. А. МИХЕЛЬСОН
Художественный редактор Н. Н. ВЛАСИК
Художественно-технический редактор
Т. В. ПОЛЯКОВА
Корректор
Г. Г. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ

ИБ № 26509

Сдано в набор 14.06.83
Подписано к печати 14.09.83
Т-15861. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 53,5. Уч.-изд. л. 59,2. Усл. кр. отт. 57,2
Тираж 30 000 экз. Тип. зак. 2951
Цена 4 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

